М. Френкин

РУССКАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

1917—1918

1978

М. Френкин

РУССКАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1918

RUSSIAN ARMY AND REVOLUTION 1917—1918

by

M. Frenkin

Published for
LOGOS — MUNICH — 1978

М. Френкин

РУССКАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

1917—1918

1978

© All Right Reserved by Autor

Druck: „Logos“ GmbH, Buchdruckerei u. Verlag,
Bothmerstr. 14, 8000 München 19

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Введение		VII
Глава I.	Вопросы подготовки России к первой мировой войне. Экономическое положение тыла страны и состояние армии в 1914—1916 гг.	1
Глава II.	Победа великой Февральской революции в Петрограде и роль Петроградского гарнизона в свержении царизма. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и значение его деятельности в революционизировании армии . . .	33
Глава III.	Солдаты фронта в ходе Февральской революции. Возникновение комитетов и политические партии	69
Глава IV.	Планы командования. Состояние действующей армии и обстановка в военных округах. Политические цели большевиков в проведении братания и его шпионско-диверсионные результаты в интересах противника. Хозяйственная разруха и положение солдат. Рост национально-освободительного движения в армии. Июньский заговор большевиков (март—июнь 1917 года) . .	183
Глава V.	Кризис резервов и июньско-июльское наступление русской армии. Военные и политические результаты провала наступления. Июльский мятеж большевиков	305
Глава VI.	Русская армия в период разгара общенационального кризиса. Усиление хозяйственной разрухи в стране и значение этого фактора для фронта.	

Стр.

Дальнейший рост национально-освободительного движения и солдатско-аграрных выступлений. Последствия провала Корниловского движения в армии (июль—октябрь 1917 года) . . 385

Глава VII. Успех большевистского Октябрьского переворота в Петрограде и его важнейшие политические последствия на фронте. Роль Петроградского гарнизона в Октябрьские дни. Военно-революционные комитеты на фронте. Национально-освободительное движение на последнем этапе существования армии. Окончательный распад армии и Брестский мир (октябрь 1917 — март 1918 годов) 559

Список сокращений, официально употреблявшихся в военном Ведомстве России в 1917—1918 гг. и в документах выборных солдатских организаций 741

ВВЕДЕНИЕ

Крупнейшие социальные и политические потрясения и революции в жизни многих наций как в предшествующий период, так и в настоящее время не могут быть изучены и оценены по достоинству без учета роли армии в ходе политической борьбы, удачных и неудачных попыток партий воздействовать на армию, без усилий завоевать и привлечь ее на свою сторону.

Изучение сложного процесса перехода власти в руки армии в результате удавшихся военных переворотов в более чем 30 современных странах трех континентов — Азии, Латинской Америки, Африки, и роли армии в гражданской войне в Испании в 30-е годы, а также в Португалии и в других странах тесно связано, в научном отношении, с учетом и пониманием роли русской армии в Великой Февральской революции и в большевистском октябрьском перевороте 1917 г.

Глубокое изучение роли армии в политической жизни новых государств только началось, как за железным занавесом так и в свободном мире, и оно не дошло еще до стадии соответствующих увязок и обобщений на базе предшествующего опыта изучения роли армии, и в частности русской армии в 1917 г.[1]

Автор настоящей работы ставит целью показать решающую роль русской армии в проведении и в ходе Великой Февральской революции и большевистского переворота в 1917 г. и осветить по мере своих сил последствия революции в действущих соединениях в армии и частично в гарнизонах, вскрыть причины невозможности дальнейшего ведения войны солдатско-крестьянской массой страны в целом в 1917 г., проследить процессы распада и разложения армии в ходе революции на фронтах, каждый из которых обладал своей спецификой В перечисленный комплекс важнейших вопросов входит и кризис резервов, изучение национально-освободительного движения в армии многонацио-

---

[1] The Rolle of the Military in Underveioped Counries. Ed. by Jonson J. Printed 1962. La Rolle extra-Militaere de L'armée dans le tiers Monde. Paris, 1966. Pasierbiński T. Afryka i gienerałowie. W., 1966.

Г. И. Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970; Ю. А. Антонов. Бразилия. Армия и политика. М., 1973; А. Ф. Шульговский. Латинская Америка. Армия и освободительное движение. М., 1972 и другие.

нальной России, которое стало серьезнейшим фактором в ходе революции, и неразрывно связано и неотделимо от всех перечисленных кардинальных вопросов, внесенных революцией в армию.

При изучении как перечисленных, так и других важных вопросов состояния русской армии на этапах революции, автор, естественно, использовал разнообразные накопившиеся материалы советской историографии — от мемуаров вплоть до опубликованных документальных подборок, сборников документов и исследований по рассматриваемому вопросу. Однако охватить полностью эти материалы, даже в разрезе темы, не представляется возможным, так как работы о русской революции и вопросы, непосредственно с ней связанные, насчитывают десятки тысяч изданий, которые в СССР еще более количественно выросли в связи с ленинским юбилеем 1970 г. Все же, советская действительность, как это ни парадоксально, бросает исследователю спасательный круг, так как почти для всей советской историографии от начала господства сталинщины и по сей день характерно дублирование друг друга и параллелизм, которые дают историку возможность ухватиться за основное историографическое звено.

Много ценного материала дала советская историография 20-х годов, хотя и ограниченная партийными догмами, но еще свободная от сталинских пут. В это время были написаны воспоминания многих видных деятелей — большевиков и небольшевиков — непосредственных участников революции. Научная ценность этих материалов, несмотря на наличие в них обязательного партийного шаблона в оценке происходившего, состоит в том, что написаны они были по горячим еще следам событий и сочетали в себе мемуары и исследовательский момент в освещении ряда проблем. Западноевропейская и американская историография по справедливости отдает должное научному значению этих воспоминаний и изданиям 20-х годов. В этих изданиях сравнительно верно освещен ход событий революции вообще и отражение его в армии. Мало того, некоторые западные историки квалифицируют 20-е годы как «золотой век» советской историографии русской революции. Далеко не случайно исследователь национального вопроса в России Р. Пайпс в своем труде, в разделе об октябрьской революции на Украине, сослался главным образом на работы, вышедшие в 1917—1923 гг. (54 из 63).[2] В журналах «Красноармеец», «Красная Летопись», «Летопись Революции» (Харь-

[2] Osteuropa Institut an den Freien Universität. Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Band 12. Berlin, 1967. Die Rolle der Russischen Armee in revolutionären Machtkampf 1917. SS. 6, 47. R. Pipes. The formation of the Soviet Unien. Communism and Nationalism. 1917—1923. Cambridge, 1964, pp. 306, 312—315.

ков), «Война и Революция», «Пролетарская Революция» и др. было уделено много места воспоминаниям большевистского актива.[3]

В эти же годы отдельными изданиями выходят воспоминания как деятелей большевиков, так и их попутчиков, в которых шире и более многопланово освещаются проблемы революции в армии. Эти попутчики высказывают взгляды, расходящиеся с официальной большевистской оценкой событий (В. Шкловский, Г. Чемоданов и др.). Особый интерес представляют воспоминания В. Шкловского, очевидца революции, который дает блестящие и верные зарисовки событий на фронте, свободные от большевистской догмы.[4]

В 1923—1927 гг. появляются мемуары А. Г. Шляпникова (Беленина), видного руководителя русского бюро ЦК большевиков и члена Исполкома Петроградского Совета в 1917 г. Значение воспоминаний Шляпникова заключается в том, что этот активный деятель революции и очевидец, уже сделал попытку, хотя и в бессистемном виде, внести на базе фактов определенные, довольно верные, обобщения о роли большевиков весной 1917 г. Он характеризует солдатскую массу, ее оборонческие тенденции, говорит о солдатских делегациях, о наступлении, некомплекте в армии. Значимость мемуаров А. Шляпникова повышается в связи с наличием в издании документальных приложений, не

---

[3] В. А. Антонов-Овсеенко. В Октябрьские дни. «Красноармеец», 1919, № 10—15; О. А. Варенцова. Военное бюро при Московском Комитете РСДРП(б), в сб. «От Февраля к Октябрю», вып. I. М., 1923; П. Е. Дыбенко. Великий Октябрь. «Военный Вестник», 1927, № 41; А. Ф. Ильин-Женевский. Воспоминания об Октябрьских днях 1917 г. в армии. «Красная Летопись», 1923, №6; М. С. Кедров. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б). «Пролетарская Революция», 1927, № 7; Н. В. Крыленко. Февральская революция и старая армия. «Пролетарская Революция», 1927, № 2—3; К. А. Мехоношин. От захвата власти до овладения аппаратом. «Война и Революция», 1928, №2; В. И. Невский. Военная организация и Октябрьская революция. «Красноармеец», 1919, № 10—15; Н. И. Подвойский. Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный Комитет в 1917 г. «Красная Летопись», 1923, № 6, 8; И. Т. Смилга. Историческая ночь. «Красноармеец, 1919, № 10—15.

[4] П. Е. Дыбенко. Мятежники. М., 1923; Я. Каленицкий. От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. Х., 1924; В. Кнорин. 1917 г. в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 г. М.–Л., 1925; А. Ф. Ильин-Женевский. От Февраля к захвату власти. Л., 1927; П. Е. Дыбенко. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1928; И. И. Ульянов. Казаки и Советская Республика. М.—Л., 1929; Оськин. Записки прапорщика. М., 1931; Октябрьская Революция. Первое пятилетие. Харьков, 1922; В. Шкловский. Революция и фронт. П., 1921 и др.

вошедших в текст.[5] Особую и неоспоримую научную ценность представляют 7 томов «Записок о революции» блестящего публициста, меньшевика-интернационалиста по партийным взглядам, аграрника и экономиста, члена Исполкома Петроградского Совета в 1917 г. Н. Н. Суханова (Гиммера). Можно с полным основанием утверждать, что при изучении сложных вопросов русской революции в целом, роли солдат Петроградского гарнизона и ряда проблем, относящихся к армии, политическим партиям, «Записки» информированного наблюдателя и активного деятеля революции Н. Суханова не могут быть обойдены в работе исследователя.[6] Нападки и ярлыки представителей неосталинской историографии в отношении Н. Суханова как раз свидетельствуют о правдивости ряда суждений автора «Записок».[7]

В это же время появились первые очерки о революции в русской армии, сравнительно скудные по привлеченному материалу и узкие по своей проблематике, так как в указанное время еще не был накоплен достаточный фактический материал.[8] В эти же годы вышли в свет из печати монографии двух бывших генералов старой армии А. А. Маниковского и А. М. Зайончковского, давших в распоряжение исследователей русской армии значимый фактический материал и научно обоснованные выводы по ряду вопросов положения и деятельности армии в войну 1914—1918 годов. Ген. А. А. Маниковский впервые сделал попытку обобщения вопросов боевого снабжения русской армии, констатировал неоспоримый факт срыва поставок в армию вооружения и боеприпасов и обоснованно усмотрел срыв материально-технического снабжения в «общих условиях» социально-экономического положения России. Книга ген. А. М. Зайончковского, несмотря на обвинения ее советской критикой в аполитичности, все же серьезно помогает исследователю русской армии проследить полити-

---

[5] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. 1, 2, 3. М.—П., 1923—1927.

[6] Н. Суханов. Записки о революции. Книги 1—7. Берлин—Петроград—Москва, 1922—1923.

[7] См. И. И. Минц. История Великого Октября. М., 1967, т. I, стр. 586: «Суханов, изображающий себя чуть ли не организатором революции... мещанин, наблюдавший Февральскую революцию из форточки», «видный соглашатель» и т. п. Гибель Н. Н. Суханова, А. Г. Шляпникова в сталинских застенках в 30-х гг. привела к уничтожению принадлежавших им важных для истории революции материалов.

[8] Т. Драудин. Рижский фронт в октябре 1917 г. (Факты и документы). М., 1922; Г. Лелевич. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922; Р. Эйдеман и В. Меликов. Армия в 1917 году. М.—Л., 1927; А. Буйский. Военная подготовка Октября. М.—Л., 1927; Е. И. Мартынов-Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927 и др.; Е. И. Мартынов. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927.

ческую картину боевой деятельности армии в кампанию 1917 г., что обосновано А. М. Зайончковским на привлечении большого количества архивных материалов.[9] В 1925 г. значительно пополнился документальный арсенал для исследования состояния русской армии в 1917 г. Выход в свет документального сборника «Разложение армии в 1917 году» явилось первым серьезным систематизированным собранием ряда архивных документов об армии за период февраль—октябрь 1917 г., подбор которых был куда менее тенденциозен, чем последующие подборки 70-х годов.

В этом же году увидел свет сборник «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах), который содержит отдельные статистические сведения из дел бывшей Ставки, Особого Совещания по Обороне и Генерального штаба. Хотя эти сведения страдают неполнотой, разрозненны и отрывочны, часто противоречивы и скудны, все же материалы сборника верно отражают тенденцию движения и направления процесса состояния армии. Ряд ценных материалов по Кавказскому фронту увидел свет в сборнике документов, составленном С. Е. Сефом в 1927 г., а по украинскому национально-освободительному движению много интересных сведений включает хроника событий — «1917 год на Киевщине».[10]

В журналах в 1923—1927 гг. были опубликованы подборки документов, хотя и существенные в научном отношении, но носящие односторонний характер, что выразилось, например, в тенденциозной подборке солдатских писем и т. д.[11]

В канун 10-летия большевистского переворота появился ряд статей, относящийся к некоторым вопросам роли армии в ходе революции, вышедший из-под пера М. Н. Покровского, А. Г. Шляпникова, С. Е. Рабиновича, В. Лейкиной и др.[12] По сугубо партий-

---

[9] Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг., ч. I. Составил А. А. Маниковский. М., 1920; А. М. Зайончковский. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. VII; Кампания 1917 г. М., 1923.

[10] Разложение в армии в 1917 году. Сб. документов. М., 1925; Россия в мировой войне 1914—1918 годы (в цифрах). М., 1925; С. Е. Сеф. Революция 1917 г. в Закавказье. Док. и мат. Тифлис, 1927; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. К., 1928.

[11] На фронте в предоктябрьские дни. «Красная Летопись», 1923, № 6; Роль Петроградского гарнизона в октябрьские дни. «Красная Летопись», 1923, №6; Настроения армии накануне Октябрьского переворота (письма солдат с фронта). «Красная Летопись», 1925, № 2; Верховное командование в первые дни революции. «Красный Архив», 1924, т. 5; Революция на фронте. «Летопись Революции», 1925, № 1; Октябрь на фронте. «Красный Архив», 1924, тт. 4, 5; Накануне перемирия. «Красный Архив», 1927 , т. 4.

[12] М. Н. Покровский. Большевики и фронт в октябре-ноябре 1917 г. «Красная Новь», 1927, №11; Я. А. Яковлев. Армия перед Октябрем. «Красная Новь», 1924, № 7—8; А. Г. Шляпников. Июньское наступление. «Пролетарская Революция», 1926, № 3; Его же: Июль на фронте. «Пролетарская

ным соображениям, некоторые авторы этих статей уходят в сторону от щекотливых, негативных с их точки зрения, вопросов, таких, как национальное освободительное движение в армии, от правильного освещения роли навязанных армии ВРК, действительной сущности братания и т. п.

В результате массовых партийных чисток, разгрома оппозиции, в обстановке провокационного т. н. Шахтинского дела в начале 1928 г., «суда» над промпартией и «раскрытия» т. н. «Трудовой Крестьянской партии» в 1930 г. и, наконец, создания «дела» «Союзного бюро меньшевиков» в 1931 г., над страной распростерла, говоря словами поэта, «свои совиные крыла» сталинщина, в результате чего под сапогом недоучившегося грузинского семинариста оказались все стороны жизни народов большого государства, в том числе и историческая наука. В этом отношении сигнал был дан на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в конце 1928 — начале 1929 гг. На конференции заняли видное место и дебатировались вопросы военной работы большевиков в армии в 1917 г. Докладчик по этому вопросу, автор вскоре вышедшей работы о борьбе большевиков за армию в 1917 г. С. Е. Рабинович был уже встречен недоброжелательно, и участники конференции ополчились против него за правильные утверждения, что суть военной работы большевиков состояла в дезорганизации армии; было отвергнуто также определение стремлений большевиков к разложению армии и т. п.[13] Таким образом, здесь уже был дан сигнал к фальсификации истории по кардинальным вопросам, непризнанию очевидных фактов и даже ревизии взглядов Ленина, несмотря на всяческую казуистику, признавшего факт разложения армии в 1917 г. большевиками.[14]

В 1931 г. И. Сталин написал письмо в редакцию ж. «Пролетарская Революция», являющегося директивой властолюбивого и тщеславного диктатора по осуществлению фальсификации истории и всяческого возвеличивания его роли в событиях, в которых он не участвовал. Им было дано указание о борьбе с «либералами», «оппортунистами», «троцкистами» и т. п. Лакеи диктатора тотчас же стали «во фронт». 2 ноября 1931 г. на специальном заседании Общества историков-марксистов было обсуждено по-

---

Революция», 1926, № 6; С. Е.Рабинович. Работа большевиков в армии в 1917 г. «Война и Революция», 1927; Его же: Декларация прав солдата. «Пролетарская Революция», 1927, № 7; Его же: Армейская печать в борьбе за армию в 1917 г. «Война и Революция», 1927, № 10—11; В. Лейкина. Октябрь по России. «Пролетарская Революция», 1926, № 2, 11, 12 и др.

[13] С. Е. Рабинович. Борьба за армию в 1917 году. М.—Л., 1930; Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. I, изд. 2-е, стр. 184—209.

[14] В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 8, 9 и др.

литическое значение письма Сталина, и секциям Общества было дано указание приступить к немедленной «критической» проверке исторической литературы, учебников, периодических изданий. Члены Общества были мобилизованы для проведения верноподданнических докладов о значении письма диктатора. Началось огульное обвинение в политических и методологических ошибках, последовали расправы.[15] Подвергся «суровой критике» и журнал «Историк-Марксист», а старые большевики поспешили опубликовать угоднические статьи и выступили с докладами. Так, В. Г. Кнорин в своем докладе «Уроки статьи тов. Сталина и задачи на историческом фронте» призвал советских историков вести исследовательскую работу в духе указаний диктатора. Испугавшись гневного окрика диктатора, беспринципный Е. М. Ярославский поспешил переработать изданную им в 1929 г. историю ВКП(б), в которой в 1933 г. уже упоминалось, что она отредактирована «согласно указаний тов. Сталина».[16] Даже по признанию официальной советской историографии, в результате внедрения организованной Сталиным и его камарильей фальсификации, началось грубое искажение фактов и трактовки ряда коренных вопросов истории. Фальсифицированные утверждения рассматривались другими историками как директива, не подлежащая критике. В работах вместо самостоятельных авторских выводов, царило цитирование неквалифицированных сталинских высказываний, из истории вычеркивались как несуществующие многие видные лица, деятельность их замалчивалась, на страницах книг царила безликость. Появилось стремление, претворяемое в жизнь, заменить историю революции историей партийных директив, а события истории схемами, замалчивались теневые стороны деятельности видных исторических лиц, происходила идеализация других в угоду Сталину для оправдания его кровавого режима, восхваляли роль «вождя народов». Наблюдалось резкое сужение источниковедческой базы и тенденциозный, односторонний подбор фактов и т. п.[17] Обязательным образцом и «творческой» основой всех работ, выходивших в этот период, становятся партийно-государственные фальшивки: вышедший в 1936 г. I-й том «Истории Гражданской войны в СССР», изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» и краткая биография И. Сталина, вышедшие миллионными тиражами. Характерно, что в редакционный аппарат по изданию этих «творений» входил ряд учеников

[15] Вестник Комакадемии. 1932, № 1—2, стр. 42.

[16] «История и историки». Исторический ежегодник. М., 1973, стр. 79.

[17] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962; Сб. статей. Редакционная коллегия Акад. Н. М. Дружинин, акад. .М. В. Нечкина, Е. Н. Городецкий и др., стр. 23, 24, 25, 331, 332 и др.

М. Н. Покровского, усердно проводивших его установку об истории, как о «политике, опрокинутой в прошлое» (Г. Ф. Александров, Н. Н. Поспелов, И. И. Минц, М. Б. Митин и др.).

За более чем 25 лет господства сталинской тирании в области изучения истории революции и, в частности, армии, не только не было решительно никаких достижений, но царило опустошение и невиданный регресс. За это время появился лишь второй том фальсифицированного издания (1943 г.) «Истории Гражданской войны в СССР», в которой, как и в «Кратком курсе истории ВКП(б), прославлялся Сталин и его партийная камарилья (Молотов, Каанович, Ворошилов, Жданов, Шверник и др.), где фактическим руководителем Октябрьского мятежа и Петроградского ВРК являлся Сталин, а предавали революцию «враги народа» Л. Троцкий, Пятницкий, Муралов, Каменев, Сокольников и др. В этом издании раздел об армии также дан в извращенном виде.[18] В целом, во II томе проводилась теория «двух вождей» Октябрьского переворота, а все содержание книги свидетельствовало уже о полном претворении в жизнь директив диктатора по фальсификации истории и возвеличиванию его личности. По истории революции в действующей армии в эти мрачные годы вышла одна лишь книга Л. С. Гапоненко о солдатах Западного фронта, написанная в классическом духе сталинщины, со всеми ее атрибутами — восхвалением «гениального» вождя и его «соратников», ссылками на его высказывания, огульным охаиванием эсеров и меньшевиков, руганью в адрес национально-освободительного движения белорусского народа и т. п. Все вопросы революции в армии даны в работе в извращенном, фальсифицированном виде (братание, роль комитетов и ВРК, демобилизация и т. п.). Источниковедческая база исследования крайне скудна, и все утверждения автора базируются, главным образом, на привлечении тенденциозно отобранных материалов большевистских газет («Звезда», «Молот») и других сугубо партийных документов.[19] Появившиеся в этот период в журналах ряд статей естественно отражали навязанные господствующие установки сталинской тирании по вопросам трактовки событий в стране и в армии.[20]

---

[18] История Гражданской войны в СССР. т. 2. Составители тома: Александров Г. Ф., Минц И. И., Поспелов Н. Н., Ярославский Е. М., Генкина Э. Б. и др. М., 1943, стр. 2, 81, 83, 113, 122, 123, 135, 166, 171, 204, 257, 282, 334, 356, 463 и др.

[19] Л. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. (1917). М., 1953, стр. 3, 20, 30, 46, 58, 66, 70, 95, 111, 141, 173, 174, 175, 186 и др.

[20] И. М. Разгон. Октябрьская Социалистическая революция на Юго-Западном и Румынском фронте. «Историк-Марксист», 1937. Кн. 4; Е. З. Барсуков. Царская армия накануне Октябрьской революции. «Военно-Исто-

В связи с подобным положением в СССР в области изучения истории, особый и значимый вес приобретают зарубежные русские и иностранные издания, которые нарочито игнорируются официальной советской историографией, о них умалчивают, их издания, их переводы сопровождаются комментариями разгромного характера. При изучении русской революции и ее отражения в армии, немыслимо пройти стороной мимо ценнейших воспоминаний, книг, статей непосредственных участников и свидетелей бурных событий 1917—1918 гг., принадлежащих к разным политическим лагерям. Эти мемуары и книги, хотя и не всегда достоверно отражают действительность, безусловно вносят новые и интересные данные в изучение вопроса и свободны от мертвящих догм и заведомых фальсификаций. Некоторые из указанных книг носят публицистический характер. Ряд книг видных политических деятелей в революции 1917 г., наряду с исследованиями включают и элементы мемуаров.[21]

Со смертью И. Сталина в советской историографии, в частности в изучении русской революции, вовсе не произошло качественных сдвигов, вопреки утверждениям официальных историков СССР. Дело в том, что господствующая партийная верхушка в борьбе со вспыхнувшим всеобщим кризисом, в том числе в области науки, по-прежнему стремилась к дальнейшему удержанию своих монопольных позиций в стране. Вместо безудержного восхваления и возвеличивания покойного тирана партийные директивы предписывали «глубже» изучать роль коммунистической партии, В. Ленина, а в ходе революции в армии предлагалось сосредоточить внимание на показе, всеми правдами и неправдами, преувеличенной роли и значения большевиков в организации солдатской массы.[22] Советские историки, всерьез поверившие в «сдвиги» и пытавшиеся на деле заняться освещением ряда вопросов, сразу же подвергались безжалостному разгрому, показавшему, что ни о каком «преодолении» т. н. «культа личности» не может быть и речи. В своем постановлении о журнале «Вопросы истории» (март 1957 г.) идеологические аракчеевы из ЦК КПСС подвергли критике якобы имевшие место теоретические и методологические ошибки, допущенные журналом, выявляющие тенденцию к отходу от «ленинских принципов партийности в науке». Как в старые сталинские времена, редакция журнала

рический журнал», 1949, № 4; И. И. Минц. Разгром первого антисоветского мятежа. Бунт Керенского—Краснова. «Борьба Пролетариата», 1943, № 3 и др.

[21] См. по главам.

[22] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, стр. 29, 30; Военно-Исторический журнал. 1970, № 11, стр. 121.

покаялась в нарушении принципов партийности в науке и в том, что она встала на путь «буржуазного объективизма» и «либерального толкования политики партии», в нарушении партийных принципов «привлечения авторских кадров», которые де выпячивают роль Г. Зиновьева и «огульно» очерняют деятельность И. В. Сталина, в «фальсификации» истории КПСС и в других смертных грехах.[23]

Политика разгромов на историческом фронте продолжается и поныне, так как вытекает из всей реакционной сущности тоталитарного режима. После издания работы А. Некрича «1941. 22 июня» о начале и обстановке гитлеровского вторжения в пределы СССР, книга и ее автор подверглись разгрому. Некрич обвинялся в отступлении от «принципов партийности», в отрыве от «политики» и т. п.[24] И поныне господствующая партийная верхушка предъявляет советским историкам требование обосновывать в своих работах фальшивый тезис, что «самые выдающиеся события века неразрывно связаны с революционно преобразующей деятельностью коммунистов» и предлагает осуществлять «внимательный подбор работников идеологического фронта», т. е. подбор заведомых фальсификаторов.[25]

Появившиеся в 50—60 гг. работы советских историков по революции в армии хотя и сохранили в своем содержании все пороки навязанных схем и догм, обнаружили положительную тенденцию к более обстоятельному изучению конкретной исторической стороны событий и привлечению нового архивного материала, что давало возможность перейти к более широким обобщениям. Изучение в этот период революционных событий на отдельных фронтах и их армиях создавало предпосылки для появления исследований по революции в армии в целом. Среди исследований по действующей армии в 1917 г. наиболее значительными являются: по Северному фронту — М. И. Капустина, по Юго-Западному — П. А. Голуба, по Румынскому — М. С. Френкина.[26] Хотя указанные работы стоят намного выше основной части предшествующих исследований как по широте охвата

---

[23] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. Стр. 25; «Вопросы Истории», 1957, № 3, статья «За ленинскую партийность в исторической науке», стр. 3, 4, 5, 7, 9, 10 и др.

[24] «Военно-Исторический журнал». 1972, № 1, О принципе партийности в военной истории. Стр. 3, 5 и др.

[25] «Правда», 17 октября 1975 г.

[26] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957; П. А. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958; М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте. (1917 — март 1918). Солдаты VIII армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965.

революционных событий, так и по уровню исследования и использованию документальной базы,[27] все же и здесь чрезмерно выпячивается, согласно навязанных канонами советской действительности, роль партии большевиков в ущерб освещению других важнейших вопросов революции в армии, которые не укладываются в прокрустово ложе официальных партийных положений. На страницах указанных книг при использовании тенденциозно подобранных материалов, искажения фактов и передержек дается, согласно партийным директивам лживое освещение национально-освободительного движения, вопросов братания, перемирия и мира, камуфлируется политическая сущность ревкомов, скрываются факты подтасовки состава съездов и разгона большевиками демократических комитетов. Во всех изданиях имеет место огульное охаивание противостоящих ленинцам политических партий, провокационные обвинения Временного правительства в сдаче Риги, умалчивается разрушительная работа большевиков по разложению армии и т. д. Появившаяся в 1958 г. книга Х. И. Муратова о революционном движении в армии явилась неудачной попыткой осветить этот вопрос, и, по свидетельству даже советских рецензентов и историографов, автор не справился со своей задачей.[28] Книга эта не дает цельной развернутой картины состояния армии, специфики фронтов, и по существу состоит из фрагментарных отрывков, мало связанных друг с другом и не дающих должного освещения всех сложных политических процессов в рядах войск, а в оценке событий автор примитивно и слабо придерживается заранее намеченной официальной схемы. Фактически вне поля зрения Х. И. Муратова остались многие важнейшие вопросы революции в армии.

Много места уделено ходу революционных событий в армии в большом трехтомном труде И. И. Минца «История Великого Октября».[29] Хотя автор указанной монографии привлек обширный документальный материал и литературу по вопросу изучения хода революции в армии, что бесспорно является положительным моментом исследования, все же им дана тенденциозная, искаженная, а во многих случаях и фальсифицированная картина событий, предопределенная приверженностью И. И. Минца к официальной политической платформе воротил КПСС и ее

---

[27] «Военно-Исторический журнал», 1970, №11, стр. 121; «История СССР», 1967, № 5, стр. 15.

[28] Х. И. Муратов. Революционное движение в русской а рмии в 1917 г. М., 1958; «Вопросы Истории», № 8, 1959; «Военно-Исторический журнал». 1961, № 2; 1971, №11, стр. 122, 123.

[29] Акад. И. И. Минц. История Великого Октября. Т. I. М., 1967, стр. 685—753; т. II. М., 1968, стр. 449—477, 857—872; т. III. М., 1973, стр. 355—414.

третьей программе. Далеко не случайно появилась хвалебная рецензия сталинца П. Поспелова на работу И. И. Минца, сотрудничающего с П. Поспеловым в фальсификации истории гражданской войны.[30] Вопреки непреложным фактам, насилуя историческую действительность, И. И. Минц утверждает, согласно официальной схеме, что Февральской революцией руководили большевики, что Февраль не был антагонистом Октябрьского мятежа, а лишь его прологом, ставшим реальностью благодаря «гегемону» — пролетариату во главе с большевиками. Вопреки исторической правде, И. И. Минц выдвигает положение, что в ходе событий начали отступать на задний план противоречия между центральными державами и Антантой в целях последующего разгрома большевиков создавшимся союзом двух военных лагерей и т. п. Как известно, существование правительства В. И. Ленина как раз отвечало интересам Германии. В труде И. И. Минца отрицается факт организации советов и комитетов меньшевиками и эсерами и содержится утверждение, что только большевики придали комитетам и советам их политическое значение. В духе сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» в работе нагромождены версии о «штрейкбрехерстве» Л. Каменева и Г. Зиновьева, «предательстве» Л. Троцкого, о «контрреволюционности» Временного правительства и т. д. и т. п. Эти общие положения официальной партийной историографии приводят автора трехтомника к искажению ряда основных вопросов хода революции в армии в 1917 г. и ее состояния. Произвольно, вопреки фактам, академик И. И. Минц меняет классовый состав армии и определяет крестьянскую бедноту как подавляющее большинство в частях, в то время, когда центральной фигурой на фронте являлся именно крестьянин-середняк. По утверждению И. Минца, основная «крестьянско-пролетарская» масса на фронте проявляла сознательность и организованность в результате работы большевиков, что находится в вопиющем противоречии с истиной. В монографии содержится фальсифицированное утверждение, что развал армии достигал наибольшей степени на фронтах, где было слабое влияние большевиков (например, Румынский фронт), в то время, как неоспоримые документы и очевидцы событий показывают, что именно в вотчине большевиков, на Западном и Северном фронтах, в октябре и в последующее время царили максимальный хаос и развал. В работе искажены вопросы возникновения и роли насаждаемых большевиками сверху ревкомов, нарочито замалчивается вопрос о подтасовке состава «съездов» на фронте, огульно охаивается национально-освободительное

[30] «Коммунист». 1973, № 15, октябрь, стр. 107—113.

движение в войсках, особенно украинское, искажается роль братания, замалчиваются губительные последствия большевистской «демократизации» в период мирных переговоров и др. И. И. Минц целенаправленно обходит стороной и щекотливые вопросы заключения на фронте хаотических «солдатских перемирий» и т. п.[31] Таким образом, революция в армии освещается И. И. Минцем по кардинальным вопросам в искаженном и фальсифицированном виде в угоду предписаниям официальной партийной схемы.

Написанные в сугубо историко-партийном плане книги, относящиеся к армии 1917 г., еще в большей степени, без стеснения, прибегают к искажениям исторических событий, фальсификации и гипертрофированному восхвалению роли большевиков.[32] Выдержанная в таком же плане работа А. П. Стеклова о деятельности большевистских организаций на Кавказском фронте все же имеет и положительные черты, так как ее автор использовал материалы из архивов Грузии для освещения ряда вопросов состояния Кавказского фронта, о котором до настоящего времени нет соответствующего общего исследования.[33]

В советской историографии весьма слабо и тенденциозно освещены военные округа в 1917 г. и составляющие их гарнизоны.[33а] До настоящего времени отсутствует сводная обобщающая работа по этому вопросу, который ждет своего исследователя, так как литература, относящаяся к военным округам, довольно скудная. Автор этой книги по мере своих сил сделал попытку привлечения и другого материала в целях определения роли военных округов в вопросах некомплекта в действующей армии и ее разложения. Это было тем более необходимо, что у многих советских исследо-

---

[31] И. И. Минц. Указ. соч., т. III, стр. 359, 362, 363, 398, 409, 410, 411, 415, 416, 421, 422, 423 и многие др.

[32] Е. Ф. Ерыкалов, Ф. В. Носов, Е. П. Путырский, С. Н. Шунденко. В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 г. М., 1961; И. Ф. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. Изд. 2. М., 1964; Г. Н. Голиков. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; Н. Р. Панкратов, И. М. Поляков. Военно-боевая работа партии большевиков (1903—1917). М., 1965; П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967; Ю. И. Кораблев. Ленин и Советские вооруженные силы. М., 1968; и др.

[33] А. П. Стеклов. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте (1914—1917). Тбилиси, 1969. В г. Ереване в 1969 г. издана другая работа (на армянском языке) Р. А. Манукян. Революционная работа большевиков в Кавказской армии.

[33а] А. М. Андреев. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975, стр. 12, 16, 17, 18, 19, 243, 276, 309, 325 и многие другие.

вателей сложилось мнение, что Россия располагала неисчерпаемым запасом мобилизационных резервов.[34]

За последние годы, после более чем 40-летнего застоя, появился ряд специальных документальных изданий по армии 1917 г. и соответствующие разделы по этой же теме в общих документальных сборниках. Этот рост документальной базы сам по себе заслуживает положительной оценки, так как в научный оборот поступило большое количество архивных документов, которые помогают поднять научный уровень исследований и обогащает их проблематику.[35] Однако состав этих документов тенденциозно подобран в соответствии с требованиями советской историографии о «партийности в науке». Из документов противостоящего большевикам лагеря опубликованы лишь те, которые содействуют официальной интерпретации событий. Установки советской археографии и поныне требуют обязательного политического отбора архивного материала, отказа от публикации неугодных, расходящихся с навязанной сверху схемой, документов, и непременного «партийного» комментирования сомнительных, с ее точки зрения, документов из противоположного большевикам политического лагеря.[36] Важнейшие документы, находящиеся в противоречии с официальными догмами советской историографии и решительно опровергающие фальсифицированные утверждения, выводы и обобщения, так и не помещались на страницах документальных сборников, а многие из них до настоящего времени

---

[34]) С. П. Шепелев. Костромской гарнизон в дни Октября. Кострома, 1957; А. Васильків. Військова діяльність більшовиків України в період підготовки і проведення Великого Жовтня. Київ, 1964; Д. И. Сойфер. Солдатские массы в борьбе за власть Советов в Туркестане. Ташкент, 1958; На крайне низком научном уровне издана работа Н. М. Якупова: Большевики во главе революционных солдатских масс. Киев, 1967 (О работе большевиков Одесского военного округа); И. М. Ионенко. Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья накануне Великого Октября. Док. дисс. Казань, 1966. См. Н. А. Таленский: Первая мировая война (1914—1918). М., 1944; Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1964 и др.

[35] Великая Октябрьская Социалистическая революция. Документы и материалы, тт. 1—9. 1957—1973. (Соответствующие разделы об армии); Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957; Петроградский Военно-революционный Комитет. Документы и материалы в 3-х томах.Т. I. М., 1966, т. II. М., 1966, т. III. М., 1967; Большевистские военно-революционные комитеты. М., 1958; Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 г.). Сборник документов. М., 1968; Октябрьская революция и армия (25 октября 1917 г. — март 1918 г.). Сборник документов. М., 1973; Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. М., 1966.

[36] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962, стр. 547, 555, 556.

покоятся в секретном, т. н. «специальном хранении», и ссылка на них решительно запрещена. В двух упомянутых нами сборниках документов по армии выпуска 1968—1973 гг. помещены, например, только пробольшевистские резолюции, постановления комитетов, митингов и их наказы, а весь более чем значительный негативный по отношению к большевикам материал, фронтально замалчивается и не упоминается. Специально составленные примечания к опубликованным документам, в тексте которых содержатся неприемлемые для фальсификаторов утверждения, огульно объявляются «клеветническими». Инспирированный большевиками самосуд толпы над генералами и офицерами в августе 1917 г. в Выборге, примечание № 192 называет «стихийным возмущением и негодованием солдат», в то время, когда еще до 1917 г. Ленин писал «о необходимости смелого наступления и нападения . . . , о необходимости истребления при этом колеблющихся лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско».[37] О нарочитой тенденциозности этих документальных сборников свидетельствует введение, где указывается, что авторы руководствовались «теоретическими положениями В. И. Ленина» и материал был ими подобран для «наглядности иллюстрации оценок . . . и предвидения Ленина».[38]

Но и эти документальные издания крайне скудны по проблематике, так как делают упор только на преувеличенное освещение роли большевиков на всех этапах революции в армии, оставляют в стороне важнейшие документы, относящиеся к характеристике социального и национального состава войск, к положению солдат, к состоянию вооружения, к потерям и дезертирству, к вопросам кризиса резервов, к делегациям и их наказам, к национально-освободительному движению в войсках и к целому ряду других первостепенных вопросов. Так, почти совершенно не показан противостоящий большевикам политический лагерь, в сборниках отсутствуют вопросы показа различного настроения солдатской массы, эволюции настроений и элементы социальной психологии солдат и офицерства и т. п. Таким образом, перечисленные нами документальные сборники не могут служить основой для серьезного научного исследования, требуют сугубо кри-

[37] Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сборник документов. См. примечания 121, 138, 183, 192; Октябрьская революция и армия. Сборник документов. Примечания 1, 37 и др.; В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 374.

[38] Революционное движение в русской армии, стр. 7, 8. Советские рецензенты отмечали в своем отзыве, что генеральной темой сборника является показ роста «большевистского влияния в армии» и «отображение» деятельности большевистской партии среди солдат. См. «История СССР», 1969, № 4, стр. 165, 166.

тического подхода и необходимого привлечения многих дополнительных материалов.

Советская историография как периода сталинщины, так и современная, искаженно отражает картину истории русской революции и, естественно, искаженно рассматривает революцию в русской армии. Это отмечают и многие представители западной историографии. Так, Р. Пайпс не без основания подчеркивает, что советская историография находится под партийным контролем и поэтому не способна осуществить подлинную научную разработку истории русского революционного движения вообще.[39] Р. Даниэльс так и заявляет,что за последние 30 лет в Советском Союзе изучение революции 1917 г. не носило серьезного научного характера в связи с полной необъективностью этого изучения.[40]

В определенной степени положение спасают и заполняют создавшуюся брешь публикации и работы русских зарубежных и западных историков. Хотя эти западные издания весьма разнообразны по своему уровню, диапазону, охвату событий и толкованиям, все же они содержат много нового и ценного в изучении проблематики революции, как это в соответствии с действительностью подчеркивает ряд западных исследователей.[41] Попытки сталинцев и их эпигонов всячески дискредитировать западную и зарубежную русскую историографию революции 1917 г. исключает возможность объективного научного освещения с их стороны важнейших социально-политических проблем Февраля и Октября 1917 г. в стране и в армии.

Автор настоящей работы не имеет возможности, да это и не входит в его задачу, заняться рассмотрением небывало плодовито разросшейся западной историографии по сложному комплексу вопросов русской революции 1917 г., что требует специального исследования. Следует однако отметить, что многие представители этой историографии резонно выступают против официальных советских тезисов о неизбежности и якобы закономерности Октябрьского мятежа и утверждают, в противовес сталинцам и неосталинцам, первостепенную роль в русской революции именно солдатско-крестьянской массы, пассивности значительной части рабочего класса. Мифы советской историографии о «гегемоне»

---

[39] R. Pipes. Social-Democracy and the St. Peterburg Law movment 1885—1897. Cambridge, 1963.

Г. К. фон Раух. История Советской России. Нью-Йорк, 1962, стр. 8 и др.

[40] Red October. The Bolshevic Revolution of 1917. R. Daniels. London, 1967, p. VIII.

[41] Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Band 12. Berlin, 1967, S. 47.

Г. К. фон Раух. История Советской России. Нью-Йорк, 1962, см. предисловие и др.

революции — рабочем класе служили ширмой для сокрытия того факта, что власть в Октябре была захвачена заговорщическим штабом большевиков. С приходом к власти большевиков ни Советы, ни тем более рабочий класс, активной роли не играли. В. И. Ленин на VIII съезде партии, говоря о рабочих, признавал, что «этот слой в России неимоверно тонок». Этот непреложный факт подчеркивали и солдаты-крестьяне в своих письмах в Петроградский Совет, указывая, что «вся сила в нас, а не в кучке рабочих». Р. Абрамович утверждает, что в Октябре большинство рабочих были лишь «пассивными зрителями», а Г. Раух так и заявляет в своих исследованиях, что «Было бы пустой фикцией утверждать, что в день Октябрьской революции власть взял рабочий класс».[42] В ряде исследований западных историков и в русских зарубежных изданиях резонно указывается, что можно было избежать Октябрьского переворота своевременной передачей земли крестьянству и прекращением военных действий. Об этом говорят некоторые положения книг Р. Абрамовича, Г. Маркузе, А. Гершенкрона, Р. Даниэльса, У. Чемберлина, Е. Робертса, Ф Шумана, фон Рауха и др.[43]

В самом деле, если Октябрьский мятеж большевиков был так закономерен и неизбежен, то почему же В. И. Ленин так лихорадочно торопился с его осуществлением, учитывая не только каждый день, но и каждый час?! Ленинские вопли в октябре, что «промедление с восстанием смерти подобно», что «нельзя ждать... рискуя потерять все...» и т. п. были обоснованы. По признанию Л. Троцкого, «если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, они по всей вероятности, не взяли бы ее совсем». Мало того, Л. Троцкий утверждает, что весь ход революции с февраля по октябрь включительно выглядел бы совершенно иначе, «если бы у нас не было к моменту революции разбитой и подавленной многомиллионной крестьянской армии». Как подчеркивает этот талантливый демагог, в создавшихся условиях большевики смогли победоносно «провести эксперимент» с Петроградским гарни-

---

[42] В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 145; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 42, л. 47 об. R. Abramovich. The Soviet Revolution 1917—1939. London, 1962, pp. 89, 98; Georg von Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russlands. Wiesbaden, 1955, S. 91; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Weiden, 1958, S. 2.

[43] R. Abramovitch. Op. cit.; H. Marcuse. Soviet Marxism. N. Y., 1958. D. Lane. Politic and Society in the USSR. London, 1970. R. Daniels. Op. cit.; W. H. Chamberlain. The Russian Revolution 1917—1921. N. Y., 1935; The Russian Review. January 1967, p. 12; E. Roberts. Lenin and the Dowfall of Tsarist Russia. London, 1966; E. Schuman. Russia since 1917. N. Y.; Georg von Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russlands. Wiesbaden, 1955.

зоном, который предопределил октябрьскую победу большевиков.[44]

Безусловно, субъективные взгляды и выводы многих авторов русской зарубежной историографии, излагаемые в русле кадетского, меньшевистского или другого политического мышления, и труды западных историков с претензиями тех или других на объективизм, все же выигрывают в сравнении с советскими работами в том отношении, что они лишены навязанных сверху мертвящих партийных схем и догм и даны без оглядки на редакцию и цензуру. Многие из этих авторов, будучи свидетелями событий русской революции 1917 г. и располагая определенным фактическим материалом, создали своеобразную «солдатскую» школу в интерпретации революционных событий, которая отразилась и на западных исследованиях. Небезызвестный и видный кадет Б. Нольде издал в 1928 г. книгу «Старый режим и русская революция», в которой представлял основной движущей силой от Февраля к Октябрю именно солдатские массы, особенно находящиеся в тыловых гарнизонах, и даже вовлекающие в орбиту своих выступлений и гражданское население. Аналогичные взгляды выражает С. Ольденбург в составленном им сборнике документов «Большевистский переворот». Этот автор утверждает во введении, что «Именно в армии, в ее 16 миллионах мобилизованных — находился ключ событий как в марте, так и в октябре».[45] Однако укоренившееся кадетское мышление не дало возможности авторам указанных работ увидеть за спиной солдат крестьянство страны, стремления которого и отражала крестьянская, по своему преобладающему составу, армия.

Убежденные неоспоримыми фактами бурной действительности 1917 г., к этой «солдатской» школе примкнули многие западные историки. Так, историк Б. Пейрс писал в 30-е годы, что «Революция была совершена солдатами Петрограда, главным образом, запасными». Эти же взгляды мы видим и у Мурхеда, который подчеркивает, что «солдаты были теми, кто в действительности совершил революцию». Активный участник и свидетель событий 1917 г. меньшевик Р. Абрамович также утверждал, что русская армия являлась «главной силой революции».[46] Д. Штейнберг глав-

---

[44] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 390, 435, 436; Л. Троцкий. Уроки Октября, в книге «Ленинизм или Троцкизм», 2-е изд. М., 1925, стр. 282, 283; Л. Троцкий. История русской революции. Т. II. Берлин, 1933, стр. 170.

[45] B. Nolde. Ancien Regime et la Revolution russe. Paris, 1928, pp. 162, 165, 178; Le Coup d'Etat Bolsheviste: 20 Octobre — 3 Decembre 1917fl Recueil de documents et annotés par Serge Oldenburg. Paris, 1929.

[46] B. Pares. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939, p. 462; A. Moorehead. The Russian Revolution. N. Y., 1958, pp. 139, 162; R. Abramovitch. Op. cit., p. 21.

ную силу революции видел не только в армии, но и во всем крестьянстве, которое, по его словам, вошло в революцию не как вспомогательный или младший партнер пролетариата, а как независимая общественная сила.[47]

Один из представителей французской историографии революции 1917 г. — П. Сорлен, отводит русской армии настолько значительную роль, что даже искусственно выделяет ее из среды крестьянства и придает ей чуть ли не черты особого общественного класса, который и предрешил исход Октябрьского мятежа. В работе Ф. К. Кокена «Русская революция» в победе Октябрьского выступления большевиков более чем значительную роль играют несколько тысяч матросов и частично красногвардейцев, ставших решающей силой.[48] Американский историк С. Поссони также отвергает версию большевиков о якобы всеобщем народном характере их вооруженного выступления и не без основания утверждает, что решающим фактором «была высадка 2-х или 3-х тысяч кронштадтских матросов» при крайне незначительной роли Красной гвардии.[49] Однако не только Сорлен, Поссони и др. отводят русской армии столь решающее место. В двух серьезных исследованиях Оливера Рэдки — «Аграрные враги большевизма. Обещания и ошибки русских эсеров» и, особенно, в книге «Серп под молотом», где проводится оценка большевиков как врагов крестьянства, показывается «треугольная борьба» между двумя разветвлениями партии эсеров и большевиками за крестьянские массы, вскрывается политическое значение солдатско-крестьянской армии. О. Рэдки справедливо видит главную причину поражения эсеров в революции в политической позиции солдат, отвернувшихся от этой партии в результате ее роковых ошибок в кардинальных и определяющих вопросах земли и мира. О. Рэдки заключает, что потеряв солдат, эсеры потеряли в целом крестьянство и «проиграли революцию».

Все противостоящие большевикам партии России, а не только эсеры, терпели поражение в результате игнорирования ими на-

---

[47] D. N. Steinberg. In the Workshop of the Revolution. N. Y., 1951, p. 251. Такие историки, как Дж. Мейнард, отводили крестьянству в русской революции даже особую роль в свержении Временного правительства. См. G. Maynard. The Russien Peasant and other studies. London, 1943, p. 75. В предисловии к сборнику документов R. Browder, A. F. Kerensky. The Russian Provisional Governement 1967. Documents. Vol. I. Stanford, 1961, p. IX. А. Ф. Керенский характеризует Октябрьский переворот как заговор, совершенный незначительным меньшинством.

[48] P. Sorlen. La Societe Sovietique. Paris, 1964; F. X. Coquin. La Revolution Russe. Paris, 1962, pp. 95, 102.

[49] S. Possony. Lenin the compulsive Revolutionary. Chicago, 1964, pp. 253, 254.

ционального вопроса и противодействия созданию национальных войск. Если большевистские демагоги на словах были за самоопределение, обманывая и запутывая массу в этом вопросе своими крикливыми лозунгами, то руководство других политических партий России просто отмахивалось от национального вопроса. Французский историк М. Ферро видит, например, причины краха Временного правительства не только в отказе от разрешения аграрного вопроса, но и национального. Ферро утверждает, что все партии только на словах были за уступки отдельным национальностям России.[50] Автор настоящего исследования хотя и сделал попытку освещения ряда вопросов национально-освободительного движения в армии, однако столкнулся с серьезными трудностями в связи с гибелью значительной части документального наследия национальных частей.

Несмотря на безусловно положительное научное значение советских изданий 20-х гг. и бесспорных достижений западной историографии на всех ее этапах по вопросам истории русской революции, все же они не смогли выполнить свою задачу в связи с узкой источниковедческой базой исследований. Советская историография 20-х гг. еще не успела накопить достаточный научный материал, а западные историки по политическим причинам не были допущены к использованию документальной базы русских архивов. Советская же историография за многие десятки лет господства сталинщины и ее эпигонов, в силу обязательной для всех, надуманной схемы и обветшалых догм, крайне сузила как проблематику, так и источниковедческую базу исследований, занимаясь тенденциозным подбором документов. В целях фальсификации советская историография нарочито оставляла вне рамок исследований значительный комплекс документов, многие из которых и поныне замалчиваются и покоятся в недрах т. н. «специального секретного хранения». Как в силу этих обстоятельств, так и для посильного освещения многих вопросов, автор настоящего исследования должен был прибегнуть к многолетним архивным изысканиям. Это было тем более необходимо, что как в СССР, так и на Западе, до настоящего времени не появилась обобщающая работа по истории революции в русской армии в 1917—1918 гг.

---

[50] O. H. Radkey. The Agrarian Foes of bolshevism Promise and Default of Russian Social-Revolutionaries. N. Y., 1958; O. H. Radkey. The sickle under the Hammer. N. Y., 1963, pp. 278, 279. Рецензент книг О. Рэдки — Р. Пайпс ошибочно считает, что выводы автора «безусловно не способствуют пониманию событий». См. Slavic Review. December. 1963, pp. 750, 751; Cahers du mond russe et Sovietique 1961. N. 2. „Le Gouvernement Provisoire et le problème des nationalites (Fevr.—Oct. 1917).

По мере своих сил нами была сделана попытка по привлечению свежего, не бывшего в научном обороте архивного материала, который составляет документальную основу настоящей книги. Другие же привлеченные нами архивные документы были слабо использованы в советской литературе: в угоду политической коньюнктуре советской историографией искажался смысл их содержания, а в целях замалчивания неугодных для советской официальной историографии моментов, на них лишь только глухо ссылались или же давались к документам порочащие комментарии. Особое внимание нами было обращено на материалы архивных фондов, которые были необходимы для обрисовки действительного положения в армии, ряд важнейших проблем которого советские историки обходили молчанием, искажали или же огульно осуждали. В связи с этим обстоятельством нами были сделаны усилия для выявления материалов о фактических настроениях и психологии солдат, динамики их политических симпатий, отраженных зачастую в наказах, резолюциях комитетов и митингов, и в частности, в письмах, которые были свободны от навязанных партийными грамотеями шаблонов и штампов.

В работе использованы документы, относящиеся к важнейшим проблемам вывода на фронт Петроградского и других гарнизонов, к вопросам проведения т. н. «демократизации» армии, обстоятельств Корниловского движения и особенно его последствий, роли и значения Комитетов на этапах революции. Собранный архивный и другой документальный материал сделал возможным, в большей или меньшей степени, осветить вопросы разгона большевиками неугодных им комитетов, превращения последних в марионеточные фиктивные организации и создание на фронте насаждаемых и назначаемых сверху большевистских ревкомов. Накопленные материалы позволили автору глубже коснуться проблем заключения сепаратных «солдатских перемирий» и фактической ликвидации большевиками (путем т. н. демократизации») офицерского корпуса, что в итоге привело к окончательному распаду управления армией и поставило последнюю, в результате этих и других мероприятий большевиков, в зависимость от милости победителя в период Брестского мира.

Автор сосредоточил внимание и на важнейших вопросах некомплекта в войсках и истощения резервов в стране, состояния экономики России, в том числе промышленности, работающей на оборону, освещение дезертирства, тесно связанного с неразрешением аграрного вопроса, и беглого рассмотрения состояния внутренних военных округов, призванных питать действующую армию резервами. Архивные материалы Интендантства, Особого

Совещания по обороне, документы медико-санитарной службы, Генерального штаба со всей очевидностью свидетельствуют, что страна была уже не в состоянии прокормить, одеть-обуть армию, сохранить ее тягловую силу и обеспечить приток пополнений в связи с кризисом резервов, снабжать армию достаточным вооружением и, в частности, тяжелой артиллерией, и т. д. В противовес советской официальной историографии нами рассмотрены вопросы братания в ином аспекте.

Основные архивные документы почерпнуты из богатейшей сокровищницы по истории русской армии — Центрального Государственного Военно-Исторического Архива СССР (ЦГВИА), которые отложились в важнейших фондах Штаба Верховного главнокомандующего ф. 2003 (Ставка), Полевых Управлениях Главнокомандующих армиями Северного фронта (ф. 2031), Западного (ф. 2048), Юго-Западного (ф. 2067), Румынского (ф. 2085), Кавказского (ф. 2100) и штабов полевых управлений армий, числящихся в составе соответствующих фронтов (фф. 2106—2160), корпусов и ряда дивизий, бригад и полков. Сюда входят и различной сохранности комитетские дела вышеназванных фондов. Первостепенной важности фактический материал для книги был использован в результате изысканий автора по архивному фонду Главного Управления Генерального штаба (ф. 2000), Управления военного комиссара Временного правительства при Верховном Главнокомандующем (ф. 2015), Управления Главного полевого интендантства при Ставке (ф. 2009) и Главного Интендантского Управления (ф. 499). Исключительного значения сведения были почерпнуты автором исследования из архивных дел Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по Обороне государства (ф. 369)) и из неоценимого по значению фонда Военного Кабинета Министра — Председателя Временного правительства и Верховного Главнокомандующего (ф. 366), где как в фокусе отразился ряд узловых моментов политических событий в стране и в армии за соответствующий период 1917 г. Крайне необходимый для настоящего исследования материал автор извлек из архивных фондов Главного военно-санитарного управления и Военно-санитарного управления при Высшем Военном Совете (фф. 546, 2018), где отложились важнейшие статистические сведения о медико-санитарном положении армии в 1917 г. и ведомости помесячного движения больных, раненых, сведения о потерях и другие. Для более полного освещения положения в казачьих частях автор использовал дела Полевого штаба казачьих войск при Ставке (ф. 2007) и ряд других материалов, так как в советской историографии вопрос о казачьих войсках рассматривался однобоко и неполно, в то время, когда, например, на Кав-

казском фронте казачьи части по существу являлись костяком армии, а политическая позиция казачьих полков в Петрограде и в действующей армии была довольно весомым фактором в развертывавшихся событиях. Кроме целого ряда дел мелких фондов, автор использовал, по возможности, и многочисленную документацию военно-судебных учреждений (общие суды корпусов по армиям), военно-цензурных отделений. Следует отметить, что материалы делопроизводства таких важнейших фондов ЦГВИА как №№ 369, 499, 546, 2018 и другие, не нашли отражения в исследованиях историков революции в армии.

Неоценимый фактический материал для настоящего исследования был почерпнут из фонда Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК, ф. 1235), его военного отдела, фронтовой и иногородней Комиссии, где накопился разнообразный по содержанию и значению материал, состоящий из ряда донесений комиссаров, командующих армиями о положении в частях и настроении солдат, братании, резолюций, постановлений, воззваний и многих протоколов комитетов, оригиналов писем солдат и т. д. Следует подчеркнуть, что кроме пробольшевистских, все богатейшие, негативные по отношению к партии Ленина, материалы фонда Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ЦГАОР СССР), не были использованы советской историографией, замалчивались, а многие засекречены и по настоящее время. Нами было просмотрено несколько тысяч солдатских писем с фронтов и из гарнизонов. Содержание значительной части этой оригинальной и яркой корреспонденции говорит далеко не в пользу большевиков, в связи с чем она не помещена в советских официальных изданиях.[51] По той же причине такие важнейшие документы эпохи, как многочисленные солдатские резолюции, наказы делегаций, излагающих точку зрения меньшевиков, эсеров, национальных партий, нашедших широкое отражение в ряде перечисленных нами архивных фондов, естественно, не включены в советские издания. Автор настоящего исследования, по мере своих сил, не оставил эти материалы без внимания. Как солдатские письма, так и материалы делегаций могли бы составить отдельные темы для изучения.

В главах настоящего исследования нашли свое определенное место и материалы двух фондов труднодоступных для исследователя (особое разрешение!) Архива Внешней Политики России (АВПР). Это фонд Министерства Иностранных Дел — Отдел пе-

---

[51] Солдатские письма 1917 года. Сборник. М.—Л., 1927 и др. Солдатские и другие интересные письма имеются в фондах фронтов, армий, в ф. № 2015, ф. 6978, ф. 1236 (ЦГАОР) и в других.

чати и осведомления, дела которого касаются различных сторон текущей политической жизни России и, естественно, ее армий, и фонд Канцелярии МИД за 1917 г., в некоторой степени отражающего входящую переписку отдела международных сношений Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по целому ряду важнейших вопросов (национальный, делегации, демонстрации, положение в русских войсках в Румынии и в Персии и т. д.).

По своему характеру, изученные в архивах материалы представляют собой подлинники, отписки, копии, черновики, телеграфные ленты, разрозненные листы канцелярской переписки, полумесячные и декадные сводки, гектографические и типографские экземпляры, донесения, воззвания, приказания и приказы, докладные записки и рапорты, протоколы заседаний комитетов, армейских съездов, статистические сводки и ведомости, разнообразные письма и т. д. Для освещения данной темы автор за много лет работы использовал материаалы свыше 100 архивных фондов и особенно документы и материалы, не бывшие ранее в научном обороте. Работе над архивным материалом сопутствовали большие трудности, связанные с политическим режимом в стране (строгий контроль над архивными выписками и их выдачей, засекреченность, отказы в выдаче ряда дел, описей и т. п.) и технического порядка (выцветшие тексты, порча документов от плесени, отсутствие обзоров и др.). Значительные трудности возникли при накоплении материала в связи с его распыленностью по множеству архивных фондов, насчитывающих сотни, а то и тысячи единиц хранения.

Большой урон изучению истории революции в войсках нанесен гибелью довольно значительной части архивного наследия русской армии в огне гражданской войны и в атмосфере хаоса, царившего в период распада войсковых соединений и стихийной самодемобилизации. Так, немало ценного документального наследия армии Румынского фронта употреблялось для топки печей в 1918 г. в г. Феодосии, многие материалы Кавказского фронта были брошены в Эрзеруме, Трапезунде, на дорогах Персии. Понесли ущерб и фонды Ставки.

Впервые в историографии темы был использован для освещения некоторых вопросов и ряд документов из Венского военного Архива (Kriegsarchiv), который дает неоспоримые факты и статистику предательского характера проповедывавшегося Лениным большевистского «братания» и осуществления шпионских контактов в интересах противника.

Несмотря на научную значимость многих рассмотренных уже нами публикаций, мемуаров, исторической литературы и богатого

архивного наследия русской армии, все же неоспоримое значение имеет и периодическая печать за 1917—1918 гг. всех политических партий России, как меньшевиков и эсеров, так и большевиков и кадетов. Особое значение для настоящего исследования имеет армейская печать. Ряд с трудом найденных сохранившихся экземпляров некоторых армейских газет представляет собой библиографическую ценность.

Ввиду крайне недостаточной изученности вопросов революции в армии, в предлагаемой читателям работе возник неизбежный приоритет архивного материала, что вовсе не означает, что автор не придает значения совокупности всех видов источников для соответствующих выводов и обобщений.

Материал 1 главы, который не укладывается в хронологические рамки книги, по убеждению автора, был крайне необходим для более глубокого понимания того обстоятельства, что язвы, разъедавшие организм русской армии в 1917 г., созревали уже в ходе войны 1914—1916 гг. и органически связаны с освещаемым нами периодом.

Автор публикуемой работы для должного изучения кардинальных, узловых вопросов революции в армии считал своим долгом произвести необходимую увязку этой проблематики с общим экономическим и политическим положением России в 1917 — начале 1918 гг., так как распад государственной жизни в стране неизбежно отражался на армии, вызвал все ее роковые недуги.

ГЛАВА I

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ РОССИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЫЛА СТРАНЫ И СОСТОЯНИЕ АРМИИ В 1914—1916 ГГ.

Вспыхнувшая первая мировая война 1914 г. и последовавшая обширная мобилизация наиболее молодых и трудоспособных контингентов населения царской России привели к серьезным качественным экономическим и политическим сдвигам как в народном хозяйстве страны, ее промышленности, сельском хозяйстве, железнодорожном транспорте, так и во всем комплексе классовых и национальных взаимоотношений, вплоть до ряда перемен в системе управления в стране.

Взаимосвязанность многомиллионной армии фронта и тыла со всей страной чувствовали и отмечали уже видные военачальники царской армии. Так, Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский в своем письме Начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, еще до Февральской революции писал: «Нельзя выпускать из виду, что современная армия включая в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений России, представляет собой однородную с прочим населением массу, и, естественно, отражает в себе те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее».[1]

До вступления в войну в рядах царской армии было 1 380 тысяч человек. Количество мобилизованных в армию, по сведениям на 7 мая 1916 г., составило свыше 11 млн человек. С июля 1914 г. по 1916 г. включительно в ряды армии было призвано 12 млн человек, из них свыше 10 млн из деревни.[2] Этот более чем значительный удельный вес крестьянства в армии придал впоследствии определенную социальную окраску политической борьбе в войсках и превратил преобладание солдат-крестьян в первостепенный фактор в ходе революции.

По другим, более точным статистическим данным на 1 января 1917 г., на всех фронтах солдат и офицеров было 9 620 тысяч, а в так называемых организациях числилось 2 715 тысяч.

---

[1] «Красный Архив», т. 4 (17). М.—Л., 1926, стр. 50.

[2] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 70, лл. 15, 15 об.; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

Следующая таблица дает распределение солдат и офицеров на 1 января 1917 г., а также численный состав организаций по фронтам (в тысячах):[3]

Фронты	Войск	Организаций	Всего
Северный	2 550	530	3 080
Западный	2 400	1 000	3 400
Юго-Западный	2 370	650	3 020
Румынский	1 220	120	1 320
Кавказский	1 080	415	1 495
Всего	9 620	2 715	12 335

В запасных частях тыловых военных округов в январе 1917 г. находилось 1 500 тысяч солдат и офицеров.[4]

Среди других империалистических держав Россия являлась наиболее отставшей в экономическом отношении страной. В начале XX века Россия выплавляла 5,5% мирового производства чугуна, 2,3% меди, 0,17% цинка; добывала только 1% каменного угля. Низкий промышленный потенциал Российской империи заранее ограничивал возможность ее конкуренции и борьбы с более развитым в экономическом отношении противником. Слабость в России металлообрабатывающей промышленности вообще и казенной военной промышленности в частности, ставила империю в труднейшее положение, так как западные страны имели в развитой капиталистической промышленности обширный резерв для военного производства. Продукции русской казенной военной промышленности было явно недостаточно даже по отсталым «нормам» расчетов расходов вооружения во время войны. Так, потребность в порохе в 1916 г. Ставка определяла минимально в 700 тысяч пудов в месяц, а в 1912 г. военное ведомство стремилось довести производительность старых пороховых заводов до их предела — 380 тысяч пудов. Казенным заводам не разрешалось выписывать из заграницы усовершенствованные современные станки, и они вынуждены были пользоваться устаревшими, малопроизводительными русскими станками. В противоположность Западу, русская казенная промышленность вовсе не произ-

[3] ЦГВИА, ф. 2009, оп. I, д. 93, л. 138. Примечание: в составе организаций числились лица, работающие на оборону, дорожные рабочие оборонных заводов прифронтовой полосы; семьи офицеров, работники ВСГ, отряды Красного Креста и т. д.

[4] Г. И. Мартынов. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927, стр. 18.

водила зенитных орудий, авиационных моторов, бомбометов. Пулеметы производились в мизерном количестве. Даже винтовки заводы выпускали в недостаточном количестве.[5] Верхи царской России не готовились к длительной войне. В 1911—1913 гг. при общей максимальной производительности всех ружейных заводов в 625 тысяч винтовок в год, военные власти давали наряды заводам на 10—15% их производительности. Считалось, что запасы винтовок в 1914 г., насчитывавшие до 4 млн штук, будут достаточны, тогда как война в первые же годы потребовала 8 млн винтовок, а при дальнейших мобилизациях в связи с крупными потерями, требования на винтовки возросли до 17,7 млн штук.[6] Попытки в ходе войны наладить производство винтовок на частных заводах в России и заграницей не увенчались успехом. Предложений было много, заключались контракты, текли миллионные суммы, но эффект был незначительным. Дело в том, что западные страны остро нуждались в большом количестве винтовок. Например, Франции пришлось прибегнуть к устаревшим винтовкам Гра, Англия закупала японские винтовки. В связи с указанным положением первые мало-мальски значительные поставки винтовок Россия получила лишь в конце 1916 — начале 1917 гг., приблизительно через полтора года после подписания контрактов. Точно так же обстояло дело и с пулеметами. Согласно разработанному плану, в середине 1915 г. на вооружении русской армии в ее 616 полках пехоты и 226 полках кавалерии должно было находиться не менее чем 21 760 пулеметов, в запасных частях округов — 750 пулеметов и 50% запаса, а всего — 33 365 пулеметов. В наличии же армии на 1 октября 1915 г. находилось всего... 2 195 пулеметов. Для удовлетворения всей потребности русской арии в пулеметах страна имела только один пулеметный отдел Тульского оружейного завода с производством 700 пулеметов в год, т. е. около 60 пулеметов в месяц. В декабре 1915 г. завод увеличил свое производство в 9 раз, а к концу 1916 г. в 20 раз и смог выпускать 1 200 тяжелых пулеметов в месяц. Оборудование военных заводов было загружено до предела, а установка новых комплектов машин была невозможна вследствие недостатка места на территории цехов.[7] Тяжелое положение создалось в ходе войны и в деле снабжения действующей армии патронами и снарядами. Царское командование считало, что запасы предметов снаряжения армии достаточно велики, так как

---

[5] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956, стр. 575—577.

[6] П. И. Лященко. Там же, т. П, стр. 578.

[7] Военно-Исторический Вестник, № 30. Париж, ноябрь 1967, стр. 22, 24, 26.

исходило из предположения, что война будет краткосрочной. Как заметил генерал А. А. Маниковский, «Великая держава прежде всего ошиблась в определении продолжительности войны».[8] Слабое развитие русской промышленности и полная ее мобилизационная неподготовленность сказались и в нехватке артиллерии по сравнению с противником. Эта нехватка и качественно и количественно была огромная, что особенно сказалось на недостатке артиллерии осадного типа, без помощи которой, особенно в связи с создавшимися условиями позиционной войны, была немыслима никакая наступательная инициатива.[9]

Скорострельность магазинного ружья и пулемета поставила во всем объеме вопрос о заготовке и снабжении оружейными патронами. В начале 1915 г. недостаток пороха вынудил заводы временно уменьшить выпуск патронов. Россия располагала всего тремя патронными заводами, из которых два — казенных (Петроградский и Луганский) и один частный — Тульский. Производительность этих заводов равнялась 50 млн паатронов в месяц, что русскому командованию казалось достаточным для пополнения патронного запаса. Действительный же расход патронов превысил довоенные предположения в 4—5 раз. Отсутствовал в достаточном количестве ружейный порох, возникли серьезные затруднения с цветными металлами. Только при удвоении производства требовалось в год 26 400 тонн меди, 17 600 тонн цинка, 8 800 тонн свинца. Между тем, в 1913 г. было выплавлено по всей России вместе с т. н. Царством Польским всего меди 3.600 тонн, цинка 11 тонн и свинца 1 500 тонн. Покрыть недостаток указанных металлов заказами у союзников было очень трудно, так как эти металлы закупались всеми воюющими державами для своего боевого снабжения.

Производство патронов в России достигло в 1915 г. одного миллиарда вместо расчетного плана в 550 млн штук. В 1916 г. было выпущено полтора миллиарда, т. е. производство увеличилось втрое против первоначальных предположений. Это был предел, и дальнейшее увеличение производства патронов могло быть достигнуто только строительством новых заводов и увеличением доставляемого сырья. Кроме того, пестрое вооружение русской пехоты сильно затрудняло заготовку патронов (наличие в пехоте винтовок Бердана, Винчестер, Арисака и др.). Общее количество заготовленных заграницей патронов равнялось в круглой цифре 3 380 тысяч. Как видим, и здесь в вопросе создания необходимых

---

[8] А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Часть третья. М. 1923, стр. 243.

[9] Там же. Часть вторая. М., 1922, стр. 179.

запасов патронов сыграло свою роковую роль совершенно недостаточное определение возможной их потребности.[10] Отсутствие необходимого количества боеприпасов на фронтах усиливалось в результате кризиса ж.-д. транспорта, что влекло за собой рост патронного голода в армии в связи с несвоевременной доставкой и перебоями.[11]

Недостаточное развитие русской промышленности и ее технической оснащенности, отсутствие необходимого сырья вынуждало царское правительство прибегнуть к заказам заграницей не только пушек, пулеметов, патронов, снарядов, но и пироксилина, толуола, автомобилей, проволоки, вплоть до подков, шипов, седел и прочего.[12]

Ощущался кризис в снабжении 79 кавалерийских и 177 казачьих полков, столь необходимых на театре военных действий в период маневренной войны. Из необходимых кавалерии 49 148 комплектов конской сбруи к декабрю 1916 г. было отпущено всего 5 000. Из заявленных 134 тысяч подков на фронт было отправлено только 34 тысячи и т. д.[13] Не лучше обстояло дело и в вопросе изготовления кавалерийских седел. Так, Петроградский арсенал заготовил в 1914 г. 2 378 седел, а в 1916 г. только 820.[14]

В ходе войны промышленная продукция в стране продолжала падать даже в наиболее связанных с войной отраслях. В первую очередь — в металлургической, которая находилась в стадии глубокого кризиса. По сведениям бюро Особого Совещания по Обороне государства, рекордная выплавка чугуна в 1913 г. в количестве 257 399 млн пудов продолжала постоянно снижаться, и в 1916 г., несмотря на непрерывно растущие запросы, едва достигла 232,7 млн пудов. В условиях бушующей мировой войны показатель выплавки стали колебался в пределах мизерной цифры в 259,4 млн пудов, тяжелых рельсов — 21,8 млн пудов. Характерно, что запасы по этим видам продукции отсутствовали.[15]

Необходимый рост продукции металлургической промышленности лимитировался кризисом топлива. Даже повысившаяся добыча угля в Донбассе в 1916 г. не могла покрыть стремительно растущие потребности вследствие потери Россией в ходе войны Домбровского каменноугольного района и прекращения ввоза угля из заграницы.

---

[10] Военно-Исторический Вестник. № 31, май 1968. Париж, стр. 25—26.
[11] А. А. Маниковский. Указ. соч. Часть вторая. М., 1922, стр. 230.
[12] А. А. Маниковский. Указ. соч. Часть третья. М., 1923, стр. 247—248.
[13] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 130, л. 66.
[14] А. А. Маниковский. Указ. соч. Часть вторая. М., 1922, стр. 148.
[15] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 130, л. 66.

Прения на заседаниях Особого Совещания по обсуждению и координации мероприятий по обороне государства в октябре 1916 г. — начале 1917 г., ознаменовавшиеся политическими столкновениями кадетской и октябристской верхушки с царскими сановниками, дают нам интереснейший материал для освещения вопросов положения в металлургии, во всей промышленности, и в топливной в частности, на транспорте и т. д. Председатель Совещания ген. М. А. Беляев был вынужден констатировать, что «положение дела в снабжении заводов топливом надлежит признать критическим и внушает серьезные опасения». А. И. Шингарев в своем выступлении обвинил царские власти в «отсутствии предусмотрительности и непринятии в свое время никаких предупредительных мер». Касаясь вопроса топливного кризиса в стране, М. В. Родзянко заявил на заседании Особого Совещания в январе 1917 г., что вопрос о наступлении кризиса поднимался еще в 1915 г., когда была направлена Особая Комиссия для обследования Донецкого района. Председатель Совещания М. А. Беляев, противореча себе, заявил, что опасения М. В. Родзянко «являются преувеличенными и преждевременными». П. Н. Милюков и В. И. Гурко выступили с заявлениями, что «тревога отнюдь не преждевременная».

Кризис в металлургической и топливной промышленности вызвал расстройство ж.-д. транспорта, которое, в свою очередь, усложнило положение в этих двух первых важнейших отраслях народного хозяйства. Министерство Путей Сообщения не предусмотрело рост потребности угля для транспорта. Железные дороги России в 1916 г. лишились свыше 20 млн пудов угля, который был использован на дорогах фронта, не получившего заготовленного для него леса. Железные дороги были вынуждены пользоваться случайными сортами угля, что чрезвычайно затрудняло топку и во многих случаях приводило к порче паровозов. Использование малопригодных сортов угля станет понятным, если учесть, что в последние месяцы 1916 г. потребность в угле на железных дорогах страны возросла по сравнению с 1915 г. на 30%.[16]

Как было отмечено на Совещании по Обороне в январе 1917 г., из 67 находившихся ранее под угрозой остановки домен — 25 уже бездействовало.[17] В середине января 1917 г. из 49 домен Екатеринославского района работало только 33, которые, как гласило

---

[16] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, лл. 206, 207, 208, 211; там же, д. 375, лл. 174, 175.

[17] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, лл. 177, 187.

официальное донесение, «идут неполным ходом в размере 3/4 своего производства». Остановка или неполный ход доменных печей стал уже обычным явлением в промышленности. Так, из 6 доменных печей крупнейшего Брянского завода — 4 шли сокращенным ходом, в пределах 60% своей мощности, вследствие недостатка кокса. В январе 1917 г. Гданцевский доменный завод на Криворожье объявил о предстоящей остановке из-за недостатка угля и руды.[18] Подобное положение касалось широкого круга заводов различного профиля — трубопрокатных, сталелитейных, железоделательных, пороховых и других, имеющих важное оборонное значение.[19] В действующей армии ощущалась катастрофическая нехватка снарядов, а крупнейший завод в Запорожье-Каменском по изготовлению тяжелых снарядов бездействовал в течение недели в декабре 1916 г. из-за нехватки угля. Простаивали цехи завода по штамповке тяжелых снарядов, бессемеровский отдел, обжимные станки и другие прокатные отделения. 19 декабря была остановлена очередная мартеновская печь, под угрозой остановки оказались все остальные. Выполнение декабрьской программы завода едва достигло 50%. Крупнейший оборонный завод Шадуар в Екатеринославе, находившийся в непосредственной близости к Донецкому бассейну, из-за нехватки угля остановил в это время все свои мартеновские печи.[20] Остановки из-за отсутствия достаточного количества топлива охватили фактически всю промышленность России, вплоть до важнейших и крупнейших предприятий столицы.[21]

Отсутствие квалифицированных шахтеров, применение труда женщин и подростков, а также военнопленных, изношенность оборудования, ухудшение питания рабочих приводило к падению производительности труда на шахтах. Если в январе 1916 г. производительность на одного рабочего составляла в месяц 721 пуд угля, то в январе 1917 г. она снизилась до 529 пудов, т. е. уменьшилась на 26,6%.[22]

Надвигалась транспортная катастрофа, недоедание и голод в действующей армии.

Следующая, видоизмененная нами, таблица за 1916 г. и январь 1917 г. дает представление об этой нарастающей угрозе, вызванной разрухой на ж.-д. транспорте.

---

[18] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 31, 69, 84.
[19] Там же, оп. 14, лл. 45, 51, 58, 72, 74, 79 об. и др.
[20] Там же, оп. 14, д. 14, лл. 3, 23, 35.
[21] Там же, оп. 14, д. 15, лл. 4, 18, 19, 21, 22.
[22] ЦГВИА, ф. 369,, оп. 14, д. 12, л. 425.

Период	Следовало поставить всего вагонов	Фактически поставлено
1916 июль	93 837	80.909
август	93 837	65 652
сентябрь	80 970	56 480
октябрь	84 041	62 711
ноябрь	81 810	57 434
декабрь	92 845	62 726
1917 январь	93 992	63 283

Таким образом, ж.-д. транспорт был не в состоянии обеспечить подвоз необходимых грузов в армию и, как мы видели, явно неудовлетворительно обеспечивал промышленность тыла страны. Тыл был еще менее фронта приспособлен к ведению «серьезной и долгой войны», признавал один из кадетских лидеров П. Н. Милюков.[23] Генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов в первый год войны, говоря о «готовности России к войне», сетовал на «бедную и слабой густоты ж.-д. сеть Империи, неудовлетворительное развитие ряда ж.-д. узлов и недостаток подвижного состава». Увеличение нагрузки на ж.-д. транспорт происходило также и от крайне слабого развития сети грунтовых дорог и шоссе, что сводило на нет применение автомобильного транспорта.[24]

В своем выступлении на заседании Особого Совещания по Обороне в январе 1917 г. начальник Главного Артиллерийского Управления ген. А. А. Маниковский подчеркивает, что «в настоящее время приходится останавливать работу даже некоторых казенных заводов, работающих на оборону». Генерал констатировал, что свирепствующий в стране общий кризис «угрожает значительным уменьшением выхода боевых припасов», и что особенно критическим остается положение металлургической промышленности. В начале февраля 1917 г. на том же Особом Совещании по Обороне ген. А. А. Маниковский сообщил, что потребность петроградских оборонных заводов в топливе составляет 9 млн пудов в месяц, между тем, на ближайшие месяцы для них обещано лишь 3 млн пудов угля, что приведет к сокращению оборонного производства на две трети. Создалось парадоксальное положение: в действующей армии не хватало вооружения, а на заводах артиллерийского ведомства прекращались работы по субботам, воскре-

[23] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, лл. 71 об.

[24] П. Н. Милюков. Воспоминания (1859—1917), т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 199. Ген. Ю. Н. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915). Берлин, 1924, стр. 21, 30.

сеньям и по праздничным дням. Была предписана отмена сверхурочных работ и, наконец, упразднены 2-я и 3-я смены.[25]

Царские власти метались в поисках выхода из создавшегося экономического тупика, продолжались заграничные заказы. В связи с потерями в пути в ходе труднейшей транспортировки в Россию, срыва сроков доставки и длительного нахождения «в пути» издержки заказов неминуемо росли. Для действующей армии на 1 января 1917 г. было, к примеру, изготовлено 311 паровозов в России и 70 в Соединенных Штатах. Из последних было доставлено 13 паровозов, «погибло» 8 и находилось «в пути» — 20. Точно так же, из заказанных в ходе войны в Соединенных Штатах 350 тракторов, на 1 января 1917 г. прибыли в Россию и были переправлены на фронт 264, погибли в пути 44, а 42 так и не прибыли вплоть до Февральской революции. Из 500 вагонов и цистерн, также заказанных в США, в ходе войны, на 1 января 1917 г. прибыло всего 150. Заказ еще 350 тракторов в США был отложен «до выяснения валютного вопроса и результатов испытания первых тракторов». Однако и отечественное производство и заграничные заказы не могли удовлетворить потребности действующей армии. Например, потребность фронтов в паровозах определялась в декабре 1916 г. в количестве 315, а отпущено армии было всего 23 локомотива.[26]

Особенно сложным оказалось положение из-за острой нехватки снарядов тяжелой артиллерии осадного типа, без помощи которой не могло быть и речи о любой наступательной инициативе. Если в 1916 г. потребность армии в легких парках артиллерии была почти близка к удовлетворению, то обеспечение тяжелой артиллерией, и особенно снарядами никак не снималось с повестки дня.[27] Этот важнейший вопрос должного вооружения русской армии не был разрешен до самого падения царизма. В январе 1917 г. генерал А. А. Маниковский подтвердил заключение Артиллерийской Комиссии Особого Совещания по Обороне, что невозможно рассчитывать на увеличение производства тяжелых снарядов в России «в более или менее близком будущем» и указал, что только путем обращения к союзникам и помещения заказа в Японии надо искать выход из возникшего положения. При обсуждении выяснилось, что русские 6-дюймовые снаряды не пробивали немецких блиндажей, а к 12-дюймовым орудиям отсутствовали снаряды.[28] Особое Совещание по Обороне конста-

---

[25] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, л. 181; там же, д. 376, лл. 72, 73.

[26] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 262, лл. 11, 12, 14.

[27] А. А. Манинковский. Указ. соч. Часть вторая. М., 1922, стр. 179; Часть первая. М., 1920, стр. 5; Ген. Ю. Н. Данилов. Указ. соч., стр. 190.

[28] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, лл. 153, 154.

тировало «невозможность в ближайшее время развить производство этих снарядов на отечественных заводах» (январь 1917 г.).

В ходе ведущейся войны в наиболее трудных условиях оказался рабочий класс и широкие крестьянские массы России. Все возрастающая дороговизна и падение реальной заработной платы всей своей тяжестью обрушились на низшие слои населения, что отмечал и М. В. Родзянко, характеризуя обстановку в стране в 1916 году.[29] Петроградское охранное отделение в своем докладе от 16 октября 1916 г. Особому отделу Департамента полиции также подчеркивало, что трудовому населению столицы и промышленных центров грозит уже голод, который вызывает в массах оппозицию и озлобление.[30]

Война и связанные с последней массовые мобилизации внесли существенные изменения в состав рабочего класса, что в свою очередь привело к дальнейшему падению производительности труда ввиду значительнейшего вовлечения в производство женщин, подростков и военнопленных. В одном из важнейших промышленных районов, работавших на оборону — Московском — на 1 сентября 1916 г. во всех группах предприятий имелось 43,6% рабочих мужчин, 43,7% женщин, 11,2% подростков и 1,5% военнопленных.[31] На фронт ушли главным образом кадровые рабочие, контингенты которых вливались в ряды действующей армии.

Социально-экономические изменения, происходившие в деревнях Российской империи в ходе первой мировой войны, имели колоссальное значение в назревании и свершении Великой Февральской революции и самым решительным образом отразились на политической позиции солдатской массы на фронтах и в тыловых гарнизонах. Из всего населения царской России к началу 1914 г., определяемого в 175 млн, в городах жило только 26,8 млн, или 15%, остальное население жило вне городов, в сельской местности.[32]

Несмотря на то, что народное хозяйство России накануне войны в целом находилось в стадии экономического и технического подъема, который коснулся в определенной степени как помещичьего так и крестьянского хозяйств, война привела к кризису, деградации сельского хозяйства. Первый же год войны вырвал из деревни около 7,4 млн наиболее работоспособного населения. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.,

---

[29] М. В. Родзянко. Государственная Дума и Февральская революция 1917 года. См. Архив Русской революции, издаваемый П. В. Гессеном, т. VI. Берлин, 1922, стр. 37.

[30] «Красный Архив», т. 4 (17). М.—Л., 1926, стр. 6.

[31] П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, стр. 609.

[32] С. Г. Пушкарев. Россия в XIX в. (1801—1914). Нью-Йорк, 1956, стр. 432.

из 50 губерний европейской и азиатской России в армию было взято 22,6% всех мужчин и 47,4% всех трудоспособных мужчин. В некоторых губерниях было мобилизовано свыше 50% трудоспособных мужчин. По данным вышеуказанной с.-х. переписи, в большинстве губерний не менее трети, а в некоторых до половины общего числа крестьянских хозяйств остались без работников-мужчин.[33] Сельскохозяйственная перепись показывает, что из сельских местностей 75-и губерний и областей было мобилизовано на войну 12 861,4 тысячи человек, в том числе из 47 губерний европейской России — 10 932,6 тысяч человек.[34]

Положение усложнялось еще и тем обстоятельством, что война в корне подрывала основу сельскохозяйственного производства, в крестьянском хозяйстве — его тягловую силу, и катастрофически сокращала поголовье скота вообще. В результате, значительное число крестьянских хозяйств стало безлошадным и малолошадным или бескоровным. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. свидетельствовала о наличии в 37 губерниях европейской России 36,2% безлошадных крестьянских дворов, 18,33% беспосевных, 11% безземельных и 16,47% крестьянских хозяйств оставшихся без скота.[35]

Таким образом, в годы войны произошли существенные качественные изменения в обеспечении крестьянского хозяйства рабочей силой и рабочим скотом, а также сельскохозяйственными орудиями. Эти изменения приводили в итоге к подрыву материально-технической базы всего крестьянского хозяйства в целом, отрицательно сказавшемся на уровне всего сельского хозяйства. Особенно в тяжелом положении оказалась крестьянская беднота.[36]

Почти все категории крестьян были не в состоянии в условиях продолжающейся войны возместить убыль рабочего скота, заменить изношенный инвентарь или пополнить нехватку рабочей силы. Справка Министерства Земледелия, составленная в сентябре 1916 г., констатировала, что из всего запаса рабочей силы в сельском хозяйстве было необходимо вычесть детей до 9 лет, которые составляли 27% от всего сельского населения, исчисляемого в 128,8 млн. Категория работников старше 50 лет равнялась 14%, а процент всего нерабочего и полурабочего возраста доходил до 62. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ ложилась на пле-

---

[33] П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, стр. 635.

[34] Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М. 1925, стр. 49.

[35] Труды ЦСУ, т. I, вып. I. Отдел сельскохозяйственных переписей. Погубернские итоги.

[36] А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). М., 1962, стр. 115, 196, 200, 205.

чи около 18 млн крестьян и крестьянок, которые должны были вспахать, засеять и убрать 79,8 млн десятин в губерниях только европейской России.[37]

В ходе войны на почве безземелья, нужды в деревне и роста тягот, противоречия между помещиками и крестьянами все более обострялись и явились впоследствии одним из факторов социальных конфликтов грядущей революции.

Частые мобилизации и свирепые реквизиции, ставшие правилом, а не исключением, возросшие налоги и наряды, повинности усиливали процесс разорения и пауперизации определенной части крестьянской массы. В военные годы половина крестьян была вынуждена покупать хлеб, так как его до весны не хватало. Катастрофически падал жизненный уровень крестьянства. Это определялось и крайне низким размером национального дохода на душу населения в России. Если в Англии этот доход выражался в 49 фунтов стерлингов, во Франции — 37,0 ф. с., в Германии — 24,9, то в России к 1917 г. он еле достигал 8,0 фунтов стерлингов.[38]

Как вытекало из доклада министра финансов П. Л. Барка Николаю II, военные расходы на 1 января 1917 г. исчислялись уже в сумме около 20 миллиардов рублей. Финансы страны были явно в отрыве от ее производительной базы, Россия за 3 года войны вступила в непреодолимую полосу финансовой разрухи и начинающейся хозяйственной катастрофы. Петроградское охранное отделение в своем донесении в Департамент полиции уже в октябре 1916 г. отмечало, что крестьяне категорически не желают продавать хлеб по таксе и замучены реквизициями. Цены, сообщала охранка, повсюду растут, а товары исчезают. Дороговизна чувствуется в деревне не меньше чем в городе, отмечалось в донесении, деревня отказывается продавать по старым ценам, отношение крестьян к войне «весьма неблагоприятное», что особенно усилилось после очередной мобилизации ратников ополчения. Недовольство деревни отражалось на политико-моральном состоянии солдат-крестьян. Донесение охранного отделения особо отмечало, что «экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно». Заработная плата у массы поднялась на 50%, у некоторых категорий — на 100—120%, а цена на продукты возросла на 100—500%.[39]

Как мы уже видели, русская экономика была не приспособлена к длительной и изнурительной войне, которая шаг за ша-

[37] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д., 70, лл. 15, 15об, 16.

[38] З. С. Каценеленбоген. Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917, стр. 11.

[39] «Красный Архив», т. 4 (17), 1926, стр. 11, 19, 20, 52.

гом вела к полному развалу всей хозяйственной жизни обширной страны. Однако было бы ошибкой считать, что только эта причина вызвала поражение царской армии в ходе боев. К войне не были готовы и западные союзники России, однако они интенсивно перестраивали свое хозяйство для удовлетворения военных нужд. Царская империя, несмотря на усилия властей, не могла успешно решить эту неотложную задачу в силу своей экономической недоразвитости и отсталости, в силу непригодности и устарелости ее государственно-политической системы, перенесшей в XX век остатки крепостничества, резко затормозивших создание современной индустрии с необходимыми новыми отраслями.

В России не была развита автомобильная промышленность, отставала металлурическая, недоставало угля. Уже в канун революции, после 3 лет войны, на заседании Особого Совещания по Обороне 1 февраля 1917 года начальник Главного военно-технического управления генерал-лейтенант Г. Г. Милеант требовал немедленного строительства электротехнических заводов и указывал на «полное отсутствие в России электротехнической промышленности». Член Государственного Совета В. И. Тимирязев на этом же заседании констатировал отсутствие в России «соответствующих отраслей промышленности», а известный кадетский лидер А. И. Шингарев указал на полную неподготовленность страны «к разразившемуся кризису», возникшему, по его мнению, из-за отсутствия в России «единой и сильной власти».[40]

Нужно отметить, что царское правительство не смогло использовать для нужд войны и наличную материальную базу (из-за запоздалости мероприятий), так как Военное Министерство и Генеральный Штаб находились не всегда на уровне своих задач. На кадетские запросы о готовности России к войне, бездарный военный министр Сухомлинов отвечал, что Россия готова к войне и, детализируя, пояснял: «Мы готовы на шесть месяцев, война будет короткая».[41] В связи с катастрофическим положением в области снабжения действующей армии артиллерией, властям потребовалось минимально 3,5 года для увеличения производства пушек. Выпуск продукции пушечной промышленности России увеличился в 10 раз, достигнув ежемесячной цифры в 600 орудий вместо 60 перед войной.[42] Но это произошло в 1917 г., когда военная летняя кампания была окончательно проиграна. В целом же Россия так и не успела полностью восстановить свои силы после

[40] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, лл. 197, 198, 218.
[41] П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 192, 193.
[42] «Военно-Исторический Вестник», № 31, май 1968. Париж, стр. 24.

поражения в Русско-японской войне, и новая для страны война началась по настоянию союзников за два года до завершения начатых империей вооружений.[43]

Новый русский устав о воинской повинности был устаревшим уже при его утверждении в 1912 г. И тогда он не оказал влияния на условия фактического комплектования армии, а слишком продолжительный срок службы мирного времени по сравнению с западными армиями ограничивал возможность пропустить через обучение более значительное число новобранцев. Таким образом, несмотря на сравнительно численное превосходство России в людских контингентах, искусственно ограничивалось количество призывников. Только в ходе войны, именно в 1915 г., был изменен закон о так называемых ратниках 2-го разряда, составлявших огромную по численности категорию солдат. Они и ранее непредусмотрительно были предназначены только лишь для тыловой службы. К числу запоздалых мероприятий следует отнести проведенную в ноябре 1916 г. генералом Гурко реформу об уменьшении числа батальонов в частях и переходе на 3-батальонный состав в пехотных полках, что должно было придать последним большую гибкость и маневренность в условиях войны.[44] Наряду с этим недостаток свободных винтовок, необходимых для вооружения комплектований, приводил к возникновению кризиса в правильном функционировании аппарата подготовки запасных частей в военных округах. Это в свою очередь вело к хроническому некомплекту в действующих частях. Для большего пропуска новобранцев через военнное обучение наличные запасные батальоны увеличивались количественно вдвое, однако нехватка винтовок затрудняла и удлиняла сроки обучения призывников. Генерал Данилов отмечал, что одна винтовка в запасных частях приходится «на пять, десять и более обучаемых». В результате, разбухшие наличные запасные батальоны все же были не в состоянии подготовлять в месяц более 180—200 тысяч человек. Между тем, средняя месячная потребность армии в укомплектованиях, не говоря уже о формировании новых частей, определялась в первые месяцы войны примерно в 250—300 тысяч человек. Проблема так называемого некомплекта сопутствовала русской армии на всем протяжении войны, видоизменяясь по этапам кампаний, и сыграла в дальнейшем важную роль в революционизировании солдат. Уже в августе 1916 г. действующая армия нахо-

---

[43] П. Н. Милюков. Россия на перепутье, т. I. Париж, 1927, стр. 11.

[44] Ген. Ю. Н. Данилов. Россия в мировой войне (1914—1915 гг.), стр. 35, 37, 249, 250.

дилась в некомплекте, достигавшем в некоторых дивизиях 50—60% состава. Положение становилось угрожающим.[45]

Царская армия страдала серьезными недостатками в управлении войсками, особенно в связи с совершенно неудовлетворительным подбором, обучением, совершенствованием и выдвижением высшего командного состава и офицерства в мирное и военное время. Как писал генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем генерал Ю. Н. Данилов, замена командного состава производилась «с нерешительностью и снисходительностью». Ценна в этом отношении характеристика, данная Дежурным генералом при Верховном Главнокомандующем генерал-лейтенантом Кондзеровским, в силу своего служебного положения ведавшего всем личным составом армии. Генерал Кондзеровский отмечал, что в русской армии бытовал вредный обычай выдвижения в первую очередь гвардейских офицеров в обход даже талантливых армейских командиров, которые, по свидетельству генерала, «редко могли дождаться этого счастья».[46] Видный военный историк генерал А. М. Зайончковский писал с некоторым преувеличением в своем капитальном труде, что русские поражения происходили не столько от германских войск, «сколько от своих бездарных высших начальников».[47] Небезызвестный генерал А. А. Брусилов был также невысокого мнения о ряде представителей русского генералитета.[48]

Последний протопресвитер русской армии и флота отец Шавельский отмечал: в целом Ставка не слишком была «богата большими талантами». Безусловно соответствует исторической правде высказывание протопресвитера, что «среди командиров полков и бригад иногда встречались и полные невежды в военном деле». Характеризуя в целом царскую Ставку первого периода войны, отец Шавельский подмечает: «Ставка напоминала очень чувствительного и чуткого, но живущего за границей, вдали от своих имений, помещика».[49]

Мировая война безжалостно вскрыла язвы и гниль режима, порождением которого были многие бездарные генералы, носители пороков устаревшей военной системы. Главные из этих пороков, гибельных в условиях войны, были — отсутствие быстроты,

---

[45] Ген. Ю. Н. Данилов. Указ. соч., стр. 249, 250; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 273, л. 26об.

[46] Генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский. В Ставке Верховного. (Воспоминания). Париж, 1967, стр. 15, 23, 36, 47, 74, 99.

[47] А. М. Зайончковский. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1938, стр. 147.

[48] А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, стр. 242.

[49] О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. I. Нью-Йорк, 1954, стр. 98, 115, 116, 118, 151, 152.

неповоротливость, безынициативность, плохая разведка, пренебрежение маскировкой, разглашение военных тайн и др.[50]

Утром 17 августа 1914 г. 1-я Русская Армия генерала Ренненкампфа вступила на 70-километровом фронте в Восточную Пруссию, а 2-я Армия генерала Самсонова перешла границу два дня спустя. В начале этой роковой кампании русские войска проявили себя в качестве серьезного противника, отличавшегося храбростью солдат и имевшего ряд тактических успехов.[51] Однако в результате месячных боев и двух тяжелых кровавых операций эти две армии Северо-Западного фронта, имевшие в совокупности все время численное превосходство над немцами и занимавшие выгодное охватывающее положение, потерпели тяжелое поражение. В конечном итоге одна из этих армий, а именно 2-я Армия генерала Самсонова, была разгромлена, а 1-я Армия, понеся огромные потери, была отброшена в пределы России. Русская армия потеряла в Восточной Пруссии около 250 тысяч убитыми, ранеными и военнопленными; на поле боя было оставлено свыше 600 орудий, масса пулеметов и прочей материальной части.[52] Из состава 2-й армии генерала Самсонова почти целиком погибли 2 корпуса — 13-й и 15-й. Оба командира указанных корпусов со штабами были взяты в плен, и только небольшому числу солдат и офицеров удалось выйти из окружения. Это была настоящая катастрофа не только в военном аспекте. Страшный неожиданный удар пришелся по всей порочной системе управления, привел к политико-моральному надлому в стране и в армии.[53] Теперь рухнули все надежды русского командования на окончание войны в течение ближайших месяцев 1914 г. Это серьезнейшее поражение приобрело зловещее значение и для исхода других сражений, так как Северо-Западный фронт командующего генерала Жилинского располагал превосходством сил; войска были отборными и только что отмобилизованными, об отсутствии боеприпасов и продовольствия пока говорить не приходилось, солдаты храбро дрались. Были достигнуты и некоторые тактические успехи. Даже генерал-квартирмейстер германской армии Эрих Людендорф впоследствии открыто признавал, что в Восточной Пруссии «под Таненбергом... нам просто посчастливилось».[54] Это утверждение

---

[50] Барбара Такман. Августовские пушки. Сокращенный перевод с английского. М., 1972, стр. 110.

[51] Der grosse Krieg (1914—1918). Herausgegeben von M. Schwartee. Berlin, 1923, S. 289.

[52] Ген. Ю. Н. Данилов. Указ. соч., стр. 190, 195.

[53] П. К. Кондзеровский. В Ставке Верховного, стр. 36, 37, 47.

[54] Эрих Людендорф. Мои военные воспоминания, 1914—1918, т. I. Загреб, стр. 119.

генерала Людендорфа недалеко от истины, так как выигрыш сражения немцами был в определенной степени неожиданным, если принять во внимание, что от 12 до 19 августа немецкая 12-я армия находилась в стратегическом окружении. Но русское командование не сумело использовать выгоды своего положения.[55] Военный историк генерал Н. Н. Головин в проигрыше Восточно-Прусской кампании винит царское правительство и командование, назвав «роковым решением» обязательство России начать решительные действия против Германии на 15-й день мобилизации, «преступное по своему легкомыслию и стратегическому невежеству, это обязательство тяжелым грузом ложится на кампанию 1914 г. Это в полном смысле слова государственное преступление».[56] Конечно, это утверждение Н. Н. Головина является несколько односторонним, так как автор не учитывал зависимости России от западных союзников и ее союзнических соглашений, а также давления на Россию со стороны Франции и Англии. Однако не подлежит никакому сомнению, что определенной части русского командования в этот период войны была безусловно присуща стратегическая непредусмотрительность, ряд представителей генералитета был не на уровне своих задач, и командованию были свойственны колебания и неуверенность. Небезынтересно, что командующий Северо-Западным фронтом, которому подчинялись армии Самсонова и Ренненкапфа, в разговоре с французским послом Палеологом заранее выразил сомнение в успехе Восточно-Прусской операции, и даже говорил о «верной неудаче». Начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич разделял это мнение, однако ни он, ни генерал Жилинский и не думали приостановить операцию. Министр Иностранных Дел России Сазонов так и заявил послу Франции в России, Палеологу, что «Мы были должны принести эту жертву Франции...».[57] Русская армия сыграла роль оттяжного пластыря, она притянула к себе не менее половины немецких дивизий и в ходе упорных маневренных боев понесла огромные потери. Следовавшие одна за другой военные кампании в итоге обескровили русскую армию, так как истощились ее запасы снаряжения, и вступил в свои права продовольственный кризис и кризис резервов. Не выдерживала военных испытаний слабая экономика страны. На пороге разорения стояло многомиллионное крестьянство.

---

[55] И. Вацетис. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. М., 1923, стр. 22.

[56] Н. Н. Головин. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Прага, 1925, стр. 63, 64.

[57] Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. М.—Л., 1923, стр. 120, 123.

Ценой фактической потери двух армий Россия спасла Париж в августовские дни 1914 г., а мартовским наступлением 1916 г. Россия спасла Верден. В начале 1915 г. немецкий удар обрушился на 10-ю армию, в результате которого она была разгромлена, а 20-й армейский корпус почти полностью уничтожен. Летом 1915 г. русская армия почти на всем протяжении фронта находилась в отступлении, а к сентябрю ее положение еще более ухудшилось в связи с известным Молодечненским прорывом германской армии.[58] Упорные бои на Лодзинском фронте, стоившие огромных жертв обеим сражающимся сторонам, заставили все же Германию прервать активное наступление на Изере. Огромные потери во время Лодзинских боев становились уже не под силу русской армии в связи с истощением людских резервов. Некоторые части потеряли до 70% своего состава. Штаб Юго-Западного фронта доносил, что в 3-й Армии в дивизиях оставалось в строю лишь половина их состава. В армии генерала Лечицкого полки свертывались в батальоны. По сведениям Ставки на 1 апреля 1915 г., Россия потеряла пленными около 1.200 тысяч солдат. К концу 1915 г. русская армия, вынеся на себе всю тяжесть летней наступательной кампании, была существенно ослаблена и вынуждена к глубокому отходу внутрь страны.[59] Как отмечал В. Черчилль, наступление русских войск на Австрию и Германию спасло от разгрома Францию: Россия приковала к своему фронту более половины всех вражеских дивизий, а сама в этой борьбе потеряла больше убитыми, чем все союзники вместе взятые. Прорыв Брусилова в 1916 г. оказал союзникам важную услугу и спас Италию от окончательного разгрома.[60] Собственно и непосредственно для России весь ход военных операций на русско-германском и русско-австрийском фронтах означал крах ее стратегических замыслов, потери огромных территорий и дальнейшее потрясение всей слабой экономики и отсталой государственной системы.

Немецкое контрнаступление летом 1915 г. привело в итоге к потере не только русской Польши, но и Литвы, Курляндии и западно-русских территорий от реки Двины до румынской границы. Блестящая операция генерала Брусилова, спасшая Италию, была в итоге сведена на нет последующим гарманским контрударом. После крушения кампании союзников в Дарданеллах, фактически вся тяжесть войны почти полностью оказалась переложенной на плечи России.[61] Несмотря на огромные людские резервы,

[58] П. К. Кондзеровский. Указ. соч., стр. 61, 83.
[59] Ген. Ю. Н. Данилов. Указ. соч., стр. 247, 353, 392.
[60] В. Черчилль. Мировой кризис. М.—Л., 1932, стр. 39.
[61] Г. К. Раух. История Советской России. Нью-Йорк, 1957, стр. 51.

России уже в 1916 г. было сложно без конца пополнять огромные потери, которые возрастали в результате губительного немецкого гаубичного огня и тяжелой артиллерии крупных калибров вообще, а также в силу возрастающего недостатка в русской армии технических средств и слабости артиллерии в частности.[62] Как отмечал видный исследователь боевых действий русской армии генерал А. М. Зайончковский, в ходе этих боев «сильный перевес в тяжелой артиллерии и в авиационных средствах попрежнему был не на нашей стороне».[63]

Как общеизвестные источники, вошедшие уже давно в научный оборот, так и позднейшие воспоминания русских политических деятелей кадетского лагеря, октябристов и опытных строевых командиров, констатировали эту техническую немощь русской армии, приведшей в результате к неисчислимым потерям. Так, видный кадетский лидер, князь П. Д. Долгоруков, посетивший на фронте в 1916 г. 33 воинские части, свидетельствовал, что при технической отсталости русской армии не могло быть и речи о победе над врагом. П. Д. Долгоруков отмечал, что «на сотни германо-австрийских снарядов мы выпускали десятки, а потом единицы»,... «снарядов не было». Командующий 3-й Армией генерал Радко-Дмитриев, объезжая фронт только и говорил командирам частей: «берегите снаряды». «И так во всем», — с горечью писал Долгоруков.[64] В период второго Галицийского сражения 1915 г. и в ходе июньских боев 1916 г. в частях 10-го Армейского корпуса почти отсутствовала авиация, зенитная артиллерия, свирепствовал снарядный голод, в тылу корпуса отсутствовали необходимые резервы, не было тяжелой корпусной артиллерии, пулеметов. Части несли огромные потери.[65]

Верховное Главнокомандование русской армии в лице генерала Алексеева уведомляло русского представителя при французской Ставке, что русская армия была вынуждена наступать «будучи бедно обеспечена снарядами для тяжелой артиллерии». Генерал Брусилов бросал под губительный огонь массы русской пехоты и требовал только патроны и снаряды. За один день наступления в конце мая 1916 г. в 30-м Армейском корпусе 8-й Армии выбыло из строя 1 900 солдат и 29 офицеров.[66] Таяли и

---

[62] А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, стр. 164, 167, 168; Эрих Людендорф. Мои военные воспоминания, т. I, стр. 146, 151.

[63] А. М. Зайончковский. Кампания 1917 года. М., 1923, стр. 133.

[64] Кн. П. Д. Долгоруков. Великая разруха. Мадрид, 1964, стр. 35, 36.

[65] Б. В. Геруа. Воспоминания о моей жизни, т. II. Париж, 1970, стр. 71, 72, 73, 74, 75 и др.

[66] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте (1917 — март 1918 г.). М., 1965, стр. 27.

внеочередные ополченские части, что подрывало базу резервов армии. Так, 10-я Ополченская дивизия 32-го корпуса, действовавшая в Луцком направлении, с мая по июнь 1916 г. дала девять боев и потеряла более 20 тысяч солдат и несколько составов офицеров.[67] В тяжелых напряженных боях командование не жалело крови солдат, добиваясь успеха исключительно при помощи фронтальных ударов. Галицийская операция привела к потере до 230 тысяч русских солдат, что составило огромную убыль в 4 500 человек на действующую дивизию.[68]

Если, по явно заниженным сведениям Ставки, русская армия на 1 января 1915 г., т. е. за 5 месяцев войны, потеряла 13 899 офицеров и почти полмиллиона солдат, то на 1 января 1916 г. армия России лишилась 3 413 000 человек, в том числе раненые, контуженные и отравленные газами составляли 1 537 964 человека.[69] Эти серьезнейшие по своему значению для страны потери приводили к дальнейшим призывам в армию, которые обескровливали и народное хозяйство страны, в частности деревню.

Несмотря на беспрерывные призывы в армию, некомплект в частях нарастал, приобретая постоянный характер, так как «винтовочный кризис» приводил к парадоксальной ситуации бесполезного накопления солдат в запасных частях. Как отмечал в своей записке генерал-квартирмейстер Ставки генерал Данилов, только в начале 1915 г. некомплект действующей армии определялся в 500 тысяч человек. В ходе войны русская армия была существенно ослаблена, борьба приняла затяжной характер, материальная часть неустанно ветшала и о скорой наступательной инициативе уже не могло быть и речи, тем более, что и тягловая сила в частях — конское поголовье — находилось в состоянии кризиса. Армия нуждалась в коренном обновлении сил, немедленной перестройке продовольственного снабжения, материально-технической части, в обеспечении необходимыми боеприпасами, в преодолении общей неподготовленности к войне. Однако эти крайне необходимые, насущные задачи в условиях первой мировой войны были тесно связаны и зависели, главным образом,

---

[67] К. Гильчевский. Боевые действия внеочередных частей в мировую войну. М.—Л., 1928, стр. 74, 131.

[68] А. Коленковский. Маневренный период первой мировой войны 1914 г. М., 1940, стр. 264.

[69] Санитарная служба русской армии в войне 1914—1917 гг. Сборник документов. Куйбышев, 1942, стр. 7, 9.

Такие неслыханные потери выгекали не только из совокупности всех отрицательных факторов в ходе войны, но и в результате того, что действующие части зачастую «сражались почти голыми руками», как свидетельствует посетивший фронт М. В. Родзянко. См. «Архив русской революции», т. VI. Берлин, 1922, стр. 22.

от состояния всего народного хозяйства России в целом, а не только от командования армии. Уже в августе 1914 г. октябрист А. И. Гучков считал, что война проиграна.[70]

В письме, адресованном в августе 1916 г. генералу Алексееву, А. И. Гучков резко критиковал деятельность и политику правительства, которое не осведомляет и обманывает оппозицию. «Наши способы борьбы обоюдоострые, — подчеркивал Гучков, — и при нынешнем повышенном настроении масс, особенно рабочих масс, могут послужить искрой пожара... надвигается потоп, — а жалкая, дрянная, слякотная власть готова встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик».[71]

Русская либеральная оппозиция в лице кадетов и октябристов делала энергичные попытки заполучить поддержку верхов армии и привлечь их на свою сторону. Шедшая по рукам переписка между А. И. Гучковым и генералом М. В. Алексеевым создавала возбуждение и недовольство политикой царя, а ноябрьские 1916 г. речи П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина и других в Государственной Думе имели оглушительный успех, особенно среди военных. Генерал М. В. Алексеев постепенно втягивался в конспирацию. В своих записях М. Лемке от 9 ноября 1915 г. констатировал: «между Гучковым, Крымовым, Коноваловым, Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто».[72]

Претенденты на власть из стана октябристов и кадетов не были чужды идее дворцового переворота. Это мы читаем в воспоминаниях А. И. Гучкова, частично опубликованных еще до второй мировой войны: «Если бы не вспыхнула революция, наш план был бы, вероятно, приведен в исполнение. Царский поезд должен был быть захвачен ночью... Дворцовый переворот был единственным средством спасения России и династии... я был монархистом и умру монархистом».[73]

Как известно, с реализацией заговора, с дворцовым переворотом его инициаторы опоздали, так как он был намечен после убийства Распутина на декабрь 1916 г. и не осуществлен. В заговоре участвовали и представители офицерства. Существовал тайный офицерский кружок с определенной октябристско-кадет-

---

[70] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I. София, 1921, стр. 23, 24; Л. Троцкий. История русской революции, т. I, «Февральская революция». Берлин, 1931, стр. 45.

[71] Монархия перед крушением. М.—Л., 1927, стр. 12.

[72] Г. Аронсон. Россия накануне революции. Исторические этюды. Нью-Йорк, 1962, стр. 124.

[73] Там же, стр. 123.

ской политической тенденцией. Руководителем кружка являлся капитан К. Г. Житов, редактор «Морского сборника». Причастными к заговору были и граф Капнист из Морского Генерального Штаба, капитан И. П. Ренгарден и другие, которые были тесно связаны с заговорщицкой группой А. И. Гучкова. Эти офицеры именовали себя «декабристами». Насколько серьезно трактовался вопрос о государственном перевороте в среде оппозиции свидетельствует и П. Н. Милюков, который в своих мемуарах приводит список членов будущего правительства, составленного на квартире П. Рябушинского еще 13 августа 1915 г. В 1916 г. в кабинете князя Г. Е. Львова был также составлен список членов будущего правительства (Временного), в котором фигурировали Милюков, Гучков, Львов, Шингарев, Набоков, Коновалов и др.[74]

Охранка сообщала о тревоге кадетов, опасавшихся революции, для которой, по их мнению, были все основания. Октябристы также были в это время уверены, что «революция будет неизбежно», особенно в связи с положением в армии.[75] За два года войны действующая армия претерпела качественные изменения в своем составе. В ходе изнурительных боев более значительная часть кадрового состава старого офицерства выбыла из строя, и на его место пришла проникнутая, как выражался М. В. Родзянко, «штатским духом» значительная прослойка офицеров — выходцев из народа и рядовой интеллигенции.[76] Этот новый, по своему социальному происхождению, офицерский состав был насыщен прапорщиками,[77] офицерами более высокого ранга (подпоручиками, поручиками, штабс-капитанами и др.), в политическом отношении тяготевших к эсерам, меньшевикам, кадетам. Об изменении социального состава офицерства армии за два года войны говорят абсолютно все очевидцы и участники войны. Так, барон генерал Врангель отмечает, что из русской армии выбыла большая часть кадровых офицеров и солдат, особенно в пехоте.[78] Генерал Брусилов пишет, что из строя выбыло в период кампаний 1914—1916 гг. большинство кадровых офицеров, солдат, и остро стоял вопрос о пополнении унтерофицерского состава, сложившего голову на полях сражений, их не могли заменить новые пополнения.[79] В значительной степени изменился и воз-

---

[74] Г. Аронсон. Указ. соч., стр. 123, 127.

[75] «Красный Архив», т. 4 (17). М.—Л., 1926, стр. 18, 22, 23.

[76] «Архив Русской Революции», т. VI. Берлин, 1922, стр. 43.

[77] Ник. Суханов. Записки о революции, кн. I. Берлин, Москва, 1922, стр. 162.

[78] Воспоминания генерала барона Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969, стр. 9.

[79] А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, стр. 123, 163.

растной состав солдатской массы, что также имело немаловажное значение для последующего хода революции на фронте. Маршевые роты, поступающие на фронт, были переполнены уже пожилыми ратниками второго разряда и даже белобилетниками, т. е. людьми, ранее считавшимися непригодными для строевой службы. Как правильно отмечает Г. Катков, в армию пришли пожилые люди из крестьян, интересы которых, в первую очередь, были связаны с жизнью деревни.[80] Эти изменения в русской армии с ее многомиллионным составом замечали даже царские сановники. В августе 1915 г. на заседании Совета Министров граф Игнатьев заявил, что «армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ».[81] Смена состава в ходе войны была присуща не только русской армии, однако в ней это явление в связи с назревающей революционной ситуацией получило особое социально-политическое значение. О «поредении» резервов в немецкой армии писал генерал-квартирмейстер Э. Людендорф. В отношении офицерства он отмечал, что германской армии «недоставало наших прекрасных офицеров мирного времени — они покоятся вечным сном».[82]

Профессор П. Н. Милюков вполне справедливо признавал, что в канун Февральской революции народ России дошел до крайней степени физического и морального утомления.[83] Как мы уже отмечали, общие потери русской армии на 1 января 1916 г. составляли 3 413 000 человек, по далеко неполным данным. Возвращение в строй из контингента раненых, частично отравленных газами, контуженых не превышал 40—50%, а процент инвалидности только среди раненых превышал 20%, что являлось тогда по общепринятым представлениям безусловно плохим показателем и свидетельствовало о скверной организации военно-санитарного дела.[84]

Статистика смертности, болезней, ранений и других потерь в русской армии за период с начала войны до 1 сентября 1916 года представляется в следующем виде:[85]

1. Убито и умерло до поступления в лечебные заведения в армиях всех фронтов	568 946 чел.
2. Ранено и контужено	2 993 537 чел.

[80] Russia 1917 the February Revolution. George Katkov. London, 1967, p. 34.
[81] М. И. Ахун и В. А. Петров. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929, стр. 58.
[82] Эрих Людендорф. Указ. соч., т. I, стр. 377, 378.
[83] П. Милюков. Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 12.
[84] Санитарная служба русской армии в войне 1914—1917 гг. Сборник документов. Куйбышев, 1942, стр. 9, 11, 14.
[85] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 70, л. 14.

3. Из них осталось в строю	235 244 чел.
4. Пропало без вести	2 068 907 чел.
5. От болезней в действующей армии и в военных округах умерло	101 529 чел.
6. Уволено в связи с состоянием здоровья в отпуск и вовсе от службы	750 099 чел.

Без конца пополнять подобные потери страна была уже не в состоянии: к 1917 г. экономика России и русская армия стояли на пороге катастрофы.

Недовоз продовольствия в действующую армию и хроническое недоедание солдат наглядно видны из следующих данных интендантства:[86]

Год и месяц	Количество вагонов	
	Назначено по норме в среднем на день	Действительно подвезено в среднем на день
1915. Декабрь	1 653	1 368
1916. Январь	1 653	1 826
1916. Февраль	2 323	1 984
1916. Март	2 335	2 300
1916. Апрель	3 022	2 624
1916. Май	2 966	3 047
1916. Июнь	3 027	2 786
1916. Июль	3 027	2 610
1916. Август	3 027	2 086
1916. Сентябрь	2 699	1 883
1916. Октябрь	2 711	2 023
1916. Ноябрь	2 727	1 924
1916. Декабрь	2 995	2 023
1917. Январь	3 032	2 041

Как вытекает из таблицы, за исключением превышения подвоза продовольствия в январе 1916 г., на протяжении 1916 г. и в начале 1917 г. происходило систематически и неуклонно снижение подвоза интендантских грузов на фронт, что не могло не отразиться на питании солдатской массы, и приводило, как гласили донесения командиров, к «упадку духа» фронтовиков.

1 февраля 1917 г. М. В. Родзянко выступил на заседании Особого Совещания по Обороне по вопросу состояния продовольст-

[86] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1711, л. 27.

вия в армии. Родзянко указал, что если продовольственные затруднения не будут устранены, то нельзя рассчитывать на успешный исход кампании. На фронтах, заявил председатель Думы, солдаты «питаются ныне одной чечевицей».[87] На заседании же Особого Совещания по Обороне министр земледелия А. А. Риттих сообщил, что без значительных сокращений потребностей тыла, страна окажется не в состоянии удовлетворить армию, а это приведет к тяжелым потрясениям. Риттих информировал Совещание, что во второй половине января и в начале февраля 1917 г. подвоз продовольствия на фронт почти прекратился вследствие транспортных затруднений. Те же запасы, которые образовались на фронте к середине января 1917 г., почти истощились.[88]

Одним из симптомов развала армии явилось огромное количество «без вести пропавших», т. е. пленных, которых в конце 1916 года было не менее двух миллионов. В то время отношение пленных ко всему составу армии достигало неслыханных показателей — не менее 20%; увеличилось количество саморанений, так называемых «палечников», ранивших себя в палец. Разъедало армию и массовое дезертирство. По свидетельству очевидца событий М. В. Родзянко, пополнения из тыловых батальонов прибывали на фронт с 25-процентной утечкой солдат, разбегавшихся по дороге.[89] Официальная статистика Ставки, естественно, по политическим соображениям, скрывала действительное количество дезертиров, и по ее сведениям, с начала войны и до Февральской революции их насчитывалось не свыше 200 тысяч. Однако имеются другие источники, дающие, безусловно, более близкие к истине цифры. Так, Родзянко указывает, что к концу 1916 г. было около полутора миллионов дезертиров, а А. Ф. Керенский писал, что к январю 1917 г. более миллиона дезертиров бродило в тылу действующей армии.[90] По сведениям вражеской разведки, количество дезертиров к весне 1917 г. достигало в русской армии 2 млн человек.[91]

Хотя дезертирство с фронта является типично крестьянской формой пассивной борьбы против непосильной войны, однако появление массы дезертиров в деревнях России меняло политическую атмосферу на селе и объективно превращало многих солдат, покинувших фронт, в активный фактор аграрного брожения. По-

---

[87] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 375, журнал № 140.

[88] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 376, лл. 100, 106.

[89] «Архив Русской Революции», т. IV, 1922, стр. 41.

[90] Н. П. Краснов. На внутреннем фронте. Л., 1925, стр. 4; «Архив Русской Революции», т. IV. Берлин, 1922, стр. 41; Л. Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, стр. 191.

[91] Kriegsarchiv (Wien). 3 A.K. 1917 Na Stelle. F. 586. Dok. 5462.

явление волны фронтовых дезертиров в деревнях отмечают многие крестьяне в своих воспоминаниях.[92] Джон Рид, который одно время состоял военным корреспондентом на русском театре военных действий, касаясь дезорганизации русской экономики и распада армии, подчеркивал, что этот процесс начался еще в первый год войны, и, что русские солдаты «стали разрешать вопрос о мире дезертирством».[93]

Распад армии и ее революционизирование, как мы знаем, начался задолго до революции, и этот объективный необратимый процесс царское командование остановить было не в состоянии. Помимо целого комплекса отмеченных нами причин, разложению и революционизированию армии способствовал также ее классовый и национальный состав. В царской армии господствовала крайняя отчужденность между дворянским составом генералитета и офицерства с одной стороны и преобладающей крестьянской массой, которую дополняли представители мелкой городской буржуазии и рабочих. До войны 87,45% генералов являлись потомственными дворянами, а среди офицерства этот процент достигал 71,46 для штабных офицеров и свыше 50% для остальных.[94] В солдатском же составе армии крестьяне достигали почти 60%, ремесленники и так называемые мастеровые — 16,70%, а рабочие не превышали 15,84%, среди которых фабрично-заводские пролетарии составляли только 3,5%. Представители русской буржуазии и интеллигенции до 1914 г. в составе армии не превышали 7, 87% от общей массы.[95] В ходе войны, когда многомиллионная русская армия стала по своему составу народной, а на место дворянского кадрового офицерства влился широкий поток новоиспеченных офицеров из низов, это классовое соотношение резко изменилось и вызвало дальнейший рост противоречий не только между командным составом и солдатами, но и между значительной частью офицерского корпуса и генералитетом, а также внутри офицерской среды. С другой стороны, ввиду их классовой близости, в определенной степени стирались грани между низшим офицерством и солдатами. Хотя и в меньшей степени, этот процесс наблюдался и в кайзеровской армии, что очень тревожило немецкое командование.[96]

Царская армия была многонациональной. Следует иметь в виду, что за официальной рубрикой «русские» скрывались три нации: великороссы, украинцы, белорусы. В царской армии, по-

[92] 1917 год в деревне. (Воспоминания крестьян). М., 1967, стр. 87, 131, 143.
[93] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1924, стр. 4, 21.
[94] Военно-исторический ежегодник армии за 1912 г. СПб., стр. 232—233.
[95] Там же, стр. 374—375.
[96] Эрих Людендорф. Указ. соч., стр. 377, 378.

мимо русских, в порядке удельного веса ее состава были украинцы, поляки, белорусы, евреи, татары, башкиры, народы Кавказа, литовцы, латыши, немцы и некоторые другие. Перевес русских в армии, согласно официальной статистике, достигался тогда путем оперирования понятием «религиозная принадлежность» — православные, католики и т. п. Во всяком случае, к 1 января 1917 г. в составе 9 620 тысяч солдат всех пяти фронтов было свыше 3 млн украинцев, как это подчеркивал видный деятель Центральной Рады В. Винниченко, беседуя с корреспондентом газеты «Intransigeant» в Париже в начале августа 1917 г.[97] Особенно много солдат-украинцев находилось на крупнейших Юго-Западном и Румынском фронтах, численный состав которых зачастую состоял более чем из 1/3 воинов этой национальности. Характерным и бесспорным доказательством в этом отношении служат выборы в Учредительное Собрание на указанных фронтах, где украинские эсеры и эсдеки собрали в армиях от 30 до 34% всех голосов.[98]

Война носила братоубийственный характер для воинов поляков, украинцев, евреев, являясь национальной трагедией для всех перечисленных народов. Указанный фактор и многонациональность состава русской армии наложили в дальнейшем определенный отпечаток на весь ход революции на фронте.

В 1914—1916 гг. была подготовлена почва в действующей армии для широкого роста национально-освободительного движения, так как война велась на национальных территориях народов, угнетаемых царизмом. Представители последних составляли, как мы знаем, значительную часть русской армии, на их глазах на головы братьев обрушивался страшный ураган войны. Не подлежит сомнению, что народные массы национальных территорий страдали от войны сильнее, чем даже обездоленные русские низы центральных губерний. Военные действия широко захватили польские, украинские, белорусские, литовские и прибалтийские земли. Фронтовые и прифронтовые национальные территории страдали от ужасающих опустошительных реквизиций, подтачивающих тем самым основу трудового крестьянского хозяйства. М. В. Родзянко вынужден был признать разрушительную деятельность царской администрации и командования «по реквизициям без всякого плана» и гибель скота у крестьянства национальных районов.[99]

---

[97] Газета «Новое Время», 9 августа 1917 г.

[98] М. С. Френкин. Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и ее войсковых органов. См. Труды Моск. Историко-Архивного института, т. 26. М., 1968, стр. 44.

[99] «Архив Русской Революции», т. VI. Берлин, 1922, стр. 24.

Война вызвала дальнейшее углубление и обострение национальных противоречий. Национальный вопрос приобрел огромное значение. Царские власти мобилизовали в русскую армию миллионы украинцев, и в то же время не постеснялись сразу же после объявления войны проводить широкие полицейские мероприятия по отношению к прогрессивным элементам украинского народа. По словам В. Винниченко, эти элементы вскоре ощутили на себе «тяжелый сапог деспота».[100] Оккупировав Галицию, эти власти сразу же стали проводить политику разгрома уже сложившихся там национальных украинских учреждений. Как признавала кадетская «Речь», в Галиции были совершены «величайшие преступления» под руководством сатрапов Н. И. Иванова, графа Бобринского, епископа Евлогия, связанные с разрушением культурных достояний украинского народа — школ, церквей, общественных организаций. Представители самодержавия проводили беззастенчивую насильственную русификацию, что вызвало резкое обострение антирусской ориентации в широких слоях украинского народа, и даже среди так называемых «москвофилов» Галиции и Буковины.[101]

Бессмысленность и шаткость обвинений самодержавия против украинцев и евреев разоблачали и буржуазно-либеральная и социал-демократическая оппозиция в Думе. Характерны в этом отношении речи А. А. Александрова в защиту украинцев и П. Н. Милюкова по еврейскому вопросу. Как писал Милюков, «в области национальностей правительство разжигало темные инстинкты против целых народностей и обрушивало эти обвинения то на евреев, то на украинцев». Социал-демократ А. И. Чхенкели отметил в своем выступлении, что «громоотводом против народного гнева у нас всегда является еврейский народ».[102]

Колоссальные потери, плохое вооружение, палочная дисциплина в частях, систематическое недоедание, тревожные вести из тыла вызывали широкое недовольство солдат, ожесточали армейскую массу. К концу 1916 г. цензура отмечала, что добрая половина солдатских писем была проникнута «тяжелым подавленным настроением», жалобами на неудовлетворительность пищи, желанием мира и др.[103] Для понимания положения характерен разговор Родзянко с приехавшим с фронта небезызвестным генера-

---

[100] В. Винниченко. Відродження нації. Частина перша. Київ—Відень, 1920, стр. 36.

[101] Архив Внешней политики России (АВПР). Фонд Печати и Осведомления, д. 600, лл. 20—22, 23, 29 и др.; Газета «Речь», 16 марта 1917 г.

[102] Газета «Еврейская жизнь», 13 марта 1916 г., № 11.

[103] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 29, 30.

лом А. И. Крымовым, который заявил, что «настроение в армии таково, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте».[104] В психологическом отношении не только у солдатской массы, но и у значительной части русского офицерства сложилось убеждение, что выиграть войну в создавшихся условиях нельзя. Этим настроениям способствовало глухое брожение умов в тылу.[105] Характерно, что опасность военных неудач в деле деморализации и последующего развала армии предвидели и определенные круги российского господствующего класса. Бывший министр Внутренних Дел Александра III П. Н. Дурново в секретных записках, поданных Николаю II в феврале 1914 г. и в ноябре 1915 г., отмечал, что русская армия окажется слишком деморализованной. чтобы послужить оплотом сохранения власти, и что революция неизбежна.[106]

Многонациональность русской и австро-венгерской армий и нахождение в их составе представителей народов, для которых война носила братоубийственный характер (украинцы, поляки, евреи), а также религиозный момент, сыграли существенную роль в развитии на фронте движения, получившего название «братание», которое уже в ходе позиционной войны имело важное значение в деле деморализации солдат европейского театра военных действий. В 1916 г. в солдатских письмах пестрят сообщения о братании в пасхальный период. Это подтверждается и сугубо официальными документами.[107] Если вначале это было стихийное и примитивное братание, то позднее, благодаря вмешательству в указанное движение двух сил: германо-австрийского командования и большевиков, оно приобретает чисто военно-политический характер, так как было использовано ими для расшатывания русской армии.[108] С целью разложения русской армии, подрыва ее дисциплины и неподчинения командирам, В. И. Ленин призывал к использованию и поддержке всех попыток братания в траншеях.[109] Верхи немецкого командования еще в 1915 г. строили планы использования возможной революции в России для разложения русской армии.[110] Можно с уверенностью сказать, что к концу 1916 г. братание уже являлось политическим оружием разложения русской армии в интересах двух указанных

---

[104] М. В. Родзянко. Указ. соч., стр. 205.

[105] А. А. Брусилов. Указ. соч., стр. 269.

[106] Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, стр. 144, 145.

[107] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 2946, ч. 1, л. 171; там же, д. 2934, лл. 81, 161; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 139, л. 57 и др.

[108] Zwölf Jahre Kundschaftsdienst Kriegs- und Industrie Spionage von Gen.-M. Max Ronge. Wien—Zürich, 1930, S. 254.

[109] В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 164; т. 27, стр. 289; т. 31, стр. 459.

[110] Erich von Falkenhayn. Die Oberste Heeresleitung (1914—1916), S. 163.

сил, использовавших стихийное стремление к миру со стороны русского крестьянина-солдата, который не мог и не желал уже воевать.

Отмеченная нами многонациональность русской и австро-венгерской армий создала благоприятные условия для возникновения дополнительного фактора разложения вооруженных сил этих двух противников. Этим фактором были солдаты-перебежчики. Десятки тысяч чехов-словаков оставили ряды австро-венгерской армии и нашли убежище в России. Весьма значительное число солдат-поляков перебежало в 1916 г. через линию фронта на австро-венгерскую и немецкую сторону с целью вступления в польские легионы. Насколько эти переходы солдат-поляков приняли серьезные размеры, видно из приказа русского командования о направлении солдат-поляков на пополнение частей Кавказского фронта, минуя европейский театр военных действий.[111]

Все усиливающийся поток пополнений из тыловых округов в действующую армию серьезно влиял на фронтовые части в смысле их разложения и дальнейшего революционизирования, так как в запасных батальонах этот процесс происходил быстрее. Дело в том, что запасные батальоны находились в городах и контакты революционных элементов с солдатами гарнизонов были более облегчены по сравнению с фронтовыми частями.

Антивоенная и антиправительственная пропаганда вообще находила в тыловых частях активную поддержку, так как материальное положение солдат в гарнизонах было крайне тяжелым (продовольствие, обмундирование и т. д.). Как писал М. В. Родзянко, «в самых недрах этих запасных батальонов ... возникало глухое брожение и недовольство ... » и революционная пропаганда имела здесь успех.[112] Разложение запасных частей усиливалось также в связи с тем немаловажным обстоятельством, что офицерский командный состав буквально растворялся в огромной массе солдат гарнизонов и не мог охватить это бушующее море запасников. Растущие с неимоверной быстротой запасные батальоны в начале 1917 г. численно уже достигали 18—20 и даже 25 тысяч человек каждый.[113] Такое колоссальное скопление солдат в одной части создавало более чем благоприятные условия роста революционизирования укомплектований. Как указывал А. Шляпников, в канун Февральской революции в Петроградском гарнизоне в ротах количество запасных солдат доходило до 1 000 человек в каждой.[114]

---

[111] Max Ronge. Op. cit., S. 193, 247.

[112] «Архив Русской Революции», т. VI. Берлин, 1922, стр. 40.

[113] Г. Шавельский. Воспоминания, стр. 267, 269.

[114] А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. I. М.—Л., 1925, стр. 160.

Еще до Февральской революции мы наблюдаем как в действующей армии, так и в запасных частях гарнизонов характерные явления разложения и революционизирования широкой солдатской массы, которые носили разнообразные формы — от голодных бунтов и других стихийных выступлений вплоть до массовой сдачи в плен, дезертирства, мародерства, перебежек к врагу, враждебного отношения к начальству, разгрома гауптвахт, тяги к миру и т. п.

Этот процесс распада армии поражал видных современников и участников событий. И. Г. Церетели в своих воспоминаниях отмечает «потрясающую картину деморализации царской армии накануне революции».[115]

Фальсифицированные версии об исключительной роли большевиков в армии в рассматриваемый период отпадают, как несостоятельные. Армию привел к революции весь разнообразный и сложный комплекс указанных нами факторов, а не исключительная роль большевиков, так как их руководящие центры были дезорганизованы.[116]

Накануне Февральской революции армия представляла собой огромную недовольную массу, которая пока ждала разворота событий. Ее характерной чертой была, как отмечает генерал А. Зайончковский, «апатия и безразличие, так часто предшествующие катастрофе». По авторитетному заявлению генерала Брусилова, «к февралю 1917 г. вся армия, на одном фронте более, на другом — менее была подготовлена к революции».[117] В силу специфики фронтовой жизни, солдатская масса не могла первой выступить против царизма, но она безусловно была подготовлена к поддержке революции. Зато тыловые части в гарнизонах городов, в частности гарнизон Петрограда, имели все возможности активного включения в революцию.

---

[115] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Книга 1, MCMXXIII, стр. 397.

[116] «Красный Архив», т. 4 (17). М.—Л., 1926, стр. 27; И. И. Минц. История Великого Октября, т. I, стр. 260; В. И. Ленин. ПСС, т. 49, стр. 37; А. Шляпников. Семнадцатый год (глава «Канун 1917 г.»), т. I, стр. 15.

[117] А. Зайончковский. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.. М., 1923, стр. 38; А. Зайончковский. Кампания 1917 г., стр. 33; А. А. Брусилов. Указ. соч., стр. 269.

ГЛАВА II

ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ И РОЛЬ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В СВЕРЖЕНИИ ЦАРИЗМА. ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИИ АРМИИ

Первая мировая война и Великая Февральская революция в России взаимосвязаны, и невозможно осмыслить причины победы второй русской революции в Петрограде и в стране без учета колоссальных социально-политических и военных последствий, которые принесла с собой мировая бойня 1914—1917 гг. Огромнейшее, если не решающее, значение для судьбы революции имела возрастающая концентрация в городах России многочисленных гарнизонов и социальный состав последних, состояние продовольственного и другого снабжения солдат и жителей городов, движение солдаток в связи с нестерпимым положением семей мобилизованных на войну, необычный рост дороговизны, падение реальной стоимости заработной платы и др. Немалое значение в развороте революционных событий имело внутреннее положение в основных политических партиях страны и их взаимная борьба. Качественные изменения в рабочем классе и крестьянстве, возникшие в ходе войны, также наложили свой отпечаток в смысле их участия в революции и появлении новых черт в социальной психологии представителей этих двух классов. «Окрестьянивание» довольно значительной массы столичных рабочих и обнищание определенной прослойки крестьянских семей в деревне были факторами, определившими поведение рабочих и солдат в ходе революции. Война усилила поляризацию крестьян и разрушительно повлияла на массу бедного и среднего крестьянства. За их счет и за счет малоземельных крестьян армия сельскохозяйственных рабочих в деревне выросла до внушительной цифры в 4,5 млн. Война и усиленный спрос на рабочие руки увеличили крестьянскую прослойку в рабочем классе страны, в том числе и в столице — Петрограде.[1] По далеко неполным данным, число рабочих, имевших в деревне земельный надел, достигал в Петрограде 16,5%, а в Москве равнялся 39,5%.[2] Таким образом большевистская версия о решающей роли в феврале

[1] Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 71, 84, 85.
[2] И. И. Минц. Указ. соч. т. I, стр. 654.

1917 г. рабочего класса во главе с большевиками более чем сомнительна.

В силу создавшихся исторических обстоятельств, слабости и малочисленности большевиков, Ленин и его приверженцы не были организаторами революции 1905 г.[3] В ходе Февральской революции большевики также играли совершенно незначительную роль. Раздутая советской историографией версия о руководящей роли большевиков в восстании выдает желаемое за действительное и переносит более поздние успехи большевиков в ходе революции на первоначальную ее стадию. В январе 1917 г. В. И. Ленин в своем докладе о 12-й годовщине первой русской революции, говоря о будущей революции в России, подчеркнул, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв грядущей революции».[4] Как видим, В. И. Ленин на пороге Великого Февраля не был его «провидцем», как не были ими застигнутые врасплох и другие политические деятели. Как раз умеренные социалисты, буржуазные либералы, русские правые деятели, и, в частности, царская охранка были более осведомлены о возможности революции. На неожиданность революции указывал эсер Мстиславский («спящие»), эсер Зензинов (как гром с неба»), межрайонец Юренев («не будет никакой революции»). Большевики не представляли собой исключение. Так, М. Н. Покровский признает, что «большевики были в десяти верстах от вооруженного восстания» в феврале 1917 г.[5] Следует признать как неоспоримый факт, что ни одна партия непосредственно не готовилась к перевороту. Видный эсер И. З. Штейнберг утверждал даже, что февральские события на улицах Петрограда «происходили вне партий».[6] Активист-большевик, рабочий завода «Эриксон» Каюров, касаясь в своих воспоминаниях событий 23 февраля в Петрограде, так и отметил, что «никто не думал о такой близкой возможности революции».[7] Не без основания Леонард Шапиро утверждает, что по их численности и влиянию в начале 1917 г. большевиков нельзя было принимать в расчет как «руководителей Февральского переворота.[8] Для пополнения своих

---

[3] Луис Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, стр. 76.

[4] Н. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 271.

[5] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 18.

[6] И. З. Штейнберг. Дневник социалиста-революционера. Уфа, 1917, стр. 4.

[7] «Пролетарская Революция». 1923, № 1 (13), стр. 158.

Эпигон сталинской историографии И. И. Минц в борьбе за искусственную схему о руководящей роли большевистской партии пытается доказать, что «партия знала и готовилась». Минц И. И. «История Великого Октября». М., 1967, т. I, стр. 496, 497.

[8] L. Schapiro. The Kommunist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960, pp. 160, 161.

скудных рядов большевики были готовы в феврале собрать под свое знамя меньшевиков, межрайонцев и др. политические группы. Об этом писал А. Шляпников заграничным членам ЦК 11 февраля 1917 г.[9] К февралю 1917 г. большевики организационно значительно ослабели. Этому способствовало 5 налетов жандармов на Петроградскую организацию большевиков — 9, 10, 18, 19 декабря 1916 г. и 2 января 1917 г. Особенно чувствительным был разгром, учиненный охранкой 26 февраля 1917 г., когда было арестовано основное ядро Петроградского комитета РСДРП, его секретарь и многие члены. Арест членов Петроградского комитета РСДРП в разгар революции нанес серьезный ущерб большевикам.[10] Удар был настолько чувствительным, что парализовал и без того слабую деятельность большевистского ЦК. Руководитель большевиков А. Шляпников был вынужден в результате полицейского разгрома передать функции Петроградского комитета (ПК) Выборгскому районному комитету большевиков столицы, который должен был теперь руководить работой Петроградских большевиков.[11]

В разгар февральских событий большевики еще не были популярны в массах, их петроградские вожди были малоизвестны, в противоположность таким лидерам, как А. Ф. Керенский, Н. Чхеидзе и другие, чьи речи с трибуны Думы были известны в широких слоях народа столицы и всей страны. Эта популярность в массах вождей меньшевиков, эсеров и представителей либеральной буржуазии является фактом.[12]

Широкие массы мало знали большевиков в рассматриваемый нами период в связи с тем обстоятельством, что последователи В. И. Ленина не выступали открыто со своим партийным знаменем. Являясь по существу пока фракцией РСДРП, они в своей партийной работе и выступали от имени этой организации. И действительно, печатный орган большевиков — газета «Правда» — числился как «центральный орган РСДРП», а листовки большевиков и их манифест также издавались от имени РСДРП, куда, как известно, входили и меньшевики.[13] Об организационной слабости большевиков свидетельствует и тот факт, что кроме многочисленных существующих объединенных организаций РСДРП во многих местах создавались новые объединенные с

---

[9] «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 81.

[10] Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. М., 1967, т. I, стр. 171.

[11] А. Шляпников. Семнадцатый год. М., 1923, кн. I, стр. 127.

[12] Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., стр. 204.

[13] «Правда», № 1, 5 марта 1917 г.; см. Листовки Петербургских большевиков, т. П. М., 1939, стр. 116, 117 и др.

меньшевиками организации. Вхождение большевиков в объединенные организации РСДРП говорило и о том, что у многих руководителей этого политического течения не было в период Февраля четкой линии по основным вопросам развития революции.[14] Видная большевичка Л. Сталь, выступая на Петроградской общегородской конференции большевиков, вскоре после приезда Ленина, так и говорила, что «Все товарищи до приезда Ленина бродили в темноте. Были только одни формулы 1905 года...».[15] Об отсутствии четкой политической линии у руководства большевиков в Петрограде свидетельствует и игнорирование ими важнейшего вопроса о Советах. В Манифесте ЦК РСДРП от 28 февраля 1917 г. Советы совершенно не упоминаются, и таким образом Манифест шел в разрез с политическими взглядами Ленина на этот краеугольный вопрос.[16] Этот факт красноречиво говорит об отсутствии связи петроградских руководителей большевиков с Лениным. Об этом пишет и вождь большевиков в своем письме А. М. Коллонтай из Швейцарии от 4 марта 1917 г. Ленин указывал на эти трудности: «...извольте-ка подумать о „директивах" отсюда, когда известия архискудны...».[17]

Догматическая схема о руководящей роли большевиков и их значении в ходе Февральской революции выглядит довольно жалко в свете высказываний видного политического деятеля и очевидца революции Н. Суханова (Гиммера), который писал, что до презда В. И. Ленина «в партии не было никого и ничего» и что несколько руководящих большевиков «без Леинина — ничто».[18] Большевики в рассматриваемый период не играли и не могли играть существенной роли в происходящих событиях и в связи с уровнем политического сознания петроградских трудящихся и их отношением к политическим партиям в начале революции. Суть разногласий между большевиками и противостоящими им меньшевиками и эсерами огромному большинству рабочих и трудящихся вообще не была ясна. Еще можно говорить о неприязненном отношении к кадетам, но партии, представленные в Совете, рассматривались народом как социалистические, отстаивающие интересы трудовых масс.

Изучение исследователем Х. М. Астраханом политической ориентации рабочих на предприятиях Петрограда (с числом бо-

[14] «Вопросы Истории», 1956, № 4, стр. 39 (статья Э. Н. Бурджалова).

[15] Седьмая (Апрельская) Всероссийская и Петроградская Общегородская конференция РСДРП. М., 1934. Партиздат, стр. 11.

[16] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». Приложение № 1, 28 февраля 1917 г.

[17] «Вопросы Истории», 1956, № 4, стр. 48.

[18] Н. Суханов. Записки о революции. П.—М., 1922, кн. 3, стр. 55.

лее 10 человек) в марте—апреле 1917 г. показало, что большинство рабочих 56 предприятий, с числом работающих 247—486 человек и составляющих 65,5% общего числа трудящихся крупнейших фабрик и заводов столицы, в партийном отношении не определилось, не имело четкого представления о партиях и поддерживало по существу *все* партии, входившие в Петроградский Совет.[19] Конечно, эти сведения далеко не точны, но скорее надо полагать, как это вынужден признать один из лидеров большевиков, что незрелое пока в политическом отношении большинство трудящихся Петрограда еще не ориентировалось в событиях, а слабые большевики ожидали приезда В. И. Ленина «как тяжелую боевую артиллерию».[20] Широкая масса трудящихся Петрограда пока не разбиралась в партийных программах и, как свидетельствует наблюдательный Н. Суханов, представители низов столицы очень приблизительно представляли себе стремления всех без различия революционеров: «Они чего хочут — они хочут, чтобы дать хлеба, с немцами замириться и равноправия жидам».[21]

Хотя, как мы знаем, причиной революции был целый комплекс сложных общественно-экономических, политических и военных факторов, все же непосредственным толчком, вызвавшим начало революции, послужило дальнейшее резкое ухудшение продовольственного и топливного положения в столице. Февраль 1917 г. был ознаменован необычайно усилившимся недогрузом в деле подвоза хлеба в крупные центры и в армию. В связи с этим положением власти дали указание в феврале приступить к реквизициям и оставлять в хозяйствах крестьянам не более 1 пуда зерна на душу в месяц для обсеменения полей и прокормления скота.[22] Именно недоедание в рабочих кварталах и обусловило массовое участие с 23 февраля 1917 г. женщин, и в частности солдаток, в стачках и демонстрациях, сопровождавшихся разгромом продовольственных магазинов и булочных, в числе которых оказалась и знаменитая булочная Филиппова. Злободневный хлебный, продовольственный вопрос ставился во главу угла в требованиях демонстрантов, что отмечалось в полицейских донесениях, рапортах командования; в революционных листовках, на заседаниях Думы, и даже в письмах царицы в Ставку.[23]

---

[19] Х. М. Астрахан. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, стр. 76.

[20] А. Шляпников. Семнадцатый год. М.—Л., 1925, кн. вторая, стр. 178.

[21] Н. Суханов. Записки о революции. Берлин—Москва, 1922, кн. первая, стр. 38.

[22] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1702, л. 35.

[23] Авдеев. Первые дни Февральской революции (хроника событий), см. в ж. «Пролетарская Революция», 1923 г. № 1 (13), стр. 20; «Листовки Петер-

Застрельщиками забастовок и голодных демонстраций на улицах являлись именно петроградские низы «в лице рабочих женского пола», как это отметил Председатель Государственной Думы, Родзянко.[24] Как работницы, так и огромная масса женщин, стоящих в бесконечных очередях, беспрерывно двигались к Думе с требованием хлеба, и эти демонстрации обрастали все большим количеством рабочих. Все же активные выступления трудящихся Петрограда 10—14 февраля 1917 г. не привели к каким-либо решающим результатам, полиция рассеивала демонстрантов и производила аресты. Борьба трудящихся Петрограда шла на фоне, как мы уже указывали, разрастающегося продовольственного кризиса, который и вызвал стихийный выход людей труда на улицы столицы. Петроградская охранка в своих донесениях отмечала, что «хвосты» в дни острого продовольственного кризиса были равноценны по своему влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных листовок.[25] 26 февраля 1917 г. выступление низов Петрограда потерпело полный провал, а безоружные демонстранты подверглись расстрелу со стороны пока верных царизму войск. События этого критического дня создали смертельную угрозу революции. Поражение сил революции на отмеченном нами этапе обусловилось тем обстоятельством, что предпринимаемые попытки отдельных представителей отдельных революционных партий по организации движения тонули в его стихийном размахе. Застигнутые врасплох представители меньшевиков, эсеров, большевиков и др. не смогли обеспечить руководство выступлением масс или создать штаб общего руководства. Движение масс пока характеризовалось определенной разрозненностью, отсутствием единого руководящего центра, а военным силам царского правительства противостояли безоружные, неорганизованные массы.

Характерно, что на протяжении этих дней никто не пытался занять в городе стратегические позиции, казалось бы, так необходимые для успеха вооруженного восстания, а большевистский

бургских большевиков 1902—1917». М., 1939, стр. 250, 251 и др.; «Переписка Николая и Александры Романовых». М.—Л., 1926, т. V, стр.214, 215.

И. И. Минц в работе: История Великого Октября, т. I, для оправдания фальсифицированной версии об «организованности движения и, естественно, вытекающем отсюда главенстве большевиков в феврале 1917 г.» по существу сводит на нет важность продовольственного вопроса в ходе революции и пытается доказать, что все экономические требования масс были лишь «ширмой» для прикрытия политических целей, и что демонстрирующие женщины и «народные массы поняли, что власти не могут дать хлеба» и т. д., стр. 477, 503, 508, 516, 520 и т. д.

[24] Архив русской революции, т. VI, стр. 56.

[25] Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. М., 1967, т. I, стр. 108.

лидер А. Шляпников отказывался от вооружения рабочих даже револьверами из-за опасений, что горячие головы могут спровоцировать выступление колеблющихся солдат против рабочих.[26]

Решающим днем славной Февральской революции является 27 февраля, ознаменованный переходом до сих пор колеблющихся войск Петроградского гарнизона на сторону потерпевших поражение участников движения. Начало этому положили солдаты Павловского полка, а 27 февраля — солдаты волынцы, литовцы, продолжили измайловцы и другие. Эта крестьянская в своей основе солдатская масса находилась в Петрограде в запасных батальонах четырнадцати гвардейских полков и других пехотных, кавалерийских и специальных частях пригородов столицы, составляя по численности внушительную силу, т. е. более чем трехсоттысячную армию.[27]

Серьезное значение в поражении царской полиции сыграло то обстоятельство, что на сторону революции перешли казаки, до сих пор бывшие опорой самодержавия, что положило начало разгрому полицейских сил на Знаменской площади столицы.[28]

В казачьей среде происходили дифференциация и брожение. Еще 21 января 1917 г. казаки второй сотни 4-го Донского Казачьего полка в Петрограде Ник. Хурдин и Федул Селиванов были приговорены военным судом к 8 годам каторжных работ за освобождение арестованных солдат. В Февральские дни казаки команды связи этого полка братались на улицах с демонстрантами и послали казаков — делегатов с извещением, чтобы не опасаться выступлений казаков против народа.[29] Это поведение казаков Петроградского гарнизона свидетельствовало о том, что даже консервативные круги крестьянства, к которым принадлежали казаки, отворачивались от царизма.

Колебание крестьянско-солдатской массы накануне решительного ее перехода на сторону революции было как раз показателем процесса ее революционизирования. Если выступление павловцев было подавлено солдатами другого гвардейского полка — Преображенского, а Самокатный батальон еще сохранял верность царизму, некоторые части вели себя еще пассивно или придерживались тактики дружественного нейтралитета, то 27 февраля к вечеру уже свыше 66 700 солдат открыто перешли на сторону народа.[30] К 28 февраля в столицу прибыли войска из

---

[26] George Katkov. Russia 1917 the February Revolution. London, 1967, p. 263.

[27] Очерки истории Ленинграда. М.—Л., 1956, т. 3, стр. 64.

[28] И. И. Ульянов. Казаки и Советская Республика. М.—Л., 1929, стр. 19.

[29] Там же, стр. 16, 17.

[30] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Сб. документов. Л., 1932, стр. VI.

Ораниенбаума, Стрельны и других окрестностей Петрограда на помощь восставшему гарнизону. Это были солдаты 1-го и 2-го запасных пулеметных полков, в которых насчитывалось до 36 тысяч солдат.[31] 28 февраля основная часть войск Петроградского гарнизона была уже вне контроля командования и участвовала в революции. Число восставших солдат, по данным Военной Комиссии, достигало к вечеру 27 февраля 127 тысяч.[32] О пестроте политического сознания крестьянско-солдатской массы свидетельствовал и такой характерный факт, что если определенная часть солдат продавала свое оружие восставшему населению, притом по весьма высокой цене, то другие солдаты уже массово раздавали ружья и патроны или же пассивно наблюдали, как их оружие переходило в руки восставших.[33] Несмотря на эти частности, лидирующим в Февральской революции в Петрограде являлся Петроградский гарнизон. Уже участники и наблюдатели разворачивающихся событий в стремительно нарастающей картине революции ясно усмотрели ее социально-политическую сущность. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко в своем разговоре по прямому проводу с ген. Рузским 3 марта сообщил генералу, что в Петрограде вспыхнул солдатский, а по сути дела именно крестьянский бунт. Родзянко подчеркивал, что солдаты эти, «взятые от сохи мужики заявили теперь все свои требования» и что к солдатам присоединились рабочие[34] В своих воспоминаниях о Февральской революции М. В. Родзянко так и подчеркивал, что «беспорядки», т. е. революция, начались именно с военного «бунта» запасных батальонов Литовского и Волынского полков, убийств и арестов офицеров.[35] Подтверждением этого именно крестьянского характера Февральской революции являлись мотивы сперва не политического, а экономического и социального порядка, которые оставались для солдат-крестьян решающими. Это видел и известный современник и участник революции уже из социалистического лагеря Ф. И. Дан.[36]

Настроения подавляющего большинства солдат столичного гарнизона учитывали естественно эсеры и межрайонцы. В воззвании к солдатам, опубликованном утром 2 марта 1917 г. от имени Межрайонного Комитета РСДРП и партии эсеров, эти ре-

---

[31] Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., стр. 254.

[32] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Сб. документов. Л., 1932, стр. IV.

[33] Очерки истории Ленинграда, т. 3, стр. 992.

[34] «Красный Архив», 1927, № 3 (22), стр. 28.

[35] «Архив русской революции». Берлин, 1922, т. VI, стр. 58. Воспоминания М. В. Родзянко.

[36] Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1964, стр. 456.

шающие для крестьян социальные требования ставились во главу угла. В воззвании сразу было уделено внимание тому обстоятельству крестьянской жизни, что «курицы некуда выгнать безземельному мужику». Эсеры и мейрайонцы предлагали солдатам дабы те требовали ответа от Думы, «будет ли отнята земля у помещиков», «будет ли передана крестьянам?».[37] Крестьянство, которое приняло столь активное участие в перевороте, прежде всего действовало в лице армии, и именно его крайний радикализм проявился в вопросе о земле, и пока не в политической плоскости, что подметил И. Г. Церетели в своих воспоминаниях о феврале 1917 г.[38] Приняв во внимание численность крестьянского населения в стране, его малоземелие и преобладание крестьян в армии, было ясно, что аграрный вопрос становился, по выражению Н. Суханова, «краеугольным камнем революции», а солдат-крестьянин, одетый в серую шинель, «чувствовал себя героем революции».[39]

Массовое участие солдат в Февральской революции в Петрограде, их подавляющая численность в составе штурмующих царизм сил, куда входили, естественно, рабочие и революционная интеллигенция, в частности студенты, приводило многих современников к ошибочной характеристике Февральской революции, в которой видели только грандиозный «солдатский бунт», или суживали значение Февраля до «результата военного бунта».[40] Для ярого монархиста В В. Шульгина крестьяне в солдатских шинелях настолько заслонили остальные аспекты ненавистной для него революции в Петрограде, что он восклицал: «Я ясно понял, что революция сделает с Россией: все залепит грязью, а поверх грязи положит валяющуюся солдатню . . .».[41]

Эсер И. Штейнберг заявил, что «о каком-либо общепризнанном классе-гегемоне не могло быть и речи, ибо все основные классы явились в революцию вооруженными с ног до головы историческим и политическим опытом».[42] Внефракционный социал-демократ В. Базаров также считал, что революция носила стихийный характер и что «ни одна организация не может при-

---

[37] А. Шляпников.Семнадцатый год. М.—Л., 1923, кн. I. Приложение № 24, стр. 33, 340.

[38] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, кн. первая, стр. 447.

[39] Н. Суханов. Записки о революции, т. II, стр. 140.

[40] П. Рысс. Русский опыт. Париж, 1921, стр. 55; «Архив русской революции», изд. Гессеном, т. I, стр. 57 — Воспоминания В. Набокова.

[41] В. В. Шульгин. Дни. Л. 1926, стр. 161.

[42] И. Штейнберг. От Февраля по Октябрь 1917 г. Берлин—Милан, б/г, стр. 7.

писать себе чести руководства первыми днями революции».[43] Таков же взгляд трудовика В. Станкевича.[44]

Хотя кадеты и не участвовали в борьбе на улицах Петрограда в Февральские дни и маневрировали, опасаясь разгара революции, все же в деле психологической подготовки умов к борьбе с царизмом они сделали больше, чем большевики, так как их фрондерские выступления в Думе широко расходились по стране. Это подчеркивал член ЦК партии к.-д. А. Корнилов в лекции для агитаторов, имевшей место 20 марта 1917 г.[45]

В событиях Февраля центральной фигурой оказался, благодаря войне, крестьянин-солдат. Даже по завышенным данным советских исследователей, доля пролетариата в общей массе населения России составляла к 1917 г. около 10%, при общей численности населения страны в 162,2 млн человек (без Финляндии и Польши). В армии удельный вес рабочих не превышал 3%.[46] Из указанного нами количества рабочих в армию было призвано не менее 40%. И за годы войны в составе рабочего класса, как мы уже знаем, женщины вместе с подростками составляли не менее 48,4%. В результате войны численность наиболее боеспособного и активного в революционном отношении пролетариата резко сократилась.[47] Даже В. И. Ленин признавал, что «со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступили на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы».[48] К примеру, характерен в этом отношении состав рабочих одного из крупнейших петроградских заводов — Обуховского. С начала войны на завод поступило около 5 тыс. рабочих, большую часть которых составляли выходцы из деревни.[49] Насколько многие рабочие Петрограда были связаны с деревней, свидетельствует тот факт, что для общения рабочих с солдатами большевики широко пустили в ход земляческие связи между ними.[50]

Если принять во внимание, что почти половину рабочих Петрограда составляли женщины, подростки, то непосредственно в вооруженной борьбе на улицах, при нехватке оружия, принимало участие несколько десятков тысяч рабочих, которые тонули в

[43] «Летопись революции», 1927, № 2—4, стр. 379.

[44] Февральская революция. Мемуары. М.—Л., 1925, стр. 399—409.

[45] А. А. Корнилов. Партия Народной Свободы. (Исторический очерк). П. 1917, стр. 28, 29.

[46] П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия. России в 1917 г. М., 1964, стр. 18.

[47] Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970, стр. 75, 84.

[48] В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 19.

[49] Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 85.

[50] А. Шляпников. М.—П., 1923, кн. первая, стр. 166.

солдатской гуще восставшего Петроградского гарнизона. Цифры потерь восставших также указывают, на кого легла главная тяжесть борьбы на улицах и площадях столицы. Из общего количества пострадавших (1382 человека) солдат было 869, рабочих 237 и других граждан (служащих, студентов и т. д.) — 276.[51] Таким образом, эти потери красноречиво говорят, кто был «гегемоном» в боях и вынес на своих плечах главную тяжесть борьбы.

Разворот революционных событий, приведший к победе Февральской революции, настоятельно выдвинул вопрос о власти, и лидеры либеральной буржуазии в целях предотвращения дальнейшего наступательного движения хода революции, создают уже 27 февраля Временный Комитет Государственной Думы. Одновременно в столице в Таврическом дворце, который был центром, куда тяготели рабочие и солдаты, собрались видные деятели меньшевиков и эсеров — Н. Чхеидзе, М. Скобелев, А. Керенский, Б. Богданов, К. Гвоздев, Н. Соколов, И. Волков, Н. Капелинский (Кац), А. Гриневич (Шехтер). Был создан Временный Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов и от имени этого органа они обратились с воззванием к населению столицы и солдатам.[52] Инициатива создания Петроградского Совета рабочих депутатов принадлежит меньшевикам и эсерам. 25 февраля 1917 г. на совещании рабочих ряда районов столицы, на котором присутствовали Н. Чхеидзе и деятели союза потребительских обществ — Н. Ю. Капелинский, М. Череванин и др., было принято решение о создании Совета рабочих депутатов.[53] Главенствующее положение в Петроградском Совете на первых порах заняли социал-демократы — меньшевики различных толков, среди которых выделялись Н. С. Чхеидзе, Н. Н. Суханов, Б. О. Богданов, Ю. М. Стеклов (Нахамкес), К. А. Гвоздев, М. Н. Либер (Гольдман) и Н. Д. Соколов. Вскоре здесь проявляются другие первоклассные силы в лице эсеров Гоца А. Р., Чернова В. М., Бунакова И. И. и Зензинова В. М. По определению П. Н. Милюкова, в работе Совета оставил «очень значительный след» трудовик Л. М. Брамсон. Большевики в Совете были представлены Л. Н. Козловским и

---

[51] «Правда», 23 марта 1917 г.

[52] «Архив русской революции». Берлин, 1922, т. VI, стр. 59; Н. Суханов. Записки о революции, кн. первая, стр. 68; Н. Чхеидзе, М. Скобелев, Б. Богданов, А. Гриневич являлись с.-д. меньшевиками, А. Керенский — эсер, К. Гвоздев — меньшевик-оборонец, Н. Соколов — с.-д. (внефракционный), Н. Ю. Капелинский (Кац) — с.-д. меньшевик-интернационалист; партийная принадлежность И. Волкова не выяснена. См. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседания Исполкома. М.—Л., 1925, стр. 361, 362.

[53] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г. Статья: «Как образовался Петроградский Совет».

П. И. Стучкой, а также их прямой противоположностью в смысле литературного и ораторского дарования Л. Б. Каменевым (Розенфельдом). Лидер конституционных демократов особо выделяет эсеров В. Н. Филипповского и В. З. Завадье, а также с.-д. (меньшевика) Бинасика М. С. — как представителей солдат.[54] Первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов 27 февраля 1917 г. открыл Н. Д. Соколов. Председателем Совета рабочих депутатов был избран Н. Чхеидзе, товарищами председателя — А. Ф. Керенский, М. Скобелев, Ю. Стеклов, Н. Суханов, Н. Капелинский, А. Шляпников, П. Залуцкий, Э. Соколовский, П. Красиков (Павлович), П. Александрович, и в качестве секретарей Петроградского Совета — К. Гвоздев, Н. Соколов, К. Гриневич и П. Панков.[55] Наиболее актуальным и основным вопросом на этом первом заседании Петроградского Совета был продовольственный вопрос, так как столица осталась без хлеба. Совет создал продовольственную комиссию во главе с меньшевиком В. Г. Громаном, в задачи которой входило немедленное обеспечение населения Петрограда и гарнизона хлебом и продовольствием. Отсутствие хлеба послужило толчком к выходу на улицу широкой массы трудящихся.[56] В конце марта число членов Исполкома Петроградсвого Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с кооптированными от Всероссийского Совещания достигало уже 124-х, в своей подавляющей части принадлежавших к меньшевикам и эсерам. Большевиков в указанном составе Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов числилось 14 человек.[57]

Эпигоны сталинской казенной историографии «по долгу службы» всячески пытаются голословно и вопреки фактам оспаривать заслуги с.-д. меньшевиков и эсеров в образовании Советов в 1917 г.,[58] — партий, сыгравших такую конструктивную роль в ходе революции, на плечах которых большевики пришли впоследствии к власти. Поскольку большевики были непричастны к созданию Петроградского Совета и оставили еле заметный след в работе его Исполкома в февральские и мартовские дни, большевики в лице их лидера В. И. Ленина поспешили впоследствии

---

[54] П. Н. Милюков. История второй русской революции. София, 1921, т. I, вып. I, стр. 71, 72.

[55] «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г.

[56] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г. Приложение № 1 и «Известия» от 6 марта 1917 г.

[57] «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов». Протоколы. М.—Л., 1925, стр. 361, 362.

[58] И. И. Минц. Указ. соч., т. I, стр. 551 и др.

заявить, вопреки очевидной истине, что «в феврале 1917 года масса создала Советы раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг».[59] Таким образом, сознавая непричастность большевиков к образованию Советов и не желая признать заслуг в этом деле своих политических противников — меньшевиков и эсеров — Ленин произвольно охарактеризовал процесс создания этих органов как стихийное явление.

В противовес исторической правде, официальная советская историография, уже вопреки Ленину, всячески пытается доказать причастность большевиков к созданию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и что большевистский актив в канун февраля находился большей частью в тюрьмах, ссылках и эмиграции, что, по мнению казенных историков, было одной из главных причин «захвата» власти либеральной буржуазией и преобладания в Совете меньшевиков и эсеров.[60] Оценка роли большевиков в создании Петроградского Совета была уже нами дана. Что касается положения с большевистским активом, то и здесь официальная советская историография выдает фальшивую версию за действительность. Наиболее жестоким преследованиям со стороны царизма подвергались как раз не большевики, а эсеры, и по сравнению с ними кадры социал-демократов, в частности, большевиков, несли сравнительно небольшие потери в борьбе с режимом.[61] Главные усилия охранки и даже ее заграничной агентуры были направлены прежде всего на борьбу с партией эсеров и ее течениями, связанных с проведением террора. Характерно, что число секретных сотрудников охранки в партии социал-революционеров было вдвое больше, чем в других противоправительственных партиях, как менее опасных с точки зрения царских властей.[62] Из оставшихся в живых на 1 января 1927 г. 2208 членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев царским репрессиям подверглись по партийной принадлежности только 494 большевика, количество репрессированных эсеров достигло 741, а меньшевиков различных течений — 410.[63] Другие цифры, заимствованные из отчета организационной

---

[59] В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 6.

[60] История коммунистической партии Советского Союза, изд. 4-е, дополненное. Авт. коллектив в составе Б. Н. Пономарева, акад. И. И. Минца, акад. В. М. Хвостова и др. М.. 1973, стр. 183, 184, 186 и др.

[61] Год русской революции (1917—1918). Сб. статей. М. 1918, стр. 123.

[62] В. К. Агафонов. Заграничная охранка. Петроград, 1918, стр. 123.

[63] Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1927, стр. 4, 5, 6. Соотношение репрессированных царизмом большевиков в действительности стоит значительно ниже, если учесть переход бывших

комиссии Общества, дают характерную картину, за принадлежность к каким партиям судились указанные 2208 членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Как оказывается, за принадлежность к социал-демократам — большевикам властями было привлечено к суду 348 человек, к социал-демократам — меньшевикам и Бунду — 291, а за принадлежность к партии эсеров — 572 человека! Необходимо учесть, что наряду с этим, царским судом были привлечены революционеры и по другим статьям, например, за террор и сопротивление властям — 202 человека, которые вряд ли принадлежали к большевикам, а более вероятно, пополняли ряды эсеров.[64] Таким образом, утверждение казенной советской историографии, что репрессии царизма падали всей своей тяжестью именно на большевиков, являются необоснованными и не могли служить причиной большевистского меньшинства в Советах и преобладания там меньшевиков и эсеров в ходе Февральской революции 1917 г.

Как справедливо отмечают западные историки, спорных или каверзных вопросов в советской историографии, в частности, Февраля и Октября 1917 г., немало. В частности, не выдерживает критики утверждение, что «мелкобуржуазная волна» определила состав возникших в ходе Февральской революции Советов и дала там победу меньшевикам и эсерам. Невольно напрашивается вопрос, схлынула ли эта волна, например, осенью 1917 г., когда большевики завоевали большинство в столичных Советах? Точно также является смехотворным утверждение официальной советской историографии, что якобы в то время как большевики во главе масс сражались в феврале против царизма, эсеры и меньшевиков воспользовались этим и проникли в руководство Советами.[65] Эта легенда рушится при обзоре хода Февральской революции и в Москве.

В Москве Февральская революция победила почти бескровно, имел место быстрый переход гарнизона на сторону революции.[66] И все же в Московском Совете большевики, как и в Петрограде, оказались в значительном меньшинстве. 1 марта 1917 года в Московском Совете оказалось 9 с.-д. меньшевиков, 7 большевиков, 7 эсеров, 3 члена Бунда и т. п.[67] К 5 марта 1917 г. состав Москов-

---

политкаторжан и ссыльнопоселенцев после октября в 1917—1927 гг., числившихся ранее в рядах других партий, в ВКП(б). Так, с.-д. меньшевиков в ВКП(б) перешло 78 человек.

[64] Там же, стр. 10. Подсчитано нами. (М. Ф.)

[65]) История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, стр. 186.

[66] И. И. Минц. Указ. соч., т. I, стр. 642, 645 и др.

[67] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, стр. 192.

ского Совета стабилизировался, снова меньшевики и эсеры оказались в подавляющем большинстве. Фракция большевиков в Московском Совете насчитывала теперь 51 депутата, меньшевики имели 172 места, эсеры 110, объединенцы 34 и т. д.[68] Точно так же в конце марта 1917 г. в составе Исполкома Московского Совета солдатских депутатов числилось 8 большевиков, 15 меньшевиков, 24 эсера, а 13 беспартийных депутатов шло за меньшевиками и эсерами.[69]

Преобладание меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете и незначительный удельный вес большевиков в составе его руководства было далеко не случайным. Меньшевики и эсеры по сравнению с большевиками обладали огромным перевесом в интеллектуальных силах, которые были представлены популярными в широких массах народа лидерами, окруженными ореолом борцов и мучеников — Чхеидзе, Церетели, Мартов, Потресов, Керенский, Чернов, Брешко-Брешковская, Авксентьев, Бунаков, Савинков, Дан, Гоц и др. Масса солдат и рабочих на первых порах революции в связи с численной и организационной слабостью большевиков была мало знакома с ними, не разбиралась в гамме политических оттенков партийных организаций, а фамилии таких лидеров, как А. Шляпников, П. Залуцкий или П. А. Красиков для нее политически пока не звучали и ни о чем не говорили. Кроме того, большевики вначале недооценивали настроения широкой солдатско-крестьянской массы, для которой впереди шли мотивы не политического, а экономического и социального порядка. Как справедливо отметил И. Г. Церетели, Ленин в начале революции разочаровался в солдатско-крестьянской массе и рекомендовал даже перенести центр тяжести работы большевиков на Советы батрацких депутатов, которые, однако, так и не были созданы большевиками в период февраля—марта 1917 и.[70]

Создание Временного Комитета Государственной Думы и Петроградского Совета означало конец стихийного движения масс и положило начало организованным формам революции. Создание на первом же заседании Петроградского Совета военной комиссии ознаменовало собой начало введения в организованное русло движения солдат Петроградского гарнизона. Во главе комиссии были поставлены эсеры подполковник С. Масловский (Мстиславский) — сотрудник Военной академии, и старший лейтенант флота В. Филипповский и ряд других, которые приложили много

[68] Москва в двух революциях. М., 1958, стр. 119.

[69] С. Кукушкин. Московский Совет в 1917 г. М., 1957, стр. 45.

[70] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Книга первая, стр. 447.

энергии в деле организации выступлений частей Петроградского гарнизона.[71] «Известия» оповещали массы, что во главе революционных войск поставлен «военный комитет», состоящий из офицеров и солдат. По существу военная комиссия (комитет) становится штабом восстания, который состоял из 20 офицеров, главным образом прапорщиков.[72] Восставшие солдаты и рабочие массово посещали Военную комиссию, где получали уже определенные указания.[73] В борьбе за армию либеральная буржуазия в лице Временного Комитета Государственной Думы стремилась овладеть Военной комиссией. Однако победителем оказался Петроградский Совет.[74]

Победа Петроградского Совета в борьбе за гарнизон создала довольно прочный фундамент начавшегося двоевластия и имела неисчислимые политические последствия для дальнейшего хода революции в стране и в армии. Либеральная буржуазия, поставленная перед фактом создания двоевластия, всячески пыталась сосредоточить власть в своих руках, однако было уже невозможно отнять у Совета прерогативы, завоеванные солдатскими массами. Лидеры кадетов и октябристов пытались переиграть этот вопрос непосредственно в казармах, однако масса не внимала их призывам. К примеру, А. И. Гучков 2 марта весь день посвятил непосредственным контактам с частями Петроградского гарнизона.[75] В. Родзянко признавал, что революция пришла снизу, сознавал свое бессилие в борьбе с двоевластием, которое, по его словам, было основано «на недоверии, на классовой борьбе». Председатель Государственной Думы, так же как и Гучков, пытался наладить контакты с солдатами в своих политических целях. Он посетил 9 запасной кавалерийский полк, где ратовал за власть офицеров («слушайте офицеров») и против двоевластия.[76] Родзянко был поставлен перед неумолимым фактом, что запасные батальоны гвардейских полков, состоящие главным образом из крестьян непромышленных губерний, не были приверженцами его политических целей, а громко выдвигали свои крестьянские социальные требования (земля).

---

[71] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г. Приложение № 1.

[72] Е. И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте, стр. 110.

[73] С. Мстиславский. Пять дней. М., 1922, стр. 16.

[74] С. Мстиславский. Указ. соч., стр. 17, 18; П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 98; «Архив русской революции», т. VI, стр. 64, 67, 68.

[75] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 48.

[76] Государственная Дума и Февральская 1917 года революция, см. в «Архив Русской Революции», т. VI, стр. 77, 79.

2 марта к Государственной Думе явился в полном составе Семеновский полк. После успокоительной речи Родзянко выступил Чхеидзе, который «посоветовал семеновцам потребовать от представителя Государственной Думы высказать свои взгляды по поводу разрешения вопроса о земле и учреждения демократической республики».[77] П. Н. Милюков в офицерском собрании 1-го запасного полка и у солдат-гренадеров также твердил, что «двоевластие опасно» и ратовал «за единую власть».[78]

Однако поколебать двоевластие или, по существу, устранить Петроградский Совет от участия в решении политических вопросов было уже невозможно, так как Совет являлся органом победивших в революции солдат и трудящихся и который в данный период выражал их социальные и политические интересы, их чаяния и надежды. С существованием Совета широкие массы рабочих и трудящихся вообще связывали свои ожидания проведения широких социальных реформ и облегчения их тяжелой жизни, а солдатско-крестьянская масса гарнизона в социальном разрезе уповала на получение помещичьей земли, видела в существовании Совета гарантию от реставрации ненавистного царского режима и офицерской, барской тирании. Хотя оборонческие тенденции еще не были окончательно сломлены ходом событий в солдатах-крестьянах, но они уже, слушая речи представителей социалистических партий, рассчитывали на мир, и его выражением было страстное нежелание частей гарнизона уходить на фронт. Решения Петроградского Совета в этом отношении вполне устраивали солдатскую массу, и в результате между Советом и гарнизоном завязались тесные узы, так трагически оборванные впоследствии, когда социалистические партии эсеров и меньшевиков близоруко затянули и так и не решили главнейших вопросов революции — вопрос о мире и земле. Но в данный период масса еще верила Советам и ждала решения «своего главного жизненного вопроса: вопроса о земле» — как это отмечал один из виднейших лидеров кадетов П. Н. Милюков.[79] О взаимосвязанности Совета и солдатской массы говорит следующий характерный момент. Когда военный министр А. И. Гучков сделал попытку повлиять на членов Военной комиссии Петроградского Совета с целью убедить их прекратить разговоры о мире и о целях войны, то в ответ выслушал глубокомысленное замечание Н. Суханова, что «Совет не может принести в жертву поддержанию боеспособности армии самого себя».[80]

---

[77] Там же, стр. 66.

[78] Н. Суханов. Записки о революции. Берлин—Москва, 1922, стр. 167.

[79] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 7.

[80] П. Н. Милюков. Россия на переломе. Париж, 1927, т. I, стр. 69.

В связи со слабостью и немногочисленностью состава социалистических партий и еще большей слабостью професиональных союзов рабочая и солдатская масса широко участвовала в Советах. Как Петроградский Совет, так и вообще Советы и Комитеты впервые вовлекли солдат в политическую жизнь и прокламировали их политические права. Как подчеркивает немецкий исследователь советского движения, эти организации становились барометром стремления широких масс и радикализации последних. Как мы уже знаем, возглавляли Советы представители партий меньшевиков и эсеров, а отнюдь не большевики, которые в этот период играли незначительную роль.[81] В солдатской массе Петрограда возникают страх и опасение, что старые реакционные силы и верхи офицерства смогут оказать сопротивление возникающему новому порядку, и что эти силы попытаются снова навязать свою волю участникам революции. Эти опасения находили свой отклик и среди членов Исполкома Петроградского Совета.[82] Обоснованность этой тревоги за будущее нового порядка вытекала из факта наличия в самой солдатской среде определенных колебаний и даже враждебных вылазок против восстания со стороны некоторых элементов гарнизона. Так, в ходе восстания Литовский полк выделил специальную ударную часть для борьбы с революцией. Враждебные проявления к революции имели место в Кексгольмском и частично в Измайловском полках. Оказала сопротивление восстанию и определенная часть солдат самокатного батальона.[83] Опасения солдатских масс нашли свое отражение в выработанной политической платформе руководства социалистических партий в Петрограде в начале марта 1917 года, которая была принята в связи с образованием Временного правительства. С политической точки зрения наиболее важным, пожалуй, был пункт платформы о неразоружении и невыводе революционных войск из Петрограда. Это решение закрепило за Петроградским Советом руководство гарнизоном и усилило их взаимоподдержку. Как правильно отмечал Н. Суханов, вопрос о невыводе частей Петроградского гарнизона на фронт стал «хронической болезнью» солдатской массы столицы; особенно это касалось вновь прибывших частей. Солдатская секция Совета всячески тормозила мероприятия Временного правительства, пытавшегося всеми доступными ему мерами вывести неугодные ему части на фронт. Солдатская секция с трудом разрешила только вывод

[81] Oskar Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Weiden, 1958, SS. 125, 137, 139.

[82] S. Katkov. Op. cit., p. 366.

[83] Большевизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Ленинград, 1932, стр. VI.

частей, в которых были признанные солдатами офицеры и которые имели выборные солдатские комитеты. Эта борьба за армию между Временным правительством и Петроградским Советом имела в дальнейшем решающее значение для судеб революции. Однако и в течение первых трех месяцев революции этот вопрос оставался острым. Отправка частей на фронт предусматривала обязательное разрешение Исполкома Совета, который из-за оборонческой платформы шел уже навстречу Временному правительству.[84]

Во всяком случае солдатская масса пока праздновала победу — и если в феврале 1917 года Петроградский военный округ отправил на фронт 23 263 солдат, то в марте было с трудом направлено на театр военных действий 3 336 солдат.[85] В ответ на нажим командования в деле отправки на фронт солдат из столичного гарнизона, последовали протесты из частей. Например, батальонный комитет самокатного запасного батальона в марте обратился к председателю Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с протестом против отправки на фронт. В документе батальонного комитета указывается, что согласно пункту 7 воззвания Временного правительства, объявленного в «Известиях комитета петроградских журналистов» 2—3 марта за № 6—7, «воспрещается разоружение и вывод из Петрограда частей, принявших участие в революции». Противилась отправке на фронт и 1-я артиллерийская гвардейская бригада, которая заявила, что пошлет маршевые роты «не иначе как с согласия Совета рабочих и солдатских депутатов». Подобные документы поступали и от целого ряда других частей (Волынский гвардейский полк, Гренадерский запасной полк и др.). К концу марта 1917 года комиссия по обороне Петроградского Совета за подписью председателя Исполнительной комиссии Совета В. Завадье уже отступила под натиском командования и считала возможным «быстрейшее» возвращение войсковых частей, прибывших в Петроград «во время революционного движения».[86]

В марте Московский Совет был также против вывода маршевых рот из состава стотысячного гарнизона города. На заседании Совета 16 марта 1917 года было принято требование приостановки отправки запасных солдат на фронт.[87] В ответ на решение командования Московского военного округа об отправке маршевых рот

---

[84] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. вторая, стр. 218, 221; там же, кн. третья, стр. 115, 116 и др.

[85] ЦГВА, ф. 499, оп. 2, д. 2086, лл. 111, 133.

[86] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 81, лл. 11, 11об, 14, 16, 35 и др.

[87] «Борьба классов», 1934, № 11, стр. 11—12.

на фронт в Москве прошел ряд митингов протеста солдат гарнизона. Солдаты 84-го пехотного запасного полка на своем митинге 9 марта потребовали от командования гарнизона гарантий, что солдаты Москвы не будут отправлены на фронт.[88] Солдаты же 185-го пехотного запасного полка приняли резолюцию о недопустимости направления на фронт солдат без разрешения Московского Совета солдатских депутатов.[89] 22 марта совместное заседание Исполкома Московского Совета и Президиума Совета солдатских депутатов приняло решение: «интересы революции требуют наличности в Москве революционных войск».[90]

Следует отметить, что в решениях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по вопросу о невыводе войск столичного гарнизона были проявлены колебания, вытекающие из непоследовательной до конца позиции политического руководства Совета — меньшевиков и эсеров — в вопросе о войне. Нельзя было проводить оборонческую линию и в то же время не выводить маршевые роты на задыхающийся от некомплектности фронт. Кроме того, создавалось положение, при котором два крупнейших гарнизона России — Петроградский и Московский, насчитывающие вместе свыше 400 тысяч солдат, оказались в привилегированном положении. Под давлением своих солдат этого права невывода стали требовать и провинциальные Советы. Так, представитель Псковского Совета на заседании Петроградского Совета 14 марта выразил протест в связи с невыводом войск столичного гарнизона, так и рассматривая это как привилегию.[91] 11 марта при обсуждении вопроса о выводе из Петрограда батарей полевого тяжелого артиллерийского дивизиона была призвана «возможной» их отправка с тем, чтобы дивизион оставил своих делегатов для участия в работе Совета.[92] Но в данный момент опасения перед возможной интервенцией с фронта и реставрацией старых порядков заставили Петроградский Совет придерживаться линии невывода войск из столицы. Совет опасался передвигать из столицы части, прибывшие на поддержку революции из Ораниенбаума. Совет отказался отправлять в Ораниенбаум солдат пулеметного полка и предъявил требования военному министру А. И. Гучкову, чтобы г. Ораниенбаум был включен в район Петрограда «откуда войска не могут быть отправлены на

---

[88] М. Ахун и В. Петров. 1917 год в Москве. Стр. 30.

[89] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и матераилы. М., 1957, стр. 645.

[90] Там же, стр. 317, 318.

[91] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. Стр. 48.

[92] Там же, стр. 41.

фронт без нового на то разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов».[93]

Приказ Родзянко от 28 февраля 1927 г., потребовавшего от имени Временного комитета Государственной Думы немедленного возвращения солдат в казармы и их подчинения офицерам, вызвал глубокое возмущение и беспокойство в гарнизонной массе и ускорение неизбежного появления знаменитого приказа № 1, бывшего важнейшим основополагающим мероприятием о необходимой демократизации армии, как определенной гарантии от реставрации старых порядков. Попытка Думского Комитета по существу воссоздать прежнюю военную организацию потерпела крах, так как солдатская масса оказала решительное сопротивление. 1 марта представители солдат явились в Петроградский Совет на заседание, где обсуждался вопрос о новых началах в жизни гарнизона и на котором председательствовал Н. Соколов и где говорилось «об угрожающем поведении Временного Комитета Государственной Думы по отношению к революционному войску». В выступлениях красной нитью проходило желание солдат не сдавать оружия, а в политических решениях — подчиняться только Совету.[94] В рассказе очевидца событий Тарасова-Родионова четко показывается выступление солдат на указанном заседании Совета против власти реакционных офицеров, за выборные солдатские комитеты, за оставление революционных войск в Петрограде. Выступающие солдаты требовали, дабы вне службы и строя солдаты пользовались всеми политическими и гражданскими правами и др.[95] Как писал хорошо информированный английский посол в России Дж. Бьюкенен, отношения большинства солдат со старым офицерством были в высшей степени неудовлетворительными, и, таким образом, не могло быть между ними и доверия. Большинство же членов Петроградского Совета, будучи на данной стадии революции определенным барометром этих солдатских настроений, в свою очередь считали старую армию опасным оружием, которое может быть в свое время обращено против революции.[96] В связи с этими обстоятельствами Совет принял решение, что офицерство может сохранить власть над солдатами «в чисто военном отношении», а политическое руководство должно принадлежать Совету рабочих и солдатских депутатов. Б. Энгельгарт рассказывал, что вечером 1-го марта к нему явились выборные солдаты 20 частей Петроградского гарнизона и определенно заявили, что они не могут доверять своим офице-

[93] Там же, стр. 23.
[94] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 2 марта 1917 г.
[95] А. Тарасов-Родионов. Февраль. М., 1931, стр. 206 и др.
[96] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2-е, б./г., стр. 220, 222.

рам, которые не принимали участия в революционных выступлениях, а посему требуют издания приказа о производстве выборов в ротах, эскадронах, батальонах и командах.[97] Несмотря на сопротивление Думского Комитета, новые основы армейской жизни были приняты Советом 1 марта 1917 года. Уже на заседании Совета 3 марта было вынесено решение о принятии мер к урегулированию отношений между солдатами и офицерами на основе приказа № 1, как стал именоваться документ, выработанный солдатами, членами Исполкома Совета. Совет поручил созданной комиссии разъяснить этот приказ.[98] В лагере либеральной буржуазии забили тревогу. Гучков еще ранее убедившийся, что солдаты его не слушаются, и о котором справедливо указывалось в протоколе Совета, что он «всегда уклоняется от прямых сношений с Исполкомом», также решительно возражал.[99] В связи с этой позицией военного министра Временного правительства И. А. Гучкова, на заседании Исполкома Совета 6 марта ставится вопрос о его политической линии. Было принято решение, чтобы направить в министерство делегацию, которая настаивала бы на необходимости выборного начала, создании третейского суда из солдат и офицеров. Делегация Совета должна была потребовать отмены гвардии, отдания чести, разрешения на ношение штатской одежды вне службы и др. На этом же заседании Исполкома было решено издать приказ № 2 по Петроградскому гарнизону, «разъясняющий смысл приказа № 1». Приказ № 2 предполагалось издать за подписью Исполкома Совета и военного министра.[100] Кадеты и октябристы уже не смогли повернуть колесо истории назад, как не смогли бы это сделать и многие осторожные лидеры Петроградского Совета. По поводу приказа № 1 кадеты даже посылали делегацию в Петроградский Совет. Н. С. Чхеидзе сказал делегатам, что-де он понимает и даже разделяет их опасения, но, как он выразился «движение пошло через наши головы».[101] Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что приказ № 1 в той или другой редакции все равно увидел бы свет. Можно утверждать, что коллективным автором этого исторического приказа № 1 было именно эсеро-меньшевистское большинство Петроградского

---

[97] Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., стр. 296.

[98] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. Стр. 10, 11.

[99] Там же, стр. 17, 44.

[100] Там же, стр. 16, 17. Э. Н. Бурджалов ошибается, утверждая, что в протоколах Исполкома и пленума Петроградского Совета «нет следов утверждения приказа № 1 этими органами». См. Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., стр. 297.

[101] Н. Г. Долгоруков. Великая разруха. Мадрид, 1964, стр. 18.

Совета, о чем свидетельствуют протокольные записи Исполкома за 3, 4 и 6 марта 1917 г.

Приказ № 1, опубликованный в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» 2 марта 1917 г., имел колоссальное политическое значение в деле создания фундамента для проведения демократизации русской армии и тем самым уберег революцию от покушения на ее завоевания со стороны русской реакции и группировок справа. В то же время будучи так необходимым именно на первых порах революции, приказ № 1 открывал широко дорогу реакции слева, так как дал возможность большевикам использовать в дельнейшем в своих интересах созданные революцией советы и комитеты для захвата власти в стране и в армии*

Даже при публикации приказа № 1 редакция большевистской «Правды» из-за своих узкопартийных целей не остановилась перед политической махинацией. Так, вместо официальной редакции пункта 4-го приказа № 1, данной в «Известиях», о том, что «приказы военной комиссии Государственной Думы следует выполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов», «Правда» в номере от 7 марта 1917 г. сводила на нет приказы военной комиссии. Таким образом «Правда» отвергла полномочия военной комиссии и фактически все ее прерогативы передавала самочинно Совету. Большевики хотели создать в армии полное безвластие.

О том, какое серьезное значение имел приказ № 1 в борьбе за Февраль и его завоевания, видно из примечательного высказывания члена Исполкома Петрсовета Иосифа Гольденберга (Мешковского). Когда спустя несколько месяцев после февральских дней ЦИК Советов направил на запад делегацию по вопросам заключения мира, в Бергене член делегации, Иосиф Гольденберг, в ответ на резкие замечания французского журналиста и историка Клода Ане дал ему интереснейший ответ. «Приказ № 1, — говорил И. Гольденберг, — не был ошибкой: это была необходимость... В тот день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим старую армию, то она подавит революцию. Нам приходилось выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы выбрали революцию и пустили в ход, я смею сказать, гениально, необходимые средства».[102]

---

* Примечание: Не успели большевики придти к власти, как они сразу избавились от комитетов и обескровили Советы.

[102] Claude Anet. La Revolution Russe. Т. II, p. 61; П. Н. Милюков. Россия на переломе. Париж, 1927, т. I, стр. 57, 58.

Русская либеральная буржуазия, в частности, А. И. Гучков, хотели, как это показал лидер октябристов в Чрезвычайной Следственной Комиссии после Февраля, овладеть армией через командный состав, не разрушая тех форм, в которых армия существовала при царизме. Они не хотели — говорил Гучков — «касаться солдатских масс».[103] Русские же социалистические лидеры, в лице меньшевиков и эсеров, в унисон с революционными требованиями масс пустили в ход «гениально необходимые средства» и стали проводить демократизацию армии, начатую важнейшим приказом № 1.

Все же в связи с политической слабостью Комитета Государственной Думы лидеры этого органа вынуждены были перед лицом всесильного гарнизона пойти на уступки, которые по существу сводили на нет их попытки оставить «старые формы» в армии. Лидеры Думского Комитета категорически отметали устроение армии на началах самоуправления, которое «не испробовано ни в одной армии мира», но согласились принять требования, имеющие решающее значение. Комитет Государственной Думы принял требование Петроградского Совета об оставлении гарнизона в столице и его неразоружении.[104] На эти вынужденные уступки лидеры либеральной буржуазии пошли перед лицом начавшихся солдатских выступлений против офицеров гарнизона и начала кронштадтских эксцессов. Это по существу признавал М. В. Родзянко, так как лидеры буржуазии были запуганы вздымающейся волной революционного движения в гарнизоне, которое принимало «все более и более острый и сложный характер.[105] Именно регулирующие, революционные начала приказа № 1, хотя по своей социальной сущности и неприемлемые для думцев из лагеря кадетов, октябристов, давали все же гарантию физического сохранения корпуса офицеров в армии и их возвращения в части, откуда многие представители командного состава бежали в первые дни Февральской революции. Приказ № 1 в создавшихся условиях разгара революции оградил Петроград от анархии, так как пункт пятый приказа представлял всякого рода оружие в распоряжение и под контроль ротных и батальонных комитетов.

Победа революционных масс и их Совета привела в смятение Родзянко и его единомышленников. Он так и рассматривал победоносный Февраль как одну из страшнейших революций и опа-

---

[103] М. И. Ахун и В. А. Петров. Указ. соч., с тр. 76.

[104] А. Шляпников. Указ. соч., кн. первая, стр. 239.

[105] «Архив Русской Революции», т. VI, стр. 68. Циркулирующие слухи о поголовной резне офицеров играли значительную роль в определении поведения Родзянко.

сался ареста, а в революции он видел только анархию. Все отмеченные нами уступки Совету со стороны кадетов и октябристов были сделаны из опасения начала гражданской войны, и их стремления были направлены на удержание революционного движения в «приличных рамках».[106] Однако представители либеральной буржуазии при малейшей возможности пытались свести завоевания революции на нет и всячески цеплялись за старое. Их давление на Совет проявилось в поддержке генералитета, настаивающего на отмене или по крайней мере ограничении приказа № 1. Уступки со стороны Петроградского Совета выражались в последовавших уточнениях и разъяснениях приказа № 1 и заявлениях, что этот важнейший документ относится лишь к Петроградскому гарнизону. Появление приказа № 3, который по существу имел прямое отношение к войскам фронта, был одним из этих «разъяснений». Этот приказ-воззвание был подписан товарищем председателя Исполкома Петроградского Совета М. Скобелевым и председателем Военной комиссии Думы. В воззвании говорилось об окончательной победе народа над царизмом, в нем содержались призывы к единению солдат и офицеров и упоминалось об уважении «к личности солдата-гражданина». Приказ-воззвание прямо указывал, что приказы № 1 и № 2 относятся только к Петроградскому гарнизону и что новые правила отношений в действующей армии будут выработаны военным министром по согласованию с Исполкомом Петроградского Совета.[107] Как известно, думские деятели пытались изменить в свою пользу соотношение сил при помощи ген. Корнилова, назначенного по их инициативе командующим войсками Петроградского военного округа и прибывшего в столицу 5 марта 1917 г.[108] Однако маневры А. И. Гучкова и другие аналогичные меры не поколебали установившегося соотношения политических сил. А. И. Гучков был вынужден признать, что ему не на кого было опереться, так как обязательство правительства о невыводе революционных частей не давало возможности создания Временному правительству верных ему вооруженных сил.[109]

Командные верхи армии и преобладающая часть генералитета и высшего кадрового офицерства встретили революцию враждебно. Небезызвестный генерал А. Деникин свидетельствовал, что «революция ошеломила командный состав», и поначалу

---

[106] «Красный Архив», 1927, № 2 (21), с тр. 56 и № 3 (22), стр. 26, 27, 28.

[107] «Рабочая газета», 13 марта 1917 г.

[108] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. Стр. 34, 35.

[109] «Поледние новости», 20 сентября 1917 г.

командная верхушка на фронте растерялась.[110] Командир же конного 3-го корпуса генерал граф Келлер в связи с отречением царя испытывал «чувство ужаса и отчаяния» и взывал к свергнутому царю «не покидать» командиров.[111] Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, мечтавший в свое время лишь о строго ограниченном дворцовом перевороте и вместе с лидерами либеральной буржуазии всячески лелеявший мысль о сохранении монархии, ген. Алексеев, теперь делал ставку на ограждение действующей армии от наступающих революционных сил. Не без основания как генерал Алексеев, так и генералитет главную опасность видели в революционных войсках Петроградского гарнизона, который, судя по телеграммам ген. Алексеева командующим фронтами, являлся «вредным» и «опасным» и от которого надвигалась опасность «более всего для действующей армии». Ген. Алексеев приказывал своим подчиненным «беречь» фронт от «всяких страстей внутренних», т. е. генерал желал выхолостить революционные политические акценты из поступающих сведений из столицы. 3 марта Алексеев подчеркивал, что «теперешний Петроградский гарнизон, разложившийся нравственно, бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда». Мало того, начальник штаба Главковерха квалифицирует все запасные части столицы как «зараженные революционной пропагандой, а потому и опасные для действующей армии».[112]

Насколько начальник штаба действующей армии не разбирался пока в обстановке, видно из его телеграммы главнокомандующим армиями фронтов от 12 марта 1917 г., где он, говоря о необходимости удержания фронта от развала, предлагал спасать и царскую династию, борьбу за сохранение которой он ставил на первый план.[113] Однако попытки как со стороны Ставки так и главнокомандующих фронтами сперва скрыть, а затем затормозить сообщения о революции в Петрограде и свержении царизма, были сведены на нет появлением революционных солдат и агитаторов в расположении частей. На заседании Петроградского Совета 6 марта 1917 г. было заслушано уже сообщение делегации, направленной с Северного фронта ген. Рузским, «о крайне вредном влиянии приказа № 1». Уполномоченные генерала просили Совет «внести хоть какое-нибудь спокойствие в армию».[114]

---

[110] Ген. Деникин. Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. I, вып. I, стр. 60, 61.

[111] ЦГВИА, ф. 372, оп. 1, д. 41, л. 41 и др.

[112] «Красный Архив», 1927, т. 4 (22), стр. 6, 23, 37, 38, 41.

[113] «Красный Архив», 1927, т. 21, стр. 67, 69.

[114] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. Стр. 18.

7 марта 1917 г. войска фронта уже были официально оповещены о победе революции.[115] Таким образом, солдаты Северного фронта активно откликнулись на революционные события в Петрограде. Даже далекий гарнизон крепости Карс 6 марта уже отреагировал на революцию, и там начались аресты.[116] Как жаловался в своем докладе ген. М. В. Алексеев военному министру Гучкову, «Из Петрограда в армию по всем направлениям распускаются агитаторы, призывающие к неповиновению начальству» и к установлению выборного начала. Подобные же призывы, подчеркивает генерал, «несутся по радиотелеграфу», производятся аресты офицеров и генералитета и что в офицерском составе явно замечается «упадок духа». В заключение ген. Алексеев требовал оградить фронт «от растлевающего натиска на порядок и дисциплину армии»[117] И если раньше генерал Алексеев пытался давать распоряжения об аресте и суде над агитаторами, то уже 6 марта в разговоре по прямому проводу с кн. Львовым и Гучковым Алексеев молил о помощи, и Временное правительство уже ночью разослало на фронты деятелей Государственной Думы для успокоения солдатской массы, которая явочным порядком стала устанавливать новый революционный режим на фронте. Теперь генерал Алексеев сбавил тон и признал, что «событгия несут нас, а не мы ими управляем».[118] Солдатский фронт бурлил, а вскоре уже в марте, в Петросовете появляются солдатские делегации ряда гарнизонов страны и фронта. Петроградский Совет в конце марта принял делегации Камышловского гарнизона, Особой армии Юго-Западного фронта, гарнизона Луги, Особого полка, 3-го дивизиона 12-й артиллерийской бригады и др. Особый характер носила делегация от 4 тысяч солдаток г. Смоленска.[119] Как мы уже знаем, кроме солдатских делегаций, в Совет являлись специальные представители командующих. Так, например, ген. Рузский направил своего представителя, который должен был требовать направления на фронт «популярных и ответственных общественных деятелей» для влияния на солдат «в смысле устранения вредных эксцессов»[120]

Как видим, командование настолько растерялось, что стало просить помощи у ненавистного ему Петроградского Совета. Раз-

---

[115] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 марта 1917 г.

[116] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 175, лл. 5, 6.

[117] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1533, лл. 114—129.

[118] «Красный Архив», 1927, т. 3 (22), стр. 53, 57, 64 и др.

[119] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. Стр. 71.

[120] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, л. 12.

ворот революционных событий в действующей армии заставил ген. Алексеева сменить решительный тон в борьбе с носителями революции на фронте. Он уже предлагает идти на компромиссы для поддержки «умеренных элементов» в их борьбе с «крайними».

В своем отношении к командованию Кавказского фронта ген. Алексеев так и писал, что «для ограждения армии от беспорядков нам нужно, к сожалению, стать на путь компромиссов» и предлагал поддержать «умеренные, разумные» элементы на фронте. Он предупреждал, что наибольшую опасность для армии представляют именно крайние элементы, которые входят в Советы и состоят «из малоразвитых людей крайних убеждений», которые и «будут играть наиболее растлевающую для армии роль . . .».[121] Ген. Алексеев всячески пытался опереться на т. н. «умеренные» элементы, дабы парализовать и во всяком случае ограничить революционное влияние Петроградского Совета и его революционные акты. Так, 18 марта 1917 г. ген. Алексеев издал приказ, в котором категорически настаивал на лишении права солдат в деле выборности ими командного состава.[122] В целях предупреждения возникновения явочным порядком многих солдатских комитетов, в которых преобладал бы революционный солдатский элемент («крайние»), ген. Алексеев к концу марта уже применяет указанный выше «компромисс» и признает необходимость широкого распространения комитетов в войсках.[123] Однако как Ставка, так и Временное правительство совершили своего рода обходный маневр. Не располагая силой в деле заторможения роста комитетов в армии, они издают ряд приказов, содержащих положение о воинских комитетах, которые фактически сводились к ограничению политических функций комитетов и приданию им консультативных, хозяйственных и культурно-просветительных функций с обязательным контролем командования. 30 марта 1917 г. Ставкой было издано «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», которое было ни чем иным, как контрнаступлением Ставки на политические акты Петроградского Совета.[124] Однако создание сети комитетов на фронте и в тыловых гарнизонах было неоспоримым фактом, как неоспоримым было теперь политическое, моральное и, пожалуй, организационное руководство и влияние в комитетском движении в армии со стороны Петроградского Совета.

Как Ставка и командование в целом, так и либеральная буржуазия из лагеря Государственной Думы и Временного прави-

---

[121] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 321, лл. 14, 15.
[122] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1015, л. 163.
[123] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 56.
[124] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 11, д. 9, лл. 87—90об. и др.

тельства не могли уже остановить естественный ход революции в стране и в армии. Им оставалось только сетовать и пенять на себя, что они запоздали с дворцовым переворотом сверху. Депутат Думы, член ЦК кадетской партии и посол России во Франции (после июля 1917 г.) В. А. Маклаков в мае 1917 г. на частном совещании Государственной Думы так и сказал: «Если потомство проклянет эту революцию, то оно проклянет и нас, во время переворота сверху не успевших предупредить ее».[125]

Конечно, Ставка в лице ген. Алексеева еще пыталась маневрировать и стремилась навязать уже революционной России великого князя Н. Н. Романова в качестве верховного главнокомандующего. Однако глава Временного правительства князь Львов, учитывая положение в стране и роль Петроградского Совета, резонно указывал генералу, что говорить о назначении Н. Н. Романова можно было еще год или даже месяц тому назад. В создавшейся же политической ситуации, «... когда совершился величайший переворот, размеры которого никто не ожидал, тыл решает все: события рождаются психологией масс, а не желанием правительства». Ген. Алексеев был вынужден признать неопровержимость доводов главы Временного правительства и сам уже заговорил об опасной «боевой позиции» народных масс в революции.[126]

Несмотря на свою политику «компромиссов», ген. Алексеев все же неизбежно отражал мнение многих представителей кадрового генералитета, который в своем большинстве так и не извлек должных уроков из революции и продолжал цепляться за старорежимную линию в армии. 5 марта 1917 г. ген. Алексеев писал в адрес Временного правительства, чтобы последнее создало условия, при которых никто не смел бы, кроме Главковерха, «касаться армии».[127] Находясь под нажимом Петроградского Совета, Временное правительство, и в частности, А. Гучков, возражали против суровых мер, предпринимаемых ген Алексеевым и его генералами на фронтах против агитаторов. А. Гучков считал,

---

[125] А. Керенский. Издалека. Сб. статей. (1920—1921). Париж, стр. 165.

В исторической перспективе В. А. Маклаков опоздал также разглядеть победу в России реакционной, великодержавной диктатуры И. Сталина-Джугашвили. 12 февраля 1945 г. Маклаков возглавил посещение посла СССР в Париже Богомолова «верноподданической» делегацией, куда входили и кадет Ступницкий, энес Альперин, Одинец, Титов, эсеры Роговский, Тер-Погосян, два адмирала царской армии Кедров и Вердеревский и бывший сотрудник Гукасова — Татаринов. Еще ранее, в ходе второй мировой войны, на удочку возрожденного сталинщиной российского империализма клюнул и П. Н. Милюков. См. М. Вишняк. Годы эмиграции. Париж—Нью-Йорк, 1970, стр. 191, 193.

[126] «Красный Архив», 1927, № 3 (22), стр. 60, 61, 62.

[127] Там же, стр. 51, 52.

что эти драконовские меры только «подливают масло в огонь».[128] На действия командования резко реагировал печатный орган Петроградского Совета, который отмечал, что «дух кровавого царя» жив в начальнике штаба Верховного главнокомандующего» и пр.[129]

Многие из командующих фронтов также пытались тормозить включение действующей армии в сферу победной революции. Так, главнокомандующий Северным фронтом ген. Н. В. Рузский телеграфировал в Ставку о своем отказе исполнять приказ № 2 Петроградского Совета.[130] Начальник штаба 11-й армии Юго-Западного фронта ген. Г. Д. Романовский требовал уже предъявления ультиматума депутатам Совета об их невмешательстве в армейские дела и категорического недопуска последних в армейские части.[131] Главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов, вопреки решениям Петроградского Совета, издал приказ о недопустимости выборного начала в частях фронта.[132]

Насколько Ставка и старый генералитет недопонимали обстановки, видно хотя бы из доклада ген. М. В. Алексеева, в котором он требовал от Временного правительства «не потакать Совету»[133] На фоне разворота революционных событий в армии и выступлений матросов в Кронштадте линия поведения генералитета была политически вредной и опасной для недавно созданного Временного правительства, которое, по определению М. В. Родзянко, танцевало в этот отрезок времени «на одной левой ноге, не имея фундамента под правой» и которое теряло равновесие.[134] Конечно, нельзя рассматривать весь генералитет и офицерство как единое целое, так как и здесь мы видим определенную классовую и политическую дифференциацию. Как писал бывший начальник штаба 11-й Армии Юго-Западного фронта ген. Б. В. Геруа, «из старых генералов армии немногие поняли, что революцию не перехитрить». Однако среди генералитета были и более дальнозоркие командиры, как, например, командующий 9-й армией генерал П. А. Лечицкий и др.[135] В среде офицерства, безус-

---

[128] Там же, стр. 52, 53.

[129] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 марта 1917 г.

[130] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1537, л. 358.

[131] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3792, л. 237.

[132] ЦГВИА, ф. 2034, оп. 1, д. 1351, лл. 164, 167.

[133] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1533, лл. 127—129.

[134] «Архив Русской Революции», т. VI, стр. 70.

[135] Б. В. Геруа. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969, т. I, стр. 174, 176; Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. документов. М., 1968, стр. 84, 85 и др.

ловно, к революции относились положительно командиры военного времени — значительная прослойка прапорщиков, штабс-капитанов, подпоручиков и т. д. и даже офицеры более высокого ранга. Старое же кастовое офицерство в своей преобладающей массе так и не примирилось с революцией. Военный министр Гучков был для них «неудавшийся Карно из промышленников», а А. Ф. Керенский являлся «неудачным Бонапартом из адвокатов» и т. д.[136] В среде реакционного генералитета и кадрового офицерства бытовал и зоологический антисемитизм. Они отказывались, например, принимать в свою среду офицеров-евреев из вольноопределяющихся. Недалекий по кругозору ген. А. С. Лукомский главным виновником революции считал именно евреев и т. п.[137] Этот генералитет и офицерство продемонстрировали узость своего политического кругозора, недооценивали создавшуюся обстановку в стране после революции, не понимали и не желали считаться с ролью и силой Петроградского Совета. Между тем А. И. Гучков в беседе с ген. Алексеевым о политическом положении в стране в марте подчеркивал, что Временное правительство не располагало вполне реальной властью и что его распоряжения осуществлялись лишь в тех рамках, которые допускались Советом рабочих и солдатских депутатов. [138]

Широкая волна арестов и отстранения солдатами в действующей армии реакционных генералов и офицерства, т. е. фактическое проведение солдатской массовой демократизации явочным порядком таило в себе реальную угрозу изъятия из армии офицерских кадров и как следствие — дезорганизацию армейского аппарата управления войсками. Как вспоминает ген. Брусилов, офицерский корпус в создавшихся условиях победы революции находился в руках солдатско-крестьянской массы, а кадровое офицерство в глазах солдата стало «типом барина в военной форме», в руках которого находилась необходимая крестьянству земля.[139]

Поскольку Временное правительство считало необходимым продолжать войну «до победного конца», ситуация, сложившаяся в армии в связи с начавшейся дезорганизацией аппарата командования, создавала совершенно реальную угрозу потери боеспособности русской армии. Дабы остановить все возраставшую деморализацию армии снизу, военный министр А. Гучков стал проводить демократизацию сверху в надежде дать дорогу талантливым строевым офицерам, которые ввиду архаической «местни-

[136] Б. В. Геруа. Указ. соч., стр. 178.
[137] Воспоминания ген. А. С. Лукомского. Берлин, 1922, т. II, стр. 57.
[138] А. Шляпников. Семнадцатый год. М.—Л., 1925, кн. вторая, стр. 59.
[139] А. А. Брусилов. Мои воспоминания, стр. 270, 271.

ческой» политики царского командования не продвигались вперед по служебной лестнице. Фактически военный министр А. Гучков создал отдушину для ослабления стихийного напора масс в борьбе с реакционным офицерством и предлагал реализовать планы либеральной буржуазии по укреплению офицерского корпуса способными офицерами путем устранения ненавистных массе бездарных генералов. Эта демократизация сверху шла в ногу с создавшимся благодаря революции реальным соотношением классовых сил. Была создана Особая комиссия под председательством ген. Поливанова для проведения «чистки» негодного командного состава, тем более что к моменту ее работы в действующей армии солдатские массы с энтузиазмом встретили приказ № 1, «декларацию прав солдата» и активно поддерживали комитеты, охватившие почти все войсковые соединения. Из списков армии было вычеркнуто 143 представителя генералитета, взамен которых были назначены новые, не считаясь с так называемым «старшинством».[140] Это мероприятие не только субъективно удовлетворяло солдат, но и объективно было в интересах рядового и строевого офицерства из низов в противовес кастовому царскому офицерству и многим привилегированным генштабистами. Не случайно командная верхушка в лице ген. Алексеева и др. встретила в штыки столь важное своевременное мероприятие Временного правительства. Чистка, проведенная военным министром, имела уже свою историю, о ней говорили даже задолго до войны. На августовском совещании Прогрессивного блока представитель его правой части ген. Гурко также говорил о необходимости «колоссальной перетряски в командном составе». О необходимости чистки офицерства говорил и Шингарев в Государственной Думе, что надо дать «лучших учителей, и лучших командиров, и лучших вождей». Записка председателя Государственной Думы Родзянко в 1916 г. представляла собой сплошные обвинения в адрес высшего командования. Таким образом, проведенная чистка в армии имела свои далекие корни. Сам А. И. Гучков в речи от 29 апреля оценивал итоги чистки весьма положительно. А. И. Гучков утверждал, что провозглашение лозунга «дорога талантам», не считаясь с иерархией, вселило в души радостное чувство. Несмотря на неприязнь к Гучкову и его мероприятию, ген. А. И. Деникин все же вынужден был признать, что армия страдала от «протекции и угодничества» и что командный состав не всегда был «на высоте положения». Ген. Врангель даже отмечал, что среди уволеных в результате чистки было «много людей недостойных и

---

[140] П. Милюков. Россия на переломе, т. I, стр. 63; Воспоминания генерала барона Врангеля. Франкфурт на Майне, 1969, стр. 28.

малоспособных». Лидер эсеров Чернов вспоминает, что даже каждый серьезный писарь рисовал состояние русского командования в виде «каких-то авгиевых конюшен». Необходимость чистки признавалась ген. Деникиным именно по мотивам принципиальным и по практическим соображениям.[141] Многие командные посты были засорены непригодным элементом. Так, командующий 8-й армией ген Каледин, по отзыву ген. Брусилова, «не соответствовал этой должности».[142]

Ген. Алексеев продвигал на командные посты людей, по деловым качествам не соответствующих своим должностям. По его рекомендации, в Ставке подвизался некий ген. Борисов, производивший впечатление «почти юродивого», как это отмечалось работниками аппарата Ставки.[143] О серьезности размеров чистки можно судить по тому факту, что 60% лиц высшего командования действующей армии было уволено. Непосредственно из числа командующих фронтами и командующих армиями было уволено 6 генералов, из них 2 генерала (Каледин и Лечицкий) сами отказались работать с министром А. Гучковым, уволено 5 начальников штабов фронтов и армий, 35 корпусных командиров (из общего числа около 70).[144]

Демократизация, проведенная сверху военным министром А. И. Гучковым, была, безусловно, важным мероприятием в борьбе за армию на данном этапе революции. Либеральная буржуазия в лице Временного правительства и его военного министра преследовала в этом деле свои политические цели по укреплению и сохранению офицерского корпуса как командного костяка боеспособной армии, в которой самочинные действия солдатской массы угрожали свести на нет аппарат управления в частях. Кроме того, Временное правительство этим актом завоевывало себе политические симпатии солдатской массы, которая на данном этапе революции поддерживала Временное правительство. Так, в конце марта 1917 года выборные от 31 части фронтовых войск вручили в Петрограде акт этих частей о поддержке Временного правительства. Петроградский Совет и солдаты, поддерживающие комитеты в действующей армии, рассматривали чистку командного состава как некоторую гарантию от возможной контрреволюции и требовали внедрения на фронте приказов Совета и Декларации прав солдата. Видный деятель Петроградского Совета Н. Суханов, оценивая чистку, отмечал, что «без этого завоевание фронта было

---

[141] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961, стр. 316, 317.

[142] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 131.

[143] «Военная быль». Париж, 1967, № 86, стр. 43.

[144] А. М. Зайончковский. Кампания 1917 г., стр. 40.

совершенно немыслимо».[145] В более широком политическом плане эта чистка впоследствии облегчила Временному правительству и социалистическим партиям успешную борьбу с корниловским восстанием, так как определенным образом подрывала позиции нелояльного генералитета в действующей армии и облегчала приобщение ее к революции.

В мартовский период по всему фронту шла борьба за армию между Петроградским Советом, возглавляемым меньшевиками и эсерами, и либеральной буржуазией в лице Временного правительства, которая началась с первых же дней революции. Страсти кипели вокруг таких политически важнейших вопросов, как невывод Петроградского гарнизона на фронт, проведение чистки в армии, внедрение начал приказов Совета и др. Здесь, на политическом поприще, Петроградский Совет и комитеты в армии преуспевали. Зато в кардинальном для крестьянства вопросе о земле Петроградский Совет отступил с боевых позиций, хотел затормозить разворот аграрного движения крестьянской массы.

Постепенно создавались противоречия между огромной крестьянской Россией, благодаря крестьянско-солдатской массе, которой Петроградский Совет стал крупной, ведущей политической силой, и меньшевистско-эсеровскими руководителями Совета. Рост этих противоречий облегчил в дальнейшем победу большевиков в Советах, комитетах и в армии вообще. Меньшевик Суханов сознавал, что крушение лозунга «земля — крестьянам» означало бы разгром революции. Однако, бесспорно, все мартовские руководители Петроградского Совета считали, что, несмотря на рост аграрного движения, форсировать земельную проблему в ближайшие недели вредно, и что в этом нет ни малейшей нужды. Эта политика сдерживания крестьянства упорно проводилась, несмотря на то, что в недрах Совета крестьянско-солдатские делегаты составляли преобладающее большинство, и как образно отмечал Н. Суханов, пролетариат все больше и больше тонул «среди этих неприглядных мужиков в серых шинелях».[146] Как явствует из материалов работы Петроградского Совета, из докладов на его заседаниях, солдаты очень беспокоились, что они необходимой им земли не получат. Социалистическое руководство Совета в своем решении об отношении к Временному правительству в связи с требованиями революционного народа решило оказать воздействие на правительство, однако в это «воздействие» вопрос о земле не входил. И это несмотря на то, что в избранную

---

[145] Н. Суханов. Записки о революции. Книга первая, стр. 295, 297.
[146] Н. Суханов. Там же, стр. 141.

по этому постановлению комиссию входили социалисты Скобелев, Стеклов, Суханов, Чхеидзе и Филипповский.[147]

В то же время для широких солдатских масс действующей армии аграрный вопрос был в центре внимания и занимал первоочередное место по сравнению с политическими вопросами. Как отмечал в своем дневнике ген. Селиванов, в его корпусе стрелки «больше всего хлопочут . . . будет ли прирезана земля за счет помещиков, уделов и монастырей — вот их главное желание». Член Государственной Думы Демидов, посетивший фронт, писал в своих письмах, что солдатская аудитория «замирала» при упоминании о земле. Многие солдатские письма с фронта содержали призывы к дележу и захвату помещичьей земли.[148]

Однако в марте и в начале апреля 1917 г. солдат-крестьянин еще не ориентировался в вопросе аграрной политики эсеров и меньшевиков, руководивших Петроградским Советом, авторитет которого как в гарнизонах, так и в действующей армии стоял высоко. Действующая армия и гарнизоны слали в Петроград нескончаемую вереницу делегаций, которые становились существенным фактором пропаганды политической линии Петроградского Совета после своего возвращения, в связи с чем авторитет Совета на фронте повышался. Малоискушенная в политике колеблющаяся солдатско-крестьянская масса еще отличалась примитивным национализмом, «носимым в сердце, — по определению Суханова, — с колыбели» и специфическим крестьянским шовинизмом. На данном этапе революции в речах «серого черноземного» сквозил еще оборонческий акцент.[149] Во многих солдатских письмах с фронта наряду с призывами к захвату барской земли давались советы односельчанам к истреблению офицеров, священников и евреев.[150]

В марте в действующей армии вступила в свои права великая Февральская революция, сопровождавшаяся ломкой старого царского аппарата командования, созданием комитетов, арестами и отстранением неугодного генералитета и реакционного офицерства, отказами от исполнения распоряжений командиров, стихийными вспышками вплоть до убийств ненавистных начальников, митингованием и братанием с противником. По выражению Л. Д. Троцкого, темный крестьянин в шинели еще «переминался

---

[147] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. Стр. 27, 39.

[148] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961, стр. 312, 313.

[149] Н. Суханов. Указ. соч., кн. первая, стр. 222, 297, 313, 314, 316.

[150] ЦГВИА, ф. 2034, оп. 1, д. 33, л. 509, 509об.

с ноги на ногу, ища путей между патриотизмом и оголтелым дезертирством».[151]

Однако осуществление на практике в армии всех мероприятий, неизбежно поставленных в порядок дня революцией, и крайне необходимых для ее упрочения в тылу и на фронте, создало качественно новую обстановку в армиях театра военных действий и сопровождалось одновременным падением необходимой для армии дисциплины, распылением и ослаблением внутриармейских связей, стремлением солдат угнетенных народов к национальной обособленности в военно-политическом аспекте, потерей боевых качеств, кризисом резервов и командования. Усиление работы политических партий в частях и комитетах фронта и политическая линия организации большевиков после приезда Ленина в апреле подняли борьбу в армии на новую ступень и изменили обстановку, для понимания которой необходимо рассмотреть ход революционных событий непосредственно на фронтах.

[151] Октябрь. Хрестоматия. М. 1924, стр. 21.

ГЛАВА III

СОЛДАТЫ ФРОНТА В ХОДЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМИТЕТОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ.

Петроградский гарнизон обеспечил победу Великой Февральской революции в столице, а судьба революции в масштабе страны зависела от позиции солдатско-крестьянского состава действующей армии. Ход революции на театре военных действий имел свои специфические черты на каждом фронте в отдельности и даже в отдельных армиях, однако в целом солдаты с радостью встретили известие о перевороте в столице и связывали со свержением царизма все свои помыслы и надежды на удовлетворение своих насущных требований. Конечно, ту или другую социально-политическую окраску революционные события на фронтах приобретали в зависимости от близости или отдаленности последних к политическим и промышленным центрам, возможности немедленных или замедленных контактов с ними, осведомленности солдат, специфики фронтового и тылового района военных действий, национального состава частей, положения солдат, позиции офицерского корпуса, сети солдатских комитетов и др. Солдатская масса, особенно после появления приказа № 1, бурно приветствовала Исполнительный Комитет Петроградского Совета и его посланцев как антиофицерскую организацию, которая на первых порах становилась для нее единственным вождем революции.[1] Эта точка зрения находила свое отражение и в резолюциях. Так, в объединенной резолюции солдатских делегатов и дивизионного Комитета 1-й Кавказской Гренадерской дивизии от 24 марта прямо указывалось, что «единственный политический руководитель армии — Петроградский Совет».[2] В свою очередь Совет столицы отдавал должное значению Петроградского гарнизона и в приказе № 2 говорилось, что во избежание вооруженной контрреволюции Совет стоит на страже и не допустит разоружения Петроградского гарнизона, «завоевавшего России ее политическую свободу».[3]

В разгар революции на обширнейшем фронте от Балтийского до Черного моря включительно находилось свыше 8 млн солдат и офицеров. Боевой состав русских вооруженных сил находился

---

[1] В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920, стр. 74.
[2] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 45, л. 7об.
[3] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2665, л. 417.

в 14 армиях. Эти армии были распределены по фронтам следующим образом — на Северном находились 12-я, 5-я и 1-я армии, на Западном — 2-я, 3-я и 10-я, на Юго-Западном — 7-я, 8-я, 11-я и Особая, на Румынском — 4-я, 6-я и 9-я, и,наконец, на Кавказском фронте — Кавказская армия, 7-й Отдельный корпус и 1-й Отдельный Кавалерийский Кавказский корпус. Свыше 2 млн человек числилось в запасных частях военных округов России. Согласно однодневной переписи 20 апреля 1917 г., по данным дежурного генерала Ставки, солдаты и офицеры распределялись по фронтам следующим образом (в тысячах): Северный фронт — 1 240, Западный — 1 437, Юго-Западный — 2 793, Румынский — 1 597, Кавказский — 919. В частных организациях фронтов работало свыше 218 тыс. человек.[4]

По своей военно-стратегической роли наиболее важное значение приобрели Юго-Западный и Румынский фронты. Здесь было сконцентрировано 4 390 тысяч солдат и офицеров, т. е. свыше 50% всего боевого состава русской армии. Важнейшие наступательные операции осуществлялись именно на указанных фронтах. Значение Северного и соседнего с ним Западного фронтов определялось их близостью к крупнейшим центрам — Петрограду и Москве, подступы к которым ограждали войска этих фронтов. Кавказский фронт был наиболее удаленным, войска которого на протяжении войны 1914—1918 гг. не знали поражений и сохраняли инициативу в своих руках. Обширная территория Турецкой империи, Персидский Азербайджан и Курдистан были ареной военных действий Кавказского фронта.[5]

Серьезное значение для разворота революционного движения в действующей армии имело то важное обстоятельство, что театр военных действий включал в себя национальные окраины России — Финляндию, Прибалтику, Белоруссию, Украину, Молдавию. Румынский фронт одновременно охватывал и румынские территории, а Кавказский — значительные области Турции и Персии. В результате — многонациональная русская армия в ходе революции сама воздействовала на настроение населения этих территорий и в свою очередь подвергалась воздействию с их стороны.

Раньше всего революционные события развернулись на близлежащих к революционным эпицентрам фронтах — на Северном

---

[4] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 93, лл. 230, 233; Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925, стр. 24, 29. Как мы уже отмечали, как по архивным данным Ставки, так и по другим источникам, цифровые сведения не отличаются точностью, и там имеются довольно значительные цифровые погрешности.

[5] Е. В. Масловский. Мировая война на Кавказском фронте (1914—1917). Париж, 1933, стр. 6, 22.

и Западном. На Северном фронте в первую очередь движение охватило крупные прифронтовые гарнизоны и отсюда распространилось на позиционные части. Среди солдат широкое распространение получил приказ № 1. Начались массовые аресты солдатами реакционного генералитета и офицерства, как об этом сообщал в Ставку главнокомандующий фронтом ген. Рузский. Раньше всего по времени эти явления имели место в гарнизонах Пскова и Двинска и, как указывал главнокомандующий фронтом, «вплотную подходили к позициям». Солдаты арестовали также коменданта крепости Выборг ген. Петрова, и в городе вся власть оказалась в руках Солдатского комитета. В армиях фронта разрушалось старое чинопочитание, и в ответ на замечания командного состава солдаты ссылались на приказ № 1.[6] Солдатская масса фронта относилась к историческим документам Совета с большим уважением, и на требования офицеров о соблюдении старого чинопочитания происходили массовые столкновения между ними и фронтовиками. Непрекращающиеся аресты неугодного массе командного состава охватили в большей или меньшей степени все части Северного фронта, а мотивы этих действий, несмотря на их варьирование, сводились к обвинению офицеров, как это было, к примеру, в 5-й Армии, в приверженности к старому режиму, несправедливому отношению к солдатам, направлению частей «на гибель» и т. п. Началось уже опасное для нормальной армейской жизни явление прямого вмешательства массы в вопросы распределения войск между боевой частью и резервами. Это имело место, например, в 182-й пехотной дивизии 5-й Армии, где ген. Попову солдаты преъявили подобные требования. Солдаты 728-го пехотного полка этой дивизии потребовали даже приезда ген. Попова, и в числе прочих требований настаивали на отправке своих делегатов в Петроградский Совет для получения должной информации о событиях. Характерной особенностью солдатских выступлений в частях фронта был тот факт, что инциденты вспыхивали по самому ничтожному поводу. Как доносил генерал-квартирмейстер 5-й Армии ген. К. К. Черный, некоторые солдаты рассматривали свершение революции «как конец войны», а командующий этой Армией ген. А. М. Драгомиров 29 марта доносил в Ставку, что солдатская масса желает одного: «прекращения войны и возвращения домой».[7] Армии Северного фронта были наводнены агитаторами из Петрограда, Двинска и Риги. Главно-

[6] Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1968. Сб. документов, стр. 22, 24, 26, 27.

[7] Там же, стр. 31, 44; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7175, лл. 48, 49; «Октябрьская революция в Латвии». Сб. документов. Рига, 1957, стр. 127.

командующий фронтом ген. Рузский считал Двинск и Ригу самыми распропагандированными «гнездами» в пределах Северного фронта.[8] Непрекращающиеся аресты неугодного командного состава в частях 5-й Армии были несколько заторможены появлением сети солдатских комитетов, возникших в течение марта в боевых частях и ее учреждениях. Так, по настоянию комитетов были освобождены, арестованные солдатами 144 пехотного Каширского полка, полковник Стефанский и полковой адьютант. Точно так же, созданный в начале марта и оформленный приказом командующего 12-й Армии ген. Р. Д. Радко-Дмитриева Исполком Совета солдатских депутатов 12-й Армии (ИСКОСОЛ), состоящий из меньшевиков, эсеров и даже кадетов, вносил по мере возможности, определенный порядок в стихийный процесс арестов и устранения старого командного состава.[9] Оформлению Искосола предшествовало создание довольно густой сети солдатских комитетов в армиях Северного фронта. Так, уже 2 марта в частях 109 пехотной дивизии 12-й Армии были проведены выборы солдатских комитетов, в преобладающем большинстве которых в качестве руководителей оказались меньшевики и эсеры. Точно так же в Исполнительном Комитете Северного фронта (Искосеф) активную политическую роль играли представители этих же партий.[10] Для политического положения в 1-й Армии фронта характерна обстановка, сложившаяся к началу апреля в 1-м армейском корпусе, где, по свидетельству его командира ген. А. С. Лукомского, во всех трех дивизиях «комитеты решительно во все вмешивались». Комитеты использовали для общественно-политических нужд экономические средства, денежные суммы частей. Близость Петрограда и его Совета давали себя чувствовать во всем. Пропагандистская литература столицы в виде воззваний, листков и др. уже на следующий день распространялась в частях в районе Визенберга — месте расположения корпуса. Почти ежедневно в войсках появлялись пропагандисты, прибывшие из Петрограда. Этот наплыв воззваний и пропагандистов особенно усилился в связи с оживлением работы большевиков после приезда Ленина.[11]

Несмотря на политические маневры командования Северным фронтом с целью обеспечить свое присутствие в широкой сети солдатских комитетов и тем самым хотя бы затормозить революционную активность солдат, оно вскоре убедилось, что в создав-

---

[8] А. М. Зайончковский. Указ. соч., стр. 38.

[9] Октябрьская революция в Латвии, стр. 125—127.

[10] Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967, стр. 58.

[11] А. С. Лукомский. Воспоминания. Берлин, 1922, т. I, стр. 152, 153.

шихся условиях власть командира была обусловлена исключительно его контактами с комитетом части и что командир стал зависим от выборной солдатской организации.

1 мая 1917 г. на совещании главнокомандующих фронтами в Ставке начальник штаба Северного фронта ген. Данилов образно выразился, что «Вся армия висит на проволоке с Советом рабочих и солдатских депутатов».[12] Этими словами генерал подчеркивал авторитет Петроградского Совета в войсках фронта и тесную связь армий со столичным Советом.

Февральская революция на Северном фронте приняла более обостренные формы в связи с ходом революционных событий на Балтийском флоте, матросы которого тесно соприкасались с солдатской массой и оказывали на нее определенное влияние. Флот находился в непосредственной близости к столице, а в расположенном вблизи от нее Кронштадте размещались балтийский флотский экипаж, боевые и учебные корабли, связанные с флотом пехотные и артиллерийские части. Военные корабли стояли в Ревеле, в Або и в Моонзунде, а основные морские силы располагались в Гельсингфорсе. Личный состав Балтийского флота колебался в пределах 80—100 тысяч человек, и здесь социально-политические конфликты между старорежимным дворянским составом офицерства и матросской массой приняли непримиримые и острые формы. Еще в сентябре 1916 г. генерал-губернатор Кронштадта, жестокий адмирал Р. Вирен называл Кронштадт «форменным пороховым погребом».[13] 8 марта 1917 г. на заседании Исполкома Петроградского Совета были приведены факты первых последствий революционного взрыва на флоте, принявшего характер восстания матросов в Кронштадте. Было убито не менее 100 морских офицеров, происходили массовые избиения и аресты командного состава. Некоторая часть офицерства бежала.

Матросская масса выбрала командиров кораблей из своего состава. 11 марта член Государственной Думы комиссар Временного правительства в Кронштадте доложил Петроградскому Совету, что в городе-крепости сперва был образован Комитет Общественного движения, а потом возник Морской Совет и Совет рабочих депутатов, которые вскоре объединились. Если сухопутные войска приняли обратно значительную часть офицерства, то моряки категорически отказались это сделать.[14]

---

[12] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Документальное приложение, стр. 145.

[13] И. Сивков. Моряки Балтийского флота и борьба за власть Советов в 1917 году. М., 1946, стр. 5, 6 и др.

[14] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. Стр. 28, 38.

Острый характер приняли революционные события на основной базе Балтийского флота в Гельсингфорсе, где к 4 марта восстание охватило как корабли, так и гарнизон города. Из приказа вновь назначенного командующего флотом вице-адмирала А. Максимова можно представить себе, какие формы приняли выступления матросов в Гельсингфорсе и Свеаборгской крепости.[15] Точно так же развитие революционных событий в Ревеле выявило активную роль моряков, которые совместно с рабочими и солдатами гарнизона ликвидировали аппарат старой власти. Уже 3 марта 1917 г., на первом заседании Ревельского Совета, объединяющего матросов, рабочих и солдат был избран его Исполком, а в частях широкое распространение получил текст приказа № 1.[16]

Победное восстание моряков Балтийского флота хотя и сопровождалось отвратительными кровавыми эксцессами его хулиганствующих элементов, объективно закрепило совместно с солдатами успех Великого Февраля в Петрограде, на Северном фронте и означало окончательное крушение надежд реакции на реставрацию прогнившей монархии.

Некоторый итог созданию солдатских комитетов и тыловых Советов района Северного фронта подвел созванный по инициативе Псковского Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов съезд представителей армейских и тыловых организаций Северного фронта в Пскове с 22 по 25 апреля 1917 г. Преобладающее большинство делегатов этого съезда в количестве 72 человек придерживалось политической ориентации социалистических партий меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете. Во главу работы съезда был поставлен вопрос об отношении к войне. Выступивший перед делегатами начальник штаба Северного фронта ген. Ю. Н. Данилов всячески призывал к продолжению ведущейся войны до победного конца. Резолюция о текущем политическом моменте отражала реальное соотношение классовых сил на данный период. В этом документе было выражено удовлетворение деятельностью Временного правительства и содержалось приветствие Петроградскому Совету, энергично отстаивавшему «интересы революционной демократии». Резолюция призывала Временное правительство и Петроградский Совет к активизации кампании в пользу международного мира, и одним из средств усиления этой кампании съезд видел в скорейшем созыве международной

---

[15] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской революции. М., 1957, стр. 35; Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 23.

[16] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сб. документов и материалов. Таллин, 1958, стр. 22, 26, 27.

социалистической конференции. В решениях представителей Северного фронта и его тыла выдвигалось требование «о полной ясности международной политики России», условиями которой должен был быть отказ от завоевательной политики и уверенность, что Россия не играет роль прислужницы «своекорыстных империалистических кругов». На этой базе, гласила резолюция, возможны сплоченность, дисциплина и готовность русской революционной армии «отстаивать завоеванную свободу и страну от захватнических посягательств со стороны центральных держав». Таким образом, несмотря на некоторую дань пацифизму, резолюция носила безусловный оборонческий характер. Одновременно резолюция предостерегала солдатские массы против «безответственных, частичных выступлений», откуда бы эти попытки не исходили. Для предотвращения этих явлений съезд призвал к усиленной организационной работе на фронте и в тылу. Была принята резолюция, осуждающая братанье. Важное значение имело и «Положение о Комитете Объединенных организаций Северного фронта», основанное, в значительной степени, на соответствующем документе о солдатских организациях, принятом на состоявшемся ранее первом съезде военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта в Минске.

Значение Псковского съезда заключалось в том важном факте, что он положил конец разрозненности солдатских комитетов на Северном фронте. В армиях это организационное начало нашло свое отражение еще ранее в армейских съездах. Так, в частности, в 5-й Армии фронта Общеармейское собрание представителей Комитетов состоялось с 21 по 28 марта 1917 г. в г. Двинске, которое избрало Исполком 5-й Армии также с подавляющим числом представителей социалистических партий, стоявших на платформе Петроградского Совета.[17]

Широко охватили революционные события и крупнейший Западный фронт, линия которого проходила по территории Белоруссии от озера Дрисвяты в западной части до реки Припяти на юге. В результате разрушительных военных действий как на линии фронта, так и в его ближайшем тылу оказалось огромное количество сожженных деревень, опустошенных еврейских местечек, разрушенных фабрик. Война здесь сопровождалась выселениями, голодом, эпидемиями. Старые дореволюционные организации почти повсюду были уничтожены, а создание новых пошло уже по пути совместного организационного строительства Советов и Комитетов огромной армии и бедного аграрного тыла.

---

[17] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 16, лл. 59—94об; Там же, оп. 1, д. 16, лл. 77об, 78.

Реакционный генералитет и кадровое офицерство были ошеломлены революцией и встретили ее враждебно. Об этом наглядно свидетельствуют офицерские письма за март 1917 г. из частей 2-й Армии, в которых сквозили растерянность и страх перед фактом массового появления здесь агитаторов и прокламаций. Что касается солдатской массы, то, как гласит сводка военной цензуры, фронтовики с восторгом встретили революцию, отмену титулования и гражданские свободы для всех. Нарочитое затягивание командованием извещения солдат о событиях вызывали усиление подозрительности солдат к начальству. «Говорят, — писал солдат из соединения 9-го Армейского корпуса армии, — что отменили отдание чести, можно ходить в штатском, что можно сменять начальство — разрешили депутаты — но приказа еще нет — все его скрывают».[18] Командование Западного фронта в лице начальника штаба ген. М. Ф. Квецинского пыталось даже подготовить подвижные хорошо вооруженные резервы для направления их против революционного Петрограда.[19] Здесь, как и на Северном фронте, проходили аресты и устранение реакционных офицеров. В марте мы наблюдаем аресты неугодного командного состава во 2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде 10-й Армии, в 61-м и 63-м Сибирских полках, сопровождавшиеся волнениями солдат.[20] В конце марта уже функционирующий полковой комитет 68-го Сибирского стрелкового полка 3-й Армии по желанию солдат устранил от командования полковника Стопчевского, и на временное командование 68-м Сибирским стрелковым полком был избран любимец солдат штабс-капитан Кузнецов («пользующийся полным доверием и любовью всего полка»).[21]

В апреле волна устранения неугодного массе командного состава и его демократизация продолжались. Возросла в этом мероприятии роль окрепших Комитетов. Закрытое собрание Комитета 67-го стрелкового полка 17-й стрелковой Сибирской дивизии 2-й Армии в апреле единогласно решило отстранить от должности начальника штаба дивизии полковника Костяева и просило дивизионный Комитет реализовать это решение. Полковая резолюция за подписью председателя полкового Комитета, младшего унтер-офицера Шувалова и секретаря подпоручика Муравьева характеризовала полковника Костяева как бюрократа, создающего

[18] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 905, л. 38.
[19] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 127, л. 18.
[20] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 3, л. 24.
[21] Там же, оп. 1, д. 3, л. 43.

«трения» при «проведении новых начал».[22] В 3-й Армии фронта в 268-м Пошехонском полку устранение неугодного командира сопровождалось волнениями массы и арестом, по решению Комитета, командира полка, генерал-майора Свистунова, штабс-капитана Шурупова, подполковника Левицкого. В 55-й дивизии этой же Армии агитацию за выражение недоверия и смену командного состава вел прибывший из Петрограда член Петроградского Совета Михайлов, отозванный впоследствии Петроградским Советом из-за протестов командования фронта.[23] В частях 35-го армейского корпуса 3-й Армии, как доносил командир, в апреле возрастало стремление к установлению выборности командиров, как это имело место в указанном нами 268-м Пошехонском полку. Как явствует из рапорта, председатель полкового Комитета 680-го пехотного полка, вольноопределяющийся Кирюшин, распространял свою деятельность по демократизации командного состава и на другие полки 170-й дивизии корпуса. К комитетам, которые вели себя сдержанно при проведении мероприятий по чистке неугодных командиров, солдаты относились настороженно и указывали, что они только «с такими комитетами могут жить, которые так же думают и так же делают, как они».[24]

В 15-м корпусе 3-й Армии, как доносил его командир Г. М. Одишелидзе, «авторитет начальников сводится к нулю» в результате пропаганды в частях. Генерал просил прислать в корпус какого-либо популярного члена «из состава Петроградского Совета».[25] В мае солдатские волнения из 55-й пехотной дивизии уже перекинулись на соседнюю 67-ю пехотную дивизию, в одном из полков которой солдатами был произведен арест командира полка и нескольких офицеров.[26] Смещение офицеров на Западном фронте было распространено в его частях и принимало характер хронического явления. В 169-й пехотной дивизии 10-го армейского корпуса 10-й Армии после Февральской революции в ее 673-м, 674-м и 675-м пехотных полках были смещены солдатами полковые командиры и сделана попытка ареста в июне начальника дивизии генерал-майора Добржанского. Когда командир 10-го армейского корпуса ген. Я. К. Циханович прибыл в расположение дивизии для успокоения солдатской массы, то он встретил здесь сугубо враждебное отношение. Генерал отмечал в своем рапорте

---

[22] Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль—октябрь 1917 г.). Минск, 1957, т. I, стр. 253, 254.

[23] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 3, лл. 117, 118.

[24] ЦГВИА, 2048, оп. 1, д. 3, лл. 204а, 204б

[25] ЦГВИА, 2048, оп. 1, д. 3, лл. 205, 206.

[26] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 80.

командующему Армией: «Я понял, что имею дело не с солдатами, а с крестьянами и рабочими, одетыми в солдатские шинели».[27]

После апрельского кризиса Временного правительства и вхождения социалистических партий меньшевиков и эсеров в первое коалиционное Временное правительство в мае, между солдатской массой на фронтах и эсеро-меньшевистскими комитетами стали намечаться определенные расхождения и трения. Дело в том, что руководящее ядро этих партий в солдатских комитетах, находясь на оборонческой позиции, было вынуждено логикой вещей бороться за укрепление дисциплины в частях, за обороноспособность армии и пыталось теперь притормозить солдатское движение, явно перехлестнувшее рамки, отведенные им комитетами. Если еще массово шли приветствия с фронта в адрес Петроградского Совета, то непосредственно на фронте мы наблюдаем уже акты недоверия солдат своим выборным организациям. На протяжении апреля—мая боевые части Западного фронта продолжают посылать приветственные телеграммы в Петроградский Совет, как это делали солдаты 613-го Славутского, 32-го инженерного, 308-го пехотного Чебоксарского и др. полков.[28] Наряду с этим уже начинаются конфликты между солдатами в ротных комитетах и армейской комитетской верхушкой. Общее собрание 268-го Пошехонского пехотного полка дважды в мае обсуждало вопрос об аресте и направлении под конвоем в Петросовет генерал-майора Свистунова, подполковника Левицкого, штабс-капитана Шурупова и единогласно избрало на должность командира полка поручика Ивашкевича, а на другие вакантные должности — поручика Еркова, прапорщика Зотова и др. Армейский Комитет 3-й Армии выразил протест против этого решения. На попытки армейского Комитета освободить арестованных солдатская масса противопоставила вооруженную силу. Авторитет армейского Комитета не был восстановлен в глазах массы и после вмешательства ЦИКа Советов и Керенского, отрицавшими за общим собранием солдат право на арест и самочинную демократизацию.[29]

Солдатская масса фронта теперь уже часто игнорирует свои комитеты, как об этом доносил в Ставку главнокомандующий Западным фронтом ген. В. И. Ромейко-Гурко.[30] Переломным моментом, ознаменовавшем на Западном фронте постепенный, но неуклонный отход широких слоев солдат от большинства комите-

---

[27] Там же, стр. 127.

[28] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 42, лл. 14, 17, 18, 23, 36, 38, 63 и др.

[29] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 101, лл. 7, 8, 9; Там же, д. 26, лл. 54, 56; Там же, д. 45, лл. 34, 35.

[30] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, л. 77.

тов, руководимых социалистическими партиями, был 1-й съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта в г. Минске (7—17 апреля 1917 г.) Этот важнейший съезд был одновременно полем битвы и финалом борьбы за армию между Петроградским Советом, стоявшими за ним оборонческими партиями и русской либеральной буржуазией. Какое значение придавалось этому съезду видно хотя бы из политической значимости деятелей, прибывших на его открытие. На съезд в Минск прибыли члены президиума Петроградского Совета меньшевики Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Суханов, Гвоздев. В противовес им в Минске оказались Родзянко, Родичев, Масленников. В числе приветствовавших съезд был главнокомандующий фронтом ген. Гурко. Гостями съезда числились представители французской и английской военных миссий.[31]

Несмотря на победу на съезде политической линии меньшевиков и эсеров, плоды этой победы в дальнейшем достались большевикам, так как решения съезда оказались роковыми для лагеря социалистических партий. Несмотря на пышную социалистическую фразеологию с осуждением порабощения народов, завоеваний и контрибуций и отказ от завоевательных программ, съезд в своей резолюции высказался за укрепление фронта, тыла и особо отметил, что «крушение армии, ослабление ее устойчивости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы». Таким образом, резолюция была за продолжение войны и отстаивала оборонческие позиции. Съезд высказался за поддержку Временного правительства, и в резолюции робко говорилось о «контроле демократии» над ним. По самому основному для крестьянско-солдатской массы — именно по крестьянскому и земельному вопросу резолюция во многом носила декларативный характер.

Хотя резолюция гласила о необходимости перестройки «коренным образом земельных отношений», все же в ней говорилось только о полной конфискации всех удельных и кабинетных земель и о конфискации «теперь же» церковных и монастырских земель. Но главное — передачу крестьянству всей помещичьей земли съезд передавал на разрешение Учредительного собрания. Съезд возложил также на местные комитеты обязанность «бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса» и указывал, что «аграрные беспорядки» могут оказать пользу «только контрреволюции».[32] Как видим, съезд

---

[31] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 348.

[32] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Минск, 1957, т. I, стр. 194—199.

высказался против все более растущего аграрного движения крестьян и солдат, которые не могли и не желали ждать разрешения их основного жизненного вопроса. Таким образом, резолюция съезда разрушила надежды солдатско-крестьянской массы фронта на немедленное получение земли.

Резолюция эта была принята подавляющим большинством. К примеру, оборонческая резолюция о войне — 610 голосами против 8 при 46 воздержавшихся. Недавние решительные лозунги «война до конца», «долой германский милитаризм» были теперь заменены завуалированными призывами: «Мир без аннексий и контрибуций», «приступа к мирным переговорам» и т. п.[33]

Из целой серии резолюций по самым разнообразным вопросам серьезное политическое значение имели для армии решения съезда о солдатских организациях и Советах солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Особое значение имел принятый съездом проект устава военной организации Западного фронта, разработанный Минским Советом. В проекте устава теперь сильнее звучала оборонческая нота и одной из главных задач солдатских комитетов было «содействие подъему боеспособности революционной армии». Несмотря на определение солдата-гражданина «как части революционной демократии», ему теперь воспрещалось производить выборы лиц командного состава, но в то же время выборным солдатским организациям давалось право аттестации своих командиров, что содействовало в дальнейшем устранению реакционных офицеров. Точно также положение о ротных комитетах в противовес тенденции командования свести их роль к чисто хозяйственным вопросам давало им право не только улаживания конфликтов, но и составления аттестаций о командных кадрах, контроля правильности нарядов по службе и, главное, право отвода неугодного командного состава и т. п. Устав ограничивал в пользу солдат право начальников в области переводов и перемещений солдат из части в часть, что могло осуществляться с согласия комитетов.[34] В состав фронтового Комитета было избрано 27 офицеров, 35 солдат, 10 рабочих и 3 врача. Во вновь образованный комитет был избран и священник Еладинцев, который приветствовал съезд от имени «горсточки революционного духовенства». Председательствовал на фронтовом съезде глава Минского Совета большевик Б. П. Позерн, который вел себя крайне осторожно, маскировался и заявил о себе, что он социал-демократ, стоящий на платформе Советов. Мало того, в заявлении Позерна

[33] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 84, 88.

[34] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. I, стр. 208, 209, 211, 222 и др.

звучал и оборонческий акцент. Он сказал представителям прессы: «наша задача выполнена — достигнуто единение фронта и тыла, усилена революционная армия».[35] В этот период большевики еще опасались полностью раскрывать свои пораженческие карты. Для этого были все основания, так как оборончество еще не выветрилось из сознания солдатской массы на фронте и в тылу. А. Шляпников признает в своих воспоминаниях, что солдатские представители на собрании не давали ему слова как большевику. «Мы были еще слишком страшны, — писал Шляпников, — для неискушенных в политике солдат».[36] Характеризируя позицию большевиков на апрельском съезде Западного фронта и тыла, видный их деятель В. Г. Кнорин отмечал, что прибывшие с фронта делегаты не могли еще «отличить большевика от меньшевика», увлекались громкими фразами ораторов, а приехавшие из Москвы большевик Ногин, из Питера — Бадаев и местные Мясникян, Алибегов, Солнцев и другие не были слышны, — не выступали, «терялись в массе». Во фронтовой Комитет большевиков прошло не более 3—4, так как по признанию В. Кнорина, «время большевиков еще не пришло».[37]

На протяжении мая и начала июня все же солдатская масса фронта, особенно ряда частей, которых мы уже касались, все более теряла свою боеспособность и воинскую дисциплину. В целом же настроение войск представляло зачастую довольно пеструю картину и не соответствовало линии войсковых выборных организаций. Это продемонстрировало фронтовое совещание командующих армиями 9 июня 1917 г. Армейский Комитет 3-й Армии, по определению ее командира, как по составу, так и по своей политической линии был «удовлетворительным», что относилось и к дивизионным комитетам, где «крайние течения политической мысли», по заявлению командира, «сочувствия не нашли». Революционное брожение среди пехоты 15-го корпуса продолжалось, приняв наиболее острые формы в 35-м корпусе, в частности в 55-й пехотной дивизии.

Армейское начальство устраивала «полезность» армейского Комитета 10-й Армии, что относилось также и к корпусным его комитетам. Мало затронутыми волнениями оказались 20-й корпус 3-й Армии и 1-й Сибирский корпус 10-й Армии. Однако и здесь выделялись полки, где имели место т. н. «эксцессы». Совещание командиров выявило так же «нехорошее» политико-моральное

---

[35] С. П. Мельгунов. Указ. соч., стр. 349; газ. «День» от 18. 4. 1917 г.

[36] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. первая, стр. 194; Кн. вторая, стр. 173.

[37] Октябрь на фронте. Воспоминания, стр. 113.

состояние в 132-й пехотной дивизии 10-й Армии, а 51-я и 134-я дивизии определялись как «небоеспособные», подчеркивалось «спокойствие» в 38-м армейском корпусе. В 81-й пехотной дивизии этой Армии велась уже, по заявлению командующего, «большевистская пропаганда». Все же в 10-й Армии продолжали бытовать такие симптоматические явления, как отмеченные уже нами отказы от выполнения боевых приказов при продвижении войск на их боевые участки, как это было во 2-м Кавказском корпусе 10-й Армии. Во 2-й Армии фронта под влиянием Минского Объединенного Комитета РСДРП, армейские дивизионные Комитеты проявляли стремление к вмешательству в оперативную работу штабов. В пехоте 2-й Армии, по опрелелению ее командира, политическое настроение было «хорошее, в 5-й — плохое». Для понимания царящей еще политической пестроты в настроениях частей служит нам следующая характеристика командующего 2-й Армии: «В 10-м корпусе — хорошее, крепкое настроение в 31-й и 9-й дивизиях, среднее — в 112-й и плохое — в 169-й дивизии, в которой было много эксцессов».

Как отмечал главнокомандующий армиями Западного фронта в своем рапорте в Ставку: «В общем настроение войск 2-й Армии хуже, нежели в других армиях, и, по-видимому, значительно хуже, чем это представляется командарму».[38]

На фоне этой политической пестроты настроений солдат фронта все же не прекращались вспышки устранения солдатами неугодного им командного состава, что имело характер цепной реакции. Это отражено и в письмах солдат фронта родным. Фронтовик 24-го гренадерского полка 10-й Армии радостно писал в Москву, что «мы арестовали своего корпусного командира и начальника дивизии и отправили в хороший дом в Петроград, а дом, наверное, вам известен — Петропавловская крепость».[39] Согласно списка, составленного генерал-квартирмейстером штаба Западного фронта генерал-майором Орловым, — в армиях фронта с начала революции и по июнь включительно отстраненных от службы в связи с недоверием солдат числилось 19 генералов и 20 полковников, не говоря уже об офицерах рангом ниже.[40] При полной реализации стремлений солдатской массы по удалению неугодного ей командного состава эти цифры выросли бы до огромных размеров, чему, однако, по мере своих возможностей помешали войсковые комитеты, и таким образом оградили части от полного разгрома их аппарата управления. Дело в том, что имелись части,

[38] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, лл. 283, 284.

[39] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 91.

[40] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1356, лл. 6, 7. Подсчеты произведены нами.

солдаты которых выражали недоверие своему командному составу в целом. По явно заниженным данным штаба фронта, одних только полков, выразивших недоверие в целом своему офицерскому составу, было не менее 14-ти. В 5-ти полках солдаты требовали выбора, по их усмотрению, командиров полков.[41] В связи с тем, что находящийся в Минске фронтовой Комитет был несколько левее армейских, дело доходило до столкновений между ними, и это зачастую происходило на почве торможения теперь армейскими комитетами дела поголовной чистки солдатами командных кадров. Показателен в этом отношении конфликт между армейским Комитетом 3-й Армии и фронтовым. 13 июня 1917 г. армейский Комитет 3-й Армии, заслушав представителя 10-й Армии, принял резолюцию, признававшую деятельность фронтового Комитета «крайне вредной», и настаивал на его расформировании. Одновременно армейский Комитет потребовал от Петроградского Совета принятия решительных мер для борьбы с «разлагающим влиянием большевиков». Резолюция по этим вопросам была принята 42 голосами при 3-х воздержавшихся.[42]

Руководство армейских Комитетов Западного фронта находилось в крайне трудном положении, ибо как и Петроградский Совет, оно, несмотря на проведение неизбежной демократизации, всячески пытаясь сохранить боеспособность армии, оберегая ее аппарат управления. Волна же самочинной солдатской демократизации перехлестывала все барьеры, воздвигнутые в этом деле выборными организациями. Положение усложнялось еще больше в связи с массовым отстранением солдатами командного состава в запасных частях фронта. Здесь с 3 марта по 3 июня было изгнано 20 командиров запасных пехотных полков, 2 начальника штаба и 4 начальника бригад. Солдаты арестовали в это же время начальника штаба Минского военного округа ген. Рауш фон Таубенберга, коменданта гор. Минска ген. Дунтена, начальника инженеров ген. Миллера, начальника контрразведки округа полковника Науменко и др. Массово изгонялись офицеры из 2, 16, 20, 23, 26, 27, 28 пехотных запасных бригад; многие не допускались к исполнению своих служебных обязанностей. Все течение войсковой жизни в запасных полках округа потрясали митинги, которые уже в обход Комитетов изгоняли неугодных офицеров. Например, в г. Ельне по решению солдатского митинга 22 апреля был отстранен командир 256-го пехотного запасного полка полковник Лисичкин. То же происходило и в ряде других запасных частях. 3-го июня солдаты арестовали командира 8-го пехотного

[41] Там же, лл. 6, 7.
[42] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 48.

запасного полка полковника Богдасарова и председателя полкового Комитета прапорщика Сусарева, пытавшегося направить действия солдат в организованное русло. Ввиду «озлобленности солдат» многие Комитеты также выносили решения об изгнании из частей офицеров.[43] Солдатская вольница в деле чистки командного состава вместе с поступающими маршевыми ротами охватила фронтовые части. Каждый приход маршевой роты усиливал страсти во фронтовых соединениях. В реляциях военного командования все чаще мы слышим, что комитеты «сделать ничего не могут».

В апреле в Дорогобуже был отстранен солдатами командир 121-го пехотного запасного полка. Масса оказала давление на полковой Комитет, который и вынес соответствующее, угодное солдатам, решение, «поскольку это совпадало с желанием солдат».[44]

Все же, несмотря на разгул солдатской вольницы, Комитеты, в труднейших условиях сыграли весьма значительную роль, внося определенный порядок в частях, по мере возможности ограничивали стихийные проявления и, можно сказать, спасли аппарат управления войсками от грозившего ему полного распада. Подобную роль сыграли Комитеты и на других фронтах. Однако диалектика хода революционного движения на фронтах приводила к тому, что защищая боеспособность армии и ведя борьбу с солдатской стихией, комитеты в дальнейшем теряли доверие массы и сами подтачивали фундамент, на который опирались. Командир гренадерского корпуса ген.-лейтенант Д. Д. Парский в своем рапорте в мае командующему 2-й Армией Западного фронта резонно утверждал, что хотя комитеты работают «не бесплодно, предотвращают и улаживают конфликты, но уже не пользуются достаточным авторитетом у массы и не всегда представляют ее собой по существу».[45] Сетование и недовольство, выраженное 16 апреля в письме Главковерха ген. М. В. Алексеева на имя военного министра А. И. Гучкова об обидах офицерского корпуса в армии и о передаче их командных полномочий «под контроль солдатских комитетов»,[46] было необоснованным и недальновидным, так как именно солдатские комитеты спасли армию от окончательного развала на ранней стадии революции, а многих офицеров от самосуда. Комиссар Северного, а затем Западного фронта, народный социалист В. Б. Станкевич не без основания утверждал, что в ходе революции, в ее «длительном про-

[43] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 2, лл. 101, 101об, 103, 104, 104об, 105 и др.
[44] Там же, ф. 366, оп. 2, д. 2, л. 104об.
[45] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1337, лл. 210, 211.
[46] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 61.

цессе» комитеты расшатали армию и всю военную систему, но на первых порах — они только спасли ее (армию. — М. Ф.) от самосгорания, от моментального распада фронта».[47]

Но и на ранней стадии революции солдатские комитеты уже не всегда поспевали за действиями массы, возникла серьезная опасность полного развала вооруженных сил страны. Это поняли и лидеры социалистических партий, а обильный материал для понимания положения дали доклады депутатов от военных частей различных фронтов на совещании представителей фронта в Петрограде 10 апреля 1917 г. Совещание констатировало, что возникла необходимость назначения комиссаров на фронты в связи с создавшейся там тревожной и опасной обстановкой, вызванной эксцессами и самосудами. Направляясь на фронт, делегаты совещания подчеркивали, что нельзя медлить с назначением комиссаров в армии.[48] Вскоре последовало назначение комиссаров в армии, но на данном этапе комитеты еще оставались, в своей массе, крупнейшей необходимой силой в жизни армии.

По далеко не полным, но характерным и важным данным генерал-квартирмейстерской части главнокомандующего армиями Западного фронта и его особого отделения в апреле 1917 г., общее число комитетов в армиях фронта и его тыловых частях представлялось в следующем виде:[49]

	Ротные	Полк.	Дивиз.	Корп.	Арм.	Хоз.-техн.	Всего
Во 2-й Армии	2056	136	19	4	1	19	2235
В 3-й Армии	1727	130	15	4	1	15	1892
В 10-й Армии	2158	166	19	4	1	23	2371
В тылов. частях	534	29	2	1	—	—	566
Итого:	6475	461	55	13	3	57	7064

По донесениям из армий фронта и сведениям дежурного генерала (дегенарм) число солдат и офицеров, занятых в комитетах, представлялось в следующем виде:

2-я Армия — 14 171 солдат — 1 138 офицеров;
3-я Армия — 11 060 солдат — 874 офицеров;
10-я Армия — 14 600 солдат — 1 510 офицеров.

[47] В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920, стр. 145, 146.
[48] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 45, л. 9.
[49] Там же, ф. 2003, оп. 4, д. 25, л. 37.

Если включить в это число 778 военных чиновников, также вовлеченных в комитеты, то общее количество работников комитетов фронта составляло 39 831 человек, что по численности людей соответствовало наличному составу одного армейского корпуса.[50] Основываясь на изучении 6 000 протоколов Комитетов различных ступеней, генерал-квартирмейстерская часть Западного фронта делает некоторые выводы, представляющие определенный интерес, хотя не всегда соответствующие действительному положению. Начальник Особого отделения капитан Корсунский считал, что комитеты низших ступеней — ротные и полковые — находясь близко к массам, непосредственно отражают настроение последних. Высшие же комитеты — корпусные и армейские — «состоя сплошь из людей партийных», отражают настроение революционной демократии Петрограда и городов. В обзоре имеется утверждение, что интерес к политике в солдатских массах исчезает и на смену ему «приходит непреоборимая, стихийная жажда мира, вытесняющая все интересы, все желания».Особое отделение считало, что комитеты приносили огромную пользу, особенно во время обострения отношений между солдатами и командным составом, и приобретали в таких случаях роль «примирительных учреждений». В политическом отношении, говорится в отчете, низшие комитеты усвоили себе два положения — поддержку Временного правительства и полную солидарность с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В ранних протоколах комитетов, в первое время их возникновения, отражены стремления комитетов поднять в частях начавшую колебаться дисциплину и порядок, предотвратить крупные солдатские волнения. В отчете обоснованно указывалось, что в этих стремлениях комитетов лежала и причина падения их первоначального авторитета, так как масса упрекала руководство выборных солдатских организаций в том, что они «продались офицерам и буржуям».[51] Таким образом на первом этапе революции солдатские выборные организации бесспорно сыграли положительную роль в сохранении армии, а их большая численность и массовое участие солдат в работе комитетов приобщала неискушенную солдатско-крестьянскую массу к политической жизни страны.[51а]

---

[50] Там же, л. 38.

[51] Там же, лл. 37, 38, 38об, 40, 40об, 41.

[51а] В свете этих неоспоримых фактов о политической деятельности возникших комитетов в армии, руководимых почти повсеместно эсерами и меньшевиками, читателя поражает фальсификация указанного вопроса в неосталинской историографии, где сперва утверждается «руководящая» роль большевиков в создании солдатских органов и в то же время говорится

Хотя революционное движение на фронтах развивалось неравномерно, все же ему были свойственны и общие черты: стихийная и организованная чистка командного состава, стремление к выборности начальников, создание солдатских организаций — комитетов, враждебное отношение к нововведениям со стороны кадрового офицерства, взаимное недоверие солдат и офицеров и др. Крупнейшему из фронтов первой мировой войны, а именно, Юго-Западному, была свойственна некоторая заторможенность в охвате революцией армии в целом, что было связано с отдаленностью фронтовых частей от крупных промышленных центров и сравнительно большой территориальной разобщенностью частей, раскинутых на фронтовой территории. Как и на других фронтах высший командный состав и здесь пытался безуспешно остановить ход революционных событий. По указанию штаба 7-й Армии, командирам предлагалось арестовывать лиц, пытавшихся распространять приказ № 1.[52] 15 марта 1917 г., в связи с обсуждением солдатами частей Юго-Западного фронта все шире вопроса о выборности командного состава последовал приказ главнокомандующего фронтом ген. А. А. Брусилова о недопущении в войсках выборного начала. Всякое стремление солдат к реализации этого пункта приказа № 1 рассматривалось генералом как «самоуправство», которое будет преследоваться «самым строгим образом».[53] Однако подобные тенденции командного состава терпели провал, так как разворот революционных событий все больше раскачивал массы. Столкновения с офицерами и неподчинение им происходили по любому поводу. В частях 11-й пехотной дивизии 8-й Армии волнения солдат произошли на почве их отказа от подписи присяжных листов на верность Временному правительству, так как масса заподозрила, что подписи требовались для «отстаивания старого порядка». Солдаты требовали предоставления им средств передвижения для отправки делегации в Черновцы с целью получения достоверной информации. Кроме того

о якобы «хозяйственном» направлении работы и «безгласности комитетов» и т. п. Так, напр., в книге В. И. Миллера для «обоснования» этих утверждений дана даже совершенно неубедительная таблица № 1 о направлении и деятельности комитетов только 18 полков многомиллионной действующей армии. Объективное изучение работы 6 000 комитетов только одного Западного и не меньшего количества этих солдатских организаций Юго-Западного фронтов решительно опровергают фальсифицированные версии вышеуказанного автора.

См. В. И. Миллер. Солдатские Комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974, стр. 21, 63, 114, 252, 254, 264, 310 и др.

[52] «Летопись революции», 1925, № 1 (10), стр. 76.

[53] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1351, лл. 164, 167.

солдаты настаивали на направлении делегатов в Петроград для проверки, «все ли дарованные свободы им объявлены». К вечеру 12 марта солдаты даже окружили часовыми штаб дивизии.[54] Отказы от присяги мы наблюдаем и в 128-м Старооскольском пехотном полку, так как солдаты требовали убрать старое царское знамя, на котором видны были вензеля свергнутого царя. В результате столкновений с офицерами были ранены 2 офицера и 1 солдат. Офицеры подвергались грубым оскорблениям солдат.[55]

Все фронтовые части на весть о революции были охвачены ликованием. Как отмечалось в воспоминаниях участника событий, весь 11-й полк ходил «в красных бантах». В этом полку на почве наличия на знамени царских вензелей также возникли волнения, и командование вынуждено было убрать его.[56] Солдаты 8-й Армии в целом встретили с неописуемой радостью известие о революции, хотя командование принимало всяческие меры к тому, чтобы избежать широкой огласки событий. Как отмечали австрийские солдаты, по всей линии фронта «в русских окопах заметно стало оживленное движение, бурное веселье, пение». Во многих командах и частях войск 8-й Армии обсуждался вопрос о выборном начальстве и происходили аресты неугодных солдатам офицеров. Делегаты только что возникших ротных комитетов 325-го пехотного Енотаевского полка, находившегося в окопах, арестовали своего командира полковника Рота и командира 2-го батальона капитана Кампе «как приверженцев старого режима». Удаление неугодных командиров имело в частях 8-й Армии фронта довольно широкий характер.[57] Точно так же устранение и аресты кадровых командиров мы видим и в Особой Армии. Типичным в этом отношении был, например, арест солдатами командира 614-го пехотного Кленовского полка полковника Медведкова, который был отправлен волнующимися солдатами в штаб корпуса, а затем был отчислен в резерв штаба Одесского военного округа.[58] В частях Особой Армии мы наблюдаем знакомые уже нам с некоторыми вариантами действия начала революции: перемещение старших командиров, распространение приказа № 1, широкое создание комитетов, падение боеспособности армии и борьба комитетов за торможение этого процесса и др. Как отмечал ген.-майор Б. В. Ге-

---

[54] Революционное движение в русской армии, стр. 34.

[55] Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль—октябрь 1917 г. Киев, 1957, т. I, стр. 405. Сб. документов и материалов.

[56] Д. Оськин. Записки прапорщика. М., 1931, стр. 109, 110.

[57] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 72, 73, 83 и др.

[58] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 2, д. 3859, лл. 129, 130.

руа на протяжении апреля в Особой Армии ничего, «кроме углубления революции, не происходило».[59]

Революционная активность солдат захлестнула и многие части 11-й Армии рассматриваемого нами фронта. Один из лидеров конституционно-демократической партии кн. П. Д. Долгоруков, побывав в апреле на фронте в районе р. Стоход, констатировал здесь изгнание прежних полковых командиров и замещение их угодными солдатам ротными командирами, широкое развитие сети солдатских комитетов, которые, по мнению князя, создавали «двойственность власти». П. Д. Долгоруков отмечал как положительную черту наличие крупных интеллигентных сил в составе армейского комитета в Луцке.[60] Устранение офицеров сопровождалось зачастую арестами. 12 марта солдаты 5-го Сибирского моторного артиллерийского дивизиона арестовали своего командира подполковника Захарченко и старшего офицера капитана Безчеревных. Солдаты заявили о нежелательности пребывания этих офицеров в части. В марте же значительная группа солдат 87-го Сибирского полка под командой прапорщика Билимова и руководством солдата Черникова арестовала командира полка полковника Шарого и под конвоем отправила его в Киев. Вина смещенного полковника заключалась, по мнению массы, лишь в том, что он находил неуместным ношение красных розеток солдатами.[61] Как и на других фронтах, солдаты в первую очередь подвергали всевозможным репрессиям тех, кто издевался над ними при старых порядках. Солдат А. Аксенов писал по этому поводу: «Мы в полку арестовали всех офицеров, которые обращались зверски, срывали (с них) погоны, сняли с них оружие и предали их суду, как державших сторону старого режима».[62]

В отличие от Северного и Западного фронтов, специфической чертой солдатского движения на Юго-Западном фронте было то обстоятельство, что армейская масса основного костяка фронтовых соединений с начала революции долго «раскачивалась», и их революционная энергия стала проявляться лишь с апреля и мая 1917 г. и выражалась уже наряду с устранением ряда лиц командного состава в резком росте неповиновения, падении воинской дисциплины и боеспособности. Эти явления четко проявились в частях 6-го гвардейского корпуса 11-й Армии в апреле. Как писал в своем рапорте командованию 11-й Армии командир корпуса

---

[59] Б. В. Геруа. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. т. II, стр. 170, 171.

[60] Кн. П. Д. Долгоруков. Великая разруха. Мадрид, 1964, стр. 28, 29, 33, 34.

[61] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 1, лл. 210, 211.

[62] Царская армия в период первой мировой войны и Февральской революции. Материалы. Казань, 1932, стр. 150.

генерал-майор Илькевич, «у начальников нет реальных средств принудить к повиновению».[63] Характерные волнения произошли 2 и 3 мая в 627-м пехотном Шумском полку 32-го Армейского корпуса 11-й Армии, в которых принимали участие и солдаты 418-го полка. Солдаты организовали митинг, на котором было принято решение направить в Петроград сводный вооруженный отряд якобы для спасения там «свободы», которой, по мнению солдат, угрожала опасность. В задачи отряда должен был входить и вывод на фронт представителей буржуазии и солдат, не признающих лозунг «долой войну».[64] Это, казалось бы, лишенное локальной окраски выступление, как и значительное количество других волнений, было характерным показателем нарастания волны солдатского недовольства, которое выражалось в разнообразных формах. Для многих волнений солдат Юго-Западного фронта характерно не столько их количество, сколько массовость участия солдат в неповиновении. Значительно в этом отношении волнение фронтовиков в 1-й и 13-й стрелковых дивизиях 7-го Сибирского корпуса 7-й Армии в мае 1917 г. Волнение было связано с отказом солдат занять боевые позиции и сопровождалось арестами офицеров. По сообщению комиссара Временного правительства при 7-й Армии Б. В. Савинкова, в 12-й стрелковой дивизии в ее 45-м полку не исполнило приказания 1300 солдат: в 46-м полку — 430, в 47-м — 650 и т. д. Всего в 12-й стрелковой Сибирской дивизии отказалось исполнить боевой приказ 2085 солдат. В 13-й стрелковой Сибирской дивизии число солдат, отказавшихся подчиниться командованию, достигло 8484. Савинков сообщал военному министру, что он не решался на расформирование этих частей, так как «имелось полное основание ожидать острых и неустранимых эксцессов».[65]

Несмотря на отмеченную нами масовость, в смысле количества участников выступлений, в войсках фронта наблюдалась также значительная прослойка повинующихся солдат и немалое число колеблющихся. В составе указанных выше 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий было определенное количество исполнявших приказания. В 11-й Армии в конце апреля при общем стремлении массы к миру, по мнению ее командарма ген.-лейтенанта Гутора, «весьма характерный факт», определяющий состояние войск, выражался в том, что почти в каждом полку по вопросу о предлагаемом наступлении «части высказывались за и части — про-

---

[63] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 3, лл. 28, 29.
[64] Там же, д. 5, лл. 3—5.
[65] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 38, лл. 19, 20, 21.

тив».[66] Эти типично крестьянские колебания солдат в войсках фронта отмечал и ставший начальником штаба 11-й Армии ген.-майор Г. В. Геруа. Генерал не без издевки подметил, что части, выносившие сегодня, под влиянием большевистских лозунгов, резолюции против войны и наступления, «к следующему дню те же солдаты выносили свирепую резолюцию о немедленной атаке»[67] Эти колебания растревоженной и возбужденной войной и революцией солдатско-крестьянской массы наблюдались на всех фронтах.

Говоря о трудностях работы на фронте военных комиссаров Временного правительства, народный социалист В. Б. Станкевич вспоминает, что действовать приходилось «на фоне со всех сторон подступающей, кричащей, угрожающей массы, которая сегодня встречает овациями Родзянко, а завтра — Плеханова, послезавтра Ленина». Это высказывание В. Станкевича соответствовало действительности, так как он был хорошо знаком с фронтовыми частями и даже посетил вместе с А. Ф. Керенским 1-й Гвардейский корпус в районе Тернополя.[68]

Темная, неграмотная, неповинующаяся солдатская масса, которая жаждала мира и земли, совершенно не разбиралась в программах политических партий и в их оттенках. Это происходило также и в связи с оторванностью частей от центров. Солдаты 5-й батареи 103-й артиллерийской бригады жаловались в мае, что они не осведомлены о текущих событиях, «благодаря нашей отдаленности от света», а фронтовики 43-го Охотского полка писали в это же время в Киевский Комитет РСДРП, что офицеры плохо отзываются о большевиках, а они, солдаты, сами не знают, «что это за партия». В письмах с фронта отмечалось, что еще далеко не все солдаты стоят на революционной точке зрения.

Большевики по тактическим соображениям, дабы не отпугнуть массу, свой Киевский орган официально именовали «Голос социал-демократа», и солдаты в своих письмах обращались в редакцию большевистской газеты — «товарищи социал-демократы», как это видно из письма группы солдат 18-го Заамурского пограничного пехотного полка и др.[69] Таким образом на данном этапе большевистские лозунги против войны, против наступления и др. начинали все более просачиваться на фронт, но сами большевики еще не представляли собой силы, были малоизвестны

---

[66] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 71, 72.

[67] Б. В. Геруа. Указ. соч., т. II, стр. 190.

[68] В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919. стр. 278, 279.

[69] «Голос Социал-демократа», 24. 5. 1917; Там же, 25. 5. 1917; 21. 5. 1917 и 5. 5. 1917.

массе, которая зачастую относилась к ним с настороженностью, а в возникшей в марте—апреле огромной сети солдатских комитетов фронта подавляющее большинство имели меньшевики, эсеры и беспартийные солдаты-крестьяне, идущие за ними.

Однако на протяжении апреля, опьяневшую от успехов медового месяца революции солдатско-крестьянскую массу постепенно стали охватывать сомнения и разочарования в деле реализации Временным правительством их заветной мечты о мире и земле, в чем они, со своей крестьянской точки зрения, видели смысл революции.

Приезд В. И. Ленина, этой, по выражению А. Шляпникова, «тяжелой артиллерии» большевиков, и нарастающая перестройка работы руководимой им партии, провозглашавшей нехитрые по понятиям массы лозунги о немедленном, во что бы то ни стало, мире и безоговорочном тотчас же изъятии у помещиков земли, пали на взрыхленную революцией и подготовленную почву. Первые симптомы этого сложного и противоречивого процесса мы наблюдаем, например, на 1-м съезде солдатских депутатов 11-й Армии фронта в г. Кременце.

В работе съезда участвовал командарм ген.-лейтенант Гутор и присутствовали члены Государственной Думы А. М. Масленников и П. М. Шмяков. На съезде председательствовал большевик, прапорщик 2-го Финляндского полка Н. В. Крыленко, который в своем выступлении учел чаяния массы и, как свидетельствуют упомянутые нами думцы, «речь носила явный характер направления большевиков». Крыленко охарактеризовал также Государственную Думу как представительницу интересов буржуазии и капитала. Большевики завоевали на съезде значительные позиции. В состав Армейского Комитета вошло 85 представителей социалистических партий, 42 большевика и 110 беспартийных. Хотя большевики и оказались в меньшинстве, все же с политической точки зрения они одержали определенную победу и создали плацдарм для своей дальнейшей успешной работы в борьбе за массы и комитеты.

В отчете о поездке в 11-ю Армию Масленников и Шмяков подчеркивали, что теперь приходится делать совершенно иные выводы о положении, чем это сделала другая делегация думцев месяц назад, и что в армии «чувствуется деятельность пропаганды большевиков». Депутаты Думы считали, что теперь солдаты больше не рвутся в бой, говорят лишь об обороне, и только казаки и артиллеристы чужды этой «пропаганде».[70] Укреплению позиций

[70] А. Шляпников. Семнадцатый год. М.—Л., 1927, кн. третья, стр. 55, 56, 57, 59.

большевиков в 11-й Армии способствовали прибывшие укомплектования, которые усилили ранее начавшийся процесс брожения в частях. Как видно из апрельского рапорта командующего 11-й Армией ген. А. Е. Гутора главнокомандующему Юго-Западным фронтом Брусилову, «большую долю разложения внесли в армию прибывшие укомплектования».[71] 1-й съезд Особой Армии сотоялся еще ранее — 27-30 марта 1917 года в г. Луцке, принявший оборонческие решения.[72] Точно так же на 1-м Армейском съезде 7-й Армии, состоявшемся в апреле, победили меньшевики и эсеры, а делегаты-большевики исчислялись единицами.[73]

Выступление главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Брусилова на майском совещании (1—2 мая) в Ставке дает интересный материал для характеристики положения на этом фронте. Генерал подчеркнул, что солдаты уже не надеются на правительство и «для них все в Совете, критика которого вызывает у массы злобу и раздражение». Генерал указал на распространение среди солдат армий «зловредных идей» большевизма, которые «заразили» уже бывшие ранее надежными части 33-го Армейского корпуса и многие соединения 7-й и 11-й Армий. Солдаты 33-го корпуса не пожелали сняться с насиженных позиций, не желая быть передислоцированными в создаваемую ударную группу. 113-я пехотная дивизия категорически отказалась сменить в окопах 108-ю. Главнокомандующий фронтом поясняет рост неповиновения в войсках тем обстоятельством, что в армии имеется значительный контингент рабочих и вообще людей, уже подготовленных к политической жизни, а многие из солдат являются «большевиками».

Фактически ген. Брусилов признал наличие кризиса аппарата управления войсками в связи с бытовавшей в армии критикой действий командиров и вообще неповиновения. Генерал сослался на пример 45 -го Азовского пехотного полка (8-я Армия), солдаты которого отказывались от взятия возвышенности «ввиду разногласий в способе ее овладения». Брусилов в своей характеристике русской армии в целом подчеркнул на совещании, что «наша армия — не армия, а просто толпа солдат с одной стороны и офицерства с другой», между которыми существует рознь. По мнению главкома Юго-Западного фронта, революционеры дают солдатам демагогическую свободу, обещают подарить им даром (безвоз-

---

[71] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 72.

[72] П. А. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918). Киев, 1958, стр. 62.

[73] А. Пирейко. На фронте империалистической войны. (Воспоминания большевика). М., 1935.

мездно) землю и тут же говорят: «Берегите свою шкуру». Все эти посулы, подчеркивал А. Брусилов, очень действуют на массу. «Солдаты уже теперь, — продолжает генерал, — говорят о возвращении их с войны с оружием для захвата земли». В заключение ген. Брусилов напоминает о необходимости «палки» для русского народа и фактически призывал к вооруженной ликвидации революционных порядков, так как революционное движение, по его мнению, само остановиться не может и что «его остановить можно только ценой крови». Содержание речи ген. Брусилова одобрил выступавший на совещании ген. Щербачев, заявивший, что Главкоюз «нарисовал полную картину состояния нашей армии». Продолжая свою речь, генерал Щербачев подчеркнул, что его, как бывшего командарма 7-й Армии, поразила перемена к худшему в частях 7-й Армии, «которая еще 2 недели назад оставляла уверенность в ее хорошем настроении». В отношении путей разрешения аграрного вопроса главнокомандующий Румынским фронтом ген. Щербачев проявил дальновидность, которая, к сожалению, отсутствовала как у А. Ф. Керенского, так и у лидеров эсеров и меньшевиков. Генерал считал: нельзя медлить с разрешением земельного вопроса до созыва Учредительного Собрания «во избежание проведения его солдатами с оружием в руках». На майском совещании в Ставке ген. Брусилов затронул злободневный вопрос и о положении офицерства. Он признал, что большинство офицеров — «до 75% — спряталось в свою скорлупу, считая себя обиженными солдатами». В своем выступлении ген. Гурко (Западный фронт) охарактеризовал отношение солдат к офицерам как «больной вопрос» и констатировал, что часть нового офицерства «из среды банщиков и приказчиков», как генерал о них презрительно отзывался, восприняла от кадрового ряд отрицательных качеств. Проблема взаимоотношений офицерства и солдат, по мнению ген. Гурко, лучше обстоит в артиллерийских и кавалерийских частях. Зато в пехоте, где много офицеров, вышедших из солдатской среды, дела обстоят хуже.[74] При глубоком подходе к этому вопросу следует признать, что «офицерская проблема» касалась не только кадрового, но и пришедшего ему на пополнение демократического офицерства, которое при добросовестном исполнении своих прямых обязанностей неизбежно приходило к конфликту с солдатами, что усиливало нарастание кризиса аппарата управления войсками.

---

[74] ЦГВИА, ф. 69, оп. 1, д. 74, лл. 503, 505об, 506об, 514 и др.; А. Зайончковский. Кампания 1917 г. Документ. приложение, стр. 135, 136, 138, 139, 140, 141.

Трагедией кадрового офицерства высокого ранга было не только то обстоятельство, что оно замкнулось в своей среде и было в отрыве от солдат, но и факт непонимания большинством из этих командиров политической обстановки в стране и в армии. Этот факт констатировало в апреле и разведывательное управление Верховного Главнокомандования противника: «Младшие офицеры сочувствуют новому режиму, старшие офицеры являются ретроградами». (Sind noch sehr zurückhaltend).[74а]

Подтверждением сказанного может служить характерное постановление собрания офицеров генерального штаба Особой Армии фронта в последних днях марта 1917 г. В постановлении, которое было передано командарму, осуждается «анонимный Петроградский Совет», распоряжения которого рассматривались авторами документа как «разрушение основ организации боевой силы». Офицеры категорически возражали против «вредной поспешности» проведения казалось бы неотложных революционных мероприятий. Собрание офицеров близоруко рассматривало «рознь и недоверие между солдатами и офицерами» как результат действий Петроградского Совета, и как требование солдат о смещении неугодного командного состава, что было, по мнению офицеров, делом рук Петроградского Совета. Офицеры-генштабисты однобоко расценивали стремление солдат к выборному началу и видели только его отрицательные стороны, как например, избрание на должность командира полка «молодого и явно невежественного подпоручика». На фоне революционных событий офицеры оставались сторонниками кастовости и местничества забывая, что необходимой и неизбежной чистке командный состав подвергался даже при царе, и что военный министр А. И. Гучков проводил ее оправданно. Авторы документа были даже против проектов земельных реформ, не учитывая крестьянского состава армии. Они протестовали против 8-часового рабочего дня и считали, что именно все революционные нововведения создали опасность для нормального функционирования армейской жизни. Под документом красовались подписи 17-ти офицеров генерального штаба — генералов, полковников и др.[75]

Кадровое офицерство было против национального равноправия вообще и приходило в ярость в связи с приказом о разрешении производства в офицеры евреев.[76] Этих шовинистических взглядов кадровое офицерство придерживалось в то время, когда

[74а] Wien. Kriegsarchiv. K. u. K. Armeeoberkomando. Nachrichten Abteilung. F. 597, dok. 1701.

[75] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 141, лл. 207, 207об, 208, 208об, 209, 209об.

[76] Д. Оськин. Записки прапорщика, стр. 101.

даже высшее командование армии было вынуждено изменить свой курс в связи с победой революции. Интересно отметить, что на майском совещании в Ставке главковерх ген. Алексеев в своем выступлении сказал, что теперь всякий с 4-классным образованием может стать офицером, «тогда как среди солдат много евреев с университетскими значками». Ген. А. Брусилов заметил в своем выступлении, что после революции еврейство заметно поправело и «евреи под видом социализма ныне проповедуют наступление». Генерал считал, что в создавшихся условиях, евреи в армии стали элементом, «на который с успехом можно опереться». С этим взглядом соглашался ген. Драгомиров, справедливо добавляя, что в отношении евреев «в армии настроение самое возбужденное, заметна погромная агитация».[77]

Однако положение в частях важнейшего Юго-Западного фронта и во всей армии вообще станет более ясным при учете серьезных сдвигов, происшедших там на протяжении апреля 1917 г. и начавшихся расхождений между стремлением масс и политикой Петроградского Совета и выборных солдатских организаций. Немаловажную роль сыграл и нарастающий нажим союзников на Временное правительство, во многом зависевшее от последних, в частности в отношении необходимых России поставок. Союзники, опираясь на решения конференции в Шантильи, настойчиво требовали от России решительного наступления на фронте. Встревоженные положением дел в русской армии, страны Антанты стали направлять свои социалистические делегации и отдельных лидеров-социалистов в Россию. Так появились в России на фронтах английские, французские и итальянские делегации, включавшие таких видных лидеров как А. Тома, Гендерсон, Вандервельде, добивавшихся наступления на фронте.[78] Дело доходило до определенного вмешательства во внутренние дела России. В апреле английский посол Бьюкенен посетил председателя кабинета министров кн. Львова и указал, что английское правительство озабочено тем фактом, что Временное правительство «бессильно освободиться от контроля Исполкома Петроградского Совета», и, обратив внимание на опасное состояние армии, советовал запретить социалистическим агитаторам посещать фронт. Князь Львов, самообольщаясь и показывая полное непонимание им обстановки, утверждал, что на фронте есть только «два слабых пункта»: Двинск и Рига.[79]

---

[77] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Документ. приложение, стр 137, 145.

[78] П. Н. Милюков. Россия на переломе, т. I, стр. 66.

[79] С. П. Мельгунов. Указ. соч., стр. 349, 350.

Самообольщался и А. Ф. Керенский, который 9 апреля всячески успокаивал Бьюкенена и говорил ему, что «Совет умрет естественной смертью, волнения в армии уладятся».[80] Но только в одном А. Ф. Керенский был близок к истине в своем заявлении английскому дипломату, что теперь лишь меньшинство армии стоит на стороне Совета, так как доктрины, пропагандируемые Лениным, лишили социалистов почвы.[81] Действительно, на протяжении апреля уже не было столь бурного потока солдатских делегаций в Таврический дворец с изъявлениями поддержки Петроградского Совета и Временного правительства. Теперь все чаще стали раздаваться со стороны членов делегаций заявления об усталости армии и невозможности вести войну дальше. Петроградский Совет, верный своей оборонческой политике, убеждал массы в необходимости продолжения войны, а вся его деятельность, как в фокусе, отразилась в выпущенном им воззвании 30 апреля к солдатам, которое призывало фронтовиков к продолжению войны, требовало наступления, категорически высказывалось против братания и против сидения «неподвижно в окопах».[82]

П. Н. Милюков с полным основанием утверждал, что подобные воззвания приводили к тому, что социалисты «рисковали остаться позади того стихийного потока, который сами вызвали».[83] Разворот событий показывал, что на протяжении апреля Петроградский Совет и социалистические партии исподволь теряли свой былой авторитет у масс, которые не могли и не хотели воевать.

Постепенно теряли свое влияние и руководимые эсерами и меньшевиками выборные комитеты, верные политике Петроградского Совета и своих партий. Рапорт командующего 11-й Армией А. Е. Гутора от 24 апреля на имя главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусилова является характерным свидетельством этой постепенной утраты комитетами своего влияния и начавшегося отхода от них многих солдатских избирателей. Почти все резолюции войсковых частей и заявления солдат сводились к одному положению — полное переутомление войной, поголовное стремление к скорейшему заключению мира. Главное, все члены комитетов заявляли, что «они не выражают вполне того настроения, какое в этом отношении фактически существует у их избирателей».[84] Как видим, комитеты стали отставать от массы и уже не шли в ногу с солдатами фронтовых частей.

---

[80] П. Н. Милюков. Россия на переломе, стр. 68.
[81] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2-е, стр. 226.
[82] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 622, лл. 519, 519об.
[83] П. Н. Милюков. Россия на переломе, стр. 69.
[84] Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 71.

Комитеты в армии находились в трудном и сложном положении, так как были не в состоянии удовлетворять требования массы, например, отвод с позиций для необходимого отдыха. Дивизионный Комитет 104-й пехотной дивизии фронта был наводнен резолюциями своих полков — 414, 415, 416, 419-го, о необходимости немедленного отвода ввиду огромных потерь, изнурения и болезней. В случае неудовлетворения требования солдаты угрожали направить делегации в Петроград. 416-й полк вынес решение дабы его делегаты обращались не в Совет, а к Временному правительству. Полки избрали делегатов — поручика Боровикова, фельдфебеля Голубева, ст. унтер-офицера Архипова, рядовых Мирошкина, Башмакова и других лиц, которым предписывалось добиться отвода дивизии в тыл.[85] Бесконечный поток подобных делегаций в Петроград говорил уже о бессилии комитетов справиться с положением в армиях, так как командование не было в состоянии удовлетворить все требования частей без риска развала фронта. Это положение относилось ко всей армии в целом.

16 апреля 1917 г. главковерх ген. А. Алексеев писал военному министру А. Гучкову, что положение в армии с каждым днем ухудшается и «нет сил восстановить авторитет начальников». «В армии развивается пацифистское настроение», — писал генерал. Солдаты дезертируют, и масса даже не допускает мысли не только о наступательных действиях, но и о подготовке к ним. Наблюдались крупные нарушения дисциплины и систематические отказы солдат от производства оборонных работ и т. п.[86]

Бессилие комитетов в деле сохранения боеспособности действующей армии и в подготовке ее к предполагаемому наступлению фактически было признано как Петроградским Советом так и Временным правительством, когда в начале мая состоялось решение Петросовета о создании на фронте института комиссаров. В его довольно широкие функции входило и право смещения командиров, за исключением главнокомандующего. В начале мая Петроградским Советом по согласованию с Временным правительством, были отправлены на фронты действующей армии комиссары.[87] На плечи комиссаров ложилась тяжелая задача по подготовке фронта к наступлению. Антивоенные настроения преобладающей части солдат создавали неимоверные трудности в деятельности комиссаров. Характерная деталь поясняет обстановку, в которой приходилось им действовать: согласно сводки бюро пе-

[85] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 45, лл. 25, 25об.

[86] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1492, л. 146.

[87] Районные Советы Петрограда. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных Комитетов. М., 1964, стр. 136.

чати Ставки за период с 30.4. по 10. 5. 1917 г. из числа 79 поступивших резолюций — 50 высказывалось за мир без аннексий и контрибуций, а меньшинство за войну до победы.[88] Комиссарам в армии приходилось иметь дело с бушующей солдатской массой, с комитетами, отражающими взгляды солдат, и с командирами, стремящимися к единовластию, которым в одинаковой степени мешали как комитеты, так и комиссары. В результате, отмеченный уже нами кризис управления в армии усложнялся зачастую фактическим безвластием и о двоевластии не было и речи. В конце апреля военный министр А. И. Гучков справедливо характеризовал этот армейский недуг как «одновластие, многовластие, безвластие».[89]

В такой сложной и противоречивой обстановке открылся 1-й съезд делегатов армий Юго-Западного фронта в г. Каменец-Подольске (7. 5. — 20. 5. 1917 г.), 700 делегатов которого представляли довольно пеструю гамму политических взглядов. Временное правительство и командование возлагали большие надежды на этот съезд в деле внедрения в солдатские массы идеи наступления и приобщения солдат к политике правительства. На съезде присутствовал главнокомандующий фронтом ген. Брусилов, с пространной речью выступил А. Керенский. В числе гостей был и французский военный министр А. Тома. Государства Антанты придавали особое значение готовившемуся наступлению, и на съезд прибыл английский генерал Нокс, который в те дни совершал поездку по фронту и посетил части 8-й Армии.[90] О политическом настроении большинства делегатов съезда сразу можно было судить по овациям в честь ген. Брусилова, которого особо приветствовал председатель съезда унтер-офицер Дашевский. По данным мандатной комиссии, 36% делегатов съезда принадлежали к социалистическим партиям (с.-д. — 22,5% и с.-р. — 13,5%). Официально беспартийными числилось 64% делегатов, из которых сочувствовали эсерам 35%, а социал-демократам 27%. Два процента делегатов принадлежало к анархистам, кадетам и другим политическим течениям. Число большевиков и сочувствующих им не превышало 50 человек. Прапорщик, большевик Н. В. Крыленко, член Армейского Комитета 11-й Армии, привет-

---

[88] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1492, л. 146об.

[89] П. Н. Милюков. История русской революции, т. I, стр. 83. Даже советский историк Э. Н. Бурджалов отрицает наличие двоевластия в русской армии, на существование которого по шаблону настаивает официальная советская историография. См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. I, стр. 714; П. Голуб. Партия, Армия и Революция. М., 1967, стр. 34; Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. М., 1971, стр. 155.

[90] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 94.

ствовал съезд от имени ЦК большевиков. Выступление Крыленко говорило уже о перестройке работы этой партии на базе апрельских тезисов В. И. Ленина по вопросам характера войны, власти и о земле. Крыленко заявил, что страну из тупика выведет лишь переход власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Крыленко предложил соответствующую резолюцию по указанным нами вопросам, которая была отклонена большинством в 570 голосов против 52-х при 64-х воздержавшихся.[91]

В своем вторичном выступлении Крыленко предлагал зажечь революционный пожар в соседних странах и обратился с призывом к русскому рабочему классу начать гражданскую войну внутри страны; одновременно он резко обрушился на А. Тома, характеризуя его как аннексиониста. В предложенной резолюции Крыленко указывалось также, что «призыв к наступлению для революционной демократии станет приемлем лишь тогда, когда власть перейдет в руки Советов». Отвечая на вопрос, Крыленко подчеркнул, что он убежденный противник наступления, но при наличии приказания военного министра или ген. Брусилова «на немецкие штыки и пулеметы пойдет», а убеждать роту в необходимости наступления он, Крыленко, не будет.[92] Как видим, взгляды большевика Крыленко еще не были политически отшлифованы и отличались непоследовательностью, так как он признавал необходимость наступления по приказу свыше. На съезде прошла подавляющим числом голосов совместная резолюция меньшевиков и эсеров, предложенная членом Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Шапиро. По всем основным вопросам было выражено безусловное доверие коалиционному правительству против 1-го голоса при 16 воздержавшихся. Съезд призвал к усилению боевой мощи русской революционной армии, было решительно осуждено братание, и в резолюции содержался призыв не ослаблять армию отказом от наступательных действий. Эта резолюция о войне, мире и наступлении прошла большинством в 554 голоса против 26 при 64 воздержавшихся. Съезд постановил организовать штурмовые колонны и революционные батальоны из добровольцев фронта, принял положение о войсковых организациях, о создании «крепкого порядка» и авторитетной власти в армии, осудил имевшую место травлю евреев в армии и др.[93]

По кардинальному вопросу о земле съезд хотя и объявил, что все земли, в том числе и частновладельческие, должны стать об-

---

[91] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 19, лл. 72, 174, 176, 566, 568 и др.; Бюллетень № 3 съезда делегатов армий Юго-Западного фронта. 11. 5. 1917 г.

[92] Бюллетень № 5 съезда делегатов Юго-Западного фронта. 13. 5. 1917 г.

[93] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 19, лл. 573—610.

щенародным достоянием «без выкупа», но разрешение этого актуальнейшего вопроса ставил в зависимости от решения Учредительного Собрания и призвал крестьян «противодействовать отдельным попыткам к насильственным захватам и самовольным действиям».[94] На фоне разгорающегося широкого аграрного движения украинского крестьянства и аграрных устремлений солдат эта резолюция подрывала позиции меньшевиков и эсеров в армии и лила воду на мельницу большевиков. Политическая близорукость двух первых партий, особенно эсеров, в аграрном вопросе вытекала и из того факта, что широкая крестьянская масса явочным порядком приводила в жизнь ряд своих требований.

Политическая недальновидность, недооценка и зачастую полное игнорирование проявляли меньшевики и эсеры в важнейшем национальном вопросе, тесно связанном с аграрной проблемой на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Молдавии и на других территориях. В частности, эта позиция указанных партий имела место и на армейских и фронтовых съездах. На съезде делегатов Юго-Западного фронта в докладе Носа о национальных войсках красной нитью проходило высказывание А. Керенского «о несвоевременности национальных выступлений» из речи последнего на собрании Совета Общественных организаций г. Каменец-Подольска. В то же время в докладе о национальных войсках признавался неоспоримый факт широкого украинского национально-освободительного движения, которое приобрело определенную остроту в связи с требованием украинцев о национализации войсковых частей. Все же в принятой резолюции указывалось, что в переживаемый момент полная национализация частей может явиться опасным источником «шовинистических вожделений и империалистических авантюр одной национальности против другой», в связи с чем съезд делегатов Юго-Западного фронта до принципиального разрешения этого вопроса в Учредительном Собрании «считает недопустимой организацию новых, отдельных национальных войск, кроме добровольческих дружин».

При постановке на съезде вопроса о национальных войсках его руководство нарушило основные демократические права делегатов, так как не допустило открытия прений по этой важной проблеме. В президиум съезда поступил мотивированный совместный протест делегатов — представителей украинцев, поляков, грузин, эстонцев, латышей и др. против нарушения их законных прав, против одностороннего освещения национального вопроса, в частности вопроса украинизации войск. Однако съезд

---

[94] Там же,

решил указанный протест не обсуждать.[95] Как видим, съезд игнорировал самые элементарные требования национально-освободительного движения, несмотря на весьма умеренные требования украинцев. Даже царские генералы, как, например, главнокомандующий армиями Северного фронта ген. Драгомиров, на майском совещании в Ставке указывал на умеренность требований украинцев и заявлял, что под всеми постановлениями украинского съезда «мы подпишемся обеими руками». [96] На съезде делегатов Юго-Западного фронта большевики в лице их лидера, прапорщика Крыленко, были против создания украинских национальных частей, но дипломатически отмалчивались, дабы не потерять политические симпатии солдатской массы. Точно такая же политическая линия большевиков против национальных частей проводилась и на Западном фронте, где устами лидера большевиков А. Ф. Мясникяна (Мясников) национальным формированиям приписывалась «контрреволюционная роль».[97]

Вообще, как увидим в дальнейшем, большевики вели себя демагогически, скрывая до поры до времени свои великодержавные, центристские тенденции. Характерно в этом отношении циничное выступление докладчика по национальному вопросу И. Сталина на Петроградской общегородской и Всероссийской конференции большевиков (24—29 апреля 1917 г.). Сталин буквально заявил: «Я могу признать за нацией право отделяться, но это еще не значит, что я обязан это сделать». Все ставилось большевистскими демагогами в зависимость от обстановки.[98]

В целом же съезд делегатов армии Юго-Западного фронта имел положительное значение, так как сделал все возможное для упорядочения необходимого ритма жизни армии, сохранения ее боевой силы, консолидации сети ее комитетов и активного участия солдат в их работе.

К лету 1917 года на Юго-Западном фронте насчитывалось 63 690 избранных в комитеты депутатов, из которых 7 055 являлись офицерами, а 1 162 — врачами и военными чиновниками. В запасных частях этого обширного фронта на 1 769 депутатов-солдат было 228 офицеров и 19 врачей и чиновников военного времени. В тыловых же выборных учреждениях фронта насчитывалось 9 568 солдат, 911 офицеров, 546 врачей и чиновников.

---

[95] Бюллетень № 9—10 съезда делегатов Юго-Западного фронта. 20. 5. 1917 г.

[96] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Документ. приложение, стр. 144.

[97] Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии, стр. 326, док. № 258.

[98] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г., М.—Л., 1925, стр. 130.

Таким образом, в среднем на 7 избранных в комитеты солдат приходился 1 депутат из среды офицеров, чиновников и врачей.[99] По нашим приблизительным подсчетам на Юго-Западном фронте и в его тыловых частях насчитывалось не менее 8 тысяч комитетов.

Румынский фронт протяжением более 500 верст был создан к концу 1916 г., и по сравнению с другими театрами военных действий его вооруженные силы создавались путем переброски корпусов с других фронтов, что ослабило все фронты и не давало возможности сосредоточить на каком-либо определенном направлении большие силы, крепкий ударный кулак.[100] Основные силы этого фронта были сосредоточены вне пределов России на румынской территории, что создавало определенную специфику положения солдатской массы. Для Румынского фронта, в отличие от других европейских фронтов, был характерен горный рельеф местности, что создавало разобщенность воинских соединений друг от друга. Ген. А. И. Деникин считал, что этот фронт находился в более тяжелых условиях, чем другие. В частности, наличие всего лишь одной ж.-д. линии, связывающей армию фронта с Россией, создавало дополнительные транспортные и продовольственные затруднения. Солдатская масса рассматривала, что характерно, ведущиеся здесь боевые операции как борьбу за чуждую им Румынию. Ген. Деникин с основанием указывал вдобавок на «очень запутанную политическую обстановку» на этом боевом фронте.[101]

Революционные события в связи с разобщенностью частей, нахождением на чужой территории, протекали в армиях Румынского фронта с неодинаковой политической интенсивностью и с разным социальным накалом. Хотя вести о революции проникали с ближайшего русского тыла уже в начале марта, но помощник главнокомандующего фронтом ген. Сахаров (номинальным главнокомандующим был румынский король) всячески пытался затормозить оповещение частей о революционных событиях в Петрограде. 3 марта Ставка, по просьбе Родзянко, приказала штабу фронта задержать на несколько дней опубликование манифеста и разрешила только секретно ознакомить с событиями старших начальников не ниже командиров корпусов.[102] Командарм 9-й Армии ген Лечицкий только 11 марта оповестил части о революции. Некоторые реакционные офицеры пытались в какой-то мере

---

[99] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 124.

[100] Воспоминания ген. А. С. Лукомского. Верлин, 1922, т. I, стр. 111.

[101] Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Париж, б/г., вып. 2, т. I, стр. 111.

[102] «Красный Архив», 1927, т. 3 (22), стр. 19.

дискредитировать и приказы А. И. Гучкова. Даже ближайшие к фронту гарнизоны узнавали о революции сравнительно поздно. Так, гарнизон города Измаила (6-я Армия) до 12 марта не был оповещен командованием о разразившихся событиях. Как писали солдаты этого прифронтового гарнизона «жизнь и отношения между командами и их начальниками все еще старые». 4 марта начальник штаба Отдельной Балтийской дивизии, находящейся на фронте, подполковник генерального штаба Достовалов, подслушав разговор унтер-офицера Шусненкова и солдат о революционных событиях, нанес ему удар в лицо и избил как унтер-офицера, так и двух солдат. Мало того, указанные лица были арестованы. Шусненков из-за опасения военно-полевого суда застрелился.[103]

В конце марта мы видим уже на фронте комитеты офицерских и солдатских депутатов, которые выражали полное доверие Временному правительству и обязывались «вести войну до победного конца». Подобные резолюции мы наблюдаем в частях 115-й пехотной дивизии действующей армии. В марте ген. В. В. Сахаров возбуждал вопрос в Ставке относительно учреждения выборных комитетов офицерских и солдатских депутатов. В своем ответе от 24 марта ген. Алексеев даже поторапливал командование фронта и указывал на необходимость распространения комитетов.[104]

Заторможение командованием оповещения частей о революции и создание комитетов привело к тому, что солдаты стали признавать законными прочитанные в газетах постановления комитетов о новых взаимоотношениях офицеров и солдат. Командующий 9-й Армией ген. Лечицкий сообщал в штаб фронта 29 марта о подавленном настроении у большинства офицеров. Генерал считал, что новые права солдат привели к подрыву авторитета начальников, так как содержание приказа № 1 проникло на фронт, и поддержание дисциплины «делается немыслимым».[105] Характерные события развернулись в 188-й пехотной дивизии 24-го армейского корпуса 9-й Армии. 1 апреля в местности Майонешти, в Румынии, в штаб указанной дивизии явились солдаты Тубань, Шустов, Куприн, Дубряков и др. для произведения ареста начальника штаба подполковника Сенкевича. Солдат Тубань заявил начальнику дивизии ген. Де Вейлю, что последний является соучастником подполковника Сенкевича. На улице у штаба собралась большая вооруженная толпа. Подполковник Сенкевич успел бежать, в связи с чем солдаты угрожали арестовать командира

---

[103] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 9, д. 2, лл. 9, 9об., 10.
[104] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 56.
[105] Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 48.

дивизии.[106] 7 апреля уже по постановлению корпусного съезда 26-го армейского корпуса, под нажимом солдат, был арестован командир корпуса ген. Миллер по обвинению «в контрреволюционной деятельности», так как генерал не объявил по корпусу приказ № 1 и считал, что Совет вообще является неправомочным органом. 7 апреля в румынском г. Кымполунге на смотре маршевых рот 258-го запасного полка ген. Миллер приказал знаменщику с красным флагом выйти из строя, а солдатам снять красные банты. Генерал был избит солдатами и водворен на гауптвахту. Миллеру объявили об его аресте по постановлению корпусного съезда, и он в сопровождении конвоя и 6 делегатов корпуса был отправлен в Петроград.[107]

На совещании главнокомандующих фронтами ген. Гурко в своем выступлении 1 мая отмечал, что на Западном фронте командование вело себя более осторожно, а «в 9-й Армии было наоборот, в армии были запрещены красные знамена и банты . . .», что там «закрыли пар» и не «дали ему выйти. На этом и погиб генерал Миллер».[108] Отстранением неугодных командиров занимались и фронтовые гарнизонные Советы. 10 апреля решением Совета гарнизона г. Сучавы был отстранен начальник гарнизона ген. Молчанов, о чем довел до сведения Петроградского Совета заместитель председателя прапорщик В. И. Осьмов.[109] В конце марта и в начале апреля во всех армиях фронта уже были созданы солдатские выборные организации, равно как и в прифронтовом тылу. В комитетах руководящим ядром являлись эсеры, меньшевики и нередко кадеты. Последние были представлены офицерами более высокого ранга. Командарм 4-й Армии ген. Рагоза выражал удовлетворение деятельностью армейского комитета.[110]

Находясь вдали от революционных центров и на румынской территории, озираясь на румынское королевское войско, высший командный состав фронта вносил коррективы в приказы как военного министра, так и Петроградского Совета. Угодные командованию поправки и разъяснения сделал и командарм ген. Рагоза.[111] Эти действия командования были возможны также и в связи с поздними и сбивчивыми слухами в войсковых частях о революции. В своих воспоминаниях солдат фронта Алексеев так и писал: «сидевшая в румынских селах и окопах лесистых Карпат» русская армия первые неясные сведения получила лишь

---

[106] ЦГВИА, ф. 2227, оп. 3, д. 12, лл. 108 и др.
[107] Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 53, 54.
[108] А. Зайончковский. Кампания 1917 г. Докум. приложение, стр. 140.
[109] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 26, л. 41.
[110] ЦГВИА, ф. 2128, оп. 6, д. 2, л. 8, 8об.
[111] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 54, л. 19.

4 марта.[112] В связи с этими и отмеченными выше обстоятельствами наиболее поздно включились в революционное движение солдаты, находившиеся в горных районах Румынии 4-й Армии, и более активно действовали солдаты 9-й и 6-й Армий. В целом же весь Румынский фронт по размаху революционного движения оставался позади других европейских театров военных действий. Солдаты фронта заметно активизировались лишь в мае—июне 1917 г. Состоявшееся в апреле в Петрограде Совещание делегатов армий выявило довольно рельефно положение на Румынском фронте, когда один из делегатов заявил: «Мы кричим — освободите наш фронт из тяжелых тисков этих опричников Николая II-го».[113] О положении на фронте дает нам вполне достоверное представление совместная телеграмма от 14 апреля за подписью председателя Совета рабочих депутатов г. Одессы Гниденко и председателя Одесского Совета солдатских и офицерских депутатов Зарудного в адрес Временного правительства и Петроградского Совета. На соединенном заседании указанных выше Советов в апреле было заслушано сообщение делегатов, прибывших с Румынского фронта. На основании выступлений делегатов Объединенное собрание констатировало, что «прочность нового строя в армиях Румынского фронта ... не обеспечена», что в руководстве армий господствуют реакционные элементы, которые «сеют рознь между офицерами и солдатами», чем ослабляется сила армии перед лицом врага. Оба одесских Совета требовали принятия экстренных мер, для чего было решено направить на фронт представителя двух Советов с широкими полномочиями, и были предъявлены требования командованию о свободном пропуске газет всех политических направлений и соответствующей литературы «во все армии Румынского фронта».[114]

Прибывший в середине апреля новый фактический главнокомандующий Румынским фронтом ген. Щербачев с 17 по 26 апреля объехал части и на основании личных докладов командующих армиями, их начальников штабов и многих командиров дивизий ознакомился на месте с политико-моральным состоянием войск и со всей обстановкой. На огромном пятисотверстном фронте в его трех армиях было сосредоточено в это время 18 армейских и 3 конных корпуса. Для общего состояния русских войск, по мнению ген. Щербачева, было характерно падение дисциплины и авторитета командного состава, крайний интерес солдат к поли-

---

[112] «Летопись Революции», 1927, № 1 (22), стр. 69, 70.

[113] Стенографический отчет съезда делегатов фронта. Заседание 26 апреля 1917 г. Петроград, 1917, стр. 2, 3.

[114] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 2.

тическим вопросам и внутренней жизни России, «ничтожная продуктивность работ по подготовке к наступлению».[115]

По сравнению с деятельностью комитетов других европейских фронтов, армейские выборные организации Румынского фронта теснее сотрудничали с командованием и все больше отрывались от солдатской массы, которая с апреля—мая все решительней втягивалась в революционное движение после великого Февраля и жадно тянулась к получению информации. Армейский Комитет 4-й Армии в конце апреля всячески противодействовал этим стремлениям солдат. В ответ на требование делегатов 14-й пехотной дивизии о посылке особой делегации в промышленные и политические центры страны «для ознакомления с жизнью тыла и для освещения жизни фронта» Армейский Комитет принял решение о нецелесообразности этих делегаций. Армком 4-й Армии категорически возражал и против начавшейся явочной демократизации командного состава. Когда солдаты 80-й пехотной дивизии дали отвод ген. Китченко и избрали на его место полковника Кушакова, Армейский Комитет решительно этому воспротивился и поддержал решение дивизионного комитета 80-й пехотной дивизии о том, что «удаление командного состава незаконно, и впредь не допускать подобных эксцессов, разрушающих основу дисциплины». Мало того, Армейский Комитет, в противовес решениям влиятельного Одесского Совета, ограничивал свободу печати на фронте и не допускал без своей санкции неугодные ему делегации из тыла. Командный состав в лице генералов Рагозы и Юнакова выражал глубокое удовлетворение этими мерами Армейского Комитета, не идущими в ногу с решениями Петроградского Совета и с желаниями солдатской массы.[116] Армейский Комитет 4-й Армии противопоставлял себя массе не только в вопросе проведения демократизации командного состава, но также задевал интересы солдат в животрепещущем для них вопросе об отпуске сорокалетних на сельскохозяйственные работы и игнорировал аграрную проблему вообще. Армейский Комитет даже перестарался в поддержке решения Военного министерства о прекращении сельскохозяйственных отпусков солдат под предлогом «развала транспорта». Решение Комитета обязывало всех уже уволенных на сельскохозяйственные работы «немедленно вернуться в свои части». Армейский Комитет решительно сопротивлялся решению солдат и их низового органа — Комитета 7-го запасного полка о посылке в деревню делегатов в связи с предстоящим Всероссийским Крестьянским съездом, так

[115] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 50.
[116] ЦГВИА, ф. 2118, оп. 1, д. 859, лл. 12, 16, 16об., 25.

как согласно формулировке этого армейского органа, окончательное решение земельного вопроса зависит от Учредительного Собрания, а крестьянский съезд может только обсуждать, не более, аграрный вопрос, и в связи с этим нет никакого смысла направлять делегатов в деревню.[117]

Корпусные и дивизионные Комитеты 4-й Армии, что характерно, были также оторваны от низовых выборных организаций и солдатской массы. Мало того, они зачастую были инициаторами репрессий. Так, Комитет 30-го армейского корпуса предал суду солдата 317-го пехотного Дрисского полка Федора Гревцова, который в начале мая на работах по рытью окопов обругал прапорщика Дьячкова и, якобы, подстрекал солдат к аресту офицера. Федор Гревцов был приговорен к 20-ти годам каторжных работ.[118]

Несмотря на эту роль высших Комитетов, как в 4-й, так и в других армиях Румынского фронта и других фронтов, всячески пытавшихся затормозить неуклонный процесс распада всего армейского комплекса ценой своего неизбежного отрыва от стремлений солдатской массы, процесс этот все же продолжался. В конце апреля 1917 г. неповиновение в армиях всех фронтов приняло настолько широкий размах, что военный министр А. Гучков 28 апреля в своем приказе по Военному ведомству требовал от начальников «привлекать к ответственности неповинующихся, карать их по всей строгости военных законов».[119]

Переход к репрессиям был именно показателем нарастающего массового неповиновения и антивоенных настроений всей армии вообще, и в том числе и в армиях Румынского фронта. В начале мая на почве неподчинения командирам на Румынском фронте мы уже видим первые расформирования и широкие аресты. В первых числах мая в 40-м Сибирском стрелковом полку 10-й Сибирской стрелковой дивизии 6-й Армии наблюдались многочисленные возражения солдат против исполнения боевых приказов предполагаемого наступления и отказы от производства работ, связанных с выноской вперед окопов и вообще укрепления занимаемых позиций. Целые роты отказывались идти на работу. Особенно выделялись солдаты 12-й роты полка — Александр Белкин, Михаил Бак, Дмитрий Ладушкин и др. Солдат Горюнов громко заявил, что «раз мира не дают, надо бросать винтовки — расходиться по домам». Михаил Бак кричал солдатам: «На что нам свобода, если меня убьют, дай нам мир!». Аналогичные события произошли и в 38-м Сибирском стрелковом полку Армии. В ре-

---

[117] Там же, ф. 2118, оп. 6, д. 2, лл. 53об., 54, 57.

[118] Там же, ф. 2118, оп. 2, д. 223, лл. 38, 39.

[119] Революционное движение в русской армии в 1917 году, стр. 75, 76.

зультате указанные солдаты были привлечены к ответственности, а 4-й батальон 40-го Сибирского стрелкового полка был расформирован.[120]

На протяжении мая, как об этом свидетельствует телеграмма командарма 6-й Армии ген. Цурикова, «недопустимое отношение» ряда частей армии, выступающих против военных занятий и работ, приняло значительные размеры, и генерал требовал от командиров привлечения неповинующихся солдат «к законной ответственности».[121]

Несмотря на сопротивление Армейского Комитета, в Петроград прибывали делегации солдат, которые в определенной степени выражали настроения армейской массы. 2 мая на заседании Василеостровского районного Совета г. Петрограда явилась солдатская делегация 115-й и 30-й пехотных дивизий 6-й Армии. Член делегации подпрапорщик Савчук пожелал узнать, приступило ли правительство к переговорам о мире, так как он слышал и обратное — о подготовке к продолжению войны. «Мы хотим мира, а не войны», заявил подпрапорщик. В этом же духе высказался и представитель солдат 30 пехотной дивизии фейерверкер Скибальский, который спросил, до каких пор солдатам ждать мира.[122] Появление делегаций солдат в Петрограде объясняется тем фактом, что посещение фронтовых частей делегациями Временного Комитета Государственной Думы часто не удовлетворяло солдат, так как часть этих делегаций высказывалась в сугубо оборонческом духе. Так, во второй половине апреля 6 Армию посетила такая делегация в составе студентов Ришеса, Альперса, Кувшинского и др. «для распространения литературы и сведений среди войск». Командование оказало делегации всяческую поддержку.[123]

Хотя в 6-й и 4-й Армиях смещение командного состава, в связи с позицией Армейских Комитетов, и не приняло массового характера, все же и здесь смещения имели место, хотя и на более позднем этапе. В 160-м Абхазском полку 4-го армейского корпуса 6-й Армии под предводительством прапорщика Чистовского солдаты арестовали 5 офицеров этого полка. Арестованных капитанов Терехова, Мацкевича, Хундадзе и др. выручил Армейский Комитет, который перевел их в другие полки «передовой линии». Армейский Комитет был поставлен перед свершившимся фактом, все же арест офицеров признал незаконным. Точно так же Армейский Комитет повел решительную борьбу против солдат

[120] ЦГВИА, ф. 2283, оп. 1, д. 12, лл. 2, 2об., 3, 3об., 22.
[121] Там же, ф. 2126, оп. 1, д. 618, л. 47.
[122] «Правда», № 49, 18 (5) мая, 1917 г.
[123] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 615, л. 200.

13-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии, которые 7 мая под руководством поручика Щекина арестовали начальника этой дивизии генерала Станкевича.[125]

Во второй половине мая 1917 г. в районе г. Кагула, в пределах 6-й Армии Румынского фронта, произошло солдатское восстание, политическое значение которого выходило далеко за пределы армии, фронта, и являлось ярким свидетельством всестороннего глубокого кризиса, подрывающего самые основы существования армии и ее дальнейшего функционирования как боевой силы. Выступление полков 163-й пехотной дивизии имело типичный солдатско-крестьянский характер, когда масса солдат-крестьян выступила за немедленное заключение мира «во что бы то ни стало», так как уже не могла и не желала воевать, была охвачена стремлением немедленного разрешения аграрного вопроса и выражала недоверие Петроградскому Совету и Временному правительству, затягивающих разрешение аграрного вопроса и заключение мира. Во главе этого восстания стали подпоручик 650-го пехотного Тотемского полка Иван Филиппов и рядовой 651-го Шенкурского полка Александр Канаки, которые еще в апреле и в начале мая во время бурных митингов призывали к неповиновению приказаниям начальников. Активное участие в руководстве восстанием принимали унтер-офицеры Василий Клюев и Осип Куликов, рядовые Ефим Уленовский, Пантелеймон Перелыгин и др.[126] Восставшие были связаны с местным крестьянством, контакты с которым осуществлялись подпоручиком Филипповым через арестованного впоследствии учителя села Менты Измаильского уезда Михаила Лисевича.[127] Толчком к восстанию трех полков дивизии — 649-го, 650-го и 651-го послужил приказ об их переходе в новый район для производства расформирования всей 173-й пехотной дивизии как небоеспособной. Иван Филиппов и его единомышленники, активно поддержанные солдатской массой, от имени полков категорически отказались от расформирования, арестовали командира 650-го пехотного Тотемского полка полковника Кольнера и 7 офицеров. В тот же день полковой комитет 650-го пехотного полка освободил Кольнера, а офицеров задержал в качестве заложников и вынес решение о неподчинении приказу о расформировании и переходе полка в другое место. Другие полки дивизии также отказались уходить со своих мест расположения. Восставшие захватили средства связи, денежный ящик, пулеметы и автомобили, выставили заставы и полевые

---

[125] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 146, лл. 67, 20.
[126] ЦГВИА, ф. 2734, оп. 2, д. 99, лл. 122, 123об.
[127] Там же, ф. 2126, оп. 5, д. 152, лл. 216, 216об.

караулы. Были изолированы многие колеблющиеся солдаты и офицеры. Особенно сильные колебания проявили солдаты 652-го Цильменского полка, которые не примкнули к восстанию. По сообщению Армейского Комитета 6-й Армии, «агитация Филиппова охватила все больше массы солдат, и филипповцами были сделаны шаги для завязывания отношений с другими дивизиями и тылом». Филипповцы вовлекли в движение окрестных крестьян, наделяли их землей и вместе с ними громили помещичьи экономии. Восставшие, согласно сообщениям Армейского Комитета, «решили на все время войны остаться в занятых ими деревнях и отказывались уйти из этих деревень, требуя немедленного заключения мира». Иван Филиппов и его единомышленники призывали солдат к недоверию офицерам, немедленному «во что бы то ни стало» заключению мира, недоверию Армейскому Комитету, Петроградскому Совету и Временному правительству. Восставшие призывали всех солдат 163-й пехотной дивизии «сохранять винтовки и беречь патроны, которые пригодятся в тылу».

Все усилия командования и работа Армейского Комитета по успокоению возбужденных солдат успеха не имели. Армейский Комитет на совместном экстренном заседании с руководством штаба Армии 24 мая обсудил создавшееся положение и принял решение о применении вооруженной силы и ареста вожаков движения. Командующий 6-й Армией ген. Цуриков создал ударный кулак из 2-х дивизий 6-го конного корпуса, присоединил к ним по батальону 458-го Суджанского и 16-го Абхазского полков, одну батарею 115-й артиллерийской бригады, 4-й броневой дивизион и воздухоплавающие аппараты. Операцией руководил ген. Бискупский. 25 мая перед лицом столь явного перевеса сил командования восставшие были вынуждены сложить оружие. Были арестованы подпоручик И. Филиппов, прапорщики Евграфов, Бинз и 222 солдата.[128]

Ход восстания полков 163-й пехотной дивизии, тактика его вожаков и колебания определенных слоев солдатской массы дают все основания считать это движение характерным проявлением крестьянского восстания в условиях действующей армии. Особенно это видно из решения восставших солдат ждать конца войны в деревнях их дислоцирования, отказ от наступательных действий, что окончательно предрешило поражение солдат.

Это антивоенное выступление солдатской массы выявило дальнейший отход солдат от верхушки комитетов и растущий кризис управления войсками. Командующий 6-й Армией ген. Цу-

[128] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 146, л. 49; Там же, ф. 2489, оп. 1, д. 2, лл. 15, 15об.; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 27, лл. 15, 16, 17, 18, 20.

риков в связи с восстанием так и писал 24 мая 1917 г. в штаб фронта, что среди солдат «влияние комитетов и офицеров утрачено».[129] С другой стороны, восстание показало опасную для существования армии как боевой силы ненадежность остальных частей. Генерал Цуриков сообщал главнокомандующему фронтом ген. Щербачеву об активных действиях в пользу арестованных резерва отряда: «...люди резерва ген. Бискупского по дороге бросались останавливать автомобили и стрелять».[130] Отказались стрелять по восставшим и артиллеристы 115-й артиллерийской бригады под командованием капитана Мурашкина. Этот офицер заявил, что он отказывается от участия в карательной экспедиции, за что решением командования был привлечен к ответственности.[131]

Тактика восставших носила явно наивный, утопический характер (отсиживание в деревнях), а вожаки поднявшихся солдат, как и сами солдаты, отличались политической незрелостью. Не случайно даже суд в своем приговоре (12 лет каторги) нашел «смягчающие вину Ив. Филиппова и Канаки обстоятельства» ввиду «их крайнего политического невежества».[132]

Расформирования на Румынском фронте коснулись не только 163-й пехотной дивизии. В сообщении ген. Щербачева 27 мая военному министру говорилось, что на очереди стояло расформирование одной пехотной, одной стрелковой и одной Сибирской стрелковой дивизии.[133] Это расформирование крупных войсковых соединений было очевидным показателем не только полного падения их боеспособности, но и говорило о том, что как командование, так и Комитеты уже не справлялись со своими задачами и обязанностями в деле сохранения армии как боевой силы.

Точно так же лихорадило части 9-й Армии фронта. Для неустойчивой, колеблющейся массы солдат характерны в это время как индивидуальные проявления недовольства продолжением

[129] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 146, л. 49.

[130] Там же, л. 53об.

[131] Там же, ф. 2126, оп. 5, д. 152, лл. 233об., 234, 235.

[132] Там же, ф. 2734, оп. 2, д. 99, л. 123об. Советская официальная историография совершенно произвольно считает Ив. Филиппова большевиком (см. И. Минц. История Великого Октября, т. II, стр. 475). Однако, как материалы суда, так и другие, находятся в противоречии с этим тенденциозным утверждением. В своем заявлении на имя Армейского Комитета 6 армии арестованный Филиппов в июне 1917 г. писал, что хотел «только утверждения на „Святой Руси" свободы, братства и равенства». (См. ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 152, стр. 162). Большевиком Филиппов стал после его освобождения из тюрьмы.

[133] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 78, 30. V. 1917 г. Имелись в виду 8 стрелковая и 21 Сибирская стрелковая дивизия. (Разложение армии в 1917 г. Сб. док. М.—Л., 1925).

войны, так и коллективные выступления, связанные с отказом от выполнения приказов командования. В рапорте командующего 9-й Армией ген. Лечицкого в Ставку сообщается о широком антивоенном «пацифистском» настроении в частях 2-го армейского корпуса и категорическом отказе солдат от работы по сооружению наступательных плацдармов.[134] Для многих индивидуальных выступлений характерно «подстрекательство». Например, старший унтер-офицер 6-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии Аким Мышко 4 мая на позиции убеждал солдат 4-й артиллерийской бригады не стрелять по неприятелю, так как пехота крайне недовольна поведением артиллеристов, продолжающих кровопролитие. Мышко говорил им: «Довольно стрелять, так как и так много пролито крови».[135] Солдаты 25-го стрелкового полка направили 5 мая в Московскую Городскую Управу коллективное письмо, выдержанное в резком антивоенном тоне. Солдаты благодарили за присланные подарки и, касаясь положения в 9-й Армии, указывали, что «... у нас старый режим еще не изменяется, а хотят его назад еще заворотить, и мы решили прекратить войну, довольно воевать, а надо кончать ... вся армия отказуется от войны ...».[136]

Усталость и антивоенные настроения были характерны не только для солдат 25-го стрелкового полка, они широко охватили крупные войсковые соединения армии. Об этом говорят, например, внутриармейские делегации, широким потоком устремившиеся в мае в штаб 9-й Армии. В двадцатых числах мая в штабе Армии встретились делегации 48-й пехотной дивизии, избранные солдатами для доклада командарму о нуждах полков, с делегациями 49-й и 188-й пехотных дивизий. Все делегации солдат прибыли сюда для ходатайства об отводе частей в глубокий тыл на отдых. Делегаты заявляли, что если их требования не будут удовлетворены, то они собираются «ехать дальше, вплоть до Петроградского Совета». Следует подчеркнуть, что как командование так и Комитеты находились в крайне трудном положении, так как отсутствие достаточных резервов для замены измотавшихся полков не давало возможности генералам удовлетворить требования делегаций. В наказах делегатам, что характерно, были директивы о документальной проверке пояснений начальства об отсутствии резервов. Делегаты угрожали оставлением позиций в случае отказа и со стороны Петроградского Совета. Солдаты просили отвести их части на отдых в тыловой район Яссы—Бакеу. Вопрос об отводе

[134] Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 60.
[135] ЦГВИА, ф. 2237, оп. 2, д. 9, л. 8.
[136] Музей Революции СССР. № 6550/3-Д. III-18С.

частей на отдых обсуждался 24 мая и в дивизионном Комитете 48-й пехотной дивизии в присутствии членов Армейского Комитета, которые сумели пока добиться компромисса, так как обещали срочно рассмотреть этот вопрос на заседании Армейского Комитета. Председатель дивизионного Комитета врач Глассон благодарил делегатов за их выдержку.[137] Однако как в дивизионном Комитете, так и в Армейском Комитете вопрос решить не могли, добились лишь некоторой отсрочки; хронический недостаток резервов был общефронтовым явлением и стремительно нарастал.

Насколько накалена была обстановка в частях 9-й Армии свидетельствует тот факт, что даже отводимые на отдых крупные войсковые части, предназначенные в резерв фронта, выказывали неповиновение. Волнения солдат полков 103-й пехотной дивизии 9-й Армии, начавшиеся 10 мая, были ярким и сложным проявлением растущего кризиса в армии. Полки 103-й дивизии 18-го армейского корпуса, следуя с линии фронта в район Бухуши, дойдя до района Пиатра—Совешти—Добна-Дойна, приостановились и через делегатов полковых комитетов заявили командованию, что в район Окна они не пойдут, так как им необходимо отдохнуть. По требованию солдат были собраны полковые Комитеты, которые постановили настаивать на отводе полков в район, отдаленный от позиций. 12 мая были посланы делегаты в штаб 9-й Армии, который так и не принял окончательного решения. Армейский Комитет признал решение полковых Комитетов незаконным и решил направить в дивизию соответствующую комиссию. Солдаты дивизии, отказавшиеся следовать по назначению, заявили, что желают длительного отдыха и выдвинули требование о мире. На митингах солдат представитель Петроградского Совета и члены Армейского Комитета уговаривали фронтовиков подчиниться решениям командования. На митинге было принято постановление о командировании делегатов дивизии в Ставку. Были избраны делегаты: мл. унтер-офицер Лютиков и, по постановлению полковых комитетов, Сухов и 6 других солдат, членов выборных организаций.

В рядах солдат проявлялись характерные для массы колебания, и выразитель этих колебаний прапорщик Эрман призывал солдат следовать в место, указанное командованием, и лишь там просить длительный отпуск.

1 мая в дивизию прибыли члены Армейского Комитета, которые, не добившись подчинения солдат, в своих речах называли их «бунтовщиками» и «изменниками». В ответ на это солдатская

[137] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 5, д. 3, лл. 12, 13.

масса именует уже членов Армейского Комитета «соглашателями». Начальник штаба Армии резко осудил полковые комитеты 409-го, 411-го и 412-го полков дивизии, которым он отказал в праве решать вопросы боевого и оперативного характера.

Характерно, что приказ о переходе дивизии обсуждался солдатами и 14 мая на общем собрании полковых комитетов, а 16 мая полки дивизии еще упорствовали в неисполнении приказа. В ожидании нового приказа штаба Армии полки продолжали оставаться в деревнях Совинешти, Докия и Дойна. Только 20 мая под давлением Армейского Комитета 410 и 412 полки на своем общем собрании решили исполнить приказ. Таким образом в течение 10 дней дивизию лихорадило, и шло обсуждение солдатами боевого приказа. Одновременно в течение этого времени шли уговоры солдат. Командир дивизии полковник Стржемечный лично участвовал в уговорах и свидетельствовал, что солдаты дивизии были «сильно утомлены», изнурены, обозлены плохим питанием, и, по его заявлению, требовали 3-месячного отдыха. После разобщения солдат по частям и ликвидации основного очага сопротивления в 510-м и 412-м полках командующий Армией отдал приказ о привлечении руководителей неповиновения в качестве обвиняемых. Были арестованы члены полкового Комитета 409-го пехотного Новохоперского полка Петр Лыжин, рядовой Федор Лаптев, Иван Жаворонков. Были привлечены к ответственности и офицеры, участники неповиновения в дивизии — прапорщик 411-го пехотного Сумского полка Суханов, прапорщик 409-го Новохоперского полка Венглярский, член полкового Комитета ст. унтер-офицер Солнцев и многие другие. Аресты в дивизии проходили в июне и июле, дело затянулось на последующие месяцы. В ходе допросов вырисовывались отдельные важные детали волнений в дивизии. Так, ефрейтор 6-й роты 411-го пехотного Сумского полка обвиняемый Федор Захаров призывал не идти в наступление и «подбивал роту не давать командиру роты людей для связи на позициях и в бою», а обвиняемый солдат Суханов призывал не исполнять приказов офицеров и т. д. По собщению румынского префекта Нямцу, солдаты дивизии арестовывали и офицеров.[138]

События 10—20 мая 1917 г. в 103 пехотной дивизии выявили, что неповиновение целых частей приказам стало теперь массовым явлением в действующей армии. Обсуждение солдатами боевых приказов сопровождалось подменой приказов непрекращающи-

[138] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 146, л. 73; Там же, ф. 2195, оп. 3, д. 15, лл. 2, 4, 11, 116, 116об., 51, 51об., 39, 39об., 49об.; Там же, ф. 2195, оп. 3, д. 28, л. 13.

мися уговорами и убеждениями солдат со стороны командиров и верхушечных комитетов, что стало бытовым явлением и в других армиях фронтов. Обсуждение боевых приказов солдатской массой и подмена приказа уговорами означали, что идет процесс распада армии как боевой силы. Комитеты уже не были в состоянии приостановить этот процесс.

Революционное движение, развившееся в русских войсках Румынского фронта, расположенных преимущественно на территории королевской Румынии, столкнулось с ее социально-экономическим строем, полукрепостническими порядками в деревне, национальным гнетом и т. п. Это обстоятельство определило одну специфическую черту революционного движения на данном фронте по сравнению с другими европейскими театрами военных действий. Февральская революция и последовавшие за ней политические перемены в России и в ее армии (организация комитетов, факты смещения кадрового офицерства, волна митингов и др.) вызывали у румынского правительства страх и смятение. Присутствие русских революционных солдат в Яссах и растущее революционное движение во фронтовых частях порождали у румынской олигархии «чувство большой опасности».[139] Уже в марте сводки штаба фронта гласили, что «румынское правительство и высшие классы крайне озабочены событиями в России, которые производят громадное впечатление на румынских крестьян и солдат, до сих пор загнанных, угнетенных, не имеющих никаких прав». Правящие круги Румынии были серьезно озабочены тем, как удержать румынский народ от революционных выступлений. Премьер-министр Румынии считал, что народу «надо сейчас что-либо заявить, чтобы его успокоить». С этой целью министр-председатель Братиану и король делали многообещающие заявления, в том числе о наделении румынских крестьян землей. Видный политический деятель страны Т. Ионеску, возглавлявший консервативно-демократическую партию, указал, что «русская революция ... лишь обострит классовые отношения в Румынии».[140]

Революционное движение в армиях фронта вопреки стремлению командования и усилиям комитетов бурно развивалось, и дело неизбежно доходило и до вмешательства солдатской массы во внутренние дела королевства. Вмешательство это проявлялось в аспектах поддержки революционными солдатами движения румынского крестьянства в Молдавии, помощи румынской социал-демократии и защиты угнетенного еврейского населения Румынии

---

[139] N. Basilesco. La Roumanie dans la guerre. Paris, 1919, pp. 312, 313.

[140] М. С. Френкин. Русские революционные солдаты и румынские трудящиеся в 1917 году. См. «Вопросы истории», 1973, № 7, стр. 30.

от жестоких национальных гонений. В результате грандиозного первомайского митинга солдат гарнизонов Ясс и пригорода Соколы по просьбе румынских социал-демократов были освобождены явочным порядком русскими солдатами содержащиеся в тюрьме социал-демократы Х. Раковский, М. Бужор и другие деятели. Особенно взволновало солдат, и особенно солдат-евреев, убийство охранкой румынского социал-демократа Векслера. 6 июня в г. Романе, где проходил армейский съезд 9-й Армии, солдаты гарнизона устроили демонстрацию протеста против политических убийств, смертной казни и еврейских гонений в Румынии. На улицы вышло свыше 8 тысяч солдат. По свидетельству прессы, демонстрация приняла «международную окраску». На бурных митингах произносили речи на русском, румынском и французском языках. Русские солдаты открыто призывали румын бороться за образование Румынской республики.[141] Съезд делегатов 9-й Армии принял ряд решений в защиту румынской социал-демократии, заклеймил издевательство властей над еврейским населением страны. Было опубликовано воззвание, в котором содержался призыв покончить с «рабством и гонением народов», т. е. съезд брал под защиту преследуемых евреев.[142]

Первомайские демонстрации проходили и в других крупных фронтовых гарнизонах, в частности в г. Сучаве, где при участии местных румынских социалистов на улицы вышло свыше 8 тысяч солдат. На митинге гарнизона было принято приветствие съезду социалистов в Стокгольме.[143]

Национальный гнет в Румынии вывел из себя русских солдат-евреев, которые болезненно реагировали на все антисемитские проявления румынской реакции. На первомайском митинге в Яссах унтер-офицер Гиллер призывал к свержению румынского короля и к освобождению политических заключенных. Речь Гиллера была произнесена на французском языке, содержала многочисленные обвинения в адрес короля и была направлена против продолжения войны. Выступление Гиллера «взволновало короля, кабинет и представителей союзных держав» — сообщил 20 апреля 1917 г. ген Щербачев военному министру.[144] Представитель Румынии при Ставке ген. Коанда в результате активности русских солдат-евреев в Румынии, возмущенных зоологическим антисемитизмом правящей верхушки, настаивал на том, чтобы

---

[141] «Вопросы истории», 1973, № 7, стр. 31, 32.

[142] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 583, л. 122 и др.; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 3, л. 6; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 149, л. 62 и др.

[143] АВПР, ф. Канцелярия МИД. 1917 г., оп. 470, д. 159, л. 24.

[144] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 3, лл. 8, 14, 15.

русское командование не направляло солдат-евреев в армию Румынского фронта.[145] Однако это требование не было реализовано, тем более, что прифронтовые Советы и Солдатские Комитеты возглавляли во многих случаях движение протеста населения и солдат против национальной дискриминации в Королевстве. Так, в июне 1917 г. Кишиневским Советом был устроен митинг граждан и солдат с числом участников до 1 300. На митинге выступил с докладом член Исполкома штаба Румынского фронта д-р Грацгендлер и другие ораторы, которые обвинили румынские власти в запрете еврейского языка, еврейской прессы, запрещении евреям приобретать продукты на рынке ранее 12 часов и т. д. Была принята резолюция протеста, в которой, между прочим, указывалось, что в русской армии значительный процент евреев, не желавших смириться с реакционной политикой королевских властей. Резолюция предлагала местным Советам и Союзу воинов-евреев провести соответствующую разъяснительную работу на местах.[146]

Реакционная политика Румынского правительства всколыхнула широкие солдатские массы, о чем свидетельствует и принятая при одобрении фронтовиков майская резолюция Одесского Областного и Фронтового съезда Румчерода против насилий, жестокостей и национального гнета со стороны румынской олигархии. Съезд констатировал, что события в Румынии «представляют известную опасность и для российской революции».[147] В конце июня русские революционные солдаты часто осаждали румынские тюрьмы и освобождали политических заключенных, о чем свидетельствуют рапорты румынских войсковых командиров.[148]

К румынской реакции на фронте тесно примыкали и русские черносотенцы, в частности черносотенная организация «Святая Русь», в которой сотрудничали тибетский врач Бадмаев, бывший редактор «Земщины» Глинко-Янчевский, реакционный художник Злотников и др. Печатный орган этих реакционеров, выходящая с апреля 1917 г. газета «Гроза», распространялся в широких масштабах на Румынском фронте. Газета провокационно обвиняла евреев в том, что именно они настаивают на продолжении войны, и что только царь может дать мир и хлеб народу, что англичане

---

[145] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1149, л. 415; Там же, ф. 2085, оп. 1, д. 146, л. 72; д. 147, л. 309.

[146] АВПР, ф. Канцелярия МИД. 1917 г., оп. 470, д. 161, лл. 148, 148об.

[147] Известия Одесского Областного и Фронтового съезда». 20. 5. 1917. Румчерод — ЦИК Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа.

[148] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 149, лл. 22, 22об. и др.

и французы враги, а мир необходимо заключить во что бы то ни стало. Как видим, русские черносотенцы пытались повести за собой солдатскую массу, к которой всячески подлаживались. Черносотенцами была налажена регулярная отправка на фронт подобной литературы, гектографированных писем к солдатам и воззвания к казакам.[149]

Русские солдаты были враждебно настроены против полукрепостнических порядков в румынской деревне, становились на сторону крестьян и возбуждали их аграрные аппетиты. Более того, солдаты сами принимали широкое участие в разгроме помещичьих усадеб. К западу и к югу от линии железной дороги Галац—Бырлад, в районах Фельтешти, Владешти, Оанча и других владельцы латифундий в страхе перед крестьянами, а главное перед русскими солдатами покидали свои имения. Однако эти действия солдат зачастую принимали характер мародерства, которое отражалось и на трудовых слоях населения. В результате эти действия солдат неизбежно приводили к падению авторитета русской армии среди населения.[150]

Выборные солдатские организации сочувственно относились к румынским крестьянам, защищали последних не только от притеснений помещиков, но и от мародерских элементов среди солдат, которые наносили ущерб крестьянскому хозяйству. Так, Дивизионный Комитет 61-й пехотной дивизии 9-й Армии оказал защиту крестьянам деревень Караруджа и Индепенденца и отметил в протоколе, что жители румынских деревень «и без того разорены и доведены до нищеты войной».[151] Эта позиция солдатских выборных организаций безусловно говорила об их прогрессивной роли в деле защиты разоренного крестьянского населения.

Пробуждение интереса к политической жизни у русских солдат, их участившиеся революционные выступления испугали и союзников, к которым Королевское правительство обратилось за помощью. Теперь злободневный вопрос о вмешательстве русских солдат во внутренние дела Королевства становился уже в плоскости межсоюзнических отношений. Русское командование в лице ген. Сахарова, а впоследствии ген. Щербачева, делало все от него зависящее для сдерживания солдатских выступлений. В начале апреля ген. В. В. Сахаров издал даже приказ о запрещении на территории Королевства «процессий» с красными флагами, осо-

---

[149] «Еврейская Неделя», № 30, 30 июля 1917 г.

[150] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 5, д. 7, л. 85 и др.; В. Шкловский. Революция и фронт. П., 1921, стр. 69.

[151] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 16, л. 13; Там же, ф. 2329, оп. 1, д. 3, л. 18об.

бенно с надписями «по адресу Румынии».[152] В связи с первомайскими событиями в Яссах к ген. Щербачеву явились посланники Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, Италии и всех военных миссий союзников с формальным протестом.[153] Готовилось наступление, и союзные державы были обеспокоены состоянием русской армии. 17 мая 1917 г. на Румынский фронт прибыл французский министр А. Тома. Он присутствовал на открытом заседании Ясского Совета солдатских и офицерских депутатов. Министра приветствовали солдат Чаенко и товарищ председателя Совета прапорщик Орлов, которые заявили о верности русской армии союзническому долгу. В ответной речи Тома сказал, что первоначально Франция с тревогой смотрела, к чему приведет русская революция, но теперь он, Тома, взирает на Россию с полным доверием. В июне в Яссы прибыл также бельгийский министр Вандервельде, побывавший на заседании Совета солдатских и офицерских депутатов. Министр совместно с ген. Щербачевым посетил некоторые фронтовые части.[154] Союзники развили довольно активную деятельность на Румынском фронте в борьбе с пораженчеством. Американский военный агент с согласия ген. Щербачева и при содействии французов отпечатал и распространил в частях воззвание «Голос Союзных Республик. Братское слово Французской и Американской республик своей новой сестре Русской республике». В воззвании была изложена резолюция Фронтового Комитета, единогласно принятая после речи А. Тома, в которой между прочим говорилось, что героическое наступление французов способствовало делу русской революции, что долг русской революционной армии прийти немедленно на помощь союзникам и т. д.[155]

Эта точка зрения, изложенная в вышеуказанной резолюции, господствовала в это время и во всех армейских комитетах фронта, избранных на съездах делегатов армий, большинство которых шло на данном этапе за эсерами и меньшевиками. Такой же характер по данному вопросу носили и резолюции съездов 4-й, 6-й и 9-й Армий.

22 апреля в Болграде начал свою работу 1-й Армейский съезд 6-й Армии. В вопросах текущего политического момента, о войне и мире, об отношении к Временному правительству, по аграрному и национальному вопросам были приняты резолюции, отражаю-

---

[152] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 268; Там же, ф. 2139, оп. 3, д. 54, л. 169 и др.

[153] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 3, л. 18.

[154] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 153, лл. 39, 52.

[155] АВПР, ф. Политархив, д. 3988, лл. 4, 6, 6об. и др.

щие взгляды партий эсеров и меньшевиков. Проекты резолюций одесских большевиков были решительно отвергнуты съездом. Избранный на съезде Армейский Комитет, естественно, также отражал взгляды лидирующих социалистических партий, а председателем его стал эсер Нехамкин.

В Армейских Комитетах 4-й и 9-й Армий также главенствовали эсеры. Во главе Комитета 4-й Армии стоял эсер В. А. Алексеевский. Как съезды, так и выделенные ими Армейские Комитеты поддерживали Временное правительство и приветствовали Петроградский Совет.[156]

Завершением строительства системы армейских выборных организаций фронта послужил созванный 10 мая в Одессе съезд солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа. Съезд собрал свыше 1000 делегатов. Среди гостей находились А. Ф. Керенский и А. Тома. Съезд выразил полную поддержку Временному правительству, высказался за проведение наступления на фронте и избрал Центральный Комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа (ЦИК Румчерод). ЦИК Румчерод состоял из 127 членов, которые распределились по 13 образованным секциям. Влияние Румчерода распространялось не только на Румынский фронт, но и на губернии Херсонскую, Бессарабскую, Таврическую и частично Подольскую и Волынскую. ЦИК выделил исполнительный орган в числе 25 депутатов, куда входили и члены президиума Центрального Исполнительного Комитета. Непосредственно работой руководила председательская коллегия, которая состояла из Л. Я. Бретмана, А. Л. Кавадерова, Н. В. Ланда, Н. Н. Мандельштама.

При штабе фронта в Яссах был образован фронтовой отдел Румчерода во главе с видным эсером С. М. Лордкипанидзе. В Румчероде как и в Армейских Комитетах мы видим полное преобладание представителей социалистических партий эсеров и меньшевиков.[157]

Этот весьма представительный и важный съезд Румчерода, идя за Временным правительством и Петроградским Советом, допустил в своих решениях недооценку, а то и игнорирование национального вопроса, хотя полем его деятельности, кроме фронта, были исконно украинские области и районы Молдавии. В важ-

---

[156] «Воин-Гражданин». Орган Армейского Комитета 6-й Армии. 2. 5. 1917; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 42, ол. 42, 55; Октябрь на фронте, стр. 246.

[157] «Известия Одесского областного и фронтового съезда». 20. 5. 1917; «Известия Армейского Комитета 8 Армии». 23. 5. 1917; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 59, 75, 75об., 79об.

нейшем для украинских и молдавских крестьян и солдат аграрном вопросе съезд также предлагал им ожидать Учредительного Собрания.

Таким образом съезды крупнейших Юго-Западного и Румынского фронтов отражали в своих решениях политический курс коалиционного Временного правительства и Петроградского Совета ценой отрыва от социальных, национальных и мирных устремлений широкой солдатско-крестьянской массы. Восторженные телеграммы в мае с.-д. меньшевика Соколова и трудовика Станкевича в Таврический дворец, в адрес Совета о решении съездов указанных выше фронтов за переход в наступление отражал только политическую линию командования и комитетской верхушки, так как одновременно Петроградский Совет получал многочисленные телеграммы и запросы низовых комитетов и солдат о необходимости не наступления, а пересмотра договоров с союзниками и о выгодности наступления «буржуазным кругам».[158]

Несмотря на наибольшую отдаленность Кавказского фронта по сравнению с европейским театром военных действий от центра событий — Петрограда, известие о Февральской революции нашло немедленный отклик во фронтовых гарнизонах и частях боевой линии. Даже на отдаленном Эрзинджанском направлении фронта, как отмечал в своем дневнике от 4 марта подпоручик Лопарев, «получены телеграммы о Петроградских событиях — радуемся».[159] Другой участник событий, бывший председатель корпусного комитета 1-го Кавказского армейского корпуса А. Г. Емельянов, утверждает, что о революции «на фронте узнали в марте» и только в частях, выдвинутых в сторону Мессопотамии, солдаты узнали о революции лишь в начале апреля. Фронтовые гарнизоны в Персии — Энзели, Казвине, Хамадане, — получив сообщение о событиях по прямому проводу из Баку, заволновались. Проходили бурные митинги, манифестации, на которых красовались «Красные флаги, флажки и бантики».[160] На турецкой территории солдаты крупнейшей крепости Карс 6 марта арестовали ее коменданта ген. Линденбаума, начальника штаба полковника Брюховецкого, полковника Глухова, губернатора ген. Сушинского, вице-губернатора полковника Шмерлинга, командира 280-го пехотного запасного полка полковника Никомского и др. Делегаты войсковых частей крепости избрали полковника Карамышева комендантом крепости и придали ему в помощь Особый комитет в

---

[158] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. ... лл. 42, 50, 52, 55 и др.; ЦГВИА, ф. 2430, оп. 1, д. 1, л. 101; ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 519, л. 39 и др.

[159] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 76, л. 4.

[160] А. Г. Емельянов. Персидский фронт. Берлин, 1923, стр. 164, 165.

составе солдат А. Мителева и Куриленко. Восставшими солдатами были освобождены заключенные, находившиеся на гарнизонной гауптвахте. Начались массовые демонстрации 40-тысячного гарнизона крепости. Попытки командования подавить восстание при помощи казаков закончились тем, что казаки арестовали своих офицеров и доставили их в крепость. Во главе созданного Совета военных депутатов стал избранный солдатами меньшевик поручик Маркарян.[161]

По всему фронту началась волна стихийного удаления солдатами неугодных генералов и офицеров. В Сарыкамышском фронтовом гарнизоне 6 марта начались волнения в 6-м Заамурском железнодорожном полку, где генералам Крижевичу и Климашевскому удалось скрыться. Все арестованные, находившиеся на гауптвахте, в том числе и руководители волнений в 27-м и 28-м Кавказских стрелковых полках, были освобождены. Был арестован реакционер, штабс-капитан Чикорский. В 19-м Туркестанском стрелковом и 263-м Гунибском полках солдаты арестовали многих офицеров. Командир Гунибского полка, подполковник Голицын за отказ от признания нового строя был на месте заколот штыками. Аресты реакционных офицеров солдаты производили с помощью казаков, которые отказались выступать против фронтовиков. На митинге было принято решение о создании временного Гарнизонного Комитета с преобладанием офицеров. Так, от казачьего полка было избрано 5 казаков и 3 офицера. Председателем был избран начальник штаба 7-й Кавказской стрелковой дивизии полковник Караулов.[162] В г. Эрзеруме в марте возник также Солдатский Комитет, возглавляемый полковником Сокольцевым. Как сообщал 8-го марта полковник Караулов, в 7-й Кавказской стрелковой дивизии «ради проведения новых идей уже функционировали выборные комитеты».[163]

В Казвине несколько сот солдат и казаков устроили демонстрацию и сняли с русского консульства царский герб и флаг, заменив его красным. В гарнизоне был образован Совет солдатских депутатов. Солдатами был арестован штабс-капитан Нелюбов.[164] Аресты происходили и в целом ряде других соединений, и часто сопровождались насильственным срывом погон с офицеров. Одновременно в частях выражалось и недоверие ряду командиров.

---

[161] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 175, лл. 4, 7, 8; «Пролетарская Революция». 1923, № 1 (13), стр. 227, 230, 232.

[162] А. П. Стеклов. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Тбилиси, 1969, стр. 54, 55, 56.

[163] ЦГВИА. ф. 2304, оп. 1, д. 33, лл. 346, 389.

[164] «Кавказ», № 78, 9. 4. 1917; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 274, л. 5; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 60.

Так, один из полков 7-го Кавказского корпуса вынес недоверие командиру корпуса ген.-лейтенанту Чернозубову, который был в связи с этим отстранен командованием армии.[165]

Солдатские выборные организации возникли и в других гарнизонах фронта — Тавризе, Термезе, Хнысе, Баязете, Озургете, Байбурте, Астрабаде и др.[166] Так же как и на других фронтах, многие комитеты создавались явочным порядком, между ними и командованием часто возникали «обостренные» отношения, как это было в районе 2-го Туркестанского корпуса, в Байбурте. Командир корпуса ген. Чаплыгин пытался даже упразднить комитет, так как находил его «излишним и вредным», ибо последний, по мнению генерала «присваивал себе власть» и освобождал арестованных солдат.[167]

Определенная часть офицеров фронта враждебно встретила возникновение солдатских организаций, или же создавала свои, офицерские комитеты. Во 2-м Черноморском полку (район Тавриза) офицеры вели себя вызывающе по отношению к Временному правительству, грозили расстрелом членов Тавризского Исполкома. Возникли обостренные отношения между офицерами и солдатами. В 5-м и 6-м туркестанских батальонах в марте мы видим «вновь избранные офицерские комитеты». Председателем офицерского комитета являлся командир 6-го батальона подполковник Дунин.[168]

К апрелю 1917 г., по сообщению главнокомандующего армией ген. Юденича, во всех корпусах и частях уже были созданы комитеты. Деятельное участие в создании многих войсковых выборных организаций фронта принимал Исполнительный Комитет Совета солдатских депутатов Тифлисского гарнизона. В связи со спецификой фронта, мобильностью его частей, здесь создавалась наряду с обычной определенная форма выборных организаций — отрядные комитеты, подчиненные корпусным комитетам.[169] В комитете отряда, входящего в 7-й Кавказский армейский корпус, было 15 солдат и казаков и 4 офицера. Отрядные комитеты посылали своих представителей в корпусные выборные организации.[170]

---

[165] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 176, л. 12; Там же, ф. 2100, оп. 2, д. 18, л. 27.

[166] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 3, л. 39; Там же, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 60; Там же, ф. 2100, оп. 2, д. 18, л. 347; Там же, 2300, оп. 1, д. 5, л. 28; Там же, ф. 2168, оп. 1, д. 441, л. 268; Там же, ф. 2168, оп. 1, д. 424, л. 172; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 17 и др.

[167] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, о. 424, л. 172.

[168] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, лл. 73, 130.

[169] Там же, оп. 2, д. 35, лл. 15, 84, 137.

[170] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 6, д. 1, лл. 1, 2, 2об.

На Кавказском фронте, как и на других фронтах, мы наблюдаем как стихийные формы смещения командного состава, так и организованные, осуществляемые комитетами частей. Во фронтовых гарнизонах демократизация командного состава происходила по времени раньше, а во фронтовых частях этот процесс продолжался в течение первых месяцев революции. В 264-м Георгиевском полку в конце апреля «волею солдат и офицеров» командир полка полковник Борисов и командиры 2-го и 4-го батальонов были арестованы. Командиром полка был избран штабс-капитан Клименко, на должность командира 3-го батальона поручик Братковский. Солдатами был избран Временный Исполнительный Комитет.[171]

Комитеты при участии солдат наряду с арестами практиковали смещение, отвод, выражение недоверия, учреждение контроля и надзора, заведение следственного дела и т. п. В марте широкие аресты неугодного командного состава были проведены солдатами в Карсе, где были арестованы полковник Глухов, подполковник Селунский, штабс-капитан Соколов, поручик граф Грабовский и др. Командир 2-го дивизиона 123-й артиллерийской бригады полковник Черноглазов был только отстранен, и солдаты через своих командиров заявили ему о недоверии.[172] Корпусный Комитет 7-го Кавказского Отдельного корпуса в начале июня слушал доклад комиссии о действиях ген. Зайковского в Хое. Комитет констатировал неспособность генерала «служить при новых условиях», так как он высказывает взгляды, находящиеся в противоречии с «официальными взглядами Временного правительства», обращается к солдатам на «ты», выражает недовольство вывешиванием красных флагов и т. п. Корпусной Комитет вынес решение об устранении генерала и передаче его дела судебным властям. Одновременно Корпусной Комитет рассматривал аналогичное дело ген. Блешинского.[173]

При смещении и аресте старого начальства многие Исполкомы гарнизонных Комитетов вакантные должности замещали членами Комитетов, которые назначались временными комиссарами, как это было в Эрзеруме при устранении начальника Округа полковника Гулевича.[174] На соединенном заседании дивизионного и ротных комитетов 5-й Туркестанской стрелковой дивизии 2-го Туркестанского армейского корпуса было определено, что начальник дивизии ген. Лобачевский «по своим политическим убежде-

---

[171] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 441, лл. 3, 4.

[172] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 9, д. 44, л. 2об.; Там же, оп. 9, д. 3, л. 4; Там же, оп. 9, д. 43, л. 19.

[173] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 6, д. 2, лл. 49, 50.

[174] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 134.

ниям не соответствует существующему в армии демократическому порядку», склонен к контрреволюции и вносит «разъединение между солдатами и офицерами». Соединенное заседание решило учредить за ним строгий контроль и надзор, который был применен и к помощнику начальника дивизии ген. Померанцеву. К квартирам генералов комитетом были поставлены наблюдатели. За подписью председателя Дивизионного Комитета капитана Чаплыгина и секретаря ефрейтора Врачуна были отправлены соответствующие телеграммы на имя А. Ф. Керенского и Краевого Совета в Тифлисе. Особенно не понравилось солдатам высказывание ген. Лобачевского, направленное против прекращения войны. Генерал заявил солдатам, что «если не будет наступления, не будет и свободы»[175] Солдаты Дербентского полка через депутатов предложили командиру полковнику Демянко оставить полк, так как он для них «нетерпим» и т. п.[176] Немедленно были устранены солдатами и комитетами лица командного состава, не признавшие выборные солдатские организации.

Постановлением объединенного заседания комитетов 5-го, 6-го, 7-го и 8-го Туркестанских батальонов был смещен противник комитетов командир 10-й Туркестанской бригады ген. Краснопевцев. Даже главнокомандующий Кавказской Армией, отозванный вскоре Временным правительством, ген. Юденич пытался придать возникшим комитетам «исключительно временный характер».

В результате массового характера стихийной и организованной демократизации к маю 1917 г. в резерве штаба Кавказского военного округа числилось свыше 700 офицеров и военных чиновников, смещенных солдатской массой, комитетами и Советами солдатских депутатов и не получивших пока никакого нового назначения.[177]

Процесс демократизации охватил также и казачьи части, которые составляли основу кавалерии фронта. Бездорожье, огромные расстояния и маневренный характер войны на этом театре боевых действий привели к концентрации здесь конницы. Каково было соотношение конницы и пехоты на фронте видно из того, что здесь оперировало 12 пехотных дивизий и 7 кавалерийских, на 244 батальона пехоты на Кавказском фронте приходилось 204 эскадрона конницы. О насыщенности кавалерией Кавказского фронта наглядно показывает и сравнение его с крупнейшим Западным фронтом, где числилось 486 пехотных батальонов и всего

---

[175] ЦГВИА, ф. 2303, оп. 1, д. 26, лл. 2, 2об., 3.
[176] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 420, л. 158.
[177] А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 63, 64.

114 эскадронов и сотен.[178] Все фронтовые гарнизоны были насыщены казачьими частями. Так, гарнизон г. Тавриза состоял, что характерно, из 5-ти казачьих и одного 114-го пехотного полка.[179] Хотя в казачьих частях процесс устранения неугодного командного состава не имел столь бурного характера, как в пехоте, так как среди казачества еще крепки были сословные устои и пережитки, все же революция и здесь предъявила свои права. Характерен в этом отношении митинг в районе Карса казаков 1-го Таманского полка Кубанского казачьего войска, который проходил «без участия офицеров». На митинге казаки решили устранить от командования командира полка Беломестного и передать командование младшему штаб-офицеру. Казаки составили список неугодных командиров, в котором значились все старшие офицеры. На очередном митинге казаки устранили войскового старшину Белого, которого масса обвинила в нарочитом подведении «под турецкий огонь» первой сотни, которую он якобы угрожал и раньше «уничтожить». По требованию казачьих полковых делегатов 14 марта были удалены из полка и другие казачьи офицеры. Аресты офицеров имели место и в других казачьих частях.[180] После переворота в 1-м Сунженско-Владикавказском казачьем полку, как гласит донесение командира Отдельного 7-го Кавказского корпуса ген. Вадбольского, «шли счета» между казаками и офицерами на «экономической» и другой почве, что приводило «к частым выражениям взаимного недоверия». Генерал осуждал «крикунов-баламутов» из казачьей среды.[181]

Начальник 5-й Кавказской казачьей дивизии в конце марта просил корпусное начальство «ввиду обострившихся отношений» с казаками перевести в другие части старшину 1-го Кавказского полка Алферова, подъесаулов Лурда и Калабухова, а из 3-го линейного полка — войсковых старшин Лобова и Аверина. В 3-м Екатеринодарском полку был отстранен казаками войсковой старшина Щербин, дело о котором было передано следователю. Точно так же были изгнаны казаками полковник Яновский из состава 4-й Кубанской батареи, а из штаба дивизии есаул Удовенко и др.[182] Из ряда казачьих частей поступали в комитеты многочисленные жалобы на своих начальствующих лиц. Так, в Тавризский Исполнительный Комитет Совета солдатских депутатов посту-

---

[178] ЦГВИА. ф. 2003, оп. 1, д. 65, л. 422; Там же, оп. 1, д. 67, л. 278.

[179] Там же, оп. 1, д. 687, л. 56.

[180] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 1130, лл. 30, 30об.; Там же, оп. 9, д. 18, лл. 36, 68, 105; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 420, л. 157.

[181] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 129, л. 166об.

[182] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 175, л. 22.

пила коллективная жалоба казаков 3-го Запорожского полка на своих командиров.[183]

В апреле «чистка» частей от неугодных рядовым казакам офицеров не ослабела. Полковой Комитет 2-го Сунженско-Владикавказского полка «по воле всех солдат» предложил оставить полк и 17 апреля полковнику Хетагурову, подполковнику Кудзаеву, войсковому старшине Гускаеву и ряду других. В постановлении Комитета имелась характерная запись: «В противном случае полк вынужден прибегнуть к другим мерам», и что командиром полка будет избран один из офицеров.[184] Казаки выражали недоверие и генералам. Так, общее собрание казаков и офицеров 4-й Забайкальской казачьей батареи 7 апреля выразило недоверие ген. Назарову, так как он подвергал казаков «телесным наказаниям», называл батарейцев «грабителями и варварами», произвольно назначал депутатов на казачий съезд, выступал против выборного начала и т. п. Отрядный комитет 7-го армейского корпуса поддержал это требование казаков об устранении ген. Назарова.[185]

Как мы уже указывали, сословное воспитание казачьей массы все же создавало определенную скованность проявлений в их среде революционной активности. На общем собрании солдат и казаков Салмасского гарнизона 25 марта присутствовало мало казаков, так как последние опасались еще своих старшин. Выступавший на собрании солдат объяснил недостаточную поддержку казаков «установившегося среди них режима», констатировал и в казачьих рядах наличие розни между казаками и их командирами. Участник прений, казак гарнизона обратил внимание собрания на то, что их командир высказал мнение: революция долго «не протянется, месяц-другой, и все вернется к старому», и рекомендовал казакам поменьше контактировать с солдатами. Другой участвующий в прениях казак дополнил, что старшина Крохмалев не сочувствует новому режиму, известен своими издевательствами над казаками и что желательно его убрать из полка. Только вмешательство председателя Комитета, прапорщика Тер-Оганянца спасло казачьих офицеров от немедленной расправы.[186]

Скованность участия казаков в революционном движении на фронте вытекала не столько в результате влияния казачьей командной верхушки, сколько из опасения казачества потерять свои

---

[183] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 319, лл. 207, 208об. и др.

[184] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 6, д. 1, лл. 14, 19.

[185] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 319, лл. 70, 70об.; Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 6, лл. 9, 9об.

[186] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 92, лл. 76, 77.

сословные и классовые преимущества по сравнению с крестьянско-солдатской массой. Некоторые сохранившиеся протоколы казачьих полковых комитетов дают нам вполне определенный материал о настроении многих казачьих частей. Так, протокол от 22 апреля общего собрания депутатов 2-го Нерчинского полка гласил о поддержке и защите «своих прав и привилегий», а комитеты признавались только как «совещательный орган». Собрание высказалось за строгое соблюдение приказаний начальства и за доведение войны до победного конца.[187]

Офицерская верхушка казачьих частей открыто атаковала новые революционные порядки. Характерно в этом отношении решение выборных представителей от офицерства всех частей 4-й Кубанской казачьей дивизии от 9 апреля района 7-го армейского корпуса. Резолюция была нацелена против самого существования солдатских комитетов и Советов, содержала протест против реорганизации армии на новых, революционных началах, а влияние Советов считала «губящим отечество» и т. п.[188]

Как казачья верхушка, так и многие рядовые казаки, особенно из зажиточных областей Кубани и Дона, более всего страшились поползновений малоземельной и безземельной массы, т. н. иногородних крестьян к захвату обширных земель как войскового фонда, так и их собственных чрезмерных наделов. Опасения эти были более чем обоснованы. Так, на Кубани иногороднее крестьянское население, составлявшее свыше 56% всех жителей, имело всего несколько более 8% земельной площади. На Дону казаки, составлявшие 49% всего населения, имели в своем распоряжении 70%, а крестьяне 10% всей земельной площади.[189] Поэтому фронтовое казачество очень болезненно реагировало на поднятие солдатской массой всех социальных и политических вопросов. Вопрос о сохранении своих сословных привилегий и обширных земель волновал умы казачьей массы 37 казачьих полков и 38 пластунских батальонов Кавказского фронта.[190] Этот вопрос в одинаковой мере волновал казаков и других фронтов, в среде которых часто сословное начало брало верх над социальными мотивами, вытекающими из факта классовой дифференции казачьей массы. Отсюда отмеченная уже нами скованность казачьих выступлений на всех фронтах.

По весьма неполным данным смена и выборы самочинным путем командиров и аресты офицерства произошли в 26 казачьих

---

[187] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 319, лл. 7, 9, 10, 37.
[188] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 440, л. 23.
[189] Октябрь на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1934, стр. 10, 11.
[190] ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 11, л. 94.

полках, что составляет не более 16% всех казачьих полков.[191] Как видим, значительная часть фронтового казачества плелась далеко в хвосте солдатских широких выступлений. Более того, казаки часто были недовольны, когда солдаты поднимали жгучий для последних вопрос о земле. Характерна в этом отношении позиция казаков и офицеров фронтового 22-го Кубанского пластунского батальона. Казаки батальона призывали крестьян отказаться пока от своих требований. «Братья крестьяне, — гласила резолюция, — мы умоляем вас отказаться от споров о земле». Далее в резолюции указывалось, что все, кто намеревается отнять землю у казаков, не сможет этого сделать.[192]

Эти казачьи настроения нашли свое рельефное отражение и в решении казачьей секции Кавказского краевого и фронтового съезда в мае. В этом решении под оболочкой общих фраз, что интересы казачества «общи с интересами крестьян», все же выдвигалось требование о нерушимости «крепких казачьих общин» и широкой областной автономии. Резолюция формально говорила о политическом равноправии иногородних крестьян, но о наделении их землей решение умалчивало.[193] Исходя из своих общеполитических позиций и для укрепления фронта, Временное правительство 3 апреля в воззвании к населению Дона подтвердило «права казаков на землю, как они сложились исторически».[194]

Однако подобные заявления шли вразрез со стремлениями и интересами крестьянской массы, в частности задевали интересы крестьянства Кавказского военного округа, откуда комплектовалась Кавказская армия и шли пополнения на Кавказский фронт.

Рост аграрного движения в тылу фронта вызывал немедленную реакцию в казачьих и пехотных частях. Как это констатировал комиссар Кавказской Армии Э. И. Клейн, на Северном Кавказе создались «напряженные взаимоотношения... между многоземельным казачеством и тамошним трудовым крестьянством с одной стороны, и между казаками и горцами с другой...».[195] Начальник фронтовой Кубанской 2-й пластунской бригады генерал Букретов уже в марте писал по инстанции, что «между солдатами и казаками происходят некоторые недоразумения —

---

[191] Л. И. Футорянский. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Оренбург, 1972, стр. 42.

[192] «Кавказ», № 100, 20. 5. 1917 г.

[193] И. И. Ульянов. Казаки и советская республика, стр. 23; Его же, Казачество в первые дни революции. М., 1920, стр. 27, 28.

[194] Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 450, 451.

[195] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 177, л. 63об.

солдаты доходят до угроз, вспоминая 1905 год».[196] С целью внести успокоение на фронте Исполнительный Комитет Советов казачьих областей обратился к командованию фронтов с соответствующими письмами, в которых содержалась просьба о проведении разъяснительной работы среди солдат и казаков. Так, Донской Исполком Совета 4 апреля обратился с письмом к главнокомандующему Армией Кавказского фронта. В письме указывалось, что Исполком информирован «о беспокойстве армии по вопросу о земельной реформе». Исполком просил командование фронта довести до сведения казаков и солдат, что до их возвращения с войны «никакой земельной реформы производиться не будет». Более того, чтобы затормозить аграрные требования солдат и успокоить казаков, Исполнительный Комитет заявил, что до решения законодательных органов «владение и пользование землей остается незыблемым». Исполнительный Комитет пообещал также соблюдать интересы как солдат, так и казаков.[197] Однако подобные заверения не могли сгладить сословно-классовые противоречия между казаками и солдатами на фронте, если к тому же учесть состав войск Кавказского театра боевых действий, станет ясно, что противоречия эти получили специфический оттенок и послужили в дальнейшем одной из причин распада фронта.

Ход событий на Кавказском фронте может быть правильно понят только при учете и его продовольственно-фуражного положения, которое ставило войсковые части на грань катастрофы. Продовольственно-фуражный вопрос стал на Кавказском фронте важнейшим фактором его распада, начавшегося уже весной 1917 г., и острота этого вопроса не шла ни в какое сравнение с продовольственно-фуражным кризисом ни на одном из остальных четырех европейских фронтов. Кавказская Армия по выделенному количеству продовольствия и фуража была обеспечена даже лучше европейских фронтов, но, как в соответствии с истиной, подчеркивал главный интендант Ставки генерал Егорьев, «тяжесть заключалась не столько в недостатке продовольствия, сколько в условиях доставки его к войскам».[198] Окружной интендант Кавказского военного округа свидетельствовал, что транспортный подвоз от магазинов к передовым частям фронта доходил до 400 верст по горному бездорожью или тропинкам при посредстве вьючного транспорта. На необъятном же Персидском ответвлении Кавказского фронта, от Энзели до Ханекена и от Сенне до Исфагана части 1-го Кавказского корпуса были отделены от магазинов

[196] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 420, л. 145.
[197] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, лл. 70, 71.
[198] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 687, л. 15.

расстоянием в 800 верст. О трудности транспортировки может свидетельствовать следующий факт: один из участков транспортной трассы протяженностью в 36 верст обоз с трудом проходил в течение 6 суток, а в зимний период участок вообще был непроходим.[199] В результате, как говорилось в записке делегатов Кавказской Армии о ее нуждах, «живая тяга съедает себя и не в состоянии доставить на фронт нужное количество продовольственных грузов».[200] В самом деле, для своего прокорма парная подвода для проезда до места назначения и в обратный путь должна была взять только фуража до 35 пудов, а могла поднять груза не более 25 пудов. Таким образом, лошади и другая тягловая сила транспортов были обречены на недоедание, падеж, что, естественно, приводило к дальнейшим сокращениям подвоза.

В связи с этим парадоксальным положением окружной интендант видел выход только в значительном сокращении коммуникационных линий, иначе говоря, в отходе фронтовых частей назад с удерживаемых армией территорий.[201] Как гласил протокол совещания под председательством начальника штаба главковерха от 22 апреля по вопросу о расстройстве снабжения Кавказского фронта, в 483 транспортах Кавказа (101 вьючный и 382 колесных) — некомплект лошадей дошел до 35 тысяч голов, т. е. 24%, который восполнить не представлялось возможности из-за отсутствия коневого запаса. Некомплект повозок составлял 28,5 тысячи, т. е. 55%, а вьюков 7 640, что составляло 24%. Остро стоял вопрос на фронте и в деле личного состава, обслуживающего фронтовой транспорт — некомплект этот достигал 52 тысяч человек, т. е. 52%. Точно так же в тяжелом положении находился и ж.-д. транспорт. Железнодорожная линия, открытая к 23 марта 1917 г. и ведущая к Эрзеруму, могла перевозить не более 30 тысяч пудов вместо предполагаемых 75—120 тысяч пудов; отсутствовали вагоны, рельсы и вообще перевозочные стредства. Это относилось также и к работе Ванской флотилии.[202] По сообщению главного полевого интенданта в генеральный штаб и сведений командования фронта, с января 1917 г. подвоз на фронт резко снизился, и в феврале—марте в отношении муки и зернофуража доходил до 1/5 потребности, в апреле достиг 1/3 и в мае едва половины потребности. Главный интендант 7 апреля телеграфировал военному министру и министру земледелия о «чрезвычайно опасном» положении на Кавказском фронте в деле его снабжения и о положении

---

[199] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 94, лл. 23, 23об.
[200] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, л. 56.
[201] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 94, лл. 23об., 24.
[202] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 687, лл. 18, 18об.; Там же, оп. 1, д. 65, л. 45.

«близком к катастрофе».[203] 9 апреля 1917 г. на экстренном совещании под эгидой Особого Закавказского Комитета с участием генералов Юденича, Пржевальского, представителей Согора, Земгора, Совета солдатских депутатов и др. было констатировано «крайне тяжелое положение фронта» и рассматривался вопрос, как спасти армию «от голодной смерти».[204]

Продовольственно-фуражное положение фронта усложнилось еще в связи с тем обстоятельством, что поток грузов доходил до действующих частей лишь небольшим ручейком, так как оседал в тылу и на подступах к фронту. Обращает на себя внимание огромное количество лиц («ртов»), состоящих на интендантском довольствии по отношению к боевому составу фронта. На 1 140 тысяч «ртов», состоящих на снабжении к 1 марта 1917 г., штыков, сабель и строевых офицеров имелось лишь 231 тысяча, т. е. на одного человека в строю приходилось 4 нестроевых. К концу апреля на интендантском довольствии фронта находилось уже 1 573 тысячи, из них в организациях состояло 433 тысячи, а боевой состав не увеличился.[205] Хотя это обстоятельство было присуще всем другим фронтам, однако наибольшей остроты оно достигало именно на Кавказском театре и являлось его характерной чертой.

Первый кавалерийский корпус ген. Баратова в далеком Курдистане фактически в отношении фуража и питания был пущен на самотек, и, как писал тогда комиссар этого корпуса А. Г. Емельянов, «фуражеры выбивались из сил в поисках фуража . . . да и казаки очень плохо питались».[206] Единственный выход состоял в немедленной прокладке ж.-д. рельсовых путей и внедрении автомобильного транспорта, что было в рассматриваемый период невозможно из-за огромных расстояний, сложного рельефа местности, отсутствия необходимых материалов, средств и квалифицированных кадров и др.[207]

Уменьшение подвоза, естественно, вызывало сокращение суточного пайка для фронтовиков и кормовой дачи тягловой силе. Фронтовик вместо положенных 2,5 фунта уже в марте получал едва 1 фунт хлеба, а для конной тяги устанавливалась 8-фунтовая дача вместо 12 фунтов.[208] В результате всех указанных нами обстоятельств на Кавказском фронте, как ни на каком другом,

---

[203] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 94, л. 23; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 687, л. 1, 3.
[204] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 27, лл. 8а, 8а об.
[205] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 687, лл. 15, 15об. В апреле количество лошадей на фронте по данным интендантства равнялось 442 тысячам голов.
[206] А. Г. Емельянов. Персидский фронт. Берлин, 1923, стр. 153.
[207] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, л. 56.
[208] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 76, л. 1.

разрастался ужасающий продовольственно-фуражный, и в частности, мясной кризис.

Для войск Кавказского фронта характерной была и топливная, дровяная проблема для обогрева, ибо фронтовая местность была лишена леса. Все перечисленные нами невзгоды обрушивались и на турецкую армию, производя опустошения в ее личном составе и коневых средствах.[209] В частях Кавказского фронта широко распространились всевозможные заболевания, в частности, свирепствовал тиф и цинга. По Кавказской Армии среднее число доставляемых солдат на эвакуационный пункт только Эрзерума достигала 1 000 ежедневно, а смертность от сыпного тифа на эвакуационных пунктах армии доходила до 60 человек в день.[210] Только в течение зимы 1916/1917 гг. русские войска Кавказского фронта потеряли свыше 100 000 человек. Потери увеличились в связи с тем обстоятельством, что армия не была приспособлена к ведению горной войны, и отсутствовали специальные горные части.[211] В результате отмеченных нами условий, боевой состав Кавказской армии за один только месяц, с 1-го апреля по 1-го мая, сократился с 141 тысячи до 100 тысяч, т. е. на одну треть. В ряде частей фронта дело обстояло еще хуже. Так, состав Туркестанского корпуса с 1-го по 18 апреля сократился на 50% — с 31 тысячи до 16 тысяч.[212] Кроме вышеуказанного корпуса, значительное уменьшение количества штыков в связи с широким распространением заболеваемости мы наблюдаем в 6-м и 4-м Кавказских корпусах. Ввиду тяжелых условий снабжения и высокой заболеваемости командование оттянуло в апреле с фронта 4-й и 6-й Кавказские корпуса и отменило намеченные боевые операции.[213]

Такие колоссальные потери вытекали и в связи с другой особенностью фронта. Из-за малочисленности состава Кавказской армии и недостаточности пополнения, боевые части годами оставались на фронте без смены и отдыха, а иногда после потерь заново формировались, не выходя из боевой зоны.[214] Следствием этого обстоятельства явились сильнейшее переутомление и резкая потеря боеспособности. Положение, вызванное продовольственно-фуражным кризисом и эпидемией, стало настолько угрожающим, что к концу апреля в Ставке ставился уже вопрос о возможности отхода Кавказской Армии на линию Русско-Турецкой границы.[215]

---

[209] Felix Gusl. Die Kaukasusfront im Weltkrieg. Leipzig, 1940, ss. 92, 99, 100.
[210] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 76, л. 1.
[211] Felix Gusl, op. cit., SS. 101, 123.
[212] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 19, лл. 32об., 33, 19, 19.
[213] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, лл. 1, 2, 4об., 8 9.
[214] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, л. 56об.
[215] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 687, лл. 14, 14об.

Провал интендантской и санитарной службы фронта был ярким показателем полной неподготовленности России к войне, а отход 4-го и 6-го Кавказских корпусов вследствие продовольственного тупика, а не победы турецкой армии, говорил уже о невозможности ведения здесь войны. Солдатская масса в создавшихся условиях уже не могла воевать, и грозными симптомами процесса развала армии, и характерным для фронта проявлением этого являлся самовольный, без приказа, отход явочным порядком в тыл 6-й Кавказской стрелковой дивизии, а затем 66-й пехотной дивизии. Обе эти дивизии отошли с фронта в тыл, сломив сопротивление командования путем угрозы применения силы. О состоянии дивизий можно судить по письму Верховного главнокомандующего ген. Алексеева на имя А. Ф. Керенского от 17 мая, в котором генерал сообщает, что обе дивизии имели только 1/5 своего состава, а потери явились следствием недоедания, болезней и т. п. [216] Представительная делегация Кавказской Армии свидетельствовала в Петрограде, что солдаты 66-й пехотной дивизии настолько страдали от голода, что «в пищу шли лошади, ослики — даже кошки и собаки».[217] Как констатировало командование фронта, 6-я стрелковая дивизия в таком состоянии, что «вероятно, более в военных действиях участия принять не сможет», а из состава 66-й пехотной дивизии один полк «почти вовсе выбыл».[218]

Как командование фронтом, так и высшие выборные организации, стоящие на позиции обороны и продолжения войны, оказались в крайне затруднительном положении, так как фактически преобладающая часть военных соединений находилась почти в аналогичном бедственном положении, как и ушедшие самовольно 2 дивизии. На фронте началась кампания «протестов», «признаний», обвинение дивизий в отсутствии «сознания долга» и т. п.

Насколько протестующие корпусные и дивизионные комитеты оторвались от действительности в своем рвении, видно из того, что даже командующий армией ген. Юденич признавал невозможность дальнейшего пребывания этих дивизий на фронте. Однако Корпусной Комитет 4-го Кавказского армейского корпуса в своей резолюции выразил протест против самовольного ухода с фронта 6-й стрелковой дивизии, который был опубликован в Кавказской прессе.[219] Дивизионный Комитет 4-й Кавказской стрелковой дивизии в своей резолюции от 5 мая обвинил 6-ю стрелковую дивизию, что последняя «ушла» из-за личных выгод, «действуя

---

[216] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 81, л. 1.
[217] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, л. 55.
[218] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 65, лл. 496, 497.
[219] «Отклики Кавказа», 25. 5. 1917 г.

в пользу нашего внешнего врага», и что дивизия создала благоприятную почву «для контрреволюции».[220]

Особо всполошились на фронте казаки, так как усмотрели в отходе 6-й стрелковой дивизии в район Грозного и Владикавказа угрозу целостности своих земель. Единогласное, что характерно, постановление казаков и офицеров 22 Кубанского пластунского батальона не только осуждало уход дивизии, но и требовало «сурового наказания» для ее солдат.[221] Отход солдат 66-й пехотной дивизии пытался приостановить и Краевой Совет солдатских депутатов Кавказской Армии, который, заслушав представителей дивизии о волнениях в ее Ахульгинском и других полках, отправил своих представителей Югатова и Кирьянова в штаб Армии, вступившего в контакт с главнокомандующим с целью предотвращения отхода солдат.[222]

Значение самовольного отхода этих двух соединений в более широком плане заключалось в том, что оно потрясло и так уже расшатанную систему командования Кавказского фронта, ибо отход вызвал широкую волну обоснованных ходатайств и требований многих частей об отводе их в глубокий тыл. В результате нажима солдатской массы, в адрес командующего Кавказской Армией стали поступать рапорты уже от командиров корпусов о необходимости отвода уставших дивизий в глубокий тыл.[223] В письме ген. Юденича от 18 апреля А. И. Гучкову указывалось, что части 2-го Туркестанского, 4-го и 6-го Кавказских армейских корпусов находились «не в менее трудных условиях», чем отошедшие в тыл дивизии.[224] В штаб Армии поступали жалобы и требования от дивизий, находящихся на позициях бессменно. Солдаты 4-й и 5-й Туркестанских дивизий, 2-я Кавказская стрелковая и 39-я пехотная «умоляли», как сообщал штаб Армии, дать им отдых. Число штыков в ротах этих дивизий из-за болезней, главным образом цинги, снизилось до 50—60.[225]

Не успело командование Армией дать разрешение 17 мая на отвод обессиленной 3-й Кубанской пластунской бригады, в которой в феврале насчитывалось 7 тысяч, а в мае 400 штыков, как штаб Армии был буквально наводнен подобными же требованиями. Ген. Пржевальский, говоря об общем состоянии Кавказской Армии, констатировал факты самовольного оставления позиций

---

[220] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 55, л. 101.
[221] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1148, лл. 11, 12об.
[222] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 3, 4об.
[223] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, л. 76.
[224] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 76, лл. 5, 79.
[225] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 65, л. 501.

и «большое стремление попасть в резерв с требованием размещения в глубоком тылу».[226]

Такое требование выдвинула 127-я пехотная дивизия, которая предъявила буквально ультиматум: «или смена, или оставим позицию». Командование пошло на уступки и дало разрешение на смену.[227]

К июню штаб Армии был осажден солдатскими делегациями по вопросу смены частей и их последующего отвода в тыл. В своем приказе от 17 июня ген. Пржевальский доводил до сведения Армии, что «в последние дни меня осаждают делегации с просьбами, а также начальники на основании просьб своих частей, вопросами и запросами относительно смены уставших войск, отвода их в тыл на отдых, притом в тыл глубокий . . .». В соответствии с истиной генерал отмечал, что удовлетворение этих требований неизбежно привело бы к оголению фронта, очищению занятых неприятельских областей и означало бы измену делу союзников России. Ген. Пржевальский призывал не слушать «провокаторов, врагов революции и свободы». Генерал категорически отказался дать ответ частям о времени их смены.[228]

В целях сохранения фронта и убеждения солдат Временное правительство, Ставка и Петроградский Совет со своей стороны организовали широкое посещение и объезд фронтов делегациями с тыла. Со своей стороны командование Кавказской армией в мае ходатайствовало перед адмиралом Колчаком о посещении Кавказского фронта пресловутой патриотической делегацией матроса Баткина, стоящей за укрепление обороны.[229]

Солдаты Кавказского фронта настойчиво добивались направления к ним делегаций для получения политической информации, они обращались по этому поводу с соответствующими письмами в Петроградский Совет.[230] В начале июня делегаты 13-го полка прибыли даже на заседание Краевого Совета Кавказской Армии с требованием направления в их полк пропагандистов, и армейский выборный орган направил в полк своего члена Туманова.[231] Расположение частей 4-го Кавказского армейского корпуса в конце мая посетили делегаты Балтийского флота,[232] а в других фронтовых частях побывали делегации Мусульманского съезда, деле-

---

[226] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, лл. 2, 38, 39, 41об.; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 548, лл. 40, 41.

[227] А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 79.

[228] ЦГВИА, ф. 2396, оп. 1, д. 92, лл. 36, 37.

[229] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1. д. 724, л. 126.

[230] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 520, лл. 10, 11.

[231] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 40.

[232] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 5, л. 22.

гация 40-летних отпускников-солдат, а до этого побывали на фронте делегации Петроградских рабочих в составе 5 человек, которые привезли на фронт 1 вагон подарков, и делегация рабочих Донбасса.[233] Нахождение в составе этих делегаций людей различных политических взглядов от оборонцев до большевиков содействовало политической дифференциации и активизации колеблющейся солдатской массы этого отдаленного фронта. Естественно, командование и оборонческие краевые органы всячески старались внушить массе стремящихся в тыл солдат необходимость войны до победного конца. В конце мая, например, в Гасан-Кале (район 1-го Кавказского армейского корпуса) прибыл во главе делегации председатель Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМ) кадет В. А. Харламов и выступил с речью против «пагубных признаков анархии», говорил о необходимости подчинения Временному правительству, о соблюдении дисциплины, единстве власти и доверии к офицерам. В ответной речи ген. Левандовского содержалось утверждение, что виной всех бед на фронте являются «команды пополнения». Была принята резолюция о необходимости «победы и мира». Делегация посетила части Сибирской казачьей бригады, полки 4-й Кавказской стрелковой дивизии, гарнизон в Эрзеруме и др. Армейский Комитет заверил председателя Озакома о своем полном доверии Временному правительству.[234] Фронт посетили также в этот период делегации Исполкомов Тифлиса, Баку, Александрополя и др. городов. В основном эти делегации носили оборонческий характер, так как Армейский Комитет Кавказской Армии не ставил им препятствий в поездке и охотно допускал в военные части.[235]

Командование Армии все же отнеслось подозрительно к делегациям. Когда в начале мая через Трапезунд прибыли в Калкит 3 представителя Петроградского Совета — Захаров, Скалов и Угаров, с целью якобы раздачи солдатам пасхальных подарков, командир корпуса ген. Чаплыгин насторожился, так как делегаты подарки не привезли. Генерал запретил дальнейшее следование делегации и произнесение ими речей и предложил делегации покинуть пределы корпуса. С этим согласился командующий Кавказской Армией ген. Пржевальский.[236]

Особо важное значение имели связи солдат с Петроградом, поездки солдатских делегаций в революционную столицу. Посещение столицы многочисленными солдатско-офицерскими деле-

---

[233] «Кавказ», 20. 4. 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 53.
[234] «Кавказ», 6 июня 1917 г.
[235] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 4, л. 1; «Кавказ», 21 мая 1917 г.
[236] ЦИВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 441, л. 24.

гациями было общим явлением, и Кавказский фронт не являлся в этом отношении исключением. В начале мая Верховный главнокомандующий ген. Алексеев отмечал, что «Благодаря тесной связи фронта с Петроградом через посылаемых делегатов» все новости «немедленно становятся известными широкой солдатской массе», и что зачастую это обстоятельство «ведет к брожению»[237] Внушительная и многочисленная делегация Кавказской Армии на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов осветила вопрос о нуждах голодающей армии.[238]

Часто делегации и делегаты направлялись от отдельных частей и фронтовых гарнизонных комитетов. Так, 3 апреля 5-я дивизия приняла решение о командировании делегации в Петроград. Направил депутатов в столицу и 156-й Елизаветпольский пехотный полк, а Совет депутатов Тавризского Исполнительного Комитета — в Петросовет и др.[239] О многочисленности направляемых делегаций можно судить по тому факту, что в мае командование фронта делало все от него зависящее для уменьшения и ограничения посылаемых с фронта многочисленных депутатов.[240] Таким образом о полной изоляции солдат от обширного тыла не могло быть и речи даже на отдаленном Кавказском фронте.

Однако пока о сколько-нибудь серьезном влиянии большевиков на Кавказском фронте говорить не приходится. Блок эсеров и с.-д. меньшевиков вплоть до окончательного развала фронта господствовал здесь безраздельно. Все руководящие выборные органы находились в руках этих двух социалистических партий.[241] Большевики, в противовес эсерам и с.-д. меньшевикам, вступили в революцию в Закавказье значительно более слабыми и неподготовленными.[242] Единственным исключением был гарнизонный Совет местечка Шерифзаде в Северном Иране, вблизи озера Урмия, где военный врач большевик М. С. Кедров возглавил местный Исполком и вместе с большевиками Тарасовым и Тетерниковым был избран делегатом Краевого съезда Кавказской Армии. Все же

---

[237] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1567, лл. 241, 241об.

[238] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, лл. 54—58; Там же, ф. 2168, оп. 3, д. 4, л. 1.

[239] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 69; Там же, оп. 3, д. 4, л. 60об.; «Известия Тавризского Исполнительного Комитета Совета солдатских депутатов и представителей граждан», г. Тавриз, 29 марта 1917 г., № 3.

[240] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 65, л. 538.

[241] С. Е. Сеф. Революция 1917 г. в Закавказье. Док. и материалы. Тифлис, 1927, стр. 13, 14.

[242] Там же, стр. 15.

сам Кедров говорил о «ничтожной численности» большевистской группы в Шерифзаде.[243]

Особо следует остановиться на положении русских войск на Персидском крыле фронта, частям которого вменялось в задачу наступление через Северную Персию (Иран) от Каспийского моря по направлению к Багдаду (Энзели—Казвин—Хамадан—Керманшах—Каср—Ширин и др.) для соединения с английскими войсками, идущими с Юга, со стороны Персидского залива. Задача эта была совершенно непосильной, так как русскому экспедиционному корпусу (40—50 тысяч) надо было наступать в условиях полного бездорожья, безводья и почти по пустынной территории для преодоления расстояния почти в 1 500 верст. На фронте не было ни крупных сражений, ни наступлений. Особенно страдали ополченские полки, из симбирских и саратовских крестьян, которых косила тропическая малярия, возвратный тиф и даже холера в этих тяжелых климатических условиях. Русский экспедиционный корпус питался почти исключительно за счет населения нейтральной и безоружной Персии. Лишенные подвоза русские части безжалостно реквизировали продовольствие и фураж, голодные солдаты занимались мелким грабежом, а многие и мародерствовали.[244] По вине русского командования, не сумевшего надлежаще подготовить содержание экспедиционных сил, в частях начался неотвратимый процесс деморализации и разложения, как об этом свидетельствовала и кавказская пресса.[245]

Преобладание конных частей в экспедиционном корпусе при невозможности их обеспечения фуражем даже при помощи безжалостных реквизиций приводили к массовому падежу казачьих лошадей, которые, по выражению современника, «дохли табунами». Этот вопрос был особенно чувствителен для казаков, так как лошади ими преобретались на собственные деньги.

В связи с почти полным прекращением ввоза в Персию традиционных русских товаров происходило резкое понижение курса русского рубля и так стремительно терявшего свою стоимость. В июне курс русского рубля дошел до 14—16 персидских копеек, в то время когда до войны он равнялся 117 персидским копейкам (шаи). В результате самая скромная покупка поглощала чуть ли не все месячное жалование солдата. Командир 7-го Кавказского отдельного армейского корпуса ген. Вадбольский телеграфировал 24 июня о безвыходном финансовом положении солдат и указы-

---

[243] И. Викторов. Подпольщик, военный, чекист. 1963, стр. 22; От Февраля к Октябрю. М., 1957, стр. 171.

[244] «Пролетарская Революция», 1922, № 10, стр. 444, 445.

[245] «Кавказ», 4 августа 1917 г. № 173.

вал, что «части войск при неуклонном падении курса рубля не в силах вести хозяйство», необходима персидская валюта-краны. Чтобы смягчить это невыносимое положение, приказом главнокомандующего Кавказской Армией часть содержания русского войска в Персии оплачивалась валютой. Было отпущено 1,5 млн кран, а необходимая минимальная потребность превышала 40 млн. Озлобление казаков и солдат росло, а широкие массы персидского населения страдали от реквизиций и поборов. Командир Кавказского отдельного кавалерийского корпуса ген. Баратов признавал, что английская ежемесячная субсидия едва хватала на покрытие 1/4 всех расходов и «я был вынужден разрешить производство реквизиций у населения». За реквизиции, транспорт, предоставление квартир и др. русский экспедиционный корпус Баратова задолжал населению огромную сумму в 8,5 млн кран. Долг этот так и остался непогашенным.[246]

Накопившееся озлобление среди солдат и казаков привело к волне погромов и грабежей, сопровождавшихся жертвами. 12 мая разразился погром в Керинде, затем в Шериф-Хане, Дильмане, Урмии и в г. Хамадане, где одновременно было разрушено 20 лавок. Солдатские погромы имели место в Кааср-и-Ширине, в округах Салмаса, в Астрабаде, Султан-Абаде, Казвине и др.

Персидский администратор г. Казвина (Каргузар) сообщил русскому командованию, что мародерствующие солдаты открыто заявили, будто устраиваемые ими погромы «ускорят их возвращение в Россию».[247] Эти стихийные проявления говорили о глубоком кризисе всей системы управления войсками фронта вплоть до интендантской службы, и свидетельствовали о непосильной задаче для России ведения войны на этом отдаленном театре военных действий.

Корпусной и гарнизонные комитеты делали все возможное для предотвращения погромов, деморализирующих темную и часто невежественную солдатско-крестьянскую массу. Однако стихия брала верх над организованными мерами комитетов. Так, гарнизонный и корпусной комитеты в Хамадане не смогли предотвратить погром.[248] Точно так же и Казвинский Совет, в составе которого были и большевики (например, Мдивани), тоже не смог спра-

[246] Виктор Шкловский. Революция и фронт, стр. 90; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 274, лл. 12, 13, 23; Военно-Исторический Вестник, № 15, май 1960 г., г. Париж. Приказ войскам Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса ген. Баратова за № 85, стр. 6, 8.

[247] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 68, лл. 21, 22, 27, 31 и др.; Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 274, лл. 12, 15, 23; «Кавказ», 4 августа 1917 г.; Виктор Шкловский. Указ. соч., стр. 92.

[248] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 68, л. 27.

виться с этой задачей, и разразившийся погром в городе приписал казакам, в то время, когда в нем приняли самое широкое участие и солдаты. Как сообщал корреспондент, побывавший в Казвине, части гарнизона этого города вступили «в необратимый процес прогрессирующей деморализации и разложения».[249] Однако большинство руководителей комитетов, придерживавшихся политического курса социалистических партий, недопонимали сложившуюся обстановку и вопреки фактам очевидного распада фронта продолжали в корпусных газетах твердить о необходимости продолжения войны. Издаваемая в г. Урмия газета корпусного комитета 7-го Кавказского отдельного корпуса убеждала на первой полосе, что «победить можно только наступая». [250]

Политическая обстановка на Кавказском театре военных действий была крайне запутанная, сложная и напряженная, так как в его составе находились многочисленные представители многонационального населения Северного Кавказа и Закавказья, казаки с их сословными интересами, иногородние безземельные или со скудными наделами крестьяне, национальные армянские и грузинские части и др., на которых отражалось давление этого ближайшего тыла с его социальными, национальными и даже религиозными проблемами. 21 мая 1917 г. на Кавказском Областном съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов выступил А. И. Чхенкели и приветствовал съезд от лица Петроградского Совета и социал-демократической фракции. Чхенкели указал на существование на Кавказе «опасной национальной розни» и что необходимо преодолеть эту опасность.[251]

Все войсковые части как Кавказского военного округа, так и фронта находились под влиянием местных национально-политических сил, которые беспрерывно боролись и враждовали между собой. Каждая из этих сторон искала сочувствия и активной поддержки своих чаяний и стремлений в армии фронта. Как писал недолговременный комиссар Кавказской Армии Э. И. Клейн, «Армия на Кавказе превращена в совершенно исключительную арену политической борьбы и насыщена взаимоотталкивающимися стремлениями». [252] В ответ на ужасающий геноцид турок в отношении армянского населения Отоманской империи армяне в составе русских частей и их национальные части производили погромы мусульманского населения в оккупированных районах

---

[249] «Кавказ», 4 августа 1917 г.; «Пролетарская Революция». 1922, № 10, стр. 446.

[250] «Наш Голос», № 4, 26. 5. 1917 г., г. Урмия (Персия), Орган Корпусного Комитета.

[251] «Кавказ», 24 мая 1917 г.

[252] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 177, лл. 62, 62об.

Турции. В завоеванных городах Ризе и Трапезунде мусульманское население переживало трудное время, подвергшись опустошительному погрому. Погромы приняли такие широкие размеры, что председатель Батумского Исполкома Советов телеграфировал Чхенкели и Керенскому о защите истязаемого населения.[253] От этих погромов страдали низы турецкого населения, так как зажиточная прослойка ушла вместе с турецкой армией.[254]

Жестоким было и нападение 5-го армянского батальона на курдских жителей в районе Бекри-Кала. Туда даже была направлена особая следственная комиссия Озакома.[255] Как доносил 3 мая ген. Колосовский главнокомандующему Кавказской Армией, систематические нападения армян на турецкое население в Трапезундском районе все время стояло на повестке дня.[256] Со своей стороны зверствовали и курды, которые совершали набеги на армян даже в Эчмиадзинском уезде, уже на территории России. Фронт потрясали всевозможные национальные столкновения между армянами и курдами, между курдами и христианами-айсорами, которых первые буквально вырезали как на территории Ванского округа, так и в других местах. Шли традиционные столкновения между армянами и азербайджанцами. Вопрос был настолько острым, что ему посвящались специальные заседания Краевого Совета Кавказской Армии. Был издан по поводу этих межнациональных столкновений специальный приказ по Кавказской Армии.[257]

На фронте имело место и столкновение интересов украинских солдат, стремящихся к проведению украинизации частей, с русскими солдатами и офицерами, стоящими на позиции единой и неделимой России. Враждебно к созданию национальных украинских формирований относились также армейские социал-демократы и эсеры.[258]

Партийные распри и столкновения в пределах Закавказья отражались в равной мере в национальных частях фронта. Так, в апреле в Грузинском стрелковом полку произошли столкновения между сторонниками грузинских федералистов и сторонниками социал-демократов. Так же как и армянские части, грузинские формирования участвовали в национальных столкновениях.

---

[253] «Кавказ», 23 июня 1917 г.

[254] Лев Биковський. На Кавказько-Турецькому фронті. Спомини. 1916—1918. Денвер, 1968, стор. 31, 32.

[255] «Кавказ», 8 июня 1917 г.

[256] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, л. 32об. (Поденная запись).

[257] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 449, лл. 45, 50; Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 51, л. 23; Там же, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 62.

[258] Лев Биковський. Указ. твор., стор. 60, 63.

В мае г. Керинд в Персии был подвергнут погрому со стороны Грузинского полка. Было много жертв, в том числе имелись и убитые жители.[259] На оккупированной территории Персии имели место погромы и взаимное истребление айсоров и персов. Жестокие погромы мы наблюдаем в районе дислокации 7-го Кавказского отдельного армейского корпуса (Урмия), в селениях Сафар-Кули, Кенди, Бой и др. Пользуясь присутствием русских оккупационных войск, пострадавшие местные христиане и беженцы, солдаты-айсоры производили грабежи и насилия в мусульманских деревнях к западу от Урмии. Шла цепная реакция межнациональных столкновений. В ответ на набеги некоторых племен курдов, против них в целом принимались жестокие репрессивные меры. Русский поверенный в делах в Тегеране 24 мая сообщал по инстанции о притеснении курдов: «Мы довели их до отчаяния поборами, безнаказанностью, вымогательствами».[260] Русские войска, находящиеся в Персии, занимались бесплатными реквизициями продовольствия и скота у местного населения помимо интендантства, что создавало широкие возможности для самого настоящего грабежа. Русские власти даже теперь, после революции, смотрели на это сквозь пальцы, так как шли по проторенной дорожке русского империализма, и фактически снабжение экспедиционных сил происходило самотеком.

Как мы уже знаем, русские власти не были в состоянии снабжать свою армию. Командование вело себя бесцеремонно на оккупированной территории.

Еще в 1914 г. персидскому правительству были навязаны неравноправные русские концессии в северной Персии. Например, русская рыболовная концессия на Каспийском побережье. В Персии укреплял русское влияние Русско-Персидский учетно-ссудный банк, органически связанный с Государственным банком России. Русско-Персидский банк финансировал русские и русско-персидские предприятия и другие объекты в северной Персии. Как этот банк, так и Шахиншахский банк, находящийся в зависимости от Англии, пользовались серьезным влиянием на все вообще персидские дела.[261]

Широкие народные массы и прогрессивные круги населения Персии стремились к освобождению страны от русской оккупации, причиняющей невооруженной стране столько горя. На Кра-

---

[259] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 175, лл. 26, 28; АВПР, ф. МИД, Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 9, лл. 95, 95об.

[260] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 129, лл. 3, 98, 99об.; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 548, л. 385.

[261] Военно-Исторический Вестник. Париж, 1959, № 13, стр. 6; ЦГВИА, ф. 2306, оп. 6, д. 1, л. 5; В. Шкловский. Революция и фронт, стр. 77.

евом съезде Кавказской Армии его прогрессивные делегаты констатировали, что начавшееся демократическое движение среди персидского населения направлено на расширение своих прав и освобождение персидской территории от русских войск. В резолюции съезда Кавказской Армии отмечено, что русские отряды в Персии «утратили дисциплину».[262] В мае в Тавризе по сообщению русского командования, персидские социал-демократы говорили даже о необходимости народного восстания для изгнания русских войск. Как гласил доклад начальника штаба 7-го Кавказского отдельного корпуса на имя главнокомандующего Армией: «грабеж и насилие солдат восстановили народ против нас». В докладе сообщалось, что войсковые комитеты безрезультатно боролись с этим явлением. Начальник штаба просил главнокомандующего пояснить персидскому правительству, что русские войска будут находиться в пределах страны до тех пор, пока не будет заключен мир.[263] Таким образом, вопрос об освобождении Персии от насилий и грабежа откладывался в долгий ящик.

Персидское население в районе Казвина, Тавриза и в других местах рассматривало наличие армянских частей и армян вообще в составе русских отрядов как угрозу для мусульман, и в массах бытовало мнение, что именно поэтому происходят персидские погромы. Кроме того, масса смотрела с неприязнью на богатых армян, которые обзаводились арендой деревень и эксплуатировали там крепостных крестьян.[264]

Комитеты делали все от них зависящее для изменения создавшейся ситуации, связанной с нестерпимым положением широкой массы населения Персии. Казвинский Совет освободил из городской тюрьмы персидских революционеров, и этим актом как бы оградил себя от империалистической политики России в Персии.[265] Комитетами даже создавались особые органы для связи с демократическим персидским движением.[266] Тавризский Исполнительный Комитет Совета установил связь с местными демократическими партиями, в частности с Центральным Комитетом демократической партии Азербайджанской провинции. Персидская демократическая партия командировала в Тифлис для переговоров и создания взаимного доверия шейха Мамеда Хаабанья с особыми полномочиями.[267] Корпусной Комитет 7-го Кавказского отдельного корпуса распространял даже специальные воззвания

---

[262] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 470, л. 4; «Кавказ», 29 июня 1917 г.
[263] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 13, лл. 522, 523, 524.
[264] ЦГВИА, ф.2100, оп. 1, д. 274, л. 20.
[265] «Пролетарская Революция». 1922, № 10, стр. 451.
[266] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 6, д. 2, л. 25.
[267] «Кавказ», 4 июня 1917 г.

на персидском и других языках народов Персии с целью укрепить русско-персидские связи.

Нельзя игнорировать и тот факт, что после Февральской революции определенная часть солдатско-крестьянской массы с сочувствием относилась к бедственному положению большой прослойки закрепощенных персидских крестьян и с неприязнью смотрела на ханов-феодалов. В конце марта в Тавризе была мощная демонстрация войск гарнизона. На митинге солдаты заверяли, что «русские штыки не направятся против персидских демократов».[268] Многие солдаты из частей 1-го Кавказского отдельного корпуса в мае считали, что им как «свободным гражданам» не пристало идти «против свободных курдов», ушедших в горы от гнета персидского ханского режима. Ханы, по мнению солдат, являлись притеснителями народа «и им помогать не подобает». Младший унтер-офицер 36 Туркестанского стрелкового полка Счастливцев заявил командиру: «Воевать мы хотим, но не хотим быть заодно с ханами-притеснителями». Некоторые роты этого полка (1-я и 5-я) отказывались выступать против курдов. Увещания офицеров не подействовали. Командир полка выделил следственную комиссию.[269]

Однако суровая действительность, от которой зависели русские экспедиционные войска, снабжавшиеся за счет безжалостных реквизиций и отвечающих на стремительное падение курса рубля погромами и мародерством, сводила все благие начинания комитетов на нет. В этой сложной, запутанной политической обстановке на Кавказском фронте в условиях проведения демократизации в армии, классовых, сословных, национальных противоречий и стремлений состоялся 1-й Краевой съезд Кавказской Армии.

В Тифлисе, под эгидой Тифлисского Совета, в котором лидировали меньшевики и эсеры, происходили заседания съезда с 23 апреля по 25 мая 1917 г. при участии свыше 1300 делегатов. Съезд включал и представителей Кавказского военного округа, и в ходе заседаний количество делегатов доходило до 1800—2000. Естественно, среди делегатов преобладали солдаты. На открытии съезда присутствовал главнокомандующий Кавказской Армией ген. Н. Н. Юденич и председатель Особого Закавказского Комитета кадет В. А. Харламов. Съезд был открыт председателем Совета солдатских депутатов Тифлиса солдатом Верещаком. С приветствием от имени Петроградского Совета выступил А. И. Чхенкели,

[268] «Известия Тавризского Исполнительного Комитета Совета солдатских депутатов и представителей граждан», 25 марта 1917 г., № 2.

[269] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 324, лл. 7—9.

избранный почетным председателем. В числе участников был видный меньшевик Гегечкори А. А., эсер Донской и др. Характерно выступление председателя Озакома В. А. Харламова, который в разгар политических столкновений в стране отказывался от партийной борьбы и указывал, «что не надобно в настоящее время обострять в стране классовую борьбу». Подавляющее большинство съезда состояло из меньшевиков и эсеров и им сочувствующих. Большевики были представлены несколькими делегатами. Это были солдаты Малыгин, Суворов, Крюков и подпоручик Г. Н. Корганов. Обосновывая позицию большевиков, солдат Малыгин заявил, что «с Временным правительством можно мириться до тех пор, пока сорганизовавшаяся демократия не возьмет власть в свои руки». Все основные вопросы, обсуждавшиеся съездом, разрешались в духе поддержки Временного правительства, Петроградского и Тифлисского Советов. Таким образом, резолюции носили сугубо оборонческий характер. Лидеры съезда, также как и на других фронтах, повторили роковую ошибку эсеров и меньшевиков: разрешение волнующего солдат аграрного вопроса съезд откладывал до Учредительного Собрания. Съезд близоруко игнорировал важнейший для страны и Закавказья национальный вопрос. Было принято предложение «ввиду особой остроты вопроса прений не открывать, а ждать разрешения национальной проблемы будущим Учредительным Собранием». Была лишь принята умеренная резолюция по Персидскому вопросу о связях с местным демократическим движением. Съезд принял проект положения о войсковых Комитетах, который носил безусловно прогрессивный, революционный характер. «Положение о Комитетах» включало право Комитетов и солдатских Советов на отвод нежелательных командиров. Съезд оказался бессильным в деле разрешения вопроса снабжения Армии и решительного улучшения военно-санитарного дела, так как эти серьезнейшие вопросы, поставившие фронт на грань катастрофы, зависели от общего состояния страны и ее народного хозяйства. Был избран Краевой Совет Кавказской Армии (Красокар), состоящий из 150 членов, в основном эсеров и меньшевиков.[270]

На состоявшемся 25 и 26 мая первом собрании Краевого Совета Кавказской Армии председателем президиума был избран эсер Д. Д. Донской (90 голосов), товарищем председателя — беспартийный Щедринский (98 голосов), членами — эсер Л. Г. Туманов (96

---

[270] «Кавказ», 22 апреля 1917 г., 25, 27, 28, 30 апреля и др.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 273, л. 80 и др.; А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 75, 76; Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 113.

голосов), трудовик Иваненко (95 голосов) и др.[271] Президиум возник в результате принятия собравшимися делегатами коалиционного списка фракций социал-демократов (меньшевиков), эсеров и группы беспартийных. Коалиционное соглашение предусматривало 2-х секретарей президиума эсеров и 2-х из лагеря социал-демократов меньшевиков.[272] Перед лицом классовых, сословных, национальных столкновений в армии Кавказского фронта, действия солдат которого расшатывали аппарат управления войсками, главное командование пыталось найти опору в системе комитетов и в их центре Красокоре. По договоренности с Краевым Советом, командование обязалось публиковать свои приказы «в согласии с Советом». На заседании Краевого Совета 12 июня главнокомандующий фронтом ген. Пржевальский заявил, что создавшаяся обстановка говорит о неизбежности полного контакта с Комитетами и что их существование является необходимостью.[273] Таким образом, несмотря на вполне понятную неприязнь высшего командного состава к созданным революцией комитетам, создавшуюся сложную обстановку в стране и в армии, генералитет пытался сохранить аппарат управления и боеспособность частей под сенью разветвленной системы Комитетов.

Прошедшие в апреле—мае 1917 г. армейские и фронтовые съезды всех 14 армий дали на этом этапе победу политической линии эсеров и меньшевиков, и созданные армейские и фронтовые комитеты в основном возглавлялись представителями этих партий, а их основным политическим курсом была поддержка Временного правительства и оборона страны. Только комитет 11-й Армии Юго-Западного фронта недолго возглавлялся большевиком Н. В. Крыленко, который все же 26 мая сложил свои полномочия, так как преобладающее большинство армейского Комитета оказалось на стороне блока эсеров, меньшевиков и группы беспартийных. На заседании Армейского Комитета 26 мая Крыленко отказался от председательствования, так как, по его словам, «сейчас воля большинства выражена определенно, причем это большинство не на его стороне».

На фоне общей победы коалиционных социалистических партий в армии, исключение составил только 2-й съезд делегатов латышских стрелковых полков (12—17 мая 1917 г. в Риге) и 1-й съезд моряков Балтфлота (25. 5. — 15 6. 1917 г. в Гельсингфорсе), отказавшийся от поддержки Временного правительства. Однако

---

[271] «Кавказ», 27 апреля 1917 г.

[272] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 2, 3, 6, 7 (протоколы №№ 1, 2, 3 Красокара; «Кавказ», 2 июня 1917 г.

[273] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 16, 40.

и латышские стрелки не были последовательны до конца, и в их решениях содержались явные оборонческие положения. Так, в знаменитой «резолюции 17 мая» говорилось о политике захватов германо-австрийской коалиции и возможности наступления ее вооруженных сил. В связи с этим обстоятельством «мы поручаем, — указывалось в резолюции, — нашим Советам бдительно следить за противником и укреплять армию, чтобы мы были в состоянии отразить их нападение».[274]

Развитию хода революции вширь и вглубь способствовала борьба политических партий в стране, которая, естественно, коснулась и армий. Как мы уже наблюдали, руководством всех политических партий с самого начала революции делалось все возможное для завоевания сочувствия и поддержки своих программ со стороны народа и солдат в частности. Этим целям служили выступления лидеров партий в частях как Петроградского гарнизона, так и в действующей армии. Политическое воздействие на солдатскую массу оказывалось также путем направления соответствующих депутаций на фронт и использованием в интересах партий потока солдатских делегаций с фронта. Этой деятельностью занимались все политические партии от октябристов до большевиков включительно. Как свидетельствует очевидец и участник событий П. Н. Милюков, октябрист А. И. Гучков 2 марта провел «весь день в сношении с военными частями».[275] В. И. Ленин, едва успев прибыть в Петроград, 3 (16) апреля уже обратился с речью к русской революционной армии, а 10 апреля выступил на митинге в Измайловском полку. То же делал и Г. Зиновьев и другие большевики.[276] Сводки армейских военачальников пестрят сведениями о посещении депутатами Государственной Думы действующей армии и проповедовании там политических установок партии народной свободы. Так, делегация Государственной Думы совершила поездку по частям 1-й Армии Северного фронта дабы внести в солдатскую среду «известное успокоение».[277] Только в марте—апреле 1917 г. конституционные демократы выпустили листовки и плакаты общим тиражем в 2 млн, а 800 тысяч экземпляров листовок распространили в это время московские кадеты.[278] Все это делалось руководством с целью «внесения спокойствия и порядка в ряды армии» и охвата своим влиянием солдатской мас-

---

[274] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3801, лл. 7, 8об.; Я. Каймынь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961, стр. 135, 136.

[275] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып.I, стр. 48.

[276] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 187—189.

[277] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. третья, стр. 47.

[278] Вестник Партии Народной Свободы. 1917 г., № 1, стр. 18; № 2, стр. 16.

сы».[279] Однако среди солдат кадеты имели мало успеха. Зато в офицерской верхушке они пользовались заметным влиянием. Это продемонстрировал офицерский съезд 7 мая в Ставке, на котором преобладали фронтовые офицеры. После нашумевшей речи ген. Алексеева была принята резолюция, сущность которой сводилась к вопросам поднятия боеспособности армии и путям укрепления власти командного состава. Съездом был создан Главный Комитет Союза офицеров армии и флота.[280]

По инициативе Петроградского Совета, в Петрограде 8 мая открылся Всероссийский съезд офицеров, который социалистические партии эсеров и меньшевиков, в противовес кадетам, хотели использовать в своих партийных целях. Но здесь в большинстве оказались сторонники кадетов и более правых групп. На съезде выступали Милюков и Шингарев. После бурных выступлений съезд раскололся, и его кадетская часть (600 представителей из общего количества делегатов 700) ушла со съезда.[281] Оставшиеся офицеры поддержали политическую платформу Временного правительства и считали себя офицерами-республиканцами, выступающими за тесное сотрудничество с социалистическими партиями. Их возглавлял офицер-республиканец, полковник генерального штаба Гущин, от имени офицерства обратившийся к солдатам «не отталкивать от себя» демократическую офицерскую массу, которая «приемлет» революцию.[282] Находящееся в оппозиции к Временному правительству и к Петроградскому Совету офицерство, примыкающее к Союзу офицеров, в частности ген. Крымов, в поисках социальной опоры стремилось делать ставку на казаков.[283] Именно в этой офицерской среде, примкнувшей к кадетам, зрела мысль о военном перевороте.

В период апрельского кризиса представители этих военных кругов создали в Петрограде тайную военную организацию. Был создан небольшой штаб, куда ген. Врангель привлек своего однополчанина графа Палена, гр. Шувалова и др. Заговорщиками была налажена связь с гарнизоном, военными юнкерскими училищами. Был разработан план занятия главных центров города и даже захвата опасных лиц. Ген. Врангель посвятил в эти планы ген. Лечицкого, но последний не примкнул к заговорщикам и отказался от предложенного ему поста начальника Петроградского военного округа. Заговорщики вели переговоры и с ген.

---

[279] Вестник Партии Народной Свободы, 1917 г., № 1, стр. 16.
[280] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 26, лл. 141, 286 и др.
[281] «Речь», 9 мая 1917 г.
[282] Воспоминания ген. барона Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969, стр. 31.
[283] Там же, стр. 28.

Корниловым.[284] Есть основания не сомневаться в наличии планов офицерско-генеральского заговора, если принять во внимание некоторые материалы Совещания в Ставке 1 (14) мая 1917 г., которое было созвано главковерхом Алексеевым по настоянию командующих фронтами. Ген. Щербачев заявил на этом совещании, что «в настоящее решительное время необходимо принять решительные меры», «играть ва банк» и приступать к решительным действиям «теперь же». Под этим генерал подразумевал самочинную ликвидацию завоеваний Революции в действующей армии и отмену демократизации армии. Выступление ген. Щербачева, по существу, раскрыло карты оппозиционных военных кругов, которые уже за несколько месяцев до корниловского выступления мечтали о государственном перевороте. Ген. Брусилов подчеркнул на Совещании, что революционное движение в армии зашло так далеко, «что его остановить можно только ценою крови», и что после потрясений русский народ «опять попросит палку и тогда начнется успокоение».[285] На Совещании ген. Алексеев, касаясь апрельского кризиса (20 и 21 апреля), заявил, что «кровопролитие в Петрограде неизбежно и что только оно может разрядить атмосферу Петрограда». В заключение ген. Алексеев добавил: «Пусть перестреляются в Петрограде, это неизбежно».[286]

Что эти замыслы шли дальше Совещания, видно из содержания доверительной беседы А. Гучкова с офицерами Генерального штаба в начале апреля, который заявил им, что для наведения порядка и предотвращения разложения армии необходимо «собрать достаточные вооруженные силы и в первый благоприятный момент нанести удар».[287] Как видим, подготовка офицерского заговора с ведома и одобрения генералитета и правых партий была более чем очевидна. Однако реализация его была приостановлена форсированной подготовкой к наступлению и созданием нового коалиционного правительства, в образовании которого союзники видели «последнюю и единственную надежду» для спасения военного положения на фронте. С Милюковым и Гучковым встречался американский посол Фрэнсис, который потребовал от них «установления порядка».[288]

В целях приспособления к новым политическим условиям, в борьбе за крестьянство и армию кадеты спешно провели два съез-

---

[284] Там же, стр. 32, 33; С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 355.

[285] ЦГВИА, ф. 69, оп. 1, д. 84, лл. 503, 505об, 514.

[286] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 146, 147.

[287] А. И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 228.

[288] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2-е, стр. 233, М.; «Речь», 21 апреля 1917 г.; А. И. Верховский. Указ. соч., стр. 245—247.

да — VII и VIII, в марте и мае. VII делегатский съезд партии Народная Свобода проходил в Петрограде с 25 по 28 марта 1917 г. Съезд обсудил вопросы о форме правления, об Учредительном Собрании, о войне, о тактике партии и др. Однако все основы новой политики были выработаны кадетами на VIII съезде (9—12. V. 1917 г.), на котором, кроме обсуждения текущего политического положения, большое внимание было уделено пересмотру аграрного раздела программы. Решения VIII съезда по изменению аграрной части программы придавали ей более современный характер, вытекающий из самого факта свершения революции. В программе теперь указывалось, что размер земельных владений должен быть ограничен «трудовой нормой». Но дополнения к программе предусматривали возможность владения землей, превышающей «трудовые нормы». Была подтверждена безусловная необходимость вознаграждения владельцев за отчуждаемую землю. Съезд категорически высказался против решения аграрного вопроса до Учредительного Собрания. На съезде была сделана попытка исключить из программы принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель (Маклаков), а выступавший Родичев заявил, что надо предложить крестьянам добыть себе землю путем захвата ее не у помещиков, а у немцев. Однако камуфлированные решения съезда о «трудовой норме» были приняты с оглядкой на крестьянина и солдата. Делегат из Казани в своей речи на съезде указывал, что «Святой долг партии Народной Свободы — успокоить широкие крестьянские массы, что они будут наделены землей, чтобы не прибегали к тому способу наделения землей, какой рекомендуют большевики».[289] При закрытии съезда П. Н. Милюков выразил уверенность, что партия Народной Свободы изыщет «пути проникновения в русскую деревню».[290] Таким образом изменения в аграрной программе кадетов сводились к тактике успокоения крестьян, а не к безвозмездному наделению их землей. Не случайно кадеты так и не смогли привлечь на свою сторону солдатско-крестьянскую массу.

В условиях широкого национально-освободительного движения в революционной России и многонациональности страны кадеты фактически далеко не ушли от старой национально-колониальной политики царизма. По существу они поддерживали политику «единой неделимой России», и все справедливые и законные требования угнетенных народов своего национального само-

[289] Стенографический протокол заседаний VII съезда партии Народной Свободы. П., 1917; Х. М. Астрахан. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л. 1973, стр. 178, 179.

[290] «Речь», 13 мая 1917 г.

определения рассматривали как расчленение России под лозунгом «самоопределения».[291] Освободительная борьба украинского народа и естественное стремление его к созданию своих национальных частей и скромные украинские требования о федеративных началах кадеты рассматривали как сугубо сепаратистское движение.

Стремление же крымских татар к национальной автономии кадеты провокационно связывали с появлением «Бреслау» в водах Черного моря. Точно так же национально-освободительное движение народов Финляндии и Прибалтики кадеты связывали с ослаблением мощи России на Балтийском море. П. Н. Милюков признавал по существу, что эти угнетенные народы удерживались в рамках русской великодержавной государственности при помощи вооруженной силы.[292] В национальной политике кадеты не шли дальше куцего «свободного культурного самоопределения наций», о политическом самоопределении народов с их точки зрения не могло быть и речи.

Национальная политика партии Народной Свободы не отличалась гибкостью и застыла на уровне начала войны. Так, в беседе с британским послом 6 марта 1917 г. П. Н. Милюков решительно высказался как против независимости Польши так и создания отдельной польской армии. Милюков милостиво предоставлял этой стране только автономию. Как свидетельствовал посол, П. Н. Милюков высказался за избрание нового императора России.[293]

Таким образом, с такой аграрной и национальной программой нельзя было и мечтать о завоевании политических симпатий в широких массах страны и в многонациональной солдатско-крестьянской армии. Завоевательная политика кадетов также лила воду на мельницу большевиков. Об этом свидетельствовали как апрельский кризис в Петрограде, так и настроения армии. Вот характерная выдержка из письма фронтовика на родину: «Нам не нужны Дарданеллы и турецкий Константинополь, а нам нужен всебратский мир . . .».[294] Число кадетов в армии было незначительным — на VIII съезде из 335 делегатов, представителей различных частей армии, было всего 4.[295] Об этом говорит и позднее оформление (июль) Военной Комиссии при ЦК кадетов, которая

---

[291] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 139.

[292] Там же, стр. 149, 150, 165 и др.; т. I, вып. 2, стр. 73 и др.

[293] «Красный Архив»,1917, т. 5 (24), стр. 114.

[294] ЦГВИА, ф. 363, оп. 1, д. 14, л. 64.

[295] Вестник ПНС, 1917, № 4—5, стр. 7.

предназначалась для формирования организаций партии в армии и на флоте.[296] Партия кадетов связала себя со старым командным составом, не усвоившим необходимость радикального обновления армии и поэтому все более отчуждающегося от солдатской массы. Как вспоминает лидер эсеров В. М. Чернов, кадетская партия «закрывала глаза» на «затопление» ее рядов крайне правыми элементами. Эсеровский лидер так и подчеркивал, что кадеты боролись с «освободительным движением народов» и враждебно встречали всякий шаг децентрализации России.[297] Мало того, кадетские лидеры недопонимали того факта, что обескровленная, истощенная страна и ее солдаты не были в состоянии продолжать войну. Об этом говорило крупное военное поражение русской армии на р. Стоходе и немецкий прорыв фронта буквально за 4 дня до открытия VII съезда, на котором один из лидеров, кадет Родичев, произнес воинственную речь.[298]

Партия октябристов деятельно поддерживала кадетов, ее известный лидер Н. Савич в начале июня призывал кадетов «пополнить свои ряды такими союзниками как октябристы», он заявил, что конституционные демократы в главных вопросах государственной политики «берут верную ноту».[299]

После победы Февральской революции меньшевики продолжили дробление на целый ряд групп, отражающих гамму различных политических оттенков. Здесь мы видим группу Плеханова (газета «Единство»), правый фланг меньшевиков, группу А. Потресова и М. Либера, центр во главе с Ф. Даном, Н. Чхеидзе, И. Церетели, а на крайнем левом фланге меньшевистской партии действовала группа меньшевиков-интернационалистов во главе с Л. Мартовым и А. Мартыновым. Обращала на себя внимание и другая группа меньшевиков-интернационалистов, издававшая газету «Новая жизнь» и возглавляемая Н. Сухановым, В. Базаровым и В. Строевым, которые в отличие от группы Мартова склонялись к сотрудничеству с большевиками. Все эти разветвления меньшевиков сходились на том, что революция может носить только буржуазный характер. Возглавит ее либеральная буржуазия. В своих воспоминаниях И. Г. Церетели, лидер официального меньшевизма, отмечал, что «... революция в России не могла совершить прыжка от полуфеодального строя к социалистическому, ... пределом возможных завоеваний для революции яв-

[296] «Речь», 13 июля 1917 г.

[297] В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, стр. 336, 337.

[298] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. первая, стр. 307.

[299] Х. М. Астрахан. Указ. соч., стр. 188.

ляется полная демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений».[300] При создании Петроградского Совета руководящую роль в нем стали играть меньшевики в блоке с эсерами. Центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» отмечала 7 марта 1917 г., что «пролетариат и революционная армия... показали свою готовность не раскалываться и вести дело освобождения России вместе с либеральной буржуазией». В дальнейшем официоз меньшевиков отмечал, что передача восставшими рабочими и солдатами власти в руки либеральной буржуазии неизбежно должна была случиться — «на той ступени политического и экономического развития, на какой стоит Россия».[301] Позиция Ленина была противоположной, и война 1914—1918 гг. оказалась вехой в идеологическом развитии фракций меньшевиков и большевиков. Ф. И. Дан писал, что еще ранее в противоположность меньшевикам «подготовлялась авторитарно-социалистическая метаморфоза большевизма».[302] Под руководством меньшевиков Петроградского Совета 8 марта принимается решение о необходимости осведомления Совета о намерениях и действиях Временного правительства и осведомление последнего о требованиях революционного народа. Было признано необходимым воздействие на правительство со стороны Совета и непрерывного контроля над осуществлением Временным правительством этих требований масс. Для реализации этого важного постановления, свидетельствовавшего о реальной силе Совета, была избрана делегация в составе меньшевиков Скобелева, Стеклова, Суханова, Чхеидзе и эсера Филипповского. В задачи избранной комиссии входил постоянный контакт с Советом министров и отдельными министрами «в целях проведения требований революционного народа».[303] Под эгидой меньшевиков произошла и реорганизация газеты «Известия», в редакционную коллегию которой были избраны Советом Дан, Суханов и Станкевич. В остальных комиссиях Совета, в основном, также главенствовали меньшевики с участием небольшой прослойки эсеров. Председателем бюро Совета был избран меньшевик Чхеидзе.[304]

В связи с нашумевшей апрельской нотой министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова, по инициативе меньшевиков Исполнительный Комитет Совета принял важное

---

[300] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Кн. первая. Париж, 1963, стр. 22.

[301] «Рабочая газета», 12 марта 1917 г.

[302] Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, стр. 447.

[303] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы, стр. 26, 27.

[304] Там же, стр. 84, 108, 109.

решение, которое усилило главенствующую роль столичного Совета. Было принято решение о дальнейшем усилении контроля над деятельностью Временного правительства, в частности над Министерством Иностранных дел. При участии в первую очередь меньшевиков и присоединившихся к ним эсеров, согласно этому решению Исполкома, Совет стал играть роль контролирующей власти. Так, Временное правительство без предварительного осведомления Совета не могло совершать ни одного крупного политического акта.[305] Таким образом главенствующая роль меньшевиков в работе Петроградского Совета и в действенном контроле над деятельностью Временного правительства не подлежала ни малейшему сомнению. Благодаря инициативе меньшевиков в блоке с эсерами была проторена дорога для демократических преобразований в стране и созданы условия свободной деятельности политических партий, которыми в более чем широком объеме пользовались большевики, при всяком удобном случае, дискредитируя своих идейных противников.

Большой заслугой меньшевиков была и разъяснительная работа среди солдат по предупреждению назревающего конфликта с рабочими.[306] Дело в том, что цензовые элементы выступали против 8-часового рабочего дня и демагогически указывали, что в окопах бодрствуют в течение суток и т. д. Именно меньшевики в блоке с эсерами в борьбе с либеральной буржуазией завоевали армию на сторону революции благодаря высокому авторитету Петроградского Совета в среде колеблющейся крестьянско-солдатской массы. Эта победа в борьбе за армию имела решающее значение для революции и была достигнута широкой разъяснительной работой в солдатской среде, в частности путем контактов с делегациями с фронта. Лидеры Совета ежедневно принимали десятки солдатских делегаций. Ник. Суханов, сам активный участник приема делегаций, подчеркивает, что Н. Д. Соколов (меньшевик) «пропустил через свои руки львиную долю делегаций». Работа с делегациями стала существенным фактором пропаганды Совета в солдатской массе, «подозрительной на обе стороны», как вспоминает Н. Суханов, и своим результатом имела предотвращение угрозы отрыва армии от Совета.[307] Все это было несомненной заслугой меньшевиков. Командующий Петроградским военным округом ген. Половцев признавал, что его радовал наплыв солдат-

[305] Там же, стр. 117, 118.

[306] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. вторая, стр. 307, 309.

[307] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. третья, стр. 68, 69, 90, 93, 101; Там же, кн. вторая, стр. 218, 295, 297, 313, 314, 316, 322 и др.; кн. третья, стр. 80.

ских делегаций, так как благодаря Совету можно было приобрести доверие войск.[308] Фактически ген. Половцев признавал, что благодаря этим обстоятельствам была сохранена армия.

Как свидетельствует Н. Суханов, меньшевистская партия была тогда «огромной силой» и ее ряды быстро росли. 9 мая 1917 г. открылась в Петрограде Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, в которой участвовало 88 делегатов с решающим голосом и 35 с совещательным, представляющих до 45 тысяч членов партии. Докладчиком выступил редактор «Рабочей газеты» Горев (брат Либера). Выступление главы петроградской делегации Ю. Ларина положило начало оживленной дискуссии и противоречивым высказываниям делегатов, отражающим пеструю политическую мозаику разношерстного состава конференции.[309] На повестку дня были вынесены: доклад ОК о Временном правительстве и коалиционном министерстве, о войне, об отношении к Советам, объединение партии и партийный съезд, аграрный и рабочий вопросы, национальный вопрос и др. ОК надеялся, что на конференции будет выработана единая тактическая платформа.[310] Конференция приняла решение о поддержке нового Временного правительства и стала на позицию «революционного оборончества». По важнейшему национальному вопросу решение не было принято — отложено до другого съезда. Конференция по существу определила линию поведения меньшевиков — многочисленных руководителей солдатских выборных организаций в армии по вопросам войны и мира. Так, в решении указывалось: «Пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению обороноспособности русской армии».[311] Конференция решительно выступила против братанья.[312] По аграрному вопросу не было принято развернутого решения, а лишь подчеркивалось, что земельная реформа может быть проведена только Учредительным Собранием. Конференция призвала всех членов партии «энергично бороться против анархических захватов земли» и решительно выступила против «самочинного разрешения вопроса крестьянами».[312] Хотя национальный вопрос не обсуждался на конференции, но в проекте содержалось

---

[308] П. А. Половцев. Дни затмения, стр. 103, 104.

[309] Всероссийская конференция меньшевиков и объединенных организаций РСДРП. П., 1917; Суханов. Указ. соч., кн. четвертая, стр. 19, 20.

[310] Всероссийская конференция меньшевиков и объединенных организаций, стр. 4.

[311] Там же, стр. 38, 39, 475, 479; «Рабочая газета», 12 мая 1917 г.

[312] Всероссийская конференция меньшевиков и объединенных организаций, стр. 50, 51.

расплывчатое осуждение тенденций централизма и сепаратизма, которые якобы чреваты величайшей опасностью для революции.[313]

Хотя, как мы уже указывали, меньшевики в данный период были значительной силой, все же она подрывалась и ослабевала в связи с многочисленными течениями в ее среде и фактическим отсутствием единства, что сказывалось и в армейских организациях. Не без злорадства В. И. Ленин писал, что у меньшевиков «нет никакой организации. Чхеидзе и Церетели — одно... ОК — другое... «оборонцы» — третье, эти за Плеханова. Мартов — четвертое».[314] Основатель русской социал-демократии Г. В. Плеханов также отмечал: «Между „интернационалистом" Мартовым... и „оборонцем"... Потресовым — ничего общего, кроме ярлычка: меньшевик».[315] Разноголосица в лагере меньшевиков пагубно отражалась на их работе в массах. Солдатско-крестьянская масса плохо, а то и совсем не разбиралась в различных оттенках партийной принадлежности социалистических агитаторов.[316] Меньшевики по существу игнорировали вопросы работы с крестьянством, не пытались получить политическую поддержку в этой массе и без волнения взирали на приоритет влияния эсеров и большевиков в деревне. В армии меньшевики игнорировали крестьянско-солдатские организации. Так, фракция меньшевиков Румчерода во главе с В. И. Ладыженским высказывалась «в принципе» против крестьянских организаций.[317] Это же явление наблюдалось и в армиях.[318] И эта в корне ошибочная тактика игнорирования крестьянских интересов, откладывание решения аграрного вопроса в долгий ящик имела место в то время, когда, по признанию Р. Абрамовича, «окончательное влияние на баланс сил оказывали чувства и требования солдат», без которых «ничего нельзя было сделать». Меньшевики не только откладывали решение земельного вопроса, они активно противодействовали аграрному движению крестьян. Церетели от имени Петросовета в специальном циркуляре комиссарам приказывал вести борьбу «против самочинного распределения земельных угодий» и «захватов, запашек и засевов чужих полей».[319]

Точно так же ошибочной была политическая линия меньшевиков и в национальном вопросе. Как мы уже знаем, меньшевики

---

[313] Там же, стр. 53.
[314] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 337.
[315] Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1922, т. 2, стр. 68.
[316] R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1917—1939. London, 1962, p. 20.
[317] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 3, д. 230, лл. 5, 10, 11.
[318] ЦГВИА, ф. 2118, оп. 6, д. 53, л. 53об.
[319] И. Штейнберг. От Февраля по Октябрь 1917 г., стр. 67; R. Abramovitch.

рассматривали стремление угнетенных народов к самоопределению как опасный национальный «сепаратизм», а в армии рьяно выступали против образования национальных частей, являющихся по существу серьезным началом национального самоопределения. Несостоятельность политики меньшевиков в национальном вопросе была тем более ошибочной и подрывала их позиции в многонациональной России, что в то время, по признанию И. Г. Церетели, имело место глубокое недовольство «меньшинствующих наций» централистической, руссификаторской политикой властей. Борьба этих народов являлась существенным фактором нарастания революционных сил.[320]

Петроградский Совет также откладывал в долгий ящик решение вопросов, поставленных делегацией Центральной Рады на заседании Совета 13 мая 1917 г.[321]

Таким образом, несмотря на неоспоримые заслуги меньшевиков в русской революции, все же в кардинальных ее вопросах — крестьянском и национальном — меньшевики, по мере углубления революции, все больше лишались поддержки крестьян, солдат и национальных меньшинств.

Партия эсеров, которая до февраля 1917 г. находилась, по выражению лидера В. М. Чернова, «в скелетообразном состоянии» — в виде сети немногих нелегальных групп, связанная лишь с колеблющейся неоформленной массой сочувствующих, с приходом революции словно преобразилась. Появились вернувшиеся из эмиграции лидеры. Ряды эсеров пополнились людьми, находившимися на каторге и в ссылке, которые составили первые эсеровские группы и комитеты. Во вновь созданные организации хлынули многочисленные, по определению Чернова, «новобранцы». Ни одна партия не росла так стремительно, как партия социал-революционеров, буквально затопленная бурным потоком новых пришельцев.[322] Как вспоминает эсер И. З. Штейнберг, огромный прилив в ряды партии «мартовских интеллигентов эсеров» привел к тому, что они сразу же оказались в руководящих центрах эсеров.[323]

Вместе с приходом этого контингента организация крестьянства пошла ускоренным темпом, прошло огромное количество местных крестьянских съездов, было опубликовано положение о

---

[320] И. Г. Церетели. Указ. соч., стр. 75.

[321] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы, стр. 234.

[322] В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания, стр. 324.

[323] И. З. Штейнберг. Дневник социалиста-революционера. Уфа, 1917, стр. 5.

земельных комитетах. Крестьянство восприняло это как залог аграрных перемен. В деревне повсеместно воцарились эсеры.[324] Хотя партия эта стала крупнейшей в стране, но ее уже разъедали противоречия, происходила сложная внутренняя борьба различных течений, которые подрывали ее силу. Поскольку эсеры объявили об отчуждении помещичьей земли, солдаты и крестьяне в своем подавляющем большинстве поддерживали эсеров. Эсеры играли видную роль в Петроградском Совете и преобладали в Исполкоме Московского Совета солдатских депутатов, в Исполкомах местных Советов крестьянских депутатов и вообще крестьянских организациях. Под контролем эсеров и меньшевиков оказались почти все фронтовые, армейские и подавляющее большинство полковых и ротных Комитетов.[325] Особенно укрепила позиции эсеров среди крестьянства и солдат передача в марте в казну земель бывшего императорского дома (т. н. кабинетные), а затем конфискация имущества уделов.[326] В свете этой реальности формула о решении земельного вопроса будущим Учредительным Собранием тускнела в сознании солдатско-крестьянской массы.

Обезлюдение деревень в результате многочисленных призывов в армию затормозило в это время разворот крестьянского движения, и поэтому Временное правительство могло еще укрыться за формулу ожидания Учредительного Собрания. Наличие же в эсеровской партии многочисленных кадров мелкобуржуазной интеллигенции давало эсерам возможность проводить среди крестьянства и солдат через свой актив и комитеты установки о сдерживании аграрных устремлений массы.

Результаты этой работы эсеровского актива находили реальное отражение в действующей армии. Так, решительно все члены многочисленной делегации Кавказской армии, излагая свои требования в Петрограде, соглашались ждать решения Учредительного Собрания по земельному вопросу. Однако делегаты просили принять неотложные меры к разрешению крестьянам запашки и засева «пустующих земель».[327] Преобладание блока эсеров и меньшевиков в армии приводило к тому, что армейские комитеты требовали от Военного отдела ЦИК присылки им ежедневно периодических изданий именно этих партий, что содействовало распространению их взглядов. Так, каждый армейский комитет требовал присылку газет: «Известий» Петроградского Совета — 70 тыс., «Голоса Солдата» — 70 тыс. и 45 тыс. экземпляров «Дело

---

[324] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 118, 119.
[325] Х. М. Астрахан. Указ. соч., стр. 84.
[326] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года, стр. 388.
[327] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2424, лл. 57, 58.

Народа» и «Рабочей газеты».[328] Как видим, в требованиях армейских комитетов фигурируют исключительно эсеровские и меньшевистские издания. Эсеры и меньшевики были господствующей силой и в армейской печати, которая в 1917 г. насчитывала более 150 газет.[329] Одни только эсеры издавали в мае 30 газет и имели большие возможности в ведении массовой агитации и пропаганды.[330]

Немаловажное значение в деле снабжения фронта эсеровской литературой имело то обстоятельство, что многие эсеры занимали видное положение в советском аппарате, в городском самоуправлении; многие эсеры, как известно, были во главе армейских комитетов и являлись комиссарами частей. Так, В. М. Чернов являлся тов. председателя Петроградского Совета, а затем и Всероссийского Совета. Общеизвестна роль Гоца. О. С. Минор был избран председателем Московской Городской Думы, а городским головой столицы России стал И. И. Шрейдер и др. Комиссаром Румынского фронта являлся эсер Э. Тизенгаузен, председателем Армейского Комитета 6-й Армии был эсер Нехамкин, комиссарами Армий являлись Б. Савинков, Сургучев, Д. Донской, Алексеевский и др.[331]

Занятие В. М. Черновым поста министра земледелия было воспринято солдатско-крестьянской массой и многими рабочими как свидетельство немедленного решения аграрного вопроса — безвозмездной передачи земли крестьянству. Однако на III съезде эсеровской партии докладчик по социально-экономическому вопросу И. А. Прилежаев считал тревожным тот факт, что крестьянская масса ждет немедленного решения земельной проблемы, «раз министром земледелия — с.-р. Чернов». Прилежаев осуждал крестьян, производящих аграрные захваты.[332]

25 мая в Москве открылся III съезд партии социалистов-революционеров. По данным мандатной комиссии, на съезде присутствовало 306 делегатов с правом решающего голоса и 40 с совещательным голосом. Из розданных анкет были возвращены заполненными всего 245 анкетных листов. Однако и эти анкеты дают возможность констатировать факт, что партию эсеров наводнили представители интеллигенции — учителя, врачи, присяжные поверенные, служащие, агрономы, кооператоры, литераторы и т. п., которых числилось более 130. В числе делегатов мы видим 36 ра-

---

[328] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 108, лл. 104.

[329] П. Голуб. Указ. соч., стр. 50.

[330] Х. М. Астрахан. Указ. соч., стр. 242.

[331] В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания, стр. 320; «Воин-гражданин», 2 мая 1917 г. и др.

[332] Третий съезд партии социалистов-революционеров. П., 1917, стр. 51.

бочих и только 4 крестьянина. Возвращенные в секретариат анкеты свидетельствуют и о широком охвате эсеровской партией русской армии. Кроме 30 рядовых военных делегатов, армию представляли 103 члена комитетов и 43 председателя комитетов.[333] Это обстоятельство подчеркнул и делегат Утгоф, который заявил: «Наша партия имеет колоссальное преимущество над другими, как партия, работающая среди солдат».[334] Большинство съезда представлял компактный центр, составляющий $^2/_3$ всех делегатов, левое крыло было представлено 50—60 делегатами, и крайне правое крыло достигало 10—12 человек. Все же съезд носил довольно пестрый характер, и создавшаяся атмосфера на нем выразительно свидетельствовала о том, что партия не смогла и не сумела освоить в политико-партийном отношении хлынувшее огромное пополнение. Делегат съезда Н. А. Ракитников отметил в своем выступлении, что «слишком многочисленны были тяжелые инциденты, черезчур острые отношения одной части к другой..., одна часть собрания смотрела на другую, как на совсем чуждую для себя часть».[335] Опасность для единства партии представляло фактически оформленное на съезде течение левых эсеров, избравших организационное бюро. На съезде было принято решение об энергичной поддержке Временного правительства, куда входили министры-социалисты, одновременно съезд выдвинул требование о необходимости контроля над деятельностью Временного правительства. Резолюция съезда говорила о необходимости немедленного планомерного проведения аграрной политики, «направленной к осуществлению социализации земли».[336] Витиеватость этой формулировки послужила причиной различного ее толкования правыми и левыми эсерами. Левые считали, что проведение социализации земли должно произойти после соответствующей подготовки и определения Учредительного Собрания. Сторонники левого эсера Камкова смотрели на резолюцию как на призыв к практическому осуществлению аграрной программы. Выступавший по вопросам войны и мира Р. Гоц заявил фактически в адрес большевиков, что ни одна из социалистических партий не признает дезорганизацию «как путь к ликвидации войны», и категорически отвергал всякие сепаратные соглашения. «Долг революционной армии, — заявил Р. Гоц, — сейчас защищать великую русскую Революцию». В. М. Чернов также коснулся вопросов фронта и заявил, что во главе армии должен стоять

[333] Там же, стр. 211—213.
[333] III съезд партии социал-революционеров. П., 1917, стр.211—213.
[334] Там же, стр. 21.
[335] Там же, стр. 471; В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания, стр. 324.
[336] Там же, стр. 480.

социалист и что «Революционной России нужна сильная, крепкая, боеспособная армия». Более того, В. Чернов акцентировал, что он отрицает «наступление в защите..., нет защиты без наступления». Резолюция съезда говорила о необходимости стратегического единства фронта с союзниками, отказа от политики аннексий и контрибуций и «прокладывания дороги к миру на основе самоопределения национальностей». Хотя резолюция и осуждала шовинистические проповеди, все же фактически поддерживала наступление, так как согласно решению съезда, недопустимо «внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновение распоряжениям революционного правительства».[337]

По национальному вопросу съезд высказался в принципе за превращение России в федеративно-демократическую республику, с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей, признания публичных прав для всех языков и их равноправие и др. Однако осуществление всей национальной программы государственного устройства России откладывалось до решения Учредительного Собрания.[338] Все же пойти на признание права наций на полное самоопределение вплоть до отделения эсеры не отважились и этим подорвали свои позиции в национально-освободительном движении в стране и открыли дорогу демагогии большевиков в вопросах разрешения национальной проблемы в России. Как видим, эсеры ушли недалеко от меньшевиков в национальном вопросе, и на них также тяготел привычный груз централистского мышления.

Казалось бы, вся создавшаяся политическая обстановка благоприятствовала партии социалистов-революционеров для ее прихода к власти на демократической основе и проведения затем не терпящих отлагательства решений по аграрному, национальному, рабочему вопросам и по изысканию путей к немедленному прекращению войны, которую страна, ее народ и армия уже не могли вести. Эти исторические задачи были бы вполне по плечу эсерам, создавшим крупнейшую по численности партию, корни которой уходили глубоко в крестьянскую толщу, где эсеры безраздельно господствовали. Эта партия располагала разветвленным аппаратом, состоящим из многочисленных представителей демократической интеллигенции, которая численностью значительно превосходила партийные органы других партий, не говоря

---

[337] III съезд партии социалистов-революционеров. П., 1917, стр. 109, 193, 195, 478.

[338] Там же, стр. 303, 304, 481, 482.

уже о большевиках. В действующей армии эсеры располагали сильнейшими позициями и вышли на первое место по числу своих сторонников. Эсеры имели большой опыт по работе в военной среде еще в период первой русской революции. Их Военно-Организационное Бюро и печатные органы «Народная армия» и «За народ» проводили успешную пропаганду среди солдат и офицеров.[339] Немаловажное значение для популярности социалистов-революционеров имело их овеянное славой революционное прошлое, и жертвы, понесенные в активной борьбе с царизмом. Эта благоприятная для эсеров политическая обстановка не была ими использована для создания и возглавления социалистического правительства, и они оказались партией упущенных возможностей. Как признает А. Ф. Керенский, социалисты не хотели или не считали себя в праве взять на себя всю формальную ответственность за судьбу государства. Но потом, в сентябре, было уже поздно.[340] В. М. Чернов сознавал впоследствии, что все это происходило потому, что над лидерами социалистических партий, включая эсеров, тяготела «одна старая . . . устаревшая догма, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной» и что в таком случае власти брать нельзя. В результате этой догмы, признает В. М. Чернов, развилась «властобоязнь», социалисты «упорно предоставляли буржуазии идти в коренной упряжке, сами идя на прястяжных». В итоге, вспоминает этот лидер эсеров, выработанный партией законопроект о социализации земли и другие с ним связанные пролежали под сукном вплоть до того времени, пока ими не овладели большевики . . . и повернули их в бессмертную заслугу самим себе».[341] Несмотря на благие намерения В. М. Чернова провести социализацию земли и распределить ее между крестьянами, не дожидаясь Учредительного Собрания,[342] они так и остались намерениями, так как Чернов сам был жертвой догмы и тесно примыкал к советскому большинству, которое боялось власти и всеми силами старалось передать бразды правления в руки либеральной буржуазии.[343] На майском съезде, В. М. Чернов, подчеркивая успехи партии социал-революционеров, риторически вопрошал, сможет ли партия, «поднявшись на самый гребень исторической волны», оказаться «на высоте той волны, к которой ее влечет история»?[344] Надо прямо сказать, что

---

[339] В. М. Чернов. Перед бурей, стр. 291.
[340] А. Ф. Керенский. Издалека. Сб. статей. Париж, 1920—1922 гг, стр. 232.
[341] В. М. Чернов. Перед бурей, стр. 334, 335.
[342] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 238, 250.
[343] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 379.
[344] Третий съезд партии социалистов-революционеров, стр. 65.

эсеры оказались не на высоте народной волны и потеряли свои столь завидные позиции в результате отказа от незамедлительного проведения земельных преобразований, политики продолжения губительной войны и слепой приверженности догме. Не следует проходить и мимо того факта, что исторические заслуги и яркое партийное прошлое вождей эсеров не могло затушевать их слабости в качестве политиков. А. Р. Гоц, который играл столь значительную роль в первом периоде революции, по словам лидера эсеров А. В. Пешехонова, не имел необходимых качеств политика. Суханов не без основания признавал, что А. Гоцу пришлось вести главную работу в огромных советских фракциях эсеров, имевших решающее значение благодаря своей численности, и что в этой функции его некем было заменить. Все же Суханов, считая А. Гоца отличным техником и организатором, не признавал за ним качеств политика. Точно так же Н. Суханов, преувеличенно полагая, что без Чернова «вообще не было бы эсеровской партии», в то же время высказывал мнение о несостоятельности этого лидера эсеров «в качестве политического вождя». В своих воспоминаниях И. Г. Церетели отрицает в В. М. Чернове качества организатора и практического руководителя эсеровской партии, оставляя за ним только заслуги в области создания ее идеологии и программы.[345]

А. Гоц считал, что провести первые законопроекты аграрной реформы «может быть и не удастся» и что приоритет должен быть за немедленным подъемом боеспособности фронта. Подъем боеспособности» был, по мнению Гоца, неотлагательной задачей дня. В то время А. Гоц сознательно шел, исходя из этой концепции, на самотек в коренном для солдат-крестьян аграрном вопросе. Исходя из этой позиции, А. Гоц рекомендовал «рискнуть», объехать фронт «с благовестью» о грядущей земле и воле и уповать на то, что после объезда фронта нельзя будет партии эсеров повернуть назад.[346] И эта тактика проволочек проводилась эсеровским руководством в то время, как Петроградский Совет и Временное правительство были буквально наводнены делегациями, отдельными делегатами, запросами и наказами солдат своим посланникам по земельному вопросу, в которых выдвигалось требование о немедленном переходе земельного фонда из частных рук в национальный, о распределении земли по едокам и т. п. Характерна в этом отношении прокламация летучего митинга в

---

[345] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 142; кн. вторая, стр. 289; И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, стр. 469.

[346] В. М. Чернов. Перед бурей, стр. 329.

6-й пехотной дивизии 27 апреля, проводившегося при участии кронштадтских матросов. В прокламации указывалось на необходимость немедленного разрешения земельного вопроса «как самого важного в России», с безвозмездной передачей земли крестьянам.[347] Было бы ошибочным утверждать, что лидеры эсеров не хотели немедленного решения аграрного вопроса. Дело в том, что они впряглись в коалиционную колесницу совместно с другими партиями, придерживались уже указанной нами догмы о характере русской революции, и, главное, были оборонцами. Все это сдерживало их от проведения политики отчуждения помещичьей земли, так как эсеры, не без основания, опасались развала фронта в результате массового ухода солдат в деревню для участия в аграрном дележе. Усиление массового дезертирства, потрясающего фронт в первые месяцы революции, связанного с аграрными вожделениями солдатско-крестьянской массы, подтверждается многочисленными источниками.[348]

Вся создавшаяся сложная обстановка в стране и в армии настоятельно свидетельствовала о том, что решение аграрного вопроса стало краеугольным камнем революции, и что судьба партии эсеров, кровно связанной с крестьянами, безусловно определялась всем комплексом вопросов, вытекающих из аграрных мероприятий Временного правительства. Нельзя сказать, что все руководящие круги эсеров не понимали этой проблемы. Не случайно один из лидеров социал-революционеров Н. Я. Быховский на 3-м съезде партии подчеркнул в своей речи: «Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка».[349] Но на данном этапе революции крестьянство еще не сказало своего последнего слова, поддерживало эсеров, о чем свидетельствовало и совещание предводителей крестьянских организаций и Советов крестьянских депутатов 25 губерний России, которое было посвящено подготовке к созыву Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Совещание состоялось 12—17 (25—30) апреля 1917 г. в г. Петрограде, и в его работе участвовали и представители солдат фронта. Совещание проходило под нераздельным руководством эсеров, и изб-

---

[347] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 45, л. 20; там же, ф. 1235, оп. 78, д. 41, л. 4; ЦГВИА, ф. 2695, оп. 1, д. 4, л. 188 и др.

[348] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 321, лл. 20, 21об.; «Красный Архив», 1927, т. 5 (24), стр. 116, 124 и др.; R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1919—1939. London, 1962, p. 24.

Как сообщала разведывательная служба противника, в конце апреля: „Unter der Einflusse der maximalistischen Agitation liefen die Soldaten ins Innere des Landes um bei der Bodenverteilung anwesen zu sein". Kriegsarchiv. K. u. K. 7 Armeekomando. F. 586, dok. 5462.

[349] Третий съезд партии социалистов-революционеров, стр. 258.

ранное им Оргбюро по подготовке к крестьянскому съезду состояло на $^2/_3$ из представителей этой партии.[350]

Как образно выразился Н. Суханов, до приезда В. И. Ленина в партии большевиков «не было никого и ничего» и что «несколько крупных генералов — без Ленина ничто». Суханов писал, что Ленин «не ассимилировался с российскими большевиками, а ассимилировал их с собой — в своей общей, новой, порвавшей с марксизмом концепцией». Ленин, писал далее Н. Суханов, зато отлично приспособился в своих «подходах к солдату».[351] Задачи, которые поставил лидер большевистской партии перед ее членами, были значительно, если не решительным образом, облегчены создавшейся политической обстановкой. Была нейтрализована стихия, и Петроградский Совет во главе с его лидерами создал уже благоприятные условия для ничем не ограниченной свободной деятельности большевиков и их лидера. В условиях ведущейся кровопролитной войны Февральско-мартовская революция предоставила свободное поле деятельности для большевиков, так как, даже по признанию их лидера, Россия являлась «самой свободной страной в мире».[352] Ни одна политическая партия России — до кадетов, меньшевиков и эсеров — не имели той свободы действий, какой обладали большевики после приезда Ленина, так как эти партии были ограничены в своей деятельности как в силу своей руководящей роли, так и партийных решений по кардинальным вопросам революции. До появления Ленина на Петроградской политической арене большевики ничем не выделялись в своей политической деятельности и с позиций нового курса Ленина совершали ошибки кардинального характера. Так, Л. Б. Каменев при активной поддержке Сталина и Муранова превратил большевистский центральный орган «Правду» в оборонческую газету. Л. Б. Каменев писал в передовице этой газеты, что «война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской . . .», в связи с чем на пулю следует отвечать пулей и «на снаряд — снарядом». Впоследствии В. М. Молотов (Скрябин) как ответственный руководитель этой газеты оправдывался тем, что он де протестовал против этого курса.[353]

---

[350] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 179; А. Я. Утенков. Работа большевиков среди трудового крестьянства накануне Октября. М., 1958, стр. 43.

[351] Н. Суханов. Записки о революции, кн. третья, стр. 55; кн. вторая, стр. 241.

[352] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 106.

[353] А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. вторая, стр. 183, 184; «Правда», 28. 3. 1917 г.

У большевиков в Исполкоме Петроградского Совета пока не было сколько-нибудь первостепенных политических величин, не считая незаурядного хотя и колеблющегося Л. Б. Каменева. Член Исполкома И. Сталин производил в то время, по наблюдению Н. Суханова, впечатление «серого пятна, иногда светившегося тускло, бесплодно».[354] Характерно, что участник событий П. Н. Милюков из большевиков Совета вспоминает только М. Н. Козловского и П. И. Стучку, которые представлялись ему «желчными, злыми, и которые нам кажутся тупыми». Их прямой противоположностью был Л. Б. Каменев.[355] Более заметный след оставил в работе Петроградского Совета А. Шляпников (Беленин), что касается остальных, то, как гласит один из протоколов, — «большевики представляли значительное меньшинство Исполнительного Комитета» и они не вошли в созданное в апреле бюро из 24 членов, выдвинутое из состава Исполнительного Совета.[356]

Согласно данным мандатной комиссии Всероссийской конференции, до войны в Петрограде насчитывалось не более 1500—2000 членов большевистской партии. А к моменту самой революции в столице организация большевиков почти не существовала. Были лишь отдельные ячейки, главным образом на Выборгской стороне, так как организации подверглись разгрому «самым основательным образом», и накануне Февраля в столице «были только остатки П.К.». В первые дни революции начался снова рост организации, и в столице она насчитывала уже несколько тысяч человек. На Выборгской стороне из этого количества насчитывалось 500 организованных большевиков, на Васильевском острове — 300, в Нарвской части столицы — 800 и т. д. В первые дни революции в работе большевиков, как это отмечает председатель мандатной комиссии Шмидт, «не было единства линии» и в ряде номеров «Правды» красовались оборонческие материалы. В «ряде принципиальных вопросов, — как писал Шмидт, — сами товарищи путались». Петроградский Комитет большевистской организации склонялся к оборонческой линии. В протоколе № 6 Петроградского Комитета от 7 (20) марта 1917 г. мы находим и такие обоснования этой линии: «Стоя в основе за прекращение войны, находит (Комитет) невозможным категорически требовать ее прекращения, так как с ослаблением фронта рискуем потерять те свободы, коих успели уже добиться. Водворение же германского режима значительно опасней управления дореволюционного».

---

[354] Н. Суханов. Записки о революции, кн. вторая, стр. 243, 266.

[355] П. Н. Милюков. История второй русской революции. Том I, вып. 1, стр. 71.

[356] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний, стр. 9, 50, 73, 291.

Несмотря на этот разнобой, Петроградская организация к концу апреля насчитывала уже 15—16 тысяч членов и вела активную работу среди частей гарнизона.[357] Доклады делегатов с мест также свидетельствовали о росте большевистских организаций в провинции. Как сообщал Я. М. Свердлов, на Урале на областной конференции РСДРП 15—17 апреля 1917 г. было представлено 43 организации, охватывающие 16 тысяч членов партии. Там тоже быстро шел рост большевистских организаций. Свердлов подчеркнул, что «меньшевики на Урале все время шли с нами (большевиками) и работали вместе». Из 63 делегатов вышеуказанной областной конференции 53 являлись большевиками. На Урале, как отметил докладчик, большевики вели постоянную работу среди солдат, хотя военной организации еще там не имелось. Как доложила делегат Москвы Р. Землячка, ячейки большевиков в Москве были плохо организованы и окончательно еще не оформились. Зато большевики создали в городе Военное бюро, которое охватило своим влиянием все крупные части гарнизона. Во главе Военного бюро стояло 11 человек. В составе военной организации были созданы большевиками агитаторская и пропагандистская коллегии. В апреле военная организация большевиков в Москве состояла из 200 человек. Р. Землячка подчеркнула, что «в ротных и полковых комитетах полное наше засилие». Эсеры также располагали в Москве своей военной организацией. Р. Землячка жаловалась, что Московский Совет неохотно допускал большевиков в казармы и тормозил выдачу пропусков. Московские большевики, как сообщала Р. Землячка, имели тесные связи с фронтом и организовывали в городе многочисленные митинги. Небезынтересны сообщения и других делегатов. По словам Смигли, большевистские организации в окрестностях Петрограда возникли в марте, а в Кронштадте 8 марта, и насчитывали в этой крепости около 3-х тысяч членов. В Кронштадтском Совете из 380 членов Совета большевиков числилось 60. В Выборгском Совете из 150 его членов большевиков было 10 человек, а в Казани из 200 делегатов большевиками являлись 35 человек. В городе Тифлисе объединенные организации РСДРП насчитывали 2 тысячи человек, из них большевиков было 500. Большевики Тифлиса установили тесные связи с Кавказским фронтом при посредстве делегатов и делегаций. В Совете г. Баку преобладали большевики — 43 большевика и 20 меньшевиков.[358] В целом по России к моменту Всероссийской

---

[357] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. М.—Л., 1925, стр. 124, 125; Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. М.—Л., 1927, стр. 24.

[358] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП в апреле 1917 г., стр. 83, 84, 91, 93, 94, 97, 98.

апрельской конференции, по данным мандатной комиссии, насчитывалось уже 79 204 организованных членов большевистской партии. Из этого количества 42 618 большевиков приходилось на Петроград, Москву, Урал и Донбасс, а 37 586, по нашему подсчету, на другие районы страны.[359] Как видим, основные силы большевиков были сосредоточены к апрелю в промышленных и политических центрах России.

Апрельские тезисы, с которыми выступил В. И. Ленин, были по существу программой, нацеленной на захват власти, разжигания с этой целью гражданской войны и превращения большевистской партии из марксистской в ленинскую, в которой за фасадом марксистской фразеологии скрывались волюнтаристские устремления Ленина. Вся система апрельских тезисов вращалась по существу вокруг оси захвата власти, все содержание тезисов было подчинено этой идее и стремлениям Ленина.

Ленинские тезисы вызвали изумление не только в стане старых марксистов, таких как, например, Г. В. Плеханов, но и в среде самих большевиков. Как писал Н. Суханов, «к нам в революцию ворвалась... новая, резкая, несколько ошеломляющая нота». В своей реакции на апрельские тезисы русские большевики сначала «продолжали пребывать в недоумении и растерянности». Вначале Ленин оставался в одиночестве, и его поддерживали только А. Коллонтай и И. Арманд, а затем к ним присоединилась Л. Сталь, которая заявила, что «все товарищи до приезда Ленина бродили в темноте». Даже центральный орган большевиков газета «Правда» продолжала пребывать в «темноте» и писала в те дни: «что касается общей схемы тов. Ленина — то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и расчитывает на немедленный переход этой революции в революцию социалистическую».[360] Несмотря на явный камуфляж, Ленин на общегородской конференции большевиков Петрограда 14—22 апреля 1917 г. фактически признавал в своей речи, что старого, классического марксизма в его тезисах нет и нечего оглядываться на предшествующий исторический опыт. В. И. Ленин сказал: «Мы гораздо точнее других партий определили политическую линию... Жизнь дала нам совершенно новую ситуацию. Главная ошибка, которую революционеры делают, это то, что они смотрят назад, на старые революции. Жизнь же дает много нового, которое необходимо внести в общую цепь событий».[361] Таким образом, Ленин

[359] Там же, стр. 89.

[360] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 16, 41, 49, 51.

[361] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. М.—Л., 1925, стр. 8.

предложил большевикам новую политическую концепцию, не вытекающую из исторического опыта предшествующих революций и получившую впоследствии наименование ленинизма. Вождю большевиков пришлось вести упорную борьбу за руководство партией на основе своей апрельской программы. Первоначально Ленин 8 (21) апреля понес поражение в Петроградском Комитете своей партии, где при обсуждении его тезисов за их принятие высказалось 2 голоса, против 13 и воздержался 1. Главный критик Ленина С. Багдатьев, выразивший опасения за изоляцию пролетариата, был за поддержку Временного правительства, а пункт о республике Советов предлагал исключить из тезисов и т. п. На следующем заседании Петроградского Комитета уже получилось иное соотношение голосов. За предложение Ленина высказалось 12 голосующих, а против тезисов — 15.[362] Главное решающее сражение разыгралось на Всероссийской (апрельской) конференции РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г. Обосновывая свои тезисы, В. И. Ленин выразил неуверенность в крестьянстве. Оно, по его мнению, повернуло к оборончеству, и за него необходимо бороться. По существу все выступления сводились к вопросу о необходимости взятия власти. Ленин подчеркивал: «... взятие власти — это единственная конкретная мера, это единственный выход». В. И. Ленин встретил на конференции несогласие многих видных большевиков, на что указал Ф. Э. Дзержинский, и по предложению которого содокладчиком выступил Л. Б. Каменев с серьезными возражениями против апрельских тезисов. Содокладчик указал на раскол в рядах большевиков. На Всероссийском совещании Советов, констатировал Каменев, 16 большевиков, делегатов Совещания, откололись от линии партии по вопросу о войне и перешли на точку зрения оборончества. В докладе Ленина, заявил Каменев, отсутствует точность и определенность и важнейшие вопросы (о Временном правительстве, войне, рабочем движении и т. п.) «сбиты в один комок». Каменев решительно возражал против тезиса Ленина об окончании буржуазно-демократической революции, так как революция продолжается, «потому что вся масса помещичьих земель еще находится в руках помещиков». Л. Б. Каменев обратил внимание на тот факт, что невозможно вести войну «в атмосфере митингов» и что в таком случае «или революция прекратит войну», или война посягнет на завоевания революции. Каменев выразил согласие с Лениным, что ведущаяся империалистическая война может быть закончена «только всемирной революцией» и что братание есть ближайшее

[362] Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. Сб. материалов и протоколов. М.—Л., 1927, стр. VII, XII, XIII, XV и др.

к тому средство. Он сказал, что требование большевиков опубликования тайных договоров «есть агитационное средство», так как Временное правительство этого сделать не может. В заключение содокладчик отметил, что тезисы, рисуя в целом правильную перспективу, оставляют партию без программы-минимум, и что в них нет практических мер борьбы за мир и конкретных указаний. С возражением против ряда пунктов тезисов выступили также Милютин, Багдатьев, Сталин, Ногин, Рыков и др. Выступивший с заключительным словом В. И. Ленин указал, что сейчас свергать Временное правительство нельзя. Свергнуть это правительство надо, — подчеркнул Ленин, «но не сейчас и не обычным путем». Сейчас крестьяне, — продолжал лидер большевиков, — идут за Милюковым и Гучковым, и вместе займом «бьют социализм», крестьянство пока шовинистично. Вождь большевиков предостерег своих сторонников, что в настоящее время большевики желают произвести «только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения».[363] Таким образом, Ленин вплотную подвел партию большевиков к захвату власти в ближайшее время и в удобный практический момент. Конференция приняла все ленинские установки о войне, отношении к Временному правительству, по аграрному и национальному вопросам и др.[364] Эта победа Ленина дала ему возможность перестройки всей работы партийного аппарата. Все теперь в партийной работе было подчинено главному — захвату власти, а остальные решения были лишь вспомогательными для облегчения выполнения этой основной цели. Как отмечал в своих записках Н. Суханов, Ленин после апрельской конференции, «завладев своей партией ... двинулся со своей армией на мартовскую революцию».[365]

Согласно своей ускоренной программе переворота, Ленин торопился овладеть массами и создать популярность большевиков среди солдат. В своих выступлениях на митингах в Измайловском полку, у солдат броневого дивизиона, на солдатской секции Петроградского Совета, в написанных им воззваниях к солдатам он систематически проводил свои взгляды и будоражил солдатскую массу.

В условиях ведущейся войны Ленин внедрял в сознание солдат ненужность постоянной армии и необходимость ее устране-

---

[363] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г. М.—Л., 1925, стр. 46, 47, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 68, 69, 75, 76 и др.

[364] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1954, стр. 335—353.

[365] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 61.

ния.[366] Большевики во главе с Лениным делали все, что было в их силах для раздувания гражданской войны в стране и на фронте. Говоря о задачах большевиков в революции, В. И. Ленин подчеркивал, что революция сделала первый шаг к прекращению войны, так как «Русская революция февраля-марта 1917 г. была началом превращения империалистической войны в войну гражданскую».[367] Лидер большевиков предлагал членам своей партии внедрять в сознание солдат, что кончить войну можно только при помощи свержения существующего правительства и советовал «организовать самую широкую пропаганду этого взгляда в действующей армии».[368] Мало того, чтобы разжечь огонь гражданской войны непосредственно в действующей армии, деморализовать ее перед лицом противника Ленин призывал к необходимости братания на фронте, рассматривая его как практическое средство ускорить окончание войны. На седьмой (апрельской) Всероссийской конференции Ленин рьяно ратовал за братанье: «Мы хотим братание на всех фронтах и мы об этом заботимся».[369] Ленин не был столь наивен, что верил в проведение братанья как средство окончания войны. Лидер большевиков рассматривал это движение как средство ускорения деморализации и распада русской армии, для усиления гражданской войны и последующего захвата власти большевиками. Следует подчеркнуть, что братанье было использовано австро-германским командованием в широких размерах для разведывательных целей. Австро-венгерское командование выражало удовлетворение ходом братанья, так как оно мало задевало его армию, но наносило непоправимый ущерб русским войскам на фронте. Начальник австро-венгерской разведывательной службы ген. Макс Ронге с удовлетворением отмечал, что благодаря стараниям австро-германских органов военной разведки в первые месяцы после Февральской революции они смогли вступить в непосредственные контакты с солдатскими комитетами 107 дивизий из 214 русских дивизий, находящихся на фронте. Окопы 81-й пехотной русской дивизии для облегчения контактов были даже связаны с позициями противника при помощи телефонного провода. Генерал Ронге пишет, что австро-немецкое командование широко использовало в своих интересах призывы Ленина к братанию и к миру.[370]

---

[366] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 188, 189, 268, 269276 и др.

[367] Там же, стр. 161.

[368] Там же, стр. 114.

[369] Там же, стр. 264, 282, 399 и др.

[370] Zwölf Jahre Kundschaftsdienst Kriegs- und Industrie Spionage von Generalmajor Max Ronge. Zürich—Wien, 1930, SS. 268, 269.

Как вытекает из материалов вражеской разведывательной службы, большевик штабс-капитан Чинаров совместно с подпоручиком Смольяниновым вели с начала апреля систематическую переписку с оберлейтенантом вражеской разведки 3-й Австро-венгерской армии И. Гайдугой. Чинаров имел личные встречи с представителями австро-венгерской разведки в районе Росульна и у горы Космачи, где проводились фотографирования в интересах врага. Так называемый «братальщик» 1-й русской Заамурской пехотной дивизии прапорщик Старков помог разведке противника установить дислокацию частей 1, 3 и 4 Заамурских дивизий VIII Армии. Обильной военной информацией снабжали противника большевистски настроенные «братальщики» — солдаты 15 и 196 русских пехотных полков. Таких фактов можно привести множество.[370a]

В. И. Ленин и его партийные единомышленники всячески стремились к созданию обстановки разгрома русской армии ее противником. Лидер большевиков так и писал, что «превращение войны правительств в войну гражданскую... облегчается военными неудачами». Он подчеркивал, что в ведущейся империалистической войне большевики «принципиально отрицали защиту отечества». Ленин говорил от имени большевиков, что «...мы гордимся тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян».[371] В то же время лидер большевиков в зависимости от необходимости жонглировал и, как свидетельствовал Н. Суханов, оснащал «свои речи оговорками и фиговыми листочками».[372] Более того, когда Ленину это требовалось, для данного политического момента он не останавливался и перед прямой ложью. Так, на IV Чрезвычайном съезде Советов Ленин в вопиющем противоречии с истиной утверждал, что «мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами», и продолжал: «мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт».[373]

Но как раз Церетели свидетельствует об обратном. Он утверждает, что большевики не только защищали дезертиров, но и пытались «облагородить» это стихийное движение. Ленин, по словам Церетели, «все свои усилия направлял на разрушение фронта революционной России».[374] Как мы уже знаем, даже большевик

[370a] Kriegsarchiv. 3 A. K. Nachrichtenstelle. F. 583, док. 2434; K. u. K. Armeeoberkomando. Nachrichtenstelle. F. 582; 3 Armeeekomando. Nachrichtenstelle. F. 584, док. 2680; Там же, F. 582, док. 1791. См. также гл. IV книги.

[371] В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 287; т. 36, стр. 292; т. 40, стр. 8, 9.

[372] Н. Суханов. Указ. соч., кн. третья, стр. 21.

[373] В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 114, 115.

[374] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. первая, стр. 481.

Л. Б. Каменев в своем содокладе на Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г. утверждал, что «воевать в атмосфере митингов это вещь никогда невиданная и обреченная на всяческое поражение». Невольно напрашивается вопрос, как же можно было успешно вести военные действия в условиях проповеди братания и проведения его большевиками в частях действующей армии, это по существу являлось национальной и государственной изменой непосредственно на театре военных действий. Чтобы завуалировать свои намерения, руководство большевиков в передовой статье «Правды» от 4 мая 1917 г. пыталось создать впечатление, будто ведет борьбу против использования братания противником в целях шпионажа, что не подвергалось ни малейшему сомнению в свете безусловного признания этого факта разведывательной службой противника. «Правда» писала: «Мы не допустим, чтобы братаньем пользовались для выведывания военных тайн». Н. В. Крыленко все же признавал, что германский штаб при помощи братанья получал нужные ему сведения, и весьма сомнительным является его мнение, что немецкая армия тоже несла ущерб.[375] Общеизвестен факт, что весной 1917 г. немецкая армия сохраняла внутреннюю дисциплину. Германское правительство и австро-венгерские власти на основании донесений командования решили, что все мероприятия военных властей по использованию «мирной пропаганды» уже исчерпаны и братанье необходимо прекратить.[376]

Многие высказывания и лозунги В. И. Ленина, а также принятие под его непосредственным руководством решения седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) не могли быть претворены в жизнь даже при переходе власти в руки большевиков. В частности, пути реализации предложенной Лениным программы большевиков по некоторым коренным вопросам революции свидетельствовали далеко не в пользу политической прозорливости этого лидера и его ближайшего окружения. Политическая сила этих лозунгов и решений состояла в другом, а именно в их агитационном и пропагандистском значении для завоевания масс. Эти лозунги были социально созвучны большинству солдат и крестьян, так как отражали их желания в жизненных для них вопросах. Не связанные никакими решениями и свободные от каких-либо обязательств и ответственности, большевики, в противоположность меньшевикам и эсерам, обещали мир во что бы то ни

---

[375] Н. Крыленко. Почему побежала русская революционная армия. П., 1917, стр. 21.

[376] Österreich-Ungarns letzter Krieg (1914—1918). Wien, 1937—1938, Bd. 6, SS. 213, 219, 221.

стало, землю предлагали захватить тотчас же, явочным порядком, отвергая наступление, проподедовали братание, одобряли солдатские стремления к ликвидации аппарата командования и великодушно стояли за самоопределение народов и т. п. Ни одна партия не могла и не была в состоянии выставить такие козыри в политической игре, как это сделали большевики. В то же время масса не была в состоянии критически воспринять лозунги большевиков, и она впитывала эти призывы в их первозданном, «фасадном» виде, за которым скрывалась их реальная сущность.

Действительные же цели Ленина и его партии состояли в захвате власти, и все лозунги, брошенные большевиками в массы, были подчинены этому стремлению Ленина. Он демагогически обвинял своих противников в ведении империалистической войны, требовал ее прекращения и в то же время прекрасно понимал, что одна Россия прекратить ее не может. «Ребячество, наивно предполагать прекращение войны одной стороной», — писал лидер большевиков и подчеркивал, что вопрос о войне может быть разрешен только «в международном масштабе». Более того, Ленин восклицал, что «войну могут кончить только рабочие и крестьяне, но не одной России, а всего мира». Вождь большевиков признавал, что окончание войны отказом от военных действий с одной стороны — «это такая глупость, что нам смешно даже ее опровергать».[377]

Как известно, народы продолжали войну, не торопились совершать «рабочую революцию» и «свергать капитал». Какое же в таком случае средство прекращения войны предлагал Ленин, отвергающий в своих выступлениях сепаратный мир? На заседании солдатской секции Петроградского Совета 17 апреля 1917 г. Ленин заявил, что «практический способ к окончанию войны — братанье на фронте», укрепление власти Совета и что только «этими способами можно достигнуть рабочей революции и всеобщего мира». Во многих выступлениях Ленин везде связывает братанье с переходом государственной власти «в руки революционного пролетариата».[378] В конспекте речи в конце апреля у Ленина так и записано: «То, что начали петроградские рабочие, — то продолжит на фронте братание солдат».[379] Как видим, Ленин призывал солдат к революции на фронте. Братанье было вознесено на щит лидером большевиков как способ деморализации и окончательного распада и так уже пошатнувшейся дисциплины армии. Путем неподчинения солдат командованию достичь восстания в действу-

[377] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 105, 109; т. 32, стр. 49, 97.
[378] Там же, стр. 277, 399, 400.
[379] Там же, стр. 458.

ющей армии. В начале мая Ленин писал, что путь братанья «начинает ломать проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат „своим" офицерам и генералам . . .».[380] Таким образом, братанье, выдвигаемое и проводимое большевиками, являлось по существу политической диверсией на театре военных действий с целью вызвать восстание армии и облегчить им захват власти.

Усиление большевиками кампании братанья совпадало по времени и находилось объективно в тесной связи с благоприятной обстановкой для этого движения, создавшейся в апреле-мае на фронте. По соглашению правительств Австро-Венгрии и Германии с целью побуждения Временного правительства к открытию мирных переговоров и для создания соответствующей мирной атмосферы в русском лагере было предписано командованием центральных держав не предпринимать пока никаких военных акций на фронте. Австро-германская разведывательная служба получила предписание усилить свою деятельность, «дабы таким образом разложить вражескую армию и привести к падению ее дисциплины», а также для получения разведывательных сведений. На фронте воцарилось спокойствие, напоминающее фактическое перемирие. Разведка противника через усилившееся братанье, снабжение русских солдат соответствующей литературой, в частности, передачей в русские окопы издаваемой немцами газеты «Неделя», всячески использовала «мирные устремления мужиков» — солдат русской армии («Das Friedensbedürfnis des Muschik»).[381] Как вспоминал генерал Макс Гофман, поскольку русская революция не оправдала германских надежд на немедленное заключение мира, «мы имели также полное право использовать против них все средства пропаганды, в том числе и провоз Ленина через германскую территорию»; что имело, по мнению генерала, «неисчислимые последствия» для всей Европы.[382]

Для завоевания политических симпатий крестьянства в целом Ленин широко проповедовал немедленное отчуждение помещичьей земли и ликвидацию помещичьей собственности без всякого выкупа.

Земля, писал Ленин, должна быть передана в распоряжение Советов крестьянских и батрацких депутатов, которые должны быть немедленно созданы для распределения земель между крестьянами.[383] Однако Ленин не был до конца искренним в

[380] Там же, стр. 459.
[381] Max Ronge, op. cit. SS. 266, 267.
[382] Ген. Макс Гофман. Записки и дневники (1914—1918 гг.). Л., 1929, стр. 106.
[383] «Солдатская правда», № 1, 15 апреля 1917 г., статья В. Ленина.

крестьянском вопросе и в своей политической игре маскировал намерения большевиков. На седьмой (апрельской) Всероссийской конференции лидер большевиков подчеркивал, что крестьянство «стоит до известной степени сознательно на стороне капиталистов», что оно «теперь» повернуло к империализму, оборончеству, идет за Милюковым и Гучковым и что оно шовинистично, и т. д.[384] В связи с такой оценкой крестьянства Ленин предлагал аграрную программу «проводить по-новому» и соединить лозунг о немедленном взятии крестьянством земли с пропагандой создания отдельных Советов батрацких депутатов, о чем говорить открыто широкой солдатско-крестьянской массе всячески избегал. На Петроградской общегородской конференции 14—22 апреля он рекомендовал «перенести центр ее тяжести на Совет батрацких депутатов», так как надо быть готовым, что крестьянство может соединиться с буржуазией».[385] В надежде на скорый захват власти В. И. Ленин стремился к созданию в русской деревне послушных ему органов (Совет батрацких депутатов), на которые большевики смогли бы опереться в борьбе за выкачку хлеба из деревни. Он так и заявил на седьмой (апрельской) конференции: «крестьяне хлеба не дадут. Чтобы получить хлеб, должны быть меры революционные . . .».[386] Таким образом, уже в этой фазе революции Ленин, вопреки идеализации его деятельности советской историографией, создавал планы будущего ограбления крестьянства путем внеэкономического принуждения. В «Письмах из далека» волюнтарист Ленин обвинял своих политических противников, что они не в состоянии дать народу «ни мира, ни хлеба, ни свободы». Воплощая в жизнь свои апрельские тезисы, Ленин мог дать стране лишь гражданскул войну, разверстку, голод и полное лишение завоеванной революцией свободы.

В тесно связанном с аграрным национальном вопросе В. И. Ленин и большевики рядились в тогу решительных противников национального угнетения, которое, согласно решениям седьмой (апрельской) Всероссийской конференции, являлось наследием самодержавия и монархии, а современный империализм был, согласно резолюции этой конференции, «новым фактором национального гнета». Конференция признавала за всеми нациями, входящими в состав России, право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание этого права, указывалось в резолюции, равносильно поддержке политики

---

[384] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. М.—Л., 1925 г., стр. 46, 47, 75, 76.

[385] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 241.

[386] Там же, стр. 379, 380.

захватов и аннексий». Большевики требовали отмены обязательного государственного языка, но в то же время «решительно отвергали «национально-культурную автономию», изъятие из ведения государства школьного дела и передачу его в руки национальных сеймов», так как это, по их мнению, приводило к «искусственному размежеванию» и связи с «буржуазной культурой отдельных наций». Между тем, заявляли большевики, задача социал-демократии состоит в усилении «интернациональной культуры всемирного пролетариата». Апрельская резолюция отвергала и какую бы то ни было привилегию «одной из наций» и была против любого «нарушения прав национальных меньшинств». Однако при всем кажущемся демократизме этих решений в резолюции содержалась оговорка, которая сводила на нет права угнетенных наций и ставила их в зависимость от политических интересов большевиков. Эта оговорка гласила: «Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм».[387] Эта оговорка отражала великодержавные, централистские устремления Ленина и его партии и ставила один из коренных вопросов революции в полную зависимость от политических интересов большевиков. Приведенная нами оговорка означала и уступку влиятельному в большевистской партии ее руководящему ядру, которое вообще выступало против самоопределения наций. Если Ленин свои взгляды на этот вопрос маскировал путем определенной фразеологии, то Ф. Э. Дзержинский, Г. Пятаков, Ф. Е. Махарадзе и др. решительно выступали против права наций на самоопределение. Ф. Э. Дзержинский заявлял на седьмой (апрельской) конференции, что «нам не следует выдвигать национальный вопрос, ибо это отодвигает момент социалистической революции». Он предложил изъять из резолюции пункт о независимости Польши, что и было сделано. «Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение» — решительно заявил Дзержинский. Ф. Э. Махарадзе в своем выступлении выразил мнение, что «национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему». Как мы уже знаем, и И. В. Сталин был за самоопределение наций только на словах. В своем докладе по национальному вопросу на апрельской конференции Сталин оставил

[387] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1954, стр. 335—353.

открытыми двери для централистских махинаций большевиков. Он заявил: «Мы не решаем тем самым вопроса о том, должно ли в данный момент отделять такие-то нации от Российского государства». В вопросе о праве наций на самоопределение все ставилось «в зависимость от обстановки».[388] Пока Ленин и большевики были не у власти, они всячески использовывали национальный момент для борьбы против Временного правительства. Они были за полное самоопределение Финляндии, Украины, и Ленин бичевал правительство и А. Ф. Керенского, которых он обвинял в великодержавной национальной политике и в измене «простому демократизму».[389] Сам же, обволакивая свои высказывания революционной фразеологией, был за «создание возможно более крупного государства» и по существу был против национально-освободительного движения, так как стоял за централизованное русское государство. В апреле Ленин так и заявил: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны». В. И. Ленин заранее предопределил невозможность отделения Украины от России при приходе большевиков к власти. Он сказал в апреле своим товарищам по партии: «Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»[390] Таким образом, «сверхреволюционная» политика Ленина и большевиков в животрепещущем национальном вопросе в России была шита белыми нитками и по существу сводилась к обману участников национально-освободительного движения. Для подтверждения факта нежелания предоставления большевиками действительного, а не мнимого права самоопределения народов не пришлось долго ждать. Когда после Октябрьского переворота Украина объявила о реализации своего права на независимость, то Совнарком во главе с В. И. Лениным предъявил Украине ультиматум и наводнил эту страну вооруженными отрядами. Началась интервенция. Следует также учесть, что решительные возражения большевиков против проведения культурно-национальной автономии сводились по существу к политике насильственной ассимиляции малых народов в среде господствующей нации.

Фактором, ослабляющим силу борьбы угнетенных наций в России, было и то обстоятельство, что их значительные интеллектуальные силы растворялись в общерусском революционном дви-

---

[388] Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г., стр. 81, 130, 132, 138, 142.

[389] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 436, 437; т. 32, стр. 4, 5, 6, 253, 254, 341, 342 и др.

[390] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 167, 435, 436.

жении и игнорировали справедливые национальные требования своих народов, а зачастую они отличались и национальным безразличием. Широкие круги грузинского народа, например, сурово критиковали грузинских социал-демократов, которые действовали только «как часть российской социал-демократии» и отличались национальным абсентизмом.[391] Это демонстративное национальное безразличие по справедливости может быть отнесено к евреям, полякам, армянам и другим участникам общерусского революционного движения. Л. Д. Троцкий даже особо подчеркивал, что де «национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей жизни почти никакой роли». Более того, большевик Троцкий даже готов был цинично принести в жертву коммунизму весь еврейский народ. Л. Троцкий писал: «Если осуществление коммунизма требует принести в жертву все еврейство, — это будет прекраснейшая миссия, которая только может выпасть на долю народа».[392]

Хотя национальный момент не играл в личной жизни Троцкого, как это он утверждал, почти никакой роли, в чем можно усомниться, однако в жизни страны и ее армии национально-освободительное движение оставило глубокий след. Даже И. Г. Церетели, сам повинный в национальном абсентизме, определенно заявил, что «национальный вопрос был одним из основных вопросов, от решения которого зависели судьбы русской революции».[393]

Мы уже коснулись ряда важных вопросов хода Февральской революции на фронтах, проведения демократизации, кризиса аппарата управления войсками, создания и роли комитетов и др. Для более глубокого изучения других проявлений революции на фронте в изучаемый период необходимо рассмотреть и ряд таких проблем, как солдаты и аграрное движение крестьянства, стихия дезертирства, вопросы кризиса резервов, участие солдат в национальных формированиях, конкретные вопросы проведения братанья и важнейшую проблему положения солдат. Освещение перечисленных и ряда других вопросов даст возможность понять исход и значение переломного июньского наступления, которое подвело политическую и стратегическую черту в ходе революционного движения в армии после Февральской революции.

---

[391] И. И. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. вторая, стр. 73.

[392] Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, стр. 63; М. В. Вишняк. Два пути. Париж, 1931, стр. 274, 275.

[393] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. вторая, стр. стр. 69.

ГЛАВА IV

ПЛАНЫ КОМАНДОВАНИЯ. СОСТОЯНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ И ОБСТАНОВКА В ВОЕННЫХ ОКРУГАХ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПРОВЕДЕНИИ БРАТАНИЯ И ЕГО ШПИОНСКО-ДИВЕРСИОННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИНТЕРЕСАХ ПРОТИВНИКА. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАЗРУХА И ПОЛОЖЕНИЕ СОЛДАТ. РОСТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В АРМИИ. ИЮНЬСКИЙ ЗАГОВОР БОЛЬШЕВИКОВ (МАРТ—ИЮНЬ 1917 ГОДА)

Временное правительство и Ставка находились под постоянным давлением союзников, которые в силу создавшейся обстановки настаивали на переходе русской армии в наступление. Генерал Нивель от имени французского Главного командования обратился через своего представителя при русской Ставке ген. Жанена, дабы последний довел до сведения русского командования, что «лучшим решением, как с точки зрения успехов совместных военных операций союзников, так и с точки зрения морального состояния русской армии является переход этой армии в наступление и притом как можно скорее». Переписка Главковерха ген. Алексеева с военным министром А. И. Гучковым и французским генералом Жаненом относительно предполагаемого наступления, положения дел в стране и в армии была разослана Ставкой всем главнокомандующим фронтами. Ген. Алексеев предлагал прислать ему «совершенно откровенное заключение начальников, насколько революционное движение, стремящееся настойчиво проникнуть в войска боевой линии, отразилось на нравственной упругости этих войск». Первый ответ поступил 17 марта от ген. Рузского (Северный фронт). Генерал считал, что русская армия лишена возможности выполнять обязательства Союзнического Совещания в Шантильи, так как революционные события «болезненно» отразились на состоянии армий Северного фронта. На фронте имеет место взаимное недоверие солдат и офицеров. Более острая форма этого явления наблюдается, по мнению генерала, в 5-й армии, а затем и в 12-й и в 1-й. В запасных частях Северного фронта расстройство «еще сильнее» и имеются сведения о значительном дезертирстве и волнениях солдат. Армии фронта страдают от значительного некомплекта (свыше 150 тысяч солдат).[1]

[1] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. третья. М.—Л., 1927. Док. приложение, № 7, стр. 278, 279; Там же, стр. 65, 66.

В противовес мнению ген. Рузского, командование Западного фронта высказалось за наступление, так как «чем скорее втянем войска в боевую работу, тем они скорее отвлекутся от политических увлечений и тем безболезненней пройдет процесс внутреннего переустройства армии». 18 марта Юго-Западный фронт в лице ген. Брусилова сообщил в Ставку, что «армии желают и могут наступать». Ген. Брусилов даже считал, что мнение военного министра А. И. Гучкова о моральной неустойчивости войск преувеличено. Наоборот, генерал полагал, моральное состояние войск «пока отличное». Плохая оснащенность армии не смущала ген. Брусилова. Он выразил мнение, что «важнейший фактор войны — дух войск — при таком способе действий может восполнить недостаток сил и технических средств». Мнение ген. Брусилова имело серьезное значение для решений Ставки, так как авторитет генерала тогда стоял высоко. Временное правительство, исходя из взглядов Генералитета и Ставки, а также руководствуясь политическими соображениями, связанными с нажимом союзников, согласилось с доводами Ставки, и принципиально план наступления был принят, несмотря на категорическое возражение командования Северного и Кавказского фронтов.[2] Однако принципиальная установка Ставки на наступление вовсе не означала, что оно будет немедленно осуществлено. Вскоре даже ген. Брусилов был вынужден охладить свой наступательный пыл и констатировал, что «обстановка изменилась в худшую сторону». Посол Великобритании в России Д. Бьюкенен в конце марта уже писал своему правительству, что «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной».[3] Однако английское командование добивалось активных действий русской армии на Кавказском фронте, что должно было облегчить операции англичан в районе Мессопотамии. Несмотря на известное уже нам тяжелое положение войск Кавказского фронта, ген. Алексеев 30 марта предписал этому театру боевых действий «организовать наступательные действия, сообразуясь с продовольственными и транспортными средствами», чтобы совместно с английскими войсками содействовать их продвижению в Мессопотамии и тем самым достигнуть на Азиатском театре крупных успехов. Однако после первоначальных наступательных достижений русских отрядов, продвижение кавказских частей захлебнулось из-за непреодолимых продовольственных трудностей и массовых заболеваний.

---

[2] Там же, стр. 66, 67, 69, 77. Док. приложение, № 13, стр. 287—290.

[3] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Стр. 224.

Англичане выразили неудовольствие «нерешительными действиями» ген. Павлова.[4]

Весной 1917 г., как Временное правительство, так и Ставка находились в крайне затруднительном положении, так как начать немедленное наступление русская армия абсолютно не была в состоянии, а союзники не считались с этим обстоятельством и прибегали даже к шантажу, угрожая принятием Японией и Китаем враждебных действий против России. В частной беседе с ген. Алексеевым, итальянский представитель при Ставке ген. Ромен дал понять Верховному главнокомандующему русской армии, что «союзникам можно было бы сговориться с германцами на почве дележа русской территории». Об этом характерном разговоре ген. Алексеев сообщил на майском совещании в Ставке. Более того, ген. Алексеев с тревогой добавил, что «до заключения мира ждать недолго, и мир будет заключен за наш счет, если мы в течение текущего месяца не выполним своих обязательств».[5]

Настороженность союзников также не была лишена оснований, ибо после Февральской революции в планы германского министерства иностранных дел входило вступление в мирные переговоры с Временным правительством, так как русская революция воскресила немецкие надежды на победу. Немцы располагали неопровержимыми данными о полном падении боеспособности русской армии. Как считало германское верховное командование, русский солдат хотел немедленно пожинать плоды революции, т. е. бросать оружие и «бежать домой». Ген. Макс Гофман утверждал, что в руководящих военных кругах Германии в связи с этим состоянием русской армии «зародилась мысль путем сильного наступления на Восточном фронте завершить развал русской армии». Этому стремлению военной верхушки пока препятствовало германское правительство, все еще не потерявшее надежду на заключение сепаратного мира с Россией.[6] Однако ограниченную разведку боем по проверке своих предположений о состоянии русской армии после Февраля германское командование все же произвело.

Мы имеем в виду прорыв позиций 3-й Армии Западного фронта, произведенный немцами в районе т. н. Черевищенского плацдарма. 21 марта 1917 г. после сильной артиллерийской подготовки

---

[4] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 65, лл. 131, 134об.; Там же, оп. 1, д. 543, лл. 63, 63об., 64 и др.

[5] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, л. 295; А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 148, 149.

[6] Генерал Макс Гофман. Записки и дневники (1914—1918). Л., 1929, стр. 101.

противник начал атаку для захвата указанного русского плацдарма на р. Стоход (северо-восточнее г. Ковеля), обороняемого 3-м армейским корпусом под командованием генерала Г. Е. Янушевского. Немцы применили и газы. 5-я стрелковая и 73 пехотная дивизии, входящие в состав корпуса, были основательно разгромлены и понесли потери, насчитывающие 1 065 солдат и 69 офицеров убитыми, ранеными и отравленными газами. Кроме того, в германский плен попало 148 офицеров и 10 924 солдата. На Черевищенском плацдарме было кроме того брошено много оружия и другого военного снаряжения.[7]

Русское командование придавало большое значение плацдарму, и о его судьбе, как свидетельствует ген. Зайончковский, беспокоились все, начиная от начальника штаба Верховного главнокомандующего, командующего 3-й Армии ген. Леша и вплоть до командира 3-го корпуса ген. Янушевского, в ведение которого непосредственно входил Черевищенский плацдарм, добытый армией в тяжелых боях на р. Стоходе в июле 1916 г., т. к. встретил сильное сопротивление немцев. Несмотря на тот факт, что немцы уже с февраля сосредоточивали против плацдарма свои войска, ген. Леш успокаивал Ставку, что он считает положение на плацдарме весьма прочным.

Надо отметить, что Черевищенская катастрофа на р. Стоходе произошла молниеносно, так как наступление немцем, начатое в 4 часа утра 21 марта, завершилось уже к вечеру этого же дня. Это обстоятельство свидетельствовало о боевой слабости русской армии, у которой в целом было выведено из строя 12 тысяч солдат. Разгром этот превзошел ожидания даже германского командования в лице ген. Э. Людендорфа, который был крайне удивлен значительным количеством пленных. Разгром на р. Стоходе произвел сильное впечатление как на русское высшее командование, так и на армию. Ставка уже опасалась, что теперь немцы воспользуются «естественным развалом русской армии» и предпримут военную операцию против Петрограда.[8] Слухи и нежелательные для командования толки в отношении разгрома на р. Стоходе распространились и на других фронтах. Так, тревожные слухи об «уничтожении дивизии на Стоходе» возникли среди солдат 12 дивизии Юго-Западного фронта и 60-й пехотной дивизии Северного фронта. Солдаты этой дивизии считали операцию на Стоходе напрасной жертвой и авантюрой, так как там, по их мнению, «напрасно легло более 10 тысяч». Среди солдат росла злоба против

---

[7] ЦГВИА, ф. 2113, оп. 1, д. 43, лл. 43—46.

[8] А. М. Зайончковский. Кампания 1917 года. М., 1923, стр. 48—54.

командования, виновного, как они считали, в этой бойне и ее трагических результатах.[9]

Каждая из воюющих сторон по-своему восприняла уроки Стохода. Бой на Черевищенском плацдарме послужил для Ставки в лице ген. Алексеева доводом против «строго пассивной обороны». Генерал утверждал, что «выгоднее наступать чем перейти к опасной обороне» даже без полной уверенности в успехе. Ген. Алексеев подчеркивал, что «недавний опыт боя за Черевищенский плацдарм, к сожалению, говорит за то, что стойкость войска в обороне понесла за последние дни значительный ущерб». Несмотря на констатацию ген. Алексеевым факта тяжелого положения страны из-за нехватки продовольствия, транспорта, металла, переживаемого армией кризиса, он в то же время решительно высказался за наступление, так как «обречь себя на оборону до июня-июля — мы не имеем права». Общий вывод, который делал ген. Алексеев, заключался в том, что, как ни тяжело положение России, «нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением», что отвечает и позиции союзников. Однако, считал генерал, чтобы не допустить повторения 1915 года, необходимо позаботиться о патронах, снарядах, тяжелой артиллерии и укомплектованиях. Руководитель Ставки признавал, что запас ружей и патронов совершенно не достаточен для длительной борьбы и что необходимо сдвинуть с места неотложный вопрос о формировании тяжелой артиллерии, так как огромное превосходство в этом отношении на стороне противника. Верховный главнокомандующий требовал также, что характерно, привлечения снова в ряды армии солдат, «ушедших по домам в течение марта». Ген. Алексеев отметил в своем письме на имя военного министра, что по сравнению с прошлым, «нравственное настроение» в армии ухудшилось.[10]

Об ухудшении политико-морального состояния русской армии свидетельствовал целый ряд показателей, из которых в марте-апреле да и в поледующее время все более напоминало о себе растущее дезертирство, неразрывно и тесно связанное в это время с неразрешенным аграрным вопросом в стране. Никакие заградительные меры не смогли сдержать нарастающую волну дезертирства после Февраля. Как вспоминает И. Г. Церетели, солдаты утверждали, что неприятель наступать не будет, и что им необходимо «вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей»,

---

[9] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3864, лл. 76, 77; Там же, ф. 2234, оп. 1, д. 241, лл. 93, 93об.

[10] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 131, 132, 133. Письмо ген. Алексеева военному министру А. И. Гучкову от 30 марта 1917 года.

и в этих условиях сохранение дореволюционных порядков в деревне так же как и в армии было совершенно невозможно. Крестьяне-солдаты настойчиво требовали отчуждения помещичьих земель и установления на них уравнительно-трудового общинного землевладения, что роднило крестьянство с провозгласившими этот принцип эсерами.[11] Массовые масштабы дезертирства поражали современников. Николай Суханов, касаясь появления этой волны дезертиров, устремившихся в деревню, писал, что они «текли по деревням из тыла и фронта, напоминая великое переселение народов». Появление земельных комитетов во многих местностях еще до опубликования положения о них и часто независимо от этого акта послужило сигналом для крестьянства и солдат, что близок час передела земли. Это был дополнительный толчок для усиления дезертирства с фронта, хотя создание этих комитетов мыслилось как мера предотвращения аграрных выступлений. Особенно тревожил солдатскую массу вопрос утечки, распыления земельного фонда, что они могут быть обойдены в наделении землей как отсутствующие. Однако Временное правительство не торопилось издать какой-либо законодательный акт.[12] Обезлюдевшая в результате мобилизаций деревня, впитывая в себя поток дезертиров с фронта, стала активизироваться, так как солдаты информировали крестьян о предстоящем, по их мнению, незамедлительном переделе земли.[13] Один из лидеров кадетов князь П. Д. Долгоруков, посетивший фронт в апреле, отмечает, что солдаты забрасывали его вопросами: как же это, без них — землю крестьянам делить будут?[14]

Солдаты, как отмечал П. Н. Милюков, «спешили домой к разделу» земли и разбору усадеб и поднимали аграрную волну. Если в первой половине марта официальная статистика отмечала лишь 3 аграрных захвата в деревне, то во второй половине апреля было уже 11, в первой половине июня 391 захват.[15] Следует отметить, что солдатско-крестьянская масса фронтовиков со свойственными им колебаниями не была едина и в вопросах о способах разрешения аграрной проблемы. Некоторое время многие солдаты под влиянием доводов эсеров и меньшевиков соглашались с передачей решения о земле Учредительному Собранию, а потом, по мере по-

---

[11] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Кн. первая, стр. 396, 397, 403, 404, 451.

[12] Ник. Суханов. Записки о революции. Кн. четвертая, стр. 137; Кн. третья, стр. 118, 119, 371, 372.

[13] С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года, стр. 388.

[14] Кн. П. Д. Долгоруков. Великая разруха. Мадрид, 1964, стр. 25.

[15] П. Милюков. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927, т. I, стр. 94, 95, 97, 98.

лучения сведений из деревни и слухов, склонялись к мысли, что все же землю отобрать нужно немедленно, а делить уже после их возвращения с войны. Другая, уже многочисленная прослойка фронтовиков не доверяла официальным сведениям и толпами ринулась в деревню. Получив сведения об аграрных захватах, многие солдаты во время побывки дома сдерживали крестьян от немедленных действий, так как опасались, как мы уже отмечали, что они будут обойдены при дележе земли. Многие солдаты выражали согласие и с доводами представителей Временного правительства, что в их отсутствие решать земельный вопрос не следует. Эти доводы, изложенные депутатами Государственной Думы солдатам 1-й Армии Северного фронта, «внесли известное успокоение». Как вытекает из доклада вернувшейся 20 апреля с фронта в Петроград делегации офицеров и солдат, фронтовики 1-й и 2-й гвардейских дивизий просили довести до сведения военного министра и других инстанций, что «Деревня живет указаниями с фронта, которые единогласно сводятся к тому, чтобы до конца войны чужую землю не делить и не трогать». Общее собрание Армейского Комитета 8-й Армии в начале мая, отражая взгляды многих фронтовиков, также считало «нежелательной агитацию за немедленный раздел земель помещиков» и др.[16]

Таким образом, если все солдаты-крестьяне жаждали получения помещичьей земли и в этом вопросе были едины, то в способах осуществления своих стремлений у солдатско-крестьянской массы наблюдается свойственное ей колебание и различный подход к вопросу, подход, обусловленный спецификой территориального происхождения, национальных особенностей, степенью осведомленности, состоянием личного хозяйства, влиянием писем и т. п. Вся гамма оттенков солдатских взглядов в связи с их многоречивостью даже трудно поддается учету. Однако одно не подлежало сомнению — многие сотни тысяч солдат избрали путь дезертирства как способ возможности разрешения своих аграрных устремлений и как выражение антивоенного протеста, так как масса уже была не в состоянии вести дальнейшую войну. Если дезертирство и раньше имело место в русской армии, то после Февральской революции оно буквально потрясало и дезорганизовывало воинские соединения как фронта так и запасных частей. Уже 9 марта генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский направил предписание начальникам штабов фронтов о принятии безотлагательных мер по борьбе с дезертирством. А. С. Лукомский

[16] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. третья. М.—Л., 1927, стр. 31, 35, 36, 47 и др.; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2418, лл. 78, 78об.; Там же, ф. 2134, оп. 6, д. 3, л. 8.

подчеркивал, что в армиях за последнее время «наблюдается значительное дезертирство солдат» и что необходимо принять строжайшие меры путем устройства облав к задержанию бежавших и возвращению их в части.[17] Насколько вопрос был острым для армии, видно из письма Верховного главнокомандующего ген. Алексеева 16 апреля военному министру А. И. Гучкову. Генерал отмечал, что «дезертирство не прекращается» и что в армиях Северного и Западного фронтов только за 7 дней апреля дезертировало 7 688 солдат как с передовых позиций, так и из их запасных частей. Ген. Алексеев признавал, что «цифры эти явно и фактически значительно преуменьшены». Верховный главнокомандующий квалифицировал дезертирство как актуальный, «острый вопрос» и считал необходимым принятие решительных мер для прекращения дезертирства.[18] Однако в действенности «решительных мер» можно усомниться, если только за 11 дней мая из запасных прифронтовых частей Западного фронта бежал 2 931 солдат.[19] Генерал М. Д. Бонч-Бруевич считал, что в армии не досчитывалось сотен тысяч дезертиров и что из частей только Северного фронта за первые два месяца революции бежало более 25 тысяч солдат.[20] О массовости побегов из частей Западного фронта можно судить и по тому факту, что из задержанных дезертиров только на один 101-й тыловой этап фронта поступило с 20 марта по 16 мая 2 699 беглецов.[21] Массовое дезертирство наблюдается также на Румынском и на Юго-Западном фронтах. Так, в 11-й кавалерийской дивизии, расположенной в районе Пятра (Румыния) разнесся слух, что в тылу уже делят землю. Солдаты кричали: «Разделят землю, а нам ничего не останется. Надо уходить». Началось массовое дезертирство и из пехотных полков. Вагоны были переполнены бежавшими солдатами. На станции Шепетовка только 9 апреля было задержано 1 500 дезертиров.[22]

Части действующей армии стали остро ощущать нехватку солдат, так как прибывающие на пополнение маршевые роты из военных округов таяли в пути следования на фронт. Дежурный генерал XI Армии Юго-Западного фронта оповещал, например, Казанский военный округ, что маршевая рота 347 пехотного запасного полка, следовавшая эшелоном на фронт, «по пути разбежа-

---

[17] Революционное движение в русской армии. Сб. документов. М., 1968, стр. 30.

[18] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 8280, лл. 80, 81.

[19] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 57, л. 22.

[20] М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. Воспоминания, стр. 130.

[21] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 60.

[22] «Военная быль», № 108, январь 1971. Париж, стр. 33; «Военная быль», № 77, 1966, стр. 26.

лась». Из всего эшелона на фронт прибыло лишь 9 солдат и 3 офицера. Подобные явления наблюдались довольно часто.[23] Это относилось ко всем фронтам. Вместо 22-х тысяч солдат пополнения, которые должны были прибыть в 12-ю Армию Северного фронта за май 1917 г. фактически на фронте оказалось лишь 14 553 солдата. Из маршевых рот таким образом дезертировало около 34% их состава.[24] В результате подобных обстоятельств при военных округах появляются комиссии по борьбе с дезертирством. Так, на заседании 7 апреля подобная комиссия Двинского военного округа приняла решение о сопровождении маршевых рот до фронта членами полковых и ротных комитетов. Были предприняты также широкие агитационные меры. Подобные мероприятия наблюдались и в армиях, принимались соответствующие решения на армейских съездах и т. п.[25] Все эти мероприятия не смогли приостановить роста дезертирства как постоянного явления.

На рост дезертирства из армии определенное влияние оказывали письма родных, призывающие солдат к возвращению домой. В апреле Ставка так и отмечала, что в письмах к солдатам содержалось много призывов к оставлению фронта.[26] Петроградская военно-цензурная комиссия констатировала в начале мая, что с фронта и на фронт посылались письма, разжигающие аграрные страсти солдатско-крестьянской массы.[27] Какое впечатление производили письма на солдат и к каким выводам они приходили, может свидетельствовать характерное высказывание фронтовика, что воевать уже нельзя, так как дома «забрали всех коров, заставляют дешево отдавать хлеб, а за все, что надо крестьянам, дерут».[28] Крестьянки в письмах на фронт призывали своих родных, «чтобы бросали воевать и шли отстраивать хозяйство». Как свидетельствуют воспоминания многих крестьян, весной 1917 года в деревне (Калужская губерния) стала появляться «масса дезертиров со всех фронтов».[29] Волна дезертиров буквально дезорганизовала ж.-д. движение, явочным порядком заполняя даже санитарные поезда.[30] В конце апреля и в начале мая в связи с опубликованием нового перечня болезней, освобождающих от военной службы, вполне здоровые солдаты устремились с фронта

---

[23] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 52. См. также лист 89.
[24] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 79, л. 54, 54об.
[25] Там же, оп. 78, д. 44, лл. 2, 2об.; Там же, оп. 78, д. 37, л. 13.
[26] ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 33, л. 437.
[27] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1496, лл. 16, 20.
[28] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 144.
[29] 1917 год в деревне. (Воспоминания крестьян). М., 1967, стр. 143, 220.
[30] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 18.

и из запасных частей в далекий тыл. Началась вакханалия стихийных захватов пассажирских вагонов и санитарных поездов. Как гласил приказ Главковерха от 1 июня 1917 г. (№ 363) «Получилась позорная картина бегства целых масс почти здоровых и совсем здоровых с фронта, образовалась людская волна, заполнившая эвакуационные пункты и переполнившая госпитали даже таких центров, как Киев, Москва, Петроград...». Главнокомандующий обратился со специальным воззванием к солдатам и взывал к их благоразумию.[31] В результате хлынувшего потока дезертиров-симулянтов и их насилий стал усиливаться кризис санитарной службы армии. Врачебный персонал жаловался по инстанциям, что он «не имел возможности противодействовать против требования массы». В связи с этими обстоятельствами ген. Алексеев обратился к главнокомандующим фронтами, предлагая «сдерживать массы от захвата поездов и госпиталей» и вести беспощадную борьбу «против замаскированного, но столь же позорного дезертирства» солдат, не желающих возвратиться на фронт.[32] Протокол заседания Совета при Комиссаре Временного правительства по управлению верховной санитарной и эвакуационной части от 2 июня 1917 г. вскрывает картину волны замаскированного солдатского дезертирства. Как оказывается, число лиц, подлежавших эвакуации с головных эвакуационных пунктов накануне революции, исчислялось в среднем «около 57 тысяч в месяц». В марте 1917 г. это число эвакуируемых солдат повысилось до 85 тысяч, а в апреле при почти полном отсутствии боев дошло до 190 тысяч.[33] Таким образом, число ежемесячно эвакуируемых военных после Февральской революции повысилось более чем в три раза и состояло, вне всякого сомнения, из массы симулянтов-дезертиров.

Для воздействия на солдатскую массу и с целью приостановить волну дезертирства и побудить к возвращению в ряды армии уже бежавших военный министр А. И. Гучков обратился к солдатам с воззванием 7 апреля 1917 г., в котором указывалось, что массовое дезертирство находилось якобы в связи «с преступными воззваниями о предстоящем теперь же переделе земли». В воззвании отмечалось, что солдатская масса вводилась в заблуждение, что участниками аграрного дележа будут солдаты, находящиеся к моменту распределения земли внутри страны. Министр земледелия также поспешил опровергнуть циркулирующие слухи о пред-

---

[31] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 28, лл. 39, 39об.
[32] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 672, л. 126, 127, 127об., 128.
[33] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 160, л. 60.

стоящей в ближайшее время земельной реформе.[34] Эти меры Временного правительства в некоторой степени повлияли на мечущуюся солдатскую массу.

Убедившись, что в деревне до аграрного дележа не дошло, часть дезертиров из-за опасения репрессий нехотя потянулась обратно на фронт и в запасные полки. Оба эти потока солдат с фронта в деревни и из сел в свои части, сталкиваясь, создавали дальнейшие пробки, хаос и вносили дезорганизацию на железных дорогах страны.[35]

Железнодорожное сообщение и его графики особенно лихорадило после 15 мая — срока, назначенного командованием для возвращения в армию дезертиров и солдат-отпускников.[36]

О наплыве солдат в деревню дает нам представление записка Курмышского уездного Комиссара Симбирскому губернскому Комиссару от 21 апреля о текущем положении в уезде, где подчеркивалось, что «в деревне идет самое серьезное, самое горячее» и что туда «едут солдаты сознательные, полусознательные и те, кто что-то слышал».[37]

Дезертирство после Февральской революции приняло настолько широкие размеры, что оно попало в поле зрения и иностранных дипломатов. Уже 11 марта в телеграмме Бальфуру Дж. Бьюкенен с тревогой сообщал, что «многие солдаты покидают окопы». В своих мемуарах Дж. Бьюкенен отмечал, что «немало солдат самовольно уходит домой. В некоторых случаях их побудили к этому слухи о близком разделе земли . . . и желание быть на месте, чтобы обеспечить свою долю в грабеже».[38] Точно так же широкое дезертирство с фронта констатировал виконт Уцида в своей телеграмме в Токио, где коснулся и распространения аграрного движения в России. О дезертирстве с Румынского фронта писал итальянский посланник, а швейцарский посланник в Петрограде Одье в своей телеграмме в Берн от 18 марта связывал дезертирство с ростом аграрного движения и констатировал на фронте «многочисленные случаи дезертирства солдат, стремящихся возвратиться домой».[39] Невольно возникает вопрос, какова же была численность массы дезертиров, покинувших свои части? Это тем более

---

[34] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 35, л. 25а; С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года, стр. 388.

[35] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 6, лл. 24, 26, 27; И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Кн. шестая, стр. 397.

[36] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1022, л. 64.

[37] ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 12, лл. 6, 7.

[38] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., стр. 222; Красный Архив, т. 5 (24), 1927, стр. 117, 118.

[39] Красный Архив, т. 5 (24), 1927, стр. 116, 124, 125, 130, 133, 134 и др.

необходимо знать, что официальная статистика Ставки оставила нам сведения настолько заниженные, что вызывает законные сомнения. Как уже известно, сам Верховный главнокомандующий ген. Алексеев в своем письме А. И. Гучкову от 16 апреля подвергал сомнению сведения армейских инстанций о дезертирах.[40]

Видоизмененная таблица движения числа дезертиров по фронтам с начала войны по 1 августа 1917 года.

	Западный	Юго-Западный	Румынский	Северный
С начала войны до Февр. револ. 1917 г.	13 648	64 582	67 845	49 055
После Февр. револ. до 15 мая 1917 г.	24 700	18 921	16 576	25 724
С 1 мая по 1 июля 1917	14 200	18 167	8 254	6 228
Июль 1917 г.	9 552	19 366	3 924	4 395
Итого от Февраля до 1 августа 1917 года	48 452	56 454	28 754	36 347

Таблица движения числа дезертиров в запасных частях Северного и Западного фронтов с начала войны до 1. 8. 1917 г.[41]

	Запасн. части Север. фронта	Запасн. части Запад. фронта
С начала войны до Февр. револ.	30 598	10 922
После Февр. револ. до 15 мая 1917 г.	18 595	19 516
С 15 мая по 1 июля 1917 г.	370	8 952
За июль 1917 г.	800	4 256
Итого	50 363	43 646

Примечания к таблице. В видоизмененной нами таблице опущены сведения об армиях фронтов. Пропущены незначительные данные. Некоторые графы объединены и т. п.

Сведения Ставки о числе дезертиров за период после Февральской революции до 1 августа 1917 г. насчитывают по всем евро-

[40] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 8280. «Цифры эти фактически явно и значительно преуменьшены».

[41] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, стр. 26.

пейским фронтам 170 007 человек. Эти статистические данные безусловно во много раз занижены, так как командиры в ожидании возвращения ушедших солдат воздерживались от подачи верных сведений. На достоверность данных, сообщаемых по инстанциям, определенное давление оказывали и соображения служебного престижа, и на сообщенные командованию цифры дезертирства полагаться нельзя. Так, главнокомандующий армиями Западного фронта генерал Деникин в своем рапорте от 11 июня сообщает в Ставку, что «дезертирство с фронта почти прекратилось». В то же время Ставка получила сведения, что с 1 по 15 июня дезертировало из армий этого фронта 3 246 солдат, с 15 июня по 1 июля — 5 294 солдат.[42] Не подлежит сомнению, что многие начальники ожидали возвращения определенной части дезертиров. Как мы уже знаем, на фронт шел и обратный поток. Отсюда в сводках командования появилась графа «ушло-вернулось». Так, по сведениям Ставки с 3 по 10 июня с Северного фронта ушло 442, а вернулось 270 солдат, с Западного — соответственно 95 и 79[43] и т. д. Однако несмотря на пробелы в статистике Ставки, все же *тенденция* движения потока дезертиров по времени объективно в ней отражена. Так, Северный фронт с начала войны до Февральской революции насчитывал 49 055 дезертиров, а в первые весенние месяцы (март — первая половина мая) с его позиций ушло 25 724 солдата. Точно так же Западный фронт с начала военных действий и до революции лишился 13 648 бежавших солдат, а с момента революции и по 15 мая с фронта бежало 24 700 солдат. Румынский фронт оставило до революции 67 845 солдат, а в период только март — первая половина мая бежало 16 576 человек.[44]

Таким образом, самая высокая волна дезертирств приходится на период с начала революции до первой половины мая 1917 г. включительно. В силу специфических условий дислокации, наибольшее количество дезертиров, в процентном отношении, наблюдалось в запасных частях фронтов (см. таблицу на стр. 194). Полнота сведений Ставки о дезертирах страдает и в силу отсутствия учета по Кавказскому фронту. Хотя с Кавказского фронта было труднее бежать, как сообщало командование, «в силу отдаленности... от тылового района», все же и здесь дезертирство было проблемой дня. Об этом свидетельствует к примеру сообщение командования и Корпусного Комитета 4-го Кавказского корпуса

---

[42] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д.155, л. 284; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах), стр. 26.

[43] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 57, лл. 22, 22об.

[44] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах), стр. 26.

в начале мая в Эрзерум о задержании 160 бежавших солдат.[45] Протокол № 3 от 16. 5. 1917 г. Отрядного Комитета 7-го Кавказского армейского корпуса гласит, что «ввиду сильно увеличившегося дезертирства во всех частях Кавказской армии», Отрядный Комитет просит Армейский Комитет назначить специальных комендантов на станции и пункты, а также содействовать распространению соответствующих воззваний в частях.[46] О дезертирстве с Кавказского фронта и особенно из Кавказского военного округа свидетельствуют как приказ Исполкома Совета солдатских депутатов по Тифлисскому гарнизону от 13 марта, так и приказ ген. Юденича от 19 марта 1917 г., в которых констатируются дезертирство солдат, несвоевременная явка из отпуска, что приняло массовый характер, и говорилось о мерах борьбы. Солдаты бежали даже из далекой Урмии. В марте к командиру корпуса ген. Чернозубову были даже командированы уполномоченные по борьбе с дезертирством Шеншаев, Герцевадзе и Печорин.[47] В Эриванском районе, в тылу армии, дезертиры произвели ряд «беспорядков». Выступления дезертиров были настолько значительными, что представители Эриванского гарнизона требовали присылки 1000 солдат «для восстановления порядка и сопровождения дезертиров на фронт».[48] Как явствует из письма Главнокомандующего войск Кавказского фронта ген. Юденича от 27 мая на имя начальника штаба Главковерха, в пределах Кавказа скрывались «многочисленные» дезертиры с фронта. Много побегов было из частей 6-й Кавказской стрелковой дивизии (Эрзинджанское направление).[49]

По свидетельству довольно осведомленного И. Г. Церетели, в первые месяцы 1917 г. в стране насчитывалось 1,5 миллиона дезертиров. По сведениям военного министра, ген. Верховского, к середине сентября в стране было не менее 2-х миллионов бежавших из армии. Характерно выступление на 1-м Всероссийском съезде Советов представителя фронта Гомберга, который в своей речи сказал, что «вопрос дезертирства в марте-апреле приобрел характер какого-то грозного явления... Их (дезертиров. — М. Ф.) насчитывалось два миллиона».[50] Во всяком случае, не подлежит сомнению, если учесть не только прямые побеги, но и скрытое де-

---

[45] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 1124, л. 3; Там же, ф. 2300, оп. 1, д. 5, л. 9.

[46] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 6, д. 1, лл. 5, 5об., 6.

[47] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 420, лл. 153, 154; Там же, оп. 1, д. 176, лл. 1, 91, 92об., 95.

[48] ЦГВИА, ф. 21 68, оп. 3, д. 16, л. 8. Протокол Красокара № 3 от 28 апреля.

[49] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 338, лл. 1, 1об.; Там же, ф. 2168, оп. 1, д. 76, л. 2.

[50] И. Г. Церетели. Указ. соч., стр. 397; «Первый съезд Советов р. и с. д.», т. II, М.—Л., 1931, стр. 400.

зертирство симулянтов, и неявку из отпусков, число дезертиров несомненно переваливало за миллион, а то и более. Это была язва, которая разъедала армию и серьезнейшим образом подрывала ее боеспособность.

Фактическими дезертирами были и солдаты, занимающиеся членовредительством. В армии росло число солдат, ранивших себя в палец, т. н. «палечников». В 8-й Армии Юго-Западного фронта была даже образована специальная комиссия врачебного персонала и членов Армейского Комитета для освидетельствования ранений.[51] В судебных учреждениях русской армии за 1917 год хранятся многочисленные дела о саморанениях, свидетельствующих о массовом характере этого явления, бытовавшего в отчаявшейся, темной и политически незрелой прослойке солдат.[52]

Как находящихся на фронте солдат-крестьян, так и солдат гарнизонов тыловых округов весной 1917 г. крайне волновал вопрос о положении семей в связи с угрожающим характером продолжающегося развала их хозяйств, лишенных работников. Тревожные письма из деревни будоражили солдат. Под угрозу было поставлено весеннее обсеменение полей крестьянских хозяйств. Это обстоятельство в свою очередь приобрело общегосударственный характер. Стране и армии грозил голод. По существу русское командование в своем рвении перестаралось, и на фронте и в гарнизонах оказалось много лишних «ртов», оторванных непосредственно от своего хозяйства и далеко не так уж необходимых в армии. Министр сельского хозяйства А. И. Шингарев выдвинул резонное требование о снятии с фронта «миллиона ртов». Решение о временном увольнении 40-летних и освобождении из армии лиц старше 40 лет, дабы они поспели на весенние полевые работы, было таким спешным, что в Ставку это решение поступило почти одновременно с газетными сообщениями. Эта спешка была обусловлена и другим обстоятельством — массовым нажимом солдат. Как сообщал начальник Генерального Штаба ген. Аверьянов на совещании 1 мая в Ставке, в Петроград прибыло к этому времени свыше 500 человек в составе делегаций, которые, не удовлетворившись ответом ГУГШ на их требование о направлении на полевые работы 40-летних и полном освобождении из рядов армии лиц старше 40 лет, массово направлялись в Петро-

---

[51] Архив русской революции. Берлин, 1922, т. VI, стр. 41; Воспоминания ген. барона Врангеля, стр. 10; М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 114.

[52] ЦГВИА, ф. 2301, оп. 1, дд. 177, 178, 179 и мн. др.; Там же, ф. 2303. Корпусной суд 5-го Кавказского и 2-го Туркестанского Арм. корпусов, 1916—1917 и др.

градский Совет.[53] Главное Управление Генерального Штаба, Военное министерство и Петроградский Совет были буквально наводнены весной 1917 г. подобными письменными требованиями солдат и членов их семей, а также появлением в столице лавины делегаций и делегатов, и массовыми запросами, и ходатайствами земских сходов, советов и комитетов.[54] Так, солдат 402-го пехотного Усть-Медведицкого полка в своем ходатайстве в начале апреля настаивал на отпуске, т. к. дома «работать совершенно некому» и семье придется «погибнуть с голоду». Из деревни неслись жалобы, что «работа страдная уже начинается, а работников наших нету» и т. п.[55] Кроме того в ГУГШ, в его мобилизационный отдел обращалась бесконечная вереница делегированных солдат за получением разъяснений, справок и проч. Для предотвращения хаоса, Генеральный Штаб в лице полковника Саттерупа 31 марта оповестил части и просил довести до сведения солдат, что на полевые работы будут отпущены солдаты старше 40 лет по домам, в свои хозяйства, а часть остальных, уже из запасных полков, по усмотрению начальства, могут быть собраны в команды для временных сельскохозяйственных работ по указанию и распоряжению продовольственных комитетов.[56] Но это разъяснение уже вносило путаницу в вопрос об освобождении на полевые работы, так как говорило о солдатах старше 40 лет и не касалось сорокалетних. Только 5 апреля 1917 г. последовала телеграмма из Ставки во внутренние военные округа и действующие части, которая гласила, что на основании указания военного министра «в целях оказания помощи сельскому хозяйству» отпустить для полевых работ уже солдат 40 лет и старше по своим хозяйствам, заменив их людьми моложе 40 лет непригодных к строю. Ставка предлагала уволить из рядов армии 43-летних, а сорокалетним срок отпуска определить до 15 мая.[57] В частях царила путаница, и военные власти допускали противоречивые распоряжения, что еще больше будоражило массу, так как сроки отпуска предусматривались на один и полтора месяца без четкого указания сверху, для каких категорий они предусмотрены. В связи с этой неразберихой в Петроград в военное министерство в первой половине апреля и в

---

[53] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 146.

[54] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1565, лл. 118, 122, 123, 182, 185, 199, 242, 261 и др.; Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 1568, лл. 37, 72; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 67, лл. 1, 2 и др.

[55] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 67, лл. 38, 38об., 64 и др.

[56] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1565, л. 308.

[57] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, л. 2; А. Зайончковский. Кампанаия 1917 года. Док. приложение, стр. 141. «Увольнение 43-летних и отправка в отпуск 40-летних».

мае валом повалили делегации и отдельные делегаты от запасных частей военных округов и представители действующих частей. Делегации настойчиво требовали продления срока возвращения из сельскохозяйственного отпуска, так как предельный срок 15 мая совершенно не устраивал солдат, особенно это относилось к тем из них, которые были родом из северных губерний, где сев проводился до половины мая.[58] Вообще для Временного правительства и Ставки характерны шатания и в вопросе о сельскохозяйственных отпусках. В результате жалоб министерства путей сообщения о невозможности железных дорог справиться с перевозкой солдатских потоков, особенно в связи с отпусками сорокалетних и возвращением с фронта солдат возраста свыше 43 лет, Временное правительство на своем заседании от 12 апреля решило временно прекратить отпуска солдат из тыловых губерний. Из действующей армии был разрешен лишь отъезд в тыл по специальным поручениям командования, эвакуированным по болезни и отдельным целевым командам.[59] В связи с этим постановлением правительства во многих запасных частях начались волнения солдат, требующих продолжения их отпуска на сельскохозяйственные работы. Солдаты гарнизона г. Могилев-Подольска вынудили командира 48-го батальона «под угрозой насилия и ареста» выдать всем солдатам 40—43 лет удостоверения об отпуске. Подобные явления мы наблюдаем и в Киевском военном округе, где это движение за предоставление отпусков приняло угрожающие размеры. Убеждения командиров и Комитетов не действовали на массу. Как явствует из рапортов командиров, были неминуемы «самовольный уход и всевозможные эксцессы».[60]

Однако остановить ход борьбы за отпуска Временное правительство и командование уже не были в состоянии. Назревала другая опасность: солдаты требовали продления отпусков, а многие из них и не думали возвращаться в свои части, и по существу превращались в дезертиров. С другой стороны, солдаты многих особых команд, сформированных согласно инструкции Временного правительства, для производства сельскохозяйственных работ по указанию местных продовольственных комитетов, волновались и требовали их отправки по своим хозяйствам. Временное правительство, Петроградский Совет, Ставка и мобилизационный отдел ГУГШ снова наводнялись массой телеграмм, ходатай-

---

[58] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1566, л. 348.

[59] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1566, л. 357; Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 453, л. 145.

[60] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1567, лл. 270, 271; Там же, оп. 3, д. 1566, лл. 348об., 349 и др.

ствами Советов и Комитетов, сельских обществ, прошениями частей и крупных воинских соединений с просьбами и требованиями о продлении срока отпусков на с/х работы.[61] Не много помогло успокоению солдат и продление, под их нажимом, срока отпусков. Солдатам призывов 1897, 1898 и 1899 гг., что соответствовало 40—43-летнему возрасту, отпуска были продлены до 15 июня 1917 г. Солдатам же призывов 1895 и 1896 гг. (43-х летним) разрешалось оставаться в своих хозяйствах «до особого распоряжения».[62]

Все эти уступки со стороны Временного правительства происходили в накаленной атмосфере и обстановке массового открытого неповиновения в военных округах и отказа возвращения в свои части как отпущенных фронтовиков, так и запасных солдат. Гарнизоны сотрясались от волны митингов, отказов от несения караульной и строевой службы. Дезорганизации частей в округах содействовала активизация работы большевиков в гарнизонах. Так, в г. Астрахани Казанского военного округа мы наблюдаем массовое неповиновение командованию со стороны сотен солдат, которые отказывались нести строевую службу, подстрекаемые к этому большевиками — солдатом Судейновым и прапорщиком Калугиным.[63]

Почти двухтысячная толпа солдат-отпускников, вызванная в связи с окончанием срока отпуска, ежедневно с 15 июня собиралась на митинги в г. Бежецке Московского военного округа. На митингах солдаты выносили резолюции «не ехать по назначению». Митинги сопровождались, как гласили донесения гарнизонного начальства, «всевозможными бесчинствами». В город все время прибывали толпы дезертировавших из своих фронтовых частей солдат, которые также выступали с угрозами в адрес гарнизонных властей. В результате нажима митингующих солдат ушел со своего поста начальник гарнизона генерал Кононович. Свыше 300 солдат-отпускников 178-го пехотного запасного полка устроили в июне в г. Бежецке «угрожающую демонстрацию», не желая возвращаться в армию. Как гласило донесение гарнизонных властей, такие события были «ежедневным явлением».[64] Солдаты 42-го пехотного запасного полка в Мелитополе отказались ехать в составе сформированных команд на уборочные работы. Собравшись на митинг в количестве свыше 500 человек, они перешли к агрессивным действиям, избили полковое начальство и заставили вы-

[61] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1568, лл. 44, 52, 58, 63, 81, 120, 184 и др.
[62] Там же, оп. 3, д. 1568, лл. 216, 348.
[63] ЦГВИА, ф. 1720, оп. 14, д. 335, лл. 92, 93, 132 и др.
[64] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 48, лл. 3, 4.

писать себе отпускные листы на право поездки на сельскохозяйственные работы в свои хозяйства. Полковой комитет вызвал специальную команду и две ударные роты для наведения порядка.[65]

Особые солдатские команды для производства сельскохозяйственных работ стремительно сокращались в составе в результате самовольных отъездов солдат в свои хозяйства. Характерно в этом отношении положение в Московской губернии. В распоряжение Московского губернского Комитета было направлено военными властями 30 тысяч солдат для производства сельскохозяйственных работ. Однако это количество сократилось до 12 тысяч, так как остальные явочным порядком уехали в свои хозяйства.[66] На почве требований о продлении отпусков, а фактически полного нежелания солдат возвращаться в армию, волна неповиновений, митингов и даже самосудов прокатилась по всем военным округам России. Это мы наблюдаем и в Иркутском округе, в городах Красноярске, Ачинске и в целом ряде других местностей и запасных полках, вплоть до Закавказского военного округа.[67] В ряд гарнизонов в связи с ростом волнений Петросовет даже направил своих уполномоченных, как это было, например, в Сарапуле в 166-м пехотном запасном полку, куда прибыл член Исполкома Петроградского Совета Фокин. Подобные же «возбуждения» солдат мы наблюдаем и в гарнизоне Нижнего Новгорода и в других местах.[68] Приказ Военного министерства о возвращении солдат в свои части от 21 июня 1917 г. фактически не был реализован, так как под давлением массы на местах Советы, Комитеты и командование вынуждены были отпускать солдат. Военное министерство констатировало, что исполкомы местных Советов выносили решения о продлении отпусков, что шло вразрез с приказами военного министра. Военный министр предлагал обратиться по этому поводу с воззванием к местным Советам.[69] Даже командующий Московским военным округом полковник Верховский под нажимом волнующейся массы был вынужден распустить по домам своих 40-летних солдат.[70]

Многотысячная масса явных дезертиров и нежелающих возвращаться в свои части солдат-крестьян скапливалась в Петрограде, предъявляя требования к властям о своем освобождении от

---

[65] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 264, лл. 422, 423.

[66] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1566, л. 317.

[67] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, лл. 111об., 11, 115; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 66; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 56.

[68] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1566, лл. 42, 44, 45, 98 и др.

[69] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 14, лл. 293, 333, 241, 578, 636, 636об. и др.

[70] П. А. Половцев. Дни затмения, стр. 81. (Записки главнокомандующего Петроградского военного округа ген. П. А. Половцева).

службы в армии. Они поселились лагерем на Семеновском плацу столицы, разбились на роты (более 50 рот), и стали направлять в соответствующие инстанции свои депутации. Но так как власти от них отмахивались, солдатские массы перешли к устройству бурных митингов. Керенский отказывался разговаривать с этими делегациями. Однако Чернов вселил надежду в массы. Как вспоминает командующий Петроградским военным округом, эти солдаты основали на Семеновской площади «собственную республику».[71]

Эта дезертирская вольница на своих митингах постоянно выносила благовидные резолюции «о продлении отпуска», скрывая под благовидной формулой полное нежелание возвращаться в армию. Резолюции доставлялись в Таврический дворец, в Петроградский Совет.[72] До нас дошел интересный документ этой солдатской вольницы в Петрограде — «Протокол заседания представителей фронта и запасных полков» от 27 июня 1917 г., который дает сведения, из каких частей рекрутировались солдаты. 52 представителя этой вольницы собрались в Таврическом дворце. Они представляли, как гласит протокол, солдат отпускников 133-й пехотной дивизии, Уральской казачьей дивизии, 55-й артиллерийской бригады, 42-й и 168-й пехотных дивизий, 7 фронтовых полков и 16 пехотных запасных полков. Решение свидетельствовало, что вопрос о продлении отпусков необходимо распространить на всю армию и что солдатская масса якобы присоединяется к решению Петроградского Совета по вопросу об отпусках.[73]

Таким образом, движение солдат-отпускников свидетельствовало о глубоком кризисе управления войсками как в военных округах, так и на фронте, подрывало нормальный приток резервов в части, усиливало уже давно намечавшийся срыв подхода пополнений и рост дезертирства. Были очень ослаблены численно вспомогательные части (санитарные учреждения, дорожные, строительные, обозные и др.). Как констатировал главнокомандующий Западным фронтом на майском совещании в Ставке, «увольнение указанных нами категорий солдат очень ослабило нашу армию».[74]

Однако появление этой массы солдат в деревне было необходимо, так как несколько затормозило кризис рабочей силы в крестьянском хозяйстве, содействовало весеннему севу и в некоторой степени улучшило продовольственный баланс страны.

---

[71] Там же.

[72] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 24.

[73] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, л. 31.

[74] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 141; См. также подобное же мнение Ставки, ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 514.

Появление и приток в деревню этих категорий солдат, а также выздоравливающих, больных, увечных, дезертиров своим последствием имело и рост аграрного движения как в великорусских губерниях, так и в национальных областях страны.[75] При активном участии солдат проходили крестьянские съезды. В Сызранском уезде в борьбе за землю в первых рядах выступали солдаты, прибывшие с фронтов.[76] Солдаты-крестьяне 45-й запасной бригады создали в Сызрани «Крестьянский союз солдат», который выработал радикальный наказ о земле. Фронтовики повсеместно включались в аграрное движение.[77] Губернские комиссары Временного правительства жаловались на активную роль солдат в возбуждении населения против помещиков. Так, Орловский губернский комиссар сообщил, что солдаты 203, 188 и 74 запасных полков возбуждают «население против землевладельцев».[78] Мы уже знаем о действиях восставших солдат 163 пехотной дивизии Румынского фронта против помещичьих латифундий с вовлечением в эти акции и местного крестьянства.[79] Прибывшие на побывку солдаты убеждались, что на местах и не думают приступать к аграрным преобразованиям. Интересно в этом отношении письменное обращение к военному министру уполномоченных солдат Михайлова, Трофимова, Федотова и др. от имени 62-х прибывших в отпуск солдат в село Державин, Бузулукского уезда Самарской губернии. Уполномоченные солдаты писали, что сельские и волостные комитеты в связи с «приверженностью к местным дворянам и помещикам» не защищают интересы крестьянства. В связи с этим фронтовики просили военного министра дать указание об оставлении в каждом селе по одному солдату для защиты в местных комитетах интересов «бедных крестьянских масс».[80]

Свое недовольство неразрешенностью аграрной проблемы солдаты проявили участием в аграрном движении крестьянства во фронтовых и прифронтовых районах, где крестьянское движение по существу приобрело уже характер национально-освободительного движения, тесно связанного с земельным вопросом. В районах Северного фронта шла борьба латышских и эстонских крестьян за землю, находящуюся во владении немецких баронов.

---

[75] 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. М., 1967, стр. 35, 38, 87, 95, 131, 143, 186 и др.

[76] 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. М.—Л., 1929, стр. 118.

[77] Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах. Вып. 2-й. М., 1959. Сб. статей, стр. 126, 293, 296, 478 и др.

[78] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, лл. 66, 67.

[79] **Там же, оп. 78, д. 27, л. 15.**

[80] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 157, лл. 13, 14.

Командир 37 армейского корпуса ген. Сулькевич в начале мая в своем рапорте командующему 1-й Армией фронта М. А. Соковнину, говоря об участии солдат в аграрном движении, сообщает нам характерные сведения. Ген. Сулькевич указывал, что память о событиях 1905—1906 гг., о карательных русских экспедициях по просьбе баронов против крестьян «еще очень свежа в умах латышей и эстонцев». Эстонские и латышские крестьяне, по словам генерала, «подстрекали» русских солдат к выступлениям. В районе Валка и Вольмара — пунктах высадки прибывающих воинских эшелонов, шла постоянная агитация местных крестьян против своих немецких помещиков. Генерал М. А. Сулькевич отмечал, что «начавшееся аграрное движение в России находит вполне подготовленную почву для озлобления против немецких баронов... Беспорядки возникают почти всегда в тех усадьбах, где налицо их владельцы, которые являются живым олицетворением немца — врага и насильника над безземельным мужиком». Ген. Сулькевич отмечал в рапорте, что местные бароны Крюднеры с трудом спаслись «от преследования озлобленных солдат», которых не смогли сдержать как офицеры, так и комитеты.[81] Классовые противоречия в Прибалтике получили особую остроту, так как малоземельный и безземельный крестьянин особенно ощущал гнет царского самодержавия, а также и немецких баронов. В руках баронов находилось около половины всей земли Латвии. В основной провинции Латвии — Курземе — в руках помещиков, местных богачей и церкви находилось вместе более 98% всей земли. Около 8% сельского населения Видземе и Курземе составляли безземельные, главным образом сельхозрабочие. В провинции Латгалии в руках баронов и местных богачей находилось не менее 81% всей земли. Крестьяне середняки и бедняки составляли 70% всего крестьянства. При содействии солдат гарнизона Цесиса было конфисковано местными крестьянами имение Унгури.[82] Русские солдаты из состава 1-го армейского корпуса 1-й Армии, расположенного в районе Везенберга, требовали изъятия скота и лошадей у местных помещиков, говоря, что «в России у их семей все отобрано, а здесь стесняются с помещиками».[83] Собрание солдат гарнизона г. Тарту в Эстонии вынесло в апреле резолюцию об отобрании всех помещичьих земель без выкупа, немедленной передаче их в ведение земельных комитетов, не дожидаясь Учредительного

---

[81] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1611, лл. 96, 96об.

[82] Я. Каймынь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961, стр. 90, 91, 159.

[83] Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. документов. М., 1968, стр. 102.

Собрания. Эти настроения передавались солдатами местным крестьянам. Мы видим уже совместные аграрные выступления крестьян и солдат против помещиков.

Подобные же выступления отмечались в Сааремском и Эзем-ском уездах Эстляндской губернии в апреле. Солдатами совместно с крестьянами был арестован барон Эрнст Нолькен, которому крестьяне напомнили его деятельность в 1905 году. Были заключены под стражу и владелец имения Медель Одерт фон Поль, а также барон Буксгевден — «как местный барон и лицо немецкого происхождения». Солдаты активно содействовали агитации в деревне за немедленный раздел мызных земель. Крестьяне-эстонцы, съемщики барщинных участков, отказывались от феодального пережитка — отбывания рабочих дней. В Эстонии наблюдались аграрные захваты крестьянами в Сууре — Каармаской волости Сааремского уезда (имение Рандвере). Как доносил 28 апреля начальник милиции Сааремского уезда, «стоимость отбираемого инвентаря и семян определяет комитет при участии делегатов воинского Исполнительного комитета». По сообщению эстонской газеты «Кийр» от 23 мая 1917 года о выступлениях против помещиков в Выруском уезде, «солдаты поддерживают требование народа . . . русские солдаты гораздо более пылкие, в своих требованиях идут дальше, чем эстонцы».[84] Русские солдаты и матросы активно включались в аграрное движение крестьянства Латвии и Эстонии.

Точно так же национально-освободительный характер носило аграрное движение крестьянства Белоруссии и Украины. В Белоруссии, через которую проходил Западный фронт, все ее губернии — Минская, Могилевская, Витебская и часть Виленской — были охвачены широким аграрным движением, корни которого уходят вглубь истории этой страны. В Белоруссии создались огромные латифундии, главным образом польских, а затем русских помещиков, а подавляющая масса крестьян-белоруссов страдала от безземелья и влачила жалкое существование на своих неурожайных участках.

Вместе с революцией началось массовое движение крестьянства, сопровождающееся захватами участков, рубкой помещичьего леса, захватами сенокосов. Среди крестьян белоруссов царило большое возбуждение против помещиков-поляков. Крупнейший помещик А. И. Гребницкий был на волосок от гибели. Крестьяне совместно с солдатами подвергали помещиков арестам. Как писал по инстанции Витебский губернский комиссар, «всюду наблюда-

[84] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сб. документов и материалов. Таллин, 1958, стр. 87, 88, 89, 90, 97, 112, 135 и др.

ются эксцессы среди населения на аграрной почве». Аналогичные явления отмечались и в Минской губернии во всех ее уездах. Аграрное движение в Белоруссии приняло настолько острый характер, что в первой половине апреля 1917 г. председатель Совета министров кн. Львов обратился к Минскому губернскому комиссару с требованием начать борьбу с «самочинным разрешением земельного вопроса» крестьянами.[85] В эту борьбу активными застрельщиками вступили солдаты Западного фронта, в частности находящиеся в отпуску. Солдаты и матросы к примеру убеждали крестьян в Слуцком уезде (в районе 2-й Армии) «захватывать земли помещиков и делить их между собой».[86] Солдаты высказывались против сохранения собственности помещиков. Так, в начале мая солдаты полков 17-й Сибирской дивизии были крайне враждебно настроены против помещика кн. Радзивилла, требовали рубки его леса и выразили готовность «прийти на помощь местным крестьянам постройкой из него (леса) изб: уже два раза производили обыск в имении», сообщал в штаб Западного фронта ген. Веселовский. В Минской губернии солдаты участвовали также в арестах помещиков. Более того, они совместно с крестьянами принимали участие в смещении уездных комиссаров, что имело место в Пинском, Слуцком, Мозырском и др. уездах. Делегаты ряда войсковых выборных комитетов даже снабжали от имени этих организаций записками крестьян на право порубки владельческого леса.[87]

В конце июня 3-й батальон 515-го пехотного полка 129-й пехотной дивизии произвел полный разгром в имениях польских помещиков Скирмунтов в Пинском уезде. Помещики бежали. Для уговоров солдат штаб дивизии направил депутатов комитета, которые оказались бессильны прекратить разгром имений. Одновременно отмечается участие солдат в создании крестьянских организаций. Так, солдаты Дорогобужского гарнизона направлялись выборными солдатскими организациями в села для работы по созданию волостных комитетов. Штаб Западного фронта был наводнен жалобами помещиков, в которых подчеркивалась роль солдат, «пришедших с фронта с проповедью немедленного захвата всего у помещичьих классов». Главнокомандующий Западным фронтом ген. А. И. Деникин констатировал, что невозможно реагировать на все эти заявления. «Мы не в состоянии всем помочь» — подчеркнул генерал.[88]

---

[85] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Док. и материалы. Минск, 1957, т. I, стр. 151, 187, 260—266, 285, 286.

[86] Там же, стр. 185.

[87] Там же, стр. 274, 325, 368, 369, 370.

[88] Там же, стр. 375, 420, 427, 428.

Активную роль играли солдаты и в аграрном движении украинского крестьянства, которое в течение веков было объектом беспощадной эксплуатации польского феодала, а затем и русского крепостника. Здесь, на Украине, как справедливо отмечал М. Грушевский в 1917 году, «мотивы социального характера совпадают с национальными и тесно сплетаются с ними...». Экономическим последствием гнета русского великодержавника стало еще худшее, по сравнению с великороссами, обеспечение землей украинского крестьянства. Недостаток надельной земли значительная прослойка украинских крестьян пыталась в какой-то мере восполнить арендой земли и ничтожными ее покупками. Показателем тяжелейшего положения крестьян Украины было их переселение. За 20 лет с 1885 по 1904 год четвертую часть всего крестьянского переселения в азиатскую Россию дали 3 украинские губернии — Полтавская, Черниговская и Харьковская.

Рост цен на землю делал невозможным для бедного крестьянства покупку земли и в значительной мере аренду. В 1917 году 700 тысяч украинских хозяйств (15% всех хозяйств) были без посевов, а 20% крестьянских хозяйств (800 тысяч) имело от 1 до 3 десятин земли. В этом же году все помещичьи латифундии в 9 губерниях Украины располагали 13 млн десятин земли, или около 37% всей сельскохозяйственной площади Украины. Расхищение богатых земельных угодий Украины тесно связано с историей ее захвата русским царизмом. За 12 лет (по 1775 г.) Екатерина II раздала своим фаворитам около 4,5 млн десятин земли. Еще ранее, после Полтавского сражения Петр I щедрой рукой даровал огромные поместья Меньшиковым, Мусиным-Пушкиным и др. Граф Бобринский располагал на Киевщине 40 тыс. десятин, кн. Сангушко — 65 тыс. и т. д. Крупнейшие латифундии и очень значительное число менее крупных поместий с угодиями были собственностью главным образом поляков, русских или немцев. В то же время с 1860 года до начала 20 века численность крестьянского населения увеличилась на 86%, а его земельная площадь едва на 31%.[89] Таким образом, центральной проблемой украинской революции 1917 г. становился именно аграрный вопрос. Особенно тяжелым стало положение значительных слоев украинского крестьянства в связи с прифронтовым расположением ряда губерний Украины (Подольская, Волынская), что неизбежно было связано с проведением жестоких реквизиций и всяких повинностей.[90]

---

[89] Украинский вопрос. Изд. 3-е. М. 1917, стр. 141, 163.

[90] Український історик, № 3—4 (15—16). Мюнхен—Нью-Йорк, 1967, стор. 9, 11, 12.

В ходе революции все украинские губернии были широко охвачены крестьянским движением, в котором активное участие принимали русские и украинские солдаты как из действующей армии и гарнизонов, так и направленные на полевые работы. Подольский губернский комиссар жаловался в начале мая в штаб Юго-Западного фронта, что происходит систематическое посещение деревень и украинских сел солдатами с «депутатской повязкой», которые активно проповедывали «идеи захвата земли».[91] В прифронтовых местностях Волынской губернии наблюдаются сплошные захваты земель помещиков, что происходило при участии солдат. Об этом сообщал главный начальник снабжения Юго-Западного фронта Волынскому губернскому комиссару.[92] Появление солдат в селах Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, в Таврической и других приводило к тому, что украинские крестьяне «стали более решительно вести себя».[93] Роль солдат в украинской деревне отмечали и видные деятели украинской революции. В. Винниченко писал, что к Временному правительству в украинской деревне доверия не было, зато верили солдатам. «Никто не пользовался в деревне большим доверием, — подчеркивает В. Винниченко, — чем солдат».[94] Однако в первые месяцы революции активное аграрное движение украинского крестьянства и солдат было заторможено политикой Центральной Рады, украинских социал-демократов и эсеров. Как постановления Первого Украинского войскового съезда фронта и тыла в Киеве (5—8 мая), так и Первого Всеукраинского съезда в мае же задерживали решение первоочередного аграрного вопроса, откладывая его реализацию до будущего Украинского сейма и проч. Съезды категорически высказывались против явочных захватов помещичьих земель[95]

На Первом Всеукраинском крестьянском съезде, собравшем свыше двух тысяч делегатов, лидер Центральной Рады М. Грушевский всячески сдерживал и расхолаживал участников съезда и советовал им «мудро и спокойно обсудить земельный вопрос», но в то же время признавал, что неразрешенная земельная проблема является «основной для украинского крестьянства».[96] Это затягивание имело для Центальной Рады, украинских эсдеков и эсеров

[91] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 44.

[92] Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сб документов и материалов. Киев, 1957, т. I, стр. 412, 413, 434 и др.

[93] 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. М., 1967, стр. 193, 213.

[94] В. Винниченко. Відродження нації. Частина I. Київ—Відень, стор. 176.

[95] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, лл. 21а, 21б, 24; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. Док. приложение, №№ 11, 12, стр. 480.

[96] 1917 год на Киевщине, стр. 93.

роковые последствия, и в дальнейшем дало возможность большевикам оторвать от них украинского солдата и крестьянина.

Подготовленная почва для втягивания в аграрное движение солдат Румынского фронта имелась и в Бессарабии. Характерной особенностью аграрных отношений в Бессарабии являлось значительное обезземеливание местного крестьянства: 33,2% крестьян были лишены земли. О тяжелом состоянии бессарабского крестьянства свидетельствует количество земли, которым располагали местные помещики и крестьяне. Так, накануне первой мировой войны на 467 помещичьих имений приходилось 981 тысяча десятин земли, а на 208 тысяч крестьянских семей — только 808 тысяч десятин; 55 тысяч крестьянских дворов было лишено земли.[97] Естественно, в Бессарабии развернулось мощное аграрное движение. Солдатские комитеты содействовали тесным контактам солдат с крестьянами. Весной 1917 г. солдатские комитеты 112-й пехотной дивизии приняли решение «о наряде людей и лошадей» для запашки полей крестьян и претворяли это в жизнь даже в условиях боевой обстановки.[98] Армейский Комитет 8-й Армии оказывал покровительство крестьянству Буковины. На заседании от 7 июня 1917 г. Армейский Комитет принял решение о направлении в адрес комиссара Буковины выписки из протокола, в котором указывалось, что управление ведется здесь «с явно руссификаторской физиономией» и что необходимо оградить крестьянство от реквизиций и непосильных нарядов. Дивизионный съезд солдат-крестьян в Черновицах (25—28 июня) стал форумом для широких выступлений солдат по вопросу безвозмездного изъятия помещичьей земли.[99]

В сложной обстановке начавшегося в стране аграрного движения крестьянства, активного участия в этой борьбе солдат, значительная прослойка которых пошла по пути дезертирства, открылся в Петрограде 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов (4—28 мая 1917 г.). Представительство солдат на этом съезде было очень внушительным. 23 апреля Ставка дала указание, на основе которого действующая армия должна была избрать на съезд 640 делегатов. На съезде главенствовали эсеры. Из 1115 делегатов, прибывших в Петроград, 537 были членами этой партии. Кроме того, на съезде было 103 социал-демократа меньшевика и примыкавших к эсерам 4 народных социалиста и 6 трудовиков. 136 делегатов официально считали себя беспартийными. Из 329 депутатов, партийная приналежность которых была вначале не

---

[97] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 45, 46.
[98] ЦГВИА, ф. 2427, оп. 2, д. 217, л. 21.
[99] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 61, 63.

выяснена, вскоре выделилось около 20 человек, ставших на большевистскую платформу.[100] Преобладание эсеров на съезде определило характер всех его решений. Съезд высказался за продолжение войны и за наступление на фронте, против немедленной передачи помещичьей земли в руки крестьянства и отложил решение аграрного вопроса в стране до Учредительного Собрания. Выступивший на съезде Ленин рекомендовал крестьянству «организованно, через свои Советы крестьянских депутатов брать всю землю на местах немедленно».[101] Эсеры признавали, что призывы Ленина к немедленному захвату помещичьих земель произвели впечатление на делегатов съезда. Как писала эсеровская газета, «отдельные места речи Ленина вызывали возгласы одобрения и аплодисменты части зала. С большим трудом удалось председателю восстановить тишину в взволнованном после доклада Ленина собрании». В. И. Ленин в своей речи на съезде надеялся на поддержку со стороны всего крестьянства и фронтовиков, расчитывая на их интенсивную тягу к земле. Член президиума Крестьянского съезда эсер Гуревич, говоря о впечатлении на массу речи Ленина, писал: «Признаться, мы опасались, как бы почва не ушла у нас из-под ног».[102]

Хотя на данном этапе эсерам удалось провести свои резолюции, однако сделано это было путем туманных обещаний. Характерен в этом отношении доклад участника съезда, солдата 22-й армейской бригады Эфанова, который сказал солдатам: «Мы говорили в Петрограде дней шесть, да так и не сговорились, пока не явился министр земледелия Чернов, который сказал, что всю землю отберут без выкупа и разделят между трудящимися».[103] Это было обещание, а по существу эсеры Чернов, Авксентьев и «бабушка русской революции» Е. Брешко-Брешковская и др. тормозили проведение аграрной реформы. Это игнорирование аграрных устремлений русских солдат отмечал и противник в своих секретных обзорах положения в России. После Февральской революции, отмечается в обзоре, солдаты только и говорят о разделе помещичьей земли».[104] Подобная позиция эсеров в деле затягивания решения аграрного вопроса давала преимущество большевикам в борьбе за крестьянство и солдатскую массу. Роковой ошибкой

---

[100] Советы крестьянских депутатов и других крестьянских организаций, т. I, ч. I, М., 1919, стр. 132.

[101] В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 165.

[102] «Дело Народа», 24 мая 1917 г.

[103] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 180, 181.

[104] Kriegsarchiv. Neue Feldakten. 3 Armeekomando. Nachrichtenstelle, 1917, F. 582 dok. 1562.

и политической близорукостью эсеров и меньшевиков был тот факт, что они готовили крестьянскую армию к наступлению в условиях неразрешенного аграрного вопроса.

Одной из форм национально-освободительного движения в стране и в армии было стремление солдат различной национальности, в частности украинцев, латышей, эстонцев и др., к созданию своих национальных формирований. Тяга этих солдат к вступлению в национальные части была обусловлена и надеждой на осуществление их желаний перемещения на свою родину и на получение там земли.

Нарастание справедливой национально-освободительной борьбы трудящихся масс Украины в связи с неразрешенностью как национального, так и тесно связанного с ним аграрного вопроса, настоятельно требовало создания руководящего организационного центра. Эту миссию взяли на себя украинские политические партии, главным образом социалистические. Хотя между украинскими партиями и существовали разногласия, но они справедливо сходились на том важнейшем принципе, что «Без национального освобождения не может быть и освобождения социального». На этом базисе возникла 4 марта 1917 г. Украинская Центральная Рада.[105] Центральная Рада объединяла вначале на основе требований территориальной автономии Украины с обеспечением прав национальных меньшинств ряд организаций — таких как «Украинское научное общество», «Украинское технико-агрономическое общество», «Национальный украинский союз» и др. В президиум Украинской Центральной Рады вошли также такие известные украинские деятели как М. С. Грушевский (председатель), Науменко (зам. председателя), Д. В. Антонович и др. В дальнейшем Центральная Рада была пополнена виднейшими деятелями украинского национально-освободительного движения как В. К. Винниченко, С. А. Ефремов, Б. Мартос и др.[106] В марте, под идейным руководством Центральной Рады, происходит в Киеве Учредительное собрание украинцев-военнослужащих, которое решило открыть в городе украинский военный клуб и приступило к организации украинских войск. Вначале происходило добровольческое комплектование украинского полка имени Богдана Хмельницкого. Украинские социал-демократы созывали митинги солдат-украинцев Киевского гарнизона. 28 марта собрание солдат и офицеров — украинцев — принимает решение о необходимости создания украинской национальной армии. 15 апреля Центральная Рада вы-

[105] В. Винниченко. Відродження нації. Частина I. Київ—Відень, 1920, стор. 79.

[106] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, стр. 6, 74, 93 и др.

несла резолюцию о срочной необходимости сформирования 3-тысячного украинского полка в Киеве и предостерегла власти, что в противном случае возможны волнения в тылу и на фронте. В конце марта 17 украинцев-офицеров создают «войсковую раду» украинской военной организации.[107]

К 18 апреля 1917 г. в Киеве имелось ядро Украинского 1-го полка имени Б. Хмельницкого, создание которого проходило под лозунгом «Война до победного конца под знаменем Украины», а 20 апреля с.-д. Винниченко от имени Центральной Рады на бурном экстренном объединенном заседании Советов, посвященном вопросу об образовании украинских войск, всячески оправдывает формирование украинских частей и указывает на стихийный характер этого национального процесса. Областной съезд Советов большинством в 264 голоса против 4-х при 38 воздержавшихся высказался против создания украинских частей, так как это способствовало бы дезорганизации боеспособности армии. Руководство областного съезда решило поставить этот вопрос на фронтовой съезд, заранее зная, что там он будет провален. Крестьянская секция областного съезда 24 апреля высказалась за создание в России федеративной республики, за немедленное формирование украинских национальных частей в тыловых гарнизонах и за выделение солдат-украинцев в особые части.[108]

Против украинского национально-освободительного движения образовался единый фронт, начиная от русских националистов и вплоть до большевиков. Клуб так называемых «прогрессивных русских националистов» подчеркивал, что его знамя это «Великая Россия», а для «Малороссии» он милостиво допускал «областное земство с широкой компетенцией», государственным языком сохранялся русский. Стремлением этого клуба было «присоединение к державе Российской Царьграда и Прикарпатской Руси». Меньшевики и эсеры не только высказывались против образования украинского полка, но в своей резолюции Киевский областной комитет Совета призывал «к энергичной борьбе» с т. н. буржуазно националистическим движением и ратовал за сохранение государственного и экономического единства России. Председатель Киевского Совета рабочих и крестьянских депутатов эсер П. И. Незлобин, комиссар и командующий Киевским военным округом социал-революционер К. М. Оберучев с пеной у рта обрушивались на украинское национально-освободительное движение.[109]

---

[107] Там же, стр. 10, 16, 24, 36.

[108] Там же, стр. 42, 45, 51 и др.

[109] Там же, стр. 45, 63, 85, 107; К. Оберучев. В дни революции. Воспоминания участника Великой Русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919, стр. 93.

На заседании Киевского комитета РСДРП(б) Г. Пятаков выступил с призывом «начать настойчивую атаку против сепаратного движения». К нему присоединился Ватин, который предлагал «вести ожесточенную борьбу против украинского сепаратизма» и т. п. 5 апреля киевские большевики приняли решение «не вступать с украинскими социал-демократами ни в какие блоки» из-за стремления последних образовать якобы Украинскую федеративную республику. Еще 4 апреля на заседании того же Киевского областного комитета РСДРП(б) Г. Пятаков предложил при общем согласии «вообще не поддерживать украинцев», так как де «пролетариату это движение невыгодно». Более того, на этом же заседании большевики Г. Пятаков, А. Горовиц, Оболенский (Н. Осинский) вообще стали на великодержавные позиции. В качестве довода против украинского национально-освободительного движения они выдвинули тезис, что Россия без украинской сахарной промышленности, угля и хлеба «не может существовать». Составление резолюции Киевский комитет РСДРП(б) поручил комиссии в составе Е. Бош, А. Горовица, Н. Осинского и предложил руководствоваться положением, что организация большевиков должна вести борьбу «против удержания в руках государства других национальностей». Однако для отделения требуется плебисцит и не национальный, а обязательно территориальный. Для осуществления же этих антиукраинских положений большевики «будут противодействовать стремлениям Центральной Рады» и на насилие большевики ответят насилием. Как видим, это была камуфлированная программа борьбы большевиков со справедливыми требованиями национально-освободительного движения на Украине.[110]

Следует отметить, что враждебное отношение к этому движению наблюдается со стороны руководства большевиков почти всей Украины (Харьков, Донбасс, Криворожье, Екатеринославщина, Одесса и др.) и в частности в армиях Юго-Западного, Румынского и других фронтов.[111]

Мнимая защита В. И. Лениным прав украинского народа была по существу демагогическим приемом с его стороны и служила козырем в борьбе с Временным правительством, в то время, когда сами большевики стояли на великодержавных центристских позициях.[112]

---

[110] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 26, 104, 105.

[111] М. С. Френкин. Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и ее войсковых органов. См. Труды Московского Гос. Историко-Архивного института, т. 26, М., 1968, стр. 29, 30.

[112] В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 253, 254, 341, 342, 350—352 и др.

Центральной Раде, представляющей интересы широких народных масс Украины, приходилось вести борьбу за свои справедливые требования в условиях угроз и террора. Так, председатель Киевского Совета эсер Незлобин нагло заявлял, что «требование автономии — это удар в спину русской революции и что на всевозможные попытки ее выделения российская демократия ответит штыком».[113] Все же в борьбе с Временным правительством и враждебными партиями Центральная Рада и ее войсковые органы вышли победителями. Д. Дорошенко и М. Грушевский в период первых украинских войсковых съездов — как свидетельствует Дорошенко, — «пожалуй, не верили, что при помощи сугубо национальных лозунгов можно повести за собой народные украинские массы». Поэтому они, — продолжает Д. Дорошенко, — пытались «разжечь социальные аппетиты и стремления, дабы под их покровом провести в жизнь ... украинские национальные и политические требования». Д. Дорошенко не скрывает, что делалось это и с оглядкой на большевиков, дабы заполучить массы украинских трудящихся.[114]

Поэтому не случайно на повестке дня 1-го Украинского войскового съезда в Киеве (5—8 мая 1917 г.) фигурировал и жгучий для солдат-украинцев земельный вопрос. Съезд от имени миллиона, а по некоторым источникам свыше 1,5 миллиона солдат-украинцев потребовал создания украинских вооруженных сил, путем выделения в особые части всех украинцев в тыловых округах. Создание на 1-м Войсковом съезде Украинского войскового генерального Комитета при Центральной Раде связало в единое целое украинское войсковое движение и придало ему определенные организационные формы.[115] Характерной особенностью украинского войскового движения в русской армии являлось то обстоятельство, что в войсках как тыла, так и фронта еще до создания там национальных частей часто самочинно создавалась довольно широкая сеть войсковых украинских организаций. На всех фронтах, в частях с определенным количеством украинских солдат массово возникали войсковые Рады, «громады», «товарищества», «гуртки» (кружки), клубы.[116] Создание войсковых органов Центральной

[113] Велика Українська Революція. Матеріяли до історії відновлення української державности. Календар історичних подій. Нью-Йорк, 1967, стор. 9.

[114] Дмитро Дорошенко. Історія України. 1917—1923. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932, т. I, стр. 75, 76.

[115] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, лл. 21а—25; 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 64, 67, 68; Український історик, № 3—4 (15—16), Нью-Йорк—Мюнхен, 1967, стор. 69, 70; Постанови першого Українського Військового З'їзду. Видання друге. Київ, 1917.

[116] Павло Христюк. Українська революція. Кн. перша. Відень, 1921, стор. 22.

Рады особенно в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов, как и выделение украинских частей, сразу же наложило определенный отпечаток на весь ход революционного движения в армиях фронтов и в тыловых округах.

Формирование украинских национальных частей зачастую сопровождалось созданием отдельных украинских рад, которые устраняли здесь общевойсковые комитеты. В созданных под украинским флагом национальных частях масса солдат-украинцев смещала и неугодных ей командиров, которые шли вразрез с требованиями национально-освободительного движения.

Кроме созданного уже полка им. Б. Хмельницкого в Киеве, в котором несмотря на квоту командования в 500 человек уже находилось 3 400 солдат, вскоре (18. IV.) явочным порядком возникает добровольческий украинский полк имени гетмана Павла Полуботка, ядром которого являлись солдаты-украинцы Черниговщины и войсковая украинская часть, прибывшая из Пензы.[117] Полуботковцы были настроены крайне воинственно. Они требовали полного претворения в жизнь лозунга о самоопределении народов страны, так как этот лозунг, по их мнению, «оставался только на бумаге». Полуботковцы решительно восставали против «полусвободы».[118] Обвинения командующего Киевским военным округом в адрес полуботковцев о нежелании их следовать на фронт не вполне обоснованно, так как причиной этого был саботаж как Оберучева, так и командования в деле проведения украинизации частей. Полуботковцы соглашались следовать на фронт только под национальным украинским желтоголубым знаменем. Все же 14 мая из Киева на фронт был отправлен эшелон украинцев в числе 1 198 человек.[119]

Украинское национально-освободительное движение с поражающей быстротой охватило многие города страны, в гарнизонах которых находились солдаты-украинцы. Украинские солдатские митинги (вече) наблюдались в Харькове, Одессе, Екатеринославе, Умани и за пределами Украины — в Москве, Петрограде, Симбирске и в других городах, где создавались украинские «гуртки» и рады.[120] В конце марта в Петрограде имела масто внушительная украинская манифестация при участии свыше 20 тысяч солдат и

---

[117] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 85.

[118] Там же, стр. 67; П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 79, 80.

[119] К. Оберучев. В дни революции. (Воспоминания участника Великой русской революции 1917 г.). Нью-Йорк, 1919, стр. 97; 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 74.

[120] Український історик, № 3—4 (15—16), 1967, стор. 64.

гражданских лиц. Во главе украинских демонстрантов шествовал отряд кубанских казаков. Эта демонстрация украинцев в столице произвела большое впечатление, и многие органы прессы заявили, что украинский вопрос из числа академических стал неотложным вопросом дня.[121] В Царском селе очень большой процент гарнизона состоял из украинцев. Они требовали от властей создания украинского батальона. В Гатчине в артиллерийских батареях состав солдат был почти исключительно украинским. Все эти солдаты-украинцы почти поголовно бежали в Царское село для поступления в украинский полк. Предназначенная к отправке на фронт рота семеновцев состояла на 30% из солдат-украинцев.[122]

Уже 19 марта в Петрограде была создана Украинская Рада во главе с А. Лотоцким, а в Петроградском Совете возникла украинская фракция, возглавляемая социалистом-федералистом А. Я. Шульгиным. Бурный рост украинского национального движения безотлагательно поставил на повестку дня вопрос об организации власти на Украине и об упорядочении вопроса проведения украинизации армии. 12 мая Центральная Рада направила делегацию в Петроград, к Временному правительству, во главе с В. Винниченко. На вокзале солдаты-украинцы Преображенского и Семеновского гвардейских запасных полков выставили почетный караул для встречи делегации. Делегация вручила кн. Львову меморандум с требованиями из 9 пунктов. Документ этот включал акт об автономии, настаивал на участии украинцев в будущих мирных переговорах и выделение солдат-украинцев в отдельные национальные части и др. Вместо Керенского переговоры с делегацией вел полковник Туган-Барановский, который решительно высказался против проведения украинизации. Председатель Петроградского Совета Чхеидзе также категорически высказался против «украинских домагательств», так как, по его мнению, это означало «раздел России».[123] Как видим, Петроградский Совет и русская социал-демократия близоруко облегчили заигрывания большевиков с украинским национально-освободительным движением в силу своей глубоко ошибочной политики в национальном вопросе.

В связи с провалом петроградских переговоров, Центральная Рада и ее органы вынуждены были неизбежно поставить Временное правительство перед лицом совершившихся фактов. Та-

---

[121] Велика Українська Революція. Матеріяли до історії відновлення української державности, стор. 8, 9.

[122] Дни затмения. Записки главнокомандующего Петроградского военного округа ген. П. А. Половцева в 1917 г. Париж, стр. 158, 160.

[123] Велика Українська Революція. Матеріяли до історії, стор. 15.

ким актом явился первый универсал Украинской Центральной Рады к украинскому народу, в котором констатировался факт, что Русское правительство «отклонило все наши требования, оттолкнуло протянутую руку украинского народа», в связи с чем украинцы «сами будут строить свою жизнь» и т. д.[124]

И даже кадеты, которые в марте в своем центральном органе считали, что «вопрос украинский является в настоящее время одним из важнейших вопросов, стоящих перед русской демократией», после опубликования первого универсала Рады резко изменили тон и стали утверждать, что «еще одно звено германского плана разложения России приведено в исполнение» и рассматривали универсал как акт об отделении от России.[125] Как это ни парадоксально, кадетам вторили меньшевики. Их центральный орган тоже заявил об «отложении Украины», а эсеровская печать в унисон с ними рассматривает универсал как «удар Рады по революции».[126]

Г. В. Плеханов в своем печатном органе с тревогой заявил, что «Украинское движение принимает такой характер, который грозит страшными бедствиями всему русскому государству». Однако Плеханов возлагает ответственность за совершившееся и на Временное правительство, которое недостаточно внимательно отнеслось к требованиям украинцев. Г. В. Плеханов писал далее, что необходимо «одуматься, пока еще не поздно» и указал на необходимость компромисса.[127] Зато В. И. Ленин, сам убежденный централист, ловко использовал создавшийся кризис для демагогических нападок на Временное правительство и социалистические партии. «Ни один демократ, — писал В. Ленин, — не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полную законность украинских требований». В то же время лидер большевиков делает оговорку, сводящую на нет всю его поддержку украинцев. В. И. Ленин в этой же статье оговаривается, что большевики «не сторонники мелких государств».[128] В числе «мелких государств» у Ленина оказалась Украина с ее 40-миллионным населением!

Солдаты-украинцы Петроградского гарнизона и рабочие-украинцы Путиловского завода по призыву Петроградской Рады 26 июня устроили грандиозную манифестацию в честь опубликования Первого универсала Центральной Рады, в которой приняли

---

[124] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Док. приложение, № 14, стр. 482, 483.

[125] «Речь», 16 марта 1917 г.; Там же, 14 июня 1917 г.

[126] «Рабочая газета», 15 июня 1917 г.; «Воля Народа», 17 июня 1917 г.

[127] «Единство», 16 июня 1917 г.

[128] «Правда», 16 июня 1917 г.

участие украинцы запасных полков — Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Павловского, 2-го пулеметного и многих других, а также матросы гвардейского экипажа. В манифестации приняло участие не менее 30 тысяч человек. В Петроградском Совете украинцами была вручена петиция А. Р. Гоцу, в которую они включили требования о выделении украинцев-солдат в отдельные части, и чтобы маршевые роты украинцев направлялись на фронт по соглашению с Петроградской Радой. Руководитель манифестации прапорщик Падалка обратился к участникам этого грандиозного митинга с речью, в которой призывал к восстановлению украинского войска. Эти требования были вручены уполномоченными солдат-украинцев Временному правительству.[129]

Указанные требования солдаты-украинцы гарнизонов военных округов стали часто проводить уже явочным порядком. Украинцы-солдаты гвардии Измайловского полка Петроградского военного округа самочинно выделились в украинский батальон и потребовали от полкового комитета отдельное помещение.[130] Украинские солдаты поставили непременным условием своего ухода на фронт направление их только в составы украинских маршевых рот и непременно по соглашению командования округа с украинским военным комиссаром.[131]

В Омском военном округе в июне проходил съезд «от 5 000 организованных украинцев». Резолюция съезда требовала от военного министра немедленной их отправки на пополнение украинских корпусов Юго-Западного фронта.[132] Собрание солдат-украинцев Тамбовского гарнизона 17 июня вынесло решение об образовании украинского ударного батальона и дивизиона для «Защиты Украины с Россией». Председатель Украинской гарнизонной Рады подполковник Зелинский от имени украинцев-солдат направил соответствующие телеграммы в Московский военный округ и в Войсковой генеральный комитет в Киев. Президиум Тамбовского Совета поддержал эти требования украинцев.[133] Также в г. Самара (Казанский военный округ) в составе 130-го запасного полка был сформирован батальон украинцев, в Балашове — украинская рота, 2 такие же роты — в Корсуне и 4 — Николаеве. В Казанском военном округе в июне из состава 99-го пехотного запасного полка были отправлено 4 маршевых роты украинцев — 3 офицера и

---

[129] «Русская Воля», 27 июня 1917 г.
[130] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 43, л. 33.
[131] АВПР, Отдел печати и осведомления, д. 601, л. 26.
[132] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 146.
[133] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 90, л. 36.

1 450 солдат. Из состава 134-го пехотного запасного полка в июне же была отправлена украинская маршевая рота, с которой бежало «сверх комплекта» 94 солдата-украинца других частей, несмотря на уговоры командования полка.[134]

Самовольно была сформирована солдатами-украинцами кавалерийская часть в Александровском уезде Одесского военного округа. Солдаты-украинцы избрали своего командира этой части.

Зачастую в гарнизонах происходили жаркие схватки на собраниях, связанные с вопросом выделения украинцев. Так, в г. Царицине солдаты гарнизона разделились на две противоборствующие силы. 28 июня здесь взяла верх украинская ориентация, участники которой призывали к образованию чисто украинских маршевых рот для пополнения украинских по составу корпусов Юго-Западного фронта.[135] Также в г. Таганроге свыше 500 солдат-украинцев пехотного запасного полка потребовали от командования образования отдельных украинских рот. Солдаты решительно заявили, что на фронт они выступят только на пополнение украинских соединений.[136]

Ободренный таким массовым выступлением украинских солдат, Генеральный войсковой комитет Центральной Рады прилагал всяческие усилия для регулирования этого движения посредством своих местных органов. Генеральный войсковой Комитет прилагал много сил для заполнения маршевыми ротами 3-х корпусов Юго-Западного фронта (6, 17, 41-го). Еще в мае 1917 года на съезде делегатов Юго-Западного фронта было оглашено официальное сообщение командования о предполагаемой украинизации этих 3-х корпусов.[137] По указанию Генерального войскового комитета к этим трем корпусам в июне было в пути 138 эшелонов украинских пополнений. Однако Ставка коварно уклонилась от проведения украинизации указанных корпусов. В связи с этим обстоятельством Генеральный Комитет Центральной Рады задержал эти эшелоны от отправки на фронт. Так, при следовании через Харьков в действующую армию украинского батальона им. М. Грушевского местная украинская рада устроила митинг, на котором было принято решение об оставлении батальона в городе до получения нового приказа Центральной Рады.[138] В результате приказа Генерального войскового комитета Центральной Рады задержалось в пути более 30 тысяч солдат-украинцев, которые, до-

[134] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 16, 104, 106.

[135] «Русское Слово», 29 июня 1917 г.

[135] «Русские Ведомости», 29 июня 1917 г.

[137] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 99.

[138] «Русские Ведомости», 29 июня 1917 г.

веряя Центральной Раде и усомнившись в благих намерениях русских военных властей, стали массово оставлять эшелоны и расходиться по своим селам.[139] Таким образом, благодаря непоследовательности и политике зигзагов Временного правительства в национальном вопросе росла армия дезертиров. Солдатам-украинцам, как и их русским собратьям по оружию, уже давно опостылела война, но они охотно шли в украинские соединения, чтобы оказаться на родной земле, ближе к домашнему очагу и в тайной надежде получения панской земли.

Украинский Генеральный комитет делал отчаянные попытки к максимальной концентрации на Украине в запасных полках солдат украинцев, дабы это послужило основой организации украинской национальной армии. Однако Временное правительство и Ставка ставили всяческие преграды усилиям Рады и стремились к тому, чтобы гарнизоны на Украине оставались в своей основе русскими, а украинцы были в меньшинстве. Мало того, Ставка стремилась к тому, чтобы украинизированные части оставались вне пределов Украины во враждебном окружении. Вплоть до Октября ни одна из украинизированных частей не была переведена на Украину или в Юго-Западный и на Румынский фронты. Крупные и хорошо организованные украинские части Ставка умышленно держала на Северном фронте или на Кавказском, а запасные батальоны, где преобладали украинцы, намеренно размещала в великорусских губерниях, на Волге, в Закаспийской области, Сибири. По указанию Ставки украинские маршевые роты направлялись в русские войсковые части, давно утратившие свою боеспособность и дисциплину. Было много случаев, когда даже в пути следования маршевых украинских рот нарочито менялись их маршруты, а сами эшелоны направлялись на пополнение русских частей. Эти мероприятия были сознательной политикой Временного правительства и Ставки для ослабления украинских частей и создания преград при организации украинской национальной армии. Благодаря политике командования и ряда общевойсковых комитетов часто происходили столкновения между русскими солдатами и украинцами в связи с разжиганием в русской солдатской массе великодержавных настроений.[140]

Затруднения и помехи в деле создания украинской армии Временное правительство и Ставка поощряли не только из военных соображений, а главным образом по политическим мотивам сохранения централизованного российского государства. К сожалению, в этом вопросе русская революционная демократия вполне соли-

[139] «Український історик», № 3—4 (15—16), 1967, стор. 73.
[140] В. Винниченко. Відродження нації, ч. I, стор. 131.

даризировалась с русской либеральной буржуазией. Характерна в этом отношении позиция Петроградского Совета. В мае 1917 г. делегация Центральной Рады возбудила вопрос в Петроградском Совете о сведении всех украинцев-солдат в особые части в Петроградском военном округе. Совет решил для рассмотрения этого вопроса образовать особую комиссию уже для обсуждения национального вопроса «во всем его объеме», а «частный» вопрос о комплектовании национальных частей было решено передать на заседание Исполнительного Комитета Совета.[141] По существу это решение было ни чем иным как форменной отпиской. В июне, в связи с продолжающимся развалом русской армии, Ставка начала обращать свои взоры на украинцев, в частях которых дисциплина держалась на более высоком уровне. Уже на майском совещании в Ставке ген. Алексеев отмечал, что по сравнению с русскими войсками, национальные части — украинцы, поляки, латыши и др. — были более боеспособны и дисциплинированы. Генерал Алексеев отозвался даже с похвалой об оборонческих решениях украинского национального конгресса (6 апреля 1917 г.): «настроение украинского съезда самое благоприятное и под его постановлениями можно подписаться обеими руками».[142]

Все же несмотря на несомненные успехи проведения украинизации, Временное правительство и Ставка сумели резко затормозить концентрацию украинских солдат и создание украинской национальной армии на Украине, что имело неисчислимые последствия как для судьбы украинской революции, так и для поражения русской революционной демократии на Юго-Западном и Румынском фронтах и их обширных тыловых районах в борьбе с большевиками в период Октябрьского переворота. Украинская Центральная Рада так и не смогла создать на Украине свой сильный ударный кулак. Когда на украинском войсковом съезде (18 мая 1917 г.) один из его делегатов, а именно Резник, запальчиво воскликнул: «... Кто даст нам автономию Украины? А я спрашиваю — кто же ее нам не даст!?», он услышал вполне резонный ответ В. Винниченко, что «не следует забывать, что силы украинцев-военных разбросаны по всему государству».[143]

Украинское национально-освободительное движение через маршевые украинские роты и благодаря активной работе органов Центральной Рады все глубже проникало на фронт, где боевая

---

[141] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро. М.—Л., 1925, стр. 234.

[142] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 144; Дни затмения. (Записки Главнокомандующего Петроградского военного округа ген. П. А. Половцева), стр. 158.

[143] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 65.

обстановка не благоприятствовала созданию украинских частей и организаций в такой степени как это имело место в тылу. 8 апреля на Юго-Западном фронте органами Рады был создан внушительный митинг-вече солдат-украинцев. Вече вынесло решение требовать от Временного правительства национально-территориальную автономию с включением в состав Украины Буковины, Галиции и Кубани. На съезде солдат Западного фронта в Минске в апреле возникла Украинская фронтовая рада. Вскоре начались съезды украинцев в армиях фронта.

30 мая 1917 г. состоялся съезд солдат-украинцев 2-й Армии фронта. Была выделена Армейская рада в составе 14 человек. Но официальное признание эта рада получила лишь в августе.[143] Украинская войсковая рада была создана также на Северном фронте в 5-й Армии. Для Румынского фронта была создана рада в Одессе 26 апреля, во главе с врачом И. М. Луценко, которая осуществляла свои функции на фронте и в Одесском военном округе, Черноморском флоте. Фактически на всех фронтах создавались украинские рады.[144]

На Кавказском фронте украинское национальное движение началось в марте, когда в районе Трапезунда была создана «Украинская громада». Эта рада поставила своей целью включение в движение украинских солдат фронта и содействие украинизации частей в Трапезунде и по всему фронту. Рада стремилась украинизировать 5-й армейский Кавказский корпус, состоявший в значительной степени из солдат-украинцев. Это встретило враждебное отношение не только со стороны командования, но и получило резкий отпор в лагере русских социал-демократов и эсеров фронта.[145] В Трапезунде издавались «Вісті української громади». Однако препятствием в работе рады являлось рассеяние солдат-украинцев на огромном фронте. Успехи украинского движения на Кавказском фронте стали ощущаться лишь с сентября 1917 г.[146] По скудным сведениям, которые дошли до нас, можно судить о развороте украинского национального движения непосредственно во фронтовых частях.

На Юго-Западном фронте это движение охватило уже указанные нами 3 корпуса (6, 17, 41-й) а затем 34-й корпус. На Румынском фронте — 26-й корпус.[147] Многие действующие части Западного фронта также были охвачены украинским национальным

---

[144] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, л. 113.

[145] «Український історик», № 3—4 (15—16), 1967, стор. 68.

[146] Лев Биковський. На Кавказько-турецькому фронті. (Спомини). Денвер, 1968, стор. 62, 63, 65; «Трапезундский военный листок», 27 июня 1917 г.

[147] Труды МГИАИ, т. 26. М., 1968, стр. 32.

движением. Так, в 169-й пехотной дивизии 10-й Армии в 674-м пехотном полку, как доносило командование, «самовольно сформировался украинский батальон и расходиться не желает»[148] В той же 10-й Армии фронта в конце июня солдаты-украинцы 33, 34 и 36-го пехотных полков 9-й пехотной дивизии выделились в отдельные батальоны и, несмотря на уговоры начальников и членов фронтового комитета, настаивали на санкционировании командованием их выделения. Эта акция украинцев встретила враждебное отношение других частей. Дело доходило до того, что в некоторых ротах русские солдаты требовали удаления даже тех солдат-украинцев, которые не выделялись. В 33-м полку выделилось 1 200 солдат-украинцев и 27 офицеров, в 36-м полку — 1 064 солдат и 16 офицеров. Но вопрос о выделении не был улажен и в июле.[149]

Очередным этапом консолидации украинского национально-освободительного движения был 2-й Всеукраинский войсковой съезд 5 июня в Киеве, 2 500 делегатов которого со всех фронтов и военных округов представляли организованных 1 732 244 солдат-украинцев фронта и тыла. Этот съезд подтвердил все решения 1-го Всеукраинского войскового съезда и дополнил состав Воинского Генерального комитета. На этом же съезде была избрана Всеукраинская рада войсковых депутатов в количестве 132-х членов, которые являлись представителями фронтов. Так, от Юго-Западного фронта в состав этой рады входило 23 депутата, от Румынского — 12 и т. д.[150] На этом войсковом съезде был принят план украинизации армии на основе решений всеукраинских войсковых съездов и постановлений съездов многих украинских войсковых частей. По политическим соображениям Временное правительство и Ставка отказывались пока признать украинский план, так как он фактически сводился к созданию украинской национальной армии.

Эта политика Временного правительства и Ставки срывала планомерную украинизацию частей.

Конец июня, ознаменованный провалом наступления и дальнейшим ослаблением боеспособности русской армии и усилением политического брожения в стране, сопровождался вынужденными уступками украинскому национально-освободительному движе-

---

[148] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 170, л. 242.

[149] Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. документов, стр. 188.

[150] «Український історик», № 3—4 (15—16), 1967, стор. 72, 73; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 693, лл. 148, 148об. и др.

нию со стороны русских социалистических партий, кадетов и Временного правительства. Уже 20 июня Петроградский Совет на основе доклада М. Либера (Гольдмана) вынес решение, предлагающее Временному правительству искать соглашения с Центральной Радой в деле создания Украинского краевого органа и «удовлетворения национальных нужд украинского народа». Д. Дорошенко отметил, что выступление большевиков в начале июля и рост их влияния было грозным «memento» (помни) как для Центральной Рады, так и для Временного правительства. В результате было заключено известное соглашение между Центральной Радой и Временным првительством. Несмотря на неискренность, а то и саботаж военного министерства и Ставки в деле реализации соглашения, позиция Центральной Рады в армиях значительно укрепилась. Временное правительство впервые официально признало ее право на комплектование отдельных, исключительно украинских, формирований. Войсковые украинские организации на фронтах приравнивались к общеармейским, официально были признаны представители Центральной Рады во Временном правительстве, в Генеральном штабе, при Верховном главнокомандующем и т. д.[151] Хотя русское командование не проявило и теперь искреннего желания, как писал В. Винниченко, создать украинские формирования, все же в начале июля уже существовали официальные предписания Генерального штаба об отправке на фронт маршевых рот на пополнение украинских частей. Так, Генеральный штаб приказал командованию Омского военного округа срочно направить на Юго-Западный фронт сформированные в Новониколаевске украинские маршевые роты на пополнение полка имени гетмана Петра Дорошенко.[152]

Как уже созданные украинские формирования на фронте, так и лихорадочно сколачиваемые органами Центральной Рады части, летом и осенью 1917 года вносили новый элемент в революционное движение на фронте и на Украине. Украинский вопрос приобрел теперь общегосударственное значение. Это понимали и многие видные комиссары Временного правительства. Комиссар Северного фронта энес В. Б. Станкевич, говоря о создавшейся политической обстановке, отмечал: «... ясно чувствовалось, что речь идет уже не о двух фронтах — против немцев и против большевиков, но и по крайней мере о трех, так как национальный укра-

---

[151] «Летопись Революции», 1927, № 4 (25), стр. 91, 95 и др.; Д. Дорошенко. Історія України. 1917—1923 рр., стор. 117, 118; Велика українська революція. Матеріяли до історії, стор. 17, 18, 19.

[152] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 44; В. Винниченко. Відродження нації, стор. 197, 198.

инский вопрос сказывался очень сильно, даже заслонял другие вопросы».[153]

Национально-освободительное движение в Латвии в силу специфики истории этой небольшой страны в первую очередь стремилось освободиться от господства немецких баронов и немецкой буржуазии, захватившей все ключевые позиции в деревне и в городе. На борьбе с немецким засильем сходились интересы как латышской либеральной буржуазии и интеллигенции, так и безземельных и малоземельных крестьян и рабочих. Губернатор Видземе Келеповский в январе 1915 года сообщал в Петроград, что представители латышской интеллигенции «стремятся использовать момент для осуществления своих национальных интересов», так как латышское население «надеется занять те позиции, где немцы теряют свой перевес».[154] Достижение этих целей указанные нами социальные слои латышского народа видели в организации своих национальных частей. О борьбе за автономию Латвии до Февраля 1917 г. говорить не приходилось, так как силы были неравны, а царские власти и так подозрительно относились к стремлению латышей к созданию национальных частей. Генерал П. Курлов в письме ген. Алексееву, высказывая эти опасения, подчеркивал: «Считаю такое формирование с государственной точки зрения нежелательным и даже весьма опасным. По окончании войны, независимо от ее исхода, наличие таких национальных войск в стране, где разные части населения относятся друг к другу неприязненно, может иметь весьма серьезные последствия».[155] Несмотря на сопротивление придворных кругов и немецких баронов, русское военное командование в лице ген. Алексеева и Рузского, после ряда поражений русской армии на фронте, дало 19 июня 1915 г. согласие на организацию латышских частей. К концу 1916 г. существовало уже 8 латышских стрелковых полков. В декабре 1916 г. насчитывалось 35 тысяч стрелков и 1000 офицеров.

В социальном разрезе латышские полки состояли, главным образом, из батраков, беднейших малоземельных крестьян, рабочих, ремесленников, моряков, рыбаков и т. п. В 5-м Земгальском полку батраки и беднейшие крестьяне составляли 56% всех стрелков. Социальный состав Тукумского батальона в 1916 г. — 32,3% батраков, 27,8% ремесленников и рыбаков, 19,1% фабричных рабочих, 12,6% землевладельцев (крестьян) и 5,5% интеллигентов. В начале революции в возникшие комитеты латышских

[153] В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920, стр. 301.
[154] История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972, стр. 47, 48.
[155] П. Курлов. Конец русского царизма. П.—М., 1923, стр. 254.

стрелков были избраны в подавляющем большинстве представители латышской социалистической партии и национально-либеральных кругов. В подавляющей массе стрелков большевики еще не пользовались влиянием.[156] Воодушевленные национально-освободительными идеями стрелки латышских бригад в боях конца 1916 г. и в январе 1917 г. храбро сражались и потеряли около 37,5% всего состава.[157] Латышские стрелковые полки пополнялись не только значительным контингентом добровольцев, но и солдатами-латышами из русских войсковых частей, так как многие из них не знали русского языка и охотно переводились в национальные части на территории своей родины. Ставка поощряла эти переводы.[158]

После Февральской революции в качестве делегатов латышского запасного полка в Петроградский Совет были избраны К. Гайлис, Я. Вилис, Я. Ларозе.[159] Первые совещания делегатов латышских стрелковых полков состоялись в Валмиере 13 марта 1917 г., на котором единодушно было принято решение «вести войну против внешнего врага и свергнутого реакционного правительства». Здесь, на совещании, был выдвинут основной лозунг — требование о создании автономной Латвии в составе Российской демократической республики.[160] 1-й съезд латышских стрелков в Риге (27—29 марта) собрал 190 делегатов латышских частей — 176 стрелков и 14 офицеров. Подавляющее число делегатов состояло из беспартийных стрелков. Съезд принял резолюцию о продолжении войны до заключения мира без аннексий и контрибуций. Была также принята резолюция о поддержке Временного правительства, пока оно будет сотрудничать с Петроградским Советом. Съезд принял также решение о разработке проекта автономии Латвии. На съезде был создан Исполнительный Комитет Объединенного Совета латышских стрелковых полков — Исколастрел в составе 22 стрелков и 6 офицеров. В составе этого органа — 9 являлись членами с.-д. Латышского края, и из них 3 большевика.[161]

В связи с систематическим отклонением Временным правительством давно назревших социальных преобразований, и в част-

---

[156] Т. Драудин. Боевой путь латышской стрелковой дивизии. (1917—1920). Рига, 1960, стр. 31, 35, 36, 37, 77, 78, 80.

[157] История латышских стрелков. (1915—1920), стр. 91, 93.

[158] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 327, лл. 8, 9 и др.

[159] История латышских стрелков. (1915—1920), стр. 113.

[160] Я. Каймынь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961, стр. 79, 80.

[161] Там же, стр. 96, 99, 100, 101; История латышских стрелков, стр. 120, 121.

ности аграрного вопроса, началось революционизирование латышских трудящихся и особенно состава латышских бригад. Этому революционизированию стрелков способствовал проходивший в Валмиере (16—18 апреля) съезд безземельных крестьян Видземе, собравший 436 делегатов, которые состояли из сельскохозяйственных рабочих, крестьян-бедняков и стрелков. Здесь было выдвинуто требование конфискации помещичьего и церковного землевладения и принято решение об автономии Латвии в составе России. О резком поведении стрелков свидетельствует и резолюция съезда латышских стрелков от 17 мая 1917 г. с требованием передачи всей власти Советам.[162]

Это повеление было закономерным явлением, если учесть значение социального момента в жизни Латвии. Так, газета «Lihdums», касаясь вопроса автономии Латвии, требовала, чтобы при выработке проекта об автономии Латвии был принят во внимание не столько политический, сколько социальный момент, так как от «ненормальностей» социального строя страдает народ Латвии. Автономия Латвии, отмечала газета, должна гарантировать, что на место уходящего «черного барона» (немца) не придет свой «серый барон» (богатый усадьбовладелец).[163] В мае мартовское решение Исколастрела с его программой об «объединении солдат и офицеров на почве достижений общелатышских национальных идей», продолжения войны и поддержки Временного правительства стало уступать место призывам большевистской газеты «Zihna».[164] К концу апреля большевики уже шаг за шагом стали завоевывать позиции в национально-освободительном движении в Латвии путем выдвижения своих радикальных социальных и антивоенных лозунгов. Об этом достаточно наглядно свидетельствовала XIII конференция социал-демократии Латышского края, состоявшаяся в Москве 19—22 апреля 1917 г.

Почти все местные Советы рабочих и безземельных в Латвии работали к тому времени под руководством близким к большевикам организаций СДЛК. В апреле число членов СДЛК в латышских частях достигло уже внушительной цифры в 9 тысяч человек.[165] На съезде СДЛК в Москве в его резолюции из 11 пунктов говорилось уже о прекращении войны «революционным путем», об отказе от помощи Временному правительству, о пропаганде мира путем братания на фронте и о стремлении к заключению местного перемирия на позициях. Решения съезда предусматри-

[162] Октябрь на фронте. (Воспоминания). М., 1967, стр. 70, 71.
[163] АВПР, Отдел Печати и Осведомления, 1917, д. 599, л. 13.
[164] Там же, д. 599, л. 28.
[165] Т. Драудин. Боевой путь латышской стрелковой дивизии, стр. 101.

вали борьбу против Временного правительства и передачу власти Советам. Фактически апрельские тезисы Ленина нашли в этих решениях свое воплощение.[166]

Так, в результате политики проволочек Временное правительство теряло свои позиции и в латышских бригадах Северного фронта, находящегося на подступах к столице России.

На III съезде латышских стрелков, собравшемся 27 мая, большевистская установка имела успех, и 30 мая за известную резолюцию от 17 мая голосовало 185 делегатов, против 75. Таким образом, большевистская установка получила свое вторичное утверждение. Следует учесть, что теперь латышские бригады становятся оплотом большевиков на Северном фронте, в то время как в русских частях XII Армии большевики имели поддержку пока только в 17-м Симбирском и 436-м Новоладожском полках, а «Искосол» (Исполком Совета солдатских депутатов XII Армии) стоял на антибольшевистских позициях.[167] Командир 43-го армейского корпуса ген. Болдырев в своем донесении от 4 июня отмечал, что в 1-й латышской бригаде в районе Олайне стрелки «сплошь большевики»[168] В докладе помощника комиссара XII Армии от 17 июня Г. К. Минца на имя военного министра А. Ф. Керенского говорилось о большевистском влиянии в 109-й пехотной дивизии и особенно в 1-й латышской стрелковой бригаде, где усилились позиции Рижского Комитета СДЛК.[169] В конце июня и в начале июля в 1-й латышской бригаде, по донесению командующего XII-й Армией ген. Радко-Дмитриева, царило «разложение полное». Были случаи братанья ... усилилось дезертирство. Части отказались перейти в Вольмар».[170]

Так в ходе революции наиболее стойкие национальные части латышских стрелков, охваченные жаждой разрешения своих неотложных социальных проблем, теряли свою боеспособность и превращались в опору большевиков на Северном фронте, в сравнительной близости к Петрограду.

Создание эстонских национальных частей имело те же социально-политические мотивы, какие мы наблюдали в Латвии. 9 марта 1917 г. возник Таллинский Союз эстонских общественных организаций (Эстонский Союз, Эстонская лига, Таллинский эстонский союзы и др.), который объединял 34 эстонских общества с явно выраженными мотивами национально-освободительного движе-

---

[166] Газ. «Zihna» (Борьба). Петроград, 25 апреля 1917 г.
[167] Октябрь на фронте. (Воспоминания Т. Я. Драудина), стр. 70, 71.
[168] Красный Архив, т. 4 (23), 1927, стр. 262.
[169] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 44, лл. 15—17.
[170] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 196.

ния. Союз стремился к организации национальных воинских частей. 28 марта 1917 г. в Таллине собрались солдаты-эстонцы и после прений решили создать комиссию для обсуждения вопроса об организации эстонских батальонов.[171] В первых числах апреля в Петрограде, где находилось до 15 тысяч солдат-эстонцев, был создан Центральный Комитет по устройству эстонских воинских частей, который вскоре был утвержден Главнокомандующим Петроградским военным округом. 6 апреля в Таллине было избрано временное бюро солдат и офицеров эстонцев, в задачу которого вменялась организация эстонских национальных частей. 12 апреля военный министр утвердил положение об эстонских войсковых частях. По этому положению предполагалось создание 2-х национальных эстонских полков.[172] Эстонская печать в Петрограде и Таллине всячески поддерживала идею организации эстонских полков в целях обороны г. Ревеля и приветствовала их формирование из среды воинов-эстонцев, «желающих объединиться для обороны родного края».[173] Уже на первом этапе организации воинов-эстонцев против них обрушились с удивительной солидарностью Петроградский и Таллинский Советы и большевики.

Эстонская организация большевиков в Петрограде по явному указанию русских большевиков резко осудила и не пожелала участвовать в эстонской манифестации в Петрограде в пользу введения автономии в Эстляндской и в Северных уездах Лифляндской губернии, населенных эстонцами, так как это де отвлекает массы «от классовой борьбы». Конференция Северо-Балтийской организации РСДРП(б) в Таллине 16—17 апреля в своей резолюции резко осудила сформирование эстонских воинских частей под предлогом опасности обвинения в сепаратистских устремлениях, предостерегала от «печальной участи» латышских и армянских батальонов. Резолюция отмечала, что интересы революционных эстонских воинов были бы стеснены «узко националистическими интересами» и т. п. Больше того, Таллинский Совет в своем решении от 29 апреля принял постановление о необходимости расформирования эстонского полка, так как это может создать раскол в революционной армии и т. п.[174]

Как отмечала эстонская национальная печать в апреле 1917 г., например, «Ревельский Вестник», ожесточенная агитация против создания эстонских национальных частей велась с двух сторон.

---

[171] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сб. док. и мат. Таллин, 1958, стр. 63, 508, 509.

[172] Там же, стр. 504.

[173] АВПР, Отдел Печати и Осведомления, д. 599, л. 35.

[174] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, стр. 54, 84, 97.

С одной стороны последователи Ленина называли формирование полков «затеей буржуазии», преследующей «контрреволюционные цели», с другой стороны против образования эстонских полков в унисон с большевиками выступали русские буржуазные круги, которые усматривали в создании национальных частей стремление эстонцев взять в руки власть в крае и вытеснить русских из Прибалтики. В результате этих выступлений двух противоположных лагерей в русских частях усилилось враждебное отношение к солдатам-эстонцам, которые, по мнению русских солдат, уклонялись от отправки на фронт.[175]

Под воздействием Петроградского и Таллинского Советов, выступивших против создания национальных частей, Главнокомандующий Петроградским военным округом дал даже указание приостановить образование эстонских формирований. Бюро эстонских воинов в Таллине и полковой Комитет формирующегося в этом городе эстонского полка совместно выпустили листовку-протест против этого великодержавного решения. 7 мая военный министр Керенский, вопреки протестам эсеро-меньшевистских Советов, разрешил сформировать эстонский полк, однако вне Таллина. К середине мая 1-й эстонский полк был переведен в Раквере и стал ядром вооруженных сил будущей Эстонской республики. Между солдатами эстонского полка и большевиками в Раквере происходили систематические стычки в связи с враждебной позицией большевиков против национальных эстонских частей.[176]

Белорусское национально-освободительное движение безнадежно запоздало с созданием своих национальных частей. Первые белорусские войсковые части стали создаваться на Румынском фронте только в январе 1918 г., уже после захвата власти большевиками в стране и распада русской армии. Белорусские съезды армий всех фронтов тоже проходили с катастрофическим запозданием, которое дало возможность большевикам разгромить освободительное движение белорусского народа. Так, белорусский войсковой съезд Западного фронта был созван в Минске 18—24 октября 1917 г., на Северном фронте подобный съезд имел место в Витебске уже к концу ноября и т. п.

Хотя в марте 1917 г. на съезде белорусских общественных деятелей и был создан «Белорусский Национальный Комитет», но работа его протекала вяло, и вскоре возникла новая организация «Центральная Рада белорусских организаций и партий», которая становится центром белорусского национально-освободительного

---

[175] АВПР, Отдел Печати и Осведомления, 1917 г., д. 599, л. 85.

[176] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии, стр. 130, 504.

движения. Эти белорусские организации определили место Белоруссии в составе русской федеративно-демократической республики как национально-культурную самостоятельную единицу и как вполне автономную область. Однако как Белорусский Комитет, так и Рада совершили серьезнейшую ошибку, так как в разгар массового аграрного движения белорусского крестьянства в июне эти органы разрешение аграрного вопроса предоставили компетенции будущего Учредительного Собрания, оставляя за собой только вопросы способа распределения земли уже после решения этого всероссийского органа. В результате этих ошибок в Минском комитете крестьянского союза преобладание получили большевики, из-за чего Крестьянский Союз начал борьбу с белорусскими национальными организациями и даже под воздействием большевиков высказался против национальной автономии Белоруссии. О запоздалости деятельности белорусских органов свидетельствует и тот факт, что 1-й Всебелорусский конгресс, рассматривающий вопросы самоопределения Белоруссии и создания краевой власти, заседал только во второй половине декабря 1917 г.

В результате слабости белорусского национально-освободительного движения и, в частности, отсутствия в Минске белорусских национальных частей, большевики по указанию Совета Народных Комиссаров разогнали вооруженной силой Всебелорусский Конгресс. СНК демагогично обвинил Конгресс в желании создать в крае «сепаратно-параллельную националистическую власть и неподчинение существующей власти Советов».[177] Эти насильственные действия Совнаркома шли вразрез с волей солдат-белоруссов. Так, проходивший в 8-й Армии в январе 1918 г. съезд воинов-белоруссов, стоявший на платформе, близкой к большевикам, принял резолюцию о вхождении Белоруссии в состав России в качестве «автономно-федеративной единицы и создании белорусских социалистических частей».[178]

Все же в итоге белорусский народ оказался беззащитным перед лицом фактической интервенции большевистских центристов, только на словах признающих самоопределение народов.

В период первой мировой войны польский, как и украинский, вопрос был определенным политическим «козырем» в борьбе двух

---

[177] За дзяржаўную незалежнасьць Беларусіі. Дакумэнты. Матерыялы, собраныя і падрыхтованыя для публікацыі И. Касяком. Выданьне Беларусскай Цэнтральнай Рады. Лёндан, 1969, бач. 18, 19, 25, 26; Великая Октябрьская революция в Белоруссии. Док. и мат. Минск, 1957, стр. 359, 360.

[178] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 328, 329.

воюющих блоков: Австро-Венгрии и Германии с одной стороны, и России с другой. Создание польских и украинских частей эти государства использовали в своих политических интересах. Так, например, еще в 1916 г. австро-венгерское командование создало украинскую часть, боровшуюся против России. Это был 1-й полк украинских сичовых стрелков (УСС), состоявший на первых порах из 1 665 солдат и офицеров.[179] Общеизвестен факт создания польских легионов под руководством И. Пилсудского на стороне центральных держав. По указанию Ставки в России еще в 1916 г. в г. Чугуеве сформировался польский уланский полк. Уже при Временном правительстве из состава 5-го запасного кавалерийского полка в Балаклаве выделилось 150 всадников-поляков, которые решили присоединиться к польским уланам. Польские солдаты направили делегацию к А. Ф. Керенскому, которая вернулась с разрешением формирования уже 4-х эскадронного Польского Уланского полка. Он действовал на Галицийском фронте.[180] В июне в составе Западного фронта был создан 1-й польский корпус, в состав которого вместо расформированной по приказу ген. Брусилова дивизии была включена расшатанная 2-я Кавказская гренадерская дивизия.[181] В конце июня 1917 г. уже действующая в составе 7-й Армии Юго-Западного фронта польская дивизия, по сообщению командования, была «плохо настроена и небоеспособна», в дивизии числилось много перебежчиков к немцам. Эта польская дивизия была расформирована.[182] Процесс выделения польских национальных формирований на территории России сопровождался не только перебежками к немцам, но и острой социальной борьбой внутри создаваемых польских частей. Если польский запасной полк в Белгороде явно тяготел к большевикам, то в польских кавалерийских частях были заметны и реакционные тенденции. Так, польский уланский полк, находившийся на Румынском фронте в г. Дорохой, за участие в разоружении восставших русских солдат получил даже поздравительную телеграмму от Главковерха ген. А. Брусилова. Именно в расчете и на эту роль польских формирований в обстановке распада русской армии, ген. Корнилов доброжелательно отнесся к их организации и дал согласие на создание 1-го Польского корпуса под командованием архиправого генерала Довбор-Мусницкого.[183]

---

[179] «Український історик», № 3—4 (15—16), Нью-Йорк—Мюнхен, 1967, стор. 132.

[180] Журн. «Военная быль», № 84, Париж, 1967, стр. 38, 39.

[181] Революционное движение в русской армии, стр. 576, 111.

[182] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3804, л. 193.

[183] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 330.

Ген. Довбор-Мусницкий вел решительную борьбу против создания комитетов в 1-м Польском корпусе под благовидным предлогом, что польская армия как иностранная покинет Россию.[184] Специфика положения и поведения многих польских частей в составе русской армии определялась немаловажным фактором их стремления в этнографическую Польшу, оккупированную немцами, где находились семьи и родные солдат и офицеров польских формирований. Отсюда и отмеченная нами волна перебежчиков. Разгар работы по формированию польских национальных частей приходится уже на осень 1917 г. К этому времени в районе г. Бобруйска, на Западном фронте, был дислоцирован 1-й польский корпус (около 24-х тысяч человек). В Бессарабии, в районе Румынского фронта, размещался малочисленный (не более 10 тыс. человек) 2-й польский корпус и на Юго-Западном фронте, в районе Винница—Умань, 3-й польский корпус, который по своей малочисленности был скорее бригадой (несколько подразделений пехоты, 2 полка кавалерии — всего около 3-х тысяч человек). В польских частях, особенно в корпусе ген. Довбор-Мусницкого, преобладало явное влияние Антанты.[185]

Несмотря на ряд специфических явлений в польских национальных формированиях, они, находясь на территории России, подвергались однако неизбежному воздействию различных сложных факторов русской революции, и в свою очередь, как и другие национальные части, сами оказывали, как увидим в дальнейшем, определенное влияние на политическую обстановку в тылу и на фронте. В польских частях наряду с явно пробольшевистскими элементами действовали активные польские националисты и так называемые «нейтралисты».[186] Создание и дислоцирование на Украине польских формирований приводило и к столкновениям с украинским национально-освободительным движением. В апреле делегация украинского национального конгресса потребовала от прибывшего в Киев военного министра А. И. Гучкова вывода с Украины польских национальных частей.[187]

В крайне сложных политических условиях создавались национальные части на Кавказском театре военных действий, где в силу создавшихся исторических условий постоянно шло сложное противоборство отдельных национально-политических групп.

---

[184] В. Б. Станкевич. Воспоминания. (1914—1919). Берлин, 1920, стр. 148.

[185] Журн. «Военная Быль», июль 1967, № 86, Париж, стр. 40.

[186] Grosfeld Leon. Rewolucyjne polskie formacje na Wschodzie. W. 1956, str. 110—112; H. Bagiński. Wojsko Polskie na Wschodzie. W. 1921, str. 57, 78, 79, 120, 194, 327.

[187] Велика українська революція. Матеріяли до історії, стор. 12.

Из пестрой мозаики 20 различных народностей Закавказья, глубоко отличавшихся в экономическом, историко-культурном отношении, по социальному расслоению и по уровню политического сознания и зрелости, особо выделялись политически и организационно армяне и грузины.

Армянское население Закавказья представляло собой в социальном и политическом отношении дифференцированную среду, из которой представители широких масс интеллигенции и крестьянства входили в сильнейшую национальную партию «Дашнакцутюн». Куда меньшим влиянием пользовалась армянская социал-демократическая партия «Гинчак». Армянская либеральная буржуазия создала родственную русским кадетам национально-либеральную партию.[188] Наиболее активные элементы армянского национально-освободительного движения впитала в себя партия дашнаков, выросшая в борьбе за освобождение турецкой Армении. «Дашнакцутюн» охватил широкие слои армянского населения, вплоть до крестьянства и даже рабочих. Дашнаки стремились воссоединить области турецкой Армении с русской ее частью в единое целое, которое бы входило на федеративных началах в русское государственное объединение.[189] В связи с беспощадным геноцидом, проводимым турецкими властями на армянской территории Отоманской империи, поставившим армянскую нацию на грань полного физического истребления, массы армянского народа неизбежно должны были сплотиться для организации борьбы за свое существование вокруг дашнаков. В этом прогрессивная роль и историческая заслуга дашнаков.

Дашнаки вели себя сдержанно по отношению к Временному правительству, так как в ходе войны с Турцией Россия, в силу обстоятельств, являлась естественным союзником небольшой армянской нации в ее борьбе за существование. Теперь, после Февральско-мартовской революции, Временное правительство уже не могло руководствоваться коварными планами ген. Юденича колонизации турецкой Армении, особенно богатых Баязетской, Алашкертской и Диадинской долин, русско-казачьими элементами в обход армян. В начале июня министр-председатель князь Львов и министр иностранных дел Терещенко дали руководящие указания генеральному комиссару областей Турции, занятых по праву войны, дабы он принял меры к обратному заселению исконных армянских вилайетов — Ванского, Битлисского и Эрзерумского — уцелевшими от резни бежавшими армянами.[190]

[188] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 177, лл. 62об., 63.

[189] С. Е. Сеф. Революция 1917 года в Закавказье. Док. и мат. Тифлис, 1927, стр. 13.

[190] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 125, лл. 87, 87об.

Деятели армянского национально-освободительного движения уже в начале войны создали «Армянское национальное бюро», которое приступило к формированию армянских добровольческих дружин из среды беженцев из турецкой Армении и из числа армян, подданых русского государства. Было сформировано шесть армянских стрелковых батальонов.[191]

После Февральской революции в связи с продолжающимся общим процессом развала русской армии в том числе Кавказского фронта органы Временного правительства на Кавказе обращают свои взоры на национальные части с целью укрепления ими фронта. Председатель Особого Закавказского Комитета (Озакома) Харламов в своем письме от 26 мая 1917 г. на имя А. Ф. Керенского нарисовал печальную картину состояния Кавказского фронта, он «центрами оздоровления и усиления фронта» считал армянские батальоны, которые, по его мнению, необходимо развернуть в полки, так как «великий переворот не внес разлада в боевую мощь армянских батальонов». Это тем более необходимо, подчеркивал Харламов, что «Кавказский фронт после переворота представляет достаточно печальную картину с точки зрения упрочения начал молодой русской свободы. Здесь, так же как и везде, — продолжал Харламов, — идеи, провозглашенные русской революцией, неправильно понятые, привели к разрухе армии и к ослаблению фронта».[192] Ставка благосклонно приняла план Харламова, так как его предложение совпадало с намерениями русского командования на Кавказе. 19 июня 1917 г. последовал приказ Ставки о переформировании армянских стрелковых батальонов в полки 2-х батальонного состава. Этому приказу предшествовала и июньская депутация армян в Ставку во главе с полковником Барсенбеком и прапорщиком Тер-Огановым с ходатайством о дальнейшем количественном развертывании армянских воинских формирований. Военный министр считал даже вполне своевременным дальнейшее развертывание армянских полков и сформирование из них дивизии. В дальнейшем было дано разрешение на сформирование и армянской горной батареи.[193] В июле уже имелось 6 армянских стрелковых полков, которые дислоцировались в Каприкее, Хнысе, Баязете, Маранде, Ване и др. Летом 1917 г. происходило формирование маршевых рот из армян при 281-м запасном пехотном полку в Эривани.[194] С точки зрения оперативного руководства, до реорганизации 3-й, 4-й и 5-й армянские

---

[191] А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 23, 24.
[192] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 38, лл. 12, 13, 13об.
[193] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 338, лл. 16, 28, 42 и др.
[194] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 38, лл. 56, 72.

батальоны входили в состав 7-го Кавказского армейского корпуса, а 2-й армянский батальон в 4-й Кавказский армейский корпус.[195]

Создание армянских национальных частей как проявление национально-освободительного движения носило в целом необходимый и положительный характер с точки зрения национальной самозащиты. Однако в национально-освободительном движении на Кавказском фронте были и теневые стороны. Дело в том, что на обширных территориях Кавказского фронта накалялись межнациональные страсти, происходили столкновения и самочинные расправы, связанные с ужасами турецкого геноцида с начала войны. Доклад Следственной комиссии Исполкома Краевого Совета Солдатских Депутатов Кавказской Армии говорил об актах мести солдат 5-го армянского батальона против курдов у Вана (Баркли-Кале), где произошли бесчинства и убийства якобы в ответ на убийство 8 тысяч армян во время турецкого господства. 17 июня в Нижнем и Верхнем селениях Сор солдатами армянского батальона было убито в знак мести свыше 400 курдов. Комиссия пришла к выводу о «неприемлемости существования национальных батальонов». Выдвигалось даже требование о запрете деятельности национальных организаций в частях.[196] Подобные акции армянских стрелков вызывали ответную реакцию курдов.[197] В результате создания накаленной обстановки межнациональных столкновений Главнокомандующий вооруженными силами на Кавказском фронте ген. Пржевальский подписал 10 июня приказ о недопущении в частях национальных организаций.[198] В состав 7-го Кавказского армейского корпуса входил и айсорский батальон, солдаты которого тоже принимали участие в национальных столкновениях с курдами на почве мести.[199]

Национально-освободительное движение в Грузии было представлено противоборствующими социальными и политическими силами, борьба которых накладывала свой отпечаток и на ее национальные формирования, возникшие в начале войны под эгидой грузинского дворянства. Это были Тифлисская и Кутаисская грузинские добровольческие дружины с приданными им конными сотнями. Приказом по войскам Кавказской армии от 17 ноября 1915 г. дружины были переформированы в Грузинский батальон, комплектующийся военнообязанными грузинами. В 1916 г. Гру-

---

[195] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 43, л. 31; Там же, ф. 2168, оп.1, д. 93, л. 4об. и др.

[196] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 157, 158.

[197] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 129, л. 3.

[198] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 44.

[199] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 43, л. 31.

зинский стрелковый батальон был переформирован в Грузинский стрелковый полк. Конные сотни явились основой для образования в мае 1916 г. Грузинского конного полка. 30 июня 1917 г. при 5-й пехотной дивизии был сформирован и грузинский партизанский отряд. В ходе революции, по мере усиления классовых и национально-политических столкновений на Кавказе, Грузинский военный Союз пытался форсировать рост грузинских формирований, мотивируя это как внутренними, так и внешними причинами. Этот Военный Союз свои требования обосновывал растом «дезорганизации» и «отсутствием дисциплины» в Кавказской армии, «угрозой внутреннему порядку в стране», угрозой со стороны неприятеля и т. п.[200] После Февральской революции на грузинской политической арене сразу же выдвинулись местные социал-демократы (меньшевики), с которыми связали свои социальные надежды крестьяне, городская мелкая буржуазия и рабочие. Вождь закавказских большевиков С. Шаумян пытался сравнивать значение грузинских социал-демократов с ролью дашнаков. Грузинские меньшевики в ходе революции 1917 г. переживали процесс трансформации и расширения своей социальной базы.[201] Это происходило на фоне политических столкновений между с.-д. партией и грузинскими социалистами-федералистами. В Кутаиси, Гори и др. дело доходило до разгрома организаций социалистов-федералистов грузинскими меньшевиками. Эти столкновения переходили, как уже указывалось, в национальные грузинские части. За время войны возникло обособившееся течение национальных демократов (автономистов).[202]

Элементы азербайджанского национального освободительного движения оформились лишь в 1918 г. Как гласил доклад комиссара Кавказской армии в начале июля 1917 г. о мусульманах Азербайджана — они «политически ... почти еще аморфная среда. Почти феодальная власть помещиков-беков. Забитое сельское население почти целиком подчиненное мусульманскому духовенству и реакционно настроенному бекству». Азербайджанские беки очень опасались проведения аграрной реформы, которая угрожала смести их с политической арены в Закавказье. Слабая еще азербайджанская буржуазия, а главное беки, с тревогой взирали на процесс образования армянских и грузинских войсковых соединений, в которых они не без основания усматривали создание регулярных армий. Магометане Кавказа не отбывали воинской по-

[200] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 329, лл. 2, 11, 29, 47; А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 23.
[201] С. Е. Сеф. Революция 1917 года на Закавказье. Док. и мат., стр. 11, 12.
[202] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 177, л. 63.

винности, но среди них вели некоторую работу органы Всероссийского мусульманского съезда. Так, в июне в Тифлис прибыла из Москвы военная делегация Всероссийского съезда в составе представителей магометан-солдат ряда европейских запасных и татарских конных полков, которая созвала собрание тифлисских магометан.[203] Поскольку в кавказские части, как мы уже знаем, не допускались национальные организации, сюда проникали представители мусульманских национальных организаций под видом «благотворительных комитетов». Так, в 1-м армейском корпусе фронта действовал мусульманский благотворительный комитет, состоящий из 2-х офицеров и 12 солдат. Инициаторы этого Комитета обратились к командованию с ходатайством об организации сети мусульманских благотворительных комитетов в других корпусах Кавказской армии и в городах Сары-Камыше, Карсе, Александрополе, Еривани и др.[204]

Характер наемных войск носила сформированная еще при царизме Кавказская туземная дивизия, известная под названием «дикой дивизии», сыгравшая важную роль в период Корниловского движения. Дивизия была сформирована из отсталых в политическом отношении добровольцев-горцев Кавказа, командный состав которой почти сплошь состоял из феодальной верхушки народов Кавказа и Закавказья. Дивизия состояла из Черкесского, Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского, 1-го и 2-го Дагестанских конных полков и других частей.[205]

Национально-освободительное движение народов Поволжья и Приуралья возглавляла в рассматриваемый нами период татарская либеральная буржуазия, которая располагала наиболее опытными политическими кадрами и оформленными политическими организациями. В Казани была организована близкая по своей платформе к кадетам организация «Иттифаке муслимим». Она являлась инициатором создания возникшего в начале марта 1917 г. в Казани мусульманского Комитета и формирования военных организаций (военные шуро). В марте же возник мусульманский военный Комитет. В начале мая в Москве проходил 1-й Всероссийский съезд мусульман, на котором было 900 делегатов. Кроме руководящего татарского ядра здесь были представлены национальные мусульманские организации Закавказья, Приуралья и др. На съезде было представлено и более радикальное национально-демократическое направление, оформленное в Мусульманский

---

[203] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 177, лл. 62об., 63, 63об.; газ. «Кавказ», 13 июня 1917 г.; С. Е. Сеф. Революция 1917 года в Закавказье. Док. и мат., стр. 13.
[204] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 424, л. 158.
[205] А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 24.

социалистический союз (МСК) с его лидерами М. Вахитовым и Г. Сейфутдиновым. Этот союз представлял всю левую часть национально-освободительного мусульманского движения от демократической интеллигенции и вплоть до левых эсеров и большевиков. Съезд потребовал политического устройства России на национально-территориальных федеративных началах. На съезде было создано Всероссийское Милли Шуро (Национальный Совет), и вскоре возникло Всероссийское Харби Шуро (Военный Совет).[206]

На европейских фронтах и в военных округах после проведения Всероссийского Мусульманского съезда стали возникать мусульманские национальные организации. В начале июня в Петроградском военном округе уже действовал «Совет солдатских депутатов мусульман Петроградского гарнизона», который обратился в Исполнительный Комитет Петроградского Совета с ходатайством о допущении его представителей в части в целях «успокоения» солдат-магометан, с которыми члены комитета будут беседовать «в духе платформы большинства Совета». Этот орган определял количество солдат-мусульман в Петрограде и его окрестностях в 4 283 человека. Совет организовал во всех полках Петроградского гарнизона, а также в Гатчине, Царском Селе и в других местах свои бюро. Для непосредственной защиты интересов солдат-мусульман Комитет выдвинул прапорщика У. Токумбетова и 2-х солдат в Петроградский Совет. В Башкирии, еще ранее, 14—17 апреля в г. Уфе состоялся 1-й Губернский мусульманский съезд, образовавший Губернское Милли Шуро (Национальный Совет). В мае представители солдат татар и башкир Уфимского гарнизона образовали Мусульманское военное Шуро (Совет). Вскоре появились национальные организации и среди солдат-чувашей и марийцев. Подобные явления наблюдались в Белебеевском, Стерлитамакском и других гарнизонах.[207] В действующей армии мусульманские национальные организации возникают позже. Так, в 3-й Армии Западного фронта в июне действовало «Мусульманское исполнительное бюро» этой армии. Исполнительное бюро обратилось в Армейский Комитет 3-й Армии о принятии его в состав Общевойскового Комитета с правом решающего голоса. Однако Армейский Комитет допустил представителей этой мусульманской организации с правом совещательного голоса. Мусульманские военные организации были и на других фронтах, в частности на Румынском.[208]

---

[206] И. И. Минц. История Великого Октября, т. II, стр. 526, 527.
[207] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966, т. 2, стр. 27, 28.
[208] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 45, л. 73об.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 370.

Более активно протекало национально-освободительное движение крымских татар, имевшее славные традиции в прошлом. Это революционизирование крымских татар имело под собой серьезную социальную подоплеку. В результате политики царского самодержавия шел процесс разорения и обнищания татарского крестьянского населения и резкое ухудшение экономического положения крестьянства, составлявшего основу населения полуострова. Татары и в национальном отношении составляли большинство населения Крыма. К моменту революции основная масса татарского крестьянства, около 50%, была безземельной или пополняла местную бедноту. История Крыма знает многочисленные восстания крымских татар — в 1780, 1808, 1880 и в другие годы. Среди татарского населения Крыма возникали различные национально-революционные течения, ставившие себе целью освобождение Крыма от национального гнета. В период Февральской революции и вплоть до января 1918 г. особую популярность среди крымского крестьянства приобрела партия «Милли-фирке», в которой значительную роль играла национально-революционная интеллигенция.[209] 2 тысячи солдат-татар Симферопольского гарнизона в конце июня отказались от следования в составе маршевых рот на фронт и приступили к формированию Крымского мусульманского батальона, пополняя ряды пешего эскадрона Крымского конного полка. Командование Одесского военного округа, куда входила и территория Крыма, забило тревогу, так как выделение солдат-татар привело к затруднениям в отправке других маршевых рот на фронт.[210]

В ходе революции национально-освободительное движение в татарских т. н. «эскадронных» частях приняло более острые формы и привело к столкновению с большевиками в Ялте, Феодосии, Евпатории и других местах. После Октября большевики стали бороться с национально-освободительным движением крымских татар при помощи миноносцев.

Специфические черты имело еврейское национально-освободительное движение в России, которое несло большой урон в результате усилившегося распыления еврейского народа в ходе войны по всей территории страны, включения его преобладающих сил в количественном и качественном отношении в общерусское русло политической деятельности от кадетов, меньшевиков и эсеров и вплоть до большевиков и анархистов включительно. Тормозом в росте этого движения являлись и такие факторы, как

---

[209] «Революция и Национальности», № 1, май 1930, стр. 105, 106.

[210] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 336, л. 4; Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 569.

неблагоприятно сложившаяся в условиях рассеяния социальная структура еврейского народа, лишенного своей территории и вкрапленного незначительной прослойкой в чужие и часто враждебные ему национальные организации (русские, поляки, украинцы, латыши, белоруссы и т. п.). После Февраля 1917 г. слабость еврейства как нации была очевидным фактом. Вытекающая из его социальной структуры разноголосица в еврейских политических партиях, враждующих между собой и создавших пеструю гамму взаимоисключающих политических установок, мнений и взглядов, приводила в итоге к распылению их сил. Даже сионисты, логично стремившиеся к необходимому синтезу социального и национального моментов в борьбе за создание еврейского государства на его исторической родине, не были избавлены от внутренних противоречий.

Мелкобуржуазное городское мещанство составляло в 1917 г. 67,2% еврейского населения России, тончайшая прослойка еврейских крестьян-колонистов не превышала 2,1%, фабрично-кустарные рабочие — 3%, ремесленники — 9,3%, чернорабочие — 6,9%, крупная и средняя буржуазия — 4,9%, либеральные профессии (ителлигенция) — 3,1% и т. д.[211]

О радробленности политических партий еврейства России говорит модус их представительства в оргкомитете по созыву еврейского съезда. В организационный комитет входило 9 сионистов, 3 поалейсиониста, 4 представителя от объединенных социалистических партий, 3 от «фолькспартей» (народная партия), 5 от Бунда, 4 от ортодоксальных групп, 2 от так называемых народных групп, 2 от «демократических групп», 2 от Народной партии (Дубновисты). Кроме того, в состав оргкомитета входили беспартийные Грузенберг, Брауде, Крайнин, Ан-ский и депутат Государственной Думы Фридман.[212] Еще задолго до войны охранка отмечала, что «сложна и запутана сеть национально-политических течений, пересекающих 6-миллионную массу еврейского народа». «Если прибавить к этому, — продолжала охранка, — факт несомненного участия евреев во всех общеполитических партиях, то станет понятной необыкновенная политическая чувствительность и интенсивная политическая деятельность, отличающая жизнь еврейского народа в России...».[213] Эта политическая активность евреев вытекала и из факта многолетних преследований и ударов, обрушивавшихся на их головы со стороны царизма. В царской

---

[211] ««Еврейская рабочая хроника», № 2 (8), 7 мая 1917 г. Орган Поалей Цион.

[212] «Разсвет», № 4—5, 6 августа 1917 г.

[213] «Еврейское Слово», № 5, 10 марта 1918 г.

России не было национальности, которая бы так преследовалась, как евреи. Это признавал и В. И. Ленин: «... ни одна национальность в России так не угнетена и преследуема, как еврейская».[214] В ответ на непрестанные преследования и политику погромов лучшие представители еврейства втягивались в политическую борьбу. Ленин в январе 1917 г. писал, что ненависть царизма направлялась в особенности против евреев. «С одной стороны, — отмечал Ленин, — евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати ска- отмечал Ленин, — евреи поставляли особенно высокий процент представителей интернационального движения по сравнению с другими народами».[215] Однако, несмотря на подобные признания, В. И. Ленин отказывал еврейскому народу в праве на создание своего государства на его исторической родине. Он обрушивался даже на куцые и жалкие требования Бунда о национально-территориальной автономии. Ленин возражал против еврейской школы. Вождь большевиков с обычными для него увертками стоял за полную ассимиляцию еврейского народа и за растворение его в русской национальной среде.[216] Ленин и большевики в национальном вопросе недалеко ушли от кадетов, которые также в принципе стояли за ассимиляцию русского еврейства, по существу не признавали евреев в качестве нации. Когда речь шла о национальном вопросе кадеты мгновенно правели и забывали о своей либеральной фразеологии, что нашло свое отражение в их позициях по финляндскому и украинскому вопросу после Февраля 1917 г. Эти ассимиляторские убеждения партии Народной Свободы крепли ввиду наличия в кадетской среде евреев-ассимиляторов из среды еврейской либеральной буржуазии и потянувшейся к кадетам определенной части евреев-обывателей, которых пугал растущий большевизм и анархия. Один из известных лидеров кадетов еврей Винавер даже возглавлял ряды антисионистов и стал председателем т. н. Еврейской Народной группы.[217]

Как указывала еврейская пресса, кадеты «тактически... всегда уклонялись от еврейского вопроса по мотивам непопулярности, несвоевременности...».[218] Меньшевики и эсеры были далеки от

---

[214] В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 161.

[215] Там же, т. 30, стр. 323.

[216] Там же, т. 7, стр. 121, 245; т. 8, стр. 28, 74; т. 23, стр. 376; т. 24, стр. 122, 123, 126, 174, 175 и др.

[217] М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Сб. статей. Париж, 1937, стр. 178, 184; «Разсвет», № 3, 23 июля 1917 г.

[218] «Еврейская жизнь», № 12—13, 27 марта 1917 г.

поддержки еврейских общенациональных требований о создании своего государственного очага в Палестине. Г. В. Плеханов резко отрицательно относился к бундовцам, демагогически обвиняя их в сионизме. Плеханов говорил о бундовцах, что «они те же самые сионисты, не говорившие о Палестине только потому, что боятся морской качки».[219] Эсеро-меньшевистское большинство Петроградского Совета в марте отвергло просьбу социалистов-сионистов и партии Поалей-Цион об участии в работах Исполкома Совета. Было признано «невозможным» дать им представительство. Еврейским же социалистам (серповцам) в общем представительстве в Петроградском Совете вообще было отказано.[220] Впоследствие в мае 1917 г. в Исполком вошел сионист Б. Н. Бейтельмахер в качестве товарища секретаря.[221]

Если сионисты были так слабо представлены в Петроградском Совете, то общее число евреев, входящих в общерусские партии как и представители других наций (например, грузины и др.), здесь было несоразмерно большим по сравнению с их численностью в стране. Способные, талантливые, обладающие организационными способностями и опьяненные свободой, они высоко вознеслись на гребне революционной волны. Говоря о составе Исполкома Петросовета энес В. Б. Станкевич отмечал, что «поражающей чертой в личном составе Комитета является значительное количество «инородческого элемента». Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы — были представлены совершенно несоразмерно их численности в Петрограде и в стране». Станкевич однако подчеркивал, что эти «инородцы» выражали в то время настроение русских солдат и рабочей массы. Ведь солдаты Бинасик и Завадья, члены Петроградского Совета, были избраны всем гарнизоном. Однако факт этого несоразмерного представительства в Совете, в особенности евреев, сам по себе имел, по мнению Станкевича, громадное влияние на складывание общественных настроений и симпатий.[222] Главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Половцев, явно не отличавшийся демократизмом, сетовал, что ему «очень обидно, что после революции не русские люди являются народными руководителями, а множество евреев и грузин, вроде Церетели, Чхеидзе». Половцев же констатировал рост антисеми-

---

[219] С. Агурский. Еврейский рабочий и коммунистическое движение. Минск, 1926, стр. 14.

[220] Петербургский Сове т рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. М.—Л., 1925, стр. 19, 20, 63.

[221] «Еврейская жизнь», № 20, 21 мая 1917 г.

[222] В. Б. Станкевич. Воспоминания. (1914—1919). Берлин, 1920, стр. 194, 195. Дни затмения. (Воспоминания П. Н. Половцева), стр. 134.

тизма в стране.[223] В конце апреля 1917 г. в выделившемся из Исполкома Петроградского Совета его руководящем бюро из 24 членов 10 были евреями.[224] Из 134 членов Исполнительного Комитета Петроградского Совета евреем по национальности, по нашим подсчетам, был 31 делегат.[225]

На 1-м Всероссийском съезде Советов (в июне), названном русской реакцией «жидовским съездом», в списке избранных членов ВЦИК от фракции с.-д. меньшевиков, по нашим подсчетам, евреи составляли не менее 24%, в списке членов ВЦИК эсеров — 10%, у большевиков — более 31%, от фракции объединенных с.-д. — свыше 37% и т. д.[226]

Политические деятели-евреи, которые, как выражался архиреакционер В. В. Шульгин, «поползли вверх» в общерусских партиях в период революции, чувствовали и понимали, что они, несмотря на их служение народу, не пользуются симпатиями народа в лице солдат, крестьян и рабочих, воспитанных веками в ненависти к еврею. Они не отличались политической последовательностью и принципиальностью и вели наивную, страусовую политику, меняя свои еврейские на «благозвучные» русские фамилии. В этом отношении всех перещеголял видный деятель Петроградского Совета, редактор «Известий», впоследствии большевик Ю. М. Нахамкес (Стеклов), который еще при царе подавал «всеподданейшее прошение» о переименовании фамилии, мотивируя это якобы ее «неблагозвучностью». Большевистская пресса дипломатично обходила этот вопрос, а другие газеты иронизировали по поводу столь беспрецедентной «непримиримости большевика в самый разгар революции». Еврейская печать прямо указывала, что большевик Нахамкес «старался скрыть ... свое происхождение, словом своего Нахамкеса».[227] Насколько сильны были антиеврейские настроения в массах свидетельствует отказ А. Р. Гоца от предложенного ему портфеля министра внутренних дел. Как писал В. М. Чернов, Гоц «сослался ... при этом главным образом на свое еврейство, способное стать ему поперек дороги и будить российские страсти».[228]

---

[223] Дни затмения. (Воспоминания П. Н. Половцева), стр. 134.

[224] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы, стр. 357.

[225] Там же, стр. 361—362.

[226] Ген. А. И. Спиридонович. История большевизма в России. Париж, 1922, стр. 339; Первый Всероссийский съезд Советов и с.-д., т. II. М.—Л., 1931, стр. 422, 423, 424, 425, 473—475.

[227] «Единство», 18 мая 1917 г.; «Еврейская жизнь», 21 мая 1917 г.; «Разсвет», № 4—5, 6 августа 1917 г.

[228] В. М. Чернов. Перед бурей. (Воспоминания). Нью-Йорк, 1953, стр. 315.

Когда В. И. Ленин после захвата власти при конструировании Совнаркома потребовал, чтобы Л. Д. Троцкий (Бронштейн) стал во главе Комиссариата внутренних дел, Троцкий возражал и, как он сам писал, «стоит ли . . . давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство».[229]

Без учета антиеврейских настроений в широких массах и назревающей обстановки погромов невозможно уяснить ход еврейского национального движения в стране и в армии. Как в Петрограде так и в провинции велась активная антисемитская агитация. На заседании Междурайонного Совещания райсоветов Петрограда в начале лета 1917 года было «прежде всего отмечено явление, общее для всех районов». «Всюду и везде», — гласит протокол, — выступают различные подозрительные лица с антиеврейскими призывами. Антисемитская агитация, — подчеркивалось в протоколе, — велась и путем воззваний. Во 2-м городском районе столицы распространялись анонимные прокламации, требующие устранения из ЦИК «пятнадцати евреев». В Коломенском районе звучали открытые призывы к погромам, а в других — собирались шайки громил. Все это происходило на фоне усиления пьянства, охватившего массы.[230] В мае на заседании бюро Петроградского Совета рассматривался вопрос о мерах борьбы с пьянством. Пресса сообщала, что как в Петрограде так и в многих других местах России наблюдается рост пьянства, а на его почве — насилия и погромы. В иногородний отдел Петроградского Совета поступали тревожные сведения с юга о готовящихся погромах. В марте, мае, июне и июле этот вопрос о готовящихся погромах не сходил с повестки дня.[231] На заседании бюро ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов от 29 июня было заслушано сообщение об антисемитской агитации, особенно в южных и северо-западных губерниях. Бюро постановило послать в эти места 15 членов ЦИК в целях «энергичной борьбы». В Москве, Киеве, Кишиневе, Минске, Витебске, в Одессе и на их периферии, в губерниях Бессарабской, Волынской, Подольской, Херсонской создалась тревожная погромная обстановка. Кроме старых, испробованных обвинений в ритуальном убийстве, добавились новые, модернизированные — об участии евреев в «контрреволюционной» организации, покушающейся на Керенского, как это было в Мин-

---

[229] Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930, стр. 63.

[230] Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов, т. III. М., 1966, стр. 270; «Известия», 19 июля 1917 г.

[231] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний, стр. 22, 57, 68, 199, 233, 261 и др.; «Известия», 16 мая 1917 г.

ске, и т. п. В Киеве в антисемитских бесчинствах принимала участие известный провокатор по делу Бейлиса — Вера Чибиряк. 13 июня в Москве, в Марьиной Роще, на открытом митинге после целого ряда речей большевиков один из них, неискушенный в политике, но превосходно знающий психологию толпы, для убеждения слушателей стал доказывать, что меньшевики продались буржуазии и объединились с «жидами-социалистами». «Жиды, — кричал оратор, — гибель для дела пролетариата».[232] Положение было настолько серьезным, что борьбе с волной антисемитизма посвятил свою резолюцию 1-й Всероссийский съезд Советов р. и с. д. Этот документ констатировал, что многовековое бесправие евреев в России способствовало антисемитской травле, успевшей пустить яд человеконенавистничества к евреям в широкие народные массы. Антиеврейская агитация велась часто под радикальными лозунгами и «представляет огромную опасность и для еврейского народа и для всего революционного движения. Требуется самая энергичная борьба с подавлением в зародыше антиеврейских выступлений». Съезд призвал все местные Советы вести неустанную работу в целях борьбы с антиеврейской травлей.[233]

Несмотря на указанную нами обстановку, все же Февральская революция дала мощный толчок к активизации национально-освободительного движения русского еврейства, а происки реакции содействовали его консолидации, в том числе евреев-воинов в армии.

9—11 мая 1917 г. в Киеве состоялось областное совещание представителей еврейских общин и культурно-просветительных учреждений Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний в составе 460 делегатов. Это совещание фактически охватило общины всей Украины. Преобладающее большинством голосов областное Совещание приняло (против 36 голосов Бунда) резолюцию о созыве предварительной Всероссийской конференции для выработки программы Всероссийского Еврейского съезда и о необходимости включения в повестку дня требования на будущей мирной конференции о гарантии гражданских и национальных прав для евреев всех стран, и в частности для преследуемого еврейства в Румынии. Резолюция Киевской конференции включала и требование рассмотрения на мирной конференции вопроса о создании еврейского автономного центра в Палестине. Выступления бундовцев и социалистов-тер-

---

[232] «Разсвет», № 1, 9 июля 1917 г.; «Еврейская жизнь», 23 апреля 1917 г., 30 апреля 1917 г. и др.

[233] «Разсвет», 9 июля 1917 г.

риториалистов вызвали ряд крупных инцидентов в ходе этого совещания. Лидер бундовцев Рафес ратовал за необходимость освобождения «от гегемонии сионистских и националистических утопий». Сионисты в свою очередь обвиняли Бунд в том, что последний несет ответственность за погромы 1905 г. Поскольку сионисты составляли большинство, в принятой резолюции говорилось о необходимости объединения всего еврейства «вне всякой зависимости от классовых интересов и политической окраски». Резолюция выдвигала требование персональной автономии еврейскому народу и о создании Всероссийского еврейского представительного органа.[234] Еще ранее, 4 мая, заседала сионистская конференция в Киеве, делегаты которой представляли сионистские организации большинства украинских губерний. Здесь подчеркивалось, что сионисты, в отличие от других еврейских партий, преследующих исключительно классовые интересы, стремятся стать «объединением всего народа для борьбы за приобретение государственных атрибутов на почве Палестины». На конференции был констатирован факт, что гражданское равноправие и падение «черты» неминуемо вызовет территориальные передвижения еврейства и что оно будет способствовать его распылению, разбросанности еврейских масс.[235]

Вскоре в местах скопления еврейского населения стали возникать сионистские организации, которые создавались не только в таких крупных центрах как Петроград, Москва, Киев, Одесса, Екатеринослав, Баку, но и в Могилеве, Минске, Гомеле, Конотопе, Феодосии, Рыбинске, Екатеринобурге, Уфе, Юрьеве, Борисоглебске, Туле, Николаеве и др., вплоть до небольших поселков.[236]

Однако еврейское национально-освободительное движение было ослаблено в связи с наличием в еврействе России многих политических партий с различными взаимоисключающими программами и фракционностью внутри самого сионистского движения. Так, в едва успевшей окрепнуть одесской организации Поалей-Цион в мае происходит раскол с выделением «радикальной группы» этой организации.[237] Сионистское движение в целом ослаблялось фракционной дифференциацией его рядов (Цейрей-Цион,

---

[234] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, стр. 71, 72; «Еврейская жизнь», 14 июня 1917 г.; А. А. Гольденвейзер. Из киевских воспоминаний (1917—1921). См. в Архиве Русской Революции, т. VI. Берлин, 1922, стр. 183.

[235] «Еврейская жизнь», 21 мая 1917 г.

[236] «Еврейская жизнь», № 17, 30 апреля 1917 г.; № 18, 7 мая 1917 г., 21 мая 1917 г.

[237] «Еврейская мысль», 21 мая 1917 г.

ортодоксия, новые Поалей-Цион и др.). Огромный урон еврейскому национальному движению после Февраля 1917 г. нанес Бунд с его трактовкой раскола еврейства и непризнания единой еврейской нации. С другой стороны, сионисты России в недостаточной степени учитывали классовые, социальные деления еврейского народа.[238] Все же, несмотря на эти препятствия, еврейское национальное движение всколыхнуло широкие массы народа и приобщило к национальной жизни ранее отсталые ветви еврейства. В этом отношении характерен июньский съезд горских евреев в г. Дербенте, которому предшествовало совещание в Хасав-Юрте. Сто делегатов съезда горских евреев представляли Дагестан, Терек, Бакинскую губернию. На съезде было констатировано, что горские евреи — «неразрывная часть всего еврейства». Здесь была принята резолюция о поднятии культурного уровня горских евреев, равноправии женщин, необходимости издания своего журнала и открытия сети просветительно-культурного общества «Тарбут» и т. д. 23—24 апреля происходил областной съезд сионистов в Самарканде.[239]

Серьезнейшее значение в деле консолидации еврейства России имел открывшийся в Петрограде VII Всероссийский сионистский съезд (24—30 мая), самый многолюдный в истории еврейства страны. Его созыв был результатом мощного роста сионистского движения в еврейской среде и увеличения численности еврейских сионистских организаций, которые, по сравнению с 26 тысячами членов в 1913 г., охватывали к маю 1917 г. 150 тысяч членов (шекеледателей) в 900 городах и местечках России.[240] 517 делегатов съезда внимательно заслушали выступления старых вождей движения — Е. В. Членова и М. М. Усышкина. 46 делегатов представляли евреев-фронтовиков. Е. В. Членов призывал гармонически слить воедино национальную деятельность в Палестине и диаспоре, так как жизнь «осколков нации» вне родной территории не может быть полной и нормальной. Он заявил о правах всего многомиллионного еврейства на Палестину. Касаясь арабского вопроса, Е. В. Членов заявил, что центры арабской материальной, политической и духовной культуры лежат вне Палестины, в Багдаде, Каире и Бейруте. Сионисты — «самая большая партия на еврейской улице». Как заявил в своей заключительной речи Е. В. Членов, съезд был примечателен тем, что «на нем воля наша к Палестине проявилась . . . в яркой и ясной форме» и что декла-

---

[238] «Еврейская жизнь», 14 июня 1917 г.; «Еврейская рабочая хроника», 7 мая 1917 г.

[239] «Разсвет», 22 ноября 1917 г., № 17—18; «Еврейская жизнь», 14 мая 1917.

[240] «Разсвет», 6 сентября 1917 г.

рация еврейских прав и требований по отношению к Палестине найдет широкий отклик в массах. Съезд выдвинул предложение о референдуме по проблемам Палестины. Помимо основной резолюции о Палестине, имеющей значение народной декларации, съездом была одобрена деятельность ЦК, рассмотрена программа национально-политических требований, вопросы тактики партии, принята резолюция по культурному вопросу, по которой еврейский язык был признан единственным национальным языком. Программа национально-политических требований настаивала на демократизации государственного строя России, свободе самоопределения народов, признания в России еврейской национальности как единого целого и т. п. В докладе о тактике партии Ю. Д. Бруцкус отметил «готовность кадетов отложить вопрос еврейского равноправия до Учредительного Собрания» и замалчивание кадетами еврейских прав. Национальная программа социал-демократов, по мнению докладчика, связана «со слепой механической борьбой классов», программа социал-демократии ведет к обнищанию еврейской трудовой массы. Ю. Д. Бруцкус сказал, что гораздо ближе к интересам еврейского народа стоит народнический блок (трудовики, энесы, эсеры). И. И. Гринбаум заявил на съезде, что евреи «в общерусских партиях играют неизбежно двойственную роль. Там их считают представителями еврейства, ждут, что они приведут за собой весь народ; у нас же им приписывают влияние в русских партиях».

С приветствием съезду выступили солдаты-евреи 179-й пехотной, 8-й и 9-й пехотных дивизий, и были оглашены декларации солдат-евреев, представителей фронта, в которых указывалось, что если надежды на свободную Россию не оправдаются и если евреи для русских братьев будут по-прежнему «жидами», то тогда вместо компромиссов будет избран единственный путь, «который поведет нас в Палестину». Возрождение родины требует жертв. Еврейские солдаты в окопах так же являются сынами еврейской мирной армии в новой, возрожденной Палестине.[241]

В числе депутатов съезда было 96 членов фракции Цейрей-Цион, 24 — Мизрахи, 51 — Геховер, 13 — Поалей Цион, 6 — актив-легионеров и группа «Эт-Либнот» — 12.[242]

Несмотря на общий подъем еврейского национально-освободительного движения, среди определенной части еврейской буржуазии и влиятельных кругов руссифицированной интеллигенции оно встретило не только равнодушие, но и противодействие.[243]

---

[241] «Еврейская жизнь», 14 июня 1917 г., 18 июня 1917 г.; «Разсвет», 7 июля 1917 г.

[242] «Разсвет», 6 августа 1917 г., № 4—5.

[243] «Еврейская жизнь», 17 апреля 1917 г.

После Февральской революции в армии шел параллельный процесс избрания евреев-солдат в возникающие комитеты и рост антисемитских настроений в солдатской толще. Дело в том, что значительная часть русского офицерства либо сама не желала входить в комитеты, либо солдаты в силу недоверия не выдвигали их. Из всей армейской интеллигенции именно евреи-интеллигенты были к моменту революции «нижними чинами»-солдатами, которые как развитые, грамотные, прошли в комитеты, пополняя как руководство выборных солдатских организаций, так и его секретарский аппарат. Среди солдатского еврейского элемента, прошедшего в комитеты, преобладали члены и сочувствующие общерусских партий: эсеров, меньшевиков и много приверженцев Бунда. Как писал В. Шкловский в своих интересных записках, получалось парадоксальное положение: «Армия в своих выборных органах имеет процентов сорок евреев на самых ответственных местах и в то же время остается пропитанной самым внутренним «заумным» антисемитизмом и устраивает погромы».[244]

Появление 9 мая постановления Военного министерства и мобилизационного отдела Генерального штаба об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений при поступлении в военно-учебные заведения и производстве в офицеры солдат-евреев на общих основаниях с солдатами-христианами подлило масло в огонь в среде значительной части кадрового русского офицерства.[245] Они не пожелали допускать в свое общество евреев-офицеров. В то же время направляемые в учебные заведения евреи встречали враждебное отношение со стороны русских юнкеров, как это было, например, в Александровском военном училище. К лету 1917 г. в Киеве уже было произведено в офицеры 131 студент-еврей, окончивший ускоренным порядком курс Константиновского военного училища, в Одессе был произведен первый выпуск 160 евреев-юнкеров в офицеры.[246] В некоторых полках уже выносили резолюции о недопущении евреев-прапорщиков к исполнению своих обязанностей. На фронте росла антиеврейская волна. Среди войск появились агитаторы, возбуждающие солдат против евреев. Исполком Фронтового комитета Западного фронта в Минске счел необходимым, в связи с антиеврейскими инцидентами, выпустить соответствующее воззвание, к которому присоединились и армейские организации меньшевиков и эсеров. Точно так же Румчерод вынес резолюцию об опасности антисемитской агитации на Румынском фронте и в его тылу. Во

---

[244] В. Шкловский. Революция и фронт. Петроград, 1921, стр. 22, 64.
[245] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 48, л. 23.
[246] «Еврейская жизнь», 7 мая 1917 г.; «Разсвет», 13 августа 1917 г.

время заседания Румчерода в Одессе раздались протесты против нахождения в президиуме «инородцев», а особенно евреев. В готовящемся к выступлению Петроградском гарнизоне 9, 10 и 11 июня царило острое возбуждение против евреев.[247] Военная цензура во второй половине мая в своих сводках сообщала, что отношение многих элементов армии к предоставлению евреям права быть офицерами «носит резко враждебный характер». В письмах из армии появилось и недоброжелательство к Петроградскому Совету «вследствие присутствия в его составе еврейского большинства». Письма содержали и недовольство массы, которая полагала, что «немецкое засилье сменяется еврейским» и т. п.[248] В частях действующей армии версия многих офицеров, что «теперь жиды возьмут власть в свои руки», не сходила с повестки дня.[249] Особенно всколыхнули солдат-евреев события в 618 пехотном Тарнопольском полку Юго-Западного фронта. 20 апреля под руководством штабс-капитана Шелкового, подпоручика Анохина и прапорщиков Новикова и Горшенина непосредственно из окопов были выведены солдатами и арестованы 74 солдата-еврея, которых содержали на скотном дворе под охраной часовых. Евреям-солдатам было заявлено, чтобы они покинули полк, так как нечего им делать в русской армии, ибо везде есть национальные части и поэтому им надлежит идти к евреям. Все это глумление сопровождалось выкриками «долой жидов», «не надо нам жидовских офицеров», «пусть жиды подчиняются жидам» и т. п.[205] Это событие возмутило как русскую демократию, так и русское передовое офицерство. 19 мая по этому поводу съездом делегатов Юго-Западного фронта была принята специальная резолюция о недопустимости травли евреев. В защиту последних с осуждением возмутительного эксцесса в 618 Тарнопольском полку выступил Главнокомандующий фронтом ген. Брусилов.

Среди передового русского офицерства зрела оригинальная мысль, в случае осуществления которой, вполне возможно, история борьбы за создание еврейского национального очага в Палестине приняла бы другой характер. Так, штабс-капитан Загоровский в июне предложил Военному министерству использовать «великолепный людской материал» в количестве 500—600 тысяч евреев-солдат для образования на Кавказском фронте еврейской

---

[247] «Разсвет», 9 июля 1917 г.; «Еврейская мысль», 25 июня 1917 г.

[248] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1496, лл. 16, 19.

[249] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 35, л. 23об. и др.

[250] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 109, лл. 14об., 15; Бюллетень съезда делегатов Юго-Западного фронта, № 9—10, 20 мая 1917 г.; «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», 25 мая 1917 г.

армии, которая в борьбе с турками добилась бы освобождения Палестины.[251]

Характерно, что указанные выше и многие другие антиеврейские эксцессы в армии происходили на фоне поддержки еврейской массой в тылу и еврейскими солдатами на фронте Временного правительства и их активного участия в обороне страны. Евреи-солдаты и евреи-юнкера активно вступали в ударные батальоны и массово гибли в передовых цепях наступления. В конце июня из отправившихся на фронт 140 юнкеров ударного батальона —25 юнкеров были евреями. Эсер Гандлер, делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, 20-летний юноша-доброволец, пробывший всего 4—5 дней на съезде, отбыл на фронт, где героически погиб в наступлении. Делегат съезда большевик Н. В. Крыленко отмечал в своем выступлении «высокие качества души и высокие качества сердца» павшего на поле брани Гандлера. Съезд почтил память погибшего вставаньем.[252] Член Петроградской Думы по списку большевиков 27-летний Г. И. Чудновский в ответ на обвинение евреев в трусости демонстративно направился в июне на фронт в составе маршевой роты Преображенского полка. Перед отъездом он опубликовал «Письмо идущего на фронт», в котором подчеркивал, что революционеры не трусы и не дрожат за свою жизнь.[253] Председатель «Союза воинских чинов всех званий» в Петрограде солдат Ашкинази выступал на митингах с лозунгами «Раньше для родины, потом для себя», «победа до конца» и т. п.[254]

Мысли и настроения еврейской солдатской массы русской армии рельефно выразил выступивший на 1-м Всероссийском съезде Советов от имени делегатов воинов-евреев Северного и Западного фронтов солдат Балаховский. Он заявил, что евреи-воины исполняли свой долг и при старом режиме, «когда большая часть угнетения падала на наши спины». Евреи-солдаты, заявил оратор, объединенные вокруг Советов, «пойдут вместе со всей русской демократией и готовы положить свою жизнь «за свободу и освобождение мелких национальностей». Евреи-воины, как принадлежащие «народу экстерриториальному», не могут в настоящее время указать территорию, «где бы наши братья составляли большинство». Большая часть еврейского народа, — продолжал оратор, — национальное тело, которое разделено на сотни отдельных час-

---

[251] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 19, лл. 573—610, резолюции; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 13, л. 218.

[252] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и с.-д., т. П. М.—Л., 1930, стр. 234; «Разсвет», 23 июля 1917 г.

[253] «Правда», 27 июня 1917 г.

[254] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 22, л. 8.

тей и вкраплено маленькими частицами во все государственные организмы. «Наше глубокое чувство, наше глубокое желание... это поселиться, начать создавать культуру так, как создают ее все народы, поселиться на той территории, с которой мы связаны историческими узами свыше 4-х тысяч лет». Балаховский выразил надежду, что русская демократия при решении вопроса о нациях России не обойдет вопрос о той части еврейского народа, «которая пожелает зажить здоровой, национальной жизнью, которая пожелает поселиться на своей исторической родине в Палестине...».[255]

В тыловых гарнизонах среди евреев-солдат значительно вырос интерес к национальному самоопределению. Они принимали активное участие в сионистских митингах и манифестациях в ряде городов страны — в Минске, Киеве, Кишиневе, Аккермане и др. В первой сионистской манифестации в Одессе впереди шел в мае отряд солдат-сионистов, состоящий из 400 человек. Они несли красное знамя с девизом «Свободное еврейство в свободной России» и белое знамя с надписью «Палестина для евреев». Всего в этой демонстрации участвовало несколько тысяч человек, включая учащихся, студентов и др. Манифестантов приветствовал начальник штаба Одесского военного округа ген. Н. А. Маркс, и было заслушано приветствие от военной организации эсеров и партии «Поалей-Цион». Участники демонстрации устроили овацию М. М. Усышкину.[256] Сионистское движение, хотя и со значительным опозданием, дошло до фронта. В смысле начала движения исключение составил Западный фронт, где уже в первые дни революции группой сионистов-солдат было создано сионистское бюро с целью объединения солдат-сионистов фронта. Бюро вступило в контакт с активом еврейских солдат 12 полков и 5 батарей Западного фронта, а также с еврейскими солдатами нескольких запасных полков. Бюро издавало печатный листок «Товарищ», расходившийся в большом количестве экземпляров.[257] Значительное оживление среди солдат-евреев фронтов вызвала телеграмма Ставки относительно посылки делегатов на Всероссийский сионистский съезд. Возросли требования на соответствующую литературу и газеты. В июне под руководством военнослужащего, доктора Пекера, состоялось собрание евреев-солдат ряда частей одного из корпусов Западного фронта. «Все в один голос, — сообщает корреспондент «Еврейской жизни», — констатируя боль-

[255] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и с.-д., т. II. М.—Л., 1931, стр. 321, 322.

[256] «Еврейская жизнь», 14 мая 1917 г.

[257] «Разсвет», 30 августа 1917 г.

шой интерес к сионизму в войсках». На совещании было решено создать сионистские органы в частях с полковым еврейским комитетом из 3-х лиц. Перед командованием было возбуждено ходатайство о разрешении солдатам-евреям обрабатывать землю в прифронтовой полосе и приступить к сбору средств (шекелей) в частях.[258] 13 июня на том же Западном фронте состоялось собрание евреев-солдат ряда частей, на котором младший военный врач Гефт сделал доклад о переживаемом моменте. На собрании было отмечено, что у солдат-евреев происходит рост национального самосознания, «какой наблюдается теперь у русских евреев». Было решено создать культурно-просветительную организацию и выработать призыв к солдатам частей фронта. В Петрограде на собрании сионистских организаций выступил с докладом солдат Балаховский (участник съезда Советов) о сионистской работе в армии[259] В июне в 5-й Армии Северного фронта было создано армейское оргбюро солдат-евреев, в задачу которого входил созыв армейского съезда еврейских солдат, и в повестке дня намечались вопросы об отношении к текущему моменту, о национальных требованиях евреев, об их положении в армии и о создании центрального органа для солдат-евреев 5-й Армии. В этот период в двух армиях Румынского фронта были крайне слабые ячейки еврейских организаций.[260]

В июне же в Петрограде был создан Временный Комитет Петроградского Союза евреев-воинов, который на своем учредительном собрании постановил послать приветственную телеграмму А. Ф. Керенскому. Почетным председателем этого учредительного собрания был избран Грузенберг. В начале июля Комитет направил в политический отдел Военного министерства протест против продолжающихся актов «юдофобской пропаганды» в армии.[261]

Хотя сионистская партия была самой сильной и многочисленной из всех русско-еврейских партий и опиралась на довольно сознательную часть еврейской массы, все же еврейское национально-освободительное движение запоздало в своем развитии и поздно пришло в армию. В связи с отсутствием своей территории это движение не претендовало на создание чисто национальных частей. Вопрос пока стоял в плоскости создания сети еврейских национальных организаций в армии, которые еще только оформлялись. Однако это отставание являлось уделом не только евреев,

---

[258] «Разсвет», 13 августа 1917 г.

[259] «Разсвет», 9 июля 1917 г.

[260] «Разсвет», 16 июля 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 372об.

[261] «Еврейская рабочая хроника», 7 июня 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 40, лл. 43, 44.

а было свойственно ряду других национально-освободительных движений в России. Беда еврейского народа состояла в том, что сионистское движение запоздало и в мировом еврействе. Это сознавали и современники первой мировой войны, которые в 1917 г. сожалели о том, что сионистское движение не возникло на двадцать лет раньше. Они утверждали, что, если бы к 1917 г. в Палестине был создан еврейский центр не в сто, а по крайней мере в пятьсот-шестьсот тысяч человек, еврейство стояло бы на пороге окончания первой мировой войны более близко к сионистскому решению еврейской национальной проблемы.[262]

Сознавая свою слабость, представители ряда национальных, социалистических партий в России сразу же после победоносного Февраля вступили в контакты в целях объединения своих усилий для защиты национальных прав народов России. Перые такие контакты были осуществлены уже на совещании 6 марта 1917 г., в котором приняли участие организации социалистов-народников Литвы, Еврейской рабочей партии, социалистов-территориалистов, Украинской социал-демократической рабочей партии, еврейских социал-демократов и др. На совещании было вынесено решение об образовании временного Оргбюро. В июне был создан Совет национальных социалистических партий России на совещании (28 июня — 3 июля 1917 г.) представителей Армянской с.-р. партии «Дашнакцутюн», Белорусской социалистической Громады, Грузинской партии социалистов-федералистов, Еврейской СДРП (Поалей-Цион), Объединенной ЕАРП (СС и ЕС), социалистов-народников Литвы, Польской социалистической партии, Осетинской и Татарской социалистических групп и др. Было принято решение об организации при ЦИКе фракции всех этих национальных партий.[263] Украинское национально-освободительное движение как наиболее массовое и организованное из всех этих национальных движений взяло на себя инициативу по их объединению в целях укрепления своих позиций. В июне Центральная Рада вынесла постановление о созыве в Киеве съезда представителей национальных меньшинств России, добивающихся автономии и федерации, и усилила свои мероприятия по созданию национальной украинской армии. 2 июня и Литовский сейм высказался за немедленную независимость Литвы.[264] Таким образом, в целом национальное движение в России было серьезнейшим

---

[262] «Еврейская жизнь», 17 апреля 1917 г. и 30 апреля 1917 г.

[263] «Еврейская жизнь», 27 марта 1917 г.; «Еврейская рабочая хроника», 20 июля 1917 г.

[264] П. Н. Милюков. История второй русской революции. София, 1921, т. I, вып. ., стр. 164, 165.

фактором, который давил на политику Временного правительства и придавал обстановке в армии новые черты. Без учета этих обстоятельств нельзя представить состояние русской армии накануне наступления.

Разложению русской армии кроме общих имманентных причин в огромной степени способствовала и возросшая с апреля демагогическая пропаганда и агитация большевиков, всячески пытающихся разжечь огонь гражданской войны в стране и в армии и ставящих своей целью содействовать распаду армии как боевого организма, привести к ее поражению на фронте в целях создания политической обстановки для скорейшего захвата власти большевиками. Они делали все возможное дабы солдаты и делегации солдат посещали их пропагандистские центры в Петрограде, Москве и др. городах страны. В лихорадочном темпе создавались ими военные организации. Такая организация большевиков в Петрограде была создана в марте 1917 г. при Петроградском комитете РСДРП(б). В апреле и в мае создавались военные организации на фронте и в тылу. В апреле военная организация при Петроградском комитете РСДРП(б) была преобразована в Военную организацию при ЦК РСДРП(б). Эти организации призывали солдат к новой революции. Как гласила резолюция общего собрания Военной организации при ЦК РСДРП(б) в начале июня, «путь к скорейшему окончанию войны — только через революцию...».[265] Уже в марте в Москве при Московском Комитете РСДРП(б) было создано Военное Бюро, через которое большевистский актив пропускал солдатские делегации и отдельных солдат с фронта, отпускников-солдат и др., где им давали соответствующие разъяснения о войне, мире, наступлении и братании. Военное Бюро наладило отправку и получение потока писем с фронта и на фронт. Начиная со второй половины апреля 1917 г., на фронт ежедневно направлялось не менее 3 тысяч экземпляров большевистских газет и более тысячи такого же рода брошюр и книг. С 16 апреля по 24 июня Московское Бюро большевиков посетили 838 солдат-фронтовиков и вскоре этот орган установил прочные связи со многими фронтовыми частями. С 24 марта по 1 мая 1917 г. Московское Бюро направило на фронт 30 375 экземпл. большевистского органа «Социал-демократ» (Москва), 7 972 экземпл. «Правды», 2 000 «Солдатской правды», 15 тысяч «Майского листка», 17 тысяч «Солдаты и рабочие», брошюру «Почему нет хлеба» — 12 тысяч, «О дороговизне» — 5 тысяч, других большевистских брошюр и книг — 12 380 экземпляров. С 1 мая по 11 июня поток этот стремительно возрос. «Солдатская Правда» посылалась на фронт уже в коли-

[265] Революционное движение в русской армии. Сб. док. М., 1968, стр. 125.

честве 61 525 экземпляров, брошюр и книг — 37 126 и т. п. В мае и июне большевистские газеты ежедневно направлялись бесплатно на фронт в количестве 3 тысяч и 1 тысяча брошюр и книг. Особенно обильно большевистской литературой снабжались маршевые роты. В гарнизоны военных округов с 1 мая по 11 июня было направлено только через солдат 7 035 экземпляров «Солдатской правды», 3 635 — газ. «Социал-Демократ».[266] Кроме того, большевики воздействовали на фронтовиков через посредство делегаций на фронт, в состав которых они всячески проникали. Так, через рабочую делегацию Петроградского завода Михельсона они вели соответствующую агитацию на фронте и снабжали солдат литературой. Под благовидным предлогом передачи фронтовикам подарков и знамен в частях появлялись делегации, в составе которых были и большевики. Такой характер носили в мае и июне делегации рабочих с Путиловского и других заводов. Подобные делегации, как сообщала разведка противника, вели угодную ему пацифистскую пропаганду непосредственно в окопах (части 24 армейского корпуса), выступали против наступления и заверяли солдат о скором мире и т. п.[267] Непосредственно в Петрограде большевики использовали прибывающие с фронта делегации солдат в Петроградский Совет и районные Советы столицы. Так, в Нарвском районном Совете Петрограда в июне было заслушано выступление делегации солдат 737 пехотного Абловинского полка. Через главу делегации солдата А. Синицына полку было отпущено 500 рублей «на приобретение литературы и изготовление флага». Райсовет посещали и другие солдатские делегации, например, 17 и 18 Сибирских стрелковых полков Рижского участка Северного фронта, которые ознакомили членов Петроградского и районного Советов о положении на фронте и протестовали против расформирований и т. п. Все делегации обильно снабжались соответствующей литературой, и по заявлению большевиков, просили о присылке агитаторов.[268]

В мае на Юго-Западном фронте ряд полков 165-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса 8-й Армии посетила делегация Харьковского Совета, которую возглавлял большевик Е. Д. Тиняков. Делегация развернула широкую агитацию за «революционный» выход из войны и распространила до полумиллиона листо-

---

[266] О. Варенцова. Военное Бюро при МК большевиков 1917 г. М., 1934, стр. 21, 22, 24, 50.

[267] Там же, стр. 26; Kriegsarchiv. K. u. K. Armee Oberkomando. Nachrichten Abteilung. 1917. N 56 e/33, dok. 169.

[268] Районные Советы Петрограда, т. II. М., 1964, стр. 127, 187, 200; т. III, стр. 12, 6.

вок. Дело дошло до того, что командование фронта пыталось арестовать ряд делегатов во главе с Тиняковым за агитацию против «министров-капиталистов» и за призывы солдат к братанью. Ген. Брусилов срочно телеграфировал в Ставку об отзыве этой делегации, разлагающей войска.[269] Большевики создали в Киеве центр для охвата своим влиянием солдат армий Юго-Западного фронта. 20 мая 1917 г. здесь состоялось учредительное собрание военной организации при Киевском Комитете РСДРП(б), в задачи которого входила агитация и пропаганда среди солдат. Был создан Временный военный комитет, связанный с гарнизонами и фронтом. Проводились массовые демонстрации солдат в Киеве. Так, в районе Печерска большевики собрали солдатский митинг в 900 человек, направленный против делегации черноморских матросов, стоящих за Временное правительство. Большевики Киева искали популярности даже в среде дезертиров. Так, 7 мая на собранном большевиками многолюдном митинге, в предложенной ими резолюции, говорилось, что борьба с дезертирством является «нарушением демократических принципов».[270]

На фронтах разлагающая пропаганда большевиков все усиливалась. В Ставку поступали тревожные сообщения из 2-й и других Армий Западного фронта, из 1-й и 12-й Армий Северного, из Армий Румынского, Юго-Западного фронтов. Неповиновение сопровождалось стихийными проявлениями со стороны озлобленных митингующих солдат. Характерны в этом отношении события 16—17 мая 1917 г. на Юго-Западном фронте. 517-й и 707-й пехотные полки 31-го армейского корпуса отказались выполнять приказ о переходе из резерва на позиции. Взбунтовавшиеся солдаты 707-го Нешавского полка арестовали и убили начальника 177-й пехотной дивизии Я. Я. Любицкого. Таких примеров можно привести более чем достаточно.[271] Командующий 1-й Армией доносил главнокомандующему Северным фронтом, что «идеи Ленина распространились широко в солдатской массе».[272] В результате работы большевиков в мае отказались от выступлений на боевые позиции 4 полка 7-й Армии, 2 полка 12-й Сибирской стрелковой дивизии; в июне 11 полков 10-й Армии и др.[273] 21 мая 1917 г.

---

[269] В. Астахов, Ю. Кондуфор. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1957, стр. 61; ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 584, л. 10.

[270] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, стр. 68, 76, 82, 91, 92.

[271] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1337, л. 210; Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, лл. 8, 9; Там же, ф. 2226, оп. 1, д. 175, л. 12; Там же, ф. 366, оп. 2, д. 163, лл. 8, 9об.; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 155, лл. 58—62, 64—69 и др.

[272] «Красный Архив», № 5, 1937, стр. 141, 142, 143, 144 и др.

[273] Труды МГИАИ, т. 26. М., 1968, стр. 16.

Главковерх М. В. Алексеев направил А. Ф. Керенскому уже паническую телеграмму, в которой указывалось, что «Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда».[274] Многие армейские большевики, склоняющие темную солдатскую массу к стихийным выступлениям, сами при осложнениях, что характерно, скрывались, оставляя солдат на произвол судьбы. Так, в 27-м Сибирском полку в июне в 12-й Армии большевик прапорщик Жук, который был инициатором выступлений, скрылся из части.[275]

Если по существу большевики стремились к безусловному развалу русской армии, то свои официальные документы и выступления они камуфлировали в ряд противоречивых, взаимоисключающих положений, которые были рассчитаны на обман общественного мнения. Лицемерие и демагогия большевиков под режиссурой Ленина наглядно видны в резолюции Военной организации при ЦК РСДРП(б). Так, утверждая в этой резолюции, что «нельзя окончить войну отказом солдат одной стороны от продолжения войны, дезорганизацией (расстройством) фронта и прекращением военных действий со стороны какой-либо одной из воюющих сторон», большевики организовывали и поддерживали неповиновение, отказы солдат от занятия позиций, способствовали сепаратным, односторонним прекращениям военных действий через организованное ими братание, великолепно использованное противником во вред русской армии. В резолюции указывалось, что призыв к наступлению мог бы стать приемлемым только при переходе власти в руки Советов и нарочито умалчивался тот факт, что в данный период как Петроградский Совет так и Советы всей страны поддерживали Временное правительство. Как известно, 1-й Всероссийский съезд Советов принял резолюцию о поддержке наступления, на что большевики закрывали глаза и продолжали упорно свою работу по развалу армии. В резолюции имеется смехотворное положение о том, что вопрос о наступлении следует решать самим солдатам путем всеобщего голосования на фронте.[276] Таким образом, зная, что против русской армии с ее многими волнующимися частями стоит вооруженный до зубов и организованный противник, в рядах которого держалась железная дисциплина, большевики разлагали боевые части и пытались всю русскую армию превратить, и зачастую превращали, в митингующую толпу. В. И. Ленин панически боялся наступления русской армии, так как в случае успеха наступательных операций о захвате

---

[274] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, л. 73.
[275] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 75.
[276] «Солдатская Правда», 6 июня 1917 г.

власти большевиками не могло быть и речи. Лидер большевиков признавал, что с наступлением были связаны рост шовинизма (читай: патриотизма. — М. Ф.) в стране, «гигантское усиление влияния, веса, роли империалистической буржуазии» и переход власти, сначала военной, а потом и государственной в руки командной верхушки армии, к отмене свободы агитации, к арестам и другим репрессиям.[277] Вот какие соображения определяли бешеную кампанию большевиков против наступления, и лихорадочную их деятельность по разложению армии. Эти обстоятельства и определяли дух решений большевистской Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) (16—23 июня 1917 г.), в задачи которой входила борьба за предотвращение разоружения «революционных рабочих», расформирования большевистских полков и т. п. Решения конференции говорили о «гибельности для дела русской и мировой революции предпринятого наступления», а в цели и задачи военных организаций большевиков ставилась ликвидация мировой бойни «революционным путем» и, главное, создание в армии «материального вооруженного оплота для революции».[278] В надежде на предстоящий захват власти большевики во главе с их лидером на этой же конференции в резолюции по национальному вопросу утверждали, что организация национальных частей «не в интересах трудящихся», так как якобы «буржуазия» стремилась использовать национальные части для борьбы «с революционным движением».[279] Эти опасения большевиков не были лишены основания, так как национальные части отличались стойкой дисциплиной, и большевики, за исключением латышских стрелков, не приобрели там влияния.

Несмотря на то, что эсеры вместе с меньшевиками составляли абсолютное большинство на 1-м Всероссийском съезде Советов (3—24 июня 1917 г.), а большевики-делегаты едва достигали 10% всего состава съезда, волюнтаристские амбиции и жажда власти со стороны Ленина не знали пределов. Когда И. Церетели заявил на съезде, что в настоящее время нет политической партии в России, которая претендовала бы на власть, то Ленин с места воскликнул: «Есть такая партия!» — подразумевая, конечно, большевиков. Он заявил в своем выступлении, что партия большевиков каждую минуту «готова взять власть целиком». Все выступления большевиков на съезде не отличались, конечно, искренностью, поражали своим лицемерием и преследовали цели завуалирова-

[277] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 67.
[278] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 149, 152 и др.
[279] КПСС в резолюциях. М., 1953, ч. I, стр. 361, 362.

ния их действительных намерений. Так, А. В. Луначарский отрицал «...будто кто -то такой стремится авантюристским путем, представляя из себя меньшинство в стране, каким-то образом пробиться к власти». Точно так же выступление Крыленко о наступлении ставило своей целью обман общественного мнения об отношении большевиков к вопросам войны.[280] Делегат съезда и председатель армейского комитета 5-й Армии Виленкин, один из самых популярных представителей фронта, разоблачил Крыленко, который на съезде делегатов Юго- Западного фронта в мае заявил, что в случае приказа он пойдет в наступление даже один, а здесь на съезде всячески лавирует.[281] Не имея никаких шансов и даже надежды прийти к власти демократическим путем, В. И. Ленин и его партия, учитывая растущее недовольство масс, разложение многих частей Петроградского гарнизона, не желающих выступать на фронт, укрепление своих позиций в этом гарнизоне и среди матросов Кронштадта сделали попытку вооруженным путем захватить власть. Под тщательным наблюдением самого Ленина в столичном гарнизоне успешно работала большевистская военная организация во главе с Подвойским, Невским, успевшая создать разветвленную сеть в тылу и на фронте. В Петрограде большевики с основанием рассчитывали на верные им 1-й пулеметный полк, на Московский, Гренадерский, 1-й Павловский запасный полки и солдатскую команду Михайловского артиллерийского училища, в распоряжении которого была артиллерия. Вполне верные большевикам были 2-й пулеметный полк, гарнизон Петропавловской крепости, 180-й полк. Большевистские настроения господствовали в 3-м запасном полку в Петрограде. 176-й полк в Красном Селе был под влиянием межрайонцев, которые тоже были не прочь примкнуть к восстанию. Безусловно против большевиков были семеновцы, преображенцы, солдаты 9-го запасного полка, 2-х казачьих полка, юнкера. Характерные для солдатско-крестьянской массы колебания проявлялись у солдат Измайловского, Петроградского, Кексгольмского и Литовского полков. Ударной силой большевиков были матросы Кронштадта. По вполне верному свидетельству Ник. Суханова, Петроградский гарнизон уже в июне был в стадии разложения, и среди его частей насчитывалось много равнодушных, нейтральных солдат, которые не годились для активных операций как внутри столицы так и на фронте. Нейтрализм некоторых частей носил по отношению к

---

[280] Первый Всероссийский Съезд Советов, т. 3. М.—Л., 1939, Введение, стр. XXVII, 65, 70, 88, 390 и др.

[281] Ник. Суханов. Записки о революции, кн. IV. Берлин—Москва, 1922, стр. 289, 290, 319, 320.

большевикам и характер «благожелательного нейтралитета». Правящий Советский блок выпустил из своих рук в июне солдатскую массу столицы, а большевики, писал Н. Суханов, «крепко вцепились в некоторые части и час от часу проникали в остальные». Важный броневой дивизион раскололся пополам — часть за большевиков, а другая за Церетели.[282] Сведения Командующего Петроградским военным округом о состоянии столичного гарнизона подтверждают правильность оценки Суханова и даже дают нам дополнительный материал о кризисном состоянии войск столицы. П. А. Половцев считал, что и в Кексгольмском полку дело обстояло «плохо», как и в ротах эвакуированных солдат, где, по его сведениям, последние были «сплошь большевики», и что даже 4-й Донской полк был «подработан большевиками» и т. д.[283]

Большевистский ЦК на своем конспиративном заседании предназначал для свержения Коалиционного правительства и для захвата власти вооруженную демонстрацию своих сторонников из среды рабочих и солдат, назначенную на 10 июня 1917 г. Как писал Суханов, Ленин и его ближайшая группа «не шли прямо на захват власти в свои руки, но они были готовы взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой они принимали меры». Верные большевикам полки и демонстранты должны были подойти к резиденции Временного правительства — Мариинскому дворцу, и сопротивление правительства предусматривалось подавить силой «большевистских полков и орудий».[284] Предварительно в полках гарнизона устраивались соответствующие митинги. 9 июня такой митинг был устроен в Измайловском полку с участием свыше 2-х тысяч солдат, где было принято решение о вооруженной манифестации против правительства. Для внесения успокоения делегаты съезда Советов направлялись в полки. В 1-м пулеметном полку солдаты встретили их враждебно и не давали говорить. Главарь большевиков этого полка прапорщик Семашко заявил делегатам, что солдаты не знают съезда, а признают лишь ЦК РСДРП(б). Над делегатами нависла угроза ареста. В 180-м Финляндском полку делегатам грозили даже кулачной расправой, а в 3-м пехотном полку солдатская масса кричала члену Исполкома Петроградского Совета Войтинскому, что они «идут резать буржуазию» и что Исполком Петроградского Совета захвачен «жидами». Как отмечает П. Н. Милюков, это было «оригинальное сочетание крайне правой пропаганды с крайне левой».[285]

---

[282] Ник. Суханов. Записки о революции. Там же.

[283] Дни затмения. (Записки П. А. Половцева). Париж, 1917, стр. 68, 69.

[284] Ник. Суханов. Указ. соч., кн. четвертая, стр. 318, 319.

[285] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 218, 219.

В ночь на 10 июня заговор был раскрыт. Съезд Советов вынес решение о запрещении демонстрации. В 2 часа ночи с 9 на 10 июня большевики вынесли постановление подчиниться этому решению, ибо вся совокупность политической обстановки заставляла их воздержаться от риска восстания. Съезд Советов назначил мирную демонстрацию на 18 июня, а 11 июня Церетели выступил на совместном заседании президиума Съезда Советов и Петроградского Совета, на котором он заявил, что отмененная демонстрация большевиков была по существу заговором для захвата власти.[286]

Хотя большевики имели много шансов для достижения своих целей по захвату власти, однако этому помешало характерное колебание, а то и враждебность значительной части гарнизона. Это выявило и совещание батальонных и полковых комитетов Петроградского гарнизона 14 июня, созванное под председательством члена Исполкома Петроградского Совета солдата В. Е. Завадье для обсуждения вопроса о предупреждении выступлений, инсценируемых большевиками. С докладом от имени Исполкома Совета выступил Либер, который в своей речи подчеркнул, что выступление большевиков подготавливалось втайне. Прения показали, что представитель Преображенского полка прапорщик Матушевский и другие всецело разделяли взгляды докладчика. Представитель 3-го полка Толкачев защищал большевиков. Член Исполкома Петросовета Войтинский довел до сведения собрания, что именно в 3-м пехотном полку солдаты заявляли о необходимости резни буржуазии. Представитель же 3-го стрелкового полка солдат Незнамов предложил резолюцию полка о полном доверии Керенскому, Половцеву и другим. В итоге, по предложению Войтинского, принята была резолюция о подчинении исключительно Совету, и что только Совету принадлежит право выведения на улицу воинских частей. Резолюция предлагала принять меры в частях для предупреждения захвата оружия.[287] Успеху замыслов большевиков помешал и разнобой в их рядах. Л. Б. Каменев был против выступления, Зиновьев колебался, а Сталин безапелляционно стоял за переворот. Дело 19 июня решил Ленин, который счел необходимым отступить. Дело в том, что большевики учитывали не только колебания Петроградского гарнизона, но и опасались верных Временному правительству фронтовых частей, так как большевики в это время еще не смогли завоевать большинство последних, тем более, что 1-й Всероссийский съезд Советов располагал прочным эсеро-меньшевистским большинством, а подавляющее большинство делегатов 21 организации действую-

[286] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, т. II, стр. 185.
[287] «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов», 15 июня 1917 г.

щей армии, восьми тыловых и 5 организаций флота были на стороне Временного правительства. Об этом убедительно свидетельствовали и выступления делегатов от армий (Никоноров, Хараш, Эрман и др.) и поддержка ими наступления.[288] В июне и даже в июле Ленин опасался возможной реакции колеблющейся солдатской массы и особенно фронтовиков. В. И. Ленин в разговоре с Зиновьевым, по словам последнего, заявил: «Нет, сейчас брать власть нельзя, потому что фронтовики еще не наши. Сейчас обманутый фронтовик придет и перережет питерских рабочих».[289]

Потерпев неудачу, большевики всячески пытались замести следы. На заседании Петросовета 11 июня Л. Б. Каменев, оправдывая большевиков, заявил, что лозунга о захвате власти не было. В ответ ему Церетели определенно ответил, что большевики «хотели захватить съезд врасплох, поставить перед лицом факта. Не удивительно, что они потом приняли средства, когда заговор был раскрыт». А. Ф. Керенский отметил в своем выступлении, что «полки вызывались с оружием», в том числе кронштадтцы. Демонстрация большевиков на 10 июня была предусмотрена ими в качестве вооруженного выступления. На заседании Либер указал, что заговор был рассчитан на недовольство масс, и соответствующим образом подготовлялась инсценировка. «Нельзя отдать преторианским войскам, — заявил Либер, — судьбу революции». Взявший слово Дан без обиняков указал, что за плечами большевиков стояли «прихвостни Германии» и что заговор Ленина подготовлялся «за спиной Всероссийского съезда, в состав которого большевики входят». Отказы большевиков от высказанных обвинений носили безусловно лицемерный характер. Своего рода репетицию захвата власти и своеобразную «разведку боем» большевики провели уже 17 мая в Кронштадте, когда на заседании местного Совета рабочих и солдатских депутатов большинством в 210 голосов против 40 при 18 воздержавшихся было вынесено решение о взятии власти этим Советом и о непризнании власти Временного правительства.[290] Этот неслыханный акт уже являлся государственным преступлением.

Попытку захвата власти большевики предприняли не потому, что были достаточно сильны и подготовлены, а в силу того факта, что их политические противники во главе с Временным прави-

---

[288] Первый Всероссийский съезд Советов, т. 3, М.—Л., 1930, стр. XXVII, XXVIII, 399, 409, 412; Н. Суханов. Указ. соч., кн. четвертая, стр. 312, 322, 323; Станкевич. Указ. соч., стр. 150.

[289] Г. Зиновьев. «Ленин». М., 1924, стр. 41.

[290] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний, стр. 191, 193, 195, 197, 198.

тельством были еще слабее. А. Ф. Керенский в высказываниях о событиях мая—июля сам расписывался в своих ошибках и беспомощности и даже утверждал, что «в то время в руках правительства не было еще никакого административного аппарата». Он горделиво пытается ставить себе в заслугу, что не было «гильотины в арсенале нашей государственности». Эта политическая близорукость и недальновидность были свойственны и Петроградскому Совету, а в частности И. Г. Церетели, который также признавал, что «Ленин прекрасно учитывал, готовя восстание», каким политическим козырем для него являлась беспримерная слабость государственной власти Временного правительства.[291]

Слабость государственной власти Временного правительства и лидеров Советского большинства проявилась и в отношении к проблеме братания, разъедающего организм действующей армии на фронтах, на многих участках сводящего на нет боеспособность войсковых частей. Парадоксальной была и недопустимая терпимость Временного правительства, в условиях войны, к открытой проповеди и организации братания большевиками непосредственно на боевой линии фронтовых частей. Как составленные В. И. Лениным апрельские тезисы, так и «Проект резолюции о войне» предлагали устраивать митинги русских и немецких солдат на фронте при отсутствии офицеров и т. п.[292] Усилению братания способствовало и «Воззвание к солдатам воюющих сторон», выпущенное за подписью Центрального и Петроградского Комитетов РСДРП(б) и редакции газеты «Правда» от 4 мая 1917 г.[293] Как «Правда», так и лидеры большевистской «Военки», например Н. Крыленко, всячески камуфлировали истинные цели братания и лицемерно пытались доказать недоказуемое, что де большевики не допустят использования братания для «выведывания военных тайн».[294] Однако неоспоримые факты говорили об обратном. Документы разведывательной службы противника полны обильными сведениями об использовании им братания в своих интересах. Так, один из участников братания и осведомитель австрийской разведки, унтер-офицер 751-го пехотного полка в начале мая передал противнику план-схему русских артиллерийских установок всей дивизии. Вражеское командование с похвалой отозвалось о переданной схеме и воспользовалось ею. Под влиянием вражеского ко-

[291] А. Керенский. Издалека. Сб. статей (1917—1926). Париж, стр. 166; И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. вторая, стр. 202.

[292] В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 265, 265.

[293] Там же, стр. 295.

[294] Н. Крыленко. Почему побежала русская революционная армия. П., 1917, стр. 21.

мандования солдаты-братальщики убивали своих артиллеристов, как это произошло, например, в 79-й пехотной дивизии. «Братальщики», солдаты и младшие офицеры сообщали противнику о повестке дня и решениях секретных совещаний командования и дивизионных комитетов, что было сделано большевиком, членом комитета 256-го пехотного полка. Этим путем противник получал весьма достоверные сведения как о готовящемся общем наступлении, так и о предстоящих атаках на отдельных участках фронтовой линии. Обильный разведывательный материал командование противника собирало зачастую от спаиваемых алкоголем русских братальщиков: о дислокации частей, о состоянии тыла, ж.-д. транспорта, продовольственном положении и о других разнообразных вопросах. Располагая сведениями о движении солдатских делегаций в Петроград, противник зазывал в свои окопы под видом парламентеров-братальщиков некоторых избранных делегатов в столицу и проводил с ними беседы, всячески навязывая неискушенным делегатам германо-австрийские «мирные» предложения. С полным основанием противник отмечал в своих сверхсекретных отчетах, что братание приносило прекрасные результаты («Guten Resultate gepflegen»). За май 1917 г. австро-венгерская разведывательная служба 3-й и 7-й армий осуществила через братание с частями русских дивизий 285 разведывательно-шпионских контактов.[294а] Австро-Германское командование в своих секретных приказах весной 1917 г. поощряло братание и предлагало «вступать в разговоры с представителями противника только уполномоченным на это офицерам разведки».[295] Когда же все мероприятия австро-германцев по так называемой «мирной пропаганде» были исчерпаны и был собран обильный разведывательный материал, вражеское командование временно прекратило братанье.[296] На кого персонально австро-германское командование возлагало «мирную пропаганду» видно из характерного факта, имевшего место на фронте 2-го и 24-го корпусов 9-й Армии Румынского фронта 6 мая 1917 г. На передовую русскую линию вышли вражеские парламентеры-офицеры с трубачами. На фронте 2-го корпуса — 2 офицера и двести солдат, а на фронте 24-го корпуса — генерального штаба майор фон Гемпель и капитан

[294а] Kriegsarchiv. Armee Oberkomando. Nachrichten Abteilung. 1917. $56^{2}/_{33}$ N 169; $56^{2}/_{35}$ N 173; $56^{2}/_{34}$ N 172; Kriegsarchiv. 3 Armee Komando. Nachrichtenstelle. F, 584, dok. 26,86, 2839; Kriegsarchiv. 3 Armee Komando. F, 582, dok. 1599, 1616, 1612, 1718; K. u. K. 7 Armee Komando zu Na. Nr. 230/53, Feldpost 191, am 1 Juni 1917. Streng geheim.

[295] Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1959, стр. 79, 80, 84, 87, 88.

[296] Österreich-Ungarns Letzter Krieg (1914—1918). B. 6, SS. 213, 219, 221.

князь Виндишгрец. При них были воззвания на имя полковых комитетов по вопросам перемирия и мира. На фронте 26-го армейского корпуса 9-й Армии у переговорщиков также были воззвания к полковым комитетам.[297] В помощь агитаторам-большевикам на фронт забрасывалось большое количество «Правды» и других изданий, в которых упорно пропагандировались идеи братания.[298] Как отмечал А. Ф. Керенский на 1-м Всероссийском съезде Советов, офицеры германской армии являлись для братания в русские окопы, что неукоснительно проводилось врагом на русском фронте, а на французском они даже и не пытались вступать в подобные контакты.[299] Если в своей начальной стадии в ряде случаев братание носило стихийный характер, то в результате работы большевиков ему давалось знамя и лозунг. Делегат Петроградского Совета Михайлов проводил подобную работу в мае в 55-й пехотной дивизии Западного фронта. Он не только вел агитацию за братание, но и сам лично принимал в нем участие. Его агитация имела широкий отзвук в двух полках дивизии, а уговоры офицеров не имели у солдат успеха. Не помогли и увещания выборного органа дивизии, что братание допустимо только с революционной армией, а австро-германцы таковыми не являются. На северном фронте в 12-й Армии, по сообщению ген. Радко-Дмитриева от 4 мая, эти явления приняли «крайне угрожающие размеры». На участке 21-го корпуса солдаты переправлялись для братания через р. Двину. В 136-й пехотной дивизии 1-й Армии также происходило братание. Деморализация солдат и акты братания наблюдались и среди латышских частей.[300] В 5-й Армии Северного фронта уже с конца марта происходило братанье в 732-м Покройском пехотном полку и в ее 1-м, 3-м и 4-м гренадерских полках. В 1-м корпусе этой Армии в районе Иллуксте это движение охватило многие части.[301] На Северном фронте в 12-й Армии части 2-го корпуса, по донесениям командования, находились в мае в «фактическом перемирии с противником».[302] В 10-й Армии Западного фронта братание приняло настолько широкие размеры, что штаб потребовал от командиров частей принятия неотложных мер, так как немцы «в полной безопасности производят необходимые

---

[297] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 17, л. 9.

[298] «Правда», 18 и 25 апреля 1917 г., 4 мая 1917 г.; «Солдатская Правда», 5 мая 1917г.

[299] Первый Всероссийский съезд Советов. М.—Л., 1930, стр. 80.

[300] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, лл. 16, 19; Там же, оп. 78, д. 29, л. 6.

[301] ЦГВИА, ф. 2682, оп. 1, д. 77, лл. 5, 5об. и др.; Там же, ф. 2048, оп. 1, д. 1118, лл. 105, 112; Там же, ф. 2048, оп. 1, д. 744, л. 7.

[302] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 17, лл. 8, 9 и др.

разведки», и что попустительство в деле пресечения братания равносильно «измене родине» и т. п. Массовый характер имело братание и в 703-м Сурамском пехотном полку этого фронта.[303]

Солдаты Юго-Западного фронта в апреле—мае, особенно части 31-го армейского корпуса 7-й Армии и 16 армейского корпуса, сходились с немцами и австрийцами, передававшими им свои прокламации. В 7-й Армии братание продолжалось и в разгар наступления в соседних Армиях фронта. Командование обращалось к командирам для соответствующего воздействия на солдат.[304] Братание ширилось в частях 8-й Армии фронта. Часто фактическое перемирие на отдельных участках фронта устанавливалось под непосредственным давлением солдат в результате воздействия большевистской прессы и агитаторов. Под давлением солдат некоторые Комитеты принимали участие в братании. В частности, можно отметить полковой Комитет 659-го пехотного полка 165-й пехотной дивизии 8-й Армии. Однако большинство Комитетов, стоявших на оборонческих позициях, противились братанию.[305] В мае 1917 г. в 161-м Александропольском пехотном полку 8-й Армии, в районе г. Станислава, большевики, агенты врага — штабс-капитан Чинаров и прапорщик Капралов проводили большевистскую пропаганду, возглавляли братание, встречались с австрийцами, вели с ними переписку и бывали в их штабе.[306] Фактическое перемирие, устанавливавшееся на ряде участков фронтов, было на руку противнику для проведения его активизации на Западном, Французском фронте. Как писала «Правда» 22 апреля 1917 г., на Западном фронте «на большинстве участков полное затишье. Целые дни проходят без единого выстрела».[307] Ген. Н. П. Краснов в своей оценке обстановки в армии констатировал: «Война замерла по всему фронту».[308] Как сообщали члены Комитета и оборончески настроенные солдаты и офицеры 78-й артиллерийской бригады действующей армии, в мае «вблизи передовых позиций» произносились ораторами речи в духе большевистской пропаганды. Братание приняло массовый характер, за немногими исключениями, на протяжении всего фронта от Черного моря до Рижского залива царил, если не официальный, то сепаратный мир. «Зараза

---

[303] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 52, 76.

[304] ЦГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 199, л. 178; Там же, ф. 2134, оп. 1, д. 1306, л. 166об.

[305] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 88, 89.

[306] Kriegsarchiv. 3 Armee Komando. Nachrichtenstelle. F. 584, dok. 2680. См. гл. III, стр. ; В. Шкловский. Революция и фронт. Птроград, 1921, стр. 30, 31.

[307] «Правда», 22 апреля 1917 г.

[308] Н. П. Краснов. На внутреннем фронте. Л., 1925, стр. 93.

с быстротой молнии передавалась от солдата к солдату, от участка к участку». Толпы солдат выходят из окопов и идут к окопам противника для братания. В письме указывалось на то важное обстоятельство, что эту «болезнь сначала скрывали, придавая ей кратковременное значение». Теперь положение должно быть признано угрожающим. Дело доходит до того, указывается в письме, что братающаяся пехота угрожает артиллеристам штыками, и что нет достаточно сил для противодействия этому.[309] Комитеты действующей армии вместо решительного пресечения преступного братания, выносили целый ряд постановлений, обращались к солдатам с воззваниями и увещеваниями, так как в случае применения более решительных мер опасались потерять доверие и поддержку масс. Так, дивизионный комитет 34-й пехотной дивизии на Румынском фронте, констатируя, что «солдаты выходят из окопов и вступают в общение с противником», выпустили для противодействия 500 экземпляров воззвания. В 133-м Симферопольском пехотном полку комитет поручил офицерам провести соответствующие беседы. Подобные же меры наблюдались и в других частях. Армейский Комитет 9-й Армии для борьбы с братанием решил «просить» полковые комитеты разъяснить вредность и бесполезность братания и т. п.[310] Но подобные меры мало помогали, и в мае на многих участках армии противник продолжал разбрасывать свои прокламации, русские солдаты ходили брататься, и на фронте, как указывалось в донесении командования, «царит полная тишина». Командование вынуждено было применить против «братальщиков» противника артиллерию.[311] Для прекращения братания войсковые комитеты обращались в Петроградский Совет и фронтовую комиссию ЦИКа о присылке представителей. В мае этого требовал, например, бригадный комитет 2-й артиллерийской бригады 2-й пехотной дивизии «ввиду особой остроты, которую приняло братание на фронте» и опасности, которая угрожает военной готовности России.[312] В постановлениях ряда комитетов были более решительные заявления. Так, армейский комитет 4-й Армии в конце апреля на своем заседании выпустил воззвание к офицерам и солдатам, в котором указывалось, что «братание ... является недопустимым, что братающийся солдат является изменником родины и должен предаваться суду». Армейский комитет одновременно обратился к командирам 7-го, 8-го и 30-го корпусов об открытии огня по братающимся и пре-

---

[309] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 37, лл. 28, 28об. и др.
[310] ЦГВИА, ф. 2749, оп. 1, д. 1, л. 15.
[311] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 3, д. 54, лл. 217, 304.
[312] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 588, л. 9.

дании их суду. Армейский комитет обратился также к Временному правительству с этими же предложениями.[313] В Петроград к Временному правительству обратилась и делегация 7-й Армии Юго-Западного фронта, которая представила соответствующую резолюцию, осуждающую братание. Как уже известно, были и резолюции армейских съездов против братания. На съезде Северного фронта в Пскове 25 апреля была также принята резолюция с осуждением этого разлагающего фронт движения, руководимого большевиками.[314]

Что же делало Временное правительство, Петроградский Совет и Ставка для спасения войск, так как нормальное существование армейского организма и братание взаимно исключали друг друга? 2 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий ген. М. В. Алексеев направил предписание главнокомандующим фронтов о принятии мер против братания. Эти меры предусматривали разъяснение солдатам преступности братания.[315] Как видим, в предписании ген. Алексеева нет ни слова о необходимости серьезных мер. 16 апреля 1917 г. ген. Н. В. Алексеев обратился с письмом к военному министру А. И. Гучкову о положении в армии, в котором констатировал, что пораженческая пропаганда свила себе прочное гнездо в армии. Эта пропаганда, указывал генерал, велась как противником, так и с тыла агитаторами из состава маршевых рот. Ген. Алексеев писал, что безответственные люди заявляют о «прекрасном» настроении русской армии и что необходимо гасить преступную пораженческую и пацифистскую пропаганду.[316] Как видим, письмо не предлагало и не требовало от правительства срочных и конкретных мер для ликвидации братания. 30 апреля на заседании Петроградского Совета было принято обращение к солдатам на фронте, в котором осуждалось братание. Революционные войска могут брататься с армией тоже революционной, а войска противника идут еще слепо за Вильгельмом и Карлом и солдаты их покорны своему командованию. «Вы с открытой душой идете брататься, — гласило воззвание, — а навстречу выходит из вражеских окопов переодетый в солдатский мундир офицер Генерального штаба». Воззвание предостерегало русских солдат против сепаратных договоров, которые имели место на фронте со стороны отдельных рот, батальонов, полков. Люди, утверждающие, что братание — путь к миру, ведут к гибели армии и свобо-

---

[313] ЦГВИА, ф. 2118, оп. 6, д. 1, лл. 18, 18об., 19, 19об.

[314] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 53, лл. 18, 23 и др.; См. также осуждающие братание решения арм. съезда 7-й Армии; Там же, д. 53, л. 43.

[315] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 569, л. 15.

[316] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 6, 62, 63.

ды и т. п.[317] Если умеренный тон и увещевательный характер обращения Петроградского Совета к солдатам в столь грозный час для судеб армии и революции был не ко времени, то телеграмма военного министра от 18 мая начальникам штабов фронтов о прекращении братания напоминала безобидные циркуляры министерства народного просвещения, а не носила характера приказа, исходящего из военного министерства. А. Ф. Керенский просил (именно просил! — М. Ф.) объявить в приказах и разъяснить солдатам, что братанье недопустимо и осуждено как Правительством, так и Петроградским Советом, и «считал полезным» раздавать солдатам тексты этих постановлений и указывал, что необходимо привить армии здоровые понятия о долге перед свободной родиной.[318] Такой характер носила в этот период реакция Временного правительства на волну гибельного братания.

Как утверждал английский посол Дж. Бьюкенен, конечная цель Ленина состояла в том, чтобы превратить ведущуюся войну в гражданскую войну внутри страны. Бьюкенен говорил еще Милюкову, что Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено продолжать вести свою политическую игру и возбуждать солдат. Английский посол верно подметил, что Керенский полагался «на речи и только на речи». Керенский, продолжал Бьюкенен, ведя пропаганду дисциплины в армии, позволял в то же время проводить большевистскую агитацию, проповедующую мир и братание с немцами. В войсках бытовала привычка обсуждать приказы.[319] Хотя Дж. Бьюкенен ничего нового не сказал, но его утверждения соответствовали истине. Следует отметить, что генеральская верхушка не отдавала себе полностью отчета в вопросах ширившегося братанья. На майском совещании Главнокомандующий Западным фронтом ген. Гурко утверждал, в противоречии с фактами, о полном прекращении братания на руководимом им фронте.[320]

Трагедия положения заключалась в том, что сильный в начале социалистический лагерь меньшевиков и эсеров постепенно терял свою власть, авторитет в тылу и на фронте. Характерным выражением этого факта является письмо И. Г. Церетели к Веселовской в начале мая, где затронут и вопрос братанья. Церетели констатировал, что хотя комитеты выносили самое решительное порицание братанию, на деле «братание идет во всю и никто этому не может помешать». Препятствия братанию со стороны

---

[317] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 622, лл. 519, 519об.
[318] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1600, лл. 11, 11а.
[319] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, 2-е изд., стр. 22, 239, 345.
[320] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 140.

артиллерии навлекает на последнюю ненависть пехоты. Солдаты утверждают, продолжает Церетели, что война выгодна только капиталистам, а «я не капиталист и воевать не буду». Комитеты совершенно не отражают настроения солдатских масс и часто подвергаются самым суровым угрозам при противодействии братанию. Церетели утверждал, что необходимо «развеять официальный оптимизм».[321] Как видим, Церетели расписывается в собственной беспомощности, а, по существу, и всего социалистического лагеря в деле оздоровления армии прекращением братания и т. п.

Резолюции о братании, составленные Лениным и утверждающие, что братание приведет к ликвидации войны, было рассчитано на политически незрелую солдатско-крестьянскую массу, но сам Ленин, как и многие большевики, не верил в эту наивную политическую приманку, брошенную фронтовикам. Расчет Ленина строился на другом. Ухватившись за звено братания и всячески проводя его, большевики разрывали всю цепь дисциплины и подрывали боеспособность армии. О стихийности братания можно лишь говорить условно для его начального периода. Едва ли можно говорить о стихийности этого явления, если оно оформлялось соответствующими резолюциями, прокламациями и даже договорами некоторых частей о перемирии с немцами на определенных участках фронта уже в мае.[322] Вряд ли темная и политически незрелая солдатская масса смогла без большевистских агитаторов создавать определенные формы этого движения.

Истинные цели ленинских камуфлированных резолюций не были разгаданы даже многими большевиками. Так, при обсуждении апрельских тезисов в Киевском областном Комитете РСДРП(б) многие активисты-большевики характеризовали братание как утопию в деле прекращения войны, а депутат Горовиц заявил, что ленинская проповедь братания «не марксистский способ ликвидации войны, а анархический» и т. д.[323] Л. Д. Троцкий на 1-м съезде Советов пытался отвести обвинения против большевиков заявлением, что братание или фактическое перемирие» — явление стихийное, боеспособность армии не будет создана, «ибо нельзя остановить стихию».[324]

---

[321] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, лл. 31, 31об.

[322] Первый Всероссийский съезд Советов р. и с. д., т. I. Из выступления А. Ф. Керенского «...мне пришлось видеть один договор, заключенный нашим полком на фронте. Этот полк заключил договор с двумя германскими офицерами...», стр. 81.

[323] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 33.

[324] Первый Всероссийский съезд Советов, т. I, стр. 439.

Исстрадавшаяся, скверно одетая, полуголодная солдатско-крестьянская масса, особенно ее некоторая прослойка, подвергшаяся обработке большевиков, часто чрезмерно доверяла последним, что братание — путь к миру, что один русский полк может самостоятельно заключить мир с другим вражеским полком. Отношение этих солдат к братанию довольно четко выразил один из делегатов съезда Юго-Западного фронта: «Братание ведет к затишью, а затишье есть преддверие перемирия, а перемирие — преддверие сепаратного мира».[325] Участие в братании многих солдат было и показателем разложения и общего кризиса, охватившего армию, катастрофически терявшую свою боеспособность, солдаты которой не хотели, а часто и не могли вести затянувшуюся войну. Однако как Временное правительство, так и командование не приняло надлежащих мер по борьбе с братанием в самом широком аспекте мероприятий. Когда в июле, после провала наступления спохватились, было уже поздно.

Несмотря на старания большевиков и попытки турецкого командования, братание на Кавказском фронте не нашло отклика в армии. Маневренный характер военных действий, отсутствие застывшей линии окопов и наличие большого количества казачьих частей не благоприятствовали братанию. В противоположность европейским театрам военных действий на Кавказском фронте в составе войск противника отсутствовали родственные русским солдатам, в языковом отношении, этнические группы (украинцы, поляки и т. д.), что также служило помехой к братанию. Тормозила братание и исключительная слабость большевистских организаций на Кавказском фронте. Сколько-нибудь значительным влиянием большевики пользовались в гарнизоне Шериф-Хане, и несколько большевиков было в составе Казвинского комитета.[326] В силу специфики фронта (бездорожье, расстояние) большевики с тыла в единичных случаях проникали на фронт, а поток большевистской литературы задерживался Красокаром и командованием. Так, в мае 1917 г. в контакте с командованием Тифлисский Совет конфисковал переброшенные большевиками 40 тысяч экземпляров «Правды», замаскированные в тюках под подарки.[327] Находясь на чужой территории, вдали от русских промышленных и политических центров, Красокар и командование могли себе позволить вести более энергичную борьбу с большевиками, по сравнению с западными театрами военных действий. За проповедь

---

[325] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 88.

[326] М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче. М., 1957, стр. 14, 15; АВПР, ф. МИД, Канцелярия, 1917 г., оп. 470, д. 55, л. 135.

[327] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 53, л. 66об.; «Кавказ», 14 июня 1917 г.

братания большевиков арестовывали даже в Тифлисе. Так, в начале июня заявивший на митинге о необходимости братания на фронте большевик Эрганян был арестован. Некоторые большевики, находясь в изоляции и не встречая поддержки в массе, меняли тактику и, проповедуя братание, возражали против отказа от наступления. Такой, например, тактики придерживался в гарнизоне г. Калкита арестованный впоследствии большевик Погосянц.[328] Следует также отметить энергичную борьбу, которую вели армейские выборные организации с турецкими попытками проведения братания и пропагандой большевиков, при помощи выпуска соответствующих воззваний к солдатам, как это было в частях 7-го отдельного армейского корпуса Кавказской армии.[329] В то время, когда на европейских фронтах, как уже известно, имело место массовое братание и заключение явочным порядком перемирия, на Кавказском фронте, на Калкитском, Эрзинджанским, Ванском направлениях, на р. Диале и в других местах братание не наблюдалось, хотя изнурение частей продолжающейся войной здесь было не меньше, а то и пожалуй больше, чем на европейских фронтах.[330] В то же время германско-турецкое командование делало все, что было в его силах, для втягивания русских солдат в братание. В мае, на фронте Кавказской армии, в 7-м армейском корпусе, в районе Бане, перед фронтом русских частей появились 2 турецких офицера, 3 аскера и сувари (кавалеристы) в качестве парламентеров с запасом соответствующих прокламаций. На другом участке аскеры с белым флагом за цепью вооруженных курдов также разбрасывали прокламации. Многие парламентеры были захвачены русскими частями в качестве военнопленных.[331] На фронте другого корпуса Кавказской армии было задержано 3 аскера, назвавших себя «переговорщиками», и снабженных соответствующим письмом к русским солдатам.[332] Прокламации содержали обращение «К свободному русскому народу» и обвинения против англичан, в интересах которых русские солдаты якобы воевали».[333] Неудачные попытки братания со стороны турок и появление их «переговорщиков» наблюдались и на участках 1-го Кавказского армейского корпуса (17-й Туркестанский полк) и на других участках. В начале на позиции 39-й пехотной дивизии турецкие прокламации призывали русских солдат к братанию и

[328] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 18. (Заседание Красокара 1 июня, протокол); «Кавказ», 9 июня 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2303, оп. 2, д. 62, лл. 2, 2об., 3. (Общий корп. съезд 5-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов).

[329] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 6, д. 2, л. 28об. (протоколы).

[330] «Кавказ», 24 мая 1917 г.

[331] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 2, лл. 21, 34а, 35.

[332] ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 33, л. 586.

предлагались правила и условия ведения переговоров, которые предусматривали ведения братания на нейтральной полосе, между передовыми линиями, а переговорщикам предлагалось иметь при себе письменные удостоверения частей. Немцы и турки учитывали наличие солдат-поляков в составе Кавказской армии, в связи с чем ими разбрасывались прокламации и на польском языке и воззвания к солдатам-полякам о решении Австро-Венгрии и Германии восстановить самостоятельность «Царства Польского». Прокламации предлагали солдатам-полякам переходить на сторону турок, дабы потом присоединиться к польским частям на стороне центральных держав «для борьбы с вашими угнетателями», т. е. с русскими. Русская армия не оставалась в долгу и при помощи «агентов-проносителей» и аэропланов сбрасывала свои прокламации.[334] В июне многие турецкие прокламации за подписью Али-Ихсан-Паши предлагали русским солдатам договориться о мире и демагогически возбуждали их против союзников-англичан.[335] Однако все германо-турецкие попытки завязать братание на Кавказском фронте терпели провал. Русские солдаты воздерживались здесь от контактов с противником. На Кавказском фронте были сильны оборонческие тенденции. Комитеты заверяли Временное правительство и командование в успехах «установления твердого порядка на позициях» (например, 1-й Карказский корпус). Представители Антанты пока пользовались здесь успехом. Состоящий при Кавказской армии французский полковник Шардиньи передал съезду Кавказской армии приветствие ген. Жанена, в котором выражалась уверенность, что «С Кавказской армией мы не желаем думать о мире до тех пор, пока не будем убеждены в победе».[336]

На падение боеспособности армии и ее политико-моральное состояние огромное влияние оказывала нараставшая хозяйственная разруха, коснувшаяся всей экономики страны, особенно ее главных определяющих отраслей: металлургии, топлива, машиностроения и др. Рост финансового кризиса, дороговизны, борьба рабочих за повышение заработной платы приводили к неизбежному истощению в промышленности ее оборотных средств со всеми вытекающими отсюда последствиями. Систематически снижалась производительность труда. В конце марта Особое Совещание

---

[333] «Наш Голос», орган 7-го Кавказского корпуса, 26 мая 1917 г., № 4.

[334] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 279, лл. 18, 32, 35, 36; Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 13, л. 408.

[335] АВПР, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 52, л. 430.

[336] ЦГВИА, ф. 2294, оп. 4, д. 1, лл. 13, 25, 25об.; Там же, ф. 2169, оп. 1, д. 440, л. 29.

по обороне государства констатировало, что снабжение России металлами, в том числе и заграничного производства, находилось в самом неудовлетворительном состоянии. Многие заводы прекращали свою деятельность вследствие удовлетворения их нужд в металле менее чем на 1/5 месячной потребности. Совещание отмечало, что из-за недостатка металлов «снабжение армии может оказаться вновь расстроенным» и страна может быть поставлена в «опасное положение». Промышленность лихорадило вследствие систематического недостатка цветных металлов (медь, алюминий, олово, цинк) и черных металлов. Запасы на предприятиях отсутствовали. Общая потребность в металлах заграничного производства на 1917 г. выражалась в 17 842 856 млн пудов и более чем в 1,5 раза превышала потребность 1916 г. и в 2,3 раза количества металлов, ввозимых из заграницы в 1916 г.[337] В мае Особое Совещание по обороне отмечало, что нарастающий кризис промышленности и недостаток в сырье, материалах и топливе приводил к общему падению производительности труда на 50%.[338] Несоответствие предусмотренных заказами и контрактами цен в связи с неизбежным удорожанием сырья и материалов вообще, повышения зарплаты, реальные условия производства создавали непреоборимые трудности для всей промышленности, которая ввиду истощения в подобных условиях оборотных средств, требовала все новых и новых средств от государства. Это же Совещание на своем заседании от 21июня 1917 г. заключило, что «положение промышленности катастрофическое»[339] Строительство новых предприятий и расширение существующих было заморожено, так как комиссия под председательством ген. А. А. Маниковского приостановила постройку ряда новых заводов, окончание строительства которых выходило за рамки 1917 года. Была заморожена постройка ряда заводов в Туле, Екатеринославе, вблизи Сормова, на станции Каменской, Онежский завод и др.[340] На действующих предприятиях, работающих на оборону, вследствие отсутствия топлива, чугуна, железа, цветных металлов, оборотных средств, создалась реальная угроза их закрытия. Многие из этих предприятий прекратили работу по выпуску продукции так необходимой фронту. Так, на Путиловский завод в июне поступало ежедневно 2—3 вагона угля при потребности этого гиганта не менее 45 вагонов в сутки. Из-за отсутствия бензина создавалась угроза приостановки работ на Петроградском заводе «Треугольник», насчи-

---

[337] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 151, лл. 90, 90об., 91об.
[338] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 378, лл. 48, 49.
[339] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 377, лл. 50, 51, 53; Там же, оп. 1, д. 380, л. 19.
[340] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 378, лл. 65, 147, 148, 149.

тывающем около 18 тысяч рабочих. Такое же положение было на заводах «Общества русских трубопрокатных заводов» из-за нехватки угля. Сокращение работ и приостановка деятельности коснулись предприятий Харьковского, Одесского, Ростовского на Дону районов. Прекращали свою работу и предприятия, непосредственно находящиеся в ведении Главного Артиллерийского управления. Например, это касалось трубопрокатного и механического завода «В. Г. Сталь» в Воронеже. Закрывались механические, подковные, проволочные, гвоздильные и другие предприятия, в том числе и по производству гранат. В Одесском районе не работало около 35 предприятий и мастерских, производящих военную продукцию (Одесский снарядный завод, завод «Ген» и др.). В результате всего комплекса отрицательных факторов разрухи угрожающе падала производительность труда на предприятиях. Так, на крупнейшем московском заводе Бромлей в июне 1917 г. производительность снизилась на 40%.[341]

Особенно отмечало Главное интендантское управление «неисправность поставщиков» (вещевого довольствия), которые не выполняли договоров по доставке армии необходимых предметов. Эта нехватка была результатом общего экономического кризиса с его недостатком всяких рыночных материалов, серьезными затруднениями в своевременной доставке по железным дорогам сырья и других грузов, нехваткой рабочих рук, вызванной мобилизацией, повышением цен, что сопровождалось длительными забастовками с требованием повысить и заработную плату.[342]

Съезд представителей районных Совещаний по топливу в июне выявил малоотрадную картину состояния русской каменноугольной и антрацитовой промышленности в первой половине 1917 г., снижение продукции которой и сокращение ее вывоза вследствие кризиса ж.-д. транспорта и др., подрывало все основы работы русской промышленности. Добыча всего минерального топлива за первое полугодие 1917 г. в России составляла 822 миллиона пудов и была ниже добычи первого полугодия 1916 г. на 80,8 млн пудов. Одна из главных причин этого положения — уменьшение производительности труда. Так, в январе 1916 г. производительность одного рабочего составляла 721 пуд, в марте 1917 г. — 529 пудов, а в мае и июне соответственно 462 и 457 пудов угля. Таким образом, в июне 1917 г. уменьшение производительности труда одного рабочего против июня 1916 г. составила 31,2%. В то же время число рабочих на копях в июне 1916 г. равнялось

---

[341] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 15, лл. 82, 98; Там же, оп. 21, д. 153, лл. 1об., 3, 3об., 75; Там же, ф. 369, оп. 9, д. 41, л. 257.

[342] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2020, л. 97об.

222 тысячам, а в июне 1917 г. — 278 тысячам. Однако не вся добыча угля вывозилась потребителям, и сокращение вывоза происходило вследствие нехватки паровозов, вагонов. Требовался ремонт 24% всего состава паровозов. 50% всего вывоза угля первого полугодия 1917 г. шло на нужды железных дорог, а лишь 22,3% всего вывоза получали металлургические заводы, железные рудники и коксовые печи. 18 крупнейших южных металлургических заводов получали лишь 19,1 миллионов пудов угля при нормальной потребности в 32 миллиона пудов. Металлургические заводы работали ниже своей производительности на 40%. Петроградский и Московский промышленные районы получили в первое полугодие 1917 г. менее половины необходимого угля. В результате, как вся промышленность, и в частности металлургия, так и ж.-д. транспорт переживали топливный голод. Мало того, ж.-д. транспорт вступил в полосу кризиса из-за нехватки рельсов, ж.-д. вагонов и мощных паровозов. Об отсталости русского ж.-д. хозяйства можно судить по тому факту, что на одну версту железных дорог в России приходилось 7,5 вагонов, что уступало оборудованию вагонами железных дорог Запада вдвое и втрое.[343] Министерство путей сообщения в своем докладе Совету министров 23 февраля 1917 г. о путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны, отмечало, что в пределах России невозможно получить достаточное количество рельсов. Если накануне войны рельсопрокатные заводы России производили 72 миллиона пудов рельсов, то за весь 1916 г. было прокатано едва 17 млн пудов, а в 1917 г. «едва ли будет прокатано и такое количество». В то время для одних только дорог фронта ежемесячно необходимо было более чем 2 миллиона пудов рельсов. Как заявил в июне на заседании Особого Свещания по обороне его председатель П. И. Пальчинский, ни один из вагоно- и паровозостроительных заводов страны, даже находящихся в благоприятных условиях в смысле снабжения топливом и материалом, не дает более 50% своей производительности.[344] В результате отмеченных нами отрицательных фактов в работе железных дорог, в марте и апреле 1917 г. общий недовоз по всем фронтам составлял 40% от заданной нормы, как об этом свидетельствовал журнал заседаний в Ставке 16—17 мая 1917 г.[345]

Отмеченное положение в топливном хозяйстве, металлургии, ж.-д. транспорте и в других отраслях народного хозяйства страны отрицательно сказалось и на заводах, работающих на оборону. Уже

---

[343] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 12, лл. 424, 425, 430.
[344] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 378, л. 158.
[345] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1691, л. 77об.

в феврале 1917 г. только в Уральском, Екатеринославском промышленных районах полностью простаивало 39 крупнейших оборонных предприятий, не считая частичной приостановки и значительного сокращения производства в других.[346] Одновременно происходили опасные для обороны страны и боеготовности армии вынужденные отсрочки по контрактам военного ведомства с рядом крупнейших предприятий. В качестве мотивов предприятия указывали на несвоевременное получение сырья, в частности металла и топлива. По нашим подсчетам, с 1 по 15 июня свыше 30 предприятий, в том числе завод «Треугольник», «Русские кабельные и металлопрокатные заводы» и другие получили эти вынужденные отсрочки.[347]

Происходившее в самый разгар наступления в июне 1917 г. заседание Особого Совещания по обороне дает картину положения в деле снабжения армии предметами вооружения. Совещание признало, что снижение производительности отечественных заводов произошло вследствие нехватки топлива, металла и снижения производительности труда. Было принято решение об усилении поисков путей на получение заграницей орудий и снарядов, особенно крупных и средних калибров. На заседании было признано, что со стороны союзников происходит задержка готовых орудий, а «снабжение зенитными орудиями представляется в безнадежном положении».

С марта 1917 г. наблюдалось дальнейшее сокращение выхода из производства тяжелых снарядов на оборонных заводах, вследствие неподачи вагонов под уголь и реквизиции железными дорогами этого топлива в пути следования, на что особенно жаловалась администрация заводов Екатеринославского промышленного района. Систематический недовоз и реквизиция угля, предназначенного заводам и нехватка нефти привели к приостановке производства снарядов на протяжении мая—июня 1917 г. на многих заводах страны. В процентном отношении потребности русской армии в предметах артиллерийского снабжения и других на период с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. покрывались в следующем виде: 1) 42-линейные скорострельные пушки — 25%; 2) 45-линейные гаубицы — 25%; 3) 48-линейные — 55%; 4) минометы — 31%; 5) пулеметы и ружья-пулеметы — 16%. Даже 3-линейными винтовками армия была обеспечена всего лишь на 70%.

Подготовительная комиссия Совещания предложила найти пути усиления производства 3-линейных винтовочных патронов. Совещание по обороне настаивало перед военным ведомством об

---

[346] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 474, лл. 1, 1об., 3, 3об.

[347] ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 265, лл. 11об., 12.

увеличении производительности заводов по изготовлению снарядов. Было обращено внимание Ставки на необходимость немедленной доставки с фронтов стрелянных артиллерийских и ручных гильз и т. п.[348]

Происходили срывы и в поставке заводами взрывателей, значительную часть изготовления которых крупный завод «Динамо» откладывал на 1918 г. и требовал дополнительного денежного аванса. В случае невыдачи аванса «Общество Русского электричества» угрожало закрытием производства. Подобные срывы имели место на Коломенском машиностроительном и Сормовском заводах.[349] Крайне неудовлетворительно шло выполнение заказов на минометы. Из изготовленных по заказу военного ведомства Центральному военно-промышленному комитету 2 500 минометов, было принято в конце мая 972, а в части других поставленных минометов оказались дефекты. Заказанные во Франции 360 минометов так и не были изготовлены. В мае на фронтах имелось в наличии 1 148 минометов (образца Дюмедиль), менее одной трети заявленного армией количества. Особенно плохо обстояло дело с изготовлением тяжелых минометов (189 мм), потребность в которых определялась в количестве 2 400 штук, заказано же было всего 290, однако и те не были изготовлены. В счет заказанных в Англии 350 минометов поступило только 20. Что же касается мин к минометам Дюмедиля, то из заказанных 1 703 000 штук до 1 мая было доставлено лишь 879 тысяч штук, а для завершения заказа требовалось не менее 14 месяцев. По определению Особого Совещания по обороне, плохо обстояло дело с минами для тяжелых минометов. Помощник военного министра ген. А. Маниковский был вынужден признать, что в вопросе снабжения армии минометами и минами дело «действительно обстоит неудовлетворительно» и т. п.[350] В начале июня 1917 г. «Первое акционерное общество ружейных и пулеметных заводов» уведомило военное министерство, что 1000 пулеметов, срок сдачи которых предусмотрен не позже 1 июля, и 3-х тысяч до 1 января 1918 г. «не могут быть изготовлены ... по причине не зависящей от завода». Общество ссылалось на запоздание с подвозом материалов, станков и т. п. Валовое производство ружей-пулеметов акционерное общество обещало начать не ранее мая 1918 г.[351] На отдельных заводах наблюдалось в мае—июне прекращение производства бен-

---

[348] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, лл. 62, 63, 64, 69об., 70; Там же, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 132, 166 и др.

[349] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 378, лл. 197, 198, 221, 222.

[350] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 368, лл. 68, 69, 70.

[351] Там же, д. 378, лл. 143, 144.

зола и толуола, крайне необходимых для изготовления взрывчатых веществ. Одной из причин этого явления было отсутствие коксующегося угля, срыва его поступления на заводы в связи с частыми реквизициями последнего еще в пути по железным дорогам. На Совете было констатировано, что сокращение производства взрывчатых веществ представляет «серьезную государственную опасность».[352] На заседании Особого Совещания по обороне председатель химического комитета ген-лейтенант Ипатьев обратил внимание на серьезные затруднения в области снабжения коксующимся углем бензольных заводов. Эти предприятия нуждались в ежемесячной доставке до 23 миллионов пудов коксующегося угля.

В деле обеспечения русской армии порохом преобладающее значение оставалось по-прежнему за заграничными заказами, и было отмечено, что полное использование отечественных пороховых заводов «встречает постепенные препятствия в общих экономических условиях страны».[353] Из рук вон плохо обстояло и дело снабжения армии авиацией. Об этом свидетельствует следующая цифровая таблица о потребности русской армии в аэропланах и о снабжении последними действующей армии за 1 год.[354]

	Аэропланы без двигателей	Двигатели для аэропланов
Потребность с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г.	3 284	3 891
Всего отпущено в армию	1 090	1 671

Таким образом, разруха, царящая во всем народном хозяйстве России, и в особенности в ее определенных отраслях (топливная, металлургическая, транспортная и др.), подрывала боеспособность русской армии и создавала реальную угрозу ее разгрома более технически оснащенным противником.

Крайне тяжелым продолжало оставаться положение солдат русской армии в деле необходимого снабжения их предметами вещевого довольствия (шинели, гимнастерки, белье, обувь и др.). Русская легкая промышленность, в том числе кожевенная и др. ее отрасли, ощущали на себе все последствия общей хозяйствен-

[352] Там же, д. 378, лл. 176, 177.
[353] Там же, д. 376, лл. 127, 128.
[354] По материалам Особого Совещания по Обороне. См. ф. 369, оп. 21, д. 145, лл. 79об., 80 и др.

ной разрухи. Как явствовало из доклада помощника Военного министра в Главном интендантском управлении о положении со снабжением армии на 1 мая 1917 г., отечественные фабрики сократили свою производительность в выпуске серошинельного сукна на 20%, а мундирного на 50%, и резко уменьшился приток этого материала из-за рубежа. Вместо ожидаемого, например, из Англии поступления готового уже сукна в 17,9 млн аршин и находящегося в стадии производства 14,7 млн, можно было рассчитывать на получение не ранее 1. 1. 1918 г. — 4,8 млн аршин и т. п. В создавшейся обстановке, отмечалось в докладе, армия совершенно не обеспечена обмундированием как на летние месяцы, так на осень и на зиму. Помощник министра предлагал заменить сукно молескином и хлопчато-бумажными тканями, что могло в какой-то степени ослабить «надвигающийся кризис», усилить доставку готового сукна из-за границы, увеличить производительность отечественных фабрик, сократить расходование вещей и т. п.[355]

В циркуляре Главного Интендантского управления в конце мая, направленном в армию, указывалось, что производительность отечественных фабрик в изготовлении вещевого довольствия пала от 20 до 50%, и что армия не получит на период до 1 января 1918 г. необходимого ей обмундирования — шинелей, походных рубах, шаровар и др. даже в прошлогоднем размере. Особенно усложнилось положение вследствие полного прекращения притока сукна из-за границы и отсутствия необходимого сырья в России.[356] Показатели падения производительности по отдельным крупным предприятиям в марте—июне дают неопровержимые доказательства отмеченного нами кризиса в снабжении армии вещевым довольствием. Крупнейшая Невская фабрика механической обуви сократила свою производительность в июне на 26%, Шлиссельбургская мануфактура вместо предусмотренного производства в июне 66 тысяч стандартных кусков полотна и других тканей, фактически выпустила 30 646 кусков, Кренгольмская мануфактура вместо рассчитанных 9 120 000 аршин фактически сдала на склад только 4 265 073 аршина тканей. По сравнению с 1914 г. на этом последнем крупнейшем предприятии производительность пала на 62% и на 20% по сравнению с февралем 1917 г. На Петроградской фабрике «Скороход» в июне производительность снизилась на 25%[357] В июне на фабриках и заводах Алафузовского Общества (обмундирование и теплые вещи для армии)

---

[355] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1068, лл. 12, 12об.
[356] ЦГВИА, ф. 2294, оп. 3, д. 1, лл. 229, 273.
[357] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2020, лл. 167об., 168об., 169, 170, 176об. и др.

производительность уменьшилась на 45%. В оправдание невыполнения заказов военного ведомства эта и другие фабрики приводили такие причины, как отсутствие сырья, неподача ж.-д. ведомством вагонов с топливом и сырьем, отсутствие рабочей силы, трудовые конфликты и стачки, отсутствие оборотных средств, ссылались и на «обстоятельства переживаемого момента» и т. п.[358] Жалобы на отсутствие рабочей силы были вполне обоснованы. Так, на Невской фабрике механической обуви вместо обычно занятых 2 500 рабочих в апреле и в июне фактически работало 1 200 человек. Это отсутствие рабочей силы касалось и других заводов.[359]

О невозможности удовлетворить самые насущные нужды армии в рассматриваемый нами период и в другое время свидетельствует такой официальный документ, как приказ военного министра А. Ф. Керенского от 3 июня 1917 г. Приказ констатировал, что беспримерное в истории образование столь многочисленной армии не дает возможности обеспечения солдат всем необходимым как старыми предприятиями, так и вновь возникшими. В силу необходимости пришлось делать большие заказы за границей. В армии вводились даже оплата солдатам за носку собственных вещей. Министр призывал к бережливости. В июне же, по сведениям главного интендантства военного министерства, в течение длительного времени создавалось «затруднительное положение» в снабжении армии обмундированием. К зиме, писал главный интендант, положение еще более ухудшится, так как более чем 28 млн аршин готового сукна, заказанного за границей, не поступило «по причинам политического характера». Отечественная же промышленность, и ранее удовлетворявшая незначительный процент потребности армии, будет производить необходимые материалы еще в меньшем количестве, в связи, в частности, с конфликтами на трудовом фронте. При самых благоприятных условиях, продолжал главный интендант, можно рассчитывать, что теперешняя потребность армии, возможно, будет удовлетворена к январю 1918 г.[360] Доставка заказов из-за рубежа осложнялась отсутствием в распоряжении Временного правительства необходимого количества иностранной валюты, безнадежной запоздалостью выполнения русских заказов и несвоевременной доставкой последних. За неимением валюты был приостановлен, например, заказ в Японии, предусмотренный к выполнению до 1 июля 1917 г. (заказ

---

[358] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1094, лл. 6, 66; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 2020, лл. 176, 178; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1099, л. 15 и др.

[359] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2020, лл. 168, 169, 176 и др.

[360] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, л. 37; Там же, ф. 2009, оп. 1, д. 38, лл. 428, 428об.

включал 3 млн ярдов серошинельного сукна, 3 млн пар сапог и 30 тысяч комплектов кавалерийских седел. О положении экономики страны говорит и номенклатура заграничных заказов, включающая мешки, гвозди, нитки, патронные сумки, подковы и др., требования на изготовление которых достигали многих миллионов (10 млн. гвоздей, 130 млн мешков, 1,216 млн подков и т. п.)[361] После Февральской революции в армии продолжал стремительно нарастать кризис снабжения солдат обувью. Интендантская служба не была в состоянии удовлетворить самые насущные запросы солдат в этом виде вещевого довольствия. Об этом говорят цифры потребности в обуви и фактическое количество последней, предназначенной к отпуску к 1 апреля 1917 г.

Фронты:	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский	Кавказский
В апреле 1917 г.	179 612	345 193	785 751	444 293	237 298
Назначено к отпуску	45 658	72 326	193 072	42 426	113 534

Если принять во внимание весеннюю распутицу и снабжение многих солдат ботинками вместо сапог, то глубина обувного кризиса в армии станет более очевидной.[362] Нехватка солдатской обуви на фронтах усиливалась в связи с хроническим характером ее недосылки в феврале и ранее.

Главный полевой интендант сообщал в военное министерство 28 февраля, что «за первую половину февраля выслано крайне незначительное количество обуви, особенно Северному фронту, а Румынскому и вовсе ничего не высылалось». Другие материалы свидетельствуют, что из предназначенных Северному фронту по плану с февраля по апрель 400 тысяч пар обуви было отправлено всего лишь 3 тысячи. Западному фронту выслано 39 тысяч пар вместо 200 тысяч предназначенных. Точно так же на Кавказский фронт было выслано 28 тысяч пар из запланированных военным ведомством 200 тысяч.[363] Только за март 1917 г. на театры военных действий было недослано 767 тысяч пар обуви. Следует также учесть, что климатические условия русского фронта и его окоп-

[361] ЦГВИА, ф. 499, оп. 5, д. 539, л. 1, 1об.; Там же, ф. 369, оп. 21, д. 145, лл. 153об., 154; Там же, ф. 299, оп. 5, д. 597, л. 595; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1701, лл. 5, 9; Там же, ф. 499, оп. 5, лл. 17, 36.

[362] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 56, 77, 78.

[363] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, л. 78; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 2045, л. 51; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 2143, л. 53.

ный быт еще более усиливали разутость солдат, так как из армейского наличия выдавалась фронтовикам брезентовая обувь и ботинки (около 60 тысяч ботинок).[364] Крайняя нехватка как обуви, так и других видов вещевого довольствия на фронтах создавала невыносимое положение в частях и вызывала острое недовольство солдатской массы. 9 апреля начальник штаба Верховного Главнокомандующего настаивал перед министерством Путей Сообщения о срочной подаче вагонов для погрузки вещевого довольствия Юго-Западному, Румынскому, а потом и другим фронтам и о формировании срочных маршрутных отправок. На обоих южных фронтах чрезвычайно обострился вопрос снабжения солдат сапогами, бельем, обмундированием. Главный Интендант Ставки ген. Егорьев писал, что «солдаты по месяцам не меняют белье, ходят в рваной обуви» и летом носят теплое обмундирование. На Северном фронте дело обстояло не лучше, а на Западном театре военных действий, согласно телеграммы ген. Егорьева в Военное министерство, была «большая нужда особенно в сапогах». В июне, по свидетельству интендантства, по всем фронтам было много недослано «за январскую треть». В счет недоотправки Румынскому фронту январских нарядов 1917 г., достигающих 1 600 000 пар обуви, до половины июня этого года было отправлено лишь 651 тысяч пар сапог, из которых к месту назначения прибыло только 470 тысяч пар. Таким образом, потребность фронта даже за прошедшее время была удовлетворена на 34%. 16 июня глава интендантства ген. Егорьев в своей телеграмме из Ставки опасался, что «скоро фронты останутся без обуви».[365]

Эта нехватка обуви и разутость солдат происходила несмотря на огромные усилия России в деле изготовления армейских сапог. Так, на третьем году войны с 15 июня 1916 г. по 1 июля 1917 г. в стране было заготовлено 12 871 000 пар сапог, а по заказам за границей — еще 6 914 000. Положение усложнялось в связи с тем обстоятельством, что железная дорога не успевала с перевозками армейских грузов и вследствие неподачи вагонов. В связи с разутостью армии дело доходило до того, что Военное интендантство до конца июня направило в армейские склады лапти в количестве 1 372 193 штук.[366] Определенной причиной отсутствия необходимого количества сапог и других наименований вещевого довольствия была катастрофически малая оборачиваемость ж.-д. вагонов, в результате чего происходило нарушение сезонности доставки

---

[364] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, лл. 83, 126.

[365] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 111, 119.

[366] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2145, л. 149; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1099, л. 15; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 2176, л. 20.

вещдовольствия. Армейское командование рассматривало термин «в пути» как безнадежное обещание интендантства. Так, в апреле из заявленных Юго-Западным фронтом 5 587 000 пар сапог, интендантство занарядило только 1 600 000 пар, а получено фронтом в счет этого количества всего лишь 262 000 пар. «В пути» находилось 281 000 пар обуви. В марте 1917 г. на Западный фронт прибыли «странствующие» грузы, и армия получила весной в большом количестве валенки вместо летнего обмундирования. Солдаты волновались, так как в мае одеты были в ватную одежду и в папахи. В штаб фронта и к армейскому начальству почти ежедневно являлись солдатские депутации с требованием летнего обмундирования.

На Юго-Западном фронте, как в марте, так и в апреле—мае значительное количество солдат было лишено нательного белья. Как доносил Военному министру член Государственного Военного Совета ген. Шуваев в начале мая, многие из солдат «не имели рубашек совсем» и много фронтовиков было лишено сапог и др. В докладе было обращено внимание на тяжелейшее положение со снабжением Юго-Западного фронта необходимым количеством нательных рубах. Этот фронт сделал заявку на 7 857 000 белья. Главное интендантство назначило для нужд фронта 4 800 000, а получено было всего 800 тысяч нательных рубах. Как сообщал ген. Шуваев, 1 млн пар белья был задержан «в пути». Главное интендантство Юго-Западного фронта было вынуждено объявить покупку 1 млн белья у местного населения.[367]

Свирепствующий кризис снабжения армии предметами воинского обмундирования и обуви в условиях продолжающейся экономической разрухи всего народного хозяйства не мог быть преодолен, и дальнейшее его развитие вызывало в армии волнения и снижало ее боеготовность. Характерно, что и руководство Главного интендантского управления уже весной 1917 г. в своем докладе Военному министру признавало, что необходимые потребности армии не могут быть удовлетворены. Более того, Главное интендантство считало бесперспективным улучшение положения в деле снабжения и на будущее. В докладе особо отмечалось, что «потребность громадной армии, несоразмерная с производительными силами страны, не может быть удовлетворена по тем нормам, которые устанавливались фронтовым начальством». Интендантство настаивало на дальнейшем снижении норм снабжения предметами вещевого довольствия действующей армии и отказывалось от снабжения тыловых воинских учреждений. Довольствие армии,

[367] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 176, 176об.; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1084, лл. 38, 39, 47, 55, 59, 68.

отмечалось в докладе, не может быть улучшено в связи с сокращением числа рабочих на предприятиях, резким падением производительности труда, отсутствием топлива, металла, многих видов сырья и особенно расстройством ж.-д. транспорта. В заключение Главное интендантство утверждало, что в текущем 1917 г. производство вещей и материалов резко снизится по сравнению с прошлым 1916 г.[368] Определенное, хотя далеко не точное представление о состоянии снабжения фронтов солдатским бельем в апреле дают следующие видоизмененные нами таблицы:

Северный фронт

	Нательные рубахи	Исподние брюки
Количество белья, подлежащего высылке	2 000 000	1 900 000
Фактически выслано	1 025 000	1 025 000
Недослано	975 000	875 000

Западный фронт

	Нательные рубахи	Исподние брюки
Количество белья, подлежащего высылке	1 700 000	1 600 000
Фактически выслано	750 000	750 000
Недослано	950 000	850 000

Юго-Западный фронт

	Нательные рубахи	Исподние брюки
Количество белья, подлежащего высылке	3 800 000	3 700 000
Фактически выслано	522 000	522 000
Недослано	3 278 000	3 178 000

Кавказский фронт

	Нательные рубахи	Исподние брюки
Количество белья, подлежащего высылке	1 075 000	1 054 000
Фактически выслано	500 000	500 000
Недослано	575 000	554 000

[368] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1104, лл. 1, 2.

	Нательные рубахи	Исподние брюки
Количество белья, подлежащего высылке	2 500 000	2 400 000
Фактически выслано	2 000 000	1 950 000
Недослано	500 000	450 000

Отправка в последующее время колебалась, уменьшались занаряженные количества и происходили внеочередные отправки как белья, так и других вещей (например, на Румынский фронт), за счет других целевых предназначений, происходили длительные задержки в пути и т. п. В связи со срывом выпуска продукции предприятиями недосланные партии так и не были направлены фронтовым адресатам. Как писало само Главное интендантство, в июне в действующей армии наблюдалась «острая нужда» в белье и других вещах.[369] По далеко неполным данным интендантства, за январь—апрель 1917 г. в действующую армию было недослано около 40% необходимых в частях шинелей. По предварительным подсчетам интендантства, в период с 1 мая до конца года по плановой потребности армии будет нехватать 2,4 млн шинелей, 5,2 млн походных рубах и 6,4 млн походных шаровар. При создавшихся условиях экономической разрухи интендантство уже в июне заявило о срыве снабжения армии на осень и зиму.[370] В то же время на складах тыла имелся некоторый запас предметов армейского снабжения, который зачастую лежал грузом на местах, или же в тюках оставался в ж.-д. пакгаузах. По материалам Главного интендантского управления, обследование в апреле складов в Москве и в ряде городов Московского промышленного района показало, что на складах давно находились предназначенные к отправке 4 324 тыс. гимнастерок и 3 359 тыс. шаровар, так необходимых армии. На ж.-д. станциях страны лежали запасы овчин (сырья), нужных для изготовления армейских полушубков, для вывоза которых требовалось 1 700 вагонов, а под погрузку подано было ж.-д. ведомством всего 69 вагонов. По заявлению Московского окружного коменданта, «высылка на фронт всех материалов вещевого довольствия тормозится исключительно неподачей железной дорогой вагонов».[371] На складах внутренних военных окру-

[369] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 70, 71, 129.

[370] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1110, л. 43; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1068, лл. 12, 12об.

[371] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2183, лл. 1, 1об.; Там же, оп. 2, д. 1112, лл. 28, 33.

гов также скапливалось значительное количество неотгруженного обмундирования. Так, там одних только шинелей за июнь скопилось свыше 3 млн. Таким образом, транспортная разруха существенно усиливала нехватку вещевого довольствия на фронтах. Это же расстройство ж.-д. транспорта зачастую сводило на-нет и помощь союзников в снабжении русской армии вещевым довольством, так как присланные материалы скапливались в портах (Архангельск, Владивосток и др.), или же изготовленное ими сукно и обмундирование не прибывало своевременно как на фабрики, так и в действующую армию. Жалобы Главного интендантского управления в июне о прекращении притока из-за границы сукна следует рассматривать только в этом аспекте, так как его же сводки говорили о другом. За период с мая по август 1917 г. из одной только Англии поступило защитного сукна свыше 9 380 000 аршин.[372] Транспортная разруха и бесхозяйственность приводили к тому, что к примеру, на ст. Казань огромные партии армейских вещей стали портиться в непокрытых вагонах, а в июле 1917 г. стали поступать на Юго-Западный фронт теплые вещи по нарядам 1916 г. и т. д.[373]

Солдатские письма, жалобы, требования делегаций и фронтовых солдат делали картину тяжелого положения армии с снабжением необходимым вещевым довольством и вооружением еще более рельефной. Так, в начале июня в высшие военные инстанции Петрограда поступило коллективное письмо ряда солдат 13-го пехотного корпуса Западного фронта о том, что у них в частях «шинели носят по 3 года и уже все перетертые и порванные ... а сапог-то и совсем нету», потому солдаты обуты в «штиблеты» (ботинки), «а на позиции сейчас вода». Фронтовики жаловались на изорванность старых брюк, а уж о гимнастерках и говорить нечего. В конце письма солдаты решительно заявляли, что они «не согласны быть при таком порядке» и др. Делегация фронтовиков 186-й пехотной дивизии Северного фронта добивалась в апреле у военного министра выдачи недополученных 2-х тысяч пар сапог, 4-х тысяч шинелей, 16-ти тысяч пар нижнего белья, летнего обмундирования, фуражек, хозяйственных двуколок, походных кухонь и др. Таких примеров можно привести множество. В начале июня солдаты 642-го Стерлитамакского пехотного полка Юго-Западного фронта предъявили требование о пополнении полкового вооружения 20 годными пулеметами, вместо числящихся 8, и выдачи летнего обмундирования, так как старое

---

[372] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1094, л. 53; Там же, ф. 369, оп. 21, д. 145, лл. 53об., 54.

[373] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2167, лл. 159, 163, 164 и др.

пришло «в полную негодность». До удовлетворения этих требований солдаты отказывались занять боевой участок на позициях. Уговоры командира корпуса, начальника дивизии и армейских выборных организаций не подействовали.[374]

Еще хуже обстояло дело с продовольственно-фуражным снабжением действующей армии, которое в отдельные периоды марта—июля ставило войска и тягловую силу армии на грань серьезного недоедания, а то и голода. Вопросы острой нехватки продовольствия и фуража были также тесно связаны с общим состоянием потрясенного войной всего народного хозяйства России, и, в частности, положения крестьянского хозяйства и ж.-д. транспорта страны. Министерство продовольствия одной из причин продовольственно-фуражных недопоставок армии считало значительный недосев полей, плохой урожай и истощение всех продовольственных запасов России, в том числе резкого сокращения поголовья скота. Как указывалось в телеграмме Особого делопроизводства при Главном полевом интендантстве от 21 марта главнокомандующим всех фронтов, положение могло бы быть исправлено поставками с востока, в частности из Сибири, где имелись еще определенные запасы. Однако осуществить эти перевозки не было никакой возможности, так как препятствием служило состояние ж.-д. транспорта. Единственная железно-дорожная линия, связывающая Сибирь с Европейской Россией, имела малую пропускную способность, не справлялась с перевозками и была сверх меры загружена союзническими поставками грузов боевого значения из Владивостока. Кроме того, перевозкам мешала колоссальная нехватка ж.-д. вагонов и исключительная перегруженность транспортного ж.-д. пути перевозками продовольствия, угля и металла для заводов, транспорта и т. п. В марте ген. Алексеев подчеркивал, что нехватка огромного количества ж.-д. вагонов приводила к тому, что «требования армии оставались заведомо неисполнимыми». Ставка извещала командующих фронтов, что ж.-д. транспорт страны не в состоянии удовлетворить потребности армии в продовольствии, фураже, и необходима известная очередность. Главный интендант военного министерства ген. Богатко, учитывая положение, обратился 16 марта к военному министру о необходимости пересмотра всех норм снабжения на фронтах, «понизив их до возможного минимума». Главное полевое интендантство Ставки в лице ген. Егорьева в марте забило тревогу по поводу нехватки муки на фронте, основной причиной которой яв-

[374] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1098, лл. 80, 80об.; Там же, ф. 499, оп. 8, д. 310, л. 76; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1083, л. 25; Там же, ф. 499, оп. 2, д. 1099, л. 31об. и др.

лялся уже не только транспорт, но и недопоставка продовольственных грузов на станции органами Министерства Замледелия.[375] Таким образом, срывы снабжения действующей армии продовольствием и фуражем после Февраля определялись уже двумя факторами — транспортной проблемой и недогрузом вагонов из-за отсутствия продовольствия и фуража на станциях отправления. Главное интендантское управление Военного министерства в марте пришло к выводу, что в течение марта—апреля фронт может получить не более 60% затребованного армиями количества продуктов. Главное интендантство единственный выход видело снова в уменьшении выдачи хлеба для фронта до 2-х фунтов на едока, а для солдат внутренних округов — до 1,5 фунта. Предусматривалось также уменьшение выдачи фуража для тягловой силы армий. [376] Подобные прогнозы вытекали из того реального факта, что срывались заготовки хлеба и доставка его на станции из глубинных районов страны, что, в свою очередь, зависело от кризиса тягловой силы в крестьянском хозяйстве. Министр земледелия А. И. Шингарев выступил с внеочередным заявлением 4 апреля на заседании по вопросам обороны страны, в котором говорилось о крайней необходимости немедленного приобретения грузовиков для доставки хлеба на станции из глубинки. Однако приобретение грузовиков срывалось отсутствием валюты.[377] Да и надежды министра на доставку грузов грузовиками были иллюзорны из-за плохого состояния русских грунтовых дорог и подъездных путей, размытых вдобавок весенней распутицей.

Увеличение продфуражных заготовок на Украине и в Бессарабии для близлежащих фронтов (Юго-Западного и Румынского), сопровождающееся реквизициями, вконец истощило крестьянские хозяйства этих районов, особенно Киевской и Подольской губерний, но не смогли, естественно, покрыть недовоза с востока. Ген.-лейтенант Егорьев в связи с возрастающим недовозом грузов на фронты считал положение на Западном фронте критическим, и на других, по его определению, ситуация была «такая же». На базисных и промежуточных складах фронтов и их армий отсутствовали необходимые аварийные запасы продовольствия и фуража как в марте, так и в последующее время.[378] Непогруженный остаток хлебных грузов на хлебовозных дорогах страны к 31 марта 1917 г. достигал уже 31 644 вагонов.[379] О создавшемся продо-

[375] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1104, л. 5; Там же, ф. 499, оп. 8, д. 310, лл. 8, 8об.; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1702, л. 115.
[376] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1702, л. 118.
[377] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 377, лл. 14, 15.
[378] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1702, лл. 125, 126, 127, 128.
[379] Там же, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 218.

вольственном положении на фронтах неоспоримо свидетельствовали телеграммы интендантства Ставки в Петроград об отправке внеочередных ускоренных поездов с продовольствием, так как «создается безвыходное положение, запасов нет».[380] Только за одну неделю, с 31 марта по 6 апреля 1917 г., на фронты было недовезено (в процентах) — зернофуража 60%, а в следующую неделю — 70%. Недовоз продовольствия также создавал катастрофическое положение в армиях. Недовоз муки достигал 68% потребности, крупы — 80%, мяса — 74%. Истощенные солдаты категорически отказывались от оборонительных работ, усиливался падеж тягловой силы на фронтах. В среднем все фронты в марте—апреле не могли получать более 60% потребного количества продуктов, а зернофуража — 64,9%.[381] Доклад временно исполняющего должность Верховного Главнокомандующего ген. М. В. Алексеева в марте 1917 г. военному министру А. И. Гучкову о положении на фронтах дает нам дополнительный материал о сложности продовольственного положения и его последствиях. Ген. Алексеев констатировал, что вследствие расстройства транспорта и начавшего ощущаться громадного недостатка подвоза продовольственных припасов, «грозящего голодом» в армиях Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов, командование приняло все усилия на приток продовольственных запасов к армии, что лишило Ставку возможности производить какие-либо крупные оперативные перевозки. Между тем, подчеркивал генерал, пришлось уменьшить ежедневную дачу хлеба, что является опасным мероприятием, так как «голодный солдат — плохой боец». Армия, продолжал Алексеев, в продовольственном отношении жила «изо дня в день» вместо необходимых двухмесячных запасов, которые только могут обеспечить оперативную ее способность. В создавшихся условиях Ставка полагала, что нельзя и мечтать о широких оперативных перебросках с театра на театр боевых действий и т. п.[382] В секретном письме Главковерха от 28 апреля 1917 г. на имя А. И. Гучкова сквозит та же тревога, свидетельствующая о продолжении продовольственного кризиса в действующей армии и о дальнейшем падении политико-морального состояния фронтовиков. Ген. Алексеев на основании материалов фронтов и их армий, подчеркивал: систематическое недоедание отразилось на физическом и нравственном состоянии войск, «вызывая чув-

[380] Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1702, л. 59.

[381] Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1706, л. 166; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1702, л. 110, 110об., 118.

[382] Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. док., стр. 35—38.

ство озлобления», а крайний недостаток фуража вызвал угрожающий падеж лошадей, «в которых и без того ощущается громадный недостаток». В связи с тяжелым продовольственным и фуражным кризисом, подчеркивалось в письме, в армии велась антиправительственная «деятельная пропаганда». Комитеты ставили «в укор начальству» скверное снабжение войск. Без скорого прилива продовольствия, говорилось в заключение, «улучшить душевное состояние нашего солдата весьма трудно».[383]

Продовольственно-фуражный кризис еще более обострялся, приобретая хронический характер и в связи с тем, что фронтовые и армейские базисные магазины исчерпали свои запасы и пустовали. Это чрезвычайно затрудняло регулирование подвоза продовольствия и фуража непосредственно к корпусам и дивизиям, так как поступающие грузы не могли быть сразу доставлены непосредственно в части ввиду отдаленности последних. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Брусилов прямо указывал на это обстоятельство в своем письме в Военное министерство, министру земледелия и министру путей сообщения. Генерал просил об обязательном выполнении установленных норм подвоза к фронту, так как постоянный недовоз задержанных продовольственных грузов «угрожающе истощает все запасы». Генерал писал, что «армиям грозит в буквальном смысле голодовка со всеми ее неисчислимыми бедствиями как для самих армий, так и для всего государства».[384] В апреле положение отнюдь не улучшилось, о чем свидетельствуют многочисленные документы как Ставки, так и полевого интендантства. Телеграммы и донесения констатировали, что положение «с каждым днем становится хуже» и т. п. В телеграмме военному министру из Ставки (18 апреля) так и указывалось, что «подвоз муки, крупы ... сильно сократился». Недовоз муки на фронты с 15 по 18 апреля достигал 74%, а крупы 92%. Главное полевое интендантство в своей телеграмме военному министру жаловалось, что «ввиду полного расстройства хозяйственной жизни страны» разразился полный кризис поступления продуктов и фуража на фронты. С 21 по 24 апреля недовоз муки достигал устрашающих размеров, доходя до 71%.[385]

В связи с катастрофически недостаточным подвозом фуража на фронт начался массовый падеж конского поголовья. Это в свою очередь еще больше осложняло продовольственное положение в армии, так как приводило к резкому уменьшению до-

---

[383] ЦГВИА, ф. 499, оп. 8, д. 310, л. 48.

[384] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1702, лл. 132, 135, 136.

[385] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1706, л. 64, 154; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1709, л. 48.

ставки продовольствия непосредственно в части. От бескормицы лошади были неспособны к перевозу грузов на позиции. В своих телеграммах в Петроград от 6 и 7 апреля 1917 г. Ставка, явно обеспокоенная, так и писала, что положение с зернофуражем «приняло катастрофический характер, подвоз совершенно сократился, запасов нет, лошади голодают». Ставка требовала отправки срочных маршрутных поездов на фронт. Командование настаивало на отмене твердых цен на сено, так как крестьяне протестовали против этих цен, как и против оплаты за зерно, и отказывались продавать сено и хлеб.[386] Военный министр А. И. Гучков и ген. Маниковский 18 и 19 апреля обратились с экстренными письмами к министру продовольствия по вопросам доставки в армию зернового фуража. В письмах указывалось, что Западный фронт имел лишь однодневный запас фуража, Юго-Западный — двухдневный и т. д. В письмах констатировалось, что подход фуража нигде не достигал необходимой, минимальной нормы.[387] Однако эти призывы и требования не приводили к улучшению положения. 20 апреля Ставка снова телеграфировала в Петроград о немедленном усилении подвоза продуктов и фуража на фронты, особенно зернофуража и сена, так как заболеваемость и падеж лошадей принял огромные размеры. «Весь конский состав, — писала Ставка, — обессилен, стал неспособный к работе». Ставка требовала «вывести войска из создавшегося критического положения».[388] О размерах тяжелого положения армий может свидетельствовать такой факт: за время с 21 по 26 апреля включительно недовоз зернофуража достиг 81%, сена 61%. [389]

Необходимо заметить, что в апреле продовольственный кризис в армии был несколько смягчен отпуском солдат 40 лет и более старших возрастов, а также снижением суточной дачи солдатам на фронте и в тылу, что определенным образом ограничило потребление, но не сняло с повестки дня продовольственной проблемы. Положение же с зернофуражем не улучшилось и в апреле, и падеж лошадей, по сведениям фронтов, продолжался. Об этом говорят и материалы Совещания Ставки по вопросам снабжения фронтов и плана перевозок, состоявшемся 16—17 мая 1917 г.[390]

Резкое снижение суточного рациона фронтовика уже в марте до 3 070 калорий, а в тылу до 2 500 калорий усилило истощение солдат. По признанию компетентных органов Ставки, даже для среднего солдата-тыловика новая суточная провиантская дача

---

[386] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1706, лл. 63, 66, 71об., 105.
[387] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1706, лл. 107, 136 и др.
[388] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 65, л. 418.
[389] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1709, л. 44.
[390] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1691, лл. 77, 77об.

фронтовика была явно недостаточна. А снижение фуражного довольствия еще более изнурило основную тягловую силу армии — лошадей, которым овес и ячмень стали заменять малопитательными жмыхами.[391] На истощение организма солдат серьезно повлиял постоянно усиливающийся в армии мясной голод. Надо отметить, что оскудение мясного питания в армии происходило особенно резко в период подготовки и проведения наступления. Отдел заготовок Министерства земледелия 5 июня телеграфировал в Главное интендантское управление, что не следует ожидать выполнения поставок скота и мяса армии. Отдел заготовок указывал в своей депеше, что «усилить подачу скота и мяса сейчас возможно лишь военной реквизицией в прифронтовых губерниях».[392] Так, за 15 дней июня на Западный фронт поступило всего 300 вагонов скота вместо предусмотренных 1 290 вагонов, а мяса — 119 вагонов вместо положенных 225 вагонов. Реквизиция в районах фронта не дала результатов ввиду резкого оскудения поголовья скота у крестьян. За 25 дней июня недовоз скота фронту достиг 71%. Не лучшим было положение и на других фронтах. Так, за май 1917 г. Румынский фронт только из Екатеринослава недополучил 1 852 вагона, в том числе 144 вагона жиров, 436 вагонов рыбы, 268 вагонов скота и т. п. Через одну только ст. Знаменка было недовезено 30 вагонов мяса, 46 вагонов мясных консервов и т. п.[393]

Хотя по заявлению товарища министра продовольствия В. Н. Башкирова «наилучшим» месяцем по подвозу хлеба и зерна на фронты был май, однако документальные приложения к протоколам совещания в Ставке свидетельствуют о неблагополучии с подвозом продовольствия и в этом месяце. Так, недовоз в процентном отношении по родам грузов в мае выражался в следующих показателях — муки на фронт было недовезено 30,1%, крупы — 42%, мяса-сала — 73% и др.[394] Несмотря на отсутствие запасов на фронтах, в июне подвоз хлеба и других видов продовольствия значительно снизился как по известным нам причинам, так, особенно, в силу появления нового фактора — разгара полевых работ. Выполнение нарядов для армии не превышало в общем 66%, а в июле, по данным Министерства продовольствия, снизилось до 50% предусмотренных норм.[935] По данным же Ставки, в июне на

---

[391] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1702, лл. 110, 110об.

[392] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1711, л. 80.

[393] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, лл. 397, 398; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1709, л. 152; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1711, л. 132 и др.

[394] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 186; Там же, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 72.

[395] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 187.

фронты было недовезено — муки 63%, крупы 62%, мяса 74%, овса-ячменя 57%, сена 50%. Причиной недовоза указанных грузов было не только неудовлетворительное состояние ж.-д. транспорта и отсутствие подвижного состава. Срыв доставок в армию происходил уже на фоне растущего недовоза грузов к станциям погрузки, резкого падения необходимого запаса. Только за один год с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. продовольственные запасы (в тысячах пудов) уменьшились с 66 609 до 36 943. Если недогруз на фронты в апреле по вине железных дорог достигал цифры 3 627 вагонов, то в силу непредоставления грузов органами Министерства продовольствия было недогружено 73 891 вагонов. В июле железная дорога не предоставила 8 845 вагонов, а продовольственные органы недогрузили 20 067 ж.-д. вагонов.[396] Особенно чувствительно ударило по снабжению фронтов резкое снижение, а то и многодневное прекращение подвоза продовольствия и фуража с востока страны, на что уже в апреле указывало Главное интендантство военного министерства. Только с 26 апреля по 1 мая на все 4 европейских фронта предусматривалась погрузка продовольствия и фуража с железных дорог Восточного района страны 41 250 вагонов, а фактически было погружено 16 435 вагонов муки, крупы, бобовых и фуражного зерна.[397]

Несмотря на разнобой в статистических сведениях Ставки, последние все же дают ориентировочные цифровые данные о подходе ж.-д. вагонов с продовольствием и фуражем на театр военных действий 4-х фронтов России за период с февраля по июль включительно. Эти цифры не лишены интереса, так как правильно выявляют четко наметившуюся тенденцию движения грузового продовольственного потока.

Об этом свидетельствует представленная нами ориентировочная таблица подхода ж.-д. вагонов с продовольствием и фуражем на европейские военные театры в феврале—июле 1917 г.[398]

Месяцы	Следовало подвезти вагонов	Фактически подвезено
Февраль	88 256	49 211
Март	93 961	71 630
Апрель	90 930	38 844
Май	80 476	66 404
Июнь	67 080	60 269
Июль	67 080	39 002

[396] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, лл. 72, 73, 73об.

[397] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1706, лл. 149, 217.

[398] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 71об. Приложение к протоколу Совещания в Ставке 12—13 августа 1917 г.

О срыве продовольственного снабжения фронта, недоедании, а то и голодовке говорят цифры суточной нормы подвоза ж.-д. вагонов и фактической доставки вагонов с грузами за этот же период на фронты в Европейской России.

Месяцы	Нормы суточного подвоза вагонов	Фактический суточный ж.-д. подвоз вагонов
Март	3 031	2 311
Апрель	3 031	1 295
Май	2 596	2 142
Июнь	2 236	2 009
Июль	2 236	1 258

График нормы суточного ж.-д. подвоза вагонов к фронтам, установленный Ставкой, систематически подвергался срыву, так как органы интендантства, Министерства продовольствия и Министерства путей сообщения были бессильны изменить создавшееся положение с подвозом грузов армии. Но даже этот график подвоза был явно занижен, так как фронты предъявили, например, требование о ежедневном подвозе на июль по 4 166 вагонов, вместо установленных Ставкой 2 236 вагонов. Только на ежедневную доставку фронтам муки, крупы, зернового фуража, сена и скота требовалось не менее 3 847 ж.-д. вагонов.[399]

Как констатировала в мае московская военная цензура в своем обзоре писем с фронта, «громадным фактором, понижающим дух армии, является крайне острое положение продовольственного вопроса: жалобы на пищу — подавляющее содержание всех писем». В письмах часто содержались и угрозы — «если добавления хлеба не будет и борща — то уйдем с фронта» и т. п.[400]

Временное правительство всячески боролось с разрухой и надвигающимся голодом, как в стране, так и армии, однако оно не было в состоянии разрешить этот вопрос в условиях продолжающейся войны. По постановлению Временного правительства от 12 июня 1917 г., была учреждена должность Особоуполномоченного Министерства продовольствия при Верховном главнокомандующем.Были созданы и фронтовые совещательные бюро, учрежденные Верховным главнокомандующим 24 июня. Уполномоченные Министерства продовольствия были направлены и на фронты. Продовольственным делом и организацией народного хозяйства

[399] Там же, оп. 3, д. 1719, л. 73об.; Там же, оп. 3, д. 1211, л. 27.

[400] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 38, лл. 226об., 228, 228об., 229, 244 и др. Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 17 и др.

занимался и созданный в июне Экономический Совет и Главный Экономический Комитет при Временном правительстве.[401] На заседании Особого Совещания по Обороне 24 июня 1917 г. был констатирован тревожный факт массового выхода из строя кавалерийских и артиллерийских лошадей в результате бескормицы. Родзянко выразил тревогу по поводу срыва снабжения армии хлебом и фуражем и требовал принятия срочных мер, так как «стране грозит голод». Как это ни звучит парадоксально, выступавший Пальчинский уповал на начавшееся наступление, которое должно было спасти положение.[402]

Подводя итоги продовольственно-фуражного состояния и вещевого довольствия армии за рассматриваемый период, следует подчеркнуть, что как Временное правительство и его военное министерство, так и Ставка не были в состоянии разрешить эту проблему, которая вытекала и зависела от общего состояния народного хозяйства страны и кризиса сельского хозяйства России в частности.

Кризисное состояние продовольственного и вещевого довольствия в действующей армии своим последствием имело рост эпидемических и других заболеваний на фронтах, выводивших из строя весьма значительный контингент солдат. В результате указанного уже положения, в армии свирепствовали цинга, возвратный тиф, желудочно-кишечные заболевания, сыпной тиф и др. Положение усложнялось полным расстройством медико-санитарной службы армии. Как показывают материалы Совета при Управлении Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, в марте в стране и армии ощущалась острая нехватка больничных коек и наблюдалось «катастрофическое положение дела эвакуации». На станциях долго простаивали нагруженные ранеными поезда. Особенно плохо обстояло дело с эвакуацией больных и раненых с Кавказского фронта.[403] Интендантская служба в лице ген. Егорьева констатировала, что вследствие полного отсутствия нательного белья в армиях, особенно на Юго-Западном и Румынском фронтах, появились массовые тифозные заболевания. Интендантская служба прилагала усилия к внеочередной, маршрутной отправке белья на фронты. Однако это были только благие намерения, так как Главное интендантское управление военного министерства в апреле отказалось выполнить это требование,

---

[401] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 38, лл. 382, 386; Там же, ф. 369, оп. 21, д. 129, л. 4.

[402] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, лл. 41, 43, 44 и др.

[403] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 160, лл. 5, 6об., 21, 24.

мотивируя свой отказ тем, что отправка дополнительной партии белья «не представляется возможной».[404] Совещание представителей губернских, областных, фронтовых и армейских врачебно-санитарных организаций, созванных Верховным начальником санитарной и эвакуационной части Ставки в десятых числах мая констатировало «обычное» санитарное неблагополучие, усиленное продовольственным кризисом, расстройством госпитального дела и транспорта. Совещание обратило внимание не необходимость борьбы с тропическими заболеваниями в Кавказской армии и с все возрастающей цингой на фронтах.[405] На Румынском и Юго-Западном фронтах госпитали были переполнены и не хватало мест для больных остро-заразными заболеваниями. На фронтах росли эпидемии и отсутствовало самое необходимое санитарное оборудование. Уже в отдельные дни марта число таких больных на Румынском фронте превышало 650, а ежедневное среднее их число достигало 500 человек. Госпитали были также лишены необходимых медикаментов и белья.[406] Высокая заболеваемость господствовала и на отдаленном Кавказском фронте, как об этом писал ген. Юденич в своей телеграмме в Ставку в апреле. В дивизиях фронта (например, в 66-й пехотной) в численном отношении много солдат выбыло из строя в результете заболевания тропической малярией, тифом, цингой, командование отмечало «истощение и слабосилие бойцов».[407] Съезд Кавказской армии в мае 1917 г. констатировал, что в результате лишений, санитарное состояние армии «угрожающее».[408] Эпидемия возвратного тифа и заболеваемость цингой к примеру в 4-м армейском корпусе этого фронта приняли массовый характер.[409] На Юго-Западном фронте его главнокомандующий ген. Брусилов в своем донесении в Ставку отмечал потери армий в результате «большой убыли цингой».[410] На Западном фронте, по донесениям главнокомандующего, в мае были многие части, где заболевания солдат цингой превышали 10% их численного состава. Главнокомандующий этим фронтом ген. Гурко настаивал на увеличении снабжения войск мясом, овощами и общего «улучшения условий жизни». Генерал считал необходимым увеличить процент увольняемых в отпуск по болез-

---

[404] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 57, 67, 68, 85, 93.

[405] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1021, лл. 41, 41об.; Там же, ф. 2018, оп. 1. д. 1022, л. 38.

[406] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1022, лл. 70, 176, 184, 185, 188; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 687, л. 23.

[407] ЦГВИА, ф. 2167, оп. 1, д. 48, л. 2.

[408] «Кавказ», 16 мая 1917 г.

[409] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 55, л. 55, 57об.

[410] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, л. 142.

ни.[411] В Особой Армии Юго-Западного фронта в апреле в ее 25-м армейском корпусе насчитывалось 4 333 цинготных больных, в 34-м армейском корпусе — 4 075, а в 39-м армейском корпусе — было отмечено 3 694 случая заболевания цингой.[412] На Северном фронте в мае только в 121 пехотной дивизии 37 армейского корпуса насчитывалось 1 500 цинготных больных солдат.[413] Некоторые корпуса Кавказской армии вообще выходили из строя в качестве боевой силы, как это было в 6-м армейском и Туркестанском корпусах. В апреле ген. Пржевальский сообщал в Ставку, что эти корпуса находятся «в критическом положении... Они могут через короткое время совсем растаять». Пржевальский усиленно хлопотал о доставке свежего мяса, зелени и лимонной кислоты.[414] 28 мая Эвакуационное управление Генерального штаба обратилось к комиссару Временного правительства В. И. Алмазову с просьбой о необходимости изыскания возможностей размещения и лечения цинготных больных действующей армии на местах, «так как при огромном числе таковых, поступающих с фронта», экспедиционное управление и соответствующие армейские органы не имеют возможности разместить их в лечебных заведениях.[415] В июне Верховный главнокомандующий ген. Брусилов в своем экстренном письме в военное министерство, министру продовольствия и в министерство путей сообщения отмечал, что «ввиду сильного развития на фронте цинги» и для поднятия питания солдат и их «духа» «необходимы соответствующие меры». Главковерх предлагал уменьшить на позициях число постных дней до одного. Он настаивал на доставке в армию сверх установленных норм на июнь для 4-х западных фронтов дополнительно 2 350 голов скота в сутки, и для Кавказа не менее 400 голов в сутки. Ранее и ген. Алексеев отмечал «опасность» для армии «ввиду растущих заболеваний цингой, тифом».[416] По нашим подсчетам, произведенным на основании изучения ведомостей движения больных и раненых санитарных учреждений фронтов и других архивных материалов, угрожающая кривая роста цинготных заболеваний по Западному и Юго-Западному фронтам представляется в следующем виде.[417]

---

[411] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 28, лл. 37, 38об.

[412] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, л. 128.

[413] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1580, л. 137.

[414] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 69, л. 28.

[415] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 160, л. 26.

[416] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1211, л. 81; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 543, л. 64.

[417] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1018, лл. 63, 65, 67, 69, 71, 74, 77, 79 и др.; Там же, ф. 2073, оп. 1, д. 71, л. 5. Статистические сведения санитарной службы фронтов, как и Ставки, часто разноречивы и страдают цифровым разно-

Месяцы	Юго-Западный фронт	Западный фронт	Северный фронт
Февраль	1 040 заболеваний	5 414	—
Март	5 323 „	—	—
Апрель	44 042 „	21 658	—
Май	63 358 „	46 954	33 190
Июнь	—	62 903	55 492
Июль	—	47 501	—

Ряд цифровых данных показывает хронический характер хода заболеваемости солдат на фронтах. Так, в месяцы наступления и боев в 6 распределителей (Москва, Орел, Курск, Харьков, Екатеринослав и Ростов-на-Дону) в июне поступило 31 077 раненых и 201 029 больных солдат, а в июле — 103 662 раненых и 148 887 больных солдат. По данным Главного полевого санитарного инспектора проф. Тарасевича, с фронтов на распределительные и эвакуационные пункты внутреннего района раненые не поступали, зато число больных солдат и офицеров достигло 297 323 человек. В июне в период боев в эти пункты поступило лишь 32 300 раненых, а больных 227 578 солдат. В июле число раненых было 112 016 человек, а больных принято пунктами 176 166.[418]

В лечебных заведениях фронтов находилось на излечении крайне высокое, в пропорциональном отношении по сравнению с численностью строевых частей армии, количество больных всевозможными болезнями (цинга, брюшной и возвратный тифы, суставной ревматизм, туберкулез, гонорея). Так, в лечебных заведениях Западного фронта с 1 по 30 июня 1917 г. состояло 181 166 больных, отправлено в глубь страны 77 613, а число раненых составляло 30 173. В июле в лечебных заведениях этого фронта состояло больных 177 042, эвакуировано в тыл 62 279, а число раненых, как находящихся во фронтовых госпиталях, так и эвакуированных, не превышало 45 099. Подобное же положение, с некоторыми цифровыми колебаниями, мы видим и на других фронтах — Юго-Западном, Северном и т. д. Выделялся по коли-

боем. Это нашло свое отражение и в ряде соответствующих изданий. См. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М. 1925, стр. 3, 5, 8 и др.; Санитарная служба в русской армии в войне 1914—1917 г. Сб. док. Куйбышев, 1942, стр. 7, 10 (о погрешностях военной статистики).

[418] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 169, л. 66; Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 670, л. 143.

честву больных и раненых Юго-Западный фронт, где в мае в лечебных заведениях находилось 254 846 больных, 112 тысяч было отправлено в тыл, а число раненых несколько превышало 121 тысячу.[419]

Несмотря на отмеченный нами цифровой разнобой сведений Ставки и санитарного ведомства и отсутствие точных данных за некоторые месяцы, все же эти противоречивые в количественном отношении сведения говорят о колоссальных санитарных потерях русской армии в целом. По справке Управления дежурного генерала Главного Управления Генерального штаба, за время с начала войны и по 1 мая 1917 г. русская армия насчитывала эвакуированных во внутренние округа — 1 425 000 больных и 2 875 000 раненых. За это же время потери убитыми, уволенными со службы тяжело раненными и взятыми в плен исчислялось в 3 167 425 солдат.[420] На основании данных Ставки, к концу августа 1917 г. непосредственно в действующей армии находилось 7 060 700 человек, т. е. около 45% всего числа мобилизованных. Из числа остальных мобилизованных солдат боевые потери составляли 4 467 800 (убитые, увечные, пленные), т. е. 28,3%. Санитарные потери (раненые, убитые) составляли также внушительную цифру в 4 269 500 человек, или 26,7% всего числа мобилизованных за время войны. Общее число раненых за время войны доходило почти до 5 млн. Санитарные же органы определяли число раненых в 2 844 500, т. е. 1/5 всех мобилизованных, а больные, по их данным, составляли 2 300 000 солдат. Не подлежит сомнению, что число больных, определяемых этими противоречивыми цифрами, исходящими из указанных источников, явно преуменьшено, так как эта статистика охватывает только эвакуированных в тыл больных и обходит стороной больных солдат, находившихся во фронтовых лечебных учреждениях.[421]

Действующая армия, ее строевые части таяли и в силу того обстоятельства, что число эвакуированных солдат резко увеличивалось из месяца в месяц, а число возвращавшихся в строй выздоровевших бойцов уменьшалось. Об этом довольно наглядно свидетельствует составленная нами таблица на основе данных

---

[419] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1018, лл. 77, 79, 74, 67 и др.

[420] Санитарная служба русской армии в войне 1914—1917 гг. Сб. док. Куйбышев, 1942. Приложения, стр. 459.

[421] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, стр. 4, 5, 25 и др.

Главного полевого санитарного инспектора проф. Н. Бурденко за период январь—май 1917 г.

Месяцы	Эвакуировано за пределы фронта		Возвращено в части по выздоровлен.		Отношение возвратившихся к числу эвакуиров.	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Январь	1 713	114 447	1 461	48 556	85%	42%
Февраль	1 769	145 995	2 524	81 567	42%	55%
Март	2 037	170 006	1 953	78 373	95%	46%
Апрель	2 055	204 875	1 522	65 710	74%	32%
Май	2 216	256 442	1 560	53 091	70%	20%

Эти процентные соотношения имели место и в дальнейшем, о чем говорит и сообщение Главного полевого санитарного инспектора начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 21 июля 1917 г.[422]

Отмеченные уже нами аспекты тяжелейшего кризиса экономики страны и все ухудшавшееся положение солдат вытекали из неподготовленности России к длительной войне. Страна переживала величайший хозяйственно-политический и военный кризис. Война вызвала резкое изменение экономических отношений и предъявила колоссальные запросы, которые не могли быть удовлетворены старой отсталой экономической структурой России. А. Ф. Керенский в конце июля признал, что: «Как страны Антанты, так и Германия в войне сразу же встали на путь строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни своих стран. Экономическая же деятельность России велась довольно кустарно, и в военных и хозяйственных мероприятиях России отсутствовала жизненно необходимая планомерность и рационирование при учете и распределении экономических ресурсов». О безнадежной запоздалости даже постановки животрепещущих военных мероприятий говорит тот факт, что первое заседание вновь созданного Экономического Совета при Временном правительстве было проведено лишь 21 июля 1917 г., на повеске дня которого было „выработать новые начала" в указанных выше вопросах».[423]

[422] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, лл. 57, 58, 78об.
[423] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1693, л. 44. Стенографический отчет № 1.

Не подлежит никакому сомнению, что теперь, в ходе всеобъемлющего национального и экономического кризисов было уже поздно и безнадежно решать эти вопросы. В ходе ведущейся войны все более и более выдвигался и другой фактор, тесно связанный и вытекающий из всего комплекса рассмотренных нами проблем. Это была проблема кризиса резервов, нехватка которых обескровливала армию.

ГЛАВА V

КРИЗИС РЕЗЕРВОВ И ИЮНЬСКО-ИЮЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ. ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВАЛА НАСТУПЛЕНИЯ. ИЮЛЬСКИЙ МЯТЕЖ БОЛЬШЕВИКОВ

С начала революции, с весны 1917 г., действующая армия стала все более и более ощущать нарастание кризиса резервов, необходимых для беспрестанного пополнения убыли солдат и особенно фронтовиков в строевых частях. В письме Главковерха ген. Алексеева от 12 марта 1917 г., обращенного к военному министру Гучкову, указывалось, что пополнение армии усложнилось в связи с тем обстоятельством, «что весну мы встречаем с некомплектом, с расстроенными обозами, с уменьшенным, благодаря новым формированиям, количеством артиллерии на 1000 бойцов, имея едва 8 пулеметов на полк и то без соответствующего обоза». Другие генералы указывали на «ненадежность укомплектований». В одном своем письме от 24 апреля военному министру ген. Алексеев указывал, что отсутствие «прилива укомплектований» из запасных батальонов и неожиданное для Ставки увольнение солдат 40-летнего возраста ставит армию в трудное положение. Ещё ранее военный министр А. И. Гучков в письме от 9 марта начальнику штаба Главковерха констатировал начавшееся «разложение запасных частей внутренних округов», которое прогрессирует. Военный министр указывал далее, что «укомплектования долгое время (полагаю, 3-4 месяца) не могут быть использованы для пополнения армии». Он отмечал, что запасные части «не обладают необходимой моральной и боевой подготовкой». Гучков решительно заявлял, что о высылке в армию в ближайшие месяцы сколько-нибудь значительного количества людских пополнений «не может быть и речи». По мнению министра, точно так же безнадежно обстояли дела с пополнением тягловой силы армий.[1] Несмотря на пессимизм Военного министерства, оно делало всё от него зависящее для отправки пополнений в действующую армию. Другое дело, что эти усилия Военного министерства, Генерального Штаба и командующих военных округов не давали желаемых результатов. В период подготовки и проведения наступления русской армии ген. Алексеев, констатируя «весьма значительный некомплект строевых солдат на фронтах», всячески ускорял прибытие на фронт запасных полков тыла. В июне Ставка предписала командующим внутренних военных округов проведение «самой напряженной, интенсивной высылки также и маршевых рот». Однако, как ранее, так осо-

[1] А. Зайончковский — Кампания 1917 года, стр. 43, 44, 63, 122.

бенно в июне-июле, железные дороги страны не были в состоянии справиться с перевозкой всех укомплектований, как на наступающий Юго-Западный фронт так и на другие, как об этом писал начальник военных сообщений Ставки.[2] Мешало отсутствие ж-д вагонов и исправных паровозов. Если в июне 1916 г. по всей стране было т. н. «больных» ж-д вагонов в количестве 24.326, то в июле 1917 г. число неисправных вагонов возросло до 45.886. Задерживал перевозку резервов и уменьшившийся суточный пробег паровозов (71 верста в мае 1916 г. и 55 верст в мае 1917 г.). Процент «больных» паровозов в июне-июле поднялся в среднем до 25,1% локомотивов всей ж-д сети и т. п. По сравнению с находившимися в ремонте 3 311 неисправных паровозов в июле 1916 г., в том же месяце 1917 г. их количество достигало 5 044.[3] Многие военные округа указывали в своих ответах в Генеральный Штаб на причины невысылки маршевых рот — ожидание подачи подвижного состава, например в Туркестанском военном округе.[4] В июне, в связи с особенно усилившимся некомплектом в действующей армии на Юго-Западном и Румынском фронтах Ставка в своем обращении к военному министру отмечала «отказ запасных полков идти на фронт» в их полном составе, крайне вялый приток маршевых рот на театры войны, в результате чего «некомплект (фронтов) достиг чрезвычайно больших размеров». Слабое поступление пополнений, указывала Ставка, «создает пониженное моральное состояние армии». Верховный главнокомандующий в целях увеличения прилива укомплектований на фронты настаивал перед Временным правительством об усилении работы транспорта, «пришедшего в большое расстройство».[5] С трудом добытые ж-д вагоны под маршевые роты по пути следования часто пустели в связи с продолжавшимся бегством солдат. В рассматриваемый период этот факт был общепризнанным. Уже на майском совещании в Ставке Главковерх ген. Алексеев хотя считал, что людей в запасных частях много, однако оговорился: «другой вопрос – в каком размере они дойдут до фронта и не разбегутся по дороге». 24 апреля ген. Брусилов в своей телеграмме в Ставку указывал, что маршевые роты прибывают на фронт в «ослабленном... составе, ибо позорное бегство в пути солдат продолжается».[6] Характерно, что даже в близлежащем к фронту Одесском военном округе дезертирство из маршевых рот было уже привычным явлением. Как гласил июнський приказ командующего Одесским военным округом ген. Эбелова, «нередко вместо маршевых рот на фронт доходят лишь десяток-другой солдат».[7]

---

[2] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 468, лл. 10, 24, 163.

[3] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1693, лл. 447, 447об, 448.

[4] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 315.

[5] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 12, лл. 19, 19об.

[6] А. Зайончковский — Указ. соч. Док. прилож., стр 149: А. Шляпников — Семнадцатый год, кн. 3, стр. 78.

[7] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 264, л. 153.

На наиболее многочисленном Юго-Западном фронте по состоянию на 1 апреля 1917 г. нехватка солдат превышала 150 тысяч, в том числе непосредственно 100 тысяч штыков в строевых ротах. Задержка с увольнением сорокалетних солдат непосредственно с фронта вызывала сильные волнения в частях.[8] Увеличение тягот на каждого отдельного солдата в частях этого и других фронтов в результате сокращения числа бойцов, занятых в производстве оборонительных работ, вызывал рост числа делегаций фронтовиков в запасные части. Так, дивизионный комитет 3-й гренадерской дивизии фронта послал в мае солдатскую делегацию в Москву с целью убедить расположенный там 84 пехотный запасной полк прибыть на пополнение. Однако убеждения делегации оказались бесполезными.[9] В то же время на протяжении мая из частей Юго-Западного фронта выбыло 97 788 эвакуированных солдат и дезертировало 7 691, а на пополнение было назначено 310 очередных рот, т. е. приблизительно 88 000, и те прибывали несвоевременно и с сильно поредевшим составом.[10] Одновременно солдаты-запасники этого фронта всячески уклонялись от пополнения действующих частей. Надо отметить, что вместо предусмотренного штата в 40030 солдат, в запасных частях налицо было 85 219 солдат! А в частях этого и других фронтов наблюдался сверхкомплект офицеров.[11] На 1 июля общий некомплект только пехоты в армиях Юго-Западного фронта достигал 320 тысяч строевых солдат, а командование ожидало прибытия не более 106 тысяч на пополнение некомплекта, т. е. примерно 1/3 части требуемых фронтом пополнений.[12] Несмотря на убыль строевых солдат на фронте, Ставка не была в состоянии даже в разгар подготовки к июньскому наступлению выделить этому фронту более 297 маршевых рот, которые не могли покрыть убыли даже одной армии. Особенно нуждались в пополнении 7, 8 и 11 армии фронта.[13] На протяжении июля в армиях Юго-Западного фронта было убито и пропало без вести 742 офицера и 42 962 солдата и «самовольно отлучилось», т. е. попросту дезертировало из действующих частей 13 461, а из запасников фронта дезертировало 2 060 солдат. За этот же период с указанного фронта было эвакуировано раненых и больных: 2 397 офицеров, 96 791 солдат.[14] Командование Юго-Западного фронта настойчиво добивалось ускорения присылки пополнений ввиду «полного истощения» людских контингентов в своих запасных полках. Прилив комплектований из внутренних губерний шел медленно и, главное, далеко не покрывал убыли солдат Юго-Западного фронта. Де-

---

[8] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1566, лл. 437, 437об, 439 и др.
[9] Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 90.
[10] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 473, л. 14.
[11] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 118.
[12] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 457, л. 208.
[13] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 98, 99.
[14] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 411, лл. 167, 168.

журный генерал фронта запрашивал Ставку, в какие округа он может направить делегатов фронтовых полковых комитетов с целью ускорения пробытия пополнения в армии и настаивал на ускорении отправки маршевых рот из 14 указанных им запасных полков.[15] Трудное положение в связи с кризисом резервов создавалось и на Западном фронте. Командование этого обширного театра боевых действий в своем сообщении в начале июля жаловалось, что «слишком незначительный» приток пополнений за прошедший период оказался недостаточным даже для покрытия естественной убыли в армиях. Отсутствие достаточных контингентов в маршевых ротах приводило к тому, что все соединения фронта были не укомплектованы и не доведены до штатного состава. Главнокомандующий Западным фронтом «категорически» и настоятельно требовал от Генерального штаба скорейшего пополнения солдатами корпусов в армиях. Командование фронта просило прислать в кратчайший срок хотя бы 300 маршевых рот.[16] Однако Генеральный штаб, по вполне понятным причинам, не был в состоянии удовлетворить запросы фронта. Приток пополнений на Западный фронт не только не был усилен, но все время сокращался. Командование Западного фронта систематически жаловалось как на общее явление, что убыль «далеко не покрывается» прибывающими контингентами солдат. Как указывалось в телеграмме фронтового командовния, в июне и в начале июля на пополнение корпусов 2-й армии не прибыло ни одной роты, а на укомплектование корпусов 3-й армии прибыло всего лишь 3 маршевых роты.[17]

На Северном фронте дело обстояло не лучше. В 1-м, 13-м, 14-м и 19-м корпусах его 5 армии некомплект в среднем достигал на 9 июня 20% состава. В 14-м корпусе нехватка солдат доходила до 29% штыков. В ряде дивизий дело обстояло ещё хуже. Например, в 161-й пехотной дивизии недоставало 40% состава, а в 18-й — 38%. В ряде полков некомплект доходил до 50%. Общий некомплект в 4-х корпусах 5 армии достигал в июне 27 421 строевых солдат. В этой армии огромный процент убыли давало заболевание цингой. Поступающие пополнения, согласно армейской документации, прибывали «в недопустимом виде». Так, в 3-х вновь прибывших маршевых ротах вместо 808 солдат налицо оказалось всего 199, а в другой роте вместо 270 прибыло всего 28 солдат. Командование жаловалось, что на протяжении мая и по 5 июня прилив пополнений не восполнял убыли солдат строевых рот. С 22 мая по 5 июня из 13, 14 и 19-го корпусов армии убыло 17 930 солдат, а пополнение едва достигало 15 тысяч. В 14-м корпусе убыло почти вдвое больше, чем поступило солдат на пополнение. Командование отмечало, что главной причиной убыли солдат являлись массовые медицинские переосвидетель-

[15] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 713, л. 4, 5.
[16] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 190.
[17] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 791.

ствования строевиков позиционных частей. В начале июня командующий армией настаивал на скорейшей доставке в корпуса не менее 30 тысяч укомплектований, поскольку запасные части фронта этого числа солдат не могут предоставить. Одновременно командование армией указывало на значительный общий некомплект в 153 пулемета «Максима». Полки ряда дивизий имели не более 8-10 пулеметов, а орудий крупнонго калибра (8 и выше) в армии было не более 14. В ответ на рапорт командующего 5 армией ген. Ю. Н. Данилова Ставка 13 июня пояснила генералу, что нужды, о которых он пишет, «являются общими» и что не могут быть в создавшейся обстановке устранимы в связи с расстройством хозяйственной жизни страны и затянувшейся войной. В утешение ген. А. Лукомский от имени Ставки информировал ген. Данилова, что и противник якобы испытывает те же затруднения.[18] В XII армии Северного фронта обший некомплект строевых солдат достигал к концу июня 47 412 человек. По сообщению комиссара армии Минца военному министру, на рост некомплекта повлияло увеличение количества больных, находящихся в лечебных заведениях (всего 42 747 человек). Особенно обильную жатву собирала в войсках этой армии цинга, широко охватившая 136 и 109 пехотные дивизии. 6 июля дежурный генерал 12 армии телеграфировал в Петроград, в мобилизационный отдел, что некомплект в пехотных полках возрастает с каждым днем, и отмечал, что в армии имеются многие полки, где налицо не более 1000 штыков и что пополнения маршевыми ротами не покрывают, убыли строевых солдат. Командование армии настаивало на присылке не менее 10 маршевых рот в каждую дивизию. В связи с отсутствием достаточного пополнения выявлялось недовольство солдат и происходили стихийные эксцессы. На этой почве совершенно невинной жертвой пал ген. Носков, убитый выстрелом из рядов одной из рот во время его пояснений по вопросу укомплектований.[19]

В своем письме от 28 мая в Ставку Главнокомандующий армиями Румынского фронта ген. Щербачев указывал на значительный, тревожный некомплект в войсках, достигший к этому времени в общем до 45% строевых штыков. Генерал писал, что даже при реализации программы Ставки по доставке укомплектований на Румынский фронт некомплект не будет ликвидирован. Генерал Щербачев требовал безотлагательной ликвидации «столь огромного некомплекта», при котором не может быть и речи о наступлении. Некомплект на Румынском фронте был особенно чувствителен и в связи с растянутой позицией его армий и их частей. Так, пояснял генерал, 9 армия на протяжении 220 верст не имела вообще резервов. Тревожным было положение и в 4 армии фронта, где в июне в строевых ротах насчитывалось 70 614

[18] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, лл. 361, 361об, 362, 363, 364, 365об, 420.

[19] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 36, лл. 43, 45; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 257; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1492, л. 273.

солдат, а некомплект в них достиг 27 933 солдата. В корпусах армии некомплект достигал чрезвычайно высоких размеров. Так, в 7-м корпусе в ротах нехватка строевых солдат достигала 9.412, в 8-м корпусе — 5 858, в 30-м — две тысячи солдат.[20] В конце июня на Румынском фронте побывала крестьянская делегация из некоторых волостей Екатеринославской губернии, и отмечала, что солдаты жаловались на значительный некомплект в частях в связи с военными потерями и заболеваниями цингой. Делегаты обратились к военному министру об удовлетворении просьб солдат, о присылке пополнений, организации отдыха для фронтовиков и об увеличении количества пулеметов в частях.[21]

Рапорт командира 189 пехотного Измайловского полка начальнику 48 пехотной дивизии вскрывает характерные моменты создания некомплекта. На некомплект повлияло выделение старших возрастов. Причем с 1 по 19 апреля убыло из полка 460 солдат, не считая ежедневной убыли по болезни. Командир полка полагал, что последнее медицинское переосвидетельствование солдат даст убыли строевиков не менее 12-15%. Командир указывал на полное прекращение поступления пополнений. Полковой и ротный комитеты ходатайствовали о прекращении выделения солдат старших возрастов из полка в связи с создавшимся кризисным положением.[22] 26 мая дежурный генерал Румынского фронта телеграфировал в Ставку о стремительном нарастании некомплекта на фронте, так как маршевые роты попрежнему прибывают в крайне незначительном количестве. «Армия ежедневно тает» — подчеркивалось в телеграмме. Солдаты прибывающих маршевих рот охвачены антивоенными настроениями.[23] Несмотря на подготовку к наступлению, дело непрерывного и достаточного количества пополнений на фронт не проявляло тенденции к улучшению. Как констатировал Верховный главнокомандующий ген. А. Брусилов в конце мая, «укомплектования прибывают чрезвычайно вяло».[24]

Особо острый характер кризис резервов (некомплект) приобрел на далеком Кавказском фронте, который в первую очередь ударил по численности его пехоты непосредственно в боевой линии. Как известно, основным бичом, создававшим некомплект в солдатских рядах Кавказской армии, были не бои, а сильные эпидемии цинги, тифа, малярии и др. болезней, связанных с положением солдат Кавказского фронта. К 1 марта 1917 г. общая боевая численность строевиков в пехоте этого военного театра составляла 177 509 солдат, 7 115 офицеров, 8 096 солдат-саперов и 18 607 шашек кавалерии[25] Только за время с 1 по 18 апреля

---

[20] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, лл. 302, 303; Там же, ф. 2118, оп. 1, д. 372, лл. 346, 347.

[21] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 21, л. 184.

[22] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 2, д. 45, л. 217.

[23] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 12, л. 96.

[24] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, л. 254.

[25] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 43, л. 201об.

кавказские боевые части уменьшились на 34 017 штыков.[26] Медико-санитарный съезд в Тифлисе (28 апреля — 6 мая 1917 г.) констатировал «исключительное положение Кавказского фронта», связанного с распространением на нем эпидемий цинги, сыпного возвратного тифа, малярии и вплоть до высокой смертности от заболеваний туберкулёзом.[27] В двадцатых числах апреля из кавказских корпусов и дивизий стали поступать особо тревожные сигналы о резком сокращении боевого состава пехоты. Некомплект боевого состава доходил здесь до значительных размеров. Так, в 123 пехотной дивизии нехватало по штатам 7.012 штыков, в 4-й Туркестанской дивизии — 6 903 штыка, в 39 пехотной дивизии — 4 тысячи штыков, в 4-й Кавказской стрелковой дивизии — 8 660 штыков, а в 5-й — 9 200 штыков. В 66 пехотной дивизии некомплект достиг 10 306 штыков, а в 3-й пластунской казачьей бригаде — 5 082 штыка и т. д. 20 апреля штаб Главнокомандующего Кавказского фронта уведомил Кавказский военный округ, что некомплект в позиционных частях «заметно прогрессирует» и что пехота «заметно и сильно тает». Начальник 5 Туркестанской стрелковой дивизии 24 апреля известил командира 2-го Туркестанского армейского корпуса, что со времени затребования им пополнения в 6 500 солдат из дивизии убыло цинготных больных до 1 000 солдат, и что эти убыли не прекращаются. К концу апреля Кавказскому фронту уже требовалось 61 938 штыков пополнения. В связи с остротой вопроса о некомплекте на Кавказском фронте, Ставка вначале предполагала направить на этот фронт не менее 50 маршевых рот за счет Северного фронта. Но, как выяснилось, в запасных полках Кавказского военного округа имелось 104 тысячи солдат запаса, которых командование военного округа не смогло направить на фронт.[28] Причины этого крылись в том, что солдаты запасных частей не хотели, а в определенной степени и не могли выступить на фронт в составе маршевых рот. Главнокомандующий Кавказским военным округом ген. Болховитинов информировал командование фронта, что в запасных частях округа подготовлено 80 тысяч солдат, «но их не во что одеть и обуть».[29] Таким образом, проблема некомплекта на Кавказском фронте тесно переплеталась и с кризисом вещдовольствия. Подобное положение наблюдалось и в других военных округах. В более позднем сообщении уже в Ставку в конце июня ген. Болховитинов был вынужден признать, что «укомплектований в . . . запасных полках достаточно, но что затруднения встречаются в побуждении этих укомплектований к следованию на фронт».[30] Таким образом, командование военного округа расписывалось в своем бессилии направить сол-

---

[26] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, л. 1.
[27] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 137, лл. 48об, 60об и др.
[28] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 39, лл. 6, 17, 69, 193.
[29] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 225, лл. 725, 726.
[30] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 687, лл. 64, 64об.

дат на фронт. Фактически аппарат управления Кавказского военного округа был парализован. Не сумев преодолеть вещевой кризис и перебороть сопротивление солдат запасных полков, командование Кавказского военного округа вводило Ставку в заблуждение и пыталось в свое оправдание доказать, что дальнейший набор укомплектований в пределах округа невозможен, положение критическое и что без помощи внутренних военных округов Кавказский фронт не преодолеет некомплект. Новый командующий округом ген. Аверьянов требовал подхода 50 тысяч пополнений для строевых частей Кавказа из внутренних округов России.[31] Письмо Верховного Главнокомандующего ген. Алексеева от 19 мая на имя А. Ф. Керенского в достаточной степени вскрывает политическую обстановку, создавщуюся в пределах обширного Кавказского военного округа, которая удерживала более 100 тысяч солдат запасных частей гарнизонов от следования на Кавказский фронт, задыхавшийся от некомплекта в его боевых частях. В письме ген. Алексеев подчеркивал, что вследствие недоедания, болезней, увольнения 40-летних и т. д. Кавказская армия численно сократилась на позициях в своем составе «до угрожающих размеров». На фронте создалось положение, когда позиции только окарауливались, но не оборонялись. Две дивизии, выведенные в резерв, имели в своих рядах только 1/5 своего прежнего состава. Генерал писал, что армия понесла большие потери и вследствие дезертирства, болезней, увольнений и т. п. Однако, как заявлял генерал, различные местные Советы и Комитеты парализовали власть командования военного округа, считали запасные полки «обеспечением против контрреволюции». Ни одна команда в этих условиях не может быть отправлена на пополнение фронта. Создалось безвыходное положение, продолжал генерал, так как «армии на фронте тают, запасные полки, более богатые людьми... требуют ежедневного продовольствия» и по существу совершенно бесполезны. Верховный главнокомандующий обращал внимание военного министра, что создалось 2 армии: на фронте и в тылу — «не для пополнения первой, а для обеспечения от контрреволюции». Такое положение нетерпимо, особенно на Кавказе. Алексеев обвинял ген. Юденича в бессилии, потере энергии и неспособности бороться «с местными течениями». Главковерх категорически отказывался пополнять Кавказскую армию за счет запасных полков России, так как Юго-Западный и Румынский фронты находились в «опасном некомплекте».[32] Таким образом, помимо разутости и раздетости, запасные части Кавказского военного округа не шли на фронт вследствие того, что местные Советы видели в них гарантию защиты прав иногородних крестян на получение земли. Так, в области Войска Донского в городах происходили конфликты между солдатами гарнизонов и казаками о правах на землю. Поддержи-

---

[31] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 402, 402об.
[32] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 81, лл. 1, 1об.

ваемая солдатами гарнизонов — местными уроженцами крестьянская масса зачастую захватывала землю. Казачий съезд в Новочеркасске (16—28 IV) требовал немедленного отвода пехотных запасных полков из области. На Дону назревал конфликт между казаками и крестьянами, так как местные иногородние крестьяне и мобилизованные из их среды солдаты запасных частей «претендовали на земельку», как выражался один из делегатов казачьего съезда в Новочеркасске. Военные отделы местных Советов поддерживали солдат, и последние не торопились отбывать с маршевыми ротами. Казачий делегат В. Крюков восклицал в своей газетной заметке, что «Есть от чего беспокоиться, крякнуть и сжать кулак».[33]

В результате крайне слабого подхода маршевых рот на фронт, к началу мая некомплект в кавказских частях достиг 69 218 только строевых солдат (нестроевых 5 661), ко 2-му июня 1917 г. уже 87 тысяч, а к концу месяца — 89 тысяч.[34] В то же время с 1 мая по 20 июня в Кавказскую армию с маршевыми ротами прибыло всего 37 тысяч запасных солдат, а до первого июля прибывшие пополнение не превышало 965 человек».[35]

Некомплект на Кавказском фронте усиливался также в связи с крайне низкой транспортной пропускной способностью этого военного театра. Так, к 14 мая в Трапезунде скопилось свыше 10 тысяч прибывших пополнений. Военные власти Трапезунда сообщали в Эрзерум, что прибывшие маршевые роты «размещать негде и кормить нечем».[36]

Некомплект в частях Кавказского фронта, как и на других боевых театрах, возрастал в связи с тем немаловажным обстоятельством, что 40-летние солдаты или вовсе не возвращались с полевых работ, или же задерживались в пути и отказывались следовать в свои части. В Тифлисе таких солдат скопилось огромное количество, и Краевой Совет Кавказской армии дал санкцию на производство облав.[37]

В июне 1917 г. через передаточные станции фронтов для пополнения армий, проследовало 697 маршевых рот пехоты общим количеством 138 000 солдат и 32 пехотных запасных полка, насчитывающих 155 183 солдата. Из этого количества маршевых рот на Северный фронт проследовало 53 роты, на Западный — 181, Юго-Западный — 315, на Румынский — 143 и на Кавказский всего 5.[38]

В то же время в июне только на Северном и Западном фронтах состояло в лечебных заведениях и было эвакуировано в тыл 450 733 больных солдата. Юго-Западный же фронт за период

---

[33] Вестник Союза Казачьих войск, № 5, 30 мая 1917 г.

[34] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 11, лл. 35, 118; Там же, ф. 2304, оп. 1, д. 45, л. 8.

[35] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 31, л. 71.

[36] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 39, л. 56.

[37] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 16.

[38] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 741, 742; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925 г., стр. 20.

наступления с 18 июня по 6 июля потерял убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести 58 329 человек.[39] Таким образом, о восполнении различных потерь фронтов в людской силе не могло быть и речи. Некомплект прогрессировал с различными колебаниями и сопутствовал русской армии вплоть до её окончательного распада.

Колоссальные потери русской армии за период войны, общий кризис народного хозяйства и его техническая отсталость приводили к разбазариванию людских ресурсов России. Генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем В. Борисов отмечал в июле, что «наша армия, где недостаток в материальной части заставляет выезжать на человеке», представляла собой подготовленную почву для разлагающей пропаганды.[40] Ген. Брусилов без обиняков признавал, что русское командование должно было «отсутствие техники восполнять излишне проливаемой кровью». Генерал отмечал, что нельзя безнаказанно драться русскому солдату «чуть ли не голыми руками против хорошо вооруженного современной техникой и воодушевленного патриотизмом врага».[41]

Некомплекту содействовало также чрезмерное разбухание тыловых служб фронтов, где скапливалось большое количество годных к строевой службе солдат. Так, в июне в 21 армейском корпусе Северного фронта числилось 68 015 строевых солдат, а в его тыловой службе — 14 115. В 41-м армейском корпусе Юго-Западного фронта, насчитывающего 71 549 строевиков, в тыловых учреждениях состояло 19 044 солдата, в 40-м армейском корпусе Румынского фронта в строевых частях находилось 54 тысячи солдат, а в тыловой службе около 10 тысяч и т. д.[42]

В начале апреля, по приблизительным подсчетам, численные соотношения тыловых органов к строевым частям представлялись в следующем виде: на Северном фронте — тыловики составляли 17% по отношению к строевым позиционным солдатам, на Западном фронте этот процент достигал самого высокого показателя — 41%, на Юго-Западном — 23% и на Румынском — 13%.[43]

Особенно много сил отвлекала внутритранспортная служба фронтов, что было связано с технической отсталостью страны (мизерное количество механизированного транспорта, отсутствие дорог и т. п.). В этой службе наибольшее число солдат отвлекало интендантство и разного рода работы. По сообщению Начальника военных сообщений театра военных действий (Ставка), по данным на 1 июня 1917 г., на фронтах должно было функциониро-

---

[39] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1018, лл. 74, 77; Россия в мировой войне 1914—1918 гг., стр. 32.

[40] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 81, л. 68об.

[41] А. А. Брусилов — Мои воспоминания. М., 1963 г., стр. 285.

[42] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 203.

[43] АВПР, ф. дипломатической канцелярии, оп. 617, д. 32, л. 74об. Эти процентные соотношения дают лишь правильную тенденцию движения так как в тыловые службы включены также санитарные учреждения, интендантская служба и даже инженерные войска.

вать 855 транспортов, а фактически их было 692. Однако ввиду острой нехватки лошадей в существующих транспортах и в связи с этим ограничением их работы, некомплект армейских транспортов достигал 31%. В связи с отпуском старших возрастов солдат, в разбухшей казалось бы транспортной службе ощущался также большой некомплект хозяйственной обслуги из солдат.

На острый некомплект и кризис транспортной армейской службы особенно жаловалось командование Кавказского и Румынского фронтов. Из общего числа указанных нами 692 транспортов только половина (52%) находилась на подвозе продовольствия, на постройке и эксплоатации дорог было занято 11%, на подвозе дров — 7% и т. д. Все фронты единогласно заявляли о крайней нехватке транспортов и некомплекте в них.[44]

В результате всего комплекса указанных нами факторов, в строевых ротах позиционных частей стремительно таяло количество бойцов. Со всех фронтов и их армий в Ставку, Военное министерство, Генеральный штаб и другие инстанции поступали бесчисленные донесения, жалобы, требования, напоминания и телеграммы о тревожном некомплекте на позициях и о необходимости немедленного отправления маршевых рот. С другой стороны и солдатская масса через свои делегации, отдельных делегатов и посредством писем настойчиво домогалась ликвидации некомплекта. Увеличившаяся нехватка людей в строевых ротах приводила к тому, что специфические и постоянные тяготы фронтовой жизни, расчитанные на полнокровный штат солдат, ложились всей своей тяжестью на плечи оставшихся солдат. Это обстоятельство ещё более усиливало солдатские отказы и неповиновение в армиях. Жалобы солдат и неоспоримые факты о численном составе строевых рот в 50-60 штыков носили повсеместный характер и обсуждались даже на I Всероссийском съезде Советов. Так, депутат этого съезда указывал, что в ротах оставалось 50-60 человек, которые «должны были выполнять все наряды». Другой делегат съезда, солдат Гомберг указывал, что когда он уезжал с фронта, в ротах оставалось 50-60 штыков. В своем выступлении он указывал на необходимость поступления в части нормального пополнения. Он обратил внимание съезда на отказы ряда полков гарнизонов следовать на фронт, а во многих частях тыловых гарнизонов наблюдались колебания в солдатской среде по вопросу следования в действующую армию.[45] Выступавший на заседании Выборгского районного Совета Петрограда делегат 71 пехотного полка Северного фронта отмечал, что в результате роспуска 40-летних и фактического количественного ослабления частей по другим причинам солдаты отказываются идти на смену позиционных частей. В ротах многих частей вместо положенных 250 солдат осталось не более 80 человек.[46]

---

[44] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 94, л. 173об.

[45] Первый Всероссийский съезд Советов, т. П.М.Л. 1931, стр. 206, 393.

[46] Районные Советы Петрограда в 1917 году. М. 1964 г., т. 1, стр. 137.

Делегат 199 пехотного Кронштадтского полка, побывавший в Петрограде в Генеральном штабе по вопросу укомплектования полка, так ничего и не добился.[47] Многие солдаты указывали на невозможность наступления в связи с отсутствием пополнений.[48] Солдаты и выборные организации обращались за помощью и в Петроградский Совет. Так, в мае 18-я пехотная дивизия, по инициативе 18-й артиллерийской бригады, обратилась в этот выборный орган с требованием пополнений.[49] Не имея реальной силы в деле интенсивной отправки маршевых рот многих запасных полков, Военное министерство разрешало действующим частям посылать свои делегации в гарнизоны военных округов. По разрешению военного министра, 9 июня делегация 2-й Кавказской гренадерской дивизии (3 офицера и 8 солдат) направилась в 245 пехотный запасной полк для проверки списков солдат и сопровождения маршевых рот в пути следования.[50] Являлись солдатские делегации непосредственно с позиций в штабы фронтов. Так, делегация солдат из Комитета 4-й Туркестанской дивизии 2-го Туркестанского корпуса Кавказского фронта явилась в конце апреля к Командующему Кавказской армией ген. Юденичу с требованием срочного направления в дивизию 7 тысяч пополнений.[51] Количество солдатских делегаций по вопросу об укомплектованиях было очень многочисленным и трудно поддается учету.

В результате тяжелого положения солдат, роста некомплекта и других невзгод солдатская масса психологически все более и более настраивалась против наступления, что имело огромное морально-политическое значение в ходе активизации боевых действий. Рапорт начальника 78-й пехотной дивизии Командующему 26-м армейским корпусом Румынского фронта от 18 июня более чем красноречиво свидетельствует об этом. Солдаты полков дивизии заявили своему начальству ещё до наступления, что они наступать не могут, в ротах «весьма мало штыков», необходимо усилить артиллерию. В итоге беседы с офицерами солдаты заявили, что с тыла «никто не приезжает для нашего усиления» и что «нас нарочно ослабляют» и т. п. Возражения начальника дивизии только раздражали солдат, и, как гласил рапорт, аргументы солдат «прочно засели в их голове и сердце».[52]

Несмотря на все усилия Ставки, Военного министерства и Временного правительства, некомплект в действующей армии не был преодолен и продолжал расти на протяжении хода революции. Весьма преуменьшенные сведения Генерального штаба о росте некомплекта в феврале-мае 1917 г. все же дают нам представление о нарастании этого губительного явления. Если в фев-

---

[47] ЦГВИА, ф. 200, оп. 3, д. 2713, л. 71.
[48] ЦГВИА, ф. 2234, оп. 1, д. 241, лл. 49, 50об.
[49] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 42, л. 43.
[50] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 14, лл. 230, 296.
[51] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 225, л. 581.
[52] ЦГВИА. ф. 2003, оп. 10, д. 170, лл. 232, 233.

рале некомплект в строевых частях определялся Генеральным штабом в 199,7 тысяч солдат, то в марте он уже исчислялся в 250,7, в апреле в 314,9, а в мае 1917 г. достигал 393,0 тысяч солдат. В то же время таяло количество тыловых солдат в запасных полках, непосредственно приданных фронтам. Так, в феврале 1917 г. число солдат в этих полках превышало 418 тысяч, а в марте уже снизилось до 282,996. В апреле солдат-запасников фронтов было только 222 тысячи, а в мае их насчитывалось 181,5 тысяч. Некомплект в действующей армии не мог быть преодолен даже систематическим увеличением назначенных к перевозке маршевых рот из запасных частей военных округов страны. Военные власти в феврале назначили к отправке на фронт 624 маршевые роты, в марте — 497, в апреле — 777, а в мае — 905.[53] Однако эти запланированные заранее перевозки систематически срывались в результате дезертирства, отказа ряда категорий военнообязанных, в том числе сорокалетних, следовать на фронт, волнений в гарнизонах, кризиса в работе ж-д транспорта, разутости, раздетости и целого ряда других факторов. Огромное значение имела психологическая настроенность крестьянско-солдатской массы против продолжения войны и ухода на фронт. В то же время бурные события революции вносили и свои неожиданные коррективы. Так, из указанного нами запланированного числа предназначенных к отправке маршевых рот из военных округов за март, апрель и май 1917 г. было снято с отправки 215 маршевых рот.[54]

Роспуск т. н. белобилетников и солдат старше 40 лет внес жизненные поправки в начальную картину и усилил рост некомплекта в русской действующей армии.

Положение в военных округах страны и создавшаяся там политическая атмосфера в ходе революции объясняют нам многие важнейшие аспекты проблемы некомплекта, связанного с позицией мятущейся солдатско-крестьянской массы тыла России.

В ходе Февральской революции при создавшемся соотношении классовых и политических сил в России находящиеся в городах гарнизоны военных округов получили большой политический удельный вес. В количественном и организационном отношении многотысячные гарнизоны стали силой, на которую опирались многие местные Советы. Если в начале Февральской революции в этом был определенный и неизбежный политический смысл, то в дальнейшем стали появляться существенные элементы зависимости Советов многих городов от мятущейся в революции солдатско-крестьянской массы. Этот факт привел в дальнейшем к ряду уродливых явлений, политическим последствием которых были растущие успехи большевиков среди солдат гарнизонов. Эсеры и меньшевики, имевшие в первые месяци революции большинство в Советах, оказались политически недальновидными и объективно создавали благоприятные условия для демагоги-

[53] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2723, л. 248.
[54] Там же.

ческой длительной пропаганды большевиков среди солдат гарнизонов. Сам по себе парадоксален был факт проведения активной работы большевиков среди солдат гарнизонов в условиях ведения Россией войны.

Взаимоотношения Петроградского Совета со столичным гарнизоном воспринимались многими Советами городов страны как достойный подражания политический курс внимательной опеки и покровительства по отношению к своим запасным полкам, выдвигающим существенные и несущественные предлоги для уклонения от следования в составе маршевых рот на фронт.

Как свидетельствует член Исполкома Петроградского Совета Н. Суханов, вопросы вывода части из Петрограда стали хронической болезнью столичного гарнизона, и в течение 8 месяцев этот вопрос именно «хронически выплывал на арену». Острым и «больным» этот вопрос стал сразу же с начала Февральской революции, в марте-мае 1917 г., когда в тылу вся гарнизонная служба расстроилась и находилась уже в кризисном состоянии.[55]

Как мы уже знаем, в начале революции Петроградский Совет всячески и действенно возражал против вывода частей столичного гарнизона в целях предотвращения возможной контрреволюции. Однако, в дальнейшем, после укрепления позиций Петроградского Совета, невывод из столицы частей на пополнение фронта ставил уже солдат Петрограда в привилегированное положение, благоприятствующее обработке солдат большевиками, и содействовал разложению запасных частей в городе. Под давлением фронта и сложившихся обстоятельств 13 апреля Солдатская секция Петроградского Совета решила, и виде исключения, допустить вывод маршевых рот из столицы, но и то по соглашению с Исполкомом Совета.[56] Как известно, многие провинциальные Советы «выражали неудовольствие» в связи с невыводом войск из Петрограда на пополнение фронта, а другие следовали по стопам столичного Совета, который был вынужден поддерживать их. Так, 26 июня, выслушав внеочередное заявление делегации из Екатеринослава в связи с приказом командования о выводе 2-х запасных полков из города, Исполком Петроградского Совета решил обратиться в Военное министерство с просьбой о приостановке вывода полков вплоть до разрешения вопроса Исполкомом Советов.[57] Эта непоследовательная и глубоко ошибочная политика стоящего на позиции обороны страны Петроградского Совета проводилась как раз в разгар наступления. Подобная неустойчивая политика проводилась Советом несмотря на многочисленные требования фронтовиков о направлении к ним пополнений. На

---

[55] Н. Суханов — Записки о революции. Берлин, Петроград, Москва, 1922 г. Книга вторая, стр. 173; Книга третья, стр. 115; Книга четвертая, стр. 150.

[56] Н. Суханов — Указ. соч. Книга третья, стр. 116.

[57] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. М. Л., 1925 г., стр. 36, 48, 56, 200.

I-м Всероссийском съезде Советов делегат энес Виленкин, председатель армейского Комитета 5 армии, один из самых популярных представителей фронта, кавалер двух георгиевских крестов, требовал от имени солдат фронта вывода из состава гарнизона Петрограда маршевых рот.[58]

Однако серьезной преградой в деле направления маршевых рот из огромного 300-тысячного гарнизона столицы был не столько колеблющийся и действующий с оглядкой на гарнизон Петроградский Совет, сколько нежелание самих, распропагандированных большевиками, солдат идти на фронт. Большевистская «военка» организовывала соответствующие митинги частей гарнизона с заранее подготовленными резолюциями, составление которых солдатам было не под силу в связи с уровнем их грамотности. Так, 14 апреля на организованном большевиками 10-тысячном митинге солдат 180 пехотного запасного полка с участием кронштадтских матросов была принята резолюция о борьбе против отправки маршевых рот из состава гарнизона. В витиеватой, далеко не по-солдатски написаной резолюции говорилось о борьбе «против скрытой попытки расстроить революционный гарнизон Петрограда, снять его с революционных постов». Солдаты решили обратиться к Петроградскому Совету р. и с. депутатов с просьбой не отправлять маршевые роты на фронт, так как это ослабит революционные силы и т. п.[59] Большевистская «Солдатская правда» упорно вела в солдатской массе соответствующую работу, помещая на своих страницах всевозможные инспирированные «Военкой» солдатские корреспонденции. Так, 18 апреля в этой газете артиллерист Федотов обратился к Керенскому о невыводе революционного гарнизона из Петрограда.[60] Созданная большевиками в конце марта «Военка» при Петроградском Комитете РСДРП(б), а затем находящаяся в ведении ЦК большевиков проводила многочисленные собрания и митинги солдат, на которых последние подвергались политической обработке большевиков. Последние использовали пресловутую ноту Милюкова для сплочения под своим знаменем Петроградского гарнизона и для обвинения Временного правительства в «затягивании» войны.[61] Размах работы большевиков сказался очень быстро. Как указывал Главнокомандующий Петроградским военным округом ген. Половцев, он не смог выполнить требование А. Ф. Керенского об отправке броневиков на фронт. «Что я ни делай. — отмечает Половцев, — а броневики на фронт не будут отправлены». Генерал не смог выполнить и приказание Генерального штаба об отправке на фронт всех резервных армейских пехотных полков из Округа, что было связано с позицией Петроград-

---

[58] И. Г. Церетели — Воспоминания о Февральской революции. Книга 2-я, стр. 192.

[59] «Солдатская Правда», 18 апреля 1917 г.

[60] Там же.

[61] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г., стр. 75, 76. и др.

ского Совета. В присутствии Половцева ораторы «Военки» проводили свои антивоенные выступления в I-м пулеметном полку, где фабриковали резолюции якобы от имени полка «со списочным составом в 19 тысяч». Проводя свои резолюции, большевики затягивали дело, пока утомленные солдаты не расходились по казармам. Как свидетельствует ген. Половцев, в Егерском полку 8 ораторов-большевиков вели беспрерывные выступления в течение 3-х дней.[62] Уже в официальном документе, рапорте генмайора Половцева, о положении в гарнизоне говорилось, что гарнизонные части в Петрограде «переживают период развития большевизма», хотя и наблюдается раскол в среде солдат. Это выявили лозунги демонстрации 18 июня. Генерал отмечал, что вследствие работы большевиков «влияние батальонных и ротных комитетов значительно поколеблено». Ген. Половцеву ценой больших усилий удалось выслать на фронт с 15 июня только 10 маршевих рот и 7 пулеметных команд.[63]

Петроградские большевики делали все от них зависящее для охвата своим влиянием Петроградского гарнизона. Отдельные неудачи не смущали их. Уже в марте большевиками в столице был организован солдатский клуб «Правда», который стал своеобразным центром для идеологической обработки солдатской массы. В мае число членов указанного клуба превышало 3 тысячи солдат. В клуб массово являлись и делегаты фронта. В своем выступлении на VI съезде партии большевиков лидер «Военки» Ник. Подвойский отмечал успехи большевиков в их работе в Петроградском гарнизоне и в армии вообще. В дни апрельского кризиса большевики смогли вывести на улицу под своими лозунгами всего 2 полка, а вскоре в большевистской военной организации столицы числилось уже 6 тысяч членов и около половины гарнизона Петрограда находилось под влиянием большевиков. Июньская фронтовая конференция большевиков была представлена 107 делегатами от 43-х фронтовых и 17 тыловых организаций. С апреля по июнь военная организация большевиков выросла с 6 тысяч в апреле до 26 тысяч. Петроградская организация большевиков с апреля по июнь увеличалась с 16 до 36 тысяч, Московская — с 7 до 15 тысяч и т. д.[64] Ни одна политическая партия не проводила такую неутомимую работу в армии, как это делали большевики, так как они понимали, что без овладения армией не может быть и речи о захвате власти, к которой так стремился В. И. Ленин. Один из лидеров большевистской «Военки» В. И. Невский, выступая 1 июля на заседании 2-й Общегородской Петроградской организации РСДРП(б), подчеркивал: «Как бы хорошо ни был вооружен рабочий класс, пролетарская революция без участия огромных войсковых масс

---

62 Дни затмения, стр. 115, 117, 119. (Вспоминания П. А. Половцева).

63 ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 6, лл. 15, 15об.

64 VI съезд РСДРП(б), август 1917 г. Протоколы. М., 1958 г., стр. 61, 62, VII, VIII, IX.

не будет победоносна. Отсюда необходимость организации инициативных боевых ячеек в войсках».[65] Хотя большевики во главе с Лениным везде громко твердили о руководящей роли «гегемона революции» — рабочего класса, но в действительности все их усилия сводились к завоеванию на свою сторону колеблющейся солдатско-крестьянской массы, которая и решила исход борьбы за власть. Несмотря на тот факт, что в рассматриваемый нами период эсеры имели перевес в провинции, все же большевики упорно продолжали работу по охвату своим влиянием провинциальных гарнизонов. Это им особенно было необходимо, так как в провинциальных городах гарнизоны зачастую составляли более половины численности населения, а то и значительно превышали число жителей городов, непосредственно в русских областях, так и в национальных окраинах. В провинциальных городах численность солдат гарнизонов зачастую была выше количества рабочего класса. Так, в Саратове рабочих было не более 30-35 тысяч, а гарнизон насчитывал 60 000 солдат. Во Владивостоке, население которого не превышало 120 тысяч, гарнизон насчитывал 46 тысяч солдат. В г. Гельсингфорсе рабочих было не более 10 тысяч, а солдат 150 тысяч. В Тифлисе гарнизон насчитывал 80 тысяч штыков, а в Екатеринославе — свыше 60 тысяч и т. п.[66] Во всех провинциальных гарнизонах шла неутомимая борьба большевиков за солдатскую массу, которая впитывала многообещающие лозунги большевиков о земле, ненужности войны, а также о мире. Для сохранения на месте своих сторонников в солдатской массе и завоевания популярности большевики решительно противились выводу полков и маршевых рот на фронт. Если рост некоплекта в армии определялся уже указанными нами общими факторами, то работа большевиков в гарнизонах усиливала этот хронический процесс нехватки укомплектований на фронте и обостряла его. Например, работа большевиков в гарнизоне Екатеринослава, в частности деятельность одного из лидеров большевиков города С. И. Гоппнер, в результате привела к срыву отправки маршевых рот на фронт.

В июне 228 пехотный запасной полк, дислоцированный в Екатеринославе, получил приказ о выступлении на фронт. Под давлением солдат полковой комитет вместо содействия отправке солдат вынес решение о роспуске солдат на полевые работы до середины августа. Вопреки воле командира полка, солдаты явочным порядком разъехались по домам. Их почин был подхвачен и другими запасными полками. Назначенная для расследования комиссия констатировала неопровержимый факт, что срыв направления укомплектований на фронт произошел под

---

[65] Ж. «Красная летопись», 1923 г., № 6, стр. 98.

[66] VI съезд РСДРП(б). Протоколы, стр. 44, 74, 88, 95 и др.; Победа Великой Октябрьской Социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958 г., стр. 44, 159 и др.

воздействием большевиков, оказывавших влияние на солдат.[67] В срыве направления укомплектований на фронт был повинен и Екатеринославский Совет, который, опираясь на поддержку Петроградского Совета, санкционировал незаконный роспуск солдат.[68] Под давлением солдатской массы самочинно отпускали по домам солдат и другие Советы. В обход военных инстанций такой роспуск был произведен, например, Советом Солдатских депутатов г. Николаева, а Витебский Совет, в обход командования, отпустил на с/х работы свыше 5 тысяч солдат гарнизона. В г. Калуге, по постановлению местного Совета, решено было уволить в начале июля весь гарнизон на полевые работы и т. д. По постановлению Красноярского Исполкома Советов, начальник 6 запасной бригады полковник Ауз был вынужден уволить «в отпуск» солдат этой бригады. В результате полки бригады прибыли на фронт в начале июля в составе одних только офицеров и писарей.[69]

В июне военное командование констатировало, что «в последнее время» сами Комитеты дезорганизуют отправление на фронт укомплектований и распускают солдат домой вопреки приказам Военного министерства. Зато в армию непрерывно поступали «вредные агитаторы» и т. п.[70] Если большевикам не удавалось задержать части на месте и предотвратить их отправку, то большевистские организации зачастую включали в состав маршевых рот своих агитаторов для продолжения большевистской пропаганды на фронте. Один из руководителей большевиков Ставрополя Пономарев писал, что «не одна маршевая рота ушла из Ставрополя, унося с собой элементы критического отношения к установившемуся порядку».[71] В конце апреля и в начале мая из состава Ставропольского гарнизона было отправлено на фронт 1 700 солдат, уже вошедших в орбиту влияния большевистской военной организации. Среди солдат уже вела свою деятельность партийная ячейка большевиков. Кроме того, Ставропольская организация РСДРП(б) направила вместе с солдатами большевика Григорьева для продолжения агитационной работы на фронте и установления постоянной связи с фронтовыми частями, направляемыми из Ставрополя. В эти части направлялась большевистская литература и приезжали с различными партийными поручениями солдаты Ставропольского гарнизона.[72] На фронте

---

[67] ЦГВИА, ф. 1937, оп. 6, д. 264, л. 252, 252об; Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в промышленных центрах и нац. районах. Сборник воспоминаний участников революции, стр. 255.

[68] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 801.

[69] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1516, л. 133; Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 103об; Там же, ф. 366, оп. 1, д. 14, л. 602.

[70] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 810.

[71] С. Бойков, Н. Буркин и др. — Октябрь на Северном Кавказе. Ростов на Дону, 1934 г., стр. 80.

[72] 1917 год в Ставропольской губернии. Сб. док. и матер. Ставрополь, 1927 г., стр. 31, 32.

и в тылу, непосредственно в гарнизонах шла оживленная агитация большевиков, направленная против отправки маршевых рот, на бурных митингах ораторы-большевики выступали против наступления, Временного правительства и т. п. Как доносило командование, «на почве большевистской пропаганды» происходили волнения в запасных частях, как это было, например, в Глазове Казанского военного округа, даже в далеком Туркестанском военном округе происходили волнения. В начале июля большевик, фельдфебель Дегтярев и солдат Черкашин организовали в гарнизоне г. Лепсинска 40-летних солдат, которые после ряда митингов приступили к аресту гарнизонного начальства, пытались захватить оружие, патроны и т. д.[73] В г. Стерлитамаке Казанского военного округа во главе гарнизонной пулеметной команды стояли прапорщик Калугин и солдат Николаев, заявившие, что они являются ленинцами. Под их руководством в гарнизоне проводились вооруженные демонстрации, обыски и аресты. Городская Дума Стерлитамака просила власти о пресечении незаконной деятельности солдата-ленинца Николаева.[74]

На прифронтовых станциях и ж-д узлах по пути следования маршевых рот ораторы-большевики вели ожесточенную антивоенную агитацию и пропаганду. В начале июля, например, на ж-д станции Минск большевик Малагин агитировал среди солдат против Временного правительства и министра Керенского, которого рекомендовал солдатам «уничтожить». На платформе ст. Грозный солдаты-большевики Юлий Циммерман и Лукашин неодобрительно, как гласил рапорт, отзывались о Временном правительстве и призывали солдат к неподчинению офицерам и к отказу от следования на фронт.[75] Подобных примеров можно привести множество. Большевики бросили в солдатскую толщу на фронте и в гарнизонах заранее подготовленный свой пропагандистский аппарат. Этого настойчиво требовал В. И. Ленин, уделявший вопросу большевистской пропаганды и агитации большое внимание. Это подчеркивал и глава «Военки» Н. Подвойский, который отмечал, что «Ленин требовал, чтобы к солдатам были брошены сотни, тысячи агитаторов, умеющих разъяснить четыре вещи: мир, земля, рабочий контроль . . . и вопрос о власти». Большевики уже в апреле-мае для работы в гарнизонах вызвали несколько сот т. н. «передовых» матросов для создания перелома в настроениях солдат в пользу большевиков.[76] Петроградский и ЦК РСДРП(б) вели упорную повседневную работу среди солдат и уделяли вопросам охвата своим влиянием воинских частей особое внимание. 8 июня в Петрограде было созвано специальное заседание Петроградского Комитета и ЦК РСДРП(б) с участием

---

[73] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, лл. 28, 117, 118.

[74] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 227, лл. 24, 25.

[75] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 108об; «Кавказ», 11 августа, 1917 г.

[76] Н. Подвойский — Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний). М., 1957 г., стр. 18, 19.

представителей районов и воинских частей. Работа эта проводилась и раньше.[77] В июне-июле большевистские военные организации были образованы в Казани, Калуге, Красноярске, Одессе, Риге, Самаре, Харькове, Ярославле и других городах, создаются большевистские ячейки в частях гарнизонов. В городах с крупными гарнизонами создавались районные большевистские организации — в Петрограде, Москве, Киеве, Екатеринбурге.[78] В Москве большевики также вели энергичную работу среди запасных частей и всячески инспирировали выступления гарнизонных солдат против вывода из города маршевых рот и помещали на страницах своей прессы соответствующие резолюции. Так, 21 апреля солдаты некоторых рот 193-го пехотного запасного полка приняли предложенную большевиками резолюцию протеста против вывода войск Петроградского и Московского гарнизонов. Резолюция указывала, что вывод войск «грозит контрреволюцией. Выведение войска допустимо только с разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов».[79] По инициативе московских большевиков 9 июня 1917 г. в Ходынском лагере состоялось заседание полковых комитетов 55, 56, 85, 194, 251 пехотных запасных полков, которые в ответ на приказ об отправке всех запасных полков на фронт нашли, что приказ не соответствует «техническим условиям и демократическим началам», что полки требуют «немедленного пополнения» и что нельзя выводить части из Москвы, так как «процесс революции далеко ещё не завершен» и т. п. Собрание решило обратиться в Московский Совет Солдатских депутатов за разъяснениями.[80] Большевик Е. Ярославский всячески подогревал антивоенные настроения солдат на митинге I запасной артиллерийской бригады 21 июня. В резолюции особенно выдвигалось требование, «чтобы революционный гарнизон не выступал из Москвы» и чтобы солдаты непременно оставались в Москве и здесь защищали революцию.[81] Для реализации своих намерений московские большевики подключили рабочих, которые по вопросу отправки на фронт солдат 55 пехотного запасного полка вынесли специальную резолюцию протеста и требовали оставить этот полк в Москве, так как он де является «оплотом революции». Под руководством большевиков была избрана делегация рабочих завода Михельсона и послана в Московский Совет. 55 пехотный запасной полк оставался в Москве вплоть до Октябрьского переворота, и его солдаты принимали участие в боях на улицах города.[82] Большевики делали все возможное для

---

[77] Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. М. Л., 1927 г., стр. 7, 12, 22, 26, 145, и др.

[78] «Правда», 23 июня 1917 г.; «Социал-демократ», 20 мая, 9 июня 1917 г.; «Голос Социал-демократа», 6 июля 1917 г. и др.

[79] Газ. «Социал-Демократ», 10 мая 1917 г.

[80] Газ. «Социал-Демократ», 16 июня 1917 г.

[81] Газ. «Социал-Демократ», 24 июня 1917 г.

[82] От Февраля к Октябрю. Сб. воспоминаний. М., 1957 г., стр. 228.

усиления своего влияния среди солдат Московского гарнизона. Военная большевистская организация в апреле интенсивно работала по насаждению казарменных групп большевиков и организовывала занятия в группах для подготовки пропагандистов и агитаторов из среды солдат; был открыт солдатский клуб. Московский Комитет РСДРП(б) в своих политических интересах и для роста популярности большевиков в солдатской массе принял решение об организации в воинских частях пропаганды оставления революционных полков в тылу якобы «для борьбы с контрреволюцией».[83]

В результате этой упорной работы большевиков в действующую армию прибывали распропагандированные пополнения как из Петрограда и Москвы, так и из других гарнизонов. В штабы фронтов стали поступать многочисленные рапорты из действующих частей о распространении большевистской пропаганды.[84] В 33 армейском корпусе 8 армии, в 15 полку солдаты-делегаты, побывавшие в июне в Петрограде, привезли и распространили по ротам большевистскую литературу под лозунгом «Долой войну и Временное правительство».[85] Как сообщал в конце мая начальник мобилизационного отдела Генерального Штаба, маршевые роты приходят в армию «в весьма слабом составе» (9 армия), многие самовольно покидают эшелоны в пути следования, а оставшиеся приходят с готовым настроением «не воевать», вносят разложение в действующие полки армии.[86]

Командир I гвардейского корпуса Юго-Западного фронта ген. Илькевич 15 июня доносил фронтовому командованию о тяжелом положении в частях, создавшемся в связи с прибытием большого числа солдат из запасных частей Петрограда. В полки корпуса, особенно в части 2-й дивизии, прибыло около 45 маршевых рот, из которых до 30 рот из столицы. В ряде полков вновьприбывшие составляли большинство солдат и категорически высказывались против войны и наступления. Специально присланные агитаторы-большевики вели в корпусе подпольную пропаганду.[87] Солдаты маршевого эшелона 31-го запасного пехотного полка, следовавшего на фронт, распространяли отпечатанное 2 июля в Туле воззвание большевистского содержания, призывавшего к перемирию на всех фронтах и немедленному прекращению войны. Воззвание было подписано председателем общего собрания солдат прапорщиком Упоровым, солдатом Параконовым и др.[88]

Как это ни парадоксально, маршевые полки и роты, прибывавшие в действующую армию для её пополнения и укрепления,

---

[83] Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957 г., стр. 91, 121. Док. и матер.; «Москва в двух революциях», М., 1958 г. Сб. статей, стр. 25 и др.; Октябрь в Москве, Сб. док. и матер. М., 1932 г., стр. 117.

[84] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 65.

[85] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1306, л. 166об.

[86] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6672, л. 12.

[87] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 3, д. 17, лл. 280, 280об.

[88] ЦГВИА, ф. 1759, оп. 1, д. 85, л. 75.

зачастую в боевом и политико-моральном отношении разлагали строевые части и приводили к росту небоеспособности целых соединений. Как сообщал в конце мая в своем письме на имя военного министра ген. Алексеев, в армии широко ощущалось «вредное влияние поступающих на фронт укомплектований», идущих в армию из запасных полков внутренних округов. Генерал отмечал, что значительная часть этих укомплектований находилась под влиянием последователей Ленина. Ген. Алексеев настаивал на необходимости удаления агитаторов из тыловых частей.[89] Дело доходило до того, что командование Юго-Западного фронта, где был самый высокий процент некомплекта, стало отказываться от ряда пополнений «за полной их негодностью». Такие пополнения поставлял 3-й запасный пехотный полк в Петрограде.[90] Начальник штаба армий Западного фронта ставил даже вопрос о возвращении обратно во внутренние округа разпропагандированных пополнений и о необходимости подавления «вредной агитации» в тыловых округах. Командование фронта просило присылать только проверенные укомплектования. Начальник штаба категорически заявлял, что в противном случае «лучше не иметь укомплектований.[91] 5 июля Верховный главнокомандующий ген. Алексеев обратился в Петроградский военный округ с требованием не присылать больше пополнений из гвардейских запасных полков Петрограда и дислоцированного там же 180-го пехотного запасного полка «ввиду совершенной их негодности».[92] Но пополнения, поступающие на фронт из других тыловых округов, тоже были далеко не на высоте положения. Комиссар 5 армии Ходоров жаловался на «распущенность» совершающих беспорядки пополнений из 239 пехотного запасного полка г. Сызрани.[93] Одна из июльских сводок по Западному фронту гласила, что «Армия не может выздороветь, пока зараженный тыл будет посылать ей маршевые роты, составленные из пораженцев и большевиков».[94]

Однако истощение людских резервов страны заставляет военные инстанции принимать эти пополнения, которые ещё больше усложняли далеко зашедший процесс разложения армии. Более того, несмотря на категорические протесты фронтов, в их части стали поступать маршевые роты, составленные из большого количества амнистированных уголовных элементов и возвращенных в ряды запасных частей беглых солдат (дезертиров).[95]

Все же было бы ошибкой утверждать, что беспримерный в истории развал русской армии и создавшееся положение в военных округах являлось результатом только злой воли последо-

---

[89] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 17, лл. 280, 280об.
[90] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 559.
[91] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 570, 570об, 571.
[92] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2713, л. 309.
[93] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, л. 94, л. 171.
[94] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 129об.
[95] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 87, 87об, 161.

вателей Ленина. Неудовлетворительное состояние военных округов, волнения запасных солдат, успехи большевиков в гарнизонах вытекали из общего, всеобъемлющего кризиса народного хозяйства страны, разрухи, обусловливались состоянием сельского хозяйства и вытекающим отсюда нестерпимым положением, в котором оказалось крестьянство России, доведенное войной до грани катастрофы. Война привела к тому, что в крестьянских хозяйствах 50 губерний России, согласно переписи 1917 г., средний процент мобилизованных в армию трудоспособных достигал 47,8% от всей численности мужчин.[96] Верховное Главнокомандование противника было прекрасно осведомлено о состоянии сельского хозяйства России и положении крестьянства. В секретном досье этого органа подчеркивалось, что труд мобилизованных крестьян и с/х рабочих не может быть компенсирован за счет женщин, стариков, подростков и др. Улучшение положения с/хозяйства при помощи применения с/х машин исключено в связи с отсталостью экономики страни.[96a] Если принять во внимание отсутствие механизации в крестьянском хозяйстве положение в нем становилось угрожающим: недосев, опаздывание с уборкой урожая и т. п. Отсюда вытекали широкие волнения т. н. белобилетников и находящихся в отпуску на сельскохозяйственных работах солдат во всех военных округах страны. Краткие сроки отпусков на сельскохозийственные работы и прекращение их вообще не давало возможности крестьянам-солдатам завершить в своих хозяйствах уборочные работы, и многим из них приходилось бросать на произвол судьбы свои хозяйства. При отпуске на полевые работы командование плохо учитывало и сроки проведения сельскохозяйственных работ, связанных с климатическими зонами страны. Со всех мест массово поступали ходатайства 40-летних и других категорий солдат об отсрочке призыва до конца уборки и покоса. Солдаты отказывались возвращаться из отпусков, справедливо ссылаясь на необходимость окончания полевых работ. В округах наблюдались многочисленные делегации отпускных солдат с требованием об отсрочке явки в армию.

В гарнизонах страны проходили бурные митинги запасных солдат, они решительно сопротивлялись направлению в армию, ожидая возвращения своих делегаций и делегатов. Приказы командования об отправке на фронт не выполнялись, как например в запасных полках Симбирского гарнизона — в 96м, 97м, 142м, 242м. Волнения происходили и в 204м пехотном запасном полку в Тамбове, «беспорядки» имели место в г. Коврове, солдаты 140 пехотного запасного полка в Пензе также не подчинились приказу о направлении на фронт. В Алексине отпускные солдаты 1895—1899 гг. рождения в равной мере отказывались от направ-

---

[96] Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925, стр. 21.

[96a] Kriegsarchiv. K. u. K. Armee Oberkomando Nachrichten Abteilung. 1917, N3436.

ления их на фронт «ввиду уборки покоса» и ждали возвращения своей делегации из Петрограда. Неповиновение запасных солдат и их волнения имели место в Сызрани, Царицыне, Казани и во многих городах в июне-июле 1917 г.[97] Командир 145 запасного пехотного полка в г. Петровске Казанского военного округа подпоручик Черменишевский довел до сведения командования, что преобладающая масса запасников-солдат, состоящая из белобилетников, ратников и молодых солдат в количестве 1 000 человек подошла к штабу полка и, «угрожая насилием», требовала отправления их по своим уездам. Не располагавший реальной властью, командир полка указывал в своем рапорте, что он будет вынужден удовлетворить требование солдат, тем более, что полк уже неоднократно проявлял неповиновение. Командование округа отдало приказ начальнику 2-й Оренбургской казачьей дивизии направить в г. Петровск 2 сотни казаков. Военное министерство приказало восстановить в городе порядок «всеми мерами».[98]

Запасные солдаты, отпущенные в кратковременный отпуск, крайне нуждались в его продлении для завершения основных работ в своем хозяйстве. Причем требования их были минимальными. Так, солдаты 58 пехотного запасного полка в Воронеже, назначенные к отправке с маршевыми ротами 10 июля, отказались следовать на фронт без предоставления им хотя бы трехнедельного отпуска.[99] В других запасных частях Московского военного округа эти явления наблюдались в широком масштабе, дело доходило до волнений в гарнизонах на основе всевозможных требований. Солдаты часто выдвигали различные предлоги для получения отсрочки от направления с маршевыми ротами в целях использования этой отсрочки для работы в своем разрушающемся хозяйстве. Эвакуированные солдаты 99 пехотного запасного полка в Пензе в первых числах июля отказались от следования на фронт до тех пор, пока на позиции не будут направлены все солдаты, не участвовавшие ранее в боевых действиях. Солдаты этого полка направили в Петроград делегацию, которая должна была изложить доводы солдат и их требования. Точно такие же доводы выдвинули солдаты 140 пехотного запасного полка в Пензе. 26 июня на митинге эвакуированных солдат 99 запасного полка были выдвинуты аналогичные требования, к которым присоединились такие же категории запасников из 98 и 13 пехотных полков Пензы.[100] В Рыбинске, согласно донесениям, масса 40-летних солдат поголовно настаивала на продлении отпуска на полевые работы, и многие из них, не дождавшись разрешения, находились в самовольных отлучках. В ходе волнений запасных солдат в пределах Московского военного округа они поддерживали местные городские низы и уча-

---

[97] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 12, лл. 29, 36, 38, 40 и др.
[98] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, лл. 6, 6об.
[99] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 200.
[100] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 21, лл. 157, 163.

ствовали вместе с ними в «проверке» продовольственных запасов в магазинах, как это было в Нижнем Осколе. Волнения в гарнизонах сопровождались арестами членов продовольственных комитетов, стихийными разгромами винных заводов, как это имело место в Липецке солдатами 191 пехотного запасного полка. На общем фоне этих разнообразных выступлений выделялось главное — отказ следовать на фронт или по другим назначениям.[101]

Местные Советы были не в состоянии противодействовать требованиям 40-летних солдат о продлении отпуска для производства полевых работ в своих уездах и волостях. В начале июля из ряда городов, в том числе и из Щуи, поступили срочные телеграммы в Петроград, в ЦИК Советов и в адрес Временного правительства с ходатайством о продлении отпусков солдатам для производства уборки хлеба.[102] С волнующейся массой солдат не могли справиться не только местные Советы, но и командование военных округов. Как доносил командующий Московским военным округом полковник Верховский в начале июля в Ставку, в Москве скопились свыше 10 тысяч сорокалетних солдат, не желающих следовать на фронт. Полковник указывал, что следовать с маршевыми ротами этих солдат можно заставить только силой оружия. Для ликвидации этого взрывоопасного скопления полковник Верховский все же пошел на уступки и «расписал» эту массу по своим воинским начальникам для производства полевых работ в хозяйствах. Командующий округом выразил надежду, что через месяц «будет их снова иметь отличными солдатами».[103] Волнения среди ополченцев и других запасных частей имели место как в апреле и мае, так и продолжались в июне, июле, августе. Делегации пеших дружин и других запасных частей военных округов буквально осаждали мобилизационный отдел ГУГШ и другие военные инстанции в Петрограде, в которые они обращались со своими требованиями и за «разъснениями».[104] В ожидании «разъяснений» в разгар наступления многие запасные полки не торопились на фронт. Так, солдаты 178 пехотного полка решили на своем общем собрании, что до возвращения из Петрограда делегации полка, выехавшей в столицу 4 июля, на фронт «не выступать».[105] Вместе с тем, солдаты запасных полков снабжали своих делегатов, направляемых в Петроград, соответствующими наказами, многие из которых являлись неоспоримым свидетельством их подготовки большевиками. Так, июльский наказ от солдат 239 пехотного запасного полка, дислоцированного в г. Сызрани, выработанный для представления в Петроградский Совет, содержал протест против направления пол-

---

101 ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 157, лл. 100, 101.
102 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 48, л. 9.
103 ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 12, л. 18.
104 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1568, лл. 160, 268; Там же, оп. 2, д. 2418, л. 91.
105 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 317.

ка на фронт. Наказ содержал и решительный протест против прекращения отпусков на полевые работы. Документ указывал также, что в полку масса эвакуированных и раненых на фронте солдат, непригодных к несению фронтовых тягот. Кроме того, как сказано в наказе, маршевые роты не могуть быть отправлены в связи с отсутствием обмундирования. Солдаты требовали передачи всей полноты власти в руки Советов, окончания братоубийственной войны, возражали против распространения займа свободы и настаивали на наложении подоходно-прогрессивного налога на имущие классы, так как война выгодна только буржуазии. Кроме того, в наказе содержался протест против создания батальонов смерти, решительно отметалось наступление и т. д.[106]

В самом крупном из военных округов — в Казанском — из общего числа в 97 гарнизонов, в июне в 60-ти создалась крайне тревожная обстановка. В гарнизоне г. Камышина, в его 151 запасном полку происходили бурные митинги и волнения. Как гласила сводка командования, здесь едва «не дошло до побоища». В Николаевской Слободе солдаты 243 пехотного запасного полка настойчиво требовали перед отправкой на фронт предоставления им двухнедельного отпуска в свои хозяйства, на что им и дал санкцию местный Совет. Командующий Казанским военным округом ген. Мышлаевский настаивал на возвращении отпущенных по домам солдат этого полка и угрожал Совету привлечением его к суду, как это было сделано в отношении Богульминского Совета. Также запасные солдаты Балашовского гарнизона, особенно старших возрастов, назначенные в маршевые роты, настойчиво добивались увольнения на две недели. Ген. Мышлаевский был вынужден дать разрешение на увольнение «наиболее нуждающихся». Волнения гарнизонных солдат имели место также в гг. Петровске, Орске, Перми, Кургане и в других городах.[107]

Учитывая настроение солдат, объединенное собрание полкового и ротных комитетов 158 пехотного запасного полка и местного Совета Астрахани решило пойти на уступки солдатской массе и отложить выступление на фронт до 21 июля. Мотивы, которые были выдвинуты для оправдания этого решения, была ссылка на необходимость уволить солдат на полевые работы, некомплект в запасном полку ввиду неявки дружин с полевых работ, а также отсутствие обмундирования. 128 пехотный запасной полк в Златоусте также задержал отправку своих маршевых рот до получения обмундирования. Командующий военным округом не соглашался с выдвинутыми мотивами и требовал от начальника 50 запасной бригады немедленной отправки солдат на фронт, и отметал всякие «пустые оговорки».[108] Дальнейший нажим на солдат приводил только к росту напряженности в гарнизоне и к возникновению волнений. В конце июня здесь продолжалось «броже-

---

[106] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 15, 15об.
[107] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 21, лл. 89, 90.
[108] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 798, 799.

ние» запасных солдат, и «бунтарские роты» пытались уже освобождать арестованных властями солдат в Астрахани.[109]

Волнения в гарнизонах и дезорганизация, царившая в военных округах, ширились на основе растущего недовольства солдатско-крестьянской массы, вызванного дальнейшим обострением продовольственного вопроса в России. Все возрастающие вынужденные требования Временного правительства к крестьянству об увеличении поставок хлеба, падение стоимости курса рубля и отсутствие достаточного количества работников в крестьянском хозяйстве делали затруднительными продовольственные поставки и вызывали ещё большее озлобление крестьянства. Летом 1917 г. очень многие крестьянские хозяйства не были обеспечены хлебом и продовольствием вообще. Несмотря на это, в связи с недопоставками хлеба последовали специальные воззвания Временного правительства и Петроградского Совета к крестьянам о необходимости спасать фронт и города от надвигающегося голода. В ответ на эти обращения и листовки, фронтовики и солдаты гарнизонов направляли в Петроградский Совет письма, которые более чем убедительно свидетельствовали о создавшемся положении в крестьянских хозяйствах в ходе войны и широком недовольстве в солдатско-крестьянской массе. Солдаты указывали, что вырастить хлеб в тылу некому, «когда от 18 до 45 лет стоят в окопах». В деревне, указывали письма, безрукие и безногие, которых «самих надо кормить». В других письмах солдаты писали, что деревня все же хлеб сдает, но что правительство совершенно не думает о рабочих руках для крестьянского хозяйства. Солдаты требовали, чтобы и рабочие трудились «не считая часов». Говоря о поставках хлеба, солдаты настаивали на том, что раньше всего необходимо «очистить амбары у помещиков». В многочисленных письмах солдаты-крестьяне резонно указывали, что хлеба у многих крестьян нет, так как «у крестьян нет земли своей, на какой сеять». Сперва необходимо дать крестьянам землю, — указывали авторы писем, — а потом можно предъявлять требования о сдаче хлеба. Солдат Саренков в своем письме указывал, что рабочим дали восьмичасовой день, «а крестьянам нет ничего». Солдаты писали, что цены на мануфактуру крайне высокие, а оплата за поставляемый хлеб совершенно мизерная. «Это для крестьян очень обидно» — заявили авторы писем. «Хлеба у нас нет», — констатировали солдаты во многих письмах и предлагали изъять хлеб у помещиков. Были и письма, написанные уже под влиянием большевистской пропаганды о выступлении против капиталистов, с которыми солдаты предлагали поступать, «как говорит товарищ Ленин».[110]

Такие настроения царили на фронте и в тыловых гарнизонах летом 1917 г., вызванные как объективными факторами состоя-

---

[109] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, лл. 254, 257.

[110] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 59, лл. 2, 3об, 4, 10, 12, 83, 114, 121об, 168, 191, 192об и др.; Там же, оп. 78, д. 77, л. 79.

ния страны, так и, в значительной степени, политикой Временного правительства и социалистических партий, откладывавших в долгий ящик решение насущных нужд широких масс (аграрный, национальный вопросы и вопрос о мире и т. п.).

На рост волнений в гарнизонах влияла и чехарда приказов Временного правительства и Ставки по вопросу отпусков, демонстрировавшая нерешительность, колебания, непоследовательность и слабость правительственных органов, Ставки, Комитетов и местных Советов. Так, 5 июля, последовала отмена отпусков на сельскохозяйственные работы, 11 июля эти отпуска были вновь разрешены, 15 июля прекращены и т. д. На Кавказский фронт в течение июля последовало по этому вопросу 6 приказов — 3 разрешающих и 3 отменяющих отпуска.[111] В связи с этим хаосом приказов об отпусках, телеграмма Генерального штаба об усилении мер по направлению запасников, маршевых рот и нестроевых солдат на фронт вызвала усиленное волнение в военных округах. О положении на фронте и в гарнизонах дают представление заключительные слова телеграммы Генерального Штаба: «В строю громадный некомплект, тыловые части пустуют из-за неприбытия находящихся в отпуску солдат».[112]

Положение с направлением укомплектований из округов на фронт усложнялось ещё в связи с тем обстоятельством, что отпущенных на полевые сельскохозяйственные работы солдат крайне трудно было собрать даже в мобилизационном порядке. Так, командование 32 пехотного запасного полка в Симферополе совместно с прибывшими с фронта делегатами 13-й пехотной дивизии 4 июля направили телеграмму в Генеральный Штаб, в которой резонно указывалось, что о немедленном направлении маршевых рот не может быть и речи, так как вызов отпущенных на полевые работы солдат потребует минимум 10 дней.

Расчеты и надежды Ставки на приток необходимых резервов на фронт видоизменялись, а часто и рушились не только в связи с известными нам уже фактами, как отказом солдат следовать на фронт, разутостью, раздетостью, но и в связи с эпидемиями, национально-освободительным движением в частях и т. п. Так, 34 пехотный запасной полк телеграфировал дежурному генералу Юго-Западного фронта в начале июля, что из числящихся в полку 11 200 солдат, которые всем полком должны были отбыть на фронт, будет отправлено едва 2 тысячи солдат и 185 офицеров. Командование поясняло, что из состава полка явочным порядком выделились 2 украинских маршевых роты — 500 солдат, мусульманская — 611 человек. Медицинская комиссия освободила от следования на фронт до 2 500 больных солдат. Значительная часть солдат полка убыла по нарядам в другие части, а солдаты старше 40 лет ещё ранее освобождены и т. п.[113] Согласно июльского ра-

---

111 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 351; Там же, ф. 2300, оп. 1, д. 5, л. 93.
112 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 515.
113 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 197.

порта командира 42 запасного пехотного полка, в полку находилось 4 роты, состоящих из украинцев, на отправку которых по назначению мало надежды. В полку огромная заболеваемость сыпным, брюшным и возвратным тифом. Заболеваемость приняла такие размеры, что 10 июля медико-санитарное ведомство приостановило высылку рот на фронт.[114] Как доносил командир 92 пехотного запасного полка из Саратова (Казанский военный округ), вследствие выделения украинцев, поляков и по другим причинам предназначенные к отправке на пополнение 2 маршевые роты полка были расформированы. В ответ на телеграмму Центральной Рады из Киева в Ашхабадском гарнизоне были выделены особые украинские маршевые роты для непредусмотренной отправки в украинизированный корпус. Точно так же о невозможности предусмотренной отправки маршевых рот телеграфировало командование 148 пехотного запасного полка из Кузнецка, «ввиду выделения у них украинцев». В то же время и Генеральный штаб вносил путаницу в отправку маршевых рот, так как на основании соглашения Временного правительства с Центральной Радой, ген. Саттеруп из ГУГШ предлагал некоторым военным округам формирование маршевих рот из украинцев для перевода их в украинизированные части, что требовало времени и вносило усложняющие моменты в дело отправки маршевых рот. Это относилось и к выделению других национальных частей. Как эти распоряжения, так и вмешательство Центральной Рады вносило значительные коррективы в предусмотренную отправку пополнений на фронт.[115] Ввиду неразрешенности Временным правительством национального вопроса и неурегулированности Ставкой вопроса о национальных комплектованиях, мероприятия Центральной Рады часто шли вразрез с распоряжениями Ставки, что существенно отражалось на ходе отправки укомплектований на фронт. Ген. Деникин в бытность его Главнокомандующим Западного фронта указывал летом 1917 г., что войсковые органы Генерального Комитета проводили свою работу «помимо и параллельно командованию, внося неизмеримые затруднения в мобилизацию, комплектование и перемещение войск». В июле-августе подобное положение имело место и на других фронтах. Ген. Балуев, командующий Северным фронтом, обращался в Ставку и Центральную Раду, чтобы Генеральный Комитет «ни под каким видом» не вмешивался в распределение и направление эшелонов украинцев в части войск, «не принимал по этому поводу самостоятельных решений».[116] В гарнизонах округов дело осложнялось в связи с тем обстотельством, что сол-

---

114 Там же, д. 2713, лл. 836, 837.

115 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 633, 655об, 668, 694, 702, 707, 709, 710, 711, 730, 778об, 859 и др.

116 Д. Дорошенко — Історія України, 1917—1923 р., т. 1, Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932, стр. 358; Д. Эрде — Революция на Украине. Харьков, 1927 г., ст. 58; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 693, л. 90.

даты-украинцы часто имели возможность явочным порядком создавать свои формирования. Так, в начале июля начальник 14-й запасной бригады Казанского военного округа телеграфировал в Казань, что солдаты-украинцы 91 и 92 запасных полков оставили общие казармы в Саратове и заняли за городом отдельное помещение, где объединятся с украинцами из других полков. Собравшиеся солдаты образовали в Саратове отдельный «украинско-казацкий» имени Ивана Мазепы полк, который избрал командиром капитана Вдынаховского. Начальник 14-й запасной пехотной бригады просил срочного наряда на отправку в армию свыше 4-х тысяч украинцев. На почве выделения национальных частей в гарнизонах обострялся национальный вопрос. Так, в Новогеоргиевске Херсонской губернии в 8 запасном кавалерийском полку произошла «смута» между солдатами, так как выделение украинцев осложняло комплектование маршевых эскадронов. Вдобавок, пользующаяся влиянием среди солдат эсеровская гарнизонная организация возражала против деления армии но национальному признаку.[117] Массовые выделения солдат-украинцев и внеочередная отправка украинских маршевых рот безусловно осложняли положение с упорядочением комплектования фронтовых частей. В июле выделение украинских формирований и отправка украинских маршевых рот стала носить интенсивный характер, усиливая кризис резервов. Так, 4 июля Омский военный округ получил срочный наряд на отправку на Юго-Западный фронт 5 000 солдат-украинцев.[118]

Таким образом, неразрешение своевременно национального вопроса в России и запоздалое выделение в округах украинцев-солдат в отдельные формирования вносили свою долю в усложнение кризиса резервов в разгар наступления в русской армии.

Ряд волнений запасных солдат в гарнизонах в июне-июле перерастал в настоящие восстания, которые потрясали и расшатывали аппарат управления войсками в тыловых округах и приобретали уже более широкий социально-политический характер, выходящий за пределы данной местности и имеющий общегосударственное значение. В этом отношении показательно восстание гарнизона в Нижнем Новгороде, начавшееся 30 июня 1917 г. и, что характерно, поддержанное окрестным крестьянством и рабочими города. Большевики провели здесь своеобразную репетицию использования в своих политических итересах местного гарнизона, что имело определенное значение для политики большевиков по выводу на улицы частей Петроградского гарнизона 3-5 июля 1917 г.

Нижегородские события начались с обысков солдатами магазинов, складов и квартир торговцев в поисках якобы спрятанных последними продовольственных запасов. 1 июля солдаты 62-го пехотного запасного полка отказались от выступления на фронт,

[117] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 428.
[118] Там же, д. 2713, л. 386.

а 5 июля их казармы были оцеплены, и солдаты разоружены. Но прибывшие на помощь 62-му полку солдаты 183 и 185 пехотных запасных полков Нижнего Новгорода отбили атаки правительственного отряда, и город оказался в руках восставших солдат. По инициативе большевиков, местный Совет был заменен Временным Комитетом. Президиумы Московских Советов (рабочего и солдатского) приняли решение восстановить положение и положить конец «нижегородскому волнению». 5 июля командующий Московским военным округом полковник А. И. Верховский во главе сформированного им отряда ликвидировал выступление Нижегородского гарнизона. Семь членов Временного Комитета были арестованы. Как сообщал А. Ф. Керенскому полковник Верховский, серьезную услугу в подавлении выступления гарнизона оказали солдаты 35-го пехотного запасного полка, юнкера и казаки. Таким образом, о едином фронте солдат в ходе волнений в гарнизонах в рассматриваемый нами период говорить не приходится. Солдаты проявляли характерные для них колебания. По сообщению Верховского, после выдачи солдатами т. н. «зачинщиков» эвакуированные солдаты и запасные полки Нижнего Новгорода и Владимира «поняли свои заблуждения» и с криками «ура» отправились на фронт. Командующий Московским военным округом доложил Керенскому, что в результате энергичных его мер был «сломан гипноз безнаказанности».[119] Однако эти хвастливые реляции полковника Верховского, делавшего себе карьеру на подавлении восстания в Нижнем Новгороде, не отражали действительного положения дел в округе. Движение запасных солдат гарнизонов носило массовый характер, и Верховскому пришлось прибегнуть к вооруженной силе при подавлении волнений также и в Ельце, Липецке и других городах. Эти волнения происходили на более широкой социальной основе, так как к солдатам присоединялись недовольные городские низы, требующие улучшения своего тяжелого продовольственного положения. В т. н. «беспорядках» в Ельце солдаты-белобилетники и городские низы производили массовые обыски у торговцев и у городской буржуазии, которые сопровождались арестами и кровавыми самосудами. Здесь были убиты ген. Смоленский и крупный фабрикант, поставщик армии Желудков. Солдаты захватили в Ельце почту и телеграф. Волнения проходили при полном бессилии Исполкома Совета.[120] О широкой социальной основе этого движения, которое вышло за рамки обычного солдатского протеста против направления маршевых рот на фронт, свидетельствуют и сопутствовавшие ему аграрные волнения в волостях Ельца при участии солдат.[121] Выступления солдат гарнизонов во многих местах России тесно переплетались с аграрным движением

[119] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, л. 251; О. Н. Знаменский — Июльский кризис 1917 г. М. Л., 1964 г., стр. 40, 41, 147, 158.

[120] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, л. 251; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 150, л. 5.

[121] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 48, л. 2.

крестьянства. Так, солдаты 186 пехотного запасного Бобровского полка конфисковали у помещиков землю и раздали её крестьянам, что имело место и в национальных районах.[122] Таким образом, неразрешенность аграрного вопроса в России выводила ряд солдатских волнений в военных округах далеко за рамки антивоенных выступлений.

Аналогичные крупные солдатские волнения имели место и в гарнизоне г. Астрахань, отпускные солдаты которого ещё в мае отказались возвращаться в войска. 17 июня около двух тысяч отпускных солдат (40-летних) собрались в городе, но отказывались от явки к воинскому начальнику и создали свой комитет. Как доносил губернский комиссар Склабинский, «волнение приобретает бунтарский характер», и солдаты стали снимать с работы тружеников оборонной промышленности, требуя их отправки на фронт.[123] Солдаты гарнизона под разными предлогами отказывались следовать маршевыми ротами. Шли беспрерывные бурные митинги под руководством вольноопределяющегося Шварцкопфа. Арест этого агитатора подлил масла в огонь, и к толпе, требующей освобождения вожака, присоединились солдаты 156 пехотного запасного полка и вызванные из казарм солдаты других частей, а вскоре началась стрельба. Солдаты обстреляли кабинет губернского комиссара и совершили нападение на командира полка Алексеева. В городе начались стихийные погромы. Основой волнения было широкое недовольство солдат и нежелание следовать на фронт.[124]

Дислоцированные в Царицыне 141 и 155 пехотные запасные полки также решительно отказывались выступать на фронт. 16 июля солдаты устроили манифестацию против войны. В городе начались всевозможные эксцессы, и в борьбу включились рабочие и низы населения, принявшие участие в обысках домов городской буржуазии. Для пресечения волнений в город был двинут карательный отряд из Саратова. Из Петрограда последовал приказ о выводе гарнизона из города и замене его другим. Волнения запасных солдат имели место и в г. Вятка (106 пехотный запасный полк).[125]

О глубоком кризисе в военных округах свидетельствовало и положение в Минском военном округе, в частности в Калуге, куда в начале июля прибыло несколько тысяч «белобилетников», уроженцев Черниговской, Могилевской и других губерний, преимущественно, по определению начальства, представители бедноты, скверно обмундированные и обутые в лапти за отсутствием сапог. Во избежание волнений, многих из них гарнизонные власти сажали в эшелоны и отправляли по назначению. Большинство

---

[122] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 79, лл. 13, 14, 48.

[123] Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920). Док. и матер. Астрахань. 1958 г., стр. 87, 91.

[124] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1501, л. 5; Там же, ф. 366, оп. 1, д. 24, л. 78, 79.

[125] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, лл. 30, 31, и др.

из скопившихся запасных солдат были оторваны от полевых работ. Они осаждали штаб запасной бригады и Калужский Совет. Под давлением массы было отправлено в свои уезды 9 000 солдат.[126]

Полная картина разрухи в округах и их гарнизонах отражена в положении, создавшемся в запасных частях для пополнения Западного фронта, где солдаты 12, 16, 20, 23, 26, 27 запасных пехотных бригад в Калуге, Вязьме, Витебске и в других местностях волновались и не желали под всяческими предлогами следовать на фронт. Как указывалось в июльской сводке о состоянии запасных частей Западного фронта, «здоровых и надежных частей нет. У солдат одно только стремление — домой . . на почве увольнений солдат на полевые работы постоянно происходят эксцессы».[127] Не лучшим было положение в Туркестанском, Кавказском, Одесском и других военных округах.[128] Даже находящиеся на отдыхе в тылу полки, к примеру 21 кавказский стрелковый полк в Грозном, категорически отказывались следовать на фронт, волновавшиеся солдаты избили командира полка, офицеров и подчинившихся приказу рядовых[129]

Однако было бы ошибочно полагать, что в июне-июле все без исключения запасные части не повиновались и отказывались следовать на фронт. В гарнизонах, в их запасных частях происходили колебания и определенный раскол, так как были и оборончески настроенные части. В этом отношении дело временами доходило до курьезов. Так, выступавший от имени Областного Семиреченского Совета депутат Круглоголовых на сборном пункте по отправке маршеных рот был избит солдатами за его речи с призывом к повиновению Временному правительству и к следованию на фронт. В том же гарнизоне г. Верного был избит также солдат Рогов, который призывал к неповиновению и к невыходу маршевых рот из г. Верного «до полного умиротворения.[130] Оборончество в июне-июле имело ещё своих приверженцев в армии. Об этом говорят довольно многочисленные резолюции и телеграммы из ряда гарнизонов, вплоть до гарнизона г. Петрограда. В этом отношении характерна резолюция представителей 42-х воинских частей Петроградского гарнизона в июле, уже после провала попытки большевиков по захвату власти. Резолюция призывала к сохранению завоеваний революции, к подчинению революционной власти и к тому, что все части пошли на фронт по первому приказу Временного правительства.[131]

Командир 131 пехотного запасного полка из Троицка (Казанский военный округ) в конце июня телеграфировал в ГУГШ,

---

126 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 43, лл. 9, 10, 10об, 11об.

127 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, л. 103.

128 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 103; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, л. 47; «Кавказ», 27 июня 1917 г.

129 ЦГВИА, ф. 2100, оп. 9, д. 41, л. 5.

130 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 103об.

131 ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 45, 45об.

что в этом полку изъявили желание отправиться в составе маршевых рот — «железных полков» — 307 солдат и 490 офицеров, а 1 июля из Омска отправился ударный батальон на Юго-Западный фронт в составе 1.021 солдата и 73 офицеров. Из состава 45 пехотного запасного полка был образован ударный батальон, который вместе с 14-ю очередными маршевыми ротами 23 июня отправился на фронт.[132] 1-го июля 150 солдат Спасского гарнизона также изъявили желание отбыть на фронт в составе «батальона смерти».[133] Начальник 38 пехотной запасной бригады в Симферополе (Одесский военный округ) в начале июля телеграфировал в Минск, что 10 рот 32-го пехотного запасного полка пожелали немедленно отбыть на фронт. 8 июля в Белебее (Казанский военный округ) была создана ударная рота из состава 152 пехотного запасного полка.[134] Прибывшая в Ставку 5 июля делегация солдат от 3-й запасной артиллерийской бригады просила разрешение на формирование из состава запасной бригады двух моторизованных дивизионов для отправки в действующую армию. 4-я ополченская легкая батарея единогласно постановила просить командование об отправлении её в полном составе на Юго-Западный фронт.[135] На митинге 154-го пехотного запасного полка в г. Глазове председатель Совета прапорщик Шульц убеждал солдат отсрочить выступление на фронт. Полк выразил недоверие прапорщику Щульцу, потребовал его ареста и решил выступить в составе маршевых рот. 28 июня на фронт отправилась первая ударная дружина добровольцев.[136]

На фоне широких волнений солдат тыловых гарнизонов, не желающих отбыть на фронт и требующих продления отпуска на сельскохозяйственные работы, мы наблюдаем резолюции о поддержке Временного правительства, желание отбыть на фронт и создание в ряде гарнизонов ударных частей, например в Перми, Глазове, Белебее, Спасске, Омске и других городах.[137] Это являлось характерным проявлением неизбежных колебаний солдатско-крестьянской массы, неустойчивость политических позиций которой именно и создавала в конечном итоге развал в тыловых округах, а затем и на фронте.

О неустойчивости и амплитуде колебаний солдат-крестьян убедительно свидетельствовала и деятельность оборонческих делегаций гарнизонов в военных округах и на фронте в июне-июле. Дислоцированный в г. Симферополе 32 пехотный запасной полк, солдаты которого не желали отправляться на фронт, после агитации черноморцев в конце июня выразили согласие на отправку в действующую армию 7 маршевых рот и двух рот добровольцев. После выступлений черноморской делегации солдаты 231-го пе-

[132] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 232, 239, 491.
[133] Там же, д. 2713, л. 127.
[134] Там же, д. 2713, лл. 378, 432.
[135] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 81, лл. 39, 45.
[136] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 118, 119.
[137] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, лл. 410, 432, 127, 239 и др.

хотного запасного полка изъявили желание немедленно, в полном составе, отбыть на Румынский фронт. Также в г. Пензе, в его гарнизоне, состоявшем из 140 и 99 пехотных запасных полков, черноморцы имели успех. Солдаты согласились в «полном составе» следовать в действующую армию.[138] Однако эти успехи оборонческих делегаций были все же далеко не прочны. Характерно в этом отношении письмо солдата И. Савелича в ЦИК Советов в июле 1917 г. Савелич писал, что при появлении оборонческих делегатов и делегаций «солдаты все кричат, выполним долг, т. е. пойдем наступать, но когда уезжают делегаты обратно, солдаты не соглашаются». Солдат Савелич в своем письме отмечал, что части 19-го армейского корпуса посетили делегаты Кавказского фронта и Черноморского флота. «Солдаты кричали «ура», — но когда разошлись, заговорили иначе».[139]

Солдаты многих тыловых гарнизонов, выражая поддержку Временному правительству, Петроградскому Совету, отвергая сепаратный мир и др., одновременно настойчиво выдвигали свои крестьянские требования, которые диктовались тяжелым положением всего крестьянства и его хозяйства. Так, первое собрание вновь организованного в конце июня Совета солдат Ардатовского гарнизона, выражая коалиционному правительству полное доверие, в то же время признавало продолжение войны «пагубным», требовало установления мира, хотя сепаратный мир «горячо отвергали». В наказе делегатам, отправленным в Петроград, солдаты 157 пехотного запасного полка Камышловского гарнизона выражали А. Ф. Керенскому и социалистическим партиям «полное доверие», в то же время в разгар наступления требовали отпусков на сельскохазяйственные работы. Обещая сражаться с внешним врагом «до последнего вздоха», солдаты гарнизона требовали от Временного правительства проводить в жизнь лозунги революции и считаться с мнением Советов и т. п.[140] Не составляли исключение и ряд гарнизонов, солдаты и комитеты которых выражали поддержку наступления на фронте. Съезд Крестьянских Союзов Бузулукского уезда Самарской губернии совместно с представителями 170 и 274 пехотных запасных полков гарнизона Бузулука отправили приветственную телеграмму А. Ф. Керенскому по случаю «великого дня наступления». Точно так же получило Временное правительство в этом вопросе поддержку съезда солдат и офицеров Смоленского гарнизона, 51 пехотной запасной бригады в Ровно, гарнизона Витебска и других.[141]

Оба потока маршевых рот на фронт — настроенных против войны и оборонческих — сталкивались в пути следования, и дело доходило до отвратительных самосудов. Так, на ст. Шепетовка

---

[138] Там же, д. 2713, лл. 11, 26, 121, 209.

[139] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 58, лл. 7, 8об.

[140] Там же, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 102; Там же, оп. 78, д. 48, лл. 10, 12.

[141] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 44, лл. 58, 71, 122, 175.

по дороге на позиции большевистски настроенный известный уже нам прапорщик 31 пехотного запасного полка из Тулы Упоров был задержан оборончески настроенным эшелоном заамурцев, так как у него были обнаружены прокламации против наступления. Наскоро «сорганизованный» «полковой суд» заамурцев приговорил Упорова к расстрелу, и «приговор» тут же был приведен в исполнение.[142] Преступные самосуды совершали и настроенные против наступления эшелоны солдат. В двадцатых числах июля на ст. Калинковичи Полесской ж-д проходившие эшелоны нескольких маршевых рот учинили самосуд над тремя местными офицерами. Солдаты 2-го стрелкового Уманского полка, свидетели этого преступления, бездействовали.[143] Следование маршевых рот на фронт сопровождалось многочисленными «эксцессами» — буйством солдатской массы.[144]

В борьбе за отправку пополнений на театр военных действий Временное правительство и Ставка проводили недопустимую и чреватую опасными последствиями политику направления на фронт целых полков и маршевых рот, которые ранее были приведены к повиновению силой оружия. Эти части, входя довольно компактной массой во фронтовые соединения, вносили в них дух разложения и при малейшей возможности расстраивали боевую жизнь на фронте. Главнокомандующий Московским военным округом полковник Верховский, едва успев усмирить Нижегородский гарнизон, уже 8 июля приказал отправить маршевые роты от мятежных 183 и 185 пехотных запасных полков. Причиной такой поспешности Верховский признавал «необходимость выслать на фронт наиболее воинственные части этого гарнизона».[145] Такие соединения кадровых солдат, прибывающие из внутренних округов, в результате оказывали влияние на настроения позиционных частей. На Западном фронте, например, имели место чуть ли не ежедневные колебания частей, изменчивое настроение солдат, непосредственно в виду неприятеля происходили бурные митинги, создавалось невыносимое положение для офицерского состава.[146]

Несмотря на отказы солдат следовать на фронт, дезорганизацию в округах, срывы в деле укомплектования действующей армии, дезертирство, болезни и др., за 8 месяцев революции на фронт было переброшено и влилось в строевые части около 1 млн. 900 тысяч пополнений, в том числе почти целиком 32 пехотных запасных полка.[147] Эта мятущаяся солдатско-крестьянская масса приносила с собой из тыла страны все наболевшие так и не разрешенные социально-политические проблемы, и в частности демагогию большевиков. В результате на фронте, непосредственно

142 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 150, л. 20.
143 ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 36.
144 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, лл. 25, 25об, 27, 27об, 107 и др.
145 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 714.
146 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 411, лл. 27, 27об.
147 Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах), М., 1925 г., стр. 20.

в виду у неприятеля, создавался глубокий раскол в действующей армии. Как писал впоследствие В. Станкевич, комиссар Северного фронта, сопровождавший А. Ф. Керенского в его поездке по частям Юго-Западного фронта, где он столкнулся с наглой пораженческой агитацией авантюриста и демагога капитана Дзевалтовского, «часть солдат аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому».[148] Комиссар 11 армии Юго-Западного фронта Чекотило доносил в Петроград, что «пополнения, особенно московские, сибирские, царицынские — главная причина всех эксцессов».[149] Мы уже знаем, каково было влияние на фронте пополнений из Петрограда и других местностей военных округов.

О степени разложения на фронте и царящей там атмосфере свидетельствует характерный запрос солдатской делегации 2-й Кавказской гренадерской дивизии, явившейся в июне месяце непосредственно к А. Ф. Керенскому для выяснения вопроса, исходят ли приказы, касающиеся подготовки и ведения боя, непосредственно от военного министра, или от их непосредственных начальников, которым они не доверяют. Солдаты требовали, чтобы всякий приказ о наступлении издавался непосредственно военным министром.[150]

В такой сложной политической атмосфере, создавшейся в стране, в условиях всеобщего глубокого кризиса, охватившего все стороны хозяйства России, поразившего в частности крестьянское хозяйство, истощения как трудовых так и военных резервов, острой нехватки продовольствия, фуража, вооружения, распространения заболеваний, восстаний и волнений в военных частях, Россия начала роковое для страны и армии июньско-июльское наступление.

Майское совещание главнокомандующих фронтами в Ставке не оставляло никаких сомнений в том факте, что русская армия не была в состоянии вести наступательные операции. Об этом свидетельствовало и известное уже нам хозяйственное и политическое положение в стране, состояние действующей армии и положение в округах. 1 мая ген. Алексеев в своем выступлении указывал на «удручающее впечатление», которое на него произвела 12 армия Северного фронта. Главнокомандующий Северным фронтом ген. Драгомиров фактически поддержал мнение ген. Алексеева и даже добавил, что во всех армиях фронта господствовало положение «мира во что бы то ни стало», в связи с чем он полагал, что наступать нельзя. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Брусилов также не отличался от своих коллег в оценке положения и заявил, что в связи с сильной дезорганизацией войска «наступать нам нечего», так как, кроме отсутствия «наступательного духа», дело тормозилось нехваткой продовольствия, фуража, конского состава, что все вместе взятое

---

148 В. Б. Станкевич — Воспоминания (1914—1919). Берлин, 1920 г., стр. 153.
149 ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 197, л. 172.
150 ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, лл. 48, 48об.

«исключало бы возможность наступления». «В данное время, — закончил ген. А. Брусилов, — наступать я не могу». Ген. Щербачев также присоединился к оценке ген. Брусилова и заявил, что и на Румынском фронте «картина общего развала ясна». Главнокомандующий Западным фронтом ген. Гурко, хотя считал наступление необходимым, все же заявил, что препятствием в этом деле является кризис резервов, вопрос нехватки тягловой силы, продовольственный вопрос и др.

Несмотря на эту безотрадную картину состояния русской армии, ген. Алексеев высказался за наступление, так как выражал опасение, что возможно мир будет заключен союзниками за счет России и что уже следует опасаться, что Антанта «поставила крест» на России. Генерал в своем резюме заявил, что нужно всеми мерами оздоровить армию и что необходимо повести наступление, так как в противном случае Россия будет поставлена «в тяжелое положение», особенно при заключении мира.[151] Таким образом, закрывая глаза на действительное положение, ген. Алексеев принимал во внимание только внешнеполитическую ситуацию обескровленной разрухой России.

Ген. Брусилов, который прекрасно знал обстановку в действующей армии, будучи главнокомандующим Юго-Западного фронта, а затем и Верховным главнокомандующим, утверждает в своих воспоминаниях, что к маю 1917 г. войска всех без исключения фронтов совершенно вышли из повиновения и «никаких мер воздействия предпринимать было невозможно». Ген. Брусилов утверждает, что будучи назначен Главковерхом, он понимал, что было бы химерой заставить войска воевать — «я понимал, что в сущности война кончена для нас». Брусилов утверждает, что химерой убаюкивались профаны вроде Керенского, Соколова и др.[152] Однако ген. Брусилов, обвиняя А .Ф. Керенского, был далеко не объективен и кривил душой. В марте генерал считал, что «армии желают и могут наступать». Его даже не смущали очевидные материальные недостатки в армии. Он считал обоснованное мнение военного министра А. И. Гучкова о морально-политической неустойчивости войска преувеличенным и утверждал, что важнейшим фактором войны является дух войск, который восполняет «недостаток сил и технических средств». Однако уже в конце апреля ген. Алексеев констатировал дальнейшее падение духа войск, а ген. Брусилов уже утверждал, что в армии «обстановка изменилась в худщую сторону» и что теперь на своевременный приток укомплектований нельзя рассчитывать. Следует сказать, что в генеральской среде не было единого мнения, и развивающиеся революционные события вносили в эти мнения свои коррективы. Ген. Рузский был противником наступления, командование Северного и Кавказского фронтов также

---

151 А. Зайончковский — Кампания 1917 года. Док. приложение, стр. 135, 136, 138, 143, 144, 148, 149, 140 141.

152 А. Брусилов — Мои воспоминания. М., 1963 г., стр. 268, 275.

решительно выступало против наступления. Победила точка зрения Ставки в лице ген. Алексеева, который полагал, что помимо внешнеполитических целей, наступление необходимо, так как полученная в результате этого встряска «оздоровит и отрезвит солдат в тылу и на фронте». Несмотря на отрезвляющий урок, преподанный немцами на Черевищенском плацдарме, Временное правительство согласилось с доводами Ставки, и в принципе план наступления был им принят.[153]

Следует однако подчеркнуть, что руководящий генералитет не отличался последовательностью и решительностью в своих взглядах на наступление, и многие оговорки командующих фронтами фактически сводили на нет их заявления о необходимости наступления и не давали принципиальных установок для решения Временного правительства по этому важнейшему вопросу. Так, 29 апреля главнокомандующий Западным фронтом ген. Гурко считал, что создалась благоприятная обстановка для наступления «в смысле соотношения сил и положения противника» и что наступление не только желательно, «но и необходимо», и что этот взгляд разделял весь командный состав фронта. Но перечисление генералом «неблагоприятных обстоятельств» как в армии, так и в отсталой экономически России ставили под сомнение целесообразность наступления. Ген. Гурко отмечал, что солдатская масса решительно настроена против всяких наступательных действий. Армия ослаблена вынужденным увеличением количества отпускных и в случае наступления потребует разъяснения наступательной операции. Солдаты не начнут бой «без уверенности в надлежащем решении» вопроса. Генерал требовал увеличения количества артиллерии и других технических средств, которые он относил к числу «наиболее важных». Из-за недостатка последних создавался риск неудач наступления на фронте.[154] О неуверенности и нерешительности командующих фронтами в вопросах наступления свидетельствовал систематический перенос сроков наступления и их оговорки. Так, ген. А. Брусилов сообщал в Ставку, что подготовку к наступательной операции на вверенном ему фронте он закончит лишь к 7 июня, а уже 4 июня он сообщал, что потребуется ещё 2 недели для окончательной подготовки наступательного плацдарма и что отсутствуют надлежащие укомплектования. 20 мая Западный фронт телеграфировал в Ставку, что менее чем в четыре недели «достигнуть готовности к началу операции невозможно» и что подготовка к наступлению тормозится состоянием конского поголовья, отсутствием зернового фуража, отсутствием рабочих рук в армии и т. п. В телеграмме ген. Брусилова, уже Главковерха, военному министру от 2 июня указывалось, что у генерала сложилось «впечатление пестрое» о состоянии войск Северного фронта, о Западном нес-

---

153 А. Шляпников — Семнадцатый год. Книга 3, М., 1927 г., стр. 67, 68, 77, 78, 79. Док. приложение № 13, стр. 287—290 и др.

154 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, лл. 59, 59об.

колько лучше. Ген. Брусилов предлагал начать наступление на Юго-Западном фронте 12 июня, на Западном — 20 июня, а на Северном и Румынском не ранее 1 июля. Брусилов считал, что имелись шансы на успех наступления.[155] Однако это был чрезмерный и мало обоснованный оптимизм. Ещё до начала наступления ген. Брусилов в бытность его главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта получил в начале июня из военного министерства ответ на свое письмо. Военное министерство информировало генерала, что поступление артиллерийского снаряжения от русских заводов идет «весьма медленно», отсутствует достаточный запас выстрелов, что увеличение артиллерийского снаряжения армии возможно только путем высылки боевых припасов из Англии и что русская промышленность не в состоянии справиться с заказами. До весны 1917 г. Ставка не смогла сформировать необходимые армии 100 артиллерийских бригад, также «за отсутствием личного состава и лошадей». Ставка заранее осведомила ген. Брусилова, что дивизии действующей армии не будут иметь требуемого им количества артиллерии. Военное министерство ставило в известность ген. Брусилова, что союзники настаивают на наступлении русской армии, и что английская миссия «совершенно не желает считаться с существующими у нас затруднениями».[156] Таким образом, ответственность за судьбу наступления несло не одно Временное правительство, а также Ставка, русский руководящий генералитет и безусловно союзники, проявившие политическую близорукость в своем нажиме на Временное правительство в деле наступления. Временное правительство санкционировало наступление и в результате поддержки этого важнейшего и чреватого последствиями мероприятия господствующими в рассматриваемый нами момент партиями меньшевиков и эсеров. Господствующее большинство этих партий на I Всероссийском съезде Советов высказалось за наступление, и решение об этом было принято съездом Советов. И. Г. Церетели в своем выступлении на съезде Советов высказался за повышение боеспособности русской армии, которая, по его мнению, «в каждую минуту должна быть готова к наступлению». Как признавал впоследствие этот лидер меньшевиков, ратовавший за наступление, уже тогда были тревожные сигналы о крайне неудовлетворительном состоянии русской армии. Н. Суханов отмечает, что даже «несравненный политический аналитик» Мартов и Дан с Церетели «дни и ночи» работали на оборону. Лидеры меньшевиков, эсеров и даже кадетов видели в удачном наступлении — «спасение революции». И. Г. Церетели сказал по вопросу наступления: «Если тыл стойко выдержит, революция спасена». Даже делегат съезда большевик Крыленко, камуфлируя замыслы Ленина, высказался, «что если нужно наступать, мы пойдем», и что для этого необходимо Совету взять власть в свои руки.

---

[155] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 530, лл. 254, 316, 327.

[156] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 81, лл. 9, 9об, 10.

Трезво смотрел на проблему наступления вышедший в отставку А. И. Гучков, который, пессимистически расценивая совокупность вопросов, связанных с этим мероприятием, правильно учитывал неблагоприятные обстоятельства в тылу; недовоз на фронты, проблему укомплектований и др.[157]

Комиссар Северного фронта, ставший вскоре начальником политического отдела военного министерства, В. Б. Станкевич ошибочно считал, что каково бы ни было состояние русской армии, оно не снимало вопроса об активных действиях фронтов, тем более, что на I съезде Советов на совещании военных делегатов было высказано общее мнение за проведение наступления. Уже после начала наступления, а именно 28 июня, В. Б. Станкевич был во власти обманчивых надежд и выявлял непонимание обстановки, когда громогласно заявлял представителям печати, что «дух и состояние организаций большинства армий уже достигли той высоты, при которой вполне возможны наступательные действия». Тем более странными были высказывания Станкевича в свете его осведомленности о состоянии армий, так как он сопровождал А. Ф. Керенского в поездке по Юго-Западному фронту и был свидетелем бурных эксцессов в I-м гвардейском корпусе этого фронта, инспирированных авантюристами-большевиками штабс-капитаном Дзевалтовским и вольноопределяющимся добровольцем Шамсоном. Исполком Петроградского Совета, поддерживавший идею наступления, ещё ранее предложил Станкевичу совершить объезд Юго-Западного и Румынского фронтов, побывать на их фронтовых съездах, где он должен был противопоставить широкой антивоенной агитации большевиков точку зрения других социалистических партий.[158]

Сведения, которые поступали в штабы фронтов и в Ставку по вопросам наступления, не отражали единства мнений генералитета, но все же ведущим их лейтмотивом были доводы о невозможности наступления. Так, в мае командир Гренадерского корпуса 2 армии Западного фронта генерал-лейтенант Д. П. Парский сообщал по инстанции, что «наступать сейчас действительно нельзя», так как самое большее, на что можно рассчитывать, это то, что солдаты будут только обороняться. Начальник штаба 5 армии Северного фронта ген. А. А. Свечин сообщал в середине июня, что вся солдатская масса возбуждена и настроена против наступления. Это подтверждал и ген. Брусилов в своей телеграмме от 24 июня Г. Е. Львову, что в предназначенной к наступлению 5 армии настроение солдат «очень скверное» и они

---

[157] Первый Всероссийский съезд Советов. М. Л., 1930, стр. 58, 390, 391 и др.; Н. Суханов — Записки о революции. Книга четвертая, стр. 32, 38, 246, 347, 349; «Речь», 20 июня 1917 г.; И. Г. Церетели — Воспоминания о Февральской революции. Книга вторая. Париж, МСМ. иIII, стр. 9, 57.

[158] В. Б. Станкевич — Воспоминания (1914—1919). Берлин, 1920 г., стр. 133, 137, 150; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 20, л. 16.

категорически высказываются против наступления.[159] Командующий XII армией Северного фронта ген. Р. Д. Радко-Дмитриев в мае уведомлял главнокомандующего фронтом, что «о наступлении . . . не может быть и речи». В своем докладе от 11 июня в штаб фронта этот генерал сообщал о волне отказов в частях от исполнения боевых приказов и что идут «убеждения» со стороны комитетов. Боеспособность падает, сообщал Радко-Дмитриев, «и масса солдат в огромном большинстве к наступлению не способна». В армии шла дезорганизаторская деятельность, ряд лиц путем демагогии возбуждал солдатскую массу к неисполнению приказаний (в 80-м Сибирском полку врач Глезер и штабс-капитан Михайлов, а в 11 полку — капитан Собецкий). Генерал в интересах поднятия боеспособности частей считал необходимым принятие резолюции Всероссийским съездом Советов, что войну необходимо продолжать во имя свободы и что в данный момент выходом России из создавшегося тупика является немедленное наступление русской армии.[160]

Создавшийся «тупик» в армии, о котором сообщал ген. Радко-Дмитриев, был общим явлением на фронте, и для приостановки опасного развала армии было два выхода — ликвидация оказавшейся непосильной для страны войны, либо оздоровление и укрепление армии через переход в победоносное наступление. Свои надежды на победное наступление возлагал не только ряд генералов, но, главное, блок социалистических партий меньшевиков и эсеров, а также кадеты, хотя они и исходили из противоположных политических позиций. Фактический официоз социалистических партий и Петроградского Совета газета «Известия» писала в мае, что «именно возможностью наступления нужно остановить начинающийся процесс разложения нашей армии».[161] Более того, блок социалистических партий в лице его лидеров справедливо опасался, что разложение армии и крушение русского фронта означало бы безусловное поражение русской революции. В резолюции о войне на I-м Всероссийском съезде Советов отмечалось, что «крушение русского фронта было бы поражением русской революции».[162] Создание коалиционного правительства лидер кадетов П. Н. Милюков связывал с осуществлением надежд на «усиление власти и переломом в настроении армии».[163]

Решение о наступлении было принято из политических соображений для выхода из создавшегося тупика и одновременно диктовалось железной логикой ведущейся войны. Замечание наблюдательного члена Исполкома Петроградского Совета Н. Су-

---

[159] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1337, л. 11; Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 65; Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 8280, лл. 18, 18об.

[160] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, лл. 2, 2об; Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, лл. 38, 38об.

[161] «Известия», 17 мая 1917 г.

[162] Первый Всероссийский съезд Советов, т. П.М.Л., 1930 г., стр. 12.

[163] «Буржуазия и помещики в 1917 г., М. Л., 1932 г., стр. 13.

ханова, что наступление 18 июня «было чисто политическим актом», верно только отчасти, так как Ставка располагала сведениями о переброске сил противника на русский фронт для перехода в наступление. Русское командование хотело предупредить наступление противника. В Ставке и правительственных кругах считали, что каково бы ни было состояние армии, оно не снимало вопроса об ее активных действиях.[164]

Несмотря на известное уже нам совершенно неудовлетворительное политико-моральное состояние большинства частей русской армии, Ставка решилась на проведение наступления, располагая значительным перевесом, по сравнению с противником, в живой силе. Так, главнокомандующий Западным фронтом ген. Деникин на июльском совещании в Ставке подчеркивал, что на 19-верстном участке наступления на этом фронте он располагал — 900 орудиями; у врага было 17 батальонов в первой линии и 12 в резерве при 300 орудиях. Командование фронта ввело в бой 138 батальонов против 17 у противника. Русская артиллерия использовала 900 орудий против 300 немецких. П. Н. Милюков был осведомлен, что в отношении количества войск, участвующих в наступлении, русские в пять раз превышали силы противника.[165]

Однако ход революционных событий создавал новую ситуацию, и определять политические, стратегические и тактические возможности в прежнем масштабе было теперь невозможно. Как определенно указывал бывший начальник штаба 11-й армии Юго-Западного фронта ген. Б. В. Геруа, «число корпусов и дивизий перестало иметь определенное значение. Играло роль число надежных, в смысле настроения, единиц, их было меньше половины».[166] Командование было вынуждено считаться с этим обстоятельством. Уже при составлении плана операций и группировки войск военному руководству приходилось принимать в расчет большое количество т. н. «больных» и ненадежных частей и расставлять дивизии не по военно-техническим, а по политическим соображениям, как это имело место, в частности, на Северном фронте.[167] Хотя наиболее разложившиеся части и были исключены командованием из рассчета возможностей наступления, все же в т. н. надежных соединениях солдаты проявляли колебания, среди них царили противоречивые настроения, и фронтовики часто бросались от одной крайности в другую. Например, 23 июня при обсуждении вопроса о наступлении в дивизионном комитете

---

[164] Н. Суханов — Записки о революции. Книга четвертая, стр. 353; В. Б. Станкевич — Воспоминания (1914—1919 гг.), Берлин, 1920 г., стр. 150, 151.

[165] А. Зайончковский — Кампания 1917 года. М., 1923 г., 86; П. Н. Милюков — История второй русской революции, т. 1, вып. 2. София, 1922 г., стр. 56.

[166] Б. В. Геруа — Воспоминания о моей жизни, т. 1. Париж, 1969 г., стр. 183.

[167] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 176, лл. 266, 267.

128 пехотной дивизии выступил ряд солдат. Одни высказывались за необходимость поддержки начавшегося наступления как пути, ведущего к желанному миру и закреплению свободы, а другая сторона выступала против какого бы то ни было выступления при любых обстоятельствах и т. п.[168] Характерно в этом отношении сообщение командующего 12 армией ген. Радко-Дмитриева, который делил солдат на группы в зависимости от их политических настроений. К первой группе генерал относил части, которые проявляли повиновение и отрицательно относились к эксцессам в других частях. Ко второй группе Р. Д. Радко-Дмитриев относил разложившиеся части, в которых имели место широкие волнения, и где наблюдалось сильное влияние большевиков, успешно ратующих против наступления, против офицеров и т. п. К третьей группе генерал относил фронтовиков многочисленных колеблющихся частей с неустойчивым настроением солдат. По следняя группа не была однородной, в ней, с точки зрения генерала, наблюдались как самые положительные, так и самые отрицательные течения. С одной стороны здесь было большое число желающих записаться в батальоны смерти (15-й и Особый полки), а с другой — один агитатор мог взбудоражить целый полк (18-й Сибирский) против наступления. Радко-Дмитриев считал эту третью группу самой многочисленной. Условным делением на эти три группы генерал хотел отобразить «наиболее характерное в настроении всей армии».[169] Посетивший части Юго-Западного фронта В. Б. Станкевич, говоря о моральном состоянии солдат, вовлеченных в наступление, довольно метко резюмировал его: «Многие не идут, многие колеблются, многие идут, но сомневаются».[170] Это изменчивое настроение и колебания солдатско-крестьянской массы отражены и в многочисленных письмах солдат с фронта, как, главным образом против наступления, так и написанных в оборонческом духе. Так, солдат 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка в своем письме сообщал, что «у нас было дивизионное собрание и решили не наступать, а только обороняться, а раньше думали наступать . . .». Солдат указывает, что к этому решению его однополчане пришли в результате убеждений приехавшего в полк оратора из Петрограда.[171] Об изменчивых настроениях солдат и путанице в их взглядах, навязанной разворотом событий и агитацией большевиков, свидетельствовали и коллективные письма в редакции газет и т. п.[172] Письма эти отражают всю сложность настроения масс.

Были многочисленные письма, выдержанные в оборонческом духе. Так, солдат 7 Сибирского стрелкового полка Корней Кор-

---

168 ЦГВИА, ф. 3049, оп. 1, д. 13, л. 66а.

169 ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 80.

170 В. Б. Станкевич — Указ. соч., стр. 160.

171 Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. документов. М., 1968 г., стр. 92, 93.

172 Там же, стр. 83, 84.

шик в своем письме в военный отдел ВЦИКа в конце мая посылал привет от «славных сибирских войск» и указывал, что солдаты его части «согласны положить свой живот за свободную Россию». Коршик указывал в письме, что раньше воевали за помещиков, а теперь «за свободу» и что солдаты ожидают сигнал к наступлению и просят навести порядок в тылу. В подобном же духе были выдержаны письма солдат других частей Д. Шинкаренко, Е. Волкова и др.[173] О характерных колебаниях солдат свидетельствовали и многочисленные, противоречивые и взаимно исключающие друг друга резолюции, принятые по предложению большевиков либо их политических противников. Как отмечал начальник штаба II армии, если сегодня по предложению большевиков солдатами принималась решительная резолюция против войны и наступления, то «к следующему дню та же солдатня выносила свирепую резолюцию о немедленной атаке».[174]

В своей интенсивной борьбе за армию большевики встречали на фронте также серьезные затруднения из-за колеблющейся позиции солдатской массы во многих подразделениях. Это признавал и один из лидеров большевистской «Военки» Н. И. Подвойский (Никлин). Он писал, что в апреле находящиеся в окопах солдаты, соблазненные посулами на получение земли, «быстро поддавались влиянию кадетской агитации». Об этом свидетельствовала и вереница делегаций в Петроград и Москву, которая снабжалась оборонческими наказами в духе установки эсеров, меньшевиков и даже кадетов. В апреле-мае колебания солдатской массы и удельный вес оборонческих тенденций в их среде принимал такие размеры, что лидеры «Военки» даже впадали в панику. Н. И. Подвойский опасался, что «партия встала перед смертельной опасностью утратить свое влияние в массах». На заседании Петроградского комитета большевиков и Военной организации дебатировался даже вопрос о выступлениях Ленина. Как свидетельствовал Н. И. Подвойский, «констатировалось, что выступления эти временно отбросили от рабочего класса колеблющиеся элементы». В борьбе за влияние в армии большевики бросили в солдатские массы многочисленных агитаторов и кронштадских матросов, чтобы ослабить влияние меншевиков, эсеров, демократического офицерства и войсковых комитетов, в которых в рассматриваемый период господствовала интелигенция из среды социалистических партий. На фракционном заседании делегатов-большевиков I Всероссийского съезда Советов, из-за опасения потерять влияние в солдатской массе, выступали против проведения июньской демонстрации такие лидеры большевиков как Каменев, Зиновьев, Ногин.[175] Политическая неустойность определенной части солдатско-крестьянской массы беспокоила многих видных большевиков и в период VI съезда РСДРП(б)

---

[173] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, лл. 3, 4, 4об, 171, 172, 205 и др.

[174] Б. В. Геруа — Указ. соч., стр. 190.

[175] «Красная Летопись», 1923, № 6. М. П., стр. 67, 68, 69, 70, 75.

в конце июля. Так, на этом съезде Бухарин Н. И. в своей речи отметил, что крестьянство «в целом поддерживает те партии, которые стоят на точке зрения революционной обороны». С поля боя, заявил Бухарин, «бежит только деклассированный крестьянин» и что союзниками большевиков на определенном этапе революции будут только бедные слои крестьянства.[176]

Как видим, стремительные колебания солдатской массы настораживали многих большевиков, и они допускали даже мысль о сужении своей социальной опоры в армии, как это полагал Бухарин. Даже большевики-практики, проводящие интенсивную работу в армии, как например, видный большевик Западного фронта А. Ф. Мясников (Мясникян), оговаривал в своей речи на VI съезде партии, что «у нас слишком оптимистический взгляд на армию. Наша армия является неустойчивой в смысле партийности».[177]

Ленин и большевики смертельно боялись удачного наступления, так как они понимали, что победоносное наступление лишит их возможности захватить власть в стране. Эти опасения они высказывали в завуалированном виде и топили их в демагогической фразеологии, дабы затушевать суть своих опасений. Все же заявление бюро фракции большевиков на I Всероссийском съезде Советов и ряд высказываний Ленина не оставляют никакого сомнения, на чем базировались их опасения, связанные с наступлением. В заявлении большевиков на съезде указывалось, что «контрреволюционные» круги России рассчитывают путем наступления сосредоточить власть «в руках военно-дипломатических и капиталистических групп и нанести удар революционной борьбе за мир и завоеванным позициям русской демократии». Другими словами, большевики видели в наступлении угрозу их стремлениям к захвату власти. В своей статье «О конституционных иллюзиях» Ленин подчеркивал, что наступление означает «гигантское усиление влияния, веса, роли империалистической буржуазии . . . передачу власти, сначала военной, а потом и гражданской вообще, в руки контрреволюционных командных верхов армии».[178] В своей речи на I Всероссийском съезде Советов Ленин более определенно признал, что наступление связано «с вопросом о власти . . .»[179]

Опасаясь победоносного наступления, большевики бросили все, как увидим в дальнейшем, на чашу весов, дабы сорвать его и использовать в своих политических интересах в борьбе за власть, колебания солдатско-крестьянской массы.

Неустойчивость и стихийные колебания солдат приводили в итоге к характерному разладу между фронтовиками в частях. Так, в конце июня на всем Западном фронте, перед началом на-

---

176 VI съезд РСДРП(б), Август 1917 г. Протоколы. М., 1958 г., стр. 110.
177 Там же, стр. 45.
178 В. И. Ленин — ПСС, т. 34, стр. 43; том. 32, стр. 273.
179 Там же, т. 32, стр. 269.

ступления, согласно сводке Особого делопроизводства генерал-квартирмейстера Ставки, отмечалось, что «во многих дивизиях и полках полный разлад между составными частями: одни полки и роты соглашаются выполнить приказ о занятии исходного положения и о наступлении, другие категорически отказываются, не поддаваясь никаким уговорам...»[180] Подобная же мозаика отношения солдат к вопросам наступления наблюдалась повсеместно. На Северном фронте, например, в его XII армии, в июне одни части принимали решения исполнять боевые приказы, другие категорически отказывались это делать, а во многих соединениях «мнения в полках разделялись» и т. п.[181]

В такой сложнейшей обстановке происходила подготовка и проводилось наступление на фронте. Положение ещё более усложнялось в связи с тем обстоятельством, что Временное правительство не удосужилось создать крайне необходимый надлежащий административный аппарат как в тылу так и на фронте. Как известно, А. И. Гучков справедливо указывал на многовластие и фактическое безвластие на фронте. А. Ф. Керенский сам признавал, что в руках Временного правительства «не было ещё никакого административного аппарата». В связи с этим немаловажным обстоятельством подготовка и летнее наступление велись в атмосфере митингов, уговоров и «увещеваний», которые по существу заменяли необходимый в боевой обстановке безоговорочный приказ. А. Ф. Керенский с небольшими перерывами пребывал на фронтах и в их тыловой полосе с 3 мая по 6 июля 1917 г. Поскольку желание мира стало всеобщим стремлением, в создавшейся политической атмосфере на фронте Керенский в своих выступлениях призывал к наступательному порыву не ради победы, а только во имя скорого заключения мира. Однако и эта тактика Керенского парализовывалась пропагандой агитаторов-большевиков, которые в своих демагогических призывах отговаривали солдат от наступления.[182] Серьезнейшей политической и тактической ошибкой Керенского было допущение митингов и дискуссий вместо внедрения приказа. Митинги и речи, произносимые на них, были заранее обречены на провал, так как аргументы, которые выдвигались Керенским, комиссарами, комитетами и командованием, не воспринимались массой, ибо эти аргументы за наступление были лишены социальных мотивов, единственно доступных темной массе солдат. Задача, за которую взялся лично Керенский и его аппарат комиссаров — именно, обьяснение массе, за что она борется, была неразрешима, так как неграмотные и малограмотные солдаты мыслили конкретными ситуационными категориями и не воспринимали выспренних речей о свободе, демократии, светлом будущем России и т. п. Как отмечал и П. Н. Милюков, эта задача А. Ф. Керенского была не-

180 ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 57, л. 2.
181 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, лл. 49, 49об, 50, 50об и др.
182 Дж. Бьюкенен — Мемуары дипломата, стр. 246.

осуществимой.[183] Как обоснованно писал бывший американский посол в России в 1917 г. Д. Р. Фрэнсис своему сыну, полуграмотная солдатская масса имела самые смутные представления, за что она воюет. Эти солдаты дрались долго, несли бесконечные потери. Они жаждали мира и получения земли, на которой они поколениями жили и работали. Получение земли было заветной мечтой солдат-крестьян. Солдаты, которые сами, как и их предки, жили в условиях российского деспотизма, слушали речи о туманной для них демократии, республике и не видели реальных перспектив получения земли. Они озлоблялись ещё больше, и недопустимые в условиях фронта митинги приводили к бесчисленным инцидентам, эксцессам и пр. Фрэнсис отмечал, что «при таких условиях заставить этих солдат-крестьян драться на фронте в то время, как внутри страны, в течение сотен лет знавшей лишь деспотизм, будет строиться демократическое государство, — это была задача для вождя с железными нервами Кромвеля и проницательной дальновидностью Линкольна. Не таков был Керенский . . .[184]

Характерно, что избиение делегации Исполнительного Комитета Петроградского Совета во главе с с-д Н. Д. Соколовым и в составе солдат Вербо, Розенберга и Ясайтиса 20 июня солдатами 703 пехотного Сурамского полка 2-й гренадерской дивизии 10-й армии в районе местечка Молодечно произошло на почве непонимания толпой понятий «демократии», солдаты оказались крайне чувствительны к провокационным возгласам из толпы, что Соколов является помещиком. Как писал Соколов, он пытался внушить 4-тысячной толпе сурамцев, не желающих воевать, необходимость «подчинения большинству демократии», и это ещё стерпели солдаты, но когда один фронтовик провокационно выкрикнул по адресу Соколова, что он является помещиком, у которого солдат работал, началось избиение. Солдаты потрясали перед избиваемыми делегатами газетами «Правда» и «Окопная Правда». В своем письме в Петроград по поводу избиения Н. Д. Соколова и других членов делегации, А. Ф. Керенский лишний раз показал, что он недопонимал и недооценивал обстановку, сложившуюся в армии. Он писал, что «в общем в солдатской массе признаки оздоровления перемешаны с угрожающими симптомами полного разложения, и, как показал случай с Соколовом, трудно сказать, что может принести ближайшее будущее».[185]

Не только ближайшее будущее, но буквально ближайшие дни принесли много огорчений и неожиданностей А. Ф. Керенскому в период наступления. Делегация членов Симферопольского Со-

---

[183] П. Н. Милюков — История второй русской революции, т. 1, София, 1921 г., стр. 133.

[184] David R. Fransis — Russia from the American Embassady. New York, 1922, p. 291

[185] Разложение армии в 1917 году. М. Л., 1925 г., стр. 154; ЦГВИА, ф. 69, оп. 1, д. 75, лл. 93, 109об; Известия Армейского Комитета 8 армии, 28 июня 1917 г.

вета, прибывшая на Юго-Западный фронт в II дивизию с подарками для солдат и призывавшая к наступлению, еле спаслась от избиения. Как показали дальнейшие события на фронтах, ни о каком «оздоровлении» не могло быть и речи. Комиссары Временного правительства Анардович и В. Шкловский всячески убеждали солдат 11 дивизии 8 армии наступать, так как «стоять и гнить нельзя, нужно или воевать или разбегаться». Все солдаты этой дивизии в наступление не пошли. Согласно сведениям комиссаров, Глуховский полк 79 дивизии 8 армии находился в состоянии полного разложения, терроризованные офицеры полка разбежались, а полковой комитет переизбирался 3 раза. В соседнем полку был избит старый бундовец, доктор Щур, являвшийся председателем полкового комитета. У глуховцев побывали комиссары Филоненко, Анардович и Шкловский, которые еле спаслись от разъяренных солдат.[186] Секретный отчет комиссаров XI армии Юго-Западного фронта, сыгравшей печальную роль в наступлении, дает нам характерную картину обстановки на фронте в период подготовки наступления и его проведения. Комиссары прибыли в армию за 10 дней до начала наступления и были поражены сплошными конфликтами, сводящимися главным образом к отказу разных частей армии исполнять боевые приказы командного состава. Комиссары констатировали случаи, когда некоторые части намеревались бросить окопы и уйти по домам. Сущность разнообразных по форме конфликтов сводилась по существу к одному — нежеланию вести активные операции, стремление уйти в резерв. Большевистская литература и печать наводняла окопы и тылы. Если большая часть армии ещё оставалась верной своему воинскому долгу, то это происходило, по словам комиссаров, благодаря комитетам, «улаживающим многочисленные конфликты». Комиссары утверждали в отчете, что «воевать с помощью одних только увещаний и уговоров немыслимо» и что необходимо применение силы. Первые выступления комиссаров имели место в 20-й пехотной дивизии, где они кое-как уговорили исполнять приказы её 77-й Тенгинский полк. Однако из состава полка откололся неповинующийся I батальон, солдаты которого приходили на митинги вооруженными. В 79-м Навагинском полку указанной дивизии солдаты встретили комиссаров «очень холодно, почти враждебно». Речи комиссаров сопровождались криками «довольно», «долой», «слышали». Выступавшие солдаты заявляли, что они решительно возражают против наступления, и требовали мира во что бы то ни стало, так как «с германцами никогда не справимся». Большевистская пропаганда уже проявлялась в доводах солдат, которые требовали опубликования тайных договоров, настаивали на ожидании возможных результатов Стокгольмской конференции и т. п. После окончания митинга, гласу комиссаров вняла лишь группа солдат в 40-50 человек. Остальные полки дивизии — 79 Куринский и 80 Кабар-

[186] В. Шкловский — Революция и фронт. Петроград, 1921 г., стр. 37, 39.

динский также отказались от исполнения приказов командования. При содействии комиссаров произошло «восстановление» 21 Финляндского стрелкового полка, из рот которого солдаты удалили неповинующихся. Комиссары побывали и в 13 Финляндском полку, в котором большинство солдат отказалось от выполнения приказа. Из всего полка на позиции ушло не более 300 человек. Прапорщик Крыленко, который служил в этом полку, как свидетельствовали комиссары, оказался «бессильным остановить разложение, что как мы знаем, соответствовало его политическим интересам.

15 июня комиссар Чекотило выехал в 138 Болховский полк улаживать конфликт, так как ряд рот отказался здесь исполнять приказы. Дивизионные и полковые комитеты 35-й пехотной дивизии также обратились за помощью к комиссарам. Волнения начались и в передвигавшейся из Особой армии фронта в XI-ю 6-й гренадерской дивизии, которая остановилась в г. Кременец и не пожелала двигаться на другой участок фронта. Солдат дивизии уговаривали в Кременце комиссар И. И. Кириенко и член Исполкома Юго-Западного фронта доктор Гуревич. Уже сплошная полоса крайне серьезных конфликтов ожидала комиссаров в I-м Гренадерском корпусе (Тарнополь), среди солдат которого были популярны большевистские лозунги. Преображенский и Семеновский полки не были охвачены волнением, но один батальон Павловского полка отказался выступать на позиции, а два других колебались. Однако наиболее значительным и ярким был конфликт в гвардии Гренадерском полку 2-й Гвардейской дивизии Гренадерского корпуса 11 армии. Этот полк комиссары в своем отчете назвали «Маленьким Кронштадтом».[187] События в этом полку как в фокусе отражали общий для армии процесс распада боеспособности частей, роли большевиков и положение армии накануне и в период наступления на Юго-Западном фронте. В марте 1917 г. председателем полкового комитета Гренадерского полка был избран командир 14 роты поручик И. Л. Дзевалтовский-Гинтовт. В конце марта поручик Дзевалтовский был командирован в качестве делегата полка в Петроград, откуда он вернулся в двадцатых числах апреля. После возвращения в полк поручик Дзевалтовский в корне изменил свою политическую линию и стал на большевистские позиции. По настоянию Дзевалтовского Комитет полка был переименован в Совет солдатских депутатов и наступила пора вмешательства Совета во все дела полка, включая и боевые задачи. Ни одно распоряжение в полку не могло быть проведено в исполнение без ведома и согласия полкового Совета. В результате создавшегося положения, фактически полком командовал поручик Дзевалтовский, а не командир полка. Дзевалтовский вел специальную работу по подрыву доверия солдат к офицерам полка. Еще до публикования де-

---

[187] Белый Архив. Сборник материалов. Париж, 1926 г., стр. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22.

кларации прав солдата поручик раздавал её текст солдатам полка и нарочито поддерживал версию о сокрытии командным составам этого документа. После возвращения из Петрограда поручик Дзевалтовский открыто заявил, что он принадлежит к фракции большевиков, создал партячейку в полку и проводил митинги, на которых призывал к прекращению войны. Под покровительством поручика в полку началось братание с немцами. Как гласили показания многих его однополчан, поручик Дзевалтовский «высказывал мнения, близкие темным массам». Так, на митингах он утверждал, что землю надлежит отобрать у помещиков немедленно, что не следует доверять Временному правительству и что нет необходимости идти в наступление. Дзевалтовский пояснял солдатам, что им не следует подчиняться приказам и что все распоряжения должны исходить от солдат. Все телефонограммы в полк проходили через цензуру председателя полкового Совета. Дзевалтовский не допустил в полк оборонческую делегацию черноморцев и заявил последней, что в наступление полк не пойдет. Также по его инициативе не были допущены в расположение полка комиссар 11 Армии Чекотило и его помощник Кириенко. Дзевалтовский заявил, что им «в полку делать нечего и все разговоры и собрания излишни». Ещё в конце мая во время передвижения полка в 7 верстах от границы Галиции Дзевалтовский собрал митинг и заявил, что воевать больше не надо и что за войну стоят лишь капиталисты.

В начале июня, когда полк находился в районе Тарнополя, Дзевалтовский стал издавать для полка газету «Правда Гренадерская». По его предложению полковой Совет принял постановление, что полк не пойдет в наступление. 14 июня Дзевалтовский собрал уже корпусной митинг, на котором собралось около 12 тысяч солдат. В своем выступлении на митинге Дзевалтовский говорил о необходимости смещения буржуазного Временного правительства, что наступление желательно германскому генеральному штабу и что надо дать возможность немцам разбить Францию, в результате чего падет буржуазное правительство этой страны. На митинге была принята резолюция о полном недоверии Временному правительству и об отказе от наступательных действий.

16 июня в Тарнополь прибыл военный министр А. Ф. Керенский, туда же созывались члены полковых и ротных комитетов. На ночном заседании полкового Совета было решено в Тарнополь для встречи военного министра не являться, и в постановлении было указано, что министр сам может приехать в полк. Решение включало недоверие Временному правительству и требование о передаче всей власти Советам. С этим решением Совет командировал в Тарнополь депутата Совета гренадера Израиля Шамсона с тремя другими солдатами. Шамсон был деятельным помощником поручика Дзевалтовского.

16 июня поступил приказ собраться всему корпусу у деревни Янковицы, куда должен был приехать министр Керенский. Под

влиянием Дзевалтовского гвардии Гренадерский полк вместе с гвардии Павловским полком расположился отдельно, и они отказались от предложения Керенского подойти поближе. Военный министр сам поехал к гренадерам и павловцам и пытался обратиться к ним с речью. Поручик Дзевалтовский резко заявил Керенскому, что содержание речей последнего известно, что убеждать солдат нечего, передал министру резолюцию гвардии Гренадерского и Павловского полков о недоверии Временному правительству и заявил, что Керенский должен немедленно сложить полномочия. Как свидетельствует комиссар Кириенко, вся обстановка говорила за то, что готовилось солдатское выступление. Дзевалтовский заявил командиру полка, чтобы последний не рассчитывал на участие солдат в наступлении. 20 июня поручик собрал очередной полковой митинг и выступил против наступления. В протоколе собрания Совета гвардии Гренадерского полка от 23 июня содержалась речь Дзевалтовского, в которой указывалось, что буржуазия стремится «к подавлению революции» и что необходимо принять меры противодействия. В протоколе поддерживались ранее принятые постановления об удалении Временного правительства и что полк в наступление не пойдет и т. п.

Дзевалтовский рассылал в соседние полки (138 пехотный Болховский, 140-й Зарайский и др.) ординарцев с призывами о присоединении их к гренадерам. Ординарцы с призывами были направлены и в части 35-й пехотной дивизии. 21 июня сподвижник Дзевалтовского гренадер Израиль Шамсон прибыл с ординарцем в дер. Красно и в гвардии Павловский полк, откуда привел в расположение гренадеров 360 солдат-павловцев. В результате пропаганды сторонников Дзевалтовского к гренадерам присоединилось и две роты 13-го Финляндского стрелкового полка. В ряде случаев пропаганда гренадеров против наступления не достигала цели (например, в гвардейском Егерском полку и в др.). 22 июня Дзевалтовский и солдаты, опасаясь обстрела, отошли в тыл из дер. Даниловцы в дер. Хородище.

24 июня комиссар II армии Кириенко, он же уполномоченный Петроградского Совета, предъявил Гренадерскому полку ультиматум о подчинении Временному правительству, выдаче членов мятежного полкового Совета и зачинщиков. Требование это, хотя и с колебаниями, было исполнено солдатами. Последовал арест поручика Дзевалтовского, И. Шамсона, прапорщика А. Эрасмуса и 76 наиболее активных солдат и унтер-офицеров, что происходило при участии кавалерийской дивизии, двух батарей артиллерии и 2-х броневиков. В Гренадерском полку оставалось лишь 300 верных долгу солдат и почти все офицеры. Остальные гренадеры, павловцы и финляндцы были расформированы. Интересно отметить, что как штабс-капитан Дзевалтовский* так и солдат-доброволец И. Шамсон, оба до прихода в армию были студентами

* К этому времени уже штабс-капитан.

Петроградского психоневрологического института, Дзевалтовский потомственный дворянин, поляк, провел один год во Львовском политехническом институте.[188]

Не успели комиссары ликвидировать неповиновение гренадеров, как встал вопрос об остальных полках гвардейского корпуса. Значительная деморализация царила в полках 2-й дивизии Гвардейского корпуса, что показал бой 23 июня. Особенно плохо обстояло дело в Московском и Финляндском полках. Как выявило заседание всех полковых и ротных комитетов, неудачи в проведении атаки последовали в результате саботажа пополнений из Петрограда. Полное нежелание наступать проявил Московский полк, а Финляндский и Павловский поставили командованию ряд предварительных условий. Вся Финляндская дивизия ушла с позиции. В Финляндском полку был арестован ведущий агитатор против наступления солдат Васильев, выдававший себя «за члена Петроградского Совета». Приемы Васильева были типичным проявлением психологии солдатско-крестьянской массы. Как свидетельствовал комиссар Кириенко, во всех конфликтах бросалось в глаза «невозможное положение офицерского состава, бессильного, непризнаваемого солдатами, третируемого ими...» Офицеры «большевистской окраски» становились вожаками солдат, но лишь до первого возражения желаниям фронтовиков. Как писали Кириенко и Чекотило, в ходе наступления, при удаче, войска ободрялись, но неудачный исход атаки давал сразу же сильный толчек деморализации, и вообще многие части «находились в состоянии неустойчивого равновесия». XI армия была наводнена большевистской литературой, и комиссары подчеркивали, что на участке 150-верстной фронтовой линии армии была «туча» агитаторов-большевиков.[189]

В других частях II армии Юго-Западного фронта положение также было неустойчивым. В двадцатых числах июня приподнятое антивоенное настроение царило в 3-м армейском корпусе, среди солдат наблюдались «расколы», в 10 Гренадерском Малороссийском полку было выделено 2 офицера и 500 солдат, отказавшихся от подчинения командованию. 46 пехотная дивизия была признана «временно небоеспособной» и т. п. Неразрешенный аграрный вопрос давал основание и для подрыва авторитета общественных организаций. Так, ряд агитаторов-солдат распускали характерные слухи, что делегаты Всероссийского Крестьянского съезда подкуплены помещиками и получили вознаграждение по 3.000 рублей каждый и теперь Крестьянский Совет «делает все по указке помещиков» и т. п.[190] Положение, создавшееся в других армиях этого фронта, также внушало тре-

---

[188] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 813, лл. 3-18об. Обвинит. акт в прокуратуре общего суда войск гвардии, 21 июля 1917 г.; Там же, ф. 2015, оп. 1, д. 80, л. 25; Белый архив. Сб. материалов. Париж, 1926 г., стр. 25.

[189] Белый Архив. Сб. материалов, стр. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33.

[190] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3804, лл. 191—193; Там же, оп. 1, д. 3839, л. 32.

вогу командованию. Командующий 8 армией фронта ген. Корнилов доносил в Ставку, что в частях 11 и 165 дивизий имелось широкое распространение «официальных идей большевизма, происходили митинги и противоправительственные манифестации». В каждом полку армии было не менее 2-3 «больных рот», с которыми было трудно справиться командованию. Неспокойно было и в 64-й дивизии 18 армейского корпуса. Несмотря на тот факт, что 8-я армия по сравнению с другими армиями фронта была более боеспособной, все же в июне командование утверждало, что она «ещё не способна к наступлению».[191]

Следует отметить огромные усилия комиссаров и комитетов в деле повышения боеспособности частей в период наступления. Эти сопряженные с огромными трудностями усилия сводились к связанным с риском для жизни многочисленным выступлениям в волнующихся частях, в издании воззваний и т. п. Так, комиссары 11 и 7 армий выпускали совместные воззвания к солдатам, которые производили определенное впечатление на фронтовиков.[192] В июне в Особой армии большую работу проводил комиссар Б. Н. Мойсеенко, который сумел завоевать расположение солдат ряда частей, и, в частности, был горячо встречен фронтовиками 685 пехотного Логишенского полка, коллективно сдавший свои кресты в фонд обороны. Комиссар организовал объединенное заседание полковых комитетов с участием делегатов дивизии, ездивших в Ставку, а также дивизионные митинги оборонческого характера. В каждом полковом комитете были созданы «оборонческие комиссии». 10 июня в г. Луцке был организован съезд представителей дивизий Особой армии и т. п.[193] В 8-й армии Юго-Западного фронта также по инициативе комиссара и комитетов в период наступления были организованы боевые комитеты (бойкомы), которые сыграли важную роль в ходе боевых действий.[194]

Однако в целом положение на фронтах оставалось тяжелым и, как известно, армии не были подготовлены к успешному проведению наступления, так как их потрясали массовое неповиновение и волнения солдат. Об этом свидетельствовали многочисленные донесения командиров частей Северного, Западного и других фронтов. Так, начальник 28 армейского корпуса Северного фронта К. Л. Евреинов сообщал в конце мая, что во многих полках хотя и «сознают» необходимость наступления, но требуют пополнений, так как выполнение нарядов с наличным количеством штыков крайне затруднительно. Комиссар Северного фронта Б. В. Станкевич указывал на «большое количество больных и не-

---

191 М. С. Френкин — Революционное движение на Румынском фронте (1917 — март 1918). М., 1965 г., стр. 99, 100, 101.

192 Белый Архив. Сб. матер., стр. 30.

193 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, лл. 39, 40; «Известия полкового Комитета 685 пехотного Логишенского полка», 4 июня 1917 г.

194 Э. А. Верцинский — Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба. (1917—1918 гг.). Таллин, 1929 г., стр. 25.

надежных частей».[195] На Западном фронте, как гласил рапорт его главнокомандующего в Ставку, части 3-го Сибирского корпуса отказывались выполнять боевые задания. Здесь наблюдались аресты командного состава, игнорирование своих комитетов и рост требований о скорейшей присылке укомлектований.[196] Некоторые донесения командиров с Западного фронта говорили о тяжелейшем положении его частей накануне наступления. Главнокомандующий 10-м армейским корпусом ген. Цихович в июне сообщал командующему 10 армией, что 169 пехотная дивизия как боевая единица уже не существует, занятий нет, к бою солдаты не подготовлены и что смутьяны «прикрываются вывеской большевизма».[197] На Румынском фронте его главнокомандующий ген. Щербачев также указывал накануне наступления «на значительно понизившийся моральний уровень солдат». В 26 армейском корпусе фронта резко проявились отказы солдат идти в наступление.[198]

В начале июня начальник штаба Верховного главнокомандующего доносил, что «моральное состояние армии продолжает быть неустойчивым», что на Северном фронте «отношение к наступлению отрицательное», а на Западном фронте «неопределенное». На Румынском фронте «пехота наступать не желает» и т. п.[199] Только в мае отказались от выступления на боевые позиции 4 полка 7-й армии, в июне — 11 полков 10 армии и т. д. После приказа о наступлении наблюдались массовые отказы рот, батальонов, полков, дивизий. Отказались наступать 5 и 9 Сибирские дивизии, 2-я Кавказская Гренадерская, полки 641, 642, 703, 704, 673 и др.[200]

Срывы в подготовке и проведении наступления в определенной степени зависели и от шатких, нерешительных, а, главное, запоздалых мероприятий Временного правительства, командования и комитетов в деле надлежащей и своевременной организации армий и создание в них надежного ударного кулака. О наступлении говорили в течение месяцев, а меры по организации надежных частей для успешного введения их в бой принимались уже в период наступательных операций, когда они оказались уже безусловно запоздалыми. Несмотря на обширную информацию, которой располагала Ставка, в действиях военного министра и командования не было проявлено необходимого минимального предвидения. События в 5 армии, которой отводилась важная роль в наступлении, могут послужить наглядной иллюстрацией этого положения.

---

195 ЦГВИА, ф. 2234, оп. 1, д. 241, лл. 49, 50; Там же, ф. 2003, оп. 10, д. 176, лл. 266—269.

196 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, л. 77об.

197 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 170, л. 241.

198 ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 50, 51 и др.; Там же, ф. 2003, оп. 10, д. 170, л. 233.

199 Разложение армии в 1917 году, стр. 94.

200 Труды МГИА, т. 26. М., 1968 г., стр. 16.

Командованию этой армии и её армейскому комитету было уже давно известно настроение многих частей, которые оставались «непреклонными в своих решениях» не наступать, командование и выборный армейский орган надеялись главным образом на «миролюбивые меры агитационных отрядов армискома». Командование и армейский комитет сознавали «глубоко трагичное положение армии», в которой волнения только полков 36 пехотной дивизии уже создали кризис и привели к «тупику» во всей армии. В помощь несправившемуся командованию 5 армии был прислан в июне в качестве особоуполномоченного представитель военного министра для 5-й армии поручик Мазуренко. Чтобы ликвидировать хаос митингов, потрясающих армию в канун наступления, 25 июня поручик Мазуренко, ввиду приказа о наступлении, отменил и запретил их проведение в частях. Однако тут же пошел на уступки, и под нажимом отменил свой приказ. Это был огромный тактический проигрыш, Мазуренко терял время, от имени военного министра призывая к подчинению, а в ответ, по его же признанию, неслись «насмешливые возгласы». В армии создавалось нетерпимое положение, а особоуполномоченный поручик Мазуренко тратил время на согласование вопроса о применении силы. В результате введения в действия частей кавалерийской дивизии было задержано около 6 тысяч неповинующихся солдат 36 пехотной дивизии, и прапорщик Мазуренко в контакте с юридическим отделом Армейского комитета приступил к делению солдат на категории и группы. Из-за плохой организации дела солдаты имели возможность силой освободить 160 выделенных комиссаром «зачинщиков», главным образом солдат Можайского полка. Все время шли уговоры со стороны комиссара и председателя армейского комитета, в то время, когда карательные эскадроны и бронеавтомобили были хозяевами положения. Кроме полков 36 пехотной дивизии, были приняты меры и к двум полкам (727, 728 полки), которые отказались выполнять боевые приказы и демонстративно поддерживали 36 пехотную дивизию. Солдаты этих полков окопались и выделили охранные посты.

Командование снова совершило непростительную ошибку, направляя солдат из расформированных полков в 5 дивизию армии по 40 человек в каждую роту, и тем содействовало брожению и в 5 дивизии. «Зараза» неповиновения перешла и в другие полки. Так, в 642 полку было задержано 815 солдат. В 95 Красноярском полку было задержано 80 солдат, оставивших боевые позиции. Солдаты 72 Тульского полка по собственному почину выделили 30 зачинщиков. Нарвский полк по его примеру также выделил 400 солдат «малодушных», которых полк не пожелал иметь в своих рядах. Как доносил поручик Мазуренко, «огромное количество задержанных искренне раскаялось в своих поступках».[201]

[201] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, лл. 75—78.

Меры поручика Мазуренко оказались запоздалыми, наступление выявило «колебания» солдат в подразделениях, что приводило к увеличению потерь, как об этом информировал комиссар 5 армии Петроградский Совет 5 июля 1917 г. В армии широко распространялись воззвания РСДРП(б), которые призывали солдат к неповиновению, так как Керенский ведет в наступление «обманутую русскую армию» ради выгод «десяти министров-капиталистов». Большевистская «Военка» при помощи своих сторонников среди кронштадтских матросов проводила «сильную агитацию» среди солдат. Одним из объектов агитации матросов-большевиков был 540 пехотный Сухиничский полк, солдаты которого помещали инспирированные большевиками резолюции в «Правде».[202]

Точно так же и на Западном фронте командованием и комитетами не были приняты своевременые меры по созданию достаточного количества устойчивых частей для наступления, и совершались такие же ошибки, как и в 5 Армии. Как сообщал главнокомандующий Западным фронтом ген. Деникин на июльском совещании в Ставке, на фронте отказались идти в бой 48 батальонов, и в разгар сражений в тыл было отведено 30 тысяч ненадежных солдат. Только в 169 пехотной дивизии было разоружено 2.715 солдат, которых с непростительной политической близорукостью направили в другие армии.[203]

Таким образом, отсутствие необходимого предвидения, запоздалось меропрятий и глубокие политические ошибки легли тяжелым грузом на летнюю наступательную кампанию русской армии. Хотя о наступлении систематически говорили, оно было подготовлено наспех и с точки зрения учета политико-морального состояния армии.

Все же было бы ошибочно утверждать, что в действующей армии дело было только в неподчинении приказам. Оставалось еще много войск, беспрекословно принявших участие в наступлении, и много солдат самоотвержено сложили свои головы на поле битвы в борьбе с хорошо оснащенной армией неприятеля. Как известно, преобладающая масса свободно избранных делегатов армейских и фронтовых съездов, равно как и 1 Всероссийский съезд Советов, высказались за наступление. Как в тылу так и на фронте шло довольно энергичное создание ударных батальонов и штурмовых рот. Создавались «полки 18 июня». Выносилось большое количество оборонческих резолюций. Армию и Петроград посещало значительное число оборонческих делегаций. Многие оборончески настроенные солдаты даже настаивали на проведении определенных мер против солдат, которые вносили дезорганизацию в части. Так, в 111 пехотной дивизии Особой армии солдаты настаивали на недопущение в их роты дезорганизаторов.

---

202 Там же, лл. 72, 73, 74об.

203 А. М. Зайончковский — Кампания 1917 года. М., 1923 г., стр. 153—160. (Док. приложение 7).

Как гласила резолюция комитета 111 дивизии, «... число этих людей увеличивается вместе с пополнениями из тыла и из расформированных частей». Дивизионный комитет, отражая настроения солдат, большинством голосов постановил возбудить ходатайство о выделении из состава 111 пехотной дивизии лиц, «кто твердо решил сражаться с неприятелем», и создать из них отдельную боевую единицу.[204] Многие солдаты Гренадерского корпуса Юго-Западного фронта призывали к сплочению вокруг комитетов и вместе с ними рекомендовали «удалить от себя изменников и предателей» и призывали к вступлению в полки «18 июня».[205] Многие солдаты, которые под воздействием большевистской пропаганды отрицательно относились к наступлению, все же заявили в решении митинга, что они «не трусы, от защиты не отказывались ... отвод полка в глубокий тыл ... признаем недопустимым, так как произойдет разоружение фронта, что грозит прорывом последнего» (16 Гренадерский Мингрельский полк, 3 июля 1917 г.).[206] Обсудив резолюции полков и батарей, дивизионный комитет 48 кавалерийской дивизии приветствовал Временное правительство и требовал от «безответственных кучек прекращения их дезорганизаторской деятельности». Дивизия даже представила себя в распоряжение правительства для проведения расформирования неповинующихся частей. 1-я кавалерийская дивизия просила командование о присвоении ее подразделениям названия «частей смерти». «Части смерти» появлялись в ряде полков и батарей.[207] Съезд делегатов 32 армейского корпуса Юго-Западного фронта решительно поддержал мероприятия комиссаров Кириенко и Чекотило по наведению порядка в ряде неповинующихся полков в период наступления.[208] Съезд представителей частей 38 армейского корпуса для укрепления боеспособности армии признал необходимым и неотложным обязательное учреждение института комиссаров.[209] Нами уже было отмечено «раздвоение» в частях, где наряду с волнующимися солдатами были и части, верные Временному правительству и даже принимающие участие в борьбе против неповинующихся. Так, 16 июня в расформировании неповинующегося 3-го батальона 79 Сибирского стрелкового полка на Северном фронте принимали участие верные командованию 3 и 2 батальоны 13 и 14 Сибирских стрелковых полков.[210] При разоружении и расформировании войсковых частей активное участие принимали другие соединения пехоты, кавалерии и артиллерии, в рядах которых

---

[204] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 99, лл. 38, 38об.

[205] Известия Исполнительного Комитета Гренадерского корпуса, 5 июня 1917 г., 18 июня 1917 г.

[206] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 69.

[207] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 99, лл. 43, 44, 47 и др.

[208] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 3, лл. 205, 211, 314 и др.

[209] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, л. 36.

[210] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 79, лл. 82, 83.

находились многие тысячи верных командованию солдат. Об этом свидетельствуют и масштабы операций. Так, командир 13 армейского корпуса 5 армии Северного фронта 28 июня сообщал по инстанции: «Сегодня произведено было вооруженное воздействие на полки 142 и 143, в которых оказались выданными не все зачинщики, и на 627 и 128, которые не выполнили боевого приказа, арестовано 43 зачинщика и обезоружено 3.000 солдат различной виновности».[211] При подавлении волнений в частях 5 и 174 дивизий Западного фронта штаб фронта сообщал, что « . . . усмирение приняло характер боя с артиллерийской стрельбой, а в 174-й дивизии с атакой на неповинующиеся части».[212] Таким образом, политическая дифференциация в рядах дествующей армии в период подготовки и проведения наступления приводила в итоге к выступлению одной части армии против другой, что по существу было зародышем гражданской войны на фронте, подогреваемой большевиками и их агентурой.

18 июня 1917 г. войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, и по замыслу командования, главный удар по врагу должны были нанести войска 7-й и 11 армий, а 8 армии первоначально была поставлена задача — прикрытие со стороны Карпат военных операций этих двух армий. В задачи 8 армии входило также проникновение в долину р. Ломницы и дальнейшее развитие наступления на местности Калуш-Болехов. 18 июня было брошено в бой свыше 300 тысяч солдат 7-й и 11 армий. Сломив в начале сопротивление врага, солдаты этих армий стали расширять прорыв, но вскоре были остановлены подошедшими подкреплениями противника. В результате — части 11 армии стали топтаться на месте, а 7-я армия выявила свою полную небоеспособность. Ударные группы русских войск требовали пополнений, которых у командования не оказалось. 23 июня 7-я армия была снова брошена в совершенно безнадежную атаку. 24 июня и 11 армия была вынуждена приостановить свое наступление. 30 июня явился днем окончательной неудачи наступательных действий этих двух расстроенных армий. 8-я армия начала свое самостоятельное наступление 23 июня, когда уже её соседи, 11 и 7-я армии, фактически были сброшены с наступательных счетов. Ударная сила 8-й армии — её 12 корпус, прорвала фронт противника и захватила более 8 тысяч пленных и 48 орудий. 27 июня войска 8 армии заняли Галич, а 28 июня г. Калуш. Однако, как выразился ген. Зайончковский, успех 8 армии блеснул «как блистательный фейерверк». Дело в том, что успехи 8 армии были в дальнейшем сведены на нет, так как австро-германцы в июле перешли в наступление и отбросили 11 армию фронта за реку Серет, что повлекло за собой отход и так совершенно расстроенной 7 армии. 11 июля русские войска оставили г. Тарнополь, и началось неминуемое в этих условиях отступление 8 армии, за

---

211 «Красный Архив», т. 5, 1937 г., стр. 157.

212 ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 38, лл. 50, 51.

которым последовало падение г. Черновиц 21 июля. Бои с прорвавшимися австро-германцами на южном берегу Днестра и оставление Тарнополя и Черновиц были последними значительными операциями на Юго-Западном фронте в летней кампании 1917 г. Тем временем остальные армии этого фронта быстро разлагались, так как даже в начале наступления они были далеки от наступательного порыва, бывшего в 8-й армии.

Сутки спустя после прорыва позиций австро-германских войск, Ставка в лице ген. Брусилова оказала безнадежный нажим на главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Гутора. Ген. Брусилов указывал Гутору, что войск в его распоряжении более чем надо, «но необходимо заставить их драться». Однако, как это подчеркивал ген. Лукомский, первые дни наступления выявили, «что многие части драться не хотят», начались самовольные уходы с позиций, сплошное невыполнение боевых приказов. Частный успех 8 армии делу не помог, и прорыв русских позиций врагом повлек за собой паническое отступление по всему Юго-Западному фронту. А. Ф. Керенский, который наблюдал за неудачным наступлением 7-й армии в районе Бржезян, «крайне волновался и огорчался», как писал свидетель событий В. Б. Станкевич.[213]

После многих откладываний атака русских войск на Западном фронте была назначена на 9 июля 1917 г. силами 10 армии. Однако на этом фронте атака сразу же захлебнулась, и уже директивой Ставки от 10 июля Западному фронту было приказано перейти к обороне, что вытекало из провала наступления на Юго-Западном фронте и развала частей 10 армии Западного фронта. На Северном фронте наступление 5 армии заглохло буквально на 3-й день, и все действия в районе армии ограничились по сути дела артиллерийской перестрелкой. Во время наступления на Северном фронте только 2 дивизии из 6-ти были способны для проведения операций. 182 пехотную дивизию загоняли на наступательный плацдарм силой оружия, а из 120 пехотной дивизии в атаку пошел только один батальон. Нейшлотский полк (22 пехотная дивизия) не только не пожелал сам наступать, но препятствовал это делать другим частям. Верховный главнокомандующий отдал окончательное распоряжение о прекращении наступления на Северном фронте и Западном, где в 5-й и 10-й армиях замечался особо усиливающийся развал.

В трех наступающих армиях Юго-Западного фронта потери определялись в 1 222 офицера и 37 500 строевых солдат, что составило свыше 14% всего боевого состава.[214] Наступление на

---

[213] А. Зайончковский — Кампания 1917 года, стр. 70, 71, 72, 77, 78; Воспоминания ген. А. С. Лукомского, т. 1, Берлин, 1922 г., стр. 162; В. Б. Станкевич — Воспоминания, стр. 156; М. С. Френкин — Указ. сочинение, стр. 103, 105, 107.

[214] А. Зайончковский — Указ. соч., стр. 76, 77, 83, 86; Воспоминания ген. Лукомского, стр. 163.

фронтах сопровождалось систематическими уговариваниями частей и т. н. увещеваниями, которые вошли уже в систему, как характерное явление отсутствия в руках военного командования, А. Ф. Керенского и комиссаров реальной власти.

Для уяснения условий наступления на Западном фронте любопытно осветить состояние 28 пехотной диивизии 20 корпуса, в которой наблюдались волнения в течение 2-х недель, сопровождавшиеся избиением офицеров, бурными митингами и категорическими отказами от наступления. Не помогли и уговоры комиссара фронта, старого каторжанина Калинина. В результате «уговоров» из всей дивизии выступил только «батальон смерти», понеся 75% потерь в живой силе. Первый полк дивизии отказался наступать, и только около 200 оборончески настроенных солдат участвовали в бою и понесли огромные потери. 2-й полк почти не участвовал в боях, а 3-й полк дивизии самовольно оставил позиции. 4-й полк угрожал перестрелять саперов, проделывающих проходы в проволочных заграждениях. Командир этого полка застрелился.[215] Отступление расстроенных русский частей сопровождалось дезертирством, принявшем грандиозные размеры. За одну только ночь «батальон смерти» задержал в районе Волочиска (Западный фронт) около 12 тысяч дезертиров. Как свидетельствовали протоколы Окружного комитета Минского военного округа, дезертирство с фронта, особенно из рядов 2 армии, достигло небывалых размеров, в связи с чем этот комитет обратился за содействием во все гарнизонные комитеты и военные секции Советов «о принятии мер к усилению борьбы» с дезертирством. Волна дезертиров докатилась с фронта даже до Москвы, где было задержано 3 тысячи солдат.[216] Совещание армейских делегатов 10 армии Западного фронта выявило в этот период «страшную усталость» солдат и их «нежелание сражаться и умирать». Как только военный министр Керенский уехал, сообщал один из делегатов, «от подъема духа не осталось и следа», и солдаты не трогались с места, их никак нельзя было убедить выйти из окопов. Ударные батальоны на фронте сыграли огромную роль в наступлении, но солдатская масса не пошла им на поддержку и тормозила подход резервов.[217]

На Румынском фронте на 40-верстном участке для наступления развертывалось в июле 24 пехотных дивизии, т. е. немного менее 1/2 всех сил фронта, тогда как 32 пехотные дивизии оставались для занятия остального громадного фронта. Вместе с тем, как писал ген. Щербачев, он принял при подготовке наступления «ряд мер чисто политического характера, вызывавшихся особенностями периода». Генерал указывал, что предстоящее наступле-

---

[215] Белый Архив. Сборник материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма и белого движения. Париж, 1926 г., стр. 47, 50.

[216] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 77, л. 248; ЦГВИА, ф. 2003, нп. 1, д. 1499, л. 15.

[217] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 49, лл. 18, 18об, 19об.

ние, несмотря на понизившееся моральное настроение войск, имело все шансы на успех, так как у русско-румынской армии было значительное превосходство в артиллерии и численности войск. 11 июля 4-я русская и 2-я румынская армии начали наступление в Рекоазском районе, фронт противника был прорван. Но накануне этого удара утром была получена телеграмма военного министра Керенского, что ввиду отхода Юго-Западного фронта и слабого морального состояния войск министр именем Временного правительства приказывал прекратить наступление. Опыт Юго-Западного фронта, где войска сначала бросили захваченные у противника позиции, а затем в июле под натиском более сильных сил врага начали беспорядочный отход заставили ген. Щербачева подумать об обеспечении правого фланга Румынского фронта, так как создавалась угроза глубокому тылу, потери Румынии и Бессарабии. Румынский фронт перешел к обороне, достигнув незначительного тактического успеха.[218] Однако и на этом фронте в первых числах июля положение в частях внушало опасения командованию. В 9-й армии части 26 армейского корпусе находились в состоянии полного разложения. Здесь бушевали митинги, и солдаты терроризировали артиллеристов, требуя от батарей прекращения огня по противнику. Характерно решение солдат 118 Шуйского полка, которые, приветствуя Временное правительство, вместе с тем, считали излишним саперные работы, так как солдаты на участке полка не считали возможным наступать. Решено было послать делегатов в Петроград с подробным планом позиций и т. п.[219]

Противник был прекрасно осведомлен о предстоящем наступлении и о месте удара, так как подготовка к наступлению велась как на фронте, так и в тылу, и прессе, без соблюдения минимальной секретности. Даже в разгар наступления в июне 1917 г. противник смог осуществить через своих русских агентов 114 шпионско-диверсионных контактов в частях 8 и 9 армий.[219а] С Западного и Итальянского фронтов австро-венгерское командование перебросило подкрепление на Восточный фронт. Ответная германская операция с 6 по 15 июля, известная как Тарнопольский прорыв, привела к катастрофе. Россия потеряла Тарнополь, Черновцы и всю Галицию. Но главное, что показал Тарнопольский прорыв, Россия фактически теряла армию, превратившуюся в своей значительной части в деморализованную, бегущую в тыл толпу. Под ударами противника первым бежал 607 Млыновский полк 6-й Гренадерской дивизии 11 армии, что дало возможность немцам сделать прорыв, который вскоре достиг 120 верст в ширину. Дивизии 11-й и частично 7-й армий, по утверждению Став-

---

218 ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 49—59; Воспоминания ген. А. С. Лукомского, т. 1, Берлин, 1922 г., стр. 163.

219 ЦГВИА, ф. 336, д. 57, лл. 6, 6об.

219а Kriegsarchiv. K. u. K. 7 Armee Komano zu Na Nr. 230/157. Feldpost 191 am 1. Juli 1917. Streng geheim.

ки, бежали под давлением в пять раз слабейшего противника. Охваченные паникой части отказывались сдерживать противника и прикрывать свою артиллерию. В этой обстановке были потеряны большие артиллерийские склады и значительное количество артиллерии. Солдаты сдавались в плен ротами и полками. От 6-й Гренадерской дивизии осталось всего 200 человек — все остальные солдаты сдались в плен. Толпа деморализованных солдат оказывала полное неповиновение офицерам, комиссарам, комитетам. Ряд пехотных и кавалерийских частей всячески пытался спасти положение в местностях, оставляемых деморализованной массой солдат. Ставка, её особое делопроизводство, отмечала факты беспрерывных митингов в ближайших резервных частях в то время, когда несущие огромные потери строевые части мужественно отбивали атаки врага. Озверелые, вооруженные банды дезертиров и мародеров грабили в тылу поместья, деревни, еврейские местечки и творили насилия.[220] При оставлении Галиции, при взятии и сдаче Калуша, бегстве из Тарнополя, Станиславова происходили массовые еврейские погромы, убийства, грабежи и насилия. Этот погромный смерч бушевал и на стыке флангов 7-й и 8-й армий. Главковерх ген. Л. Корнилов был вынужден отдать приказ о расстреле мародеров и дезертиров.[221] Дикие погромы разлагающейся солдатни явились политическим симптомом усиливающегося распада армии, но, обращенные против помещичьих усадеб, грозно напоминали и о до сих пор неразрешенном земельном вопросе.

Провал наступления, катастрофа отступления и бегства солдатской массы вытекали, в более широком политическом понимании вопроса, из порочности всей социальной политики Временного правительства, которому нечем было увлечь солдат и заставить их сражаться, так как оно оперировало не доходящими до сознания темной массы понятиями долга, чести и свободы и т. п. и не смогло бросить в массу конкретные социальные козыри. В деревне оставались нетронутыми прежние социальные отношения, и крестьянин был лишен земли. Как отмечал комиссар Северного фронта и начальник политического отдела Военного министерства народный социалист В. Б. Станкевич, солдат «сомневался, честно и душевно, в правильности, в правде войны». Станкевич говорил Савинкову, что ему стало ясно, «что масса солдат ... не понимает смысла войны или, во всяком случае, наступления».[222] Это признал тогда и Керенский. В секретном сообщении с театра военных действий Юго-Западного фронта военный министр в числе причин срыва наступательного поры-

---

220 ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 57, лл. 5, 5об; Воспоминания ген. А. С. Лукомского, т. 1. Берлин, 1922 г., стр. 162.

221 «Рассвет» — 4-5, 6 августа 1917 г.; Воспоминания генерала, барона Врангеля. Франкфурт, 1969 г., стр. 37.

222 В. Б. Станкевич — Воспоминания (1914—1919 гг.), стр. 162, 163.

ва армии указывал на «непонимание смысла и целей войны» солдатской массой.[223]

С фронта в Петроград прибывали, как мы знаем, многочисленные делегации солдат, которые в числе других вопросов особенно интересовались целями войны, наступления. Так, в июне, делегаты 13-го пехотного Эриванского и 704 пехотного Рионского полков, солдаты И. Роганов и А. Урбаткин, были присланы своими полками в Петроград и явились в Военное министерство с просьбой разъяснить фронтовикам «цели настоящего наступления».[224] Можно было бы привести множество таких примеров. Будучи уже в эмиграции, А. Ф. Керенский с горечью признавал, что Временное правительство с марта по октябрь в разрешении социальных вопросов безнадежно топталось на поводу у кадет, топталось везде, и в армии, и в аграрном вопросе, и в проблеме войны и мира. А. Ф. Керенский признает, что за это несут ответственность он и также министр Чернов, так как «у одного в руках была армия — у другого земля», и что они оба требовали от фронта наступления «во имя мира». Военный министр все же пытается оправдаться тем, что грандиозная земельная реформа не могла быть осуществлена в течение короткого времени. Известная Е. Брешко-Брешковская говорила весной 1918 г., что надо было ещё раньше создать соответствующий аппарат, который «успел бы вовремя землю поделить».[225]

А. Ф. Керенский далеко не случайно воспринимал провал наступления как неудачу революции. После таких огромных и болезненных неудач, постигших армию, русская революция в сущности зашла в тупик, который был создан всем комплексом хозяйственных, социально-политических и военных причин. Единственной государственной программой в создавшейся обстановке было прекращение войны и разрешение социально-политических проблем, без чего катастрофа была неизбежной.

Поражение русского наступления и военная катастрофа последовали не только в результате отмеченных нами причин. Сказывалась усталость солдат, необеспеченность армии самым необходимым, острым кризисом резервов, необученность солдат вследствие почти полного прекращения занятий в запасных полках, отсутствие доверия солдат к командному составу и растущий кризис аппарата управления в армиях. Осложняла дело и военно-организационная неразбериха, приводившая к плохой материально-технической подготовке наступления.

Представители союзников, находившиеся в наступающих армиях, отмечали эту неразбериху, стоившую жизни массе. Так, английский представитель, капитан Нельсон, находившийся на фронте 10-й армии, где некомплект в строю достигал 63-х тысяч

---

223 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 135, л. 103.

224 ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 14, л. 351.

225 А. Ф. Керенский — Издалека. Сб. статей (1920—1921 гг.). Париж, стр. 235, 236, 237.

солдат, писал, что бой наступающих дивизий этого корпуса «был просто избиением», так как войска атаковали без поддержки артиллерии. Нельсон отмечает, что в одной из дивизий 10-го корпуса осталось 1 000 бойцов, а в другой — 900. В истории 17-го Германского артиллерийского полка находим заметку: «Надо было удивляться храбрости русской пехоты, выдержавшей без поддержки своей артиллерии массовый жестокий обстрел наших батарей».[226] Русское командование хотя и сосредоточило в период наступления большие артиллерийские средства, но не смогло создать должный перевес артиллерии в быстро меняющейся обстановке боя. Как говорит исследователь войны 1914—1918 гг. «сильный перевес в тяжелой артиллерии и в авиационных средствах по-прежнему был не на нашей стороне».[227]

В поражении сыграл роль и недостаток опытного командного состава, замена его в ходе войны молодыми и малоопытными офицерскими кадрами, часть которых шла на поводу у неповинующихся солдат, а то и активно, как мы знаем, участвовавших в усилиях большевиков по разложению армии. Многие добросовестные офицеры уже не могли в период наступления выполнять свои прямые обязанности. Заслуженная, а часто и совершенно незаслуженная вражда к офицерам выливалась на фронте в насилиях над офицерами и в форме самого неоправданного неповиновения. Офицерам солдаты заявляли, что в случае неудачи наступления их ожидает кровавая расправа (699 полк 175 дивизии). В 115 полку (29 дивизия) большинство офицеров бежало, в 673 полку часть офицеров была избита. Требования солдат о смене неугодных им начальников стали повседневным явлением. В 220 полку (55 дивизия) несколько рот ушло из окопов, и на позиции остались одни офицеры. В боях под Крево и Сморгонью офицеры должны были идти впереди атакующих частей. Потери в офицерском составе были непропорционально большие. В 204-м полку (55 дивизия) из строя выбыли все офицеры. Как жаловались многие командиры, «всю свою энергию, все способности приходится тратить только на улаживание конфликтов и недоразумений», они указывали на «полное безвластие». Бои в районе Крево Западного фронта рельефно выявили происходящий организационный развал армии.[228] Таким образом, растущий кризис управления войсковыми частями в период русского наступления и немецкого ответного удара достиг таких размеров, что армия по существу теряла свое прямое назначение. Во всех без исключения сводках, представляемых фронтами, отмечалось «растлевающее« влияние на армию прибывающих пополнений. Плохо обученные, совершенно недисциплированные, распропагандированные в тылу демагогическими лозунгами агитаторов-большеви-

---

[226] «Военно-Исторический Вестник», № 23, май 1964 г. Париж, стр. 15; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, л. 284.

[227] А. Зайончковский — Кампания 1917 года, стр. 133.

[228] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 57, л. 2-6.

ков, маршевые роты пополняли ряды недовольных солдат, на что указывали почти все комиссары и комитеты.[229] Как отмечал в своем приказе от 24 июля главковерх Л. Корнилов, армия переживала тяжелый кризис и потеряла больше четырех месяцев, не производя почти никаких занятий. Организм армии ежедневно подрывался и доведен почти до полного развала.[230]

Определенная часть офицеров вместо анализа создавшейся обстановки и правильного её понимания занимала одностороннюю позицию и злобствовала. Так, ген. Илькевич, который нес не меньшую ответственность за подготовку своей части к наступлению чем комиссар Станкевич, при провале атаки злорадствовал: «видели, как наступает революционная армия».[231] Некоторые представители генералитета и офицеры отказывались извлечь должные уроки из событий, и восстановление престижа офицеров видели в ликвидации комитетов, которые по существу, как известно, оградили в свое время офицерский корпус от солдатской стихии и много сделали для сохранения армии. Начальник 42 пехотной дивизии 9-го армейского корпуса ген. А. К. Байов причину разрухи в армии близоруко видел только в провокации большевиков и в деятельности комитетов, которые, по его мнению, следовало упразднить.[232]

Огромный вред подготовке армии к наступлению наносили массовые митинги, узаконение которых было крупнейшей ошибкой Временного правительства и командования. Митинги эти использовались большевиками для подрыва боеспособности действующей армии. Так, знаменитая резолюция митинга 675 пехотного Конотопского полка 169 дивизии 10 армейского корпуса в июне открыто выражала недоверие Временному правительству, «проводящему политику буржуазии», выдвигала нелепое демагогическое требование о переходе всей власти «в руки съездов всей действующей армии», настаивала на возвращении бывшего начальника дивизии для привлечения его на службу «в нестроевой роте полка», пересмотре договоров и гласила, что «наступления никакого быть не может, а должна быть оборона».[233]

Ослабляли силу армии переформирования, происходящие в частях непосредственно в ходе боевой операции, которые имели бы существенное значение для обеспечения боеспособности при проведении этого мероприятия заблаговременно. Как мы уже указывали, «раздвоение» среди солдат было всеобщим, а для наступления необходимы были однородные в политико-моральном отношении боевые части. Так, в числе отказавшихся исполнять приказ в 46 пехотной дивизии Юго-Западного фронта был Варшавский полк, где в бою приняли участие 200 штыков и 600 не-

---

229 Там же, л. 6об.
230 ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, лл. 65, 65об.
231 В. Б. Станкевич, Воспоминания, стр. 159.
232 ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3839, лл. 52, 53.
233 ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 7, лл. 21, 21об.

строевых; в числе неповинующихся была и половина Остроленкского полка и т. п. 15 июля эти части были приведены к повиновению путем артиллерийского обстрела.[234]

Безинициативность и консервативная закоснелость военного аппарата приводили к тому, что оборончески настроенные солдаты сами по собственной инициативе выделяли из своей среды «негодные элементы». Так, 111 Фанагорийский гренадерский полк 11 армии самостоятельно, несмотря на угрозы неповинующихся солдат в конце июня выделил их из своей среды и стал одним из лучших, в смысле боеспособности полков. Солдаты этого полка мужественно выполняли задачу по ликвидации прорыва неприятеля в связи с бегством солдат 6 Сибирской Гренадерской дивизии.[235] Временное правительство и Ставка до наступления не укрепили боеспособность армии путем заблаговременного создания переформированных и верных ему боеспособных частей, что свидетельствовало о недопустимой политической близорукости, так как исход наступления решал судьбу революции и Временного правительства. В то же время в дивизиях действующей армии оборонческие элементы составляли ещё довольно внушительную силу, которая не была своевременно использована командованием. Об этом говорят и материалы военных комитетов. Например, комитет Кавказской Гренадерской дивизии на своем июльском заседании, после провала наступления, констатировал, что разложению некоторых частей не были противопоставлены силы «прочей массы воинов дивизии», стоящих на оборонческих позициях. Резолюция комитета призывала к борьбе как против большевиков, так и правых элементов, и видела спасение в укреплении и сосредоточении всей власти в руках Временного правительства.[236] Ставка слабо и вяло реагировала на инициативу снизу в деле заблаговременного создания и насаждения важного инструмента боеспособности армии в наступлении — деятельности боевых комитетов (бойкомов) и «летучих боевых комитетов», сыгравших большую роль в наступательных операциях 8 армии.[237] Требования резолюции корпусного съезда 32 армейского корпуса 11 армии, состоявшегося 27 июня, могут служить наглядным свидетельством недопустимой пассивности командования перед началом и в ходе наступления в деле укрепления атакующих армий.

Съезд солдатских представителей 32-го армейского корпуса констатировал недопустимость пребывания в рядах армии «провокаторов, изменников и лиц, призывающих к неповиновению и к неисполнению боевых приказов». Резолюция требовала немедленного ареста всех этих лиц и предания их суду. Корпусной съезд настаивал также на очищении фронтовых частей, и кор-

---

234 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 79, л. 11, 12.
235 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 29, л. 12.
236 Там же, ф. 1235, оп. 78, д. 99, л. 51.
237 Там же, ф. 1235, оп. 78, д. 99, л. 22.

пусных в частности, от лиц, «не принадлежающих к составу данного полка и являющихся в окопы». Как выяснилось, солдаты 625 Поляшевского полка корпуса допускали в этот переломный для армии период проведение братания и пребывание в своих окопах австрийцев и «поддерживающих тесную дружбу с ними». Солдаты как 625 так и 627 полков ещё ранее заявили об отказе от наступления. Корпусная резолюция квалифицировала солдат этих полков как изменников и требовала предания зачинщиков суду и т. п.[238] Ещё ранее 2-й корпусной съезд XVII армейского корпуса видел «в наступлении твердый шаг по пути достижения скорого мира» и высказался за создание ударных частей. Резолюция корпусного съезда обязывала офицеров, унтер-офицеров и выборные комитеты предпринять все возможное для наведения порядка в случае неповиновения.[239]

Но, как показывал разворот событий на фронте, Временное правительство, Ставка и комитеты спохватились поздно и в разгар наступления и немецкого контрнаступления аппарат управления армией был в значительной степени парализован и обессилен. Рапорт от 30 июня командующего атакующей 7-й армии Юго-Западного фронта ген. В. И. Селивачева свидетельствовал об этом более чем убедительно. Генерал информировал фронтовое начальство, что невыполнение боевых заданий во всех корпусах, самовольный уход с позиций, отказы от смены других частей и т. п. «являются заурядными». Комитеты, констатировал ген. Селивачев, ничего не добивались и обращались за помощью к комиссарам, которые, не располагая реальною властью, пытались действовать убеждением.[240]

Даже в обстановке ведущегося наступления в 3-й армии Западного фронта наблюдалось братание с противником. Так, 3 июля младший унтер-офицер 218 полка 35 армейского корпуса Баранов и рядовой Маренин выходили на братание с противником.[241]

Менее всего разложение коснулось украинизированных корпусов русской армии, которые проявили большой наступательный порыв. Здесь сыграл свою роль национальный момент. Войсковые органы Центральной Рады призвали солдат-украинцев к активному наступлению против врага в интересах объединения всех украинских земель, находящихся под пятой австро-германских оккупантов. Солдаты-украинцы 6, 17 и 41 армейских корпусов были активным фактором наступления, и только Тарнопольский прорыв противника вынудил отойти эти корпуса, которые с воодушевлением шли в бой под национальными украинскими желто-голубыми знаменами. Эти национализированные корпуса понесли колоссальные потери. Солдаты-украинцы указанных вы-

238 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, л. 28б.
239 Там же, д. 102, лл. 20об, 21об, 22.
240 ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3804, л. 214.
241 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 176, лл. 157, 158, 160.

ше корпусов потеряли в боях 3/4 своего боевого состава. Ставка послала восторженную телеграмму деятелям Центральной Рады о доблестном поведении в бою солдат-украинцев, например, 6 украинизированного корпуса.[242] Как отмечал впоследствии ген. Н. И. Головин, на почве национализма происходило преодоление тлетворного влияния большевизма. Однако в дальнейшем решение Центральной Рады о продолжении войны чрезвычайно ослабило её положение в отношении борьбы с большевизмом.[243]

Как показало наступление и события последующего времени, Временное правительство и Ставка совершили серьезную политическую ошибку и проявили политическую недальновидность всячески ограничивая и тормозя создание национальных частей, особенно украинских, которые могли бы послужить ему определенным оплотом в борьбе с захватом власти большевиками. Вполне резонно на это указывал ряд лидеров Центральной Рады. М. Грушевский в июне во время пребывания А. Ф. Керенского в Киеве указал ему, что «украинское движение не угроза для России, а твердая опора; на него должно опираться Временное правительство, если оно желает спасти Россию».[244] Однако центристская политика Керенского и особенно лидеров кадетов, которые не соглашались даже с минимальными уступками национально-освободительному украинскому движению со стороны Временного правительства, вызвала правительственный кризис в период сложной обстановки немецкого контрнаступления. Кадеты в лице князя Г. Е. Львова протестовали даже против намека о проведении намеченной аграрной реформы.[245]

Если меньшевики, эсеры, Временное правительство в целом связывали свои надежды с успехом наступления, то в противоположность им, большевики во главе с Лениным делали все возможное для его срыва, так как прекрасно понимали, что удачное наступление укрепит Временное правительство и сорвет их планы по захвату власти. Особенно Ленин и его партия опасались создания сильного правительства во главе с волевым его лидером. Од этом более чем красноречиво свидетельствует резолюция ЦК РСДРП(б) по поводу майских нот Англии и Франции. В резолюции резко осуждалась политика наступления, которая усиливала в армии «контрреволюционные элементы за счет революционных, создала почву ... для бонапартизма ...» и т. п.[246] Призрак бонапартизма, как возможный результат удачного наступления, особенно тревожил и пугал большевиков, так как при

---

[242] ЦГВИА, ф. 2489, оп. 2, д. 69, лл. 397, 404, 472, 472об; Д. Дорошенко — Історія України, т. І. стор. 118; Український Історик, 3-4 (15-16). Нью-Йорк, Мюнхен, 1967 р., стор. 73.

[243] Ген. Н. И. Головин — Российская контрреволюция (1917—1918 гг.), 1937 г., ч. 1, кн. 2-я, б/м. стр. 122; Там же, кн. 4-я, ч. 2-я, стр. 9.

[244] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928 г., стр. 81.

[245] АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, ч. 1, лл. 25, 26; «Речь», 9 июля 1917 г.

[246] «Правда», 13 июня 1917 г.

появлении новоявленного Бонапарта Ленину пришлось бы распрощаться с заветной мечтой о власти. Кроме того, наступление и последовавшее вскоре немецкое контрнаступление властно ставили вопрос о необходимости подвода резервов из округов на фронт, и, в частности, пребывающих в праздности столичных гарнизонов Петрограда и Москвы. Петроградский гарнизон всегда тревожил Временное правительство, и его заботы, связанные с этим вопросом, четко проявились в июльские дни. Разговор по прямому проводу товарища военного министра Г. А. Якубовича с пребывающем на фронте А. Ф. Керенским утром 5 июля отчетливо выявил эти опасения. Заместитель военного министра так и сказал, что «никакой надежды на Петроградский гарнизон возлагать не могу», и что теперь настало время «вскрыть петроградский нарыв». Керенский согласился с этой точкой зрения и подчеркнул, что гарнизон столицы необходимо лишить данных ему привилегий «за участие в Февральской революции». Кроме того, в разговоре с Г. А. Якубовичем А. Ф. Керенский советовал своему заместителю, чтобы прибывшие с фронта войска заняли у Кронштадта Красную Горку и батареи Иннонеми и ликвидировали «Кронштадскую историю».[247] Однако все эти разумные пожелания так и остались пожеланиями. Большевики, сумев создать себе определенную опору во многих частях Петрограда и Москвы, делали все возможное для поддержки сопротивления солдат столичных гарнизонов выводу их на фронт.

Как ранее так и в июне Петроградский гарнизон, во всяком случае его значительная часть, предпочитал фронту пребывание в столице. Когда в июне последовал приказ военного министра А. Ф. Керенского о посылке 300 пулеметов и маршевых рот из Петрограда на фронт, общие полковые собрания ряда частей решительно отвергали эти необходимые требования в условиях ведущейся войны. Главнокомандующий Петроградским военным округом ген-майор П. А. Половцев и представитель Петроградского Совета всячески уговаривали солдат, а не приказывали, подчиниться требованиям командования о немедленной отправке 30 маршевых рот. Член «Военки», орудующий в 1-м пулеметном запасном полку, большевик прапорщик А. Я. Семашко убеждал солдат-пулеметчиков, что это «скрытое желание» Временного правительства расформировать «революционные полки», и в частности, 1-й пулеметный. Другой оратор-большевик напомнил собранию пулеметчиков, что полки Петрограда «не могут быть раскасированы», ссылаясь при этом на мало убедительные доводы о необходимости сохранения постоянных норм численности полков. и т. п.[248] Этим голосам петроградских большевиков настойчиво вторили их московские единомышленники. В июне московский Комитет РСДРП(б) вынес решение, что наступление

---

[247] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 402, лл. 75, 76, 77.

[248] Первый легальный П. К. большевиков в 1917 г., Сб. матер. и протоколов. М. Л., 1927 г., стр. 201, 203.

— это поход «на все завоевания революции» и что «особенно опасным является вывод революционных войск из крупных центров».[249]

В июне и в июле окрепшие большевистские организации и, естественно, отдельные большевики вели ожесточенную и неутомимую пропаганду и агитацию против Временного правительства и наступления не только на фронте, но и в столице, бросив для этого весь арсенал демагогических приемов и всячески используя в своих политических интересах растущее недовольство солдат, рабочих, крестьян.

Хотя история июльских событий в Петрограде, как об этом свидетельствовал Н. Суханов, была «темна, крайне запутанна», так как Ленин и его партия пыталась всячески замести следы и завуалировать свои действительные намерения, все же некоторые известные ленинские установки и действия большевиков накануне и в июльские дни находятся в резком противоречии с их утверждением, что вооруженное выступление в столице было стихийным и т. п.

Сомнительна ссылка только на стихийность, если начавшиеся события 3 июля были ознаменованы демонстрацией, которой большевики дали знамя и лозунги. Демонстранты шли с плакатами, на которых значилось: «Долой десять министров-капиталистов», «Долой Временное правительство», «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов» и т. п. Как свидетельствовал главнокомандующий Петроградским военным округом г-м П. А. Половцев, главной движущей силой были именно солдаты, а выступавшие с ними заводские рабочие принимали участие «в очень небольшом количестве».[250]

О том, что большевики готовились к выступлению не подлежит никакому сомнению, и материалы VI съезда РСДРП(б) свидетельствуют об этом. В своем отчетном докладе на съезде И. В. Сталин сообщал делегатам, что «У нас было решено переждать момент наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс . . .» и т. п. К 3-му июля Ленин и руководство большевиков были уже прекрасно осведомлены о провале наступления, и когда началось ими же вызванное выступление пулеметчиков 1-го пулеметного полка они решили «вмешаться и овладеть уже начавшимся движением», как об этом сказал Сталин. ЦК большевиков совместно с Петроградским Комитетом решили «назначить» на 4 июля якобы «мирную демонстрацию». Для создания себе алиби на случай провала выступления, В. И. Ленин вдруг «заболел» и уехал заранее, 29 июня, в финскую деревню Нейвола, вблизи станции Мустамяки. Выступление Н. И. Подвойского на VI съезде и его заявление, что «кампания за выступление была поднята не большевиками», было безусловно обманом, и он сам себе противоречит, так как когда

---

249 «Социал-Демократ» (Москва), 22 июня 1917 г.

250 ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 402, лл. 1, 2, 4 и др.

7 полков были в пути к Таврическому дворцу, большевики, по его словам, «решили встать во главе движения, придать ему организованный характер...» Этот «организованный» характер выразился в том, что между часом и четырьмя часами ночи «Военка» вызвала броневики, которые были поставлены около Николаевского вокзала, Литейного проспекта и, что характерно, у главного штаба. У Петропавловской крепости были выставлены усиленные караулы и т. п.[251] Материалы Особой следственной комиссии для расследования участия военных частей в восстании 2-5 июля дают нам убедительные факты о подготовке большевиками вооруженного переворота.

Заведомо ложная версия большевистского руководства о «стихийности» движения и о «мирной демонстрации» опровергается событиями в 1-м пулеметном полку, в других частях и событиями в Петрограде 3-5 июля 1917 г. Член «Военки» большевик, прапорщик Семашко А. Я., входивший в партийную большевистскую организацию полка, призывал к манифестации с оружием в руках и 2 июля принял участие в собрании, на котором было решено, что «если меньшевики и эсеры помешают выступлению, то перешагнуть через их трупы». 3 июля на полковом собрании А. Я. Семашко предложил избрать, вместо существующего полкового комитета, Временный революционный комитет, стал во главе этого органа, куда были введены солдаты-большевики Головин, Романов, Тилин, Маслов и др. Семашко и члены вновь созданного ревкома организовали поступление с заводов автомобилей, вооружали их пулеметами, рассылая их к Таврическому дворцу и к другим местам. Прапорщик Семашко лично склонял батальон Московского полка к восстанию. Он поддерживал постоянную связь с Военной организацией большевиков и с Лениным. Ближайший его сотрудник, солдат большевик Яков Головин, после избрания его в полковой ВРК обсуждал вместе с другими план свержения Временного правительства. Большевик, пулеметчик Головин вел переговоры с комендантом Петропавловской крепости о занятии её пулеметчиками. 3 июля большевик солдат Кошелев, вернувшись из Кронштадта с матросами, занял Петропавловскую крепость. По указанию прапорщика Семашко, в Кронштадт для вывоза вооруженных матросов были направлены делегаты полка — Кошелев, Казаков и другие.[252]

Примкнувший к вооруженному восстанию пулеметчиков 3-й пехотный запасной полк в Петергофе состоял в своей массе, как свидетельствуют материалы, из совершенно неграмотных или полуграмотных солдат, а рабочих в полку было ничтожное количество. Этот крестьянский элемент полка особо нервозно, как

---

[251] Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958 г., стр. 17-20; Там же, стр. 64-66.

[252] «Красный Архив», т. 23, 1927 г., стр. 14, 15, 16, 18; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Сборник док. и матер. Л., 1932 г., стр. 138-144.

отмечали опрошенные солдаты, относился к лозунгу «земля и воля». В то же время здесь был создан т. н. «революционный штаб» из 14 человек, распределялись караулы и патрули, направлялись делегаты. Как оказалось, всю работу по организации этой темной массы вели руководители «клуба большевиков» подпоручик П. В. Дашкевич, солдат этого же полка Толкачев. Эти и другие большевики уже в июне провели в полку резолюцию о немедленном устранении от власти Временного правительства. В ночь на 3 июля была принята резолюция полка об устранении Временного правительства «силой оружия». Тогда же был создан «Революционный штаб», куда вошли солдаты Булин, Толкачев, Фирсов, Чернявский. Революционный штаб разослал к утру приказы о выступлении в Петроград с оружием в руках.

Основную организационную работу проделал в полку большевик Терновецкий, который даже не числился в списках полка. В числе актива выделялись прапорщики Дзенис, Баландин, солдаты Егоров, Захаров, а всего актива числилось 14 человек. По поручению Революционного штаба, поручик Тендзян был объявлен комендантом Петергофа, и его солдаты захватили телефонную станцию. Были арестованы члены Исполкома Совета. Таким образом, как действия пулеметчиков, так и солдат 3 пехотного запасного полка ничего общего не имели с «мирной демонстрацией», о которой распространялись большевики. На экстренном заседании 3 полка выступил и давал указания член военной организации при ЦК РСДРП(б) подпоручик Тарасов-Родионов, который руководил подготовкой к вооруженному выступлению. Подпоручик Тарасов-Родионов заявлял на заседаниях в полку, что он был в полном контакте с военной организацией ЦК, виделся с членом этой организации Сталиным, который ему сообщил, что военная организация присоединилась к движению и призвал к выступлению, которое и последовало.

В примкнувшем к вооруженному выступлению Гвардии Гренадерском полку, на митингах которого часто бывали Зиновьев, Коллонтай, Каменев, прапорщик Крыленко, Дашкевич, Рошаль и др., появились также агитаторы «Военки» с призывом к немедленному вооруженному выступлению. К выступлению призывал гренадеров член «Военки» при ЦК большевиков вольноопределяющийся Механошин.[253] В 176 пехотном запасном полку действовали большевик М. С. Урицкий и А. З. Левинсон. М. С. Урицкий передал делегату 176 пехотного запасного полка записку о явке к Таврическому дворцу с лозунгом «Вся власть Советам». В полку была вынесена резолюция о переходе власти к Совету и о вооруженной поддержке этого лозунга. Перед выступлением солдатам было выдано по 2 пачки боевых патронов.[254]

---

[253] «Красный Архив», т. 24, 1927 г., стр. 1, 4, 16, 17, 22, 23, 24, 28.

[254] ж. «Красная Летопись», № 5-6 (56-57), 1933 г., стр. 196, 197, 199, 200, 202, 207.

Характерно, что большевики, которые выступали под лозунгом «Вся власть Советам», в ходе вооруженного выступления ликвидировали или свели на нет роль полковых комитетов, и не останавливались перед арестом местных Советов, как это было в Петергофе. Большевики передавали власть назначенным ими в частях ревкомам, тем самым на деле опровергая выдвинутый ими демагогический лозунг о власти Советов, в то время как у власти стояло правительство, которому оказал доверие I Всероссийский съезд Советов.

Кроме пулеметчиков, одной из основных ударных сил, которую двинули большевики на приступ в июльские дни, были балтийские матросы. Об этом бесспорно свидетельствуют материалы следственной подкомиссии об участии частей и команд Балтийского флота в вооруженном восстании, которая работала при участии делегированных Центрофлотом матросов К. Семенова, Маругина и Назарука. 3 июля на Якорной площади Кронштадта перед многотысячным митингом матросов выступили делегаты солдаты 1-го пулеметного полка с просьбой о поддержке полка. Перед многотысячной толпой матросов выступали члены Исполкома Кронштадтского Совета большевики С. Рошаль, Раскольников, анархист Ярчук и другие. Делегаты пулеметчиков прямо заявили на митинге, что целью солдат их полка и других петроградских солдат является свержение Временного правительства и передача власти Советам. На митинге было принято решение о выступлении матросов в Петрограде в поддержку пулеметчиков. На вечернем заседании Кронштадтского Совета за необходимость вооруженного выступления высказались члены Кронштадтского Совета большевики врачи В. И. Дешевой, Л. А. Брегман, мичман Раскольников (Ильин), С. Рошаль, прапорщик 703 Сурамского полка, член Кронштадтского Совета А. И. Ремнев и др. Товарищ председателя Кронштадтского Совета большевик Раскольников после заседания направил начальнику штаба крепости телефонограмму № 220 о сборе матросов на следующий день на Якорной площади «с оружием в руках» для следования в Петроград в целях проведения вооружнной демонстрации. По официальному отношению за № 3695 заместителя председателя Кронштадтского Совета Л. А. Брегмана, коменданту крепости предлагалось выдать матросам 50 тысяч боевых патронов, которые были полностью выданы. На заседании Совета был выработан маршрут следования матросов к Таврическому дворцу. Была создана комиссия в числе 9 членов, куда вошли Раскольников, Рошаль, Ремнев и др. Посадкой матросов на суда руководили Раскольников и Рошаль. С балкона дворца Ксешинской, штаб-квартиры большевиков, к матросам обратился с речью Я. Свердлов, в которой содержались слова о свержении «ненавистного пролетариату буржуазного правительства, ведущего к гибели страну». Матросы потребовали выступления Ленина, который утром 4 июля вернулся в Петроград. Он заявил матросам, что болен, но «счастлив видеть то, что происходит, и что лозунг о переходе власти

к Советам, брошенный 2 месяца тому назад, «претворяется сейчас в жизнь».

Утром 5 июля Раскольников, ставший комендантом особняка Кшесинской, на бланке Военной организации при ЦК РСДРП(б) направил в Кронштадтский Исполком отношение о присылке в Петроград нескольких 4-х дюймовых орудий и запасы ручных гранат, так как эти боевые средства необходимы «для самозащиты частей Кронштадтского гарнизона». Как показывал впоследствие сам мичман Раскольников, он требовал ещё дополнительно присылки трех 47 мм орудий. В стенографическом отчете заседания Кронштадтского Совета от 5 июля 1917 г., указывалось, что означенное отношение Ф. Раскольникова было обсуждено, и выступавший на этом заседании представитель большевиков Попов заявил, что власть фактически находится в руках Советов рабочих и солдатских депутатов. Представитель фракции большевиков Дешевой был за посылку пушек в распоряжение Ф. Раскольникова. Однако на заседании Совета вопрос о посылке пушек был разрешен отрицательно, и Кронштадский Совет постановил послать в Петроград делегацию в составе представителей эсеров, большевиков и беспартийных для переговоров с ген. Половцевым о беспрепятственном пропуске кронштадтцев с оружием на пароходы. Было очевидно, что вооруженное выступление в Петрограде провалилось. Председатель военной комиссии ЦИК Советов Либер поставил морякам ультимативное требование, чтобы через два часа кронштадтцы сдали все оружие, и 6 июля Раскольников дал балтийцам инструкцию, чтобы по требованию органов Временного правительства, «уступая силе», немедленно сдавать оружие. Следственная подкомиссия нашла необходимым привлечь к ответственности мичмана флота Раскольникова (Ильина), Семена Рошаля, Иосифа Гуревича (Весник), Ярчука, зауряд-врача Лазаря Брегмана, военного врача Дешевого, матроса Громова и прапорщика 703 пехотного Сурамского полка А. Ф. Ремнева по обвинению в попытке насильственного свержения Временного правительства.[255]

Кроме кронштадтских матросов и солдат 1-го пулеметного полка большевикам удалось склонить к участию в движении Московский полк, который долго колебался, Гренадерский и Павловский полки, части 180 пехотного запасного полка, 1 запасной полк и 6 саперный батальон. В вооруженной демонстрации и в вооруженных схватках участвовали и многие рабочие Выборгской и Петроградской стороны. Категорически отказались выходить на улицу полки 1-й и 3-й гвардейских дивизий. Характерно, что все участвовавшие в движении рабочие были вооружены, по свидетельству очевидцев и прессы, «с ног до головы».

В лозунгах сквозили крестьянские и аграрные мотивы в связи с участием в нем огромной толпы скопившихся в столице 40-

[255] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М. Л., 1957 г., стр. 162-174.

летних солдат, требующих продления отпуска на сельскохозяйственные работы и не желающих направляться на фронт. Солдаты примкнувшего к движению 176 пехотного запасного полка требовали «земли и воли», и в их среде господствовало эсеровское влияние. Таким образом, неразрешение аграрного вопроса толкнуло значительную массу колеблющихся солдат на сторону большевиков.

Не присоединились к движению солдаты-преображенцы, измайловцы, семеновцы, солдаты Петроградского полка, егерцы и колеблющаяся масса солдат других частей. Как свидетельствует Н. Суханов, выступивший в одном из батальонов преображенцев, здесь царило антибольшевистское настроение, раздавались злобные замечания в адресу большевиков, Ленина, и становилось ясно, что эти солдаты на улицу не выйдут.

Утром 5 июля Таврический дворец охраняли от покушений стреляющей «мирной демонтрации» солдаты Семеновского, Измайловского, Петроградского и Егерского полков. К ним с приветствием под оглушительное «ура» солдат обращались Чхеидзе, Скобелев, Авксентьев. В ночь с 5 на 6 июля сводный отряд из различных частей Петроградского гарнизона с пулеметами и броневиками, напутствуемые речами Авксентьева и Гоца о «защите революции», заняли особняк Ксешинской, дачу Дурново (резиденцию «Правды») без какого-либо сопротивления. С утра в Петроград стали прибывать части с Северного фронта всех родов оружия. Во многих частях Петроградского гарнизона ранее колебавшаяся солдатско-крестьянская масса стала пересматривать прежние резолюции и выносить постановления о полном доверии Временному правительству, многие части «приносили повиновение». Правительственные органы использовали различный материал, касающийся связи Ленина с немцами и для усиления впечатления в массах сообщали о подозрительной атаке вооруженных демонстрантов на здание контразведывательного отделения в Петрограде, где хранились материалы, относящиеся к связям различных лиц с немцами.[256]

Так закончилась попытка большевиков взять власть в свои руки в июльские дни. Однако разгром июльского выступления большевиков выходит за рамки Петрограда, и июльские дни в столице имели серьезное общегосударственное значение, несмотря на неудачу большевиков, что нашло свое отражение и на фронте.

В связи с июльской политической эпопеей следует отметить, что несмотря на поражение, большевики с Лениным во главе извлекли должные уроки из происшедших событий, в то время как Временное правительство и меньшевистско-эсеровский блок безнадежно упустили создавшиеся благоприятные возможности, ко-

---

[256] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 402, лл. 1-4, 70-77; ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 192, л. 1, 2; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 176, лл. 72-78; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 4; Н. Суханов — Записки о революции, Кн. 4-я, стр. 396.

торые уже больше не повторились, для укрепления своего положения, изоляции большевиков, принятия болезненных, но необходимых решений о войне, мире, земле, окончательного раскассирования Петроградского гарнизона и опасной опоры большевиков — Кронштадта. Н. Суханов, касаясь состояния эсеро-меньшевистского блока в июле, писал: «Вообще меньшевистско-эсеровский блок тогда являл собой образец разлагающейся власти, застывший в своей самоуверенности, в самодовольстве и слепоте». Наоборот, указывал Суханов, большевики лихорадочно орудовали в недрах столицы, поднимали целину и «строили прозелитов в боевые колонны».[257] Л. Д. Троцкий, очевидец и участник июльских событий, без обиняков называет июльское выступление большевиков как «глубокую июльскую разведку». По свидетельству Л. Д. Троцкого, Ленин якобы говорил ему утром 5 июля: «Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент». Однако В. И. Ленин переоценил решимость противников — отмечал Л. Троцкий.[258] Временное правительство не вняло даже разумным советам союзников о необходимости разоружения и превращении в рабочие батальоны всех частей Петроградского военного округа и об организации в Петрограде и других больших городах милиции.[259] Ленин в результате учета результатов «глубокой разведки», колебания частей столичного гарнизона и, главное, прибытия в Петроград экспедиции с фронта во главе с поручиком Мазуренко, убедился во временном проигрыше сражения, и большевики стали применять тактику отступления. Ленин в своем письме в ЦК писал, что «Политически мы не удержали бы власть 3-4 июля, ибо армия и провинция, до *корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер».[260] Хотя большевики широко распространялись о репрессиях, обрушившихся на их партию, все эти преследования не носили решительного характера, ибо как большевистская партия, так и весь её основной костяк был сохранен, и существовали все возможности для перестройки работы большевиков в тылу и на фронте. Даже репрессии против прессы большевиков не были действенными. Зато, по мнению Ф. Ф. Раскольникова-Ильина, июльские дни дали большевикам «первый грандиозный смотр пролетарских сил» в деле вооруженного выступления, дали политический опыт.[261]

К VI съезду большевиков, т.е. к 26 июля, партия Ленина располагала41 печатным органом с общим ежедневным тиражем в 235 тысяч экземпляров, средний ежедневный тираж «Правды» выражался в 85 тысяч экземпляров. Если на Апрельской конфе-

---

[257] Н. Суханов — Записки о революции. Кн. 4-я, стр. 330, 331.

[258] Л. Троцкий — Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930 г. стр. 34.

[259] A. Knox — With the Russian Army. Vol. 2, pp. 661, 662, London 1921.

[260] В. Ленин — ПСС, т. 34, стр. 244.

[261] ФФ. Раскольников — Кронштадт и Питер в 1917 г. М. Л., 1925 г., стр. 162.

ренции большевиков было представлено 78 организаций с 80 тысячами членов, то на VI съезде, в период мнимых «репрессий», фигурировало 162 организации с 200 тысячами членов.[265] Таким образом, Временное правительство и эсеро-меньшевистский блок, с точки зрения защиты завоеваний революции и государственных интересов, совершили непростительную политическую ошибку, по существу сохранив в целости и неприкосновенности партию государственного заговора. Мало того, лидеры меньшевиков и эсеров, кроме отмеченной Н. Сухановым «слепоты», проявили чисто политическое недопонимание целей и намерений В. И. Ленина. В своих показаниях следственной комиссии Ф. Дан отмечал, что де большевики не учитывали ... «к каким последствиям ... ведет восстание». Другой деятель меньшевизма Либер вместо решительных действий в связи с захватом большевиками Петропавловской крепости, орудия которой были изготовлены для обстрела города, как этим хвастался Ф. Раскольников, вел с ними бесполезные переговоры и терял драгоценное время.[263] И. Г. Церетели признавал, расписываясь в собственной политической слабости, что Ленин прекрасно учитывал, готовя восстание, начиная с заговора 10 июня, каким козырем в его руках для успеха восстания являлась слабость государственной власти Временного правительства и нерешительность эсеро-меньшевистского большинства съезда Советов. Нерешительность съезда, писал Церетели, «ободряла» большевистский ЦК.[264] Эсеры, которые также несли государственную ответственость за судьбы русской революции, расценивая события, отмечали как свою, так и слабость Временного правительства в эти переломные летние дни.[265] Левые эсеры также лили воду на мельницу большевиков, оказывая им в лице популярного кронштадца А. Брушвица активное содействие большевикам в организации вооруженного выступления.[266]

Июльские дни в Петрограде, участие многих частей столичного гарнизона в воруженном выступлении под эгидой большевиков свидетельствовали об углублении общего политического кризиса в стране, вызванного войной и разрухой, и кризиса резервов армии в частности. Как уже известно, выступления запасных солдат имели место и в целом ряде других городов (Новгород, Царицын, Астрахань и т. д.). Волнения в гарнизонах и июльские события в столице безусловно отразились на действующей армии, и так, как мы видели, находившейся в кризисном состоянии. Прибытие пополнений из волнующихся частей округов в политико-моральном отношении ослабляли действующие части.

---

262 VI съезд РСДРП(б), Протоколы. М., 1958 г., стр. IX, 36.

263 Красный Архив, т. 24, 1927 г., стр. 64, 65, 66.

264 И. Г. Церетели — Воспоминания о Февральской революции, Кн. 2-я, стр. 202, 203.

265 Год русской революции (1917—1918). Сборник. М., 1918 г., стр. 77, 79.

266 Ф. Ф. Раскольников — Кронштадт и Питер в 1917 г. М. Л., 1925 г., стр. 49, 50.

Известия о волнениях в столице и в стране будоражили фронтовиков. Так, в июле, в сводке о состоянии частей 3 армии командование сообщало, что «настроение колеблющееся. Заметно ухудшение по получении известий о волнениях в России». Командование Западного фронта сообщало также, что на настроение войска «отвратительно» влияли прибывающие из внутренних округов пополнения. Сообщение Ставки о положении в армии в конце июля рисовало безрадостную картину состояния частей. Так, в сводке о состоянии Западного фронта указывалось, что войска «продолжали оставаться наиболее неустойчивыми и больными».[267] На Юго-Западном фронте отступающие под ударами немцев части изматывались и деморализовывались. Донесение командира 33 армейского корпуса 8 армии гласило, что «Войска корпуса обессилены непрерывными отступательными боями. Лучший элемент убит, оставшиеся измотаны и деморализованы», может быть отнесено к большинству отходящих и отрывающихся от противника частей.[268]

Провал наступления и успешное контрнаступление противника вне всякого сомнения свидетельствовали, что армия подвергалась распаду и не способна дальше воевать. Июльское вооруженное выступление многих частей столичного гарнизона и волнения в округах показали, что Временное правительство и Ставка не в состоянии преодолеть кризис резервов и что нельзя полагаться на пополнения. Создалось парадоксальное положение: без резервов армия не могла существовать, а поступление пополнений еще больше усиливало развал в действующих частях.

Как показывают данные Генерального штаба, в результате участия солдат Петроградского гарнизона в событиях 3-5 июля фактически ни один полк не был в достаточной степени надежен и боеспособен. Как свидетельствовала докладная записка начальника Генерального штаба ген. Романовского, основательная чистка была необходима и в частях гарнизона, которые не принимали активного участия в июльском вооруженном восстании. Генеральный штаб предполагал изъять из состава гарнизона свыше 100 тысяч солдат.[269] Типично крестьянские колебания даже верных воинскому долгу солдат совершенно не давали уверенности в их надежности и на фронте в ответственные моменты боевой жизни. Об этом свидетельствует, например, резолюция представителей 42-х частей Петроградского гарнизона, выработанная вместе с представителями отряда, прибывшего с фронта по вызову властей, от 12 июля 1917 г. Характерно, что в числе этих частей были солдаты, принимавшие участие в июльском выступлении, а также колебавшиеся. Резолюция говорила о защите свободы, о безусловном подчинении, о доверии ЦИКу и Временному пра-

---

[267] Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Док. и мат. М., 1959 г., стр. 208, 209, 437.

[268] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1320, л. 10.

[269] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, лл. 40, 40об.

вительству, осуждали большевиков и т. п. В заключение резолюция указывала, что все части Петроградского гарнизона пойдут на фронт по первому приказу Временного правительства.[270] Однако, когда дело доходило до отправки маршевых рот, настроение солдат менялось, а прибывающие на фронт солдаты активно противодействовали наступлению, внося разлад в действующие части.

После провала наступления и в результате немецко-австрийского контрнаступления были перемолоты в жерновах войны лучшие в политико-моральном отношении боеспособные части русской армии, а оставшиеся в распоряжении командования категорически отказывались сражаться. Вся обстановка, сложившаяся в стране и в армии, властно заявляла, что в условиях провала наступления и событий в столице и в других гарнизонах необходимы любые мирные мероприятия. Энес В. Б. Станкевич разумно считал, что в результате создавшегося тупика единственным государственным выходом была бы программа мира.[271] Историк кампании 1917 года ген. Зайончковский отмечал, что жизненные интересы массы населения влекли их к внутренним делам, в решении которых война служила для них «досадной помехой». Революция потому и зашла в тупик, что стоявшие у власти лидеры не смогли разрешить социальных задач, которые настойчиво выдвигала революция. Ген. Зайончковский полагал, что «Деятели, ставшие вслед за свержением монархии временно и номинально у власти, не имели достаточного политического чутья, чтобы посмотреть прямо в глаза сложившимся обстоятельствам и отойти в сторону от борющейся Европы».[272] В связи с топтанием на месте, а то и осуществлением старого политического курса на продолжение непосильной для страны войны, процесс распада армии стал проходить ускоренным темпом и становился необратимым. Временное правительство, А. Ф. Керенский, лидеры меньшевиков и эсеров не извлекли уроков из провала наступления, июльского вооруженного мятежа в Петрограде и пропустили последний данный им историей шанс на сохранение свобод революции и спасение страны от надвигающейся гражданской войны и большевистской диктатуры.

---

[270] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 45, 45об.

[271] В. Б. Станкевич — Воспоминания, 1914—1919 гг., стр. 215.

[272] А. Зайончковский — Кампания 1917 года, стр. 133.

ГЛАВА VI

РУССКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД РАЗГАРА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА. УСИЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАЗРУХИ В СТРАНЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО ФАКТОРА ДЛЯ ФРОНТА. ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И СОЛДАТСКО-АГРАРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ. ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВАЛА КОРНИЛОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АРМИИ. (ИЮЛЬ—ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА).

Катастрофический исход июньско-июльского наступления на фронте и подавление июльской вооруженной попытки большевиков по захвату власти, наглядно вскрывшей опасное состояние и колебания столичного гарнизона между большевиками и Советами, создали в стране новую политическую обстановку, еще больше углубили перманентный кризис в России, коснувшийся всех сторон жизни народа и армии. 16 июля 1917 г. А. Ф. Керенский созвал представительное совещание в Ставке для освещения и выяснения создавшейся общей и стратегической обстановки и выработки собравшимися мер по восстановлению боеспособности армии и рассмотрения других организационных вопросов. О представительности этого совещания можно судить по тому факту, что кроме министра-председателя, военного и морского министра А. Ф. Керенского, в совещании принимали участие министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий ген. А. А. Брусилов, генералы Алексеев, Рузский, главнокомандующие ряда фронтов, начальник Генерального штаба ген. Романовский, генерал-квартирмейстер Ставки, комиссар Юго-Западного фронта Савинков и др. Керенский просил присутствующих сделать свои «объективные выводы». Верховный главнокомандующий ген. А. А. Брусилов указал, что хотя вопрос о наступлении дебатировался еще задолго до июня, но к моменту вступления его, Брусилова, на высокий пост «произошла одна крупная перемена». Эта перемена состояла в том, что войска, главным образом пехота, стали к этому времени менее боеспособны, пала дисциплина настолько низко, что нельзя было заставить войска ни обучаться, ни работать по укреплению позиций и плацдармов. Вследствие этого наступление началось не в мае, а значительно позже. Начальствующие лица, говорил Брусилов, никакой власти не имели, и поэтому надо было прибегать к агитаторам Совета и к работе комиссаров. Армейские комитеты проводили усиленную плодотворную деятельность, вплоть до участия многих их членов в атаках, приведших к мужественной гибели ряда комитетчиков.

Тем не менее, дисциплина в войсках не восстанавливалась. Прорыв неприятельских позиций выдохся, и войска при нажиме неприятеля и даже без него возвращались на свои прежние позиции. Чтобы вернуть боеспособность армии, необходимо, по мнению генерала, вернуть дисциплину в армии. Хотя прежнюю дисциплину восстановить нельзя, все же надлежит обсудить меры, которые помогут сделать войска послушными. «Ведь теперь надо сутки, — указывал Верховный главнокомандующий, — и более, чтобы уговорить части идти выручать товарищей». Во время последних боев «войска торговались», митинговали целыми сутками и иногда выносили решения не идти на помощь соседним частям. При малейшем нажиме противника дивизии разбегались, «не слушая ни уговоров, ни угроз». Все это происходило оттого, указывал Брусилов, что начальники, начиная от ротного командира до главнокомандующего, не имели власти. Не удалась также работа комитетов и комиссаров, которые не были в состоянии заменить командный состав. А. А. Брусилов призывал членов совещания обсудить меры, необходимые для восстановления боеспособности армии, превратившейся в непослушную «скверную милицию». Главнокомандующий армиями Северного фронта ген. В. Н. Клембовский констатировал, что Северный фронт находится в состоянии разложения, и на правом фланге его, в 12-й Армии, развал достиг «крайней степени». В армии происходит братание и ни одно из приказаний начальников не исполняется «без упрашивания и нажима». Ген Клембовский отметил характерную черту в психологии солдат, которые рассматривают «всякое сгущение войск» как стремление к наступлению, которого они не желают. Солдаты 12-й Армии не допускали открытия артиллерийского огня в поддержку 5-й Армии, а комитет латышских бригад полностью стоит на большевистских позициях. Если 12-я Армия стала небоеспособной и неустойчивой, то только половина 5-й Армии вполне надежная, а 45% ее «вполне ненадежные», 5% этой Армии «колеблется». Волнения в 5-й Армии были подавлены при помощи оружия. В этой Армии было арестовано 8 000 солдат и выделено 200 зачинщиков для предания их суду. Третья часть задержанных солдат колебалась дать подписку о послушании, и они были направлены «на пассивные участки» фронта. 31-я пехотная дивизия повернула в тыл, а 182-я пехотная дивизия «загонялась на плацдарм оружием». Сухиничский полк вынес резолюцию о законности братания, его солдаты совершали многие воинские преступления, вплоть до покушения на командира полка. Командующий Армией настаивал на расформировании двух дивизий. Приказ о применении оружия против неповинующихся повис в воздухе, так как «не оказалось надежных частей». Ген. Клем-

бовский выделил одну надежную часть, именно 5-ю кавалерийскую дивизию, однако командарм 12-й Армии из-за опасений реакции солдат оставил эту дивизию в бездействии. Ген. Клембовский заявил об отсутствии у начальников сил для приведения в повиновение войск, так как эти меры касаются большинства армии. Основное зло генерал видел в состоянии запасных частей, которые вносили полный развал в действующие части. Командный состав Северного фронта, по заявлению генерала, предпочитает некомплект, чем принимать эти пополнения из тыла. Генерал Клембовский высказался против роли комитетов, за которыми он предлагал оставить только хозяйственные вопросы. Влияние большевиков на фронте генерал объяснял защитой с их стороны «шкурных» интересов солдат. Дело можно исправить, продолжал ген. Клембовский, возвращением власти и прав начальникам, восстановлением дисциплины, упразднением митингов и демонстраций. Если же это сделать нельзя, то армия, по мнению ген. Клембовского, «пропала безвозвратно», так как нельзя казнить целые полки и предавать суду половину армии. В армии оставался единственный оплот командования — это офицерство.

В истеричной речи Главнокомандующего Западным фронтом ген. А. И. Деникина наряду с правильным освещением ряда узловых вопросов положения на фронте содержались тенденциозные утверждения о якобы «победах» царской армии и др. Ген. Деникин выявил полное непонимание сущности сложившейся политической обстановки, его требования содержали по существу призывы к движению вспять и к невозможному упразднению всех завоеваний Февральской революции. Все же ряд фактов, сообщенных ген. Деникиным на совещании, безусловно свидетельствовал о развале армии и на Западном фронте. Когда началось наступление, «развал обнаружился в полной силе», заявил ген. А. И. Деникин. При развертывании наступления 10-й Армии 48 батальонов отказалось идти в бой. В частях царило неповиновение. Несмотря на меры генерала по удалению с фронта «негодных частей» — всего до 30 тысяч, наступление сопровождалось отказами идти в бой, как это было с дивизиями 20-го корпуса. Когда военный министр посетил 28-ю и 29-ю пехотные дивизии, «то все клялись ему идти в бой» и встречали его восторженно, но когда он отбыл из этих соединений, то их делегаты сообщили генералу Деникину о резолюциях полков против наступления. Так было в частях 1-го Сибирского корпуса. Генерал обрушился на комитеты и комиссаров, которые якобы разлагали солдат, так как в армии не может быть «двухглавия», а необходима одна голова и одна власть. Один из армейских комитетов стоял, по мнению генерала, «на грани меньшевизма и большевизма». Ген. Де-

никин отмечал и колебания в позициях комитетов по вопросу наступления. Так, 8 июня фронтовой комитет вынес решение о ненаступлении, а 18-го было принято противоположное постановление. Комитет 2-й Армии 1 июня также высказался против наступления, а 20-го — за наступление. Минский комитет большинством в 132 голоса против 72 вынес резолюцию не наступать, так как «наступление есть измена революции». Ген. Деникин возмущался решениями комитетов о смещении начальников. Так, по решению комитетов были смещены командир 1-го Сибирского корпуса, начальник штаба, начальник 1-й Сибирской дивизии. Главнокомандующий информировал присутствующих, что на возглавляемом им фронте было 60 случаев сверження начальников. По вопросу о самораненіях ген. Деникин указал, что на фронте было 7,5 тысяч солдат-палечников. При таких обстоятельствах, подчеркивал генерал, армия не выдержит в дальнейшем сколько-нибудь серьезного наступления противника. Офицерский корпус в армиях Западного фронта находится в ужасном положении, так как офицеров «оскорбляют, их бьют, их убивают».

По мнению ген. Деникина, для воссоздания армии, Петрограду необходимо «прекратить военное законодательство» и изъять из армии «политику», отменить декларацию прав солдата, упразднить комитеты, комиссаров, иметь отборные части как опору власти начальников при применении силы против неповинующихся, ввести смертную казнь. До исправления положения, заявил ген. Деникин, «пусть наши союзники не рассчитывают на наше наступление». Политическую недальновидность и близорукость ген. Деникин проявил и в оценке результатов Февральской революции и деятельности Временного правительства в своем заявлении, что правительство «целым рядом военных мероприятий ... разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена». Взгляды ген. Деникина по существу разделил на совещании и бывший главковерх ген. Алексеев, который также близоруко утверждал, что «безусловно меры правительства расшатали армию» (приказ № 1, Декларация прав солдата и т. д.). Ген. Алексеев заявил, что по существу запасных частей в России не существует, что это «толпа бездельников, вечно митингующих» и что необходимо уничтожить комитеты и двоевластие. Ген. Алексееву вторил ген. Рузский, который заявил, что «революционная армия оказалась хуже царской» и что именно «красные знамена» привели к поражению. «Нам нужна не революционная армия, — указал генерал, — а армия дисциплинированная». Единому фронту генералитета в их оценке положения были противопоставлены выводы Б. В. Савинкова и Керенского, также не отличавшиеся по ряду кардинальных вопросов правильным осве-

щением сложившейся обстановки. Б. В. Савинков высказался за оставление комитетов, компетенцию которых необходимо строго регламентировать. Комиссары необходимы, заявил Савинков, ибо «русская армия — армия демократическая, республиканская; высший же командный состав назначен еще старым правительством». Солдаты, часто не доверяя начальникам, доверяют комиссарам, которые умело увлекают фронтовиков, и... «комиссар ныне логически неизбежен». Б. В. Савинков отметал мнение генералитета об армии и заявил, что положение в армии «трудное, но не безнадежное». Савинков главную причину разложения армии видел именно в падении дисциплины, которая сошла на нет по причине издания приказа № 1, который «есть преступление, от него и пошла вся разруха». Затем Савинков указал как на одну из причин падения дисциплины — ведение преступной пропаганды, революционный карьеризм, выражавшийся в потакании солдатам, и наводнение фронта большевистской литературой. И, наконец, третьей причиной он считал растущее недоверие солдат к командному составу. Он подчеркнул, что революция получила в наследство от старого режима темную массу солдат, неграмотных в своем большинстве и не доверявших офицерам. «Моя надежда, — заявил Савинков, — на младший командный состав». Введение смертной казни на театре военных действий Савинков признавал необходимым.

Июльское совещание в Ставке выявило и ряд других интересных моментов положения как в действующей армии, так и в округах. Начальник Генерального штаба ген. Романовский информировал совещание, что в июле в составе запасных полков находилось 500 тысяч солдат и так называемых условных также 500 тысяч. Весь людской запас был равен 800 тысячам — 1 млн. человек. «У нас излишка людей нет», — подчеркнул начальник Генерального штаба. Касаясь Петрограда, Романовский указал, что 5 полков столичного гарнизона было расформировано, и власти предполагают вывести из Петрограда до 90—100 тысяч солдат. Ген. Брусилов выразил опасение, что Петроградские запасные части могут дезертировать по дороге на фронт, так как разбегались и организованные полки. Он указал, что на Юго-Западном фронте имеются дивизии, в составе которых не более 400—600 штыков, так как большая часть солдат разбежалась. По словам генерала, в тылу у г. Проскурова было собрано 13 тысяч беглецов, а южнее — 17 тысяч.

На совещании было обращено внимание на потери русской армии в артиллерии и на отсутствие необходимого авиационного имущества. Министр иностранных дел Терещенко обратил внимание участников совещания, что союзники не выполнили еще и

15% заказов и что много предназначенных для России военных грузов лежит в союзных портах из-за отсутствия тоннажа. Касаясь оценки наступления, М. И. Терещенко подчеркнул, что даже неудачное русское наступление все же подняло к России доверие союзников, ибо они полагали, что раньше осени Россия не сумеет предпринять активных действий. Русское наступление, по словам министра, для союзников и, в частности, для американцев явилось якобы неожиданностью.

В заключительном выступлении А. Ф. Керенский обратил особое внимание на высказывания ген. Н. В. Рузского относительно мероприятий по поднятию боеспособности армии. Министр-председатель указал, что все предложенные генералом меры возврата к старому все равно не могли быть «проведены в жизнь». А. Ф. Керенский справедливо отбросил явно тенденциозные утверждения этого реакционного генерала, что в июньско-июльском наступлении были потери, каких не знала армия при царе. Керенский заявил, что будь он тогда министром, декларация прав солдата не была бы реализована, и что ему приходится ликвидировать многое, «полученное в наследство». А. Ф. Керенский отметил в своей речи, что многие не могут мириться «с современным положением и стремятся вернуться к старому», однако у русского народа хватит еще сил для борьбы с попытками возвращения «к старым порядкам». Если принять максимальную программу ген. Деникина, сказал министр-председатель, «то надо ожидать громадных беспорядков». Керенский утверждал, что в случае возвращения к старым порядкам... «завтра же начнется в России полная анархия» и резня начальствующих лиц. По мнению Керенского, недоверие к власти — это общая болезнь, оставшаяся после старого режима, а в армии это явление вылилось в отношениях к офицерам, и поэтому понадобилось назначение комиссаров, состоящих из штатских людей. Военный министр заявил, что он объехал фронт не для устройства митингов, «но... потому, что большинство командного состава не могло обходиться без посторонней помощи». Керенский патетически восклицал: «Кто первый усмирил сибирских стрелков? Кто первый пролил для усмирения кровь? — мой ставленник, мой комиссар!» Министр-председатель резонно возражал генералам, что одними репрессиями вряд ли можно было поднять боеспособность армии. Комиссары появились в армии, так как в них возникла потребность. Керенский обещал ввести в армии революционный террор, «но не для восстановления старого, а для поддержания нового». А. Ф. Керенский подчеркнул, что и часть офицерства, находившаяся на командных постах, не всегда желала «считаться с моментом» и устраивала итальянскую забастовку. «Они предоставляли все

комитетам», — сказал оратор, — «пока все не развалилось». Допущенная спешка в проведении ряда мероприятий, по словам А. Ф. Керенского, связана с тем обстоятельством, что «в настоящее время события летят». Однако при данном соотношении реальных сил, при учете, что можно сделать и чего нет, он, Керенский, «должен учитывать настроение масс».[1]

И все же это были только фразы, так как А. Ф. Керенский и особенно генералитет, не учитывали настроение масс и пытались, по существу, ликвидировать в армии последствия этого настроения, закрывая глаза на причины развала армии. Об этом наглядно свидетельствовали выступления командной верхушки, вопреки различным нюансам в обрисовке создавшегося положения, а также речи Савинкова и Керенского.

В пространных выступлениях на июльском совещании был затронут целый ряд важных вопросов, но все обходили молчанием первопричину кризиса в стране и развала в армии, все участники либо не понимали, либо, что вероятнее, не хотели понимать, что страна уже не могла воевать и что солдат не только не мог, но и не хотел воевать в силу неразрешенных социальных проблем революции и, главное, аграрного вопроса. В силу своей классово-сословной ограниченности и выработанного на этой основе психологического настроя, царские генералы много разглагольствовали на совещании о старых знаменах, «втоптанных в грязь», но ни словом не обмолвились о передаче земли крестьянам и все спасение видели только в репрессиях. Исключение здесь составлял ген. Д. Г. Щербачев, который, как мы знаем, уже на майском совещании предлагал безотлагательно разрешить аграрный вопрос до Учредительного Собрания. «Для избежания, — как он выражался, — проведения его солдатами с оружием в руках». Кривил душой и ген. Брусилов, который только много лет спустя, так сказать задним числом, признал приоритет вопросов о немедленном мире и земле как первооснову сохранения армии и завоеваний революции. Как вспоминает ген. Брусилов, в июле было не совещание, «а прямо руготня», где ген. Деникин причину распада армии видел в Керенском и Петроградском Совете. На совещании «Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал и хватался за голову. Этим наше совещание и кончилось», отмечает ген. Брусилов.[2]

Однако видные представители эсеро-меньшевистского блока, в том числе А. Ф. Керенский, тоже не отличались государствен-

---

[1] А. М. Зайончковский. Кампания 1917 года. М., 1923. Док. приложение № 7, стр. 151—188; См. также «Красная Летопись», 1923, № 6.

[2] А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, стр. 280, 282.

ным аналитическим умом и проявили политическую слепоту и непонимание обстановки. Ф. И. Дан, который сам был не без греха в качестве одного из лидеров меньшевиков, подчеркивал «ужасающую политическую слепоту» Керенского.[3] Кроме того, А. Ф. Керенский всегда во всем сомневался,[4] его характеру не была свойственна решительность, необходимая политическому лидеру. Как вспоминает комиссар Временного правительства В. Шкловский, главным занятием Б. В. Савинкова и М. М. Филоненко было презирать Керенского, поскольку «были умнее его, но понимали не больше».[5] Как генералитет так и Временное правительство во главе с Керенским не извлекли должных уроков из состояния армии, так рельефно выявленного на июльском совещании в Ставке, и каждый шел своим путем к очередному политическому провалу.

Поскольку блок эсеров и меньшевиков, Петроградский Совет, ЦИК Советов, Временное правительство во главе с Керенским, генералитет и правые партии, в частности кадеты, и дальше упорно стояли на роковом пути продолжения войны и нерешения социальных проблем до созыва Учредительного Собрания, в России создалась чрезвычайно напряженная политическая обстановка, чреватая установлением диктатуры. В условиях отказа армии вести войну, хозяйственной разрухи, кризиса резервов, широких волнений в гарнизонах и сопутствующего аграрного движения диктатура была объективно необходима, так как прежняя политика Временного правительства потерпела провал и изжила себя. После июльских дней угроза захвата власти большевиками становилась уже реальной возможностью, так как благодаря политической близорукости и колебаниям Временного правительства большевики в Петрограде отделались только легким испугом, сохранив весь свой партийный руководящий аппарат, а в провинции еще больше укрепились. Не случайно Н. Суханов отмечал, что поражение большевиков «очень немного затронуло провинцию», и большевизм «широкой волной» охватил гарнизоны, а через месяц после июльских событий большевики полностью оправились после поражения.[6] Выступления делегатов с мест и основные доклады VI съезда большевиков говорят об этом более чем убедительно.

Представители меньшевиков и эсеров как ни в чем не бывало и как будто не было июльского мятежа большевиков всячески

---

[3] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. первая. Берлин—Москва, 1923, стр. 167.

[4] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. пятая. Берлин—Москва, 1923, стр. 152.

[5] В. Шкловский. Революция и фронт, стр. 60.

[6] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. пятая, стр. 14, 144, 146.

расшаркивались перед ними. Так, например, Чхеидзе категорически возражал против ареста Ленина, а московские меньшевики и эсеры решительно протестовали против всех ограничений в «идейной работе» для какой бы то ни было политической партии и широко открывали перед большевиками двери казарм.[7] Даже Ленин, несмотря на его крайний субъективизм, вынужден был признать, что «партия и пролетариат» сумели «выйти из июньско-июльских дней без массового обескровливания» и что «бонапартисты» не могли «прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу».[8] В данном случае В. И. Ленин искажает факты, так как не было даже и минимального «обескровливания», и в начале августа арестованные Каменев и Луначарский вышли на свободу. Более того, большевики, с апреля рвавшиеся к власти, несмотря на две свои июньско-июльские неудачи, к концу июля снова устами Ленина заявили о необходимости захвата последней.

Таким образом, из числа возможных претендентов в диктаторы В. И. Ленин занимал первое место, так как прекрасно учитывал сложившуюся политическую обстановку. Говоря о возможном нарастании движения «типа 3—5 июля» в Москве, Ленин 18 августа считал возможной задачей большевиков «взять власть самим и объявить себя правительством...».[9] Ленин спешил, справедливо опасаясь, что другие претенденты в диктаторы успеют прийти к политическому финишу раньше его, в связи с чем он рвался превратить «глубокую июльскую разведку» в Петрограде, как называл заговор Л. Д. Троцкий, в выигранное сражение в Москве. Лихорадочная торопливость Ленина была более чем обоснована, так как в силу сложившихся обстоятельств страна шла к диктатуре. В левых кругах тоже это констатировали. Ф. И. Дан заявил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что Россия стоит перед военной диктатурой». Это видели и кадеты, бывшие в контакте с военной верхушкой. Как выразился П. Н. Милюков, «диктатурой пахло в воздухе». Вот почему большевики во главе с Лениным, по выражению Ф. И. Дана, «усиленно гнали дело к развязке».[10]

---

[7] VI съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958, стр. 30; Революционное движение в России в августе 1917 г. Док. и мат. М., 1959, стр. 157, док. № 131.

[8] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 51.

[9] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 52, ст. «Начало бонапартизма»; Там же, стр. 77.

[10] Записки о революции. Кн. первая. Берлин—Москва, 1923, стр. 168; П. Н. Милюков. Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 83.

Московское Государственное Совещание, созванное на 12 августа, которое по замыслу Временного правительства должно было привести «к единению государственной власти со всеми организованными силами страны», послужило форумом для заявления о себе другому претенденту в диктаторы, поддерживаемому кадетами, а также правыми группировками и значительной частью офицерства, — ген. Л. Г. Корнилову. Фактически на Московском Государственном Совещании из уст лидера генералитета прозвучала та же политическая и военная программа, которую он отстаивал на июльском совещании в Ставке по вопросам поднятия боеспособности русской армии, но которая выходила за чисто военные рамки и приобретала общеполитический характер. Выступление ген. Л. Г. Корнилова 14 августа включало заявление, что у командования нет уверенности, что русская армия исполнит без колебаний свой долг перед родиной. Ген. Корнилов по существу выступил против завоеваний революции и проявил глубокое непонимание причин развала армии, заявив, что «позор Тарнопольского прорыва — это непременное и прямое следствие того неслыханного развала, до которого довели нашу армию, когда-то славную и победоносную, влияние извне и неосторожные меры, принятые для ее реорганизации». Корнилов подчеркнул, что эти меры были приняты после переворота «людьми, чуждыми духу и пониманию армии» и т. п. Л. Г. Корнилов заверил Совещание, что анархия, царящая в войсках, будет подавлена и будет восстановлена железная дисциплина, поднят престиж офицеров. Он требовал приданию деятельности комитетов «характера хозяйственного» и категорического запрета вмешательства этих выборных органов в дела командования. Фактически генерал требовал сведения на нет роли комитетов и их ликвидации. Корнилов констатировал катастрофическое положение военного производства, необходимого для снаряжения армии, в том числе «угрожающее положение воздушного флота», а также недоедание и голод в армии. Корнилов требовал т. н. «оздоровления» тыла и твердого проведения всех мероприятий в кратчайший срок. «Если суждено недоедать, — заявил генерал, — пусть недоедает тыл».[11] Как видим, ген. Корнилов проявил полное непонимание действительных причин создавшегося положения в армии, не останавливался перед заведомо тенденциозной хвалебной оценкой царских войск и ни слова не сказал о необходимости разрешения насущных социальных вопросов, так остро затрагивающих армию.

Представитель областных организаций Совета Казачьих войск ген. А. М. Каледин с солдатской откровенностью раскрыл все ко-

[11] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 193, 193 об.

зыри Л. Г. Корнилова и поддерживавших его политических сил. Генерал, отмечая свои «надпартийные» взгляды, потребовал поставить армию вне политики, упразднения всех Советов и Комитетов, полного запрещения митингов как в тылу так и на фронте. Каледин милостиво допускал существование некоторых войсковых организаций в «области хозяйственного распределения». Каледин настаивал на соблюдении строгой армейской дисциплины, решительного пересмотра Декларации прав солдата и установлении «твердой власти», не связанной, по его словам, с партийными программами, комитетами и т. п.[12] Таким образом, ген. Каледин, выражая вполне определенные партийные интересы правых кругов и казачьей верхушки, рядился в тогу «надпартийного» военного деятеля. Ген. Каледин еще в меньшей мере чем ген. Корнилов понимал сложившуюся политическую обстановку в стране и в армии.

Выступление бывшего Верховного главнокомандующего ген. А. А. Алексеева по существу включало те же положения речей Корнилова и Каледина. Ген. Алексеев упрекал солдат в их желании мира и «сохранении своей драгоценной жизни» и утверждал, что русская армия превратилась во «всероссийский военный митинг с участием немецких представителей», на котором умерла «большая душа русского солдата». Необходимо, по мнению генерала, «разбудить эту душу» и отбросить всякие полумеры в деле оздоровления армии.[13] Следовательно, и ген. Алексеев ничего не обещал исстрадавшемуся русскому солдату, кроме репрессий.

Представитель фронтовых армейских комитетов меньшевик Г. Д. Кучин хотя и полемизировал с генералитетом, но также был далек от понимания действительности. Он заявил, что рознь между солдатами и офицерами существовала и до революции в связи с репрессиями. Комитеты в ходе революции появились стихийно. Кучин отметил, что «если бы в первые дни революции не были созданы эти организации, неизвестно, что было бы в армии». Одними репрессиями нельзя оздоровить армию, они должны сочетаться с определенной работой армейских организаций.[14]

Характерно, что и другие крупные представители и выразители взглядов левого социалистического блока — Е. К. Брешко-Брешковская и Г. В. Плеханов также были далеки от понимания реальной действительности в армии, и в их выступлениях нельзя было отыскать действительные меры оздоровления войск. Брешко-Брешковская только констатировала разложение тыла и за-

---

[12] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 195, 195об.

[13] Там же, оп. 1, д. 15, лл. 201об., 202.

[14] Там же, оп. 1, д. 15, л. 204.

явила, что беда армии не столько на фронте, сколько в тылу. Анархист князь П. А. Кропоткин призывал порвать «раз и навсегда» с «циммервальдизмом». Г. В. Плеханов в своей речи коснулся призыва Ленина к немедленному захвату власти. Он довел до сведения Совещания, что большинство Петроградского Совета считает этот захват неуместным, т. к. Россия «переживает капиталистическую революцию».[15] Казачий есаул, председатель Казачьей секции Всероссийского Исполнительного комитета Советов Нагаев вступил в резкую полемику с ген. А. М. Калединым и требовал не отрывать казачество от народа. Оратор напомнил о роли казаков в июльские дни в Петрограде, «проливших кровь ради спасения революции», и категорически возражал против утверждения ген. Каледина, что якобы казачество требует разгона и упразднения комитетов. Оратор заявил, что казачество 12-ти войск не пойдет с Калединым.[16] Выступление есаула Нагаева свидетельствовало об определенной классовой и политической дифференциации в среде казачества, что и проявлялось как на фронте, так и в период выступления ген. Корнилова.

Выступление А. Ф. Керенского по экономическому положению страны было определено им как «трагическое». В продолжающейся войне было израсходовано 50% всех материальных ценностей страны. Запасы хлеба в России снизились до критического минимума в 21 млн пудов, но расстройство транспорта затрудняло использование и этих запасов. Министр-председатель призвал население к отказу от «классовых домогательств». Особенно большую тревогу внушал ж.-д. транспорт, где процент больных паровозов достигал 25% всего их числа. За один только июль было недогружено 25 тысяч вагонов. По сообщению министра финансов Некрасова, об общей финансовой разрухе свидетельствовал выпуск 15 миллиардов рублей, которые не имели соответствующего покрытия. Колоссальный дефицит вытекал из огромного превышения расходов над доходами: доход выражался в 35 миллиардах рублей, а фактический расход достигал 49 миллиардов рублей.[17] Эта по существу экономическая катастрофа в ее разносторонних проявлениях охватила и армию. Выступление верховного комиссара М. М. Филоненко на закрытом заседании ЦИК Советов подтверждало это. Комиссар заявил на заседании, что нет надежд на улучшение материального положения армии. Как снабжение войск, так и их укомплектование падает изо дня в день и достигло угрожающих размеров. Так, снабжение снарядами снизилось на

---

[15] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 211.
[16] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 211.
[17] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 174об., 175.

50—60%, а пополнение материальной части воздушного флота на все 80%. За последние 2 месяца, заявил М. М. Филоненко, в состоянии глубокого кризиса находилась и тягловая сила фронтов: заболеваемость конского состава увеличилась в 12 раз больше, чем за весь предшествующий период войны.[18]

Несмотря на это положение в стране и в армии, столь представительное, насчитывающее около 2,5 тысяч делегатов, собрание, каким было Московское Государственное Совещание (в числе участников которого были видные представители всех политических течений, за исключением большевиков) дружно и в унисон потребовало восстановления боеспособности армии, закрывая в то же время глаза на необходимость устранения первопричины развала. Участники Государственного Совещания совершенно не касались злободневных, решающих ход революции, социальных вопросов. Кадеты, касаясь задач Московского Государственного Совещания, также не затрагивали указанных вопросов, игнорировали их, и только твердили об установлении твердой власти, т. е. диктатуры.[19] Не удивительно, что Совещание работало вхолостую, здесь господствовал разброд и царили разногласия.[20] Совещание по существу только выявило стремление сторон, на нем кадеты и другие группировки наметили кандидата в диктаторы (Корнилова), и оно стало определенной вехой на пути к дальнейшему обострению кризиса.

Как во время Совещания, так и после него кадеты и все правые группировки определенно делали ставку на выдвижение диктатора. Член ЦК партии Народной Свободы А. В. Карташев на заседании ЦК этой партии 20 августа прямо заявил, касаясь генералитета, что «только он, может быть, сейчас и может еще справиться с развалом». Ко мнению Карташева присоединился и П. Н. Милюков. Другой член кадетского ЦК А. В. Тыркова заявила там же, что «... диктатору нам придется отдать еще больше, чем Керенскому. Другого выхода нет, — только через кровь».[21] Меньшевики и эсеры не кричали о диктатуре. Характерно, что с их стороны не раздавалось ни одного голоса «с сомнением о необходимости и возможности вести войну», за что они и заслужили прямо-таки одобрительный отзыв со стороны министра иностранных дел М. И. Терещенко.[22]

---

[18] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 49, л. 26.

[19] «Речь», 12 августа 1917 г. ; «Известия ЦИК и Петроградского Совета р. и с. депутатов», 15 августа 1917 г.

[20] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 257.

[21] Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. Док. и мат. М., 1959, стр. 372, 374.

[22] АВПР. Фонд Канцелярии. 1917 г., д. 99, т. II, лл. 623, 624.

До выступления двух своих соперников и претендентов в диктаторы — Ленина и Корнилова — диктатуру пытался осуществить и А. Ф. Керенский, совместив в своих руках ключевые посты. Однако это была «диктатура на холостом ходу», как ее справедливо определил В. М. Чернов. Этот «холостой ход» предопределялся известной изоляцией А. Ф. Керенского, его общеизвестными колебаниями, нерешительностью и топтанием на месте при разрешении самых актуальных вопросов революции, что он сам признавал впоследствии.[23] Однако в этот период А. Ф. Керенский с основанием опасался государственного переворота. Он еще ранее информировал британского посла, что группа лиц при поддержке деятелей финансовой и промышленной буржуазии, опираясь на некоторые полки, замышляет арестовать правительство и разогнать Петроградский Совет. Как отмечал Дж. Бьюкенен, на Московском Совещании уже было заметно противоречие между Корниловым и Керенским, который видел в генерале «опасного соперника». Генерал Л. Г. Корнилов, готовясь заранее к своей роли диктатора, устроил при помощи своего окружения драматический въезд в Москву, не лишенный театрального эффекта, окружил себя туркменскими телохранителями, посетил мощи в Успенском соборе и т. п. Англичане были прекрасно осведомлены о готовящемся перевороте. Английский генерал Бартер послал телеграмму Дж. Бьюкенену тотчас после окончания Московского Совещания, что «попытку к какому-нибудь перевороту можно ожидать в любой момент». Прекрасно осведомленный о положении дел М. В. Родзянко поддерживал замыслы Корнилова и указывал, что «военный переворот есть единственное средство, которое может спасти Россию».[24] А. Ф. Керенский был осведомлен о политических симпатиях и намерениях Совета Казачьего Союза, поддерживающего Корнилова, а также о решительно прокорниловской позиции офицерских организаций и юнкеров. Мало того, нельзя было полностью положиться и на семеновцев и преображенцев в гарнизоне Петрограда. Министр-председатель всячески пытался заполучить симпатии казаков и на Московском Государственном Совещании благодарил казаков за верную службу родине и революции в июльские дни. В это же время в адрес Керенского поступила от казачьих организаций телеграмма о поддержке Корнилова и о недопустимости смещения последнего.[25] Однако Корнилов не располагал широкой поддержкой в армии, и особенно в основе ее — солдатско-крестьянской пехоте.

---

[23] В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, стр. 339; А. Ф. Керенский. Издалека. Париж, 1921—1922, стр. 235.

[24] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 260, 261.

[25] Дни затмения, стр. 186; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 179, 187об.

Иначе обстояло дело в кавалерийских частях и, главное, в основе этого рода войск — в казачестве, которое зарекомендовало себя во время июльских событий. В своем приказе от 2 августа 1917 г. А. Ф. Керенский обратился к казакам со следующими словами: «Казаки! В тяжелые дни, которые переживает теперь Россия, вы перед лицом всего мира явили пример беспредельной любви к Родине и глубокую преданность идеалам свободы и демократии». Военный министр подчеркивал, что «в смутные дни» 3—5 июля казаки стали на страже свободы и оросили своей кровью улицы столицы. Министр счел необходимым отметить, что в Февральские дни казаки одними из первых присоединились к восставшему народу.[26] Управляющий Военным министерством Б. В. Савинков 9 августа предписал Петроградскому военному округу, ввиду неустойчивого положения в Петрограде и «за отсутствием определенно и твердо политически настроенных частей», оставить в столице 4-й Донской казачий полк.[27] Дж. Бьюкенен отмечал в своих воспоминаниях, что если бы казаки и несколько верных полков не пришли бы в июльские дни на помощь Временному правительству, то оно должно было бы капитулировать.[28] Во всяком случае, в условиях полного развала армии, казачьи части представляли собой вполне организованную военную силу и, несмотря на ее двойственную роль, с ней приходилось считаться Временному правительству. Несмотря на свои общие специфические сословные интересы, связанные с аграрным вопросом, казачество уже давно подвергалось классовой и политической дифференциации в ходе революции. И хотя значительная его часть симпатизировала кадетам и более правым группировкам, выделило из своей среды и более радикальные группы. В сложнейших условиях хода революции казачество проявило и определенные политические колебания, так ловко использованные в дальнейшем большевиками. Опасаясь прокорниловских настроений во многих казачьих частьях, А. Ф. Керенский, учитывая эту дифференцию казаков, всячески пытался привлечь их на свою сторону. В августовской беседе с членом Совета Казачьих войск, состоящем при Управлении Военного министерства, хорунжим Бардижем глава Временного правительства констатировал, что «среди казаков несомненно есть правые и левые». Однако он убежден, что «казачество в массе своей ни в коем случае не контрреволюционно, поэтому он не верит наветам на казачество». Керенский дипломатично заявил, что он самого лучшего мнения о

---

[26] ЦГВИА, ф. 2954, оп. 1, д. 23, л. 276.

[27] Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 2477, л. 108.

[28] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 248.

казаках и питает полное доверие к органу казачества — Совету Казачьих войск.[29] Верный своей политике колебаний и шатаний А. Ф. Керенский здесь однако попал впросак, так как в противовес правому «Совету Союза Казачьих войск», возглавляемому А. И. Дутовым, с марта уже существовал «Центральный Совет казаков» во главе с кубанским казаком В. М. Костенецким. В июле по докладу члена Совета кубанского казака Л. А. Коробова «в интересах единения трудовых элементов казачества» было решено «Центральный Совет казаков» переименовать в «Партию трудового казачества». ЦИК Советов 12 июля 1917 г. организовал при военном отделе ВЦИК казачий подотдел, куда вошли представители ЦИК, Петроградского Совета и члены правления «Партии трудового казачества». Председателем подотдела 14 июля был избран казак А. Г. Нагаев, известный уже нам своим выступлением на Московском Государственном Совещании против казачьего генералитета. Таким образом, политическая дифференциация казачества не подлежала сомнению, и в его среде уже происходила борьба. Штаб-квартира партии «Трудового казачества» даже подверглась разгрому со стороны офицеров 2-го Донского казачьего полка в Петрограде. Центральный Совет казаков, переименованный в Партию трудового казачества и стоящий на политической платформе эсеро-меньшевистского ЦИК Советов, возбудил даже вопрос о желательности созыва съезда представителей рядового казачества «без участия офицеров».[30]

Если публичное выражение Керенским доверия правому Совету Казачьих войск вызвало недоумение и недовольство членов казачьего подотдела ВЦИК, то попытка Временного правительства реформировать управление на Дону, решительно оттолкнула от него верхи казачества, так как в казачьих областях шла острая борьба за землю между иногородней массой крестьянства и привилегированным казачеством. Августовская попытка Временного правительства изменить устаревшее положение гражданского управления на Дону и в других казачьих областях расценивалось казачьими верхами как «оскорбление сословного чувства».[31] Казачья администрация как огня боялась необходимых нововведений на его землях, так как количественный перевес иногороднего населения вызвал тогда у них опасение потери казачьего самоуправления и господствующего положения в землевладении.

---

[29] АВПР. Отдел печати и осведомления. 1917, оп. 477, д. 576, л. 22.

[30] ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 80, лл. 180, 181; Вестник Союза Казачьих войск, 16 сентября 1917 г.; «Лист Центрального Совета Казаков», 2 июня 1917 г.; И. И. Ульянов. Казаки и Советская республика, стр. 28, 29.

[31] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 217.

Казачья верхушка опасалась, что принадлежащая крестьянам и частным собственникам земля, составляющая на Дону 1/6 всего массива, на Кубани 1/16, может в результате нововведений резко увеличиться, и господство получит, как они выражались, «пришлый элемент», т. е. иногородние жители.[32] 28 июля в Новочеркасске состоялась казачья конференция с участием представителей Уральского и Астраханского казачьих войск. Резолюция конференции гласила, что «казачество не может допустить проведения земельных и других коренных реформ до решения Учредительного Собрания». Конференция требовала передачи всей власти главковерху, железной дисциплины на фронте, невмешательства в действия командного состава и т. п.[33] Общее собрание Оренбургского Совета Казачьих депутатов, состоявшееся 12 июля под идейным руководством председателя Всероссийского Казачьего съезда атамана Дутова уже показало назревающий конфликт между Временным правительством и зажиточной казачьей верхушкой. Резолюция требовала реорганизации Временного правительства, так как Россия находилась на краю гибели в связи с опасной деятельностью большевиков. На вопрос, может ли казачество, поддерживающее Временное правительство, быть спокойным за свое будущее и будущее всего государства, атаман ответил отрицательно. Дутов заявил даже, что «Социалистическая часть» Временного правительства стремится провести, помимо Учредительного Собрания, ряд реформ, и что это является узурпацией прав этого будущего Собрания. Казачество должно оказать решительный отпор проведению в жизнь любой земельной реформы вообще и на казачьих землях в частности, так как эти мероприятия «рубят с плеча многовековой уклад землепользования», ибо «казачьи земли принадлежат казакам».

Дутов выступил против признания любой автономии в стране и против роспуска Государственной Думы, так как «это будет диктатура крайних элементов демократии». Все положения доклада атамана легли в основу резолюции экстренного собрания.[34] 2 августа состоялось торжественное открытие войскового Круга в Новочеркасске, в работе которого принимало участие свыше 200 депутатов. На заседании Круга присутствовали члены Государственной Думы — кадеты Родичев, Харламов, Воронков, атаман Каледин и др. Родичев приветствовал Круг от имени партии Народной Свободы и произнес 2-часовую речь, порицая июльское выступление большевиков, благодарил казаков и выразил уверен-

[32] «Вестник Союза Казачьих войск», 7 июля 1917 г.
[33] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 112об.
[34] «Вестник Союза Казачьих войск», 5 августа 1917 г.

ность, что в будущем казаки также будут действовать против большевиков. В своей резолюции Круг предложил казачеству войти в блок с кадетами. От Круга было направлено по 3 депутата в казачьи полки с целью освещения «задач казачества».[35] В Совет Союза Казачьих войск в Петрограде в двадцатых числах августа, в результате соответствующей кампании Казачьего Круга, стали прибывать многочисленные делегации полков — донцов, кубанцев и др., заявлявшие о солидарности с резолюцией Совета Союза Казачьих войск о несменяемости Верховного главнокомандующего ген. Корнилова.[36] Мало того, в действующей армии во все казачьи части поступали резолюции Казачьего Совета, содержащие угрозы по адресу Временного правительства. Так, комиссар Липеровский сообщал по инстанции, что подобные резолюции за подписью полковника Воронова стали поступать в казачьи части армий Румынского фронта.[37] Резолюция Совета Союза казачьих войск отрицала за Временным правительством какое бы то ни было право вмешательства в дело реорганизации армии ген. Корниловым, заявляла о несменяемости последнего на посту Главковерха, содержала угрозу отказа от поддержки правительства со стороны казаков и снимала с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу в случае устранения генерала с поста.[38] Из-за опасений потери своих сословных привилегий и земельных массивов среди казачьей верхушки и зажиточных казаков зрела теперь мысль об объединении распыленных казачьих полков, составлявших большую часть конницы, в казачью армию под официальной пропагандистской вывеской «спасение родины как от врагов внешних, так и внутренних» во главе с «батькой» ген. Алексеем Калединым. В этом духе последовал поток соответствующих казачьих резолюций как на фронте, так и в тылу.[39] Войсковое правительство на Дону категорически отказалось от разрешения наболевшего аграрного вопроса и даже не допускало мысли об организации здесь земельных комитетов, указывая, что среди крестьянского населения области царит анархия и что единственным авторитетным правительством будет власть Войскового правительства и реформированного Областного Комитета. Ввиду того, что «крестьянские и казачьи интересы не всегда совпадают», лучше будет, гласил протокол заседания Воскового правительства», «земельного во-

---

[35] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 134, 134об., 144, 155.

[36] «Вестник Союза Казачьих войск», 26 августа 1917 г.

[37] «Земля и Воля», 25 августа 1917 г.

[38] «Вестник Союза Казачьих войск», 12 августа 1917 г.

[39] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 128, 129об., 130, 130об.; Там же, оп. 1, д. 1501, л. 9об.; Там же, ф. 366, оп. 1, д. 44. л. 46 и др.

проса пока не трогать». Атаман Богаевский, чтобы отгородиться от крестьянской проблемы, носился даже с мыслью создания из Таганрогского и Ростовского округов особой Приазовской губернии, что, по его мнению, привело бы к отделению от казачества заселяющей эти округа «иногородней массы» и обеспечило бы преобладание казаков и т. д.[40]

Как свидетельствовал ген. Н. П. Краснов, хотя казаков крайне интересовали вопросы «данного политического момента», но они их воспринимали через призму аграрной проблемы. Генерал отмечал, что «очень остро ставился земельный вопрос, но и тут принципы кадетской программы имели перевес». Н. П. Краснов побывал в 1-й Кубанской казачьей дивизии на Западном фронте и отметил, что главной заботой казаков-кубанцев была «земля, земля и земля».[41] Многочисленные казачьи резолюции, особенно донцов и кубанцев, отражали их тревогу за сохранение своих земель, ограждение их областей от наступающей аграрной революции и сохранения как своеобразного противоядия устаревших сословных привилегий, которые объективно рушились под напором революционных событий. Наказ Комитета 2-го Хоперского полка Кубанского Казачьего войска требовал безусловного сохранения казачества как «земельно-правовой общины» с Кругом во главе и чтобы земля являлась неоспоримым владением Кубанского войска. «Ни одна пядь земли, — гласила резолюция, — войсковой, казачьей земли не должна быть отчуждена без согласия Рады-Круга». Резолюция категорически возражала против переселения нового элемента на казачьи земли и приписки его к казачьему сословию. Решение полкового комитета отражало общее опасение казаков против размещения неказачьих пехотных гарнизонов на Кубани, так как казаки опасались участия солдат-пехотинцев в аграрном движении местных крестьян и т. д. Распространялись воззвания «Мать родная, Кубань», которые призывали к решительной борьбе против «расказачивания», т. е. ликвидации казачьего сословия и против захвата власти и кубанских земель «пришлым элементом», как они именовали местных крестьян.[42]

Кубанский казачий Круг неоднократно возбуждал ходатайство перед военным министром о замене «экстренным порядком» расквартированных на Кубани пехотных частей казачьими гарнизонами. Временный атаман Кубани Гаденко писал в конце июля военному министру, что для охраны «льготных, имущественных

---

[40] «Вестник Союза Казачьих войск», 12 августа 1917 г.

[41] Н. П. Краснов. На внутреннем фронте, стр. 16.

[42] ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 88, лл. 90, 90об.

прав» необходимо задержать в области первый Хоперский казачий полк, направленный на Западный фронт. 18-й пластунский батальон, принимавший участие в разоружении стрелкового полка в Армавире, был задержан войсковыми властями в Армавире для защиты казачьих интересов от возможных выступлений солдат и крестьян.[43] Подобное же положение наблюдалось на Дону. В противовес казачьим требованиям о выводе «мужиков» из Области войска Донского, местные крестьяне настаивали на уходе из крестьянских поселений казачьих частей. На крестьянском съезде Донской области в августе, его делегаты вообще настаивали на выводе из области уже всех казачьих полков, которые, по их мнению, «сеют вражду». Если на этом крестьянском съезде был избран Совет крестьянских депутатов, который выделил 14 человек для «крестьянского правительства Донской области», то Войсковый Круг со своей стороны в августе же большинством в 70 голосов против 50 решительно высказался против введения на Дону Земельных комитетов, что входило в крестьянские требования.[44]

Таким образом, аграрный вопрос на Дону и Кубани послужил серьезнейшей причиной политической активизации казачьей верхушки, сближения ее с кадетами, роста оппозиционного отношения к Временному правительству и объединения их вокруг корниловского знамени.

Казачья верхушка и зажиточные казаки, применяющие наемный труд в своих крепких хозяйствах, были крайне недовольны разрухой и вынужденными экономическими мероприятиями Временного правительства в условиях ведущейся войны. Как и крестьянство, казаки были недовольны введением твердых цен на хлеб, безудержным ростом цен на рабочие руки и продукты промышленности. Делегация казаков посетила члена Московского Государственного Совещания, известного реакционера В. М. Пуришкевича, и жаловалась, что Временное правительство доведет казаков «до полного экономического разорения». Казаки указывали, что одна только подготовка к засеву десятины казачьей земли на Кубани обходится в 45 руб. против 15 руб. в 1916 г. Себестоимость пуда озимой пшеницы составляет для казачьего хозяйства 7 руб. 20 коп., а твердая цена, назначенная правительством, не превышает 3 руб. 40 коп. за пуд. Казаки угрожали отказом от поставок хлеба. Посредством твердых цен, — заявляли

[43] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2473, лл. 480, 480об.; Там же, ф. 366, оп. 1, д. 122, л. 7.

[44] «Вестник Союза Казачьих войск», 26 августа 1917 г.; газ. «Кавказ», 11 августа 1917 г.

казаки, — правительство накладывает руки на единственный источник дохода казаков — на его хозяйство. Кроме того, казаки указывали на рост стоимости их военного снаряжения, увеличившегося с начала войны более чем вдесятеро. Так, строевая лошадь, стоившая прежде 140 руб., стоит теперь 1500 руб., седло 200 руб. На приобретение же новой лошади вместо убитой казна выдает 175 руб. Происходит разорение целых казачьих хозяйств.[45] Как видим, война больно ударила и по рядовому казаку, так как традиционное воинское снаряжение приобреталось за его счет.

Несмотря на общность специфических сословных казачьих интересов, все же в социальном отношении казачество не представляло единого целого, и классовая дифференциация в той или другой степени коснулась всех его 12 войск. Ширилось в казачьих областях крупное товарное земельное хозяйство и исподволь сокращался земельный пай среднего казака. В Кубанском крае еще до войны малоземелье заставляло многих казаков прибегать к аренде земли, создалась там определенная прослойка батраков и поденщиков из казачьей среды. Процент обнищавших уральских казаков перед войной 1914 г. колебался между 10—15% по отношению ко всем хозяйствам казаков. В Донской области более 60 станиц страдало от малоземелья, у многих отсутствовал достаточный инвентарь, наблюдалась сдача казачьей земли в аренду. На многих фабриках, заводах, на ж.-д. и шахтах уже появлялись рабочие-казаки. Царское правительство в интересах сохранения служебной готовности казачьего населения путем целого ряда мероприятий пыталось затормозить процесс оскудения казачьей массы («Столыпинский казак» — переход на хутора и т. п.).[46] Этот процесс оскудения в казачьей среде находил свое отражение в «безлошадности» многих казаков, не имеющих экономической возможности приобрести коней. Как доносила атаманская канцелярия из Екатеринодара, к 1 августа 1917 г. в запасных сотнях, предназначенных к отправке в качестве укомплектований на фронт, было 3 813 конных казаков и 1 623 безлошадных. В августе командование Юго-Западного фронта было вынуждено многим казакам предоставлять казенных коней ввиду роста безлошадности в казачьих частях. В казачьих частях Оренбургского казачьего войска в августе имелось много спешенных казаков. Войсковой штаб Оренбургского казачьего войска в августе сообщал в мобилизационный отдел, что спешенные казаки не имеют материальной возможности приобрести коней ввиду их

[45] «Новое Время», 24 августа 1917 г.

[46] И. И. Ульянов. Казачество и Советская Республика. М.—Л., 1929, стр. 48, 49, 50, 51.

исключительной дороговизны. В казачьи полки прибывали спешенные казаки непосредственно из своих областей. Так, в 39-й казачий полк прибыло 94 казака, лишенных строевых лошадей. Одной из причин некомплекта в казачьих частях была и материальная невозможность оскудевших казаков приобрести лошадей и материальные предметы снаряжения ввиду их непомерной дороговизны. Отсюда происходила задержка казаков в своих областях, продолжающаяся «целыми месяцами», как гласили донесения с мест. В результате фуражного кризиса и бескормицы в казачьих частях росло число т. н. «худоконных», что вызывало недовольство казаков и направление ими делегаций по этому вопросу.[47]

Таким образом, не приходится говорить о социальной однородности казачества, и наличие в его среде довольно значительного числа оскудевших в материальном отношении казаков послужило причиной политических колебаний в казачьих частях в период Корниловского заговора.

Однако не следует упрощать как социальную, так и политическую характеристику казаков в ходе революции 1917 г. Сословные привилегии имели в среде казачества большое значение, и преобладающая масса его еще цеплялась за них из-за обоснованного опасения захвата крестьянами несравненно более значительных казачьих земельных наделов по сравнению с крайне скудными крестьянскими землями. Диспропорция в обеспечении землей казаков и иногороднего крестьянства видна из того факта, что, например, на Дону казачество, составлявшее 49% населения, сосредоточило в своих руках свыше 70% земельных угодий, а крестьяне владели только 10% земельной площади.[48] В Терской области казаки, составлявшие 19,5% всего населения, владели 29,6% земельных площадей, и особенно ужасным было здесь безземелье чечено-ингушской бедноты, земли которой исподволь захватывали казаки, вытесняя коренное население в бесплодные горы. Богатые казаки и офицерская верхушка были главными захватчиками земель местного национального населения.[49] На Кубани разрыв между земельными владениями казаков и крестьян был очень значительным. Иногороднее население, составляв-

[47] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2473, лл. 5, 23, 260; Там же, оп. 3, д. 2471, л. 184; Там же, оп. 3, д. 2477, лл. 251, 392; Там же, ф. 2168, оп. 1, д. 416, л. 244.

[48] Л. И. Футорянский. Борьба за трудовые массы казачества. Оренбург, 1972, стр. 48.

[49] Социально-экономическое положение Терской области накануне Великой Октябрьской Социалистической революции в «Уч. записки ПГПИ, т. 10. Пятигорск, 1955, стр. 230; Д. З. Коренев. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967, стр. 17, 187.

шее 56% всех жителей, имело только 8% земельной площади.[50] Таким образом, об «единении» интересов всего казачества и крестьянства и говорить не приходится. В своей массе рядовое казачество хотя и недружелюбно относилось к чиновной верхушке, захватившей с 1870 года свыше 1 187 741 десятин войсковых казачьих земель,[51] в то же время еще больше опасалось крестьян, с тревогой поглядывая в их сторону. Слабее сословный фактор выступал среди казаков азиатской России, где земельный вопрос не отличался такой остротой, и здесь более широкие слои служилых выступали за т. н. «расказачивание», так как служебные тяготы превышали здесь выгоды, получаемые от казачьих привилегий. Однако казачий консерватизм проявлялся и здесь. 3-й съезд делегатов Амурского Казачьего войска, состоявшийся 6—11 августа 1917 г. в Благовещенске, при участии 41 представителя от станиц и 11 от фронтовых частей, высказался за сохранение казачества «как исторически особой бытовой группы, а не сословия». Съезд постановил войти в блок с партией эсеров и заявил, что интересы крестьянства и казачества «однородны».[52] Все же преобладающая масса казачества, особенно Дона, Кубани и Терека, незадолго до Корниловского выступления придерживалась политической консервативной позиции и по существу смыкалась с кадетами. Показателен в этом отношении съезд казаков Юго-Западного фронта, состоявшийся 16 июля 1917 г. в Бердичеве. Съезд высказался за борьбу против распада фронта, которую, согласно резолюции, вел «наш доблестный станичник ген. Корнилов». Резолюция требовала решительных мер в тылу и в Петрограде и резко осуждала большевиков. Съезд в угоду планам казачьих верхов высказался за создание отдельной казачьей армии. Для устранения из казачьих дивизий приданных им пеших крестьянских дивизионов съезд рекомендовал создание именно казачьих пластунских дивизионов. Съезд постановил отозвать казаков из армейских выборных организаций и высказался за создание отдельных армейских Советов, состоящих исключительно из казаков. Резолюция требовала от Временного правительства создание особых избирательных казачьих округов. Решение съезда гласило, что в казачьей среде нет «ни правых, ни левых, ни офицеров, ни казаков, а есть только казаки». На съезде прозвучали резкие речи против т. н. «расказачивания» и было вынесено осуждение попытке захвата казачьих земель и т. д.[53]

---

[50] Л. И. Футорянский. Указ. соч., стр. 48.

[51] «Армейский Вестник», 22 августа 1917 г.

[52] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, л. 76об., 83об. и др.

[53] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, лл. 76об., 83 и др.

Вскоре начался отзыв казаков из общеармейских выборных организаций и последовало создание казачьих армейских Советов. Подобные же явления мы наблюдаем и в тыловых гарнизонах. Так, казачьи офицеры Кизляр-Гребенского полка Терского казачества в августе обратились в Грозненский Совет с просьбой не считать их членами местного Совета, так как организован «Казачий Комитет для защиты казачьих интересов».[54] Аналогичные явления отмечались и в других центрах. Например, в Москве состоялось учредительное собрание казаков, которые создали в городе Казачий Совет из 15 лиц.[55] Таким образом, происходила консолидация казачьих сил как на фронте, так и в тыловых гарнизонах, подогреваемая из казачьих центров Дона, Кубани, Терека, Оренбурга и др., носящая явно антикрестьянский характер, а в более широком политическом плане окрашенная в кадетско-октябристский цвет. Уже на июньском Всероссийском казачьем Учредительном съезде лидер октябристов А. И. Гучков призывал казаков категорически отвергнуть путь т. н. расказачивания. «Упаси вас господь вступить на этот путь ... Казачество в настоящий исторический момент нужно, как никогда ... Я скажу, что вам нужно себя не расказачивать, а оказачить нас». Гучков призывал казачество помочь оздоровлению государственной жизни России, русский народ отблагодарит потом казаков за этот «героический подвиг».[56] Уже тогда главари съезда, учитывая сословную психологию казаков и их болезненную реакцию на возможное проведение земельной рефромы в стране, провели резолюцию о неприкосновенности казачьей земли и об оставлении в распоряжении крестьян только их прежней земельной собственности.[57] Неудивительно, что в планах ген. Корнилова и его политических единомышленников казачьим частям предназначалась основная роль, и из них создавался ударный вооруженный кулак.

Многие казачьи офицеры вели среди темной массы станичников давно апробированную их верхушкой антисемитскую и демагогическую кампанию, в частности, против министра земледелия Чернова, который, по их заявлениям, якобы являлся «жидом». А. Ф. Керенского эти офицеры причислили не только к «жидам», но и к «буржуям». Россия пропала, — говорили они, — так как во главе государства стоят евреи.[58]

Напряженные отношения на Северном Кавказе между многоземельным казачеством и местными крестьянами, а также каза-

[54] «Кавказ», 8 августа 1917 г.
[55] «Раннее Утро», 6 июля 1917 г.
[56] «Речь», 8 июня 1917 г.
[57] «Речь», 16 июня 1917 г.
[58] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 38, лл. 156, 156об.

ками и обнищавшими горцами создавали здесь обстановку войны между аулами и станицами. В начале августа Ставка, идя навстречу требованиям наказного атамана Караулова, для предотвращения «гражданской войны» дала распоряжение о направлении в Терскую область кубанских пластунов и 2-го полка Терской льготной дивизии с Румынского фронта. Войска эти передавались в подчинение наказного атамана. В область был направлен особый представитель Временного правительства.[59] Терские и Кубанские казаки волновались на фронте и требовали отправления горцев-ингушей и чеченцев на фронт и разоружения их на местах. Связанная с аграрными взаимоотношениями национальная рознь приводила к поджогам некоторых казачьих станиц горцами, которые пытались таким варварским способом добыть свои «исконные земли», как это отмечал комиссар В. Шкловский.[60] По инициативе комиссара Временного правительства и командования Кавказского фронта, 5 августа происходил съезд казаков, ингушей и чеченцев для преодоления создавшегося тревожного положения и предотвращения ухода казаков с фронта. На 20 августа командование назначило съезд горцев Дагестана, дабы «достигнуть умиротворения».[61] В августе атаман М. А. Караулов сообщал Кругу, что во фронтовых частях ходили слухи о выселении туземным населением казаков и что в область направлены войска. Однако Круг оставался глухим к законным требованиям об удовлетворении землей горцев, многие представители которых служили в т. н. «дикой дивизии».[62]

Не удивительно, что в корниловские дни, во время продвижения «дикой дивизии» к Петрограду, большевистские организации прекрасно использовали эти обстоятельства для ее разложения. Большевики организовали посылку специальной мусульманской делегации в части Кавказской туземной дивизии, которая вела непрерывные беседы с солдатами — ингушами, черкесами, чеченцами и др.[63]

Если Верховный главнокомандующий ген. Л. Г. Корнилов имел достаточные основания, чтобы опереться на казачьи части, то пехота ускользала из-под его власти и власти своих непосредственных командиров, так как после провала наступления процесс ее разложения безостановочно продолжался.

---

[59] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 347, 347об.

[60] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 51, л. 91; Там же, ф. 2306, оп. 6, д. 2, лл. 39, 42; В. Шкловский. Революция и фронт, стр. 66.

[61] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 276, л. 7.

[62] «Кавказ», 13 августа 1917 г.

[63] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 603, л. 10об.; «Военно-Исторический Вестник», № 12, ноябрь 1958, стр. 19.

Приказ по армии и флоту от 8 июля о применении вооруженной силы к неповинующимся и введение 12 июля Временным правительством смертной казни и военно-полевых судов на фронте [64] убедительно свидетельствовали о новой фазе развала в войсках. Повальный характер расформирований, разоружений, арестов, массовость этих явлений окончательно сводила на нет боеспособность русской армии и ставила под сомнение удержание солдатами линий обороны даже при затишьи на фронте. Показателем для Северного фронта может служить 5-я Армия, из рядов которой было изъято и арестовано 12 725 солдат и 37 офицеров, а репрессиям было подвергнуто более чем 50 полков и ряд частей было расформировано.[65] Усилению распада этого фронта содействовали солдатские делегации, подвергшиеся политической обработке большевиками в Петрограде. Характерно, что в августе Петроград посетило более 30 делегаций солдат Северного фронта. Как свидетельствовал комиссар Войтинский, на развал частей в 5-й и 12-й Армиях этого фронта в значительной части повлияло включение в действующие части петроградских солдат-штрафников, принимавших участие в июльских событиях в столице.[66]

Сводки командования так и отмечали возросшую деятельность большевиков, особенно в 5-й и 12-й Армиях, которая часто носила характер «скрытой, подспудной работы». Большевистская газета «Окопный Набат» проникала даже в позиционные части, где дело доходило до ареста офицеров (551-й полк). Арест т. н. «зачинщиков» вызвал, например, в 479-м полку волнения солдат, и в землянки офицеров были брошены бомбы. Характерно, что во многих дезорганизованных частях 5-й Армии комитеты стали утрачивать свою организационную роль и плыли в бурном фарватере массы. Пополнения, поступившие из 182-й расформированной дивизии, окончательно расстроили 70-й и 71-й полки. В 12-й Армии наименее боеспособной являлась 116-я пехотная дивизия и особенно ее 464-й полк. Массовое неисполнение боевых приказов имело место в 12-м, 54-м, 70-м Сибирских полках. В 54-м Сибирском полку командование было вынуждено расформировать 6-ю, 7-ю, 8-ю роты. Так как многие комитеты уже не пользовались авторитетом в глазах солдат, вся их работа, по определению командования, «сводилась к нулю». Многие части армии определялись в сводках как «малоустойчивые». Таким являлся и 42-й кор-

---

[64] «Известия Петроградского Совета р. и с. депутатов», 13 июля 1917 г.

[65] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 102.

[66] Ф. А. Шурыгин. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 г. М., 1958, стр. 90.

пус, где «крепкими» были лишь казачьи части. Подводя итог, генерал-квартирмейстер Ставки заявил, что настроение солдат на Северном фронте остается «по-прежнему неустойчивым и малонадежным» и об «оздоровлении» фронта говорить не приходится. Характерным явлением, указывающим на глубокий кризис в армии, были вспышки, «мелкие инциденты». Ставка в своем сообщении на имя военного комиссара Временного правительства писала, что нельзя придавать значение улучшению положения в некоторых частях, так как положение частей «непрочно». Командование Северного фронта считало необходимым произвести роспуск многих комитетов, идущих за массой и оказывающих «вредное влияние», и дальнейшее очищение фронта от большевистских агитаторов.[67] Военный комиссар Северного фронта В. Станкевич в своем сообщении в адрес начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 17 августа подчеркивал: «Нет сомнения, что общественно-политическая обстановка в 12-й Армии представляется наиболее сложной по сравнению со всеми другими армиями». Эту сложность комиссар видел в том, что в тылу армии находилась Рига с нерусским населением, с преобладающим влиянием большевиков, которые составляли абсолютное большинство в Совете города и во вновь избранной Городской Думе. На обстановку в армии влияло наличие организованных латышских частей, настроенных большевистски, во главе со своим Исполкомом-Исколастрелом. В. Станкевич ходатайствовал о закрытии большевистского «Окопного Набата», заменившего «Окопную Правду» и латышских пробольшевистских газет — «Циня» и «Бривас Стрельнекс». На фронте продолжалась усиленная чистка полков, и подверглись аресту главные руководители армейских большевиков — Сиверс, Пономарев, Истягин и целый ряд других. Массовые аресты командование произвело в Селигерском и 10-м Сибирском полках. Главную угрозу армии комиссар видел «скорее в тылу».[68] Характерно, что в таком состоянии находились части 12-й Армии, несмотря на то, что во второй половине июля в армии было расстреляно «за неповиновение» 27 солдат и 4 солдата за братание в 539-м Боровском полку. В это же время было произведено расформирование 161-й и 182-й пехотных дивизий. Из 143-го Дорогобужского пехотного полка 36-й пехотной дивизии около 2 500 солдат было переведено в другие части армии. Одновременно был расформирован 3-й батальон 79-го Сибирского стрелкового полка, а 150 его солдат арестовано. Для расформирования баталь-

[67] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 91, 91об., 92, 92об.
[68] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 54, лл. 117, 117об.

она командование привлекло 7 батальонов и броневой дивизион.[69]

На Северном фронте и особенно в 5-й Армии судебный аппарат, что характерно, ввиду массовости всех перечисленных нами явлений, уже не мог справиться со своими обязанностями. Так, из арестованных в 5-й Армии 12 725 солдат военные власти были вынуждены просто перевести в другие части 10 390 солдат, а в военный суд было передано всего лишь 58 дел. В числе обвиняемых оказалось 868 солдат![70] По существу политика расформирования также терпела провал, ибо солдат этих частей командование распределяло между другими соединениями. Так, солдат расформированного 10-го Сибирского стрелкового полка (6-й Сибирский армейский корпус) в августе командование распределило между всеми частями корпуса.[71] Политический вред этого мероприятия сознавало как командование, так и комиссариат, однако солдат по-прежнему направляли в соединения в пределах армии.[72] Одновременно на фронте происходили т. н. переформирования, как это было сделано с вышедшим из повиновения 464-м Селигерским пехотным полком (116-я дивизия, 21-й армейский корпус). Это мероприятие совершенно не достигало своей цели, так как полк состоял из отъявленных дезертиров, и к моменту переформирования в полку насчитывалось 500 задержанных дезертиров.[73]

В отчетах Западного фронта за период с 10 по 19 августа говорилось о «глубоко апатичном» настроении многих частей, которые якобы «уже устали кипеть в котле политических страстей». Наиболее устойчивыми оказались штурмовые батальоны, артиллерийские и казачьи части. В 7-й Туркестанской дивизии шло «глухое брожение», связанное с распространением «в громадном количестве» большевистской газеты «Звезда». Хотя в этот небольшой промежуток времени крупных эксцессов не наблюдалось, но в 300-м полку имело место вооруженное выступление во главе с подпоручиком Сергаско, подпрапорщиком Волковым и 2 солдатами, а наименее устойчивыми оказались 266-й и 680-й полки. В частях 10-й Армии, в ее 69-й дивизии 38-го армейского корпуса настроение не удовлетворяло командование. Оно отмечало, что в 10-й Армии солдаты «ищут малейшую возможность выступить с протестом или отказом от работ, занятий и т. п.». Части 1-го Сибирского корпуса оказались «малонадежными». Инцидент произошел в 61-м Сибирском полку на почве отказа полка от смены

---

[69] Ф. А. Шурыгин. Указ. соч., стр. 77.

[70] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 17, л. 216.

[71] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 127, лл. 135, 136.

[72] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 91об.

другого на позициях. Выехавшие для увещания командир дивизии и командир полка были арестованы солдатами. Инцидент был ликвидирован армейским комиссаром и членом армейского комитета, подтянувших для воздействия «особый отряд». Кажущееся «успокоение» в других частях, по словам Ставки, вовсе не свидетельствовало о поднятии боеспособности и «подъеме духа».[74] Ухудшение настроения солдат и переход их к волнениям зачастую заставал командование врасплох. Характерно, что части, охарактеризованные в сводках как надежные, буквально на следующий день переходили в разряд не заслуживающих доверия. В этом отношении показательны события, разыгравшиеся 30 июля — 14 августа в считавшемся «надежном», по характеристике комиссара, — «одном из лучших полков», — в 299-м Дубненском пехотном полку 2-й Армии. Обстановка в полку стала меняться, когда в его ряды стали вливаться солдаты из расформированных частей. Поводом к волнениям послужило неповиновение солдат в 12-й роте этого полка, которая отказалась принять вернувшегося в строй прежнего командира и требовала оставления во главе роты подпоручика Логинова. В связи с отказом роты от подчинения, командир полка ген.-майор Пургасов заявил о ее расформировании. К волнующимся солдатам присоединились солдаты 1-го батальона полка, и вскоре под влиянием агитаторов к ним присоединился и 2-й батальон. Толпой солдат был убит командир полка. Комиссар 2-й Армии, командование и армейский комитет к 14 августа собрали ударный кулак из 5 полков и 2 батарей. Сводный отряд обезоружил солдат и потребовал выдачи вожаков. Под угрозой расстрела солдаты указали на зачинщицу — 12-ю роту и выдали предводителей — солдата Ивана Батова, Якова Глинкина, Г. Хамидулина и др., всего 15 человек. Причастными в той или иной степени оказались командир 12-й роты поручик Логинов, председатель полкового комитета кап. Гребенщиков и др. В результате усмирения 299-го полка после обстрела насчитывалось 11 жертв. При реализации своего плана усмирения комиссар армии Гродский и армейский комитет при содействии корпусных, дивизионных и полковых комитетов 2-й Армии проводили соответствующие митинги в полках 75-й и соседней 129-й пехотных дивизий, которые выносили негодующие резолюции с осуждением убийства ген. Пургасова и включающие требования репрессий против 299-го пехотного полка. С этой целью было мобилизовано свыше 100 членов комитетов. В результате Костромской и Вологодский пехотные полки приняли активное участие

---

[73] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 127, лл. 90, 91.

[74] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 92об., 93, 93об., 94.

в усмирении. (Надо отметить, что ранее 19-й Костромской полк сам участвовал в волнениях и был объектом тревожных сводок). Армейский комитет и Ставка одобрили акцию Гродского, а Верховный Главнокомандующий ген. Корнилов подчеркнул, что «только при таком отношении к делу мы будем в состоянии в кратчайшее время без потрясений оздоровить нашу армию». Однако трагические события в 299-м полку Западного фронта с очевидностью выявили другой более широкий аспект массового производства расформирований вообще. Оказалось, что в результате этих действий армия еще более ослаблялась постоянными перевозками и перегруппировками войск в пределах армии и фронта. Многие представители командного состава стали высказываться против массовых расформирований, к которым прибегал в частности ген. Корнилов. Кроме того, по мнению комитетов, солдаты в морально-политическом отношении не дорожили уже «ни именем, ни знаменем». В значительной степени, массовые расформирования вместо ликвидации волнений зачастую вызывали их усиление. Комиссар Гродский и многие представители генералитета Западного фронта считали даже, что в тайные планы большевиков и врага входило и расформирование всей русской армии.[75]

Участие воинских пехотных команд в расформировании зачастую приводило и к деморализации этих частей, что в свою очередь вызывало со стороны командования новую волну репрессий. Так, при ликвидации восстания в 693-м пехотном полку 3-й Армии, где с обеих сторон применялась артиллерия, к восставшим солдатам этого полка присоединилась часть соседнего 694-го полка и посланные на усмирение учебные команды 29-й пехотной дивизии. Фактически, восстание было ликвидировано не пехотными частями, а именно отрядом полк. Краснова в составе 50-го Оренбургского казачьего полка, 22-й Донской батареи, бригады казаков 2-й Туркестанской дивизии и др.[76]

За июль—август 1917 г. на Западном фронте было расформировано пять полков и подлежал расформированию 43-й Сибирский полк.[77] О положении в августе в армиях Западного фронта некоторое представление дает приказ по армиям фронта, в котором указывалось, что в течение августа зарегистрирован 21 случай отказа частей от занятий, 8 случаев неисполнения боевых приказов, 10 случаев отказа от работ по оборудованию окопов,

---

[75] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, лл. 311—316; Там же, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14.

[76] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, лл. 328, 329; Там же, ф. 2048, оп. 1, д. 356, лл. 46, 47, 48 и др.

[77] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 54, л. 128; Там же, оп. 1, д. 57, л. 59.

7 случаев оскорбления командного состава и 4 случая насилия над начальниками, 13 случаев неисполнения приказов целыми частями, 4 случая призывов к неповиновению и т. д.[78]

На Юго-Западном фронте уже в июле наблюдались массовые изъятия солдат, а также расформирования «зараженных большевизмом» частей. На этом фронте командование также было вынуждено применять артиллерию. Стихийные вспышки, сопровождающиеся избиениями и убийством офицеров, являлись типичным и характерным показателем распада армии как боевого организма и окончательного надлома аппарата командования. Впрочем, это явление было характерно для всех фронтов. В конце июля из состава 313-го Балашевского полка 79-й пехотной дивизии за отказ от выполнения боевого задания было изъято 454 солдата. В 315 Глуховском полку комиссар 8-й Армии Анардович изолировал и арестовал 62 солдата.[79] За отказ от выполнения боевого приказа 1-м батальоном Кромского полка 7-й Армии последовал арест т. н. «зачинщиков». Часть солдат батальона пыталась оказать сопротивление, в результате чего имелись убитые. Комиссар предал военному суду 40 солдат, а батальон был предназначен к расформированию.[80]

Характерные события разыгрались в пределах 8-й Армии в деревне Динауцах. В них приняла участие фактически вся 160-я дивизия 16-го армейского корпуса. Волнения здесь приняли характер вооруженного митинга-протеста в связи с отказом солдат комендантской роты расстреливать приговоренных к смертной казни. Митинг охранялся пулеметами. Солдаты предъявили требования об удалении ряда офицеров и отказались от участия в наступлении. Митинг выделил 10 делегатов для поездки в Петроград.

20 августа часть солдат 638-го Ольтинского пехотного полка отказалась выступать на позиции. Командир корпуса вызвал кавалеристов и артиллерию для производства расформирования, и село Шишковцы, где находился полк, было обстреляно артиллерией.[81] В 8-й Армии, в ее 127-м полку, в августе был подвергнут расформированию 2-й батальон.[82] 7 августа происходило «выделение вредного элемента» в гвардии Егерском полку в связи с отказом солдат выходить на занятия.[83] 17 августа по распоряжению

[78] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, л. 357об.

[79] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 117, 118.

[80] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 38.

[81] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 120.

[82] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1320, л. 51.

[83] ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 3, лл. 446, 447.

ген. Корнилова из гвардии Павловского полка было выделено 146 солдат, также квалифицированных командованием как «вредный элемент», в целях «оздоровления» 1-го Гвардейского корпуса.[84] На Юго-Западном фронте и в его прифронтовых губерниях, где свило себе гнездо крупное землевладение, неразрешенная аграрная проблема также была причиной жестоких стихийных вспышек в частях. Характерным в этом отношении является убийство 1 августа командира полка полковника Быкова и командира 2-го батальона капитана Колобова, в 7-й Армии, в районе 2-го гвардейского корпуса в гвардии 1-м стрелковом полку. Как гласит сообщение комиссара 7-й Армии, убийство произошло «на почве неправильного толкования войсками и крестьянами о сборе и охране урожая». Многие офицеры были вынуждены после убийства оставить полк из-за опасения расправы со стороны волнующихся солдат. Полк категорически отказался от выдачи преступников, в связи с чем 8 августа он был окружен войсками, и была применена артиллерия. В результате полк был обезоружен, последовала выдача инициаторов убийства, и из состава полка было выделено 810 солдат. Среди выделенных комиссаром солдат было значительное количество ушедших из полка еще в июле и вернувшихся в свои роты через две недели. Как указывал комиссар Сургучев, полк «был полон разлагающих армию элементов», т. е., прибывших пополнений из запасных частей Царского Села. Полковой комитет был, по словам командиров, бессилен что-либо предпринять для наведения порядка еще до убийства полковника Быкова, так как солдаты не подчинялись распоряжениям командного состава. Гвардии 1-й стрелковый полк был расформирован, а солдаты его после «тщательной фильтрации» «распылены» по другим частям».[85]

Показателем распада частей и результатом ведущейся большевиками кампании о недоверии Временному правительству и неподчинении командованию, было зверское убийство комиссара Особой Армии, героя Февральской революции в Петрограде меньшевика Ф. Ф. Линде. Убийство было совершено толпой солдат 443-го Соснинского и 444-го Дмитревского полков, входивших в состав разложившейся 111-й пехотной дивизии. Дивизия после газовой атаки со стороны противника отказалась вообще от всяких занятий и работ по укреплению позиций. Подоспевший в дивизию комиссар Ф. Ф. Линде с казачьим Уманским полком усерд-

[84] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 90, л. 27.

[85] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 15, 16, 18; Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 60, лл. 268, 269об.; «Военно-Исторический Вестник», № 24, ноябрь 1964. Париж, стр. 17.

но занялся «уговором» солдат, но, по словам командования, он не добился успеха ввиду полного разложения полков дивизии. Были арестованы 22 солдата 444-го Дмитриевского полка. 4 роты, оказавшие сопротивление, были расформированы. На выручку неповинующимся солдатам 444-го полка пришли солдаты 443-го Соснинского полка, которые, разобрав оружие, собрались в лесу и через делегатов потребовали комиссара прибыть в их распоряжение. Ф. Ф. Линде был предательски убит толпой, едва он вышел из автомобиля. Вечером такой же участи подвергся временно командующий 111-й дивизией ген. Гиршфельд. Восставшие солдаты открыли огонь и расстреляли казаков. Были арестованы ряд других офицеров. Части 443-го полка были подняты многочисленными агитаторами. Для наведения порядка на помощь уманцам была подтянута 2-я сводная казачья дивизия, броневики, Оренбургская батарея и др., которые овладели положением.[86] Это варварское убийство стало возможным из-за полной бездеятельности, падения авторитета и роли солдатских выборных организаций полков. Кризис управления войсками на Юго-Западном фронте особенно обострился после провала наступления и деморализации армий этого театра военных действий. В Особой Армии, где произошла трагедия, власть вообще ускользнула из рук командования, и здесь в порядке дня было обращение командного состава за помощью к комиссарам. Командующий армией ген. Селивачев признавал этот факт и требовал собственной инициативы командиров, которым предлагалось опираться на дивизионные учебные команды с пулеметами «для расстрела, — как он выражался, — подлецов».[87] Хотя помощник комиссара Юго-Западного фронта В. П. Гобечия и критиковал ген. Селивачева за отсутствие у него «правильного понимания» обстановки, весь аппарат комиссариата и военно-судебных учреждений фактически тоже находился в состоянии беспомощности, а то и паралича. Так, 13 августа волнующимися солдатами 9-го Заамурского пехотного полка были насильственно освобождены из помещения военно-революционного суда при 3-й Заамурской дивизии осужденные солдаты-пулеметчики, офицер 9-го полка и др.[88] Покушения на командный состав продолжались и в дальнейшем. Так, 26 августа был тяжело ранен двумя неизвестными солдатами начальник 108-й пехотной дивизии генерал Стефанович, который скончался от ран. Армии

---

[86] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 36, лл. 106, 108; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 109, 110; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 25, л. 182.

[87] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 49.

[88] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 66.

фронта потрясали и «мелкие» инциденты, которые постоянно вспыхивали на всем протяжении фронта.[89]

Стихийные проявления со стороны темной солдатской массы, избиения и убийства офицеров бытовали на всех фронтах и служили доказательством распада армии и потери управления ею. Избиения и убийства командного состава мы наблюдаем на Северном, Румынском и Кавказском фронтах.[90] Дело доходило до массовых жертв в среде командного состава. Так, 3 августа в группу офицеров 2-го пограничного полка (Кавказский фронт) была брошена неизвестными солдатами ручная граната, в результате чего было ранено 8 офицеров, из них 2 тяжело.[91] Краевой Совет Кавказской армии принял в начале августа решение о расформировании 21-го стрелкового полка, «допустившего избиение командира полка». Несколько позже Краевой Совет Кавказской армии («Красокар») опубликовал гневный протест против имевших место насилий солдат против командного состава.[92]

Несмотря на специфику Кавказского фронта, его отдаленность от крупных центров, все же и здесь положение в армии также было неустойчивым, и колеблющаяся масса, несмотря на отсутствие, как гласили сводки, «резких эксцессов», проявляла свое недовольство. Прибывающие пополнения и здесь вносили дезорганизацию. На фронте имело место враждебное отношение к офицерам и раздавалось принесенное пополнениями требование о выборном начале. По-прежнему острым оставался вопрос некомплекта, тем более, что прибывающие маршевые роты по пути следования количественно уменьшались из-за дезертирства. Наименее «надежными», с точки зрения командования, оставались пехотные части и соединения с преобладающим крестьянским составом. Командный состав указывал на ненадежность 5-го пешего пограничного полка, 8-го Кавказского стрелкового полка, 508-го и 2-го Карского пехотных полков. Однако в Кавказской армии, за исключением 21-го стрелкового полка в Грозном, не было подавления выступлений солдат вооруженной силой.[93] Наличие на фронте казачьих частей, как известно, составлявших почти половину войск, сыграло немалую роль в сравнительной стабилизации положения. Большое недовольство в августе попрежнему вызывал колоссальный некомплект, уже ставший постоянным явлением. Командование фронта определяло некомп-

[89] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 94.

[90] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 79, л. 87; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 155; ЦГВИА, ф. 2305, оп. 1, д. 52, л. 6; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 222, л. 101 и др.

[91] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 501, л. 429.

[92] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 131. Протокол № 43.

[93] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 97.

лект в 100 тысяч человек, а в тыловых частях нехватка людей приводила к тому, что запасные полки были укомплектованы на 50%.[94] Прибывающие пополнения, особенно из Петрограда, вносили растущий разлад в части. Так, прибывшая рота пулеметчиков 1-го пулеметного полка из столицы в район 4-го армейского корпуса вызвала беспокойство командования, так как ее солдаты, согласно сводке, «проявляли большевизм и убеждали не избирать в комитеты офицеров». В казачьих частях большевистская пропаганда успеха не имела.[95] В июле и в августе командование Кавказского фронта выражало все большую тревогу в связи с политическим пробольшевистским настроением поступающих пополнений. Как доносил в августе ген. Вьшинский, в Трапезундском Крепостном районе было «очень заметно» влияние большевиков. Командующий Трапезундским районом ген. Колосовский систематически жаловался, что «большевизм проникает и распространяется» в крепостных частях.[96] Командование фронта указывало, что большевистское влияние проникает на фронт через т. н. рабочие делегации. Так, в 1-м Кавказском армейском корпусе побывали в двух полках подобные делегации из Петрограда, привезшие подарки и соответствующую большевистскую литературу, а по всей Кавказской армии были распределены петроградские пулеметчики, которые в большом количестве направлялись и в запасные полки фронта, например в Эривань, где в результате их выступлений начались брожения в гарнизоне.[97] Несмотря на слабость большевиков на Кавказском фронте, прибывающие пополнения усиливали их ряды. Так, в 17-м Туркестанском стрелковом полку 2-го Туркестанского корпуса большевик Т. Видяков агитировал за неисполнение распоряжений Временного правительства и рассылал соответствующие письма в части. В 20-м полку отстаивал «большевистское направление» прапорщик Красноголовый. В 2-м Кавказском отдельном дивизионе был арестован капитан Денисов. Начальство указало на его большевистскую «вредную агитацию». Большевик прапорщик Солнцев, действующий в 7-й Кавказской стрелковой дивизии, открыл там даже специальную «Вольную солдатскую школу», где разъяснял солдатам программу большевиков. В своей части он был избран председателем ротного Комитета и выступал против офицеров, против исполнения боевых приказов и предлагал на должности офицеров выдвигать солдат. В том же 17-м стрелковом полку 5-й Тур-

---

[94] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 38, л. 123.
[95] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 443, л. 249об.
[96] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 37, лл. 17об., 44.
[97] ЦГВИА, ф. 2294, оп. 1, д. 75, л. 35; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1. д. 276, л. 12.

кестанской дивизии в большевистском духе выступал поручик Шагов, солдаты Семенкин и Васильев и др. В 15 Кавказском стрелковом полку 11 августа большевистски настроенные солдаты Фрауштадт и Лященко всячески убеждали 10-ю, 11-ю и 12-ю роты не выходить на развод и противодействовать работе разведчиков. Большевики проникали, хотя и с трудом, в казачьи части. В 3-м Лабинском полку была пресечена попытка возбудить казаков против комадира полка; большевистские агитаторы убеждали пластунов в необходимости мира и предлагали не подчиняться офицерам. В августе в один из казачьих полков были присланы 4 казака-большевика. Полковой Комитет постановил лишить их казачьего звания и предать суду. В 16-й полк фронта была влита маршевая рота 111-го пехотного запасного полка, которая, по сведениям командования, состояла «сплошь из большевиков».[98] Несмотря на аресты большевиков на фронте, здесь, как по всей стране, большевики сумели сохранить свои основные кадры. Как свидетельствовал приказ по армии, несмотря на некоторый урон, который понесли большевики, их агитация продолжалась, и во многих частях они сохранили свои силы. Во избежание ареста многие успели уехать, а другие продолжали беспрепятственно, но осторожно вести свою работу. Большевистская же литература и газеты беспрепятственно и в большом количестве проникали в части.[99]

Таким образом, вопли большевиков о тотальном их преследовании носили демагогический характер, и как мы уже знаем, сторонники Ленина и после июля сохраняли позиции в армии.

В большинстве частей Кавказского фронта в рассматриваемый нами период не наблюдались массовые волнения, восстания и т. п. Но для фронта в целом были характерны, сравнительно с европейскими фронтами, мелкие инциденты, выражавшиеся в агитации солдат против командиров и вообще офицеров, индивидуальное и групповое неповиновение и отказ от участия в разведке, уход с позиций отдельных стрелков, отказ от работ, участие в митингах, отмечались даже сопротивления солдат аресту и т. п., что часто значилось в армейских сводках.[100] В казачьих

---

[98] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 141, лл. 610, 619, 619об., 620об.; Там же, ф. 2168, оп. 2, д. 37, лл. 66, 134, 134об.; ЦГВИА, ф. 2295, оп. 1, д. 562, лл. 4, 4об., 5, 17, 24; «Кавказ», 8 августа 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2305, оп. 1, д. 12, л. 8; Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 276, л. 9.

[99] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 443, лл. 247, 247об.

[100] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 5, л. 70об.; Там же, ф. 2295, оп. 1, д. 566, лл. 1, 3, 4 и др.; Там же, ф. 2295, оп. 1, д. 578, л. 4; Там же, ф. 2294, оп. 1, д. 75, л. 115; Там же, ф. 2303, оп. 1, д. 120, л. 2 и д. 81, л. 2; Там же, д. 2168, оп. 1, д. 6, л. 42об. и др.

частях фронта недовольство станичников выражалось главным образом в недоверии некоторым командирам и недовольство ими, а также обоснованными жалобами на изнурение лошадей, на недоедание и болезни и т. п.[101] В своей основе казачьи части Кавказского фронта оставались устойчивыми, о чем свидетельствовала августовская телеграмма штаба Кавказской армии.[102]

Как и на других фронтах, на Румынском театре военных действий в августе наблюдалось, по определению генерал-квартирмейстера, «апатичное отношение к службе» и бытовали уговоры и т. н. «увещевания». 25 июля по просьбе ген. Щербачева в состав Румынского фронта была включена и 8-я Армия, в которой, как гласила сводка, не наблюдалось улучшения положения после тяжелого наступления. По сравнению с другими фронтами, здесь шли еще довольно упорные бои, которые выявили уже слабую боеспособность частей. Особенно это положение проявилось в бою 14 августа со стороны неустойчивых частей 32-й дивизии 11-го корпуса. Далеко не боевое настроение царило и в 16-м армейском корпусе. Генерал-квартирмейстер писал и о «неустойчивом» положении 23-го армейского корпуса. Так обстояло дело в 8-й Армии. В 4-й Армии фронта вследствие больших боев чувствовалась усталость и «повышенная нервозность» частей. В бою 15 августа большая часть полков 124-й пехотной дивизии 4-й Армии явочным порядком ушла из окопов у Гренешти (Фокшанское направление) и была перехвачена лишь в тылу, как об этом телеграфировал комиссар фронта Э. Тизенгаузен. Такое положение в армиях сорвало планы Щербачева по разгрому черновицкой группы австро-германцев, серьезно угрожавшей Бессарабии. Однако положение на фронте и особенно в 8-й Армии сделало замыслы ген. Щербачева неосуществимыми. Как писал впоследствии ген. Щербачев в одном важном и случайно сохранившемся документе, положение на фронте представлялось в следующем виде: «После развертывания уже предполагалось наметить день начала атаки, но в это время командующий армией (8-й. М. Ф.) доложил, что настроение корпусов, постепенно ухудшаясь, дошло до предела, так что нет надежды на то, что войска пойдут в атаку, и просил отменить наступление». Генерал подчеркивал далее — «Оперативная работа фронта кончилась. Начался период усилий удержать войска на месте и сохранить хоть видимость фронта, чтобы

---

[101] ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 81, л. 132; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 553, л. 16об.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 37, л. 170об.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 276, л. 8

[102] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 37, л. 44.

привлекать на себя часть сил противника».[103] В армиях фронта велась активная большевистская пропаганда. Это проявилось в 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, в 6-м стрелковом полку, где большевик подпоручик С. П. Ремянников призывал солдат к созданию специального исполнительного комитета, задачей которого было объявить «диктатуру полка». Ремянников призывал присоединиться к полку и другие части для выступления «с оружием в руках».[104] В 411-м Сумском пехотном полку «ярый большевик» санитар Захаров вносил дезорганизацию непосредственно на поле боя и «втайне подбивал» солдат не идти в наступление.[105] Большевик П. Н. Мостовенко, делегат VI съезда большевиков и депутат Петроградского Совета, побывавший на Румынском фронте, отметил, что окопные солдаты на 80% были безграмотными и в окопах находился серый солдат, «живущий инстинктом, совершенно беспомощный, не разбирающийся в политической азбуке». На многочисленных митингах солдаты спрашивали Мостовенко, почему не арестуют тех, кто кричит «война до полной победы», и заявляли, что к зиме уйдут из окопов. Фронт политически пассивен, заявил Мостовенко, его необходимо организовать.[106] Большевики делали все от них зависящее, чтобы организовать солдат против командования и наступления. Для этого были широко использованы поступающие на фронт после июльских дней Петроградские и Царицынские пополнения, среди которых было много большевиков, доставлявших на фронт обильное количество большевистской литературы. Особенно выделялось пополнение из 155-го пехотного запасного полка из Царицына.[107] Сводка за период с 19 по 25 августа сообщала, что ухудшилось положение в 26-м армейском корпусе. «Снова началась большевистская агитация, появились случаи неисполнения приказов и столкновения с командным составом». Генерал Черемисов указывал на подпольную работу агитаторов и на прибывшие укомплектования как на причину ухудшения положения.[108] В 127-м пехотном полку 2-го армейского корпуса командование прибегло к расформированию. Все же на этом фронте, как и на Кавказском, накал солдатских выступлений был значительно слабее по сравнению с другими боевыми театрами. 24 августа ген. Д. Г. Щербачев в сво-

---

[103] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 95об., 96, 65; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 40, 59.

[104] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 162, ч. П, л. 78.

[105] ЦГВИА, ф. 2195, оп. 3, д. 28, л. 4.

[106] Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958, стр. 83—85.

[107] ЦГВИА, ф. 1506, оп. 2, д. 103, л. 601.

[108] ЦГВИА, ф. 2143, оп. 1, д. 5, л. 7.

ем донесении Верховному Главнокомандующему Л. Г. Корнилову даже говорил о «достаточной» устойчивости фронта. Он требовал пополнений в связи с растущим кризисом резервов. Ген. Щербачев, во избежание внесения разложения во фронтовые части, требовал укомплектования вливать во фронтовые запасные полки, а для улучшения снабжения — милитаризацию железных дорог. Кроме того, ген. Щербачев требовал разграничения функций комитетов и командиров.[109] После провала наступления командование особенно на Юго-Западном и Румынском фронтах, отражая взгляды руководящего генералитета на Совещании в Ставке 16 июля, пыталось проводить явочным порядком регламентирование прав комитетов и ограничить их функции «вопросами хозяйственными, бытовыми и просветительными». Ген. Брусилов настаивал даже на ликвидации такой организации как Румчерод.[110] На Румынском фронте дело дошло до обыска в армейском комитете 9-й Армии. Ряд командиров в армиях фронта, позабыв о роли комитетов в деле ограждения командного состава от разбушевавшейся солдатской стихии, повели наступление на выборные солдатские организации. Комиссар Харито 30 июля забил тревогу по этому вопросу и сообщил по инстанции о «ненормальном» отношении к комитетам. 8 августа Румчерод выработал резолюцию протеста, к которой присоединились армейские комитеты. Резолюция считала «всякие выступления командного состава по вопросам политического и общественного характера незакономерными». Как писал комиссар фронта Э. Тизенгаузен, в августе на Румынском фронте участились столкновения между командирами и комитетами «на почве неопределенности взаимоотношений комитетов и командного состава». По существу, эти конфликты охватывали и другие фронты. 15 августа последовал протест Исполнительного Комитета Юго-Западного фронта (Искомитюз) против непродуманных и свидетельствующих об узости политического мышления действий ген. Деникина, который ввел ограничительные и запретительные толкования против комитетов. На Кавказском фронте, как сообщал ген. Пржевальский, возникали «частые конфликты» между командованием и комитетами.

Подобные же явления наблюдались и на Западном фронте, что особенно имело место в 10-й Армии, где были случаи привлечения членов выборных комитетов к судебной ответственности. Как жаловался комиссар 10-й Армии Венгеров и председатель армей-

---

[109] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 498, лл. 41, 42.

[110] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 216, л. 61; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 123, л. 89 и др.

ского комитета Печерский, дело принимало характер «формальной дезорганизации солдатского самоуправления».[111] Даже противник с удовлетворением отмечал, что между командным составом и комитетами все больше росли противоречия и трения, что было безусловно в его интересах, поскольку разлагало армию.[111а]

В более широком политическом плане эти наступления на комитеты, даже стоявшие на оборонческих позициях, свидетельствовали о падении их политической роли и об отсутствии теперь у них поддержки со стороны значительной части солдат.

Командование проявило политическую слепоту не только в деле своего отношения к войсковым комитетам в армии. За ограниченным в политическом отношении Верховным Главнокомандующим Корниловым потянулся многочисленный русский генералитет и Временное правительство в лице А. Ф. Керенского в вопросе проведения необоснованной и не оправдавшей себя политики расформирований и без того разложившейся армии.

Приказ Л. Г. Корнилова от 1 августа 1917 г. о расформировании 59-ти дивизий фактически ускорил распад фронта, так как очаги разложения не были изолированы и оздоровлены, а охватили уже многочисленные воинские соединения, потому что солдаты расформированных частей рассеивались в пределах корпусов, армий, фронтов, куда вносили дополнительную лепту в развал. Кроме того, на место упраздненных частей в распоряжении Ставки не было эквивалентного количества надежных частей. Если к началу октября Ставка успела расформировать 36 дивизий, то к концу августа в ее распоряжении было не более 35 батальонов ударников и частей «смерти», рассеянных к тому же по всем фронтам.[112]

Проходящие расформирования не спасли армию от гибельного развала. После провала наступления и потерь, понесенных страной и армией в ходе немецкого контрнаступления, было совершенно очевидным, что о продолжении войны не могло быть и речи. Очередным свидетельством этого была Рижская катастрофа. Прорыв немецкими войсками фронта 12-й Армии был осуществлен 19—20 августа 1917 г. на участке Икскюльской позиции и явился

---

[111] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 7, лл. 38а, 38б, 52, 53, 61, 67, 64, 73 и др.; А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I, стр. 185, 198, 201.

[111а] Kriegsarchiv. K. u. K. Armeeoberkommando. Nachrichten Abteilung. 1917, Nr. 56²/₃₂. Dok. 167.

[112] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 678, лл. 67, 82; Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 679, л. 154; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 679об., 682; ЦГВИА, ф. 2038, оп. 2, д. 352. См. также «Приказы Верховного главнокомандующего» за 1917 г. (июнь—август).

началом Рижской наступательной операции в целях овладения важнейшим рижским плацдармом. Немецкие войска прорвали позиции 186-й, 136-й и 33-й пехотных дивизий и 2-й латышской бригады и вышли во фланг Рижской группировки 12-й Армии, что угрожало неминуемым окружением последней. Еще в мае командир 21-го корпуса 12-й Армии беспокоился за судьбу Икскюльского предмостного укрепления, где в случае натиска противника может создаться, как он предупреждал, «новый Стоход».[113] Немцы прекрасно использовали опыт Стохода (Черевищенского плацдарма) и июньско-июльских боев на Юго-Западном фронте и подвергли русские войска невыносимому шквалу своей могучей тяжелой артиллерии. Ввиду безнадежности положения ген. Корнилов 20 августа отдал приказ об оставлении Риги, которую противник занял 21 августа. Хотя русские войска закрепились после отхода на Венденских высотах, все же создалась реальная угроза столице страны — Петрограду. По сведениям Ставки, потери исчислялись в 25 тысяч солдат, из которых 15 тысяч пропало «без вести». В технике потери армии исчислялись в 280 орудий и 170 пулеметов и др.[114] Начальник штаба 5-й Армии в своем письме начальнику штаба Ставки ген. Лукомскому писал, что причиной Рижского разгрома был развал 12-й Армии и ошибки командования.[115] Не подлежит никакому сомнению, что причины Рижского разгрома носили тот же характер, как и оставление Черевищенского плацдарма, прорыв у Тарнополя, сдача Черновиц — т. е. причины коренились в прогрессирующем развале русской армии, а также недостаточной технической оснащенности. Нам уже известно печальное положение Северного фронта из сводок. Неопровержимые документы свидетельствуют и о слабом политико-моральном состоянии участвовавших в бою 19—20 августа 33-й, 136-й и 186-й пехотных дивизий. Так, например, 136-я пехотная дивизия еще в мае отказывалась от высадки из поездов и требовала отправки на отдых в Финляндию. После вынужденной высадки солдаты дивизии под разными предлогами отказывались занять боевые позиции. В июне в дивизии происходили волнения, и стоящие на позиции солдаты предъявили ультимативные требования о смене их не позже 16 июня.[116] Пробольшевистская позиция латышской бригады общеизвестна, а в 33-й пехотной дивизии в начале августа фактически аппарат управле-

[113] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 155, л. 2.

[114] А. Зайончковский. Кампания 1917 года, стр. 99, 100, 101; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 44; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 17, лл. 58, 59.

[115] А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 103.

[116] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 17, л. 8; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 38.

ния определялся стихией, которая вмешивалась в назначения и перемещения офицеров и в числе «здоровых» не числилась.[117] Во всей 12-й Армии настроения войск в августе вызывало опасения главнокомандующего Северным фронтом ген. В. Н. Клембовского, в связи с ростом влияния большевиков в ее рядах. Положение осложнялось кампанией против Временного правительства и командования на страницах газет «Окопный Набат» и «Цыня» и активной деятельностью большевистских агитаторов. Комиссар Северного фронта Б. В. Станкевич 4 августа сообщал ген. Клембовскому, что его «Рига весьма беспокоит...» и выражал надежду, что командир 2-го корпуса 12-й Армии ген. Новицкий начнет наводить порядок.[118] Таким образом, были все основания для тревоги за судьбу Риги. Русская армия была не в состоянии в связи с развалом в ее частях, противостоять пораженческой пропаганде большевиков и техническому превосходству немцев и отбить наступление неприятеля на Ригу. Командир 2-го Сибирского корпуса ген. Новицкий, в распоряжении которого находились сражающиеся части, неудачу объяснял «подавляющим количеством артиллерии противника и нашей всегдашней неспособностью маневрировать и вести контратаки».[119] Немецкое командование было уверено в своем успехе и не сомневалось, что дальнейшее «немецкое наступление на Петербург привело бы к полному развалу России». Неприятель осуществил захват Риги и острова Эзель в целях ускорения процесса распада русской армии.[120]

Сдачу Риги большевики использовали в своих сугубо демагогических целях для обвинения Ставки и Корнилова в намеренно «провокационной» сдаче города. Все это было шито белыми нитками, так как подобные удары по русской армии входили в тайные планы Ленина и его окружения, и руководящие большевики смертельно опасались малейшей победы и оздоровления русской армии, что поставило бы преграды на их пути к власти. Отсюда далеко не случайная бурная реакция В. И. Ленина на выступление В. Володарского 24 августа на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов, выраженное в оборонческом духе в связи с потерей Риги. Ленин в специальном письме в ЦК большевиков 30 августа обрушился на В. Володарского и указывал, что «мы станем обо-

---

[117] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, лл. 184, 185.
[118] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1237, лл. 18, 19.
[119] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 17, лл. 58, 59.
[120] Генерал Гофман. Записки и дневники, стр. 237; Volkmann, op. cit., S. 122.

ронцами лишь после перехода власти к пролетариату, после предложения мира... лишь после. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделает нас оборонцами. (Очень бы просил дать это прочесть Володарскому)».[121]

Когда комиссар фронта В. Б. Станкевич в припадке служебного рвения пытался обвинить начальника 33-й пехотной дивизии ген. Скалона в проявленной им «нерешительности» в боях 19 августа, Корнилов решительно возражал, поясняя, что, кроме «нерешительности», были и другие серьезные причины, обусловившие поражение. Несмотря на крайнее обострение отношений между ген. Корниловым и Керенским, последний не торопился использовать против генерала такой великолепный козырь как падение Риги. Управляющий Военным министерством Савинков 25 августа, на основании указаний военного министра, сообщил Корнилову в Ставку, что он согласен с мнением генерала.[122] Возбуждение вопроса о виновниках падения Риги было уже политическим нонсенсом, так как проблема носила более широкий характер и касалась всей совокупности причин распада, небоеспособности русской армии и других не менее важных потерь в ходе войны. В своем письме от 25 августа генерал-квартирмейстер Ставки, резюмируя выводы о состоянии русской армии, писал: «Во всяком случае на всех фронтах настроение настолько неустойчивое и подвержено постоянным колебаниям, что о боеспособности армии не может быть и речи: нужны не дни, а месяцы общей работы, нужны героические усилия, чтобы воссоздать ее былую мощь и силу и вывести ее из того ужасного состояния, которое привело страну к оставлению Галиции и падению Риги».[123]

Создавшаяся после июльского мятежа большевиков и падения Риги политическая обстановка в стране и в армии выявила с полной очевидностью наличие трех центров, стремящихся к созданию неизбежной, как мы уже знаем, диктаторской власти. Такими центрами была Ставка во главе с ген. Корниловым, Керенский и его окружение и большевики во главе с Лениным, уже имеющие опыт двух неудавшихся попыток захвата власти. Из этих политических сил Ставка и Керенский имели определенные шансы добиться успеха своих начинаний по преодолению кризиса, пока они шли к цели вместе, несмотря на свои расхождения. Разрыв их союза-соглашения и единоличное выступление Ставки во гла-

---

[121] Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 г. — февраль 1918 г. М., 1958, стр. 43; «Пролетарий», 22 августа 1917 г.; Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 5, стр. 207.

[122] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 73, лл. 2, 3, 5.

[123] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 96об.

ве с Корниловым, сразу же предопределившее их неминуемое поражение, и создало все условия для последующего успеха очередного заговора большевиков и одержания ими победы в борьбе с рассорившимися претендентами в диктаторы.

Как свидетельствуют записи разговора управляющего Военным министерством Б. В. Савинкова с Главковерхом Л. Г. Корниловым, состоявшегося 23 августа 1917 г., обе стороны согласились на подчинение Петроградского военного округа Верховному Главнокомандующему. Савинков от имени Временного правительства потребовал от Корнилова направления в Петроград 3-го конного корпуса для обеспечения проведения в жизнь военного положения в столице и подавления возможных попыток выступления большевиков. Обе стороны пришли к соглашению об образовании отдельной армии для обороны подступов к Петрограду. Б. В. Савинков от имени А. Ф. Керенского заявил, что после подхода 3-го конного корпуса сталица будет объявлена на военном положении и будет принят закон о введении военно-революционных судов в тылу. Ген. Корнилов возражал против выделения Петрограда из состава военного округа и очень неохотно принял решение о подчинении столицы непосредственно Временному правительству. Накануне Корниловского выступления Керенским был отдан приказ об отправке на фронт сначала четырех, а затем 7 полков столичного гарнизона. Обе стороны не расходились в том, что необходима чистка в гарнизоне Петрограда. С согласия военно-морского министра А. Ф. Керенского Главковерх отдал распоряжение об упразднении крепости Кронштадт, о выводе его гарнизона на материк, для чего, в случае отказа частей, применить силу, и о расформировании 1-го Балтийского экипажа. После падения Риги вывод указанных полков из Петрограда был облегчен, так как из оборонческих соображений на это согласилась солдатская секция Петроградского Совета.[124]

Однако «Практическое соглашение» Керенского—Савинкова с Корниловым от 23—24 августа было нарушено последним. Корнилов под давлением своего окружения отверг подчинение Временному правительству, которое в лице Керенского желало главенствовать в проведении диктаторских мер по обузданию Петрограда и Кронштадта. Корнилов же, который уже на встрече с Савинковым 23—24 августа заявил о своем недоверии А. Ф. Керенскому и Временному правительству, которое де не в силах «стать

---

[124] Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959, Док. и матер., стр. 421, 422, 431, 439, 451; Н. Суханов. Указ. соч., кн. пятая, стр. 209, 234, 236; В. Владимирова. Контрреволюция в 1917 г. (Корниловщина). М., 1924, стр. 203.

на путь твердой власти», решил сам возглавить военную и гражданскую власть в стране. Активный участник заговора ген. Корнилова начальник штаба Ставки ген. А. С. Лукомский писал, что в Петрограде было организовано тайное общество, которое при подходе корниловских частей к городу должно было занять Смольный, разогнать Петроградский Совет, арестовать как его деятелей, так и большевиков и т. д.[125]

Ген. Корнилов стремился после государственного переворота очистить Петроград от его гарнизона, фактически ликвидировать комитеты, удалить из правительства меньшевиков и эсеров и сосредоточить в своих руках диктаторскую власть. Открытый разрыв произошел после того, как Л. Г. Корнилов потребовал от Керенского и Временного правительства в ультимативной форме передачи всей власти, военной и гражданской, в руки Верховного Главнокомандующего, отставки всех министров, не исключая и министра-председателя, объявления Петрограда на военном положении и т. д. 27 августа Керенский разослал радиограмму о мятеже ген. Корнилова, а последний в тот же день обратился с воззванием к населению страны.[126]

Для понимания значения поражения Корниловского движения важен не столько его ход, сколько неисчислимые последствия провала мятежа и вопиющие ошибки в его организации. Даже далеко не осведомленный о всех подробностях начинаний ген. Корнилова английский посол Дж. Бьюкенен отмечал крайнюю узость социальной базы движения. Посол подчеркнул, что единственными войсками, на которые мог опереться мятежный генерал, была 3-я кавалерийская дивизия под командованием ген. Крымова. Дж. Бьюкенен определенно и в соответствии с фактами подчеркивал, что выступление ген. Корнилова с самого начала было «отмечено почти детской неспособностью его организаторов и, в конце концов, потерпело полное крушение». Вследствие крайней медлительности продвижения его частей, ген. Корнилов дал полную возможность Временному правительству и всем противникам генерала подготовить сокрушительный отпор. Временное правительство имело достаточно времени для организации гарнизона и матросов из Кронштадта, вооружения тысяч рабочих и ареста многих сторонников мятежного генерала.[127] Уже 28 августа ЦИК разослал ряд воззваний к фронтовикам и армейским комитетам с

---

[125] А. С. Лукомский. Воспоминания, т. I, Берлин, 1922, стр. 232.

[126] Революционное движение в России. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959. Док. и мат., стр. 441, 442, 445, 446; М. И. Капустин. Заговор генералов. М., 1965, стр. 296, 297, 209.

[127] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 266, 267.

призывом к борьбе с генеральским заговором, а в Смольном уже начал работать ВРК, председателем которого являлся эсер Филлиповский, и членами — Мартов, Каменев, Рязанов, Невский, Вайнштейн, Либер, Элиава, Лазимир и др. Конечно, гегемония принадлежала большевикам, которые ловко использовали момент для заполучения оружия и вооружения им своих сторонников. Не только в Петрограде, но гарнизоны всех близлежащих городов были уже развернуты против генерала и его отрядов «боевым фронтом».[128] Все предпринятые меры ген. Корнилова поражают своей роковой запоздалостью. Приказ ген. Корнилова о переформировании Кавказской туземной дивизии (т. н. «дикой») в Кавказский туземный корпус остался на бумаге. Польский уланский Осетинский и Дагестанский полки были в пути задержаны и не пропущены по назначению. Точно так же, в воздухе повисло создание Отдельной Петроградской армии под начальством ген. Крымова, как и меры по ликвидации Кронштадта. Кавказская туземная дивизия и 1-я Донская казачья дивизия, согласно приказа ген. Корнилова, предназначались к погрузке только 27 августа. Об этой запоздалости и плохой организации свидетельствовал и тот факт, что головной эшелон донцов прибыл к Луге только 28 августа, откуда железнодорожники отказали ему в дальнейшем следовании, а эшелон туземной дивизии был задержан 28 августа на ст. Вырица и т. п.[129] Надежда Корнилова — 3-й конный корпус — в решительный момент не был собран Корниловым в один ударный кулак, а был разбросан по путям железных дорог со всеми батареями, пулеметами и другим вооружением. Отмечая эти факты, атаман Краснов ставил в укор Главковерху, что, затеяв такое «важное дело», он оставался в Могилеве, во дворце, вдали от своих частей.[130] Как свидетельствует П. Н. Милюков, ген. Крымов так и не собрал 86 эскадронов и сотен своего корпуса, а ударил одной лишь бригадой князя Гагарина, состоящей из 8 слабых сотен, к тому же при отсутствии многих офицеров. «Вместо того, — пишет Милюков, — чтобы бить кулаком, ударил пальчиком»[131] Эти смехотворно слабые силы, при отсутствии пехоты, Главковерх бросил против Петрограда, гарнизон которого вместе с пригородами насчитывал 346 тысяч человек, а Балтийский флот со всеми

---

[128] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. пятая, стр. 293, 317.

[129] Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. Док. и мат., стр. 430, 433, 459, 461 и др.

[130] П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. (Воспоминания). Л., 1925, стр. 33, 34.

[131] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 261.

его подразделениями почти 100 тысяч матросов.[132] Начальник штаба Ставки ген. Лукомский признавал впоследствии, что Корнилов подготовкой к столь решительной операции не руководил, а исполнители относились к делу «более чем легкомысленно», что и было, по его мнению, одной из главных причин срыва военной операции ген. Корнилова. Как свидетельствует тот же ген. Лукомский, с этими силами собрался Верховный Главнокомандующий ударить по большевикам даже «без согласия» Временного правительства и выразил уверенность, что ген. Крымов, не задумываясь, «перевешает весь состав Совета», займет Смольный и арестует большевистских главарей.[133] Провал военного наступления ген. Корнилова на Петроград сопровождался и распадом его основной боевой силы — казачьих частей, в которых продолжающаяся война и социальная дифференциация тоже оставили свой отпечаток. Все антикорниловские силы и в первую очередь большевики двинули навстречу корниловским частям толпы агитаторов. Делегация Петроградского Совета организовала свой штаб, и агитаторы проводили настоящее братание с казаками и горцами «дикой дивизии». 3 разведчика Совета привели в Гатчину 10 пулеметчиков Татарского полка. Командир «дикой дивизии» в Гатчине созвал комитет, которому заявил, что пусть расхлебывают эту кашу сами русские. Со всех сторон поступали делегации, и их выступления завершались переходом корниловских солдат на сторону Временного правительства. В корниловских частях началось разложение и волнения.[134]

Надлом, происходивший в среде горцев в результате деятельности агитаторов и братания, углубился еще более и привел к их отказу от продолжения наступления на столицу в результате поступления на ст. Вырица из Владикавказа телеграммы Центрального Комитета Союза объединенных горцев за подписью его председателя и членов на имя начальника Кавказской туземной дивизии и командиров Дагестанского, Кабардинского, Чеченского, Ингушского и Татарского полков. Центральный Комитет горцев призвал к полному невмешательству во внутреннюю политическую борьбу, ибо участие может быть пагубно для горских народов. Телеграмма требовала отправки частей на фронт.[135] Генерал Лукомский констатировал, что в частях ген. Крымова начались колебания, а ген. Краснов оставил нам интересные воспо-

---

[132] Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром, стр. 153; В. В. Петраш. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966, стр. 15.

[133] Воспоминания ген. Лукомского, т. I. Париж, 1922, стр. 228, 229.

[134] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Док. и мат., стр. 374, 375.

[135] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 69, 70.

минания, на страницах которых говорилось о «психологии» тогдашнего солдата и даже казака, «которая была проста до грубости», так как казачьи интересы концентрировались вокруг вопросов земли, мира, а приказ Корнилова звал их к войне и победе.[136] Генерал барон Врангель также отмечал, что в полках 3-го конного корпуса замечалось «сильное разложение» и в некоторых полках казаки арестовывали офицеров.[137] Колебания и волнения имели место в двух эшелонах Приморского Драгунского полка на ст. Дно, которые направили делегатов для того, чтобы «узнать, где правда». П. Н. Милюков резонно отмечал, что наступление ген. Корнилова в первую очередь определялось настроением его войска, и вопрос решали не полководцы, а солдаты. Ген. Краснов сам был свидетелем процесса идеологической обработки агитаторами его эшелонов, сопровождавшейся братанием. Большая часть офицеров Приморского драгунского полка, 1-го Нерчинского, 1-го Уссурийского, 1-го Амурского казачьих полков была арестована драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донских казачьих полков были на положении «полуарестованных». Фактически в управление этими частями вступили их комитеты. Казаки 3-го конного корпуса вошли в сговор с Лужским Советом об аресте ген. Крымова. Генерал был задержан казаками и отправлен в Петроград в сопровождении депутатов Лужского Совета.[138]

Как видим, ген. Корнилов, имея поддержку в тыловых войсковых правительствах на Дону, Кубани и на Урале со стороны Дутова, Каледина и др., в действующих казачьих частях единодушной поддержки не встретил. Об этом свидетельствуют и некоторые резолюции казачьих частей. Резолюция, принятая казаками-представителями фронта и 32-го Донского полка, резко осуждала ген. Корнилова и Войсковой Круг, которые, как гласила резолюция, пошли вместе «с помещиками и промышленниками». Резолюция указывала, что «трудовое казачество остается верным заветам революции». Вскоре после падения Корнилова, представитель казаков Юго-Западного фронта Гаврилов заявил, что казачество не допустит возврата к старому и не пойдет «против демократии». В таком же духе высказались представители Уссурийского, Оренбургского, Енисейского и Семиреченского казачества.

---

[136] П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. Л., 1925, стр. 32; А. С. Лукомский. Воспоминания, стр. 250.

[137] Воспоминания генерала барона Врангеля. Материалы. Франкфурт на Майне, 1969, стр. 48.

[138] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 263, 264, 265, 266.

Выступления есаула Нагаева и казака Ершова на демократическом Совещании декларировали поддержку Временному правительству и были направлены против Корнилова и Каледина.[139] Таким образом, о полном единстве казачества в ходе Корниловского движения говорить не приходится. Затянувшаяся война и классово-политическая дифференциация коснулись и казачества, что отразилось и на поведении станичников корпуса ген. Крымова.

Все же, если реальной основой частей ген. Корнилова было казачество, то добровольческие ударные «части смерти» непосредственно под Петроградом себя не проявили. Даже Корниловский ударный полк находился в Ставке, а офицерские организации — Союз офицеров армии и флота, «Военная лига», «Союз георгиевских кавалеров» и др., только делали попытки создать единый военный союз. Тайные офицерские организации перед самым выступлением хотя и были приведены в боевую готовность, но в дело не были употреблены («Союз воинского долга», «Комитет спасения Родины, Свободы и Революции» и др.). Все эти организации были по существу будущей потенциальной силой на случай успеха Корнилова.[140] Все это говорит об организационной слабости Корниловского движения. Все организационные начинания прокорниловски настроенных офицерских организаций были далеки от реализации. Как писал ген. Деникин, по инициативе ген. Крымова, офицерская организация, охватившая главным образом части 3-го конного корпуса Юго-Западного фронта и Киевский гарнизон (училище и полки гвардейской кавалерии), имели своей первоначальной целью создание в Киеве центра будущей борьбы.[141] Благим порывом ген. Корнилова и его окружения остался план переворота в Киеве, арест командующего округом эсера полковника Оберучева, Совета солдатских депутатов и украинских учреждений Центральной Рады.[142]

Приняв во внимание великодержавный, центристский политический курс ген. Корнилова и стоящих за ним классово-политических сил, Центральная Рада оповестила всех граждан Украины, что законным представителем России является только Временное правительство, а на Украине — Центральная Рада и ее Секретариат. Одновременно Генеральный войсковой секретариат известил военного министра, что всем украинским частям на

---

[139] И. И. Ульянов. Казаки и Советская республика, стр. 26; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 370, 370об., 374.

[140] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1115, лл. 95, 96 и др.; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3041, л. 11 и др.

[141] Корниловский мятеж. Из белых мемуаров. Л., 1928, стр. 146.

[142] «Известия ЦИК и Петроградского Совета р. и с. депутатов», 5 сентября 1917 г.

фронте и в тылу направлена телеграмма не выполнять распоряжений ген. Корнилова и оказывать поддержку Временному правительству вплоть до применения оружия.[143] Еще ранее масло в огонь подлили великодержавные распоряжения ген. Корнилова, в результате которых в Округе было предписано не разрешать войсковым организациям Рады регулировать направление украинских эшелонов на фронт.[144] В результате Ставка даже не могла и мечтать об использовании в своих политических интересах украинские формирования, и, как мы знаем, социально-политической основой Ставки во главе с Корниловым являлись казаки, ударники и только частично польские национальные формирования (1-й польский корпус под командованием ген. И. О. Довбор-Мусницкого). Ген Корнилов связывал с этими частями свои надежды и видел в них «действительно крепкие части».[145] На деле же, польские формирования не смогли оказать ген. Корнилову действительной помощи.

Эта узость и слабость социально-политической базы движения ген. Корнилова и огромное преобладание противостоящих ему сил создали такое характерное положение, что выступление генерала Корнилова было по существу подавлено не Временным правительством и не персонально А. Ф. Керенским, а армейскими комитетами, местными Советами, частично советскими партиями и национально-революционными организациями, окончательно распропагандировавшими ударные отряды, двинутые Корниловым на Петроград. Это подметил уже В. М. Чернов. О каких-либо драматических сражениях или вооруженных серьезных столкновениях в процессе ликвидации выступления Ставки и говорить не приходится. Как подчеркивал главнокомандующий Киевским военным округом эсер полковник Оберучев, «в общем то, что называлось мятежем ген. Корнилова, было ликвидировано очень быстро и без больших затруднений».[146]

Однако политические последствия катастрофического события, каковым являлось Корниловское выступление, были неисчислимы. Как это ни парадоксально, в результате разгрома Ставки во главе с Корниловым, сокрушительное поражение понесло и Временное правительство, возглавляемое министром-председателем Керенским. Разгром Корнилова означал одновременно и крушение диктаторских устремлений и Керенского, так как ни одна из

---

[143] «1917 год на Киевщине». Хроника событий. Киев, 1928, стр. 221, 222.
[144] «Киевская мысль», 20 августа 1917 г.
[145] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 341, л. 3.
[146] В. М. Чернов. Перед бурей. (Воспоминания). Нью-Йорк, 1943, стр. 339, 340; Оберучев. Указ. соч., стр. 112.

этих двух сторон не сумела в одиночку ликвидировать занозу в теле Февральской революции — анархо-большевистский Кронштадт и раз и навсегда покончить с паразитарным пребыванием в столице Петроградского гарнизона. Произошел перелом в ходе революции, который открыл дорогу к власти большевикам во главе с реальным кандидатом в диктаторы В. И. Лениным, так как два претендента в диктаторы, противники лидера большевиков, ген. Корнилов и глава Временного правительства Керенский, были решительно отброшены в сторону.

Усиление большевиков в результате падения Корнилова признавали решительно все их политические противники. Как свидетельствует Н. Суханов, этот перелом в революции дал реванш большевикам за июльские дни.[147] Один из лидеров кадетов барон Б. Э. Нольде, так и писал, что в результате поражения якобы хорошего солдата, но «плохого политика» ген. Корнилова, Керенский одержал лишь «Пиррову победу», так как не была достигнута ни одна из целей министра-председателя.[148] Положение А. Ф. Керенского было тем более сложным, что в июле он не воспользовался всеми благоприятными для него политическими обстоятельствами для необходимого разгрома большевиков и теперь, после падения Корнилова, за плечами у неудачливого политика стояли готовые к борьбе за власть несоизмеримо возросшие силы большевиков во главе с В. И. Лениным. Слабый, нерешительный и постоянно колеблющийся политик Керенский допустил роковую ошибку также в ходе кратковременной борьбы с мятежным генералом. Ошибка эта состояла в том, что он дал возможность включиться в борьбу большевикам в качестве одной из лидирующих сторон, обеспечил их активное присутствие в созданных для борьбы с Корниловым органах, и, главное, дал им возможность увеличить свои вооруженные отряды в лице Красной гвардии, которая выросла количественно под предлогом борьбы с Корниловым, и накапливала запасы оружия.

То, что глава Временного правительства сыграл на руку большевикам, видели и иностранные дипломаты, например сэр Дж. Бьюкенен. Все дела А. Ф. Керенского расходились с его заявлениями, и в этом особенно сказывалось фразерство министра-председателя. В период борьбы с Корниловым, по свидетельству английского посла, министр-председатель, касаясь происков большевиков, заявил, что он «никогда не станет ковать собственными руками оружие, которое может быть некогда использовано про-

---

[147] Ник. Суханов. Указ. соч. Кн. пятая, стр. 334.
[148] Nolde, p. 167.

тив революции».[149] События показали, насколько не соответствовали действительности эти слова бывшего присяжного поверенного, поднявшегося высоко на гребне революционного вала.

Кратковременный всплеск Корниловской волны привел в итоге и к другим серьезнейшим сдвигам в политической жизни страны. Как свидетельствует Н. Суханов, «огромный сдвиг влево произошел по всей линии». Теперь происходила ускоренная большевизация Советов в стране и низших комитетов в армии. Даже противники большевиков «откатывались влево». Далеко «налево» отошли уже эсеры Камков, Карелин, Малкин, Спиридонова. Сдвиг наблюдался и у меньшевиков. По мнению Н. Суханова, теперь монополистами среди масс становились большевики, у которых уже к этому времени накопилась реальная сила.[150]

Когда А. Ф. Керенский после падения Л. Г. Корнилова спохватился и захотел принять ряд мер по спасению страны и армии от большевистского проникновения, было уже поздно, так как министр-председатель не располагал реальной силой для обуздания Ленина и его партии. Приказ Верховного Главнокомандующего А. Ф. Керенского от 1 сентября 1917 г. в целях восстановления расстроенной «нормальной» жизни в армии предлагал прекратить политическую борьбу в войсках, безотлагательно прекратить аресты командного состава, смещение и устранение последнего. Глава армии предлагал также, что характерно, «прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями».[151] 4 сентября в постановлении Временного правительства указывалось, что в «дни мятежа» в городах, деревнях, на ж.-д. станциях как в тылу, так и в армии «образовались особые комитеты спасения и охраны революции». Отмечая заслуги этих комитетов, правительство требовало прекращения «самочинных» действий с их стороны, так как восстановлена деятельность компетентных государственных органов.[152] Гибкая тактика Ленина и его большевистской агентуры в тылу и в армии привела уже к губительному процессу устранения командных офицерских кадров, давшего начало новой сокрушительной фазе всеобъемлющего кризиса управления в частях. В своем письме от 30 августа в ЦК РСДРП(б) Ленин, как известно, предлагал воевать с Корниловым «как и войскам Керенского», но не поддерживать последнего и не отказываться «от задачи свержения

[149] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, ст. 268.

[150] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. шестая. Б.—М., 1923, стр. 10, 14, 35, 36, 37.

[151] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 8, лл. 421, 421об.

[152] «Вестник Временного правительства» 5 (18) сентября 1917 г

Керенского». Ленин выдвинул установку продолжать борьбу масс и «*Увлекать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказавшихся за Корнилова», настаивать, чтобы солдаты требовали *тотчас* (курсив наш. — М. Ф.) передачи земли крестьянам, наводить их на мысль необходимости арестов. Ленин указывал, что только развитие этой войны приведет большевиков к власти. В то же время лидер большевиков предлагал поменьше говорить об этом «в агитации». Он предлагал «разжигать массы».[153]

Как показывают события, согласно ленинского политического рецепта, солдаты избивали широкую прослойку старших офицеров, зачастую непричастных к корниловскому движению. Жестокие убийства командного состава в Выборге, в пределах отдельного 42 армейского корпуса, убедительно свидетельствуют об этом. Вне сомнения, полную ответственность за этот вопиющий акт выборгского самосуда несут большевики. 29 августа армейский комитет 42-го отдельного армейского корпуса сообщил, что он не «находит нужным арестовать» командира этого корпуса ген. В. А. Орановского, вина которого была весьма и весьма сомнительной. Однако, побуждаемые к эксцессам, солдаты того же 29 августа зверски убили этого генерала, а также обер-квартирмейстера корпуса ген. Васильева, командира крепости ген. Степанова, начальника инженеров крепости ген. Максимова, полковника Дунина, командира 3-го Выборгского полка полк. Карповича. Убийства сопровождались истязаниями и ограблением. Всего в крепости Выборг было замучено 11 генералов и полковников.[154] Эксцессам и стихийным расправам способствовала большевистская пресса, потоком хлынувшая на фронт. Так, «Солдат» 29 августа писал, что конец смертной казни на фронте «должен завершиться на страх буржуазии смертью авторов и проводников, т. е. контрреволюционного командного состава». Об обстановке на фронте свидетельствуют и солдатские письма. 31 августа солдат 17-го инженерного полка писал своему земляку: «Мы отказываемся подчиняться нашим офицерам и взяли всю власть в свои руки. Офицеров мы из своих рук не выпустим . . . моли бога они, что удержали роту на дороге — шли с тем, чтобы уничтожить всех офицеров».[155] На фронте бытовали убийства и избиения. Так, озверевшие в результате соответствующей пропаганды и озлобленные

---

[153] Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 43, 44, 45.

[154] ЦГВИА, ф. 2421, оп. 1, д. 20, лл. 42, 43; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1555, л. 245 и др.

[155] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. док. и мат., стр. 379.

солдаты убили на Западном фронте командира 299-го пехотного полка и нанесли тяжелые побои командиру 218-го пехотного полка.[156] Даже на далеком Кавказском фронте наблюдались попытки самосуда, аресты офицеров, насилия и избиения (крепость Карс), хотя здесь, по свидетельству комиссара Донского, «кризис, связанный с Корниловским мятежом, переживается Кавказской армией сравнительно безболезненно, особенно на фронте...».[157] Для укрепления своих позиций в армиях и окончательного подрыва управления последними, большевистские руководящие органы начали проводить на фронте через свою печать и агитаторов кампанию за проведение т. н. демократизации, что теперь, в условиях незаконченной войны и реакции массы на последние события было ничем иным как кампанией за введение безначалия. В этом отношении характерна резолюция большевистской фракции ВЦИК от 27 августа, широко использованная большевистской печатью. В резолюции содержались заведомо ложные и демагогические утверждения ленинских пораженцев о сдаче контрреволюционными силами Тарнополя и Черновиц, в связи с чем необходимо солдатам требовать удаления генералов, «заменив их выборными». В отличие от Временного правительства и Керенского, большевистские демагоги умело соединяли эти требования с социальными устремлениями масс, и предлагали солдатам одновременно требовать немедленной передачи земли народу и перехода всей власти «в руки рабочих, крестьян, солдат». Резолюция делегатского собрания Военной организации при ЦК РСДРП(б) ставила солдатам конкретную задачу о проведении в армии широкого выборного начала.[158] Совершенно очевидно, что это требование о выборности командного состава в сложном механизме многомиллионной современной армии сводилось по существу к параличу работы штабов и ставило командиров в зависимость от нежелающей воевать солдатской массы, что входило в расчеты большевиков в деле ускорения окончательного распада фронта.

Одним из важнейших последствий провала наступления на Петроград был ускоренный рост большевистской Красной гвардии и ее вооружения, что происходило под сурдинку организации борьбы с ген. Корниловым. Фактически, костяк своих красногвардейских отрядов большевики сумели сохранить еще со времени своего июльского выступления, что облегчалось преступной с государственной точки зрения небрежностью Временного правительства. На Петроградских заводах имелось много оружия, ко-

---

[156] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, л. 81.
[157] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 276, лл. 12—14.
[158] «Солдат», 29 августа 1917 г.; «Рабочий», 10 сентября 1917 г.

торое хранилось там еще с июльских дней.[159] На глазах у Временного правительства Красная гвардия получала оружие из Сестрорецкого оружейного завода, от военных частей из Новочеркасских казарм, из склада Петропавловской крепости и других источников. До середины сентября большевиками было добыто около 7 тысяч винтовок. В дни разгрома Корнилова общее число Красной гвардии в Петрограде колебалось в пределах 15 тысяч.[160] Как отмечал в своих воспоминаниях член ЦК большевиков П. А. Милютин, после разгрома Корнилова отряды красногвардейцев не расходились, проводилось их систематическое обучение, имелись бронемашины, а «кое-что, —писал Милютин, — забрали мы у Корнилова».[161] Один из организаторов Красной гвардии в Москве большевик Я. Я. Пече, приводит интересные сведения, что уже в мае большевиками были взяты на учет все склады оружия в Москве и в провинции, посылались ответственные организаторы на Тульский оружейный завод и Владимирский пороховой. На заводе Михельсона было организовано литье и выточка оболочек для ручных гранат, а на заводе «Мотор» — изготовление остальных деталей. Под видом «Главного штаба Красной гвардии» в Москве, куда входили в период корниловских событий эсеры и меньшевики, большевики создали свой засекреченный штаб, который располагал всеми средствами. Еще задолго до Октября большевики установили связи по добыче оружия в Мызе Раево, в Семеновском складе вооружений, Кремлевском арсенале и т. п.[162] По данным осведомленной эсеровской газеты, в «Корниловские дни» в Петрограде насчитывалось якобы 40—45 тысяч красногвардейцев. Урицкий в своем выступлении в ЦК 10 октября указывал на наличие в Петрограде у рабочих около 40 тысяч винтовок. Член большевистского ЦК Г. Я. Сокольников (Бриллиант) заявил также на заседании Центрального Комитета: «Величайшая особенность и наша сила именно в том, что мы открыто готовили вооружение».[163]

Такова была благоприятствовавшая большевикам политическая обстановка, созданная ходом событий после провала похода ген. Корнилова.

---

[159] «Рабочий», 13 сентября (31 августа) 1917 г.

[160] В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции, стр. 162, 164.

[161] Великая Октябрьская Социалистическая революция. Сборник воспоминаний. М., 1957, стр. 158.

[162] Там же, стр. 388, 389, 391.

[163] «Дело Народа», 30 августа 1917 г.; Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 85, 101, 102.

Эти успехи большевиков в столицах и вообще в тылу самым серьезным образом отразились на положении действующей армии и были теснейшим образом связаны с ростом дезорганизации в частях, неповиновением, недоверием к офицерскому корпусу и развалом управления. Теперь в армиях наряду со старыми явлениями появилась во многих частях тенденция к требованию смены именно всех начальников, и этот «разлад», согласно сводкам, был внесен корниловским выступлением и пробольшевистскими резолюциями нового руководства Петроградского Совета. Как сообщал комиссар 5-й Армии, «разложение усиливалось особенно в связи с успехами большевиков в Петрограде».[164] В пределах 5-й Армии созданные «Комитеты спасения революции» с начала сентября поддерживали агитацию за необходимость ареста всех высших начальников, распространялись большевистские прокламации и происходили аресты офицеров.[165] В 12-й Армии широко распространяемый орган большевиков «Отклики Правды» рекомендовал солдатам не верить командному составу и следить за ним. В другом сентябрьском номере эта газета настойчиво проводила мысль о необходимости выборов *всего* командного состава «от младшего до старшего». «Отклики Правды» называли командный состав «волками в овечьей шкуре» и убеждали солдат в необходимости передачи власти в армии в руки выборных комитетов и выборного начальства.[166] Случаи оскорбления офицерского состава стали здесь «обычным явлением» и участились угрозы о применении насилия и ареста командного состава. Армию потрясали, что характерно, мелкие столкновения, возникающие на почве вражды и недоверия к офицерам. Все это происходило на фоне широкого недовольства скверным состоянием снабжения солдат. Бытовали отказы от повиновения полков, батальонов и рот. Сводка за последние числа сентября отмечала, что в 12-й армии более устойчивыми являлись только 43-й корпус, 136-я пехотная и 4-я Сибирская дивизии.[167]

На Юго-Западном фронте после ареста главкоюза ген. Деникина его начальника штаба ген. Маркова, ген. Эльснера и других, был снят за причастность к заговору командующий 7-й Армией ген. Селивачев и начальник штаба граф Каменский, командир 12-го корпуса ген. Черкасов и др. В Особой Армии прокатилась широкая волна арестов, и многие командиры были заключены

---

[164] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 48, 49, 56, 57.

[165] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. док. и мат., стр. 394.

[166] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 594, лл. 203, 203об.

[167] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 20, лл. 63, 64, 65.

под стражу «без предъявления каких-либо обвинений».[168] Следует отметить, что на этом фронте комиссарский состав не отличался глубоким пониманием корниловского выступления и зачастую плыл в форватере, проложенном большевистской агентурой. Так, в разгар корниловского выступления председатель Исполнительного Комитета Юго-Западного фронта И. С. Дашевский считал универсальными меры по оздоровлению армии лишь «обновление командного состава», а комиссар 7-й Армии фронта выражал убеждение уже после разгрома корниловского похода, что «с обновлением командного состава» последует на фронте «единство, которое так необходимо».[169] Со всего фронта массово поступали, подогреваемые большевиками, требования солдат об отчислении офицеров. 8 сентября исполняющий должность комиссара фронта Костицин отмечал усиление пораженческой агитации большевиков и резюмировал свое донесение словами: «Надвигается волна большевизма как естественная реакция после корниловской авантюры».[170]

На Румынском фронте корниловское выступление не нашло широкой поддержки и здесь не отмечалось той остроты положения, как в армиях Юго-Западного фронта. Наиболее резкие столкновения происходили в 8-й Армии, соседствующей с Юго-Западным фронтом, куда более широко проникала большевистская агитация. Малейшее подозрение в сочувствии мятежу со стороны командного состава приводило немедленно к устранению от должности. Все распоряжения командного состава были взяты под контроль.[171] Это положение затем распространилось и на другие армии Румынского фронта, и здесь, согласно сводкам, также наступило ухудшение отношений между солдатами и офицерами. Комитеты осуществляли контроль за распоряжениями командиров и, как гласило донесение от 10 сентября, «офицерский корпус . . . взят солдатами под сильное подозрение».[172] В течение сентября на фоне уже затихающих разговоров о корниловском выступлении в армиях фронта все более усиливались недуги, терзавшие их и раньше. Командование отмечало жажду мира среди солдат «на каких угодно условиях», увеличение числа отказов от исполнения боевых заданий, недовольство вещевым и продовольственным снабжением и т. п. Также остро стояли во-

---

[168] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 3, д. 4, лл. 95, 96; ЦГВИА, ф. 2407, оп. 1, д. 9, л. 65.

[169] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3815, лл. 130, 130об.; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 11; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 116.

[170] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, лл. 3—6.

[171] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 132, 133.

[172] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 27, лл. 22—24.

просы необходимого укомплектования частей, что особенно проявлялось в 9-й Армии фронта. Как и на других фронтах, среди развернувших свою работу большевиков-пораженцев имелась определенная прослойка офицеров. Для разложения фронта немцы снова усилили провокационную кампанию братания. В братание под воздействием большевиков втягивалась значительная солдатская масса. В этом отношении характерен митинг 5 полков резерва 33-го армейского корпуса 8-й Армии, происходивший 18 сентября 1917 г. в трех верстах от позиций и собравший не менее 10 тысяч солдат. На повестке дня стоял вопрос о мире и братании. Части подошли с белыми флагами, и митинг продолжался всю ночь. Была принята резолюция в большевистском духе и выделены делегаты в Петроград.[173] Волна митингов прокатилась по всему фронту.

Жалобы большевиков о недопуске их прессы на фронты были демагогией и лишены основания. Так, в части 15-й пехотной дивизии Румынского фронта проникала даже большевистская «Волна» из далекого Гельсингфорса, которая открыто призывала к неповиновению Временному правительству и начальникам, а Рижский прорыв объясняла изменой офицеров, так как солдаты якобы желали сопротивляться и т. п. Эта пресса призывала к избиению начальников. Как констатировал командир 60-го Замосцкого пехотного полка небезызвестный в истории гражданской войны М. Г. Дроздовский, офицерство жило «на вулкане». Полковник Дроздовский в своем письме командованию 27 сентября отмечал, что «возлагать какие-либо серьезные надежды на современную нашу армию — наивная мечта». Среди солдат по-прежнему, указывал полковник Дроздовский, царит недовольство, озлобление тылом, недовольство пищей, состоянием обмундирования.[174] Несмотря на отдаленность Румынского фронта от крупных центров и нахождение значительных его сил вне территории России, все же и здесь, хотя в несколько заторможенном виде (4-я, 9-я Армии) происходили те же явления, что и на других фронтах. В сентябре в 9-й Армии отношение к офицерству было «враждебное и недоверчивое», что имело место и в других армиях.[175]

На Западном фронте корниловские события происходили на фоне последствий неудачного июльского наступлени, массового неисполнения приказов, вооруженного сопротивления солдат и

---

[173] М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте, стр. 166, 167.

[174] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4. д. 27, лл. 154, 155.

[175] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 1, д. 1880, л. 191; ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 9, лл. 181 и др.

насилий. Во фронтовых частях выявился значительный контингент солдат, т. н. «ослушников», непродуманно рассеянных по армейским частям фронта, как это имело место при расформировании ряда частей, в том числе 673-го и 675-го полков 10-го корпуса. На Минской гауптвахте и в ряде других пунктов скопилось 1 500 арестованных солдат. Как свидетельствовал рапорт полевого военного прокурора армий Западного фронта — «этапы и гауптвахты были набиты битком». 1 500 солдат находились под надзором, и наблюдалось «местное бессилие власти». В этих условиях на фронте создалось политическое раздолье для деятельности большевиков. С середины сентября армейские части буквально наводнялись большевистской газетой «Молот», преемницей закрытой 23 августа газеты «Звезда». Здесь помещались статьи, подрывающие авторитет Временного правительства, говорилось о немедленной, до Учредительного Собрания, передаче помещичьих земель и инвентаря крестьянам и солдатам, возбуждались солдаты против офицеров и содержались призывы к гражданской войне. Газета убеждала солдат, что все демократические партии, кроме большевиков, — предатели, продавшиеся капиталистам. Командование Западного фронта жаловалось в конце сентября А. Ф. Керенскому, что газета имеет «широкий доступ» в армии, подрывает «всякое доверие к командному составу и ведет армию к полному разложению». Материалы «Молота» всячески пытались доказать темной солдатской массе, что несмещенные корниловские генералы умышленно сдадут Петроград, и что армия «воевать не хочет и воевать не способна» и т. п.[176] На Западном фронте, как и на других, характерным явлением становилось постепенное превращение многих низших комитетов в послушное орудие большевиков и анархиствующих солдат. Ряд этих комитетов фактически превращался в большевистские ячейки «Военки» и часто пытался сконцентрировать власть в своих руках. Так, в 44-м Сибирском стрелковом полку солдаты в конце сентября арестовали командира полка, задержали всех офицеров, и полком временно управлял полковой комитет.[177] Комиссар 10-й Армии фронта Якубович 5 сентября в своей тревожной телеграмме сообщал в Петроград, что «сейчас вспыхнула эпидемия арестов солдатами лиц командного состава».[178] После ликвидации корниловского выступления и во 2-й Армии наблюдалось, по донесению комиссара Гродского, «настроение возбужденное», что «усили-

[176] «Молот», 15 сентября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1339, лл. 268, 269, 270.

[177] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 60.

[178] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 8.

лось недоверие к командному составу» и по-прежнему бытовало неповиновение приказам и отказы от работ. Комиссар Гродский отмечал усиление ведущейся агитации против командного состава и резкое ухудшение» общего состояния армии.[179] На пробольшевистское настроение в частях Западного фронта и выступления против офицерского корпуса в большой степени влияла волна большевизма в соприкасающихся с фронтом запасных частях Минского военного округа, где происходила эпидемия арестов начальствующего состава, насилия над офицерским составом и усиление позиций большевиков в местных Советах. Комиссар округа так и доносил, что в местных Советах «сильное движение в сторону большевизма».[180] Для усиления своих позиций большевики создали в сентябре Северо-Западный областной Комитет РСДРП(б), в руках которого сосредоточилось руководство всеми территориальными организациями Белоруссии и Западного фронта, что привело к усилению большевистского влияния. В армиях Западного фронта отмечался, по сравнению с другими армиями, наиболее крупный количественный рост большевистских организаций. Здесь в конце сентября большевики насчитывали 48 994 члена партии и сочувствующих.[181]

Как мы уже знаем, на Кавказском фронте корниловские события слабее отразились на армии и такого накала выступлений как на европейских фронтах здесь не наблюдалось. Однако, общая тенденция развития событий здесь шла в том же направлении. 30 августа на заседании Объединенного Центра Краевых Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под председательством Гегечкори в связи с выступлением ген. Корнилова, был создан Временный Центральный Кавказский Революционный Комитет, который взял всю полноту власти в крае. В Комитет вошли представители меньшевиков, эсеров, дашнаков, федералистов и большевиков. Была создана специальная комиссия по проведению арестов и направлены комиссары во все корпуса. Был произведен целый ряд арестов офицеров, смещен начальник штаба фронта и т. д.[182] В частях Кавказского фронта, по донесениям командования, также «ухудшилось настроение» и выразилось в ухудшении отношений между солдатами и командным составом: наблюдалось подозрительное и недоверчивое отношение к командирам. Эти явления участились в 1-м Кавказском отдельном корпусе

---

[179] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 79, 81, 87 и др.

[180] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 13.

[181] Х. И. Муратов. Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1958, стр. 111, 112.

[182] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 74, лл. 284, 286.

и в других частях. В 7-м Кавказском отдельном корпусе 1 сентября корпусной комитет обратился к командованию с требованием об удалении ген. Чебышева и ряда офицеров, заподозренных в сочувствии к ген. Корнилову. Ген. Чебышев обвинялся в распространении телеграммы ген. Деникина. Корпусной комитет организовал контроль через комитеты частей всей входящей и исходящей штабной переписки.[183]

Шли аресты командного состава и в Кавказском военном округе. По сообщениям штаба фронта, в пределах округа в связи с делом Корнилова, был арестован ген. Калитин, подполковники Астраханцев, Теплов и др. На Тифлисской гауптвахте к 15 сентября содержалось под стражей 19 офицеров.[184] Более резкие, в политическом отношении, выступления солдат происходили в Карском крепостном полку, где возник бурный инцидент — были задержаны подозреваемые в сочувствии к ген. Корнилову полковник Квиткин и прапорщик Серебряков.[185]

Развал управления армией на рассматриваемом нами этапе определялся не только значительным количеством арестованных командиров, а полным отсутствием власти в руках остававшегося генералитета и офицерского корпуса. Пришедший на смену устраненным приверженцам ген. Корнилова новый генералитет и многие вновь выдвинутые офицеры также не отличались боевыми качествами, а подбирались по принципу лояльности к существующей власти. Новый верховный главнокомандующий А. Ф. Керенский и привлеченный им на пост начальника штаба Ставки ген. Алексеев по-прежнему недопонимали всего сложного комплекса вопросов выхода из создавшегося тупика. Ген. Алексеев только констатировал, что «армия совершенно больна», что ее болезнь безнадежно затягивается», но не был способен, ввиду узости своего мышления и классовой ограниченности, на предложение действенных и само собой понятных социальных и политических мероприятий, все сводил к необходимости обучения войск и т. п.[186]

Бедой армии исподволь становился и ее младший командный состав, — значительное количество прапорщиков, подпоручиков и др., призывов военного времени, принятое с большой неохотой и подозрительностью в офицерский кадровый состав. В силу классовых корней, ударились в большевизм и в левые эсеры, они не управляли солдатами, а возглавляли вспыхивавшие эксцессы

---

[183] ЦГВИА, ф. 2294, оп. 1, д. 75, лл. 133, 133об., 136 и др.; ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 126, лл. 74об., 78, 78об.

[184] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 9, д. 18, лл. 341, 348.

[185] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 276, лл. 33об., 34.

[186] А. Зайончковский. Кампания 1917 года. Письмо Начальнику генштаба 2 (15) сентября 1917 г., стр. 106.

в частях, и многие подвергались запоздалым арестам. Как писал в сентябре начальник 2-й Финляндской стрелковой дивизии ген. Демидов, «масса молодых прапорщиков, которая течет сейчас в армию, вносит в ряды армии слишком много политики и страсти, чем сильно волнует солдатские массы». Эта прослойка младшего офицерства стала играть видную роль в выборных организациях армии и потворствовала солдатским стремлениям.[187] Таким образом, снизу доверху командный состав или не мог использовать свои непосредственные права по управлению армией, или же плыл в бурном фарватере солдатских желаний. Терявшие шаг за шагом свои позиции в выборных солдатских организациях армейские меньшевики и эсеры, как и их вожди, объективно играли на руку большевикам и проводили губительную для сохранения армии в создавшихся условиях после разгрома Корнилова политику проведения т. н. «демократизации» командного состава. Эту близорукую политику в угоду большевикам отстаивали в сентябре и многие дивизионные и корпусные съезды, проводимые еще под эгидой партий обороны.[188] Армейская масса только одним своим отрицательным отношением к заговору ген. Корнилова обеспечившая сомнительную «победу» Временного правительства, ударилась в стихийные эксцессы и подходила к своему окончательному разложению.

Лидерам эсеров, меньшевиков и крайнего правого крыла кадетов и октябристов было уже ясно, что страна не может и не способна воевать. Однако никто из них не делал смелых, болезненных, но необходимых выводов. Перед страной в целях спасения революции по-прежнему стоял вопрос о заключении мира и разрешение аграрного вопроса. Н. Суханов в своих записках отмечал, что «мы не можем воевать. . . . казалось было ясно всякому ребенку». В новом Петроградском Совете и в Москве большевики получили перевес, председателем Петроградского Совета стал талантливый демагог Л. Д. Троцкий, а на выборах в Московские районные Думы эсеры потерпели сокрушительное поражение и собрали вдвое меньше голосов чем большевики, которые были поддержаны подавляющим большинством солдат гарнизона.[189]

В этой обстановке крушения государства, фронта и блестящих начал Февральской революции Временное правительство во главе

---

[187] «Новая жизнь», 30 августа 1927 г.; «Рабочий путь», 29 сентября 1917 г.; Революционное движение в русской армии. Сб. док. и мат., стр. 172, 444; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 124, 125, 126.

[188] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, л. 54; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3820, лл. 173, 173об.

[189] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. шестая. Берлин—Петроград—Москва, 1923, стр. 77, 189, 192, 196.

с Керенским палец о палец не ударило для крутого поворота своей губительной политики. Как свидетельствует английский посол Дж. Бьюкенен, Керенский только говорил о необходимости сокращения продолжительности войны, так как он опасался, что Россия «не сможет держаться до конца».[190] Американский посол Д. Р. Френсис также указывал, что член кабинета Керенского министр иностранных дел Терещенко якобы секретно сообщал послу: 1 августа Россия получила чрезвычайно выгодное для нее предложение мира от Германии, что было известно и Керенскому.[191]

После корниловских событий русские буржуазные лидеры хотя и боялись движения масс в тылу и на фронте, но они не были готовы пойти на немедленные радикальные перемены, а только беспомощно разводили руками. А. И. Гучков, арестованный на фронте во время Корниловских событий и вскоре освобожденный, по свидетельству ген. Половцева, только утверждал, что «все равно предотвратить всеобщий развал и жестокий голод невозможно», а Родзянко ему вторил, что «Россия погибла. Ничего нельзя сделать».[192] Военные круги, генералитет и многие высшие офицеры также проявили удивительное непонимание положения страны и армии, и, констатируя «прогрессирующий развал сложного аппарата армии», со злорадством указывали, что и отдельные лица и комитеты «не создали поворотного пункта эры возрождения армии». Эти круги упорно замалчивали злободневные социальный и национальный вопросы, и видели выход в создании отрядов преторианцев из ... георгиевских кавалеров.[193]

Социалистические партии эсеров и меньшевиков, так позорно сдавшие великие достижения Февральской революции на «поток и разграбление» большевикам, также недопонимали сложившуюся обстановку, и их непростительная политическая близорукость вытекала в значительной степени из слепой приверженности догматической формулировке о «буржуазном характере» русской революции. Они пришли к признанию своих ошибок лишь после своего крушения. Только впоследствии Ф. И. Дан признавал, что именно на почве выполнения аграрной программы и мира «мыслима была борьба с большевиками с некоторыми шансами на

---

[190] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 261.

[191] David R. Fransis. Russia the American Embassy. N. Y., 1922, pp. 290, 291.

[192] П. А. Половцев. Дни затмения, стр. 179.

[193] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 353, л. 97.

успех».[194] Однако после корниловского выступления все благие намерения лидеров эсеров и меньшевиков безнадежно запаздывали или откладывались. Точно так же А. Ф. Керенский, активный капитулянт июльских дней, впоследствии мог только констатировать, что «безумный» мятеж ген. Корнилова открыл двери «большевикам в Кремль, а Гинденбургу в Брест-Литовск». Точно так же впоследствии А. Ф. Керенский признавал, что социалистические партии совершили фатальную ошибку, «заключив в сентябре фактическое перемирие с большевиками, открыли свой тыл самым опаснейшим и злейшим врагам». Незадачливый диктатор только в начале 1921 года откровенно сокрушался, что тремя смертными грехами его и социалистических партий «топтания» на месте были неразрешенные вопросы земли, армии и мира.[195]
Однако непосредственно в период, последовавший за падением ген. Корнилова, как А. Ф. Керенский, так и многие генералы и лидеры социалистических партий не смогли разглядеть разрастающуюся катастрофу во всем ее социальном и политическом объеме. Ф. И. Дан, также причастный к открытию тыла революции большевикам, писал, что «последние 2—3 месяца существования Временного правительства целиком наполнены старанием его разрешить задачу квадратуры круга — создать правительству опору в виде военных сил, которые сами неудержимо разлагались вследствие утраты надежды на скорое заключение мира».[196] Об опоре на военные силы уже не могло быть и речи. Демагогические и заведомо лживые утверждения большевиков об «измене» и «предательстве» военного командования в деле прорыва у Тарнополя, падения Риги и т. п., использованные ими для разжигания неповиновения солдат в целях ускорения распада армии, в сентябре и в начале октября, снова были решительно опровергнуты ходом событий на фронте. 8 сентября, уже после падения ген. Корнилова и разгрома его приверженцев в армии, немцы атаковали 28-й армейский корпус на Северном фронте в Якобштадтском тет де поне и отбросили его на правый берег Двины. Практически русские солдаты не оказывали сколько-нибудь существенного сопротивления. По существу, получилась полная аналогия с падением Риги. 22 сентября 1917 г. на том же Северном фронте была проведена крайне необходимая с военной точки зрения наступа-

---

[194] Записки о Революции. Кн. первая. Берлин—Петроград—Москва, 1923, стр. 168.

[195] А. Керенский. Издалека. Сб. статей. 1920—1921. Париж, стр. 186, 233, 235.

[196] Записки о Революции. Кн. первая. 1923. Ф. Дан. К истории последних дней Временного правительства, стр. 166.

тельная или защитная операция на участке 2-го и 6-го Сибирских корпусов 12-й Армии. Солдаты категорически отказались принять участие в бою, ссылаясь на недоверие Временному правительству, отсутствие укомплектований, авантюру ген. Корнилова, и кричали, что «весь высший командный состав нужно поднять на штыки». Мало того, с позиций потянулись в тыл огромные вереницы солдат вдруг оказавшихся «больными». Так была сорвана операция 2-х корпусов. В ночь с 3 на 4 октября состоящая из 20-ти судов немецкая эскадра вошла в Рижский залив. Был занят Даго и вскоре последовала эвакуация русских сил с Моонзундских островов. Финал последних сражений русских вооруженных сил означал завершение распада армии. Можно сказать, что после провала июньско-июльского наступления, падения Черновиц и прорыва у Тарнополя, падения Риги и последних указанных нами операций на фронте противостояли друг другу не две регулярные современные армии. На одной стороне фронта находилась дисциплинированная, технически оснащенная немецкая армия, а по другую сторону фронтовой линии бушевала мятущаяся русская солдатская вольница, которая при малейшем нажиме противника разбегалась и все больше втягивалась в большевистскую западню с ее миражами мира, земли, свободы и т. д. После захвата противником Моонзундских позиций произошло полное окончание активного участия России в первой мировой войне. Как справедливо отмечал историк военной кампании 1917 года, теперь «русские войска перестали быть для немцев даже обозначенным противником».[197] Работающий вхолостую и по инерции аппарат Ставки в своих стереотипных сводках отмечал, что «на фронте обычное братание и меновая торговля» и по существу констатировал создание новой действительности в развалившихся армиях от Балтийского до Черного моря.

Для более глубокого понимания условий распада армии Февральской революции и чтобы осмыслить неизбежность этого процесса необходимо в общих чертах остановиться на обрисовке положения экономики страны и связанного с ней материального положения армии, состояния военных округов, постепенно растворяющихся в аграрной стихии, национальных формированиях и др.

Политический кризис в стране и в армии шел тесно переплетаясь с экономической разрухой, которая прогрессировала, и общее состояние народного хозяйства и железнодорожного транспорта, в частности, неминуемо отражалось на фронте и в округах. Как докладывал управляющий эксплоатационным отделом МПС

---

[197] А. Зайончковский. Кампания 1917 года, стр. 112, 113, 114; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 144, лл. 99—103 и др.

на Заседании Особого Совещания, «положение на железных дорогах очень тяжелое и с каждым днем все ухудшается». За первую половину 1917 г., по сравнению с тем же периодом 1916 г., на железных дорогах было недогружено 980 100 вагонов, а за июль, по сравнению с июлем 1916 — 244 818 вагонов. На дорогах фронта за июль было недогружено 70 464 вагона, а многие важнейшие железнодорожные узлы были забиты, и там продолжали создаваться т. н. «пробки». Особенно тяжело отразилось на железнодорожном транспорте падение погрузки угля для собственных нужд. Происходил дальнейший развал подвижного состава. В июне больных паровозов было 24,4%, а в июле этот процент вырос до 25,3%. На некоторых дорогах процент неисправных паровозов доходил в это время до 38%. Процент больных вагонов удвоился против 1916 г. Обращал на себя внимание лихорадочно растущий темп выхода паровозов из строя: за первую половину июля пришло в негодность 100 паровозов, а за вторую — уже 340. Нормальная работа железнодорожного транспорта подсекалась систематическим уменьшением доставки антрацита из Донбасса, вследствие падения в бассейне производительности труда. Тяжело отзывался на народном хозяйстве страны и транспорте рост количества задержанных вагонов. Характерно, что в июне 1915 г. в среднем ежегодно задерживалось от 3 000 до 3 100, а в июне 1917 года уже от 4 880 до 6 800 вагонов. Управляющий эксплоатационным отделом считал, что «надвигается паралич железнодорожной сети». Об этом говорили темпы транспортной разрухи. На необходимом ремонте 1 июля 1916 г. находилось 3 297 паровозов, а к июлю 1917 г. — 5 083 и т. п.[198] В августе задержки на железных дорогах угрожающе росли, и о планомерности перевозок не могло быть и речи.[199] Транспортная разруха приводила к тому, что даже имеющийся в наличии антрацит Донбасса вывозился крайне слабо. В августе на имя А. Ф. Керенского поступила телеграмма из Донбасса, в которой указывалось, что все станции этого угольного бассейна были забиты порожними вагонами, а важнейший ж.-д. узел Дебальцево был закупорен на долгое время. На рудничных станциях стояло много порожняка и бездействующих паровозов. Из 1 000 осмотренных вагонов все были признаны негодными к эксплоатации. На железных дорогах Донбасса наблюдался, как гласил текст телеграммы, «паралич административного и технического аппарата», расстройство подъемных путей и т. п. Такая же картина наблюдалась, по утверждению одного из директоров-распорядителей, и в южной металлургической промышленности.

---

[198] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, лл. 91, 92, 435, 436, 437об., 439об. и др.
[199] ЦГВИА, ф.499, оп. 2, д. 1099, лл. 51.

Автор телеграммы инж. Вольский утверждал, что «к ноябрю 1917 года Россия окажется без транспорта, угля и металла» и предлагал милитаризировать эти важнейшие отрасли народного хозяйства.[200] 16 сентября на Демократическом Совещании выступил военный министр Верховский, который констатировал, что армия плохо одета, скверно обута, хлебный паек крайне скудный, но военные власти не в силах помочь армии, так как срывается доставка всего необходимого фронту — «ибо нельзя перевезти». Министр заявил о резком увеличении больных паровозов и о крайне слабом пополнении подвижного состава.[201] Положение на транспорте усложнялось еще дезорганизацией, вносившейся усиленной перевозкой солдат, которые путем угроз и насилий стали отправлять т. н. биссирующие пассажирские поезда, что в итоге привело к сокращению нормального пассажирского сообщения. В результате бесчинств солдат, требований внеочередной отправки, угроз и самосуда, парализовалась работа многих ж.-д. узлов (Харьков, Знаменка и др.). Одновременно солдаты производили вскрытие вагонов и расхищение грузов, сопровождая это избиением ж.-д. персонала. Так, 29—30 сентября на ст. Рязань было вскрыто солдатами 93 вагона, а груз расхищен. Эти акции принимали настолько широкий характер, что министр путей сообщения обратился к военному министру с требованием положить конец насилиям солдат на ж.-д. транспорте и к ограждению путей сообщения и ж.-д. персонала «от насильственных действий солдат»[202] В октябре эксцессы усилились и сопровождались разграблением интендантских грузов толпами солдат и женщин-солдаток. Эти явления нарастали с каждым днем и имели место на всей сети ж.-д. магистралей. По донесениям ж.-д. ведомства, только за октябрь и начало ноября наиболее крупных «эксцессов», связанных со взломом груженных вагонов и расхищением их грузов солдатами на ближайших к фронту дорогах, насчитывалось 64, а число разграбленных вагонов было более 347. Другие материалы ж.-д. ведомства говорят уже о «колоссальной цифре» разграбленных вагонов в прифронтовой полосе.[203] Таким образом, в августе, сентябре и октябре появился новый существенный фактор, усиливающий кризис ж.-д. транспорта — солдатские хищения и грабежи, свидетельствующие о дальнейшем падении политико-морального состояния голодной солдатско-крестьянской массы. В октябре шел дальнейший рост недовоза на фронт, связанный

---

[200] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 202, 203.

[201] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 373.

[202] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 6, лл. 66, 93, 95, 103, 124, 131 и др.

[203] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 33, 35, 35об., 37об., 94 и др.

с усиливающейся резкой нехваткой топлива для железных дорог и отсутствием пригодного порожняка. Главный полевой интендант ген. Егорьев телеграфировал в начале октября в Петроград, что в Кубанском крае было заготовлено для фронта 2 913 вагонов продовольственных грузов, но их отправка приостановлена из-за отсутствия вагонов.[204] На совещании у начальника штаба Ставки 6 октября было констатировано «катастрофическое положение железных дорог фронта в связи с топливом, грозящее полным расстройством транспорта и, вследствие этого, неисчислимыми бедствиями армии и населения». В связи с отсутствием угля железные дороги фронта были вынуждены начать заготовку дров.[205]

Глубокий затянувшийся кризис охватил промышленную жизнь важнейшего района России — Донецкого бассейна, в котором была сосредоточена главная добыча минерального топлива, и который являлся главным районом всей страны по производству чугуна, железа, стали. От нормального и бесперебойного хода промышленной жизни этого района зависела вся экономика России. Между тем, положение в Донбассе ухудшалось изо дня в день. Вывоз топлива из бассейна в августе едва достигал 80 млн. пудов и был ниже прошлогоднего вывоза на 39 млн пудов. Металлургические заводы получили в этом месяце только 18 млн пудов топлива вместо нормально необходимого расхода в 32 млн пудов. Добыча топлива в августе исчислялась в 110 млн пудов, что означало ее падение на 22% по сравнению с августом 1916 г.

Весь сложный комплекс политико-экономических вопросов привел к резкому падению производительности труда во всей стране и в частности в Донбассе. В августе производительность на одного горного рабочего не превышала 410 пудов против 566 пудов в августе 1916 г. Особая комиссия министерства торговли и промышленности признавала основными причинами падения производительности труда — продовольственные затруднения и «неурегулированность рабочего вопроса».[206] На заседании Особого Совещания 23 августа 1917 г. рассматривался внеочередной вопрос о тяжелом положении в Донбассе «вследствие невозможности снабжения продовольствием местных шахтеров». Как оказалось, продовольственные комитеты бассейна получили лишь 25% предназначенной для рабочих муки. Крестьянство всячески отказывалось от продажи хлеба, вследствие невыгодных для него твердых цен и отсутствия необходимых им промышленных изделий. За-

---

[204] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 134.

[205] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 91, л. 14.

[206] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 213, 227об.

седание отметило также тяжелое положение в районе нефтеносного Баку. Выступивший Пальчинский указал, что Временному правительству надлежало бы осознать ошибку и «отменить установление твердых цен». Член Государственной Думы Д. Н. Сверчков также высказался за отмену твердых цен на хлеб, ибо «городу грозит голод». Совещание решило все эти факты довести до сведения Временного правительства, так как такое положение создалось во многих районах государства «вследствие невозможности снабжения продовольствием предприятий, работающих на оборону» и в частности в Донбассе и в районе Баку.[207] За 8 месяцев 1917 г. было погружено на 159 млн пудов меньше топлива, чем за соответствующий период 1916 г., что составляло снижение на 17%. Средняя месячная погрузка за 8 месяцев 1917 г. равнялась 96, 7 млн пудов, а за тот же период 1916 г. — 116 млн пудов. Между тем, даже по минимальным «голодным» нормам было необходимо вывезти из Донбасса не менее 125 млн пудов угля. Характерно, что если в первый половине 1917 г. одной из главных причин сокращения добычи было расстройство транспорта, то в августе и далее производство и добыча топлива отставали даже от возможностей «больного» транспорта, и запасы угля и антрацита катастрофически таяли.[208]

В конце августа под председательством заместителя главного уполномоченного по топливу Рожицкого состоялось заседание Совета по монополии топлива, где были доложены результаты обследования Донецкого бассейна. Комиссия по обследованию считала, что одной из главных причин падения добычи топлива являлась мобилизация влившегося в ряды армии большого количества профессионалов-горнорабочих и замена их пришлым, малопригодным в условиях горных работ элементом, сильное переутомление рабочего класса, отсутствие отдыха и катастрофический характер нехватки продовольствия. Комиссия указала на недостатки в шкале заработной платы и на неурегулированность вопроса оплаты труда шахтеров. Среди причин отмечалась также большая продолжительность рабочего дня и неудовлетворительное состояние рудников, так как рудничное хозяйство за 3 года войны основательно поизносилось (частые остановки механизмов и т. п.). В отчете указывалось на отсутствие оборотных средств и затруднительное финансовое положение рудников. На понижение производительности труда повлияло значительное примене-

[207] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 381, лл. 143, 144, 145; Там же, оп. 1, д. 383, лл. 3, 4, 5.

[208] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 264об., 265.

ние труда женщин, подростков, военнопленных и т. д.[209] На каменноугольных и антрацитовых копях Донбасса к 1 августа 1917 года насчитывалось 274 тысячи рабочих. Из этого количества 14 тысяч было женщин, 21 тысяча подростков, 66 тысяч военнопленных.[210] Лучше по добыче угля обстояло дело в новом Подмосковском бассейне, где в августе было добыто свыше 4 млн пудов топлива. Однако этот уголь не решал проблемы ввиду его низкого качества.[211] Подвоз угля из Донецкого бассейна за первые 20 дней сентября едва достигал 1/3 назначенного, в связи с чем железные дороги были вынуждены прибегнуть к 5-дневной реквизиции топлива с 23 по 27 сентября, что дало дорогам 2 млн пудов, но больно ударило по промышленности.[212] По данным Особого Совещания по обороне Государства, добыча минерального топлива — угля и антрацита — в Донбассе катастрофически снижалась начиная с марта 1917 г. Если в марте было добыто 154 млн пудов, то в сентябре 1917 г. эта цифра снизилась по предварительным данным до 100 млн пудов. Однако вывоз угля и антрацита в сентябре не превышал 81,7 млн пудов.[213] Как свидетельствует письмо председателя Особого Совещания по обороне государства от 26 октября товарищу военного министра ген. А. А. Маниковскому, в октябре положение крайне ухудшилось. Письмо гласило: «Ввиду крайнего ухудшения положения в деле обеспечения страны разного вида топливом, в частности донецким топливом, в Особом Совещании по перевозкам было решено сократить пассажирское движение». Председатель Особого Совещания предупреждал, что будет резко снижено получение древесного топлива и нефтяного ввиду его общего недовоза более чем 50 млн пудов. По данным Особого Совещания, за 20 дней октября вытекало, что весь вывоз за этот месяц вряд ли превысит 70—71 млн пудов антрацита. Из этого количества предназначалось уделить железным дорогам 41—42 млн пудов, а металлургии — 15,5 млн пудов, около 12 млн пудов всем районам на удовлетворение нужд отопления городов, водоснабжения и т. п. Ввиду того, что количество угля, выделенного железным дорогам, было меньше их фактического расхода, создалось парадоксальное положение — железные дороги прибегали к реквизициям, а это в свою очередь сокращало предоставление топлива металлургическим заводам, которые и так сокращали продукцию из-за его недостачи. Запасы топлива у линии железных дорог едва достигали на 1 октября

[209] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, лл. 12, 13, 14, 15, 16.
[210] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 12, л. 481.
[211] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, л. 54.
[212] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, л. 75.
[213] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, л. 155.

16 млн пудов вместо 55 млн. В то время в 1916 г. Председатель Особого Совещания предупреждал ген. А. А. Маниковского, что вряд ли удастся увеличить эти запасы железных дорог, «без которых дорога неминуемо должна будет стать в начале зимы». В октябре ж.-д. транспорт не справлялся с вывозом даже резко упавшей добычи угля из рудников Донецкого бассейна. Особое Совещание видело выход в разгрузке всего ж.-д. движения с целью уменьшения расхода топлива и т. п.[214] Как видим, создался заколдованный круг, из которого искали выхода путем латанья хозяйственных прорех. Кардинально решить главенствующие и определяющие хозяйственные проблемы страны Временное правительство было не в состоянии.

Топливный кризис мог бы быть решен путем увеличения добычи и поставок нефти. Однако и на этом топливном фронте резко тормозили дело те же отрицательные факторы, что и в каменноугольной промышленности, и ряд других специфических для этого вида промышленности. Кавказский уполномоченный Особого Совещания по топливу в августе указывал, что дело добычи нефти тормозится значительным сокращением интенсивности труда, продовольственным кризисом, отсутствием металла, отсутствием нефтеналивных судов и реквизицией лучших из них морским министерством, сильным обмелением Волги и др.[215] В нефтеналивном центре — г. Царицыне в августе—сентябре создалось угрожающее положение в связи с выходом из строя вагонов-цистерн («заболеваемость»), которые ежедневно выбывали в количестве 35, а выпускалось из ремонта не более 30. Всего в Царицыне скопилось до 560 «больных» цистерн. Ремонт их срывался из-за отсутствия металла и других материалов. В результате и в Астрахани наблюдалось уменьшение вывоза нефти потребителям на 50%. В августе—сентябре добыча нефти в Баку едва достигала 425 млн пудов, и по сравнению с теми же месяцами 1916 г. уменьшилась на 50 млн пудов. В результате этого положения в нефтяном хозяйстве Особое Совещание по топливу признало необходимым сократить Петроградскому промышленному району его норму получения нефти на 12 млн пудов, Московскому — на 10 млн пудов, Волжскому — на 3 млн пудов, что еще больше усилило топливный кризис в важнейших отраслях оборонной промышленности.[216] Усилению топливного кризиса в России в 1917 г. содействовала крайне отсталая в техническом отношении система транспортировки и хранения нефти.[217]

[214] ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, лл. 371, 371об.
[215] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 12, лл. 508, 510, 514.
[216] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, лл. 29, 30, 31, 32 и др.
[217] «Вопросы Истории», 1969, № 12, стр. 117.

Положение одного из решающих экономических факторов — топливного хозяйства могло быть улучшено за счет развития перспективных Черемховских залежей и углеразработок Томской горной области (Анжерской, Судженской, Кемеровской и др.), тем более, что здесь продовольственная проблема не была столь острой. В Черемховском районе за август 1917 г. было даже добыто больше чем за соответствующий месяц 1916 г. (7 725 тысяч пудов против 3 360 тысяч пудов). В копях Анжерского, Судженского и Кемеровского районов в августе 1917 г. было добыто каменного угля 6 185 тыс. пудов. В сентябре 1917 г. в Черемховском и в этих угольных районах трудилось 11 609 горняков.[218] Однако по количеству этот уголь в 1917 году не решал хозяйственной топливной проблемы. Проблемой была дальность расстояния и отсутствие ж.-д. вагонов для перевозок. Все же недостаточные капиталовложения в угольное хозяйство этих перспективных районов, которые потенциально помогли бы преодолению топливного кризиса в период войны, свидетельствовали об экономическом и военном недомыслии царских властей, которые преступно игнорировали вопросы подготовки к неминуемой войне. Топливный кризис в период войны в очень значительной степени вытекал и из всей предшествующей порочной экономической деятельности царского правительства, которое при наличии в изобилии находящегося сырья в империи обращалось к зарубежным странам.

Характерно, что Россия с момента войны сразу же лишилась колоссального количества угля, ввозившегося из-за границы. До войны Россия получала из-за рубежа около 600 млн пудов угля.[219]

Кризис топливного хозяйства приводил в итоге к снижению выпуска продуктов русской металлургии, что наносило удар по другим отраслям народного хозяйства, и в частности, это серьезно ощущал на себе ж.-д. транспорт. Взаимосвязанность этих явлений не подлежала сомнению, и в стране все больше усиливался всеобщий кризис. На протяжении месяцев металлургические заводы получали 20—22 млн пудов угля вместо минимально необходимых 31—32 млн. В связи с отсутствием угля ж.-д. транспорт не имел возможности подвезти на металлургические предприятия необходимое количество сырья для производства металлов. Благодаря этому фактору, металлургические предприятия производили лишь немногим более половины металла, который они по своим производственным возможностям могли бы производить. Из-за отсутствия металла железные дороги и промышленные предприятия не имели возможности проводить необходимый ремонт своих

[218] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, лл. 60, 71.

[219] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1693, л. 468.

механизмов. В связи с резким снижением, а то и отсутствием металла и особенно топлива в Москве, в ее окрестностях были остановлены почти все текстильные фабрики и около 50 тысяч рабочих лишены заработка, а страна оставалась без ситца и других тканей. Крестьянство резко приостановило доставку хлеба, требуя металла и изделий мануфактуры в обмен на хлеб. Число прекративших работу предприятий росло с каждым днем. В городах сокращалось трамвайное движение, уменьшался и так скудный отпуск электричества, газа, воды, сокращалось отопление квартир, лазаретов, бань. Резко сократилось пассажирское движение по всей стране. Все это было констатировано на Всероссийском съезде по топливу, который выпустил соответствующее воззвание «к гражданам шахтерам и железнодорожникам».

Основа металлургии — южнорусские заводы, которые находились в непосредственной близости от Донецкого бассейна, не могли работать в полную производственную мощность. За первое полугодие 1917 года на все эти заводы было погружено 132 млн пудов, а поступило в действительности около 115 млн пудов, т. е. в среднем по 19,1 млн пудов в месяц. С июля поступление твердого топлива на заводы еще более снизилось и составляло не более 15 млн пудов в месяц. Создалось такое положение, что в течение сентября 1917 г. большинство сталелитейных и прокатных предприятий работало крайне неритмично, их лихорадило, и в результате расходовали на каждый пуд производимого металла значительно большее количество топлива, чем следовало по техническим нормам. На некоторых заводах прокат металла приостанавливался на 2—3 недели. Много мартеновских печей подогревалось в ожидании прибытия горючего, и тем самым происходил непроизводительный, неэкономический расход топлива. Одновременно отмечалось несоответствие добычи угля производству кокса. Это несоответствие привело к тому, что выплавленное заводами определенное количество чугуна из-за отсутствия угля невозможно было переработать в готовые изделия. С января 1917 года выплавка чугуна упала с 13 млн пудов до 11,4 млн пудов в июне и не достигала 11 млн в августе. Таким образом, производство чугуна снизилось за это время на 15%, а падение добычи угля определялось в 35%. В мае 1917 г. работали 42 домны с выплавкой в 13,534 млн пудов, а в июле те же 42 домны выплавляли немногим больше 11 млн пудов. К октябрю доменные печи работали замедленным ходом и использовали не более 75% своей мощности, расходуя при этом до 25% лишнего кокса.

Из 17 действующих металлургических заводов предполагалось также закрыть, кроме уже остановленного Керченского

завода, заводы — Русский Провиданс, Константиновский, Дружковский, Кадиевский, и в оправдание этого намерения приводили довод, что то же количество металла может быть произведено на оставшихся 13 заводах. Эти заводы в августе производили 9,4 млн пудов чугуна, а предназначенные к закрытию — 1,6 млн пудов. Все же остановка этих заводов приводила к уменьшению производства готовых изделий на 1 млн пудов — 250 тысяч рельсов, снарядной стали на 150 тыс. пудов, листов — 120 тысяч, проволоки — 30 тыс. и т. д. Таким образом, наносился удар по интересам обороны страны. Особое Совещание с основанием ожидало, что производство готовых изделий упадет до 70%. Остановка Керченского завода обошлась казне приблизительно в 1 млн рублей, и осталось без работы 2 тысячи рабочих. Как свидетельствуют материалы 3-й конференции промышленников Юга России (20—24 сентября), металлургия Юга получила всего 60% необходимого топлива. Резко падала производительность металлургических заводов, «тех заводов, — как констатировали на Совещании, — которые являются в настоящее время одним из факторов обороны страны». За 8 месяцев 1917 г. было выплавлено только 93 млн пудов металла вместо 114 млн пудов за эти же месяцы 1916 г.

Заводы находились в плачевном финансовом состоянии из-за отсутствия топлива, скверной работы ж.-д. транспорта и резкого падения производительности труда. Производительность труда в металлургической промышленности Юга России выражалась в 1914 г. — 9,264 пуда на одного рабочего, в 1916 г. — она равнялась 7,399 пудам, а производительность одного рабочего за июль, август и сентябрь 1917 г. — 2,545 пудов. Месячная производительность одного рабочего снизилась в августе 1917 г. до 416 пудов, что было ниже нормы производства 1912—1915 гг. почти вдвое, и на треть ниже средней месячной производительности 1916 г.[220]

Железнорудная промышленность полностью зависела от металлургической промышленности России. За первые 7 месяцев 1917 г. средняя добыча железной руды выразилась в 21 миллион пудов в месяц против 26 млн пудов в 1916 г. Отправка в среднем не превышала 18 млн пудов против 24 млн пудов в 1916 г. Таким образом, ежемесячно в среднем запасы железной руды на рудниках увеличивались на 3 млн пудов, и к августу 1917 г. достигли 89 млн пудов вследствие невывоза ее ж.-д. транспортом. Это увеличение запасов вызывало понижение добычи, так как поглощало оборотные средства и угрожало закрытием отдельных рудников.

---

[220] ЦГВИА, ф. 360, оп. 14, д. 14, лл. 265, 265об., 267, 268.

Продовольственное положение промышленного Юга России было крайне тяжелым, так как в течение июля горнорудные продовольственные комитеты получили 30% нормы потребления, и в течение августа это количество не поднималось выше 42% указанных норм. Хотя в сентябре поступление хлеба увеличилось вследствие поднятия твердых цен на хлеб, все же за 13 дней сентября вместо минимальных 414 вагонов поступило 276. В связи с неизбежным сокращением поступления зерна на станции в октябре (распутица) и отсутствия запасов, снабжение продолжало ухудшаться. Отсутствовал фураж и главным образом сено для рудников. Положение усложнялось крестьянскими захватами рудничных сенокосов.

В конце сентября начались эпизодические остановки доменных и мартеновских печей на металлургических заводах вследствие отсутствия топлива. Реквизиция угля ж.-д. ведомством явочным порядком еще более усложняла положение. Подобные явления имели место на крупнейших заводах — Брянском, Днепровском, Донецком, Дружковском, Русском Провидансе, Никопольском, Мариупольском и целом ряде других предприятий. Были целиком остановлены крупнейшие Краматорский и Керченский заводы.[221]

Общенациональный кризис охватил всю экономику страны и обострил межклассовые отношения. Принимая различные формы, он выражался в закрытии многих предприятий, в частичной приостановке работ в силу уже известного нам отсутствия топлива, сырья, металлов и других материалов, вследствие убыточности, низких цен, неоправданных издержек производства, отсутствия лесных материалов, истощения финансовых средств, сильного падения производства, потрясающих предприятия забастовок, продовольственного вопроса и т. п.

Таким образом, в условиях ведущейся войны кризис больно ударил по основе основ экономики страны — железнодорожному транспорту, топливной промышленности и металлургии. В результате свирепствовавшего в стране кризиса насчитывались сотни закрытых заводов, многие предприятия были накануне приостановки работ, а огромное количество переживало т. н. «задержки» производства, сокращали выпуск продукции и увольняли рабочих. Характерно, что эти явления происходили не только на крупных заводах, но относились и к мелким предприятиям, которые работали на оборону, и их продукция в общей сложности имела немалое значение для дела обороны страны. В списках закрытых предприятий мы видим значительное количество про-

[221] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 268об., 271об., 281, 282, 282об.

винциальных. Это были чугунно-литейные, механические, гвоздильные, химические, проволочные, медеплавильные, пищевые (махорочно-табачные), консервные. В этом списке числились, например, снарядные мастерские фирмы «Земгор» в Ставропольской губернии, Чугуевский завод Борковского, производящий армейские двуколки и повозки и т. п. В одном только Киевском промышленном районе таких прекративших работу предприятий насчитывалось 18. Систематические задержки происходили на Аллавердинском заводе Кавказского Промышленного и Металлургического Общества (2 266 рабочих), сократившего свое производство на 50%, на медеплавильных заводах, на Екатеринодарском заводе «Кубаноль» и др.[222] В сентябре—октябре закрылись или заявили о закрытии в ближайшее время и более крупные оборонные заводы или их оборонные цеха. Из-за истощения денежных средств заявило о закрытии предприятий правление Общества «Сормово», указывая при этом на «сильное падение производительности». В октябре прекратил работы завод «Гантке», насчитывающий свыше 5 тысяч рабочих, в Нижне-Днепровске, изготовлявший снаряды, гранаты и др. изделия. В течение 3-х недель завод вовсе не получал мазута, исчерпал запасы угля и 19 октября остановил свои доменные печи. Владельцы предприятий ссылались на низкую производительность труда и т. п. Как телеграфировало Общество заводчиков министру-председателю, «на положении подобном Гантке находятся сотни заводов».[223] В октябре прекратил работу и крупнейший снарядный цех Харьковского паровозостроительного завода. Характерно, что кроме ссылок на «убыточность», причиной закрытия цеха являлось «окончание заказа и неполучение нового».[224] Уменьшение нормы топлива заводам Екатеринославского промышленного района тяжело отразилось в октябре на производстве военного снаряжения. Вследствие отсутствия угля Днепровский завод прекратил штамповку артиллерийских стаканов и 48-линейных снарядов. Екатеринославский завод Гартмана по этим же причинам, а также вследствие отсутствия чугуна и др. металлов, закрыл ряд своих отделений и две мартеновские печи. Это происходило на многих заводах района. Мариупольский завод (Екатеринославская губерния) приостановил в сентябре все мартеновские печи, и стали листопрокатные и крупносортные цеха. В октябре Днепровский завод «Монотоп», получивший едва 40% необходимого ему угля, был вынужден закрыть на продолжительное время цеха и заго-

[222] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 145, лл. 15, 17об., 18, 21, 21об.
[223] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 256, 257.
[224] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 145, л. 25.

товки для тяжелых снарядов.[225] Многие оборонные заводы были просто не в состоянии выполнять заказы военного ведомства как по причинам отсутствия сырья и топлива, так и в силу своего тяжелого финансового положения, связанного с ростом цен, заработной платы и общего финасового кризиса в России. Заводы, получавшие авансы от военного ведомства в первые годы войны, не справлялись со сдачей продукции в срок и были вынуждены сдавать ее год и более спустя по договорным расценкам, в то время как себестоимость этих изделий резко увеличилась в связи с ростом цен на сырье и заработной платы, что приводило к истощению оборотных средств. На заседании Особого Совещания по обороне Государства 9 сентября, председатель Пальчинский сообщил о предполагаемом закрытии, «за истощением оборотных средств», целого ряда работающих на оборону предприятий, в том числе таких крупных, как заводы Общества «Сормово», ввиду их тяжелого финансового положения. Особое Совещание констатировало, что основная причина затруднений заключалась во вздорожании материалов и рабочей силы и несоответствии себестоимости изготовленных изделий конкретным ценам. В силу этого несоответствия правительство было вынуждено оказывать заводам необходимую поддержку в виде денежных авансов в счет причитающихся по договорам сумм. Однако суммы выделенных авансов не поспевали за ростом цен и заработной платой, в то время, когда конкретные цены не повышались. 26 июля 1917 г. было опубликовано постановление Временного правительства, согласно которого министрам и главноуполномоченным предоставлялось право увеличивать договорные цены контрактов по соглашению каждый раз с министром финансов и Государственным Контролером. Однако свирепый финансовый кризис в России сводил эти решения на нет в силу отсутствия должных, необходимых денежных средств у правительства. В сентябре на заседании Особого Совещания представитель министерства труда обратил внимание членов этого органа «на значительность предъявляемых промышленностью денежных требований и на непосильность для казны удовлетворения таковых при современном общем финансовом положении». Одновременно он указал на недопустимую политику частных банков, которая приводила к тому, что львиная доля казенных авансов промышленности шла на погашение долгов банкам. Представитель министерства труда потребовал жертв от рабочих и от «представителей капитала».[226]

---

[225] ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, лл. 210, 211, 213, 229, 248, 249.
[226] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 37, 38, 39, 43, 44, 45.

Финансовое же положение страны в период, предшествовавший Октябрьскому перевороту, было по существу безнадежное. К 23 июля 1917 г. было выпущено (в миллионах рублей) 13 703 кредитных билета, имеющих по существу крайне мизерное и скорее символическое покрытие. За первые 5 месяцев 1917 г. для покрытия расходов войны до конца текущего года правительству необходимо было изыскать средства на сумму 15 миллиардов рублей. Усиление выпуска кредитных билетов в 1917 г. для покрытия этих расходов, связанных также с авансированием промышленности и ростом в связи с забастовками заработной платы, привели к огромной задолженности государства и фактической инфляции. По сравнению с государственным долгом России к 1 января 1914 г., исчислявшемуся в 8 824,5 млн рублей, задолженность государства на 1 июля 1917 г. определялась комиссией в 43 906 миллионов рублей. О безнадежности положения в связи с ведущейся войной говорил и катастрофический характер баланса внешней торговли. За 3 года войны Россия задолжала иностранным государствам 3 021 млн рублей золотом. Пассивность торгового баланса еще больше обесценивала русский рубль на международных рынках. Указанными нами 15 млрд рублей, необходимых государству до конца 1917 г. на покрытие неотложных нужд, государственное казначейство не располагало. Положение еще усложнилось в связи с провалом наступления и потерей Россией значительных территорий и огромных материальных ценностей. О продолжающемся падении курса рубля говорил и тот факт, что в 1917 г. дороговизна возросла на 100 и более процентов. 500 миллионов потребовалось только Военному ведомству для увеличения в связи с дороговизной жалования солдатам и матросам. О государственном банкротстве говорили и ежемесячные выпуски кредитных билетов. Если в 1915 г. ежемесячно выпускалось по 218 млн кредитных билетов, в 1916 г. — по 291 млн, то в 1917 г. каждый месяц на финансовый рынок поступало обесцененных 671 млн кредитных знаков.[227] В этих условиях выдача авансов оборонным предприятиям теряла свое значение и не спасала положения, хотя правительственные органы уже по инерции были вынуждены предоставлять новые авансовые суммы при неистребованных старых. Так, Петроградское Акционерное Общество механических и литейных заводов исполняло в 1917 г. по контрактам заказы, полученные еще от военно-морского ведомства в 1915 г., срок исполнения которых истек в 1916 г. В сентябре 1917 г. Акционерное общество еще не сдало свыше 50% заказанных изделий. С

[227] «Красный Архив», т. VI (25), 1927 г. Доклад директора государственного Казначейства, стр. 7, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и др.

ним был заключен дополнительный контракт и предоставлен новый аванс в 500 тысяч рублей.[228] Много авансов, начиная с 1915 г., было выдано крупнейшему оборонному предприятию — Ижорскому заводу. В то же время военное ведомство в лице ген. А. Ф. Бринка установило, что завод не может поставить армии обусловленные договором 5 млн щитобойных пуль в месяц, так как отсутствовали мельхиоровые оболочки и безнадежно задержано получение стали из Швеции. Завод перешел на производство щитобойных пуль в количестве, не превышающем 2 млн.[229]

«Неисправным» в финансовом отношении было также «Первое русское акционерное общество ружейных и пулеметных заводов». Комиссия по приему заказа на 1 500 ружей-пулеметов Мадсена пришла к заключению, что заказ находится «в самом неопределенном положении», и пулеметы не были готовы, несмотря на истечение срока. Все же заводы получили новый заказ на ружья-пулеметы системы ген.-майора Федорова (9 тысяч штук), который мог быть исполнен не ранее 1 января 1919 г. Комиссия констатировала «неисправность» общества, однако не решилась прекратить договор, так как в этом случае предприятию предстояла потеря аванса, исчислявшегося в 10 399 800 рублей.[230]

Характерным показателем состояния предприятий оборонной промышленности может служить финансовое и производственное положение «Общества Путиловских заводов». Уже в августе Особое Совещание признавало его «крайне тяжелым». Расходы превышали доходы на 89 млн рублей, причем уплата за заказанные материалы производилась по прежним ценам. Убытки в августе исчислялись в 47 млн руб. и превосходили в два раза потери первого полугодия 1917 г. Выпуск продукции систематически снижался. Все же заводам была разрешена беспроцентная кратковременная ссуда в 27 312 000 рублей В сентябре «Общество» задолжало казне более 200 миллионов рублей. Работа на предприятиях производилась при чрезвычайном падении производительности труда, огромном увеличении числа рабочих и значительном повышении заработной платы. Само правление считало, что на заводе имеется 11 тысяч лишних рабочих, а заработная плата в среднем выросла с 4 руб. 99 коп. в 1916 г. до 10 руб. 02 коп. в 1917 г. Вместо 26 тысяч рабочих в 1916 г., в сентябре на предприятиях трудилось 31 тысяча, в то время, когда многие виды работ были сокращены из-за отсутствия топлива и металла.[231] В конце сентября завод-

---

[228] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 114, 115.
[229] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 102, 104.
[230] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 21, 22.

гигант сотрясался от митингов конфликтующих рабочих, а в штамповальной мастерской выдвигались все новые требования, ввиду удорожания жизни, на повышение расценок и пересмотр тарифного договора. В начале октября большая часть заводов простаивала из-за отсутствия угля. В ответ на требования дирекции завода управляющий делами Особого Совещания уведомил правление 10 октября, что «при настоящих условиях оказать помощь заводу в снабжении топливом не представляется возможным за отсутствием подвоза». В Особое Совещание 20 октября обратился и фабрично-заводской комитет рабочих Путиловского завода, который указал, что «угля в поступлении нет» и что предприятие, его основные цехи простаивают. Не только на протяжении октября, но и в первой половине ноября 1917 г. все меры по обеспечению предприятия топливом оказались безуспешными.[232] Отсутствие материалов и поступление их с постоянными перебоями на оборонные предприятия приводило к тому, что многие рабочие отказывались переходить на прогрессивную сдельную оплату труда. Это было и на Московском капсюльном заводе, где уже в августе проходили забастовки на почве требований о повышении заработной платы, хотя производительность труда с каждым днем уменьшалась. Начальник Главного артиллерийского управления ген. Маниковский настаивал на введении как на этом, так и на других оборонных предприятиях сдельной оплаты труда. Значительное повышение заработной платы и стоимости сырых материалов повсеместно приводило на оборонных предприятиях к повышению себестоимости готовых изделий, и заводы не могли уже без убытка отпускать продукцию по прежней договорной цене. Например, Петроградский металлургический завод, изготовляющий пушки Кане для военного ведомства, настаивал на увеличении цен на готовые изделия на 35%. Точно так же правление общества «Сормово» объявило о закрытии с 15 сентября заводов ввиду непомерного роста заработной платы, роста цен на сырье, продовольствие при «самом сильном падении производительности труда». В критическом положении был Невянский завод (артиллерийские снаряды), завод анонимного общества в Таганроге, закрывался Харьковских завод «Герлах».[233]

---

[231] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 381, лл. 30, 31; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 80, л. 71.

[232] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 510, лл. 15, 23, 27, 33, 38, 40, 57 и др.

[233] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 381, лл. 32, 39, 41, 42; ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 19, лл. 17, 28, 29, 32, 34 и др.

Проводимый Особым Совещанием ряд секвестров заводов в создавшихся условиях не давал результата ввиду резкого удорожания и острой нехватки топлива, сырья и других материалов. Так, несмотря на наложение секвестра на Московский металлический завод «Гужон», Особое Совещание констатировало 4 октября, что несмотря на все старания, на заводе с сентября «производительность понизилась». По единогласному утверждению рабочих, снижение производительности объяснялось острым недостатком топлива и металлов».[234]

Указанный нами кризис со всем комплексом его сложных вопросов охватил всю промышленность и, естественно, остро коснулся и оборонной. Армия буквально задыхалась от нехватки всего ей необходимого — от продовольствия, вещедовольствия и вплоть до предметов вооружения, а заводы недоставляли продукцию, срывали сроки поставки или же закрывались. Так, в июле—августе—сентябре армия крайне нуждалась в противогазах. Как отмечал ген. Маниковский, «острая нужда в противогазах» являлась неотложной проблемой. Однако на оборонных заводах «Респиратор» и «Противогаз» острые трудовые конфликты усугубляли положение, и возникла реальная угроза срыва производства респираторов. Как гласят материалы Особого Совещания, вскоре после переворота администрация этих заводов неоднократно повышала заработную плату. В сентябре завод отказался от дальнейшего повышения заработной платы, так как производительность на предприятиях систематически падала. Особое Совещание решило просить министерство труда принять на себя управление заводом и поднять производительность, так как в противном случае заводы неизбежно будут закрыты.[235] Председатель Химического комитета Главного Артиллерийского управления в конце сентября обратился в Особое Совещание с письмом, в котором указывал, что кризис широко охватил химические заводы, обслуживающие нужды обороны — отсутствует необходимое топливо, плохо обстоит дело с транспортировкой и доставкой грузов, что все это грозит в ближайшем будущем полным расстройством нормального хода работы заводов и т. д.[236] Как видим, кризис охватил все отрасли оборонной промышленности и создал тупик, из которого Временное правительство не находило выхода. Острые социальные конфликты в промышленности еще более усложняли и затрудняли положение.

---

[234] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, л. 146.

[235] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 10, 11, 13, 15, 35, 36.

[236] ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 335.

На заседании Особого Совещания 23 сентября его председатель Пальчинский констатировал, что «за последнее время на многих заводах крайне обострился рабочий вопрос» и что «на почве требований рабочих о повышении заработной платы ... происходят недоразумения и столкновения ...». На Совещании указывалось на повсеместное усиление трудовых конфликтов и в частности, на заводах Екатеринославского, Харьковского, Киевского и др. промышленных районов. Обращает на себя внимание полное непонимание создавшегося положения и путей выхода из кризиса и тупика среди членов Особого Совещания во главе с Пальчинским. На заседании 23 сентября звучали даже голоса о направлении кавалерийских частей (а не продовольствия) на предприятия, учреждении «особых полицмейстеров» и т. п. Здесь ратовали за «твердую власть», но никто не указал на действительные причины разрухи и никто не внес конструктивные предложения. Член Совещания М. В. Родзянко в своем выступлении демагогически предлагал обратиться к Временному правительству с вопросом: «Где же власть» и, как обычно, выражал сочувствие промышленникам. Еще ранее Родзянко на заседании Особого Совещания предлагал обратиться к армии: «Не следует останавливаться даже перед крайней мерой, — заявил Родзянко, — поставить армию в известность о тяжелом положении работающей на оборону промышленности».[237] Этот лидер русской буржуазии предлагал оздоровить экономику страны при помощи распадающейся армии, а о социальных и политических мероприятиях, в том числе о мире, и думать не хотел. В июле усилился развал и в молодой отрасли оборонной промышленности — в авиационной. На заседании Особого Совещания в июле положение в этой отрасли было охарактеризовано как «катастрофическое». Выступающие констатировали и здесь резкое падение производительности, трудовые конфликты. На Совещании звучали голоса о доведении до сведения Временного правительства «о необходимости принятия самых решительных мер борьбы с царящей дезорганизацией на аэропланных заводах, которых всего 5—6».[238]

В результате игнорирования подготовки страны и ее промышленности царским правительством к неизбежной мировой войне, в предвоенные годы, что могло быть достигнуто только в результате социальных и политических реформ, огромные средства, выделенные на оборонную промышленность, были фактически заморожены, так как ряд промышленных оборонных объектов стро-

---

[237] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 382, лл. 117, 121, 122, 123, 125 и др.; Там же, оп. 1, д. 380, л. 9.

[238] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, лл. 188, 190.

ился в ходе войны и, естественно, на давал продукции. Это относится к целому ряду отраслей и, в частности, автомобильной промышленности. Автомобильный завод «Амо» даже в октябре 1917 г. не давал продукции и был еще в стадии строительства. 14 октября 1917 г. директор завода доложил Особому Совещанию, что несмотря на крайнюю необходимость в автомобилях для армии, завод не в состоянии выпускать продукцию. Завод только заканчивал свое оборудование, и на нем имелось не более 60% необходимого технического оснащения, 20% прибыло во Владивосток, а остальные 20% еще находились в США. Директор доложил, что завод вынужден приостановить работу вследствие недостаточных материальных средств и невозможности уплатить долговые обязательства банкам, которые отказывают в кредите. На заседании было указано, что не удалось осуществить в России своевременное создание автомобильной промышленности, и в октябре в стадии постепенного завершения находилось только 2 завода — «Рено» и «Амо». Заводу был отпущен мизерный кредит в размере 5 млн рублей.[239] Колоссальные финансовые средства, затраченные на заказы автомобилей в США, также по существу замораживались. Так, в июле во Владивостокском порту было выгружено 1 800 автомобилей из США, которые по условиям транспорта не могли быть отправлены к месту своего назначения. В таком же положении находились автомобили, прибывшие в Архангельск поздней осенью и там простаивавшие.[240]

Таким образом русская армия скверно снабжалась и не могла быть удовлетворительно насыщена всем необходимым в силу слабости и полной неподготовленности к войне русской промышленности в целом и военной промышленности в частности. Катастрофа русской экономики в ходе войны, сопровождавшаяся непреодолимым транспортным кризисом, падением добычи топлива и сырья, коснулась во всем своем объеме и оборонной промышленности. Неразрешенные социальные и политические вопросы и острые социальные конфликты, резкое падение производительности труда окончательно подрывали основы оборонной промышленности. Антинациональная и антигосударственная политика правительства, которое вместо своевременного строительства своей промышленности пошло на колоссальные заказы в США, Англии, Франции и Японии, по существу замораживала огромные средства в этих странах, ибо заказы выполнялись с огромным запозданием, и их доставка в Россию была сопряжена с огромными потерями в пути и недопустимым простаиванием доставленных

[239] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 384, лл. 21, 22, 23, 25, 26.
[240] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, л. 105.

грузов в портах России, вместо их немедленного использования по назначению.

Временное правительство за 8 месяцев своего существования не имело возможности и не смогло изменить создавшуюся действительность. Зато благодаря огромным оборонным заказам России и русским финансовым средствам было создано и оборудовано много военных предприятий в США, были сделаны основательные денежные вливания в промышленность Франции, Англии и Японии.[241] Снабжение же русской армии в материально-техническом отношении стояло на недопустимо низком уровне. Ряд сведений о потребности в главных предметах артиллерийского снабжения, о чем мы уже упоминали, и удовлетворении их за период с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. в процентном отношении говорит об этом более чем убедительно. Так, 3-линейными винтовочными патронами армия была обеспечена на 41% и т. п. При потребности в грузовых автомобилях в 10 359, в армию было отпущено за указанный период 4 916. Совещание из представителей заинтересованных ведомств и металлургических заводов, состоявшееся с 10 по 24 сентября, пришло к выводу, что «особенно печальным» оставалось снабжение сырьем снарядных заводов, которые недополучат в октябре более 1 500 000 млн пудов стальной заготовки, не говоря уже о спросе фронта на другой металл. Страна не могла удовлетворить потребности армии даже в самых элементарных изделиях промышленности. При потребности действующей армии в полотняных солдатских палатках с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г. в 21 398 000, в части было за это время направлено всего лишь 5 476 425 штук. За это же время потребовалось 24 млн подков, а в армию поступило 10 966 616. Ощущалась даже острая нехватка подковных шипов, которыми армия снабжена была немногим более одной трети потребности. Вместо 6 241 478 полушубков в армию было доставлено только 1 572 014, а сапог 3 266 500 вместо затребованных 5,5 млн пар.[242]

Если так безнадежно обстояло дело в области минимального удовлетворения действующей армии снаряжением и другими изделиями промышленности, то в области продовольственной дело обстояло не лучше. Сельское хозяйство находилось на пороге катастрофы, и ставило страну и армию на грань голода. На открывшейся в августе 5-й сессии Общегосударственного продовольственного Комитета министр продовольствия категорически за-

---

[241] Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг., ч. 1. Составил А. А. Маниковский. М., 1920, стр. 21, 22.

[242] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 130, лл. 49, 69об., 70, 74; ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 145, лл. 76об., 77, 77об. и др.

явил, что «положение дела с продовольствием армии и населения с каждым днем все ухудшается, угрожая неисчислимыми бедствиями всему государству. Перед страной стоит грозный призрак голода». Несмотря на введение Временным правительством хлебной монополии, положение на продовольственном фронте не улучшилось. Выступивший на Совещании представитель ЦИК Советов также констатировал, что «состояние продовольственного дела в стране находится в катастрофическом состоянии». Выступления ряда делегатов свидетельствовали, что широкая масса крестьянства протестовала против введения хлебной монополии. Крестьянство особенно было недовольно односторонностью решений Временного правительства, которое, устанавливая монополию, в то же время не вводило твердых цен на потребляемые крестьянами продукты промышленности, и все больше прислушивалось к пропагандистским доводам большевиков. Антиправительственной пропаганде содействовала растущая безработица, несоответствие выдаваемой заработной платы резкому повышению цен на необходимые продукты промышленности. В стране были уже использованы все старые запасы прошлого урожая, а новый еще не поступил в распоряжение продовольственных органов, вдобавок оказался ниже среднего, и министерство продовольствия уже принимало меры к выдаче хлеба по пониженным нормам. Главная трудность заключалась в том, что несмотря на наличие крупного землевладения, все же главным поставщиком хлеба был крестьянин, который неохотно, а то и вовсе отказывался поставлять хлеб по твердым ценам, так как настойчиво требовал ответных твердых цен на изделия промышленности. Временное же правительство не только не смогло предоставить крестьянству изделия по твердым ценам, но ввиду товарного голода вообще скверно снабжало деревню. Обилие выпущенных денежных знаков, которые буквально наводнили деревню, сводило на нет установление твердых цен на предметы первой необходимости. Осложнял положение ж.д. транспорт. За 11 месяцев — с 1 августа 1916 г. по 1 июля 1917 г. было собрано только 60,3% хлеба, назначенного к заготовке. Это ухудшение положения и в последующие месяцы 1917 г. привело к тому, что выполнение нарядов для армии за первые 20 дней июля были, по сводкам, «не совсем в удовлетворительном виде». Плохо обстояло дело с реализацией хлебных нарядов для столиц, что отражалось и на их гарнизонах. Ежедневно прибывало хлебных грузов в среднем для Петрограда 17,5 вагонов, а для Москвы 22 вагона, при среднем потреблении столиц в 40 вагонов. Плохая заготовка хлеба вела к ухудшению продовольственного положения в действующей армии. Выступавший на заседании

Общегосударственного продовольственного Комитета главный интендант ген. А. В. Акимов 10 августа указал, что на Юго-Западном фронте свирепствовал мучной голод, а тыловые войска уже израсходовали сухари, так как на фронт и в тыловые округа был крайне незначительный подвоз хлеба. В связи с этим обстоятельством, в губерниях Юго-Западного и Румынского фронтов было приказано провести реквизицию зерна у населения. В течение июля в магазины Юго-Западного фронта продовольствие и фураж прибывали в количестве значительно ниже нормы. Общий недовоз за июль выражался (в %): муки 68, крупы — 42, фуража всех видов — 60, сушеных овощей — 42, сахара — 33, табака — 10, чая — 52, соли — 33. Недоедал, а то и голодал и конский состав на фронтах.[243] В то же время отправка хлебных эшелонов из губерний-производителей за июль и за август был на крайне низком уровне. По предварительным данным министерства продовольствия, 14 губерний в июле отгрузили 35% назначенного к вывозу хлеба, а в августе только 28%. Некоторые губернии произвели совершенно мизерную отгрузку. Например, Казанская — 2%, Курская — 3%, Рязанская — 2%, Симбирская — 3%. Наиболее высокий показатель отгрузки дали Херсонская и Бессарабская губернии — 43%, Саратовская — 46%, Таврическая — 45%, Уфимская — 35%, Полтавская — 44% и т. д.[244] Однако как заготовка, так и отгрузка хлеба шла с большим трудом в связи с отказом крестьян доставлять хлеб и разрухой транспорта. На совещании инспекторов и инструкторов министерства продовольствия 25 сентября ответственное лицо этого органа В. И. Анисимов указал, что разруха ослабила и по существу парализовала экономическую заинтересованность крестьянства в сбыте хлеба, и «производители хлеба оказались мало заинтересованы» в реализации своих запасов.[245] Например, сельское население одного из основных поставщиков товарного хлеба — Северного Кавказа — в начале сентября всячески отказывалось поставлять хлеб. Министерство продовольствия, анализируя причину положения, указывало на «насыщение сельскохозяйственного населения денежными знаками в массовом количестве, отсутствием достаточного завоза предметов первой необходимости».[246] Мешало заготовке хлеба и широко развивающееся т. н. мешочничество, т. е. вывоз хлеба населением непроизводящих губерний. Так, в Елецкий уезд устре-

---

[243] Бюллетень Министерства Продовольствия, № 30 от 9 августа 1917 г.; ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, лл. 20, 21, 37.

[244] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1716, лл. 154, 155.

[245] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 223.

[246] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 293.

мились толпы крестьян Калужской и Смоленской губерний. Они самочинно нагружали вагоны и увозили хлеб в значительном количестве. Правительство стало применять силу к мешочникам. Однако солдаты гарнизонов категорически отказывались отбирать хлеб у приезжих крестьян. Продовольственные комитеты стали теперь все чаще обращаться за вооруженной поддержкой.[247] Для стимулирования поставок хлеба крестьянством и пресечения все расширяющегося мешочничества Временное правительство повысило твердые хлебные цены на 100%. Это в первое время несколько усилило подвоз, а в дальнейшем ввиду бестоварья дело поставки зерна снова застопорилось. На местах стало нехватать денежных знаков, и министерство запасов отправляло в провинцию особые транспорты бумажных денег, но отнюдь не промышленные товары или мануфактуру.[248] О положении на продовольственном фронте страны на протяжении сентября свидетельствовали данные (в процентном отношении) о выполнении 14-мя губерниями плана отправки хлеба по назначению. Только 3 губернии выполнили задание более чем на половину — Таврическая (62%), Киевская (54%), Подольская (53%). Харьковская губерния выполнила задание на 37%, Оренбургская — на 31%, Полтавская — на 28% и Тамбовская — на 24%. Вывоз грузов из остальных 7 губерний был крайне незначительным. Только Саратовская губерния отправила 18% плана отправки хлеба, вывоз из остальных губерний колебался в пределах от 3 до 6%. Причем такие традиционные поставщики хлеба как область Войска Донского дала лишь 5%, Самарская — 7%, Екатеринославская — 6%. По фуражу Донская область выполнила план поставок на 21%, Екатеринославская губерния на 31%, а Оренбургская на 16%.[249] Таким образом, колоссальный недогруз хлеба создавал в целом по стране обстановку полуголода и голода. При таком положении погрузка хлеба из внутренних хлебородных губерний в действующую армию также носила зловещий характер. Особоуполномоченный министерства продовольствия при Верховном главнокомандующем Гаврилов 5 октября телеграфировал в министерство продовольствия, что «погрузка в армию из центральных губерний совершенно ничтожна». Гаврилов уведомлял министерство, что за 16 дней сентября Донская область погрузила на фронт вместо 1 500 только 33 вагона, Самарская за 18 дней сентября дала 30 вагонов вместо 450, Екатеринославская губерния отправила 161 вместо 720 вагонов. Курская, Орловская, Рязанская, Вятская, Тургай-

[247] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 232.
[248] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1657, л. 176.
[249] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 208.

ская, Аральская, Акмолинская губернии категорически отказались от выполнения сентябрьских нарядов, ссылаясь на отсутствие хлеба. Во избежание голода в армии Особоуполномоченный предлагал принять немедленные меры «извлечения продовольствия и фуража из тыловых губерний». Особенно тяжелое положение создалось на Западном и Северном фронтах. Дело дошло до того, что 23 сентября было дано распоряжение об отгрузке с Румынского фронта на Западный 50 тысяч пудов муки и 200 тысяч пудов зернофуража. В связи с критическим продовольственно-фуражным положением, создавшемся на фронтах, фронтовые организации направили в тыл делегатов, которые категорически требовали уже вне нарядов немедленного отправления продовольственных грузов в армию. Министр продовольствия Прокопович в своем письме на имя А. Ф. Керенского жаловался в связи с этим на анархию, которую создавали солдатские делегации в тыловых хлеборобных губерниях.[250]

В октябре положение еще более усложнилось в связи с ростом мешочничества и, главное, захватами продовольственных грузов голодным населением и солдатами гарнизонов. Так, 22 октября, предназначенные только Северному фронту баржи с хлебом, были захвачены населением. Эти захваты носили повсеместный характер. 23 октября на заседании в Совете Республики была заслушана информация министра внутренних дел о самочинных захватах грузов в стране. Были даже случаи арестов и привлечения к ответственности некоторых деятелей Земских Комитетов.[251] В октябре ход погрузки интендантских продовольственных грузов на станциях Юго-Западных железных дорог резко затормозился из-за неподвоза этих грузов на станции. Так, Волынский продовольственный комитет до 15 октября вместо 165 вагонов отгрузил только 17, Подольский продовольственный комитет вместо 1995 вагонов отгрузил только 834 вагона.[252]

Всеобъемлющий кризис сельского хозяйства России, в первую очередь болезненно задевший основного производителя-крестьянина и нанесший ощутимый удар и по хозяйству помещика, безусловно привел к истощению запасов сельскохозяйственных продуктов. Если отсутствие сельскохозяйственных запасов у основной массы крестьянства не подлежало сомнению, то и в помещичьем хозяйстве они таяли в результате волны аграрного движения крестьянства и солдатских разгромов. Нападения на ок-

---

[250] ЦГВИА, ф. 366с, оп. 1, д. 94, лл. 63, 81, 85.

[251] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 91, л. 109; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 158; ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 33, л. 107; «Дело Народа», 22 октября 1917 г.

[252] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, л. 174об.

рестные поместья с целью заполучения провианта и фуража солдатами стали обыденным явлением, особенно с августа—сентября. Помещичьи хозяйства прифронтовых и фронтовых местностей самых урожайных губерний Украины, Молдавии на Юго-Западном и Румынском фронтах становились объектом крестьянских и солдатских нашествий, что имело место и в военных округах России. В одном только хлебородном Хотинском уезде Бессарабии в октябре было основательно разгромлено 23 крупных помещичьих экономии, не говоря уже об остальной части Бессарабии. По данным органов Временного правительства, «погромно-захватные правонарушения» помещичьих хозяйств с 440 в августе выросли до 958 в сентябре. От солдатско-крестьянских набегов пострадали в августе—октябре крупнейшие товарные латифундии Украины, Бессарабии и других районов.[253] Товарные возможности как крестьянского, так и помещичьего землевладения подтачивались неизбежными реквизициями, особенно в сентябре—октябре 1917 г., продовольственное положение армии было столь тяжелым, что на Юго-Западном фронте по распоряжению ген. Деникина, как об этом свидетельствует его письмо А. Ф. Керенскому от 6 сентября, проводились реквизиции, «ибо так жить дальше фронт не может», отмечал генерал.[254] Реквизиции на Румынском фронте в его прифронтовых местностях встречали уже энергичное противодействие со стороны крестьян.[255] Комиссар 7-й Армии Сургучев сообщал по инстанции 14 сентября, что «последний месяц армия жила исключительно местными средствами, полное истощение которых при отсутствии запасов является гибельным».[256] Как сообщал 29 сентября комиссар Сургучев, только в районе 7-й Армии имения, заводы, запасы хлеба и фуража совместными действиями солдат и крестьян подвергались разгромам, действующим «как смерч».[257] Опустошительные реквизиции наблюдались на протяжении сентября—октября и в местностях Северного фронта по вынужденному приказу снабсева Северного фронта.[258]

Как помещики, так и крестьяне, всячески выступая против твердых цен хлебной монополии, не желали, а зачастую уже и

---

[253] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 133; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3839, лл. 38, 39; Крестьянское движение в 1917 году. М.—Л., 1927. Док. приложения; ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 88, л. 131 и др.; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 186, 187, 190, 191 и др.; П. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за Советы. Киев, 1958, стр. 146, 147, 151, 154 и др.

[254] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 94, лл. 39, 40.

[255] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1,. д. 44, л. 434.

[256] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 4, д. 36, л. 52.

[257] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 87, л. 9.

[258] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 94, л. 186.

не могли полностью выполнять продовольственно-фуражные поставки. В Симбирской губернии, в Ардатовском уезде, солдаты Фролкин и Резкин рьяно агитировали против хлебной монополии и призывали крестьян противиться реквизициям. Население Сызранского уезда отказывалось доставлять хлеб по тверым ценам. Симбирский гарнизон единодушно стал на сторону крестьян и препятствовал применению вооруженной силы. Крестьяне решительно выступали против хлебной монополии.[259] В августе министр иностранных дел М. И. Терещенко в беседе с иностранными дипломатами указывал на транспортные трудности в деле вывоза продовольствия, и ,главное, отмечал, что «трудность заключается в необходимости побудить крестьянское население к продаже хлеба».[260] В сентябре и октябре недопоставки хлеба все увеличивались, и Исполнительный Комитет Всероссийского съезда крестьянских депутатов обратился даже с воззванием к крестьянству России: «Крестьяне — дайте армии хлеба!».[261] Посланные на места солдаты-делегаты частей тоже мало помогали делу. Солдат Горбунов, направленный в местности, расположенные на Самаро-Златоустской железной дороге для содействия отгрузке хлеба 7-й Туркестанской дивизии, писал в октябре в Петроградский Совет, что в местах отгрузки царит спекуляция, и что «хлеб ... видели его, а не дают» крестьяне. Горбунов писал, что он крайне огорчен, что хлеб и фураж не отгружается, а в дивизии 25 тысяч людей и не одна тысяча лошадей. Хотя местность эта «очень хлебная», крестьяне пшеницу и рожь совсем не везут, укрывая его от народа, а богачи умышленно не молотят хлеб.[262]

В результате такого положения губернские продовольственные комитеты были бессильны реализовать наряды отгрузки продовольствия в действующую армию. Так, за период с 1 по 15 октября 15-ти губерниям следовало направить на Северный фронт 6 923 вагона муки и зерна. Погружено же было лишь 726 вагонов. На Заападный фронт эти же губернии должны были отгрузить муки, фуража, зерна, крупы 8 122 вагона, а отправлено только 1 666 вагонов. Фуража следовало отгрузить за указанный период 3 761 вагон, а отправлено было всего 535 вагонов и т. п.[263] За весь сентябрь 1917 г. следовало погрузить интендантских грузов с железных дорог Восточного района и полевого управления в базис-

---

[259] Революционное движение в России в августе 1917 г. Док. и мат., стр. 333.

[260] АВПР, Фонд Канцелярии. 1917 г., д. 99, т. 2, лл. 421, 422.

[261] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 63, л. 177.

[262] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 117, 117об.

[263] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, лл. 178, 179.

ные магазины армии — муки, крупы, овса и ячменя, сена — 47 730 вагонов, а погружено было всех этих грузов в количестве 10 174 вагона. Только по основным, т. н. плановым нарядам, в армию было недогружено за это время 16.723 вагона.[264]

Уже в августе 1917 г. стало совершенно очевидным, что Временное правительство и Ставка не смогут прокормить огромную армию, которая была обречена на недоедание и голод. Об этом более чем убедительно свидетельствовало Совещание в Ставке 12—13 августа 1917 г. по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражем, составлению плана интендантских перевозок и определению грузовых потоков на сентябрь 1917 г. Совещание по своему составу было внушительным. Председательствовал начальник штаба Главковерха ген. Лукомский, его заместителем являлся главный полевой интендант ген. Егорьев. Присутствовали на Совещании гл. интендант военного министерства ген. Богатко, Особоуполномоченный министерства продовольствия при Главковерхе Гаврилов, начальник управления путей сообщения, начальник военных сообщений и др. Ген. Лукомский указал на трудности практического разрешения вопроса продовольствия для армии и необходимости предотвращения «надвигающейся голодовки армии... так как вопрос довольствия армии находится не на словах, а на деле в критическом положении». Ген. Лукомский указал, что при отходе армий Юго-Западного фронта были потеряны запасы, в результате чего этот фронт находится в тяжелом положении. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом «во избежание голодного бунта в войсках» разрешил на текущее довольствие расходовать сухари, а главный начальник снабжения приказал приступить к немедленной заготовке продовольствия в тылу фронта «всеми законными мерами, вплоть до реквизиции». Ген. Лукомский констатировал, что «хлеб не сдается хлебодержателями», и поэтому первой задачей является разрешение вопроса, как добыть хлеб, а затем уже перевозить его в армию. На Совещании указывалось, что неравномерный подвоз продовольствия к фронтам зависел от того, что железные дороги везли хлеб только по свободным направлениям, а также в результате нажима делегатов с фронта, командированных на ж.-д. станции. Представитель министерства продовольствия обратил внимание Совещания, что слабая отправка продовольствия зависит и от отсутствия запасов в распоряжении продовольственных органов. Особоуполномоченный министр продовольствия Н. А. Гаврилов отметил, что «непредъявление» крестьянами к продаже хлеба вытекало из вмешательства в дело губернских продовольственных управлений и

[264] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 116.

противодействие местных комитетов, и особенно земельных, отсутствия у продовольственных комитетов реальной силы принуждения и нежелания губернских комиссаров оказывать помощь продовольственным комитетам на местах. На Совещании пришли к признанию необходимости предоставить власть продовольственным комитетам «хотя бы силой войсковых команд». Главноуполномоченный Н. А. Гаврилов высказался в таком духе, что увеличение подачи продовольствия армиям можно достигнуть «лишь путем реквизиции хлеба». Присутствующий на Совещании председатель Одесского областного продовольственного Управления резонно считал, что на ход доставки хлеба может оказать огромное воздействие «урегулирование цен на предметы первой необходимости, как-то мануфактура, железо и т. п.». Совещание признало «полную дезорганизацию населения» и нежелание его сдавать хлеб армии. Единогласно было решено произвести реквизицию хлеба в пределах Юго-Западного и Румынского фронтов. Представитель министерства путей сообщения инженер Ландсберг указал «на все усложняющийся недовоз» и тоже был за реквизицию, так как отсутствие угля на железной дороге могло неизбежно вызвать зимой остановку железных дорог. Главный интендант указал на необходимость строгого соблюдения мясных и рыбных дней в вопросах питания солдат. Как видим, Совещание шло по линии наименьшего сопротивления и не выработало реальной программы разрешения вопросов снабжения — участники его искали выход в реквизициях и во внеэкономическом принуждении крестьян к сдаче хлеба. В ответ на требование главного полевого интенданта, Главноуполномоченный по заготовке для армии мяса, скота, жиров доложил, что требования главного полевого интенданта не могут быть выполнены. В окончательном виде Совещание установило, что вместо требуемых главным полевым интендантом ежегодного подвоза на фронты 38 вагонов жиров можно предоставить только 25, вместо 128 вагонов мяса — едва 70, требование полевым интендантом о предоставлении 63 вагонов рыбы было снижено до 20, а количество вагонов живого скота — уменьшено с 1210 до 170 вагонов. Вместо 678 вагонов ежедневного подвоза сена — согласились на доставку всего лишь 388 вагонов и т. д.[265]

Августовское Совещание в Ставке воочию показало неспособность Временного правительства и его соответствующих органов обеспечить армию всем жизненно необходимым, и фактически его участники расписались в том, что они ничего не могут предпринять для последующего предотвращения недоедания и

[265] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, лл. 59, 60, 60об., 61, 61об., 62.

голода на фронтах. Как в августе, так и в сентябре и октябре было совершенно очевидным, что нормы доставки грузов на фронты, выработанные августовским Совещанием, срывались ежедневно. Голодали не только солдаты, выходила из строя и тягловая сила фронтов. Так, за 27 дней августа на базы Северного фронта было недовезено 63% необходимого фуража, на базы Западного фронта — 78%. Главный полевой интендант ген. Егоров телеграфировал в Петроград: «Недовоз сильно отражается на конском составе, который, получая только сено и жмыхи, сильно тощает и теряет работоспособность». Тревожная телеграмма ген. Бонч-Бруевича от 6 сентября гласила, что за последние 10 дней на Северный фронт прибывает лишь 10% нормы фуража. В таком же положении находился подвоз муки. Командование Северного фронта настаивало на отправке овса маршрутными поездами. 15 сентября министерство продовольствия обратилось ко всем губернским продовольственным комитетам спасти положение в армии и ускорить отправку продовольственных грузов. На всех фронтах снабжение армии хлебом, крупой, фуражем в целом за 10 дней сентября колебалось в пределах 20% и снизилось на Северном фронте до 10%.[266] 21 сентября ген. Духонин телеграфировал из Ставки военному министру, что «настроение войск на фронте находится в самой тесной зависимости от их достаточного питания». Угрожающее падение запасов в армии и недовоз муки на Западный фронт привело к сокращению дачи хлеба в день до 1 и 7/8 фунта. Ген. Духонин заявлял о неизбежности полного развала фронта.[267] Не лучше обстояло дело с мясным довольствием солдат. За 27 дней сентября на Юго-Западный фронт поступил только 71 вагон мяса-рыбы, при ежедневной норме в 45 вагонов. Начались массовые реквизиции в тыловых районах фронта. Только за август на Румынский фронт было недовезено 1 258 вагонов муки, 200 вагонов крупы, 100 вагонов сена, 75 вагонов жиров, 149 вагонов мяса, 29 вагонов рыбы, 4 вагона табака, 245 вагонов соли.[268] На все 4 европейских фронта за период с 1 по 15 сентября 1917 г. было погружено только 25,4% необходимого фуража, 13,1% муки и зерна, 11,6% необходимой крупы.[269] Истощение запасов растительного масла и почти полное прекращение его доставки в армии подрывало регулярное снабжение жирами солдат. Военное ведомство было вынуждено организовать это снабжение за счет коровьего

---

[266] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 56; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1716, лл. 130, 174.

[267] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 127, 128, 129.

[268] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, л. 321; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 89.

[269] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1719, л. 163.

масла, которое поступало на фронт во все сокращающихся размерах. Так, в июне поступило на фронт 830 вагонов масла, в июле подвоз снизился до 251 вагона. На октябрь интендантство предполагало к отправке не более 130 вагонов, а на ноябрь — 90.[270]

В октябре 1917 г. продовольственный кризис на фронтах не был преодолен, и армия продолжала голодать. С 1 по 15 октября 1917 г. всего на 4 европейских фронта было предназначено к перевозке 34 141 вагон, а погружено было только 9 775 вагонов, что составляло 28,6% плана погрузки, предусмотренного нормами снабжения продовольствием солдат и обеспечения фуражем. Всего было погружено за 2 недели октября на 4 фронта муки и зерна 20,3% предусмотренного снабжения, крупы и бобов — 36,6% и 35,3% фуража. Сравнительно наиболее благополучными были Юго-Западный и Румынский фронты. На Юго-Западный фронт было доставлено за этот период 35% фуража, 31,9% муки и зерна и 43,0% крупы и бобов. На Румынский фронт было погружено 59,2% фуража, 27,2% муки и зерна и 40% крупы и бобов. На Северном же фронте создалось совершенно безвыходное положение, так как для его солдат было отгружено за половину октября 5,4% муки и зерна, 12,3% крупы и бобов и 14,2% потребного фуража. Отгрузка для Западного фронта крупы и фуража превышала 30%, но муки и зерна было отправлено всего лишь 8,7%.[271] Комиссары стали все чаще доносить о голоде в 1-й и 12-й Армиях Северного фронта. 15 октября А. Ф. Керенский отправил телеграмму министру продовольствия о срочных мерах по скорейшему продвижению грузов для Северного фронта из Сибири, Урала и Кубани, а также и для других фронтов, где, как телеграфировал Керенский, «тоже нет избытка».[272] Реквизиционный процесс, к которому все чаще стали прибегать на Северном фронте, вызывал опасения, что со стороны недовольного крестьянства может последовать «гражданская война».[273] Главнокомандующий Северным фронтом телеграфировал в Петроград 17 октября, что голод на Северном фронте, ввиду недостаточного снабжения, является «главной причиной морального разложения».[274] Точно так же Главнокомандующий Западным фронтом ген. Балуев телеграфировал Керенскому, что из армий фронта поступили тревожные сведения «на почве недовольства уменьшением дачи хлеба». Ге-

---

[270] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, лл. 446, 446об.
[271] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, л. 177.
[272] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, л. 27.
[273] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, лл. 159, 160.
[274] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 94, лл. 101, 130.

нерал настаивал на принятии экстренных мер, ибо в противном случае «самые грозные последствия неизбежны».

Главный интендант военного министерства ген. Богатко в своем письме на имя товарища военного министра ген. Маниковского 18 октября говорил о неизбежном в действующей армии голоде в то время, когда голод уже стал действительностью. Генерал и стоящий за ним аппарат военного министерства проявили полное непонимание действительности, и спасение от голода видели в «понуждении» губернских продовольственных комитетов к усилению отгрузки.[275] Между тем, продовольственное положение в армии отнюдь не улучшалось. За 25 дней октября вся погрузка вагонов, предназначенных фронту, говорила о том, что армия так и не выходила из продовольственно-фуражного кризиса, и заметны были только некоторые колебания в показателях снабжения. Так, вся погрузка из далекого тыла и ближайших губерний на Западный фронт муки и зерна была запланирована в количестве 2 950 вагонов, а фактически было погружено 938 вагонов (31,7%), крупы из занаряженных 250 вагонов поступило 172, а зернофуража из предназначенных к погрузке 3 025 вагонов было погружено только 1 839 (59,4%). На Юго-Западный фронт из занаряженных 5 250 вагонов было загружено лишь 3 016, а зернофуража поступило 68% нарядов. На Румынский фронт за 25 дней октября из 2 825 занаряженных вагонов муки, ржи и пшеницы было отправлено 1 263 вагона (44,7%), крупы — 10,2%, а зернофуража — 78%. Благодаря специально занаряженным маршрутным и пассажирской скорости поездам, улучшилось, по сравнению с первой половиной октября, положение на Северном фронте; здесь было получено 24,3% нарядов муки, ржи и пшеницы, крупы в размере 22,5% и зернофуража — 41,3%. Однако эти сравнительно повысившиеся показатели отгрузки вовсе не означали реального улучшения положения в армиях. Дело в том, что вагоны, погруженные сегодня, особенно в отдаленных губерниях тыла, подходили к фронтам через 3—4 недели, и армии испытывали те же затруднения. Многие предоставленные железной дорогой вагоны не были загружены из-за непредъявления груза. Одесская Областная Управа обещала, к примеру, погрузить 300 тысяч пудов пшеницы и ржи, однако реальная отгрузка выразилась в 82 тысячах пудов. Полтавский губпродком уже по другой причине, вследствие неподачи вагонов, недогрузил в октябре 1 300 тысяч пудов хлеба. Из-за такой же неподачи вагонов Воронежская губерния не отгрузила армии 708 вагонов хлеба, а Таврическая — 700. Как жаловался Особоуполномоченный министерства продовольствия Гав-

[275] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 22об.

рилов, губернские продовольственные комитеты Курской, Оренбургской, Саратовской, Тургайской, Уральской, Уфимской, Харьковской и ряда других губерний уже с августа вовсе не выполняли наряды министерства продовольствия для армии. Это министерство видело выход «в подмесе» в муку 20% ячменя.[276]

Таким образом, количество отгруженных для армии вагонов не говорило еще об улучшении продовольственного положения на фронте, так как пробег вагонов по времени достигал почти 30 дней. Кроме того, как мы уже знаем, грузы часто расхищались или перехватывались местными Советами для предотвращения голода в городах. Например, хлебные грузы, предназначенные для голодающего Северного фронта, были безнаказанно перехвачены в октябре (около 26 вагонов) Ярославским Советом.[277]

На фронте свирепствовал и мясной кризис. Солдаты систематически недополучали этот необходимый продукт. Так, на Юго-Западный фронт в сентябре вместо занаряженных 1 350 вагонов мяса, прибыло всего 106 вагонов, или 8% предусмотренного нарядом. В октябре потребность этого фронта исчислялась в 763 тысячи пудов, Военное же ведомство снизилн это количество до 550 тысяч пудов. Прифронтовые губернии — Подольская, Волынская, Черниговская и Полтавская уже были не в состоянии прокормить этот фронт, и все надежды возлагали на получение мяса из дальних губерний. Невыдача положенного мясного довольствия солдатам фронта в октябре отразилось на ухудшении настроения солдат, и как указывало командование, «вызывало волнения». Отпуск 1/2 фунта мяса, 10 золотников сала и малопитательных сортов рыбы на Западном фронте, при ведущихся на позициях земляных работах, требующих большой физической нагрузки, приводило к заболеваниям среди солдат и отказам от этих работ. Командование фронта указывало, что «увеличить отпуск мяса невозможно». Начальники санитарных отделов армии как на главную причину заболевания цингой, указывали на недостаток жиров и животных белков. Из общего наряда мяса на армии в 390 вагонов, по 26 октября было отправлено только 70 вагонов. Количество вагонов-ледников с мясом в армии не достигло в августе и 20% назначенной нормы, гласила телеграмма от 4 сентября ген. Егорьева из Ставки в Петроград.[278]

---

[276] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 91, лл. 35, 36, 36об., 37 и др.

[277] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, л. 36.

[278] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, лл. 292, 293, 294, 329; Там же, оп. 1, д. 110, л. 1, 1об.; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1734, л. 9; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1716, л. 122.

В октябре был значительный недовоз мяса, рыбы и соли Румынскому фронту. В кладовых фронта мяса и рыбы в некоторые дни месяца оставалось на 3—4 дня, и главный полевой интендант ген. Егорьев считал, что на фронте сложилось «крайне тяжелое положение».[279] Транспортные затруднения создавали невозможность снабжения фронтов рыбой, и из скопившихся на Дальнем Востоке 1 млн 200 тысяч пудов кеты-горбуши ежедневно могло быть отправлено только 2 вагона.[280] Главный интендант Румынского фронта ген. Санников 21 октября в своем сообщении в Петроград извещал, что слабое поступление на фронт скота, мясарыбы «создало острое положение», и в армиях фронта была сокращена дача мяса до 1/4 фунта. Санников жаловался, что Харьковская губерния вместо направления на фронт 15 гуртов скота, сдала лишь 1 гурт. В октябре на фронт не поступало эшелонов мяса. Воронежская губерния из занаряженных 31 гурта не прислала ни одного. Остальные губернии очень медленно выполняли наряды вследствие неподачи ж.-д. вагонов.[281] В плане обеспечения мясом многие армии жили буквально на пределе. Так, на 15 октября 5-я Армия была обеспечена мясом всего на 1/2 дня, 9-я Армия — на 1 1/2 дня, 6-я — на 3, Особая — на 1.[282] В создавшихся в стране условиях не могло быть и речи об улучшении снабжения солдат мясом. Все ресурсы подходили к концу, а транспорт отнюдь не улучшал свою работу. 24 октября министр продовольствия информировал Ставку, что продовольственное положение в стране еще больше осложнилось, в том числе и в деле снабжения армии мясом. Министр продовольствия писал, что «дать мяса больше отправляемого невозможно, ожидать улучшения подачи скота оснований нет». Для армий Юго-Западного и Румынского фронтов министр предлагал прибегать к реквизициям в 7 губерниях, и для этого использовать войсковые части.[283] Если принять во внимание, что реквизиции во фронтовой полосе и в более отдаленных местах Украины и Бессарабии и так проводились, истощая наличие скота и все больше усиливая бедствия крестьян, министерство продовольствия расписывалось в своей полной несостоятельности и фактически отказывалось снабжать армию даже в границах ее минимальных потребностей. На фронтах свирепствовал и табачный кризис. Жалобы солдат на нехватку табака носили повсеместный характер. В условиях изнуряющего недоедания и голода, холода,

---

[279] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, лл. 130, 172.
[280] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, л. 311.
[281] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, лл. 432, 434.
[282] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 93, л. 347.
[283] ЦГВИА, ф. 499, оп. 1, д. 1721, л. 185.

окопной сырости, отсутствие табака еще больше раздражало солдат. Как доносил 21 октября комиссар 1-й Армии Сербов, грозно нарастали требования солдат о снабжении их табаком и обмундированием. Подобные требования росли в 10-й Армии и в других.

На Кавказе в связи с резким обострением вопроса о снабжении табаком, создавались даже специальные табачные комиссии, которые нормировали потребление табака. В Трапезундский Совет поступали бесчисленные жалобы фронтовиков из полков 127-й пехотной дивизии, в которых содержались обвинения Совету в его нерадивости в деле удовлетворения потребностей курящих солдат. Резкое обострение табачного кризиса началось в конце августа, после августовского Совещания в Ставке (12—13 августа 1917 г.), которое уступило требованиям министерства продовольствия об отправке на западные фронты по 5 вагонов табака ежедневно, вместо ранее отправляемых 16. 5 сентября 1917 г. последовал даже приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего об ограничении выдачи табака солдатам.[284] Следует отметить специфическое положение в деле снабжения солдат на Кавказском фронте. Базисные магазины Кавказского фронта, в сравнении с обеспеченностью четырех европейских фронтов, поражали своими запасами. Так, в сводках командования о наличии запасов на 5 сентября на Юго-Западном фронте — запасов муки было на 2 дня, на Румынском фронте на 10 дней, а в это время в магазинах Кавказского фронта запасы муки исчислялись на 46 дней, крупы на 89 дней. С 25 сентября по 4 октября запасы овса и ячменя на Северном фронте не превышали 1,75 дней потребности, на Западном запасы имелись на 3,5 дня, на Юго-Западном на 1 день, на Румынском — на 3 дня. Запасы сена на этих фронтах также были весьма скудными. Зато на Кавказском фронте в этот же период мы видим обеспечение овсом и ячменем на 13, а сеном на 32 дня.[285] Однако, как это ни парадоксально, солдаты Кавказского фронта также недоедали и голодали. Комиссар Кавказского фронта Д. Донской 5 октября в своем донесении в Петроград подчеркивал, что кроме вопроса топлива «исключительное значение для Кавказской армии в деле поднятия ее боеспособности, играет фуражное, продовольственное и вещевое снабжение».[286] Снабжению этого фронта мешала сложная транспортная проблема на Кавказе и скверное состояние фронтовых дорог, а по существу — бездо-

---

[284] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 202; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, л. 37; ЦГВИА, ф. 2954, оп. 1, д. 23, л. 436; «Трапезундский Военный Листок», 10 ноября 1917 г.

[285] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 692, лл. 79, 88, 92.

[286] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, л. 400.

рожье в условиях горного рельефа местности. Отправляемый груз для частей фронта доходил по назначению в конечные пункты армии только через 1½ месяца, как об этом свидетельствовал главный начальник снабжения Кавказского фронта в сентябре 1917 г. Заседание армейского комитета Кавказской армии, состоявшееся 18 сентября 1917 г., заслушало доклад комиссии по снабжению о выработанных мерах по улучшению продовольственного положения армии. Как выяснилось, по-прежнему отмечалась «полная непродуктивность работы воловых транспортов, невыгодность их содержания, съедают по весу в два раза больше чем лошадь при меньшей грузоподъемности и днях простоя». Комиссия настаивала на введении карточной системы на получение продуктов и фуража. В выводах комиссии отмечалось, что число работающих «перевозных средств» понизилось до 30% их штатного состава. Кроме того, продовольственно-вещевые транспорты Кавказской армии часто в пути подвергались нападению курдов. Уменьшение продовольственного и фуражного пайка на фронте вызывало поток солдатско-казачьих делегаций в Тифлис. На заседании Краевого Совета Кавказской армии (Красокар) в октябре выступивший Ахтырский отмечал, что «делегации нам пока удалось успокоить — но за завтрашний день мы не ручаемся».[287] На съезде губернских комиссаров и городских голов в Тифлисе 22 октября, начальник военных сообщений полковник Балбашевский отметил, что на Кавказе наблюдается полное расстройство ж.-д. транспорта, отсутствие пригодных паровозов и вагонов, неспокойное положение на Владикавказской железной дороге и трудности продовольственных заготовок в пределах Елизаветпольской и Эриванской губерний. Полковник особо отметил, что в вопросах продовольствия также происходит «страшное затруднение» и что железные дороги не могут справиться с транспортным потоком грузов для армии. Полк. Балбашевский отметил, что «сейчас к станциям подвезено хлеба достаточно, но чтобы это перевезти, нужно упорядочить движение».[288]

Кавказский фронт снабжался продовольствием главным образом из районов Северного Кавказа. Казаки и крестьяне этого района также всячески воздерживались от продажи своего хлеба по твердым ценам. Деньги потеряли для них всякую ценность в связи с невозможностью приобрести за них мануфактуру, железо, гвозди и т. п. Крестьяне и казаки заявляли, что хлеб они будут

---

[287] ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 48, л. 185об.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 235; «Трапезундский Военный Листок», 27 сентября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 427, л. 202.

[288] «Кавказ», 7 ноября 1917 г.

сдавать только в том случае, если им будут отпускаться по сходной цене предметы первой необходимости. В августе подвоз продовольственных грузов, как свидетельствовал главный начальник снабжения фронта, «почти совсем прекратился». Главный начальник снабжения фронта рекомендовал произвести учет хлебных ресурсов и сократить нормы потребления. В это время на Кавказе армия уже перешла с двухфунтового пайка на $1^1/_2$ фунта. Особенно трудно было с фуражным довольствием, так как для его доставки требовались значительные транспортные средства. Необходимость большого количества фуража для этого фронта определялась наличием в его составе больших конных соединений, особенно казачьих. Безвыходность положения заставляла прибегать уже к крайнему средству — к вооруженной силе для сбора хлеба и фуража на Северном Кавказе, что имело место уже в августе. Хотя в базисных магистралях фронта имелись запасы муки на 25—30 дней, а зернофуража на 10 дней, это не спасало армию и тягловую силу от голода. Как мы уже знаем, даже усиление поставок привело бы к доставке грузов в глубинные пункты фронта к половине ноября, а за это время будет израсходована значительная часть продовольственно-фуражных запасов. Интендантство фронта принимало все меры, чтобы «пережить этот определенный период до возобновления подвоза». Эти меры больно ударили по тягловой силе и изнурили поголовье казачьих строевых лошадей: по распоряжению интендантства на лошадь выделялось только 2 фунта зернофуража. В связи с этим командиры корпусов стали ходатайствовать о санкционировании реквизиций в районе Эрзерума и в других оккупированных районах.[289] На Краевом Совете Кавказской армии 14 октября обсуждался уже проект приказа, который предусматривал в целях сокращения потребления замену в конце недели пайка сухарями в размере 1 фунта 728 золотников.[290] Этот проект был утвержден Красокаром. В ряде корпусов Кавказского фронта, находящихся в значительном отдалении от интендантских баз, в августе отмечалось резкое ухудшение питания. Командир 2-го Туркестанского армейского корпуса в своем секретном рапорте на имя командующего Кавказской армией указывал, что еще в 1916 г. не были приняты должные меры к обеспечению войск корпуса и теперь в его пределах началась «голодовка». Эта «голодовка» сопровождалась громадной убылью людей из строя и массовым падежом животных. Командир корпуса характеризовал положение как «отчаянное». В результате этого положения 5-я Туркестанская дивизия

[289] ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 48, лл. 185, 185об., 186, 466, 468.
[290] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 189.

корпуса так и не была полностью укомплектована, и в ее рядах было не более 75% нормального состава. Командир корпуса опасался самовольного ухода с позиций целых частей.[291] На заседании Красокара 27 октября докладчик по продовольственному вопросу заявил, что армия «скоро может поставить нам ультиматум: дайте хлеба или мы оставляем фронт». На фронте создавалось в высшей степени «тревожное положение». Командующий Кавказской армией «на свой страх и риск», как отмечалось на заседании, уменьшил хлебный паек частей до 1 фунта. Докладчик по продовольственному вопросу Ахтырский подчеркнул, что на Северном Кавказе имелось до 6 млн пудов заготовленного хлеба, а отправлено было из-за условий транспорта 1,5 млн пудов. Кавказская же армия получила только в течение октября до 60 вагонов. Совещание констатировало, что дело не только в наличии хлеба, а в возможности его вывоза. Председатель Красокара Д. Донской указал на «отчаянное» положение железных дорог.[292] За октябрь сводка с Кавказского фронта отмечала наряду с другими настойчивые жалобы в частях на ухудшение питания, отсутствие топлива и падение боеспособности казачьих частей вследствие нехватки фуража и ухудшения состояния конского состава.[293] В связи с сокращением пайка и введением нормирования, на фронте наблюдались и солдатские волнения. Так, в Трапезунде толпы солдат силой захватывали в хлебопекарнях хлеб.[294]

Снабжение русских войск Кавказского фронта в пределах Персии находилось в крайне тяжелом состоянии в связи с почти полным прекращением подвоза продовольствия, фуража, падения курса рубля, «дошедшего почти до полного его обесценения», по свидетельству командования, и отсутствия у командования персидской крановой валюты. В конце августа курс рубля упал уже ниже 90% его номинальной стоимости, и вместо положенных 117 шай за него предлагали не более 8 шай. Ген. Духонин в начале октября обоснованно считал, что «возникает вопрос о возможности дальнейшего пребывания русских войск в Персии». Стремительное падение курса рубля из-за разрухи русского экспорта в Персию, в особенности сахара и других традиционных товаров, лишал Временное правительство возможности получения соответствующего запаса персидской валюты, крайне необходимой для закупки продовольствия и фуража в этой стране. Возбужденный Великобританией вопрос о желательности совместного наступления анг-

---

[291] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 141, л. 104.
[292] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 235, 236, 237.
[293] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 51.
[294] «Трапезундский Военный Листок», 19 октября 1917 г.

лийских войск ген. Мод и русских частей повис в воздухе.[295] Начальник Хоросанского отряда в Персии доносил 25 сентября командованию, что средств для фуража «давно нет» и что отряд задолжал около 400 тыс. руб., кредита отряду уже не предоставляют, в связи с чем «он вынужден пойти на реквизицию». 24 сентября корпусной комитет 7-го Отдельного Кавказского корпуса уведомил командира, что неизбежен отвод в тыл частей корпуса в связи с полным отсутствием продовольствия.[296] В сентябре же на совещании комитета при штабе Керманшахского отряда была единогласно принята резолюция прадставителей войсковых организаций и частей, что оставление отряда в Персии ввиду наступившего голода является преступлением. Отряд находится в таких условиях, что ему остается «или погибнуть от голода и холода ... или самовольно уйти».[297] По сообщению ген. Баратова, в сентябре в тяжелом положении находился также Диальский отряд. Здесь отсутствовало продовольствие, чай, сахар, теплая одежда, в частях царило опасное возбуждение и не исключена «возможность самовольного ухода с позиций».[298] Русский посланник в Тегеране Эттер 25 сентября уведомлял МИД, что корпус ген. Баратова «вследствие прекращения подвоза зерна и фуража из России переживает острый продовольственный кризис» и вынужден прибегать к нежелательным реквизициям. На протяжении сентября Исфаганский гарнизон в результате отсутствия продовольствия был поставлен «в безвыходное положение» и, по словам дипломата, в гарнизоне назревали эксцессы.[299]

Тяжелейшее положение создалось осенью и в частях 1-го кавалерийского корпуса, вызванное отсутствием персидской валюты и усиливающимся продовольственным кризисом. Тревожные телеграммы ген. Ляхова в конце сентября об отсутствии фуража и «возможных осложнениях» говорили о повсеместном ухудшении положения русских войск в Персии. Как на всем Кавказском фронте, так и на его персидском ответвлении свирепствовал и топливный кризис, отсутствовали дрова для обогрева и приготовления пищи.[300] В результате неизбежных русских реквизиций

---

[295] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1246, л. 3; АВПР, ф. МИД, Канцелярия 1917 г., оп. 470, д. 52, л. 535.

[296] ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 126, л. 101.

[297] АВПР, ф. МИД. Дипломатическая канцелярия. 1917 г., оп. 617, д. 9, лл. 91, 91об.

[298] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 68, л. 69.

[299] АВПР, ф. МИД. Канцелярия. 1917 г., оп. 470, д. 52, л. 578; Там же, оп. 528, д. 10, лл. 39об., 44.

[300] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 22, л. 5; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 443, л. 87; ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 50, лл. 77, 77об.

как ранее, так особенно в августе—сентябре 1917 г. персидское крестьянство было обречено на голод (Марагинский район, район Урмии), как об этом секретно доносил генеральный консул России в Тавризе. В Тавризе и в провинции ощущался отстрый недостаток хлеба, а во многих местах и голод.[301] В августе в районах дислокации русских войск прокатилась волна погромов и т. н. «бесчинств», совершаемых деморализованными голодом русскими солдатами. Русский вице-консул в Казвине Гильдебранд в конце августа отмечал погромы, бесчинства, «страшное развращение» солдат. Солдатские погромы имели место в августе не только в Казвине, но и в Хамадане, Урмии и др. местах.[302] Солдаты 3-го пограничного полка дважды в октябре произвели погромы в Ване. Ванский комитет эсеров пытался при помощи сознательных солдат организовать даже патрулирование района.[303]

Если на Европейских фронтах России армии откатывались назад, в результате ударов противника, то Кавказский фронт, не знавший поражений и насчитывающий в своей истории немало блестящих побед, в октябре начал отводить свои части в результате продовольственного краха в стране и на фронте. Секретный приказ Главнокомандующего фронтом от 5 октября 1917 г. гласил: «Тяжелые условия, в которых находятся войска фронта и особенно крайне обострившиеся затруднения в снабжении войск всем необходимым..., а особенно продовольствием и вынуждают меня... отвести части войск в тыловые районы страны, в мой резерв, в две очереди...».[304] На съезде губернских комиссаров и городских голов Закавказского края 22 октября выступил генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта ген. Левандовский, который информировал съезд, что передвижение войск в тыл необходимо и неизбежно, так как на фронте войскам угрожает голод из-за отсутствия продовольствия, фуражных и транспортных средств. Живая тягловая сила не справилась с перевозками, а автомобили на фронте отсутствуют. Необходимо, заявил генерал, передвинуть в тыл почти всю конницу, половину артиллерии и треть пехоты и что угроза обнажения фронта чрезвычайно велика. Кавказская армия, подчеркнул ген. Левандовский, еще в прошлую зимнюю кампанию 1916—1917 г. потеряла вследствие продовольственной разрухи и условий транспорта, заболеваний цингой 80% своего состава.[305] Таково было губительное влияние

---

[301] АВПР, ф. МИД. Канцелярия. 1917 г., оп. 470, д. 55, лл. 224, 226.
[302] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 77, л. 2; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 324, л. 24.
[303] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 255, 256.
[304] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 324, лл. 73, 73об., 74.
[305] «Кавказ», 16 ноября 1917 г.

продовольственно-транспортной разрухи на боевые организации русской армии, свидетельствовавшее о совершенной неподготовленности страны к войне.

Выступления министров Временного правительства в предпарламенте 16 и 17 октября по продовольственному вопросу, по существу сводились к признанию безнадежности положения. Министр продовольствия С. Н. Прокопович сообщил собравшимся, что свыше 50 агентов продовольственного дела были на местах избиты, не обошлось и без убийств. «Продовольственное дело, — установил министр, — висит на ниточке... эта ниточка в любой момент может порваться». Министр обусловил сдачу хлеба крестьянами на местах созданием там соответствующих твердых органов власти, а без этого хлеб поступать не будет.[306] Как известно, на местах царила анархия, а внеэкономическое принуждение, за которое ратовал министр, нельзя было осуществить без наличия послушной силы. Таким образом, продовольственная «ниточка» неумолимо рвалась. Министр иностранных дел М. И. Терещенко признал также в своем выступлении, что «самый могучий из всех вопросов... вопрос продовольствия...» «прогрессивно ухудшается» и упирается в положение на железных дорогах.[307] О крахе как продовольственного дела, так и заготовительного аппарата министерства продовольствия свидетельствовал и тот непреложный факт, что заботу об изыскании хлеба для голодающей армии были вынуждены взять на себя комитеты и интендандские органы боевых частей фронта. В заготавливающие губернии в сентябре и октябре направлялись солдаты, снабженные удостоверениями воинских частей о праве на заготовку хлеба и фуража.[308]

О банкротстве Временного правительства в деле снабжения армии свидетельствовали и споры между министерством продовольствия и военными ограны — военным министерством и Ставкой. Министерство продовольствия соглашалось в октябре «прокормить» только 7-миллионную армию, а Ставка настаивала на продовольственном снабжении 9 миллионов солдат «для сохранения фронта». Однако спор этот носил бессмысленный характер. Как нам уже известно, продовольственное снабжение фронтов зачастую не превышало и 20—26% предусмотренной нормы, а то и меньше этого. Военный министр Верховский также признавал: «армия не может быть при таких условиях прокормлена».[309]

---

[306] «Вестник Временного правительства», 17 (30) октября 1917 г.

[307] «Известия ЦИК и Петроградского Совета р. и с. д.», 17 октября 1917 г.

[308] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1721, л. 23.

[309] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Док. и мат. М., 1962, стр. 221, 224.

В своем выступлении в Совете Республики 17 августа министр продовольствия Прокопович дал мрачную характеристику провала продовольственных планов Временного правительства. Министр сказал, что в 1917 г. необходимо было заготовить 1 129 млн пудов хлеба, из которых для действующей армии предназначалось выделить 650 млн пудов, для внутренних военных округов — 70 млн пудов и для гражданского населения и железных дорог — 400 млн пудов. Однако урожай 1917 г. оказался ниже прошлогоднего на 300 млн пудов, а обычная житница России — Самарская и Саратовская губернии были поражены неурожаем. По подсчетам министерства продовольствия, заготовительные органы могли рассчитывать на получение хлеба в пределах 550—700 млн пудов. Однако, вследствие кризиса транспорта и всех перевозочных средств, реальной цифрой было бы 200—250 млн пудов. Но при самых радужных надеждах, признал министр Прокопович, министерство смогло бы реализовать свои наряды в размере, не превышающем 50%. Поэтому во всем объеме встает вопрос о необходимости сокращения контингентов армии и добавления в муку суррогатов (примеси кукурузы и ячменя). Министр Прокопович отметил, что заготовка хлеба сопровождается применением воинской силы, а транспорт не справляется с вывозом хлеба вследствие забастовок, недостатка паровозов, закупорками ж.-д. узлов и т. п. В докладе министра приводился факт неразгрузки и простоя 14 октября в Петрограде 3 023 вагонов, в Москве 4 000.[310]

Полное банкротство Временного правительства признавал по существу и сам А. Ф. Керенский в выступлении на Совете Республики еще ранее — 7 октября. Министр-председатель признал, что в результате разрухи, экономического и финансового кризиса стране угрожает в ближайшем будущем «остаться без топлива, без продовольствия, и особенно это недопустимо в отношении армии, находящейся на фронте». А. Ф. Керенский признал, что все меры правительства «разбились о полную пассивность и апатию в стране».[311] Таким образом, Временное правительство не справилось с оздоровлением экономики и признало публично свое бессилие предотвратить продовольственную катастрофу.

При создавшихся условиях экономической разрухи армия не могла быть обута и одета. По известным уже нам причинам, частные фабрики резко снижали поставку армии серошинельного сукна. В июле 1917 года было поставлено этими предприятиями 1 929 тысяч аршин, а в августе только 1 341 тысяча.[312] Если в ян-

---

[310] «Кавказ», 21 октября 1917 г.

[311] «Кавказ», 10 октября 1917 г.

варе частные и казенные фабрики пошива заготовили 980 тысяч походных рубах, 986 тысяч походных шаровар и 1 138 тысяч шинелей, то за август 1917 г. заготовка походных рубах не превышала 251 тысячу, шаровар — 846 тысяч и шинелей 709 тысяч.[313] Возрастающие трудности обеспечения армии обмундированием, по данным Главного интендантского управления в июле—августе, вызывались сокращением работ на фабриках и мануфактурах вследствие полевых работ, «невозможностью» получать необходимое количество сукон с отечественных фабрик и слабым поступлением заграничных заказов, отсутствием на русском рынке шерсти, пряжи, красок, хлопка и постоянными затруднениями в подвозе материалов по железным дорогам. В частности, указывалось на затруднения в отношении рабочих рук, систематическое повышение заработной платы, рост цен на материалы и т. п.[314] Крупнейшие предприятия по изготовлению обмундирования, например, Общества Алафузовых, В. Г. Шибанова и др., крупные недопоставки шинелей объясняли отсутствием материалов, «обстоятельствами текущих событий», несвоевременным отпуском казенных материалов и др. Предприятия Общества Алафузовых к 1 августа недопоставили военному ведомству 234 414 шинелей.[315] Другие предприятия также не выполняли контрактов и нарядов. Так, за первую половину сентября «Варшавские обмундировочные мастерские», находящиеся в Московском военном округе, должны были поставить интендантству по 100 000 телогреек и шаровар на вате и 40 000 рубах и кальсон. Однако на 16 сентября было ими выпущено из производства только 14 879 телогреек, 12 125 шаровар на вате, 11 120 рубах и 9 270 солдатских кальсон.[316] Необходимые армии теплые вещи и белье высылались фронтам крайне скудно, и в августе интендантство забило тревогу, так как стало ясно, что осенние холода армия встретит раздетой.[317] Направленный интендантством в Московский и Приволжский промышленные районы ответственный чиновник Стеблин-

---

[312] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 145, л. 55. В январе 1917 г. частные фабрики поставили армии 3 196 тысяч аршин.

[313] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 145, л. 56.

[314] ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 238, л. 7об.

[315] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1096, лл. 85, 85об., 86, 103.

[316] ЦГВИА, ф. 439, оп. 2, д. 2165, л. 138.

[317] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, л. 196.

Каменский для принятия мер к отгрузке в армию по августовскому плану обмундирования, теплых вещей и обуви, отправлял в Петроград крайне тревожные отчеты.

Высылка предметов обмундирования по августовскому плану в начале сентября представлялась в следующем виде (в тысячах):

Фронты	Северный		Западный		Юго-Западный		Румынский
	занаряжено	выслано	занаряжено	выслано	занаряжено	выслано	
Ватных брюк	300	38	500	23	1 050	—	
Телогреек	300	6	700	7	1 000	—	Сведений
Фуфаек бумажных	—	45	—	20	750	—	нет
Кальсон бумажных	—	35	—	18	750	—	

По приказу военного министра ген. Верховского, Московский окружной интендант созвал в сентябре экстренное совещание по вопросу заготовки и отгрузки в действующую армию теплых вещей. Союз общественных организаций отмечал на совещании, что в области производства и заготовки теплого обмундирования надвинулся «резкий кризис». На совещании выявилась безотрадная картина и отмечалось, что расчитывать на обещанную отправку к 15 октября 5 млн комплектов теплых вещей «вряд ли возможно». Нет никакой надежды и на выполнение Союзом общественных организаций августовского плана подвоза теплого обмундирования, ввиду отсутствия вагонов для вывоза необходимых для изготовления изделий материалов, о чем Союз общественных организаций уже телеграфировал в Ставку. В Главное интендантское управление военного министерства поступали тревожные телеграммы о срыве производства теплого обмундирования из-за отсутствия сырья и других материалов. Ощущалась острая нехватка шерсти и хлопка. Из Красноводска и Петровского порта не было возможности отправить соответственно 800 и 150 вагонов хлопка из-за транспортных преград. Специальная комиссия военного министерства, возглавляемая ген. Козловым, и указанный нами чиновник Стеблин-Каменский совместно телеграфировали 1 октября в Ставку, что отгрузка предназначенных фронту вещей постоянно срывается из-за неподачи ж.-д. вагонов. По этой же причине в г. Пермь лежали мертвым грузом 200 тысяч ватных изделий для солдат Северного фронта и 100 тысяч армиям Румын-

ского фронта. В Казани отгрузка изделий на фронт задерживалась и в связи с отсутствием рабочей силы для тюковки вещей. Подобные недогрузки приводили к тому, что на одном только Северном фронте к 1 октября недослано 57% запланированного теплого обмундирования.[318] В августе по причине закрытия приема грузов Александровской и Киево-Воронежской железными дорогами, была сорвана отгрузка белья на Западный фронт.[319] В августе же в Ставку поступали телеграммы от Союза городов, что несмотря на утвержденный план Ставки подачи вагонов, готовые изделия не отгружаются, на местах происходит значительное скопление готовых изделий для действующей армии.[320] Созданная в конце сентября комиссия Главного интенданта прибыла из Петрограда в Минск для обследования обеспечения войск Западного фронта теплыми вещами. Комиссия установила, что к 1 октября армиям Западного фронта было недопоставлено 686 700 штук телогреек, 432 880 ватных брюк, 67 791 пар валенок, 190 тысяч шинелей и ряд других необходимых вещей (походные рубахи, портянки и др.). По дополнительным нарядам недоотправлено на этот фронт 100 тысяч походных шаровар, 100 тысяч фуфаек, 100 тысяч теплых кальсон, 200 тысяч полушубков и т. д.

5 октября в Тифлис прибыла другая комиссия Главного интендантства и выяснила по материалам полевого интенданта фронта, что из числа предназначенных для Кавказской армии теплых вещей, большая часть находится в пути, а значительное количество обмундирования вообще не выслано из Московского и Казанского промышленных районов. На Кавказский фронт не было выслано предусмотренных нарядами 149 322 полушубка, 170 тысяч телогреек и 290 тысяч ватных брюк. На 15 октября 1917 г., по данным интендантства Юго-Западного фронта, округа не погрузили для армий 219 тысяч полушубков, 955 тысяч ватных брюк, 41 тысячу пар валенок, 97 тысяч телогреек, 69 тысяч пар обуви, 288 тысяч теплых портянок, 789 тысяч кальсон и т. п. 9-я Армия Румынского фронта к 25 октября фактически получила из заявленной потребности до 70% теплого белья, 15% теплых портянок и 60% сапог.[321] Однако эти цифры комиссии безусловно завышены, так как в сентябре комиссар 9-й Армии телеграфировал в комиссар-верх, что в 37-й и 43-й пехотных дивизиях этой Армии наблюдается большой процент босых солдат, а в некоторых частях солдаты совершенно не имели нательного белья и ходили в одной

[318] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 161, лл. 340об., 240—242, 252, 315, 336, 530, 531.
[319] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 141, 143.
[320] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2026, лл. 123, 124.
[321] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2162, лл. 23, 33, 35, 35об., 36, 40.

верхней одежде. В армии царила сильная нужда не только в продовольствии, но и в обуви, обмундировании и д. д.[322] К началу октября в район 6-й Армии Румынского фронта прибыло около 40% заявленной потребности сапог и 10% белья. Во всей армии требовалась замена изношенных шинелей, обмундирования вообще. Однако прибытие в полевые интендантские склады обмундирования, вовсе не означало, что солдаты тотчас его получат. В полки в самом лучшем случае обмундирование и обувь попадали через 10 дней, а часто через 3—4 недели. Комиссия военного министерства для обследования снабжения действующей армии, в начале октября сообщала, что далеко не все войска получили предназначенное им по нарядам вещевое довольствие, и особенно нуждались в немедленной доставке теплых вещей. По далеко не полным и не точным сведениям этой комиссии, в 1-ю Армию поступило к 1 октября не более 30% белья и теплых вещей. В Особой Армии Юго-Западного фронта ощущалось отсутствие минимального количества фуфаек и кальсон. Этой Армии требовалось, согласно сообщению комиссии, 440 тысяч фуфаек и 458 тысяч кальсон. В 11-й Армии фронта был очень значительный недостаток мундиров и шаровар, а особенно телогреек и ватных брюк. В 7-й Армии из занаряженных 102 тысяч телогреек было получено 45 тысяч, из занаряженного количества ватных брюк в 242 тысячи было получено только 60 тысяч. Наряд для Армии из 272 тысячи пар сапог был реализован только в количестве 78 тысяч пар и т. п. Большие партии направляемого на фронт вещевого довольствия задерживались в пути, не грузились отправителями за непредоставлением ж.-д. вагонов, не досылались из военных округов.[323] Краевой Совет Кавказской армии для преодоления тупика в вещевом снабжении солдат фронта направил в Москву своего делегата Рогачко, который 19 октября на заседании Исполкома Красокара выступил с докладом о поездке. Как информировал Рогачко членов Краевого Совета, Земский Союз предполагал направить на фронты 1 285 тысяч пар валенок, а в действительности смог отгрузить только 270 000 пар. Союз сказал, что Кавказский фронт имеет то преимущество в доставке ему вещевого довольствия, что он может снабжаться водным путем, в то время как другие фронты страдают от ж.-д. разрухи. Но это были только предположения, так как на Кавказский фронт вместо затребованных 1 400 тысяч телогреек и теплых шаровар было отправлено 350 тысяч, из которых 160 тысяч находилось в пути. Интендантство фронта заказало 330 тысяч походных шаровар, а выслано

---

[322] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 54, л. 172.

[323] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2162, лл. 1, 3, 10, 11, 15, 16, 18.

только 40 тысяч. В связи с падением производительности труда резко снизился выпуск продукции фабрик и починочных мастерских, что отразилось на доставке шинелей Кавказскому фронту, в которых последний крайне нуждался. Растянутость Кавказского фронта, отмечалось на заседании, осложняла проблему своевременной доставки вещевого довольствия в части. Красокар постановил возбудить ходатайство перед военным министром о необходимости, в срочном порядке, усиления снабжения Кавказского фронта. Краевой Совет решил создать сеть комиссаров по снабжению. Особое внимание Совет уделил злободневному вопросу дровяного кризиса.[324] Еще ранее, на заседании Красокара выступил член ЦИК Советов Апелянский, который, касаясь вещевого довольства фронтов, отметил, что аппарат снабжения беспомощен и бессилен, что усугубляется еще разрухой на транспорте. «Положение солдат действительно трагично, — сказал Апелянский, — у многих вместо штанов кальсоны, о теплой одежде сейчас не приходится и мечтать. Все это в совокупности раздражает солдатскую массу».[325]

Крайне неудовлетворительно обстояло дело со снабжением армии обувью, которая вдобавок быстро изнашивалась из-за отсутствия в починочных мастерских подошвенных кож. На это указывали члены многочисленных солдатских делегаций, прибывающих в Петроград. Это подтверждал и Главный интендант военного министерства ген. Богатко еще в июле в своем письме Главному полевому интенданту в Ставке.[326] Уже в январе 1917 г. Главное интендантское управление указывало, что заготовить все необходимое количество обуви и кожи в России в виду заметного сокращения поступления на рынок шкур скота и другого сырья, не представляется возможным. Главное интендантское управление уповало поэтому на заграницу, и его план предусматривал заготовку кож и части обуви за рубежом.[327] Положение было настолько безнадежным, что Главное интендантское управление пошло по линии наименьшего сопротивления и стало уже в июле и августе отправлять в армию лапти. Из занаряженных Юго-Западному фронту 1 210 000 пар лаптей, в его адрес отправлено 707 218 пар, Западному фронту прибыло 49 300 пар, Румынскому фронту — 354 460 пар и т. д.[328] Увеличение разутости в действую-

[324] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 220, 221, 222, 223, 227; «Голос Солдата», 29 сентября 1917 г.

[325] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 193.

[326] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 38, л. 418.

[327] ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 238, л. 4.

[328] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 16, л. 3; ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, лл. 151, 164, 200.

щей армии усложнялось и в связи с тем фактом, что отправка занаряженной на определенный месяц партии обуви по условиям ее наличия и в связи с непредоставлением вагонов затягивалось на длительное время. Так, в октябре еще не был закончен вывоз обуви для фронтов по августовским нарядам. В августе всего на фронты было назначено 3 млн 097 тысяч пар обуви, а выслано из этого количества по 8 октября всего лишь 686 тысяч пар.[329] Несмотря на ошибки в цифровых выкладках интендантства и военного министерства, все же они правильно указывали тенденцию движения показателей снабжения. В сведениях о потребности обуви на фронтах и о высылке ее за этот период с 1 августа по 3 декабря 1917 г., мы находим важные данные, которые характеризуют снабжение армии обувью. Всего на 4 европейских и на Кавказский фронты было назначено по нарядам за этот период 3 млн 679 тысяч пар обуви, а выслано в действительности 1 млн 201 тысячу пар. В это число входило до 400 тысяч пар заграничной обуви.[330] Обеспечение действующей армии усложнялось еще и фактом поступления в части вместо сапог — ботинок, которые по климатическим и топографическим условиям были малопригодны на позициях и вызывали нарекания солдат. Так с 19 по 31 октября на Западный фронт было выслано только ботинок — 49 126 пар. Исключительно ботинки в количестве 15 666 пар поступили в этот отрезок времени и на Юго-Западный и 27 230 пар на Румынский фронты. На Кавказский фронт за указанное время было отгружено 22 884 пар ботинок. Всего на все фронты с 19 по 31 октября было отгружено 284 850 пар сапог и 190 166 пар ботинок.[331] Выполнение плана снабжения действующей армии обувью и вещевым довольствием срывалось из месяца в месяц, или, как смягченно формулировалось интендантством, «не налаживалось». До 18 октября в счет октябрьского плана интендантству не удалось отгрузить на 4 европейских фронта ни одной партии обуви.[332] Главный полевой интендант ген. Егорьев телеграфировал во второй половине октября в Петроград о срыве высылки обуви всем фронтам, шинелей — Северному, Западному и Румынскому, походных рубах всем фронтам, ватных вещей всем фронтам. Кроме того, жаловался ген. Егорьев, на фронты не выслали «ни одной штуки» валенок, и полушубков Западному фронту. Рукавицы, так необходимые солдатам, вообще не были высланы.[333] Таким обра-

---

[329] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, л. 208.
[330] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, л. 230; Там же, д. 2057, л. 17.
[331] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, лл. 205, 206.
[332] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, л. 209.
[333] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2143, л. 208.

зом, холодную сырую осень и надвигающуюся зиму солдаты встречали разутыми и раздетыми. Военное министерство уже 11 октября отказывалось выдавать новые наряды на шинели, и отказывало в обеспечении ими солдат. Главное интендантство военного министерства поясняло, что оно не может удовлетворить потребности армии «за недостатком материалов, вследствие сокращения производства фабрик и подвоза из-за границы сукна».[334] 20 октября военный министр А. И. Верховский в своем выступлении в Предпарламенте коснулся положения снабжения армии. Ген. Верховский заявил, что в январе 1917 г. в стране было заготовлено 1 млн 300 тысяч пар обуви, а в сентябре этого года — едва 900 тысяч. Заграничные заказы не оправдали надежд, так как Англия отказала в поставке 2,5 млн пар сапог, заказы в Америке на 3,5 млн пар обуви отсрочены правительством этой страны, и пока в Россию доставлено всего лишь 116 тысяч пар. Полушубки в армии выдаются только на 50% заявленной потребности, из-за невозможности их доставки на место и т. п.[335] 20 октября 1917 г. в Ставке состоялось совещание, которое по существу констатировало банкротство Временного правительства в деле минимального обеспечения жизненно необходимого вещевого довольствия армии. Рассматривая вопрос обеспечения действующей армии сукнами, кожей, обувью и другими изделиями, совещание признало, что страна не в состоянии снабжать армию. Совещание резюмировало, что необходимых ресурсов в России нет и в ближайшее время нельзя ожидать. 22 октября ген. Духонин из Ставки телеграфировал А. Ф. Керенскому и военному министру о создавшемся отчаянном положении со снабжением армии и его безвыходности.[336]

Обрисованная нами катастрофа в области снабжения фронтов, в итоге привела к дальнейшему резкому ухудшению морально-политического состояния частей, к массовым отказам от выполнения оборонных работ, что делало позиции русской армии легко доступными для прорыва. Сводные сведения о состоянии фронтов, составленные начальниками военно-политических отделов, комиссарами и командующими, убедительно свидетельствуют об этом и пестрят многочисленными сообщениями по вопросам ухудшения питания, хлебного пайка, недостаткам обмундирования (особенно сапог), теплой одежды, отсутствия фуража, табака и т. п.[337] В

---

[334] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1094, л. 77.

[335] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Док. и мат. М., 1962, стр. 221.

[336] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 94, л. 151.

[337] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 53; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 17, л. 270 и др.

психологическом плане, среди раздетых, разутых и голодающих солдат росло озлобление, которое приводило к волнениям и стихийным зверским расправам над командным составом. Характерно в этом отношении волнение в 26 стрелковом полку 9-й Армии Румынского фронта. Под руководством примкнувшим к большевикам прапорщиков Сырнова и Клячкина в последних числах октября на общем собрании солдат было принято постановление о немедленном заключении мира и «выдачи ... хлеба полностью по 3 фунта и продуктов по раскладке», немедленного обеспечения солдат теплой одеждой, отмены работ и занятий и увольнении солдат в отпуск с оружием и т. п. Солдаты решили направить своих представителей «во все части армии». Прибывшие для улаживания конфликта члены армейского и дивизионного комитетов и начальник 7-й стрелковой дивизии ген. Зиборов были арестованы толпой, а ген. Зиборов затем зверски убит и ограблен.[338]

Преобладающая часть солдатских выступлений на продовольственной почве и вещевого довольствия, носила, казалось бы на первый взгляд, характер мелких инцидентоз в ротах, батальонах, полках, почти в каждой дивизии, корпусе, армии. Опасность этих постоянно возникающих мелких столкновений состояла в том, что они пронизывали и подтачивали весь боевой организм армии и не сходили с повестки дня. Недоедание, разутость, раздетость помимо истощения организма солдата давали всегда готовый мотив для непременного солдатского непослушания, мотив, который был многократно сильнее любой пропаганды. В 18-м, 20-м и 781-м полках 10-й Армии в октябре солдаты категорически отказывались от занятий и работ на позициях, ссылаясь на голодание и «физическую слабость». Октябрьские донесения комитетов и комиссаров содержат великое множество примеров выступлений солдат на почве продовольствия и вещевого снабжения.[339] Достаточным источником о материальном положении солдат, их недовольстве может служить большое количество дошедших до нас резолюций, солдатских писем, наказов и требований солдатских делегаций. Так, резолюция полкового комитета 87-го Нейшлотского пехотного полка от 14 октября в своем девятом пункте указывает на «холод, голод, сырость и грязь окопной жизни, рваные сапоги, рваные штаны, рваная рубаха, рваная шинель и щегольство тыла».[340] Резолюция митинга 4-го Несвижского пе-

---

[338] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 35, лл. 14—18.

[339] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1351, ч. II, лл. 533, 534; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 13, лл. 14, 54, 55, 204, 225; Там же, д. 34, лл. 13, 117, 117об.; Там же, д. 31, л. 56об.; Там же, д. 36, л. 61об.; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 156.

[340] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1585, л. 139об.

хотного полка содержала обвинение тылу в его равнодушии к положению солдат и заявляла: «Мы голодны. Мы разуты. Мы устали».[341] Председатель Исполкома Совета солдатских депутатов (Искосола) 12-й Армии, член ЦИК Советов меньшевик Г. Д. Кучин обратился в самом конце сентября во фронтовую комиссию Всероссийского ЦИК Советов с письмом, в котором доказывал, что все меры по укреплению армии будут бесполезны, «если не улучшить снабжения», и что это один из самых сильных факторов ухудшения настроения солдат. Много солдат без сапог, — писал Кучин, — часто без шинелей, «люди стоят, покрывшись холстом палатки и дрожат в окопах как осиновый лист». Кучин выражал опасение, что в этом положении в армии таится реальная угроза ее отрыва от всей страны. Транспортных средств в армии стало «донельзя мало», нет фуража и обессилели лошади. Кучин приложил к своему письму резолюцию заседаний президиумов полковых комитетов 44-й пехотной дивизии, в которой указывалось, что вследствие недоедания, отсутствия обуви и т. п., «вошли в систему» отказы солдат от работ. Резолюция предлагала скорее принять меры к улучшению снабжения, так как в противном случае, безусловно, победят в сознании солдат «идеи мира во что бы то ни стало».[342] Части, входящие в состав 18-го армейского корпуса, делегировали осенью двух своих представителей, Алпатова и Вейсберга, в Петроград для ознакомления Временного правительства и Петроградского Совета «с отчаянным, безвыходным положением частей войск, входящих в этот корпус», так как штаб фронта отвечает делегатам солдат, что продовольствия и обмундирования «нет и не будет». Наказ, врученный двум делегатам, содержал и заявление солдат, что в случае дальнейшей проволочки в снабжении, они все явятся из окопов в Петроград. Как гласил наказ, единственным выходом из создавшегося тупика «является скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций».[343] Создавшееся положение в армии, озлобленное и угнетенное настроение солдат в результате материальных лишений было той питательной средой, на которой росли большевики, удачно использующие недовольство солдата для увязывания его требований со своими политическими целями и демагогическими лозунгами. Теперь армейские большевики легко внедряли в сознание уставшего солдата-крестьянина, что все невзгоды — голод, холод, разутость, раздетость — являются результатом «политики соглашателей», в том числе и непредоставление земли

[341] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Док. и мат., стр. 541.
[342] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 197, лл. 31, 31об., 33, 39об.
[343] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1709, лл. 69, 69об.

крестьянам. Распространявшиеся в широком масштабе на фронте большевистские газеты внедряли это в сознание солдата и указывали на якобы единственный путь спасения — свержение Временного правительства и создание «Республики Советов».[344]

На фронте широко распространялось большевиками письмо Ленина «К рабочим, крестьянам и солдатам» от 2 октября, в котором в сознание измученного солдата упорно внедрялась идея восстания и свержения Временного правительства, в результате чего солдатская масса якобы получит мир, помещичью землю, все это будет им гарантировано «Республикой Советов». «Солдаты измучены, — писал Ленин, — солдаты босы, солдаты голодают, солдаты не хотят воевать ради интересов капиталистов». В письме Ленин открыто призывал к свержению «Правительства Керенского».[345] Теперь, в создавшейся благоприятной для большевиков обстановке везде открыто раздавались их призывы к свержению Временного правительства. Комиссар 42-го армейского корпуса К. М. Соколов в своем донесении 5 октября на имя начальника политического управления военного министерства В. В. Шера писал, что председатель Областного Исполкома армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилга, на армейском съезде 42-го армейского корпуса прямо заявил, что большевики открыто готовятся к общему выступлению 20 октября в целях свержения Временного правительства.[346] Именно под влиянием большевистской агитации многие солдаты связывали теперь преодоление своих материальных невзгод с проповедями большевиков, что страдания солдат прекратятся вместе с установлением власти Советов. Так, солдаты 7-го армейского корпуса 6-й Армии Румынского фронта в начале октября считали, что все их материальные невзгоды и страдания, связанные с отсутствием зимнего обмундирования, сапог и недоедания, как по мановению волшебной палочки прекратятся вместе с установлением власти Советов и неизбежного в связи с этим мира.[347] В результате упорной работы приверженцев Ленина теперь многие солдаты связывают свои сугубо материальные требования об улучшении снабжения с политической платформой большевиков. Об этом говорят многочисленные делегации солдат с фронта в Петроград и наказы этих делегаций, явно составленные армейскими большевиками, где изложение вполне понятных массе материальных нужд фронтовиков зачастую тонет в политическом омуте большевистских демагогических тре-

---

[344] «Солдат», 22 октября 1917 г.
[345] В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 284, 285, 286 и др.
[346] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 72, лл. 126, 127.
[347] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 5, лл. 312, 313об.

бований. Так, делегация 2-го Туркестанского стрелкового полка по вопросам улучшения довольствия и обмундирования, согласно наказа, связывает это с оглашением тайных договоров, необходимостью выборного начальства, взятия власти Советами и, естественно, с необходимостью заключения мира.[348] Делегация 275-го Лебединского пехотного полка, командированная в Петроградский Совет в октябре 1917 г. по вопросам продовольствия и обмундирования, имела в наказе кроме сведений, что солдаты снабжены обмундированием лишь на 30%, «а 70% обречены быть разутыми», также политические вопросы, что предпринять по отношению «к возрастающей гидре реакции и анархии» и заявление, что зимняя кампания может быть продолжена лишь только по решению Учредительного Собрания. Наказ подчеркивал, что продовольственные магазины пусты, фураж отсутствует и «мир необходим как сам хлеб». Делегация требовала отмены смертной казни и сурового наказания ген. Корнилову.[349] В резолюциях и наказах, которыми обычно снабжались солдатские делегации, содержался целый ряд разнообразных и очень актуальных вопросов, касающихся положения солдатской массы на фронте, начиная с вопросов питания, обмундирования и мира, включая вопросы земли, пополнений, положения оставленных солдатских семей, о возвращении в армию отпущенных «белобилетников», устранения неугодных солдатам начальников, об уступках государственной власти буржуазии «во внутренней политике» и т. п.[350]

Пробольшевистский и антиправительственный аспект многих пунктов наказов для делегаций в Петроград в сентябре—октябре был мыслим в результате роста большевистских позиций в это время на фронте и падения престижа социалистических партий. Так, в начале октября в Петроград прибыла специальная делегация от 32-й и 165-й дивизий 2-го корпуса с явно большевистскими установками по вопросам войны и мира, делегаты которой открыто заявили на приеме у Керенского, что они сами добьются мира, если Временное правительство его не заключит.[351] Делегация 33-го армейского корпуса 8-й Армии в составе 36 человек, выдвигала в Петрограде большевистские требования, проинструктированная Петроградской большевистской «Военкой». На средства «Военки» делегация выпускала свой бюллетень.[352] 13 октября

---

[348] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, л. 31.

[349] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, л. 20.

[350] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 17, 17об., 18, 21, 22, 61, 62, 32, 32об. и др. ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1083, л. 102.

[351] «Солдат», 10 октября 1917 г.

[352] «Правда», 28 октября 1917 г.; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 158, 159.

делегация была на приеме в ЦИК Советов у Ф. И. Дана, который в ответ на требование делегации о передаче власти Советам заявил, что наказ 33-го армейского корпуса расходится «с большинством революционной демократии». В отношении неотложных нужд армии Ф. И. Дан отделался по существу обещаниями. Он заявил, что для облегчения положения армии, ЦИК образовал «Комитет по обороне» и на него возложена задача по снабжению армии. В отношении мира этот лидер меньшевиков туманно заявил, что ЦИК возлагает большие надежды на межсоюзническую конференцию и рассчитывает на созыв Стокгольмской конференции. Для урегулирования вопроса о командном составе, — заявил делегации Дан, — при военном министре образован Совет из представителей фронта и двух делегатов от тыла и т. п.[353] Как видим, в условиях бушующего политического и экономического кризиса в стране Ф. И. Дан кроме пустых обещаний не смог выдвинуть ни одного конструктивного предложения. Между тем, озлобленная, темная солдатская масса, бившаяся в тисках кризиса и не находившая выхода из него, стихийно втягивалась в растущее погромное движение в районе фронта и тыла, в бессмысленные аграрные разгромы помещичьих имений. 4 октября под председательством А. Ф. Керенского состоялось заседание Временного правительства, и был заслушан доклад министра внутренних дел А. М. Никитина в связи с растущей в России анархией и усиливающейся погромной волной, вызывающих в правительственных кругах большую тревогу. Временное правительство сознавало необходимость принятия решительных мер, однако фактически было бессильно в борьбе с погромами, поскольку в них принимали участие отдельные части и многочисленные толпы солдат, а также притаившиеся дезертиры как на фронте, так и в гарнизонах.[354] 10 октября на заседании Совета Республики было констатировано, что на протяжении 10 дней октября только внутри страны было 24 погрома, в том числе 8 т. н. «пьяных», 24 самочинных выступлений и 16 раз приходилось органам Временного правительства применять вооруженную силу для подавления «анархических вспышек». По мнению военного министра, было необходимо устранить в экстренном порядке стихийные вспышки как на фронте, так и в тылу, и бороться с разлагающим влиянием пополнений, идущих с тыла в армию. Жалобы на бесчинства запасных частей Петроградского, Московского, Сибирского, Киевского, Одесского, Минского и др. округов носили

---

[353] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 111, лл. 92, 92об.

[354] «Речь», 5 октября 1917 г.

массовый характер.[355] Крестьянско-солдатские т. н. «бесчинства» в сентябре—октябре приняли в районе Юго-Западного и Западного, а также Румынского фронтов характер разгрома еврейских местечек, еврейских лавок и рундуков, а в селах пылали помещичьи усадьбы.[356] Погромные выступления солдат и убийства охватили по существу все прифронтовые местности и тыл от Финляндии вплоть до Кавказа.[357] Как телеграфировал председатель армейского комитета 10-й Армии Западного фронта 13 октября на имя министра-председателя А. Ф. Керенского, в районе расположения армии взвинчивались цены, деревни были охвачены аграрными волнениями, в городах царили погромы. Многие солдаты были или пассивными зрителями или непосредственными пособниками и виновниками погромов.[358]

15 октября в прифронтовом местечке Ермичи (Западный фронт) «на почве дороговизны», как гласило сообщение командования, солдаты 7-й Сибирской и 7-й Туркестанской дивизий произвели погром лавок. Точно такой же погром был произведен солдатской массой 20-го пехотного полка «на почве дороговизны табачных изделий», 18 октября в местечке Городок (район 10-й Армии) толпа солдат под видом «ревизии» и «обыска лавок» произвела грабеж. Местечко трижды подвергалось погрому солдат. Параллельно в полках шли избиения офицеров.[359] Как свидетельствует «объяснительная записка» начальника военно-политического отдела Ставки за октябрь 1917 г., шли также солдатские грабежи складов казенного имущества. Военно-политический отдел отмечал, что солдатские погромы носили повсеместный характер и выражались «в грабеже лавок и мирного населения в деревнях, местечках и городах, расположенных в ближайшем тылу», и вызывались, по мнению Ставки, «... недостаточным снабжением армии, дороговизной предметов первой необходимости и распущенностью толпы...». По данным Ставки, в армии поднималось движение, «всегда направленное в сторону крайних левых течений», и громадное развитие получило большевистское течение, хотя, как указывалось в объяснительной записке, общее

---

[355] «Кавказ», 12 октября 1917 г.

[356] «Киевская Мысль», 10 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 3, 38об.

[357] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 13, 13об., 14; Там же, д. 31, лл. 60об., 61, 62, 63; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 123; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 186, 187; ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 19, 20, 21; ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 39, л. 255.

[358] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 156, 157, 158.

[359] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 530, 531, 536 и др.

состояние солдатской массы «подвержено известным колебаниям».[360] В политическом аспекте аграрные погромы и грабежи, разгромы военных складов и погромы в городах и местечках окончательно деморализовывали солдатско-крестьянскую массу, будили подспудные темные инстинкты, приводили к полному падению остатков воинской дисциплины и к расправам над лицами командного состава. В историческом плане погромная стихия была тем бумерангом, который ударил по стране в итоге тяжелых испытаний, в результате долголетней политики царских властей, приучавших русского мужика к погромам, начиная с 80-х годов прошлого столетия, в период 1905 года и в последующие годы, в военный период на полях Галиции, в Польше, на Буковине и на других территориях.

Как результат долголетней войны, пребывания в окопах в условиях ухудшения питания, разутости, раздетости — изменилась и общая санитарная обстановка в армии. 8 августа 1917 г. военный министр А. Ф. Керенский отмечал в своем приказе опасность, возникшую от «ухудшения санитарной обстановки» и угрожающую благополучию самих войск и окружающего населения.[361] По данным Военно-санитарного управления при Высшем Военном Совете, в течение 1917 г. по 1 октября количество больных систематически превалировало над ранеными даже в период упорных боев. За это время было эвакуировано на распределители 323 752 раненых и 1 312 732 больных. Показатели возвращающихся в строй выздоравливающих солдат были крайне низкими. Средний процент возвращаемости в строй равнялся 13,3%, а с тыловых эвакопунктов не превышал 35%. С 1 апреля 1917 г. процент т. н. «возвращаемости» в некоторых округах понизился до 0,4%, особенно в Петроградском. Главной проблемой санитарной службы русской армии в 1917 г. оставался именно рост числа больных, а отнюдь не раненых солдат. В ходе революции резко снизился и процент убитых солдат. До 1 апреля 1917 г. на 100 раненых солдат приходилось в среднем 17 убитых, а с 1 апреля по 1 октября уже только 8.[362] В августе при сравнительно интенсивных боях на Румынском фронте среди поступивших на головные пункты — раненых насчитывалось 32 797, а больных — 66 241. Всего по фронтам за август на головные пункты поступило раненых — 50 792, а больных солдат — 225 053.[363] Хотя в летние месяцы % заболеваний снизился, все же 25—28 сентября на заседа-

[360] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 70—76.
[361] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, л. 222об.
[362] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1014, л. 112об.
[363] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 670, лл. 144, 144об.

нии Центрального военно-санитарного Совета фронтов по предложению проф. Тарасевича было принято решение о созыве особого совещания по цинге, «ввиду опасности новой ея вспышки», в связи с недостатком продовольствия.[364] В санитарных отчетах по количеству больных цинга занимала самое большое место. Так, на Румынском фронте, в июле насчитывалось 26 635 больных цингой солдат, а в сентябре 18 576.[365] К октябрю на фронте наблюдалось заметное увеличение брюшно-тифозных заболеваний, особенно на Румынском и Юго-Западном фронтах. Эти заболевания охватили и прифронтовую полосу. По сравнению с 1915—1916 гг. брюшно-тифозные заболевания имели тенденцию к росту.[366] Центральный военно-санитарный Совет на своем заседании 6 октября констатировал увеличение заболеваемости брюшным тифом на всех фронтах, а на Румынском началась инфекционная желтуха. Военно-санитарный Совет высказал серьезные опасения в связи с создавшимся положением в армии.[367] В течение октября 1917 г. на головные эвакуационные пункты поступило со всех фронтов 12 992 раненых и 210 326 больных. Больше всего больных поступило с Румынского фронта — 65 018 и с Юго-Западного — 46 184.[368] Это объяснялось заболеванием желтухи.

Характерной особенностью Кавказского фронта, как в августе, так и в дальнейшем, было мизерное количество раненых и непропорционально большое число больных. Так, за август 1917 г. из Кавказской армии поступило на головные пункты только 205 раненых и 20 287 больных.[369]

Ухудшение положения солдат действующей армии, их невзгоды и неминуемый спад морального духа были обусловлены, как мы уже знаем, постоянно действующим фактором — кризисом резервов, который в рассматриваемый нами период достиг своего апогея и приобрел новые качественные черты в связи с процессом распада запасных частей военных округов в России.

Солдатские делегации, посещающие Петроград, наряду с требованиями об улучшении их материального положения (питание, обмундирование), настаивали одновременно на присылке пополнений в части. В наказе делегатам 17 Сибирского стрелкового полка (12-я Армия Северного фронта), направленным в конце июля в Петроград, было включено требование о пополнении полка мар-

---

[364] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 170, л. 6.
[365] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 81, л. 81; ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1018, л. 97.
[366] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 170, л. 25об.
[367] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 173, л. 127.
[368] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1024, л. 116.
[369] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 670, л. 144об.

шевыми ротами. Точно так же делегаты 2-го Кавказского стрелкового полка 28-го армейского корпуса Северного фронта солдаты Бибиков и Бурев ходатайствовали в Петрограде от имени состава полка о направлении в их части пополнений в связи с трудным положением солдат. В сентябре делегация солдат 687-го Полесского пехотного полка Особой Армии Юго-Западного фронта, руководствуясь наказом, требовала пополнений и обвиняла тыл во враждебном отношении к фронту и его нежелание пойти на помощь и послать пополнения, указывали на невозможность продолжения войны ввиду сильной переутомленности солдат» и т. п. Делегация солдат 40-й пехотной дивизии 6-й Армии Румынского фронта, направленная в сентябре в Петроград, по поручению дивизионного комитета и президиумов всех комитетов этой дивизии требовала пополнений в связи со «страшной заболеваемостью» и потерями, и заявила, что солдаты не видят смысла в необходимости дальнейшего продолжения войны.[370] В октябре делегации солдат с требованиями о пополнении прибывали и в штабы армий и фронтов. Как сообщал штаб Западного фронта, в октябре в Минск «весьма часто» стали прибывать делегации действующих частей и требовали направления маршевых рот из запасных полков внутренних округов, указывая, что там имеется значительный контингент солдат, не бывших на фронте.[371] Как указывал 9 октября военный комиссар 10-й Армии этого фронта, «вопрос о пополнении — один из самых жгучих, самых больных в 10-й Армии». Комиссар отмечал растянутость фронта армии при крайней малочисленности штыков в ротах (60—90) и требовал пополнений, так как этот вопрос «первый и не терпящий отлагательств». На почве кризиса пополнений, писал комиссар, части войск категорически отказываются от смены других частей, находящихся в окопах. Армию может постичь катастрофа, — указывал он в заключение. Комиссар Западного фронта Жданов 12 октября обратился к Верховному Главнокомандующему со специальным письмом по вопросу об укомплектованиях.[372] Подобное же положение, в связи с кризисом резервов, наблюдалось и на других фронтах. В начале октября штаб Юго-Западного фронта обратился в мобилизационный отдел ГУГШ с настойчивой просьбой об интенсивной высылке маршевых рот в его армии, так как некомплект усилился в связи с отпуском солдат 1895 и 1896 гг. рождения. Уход из армии солдат старших возрастов повысил не-

---

[370] ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 12, 59, 70; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 14, л. 71.

[371] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, л. 216,

[372] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 2, 2об.

комплект на фронте. Обращение штаба Юго-Западного фронта было вполне обоснованным, так как из армии поступали тревожные сигналы. Так, начальник 101-й пехотной дивизии 32-го армейского корпуса 2-й Армии в своем рапорте в начале октября отмечал, что «полки дивизии тают», и в строевых ротах нехватает 7 500 солдат. Начальник дивизии подчеркивал, что большая убыль в ротах произошла вследствие давления на врачей буйной солдатской массы и что многие симулянты воспользовались этой ситуацией. За август и сентябрь, отмечалось в рапорте командира дивизии, из 4-х полков дивизии убыль выразилась цифрой 1 364 солдата, а пополнение за это время не превышало 544 солдата. Делегаты 401-го и 403-го пехотных полков дивизии бесполезно обивали пороги 274-го пехотного запасного полка в Таганроге, так как солдаты этой части категорически отказывались следовать на фронт. Как жаловались в письмах делегаты 403 пехотного полка дивизии, солдаты запасного полка в Таганроге называли их «корниловцами», «врагами народа» за старание делегатов о направлении маршевых рот. Делегаты полков дивизии указывали в своих письмах, что запасной полк каждый день уменьшался на 100—200 солдат, так как их отпускает отборочная комиссия.[373] Невыносимое положение для солдат создалось и в 3-й гренадерской дивизии 25-го армейского корпуса, где вследствие отсутствия пополнений, состав рот дошел до 30 штыков, в результате чего прекратились работы по укреплению позиций, как докладывал в конце сентября обеспокоенный положением комиссар 2-й Армии Цветков.[374]

На Румынском фронте, как в силу хронического некомплекта, так и в результате роспуска по домам призывов 1895—1896 гг., кризис все более остро поражал все его армии. Для 8-й Армии штаб фронта требовал спешной подачи 312 маршевых рот. В октябре некомплект в дивизиях 9-й Армии прогрессировал с каждым днем и усилился после увольнения со службы солдат старшего контингента. Командование 9-й Армии требовало дополнительного направления в его части еще 143 маршевых рот кроме уже поступивших.[375] В конце сентября и октябре ГУГШ констатировал, что значительнейшая часть запасных полков в свою очередь переживала большой некомплект и уже не могла в должной мере пополнять фронт маршевыми ротами. Так, 15, 25, 19 Сибирские и 130, 147, 192, 150, 203, 206, 96, 33, 165 запасные полки внут-

---

[373] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 1, 2, 2об.; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, лл. 154, 177; Там же, д. 2721, лл. 306, 306об., 309.

[374] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 141.

[375] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, лл. 179, 299.

ренних округов переживали острый некомплект и не были в состоянии направлять по расписанию маршевые роты. Пополнения из этих запасных частей поступали на покрытие солдатских потерь Западного фронта «крайне вяло» и в незначительном количестве.[376] В рассматриваемый период количественный состав поступающих пополнений уже не мог покрыть убыли в позиционных частях. Это видно хотя бы на примере Юго-Западного фронта. За весь август 1917 г. этому фронту было назначено 242 очередных маршевых роты, а за это же время было эвакуировано из пределов фронта 52 483 солдата, 1 222 офицера, убито 767, без вести пропало 219, дезертировало из строевых частей 2 548 солдат и из армейского запаса 2 363 солдата. Возвратилось же в армию 24 988 солдат. С 1 сентября по 1 октября 1917 года из запасных полков внутренних военных округов этому фронту было назначено 169 очередных рот пополнения. Эвакуировано же было офицеров — 1 132 и солдат — 49 264, вернулось в ряды армий 20 272 солдата и 24 офицера. Дезертировало в это время из армий 2 057 солдат, из армейского запаса 2 069 и из тыловых частей фронта 1 240 человек.[377] Таким образом, в создавшихся условиях назначенные фронту маршевые роты не могли пополнить убыли солдат.

Точно так же и на Кавказском фронте не прекращались жалобы командования и отдельных командиров (и, конечно, солдат) на растущий некомплект. Так, в Карском крепостном полку, согласно рапорта ген. Колосовского, вместо полагающихся по штату 4 400 солдат, налицо было только 2 400. Генерал не считал пополнением крепости Карс прибывший транспорт из 1000 дезертиров. Недовольство солдат 4-й Туркестанской дивизии вызывало крайне незначительное количество штыков в ротах и возникающие отсюда непомерные тяготы. Увеличение заболеваемости и значительный некомплект в октябре вызывал возмущение и недовольство во многих других частях фронта.[378]

В октябре Ставка обратилась в Генеральный штаб с телеграммой о необходимости направления пополнений именно из внутренних округов для доведения войск фронта до штатного расписания, так как пехотные части на Кавказе едва достигали 75% штатного числа. Дежурный генерал Ставки настаивал на направлении на Кавказский фронт 100 тысяч солдат. Ставка уведомила ГУГШ, что в запасных частях Кавказского военного округа «не хватает солдат».[379] На самом деле это не соответствовало истине,

---

[376] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 377.
[377] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 457, л. 47; Там же, д. 458, л. 59.
[378] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 443, л. 71; Там же, оп. 2, д. 37, л. 59.
[379] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, лл. 359, 360; Там же, д. 2722, лл. 99, 156.

так как Ставка умалчивала, что солдаты запасных частей Кавказского военного округа просто отказывались следовать на фронт. Между тем, корпуса фронта остро переживали отсутствие пополнений. Так, в начале октября в 5-м Кавказском армейском корпусе нехватало 7 206 пехотинцев, в 6-м — 6 756, в Трапезундском укрепленном районе — 3 021 солдат и т. д.[380] О непреодолимых трудностях направления солдат на Кавказский фронт из приданного ему Кавказского военного округа может свидетельствовать следующий характерный момент: из требования фронта на 20 130 солдат, военные власти округа в середине октября сумели «посадить в вагоны» только 1 816 солдат, а 18 314 так и остались в числе «недосланных» маршевых рот.[381] Как свидетельствуют данные управления дежурного генерала Ставки, в действующей армии на 23 октября 1917 года некомплект Северного фронта составлял 152 100 солдат, Румынского — 277 тысяч, Юго-Западного — 131 600 и Западного — 234 791 солдат.[382] На Кавказском фронте некомплект достигал 100 тысяч человек.[383] Однако, как обычно, эти сведения Ставки чреваты многими погрешностями и дают заниженную картину некомплекта в действующей армии. Так, в сведения дежурного генерала о некомплекте вкралась ошибка в отношении Западного фронта, где вместо 234 тысяч числится 60 700. Точно так же не соответствуют действительности показатели по Юго-Западному фронту, где вместо имеющегося некомплекта в 336 тысяч указано 131 600. На Юго-Западном фронте в июле некомплект солдат в армиях составлял, как мы уже знаем, 320 тысяч.[384] Ошибочные данные Ставки о некомплекте на Юго-Западном фронте опровергаются донесениями комиссара и командования. В конце сентября комиссар Юго-Западного фронта Костицын отмечал в своем донесении, что из-за отсутствия пополнений «в ряде дивизий положение критическое».[385] За август на Юго-Западный фронт прибыла всего 101 рота, один пехотный запасной полк в составе 1 200 солдат и команда беглых в количестве 300 человек.[386] Прибывшие на этот фронт за весь сентябрь пополнения ни в коем случае не могли разрешить проблему нехватки солдат. За этот месяц на Юго-Западный фронт поступили 74

---

[380] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 41, лл. 284, 284об.

[381] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 41, лл. 187, 187об.

[382] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 121, 121об., 123, 124.

[383] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, л. 359; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 11, л. 153.

[384] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 121—124; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2771, л. 48; Там же, оп. 2, д. 9731, л. 31; Санитарная служба русской армии в войне 1914—1917 гг. Куйбышев, 1942, стр. 461 и др.

[385] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, л. 120.

[386] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 737.

маршевые роты, 187, 247, 133, 153 и 159 запасные полки. На Западный фронт в сентябре поступило 40 рот, 144-й запасный полк и команда в 100 человек; на Северный фронт — 88 рот, 32-й и 154-й запасные полки и на Румынский фронт — 68 рот, 255-й и 242-й запасные полки, 3 эшелона 162-го запасного полка, 101-й и 243-й пехотные запасные полки. О численности маршевых рот, определяемых мобилизационным отделом ГУГШ в среднем в 250 человек каждая, можно судить по следующим данным: 112 рот, направленных на фронт, насчитывали 28 тысяч человек, 57 рот — 14 250 человек, 40 рот — 10 тысяч и 30 рот — 7 500 человек. Пехотные полки, поступающие на фронт, были крайне малочисленными. Так, поступивший в августе на Северный фронт 1-й пехотный запасной полк насчитывал всего 2 300 солдат, запасной полк, прибывший на Западный фронт, состоял из 1 350 солдат, а пехотный полк, назначенный на Юго-Западный фронт, насчитывал 1 200 солдат.[387] Таким образом, поступавшие пополнения не ликвидировали некомплект в действующих армиях, который к концу октября следует исчислять минимально в 1 млн 100 тысяч в строевых частях фронтов.

Несмотря на все усилия Ставки, ряды строевых солдат продолжали неуклонно редеть и к концу октября нельзя было и думать о восстановлении их численности.

Сравнение численности строевых солдат вместе с их незначительным контингентом фронтовых запасных частей по состоянию на 1 сентября 1917 г. с данными однодневной переписи 25 октября 1917 г. на всех 4-х европейских фронтах дает нам определенное представление о снижении количества фронтовиков в строю.[388]

Фронты:	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский
Состояние на 1. IX. 1917	879 138	911 473	1 629 996	1 315 026
Состояние на 25. X. 1917	809,5	801	1 163,5	1 187

Дополнительным серьезным фактором разложения фронта послужил распад военных округов страны, который протекал более усиленным темпом и опережал разложение действующей

[387] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 722об., 723. Ведомость маршевых рот мобилизационного отдела ГУГШ; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 596, 596об., 678; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 737. Справка ГУГШ.

[388] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 93, лл. 313, 353об.

армии. Фактически власть Временного правительства и командования в этот период носила в округах номинальный характер, и там царили дезорганизация, солдатские волнения и погромы, отказ солдат от выступления на фронт, участие запасников в аграрных разгромах, самовольный уход по домам с оружием в руках и зачастую самоликвидация тыловых частей и многое другое. Вражеская разведка в сентябре 1917 г. докладывала своему Верховному командованию, что значительное число русских маршевых рот отказывалось следовать на фронт, а большинство из них единогласно заявляло, что идет на фронт «не для ведения войны, а для братания и дружеских встреч с противником» и т. п.[388a] Советы и войсковые Комитеты в тыловых гарнизонах могли успешно действовать только при условии поддержки антигосударственных требований солдатской стихии и плыли в мутном фарватере тыловой анархии. В силу сложившихся условий многие запасные полки округов от Петрограда до Кавказа объективно были не в состоянии даже при желании полностью выполнять данные им наряды (отпуска по болезни, кратковременные отпуска, дезертирство и др.). Например, находящийся в Петрограде гвардии резервный Финляндский полк на 23 октября из 7 473 человек списочного состава в «расходе» имел 3 004 солдата, а налицо — 4 467. Подобное же положение мы видим и в полках 2-й Закавказской запасной бригады и в ряде других гарнизонов. В целом, в запасных частях незадолго до Октябрьского выступления большевиков налицо находилось в два раза меньше людей, чем по списку (711 142 солдата вместо 1 346 260).[389] Делегация 112-й пехотной дивизии, прибывшая в г. Моршанск для убеждения солдат 207-го пехотного запасного полка следовать на пополнение обескровленной дивизии, выяснила на месте, что из 11 тысяч солдат запасного полка, числящихся по списку, налицо состояло всего лишь 2 000, а остальные находились в отпуску, и полк категорически отказывался выделить маршевые роты. Как писали делегаты фронтовой дивизии, «полк в ужасном состоянии, развал полный, надежды на выздоровление никакой». Начальник Московского военного округа полковник Рябцев считал, что этот запасной полк «потерял свое значение ввиду его окончательного развала».[390] Делегат 550-го Игуменского пехотного полка 5-й Армии Худяков в конце сентября прибыл в Екатеринбург и обратился к комитету 149-го пехотного запасного полка с просьбой о

[388a] Kriegsarchiv. 7 A.K. 1917. F. 318. Док. 1384.

[389] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 107, л. 94; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 41, л. 226, и др.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 498, лл. 298, 323 и др.

[390] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 72, 291.

выделении пополнений в 138-ю пехотную дивизию 5-й Армии. Комитет и командир полка категорически заявили, что о высылке пополнений и говорить не приходится по причине эпидемии тифа, необученности солдат и роспуска солдат на полевые работы, которые с лета «до сего времени еще не собраны». Худяков выехал в Гдов, в 295-й пехотный запасной полк. Солдаты этого полка заявили, что до получения сапог и прочего обмундирования о направлении на фронт не может быть и речи. Другой представитель 5-й Армии, солдат Мещеряков, также не дождался пополнений из 174-го пехотного запасного полка в г. Череповце. Дивизионный комитет 138-й пехотной дивизии 5-й Армии обратился в мобилизационный отдел ГУГШ с требованием направить весь 149-й пехотный запасной полк на позиции.[391] Дивизионный комитет 64-й пехотной дивизии в резолюции, датированной от 1 октября, отмечал, что несмотря на 4-месячное пребывание представителей дивизии в 44-м пехотном запасном полку для организации «притока свежей силы» в полки дивизии, они ничего не добились, так как солдаты-запасники не желают идти на фронт. Резолюция дивизии гласила, что «это не бойцы, а толпа». В своем обращении в ЦИК Советов дивизионный комитет настаивал на принятии всех мер, вплоть до посылки от дивизии вооруженной силы и т. п.[392] Приказ от 17 октября военного министра ген. Верховского является очевидным свидетельством того неизлечимого кризиса, в котором находились военные округа. Министр указывал в приказе, что «некоторые тыловые гарнизоны, потеряв воинский облик, позорно продают страну и самих себя на новое рабство». Тыловые гарнизоны устраивают погромы, находятся во власти «преступной агитации», убивают своих офицеров, почти везде в гарнизонах нет занятий, с фронта поступают сведения, что пополнения в данный момент только разрушают армию и вносят дезорганизацию. Лишь немногие тыловые части ведут борьбу с анархией. Министр потребовал от всех начальников и комитетов принятия самых решительных мер, вплоть до применения оружия для подавления анархии в тылу.[393] Сводка политического управления военного министерства от этого же числа также констатировала картину необратимого развала в военных округах: в округах наблюдались случаи самосудов над офицерами, дезорганизация и отказы маршевых рот следовать на фронт, отказ от занятий и повсеместная пропаганда большевистского характера. В сводке указывалось о спешном введении штата комиссаров тыловых округов в целях

---

[391] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2721, лл. 256, 256об.
[392] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 99, л. 168.
[393] ЦГВИА, ф. 2000, оп. оп. 3, д. 2752, лл. 101,102.

изменения положения в гарнизонах.[394] Общая сводка командования о положении в армии от 15 октября так и отмечала, что прибывающие пополнения как правило «являются лишь фактором разложения», и что необходимы решительные меры к оздоровлению тыловых частей и определенных мер по отношению к большевистской агитации. Положение тем более носит угрожающий характер, что в деревнях продолжаются аграрные волнения, имеют место самосуды, а юг страны охвачен «пьяными погромами». В Одессе и во многих других городах имеют место антиеврейские выступления. В гарнизонах Восточной Сибири растут волнения на почве продовольственного кризиса, и по стране «пропаганда большевистского характера повсеместно крепнет», и т. п.[395] Крупнейшие военные округа России — на юге Одесский и Киевский, на западе Минский, Двинский, обширнейшие Казанский и Московский округа, были охвачены в сентябре—октябре крестьянскими волнениями, которые сливались воедино с солдатским бунтующим потоком и приводили к волне погромов в городах и местечках, к захвату помещичьих земель, лесов и др. Как сообщал в конце сентября и в октябре комиссар Одесского военного округа Харито, «земельный вопрос осложнился до междоусобных столкновений» и захватов земельными комитетами, под давлением солдатско-крестьянской массы, земель помещиков. Эти аграрные волнения широко охватили многие местности Бессарабии и Украины «вследствие отсутствия, — как выражался комиссар, — урегулирования земельных отношений». В пределах Одесского военного округа продовольственная неурядица послужила поводом к солдатско-крестьянским погромам, зачастую под видом «обысков» — в Тирасполе, Бельцах, Сороках, Бендерах, Симферополе. Комиссар Харито сообщал о «тревожном настроении» готовых к выступлению гарнизонов гг. Николаева, Екатеринослава, Херсона, Павлограда, Феодосии и др. В округе продолжались волнения на продовольственной почве и на почве отсутствия сапог и обмундирования. 40-летние солдаты и солдаты старших возрастов попрежнему требовали отпуска на полевые работы в своих хозяйствах, и в их среде бытовали отказы от выступлений на фронт в составе маршевых рот.[396] Погромные вспышки со стороны солдат гарнизонов охватили и Киевский военный округ, и часто под видом «реквизиции» товаров, грабили магазины, вагоны, захватывали продовольствие, мануфактуру, табак. Подобного рода погро-

---

[394] ЦГВИА, ф. 2015, оп. -, д. 57, лл. 162, 163.

[395] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 17, лл. 268, 268об.

[396] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 116, 117, 120 и др.; ЦГВИА, ф. 2303, оп. 4, д. 36, лл. 112, 119, 143 и др. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, л. 58.

мы имели место в Гайсине, Кременчуге, Виннице и в других местах. Солдаты 266-го пехотного запасного полка 24 сентября начали погром в г. Острог, в районе расположения 11-й Армии, который сопровождался пожарами. Погром был начат маршевыми ротами Сибирского запасного полка, прибывшего из Красноярска.[397] Точно так же аграрными волнениями был охвачен Московский военный округ, где движение местных крестьян сливалось по существу с солдатскими выступлениями в одно целое. Сплошные аграрные волнения мы наблюдаем в Спасском, Тамбовском, Ефремском, Богородицком, Епифановском, Веневском уездах Тульской губернии. Сильное аграрное движение имело место особенно в сентябре—октябре в Скопинском уезде, в Томском уезде Курской губернии и в Данковском уезде Рязанской губернии. Из Тамбовской губернии аграрные волнения перекинулись в Ардатовский и в Лукьяновский уезды Нижегородской губернии. В Старице солдаты местного гарнизона при участии крестьян устроили погром магазинов, а далее волнения перекинулись в Наровчатский уезд Пензенской губернии. В Ростове Ярославском в связи с волнениями крестьян и солдат начальник гарнизона объявил военное положение. Союзы земельных собственников ряда уездов обратились за помощью к органам Временного правительства, которые, однако, были бессильны перед лицом событий (Веневский, Наровчатский, Лебедянский уезды Пензенской губернии и др.). Волна аграрных беспорядков прокатилась по Липецкому уезду, и усилилась после агитации моряков Балтийского флота и солдат гарнизона. Как сообщала местная печать, толпа, «подстрекаемая солдатами», громила помещичьи имения.[398] В сентябре посланные из Тамбова солдаты для усмирения аграрных волнений крестьян, в своем большинстве присоединились к крестьянам, что особенно имело место в Козловском уезде Тамбовской губернии. 12 сентября в самом Тамбове солдаты начали погром на базарной площади города.[399] Еще ранее, в июле, в Тамбове происходили волнения в 60-м пехотном запасном полку, сопровождавшиеся арестами командиров полка и запасной бригады. В августе имело место восстание солдат 268-го полка в г. Борисоглебске. Командованием было пущено в ход 6 эскадронов кавалерии.[400] В октябре «в ожидании погромов», как гласила сводка командования, находились города Елец, Владимир, Рязань, а на-

[397] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, лл. 60, 61; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 100, 101об.

[398] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 51об.; Там же, д. 26, лл. 31, 34, 12, 14, 51; «Тамбовский Земельный Вестник», 23 и 26 августа 1917 г.

[399] «Тамбовский Земельный Вестник», 12 и 14 сентября 1917 г.

[400] «Тамбовский Земельный Вестник», 9 августа и 6 сентября 1917 г.

стоящие погромы разразились в Богородицком, Арзамасском, Чернском, Елецком, Тамбовском, Кирсановском, Лисичанском и других уездах. В результате солдатского погрома в конце сентября в Тамбове было разгромлено 42 магазина.[401] Как гласили сводки командования, как в Минском, так и в Двинском военных округах в сентябре—октябре положение было «крайне тяжелым», происходили «непрерывные эксцессы», «которые выливались в солдатские волнения и бунты, связанные с положением солдат, находившихся «... в ужасных условиях, без сапог и одежды ... зачастую без достатка хлеба». Как телеграфировал комиссар Минского военного округа Галин, волнения солдат «старых сроков службы принимает характер бунтов». Эти бунты также сопровождались разгромом пивных и винных заводов, погромами евреев в Рославле, избиениями и убийствами командиров и офицеров. В результате этих эксцессов были убитые и раненые. В 83-м пехотном запасном полку были арестованы и избиты командир полка, один офицер и член полкового комитета. В Бобруйске толпой солдат был убит один офицер, а второй подвергся побоям. В Минском и Двинском округах маршевые роты массово отказывались от следования на фронт, солдаты требовали немедленного увольнения и массово дезертировали или же расходились явочным порядком по домам. Караульная служба, строевые занятия нигде не проводились. В округах шло массовое, при участии солдат, аграрное движение, сопровождавшееся захватами земель и массовыми порубками помещичьих лесов.[402] Крупные волнения солдат имели место в Ржеве и Торжке, Калуге, и в конце октября был крупный еврейских погром в г. Несвиже. В Боровичах (Двинский военный округ) солдаты 174-го запасного полка убили командира полка Буланова. Как сообщал по инстанции комиссар Двинского военного округа Шубин, в гарнизонах настроение было напряженным, имел место и ряд мелких инцидентов. В Торжке в погромах участвовали солдаты 293-го запасного полка.[403]

В обширнейшем Казанском военном округе положение было не лучше и носило аналогичные черты с примесью местной специфики. Здесь также имели место погромы в Бугульме, где солдаты громили магазины. Туда был направлен вооруженный отряд из Симбирска. По всему округу бытовали отказы от занятий и кара-

---

[401] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, лл. 65, 66; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, л. 151.

[402] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, л. 87; Там же, оп. 4, лл. 16, 18, 46; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 130, 131а; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 262; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 49, л. 24об.

[403] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 51, 52об.; Там же, д. 26, л. 7; Там же, ф. 366, оп. 2, д. 21, лл. 27, 32, 133 и др.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 54, лл. 52, 53.

улов, и многие команды отказывались следовать на фронт. В Пензе маршевая рота 99-го пехотного запасного полка направила делегатов в Петроград и до их возвращения отказывалась от следования на фронт. В Балашове и в Бугульме порядок поддерживался при помощи казаков. В округе имели место самочинные роспуски солдат на сельскохозяйственные работы. В Сызрани солдаты 239-го пехотного запасного полка громили вещевые цейхгаузы. В конце октября происходило фактическое расформирование запасных частей. Так, командир 247-го запасного полка в Казани оказался не в состоянии выделить маршевые роты из-за ухода солдат. Как телеграфировал 23 октября ген. Козлов в Петроград, «полк фактически расформировался, посылать некого». В Казанском округе, как и в других округах, в волнениях принимали участие и местные жители. В округе происходили бурные антивоенные митинги солдат. 12 октября в Казани на Арском поле по инициативе прапорщиков-большевиков Ершова и Дроздова состоялся многотысячный митинг, вынесший постановление о заключении мира с Германией. В 155-м запасном полку в Сызрани солдаты удалили командира полка и избрали нового. В округе имели место жестокие избиения офицеров, разгромы и уничтожения милицейских участков и убийства милиционеров, а также самочинное решение Советов о роспуске солдат.[404]

В гарнизонах Кавказского военного округа солдатская масса также была далека от соблюдения дисциплины, и, как отмечал комиссар фронта Донской, в сентябре и в начале октября «положение в связи с нарастающей анархией очень серьезное», и что «волна анархии растет неудержимо». Как и на других фронтах, продовольственный вопрос все более обострял положение в гарнизонах, и зачастую был тем толчком, который вызывал волнения, а то и настоящие погромы, как это имело место в гарнизоне Кутаиси. Особенно это касалось отдаленных гарнизонов в Турции и Персии, куда, по словам Донского, «путь от производителя до солдатского рта ... продолжается сорок пять дней».[405] В гарнизонах Кавказского военного округа солдаты не исполняли приказаний, отказывались от занятий (Кутаиси, Закаталы, Темирхан-Шура, Ахалцых), наблюдалось дезертирство. В далеких гарнизонах «разлагающее влияние» оказывали солдаты, прибывшие после июльских дней из Петрограда (пулеметчики).[406] В Ставрополе

---

[404] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 51об., 52; Там же, д. 26, лл. 9, 10, 39, 41, 42; ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 987, л. 51; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 64, 65, 66; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2721, л. 249.

[405] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 222, 223.

[406] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 396, 398, 399; ф. 2168, оп. 1, д. 443, л. 249об.

под давлением солдат местный Совет самочинно распустил по домам солдат призывов 1897—1898 гг. В Темирхан-Шуре увольняемые солдаты самовольно захватывали с собой винтовки и патроны. В Менглисе солдаты 117-го пехотного запасного полка 15 октября устроили митинг, на котором звучали призывы к неповиновению командованию и войсковым организациям. В гарнизоне Армавира раздавались настойчивые требования солдат против направления на фронт пограничного полка. Конвойные команды в Батуми отказывались от исполнения приказов и упорно не соглашались выходить на занятия.[407]

В отдаленном Туркестанском военном округе накал солдатских волнений в гарнизонах нарастал с июля с каждым днем в условиях свирепствовавшего продовольственного кризиса. Вначале замаскированные погромы происходили под видом солдатских «обысков» с целью извлечь продовольствие, мануфактуру, табак и др. В начале сентября в г. Скобелеве под видом подобных обысков был произведен солдатский погром. В сентябре подобные самочинные и антизаконные конфискации, перераставшие в погромы, имели место в гарнизонах Кушки, Мерва, Коканда, Самарканда, в г. Верном и других местах.[408] В гарнизонах Туркестанского военного округа, как и в европейских округах, еще в конце июля и в августе имело место самовольное оставление рядов запасных частей и направление делегаций в Петроград для санкционирования солдатского самороспуска, как это было, например, в Пишпеке и в других местах.[409] Все эти события в Туркестанском округе происходили на фоне недоедания, а то и голода, что ощущалось как среди трудового населения, так и среди солдат. Начальник правительственной экспедиции для водворения порядка в Ташкенте ген. Коровиченко сообщал в Петроград, что катастрофически уменьшился подвоз хлеба в Туркестан, и что во многих уездах начался форменный голод.[410] В течение сентября—октября в округе имели место массовые «резкие бесчинства одичалых солдат», сочетавшиеся с волнениями и самоуправствами «значительных толп» солдат, как об этом сообщал командующий войсками Туркестанского военного округа в середине сентября. В Ташкенте, по этому же сообщению, «тысячная толпа солдат» делала самочинные обыски в поисках риса, муки, масла и др. продуктов,

---

[407] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, л. 408; Там же, лл. 57, 58; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1151, л. 20, 21, 24; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1232, лл. 1, 2.

[408] Д. И. Сойфер. Солдатские массы в борьбе за власть Советов в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 122, 123, 125.

[409] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2071, лл. 151 и др.

[410] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. и мат. Ташкент, 1963, стр. 438.

чему не могла помешать и высылка конных отрядов. Власти округа были бессильны в сентябре противодействовать подобным же солдатским выступлениям в Самарканде, Скобелеве, Кушке и других местах. Шла широкая погромная агитация, прикрываемая, как гласило донесение командования, «словами о голодной разрухе и способах к ее устранению». Организаторами этой агитации были прапорщики-большевики 7-го Сибирского стрелкового полка Тишай и особенно Пономарев, который еще ранее призывал свой полк не выступать на фронт. Представитель «от рабочих» большевик Котельников 11 сентября явился на заседание полкового комитета 1-го Сибирского запасного стрелкового полка и призывал солдат потрясти «толстую мошну буржуазии», так как трудно жить на голодном солдатском пайке. На заседании была вынесена резолюция о недоверии командиру. Котельников был поддержан председателем полкового комитета подпоручиком Е. Перфильевым, тесно сотрудничавшим с большевиками. Солдаты расквартированного в Ташкенте 2-го Сибирского запасного стрелкового полка после митинга 11 сентября также начали погромные бесчинства в городе. По предложению большевиков, этот солдатский митинг при участии ж.-д. рабочих вынес решение о передаче всей полноты власти Совету. 12 сентября именно на митинге был самочинно образован по инициативе большевиков Особый Революционный Комитет, которому вверялась вся власть в крае, и таким образом явочным порядком упразднялся законно созданный в свое время Туркестанский Комитет Временного правительства. Во главе вновь созданного Ревкома стал Е. Перфильев, а председатель Совета эсер прапорщик Першин был вынужден сложить свои полномочия. Главенствующие среди большевиков города — Першин, Цвилинг и Финкельштейн — направили восставших солдат на самочинное устранение командования округа — полк. Рыпикова, начальника штаба полк. Маккавеева, дежурного генерала Михалевского, коменданта города полк. Атаева, а командующий округом ген. Черкес числился арестованным. 12—13 сентября члены Краевого Совета были вынуждены бежать в г. Скобелев.[411] Так началось под эгидой большевиков восстание гарнизона в Ташкенте. По инициативе председателя вновь сконструированного Революционного Комитета подпоручика Перфильева, от имени этого самочинного органа была направлена телеграмма во многие части Кавказского фронта, вплоть до Гюргенского отряда в Персии, что власть в Ташкенте в руках новых органов. В сентябре в Ташкенте солдатами было захвачено оружие

[411] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, лл. 1, 1об., 2, 2об., 3об., 4.

и патроны, находившиеся в войсковых складах.[412] Хотя в конце сентября правительственный отряд ген. Коровиченко и одержал верх, но фактически никаких решительных мер не было предпринято, и положение как в Ташкенте, так и в других гарнизонах округа оставалось напряженным. Комиссар округа Иванов это подчеркивал в своем донесении военному министру, и в начале октября резюмировал положение, «что в общем, все части деморализованы и находятся под непрерывным гипнозом агитации большевиков».[413] Несмотря на усмирение восстания, большевики как ни в чем не бывало продолжали свою деятельность по разложению войск округа. 16 октября по их инициативе в Ташкенте было проведено собрание полковых, ротных и командных комитетов (94 делегата), где была принята почти единогласно резолюция в поддержку их политики.[414] Инициаторы свержения законных органов в Ташкенте — 1-й и 2-й Сибирские запасные стрелковые полки по-прежнему не подчинялись распоряжениям нового командующего округа ген. Коровиченко, и, как он доносил начальнику штаба Ставки 10 октября, эти солдаты «заражены большевизмом», анархически настроены, и что возможно повторение крупных волнений.[415] Положение в других гарнизонах округа в октябре было не лучше и свидетельствовало о фактическом распаде Туркестанского округа. К концу октября в Самарканде вследствие агитации т. н. «амнистированных» солдат назревали конфликты с командным составом и в караульной 731-й дружине настроение солдат было «приподнятое», особенно в связи с отсутствием зимнего обмундирования, и, вообще, как указывалось в сводке, «нежеланием служить». Бытовали отказы от выполнения нарядов. В гарнизоне Джизана вернувшийся из Петрограда солдат Фролов организовал собрание солдат и призывал увольняемых солдат брать оружие с собой для «беспощадной» борьбы в тылу. В Хиве продолжались погромы и грабежи местных жителей со стороны солдат, а солдатские организации не были в состоянии справиться с положением. В остальных гарнизонах, как сообщал ген. Коровиченко, росла успешная пропаганда большевиков, сказывавшаяся на создании «нервного настроения».[416] О полном разложении гарнизонов Туркестанского Военного округа еще в сентябре свидетельствовал и приказ военного министра о прекраще-

---

[412] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 7, л. 14; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, лл. 169, 169об.

[413] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 236, л. 136.

[414] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Ташкент, 1963, стр. 497—799.

[415] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 38, л. 83.

[416] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, лл. 92, 93.

нии направления маршевых рот в действующие армии из округа, «так как войска там окончательно разложились, и действующая армия просит не посылать пополнений из этого округа».[417]

В своем стремлении к захвату власти большевики повсеместно старались, согласно ленинским установкам и решениям VI съезда РСДРП(б), разложить армию вообще, и тыловые гарнизоны в частности. Начиная с гарнизонов Петрограда и Москвы и кончая самыми отдаленными запасными частями окраин, большевики под камуфлированными лозунгами о проведении «демократизации», борьбы с «корниловцами», передачи власти Советам, выборности начальства, ненужности войны и выдвижения требований о невыводе гарнизонов из городов стремились окончательно вывести гарнизоны округов из строя. Все сводки комиссаров и командования в сентябре—октябре буквально пестрели перечислением случаев этой интенсивной работы большевиков. Партийный актив большевиков в городах проникал в казармы и разлагал запасные части. Еще в августе в одном из докладов на имя А. Ф. Керенского указывалось, что за последнее время лидеры царицынских большевиков Минин и Ерман вели систематическую агитацию в солдатской среде и призывали к вооруженному восстанию против Временного правительства. В городе, указывалось в докладе, создалась «тяжелая атмосфера». Минин и Ерман, а также другие большевики при посредстве своей печати и выступлений на собраниях и митингах деморализовали части Царицынского гарнизона.[418] В кабинет министра-председателя поступали весьма многочисленные сведения об этой работе большевиков в гарнизонах. Большевик Г. Э. Дауман, председатель пунктового комитета в г. Нарва и член Нарвского Совета в августе и сентябре—октябре вел упорную агитацию среди солдат на многочисленных устраиваемых им митингах в гарнизоне и возбуждал солдат против «буржуазного и контрреволюционного Временного правительства», призывая к его свержению. Гласный Нарвской Городской Думы большевик В. Э. Кингисепп не отставал в этом отношении от Даумана.[419] Обольшевичивание гарнизонов в сентябре—октябре шло усиленными темпами. Как свидетельствовал полк. Оберучев, г. Полтава и ее гарнизон с половины сентября находился во власти большевиков.[420] Повсеместно по инициативе большевиков солдаты гарнизонов освобождали арестованных участников антиправи-

---

[417] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1719, л. 467.

[418] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 38, лл. 23, 23об.

[419] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 38, л. 26; «Известия Нарвского Совета р. и с. д. от 23 и 24 августа 1917 г.

[420] Оберучев. Воспоминания, стр. 91, 92.

тельственных выступлений. В Москве с 17 по 21 сентября были выпущены на свободу все арестованные солдаты-двинцы. Военное бюро большевиков Москвы в лице О. Варенцовой и Е. Ярославского устраивали им агитационные встречи, снабжали как и весь гарнизон литературой. На следующий день после освобождения двинцев большевиками было создано 37 агитационных групп для работы среди двинцев и других солдат. Московские большевики организовали выступления двинцев в частях и на заводах. Большевики провели в Московский Совет от коллектива двинцев солдат Л. Федорова, А. Козина и др. Результаты работы большевиков сказались на выборах в районные Думы Москвы, 24 сентября 1917 г. 75% солдат гарнизона голосовали за большевиков.[421] 13 октября солдаты 85-го пехотного запасного полка гарнизона Москвы под режиссурой большевиков приняли резолюцию, в которой требовали «начать активные действия для захвата власти», передачи власти Советам, за немедленный мир и опубликование декрета о немедленной передаче земли крестьянам. 15 октября солдаты 1-й запасной бригады потребовали в составленной большевиками резолюции «уйти от власти» Временному правительству. Аналогичные большевистские требования о свержении Временного правительства выдвинули солдаты 193-го, 56-го и 192-го пехотных запасных полков.[422] Большевики организовали освобождение арестованных во многих гарнизонах. Так, в Новгород-Волынске солдаты с большевистскими лозунгами подошли к тюрьме и освободили 130 арестованных, а затем еще 36 активных участников выступлений против Временного правительства.[423] После корниловского выступления большевики, ставшие во главе Петроградского Совета, уже не выпускали из-под своего влияния 300-тысячный Петроградский гарнизон, солдаты которого, не желая воевать, горой стояли за проводимую большевиками политику невывода гарнизона Петрограда и других гарнизонов на фронт. Резолюции запасных полков постоянно пестрели инспирированными большевиками обязательными пунктами о невыводе «войск революции из Петрограда и его окрестностей» на фронт.[424] Даже находящийся на фронте лейб-гвардии Литовский полк (7-я Армия) под воздействием большевиков гвардии Литовского резервного полка Петрограда 18 октября в своей

---

[421] Двинцы. Воспоминания. М. 1957, стр. 25, 26; Москва в двух революциях. М. 1958, стр. 161.

[422] Г. С. Игнатьев. Октябрь 1917 г. в Москве. М., 1964, стр. 40.

[423] «Летопись Революции», № 3, Харьков, 1924, стр. 56.

[424] П. А. Половцев. Дни затмения, стр. 163, 167; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 43, л. 42; Там же, д. 98, л. 61.

большевистского характера резолюции включил пункт: «Кроме того, мы протестуем против вывоза революционных войск из Петрограда».[425]

В ходе революционных событий и в результате определенного воздействия большевистской пропаганды в сентябре—октябре военные округа страны, призванные нормально питать действующую армию жизненно необходимыми пополнениями и насчитывавшие в октябре 1 846 716 солдат, фактически перестали функционировать еще до окончательного распада фронта. Власть Временного правительства и военного командования носила в округах чисто номинальный характер. Разложение гарнизонов военных округов в сентябре—октябре сопровождалось распадом аппарата управления гарнизонами и округами, зачастую ликвидацией демократически избранных комитетов и других демократических институтов Февральской революции и создании в ряде гарнизонов явочным порядком большевизированных антидемократических органов (Особый революционный комитет в Ташкенте, незаконно переизбранный Калужский Совет с его солдатской секцией, Революционный штаб при Николаевском Совете в конце сентября, Омский военно-окружной комитет, созданный большевиками Петроградский ВРК 12. X. и др.). Одновременно в ряде гарнизонов военных округов в сентябре—октябре значительное число Советов и Комитетов, подчиняясь давлению солдатской массы, присваивали себе незаконные функции по самочинным отпускам солдат по домам или задержанию отправки маршевых рот (Ржевский, Екатеринославский, Ставропольский, Казанский и др), и тем самым окончательно дезорганизовали аппарат управления тыловыми войсками. Самовольный уход значительной части солдат из гарнизона приводил в итоге к дальнейшему усилению аграрного движения и национальных столкновений в стране, так как во многих гарнизонах округов солдаты явочным порядком или же по постановлению митингов захватили с собой оружие и патроны. Подобные явления наблюдались в Виннице, Темир-ханшуре, Хабаровске, Шкотовском, Грозненском и в других гарнизонах.[426]

Распад тыловых округов, зависящий от постоянно действующих социально-политических и экономических факторов, был ускорен вследствие истощения резервов и стихийного ухода из гарнизонов солдат-крестьян, которые уже не могли и не хотели

---

[425] ЦГВИА, ф. 2178, оп. 2, д. 31, л. 301.

[426] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, л. 408; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 26, лл. 62, 88; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, лл. 206, 207; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 50, л. 91 и др.; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах), стр. 29.

воевать, так как их хозяйства находились на грани полной катастрофы, а семьи голодали. Ускорению распада гарнизонов содействовало и полное отсутствие в руках командования реальной силы для противодействия стихии. В конце октября об этом убедительно говорили сводки с мест, а роспуск солдат старших возрастов и других категорий принял уже массовый характер. Так, революционный штаб при Николаевском Совете в своей резолюции отмечал, что задержать отпуск нет возможности», ибо солдаты не подчинялись, весь гарнизон «был в брожении» и «чрезвычайные» осложнения были неизбежны.[427] Как сообщало командование Омского военного округа в ГУГШ в конце сентября, оно не может направить на фронт маршевые роты ранее октября, «вследствие командирования солдат на полевые работы». В результате фактического самороспуска «на полевые работы» не были в состоянии выполнить наряды на отправку маршевых рот 19-й пехотный запасной и 38-й Сибирский запасной полки.[428] Также провели самороспуск солдаты гарнизона Шепетовка 1897—1898 гг. призыва. Комиссар Юго-Западного фронта упрекал начальника гарнизона Шепетовки в «преступной слабости».[429] В октябре усилились самороспуски во всех военных округах и сопровождались эксцессами. Так, 18 октября солдаты Симбирского гарнизона в связи с приказом о выступлении на фронт вместо роспуска на полевые работы вышли из казарм с криками «долой войну!». Вооруженные солдаты ранили двух членов местного Совета, пытавшихся приостановить стихийный уход солдат.[430] Каковы были контингенты в запасных полках свидетельствуют донесения командиров полков и командования округов. Эти данные говорят о том, что запасные полки были переполнены возвращенными дезертирами, которые зачастую были инициаторами стихийных выступлений и искали малейшей возможности для очередного дезертирства из запасных частей и по пути следования маршевых рот.

В 166-м пехотном запасном полку в Вятке в сентябре было «самовольно отлучившихся» 2 000 дезертиров, предназначавшихся к отправке на Румынский фронт. На этот же фронт в конце сентября было направлено из 162-го пехотного запасного полка 300 дезертиров, а из Казанского гарнизона — 200 беглых солдат из 230-го пехотного запасного полка, из 99-го пехотного запасного

---

[427] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 48, л. 81.
[428] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 161, 206.
[429] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, л. 166.
[430] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 21, л. 219.

полка из Пензы — 300 дезертиров.[431] 10-й пехотный запасной полк готовил к отправке на фронт в сентябре 800 беглых солдат.[432] В сентябре и октябре запасные пехотные полки — 144, 176, 154, 129, 95, 151, 185, 239, 92, 62 и др. — отправили или готовили к отправке на фронт партии дезертиров в пределах 100—200 человек.[433] На фронт массово поступали не только дезертиры, но и непригодные к строю и необученные солдаты. Так, командир гвардии 4-го резервного стрелкового полка доносил по инстанции, что он затрудняется отправить в конце сентября маршевые роты, так как из трех тысяч его солдат — 1 000 непригодны к строю; а командир 96-го пехотного запасного полка 5 октября сообщал, что из 1 300 солдат, направленных на фронт, эвакуированных числится 350 человек, не прошедших обучение — 508 человек и дезертиров — 422 человека.[434]

Скопление контингентов запасных солдат на распределительных пунктах, например, в районе Западного фронта в Гомеле и Смоленске, создавало питательную среду для работы большевиков по развалу маршевых рот. В конце сентября в Гомельском распределительном пункте находилось более 8,5 тысяч солдат, которые под влиянием агитаторов-большевиков отказывались следовать отсюда на фронт и категорически требовали роспуска по домам. На распределительном пункте беспрерывно проходили бурные митинги, на которых по предложению большевиков выставлялись требования о мире. На пункте были выделены солдатами 8 агитаторов и направлены в гарнизоны Жмеринки, Киева, Пскова и Петрограда и другие места. Их отъезд был согласован с военной секцией Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. На распределительном пункте солдаты разгромили цейхгауз и разобрали 1,5 тысячи нового зимнего обмундирования. Несмотря на увещевания комиссара Западного фронта и членов фронтового комитета, солдаты все же отказывались следовать на фронт. Хотя пункт был оцеплен войсками, 21 сентября солдатами был арестован и избит член фронтового комитета подпоручик Кудрявцев, а помощник фронтового комиссара получил удар по голове. Войска, оцепившие распределительный пункт, отказались оказать содействие в водворении порядка. Командование фронта было вынуждено начать роспуск солдат ряда сроков службы. Как сообщал помощник комиссара Западного фронта Моисеенко в

---

[431] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 457, лл. 12, 32; Там же, д. 458, л. 80.

[432] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 94об.

[433] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 3, 61, 63, 97об., 108, 114, 134об., 178, 447, 463 и др.

[434] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 401, 402; Там же, оп. 3, д. 2720, л. 144.

конце сентября, «конфликт улаживается путем переговоров и обоюдных уступок». Еще ранее, 3 сентября, 2 000 солдат Гомельского распределителя, назначенные по наряду во 2-ю Армию, категорически отказались следовать на фронт.[435] На другом крупном распределительном пункте в Смоленске к 1 октября скопилось 5 590 солдат маршевых рот, и также не проходило дня без т. н. «эксцессов». Солдаты этого распределителя также отказывались следовать на фронт. В результате создавшегося положения Ставка обратилась в ГУГШ о прекращении до 10 октября направления солдат в распределительные пункты Гомеля и Минска.[436] Командование, особенно после Корниловских событий, всячески искало пути ликвидации «этих опасных очагов», как писал в октябре Главнокомандующий Западным фронтом ген. Балуев. Перегруженность распределительных пунктов являлась, как писал ген Балуев, следствием уклонения пересыльных солдат под разными предлогами от отправки на фронт». В октябре Ставка рассматривала вопрос о реорганизации всех распределительных пунктов, так как большинство фронтов высказывалось за упразднение этих очагов волнений. Командование Северного фронта считало, что распределительные пункты желательно бы использовать для помещения делегаций, так как штаб Северного фронта «обременен ежедневно огромным числом депутаций, делегаций» и т. п.[437] В октябре на почве неувольнений в отпуск солдат старших возрастов, разутости, раздетости и противодействия самовольному уходу солдат в гарнизонах всех округов, и в частности в Московском, множились инциденты. Маршевые роты в Гдове, Торопце, Осташкове, Торжке, Опочке и других местах отказывались следовать на фронт, несмотря на все усилия фронтового комитета Северного фронта. Взбунтовавшиеся солдаты 83-го пехотного запасного полка в г. Брянске арестовали и избили до полусмерти командира полка и тяжело ранили одного из ротных командиров.[438] Направляемые на пополнение действующих частей фронта укомплектования, как в количественном, так и в качественном отношении не могли ликвидировать или даже смягчить кризис резервов. До 30 сентября на фронт было перевезено всего 97 пехотных запасных полков, и еще ранее были даны наряды на направление в действующую армию 27 полков из тыла. 30 сентября последовало распоряжение о временной приостановке вы-

---

[435] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 7, лл. 17, 18, 19; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, лл. 94, 95, 110; Там же, оп. 2, д. 672, л. 450.

[436] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, лл. 98, 135; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 7, л. 23.

[437] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 672, лл. 451, 451об., 459, 468, 469.

[438] ЦГВИА, 2003, оп. 4, д. 31, л. 31; ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 1083, л. 128.

сылки полков.[439] Как известно, эти запасные полки и маршевые роты в связи с их малочисленностью, необученностью солдат, наличия в составе эшелонов большого количества дезертиров и даже уголовников, разутые и раздетые, подвергшиеся в тылу интенсивному воздействию большевистской пропаганды вносили дополнительный фактор брожения и разложения во фронтовые части. Создавалось парадоксальное положение, когда задыхающиеся от отсутствия резервов фронты категорически отказывались от приема этих пополнений. Начальник штаба Ставки, однако, 3 октября отклонил ходатайства командования фронтов о прекращении высылки деморализованных пополнений из внутренних округов. Он указывал, что эта высылка «необходима для оздоровления запасников внутренних округов» и что ГУГШ будет и впредь постоянно регулировать направление деморализованных пополнений пропорционально по фронтам.[440]

В связи с разложением частей тыловых округов окончательный распад действующей армии был уже вопросом ближайшего будущего. В этих условиях и в результате воздействия целого комплекса других причин политика продолжения войны со стороны Временного правительства являлась просто политическим абсурдом. Выступая 10 октября в Совете Республики, А. Ф. Керенский несколько преувеличенно утверждал, что «Революция получила армию разложившуюся, революция получила армию, которая находилась в состоянии умирания».[441] Эти слова, уже по справедливости и в соответствии с создавшейся обстановкой, были применимы к армии Февральской революции в октябре 1917 г.

Положение в русской армии после июльских событий и в последующее время усложнялось и в результате нарастающего обострения межнациональных отношений. В первую очередь это касалось украинского вопроса. Народный социалист Станкевич, побывавший в июле вместе с членами Временного правительства в Киеве во время переговоров лидеров Центральной Рады с Церетели, Керенским, Терещенко и др., отмечал сложность украинской проблемы. «Политическая обстановка в Киеве — писал В. Б. Станкевич, — поразила меня своей сложностью: явно чувствовалось, что речь идет уже не о двух фронтах — против немцев и против большевиков, но по крайней мере о трех, т. н. национальный украинский вопрос сказывался очень сильно, даже заслонял другие вопросы». В. Б. Станкевич, описывая свои впечатления от личных бесед с Винниченко и М. Грушевским, полагал,

---

[439] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 634.
[440] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2720, л. 145.
[441] «Кавказ», 13 октября 1917 г.

что «русская опасность» в психологии этих руководителей Центральной Рады являлась реальным фактом.[442] В связи с большевистской опасностью, Временное правительство пошло на существенные уступки Центральной Раде, и на основе его Июльской декларации при Главном Управлении Генерального штаба было установлено представительство Украинской Центральной Рады для проведения работы по осуществлению украинизации частей, предназначенных для этой цели войск фронта и тыла. На основе соглашения, для проведения украинизации предназначалось более 20 дивизий со всеми приданными им запасными полками, и принимались меры по дальнейшему пополнению украинских воинских частей.[443] Войсковые украинские организации Центральной Рады на фронтах были приравнены в правах к общеармейским, официально признавались представители Киевской Рады во Временном правительстве, при Верховном Главнокомандующем и т. п.[444]

Однако Временное правительство, военное министерство и др. войсковые органы маневрировали в деле полной реализации соглашения и не собирались честно его выполнять, т. к. опасались политических последствий притязаний Рады, логического предъявления претензий со стороны других национальностей и вынуждены были считаться с ростом межнациональных конфликтов в частях на почве проведения украинизации, между русскими и украинскими солдатами. Командующий Киевским военным округом полк. Оберучев отмечал, что проведение украинизации «внесло в части войск враждебный тон в межнациональные отношения, грозящие разрушить воинские части как боевые единицы».[445] В июле—августе, сентябре и октябре на почве выделения солдат-украинцев отмечались трения, столкновения как между войсковыми органами Рады и военными властями, так и внутри войсковых единиц, так как в условиях кризиса резервов части еще больше ослабли в результате выделения украинцев. Ставка и мобилизационный отдел Генерального штаба в обход соглашения, посылали призываемых солдат-украинцев не в запасные части на Украине, а зачастую в гарнизоны военных округов центральной России. Генеральный секретарь по военным делам Центральной Рады С. Петлюра неоднократно протестовал против этой политики и требовал, чтобы призывники Одесского и Киевского военных

---

[442] В. Б. Станкевич. Воспоминания (1914—1919), стр. 301.

[443] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1506, л. 37.

[444] «Летопись Революции», 1927, № 4 (25), июль—август, стр. 91, 95 и др.; Д. Дорошенко. Історія України. 1917—1923. Стор. 117, 118.

[445] «Биржевые Ведомости», 29 сентября 1917 г.

округов направлялись исключительно в украинизированные части Юго-Западного фронта.[446] В результате, между русским командованием и войсковыми органами Центральной Рады происходили конфликты. Генерал А. Деникин в бытность его Главнокомандующим Западного и Юго-Западного фронтов обвинял органы Войскового Генерального Комитета Центральной Рады в том, что они проводили свою работу якобы «помимо и параллельно командованию, внося неизмеримые затруднения в мобилизацию, комплектование, перевозки и перемещение войск». В августе Главнокомандующий Западным фронтом ген. Балуев уже обращался в Ставку и Центральную Раду, чтобы Генеральный Комитет «ни под каким видом не вмешивался в распределение и направление эшелонов украинцев в части войск и не делал по этому поводу самостоятельных решений».[447] Профессор М. С. Грушевский писал, что тактика Временного правительства состояла в том, чтобы свести на нет пункты соглашения с Центральной Радой, и оно игнорировало Генеральный Секретариат.[448] В противовес намерениям русского командования, украинские рады в округах делали все от них зависящее для направления состоящих из украинцев маршевых рот в украинизированные части Юго-Западного фронта. Так, Оренбургская украинская рада всячески пыталась направить 4 украинские маршевые роты в составе 1 200 солдат и 45 офицеров по указанию Генерального Секретариата. В Саратовском гарнизоне в июле под руководством Рады 6 тысяч солдат-украинцев совместно с украинскими офицерами организовали украинский полк и требовали немедленного направления в украинские части на фронт.[449] Казанская украинская рада настойчиво добивалась немедленной отправки готовых маршевых рот из украинцев в пределы Украины.[450] Войсковой Генеральный Комитет со своей стороны прилагал усилия, вопреки замыслам русского командования, направлять поток солдат-украинцев именно на Украину. Так, Генеральный Комитет добивался направления 5 украинских рот из 11, 83, 237 и 278 пехотных запасных полков (1 375 солдат и 17 офицеров-украинцев) в украинизированную дивизию Юго-Западного фронта.[451] Следует подчеркнуть, что в отличие от русских маршевых рот, солдаты-украинцы охотно направлялись в пределы Украины в украинизированные части. Ха-

---

[446] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 314.

[447] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 693, л. 90.

[448] «Український Історик», № 3—4 (15—16), Нью-Йорк, 1967, стор. 75.

[449] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 230, 828.

[450] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 295.

[451] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 357. См. также лл. 360, 364, 365, 366 и др.

рактерно, что когда командир 167-го пехотного запасного полка отправлял на Юго-Западный фронт 976 солдат-украинцев и 19 офицеров, то самовольно с ними ушли 123 солдата-украинца из учебной команды, еще не закончившие подготовки.[452] Дело доходило до того, что солдаты-украинцы отказывались от направлений командования без санкции органов Центральной Рады. Так, рота 34-го пехотного запасного полка в Симферополе отказалась от выступления на фронт до получения указания от Одесского украинского комиссара доктора Луценко. Черниговский полк не выполнил в октябре приказ военного начальства «без подтверждения ... украинскими организациями». Комиссар Юго-Западного фронта Иорданский квалифицировал это как «преступление» и возлагал на Генеральный Комитет всю ответственность за возможные столкновения в полку на почве неподчинения солдат.[453] Из военных округов тоже поступали жалобы на деятельность органов Центральной Рады, эти жалобы поступали в мобилизационный отдел ГУГШ в Петрограде.[454]

Столкновения в частях на почве проведения украинизации между русскими и украинскими солдатами происходили именно в период нарастания в действующей армии кризиса пополнений. Возрастающая с каждым месяцем нехватка строевых солдат на позициях и обслуживание все меньшим количеством фронтовиков оставшихся неизмененными позиционных участков усиливали служебные тяготы, падавшие на плечи каждого отдельного солдата. В связи с этим знакомым нам явлением выделение солдат-украинцев создавало противоречия между справедливыми национальными интересами украинцев и изнывающими от тягот солдатами русской армии, созданной и построенной без учета ее национального состава. В армиях (например, в 9-й Армии) органы Центральной Рады всячески стремились пополнить украинцами украинизированные части, а русское командование со своей стороны пыталось направлять украинские маршевые эшелоны в малочисленные строевые роты.[455] В сводках Ставки и фронтов, в особенности Юго-Западного и Румынского, зачастили сообщения о «частых недоразумениях» между украинскими радами, стремящимися к скорейшей украинизации частей, и солдатами украинцами и неукраинцами.[456] Как доносил комиссар 11-й Армии Юго-За-

---

[452] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 830.

[453] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 290; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 740.

[454] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2713, л. 833.

[455] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 1, д. 1879, л. 200; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 3, лл. 178, 179.

[456] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 29.

падного фронта Чекотило в начале сентября, «последнее время вопрос украинизации полков сильно обострился. Со стороны некоторых украинских групп были ультимативные шаги по отношению к войсковым организациям с целью заставить их принять определенные решения». Чекотило жаловался, что украинизация «не руководствуется общегосударственными соображениями, а вносит в армию лишь элемент разложения».[457] Эти же столкновения и, главное, трения между украинскими радами и командованием имели место и на Румынском фронте, где солдаты-украинцы составляли одну треть состава частей. В частях всего Румынского фронта в сентябре—октябре командование отмечало столкновения солдат на почве требования украинизации.[458] Эти нарастающие конфликты и несоблюдение командованием июльского соглашения с Центральной Радой вызвали поездку С. Петлюры и других членов Украинского Войскового Генерального Комитета (УВГК) — Скрипчинского, Кедровского, Лысенко и др. в Ставку для разрешения обострившегося «вопроса украинизации войска». 9 и 10 сентября в Ставке происходили переговоры этой делегации с помощником начальника штаба Верховного Главнокомандующего В. П. Вырубовым, а 11 сентября С. Петлюра имел беседу с А. Керенским. В беседе С. Петлюра особенно акцентировал вопросы «украинского комплектования». В связи с создавшейся тяжелой обстановкой разложения русских войсковых частей Керенский проявил больше склонности учесть доводы С. Петлюры и дал соответствующие указания Ставке с целью «устранения препятствий на пути проведения украинизации войск».[459] В силу политических соображений, несмотря на тяжелый кризис в стране и в армии, разруху ж.-д. транспорта, в условиях тяжеголо кризиса резервов, все же в сентябре начались переводы и сосредоточение выделенных украинских частей других фронтов на Юго-Западный и Румынский. Ставка дала вынужденную санкцию на перевод этих частей в украинизованные дивизии и корпуса.[460]

Однако же развал ж.-д. транспорта, а, главное, недальновидная политика органов русского командования приводили к тому, что как июльское, так и сентябрьское соглашения Центральной Рады, Ставки и Временного правительства фактически саботировались. Ставка и Генеральный штаб, в противовес соглашению, пытались направлять потоки украинских маршевых рот в обход главного сосредоточения украинских частей, в обход Юго-Запад-

---

[457] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 117.
[458] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, л. 102; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 372об.
[459] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 28, лл. 113—115.
[460] Разложение армии в 1917 году. Док. и мат. М.—Л., 1925, стр. 83.

ного фронта. Так, с 1 по 30 сентября 1917 г. на Юго-Западный фронт было направлено 73 общих маршевых рот и только 2 украинские. В то же время на Северный фронт получило направление 4 украинских роты, а на Румынский 7.[461] Это была ошибочная политика, так как при определенных условиях русское командование могло бы найти опору в период октябрьского мятежа большевиков в украинских частях. Характерен в этом отношении доклад начальника штаба Юго-Западного фронта ген. Н. Н. Стогова от 20 сентября, в котором последний отмечает, что в 16-й пехотной дивизии 11-й Армии «отношение к начальникам-украинцам хорошее, вообще в этой дивизии авторитет имеет только Рада».[462]

Как общее явление в сентябре—октябре на фронтах на почве проведения украинизации наблюдались трения и конфликты. В связи с позицией командования бытовали самочинные выделения украинцев. Это имело место, например, во 2-й Армии Западного фронта, в 5-й пехотной дивизии, где 372 солдата-украинца выделились в самостоятельный батальон при поддержке корпусной Рады. Как сообщало командование, в 5-й пехотной дивизии в результате столкновений в 17-м и 20-м полках этой дивизии между украинцами и русскими возникло «крайне напряженное» положение. Аналогичная ситуация создалась в октябре в 9-й Армии Румынского, в 11-й и 7-й Юго-Западного, в 12-й Армии Северного и др. [463] На почве национальных столкновений между солдатами русской и украинской национальностей, на Северном фронте в конце сентября 1917 г. состоялось даже согласительное совещание в Искосоле, где участвовали украинская рада, представители частей 21-го армейского корпуса и командного состава штаба Армии по вопросу украинизации. Было принято решение об украинизации 21-го армейского корпуса путем его пополнения украинскими маршевыми ротами тыла и добровольным выделением украинцев из других корпусов.[464] Наличие значительного украинского контингента солдат на Кавказском фронте вызывало активный отклик и интерес к украинскому национальному вопросу среди многих частей этого фронта. Корпусной комитет 4-го Кавказского армейского корпуса, где была значительная прослойка украинцев, на своем заседании в середине августа вынес решение, что для ознакомления солдат корпуса с украинским вопросом необходимо командировать в Киев в Центральную Раду члена

[461] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 784.

[462] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3858, лл. 327, 328.

[463] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. док. М., 1968, стр. 424, 510, 529 и др.

[464] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, лл. 469, 350.

корпусного комитета прапорщика Гиенко, которому вменялось в обязанность знакомство с национальной жизнью страны. На заседании корпусного комитета 8 сентября прапорщик Гиенко доложил собравшимся о результатах своей поездки, осветил задачи и работу Центральной Рады, Генерального Секретариата и коснулся даже основных вех истории Украины и т. п.[465] К концу июля явочным порядком возникла Эрзерумская Краевая войсковая Украинская Рада, которая ставила себе задачу объединения украинцев всех частей Кавказского фронта и создание здесь украинизованных частей, «специальных украинских батальонов». Рада высказалась за поддержку политики Временного правительства, за поднятие боеспособности частей. Рада состояла из 35 членов и выделила президиум. Для защиты украинских интересов она направила трех представителей в армейский комитет, трех — в Эрзерумский Совет и т. д. Представителем Рады был избран подполковник Козинец. О враждебном отношении высших войсковых организаций фронта к украинскому движению и выделению частей свидетельствовал тот факт, что 6 августа Краевой Совет Кавказской Армии (Красокар) «оставил без утверждения» устав Рады. В телеграмме от 31 августа в Эрзерум начальник штаба Армии сообщал, что Красокар относится отрицательно к созданию национальных организаций и выделению украинских частей. Эту непродуманную тенденцию поддерживал и Главнокомандующий фронтом. Красокар свое отрицательное отношение к украинским формированиям основывал и на отрицательном решении Краевого съезда Кавказской Армии.[466] Уполномоченный Украинской Краевой Рады (Громады) прапорщик Тейчук 28 августа обратился к Главнокомандующему войсками Кавказского фронта с настойчивым требованием о выделении хотя бы одного корпуса на фронте, куда бы направлялись исключительно украинские пополнения. Прапорщик Тейчук с полным основанием отмечал в докладе, что нельзя отказывать украинцам в праве создания своих национальных частей, в то время, когда на фронте имеются армянские и грузинские части. Доклад содержал утверждение, что на Кавказском фронте «украинцы составляют значительную часть армии» и даже «главное ядро войск Кавказского фронта». Кроме выделения корпуса, прапорщик Тейчук в представленном докладе настаивал на выделении двух запасных полков в Киевском военном округе для концентрации там и прохождения службы украинских пополнений для фронта и т. д. Украинский Комитет (Рада) в Мамехатуне также обратился к фронтовому начальству с подобным

---

[465] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 63, л. 101.

[466] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 30, 32, 32об., 33, 34, 68об.

требованием.[467] В связи с игнорированием командованием Кавказского фронта украинского вопроса, состоявшееся в Тифлисе совещание украинских рад фронта 19 сентября обратилось в штаб фронта с категорическим требованием немедленного рассмотрения последним «украинского вопроса на Кавказе».[468] Еще ранее, 4 сентября, С. Петлюра обратился к командованию Кавказского фронта от имени Войскового Генерального Комитета с настойчивой просьбой об утверждении в Трапезундском районе комиссаров по украинским войсковым делам в лице прапорщика Хоменко, а в корпусах Г. Гасенко. Ген. Пржевальский уже 7 сентября поспешил отказать в реализации этой просьбы. От Кавказского фронта членами Всеукраинской войсковой Рады были избраны в сентябре подпоручики 22-го Кавказского стрелк. полка Куцяк и Чалый.[469]

В октябре рост украинского национально-освободительного движения на Кавказском фронте приводит к провозглашению на украинском митинге 18 октября в Трапезунде создания украинского полка. Солдаты-украинцы потребовали отвода им казарм. Начальник Трапезундского укрепленного района ген. Колосовский и комиссар Богданов были вынуждены пойти на уступки из-за «неизбежного обострения украинского вопроса». Командование дало разрешение на выделение 200 украинцев солдат Карского полка в украинскую часть, куда предназначались и офицеры-украинцы. Участвовавшие в митинге солдаты с основанием опасались возможных насилий со стороны остальной солдатской массы, недовольной выделением украинцев.[470] Представитель Украинской Рады приветствовал украинскую пехотную часть из состава Карского полка, украинцев-артиллеристов местности Платаны и кубанских казаков 9-го пластунского батальона, а также другие, еще не оформившиеся украинские части. Корпусные власти запретили украинское шествие, и артиллеристы-украинцы в Платане дежурили у орудий на случай вооруженной интервенции корпусных властей в Трапезунде. В шествии национальных частей в Трапезунде принимали участие армянские, грузинские, а также и польские национальные отряды.[471]

В связи с явочным порядком создания украинской национальной части в Трапезунде командование Кавказской Армии находи-

---

[467] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 70, 71об., 68, 69.

[468] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 347.

[469] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 38, 40, 44.

[470] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 453, л. 238.

[471] Лев Биковський. На Кавказько-Турецькому фронті. Спомини. Денвер, 1968, стор. 101.

лось в растерянности и 21 октября обратилось к Главнокомандующему фронта телеграфно за инструкцией. Эта телеграмма гласила, что самочинная украинизация частей в Трапезунде начата, и что создалось «серьезное положение». Одновременно представитель Украинского Комитета (Рады) Хоменко телеграфировал Главнокомандующему Кавказской Армией о санкционировании последним происходящего формирования в Трапезунде украинского пехотного казацкого полка имени гетмана Сагайдачного и о назначении командиром этого национального подразделения подпоручика 16-го Туркестанского полка Еременко. В районе г. Эрзерума в июле—августе также функционировала Украинская Рада. Этот орган в конце августа обратился к командующему Кавказской Армией об утверждении Устава «Громады» и положения о формировании украинских национальных частей на фронте. Для связи с Центральной Радой в Киев был направлен доверенный представитель Громады штабс-капитан 13-го Кавказского стрелкового полка А. М. Глухой.[472] Только к концу октября было сломлено сопротивление командования фронта в деле санкционирования возникающих украинских формирований. 14 октября войсковые части были оповещены телеграммой командования и комиссара фронта, что в принципе разрешен вопрос об украинизации ряда частей фронта. Командование теперь выражало уверенность, что всякие слухи о враждебном отношении к украинцам уже не будут иметь место. 23 октября в штаб Главнокомандующего Кавказским фронтом прибыл уже в качестве официального представителя Центральной Рады Куцук, в ведение которого входили все вопросы украинизации войсковых частей и деятельность украинских организаций в пределах Кавказа.[473] 25 октября официально в Трапезунде состоялся украинский войсковой съезд Кавказского фронта в составе 200 делегатов всего фронта «от Батуми до Эрзерума». Большое число делегатов составляли солдаты, и немалое количество украинской интеллигенции — прапорщиков, подпрапорщиков, военных чиновников, врачей, писателей и др. Съезд сразу же направил делегацию в составе 10 депутатов съезда к Главнокомандующему фронтом с требованием немедленного проведения украинизации, что было основным в повестке дня. Однако украинизация частей началась слишком поздно, и когда ее волна докатилась до войсковых соединений в глубине фронта, последний был уже в состоянии распада. На съезде большинство ораторов указывало на травлю, которой подвергалось на фронте

---

[472] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 66об., 67; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 424, лл. 277, 479.

[473] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 73, 74.

украинское национальное движение. Характерно, что в этот переломный момент для страны выступающие заявляли, что они считают долгом охранять «внутренний порядок страны», так как всякого рода бесчинства на руку сторонникам старого режима. На съезде было заявлено, что украинское движение добивается не отделения от России, а стоит за федеративные начала в государственной жизни страны.[474]

Украинское национально-освободительное движение встречало трудности не только на фронте. Против него, как это ни парадоксально, выступали, выдвигая только разные формулировки, русские политические партии — от меньшевиков и эсеров до кадетов и большевиков. 12 июля в Киеве на объединенном заседании Исполнительных комитетов и представителей политических партий, выступил меньшевик Церетели, который указал, что «в настоящий момент, когда все силы страны направлены на борьбу с внешним врагом, окончательное решение украинского вопроса было бы несвоевременным», и он предлагал окончательное решение вопроса отодвинуть до созыва Учредительного Собрания. Терещенко и Керенский под флагом борьбы за «единство» были противниками украинских требований.[475] Как силы Центральной Рады, так и противостоящие ей политические противники относились друг к другу с подозрением и недоверием. Это отмечала как русская печать, так и выступления целого ряда политических деятелей. Так, газета «День» обвиняла украинцев в том, что они «подражают» Финляндии и что «украинское движение таит в себе некоторые элементы, враждебные прогрессу России, и демократия первая призвана дать им отпор».[476] Другие органы печати договаривались и до обвинения украинцев в «немецкой работе на Украине», проведении планов Германии и т. п., что находило свое отражение в «Новом Времени», «Русской Воле», «Петроградской газете», «Речи» и др.[477] С другой стороны, не оставались в долгу и украинские деятели. Так, на съезде казаков Юго-Западного фронта в июле 1917 г. глава делегации Центральной Рады Чикаленко заявил казакам, что Богдан Хмельницкий на смертном одре раскаялся в присоединении к Москве и призывал казаков объединиться с украинцами в борьбе против общего врага. Чикаленко заявил, что украинский народ не может ждать Учредительного Собрания и что необходимо создать украинскую армию.[478]

---

[474] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 275, лл. 48, 51, 74; «Трапезундский военный Листок», 28 октября 1917; Лев Биковский. Указ. воспоминания, стр. 102, 112.

[475] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, стр. 143, 144.

[476] «День», 12 августа 1917 г.

[477] АВПР, ф. Отдел печати и осведомления, 1917 г., д. 601, л. 56.

[478] «Речь», 12 августа 1917 г.

В связи с возникшей политической обстановкой и распадом власти Временного правительства украинские лидеры обоснованно торопились с созданием украинской армии и переходом в их руки всей власти на Украине. В августе В. Винниченко сделал недвусмысленное заявление о необходимости скорейшего создания украинской армии, задачей которой бы была бы защита Украинского фронта. Этот лидер Украинской Центральной Рады в заключение заявил, что «мы хотим все взять сейчас, потому что завтра, быть может, уже будет поздно».[479] 30 сентября на 4-м съезде УСДРП в Киеве В. Винниченко, учитывая возможность падения Временного правительства и анархии в стране, призывал к перенесению власти «на места», т. е. самоопределению национальностей. «Наша задача, — заявлял Винниченко, — организация и создание власти на местах». К этому же призывал С. Петлюра. Он предлагал «создать аппарат, который взял бы под охрану украинских частей коммуникационные пути на Украине».[480]

С 20 октября по 1 ноября в Киеве происходил Всеармейский украинский войсковой съезд и украинские войсковые съезды на фронтах. Из 965 депутатов 3-го Всеукраинского войскового съезда эсеры были представлены 630 делегатами, украинские с.-д. 101, украинских социалистов-федералистов на съезде было 23, большевиков — 8, беспартийных — 82, т. н. «самостийников» — 21, не заявивших о своей партийной принадлежности — 82 и др. На повестке дня съезда фигурировали доклады с мест, доклад УГВК (Генерального Комиссариата) об украинизации войска, о текущем политическом моменте, краевой власти на Украине, о земельном вопросе и др. Выступивший с приветствием Винниченко сразу же заявил, что «нам необходима полнота власти», так как Временное правительство гибнет, а Центральная Рада «чувствует в себе силы».[481] Резолюция съезда требовала перехода власти ко всей «революционной демократии», единственным и полноправным представителем которой на Украине является Центральная Рада. Резолюция требовала «бороться с домогательствами большевиков передать власть на Украине Советам рабочих и солдатских депутатов». Съезд предлагал одновременно принять меры, чтобы украинские войска не посылались с фронта для борьбы «с представителями интересов трудового народа». Съезд потребовал в резолюции от Центральной Рады «немедленного провозглашения Украинской демократической Республики в этнографических гра-

---

[479] «Биржевые Ведомости», 10 августа 1917 г.; «Новое Время», 9 августа 1917 г.

[480] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 270, 274.

[481] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 302, 303, 307.

ницах Украины». Решения съезда предусматривали и созыв суверенного Украинского Учредительного Собрания для демократизации политического устройства и социально-экономических реформ на Украине, и в первую очередь проведения земельной реформы. Далее резолюция требовала «чтобы Центральная Рада и Генеральный Секретариат, опираясь на украинское революционное войско, взяли всю полноту власти на территории Украины». Съезд особо подчеркивал в своем решении необходимость немедленного выделения украинцев на фронте и в тылу, и в особенности проведения украинизации гарнизонов, находящихся на территории Украины. Резолюция предусматривала организацию украинских военных комитетов (Рад), деятельность которых протекала бы на равных началах с русскими выборными комитетами. В вопросах войны и мира решения съезда обязывали Центральную Раду, не дожидаясь ответа Временного правительства, «взять дело окончания войны в свои руки».[482]

В основу фронтовых украинских съездов легла известная уже нам установка украинских эсеров и меньшевиков, что особенно проявилось в вопросах о земле и войне. На съезд украинских войсковых организаций Юго-Западного фронта в Бердичеве прибыл В. Винниченко, С. Петлюра, эсер М. Ковалевский и др. Как на этом съезде, так и в армиях центр тяжести созываемых конференций переносился на вопросы создания украинской армии. Так, на конференции украинских войсковых организаций 9-й Армии в Ботушанах (6—9 октября) член Генерального Войскового Комитета Центральной Рады Билецкий так и заявил, что «нужна не только украинизация, а и создание собственной армии».[483] На войсковом украинском съезде Румынского фронта, его делегаты от имени 252 тысяч солдат-украинцев потребовали дальнейшего конструирования украинских войск всех родов, образования «просвіт» — партийных кружков под эгидой эсеровского крестьянского союза и украинской социалистической партии. В земельном вопросе съезд присоединился к постановлениям 1-го Всеукраинского крестьянского съезда. Съезд высказался за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов и т. п.[484] Украинский войсковой съезд Западного фронта кроме обычных, известных нам решений о проведении украинизации и создании украинской армии, отражая широкие стремления украинских масс к миру, постановил потребовать «немедленного начала мирных переговоров и немедленного заключения мира». На съезде

---

[482] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 332, 333, 334, 354.
[483] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 5, д. 48, лл. 109об., 113, 115.
[484] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 372об., 373, 373об.

нашло свое отражение и неверие солдат-украинцев в дееспособность Временного правительства, и было принято решение, чтобы Центральная Рада взяла дело мира в свои руки.[485]

В целях создания своей армии Центральная Рада стала стягивать на Юго-Западный и Румынский фронты офицеров-украинцев и добилась открытия двух пехотных украинских школ в Киеве. Были созданы украинские отделения при инженерном и артиллерийском училищах. В украинской школе подпрапорщиков числилось около 260 юнкеров. Для полной украинизации 34-го армейского корпуса Центральная Рада потребовала перевода на Юго-Западный фронт в части корпуса 115 офицеров-украинцев. В октябре офицеры-украинцы для командования украинскими полками были передвинуты из 5-й Армии Северного фронта. По существу Центральная Рада уже в октябре стала создавать свой генеральный войсковой штаб. Начальника штаба Двинского военного округа ген. Бобровского Рада предложила на должность начальника Генерального войскового штаба, а подполковника Сливинского с Румынского фронта С. Петлюра предложил на пост второго генерал-квартирмейстера.[486]

Хотя декларация Генерального Секретариата от 29 сентября 1917 г. указывала, что «организация украинских войсковых частей идет безостановочно», и в начале октября С. Петлюра в беседе с кореспондентами заявил, что в ближайшем будущем Генеральный Секретариат надеется сформировать 20 украинских дивизий,[487] реализация этих планов была далека от действительности. Осуществлению планов Центральной Рады мешали в первое время Временное правительство и Ставка, а когда последние перед лицом готовящегося выступления большевиков в октябре пошли на уступки Центральной Раде, было уже поздно. С другой стороны, сентябрьско-октябрьские усилия Генерального комиссариата ускорить создание украинских частей было также запоздалым в связи с позицией украинской солдатско-крестьянской массы, с головой ушедшей в аграрные захваты и все более втягивавшейся в политическую орбиту обещаний большевиков. Как признавал член Центральной Рады и один из ее лидеров В. П. Мартос на съезде УСДРП 2 октября, 75% украинского крестьянства требовало немедленной передачи земли в свое пользование, и основную ошибку Центральной Рады этот деятель ви-

---

[485] «Новая Жизнь», 20 октября 1917 г.

[486] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 343, лл. 8, 10, 12, 16; Д. Дорошенко. Історія України. 1917—1923 рр., стор. 370.

[487] 1917 год на Киевщине. Док. приложение, № 43, стр. 518; «День», 6 ноября 1917 г.

дел в том, что не была проведена конфискация земель. «Крестьянство ждет от Центральной Рады проведения этого в жизнь, и если она задержит реформу, то оно отвернется от нее».[488] Можно сказать с полным основанием, что сентябрьско-октябрьская волна аграрных выступлений на Украине достаточно убедительно говорила об этом резком и решительном повороте крестьянства в сторону самочинного разрешения аграрного вопроса.

Все украинские губернии, в частности Киевщина и обширный тыл Юго-Западного фронта, стали ареной массовых крестьянско-солдатских захватов и погромов. На заседании Малой Рады (узкий состав) эсер Шаповал сказал в двадцатых числах октября, что «крестьянство уже потеряло надежду получить землю «законным путем». Временное правительство затягивает разрешение столь наболевшего вопроса, но Центральной Раде «этого делать не следует». Губернские комиссары на Украине отказывались и не были в состоянии принимать действенные меры против разворота крестьянских земельных захватов. Один из комиссаров так и писал, что «народные массы разочаровались в доброжелательности правительства и руководящих кругов ... устали ждать и намерены осуществлять свои права самочинно, почему и покатилась широкая волна захватов, что окончательно лишило представителей власти всякой опоры и доверия масс».[489] Как признавал впоследствие Винниченко, Центральная Рада игнорировала крестьянскую бедноту и «испугалась темных инстинктов масс».[490] Если еще принять во внимание ставший в октябре фактом распад фронта, все усилия Центральной Рады по созданию многочисленной украинской армии теперь повисали в воздухе. Как Ставка, так и государства Антанты слишком поздно обратили свои взоры на Центральную Раду как на силу, противостоящую большевизму. 26 сентября с визитом к Петлюре явился ген. Табуи, представитель французского командования на Юго-Западном фронте и подполковник Парме, которые вели переговоры по вопросам украинизации частей. Однако теперь, несмотря на все усилия, Генеральный Войсковой Комитет не смог создать значительные по масштабам вооруженные силы. В распоряжении Центральной Рады находились силы, не собранные в единый кулак, а разбросанные на значительной территории вне Украины (Запорожский полк в Москве и т. п.). В ноябре, к началу большевистского выступления Центральная Рада располагала от 70 до 100 тысяч солдат, включая и резервы. Как сообщил С. Петлюра американскому предста-

---

[488] 1917 год на Киевщине. Док. приложение, № 43, стр. 275.

[489] 1917 год на Киевщине, стр. 293, 294, 298, 361, 301, 302, 307, 308 и др.

[490] В. Винниченко. Відродження нації, ч. II. Київ—Відень, 1920, стор. 96.

вителю в Киеве, в распоряжении Генерального Комиссариата находилось 70 тысяч солдат и обещал довести число украинской армии до 100 тысяч к концу года.[491] Когда началось большевистское нашествие на Украину, Центральная Рада не располагала достаточными силами для отпора агрессии.

Молдавское национально-освободительное движение нашло свое отражение в пределах Румынского фронта и Одесского военного округа, где концентрировалась определенная масса солдат-молдаван. Однако активная деятельность молдавских организаций на фронте по существу началась в конце октября и более позднее время, в условиях наступившего развала Румынского фронта, что можно сказать и в отношении деятельности белорусских национальных организаций. По сообщению комиссара Румынского фронта Э. Тизенгаузена, от начала октября, организационная слабость Молдавской военной организации была очевидным фактом, и работа этой организации не шла ни в какое сравнение с интенсивной деятельностью Центральной Рады. В октябре молдавские национальные организации на фронте ограничивались главным образом культурно-просветительной деятельностью.[492] Первый Всероссийский военно-молдавский съезд заседал лишь 20 октября, и вынес решение о необходимости территориально-политической автономии Бессарабии в интересах полного объединения молдавского народа.[493]

5–6 августа в Минске при участии представителей 23-х белорусских организаций Белорусская Рада приняла устав белорусских национально-просветительных кружков в войсках. Такие кружки были главным образом на Западном и Румынском фронтах.[494]

Отставали в своем развитии и т. н. мусульманские войсковые организации, деятельность которых получила свое наиболее широкое развитие в послеоктябрьский период. Делегации двух мусульманских съездов, состоявшихся в мае и июле, передали в середине августа заместителю министра-председателя 3 докладные записки, в которых содержались требования о начале формирования отдельных мусульманских частей и создание мусульманских военных комитетов в Кавказском военном округе.[495] Только

---

[491] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing papers 1914—1920. Washington, 1940, vol. II, pp. 657—660.

[492] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 373об.

[493] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Док. и мат. М., 1962, стр. 483.

[494] Революционное движение в России в августе 1917 г., стр. 342, 343; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 374.

[495] Революционное движение в России в августе 1917 г., стр. 343.

в октябре в некоторых армиях фронта стали появляться мусульманские комитеты, главным образом в 10-й Армии Западного фронта. На других фронтах, например, на Румынском в октябре в некоторых частях появились лишь мусульманские войсковые ячейки, деятельность которых протекала крайне вяло. В связи со значительной концентрацией солдат-татар и вообще мусульман в 10-й Армии, здесь 25 октября открылся армейский съезд воинов-мусульман, инициативу открытия которого взяла на себя мусульманская культурно-просветительная группа во главе с подпрапорщиком Абзелатдиновым, доктором Байтеряковым и др. На съезде собралось 88 делегатов из частей армии. Собравшиеся решили делегировать представителей во 2-ю и 3-ю Армии фронта для подготовки фронтового мусульманского съезда. Ввиду довольно значительного числа воинов-мусульман в частях армии, съезд признал необходимым организовать национальные комитеты, аналогичные белорусским и украинским Комитетам (Радам). Был санкционирован мусульманский армейский Комитет при штабе 10-й Армии (14 членов), а также созданы корпусные мусульманские комитеты, дивизионные и полковые. Во главе армейского мусульманского Комитета стал военный врач Байтеряков. Съезд дал наказ вновь образованному комитету стоять на политической платформе ЦИК Советов и поддерживать органы революционной демократии, а по национальным и религиозным вопросам придерживаться политической линии Всероссийского мусульманского Центрального Шуро. Организацию крестьянско-татарской секции в составе национального армейского Комитета съезд счел несвоевременным ввиду недостатка «идейных работников».[496] В ряде армий Юго-Западного и Румынского фронтов в августе появились «мусульманские бюро». Так, подобное бюро было выделено на съезде мусульман 8-й Армии.[497]

В латышских частях Северного фронта, состоявших, как известно, из значительной прослойки безземельных, малоземельных крестьян и батраков, процесс большевизации усилился. Показателем этого был и съезд социал-демократов Латышского края (9—19 июля), в котором большевики составляли уже громадное большинство, а меньшевики-интернационалисты были крайне малочисленны. На съезде победила точка зрения большевиков о неизбежности перехода власти к Советам. Съезд принял решение о национализации всей земли, предоставлении права местным самоуправлениям решать вопрос о пользовании землей, о широкой политической автономии Латвии. В то же время внутри

---

[496] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, лл. 50об., 51, 52, 52об., 53.

[497] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 327.

латышской войсковой массы находила свое отражение борьба других политических течений в недрах латышского народа. 1—2 октября состоялось совещание представителей латышских национальных партий и организаций. На этом совещании была создана комиссия по организации Временного Национального Совета. 18—21 октября в Петрограде состоялось заседание комиссии по организации Временного Национального Совета, но в дальнейшем создание этого общенационального органа затянулось.[498] В латышских частях, как говорится в материалах Ставки за октябрь, большевистское влияние усилилось и росло убеждение о бесцельности продолжения войны, тем более при условии потери Курляндии и Риги. В то же время среди латышских стрелков говорили и о возможности создания федеративного Союза Швеции, Норвегии, Финляндии, Эстонии и других стран.[499]

Точно так же политическая дифференциация коснулась и польских национальных частей. В свою бытность Верховным Главнокомандующим ген. Корнилов дал согласие на создание на Западном фронте 1-го Польского корпуса под командованием крайне правого генерала Довбора Мусницкого. Борьба т. н. «правицы» и «левицы» имела место как на фронте, так и в запасных частях в Белгороде (17 тысяч солдат), где побеждали большевистские тенденции.[500] На фронте в рассматриваемый нами период уже возникли в ряде армий польские армейские комитеты. Так, на Румынском фронте польские армейские комитеты 6-й и 9-й Армий придерживались правой политической ориентации, а польские Союзы Ясского и Одесского округов еще колебались в определении своей политической ориентации. Все же в польских организациях преобладала тенденция независимой польской республики и подготовка солдатской массы к продолжению их деятельности в будущем польском государстве.[501]

Армянские национальные организации еще в августе пытались получить разрешение на переформирование армянской стрелковой бригады в корпус, однако тогда командование Кавказским фронтом считало это невозможным в связи с отсутствием необходимых материальных средств, людей, лошадей и т. п. Однако по причине продолжающегося распада русской армии в сентябре—октябре и изменения политического курса Временного правитель-

---

[498] «Новая Жизнь», 27 июля 1917 г.; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания, стр. 474, 516.

[499] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, л. 47.

[500] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 330; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 26, л. 46; Там же, д. 27, л. 78.

[501] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 370об., 371.

ства и Ставки в деле создания национальных частей начальник штаба Главковерха в конце сентября дал распоряжение об формировании 2-й армянской стрелковой бригады. Этому предшествовало и ходатайство ген. Лебединского 8 сентября в Ставку, в котором последний характеризовал армянские формирования «как лучшие войска среди действующих частей Кавказского фронта, представляющих из себя прекрасный боевой материал». В октябре было дано разрешение на формирование армянской батареи.[502] Общенациональные задачи широких кругов армянского народа, справедливо опасавшихся возможного нашествия турок и повторения геноцида, подталкивали к ускорению создания армянских национальных частей. Эти же опасения высказало руководство Грузинского военного Союза, однако здесь присутствовали и мотивы страха перед развивающимся аграрным движением в Грузии. В своем ходатайстве о количественном увеличении существующих грузинских частей Грузинский военный Союз в октябре ссылался не только на «угрозу со стороны неприятеля», но и «угрозу внутреннему порядку в стране в связи с создавшимся положением» в грузинской деревне. Уже 18 октября Ставка дала согласие на перевод солдат армян и грузин из тыловых частей Западного фронта и других районов. Новым моментом являлось разрешение Ставки на национализацию запасных полков (армянизация, грузинизация). Так называемой грузинизации подвергся 115-й пехотный запасной полк в Кутаиси, а армянизации — 223-й пехотный запасной полк в Александрополе. 22 ноября начальник штаба Верховного Главнокомандующего дал разрешение на создание Грузинского корпуса в пределах Кавказской Армии.[503]

Характерной особенностью хода формирования и развития всех национальных частей октября—ноября являлось то обстоятельство, что деятельность этих формирований происходила на фоне общего распада русской армии. В результате этого национальные формирования были единственными частями, сохранявшими внутреннюю организацию и дисциплину. Однако процесс распада русской армии и его социально-политические причины также накладывали определенный отпечаток на национальные полки. Запоздалое развитие национальных частей, явившееся результатом политики торможения Временного правительства и Ставки, в итоге нанесло ущерб их же интересам. Когда Ставка пыталась опереться на эти части в период борьбы за власть на фронтах, последние не обладали достаточной силой.

---

[502] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 38, лл. 123, 128, 169, 192.

[503] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 329, лл. 37, 38, 47, 48об., 50, 67, 69, 70 и др.

Июльская погромная волна, прокатившаяся по России, активизировала деятельность уже имеющихся еврейских солдатских организаций и вызвала появление новых в гарнизонах и на фронте. В июле в Петрограде действовал «Временный Комитет Петроградского Совета евреев-воинов». В июле же возникает «Временный Исполком военнослужащих евреев 12-й Армии», которому инициативная группа поручила выработку устава, установить связи с частями и подготовить делегатский съезд представителей солдат-евреев «без различия их политических взглядов». В конце июля евреи-солдаты Киевского гарнизона также организовали «Союз евреев-воинов», который заявил о своей «внепартийности» и издал воззвание к евреям-солдатам о создании единой еврейской военной организации. Союз евреев-воинов возник и в Черниговском гарнизоне в августе 1917 г., а также в Черкасах. В сентябрьском воззвании Киевского Союза евреев-воинов заключен призыв ко всем военнослужащим евреям объединиться в ряды Союза «для защиты завоеваний революции и защиты еврейских прав и интересов». Активной группой этого Союза в военное министерство был внесен проект создания еврейских частей в армии на добровольческой основе. Воззвание включало лозунги: «За свободную Россию», «За единую демократию» и «За независимую еврейскую Палестину».[504] Повсеместная организация Союзов евреев-воинов в округах и на фронте привела к инициативе Союза евреев-воинов Киевского военного округа, к созыву в Киеве конференции представителей еврейских военных Союзов со всей страны (10—15 октября 1917 г.). В основу этой конференции была положена идея сплочения солдат-евреев армии, организации которых возникли разновременно в различных местах фронта и тыла. По замыслу инициаторов, конференция должна была выработать стройный, организованный характер еврейской солдатской организации. На конференции были многочисленные представители армий фронтов и даже отдаленных гарнизонов, таких как Сызранский, Саратовский, Нижегородский и др. Конференция была открыта под председательством капитана английской службы И. В. Трумпельдора, при активном участии чиновника военного ведомства Г. Л. Авербаха (Одесса), вольноопределяющегося И. Я. Гоголя (Киев). Конференция обратилась с приветствием к Временному правительству, ЦИК Советов и Центральной Раде. Были заслушаны доклады с мест об организации Всероссийского Союза евреев-воинов и другие вопросы. Возмущение конференции

---

[504] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 22, л. 32; «Разсвет», № 10—11, 20 сентября 1917 г.; «Разсвет», № 7, 20 августа 1917 г.; «Разсвет», № 14, 11 октября 1917 г.; «Еврейская Рабочая Хроника», 14 сентября 1917 г.

вызвал доклад о погромной стихии по всей стране. Конференция разработала план создания «Всероссийской еврейской самообороны» под эгидой Союза евреев-воинов. Конференция обратила внимание Временного правительства на необходимость осуществления свободной эмиграции евреев из России и решения национальных «проблем еврейского народа». Собравшиеся делегаты сочли необходимым созыв Всероссийского еврейского войскового съезда до открытия Всероссийского еврейского съезда. Для реализации этих задач был избран Временный Центральный Комитет Всероссийского Союза евреев-воинов (ВЦЕКОВСЕВ), куда вошли И. Я. Гоголь, Х. В. Фрейнкин, А. А. Авербух, И. Л. Шильман, Х. М. Шнеерман и И. В. Трумпельдор, который был намечен конференцией в качестве комиссара при военном министерстве. Временный Центральный Комитет был пополнен двумя представителями от Киева, по одному от Петрограда, Одессы, Нижнего Новгорода, Елизаветграда, а также от армейских и корпусных организаций фронта. Конференция выразила надежду, что все еврейские солдаты «без различия партий» заложат фундамент организации на местах, что является актом первостепенной важности для всего еврейского народа.[505] 1 октября 1917 г. состоялось заседание Совета Союза евреев-воинов Петроградского гарнизона. В связи с погромной стихией Союз решил обратиться к Временному правительству через особую делегацию во главе с председателем этой организации проф. С. О. Грузенбергом. 3 октября заместитель министра-председателя А. И. Коновалов принял делегацию в Зимнем дворце. Делегация обратила внимание на последние еврейские погромы в Тамбове, Козлове, Бендерах в то время, когда еврейство России выделило из своей среды до 500 тысяч борцов за родину. Делегация настаивала на создании на местах отрядов самообороны. Члены делегации подчеркивали, что в настоящее время резко возросла тенденция организации добровольческой еврейской армии. Коновалов заявил, что Временное правительство озабочено создавшимся положением и хотело бы пойти навстречу пожеланиям делегации. Делегация посетила также ЦИК Советов и беседовала с Н. С. Чхеидзе и А. Р. Гоцем.[506] 20 октября представитель Союза евреев-воинов И. В. Трумпельдор на заседании солдатской секции Петроградского Совета довел до сведения собравшихся, что солдаты-евреи гарнизона постановили ор-

[505] «Разсвет», № 20—21, 13 декабря 1917 г.; «Разсвет», № 5, 24 февраля 1918 г.

[506] «Разсвет», № 14, 11 октября 1917 г.; «Еврейская Неделя», 8 октября 1917 г.

ганизовать самооборону.[507] Создание отрядов самообороны мы видим и в других гарнизонах. Таким образом, одной из форм еврейского национально-освободительного движения в армии было создание отрядов самообороны. Союз воинов-евреев 12-й Армии 15 октября вынес также решение о создании самообороны. Были вынесены соответствующие резолюции на собрании воинов-евреев 12-й, 41-й, 32-й и 16-й дивизий, где обсуждался вопрос о еврейских погромах.[508] В октябре на съезде евреев-солдат 12-й Армии эти вопросы самозащиты евреев также нашли свое отражение, как и в ряде гарнизонов в сентябре и октябре (Одесса, Симферополь, Петроград, Саратов, Киев и др.)[509] Ряд съездов солдат-евреев непосредственно в частях рассматривал целый ряд актуальных политических вопросов — организации и устава евреев-воинов, защиты и охраны гражданских и национальных интересов народа, созыв Всероссийского и Всемирного еврейских съездов и вопросы возрождения Палестины. Такова, например, была повестка дня съезда евреев-воинов 5-го Сибирского армейского корпуса.

Следует отметить, что эти съезды сопровождались выступлениями бундовцев против создания еврейского национального очага в Палестине. Характерным в этом отношении было выступление бундовца Абрамовича в начале октября в организации евреев-солдат 5-го пехотного запасного полка.[510] Все же в целом следует признать, что еврейское национально-освободительное движение в армии протекало слабо, и за период сентября—октября не было проведено ни одного фронтового съезда. На Кавказском фронте, в районе Трапезунда мы видим в это время только еврейские солдатские кружки под эгидой еврейской с.-д. партии «Поалей-Цион», а на Румынском фронте комиссар Э. Тизенгаузен отмечал, что еврейская организация «крайне слабая — имеет свои ячейки в двух армиях». Во 2-й Армии при армейском комитете в октябре был образован т. н. «Евреком» — еврейская культурно-просветительная комиссия, создававшая солдатские кружки и т. п.[511] В значительной мере эта слабость еврейского национально-освободительного движения вытекала из специфики значительного участия еврейского народа в революционном движении крупнейших политических партий России. Так, на указанной уже нами Киевской конференции, по словам корреспондента газеты, были пред-

---

[507] «Биржевые Ведомости», 21 октября 1917 г.

[508] «Разсвет», № 17—18, 22 ноября 1917 г.

[509] «Разсвет», № 20—21, 13 декабря 1917 г.; «Еврейская Неделя», № 45—46, 12 декабря 1917.

[510] «Разсвет», № 20—21, 13 декабря 1917 г.

[511] «Разсвет», № 20—21, 13 декабря 1917 г.; «Трапезундский военный листок», 10 октября и 22 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2015, д. 57, л. 374.

ставлены течения «от меньшевиков-оборонцев до большевиков» и «от сионистов до бундовцев».[512]

Рассматривая ход национально-освободительного движения в этот период, следует признать, что наиболее мощным по охвату населения и численности его участников было украинское движение, которое в борьбе за свое федеративное существование в составе России взяло на себя инициативу объединения стремления других народов к национальной автономии. Об этом свидетельствует созванный по инициативе Центральной Рады съезд представителей народов и областей России, в Киеве (8—15 сентября 1917 г.). На съезд прибыло 93 делегата, представлявших многие национальности России (украинцы, белоруссы, латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Съезд высказался за федеративное устройство России и национальную автономию отдельных областей. Съезд создал «Совет Народов», председателем которого был избран М. Грушевский. На съезде за самостоятельное существование выступил и представитель Союза Казачьих войск Иванов.[513] Хотя этот съезд и его решения в целом носили прогрессивный характер, напоминая о нерешенности и в послефевральской России национального вопроса, все же здесь выявились и теневые стороны, так как Центральная Рада в своих политических расчетах поддерживала и местное областничество казаков, которые не представляли собой отдельной нации, и в их намерения входило ограждение своих территорий от аграрного напора крестьянства. Однако под эгидой Центральной Рады в армии проводилась политика объединения национальных сил. Так, во второй половине сентября на Румынском фронте по инициативе войсковых органов Рады была созвана конференция национальных войсковых организаций Ясского района. На конференции присутствовали по 3 делегата от польской, украинской, молдавской и других военных организаций.[514]

После поражения Корниловского движения процесс распада русской армии, как уже сказано, шел ускоренным темпом. Вражеское командование было прекрасно осведомлено о состоянии русской армии, и, как отмечал начальник австро-венгерской разведывательной службы, «наша цель была достигнута: русская армия в любом отношении не была способна к . . . наступлению»[515]

---

[512] «Еврейский Путь» (г. Екатеринослав), № 3, 19 ноября 1917 г.

[513] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 237, 238, 239, 246; Революционное движение в России в сентябре 1917 г., стр. 527, 528; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 415об.

[514] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 374об.

[515] Gen. Max Ronge. Op. cit., ss. 316, 317.

Австро-германское командование делало все от него зависящее, дабы использовать братание в своих интересах. Даже член Петроградского Совета видный большевик Мостовенко, посетивший фронт, так и заявил на VI съезде РСДРП(б), что «побывавши на фронте, я убедился, что организация братания идет со стороны немцев . . .» Он отмечал, что братание совершенно дезорганизует армию.[516] Комитеты в силу создавшейся обстановки были бессильны пресечь братание, несмотря на их отчаянную борьбу с этим явлением. На августовском совещании представителей фронтовых и армейских комитетов видный меньшевик Кучин отмечал, что «не было ни одного комитета, который бы не принимал участие в борьбе с разлагающим братанием». Он подчеркивал, что если комитеты не спасут армию, то не спасет ее и командный состав.[517] Как характерное явление следует отметить, что для преобладающего числа братаний доминировала именно немецкая инициатива, свидетельствовавшая о крайней заинтересованности в проведении братания со стороны австро-немецкого командования. Комиссар Румынского фронта Э Тизенгаузен в своем сентябрьском донесении начальнику политического управления военного министерства так и отмечал, что почва для братания подготовлялась немцами. Тизенгаузен ссылался на имеющийся в его распоряжении приказ № 2098 по неприятельской армии группы ген. Герока об организации пропаганды среди русских и румынских войск, целью которой являлась дезорганизация противника и получение соответствующих сведений. Мероприятия врага в этой области предполагали заброску газет в русские окопы и передачу их братающимся солдатам (газ. «Неделя», «Товарищ»), передачу воззваний, устную пропаганду и организацию специальных постов для сбора разведывательных сведений и т. п.[518] Как ранее, так и в сентябре—октябре противник, согласно общей сводке Ставки, «на многочисленных участках нашей армии . . . упорно стремится вызвать братание, что ему мастерски удается».[519] Командование противника предлагало продолжать «контакты с русскими дивизиями», т. е. братание и разведывательную деятельность. Особенно успешно шли эти шпионско-диверсионные контакты с русскими 12-й, 64-й, 79-й 166-й и другими дивизиями, а с 32-й пехотной русской дивизией контакты были ежедневными.[519а] В 11-й Армии Юго-Западного фронта солдаты 14-го Олонецкого и 16-го Ладож-

---

[516] VI съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958, стр. 85.
[517] «Новая Жизнь», 17 августа 1917 г.
[518] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 362, 362об.
[519] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 527, л. 346об.
[519а] Kriegsarchiv. 3. A. K. F 585. Dok. 3702.

ского полков 30 сентября вышли на братание по вызову немцев. Такая инициатива противника предпринималась как в отношении больших групп русских солдат, так и в деле вовлечения в братание отдельных солдат.[520] 21 октября большая группа немцев во главе с офицером пыталась вызвать братание, бросая русским солдатам папиросы, газеты. В 41-м Сибирском стрелковом полку солдаты Бородулин и Субботин ушли к немцам и вернулись только на другой день, и на допросе заявили, что в штабе немецкого полка с ними беседовал немецкий генерал.[521] В канун вооруженного выступления большевиков в Петрограде, братание стало обычным явлением на четырех европейских фронтах. В сводке донесений о настроении армии с 15 по 30 октября, составленной Ставкой, отмечалось, что братание происходит и «по всему Румынскому фронту». На Каменец-Подольском направлении, в районе села Бортиковцы (севернее Хотина), русской артиллерией была отогнана большая группа австрийских солдат-братальщиков, состоявшей из 30 человек.[522] В 10-й Армии Западного фронта, на участке 38-го армейского корпуса, у местечка Крево, началось по инициативе немцев широкое братание. Немцы вышли из окопов с белым флагом, после чего к ним подошло много русских солдат 348-го пехотного полка. На Юго-Западном фронте с сентября на ряде участков открытое братание проходило почти ежедневно, как сообщал об этом командир 1-й Туркестанской дивизии. На Западном фронте с 10 сентября и в октябре солдаты 63-го Сибирского стрелкового полка беспрерывно выходили на братание с белыми флагами, что делали и солдаты соседнего 526-го полка. На этом же фронте в частях 35-го армейского корпуса в районе Стаховцы, командование отмечало беспрерывное братание, и никакие убеждения не влияли на солдат.[523] В сентябре—октябре разлагающее части братание приобретает массовый характер. По далеко не полным сведениям, содержавшимся в донесениях командиров и комиссаров, в октябре говорилось о 53-х случаях братания. Теперь братающиеся солдаты прибегают уже к изоляции артиллеристов и наблюдательных пунктов последних. Для предотвращения обстрела, солдаты зачастую прибегали и к арестам артиллеристов.[524] О массовости братания говорят и очевидцы со-

---

[520] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 32, лл. 6062; Там же, д. 66, л. 3.

[521] Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. док., с тр. 538.

[522] Разложение русской армии в 1917 году, стр. 144; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 170.

[523] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 263; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 43, 59; Революционное движение в России в сентябре 1917 г., стр. 423, 424.

[524] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, л. 101; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 91, л. 59 и др.

бытий. Как писал в своем дневнике ген. В. Болдырев, в октябре в 152-м и 67-м полках на Северном фронте братание шло «полным темпом».[525] В октябре в братании участвуют не только отдельные солдаты, но в это движение вовлекаются зачастую корпуса. Так, командование отмечало братание на позициях всего 1-го Сибирского корпуса, в 19-м корпусе и др.[526] В борьбе с губительным братанием, командование и комиссары пытались применять репрессии. Однако карательные меры далеко не всегда можно было использовать, ввиду отсутствия в руках командования реальной силы. Характерно в этом отношении сообщение комиссара 7-й Армии, где говорилось о невозможности применения репрессий, так как этому мешало «отсутствие средств воздействия и дезорганизация судов».[527] Помощник комиссара 2-й Армии Юго-Западного фронта Цветков попытался было в сентябре приостановить массовое братание в 15-м Шлиссельбургском полку 4-й пехотной дивизии, где, по сообщению командования, «настроение было тревожное». Но комиссар был встречен солдатами враждебно, на него было совершено нападение и последовало избиение.[528] Жаждущая мира темная масса солдат все больше верила убеждениям большевиков, что братание необходимо, что оно может ускорить мир. Начальник штаба 5-й Армии ген. Попов 20 октября доносил фронтовому начальству об усилении братания и о росте подобных взглядов среди солдат.[529] Таким образом, неудачи командования в борьбе с братанием определялись и психологическим настроем солдат против войны, и все большим проникновением на фронт большевистской пропаганды за братание и против войны. Это было очевидным фактом, который констатировался и Ставкой в октябре 1917 г.[530] Немалое значение в деле усиления влияния демагогических лозунгов большевиков о мире среди солдат имело наличие авторитета Петроградского и Московского Советов, которые после трагического, неизбежного поражения меньшевиков и эсеров, после переворота стали рупором и орудием большевиков.[531]

Победа большевиков в столичных Советах послужила по существу отправной точкой для их атаки на комитеты в армиях в целях устранения из солдатских выборных организаций меньше-

---

[525] «Красный Архив», № 4 (23), 1927, стр. 270.

[526] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 13, л. 49; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 200.

[527] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 141.

[528] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, л. 105; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 191, 191об., 195.

[529] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Док. и мат., стр. 411, 412.

[530] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, л. 104.

[531] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 4, д. 36, л. 60.

виков и эсеров и обольшевичивания комитетов, так как без этого сторонники Ленина не могли завоевать солдатскую массу и захватить власть в армии. Для дезорганизации армии наиболее серьезным видом нарушения воинского долга и дисциплины, свидетельствовавшем о действительном падении боеспособности, как справедливо считала и Ставка, было братание с противником. В объяснительной записке военно-политического отдела штаба Ставки о состоянии армии в октябре так и указывалось, что «В целом ряде таких нарушений самым важным является, несомненно, братание с противником, так как, с одной стороны, оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины, вызывая целый ряд эксцессов и осложнений».[532]

Вот почему большевики так настойчиво ухватились за проведение братания. Но на пути Ленина и его сторонников, стремящихся к полной дезорганизации фронта путем форсирования братания, выражения недоверия и устранения командиров, проповеди выборности командного состава — стояли избранные демократическим путем комитеты, которые ценой неимоверных усилий пытались удержать фронт от окончательного распада. По указанию из ЦК и на основе решений о взятии власти, армейские большевики бросили в массы призыв о переизбрании, а то и устранении «соглашательских» комитетов, которые ставят преграды на пути к долгожданному миру. Так, Северо-Западная конференция РСДРП(б) 5—7 октября вынесла резолюцию о перевыборах Советов, комитетов и рекомендовала соответствующую тактику партии. Резолюция указывала, что ближайшей задачей является взятие власти, и что в первую очередь надлежит переизбрать армейские комитеты[533] Большевистская газета «Солдат» обратилась с широким призывом к массам переизбрать армейские комитеты, так как последние де не отражают настроения фронтовиков. Это необходимо, утверждала газета, в связи с тем, что меньшевики и эсеры срывают съезд Советов и т. д. Необходима чистка войсковых комитетов, и все меньшевики и эсеры-оборонцы должны быть устранены из комитетов. Об этом твердили и «Отклики Правды», и «Окопный Набат», и др. печатные органы большевиков.[534] Теперь перевыборы комитетов стали давать перевес большевикам, что отмечалось Ставкой как общее явление. Полковые и высшие комитеты на Северном фронте заявляли уже о

---

[532] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 70об.

[533] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания, стр. 44.

[534] «Солдат», 18 октября 1917 г.

том, что они утрачивают доверие и бессильны противодействовать этому, и на Северном фронте начались массовые перевыборы комитетов. Особенно это касалось 5-й Армии фронта.[535] Также на Западном фронте проходила яростная агитация большевиков. Комиссар Западного фронта Жданов особо отмечал, что агитация в первую очередь была направлена «против комиссаров и комитетов». Солдатами охотно воспринимались здесь демагогические лозунги большевиков о выборности командного состава, за мир во что бы то ни стало и др.[536] Во 2-й Армии фронта, как сообщало командование, большевики энергично агитировали за «устранение лояльных комитетов». Последние свергались или путем «перевыборов» или же под давлением солдат сами слагали свои полномочия.[537] По сведениям командования, в 3-й Армии в результате перевыборов, в полковые комитеты проходили «в огромном числе» большевики, не скупившиеся на обещания о заключении мира. В комитетах 2-й Армии Западного фронта в результате солдатского нажима оказались «большевики и демагоги».[538] На Юго-Западном фронте также продолжало усиливаться массовое недоверие комитетам, ввиду их энергичной деятельности по удержанию дисциплины на фронте и несогласием с рядом нелепых требований солдатской массы. В результате многие комитеты в конце концов сложили свои полномочия.[539]

На Юго-Западном фронте процесс захвата большевиками комитетов не везде протекал с одинаковой силой, и вообще этот процесс затянулся. На Румынском же фронте в силу определенной специфики, нахождения значительной части его сил на румынской территории, старые армейские комитеты продолжали функционировать. Только в 8-й Армии фронта существовавшие корпусные и дивизионные комитеты уже не пользовались влиянием, а низовые часто обновлялись под давлением солдатской массы.[540]

В октябре уже стало общим явлением, в первую очередь на Западном и Северном, а в определенной степени и на Юго-Западном фронте и в 8-й Армии Румынского фронта, «низшие комите-

---

[535] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, лл. 27, 104 и др.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 50, л. 50.

[536] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1506, лл. 113, 113об.

[537] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, лл. 262, 262об. и др.

[538] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, лл. 1—5; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 188, лл. 250, 251, 252.

[539] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 29, л. 28; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, л. 5; ЦГВИА, ф. 2178, оп. 2, д. 31, л. 230 и др.

[540] М. С. Френкин. Указ соч., стр. 160, 162, 163, 213, 215.

ты, как указывала сводка Ставки, — бездумно поддаются влиянию массы, не руководят ею, а идут за ней».[541]

Достижения большевиков по захвату позиций в т. н. «переизбранных» Советах и комитетах учел враг и весь свой пропагандистский аппарат бросил на помощь своей естественной агентуре — большевикам. В первых числах октября командующими вражескими армиями на Восточном фронте был получен, согласованный с австро-венгерским командованием, особо секретный циркуляр за подписью ген. Э. Людендорфа, в котором указывалось на необходимость дальнейшего продолжения братания и использования новых аргументов в беседах с русскими солдатами в целях дальнейшего расшатывания русского фронта и ускорения падения Временного правительства. Согласно нового курса врага (Neue Richtlinien), австро-немецкие пропагандисты указывали на встречах с русскими солдатами, что де Временное правительство не учитывает мирных стремлений народа и продолжает старую царскую экспансионистскую политику на службе Антанты. Временное правительство, указывали проинструктированные австро-германские «братальщики», повинно в организации наступления, которое стоило народу столько напрасных жертв и привело несмотря на это к потере Галиции, части Буковины, Риги и Эзеля. «Братальщики» врага подчеркивали, что Временное правительство теперь снова урезывает, данные революцией, права солдат введением смертной казни на фронте и ограничением деятельности комитетов. В то же время комитеты являются теперь защитниками солдат, и не случайно монархист ген. Корнилов, поддержанный офицерским корпусом, кадетской партией и Антантой, являлся врагом Советов. В связи с этими обстоятельствами, отмечали вражеские «братальщики», русские части на фронте должны оказывать всяческую поддержку не Керенскому, а своим солдатским организациям, так как окончание войны связано с победой Советов.[541a] Как видим, пропагандистские доводы врага и большевиков были связаны самым теснейшим образом.

В результате усиления позиций большевиков последние в ряде переизбранных комитетов уже пытаются наладить т. н. «организованное братание» в целях усиления эффективности этого движения в своих политических интересах. Так, на заседании представителей комитетов 38-й пехотной дивизии 5-й Армии 17 октября была вынесена большевистская резолюция о разъяснении солдатам необходимости «организованного братания».[542] Об

---

[541] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 54.

[541a] Kriegsarchiv. AOK. 1917. Op. geheim. Nr. 413.

[542] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 23; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 71об.

ужасающей степени деморализации армии свидетельствовало и «обменное» братание между русскими и немецкими солдатами на всем протяжении фронта от Балтики до Черного моря (хлеб, сахар, табак, мыло, спиртное и т. п.).[543] На Кавказском фронте братание по-прежнему не имело успеха, несмотря на все усилия противника. Турки распространяли прокламации с обращением к полякам, грузинам и украинцам, в которых содержались призывы освободиться от оков угнетающих их «московитов».[544]

Показателем окончательного развала действующей армии в октябре, кроме братания, являлись случаи самовольного оставления позиций, неисполнение боевых приказов, отказ от ведения занятий и выполнения работ, аресты и насилия над командным составом и обсуждение приказов. Солдатские массы настаивали на мире во что бы то ни стало и заявляли, что ввиду плохого питания, отсутствия теплого обмундирования, особенно сапог, отсутствия пополнений, они отказываются оставаться на фронте. Как констатировал военно-политический отдел штаба Ставки в своем обзоре положения армии за октябрь, все лишения, испытываемые действующей армией, были той почвой, на которой отмечалось «развитие в армии ... большевистского течения, усилившегося в последнее время ...». Из лозунгов большевиков, отмечал военно-политический отдел, солдаты воспринимали доступные им требования мира, передачи власти Советам и земли крестьянам. Штаб Западного фронта отмечал в своих донесениях, что все эти невзгоды солдат создали ту «быстроту и легкость», с которой многие части открыто приняли сторону большевиков».[545]

Последней преградой на пути стремления большевиков к дезорганизации армии были комитеты Февральской революции. Падение этих комитетов под ударами т. н. «переворотов», зачастую фиктивных, сложение ими полномочий под давлением распропагандированных большевиками солдат, означало уже распад фронта со всеми вытекающими отсюда последствиями. Большевистский октябрьский мятеж в Петрограде произошел уже в условиях окончательного распада действующей армии.

В этих условиях выдвигались запоздалые уже проекты и предложения, которым не было суждено воплотиться в жизнь. Эти проекты касались реорганизации армии, сокращения ее штатов, поднятия боеспособности и предотвращения по существу уже

---

[543] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, л. 51 и др.

[544] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, л. 24; ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 39, л. 27, 162; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 279, лл. 410, 420.

[545] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 72об., 73 об., 74, 74об., 75, 75об., 76.

наступившего финансового краха. Председатель «комиссии по сокращению штатов» ген. Илькевич в своем письме от 28 сентября 1917 г. на имя начальника штаба Ставки отмечал, что тяжелым грузом на шее страны висят разбухшие штаты учреждений, обслуживающих армию. Он отмечал, например, что из 914 учреждений Западного фронта, комиссия нашла нужным сохранить только 432. Ген. Илькевич указывал, что ближайший тыл армии непомерно разросся сравнительно с численностью боевого элемента на позициях. По сведениям главного интендантства, в среднем, к 1 сентября на 1 бойца приходилось 4 человека тыловых служб. Этих лишних «ртов» набиралось свыше 2,5 млн человек. Даже в непосредственном войсковом тылу, перед позициями, на 1 бойца приходилось в среднем 2,5 «рта». Генерал настаивал на сокращении всего этого ненужного штата, и предлагал расформировать большинство третьеочередных дивизий и уменьшить штаты армии на 24 генерала, 236 штаб-офицеров, 200 обер-офицеров, 2 000 чиновников и врачей. План сокращения ген. Илькевича предусматривал одновременное сокращение 150 военных транспортов, 163 артиллерийских парка, 350 гуртов, 22 дружин государственного ополчения и т. п.[546] Начальник штаба Главковерха ген. Дитерихс в сентябре разработал «основную программу» поднятия боеспособности армии, в которой основным ее содержанием стало требование повышения авторитета начальника, который, по утверждению автора, являлся «представителем правительства», и лица, не выполняющего его приказов, могут быть по приказу начальника расстреляны. Комиссарам ген. Дитерихс отводил роль помощника командира по началам гражданственности. Компетенция войсковых комитетов не должна распространяться дальше «содействия» начальнику. Дитерихс предлагал усилить закупку вооружения в США. Одновременно он предлагал проект создания «Всероссийского Добровольческого Союза», включающего волонтеров из состава военнослужащих тыла и т. п. Как видим, программа ген. Дитерихса в условиях сентября 1917 г. звучала архаически и свидетельствовала о политическом недомыслии ее автора. 25 сентября ген. Духонин предложил эту программу на рассмотрение Верховного Главнокомандующего.[547] Изверившись в возможности оздоровления русской армии, ген Духонин выдвинул идею формирования добровольческой армии, и подготовительная работа, как он уведомлял Керенского, была начата ... 23 октября 1917 г. Еще до этого, именно 16 октября, ген Духонин представил пись-

---

[546] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 28, лл. 34, 34об., 36, 37.

[547] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 95, лл. 2, 3, 4, 14, 17; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 90, л. 74.

менный доклад А. Ф. Керенскому, который был утвержден в тот же день. В докладе ген. Духонин характеризовал русскую армию как переживающую «форму хронической болезни». Ни одно мероприятие по ее оздоровлению не будет воспринято солдатской массой и последуют «дикие эксцессы» между командирами и солдатами. Генерал считал, что необходимо создать новую армию на добровольческих началах, т. е. «совершенно новое тело». Эта новая армия должна быть основана на началах территориальности (землячества) и ограждена от проникновения пораженцев. Главная масса новой армии должна состоять «из добровольцев и охотников». С наступлением зимы, в целях финансовой экономии, следует совершенно расформировать старые «больные части». Ген. Духонин считал возможным сократить и некоторое число фронтовых частей, так как противник держит против русских «только сторожевое охранение». Генерал указывал в докладе, что даже «частые отходы назад» не могут оказать существенного влияния в течение зимы на общее положение на фронте. Сроком окончательной организации новой армии генерал считал двадцатые числа ноября 1917 г,, «когда уже вполне определится направление Учредительного Собрания». Генерал предлагал сохранить «революционные георгиевские батальоны». Духонин указывал в докладе, что в связи с общеполитическим положением, «создавшемся ныне в России, я не могу допустить мысли о мире».[548] Таким образом, признавая невозможность оздоровления армии, которая по существу как боевой организм уже не существовала, ген. Духонин и Керенский по-прежнему упорно стояли на позициях продолжения войны, в то время, когда ее уже было невозможно вести из-за отсутствия армии. В своем письме от 12. X. 1917 г. премьер-министру Англии Д. Ллойд- Джоржу А. Ф. Керенский писал о продолжении войны Россией и о реорганизации для этой цели русской армии путем изменения структуры армии и ее сокращения. С целью проведения этой реорганизации Временное правительство, писал Керенский, «назначило меня главнокомандующим и передало одновременно военное министерство в руки молодого военного, который должен был вместе со мной привести в исполнение программу военных мероприятий».[549] Под молодым военным А. Ф. Керенский подразумевал генерала А. И. Верховского, с чьим именем был связан план реорганизации армии. Однако ген. Верховский потерпел неизбежное фиаско в своих усилиях, так как Временное правительство во главе с Керенским стояло за продолжение войны, приковав себя к колеснице

---

[548] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 95, лл. 11, 11об., 12, 12об., 13.

[549] «Исторический Архив», № 4, 1961 г., стр. 103, 104.

союзников, и смелые, но необходимые меры ген. Верховского встретило в штыки. Как писал один из комиссаров Временного правительства В. Шкловский, новый военный министр «был человек решительный, инициативный, с нервами, с напором», но его смелые предложения не могли быть реализованы, и генерал Верховский «буксовал» на месте.[550] 20 октября на заседании предпарламента генерал с цифрами и фактами убедительно доказывал полную материальную и морально-политическую невозможность продолжения войны для русской армии и требовал крутого перелома во внешней политике страны в сторону мира. Верховскому резко возражал министр иностранных дел М. И. Терещенко, который в канун большевистского мятежа удосужился написать послу России в Риме о мерах по активизации русской армии на Юго-Западном и Румынском фронтах для облегчения положения Италии. Как отмечал Керенский, Верховский доказывал необходимость заключения мира даже в случае несогласия на это союзников.[551] Мало того, А. И. Верховский обоснованно указывал, что вся сила большевиков заключается главным образом в том, что они сулят солдатским и рабочим массам заключение мира, уверяя, что нынешняя правительственная власть не в состоянии дать народу эти блага. Ген. Верховский призывал вырвать это оружие из рук большевиков.[552] Следует признать, что это был единственный министр Временного правительства, который трезво оценил обстановку, проявил ее понимание, но не был в состоянии провести в жизнь свои предложения в силу сопротивления Временного правительства и запоздалости его начинаний. В то же время, вместо немедленного проведения земельной реформы, лидеры меньшевиков и эсеров занимались обещаниями и пустословием. Так, Чернов на митинге солдат и матросов в Ревеле в августе, в оправдание затягивания разрешения аграрной проблемы, пытался доказывать массе, что «Реформа сложна и требует учета отраслей сельского хозяйства».[553] Как реагировали фронтовики на это оправдание, свидетельствует характерное письмо солдат 10-й Армии министру земледелия С. Л. Маслову в конце сентября: «Нам обещали землю, но теперь видно, что дать ее не хотят».[554] Министр Маслов в беседе с представителями печати сообщил, что законопроект о земле он вынес на рассмотрение Временного правитель-

---

[550] В. Шкловский. Революция и фронт, стр. 72.

[551] «Записки Революции». Кн. первая. Берлин—Москва, 1923. Ф. Дан. К истории последних дней Временного правительства, стр. 169.

[552] «Русская Неделя», 22 октября 1917 г.

[553] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 149.

[554] Революционное движение в России в сентябре 1917 г., стр. 448, 449.

ства только 11 октября. Он заявил о необходимости «доведения земельного фонда до Учредительного Собрания» в полной сохранности, и что земельные комитеты выходят под давлением крестьянства «из пределов, предоставленных им прав».[555] Ф. И. Дан на заседании Петроградского Совета 11 сентября в полемике с большевиками выступил против немедленного перехода помещичьей земли в руки крестьянства, и всячески доказывал, что там, где произошел этот захват, земли оказались в руках кулаков и богачей.[556] Ник. Суханов, касаясь состояния земельной проблемы, указал, что этот вопрос «застопорился» в верхах, в то время, когда волнения низов достигли крайних пределов, а по России «катится волна погромов, чинимых жадными и голодными мужиками».[557] В этих условиях обильную политическую жатву собирали большевики, организационно окрепшие благодаря щедрой немецкой помощи. Как утверждал в своей телеграмме от 29 сентября представитель германского министерства иностранных дел при главной штаб-квартире статс-секретарь Кюльман, «большевистское движение никогда бы не достигло такого размера и влияния ... без нашей постоянной поддержки». В другом документе Кюльман с основанием утверждал, что без постоянного притока германских финансовых средств, плывущих к большевикам по разнообразным каналам, большевики были бы не в состоянии увеличивать огромные тиражи «Правды», вести энергичную пропаганду и существенно расширить первоначальную узкую базу своей партии. Только в начале ноября на поддержку большевиков немецкий министр иностранных дел предоставил 15 млн марок.[558]

В конце октября перед страной по-прежнему стояли основные нерешенные проблемы революции — земельный вопрос и немедленное заключение мира. На политическую арену в качестве победителей вступали могильщики Великой Февральской революции — большевики, которые демагогически убеждали массы, что только они способны дать исстрадавшимся солдатам, крестьянам и рабочим мир и землю.

---

[555] «День», 18, октября 1917 г.

[556] «Историк-Марксист», т. 22. М., 1931, стр. 31.

[557] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. шестая. Берлин—Петроград—Москва, 1923, стр. 73, 74.

[558] Germany and the Revolution in Russia (1915—1918). Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958. Doc. doc. 71, 75, 94 и др. Edited by Z.A.B. Zeman.

ГЛАВА VII

УСПЕХ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ПЕТРОГРАДЕ И ЕГО ВАЖНЕЙШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА ФРОНТАХ. РОЛЬ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ. ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ НА ФРОНТЕ. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ АРМИИ. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСПАД АРМИИ И БРЕСТСКИЙ МИР (ОКТЯБРЬ 1917 — МАРТ 1918 ГГ.)

Политически рыхлый Петроградский гарнизон на всем протяжении революции проявлял неизбежные колебания, отражавшие всю гамму настроений своего преобладающего состава. Его многочисленность и нахождение в главном политическом, административном и промышленном центре страны сделали части столичного гарнизона крупнейшим козырем развертывающейся политической игры. Многие крупные политические деятели пытались подлаживаться к столичному гарнизону, курили ему фимиам и в то же время с полным основанием не доверяли и опасались его. В этом отношении большевики не были исключением. Много тревог принес большевикам апрель, когда только Петроградский Совет сумел оградить Ленина от ареста солдатами Волынского полка столицы и группой матросов за принадлежность его к «германской ориентации». Петроградский Совет выбрал даже специальные делегации в составе Н. Суханова, Богданова, Венгерова, Климчинского и меньшевика Войтинского, которым было поручено провести разъяснительную работу среди солдат и матросов Петрограда для предотвращения ареста Ленина.[1] Главари большевистской «Военки», в частности В. И. Невский, работавшие в солдатской гуще столичного гарнизона, не без основания во время июльского мятежа совершенно сознательно не пустили в ход половину частей гарнизона (Семеновский, Преображенский, Егерский и др. полки). На заседании Петроградского Комитета большевиков 15 октября 1917 г. В. И. Невский так и отметил, что «солдатская масса самая ненадежная». Этот лидер большевистской военной организации указывал, что в Красном Селе, где имелась большая партийная оргнизация, по его данным, из 5 000 солдат по зову большевиков в Петроград придут не более 500, а остальные «останутся в Красном Селе выжидать».[2] Другой лидер большевистской

[1] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполкома и бюро Исполкома. М.—Л., 1925, стр. 100, 101.

«военки» — Н. Подвойский, считал, что у большевиков много «недоделок» в Петроградском гарнизоне и что выступившие в июле полки — Гренадерский, Павловский, Московский, 1-й запасной и др. частично раскассированы, деморализованы и выступят, только поверив в выступления других частей гарнизона. Особенно сомнителен ранее ненадежный состав Преображенского и Семеновского полков. Антонов-Овсеенко на совещании в конспиративной квартире на Выборгской стороне на вопрос Ленина ответил, что «он не берется уверенно судить о Петроградском гарнизоне».[3] Председатель Петроградского Совета и член ЦК большевиков Л. Д. Троцкий отмечал, что некоторые войсковые части гарнизона столицы оставались зараженными «острым недоверием к большевикам», но в течение сентября недоверие сменилось сочувствием, и в худшем случае «выжидательным нейтралитетом». Это сочувствие не было еще окрепшим, и солдаты с крестьянским недоверием и подозрительностью ставили перед собой вопрос — не обманут ли большевики, дадут ли на самом деле мир и землю? Троцкий отмечал и нейтрализм в июльские дни «отсталых гвардейских батальонов» — Преображенского, Семеновского, Измайловского, которые объявили себя нейтральными, сидели в казармах и выжидали.[4] В. А. Антонов-Овсеенко отмечал, что в октябре команды некоторых миноносцев и подводных лодок были мало надежными. Свеаборгские артиллеристы пребывали в плену «у соглашателей». Колеблющийся гарнизон Петропавловской крепости только в канун большевистского мятежа распропагандировали Л. Троцкий и М. Лашевич.[5]

Совершенно очевидным был факт, что даже готовые сражаться на стороне большевиков солдаты Петроградских запасных частей тонули в огромной инертной или выжидающей массе своих сотоварищей. Однако большевики, положившие в основу своей лихорадочной и упорной агитации доступные и желательные для солдат лозунги о мире, хлебе и земле, сумели к октябрю настроить гарнизон против Временного правительства и сделать значительную его часть если не враждебной Керенскому, то во всяком случае привести в состояние «благожелательного нейтралитета» по отношению к большевикам. Как писал Н. Суханов, почва для этой работы большевиков была «необыкновенно благоприятна»,

---

[2] «Красноармеец», № 10—15. Петроград, 1919, стр. 40; Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. Сб. док. М.—Л., 1922, стр. 311, 312.

[3] Н. Подвойский. Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний). М., 1957, стр. 42, 43.

[4] Л. Троцкий. История русской революции, т. П. Берлин, 1933, стр. 66, 99.

[5] «Красноармеец», № 10—15. 1919. Отрывки из воспоминаний В. А. Антонова-Овсеенко, стр. 28, 29, 30.

а задачи отрядов агитаторов Ленина «были крайне легки и общедоступны». Лидер большевиков больше всего надеялся на рабочую Красную гвардию и матросов как на ударную силу восстания. Все же большой победой большевиков явилось их внедрение в гарнизонную гущу солдат и крайне необходимая нейтрализация основной массы последних, которые, по определению Суханова, в сравнении с красногвардейцами и матросами в боевом отношении были значительно хуже и менее надежны.[6] Однако эта победа большевиков в деле овладения гарнизоном столицы покоилась на формуле и лозунге невывода Петроградского гарнизона на фронт. Это явилось основой братания солдат Петроградских частей и сторонников Ленина.

Вся большевистская стратегия и тактика, подчиненная основной цели — захвату власти, строилась на повсеместном невыводе гарнизонов на фронт и, главное, невыводе столичных гарнизонов Петрограда и Москвы. Насколько это было важно для большевиков в целях заполучения политической поддержки со стороны солдат, свидетельствует секретное письмо Ленина от 27 сентября на имя председателя Областного Комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилги. В начале письма В. И. Ленин советовал не забывать, что «История сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*». Лидер большевиков указывал Смилге, что большевики в создавшейся обстановке «*вполне*» могут иметь в своих руках русские войска в Финляндии и Балтийский флот, которые играют *серьезную* важную роль. В письме Ленин подчеркивал, «что мы *ни в коем случае* не можем позволить увода войска из Финляндии, это ясно. Лучше идти *на все*, на восстание, на взятие власти...».[7] Это письмо и сами действия большевиков говорят, насколько окрепли приверженцы Ленина в условиях окончательного падения власти Временного правительства, потерявшего свою основную прерогативу — право распоряжаться вооруженными силами страны. Это положение было создано преступным безволием Временного правительства, которое, вопреки своим собственным решениям, допускало существование Кронштадтской вольницы, делая вид, что не замечает носящих характер настоящей государственной измены решений Областного Комитета армии и флота о невыполнении приказов Временного правительства по выводу различных войсковых частей из Финляндии, терпело преступные самосуды в отдельном 42-м армейском корпусе в Выборге, его неподчинение и т. п.

---

[6] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 7-я. Берлин—Москва, 1923, стр. 9, 37.

[7] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 264, 265.

Не пресекалась и преступная, в условиях ведущейся войны, деятельность большевиков по разложению армии и срыву поступления укомплектований на фронт. Видный большевик М. М. Лашевич громогласно призывал Советы сосредоточить в своих руках, по примеру Петрограда, управление местными гарнизонами. Другой известный большевик А. В. Луначарский совершал в октябре поездки по различным частям и убеждал солдат не идти на фронт. В результате его агитации целый эшелон артиллерийской бригады наотрез отказался отбыть на фронт. Московский Комитет РСДРП(б) принял даже специальное решение о широкой пропаганде в войсках идеи оставления полков внутри страны в целях якобы «борьбы с контрреволюцией» и т. п.[8] Таким образом, под политической режиссурой Ленина и большевистского актива делалось все возможное, и с явным успехом, для обескровливания действующей армии путем прекращения притока резервов и обеспечения большевикам солдатского прикрытия во время Октябрьского мятежа. Лидер большевистской «Военки» В. Невский так и отмечал, что большевики активно препятствовали выводу частей гарнизонов, так как, по его словам, «пойти на это значило проиграть революцию».[9] Мало того, части действующей армии, страдающие от отсутствия пополнений и возрастающих в связи с этим тягот фронтовой жизни, вдруг, по указанию армейских большевиков, сделались сугубо «сознательными» и великодушно отказывались от петроградской подмоги. Так, на заседании полковых и ротных комитетов 17-го Сибирского стрелкового полка в октябре говорилось о необходимости присылки пополнений. Однако в решении содержалась характерная оговорка: «Но пополнения черпать не из Петроградского гарнизона, как защищающего наши интересы и стоящего на страже революции». В то же время резолюция отражала действительное положение полка, в котором «ряды . . . рот поредели», в связи с чем солдаты не имели возможности отстаивать позиции и т. п.[10] В игре политических сил Временное правительство и Ставка упустили определенный шанс на вмешательство фронта в дело необходимой принудительной отправки ведущих паразитический образ жизни петроградских и других запасников. В воззвании армейского комитета 1-й Армии, которое вне сомнения находило отклики среди фронтовиков, был

---

[8] Л. Троцкий. История русской революции, т. II, стр. 93; «Речь», 20 октября 1917 г.; Октябрь в Москве. Сб. док. и мат. М., 1932, стр. 117; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 144, лл. 22, 22об.

[9] «Красноармеец», № 10—15, 1919 г., стр. 42.

[10] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 523; См. также стр. 502 и др.

по существу предъявлен ультиматум тылу: «Мы готовы силой беспощадно принудить тыл пойти нам на помощь».[11] В то же время в результате альянса с большевистским Петроградским Советом под руководством Л. Троцкого резервные полки в столице массово выносили резолюции об отказе следовать на фронт. Солдаты-гвардейцы отдавали предпочтение нарядным улицам столицы перед грязью окопов. Общее собрание гвардии Финляндского резервного полка в резолюции от 9 октября отмечало, например, что важен не Северный фронт, а защита «сердца революции» Петрограда. Общее собрание ротных и командных комитетов далеко не революционного состава гвардии Преображенского полка 12 октября вывод солдат на фронт «сочло невозможным» без санкции на то Петроградского Совета, который в лице своего большевистского большинства под председательством Л. Троцкого делал все возможное для срыва отправки маршевых эшелонов. Не отставали и гвардейцы Егерского резервного полка, которые в своей резолюции заявили о решительной борьбе «против вывода из гнезда революции». Резолюция гвардии Измайловского полка 15 октября также выявила «резко отрицательное отношение к выводу Петроградского гарнизона». Не отставали от них и солдаты гвардии Кексгольмского полка, которые тоже воспылали страстной любовью к красотам столицы.[12] Подобная казалось бы на первый взгляд революционная, а по существу шкурная позиция Петроградских запасных солдат не мешала им и изменять своим союзникам-большевикам. Гвардии Измайловский полк в разгар большевистского мятежа объявил в своем решении «держать нейтралитет».[13] Московским запасным солдатам также пришлась по вкусу позиция большевиков о невыводе гарнизона. Так, резолюция солдат 1-й запасной артиллерийской бригады от 15 октября требовала отставки Временного правительства, созыва Учредительного Собрания «в назначенный срок» и содержала заявление, «что в интересах революции мы отказываемся оставить революционный центр, пока власть находится в руках представителей капиталистов и помещиков, без прямого указания и приказа Советов . . .».[14] Большевистская пресса всячески поддерживала отказы солдат от следования на фронт и нагнетала напряженность публикацией угодных им солдатских резолюций, заранее политически отредактированных пропагандистским аппаратом. Так, в

---

[11] «Известия Совета р. и с. депутатов», 20 октября 1917 г.

[12] Большевизация Петроградского гарнизона. Сб. мат. и док. Л., 1932. Док. 230, 232, 233, 235, 239, 248 и др.

[13] «Военная быль», № 92, июль 1968 г., стр. 38, 39.

[14] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1060, л. 79.

большевистской газете была помещена резолюция собрания солдат гвардии Волынского резервного полка о необходимости перехода власти к Советам и «возмущение по поводу желания Временного правительства разгрузить Петроград от революционных рабочих и солдат» и т. п.[15]

Вопрос о невыводе частей Петроградского гарнизона, ставшего, по мнению Л. Троцкого, «элементом основной проблемы о власти», не сходил с повестки дня. 8 сентября 1917 г. солдатская секция уже большевизированного Петроградского Совета выдвинула демагогическое требование о возвращении с фронта в столицу полков, выведенных оттуда после июльских событий.[16] В связи с осложнением стратегической обстановки на Северном фронте и измотанностью его позиционных частей, жаждущих пополнений и смены, главнокомандующий этим фронтом В. А. Черемисов обратился 5 октября к военному министру А. И. Верховскому с предложением, что участие резервных полков Петрограда в отражении противника, угрожающего столице, очень желательно. Ген. Черемисов просил безотлагательно направить все боеспособные части на ст. Вейсенштейн, откуда они проследуют на побережье для отражения возможной высадки противника. 11 октября ген. Черемисов доносил военному министру, что под давлением солдат армейские комитеты настаивают на замене уставших фронтовых частей питерскими запасниками. 12 октября последовал приказ генерала главнокомандующему Петроградского военного округа о безотлагательной отправке запасных частей в резерв фронта.[17] Еще ранее А. Ф. Керенский приказал командованию Петроградского военного округа подготовить войска для их отправки в распоряжение Северного фронта.[18] Таким образом, как в сентябре, так и в октябре вся политика большевиков во главе с Лениным и Троцким по вопросу о невыводе резервных частей носила вредный для фронта характер, была в противоречии с интересами уставших фронтовых солдат и разжигала острый конфликт между Временным правительством и гарнизонами.

9 октября штаб Петроградского военного округа разослал в части гарнизона приказ о переформировании и выводе запасных полков из Петрограда. С этого времени началась активизация большевиков и частей гарнизона в деле противодействия планам Временного правительства. Создание Военно-Революционного Комитета в качестве органа Петроградского Совета было по су-

---

[15] «Рабочий Путь», 22 октября 1917 г.

[16] Л. Троцкий. История русской революции, т. II, стр. 100.

[17] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 106, лл. 114, 119.

[18] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 413, л. 37.

ществу началом мятежа, так как положение об этом органе сводило на нет Временное правительство и штаб Петроградского военного округа.

Хотя между членами «Военки» было довольно значительное расхождение в оценке настроения солдат, которое действительно было весьма пестрым, все же по мнению «Военки», солдаты гарнизона были едины в нежелании следовать на фронт. Как отмечал в своем выступлении на заседании ЦК РСДРП(б) от 16 октября Н. Крыленко, «для выступления нужно, чтобы что-нибудь их решительно задело, а именно: вывод войск».[19] «Военка» всячески разжигала страсти солдат вокруг этого вопроса, как наиболее захватывающего их личные интересы. Следует подчеркнуть, что Ленин очень опасался пропустить этот благоприятный момент для захвата власти, когда можно было наверняка расчитывать если не на прямую вооруженную поддержку гарнизона, то во всяком случае на безусловный дружественный нейтралитет запасных полков. На заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября Ленин торопил с восстанием, и его поддерживал Н. Крыленко, утверждавший, что «вода достаточно вскипела», что «вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой», и что необходимо воспользоваться в организации восстания проблемой вывода войск.[20]

Для создания органа по руководству вооруженным выступлением большевики воспользовались проведенным 9 октября через Петроградский Совет предложением меньшевиков и эсеров о создании «Комитета Революционной Обороны». Большевики во главе с членом политического бюро ЦК РСДРП(б), председателем Петроградского Совета Л. Д. Троцким превратили этот орган предполагаемой обороны в орудие восстания. Отредактированный Л. Троцким проект положения уже о Военно-Революционном Комитете (ВРК) был принят на закрытом заседании Исполкома Петроградского Совета 12 октября. Хотя подготовка большевистского мятежа стала уже давно секретом Полишинеля, все же большевики оставались верными себе, и в положении о ВРК прибегли к камуфляжу и маскировке. Касаясь роли ВРК, Н. Суханов отмечал, что «тут говорилось одно, а разумелось другое». Автор «Записок о революции» так и писал, что «под флагом обороны от внешнего врага Исполком сосредотачивает в своих руках всю военную власть в столице и губернии». Большевики всячески рекламировали ВРК как некий советский беспартийный орган,

---

[19] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, стр. 95.

[20] Там же, стр. 94, 98.

и в «целях той же маскировки», как свидетельствовал Л. Троцкий, во главе комиссии по выработке положения о ВРК был поставлен не большевик, а совершенно никому не известный член бюро ВРК, 18-летний юноша эсер П. Е. Лазимир, являвшийся подставным лицом.[21] Как явствует из протокола закрытого заседания Исполнительного Комитета Петроградского Совета от 12 октября, ВРК был в подчинении этого Совета и находился «исключительно при Петроградском Совете». Его ближайшими задачами являлись «установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу», контакты по вопросам обороны, точный учет и регистрация личного состава гарнизонов Петрограда и его окрестностей, предметов снаряжения и др. По вопросу о структуре ВРК положение тщательно обходило вопрос о восстании и скрывало действительное назначение этого органа под удобной ширмой «обороны». При Петроградском Совете было создано и гарнизонное Совещание в качестве связующего звена между ВРК и гарнизоном. Против положения о ВРК голосовали — член ОК меньшевиков А. И. Вайнштейн и его коллега по партии М. И. Бройдо.[22]

16 октября под председательством Л. Троцкого состоялось заседание Петроградского Совета, где снова было подтверждено, что вновь созданный орган — ВРК «берет в свои руки дело обороны столицы». Выступивший меньшевик М. И. Бройдо резонно отметил, что ВРК является по существу «штабом для захвата власти». В ответ на это выступление Троцкий заявил, что де большевики не делают тайны о подготовке к захвату власти, однако «... не путем заговора», а «путем дружной демонстрации сил». По вопросу о выводе гарнизона Троцкий предложил сказать солдатам, что, наученным опытом корниловщины, им не следует подчиняться «распоряжению органов, не очищенных от контрреволюционных элементов», а должно подчиняться собственному органу.[23] Таким образом, Петроградский Совет устами большевика Л. Троцкого призывал солдат не подчиняться штабу Петроградского военного округа. Это был неприкрытый призыв к мятежу против полномочных органов власти. Как информирует нас Н. Суханов, главными деятелями ВРК были Троцкий, Лашевич, затем члены «Военки» Подвойский, Невский, Мехоношин и др.

---

[21] Л. Троцкий. История русской революции, т. II, стр. 104, 105; Н. Суханов. Записки о революции. Кн. седьмая, стр. 41; Дж. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. 2-е изд. 1924, стр. 73; «ВРК непрерывно заседал под председательством льняноволосого 18-летнего парня Лазимира».

[22] Петроградский Военно-Революционный Комитет. Док. и мат., т. I. М., 1966, стр. 40, 41; В дальнейшем «Петроградский ВРК».

[23] «Русская Воля», 17 октября 1917 г.

Л. Троцкий писал, что ВРК, ставший штабом восстания, выделил бюро под руководством председателя Л. Троцкого и членов бюро Подвойского, Антонова-Овсеенко, Лашевича, Садовского, Мехоношина. Бюро привлекало к работе Якова Свердлова.[24]

Для усиления своих позиций ЦК большевиков, по предложению В. Ленина, 16 октября 1917 г. организовал Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого, Дзержинского. Этот центр целиком вошел в состав ВРК[25] В целях политического камуфляжа в составе бюро ВРК числились левые эсеры П. Е. Лазимир и Г. Н. Сухарьков.[26]

В свете этого господства большевиков в ВРК, который по замыслу Ленина должен был служить основной цели — победе восстания, а первоочередной задачей своей считать недопущение вывода войск из столицы, Ленин со свойственной ему политической фальшью и лицемерием цинично инструктировал Н. Подвойского, что ВРК должен представлять собой «полномочнейший, но беспартийный орган восстания . . .». В. И. Ленин указывал руководителю «Военки», что «ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства военной организации в Военно-Революционном Комитете».[27]

В своем стремлении к захвату власти волюнтарист В. И. Ленин и его правая рука в деле осуществления антидемократического переворота Л. Д. Троцкий никогда не придерживались принципиальной линии поведения и коварно жонглировали политическими лозунгами о роли Советов, Учредительного Собрания, о воле большинства народа и т. п. Когда Советы не давались в диктаторские руки большевиков, Ленин в период июльских дней отменил лозунг «Вся власть Советам» и фактически перечеркнул их значение. Волюнтаристский характер ленинской линии ярко проявился на заседании ЦК большевиков 16 октября, когда подходивший к финишу большевистский диктатор заявил, что «настроением масс руководствоваться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету». Ленин пренебрегал мнением массы и рекомендовал большевикам руководствоваться «объективностью» ленинского анализа и оценки революции.[28]

Опасаясь, как выражался Ленин, «колеблющегося голосования 25 октября» на созываемом съезде Советов, он категорически на-

---

[24] Н. Суханов. Указ. соч., кн. 7-я, стр. 43; Л. Троцкий. История русской революции, т. 2, стр. 122.

[25] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 104.

[26] «Рабочий Путь», 24 октября (6 ноября) 1917 г.

[27] Н. И. Подвойский. Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний). М., 1957, стр. 47.

[28] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958, стр. 94.

стаивал на осуществлении мятежа до съезда Советов и за его спиной, превращая делегатов II съезда Советов в статистов, которых поставят перед свершившимся фактом свержения Временного правительства. В своем письме в ЦК в канун мятежа Ленин цинично подчеркивал, что вопрос о власти решается не съездами («Хотя бы даже съездами Советов»), «не голосованием, а силой». Рассчитанные на массу, официальные заявления большевиков резко расходились с их действительными намерениями как у Ленина, так и у его ближайшего окружения, включая Л. Троцкого. Так, фракция большевиков на Всероссийском Демократическом Совещании заявила 18 сентября, в противоречии с фактами, что большевистская партия «никогда не стремилась овладеть властью против организованной воли большинства трудящихся масс страны».[29] Однако, когда Ленин усомнился в этой «организованной воле большинства», он в своем письме Центральному Комитету выявил отрицательное отношение к выборам вообще: «Нельзя давать себя обманывать цифрами выборов, не в выборах дело . . .», и что «ждать формального большинства у большевиков наивно»... и т. п. В своем октябрьском письме в ЦК Ленин категорически заявлял, что «большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас*». Точно так же отрицательно Ленин относился и к созыву Учредительного Собрания. На заседании ЦК 10 октября Ленин в своем выступлении заявил, что «ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнить нашу задачу». В то же время Ленин учитывал огромную популярность лозунга Учредительного Собрания в широких массах в тылу и на фронте, поэтому рядился в тогу приверженца и защитника этого форума.[30] Хотя агитация большевиков волей-неволей велась и под лозунгом Учредительного Собрания, но лидер большевиков до поры до времени не раскрывал своих карт, а исподволь старался разрушить веру в этот важнейший форум волеизлияния масс.[31] В начале октября (4. X.), чтобы как-то устранить путаницу в несовмещающихся понятиях о прерогативах Учредительного Собрания и Советов, большевистская газета писала: «Если нашей революции не суждено погибнуть, если ей суждено победить, то мы увидим на практике комбинированный тип Республики Советов и Учредительного Собрания». Большевики заявляли, что Советы будут

[29] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 435, 436; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 51; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. М. 1961, стр. 60.

[30] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 56, 57, 340; Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 85.

[31] Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 16, 17.

аппаратом для проведения в жизнь «предначертаний» Учредительного Собрания».[32] В итоге сказанного следует отметить, что большевистский лозунг о всей власти Советам был безусловно фиктивным, так как восстание осуществлялось в обход Советов, до съезда, который, созванный наспех, не отражал соотношения классовых и политических сил в стране, что и показали выборы в Учредительное Собрание в ноябре. Под лозунгом власти Советов и их полновластия большевики стремились, как отметил Н. Суханов, «отдать своему партийному ЦК всю полноту власти в России». Если еще учесть позицию ЦИК Советов и крестьянских организаций, то по существу, мятеж большевиков носил противосоветский характер. Следует со всей определенностью констатировать, что со времени прихода к власти большевиков и их эпигонов, Советы никогда не являлись действительными органами власти, а лишь служили ширмой для осуществления диктатуры «вождей» и узкой цекистской клики.

В связи с сопротивлением Петроградского Совета и полковых комитетов гарнизона необходимому направлению маршевых рот из столицы на Северный фронт, главнокомандующий этим фронтом ген. В. А. Черемисов и комиссар меньшевик В. С. Войтинский созвали 17 октября в Пскове совещание, на которое вызывались и делегаты частей гарнизона Петрограда. На повестке дня совещания стоял важнейший вопрос о выводе резервных частей столицы на позиции. 16 октября заседание Петроградского Совета под председательством Л. Троцкого решило послать делегацию из 25—50 представителей в Псков «с информационной целью». Среди избранных делегатов оказались большевики Каменев, Крыленко и др. Меньшевики-оборонцы не вошли в состав делегации. Я. Свердлов провел специальный инструктаж делегатов-большевиков в отношении линии их поведения. На совещании присутствовали представители солдат и других фронтов. По указанию Свердлова, член бюро ВРК А. Д. Садовский огласил большевистскую декларацию, составленную Свердловым, которая гласила, что вопрос о выводе частей гарнизона может решать только Петроградский Совет. Комиссар Войтинский ребром поставил перед делегацией Петроградского Совета требование об оказании помощи действующей армии, а их отказ квалифицировал как вызов фронту. Все попытки убеждения делегатов со стороны ген. Черемисова и Войтинского оказались тщетными.[33] Крупной полити-

---

[32] «Рабочий Путь», 3 и 4 октября 1917 г.

[33] «Русская Воля», 17 октября 1917 г.; «Известия Совета р. и с. депутатов», 20 октября 1917 г.; Е. Городецкий, Ю. Шатров. Свердлов. М., 1971, стр. 207.

ческой и тактической ошибкой командования и комиссариата фронта было совершенно недостаточное использование, в противодействие замыслам большевиков, совещания представителей армейских и фронтовых организаций Северного района, которое только «довело до сведения» Петроградского Совета и ЦИК Советов, что оборона Петрограда неразрывно связана с защитой всего фронта, и что нельзя вопрос обороны Петрограда решать отдельно от фронта.[34]

В то время, когда Временное правительство и командование фактически ничего не делало для организации отпора вооруженному мятежу большевиков, последние лихорадочно готовились к выступлению, — проводили соответствующую работу в гарнизоне и своеобразную репетицию съезда Советов — открытие съезда Советов Северной области. Большевики придавали этому съезду особое значение, так как на нем кроме Советов Петрограда должны были быть представлены выборные организации прилегающих к столице городов, а также Финляндии и Прибалтики. В этих городах и районах были расположены войсковые части и боевые команды матросов, на которые большевики возлагали свои надежды. В октября Ленин обратился со специальным письмом к участникам съезда. В письме он указывал, что на съезде «...представленная Финляндия, флот и Ревель, которые вместе взятые могут дать немедленное движение к Питеру против Корниловских полков, движение флота, и артиллерии, и пулеметов, и двух-трех корпусов солдат, доказавших, например, в Выборге всю силу их ненависти к корниловским генералам...». Для спасения Питера, писал лицемерно Ленин, надо свергнуть Керенского и взять власть «Советам обеих столиц», и что только немедленное движение перечисленных им сил «способно спасти» революцию.[35] Состав открывшегося съезда (11—12 октября) был тщательно подобран ленинцами, и из 94 делегатов — 51 являлись большевиками. Вопросами организации этого съезда специально занимался большевистский ЦК.[36] Центральной фигурой, как свидетельствует Н. Суханов, на съезде был Троцкий, а председательствовал Н. И. Крыленко. В своем выступлении 11 октября Троцкий открыто заявил, что «на этом съезде мы должны практически и действенно поставить вопрос о переходе власти к Советам». Большевики направили на съезд и своих сторонников из Советов Москвы, ряда уездных городов, большевиков-делегатов Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов и ряда крестьянских комитетов страны. Все

[34] «Воля Народа», 17 октября 1917 г.
[35] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 389, 390.
[36] Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 73, 76.

они не имели отношения к «Северной области», а направлялись на этот съезд для возможного превращения его в общероссийский. 12 октября ЦИК Советов вполне резонно объявил подобранный большевиками форум «частным совещанием отдельных Советов», о котором стране заранее не было объявлено. Характерно, что и на этом съезде проводилась лицемерная политика: говорилось о созыве Учредительного Собрания «в назначенный срок». Два дня спустя член ЦК большевиков Бубнов заявил на заседании Петроградского Комитета, что «нам нужно разбить иллюзии, связанные с Учредительным Собранием».[37]

Большевики ни на минуту не оставляли вне своего поля зрения Петроградский гарнизон и тщательно собирали сведения о вооружении частей, численности, дислокации, настроении солдат и т. д. В Фонде председателя Петроградского ВРК И. Подвойского в середине октября были собраны разведывательные данные этого рода, включая партийность солдат. Не были оставлены без внимания и военные училища. Все эти подробные и очень важные сведения о дислокации, численном составе, боеприпасах, продовольствии и степени охвата солдат гарнизона большевистским влиянием в Петрограде и окрестностях говорят о серьезной работе «Военки» в подготовке восстания.[38] Следует констатировать, что в противоположность большевикам, их политические противники, а особенно штаб Петроградского военного округа, проявили непонимание обстановки и вся их деятельность отличалась преступной небрежностью. Когда Ленин шел вечером 24 октября в Смольный, везде встречались только большевистские патрули и лишь изредка появлялись наряды юнкеров. В. Ленин сказал своему спутнику большевику Рахья: «Я не думал, что у них... все так гнило».[39]

Противостоящие большевикам силы не располагали ни активностью первых, ни их настойчивостью и упрямством. Как признавала газета «Вольность», «...из всех политических сил, ныне борющихся, наиболее волевой оказываются большевики».[40] Это упорство большевиков особо проявилось в борьбе за колеблющиеся части Петроградского гарнизона и за их нейтрализацию и

---

[37] Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 72, 73; С. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1939, стр. 35; Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. Сб. док. М.—Л., 1922, стр. 309; «Известия р. и с. депутатов», 12 октября 1917 г. и др.

[38] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962. Док. и мат., стр. 397, 398; ЦГАСА, ф. 33221, оп. 2, д. 1050, лл. 4, 5.

[39] Н. Подвойский. Ленин в 1917 году, стр. 56.

[40] «Вольность», 21 октября 1917 г.

по привлечению на свою сторону других частей. 18 октября в Смольном состоялось закрытое собрание представителей свыше 118 войсковых единиц как столицы, так и ближайших окрестностей — Ораниенбаума, Петергофа, Красного Села, Стрельны, лужского и выборгского гарнизонов. Собрание состоялось по инициативе военного отдела Петроградского Совета. Представитель Измайловского полка заявил, что солдаты его части относятся отрицательно к Временному правительству и верят только Советам, по зову которых немедленно выступят. Делегат гвардии Егерского полка выразил мнение солдат своей части, что они выступят, «если на это последует приказ Петроградского Совета», и потребуют свержения Временного правительства и передачи власти Советам. О доверии «исключительно» Петроградскому Совету заявил делегат Московского полка. Зато несколько иной позиции придерживался Гренадерский полк: его делегат довел до сведения совещания, что гренадеры выступят лишь «по призыву съезда Советов». За «организованное выступление» в поддержку Петроградского Совета высказались представители резервного Волынского полка. Делегат солдат-павловцев информировал собрание, что их полк стоит «на платформе Петроградского Совета». Недоверие Временному правительству выразили делегаты кексгольмцев и высказались за передачу власти Советам. Представитель 9-го запасного кавалерийского полка решительно заявил от имени своих солдат, что «полк от каких бы то ни было выступлений отказывается». Если матросы Гвардейского экипажа заявили о подчинении Центрофлоту, то 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков заявила о своем подчинении ЦИК'у Советов. Как информировал собрание делегат семеновцев, на полковом митинге солдаты поддерживали выступление Троцкого, а членам ЦИК Скобелеву и Гоцу «не дали возможности говорить». После пробольшевистских и колеблющихся выступлений другой незначительной части делегатов присутствующим на собрании членам ЦИК слово предоставлено не было, несмотря на их протесты. На совещании было оглашено о создании ВРК, принято решение о невыводе войск из Петрограда и об установлении контроля над деятельностью штаба Петроградского военного округа. Делегаты одобрили решение Петроградского Совета о постоянной связи с гарнизоном при посредстве гарнизонных совещаний.[41]

В противовес этому совещанию, ЦИК Советов 19 октября созвал аналогичный форум представителей полковых комитетов. От имени ЦИК тогда выступил Ф. И. Дан, он предостерег гарнизоны от выступлений, к которым призывают большевики. Высту-

[41] «Рабочий Путь», 20 октября 1917 г.; И. Подвойский. Указ. соч., стр. 48.

пивший представитель одной из армий фронта заявил, что солдаты сами явятся в Петроград за пополнениями, если его не дает Петроградский гарнизон. В свое оправдание представители гарнизона отмечали в речах, что они призваны «охранять революцию». Представитель запасного Волынского полка прапорщик Горбачев обвинил всех офицеров на фронте в контрреволюционности и отметил, что его однополчане «разделяют тактику большевиков». Делегат 176-го запасного палка советовал не «торопиться с выступлением». Представитель Московского резервного полка в туманной резолюции выразил «порицание большевистским выступлениям» и возмущение полка самочинными действиями до Всероссийского съезда Советов. Резервные Финляндский, Гвардейский саперный батальоны, флотский экипаж, 1-й и 2-й пулеметные полки — огласили резолюцию в большевистском духе. На этом совещании выступил и Л. Троцкий, который выразил уверенность в победе большевистского течения на съезде Советов и в том, что по окончании делегаты разъедутся по местам и скажут крестьянам: «Берите организованным путем в свои руки землю». В отличие от гарнизонного совещания 18 октября, этот форум в результате столкновения мнений закрылся без принятия резолюции. Батальоны, роты и команды Петропавловской крепости вынесли единогласное решение к выступлению не примыкать. Зато представители измайловцев, распропагандированные большевиками, заявили, что «мы пойдем не с плакатами, а цепью, и мы знаем, куда пойдем».[42]

Командование Петроградского военного округа в лице полковника Полковникова и его заместителя капитана Козьмина недопонимали сложившуюся обстановку в гарнизоне и убаюкивали себя и Временное правительство тем, что «удастся предотвратить готовящееся выступление».[43] Лидеры меньшевиков и эсеров такие как, например, Ф. И. Дан, А. Р. Гоц и др. за прошедшие месяцы революции ничему не научились, не извлекли должных уроков из обстановки и проявили полное ее непонимание. Казалось бы, Совещание гарнизонных делегатов, созванное ЦИК'ом 19 октября, давало весьма убедительный материал, свидетельствовавший, что Временное правительство и лидеры указанных нами партий потеряли гарнизоны, в которых большевики и большевистский Петроградский Совет стали хозяевами положения. 21 октября было уже по существу практическим смотром боевых сил большевиков в гарнизоне, который окончательно в своем большинстве принял власть Совета и его непосредственного военного

[42] «Речь», 20 октября 1917 г.

[43] «Речь», 19 октября 1917 г.

органа ВРК. Если отбросить в сторону формальные соображения, то день 21 октября был уже днем победы мятежа Ленина. На этом гарнизонном совещании против резолюции вездесущего Л. Троцкого не голосовал никто, а только 57 делегатов воздержались и проявили «нейтралитет».[44] Иллюзорны были и надежды Временного правительства на помощь фронта. Заявления делегатов фронтовых частей, зачастивших в октябре в Петроград, не оставляли в этом вопросе никакого сомнения. На заседании ЦИК 13 октября было предоставлено слово делегатам от 4-х фронтовых дивизий. Как сообщала пресса, «все ораторы в один голос говорили о необходимости заключения немедленного мира». Характерно, что выдвигались требования «мира во что бы то ни стало». Возражения А. Р. Гоца и Ф. И. Дана свидетельствовали о том, что ЦИК заморозил свои установки и не в состоянии уже круто изменить нереалистичную позицию.[45] На заседании Петроградского Совета были также заслушаны сообщения прибывших с фронта делегатов, которые в один голос утверждали, что армия устала, не может и не желает воевать. В числе фронтовых делегатов выступил подпоручик Краснопольский, который информировал Совет: дивизия де поручила ему заявить, что она не будет воевать, «а потихоньку и поодиночке разойдется по домам, оставив на произвол судьбы окопы».[46] В октябре «верных» Временному правительству частей уже не было, и А. Ф. Керенский находился в плену опасной иллюзии, что в гарнизоне и на фронте он сможет найти части, готовые пойти в бой против большевиков. Преступная недооценка большевиков имела место и в стане эсеров и меньшевиков. Так, за несколько дней до 25 октября А. Р. Гоц говорил военным, что они слишком преувеличивают роль и значение большевиков. «Кто вообще с ними считается», — заявил А. Р. Гоц.[47] В эти же дни большевики очень вовремя и удачно бросили на чашу весов один из основных своих козырей — мир, немедленный мир! 21 октября в Смольном после речи Троцкого в Петросовете выступил целый ряд представителей фронта и местного гарнизона, которые высказались за немедленный переход власти в руки Петроградского Совета. Большевик Лашевич громогласно оповестил присутствующих, что правительство Советов немедленно объявит о заключении честного демократиче-

---

[44] «Речь», 19 октября 1917 г.; Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 84, 85; Н. Подвойский. Ленин в 1917 году, стр. 50.

[45] «Русская Воля», 15 октября 1917 г.

[46] «Речь», 19 октября 1917 г.

[47] Н. Суханов. Записки о революции. Кн. первая. Берлин—Москва, 1923, стр. 170; С. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Париж, 1939, стр. 38.

ского мира. В своем заключительном слове Л. Троцкий огласил резолюцию о полной поддержке гарнизоном Петрограда ВРК, который был признан «руководящим органом войск столицы».[48] 22 октября в Смольном институте собрание представителей полков Петроградского гарнизона заявило о своем «сплочении» вокруг ВРК, а в ночь с 21 на 22 октября члены ВРК, явившись в штаб округа, потребовали допуска ко всем делам для осуществления контроля. 23 октября Л. Троцкий в качестве председателя Петроградского Совета обратился с приказом к столичному гарнизону о неисполнении последним распоряжений Временного правительства без соответствующей санкции ВРК. 23 октября на многолюдном собрании Петроградского Совета под председательством Л. Троцкого докладчик Антонов-Овсеенко заявил, что в течение дня во всех частях гарнизона столицы комиссары ВРК организовали солдатские собрания, которые подтвердили, что «гарнизон на стороне ВРК». Антонов-Овсеенко отметил, что власти бессильны что-либо предпринять против ВРК или устранить его комиссаров. Все приказы и распоряжения штаба Петроградского военного округа уже не исполнялись. В заявлении Антонов-Овсеенко довел до сведения собравшихся, что ВРК принимает «необходимые меры для того, чтобы не был сорван съезд Советов, чтобы не было сорвано Учредительное Собрание». Смехотворными были меры Временного правительства, которое на своем ночном заседании решило... поручить министру юстиции П. Н. Малянтовичу «возбудить судебное дело против членов ВРК».[49] В свете подобных «мер» Временное правительство выглядело смехотворно. Н. Суханов писал позже: «Говоря серьезно, только полной наивностью и ребячливостью нашего опереточного Правительства можно объяснить, что оно не пыталось в это время принять хотя какие-нибудь действительные меры самообороны». Н. Суханов отмечает, что Временному правительству уже терять было нечего и что «попытка сорвать движение бурным, смелым натиском было единственным выходом для тех, кто еще назывался правительством».[50] Однако такого выхода для Временного правительства уже не было, так как оно теряло свои позиции изо дня в день уже задолго до Октября, а создание большевиками ВРК и решительный отказ столичного гарнизона выделять части на фронт по существу означало ликвидацию остатков власти Временного правительства. В противовес фальсифицированным утверждениям советской официальной историографии 30-х годов

---

[48] «Биржевые Ведомости», 22 октября 1917 г.

[49] «Русская Воля», 24 октября 1917 г.; Петроградский РВК, т. I, стр. 73.

[50] Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 49, 50.

и ее сталинских эпигонов о величественном Октябрьском вооруженном восстании и о «штурме» Зимнего, свидетельства современников событий из различных политических лагерей дают нам бесспорную и в основном верную картину событий, связанных с большевистским выступлением 25 октября. Ввиду отсутствия сопротивления со стороны Временного правительства и штаба Петроградского военного округа, уже с вечера 24 октября шел планомерный захват большевиками государственных и общественных учреждений и устранение пассивных караулов призрачной государственной власти. Начальник штаба Петроградского военного округа ген. Я. Г. Багратуни 25 октября извещал главнокомандующего Северным фронтом ген. В. А. Черемисова, что в городе беспорядков нет, пассивные караулы снимаются большевиками, последние без сопротивления захватывают учреждения, и что «правительство лишено остатков власти».[51] Без сопротивления большевиками было занято Петроградское Телеграфное Агентство, Государственный банк, Телеграф, солдатская охрана которых присоединилась к большевикам, а значительная часть юнкеров разошлась. Штаб Петроградского военного округа был занят «силами» всего в 50 человек, а казачьи полки остались пассивными в казармах. По достоверной информации непосредственно из Петрограда, ген. Духонин был уведомлен о том, что гарнизон Петрограда 25 октября был «на стороне большевиков или нейтрален». Начальник политического управления военного министерства В. В. Шер в разговоре по прямому проводу со Ставкой отметил характерную особенность хода большевистского мятежа и поведения большевиков: «В общем в начале восстания они не проявляли большой решимости, а лишь только почувствовали отсутствие сопротивления, стали быстро переходить в наступление».[52] Собственно говоря, в Петрограде некому было и сопротивляться. Всего в распоряжении Временного правительства, как сообщал верховный комиссар В. Б. Станкевич по прямому проводу в Ставку, было две с половиной школы юнкеров, батарея Михайловского училища и два броневика.[53] Охранявшие Зимний дворец части Временного правительства все больше таяли. Вскоре ушла большая часть юнкеров Михайловского артиллерийского училища, и из его батареи во дворце осталось лишь 2 орудия. Все 3 казачьи сотни заколебались и также покинули Зимний дворец. К 10 часам

---

[51] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 11, лл. 64, 65.

[52] «Воля Народа», 26 октября 1917 г.; Октябрьская Революция. Мемуары. Сборник. Составил С. А. Алексеев. М.—Л., 1926, стр. 386, 395, 397, 402, 403.

[53] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. док. Л., 1948, стр. 306.

вечера 25 октября ушла из дворца большая часть юнкеров школы прапорщиков Северного фронта.[54] Вскоре в Зимнем дворце осталась только горсть юнкеров и ударницы женского батальона. Генерал для поручений при А. Ф. Керенском Б. А. Левицкий, очевидец событий, в разговоре по прямому проводу с генерал-квартирмейстером Ставки М. К. Дитерихсом 25 октября сообщал ему, что «части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как решили активно не выступать».[55] В то же время большевики располагали против этой горстки защитников Зимнего несколькими тысячами солдат, желающих сражаться, а за их спиной стоял соблюдающий нейтралитет огромный гарнизон. Основой большевиков в мятеже была Красная гвардия и несколько тысяч матросов, образовавших вместе ведущую военную силу. Военный лагерь большевиков, не видя перед собой никакой реальной силы противника, действовал, как свидетельствовал Н. Суханов, «с совершенно развязанными руками».[56] В этих условиях т. н. «штурм Зимнего» является по существу историческим блефом партийной большевистской историографии. Видный, известный уже нам, левый эсер С. Мстиславский, бывший непосредственным участником революционных событий, говоря о царившем безвластии в Петрограде, образно свидетельствовал: «В городе, впрочем, порохом не пахло: власть фактически лежала на земле. Чтобы поднять ее... достаточно было нагнуться...».[57] Эту давно несуществующую призрачную власть пыталась отстоять в Зимнем дворце буквально горсть юнцов-юнкеров и женщины-ударницы. В. А. Антонов-Овсеенко в своих ранних воспоминаниях убедительно подтверждает этот факт. Когда после смехотворного «штурма» Зимнего дворца оттуда вывели сдавшихся его защитников, «мы с Чудновским, — вспоминает В. В. Антонов, — подошли к этой горстке юнцов последней гвардии Временного правительства».[58] Почти о полном несопротивлении выступлению большевиков свидетельствует и отсутствие кровопролития при осуществлении мятежа. Это констатирует как воззвание ВРК от 25 октября, так и заявление Ленина на Совещании представи-

---

[54] «Солдатский голос», 27 октября 1917 г.

[55] Октябрьская революция. Мемуары. Составил С. А. Алексеев. М.—Л., 1926, стр. 388, 389.

[56] Н. Подвойский. Ленин в 1917 году. (Из воспоминаний), стр. 45; Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 125.

[57] С. Мстиславский. Пять дней. Изд. 2-е. Берлин—Петроград—Москва, 1922, стр. 110.

[58] «Красноармеец», № 10—15, 1919 г. Отрывки из воспоминаний В. И. Антонова-Овсеенко, стр. 31.

телей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г.[59] Во время осады Зимнего дворца и т. н. «штурма» было ранено три юнкера, несколько легких ранений числилось в женском батальоне.[60] По сведениям находившегося в Петрограде комиссара Центрбалтфлота Н. А. Ховрина, у дворца якобы погибло 5 матросов и 1 солдат.[61] Сведения комиссара Балтфлота безусловно преувеличены. Число жертв при осуществлении большевистского мятежа не идет ни в какое сравнение с количеством павших и раненых в ходе свержения царизма в феврале.

Большевики преднамеренно начали Октябрьский мятеж до решений II съезда Советов с целью поставить его перед фактом осуществления переворота и захвата власти. Это было очевидное грубое нарушение основной прерогативы, лицемерно пропагандируемой большевиками «власти Советов». С этого времени, как при Ленине, так и в период господства большевистских эпигонов Советы превращаются в ширму для осуществления диктатуры партии большевиков и становятся фикцией власти.

Меньшевики и эсеры не извлекли должных и своевременных уроков из Корниловских событий и теперь, спохватившись, пытались затормозить выгодный большевикам созыв II съезда Советов до Учредительного Собрания, так как это давало большевикам обоснованную надежду подорвать авторитет последнего решениям съезда Советов. 27 сентября на бюро ЦИК Советов Дан выступил с предложением отсрочить съезд, который определенно мог помешать созыву Учредительного Собрания. Меньшевики и эсеры опасались, что на фоне создавшейся политической обстановки и их непоправимых социальных и политических промахов они могут быть устранены с политической арены. Военная секция ЦИК Советов постановила запросить фронтовые организации о целесообразности созыва съезда. Бюро Всероссийского Совета крестьянских депутатов еще 28 сентября решительно высказалось против созыва съезда в сложившейся обстановке, а пленум этого органа 5 октября признал такой съезд «опасным и нежелательным» и предложил крестьянским организациям отказаться от направления делегатов в Петроград. Осуществление этого бойкота таило в себе реальную угрозу правомочности съезда ввиду большого политического веса крестьянского ЦИК и преобладания в нем эсеровского ядра, особенно в армии. Характерно, что в составе Всероссийского Совета крестьянских депутатов представи-

[59] «Рабочий и Солдат», 25 октября 1917 г.; В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 37.

[60] «Солдатский Голос», 27 октября 1917 г.

[61] Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. Сб. док. М.—Л., 1932, стр. 14.

тели воинских частей превышали 50%, с точки зрения партийности эсеры составляли 62% всех делегатов от армии. Среди представителей крестьян в процентном отношении (59,5%) также составили эсеры. Л. Троцкий шантажировал лидеров ЦИК Советов, что если съезд не будет созван, то большевики созовут его «неконституционным» революционным путем. Лидеры ЦИК политически смалодушничали, и 4 октября направили на места телеграммы о созыве съезда Советов на 20 октября. Однако 20 октября Ф. И. Дан доложил бюро ЦИК, что из 917 Советских организаций только 50 согласились направить делегатов в Петроград.[62] Но уже ранее выяснилось, что спешка поставила под угрозу правильное представительство на местах, так называемых малых Советов, которым необходимо было созвать свои районные конференции для избрания делегатов соответственно числу избирателей. Мелкие Советы не располагали каждый в отдельности предусмотренным количеством избирателей. На местах наблюдалась неразбериха, что вызвало отсрочку съезда до 25 октября. Однако в значительной части страны районные конференции так и не были созваны вовремя, или же в связи с разгоревшейся политической борьбой местные Советы направляли делегатов помимо съездов или же вовсе не посылали последних. Так, например, Оргеевский Совет направил 21 октября в ЦИК Советов телеграмму, в которой «искренне сожалел ... о невозможности посылки делегата». Конфликты и противоборство возникали во многих местных Советах страны.[63] Таким образом, места далеко не полностью были представлены на созванном без подготовки и в спешке II-м съезде Советов, и, как мы уже знаем, значительное количество Советов вовсе не направило в Петроград своих делегатов в связи с отрицательным отношением к созыву съезда в создавшихся политических условиях. Еще хуже в этом отношении дело обстояло в армиях. Фактически делом направления делегатов на II съезд Советов должны были заняться армейские съезды. Однако в большинстве случаев съезды не были еще созваны, и поэтому ЦИК Советов рекомендовал армейским комитетам взять в свои руки дело избрания делегатов и снабжения их своими мандатами о правомочности. Почти все армейские комитеты отказались от участия во II съезде Советов, что сделали и

---

[62] Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 30, 31; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 49, л. 25об.; «Известия Центрального Исполнительного Комитета Петроградского Совета р. и с. депутатов», 4 октября 1917 г.; Л. Троцкий. История русской революции, т. II. Берлин, 1933, стр. 90.

[63] «Известия Исполнительного Комитета и Петроградского Совета р. и с. депутатов», 4 октября 1917 г.; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 80, д. 77, лл. 8, 9; Второй Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. М., 1957, стр. 198.

многие части действующей армии. Солидарность с солдатской секцией ЦИК Советов, против участия в наспех созываемом в угоду большевикам съезде, проявили Исполнительный Комитет и армейские комитеты Юго-Западного, Северного, Западного и других фронтов.[64] На заседании съезда от имени армейских комитетов фронтов и фронтовой группы делегатов выступил делегат Северного фронта Кучин и заявил, что съезд не правомочен, что армия неполно представлена на съезде, что фронтовая группа покидает съезд и что отныне арена борьбы переносится на места. Делегат армейского комитета 12-й Армии Хараш также заявил, что меньшевики и эсеры отмежевываются от «всего того, что здесь происходит».[65] Кучин подчеркнул, что он был направлен на съезд только «с информационной целью» и что захват власти большевиками за 3 недели до созыва Учредительного Собрания — «удар ножом в спину армии». Несмотря на уход со съезда правых эсеров, меньшевиков, Бунда и др., Ленин и Троцкий, вопреки тому, что значительная часть большевиков склонялась к мысли об уступках, не пошли на компромисс.[66] Член ЦК эсеров Гендельман внес заявление об уходе всех эсеров со съезда. Однако оно было отвергнуто 92 голосами левых эсеров против 60 голосов правого крыла партии.[67] Все же протест Кучина против неправомочности съезда и фактического срыва полного представительства армии на съезде был вполне обоснован. В это время на фронтах и в обслуживающих их частях находилось почти 10 млн, а на съезде солдат-делегатов было не более 200.[68] Если учесть, что один делегат должен был представлять 25 тысяч солдат, то отсюда вытекает, что половина армии не была представлена на съезде. Даже совещание фронтовых делегатов в Петрограде 24. IV. — 4. V. 1917 г., куда комитеты избирали представителей также по норме один делегат на 25 тысяч солдат, состояло из 390 представителей-солдат, не говоря уже о солдатском представительстве на I съезде Советов.[69] Лидеры большевиков прекрасно это знали и пытались исправить

---

[64] «Известия Армейского Комитета 8-й Армии», 17 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 30, л. 4; «Буревестник» (Минск), 11 октября 1917 г. и др.

[65] Второй Всероссийский съезд Советов. Изд. Кронштадтского Комитета РСДРП. 1917, стр. 4; С. Мстиславский. Пять дней. Изд. 2-е. Берлин—Москва, 1922, стр. 128.

[66] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. Изд. 2-е. М. 1924, стр. 102, 131.

[67] «Дело Народа», 26 октября 1917 г.

[68] 2-й Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. М.—Л., 1928, стр. XIX.

[69] Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 24. IV. — 4. V. 1917 г. Петроград, 1917.

положение путем внесения раскола во фронтовые выборные организации и обхода положения ЦИК Советов о выборах делегатов. 25 октября Петроградский Совет послал радиограмму всем дивизионным комитетам, в которой указывалось, что на открывшийся съезд Советов армейские комитеты отказались прислать представителей, в связи с чем Петроградский Совет предлагал дивизионным комитетам прислать немедленно делегатов из их среды.[70] Армейские большевики грубо нарушили избирательную процедуру и направили явочным порядком своих сторонников в Петроград. Это имело место на всех фронтах. Когда, например, абсолютное большинство как членов армейского комитета, так и представителей от дивизий 8-й Армии отказалось потворствовать большевикам, то от фракции большевиков выступил Блат и заявил, что фракция постановление армейского комитета не считает для себя обязательным и своих представителей меньшинства «... на съезд пошлет».[71] Уже после завершения работы съезда подобные «выборы» имели место на фронте. В обход армейского комитета, полковые комитеты 5-го Сибирского корпуса Юго-Западного фронта избрали на II-й съезд Советов двух большевиков.[72]

В армии наряду с большевистскими резолюциями выносилось не меньшее количество мотивированных резолюций против созыва II съезда Советов и свержения Временного правительства. Так, Совет солдатских депутатов 12-й Армии считал, что съезд Советов несвоевременен ввиду отказа Всероссийского Совета крестьянских депутатов от участия в нем и угрозы узурпации съездом «прав и власти Учредительного Собрания», через которое «лежит путь спасения страны». Корпусной Совет 2-го Сибирского корпуса 17 октября высказался за своевременный созыв Учредительного Собрания, а созыв съезда Советов считал «сейчас недопустимым, так как власть должна быть передана Учредительному Собранию, а не съезду Советов». Аналогичного характера резолюции с осуждением мятежа выносились армейскими, корпусными, дивизионными и полковыми комитетами.[73]

Еще более сомнительной является правомочность II съезда Советов в свете мизерного крестьянского представительства в со-

---

[70] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. док. Л., 1948, стр. 251.

[71] «Известия Армейского Комитета 8-й Армии», 17 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 25, лл. 15, 16.

[72] П. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958, стр. 140.

[73] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 102, лл. 56об., 66, 67, 68; Там же, д. 45, лл. 108, 108об.;Там же, д. 48, л. 89; ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 5, л. 144; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 98, лл. 171, 172, 172об. и др.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 266.

ставе его делегатов. В стране с преобладающим крестьянским населением, последнее было представлено делегатами едва 19 крестьянских Советов, так как ЦИК крестьянских Советов возражал против проведения съезда.[74] Между тем, отмеченное нами неполное представительство в своем преобладающем составе крестьянской армии на съезде, по существу ущемляло интересы крестьян и их политические требования. Об этом достаточно говорилось на крестьянских фронтовых съездах. Съезд солдат-крестьян Западного фронта 25 октября в Минске принял резолюцию, в которой осудил захват власти большевиками накануне созыва Учредительного Собрания. Съезд осудил развязывание большевиками гражданской войны, которая может сорвать выборы в Учредительное Собрание и указал, что без согласия большинства народа крестьянство не позволит силой захватить власть. В резолюции указывалось, что будущее Учредительное Собрание не признает подобного правительства. «Армия не желает, — гласило решение съезда, — чтобы ошибки одной части революционной демократии были использованы для своих целей контрреволюцией». Фронт заявляет, говорилось далее в резолюции, что армия не отступит ни перед какими средствами, чтобы ликвидировать как можно скорее «новую смуту». II съезд крестьянских депутатов Румынского фронта (26—30 октября) также отражал эсеровские установки. Съезд осудил мятеж большевиков и заявил, что последний равносилен гражданской войне и что единственным хозяином страны может быть только Учредительное Собрание. Резолюция вполне резонно осуждала и Временное правительство, которое своевременно «не провело закон о передаче всех земель в ведение земельных комитетов» и не приняло надлежащих мер к ликвидации войны. Эсеры в армии пользовались значительным влиянием в лице Советов крестьянских депутатов как на европейских, так и на Кавказском фронтах. Только на Юго-Западном фронте эта партия насчитывала около 50 тысяч организованных членов.[75] Таким образом, желание получить землю и заключить мир вовсе еще не означало, что солдаты-крестьяне и крестьянство страны полностью и во всем поддерживало большевиков. Трагедией широких слоев крестьянства страны был тот факт, что в самый ответственный и переломный момент партия эсеров раскололась, а плоды их деятельности пожинали большевики.

---

[74] Второй Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. Сб. док. М., 1957, стр. 15.

[75] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, лл. 743, 743об.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 80, лл. 64, 65; ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 47, лл. 391, 393; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 188, 189.

Уже на съезде происходили трения между большевистским руководством и левыми эсерами, которые спохватились, что они далеко зашли в поддержке большевиков и предлагали (Мстиславский) в унисон с Мартовым «мирное улаживание конфликта». Один из лидеров левых эсеров — Камков (Кац) выступил с заявлением от имени своей фракции, что хотя левые эсеры остались на съезде, но они стоят «за соглашение с умеренной частью демократии». Другой видный эсер Карелин также был против единовластия большевиков и высказался на съезде за «твердую власть всей демократии». Левые эсеры вынуждены были считаться с фактом, что более половины крестьянских организаций высказывалось именно за власть Учредительного Собрания.[76] Л. Троцкий в связи с выступлениями на съезде своих временных союзников — левых эсеров упрекал последних в позиции «выжидательного нейтралитета» и даже не останавливался в своей речи перед угрозами: «Левые эсеры будут терять опору в массах постольку, поскольку вздумают противопоставить себя нашей партии».[77] Под «противодействием» лидеры большевиков, особенно Ленин и Троцкий, понимали оспаривание бесцеремонной и диктаторской их власти в обход официальной афишированной власти Советов, которая сразу же после II съезда Советов стала для большевиков обузой. На этой почве трения между большевиками и политически околпаченными левыми эсерами обострялись. Уже в самом начале работы Совета Народных Комиссаров, сразу ставшего независимым от избранного ЦИК Советов органом, последовали протесты левых эсеров. Член ВРК левый эсер Устинов заявил на заседании этого органа, «что все акты Совета Народных Комиссаров должны предварительно обсуждаться в ЦИК р. и с. депутатов, что сейчас не имеет место». В связи с этим Устинов заявил, в виде протеста, о выходе из ВРК. Уже 6 ноября в левой эсеровской печати было помещено заявление левых эсеров, членов ВРК и военно-солдатской комиссии — А. Устинова, М. Левина и Г. Закса об их выходе из ВРК и «со всех остальных постов» ввиду недопустимых правительственных актов Совета Народных Комиссаров без предварительного рассмотрения в ЦИК». Авторы заявления протестовали «против отмены гражданских свобод». Дело доходило уже до оспаривания большевистскими лидерами вхождения левых эсеров на паритетных началах в ВРК и другие административные органы.[78]

---

[76] Второй Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. М.—Л., 1928, стр. 4, 8, 25, 55 и др.

[77] Второй Всероссийский съезд Советов. Издание Кронштадтского Комитета РСДРП. 1917, стр. 22, 24.

[78] Петроградский РВК. Док. и мат., т. 2, стр. 65; Там же, стр. 285.

Неправомочность II съезда Советов вытекала не только из отсутствия в числе его делегатов должного представительства крестьянства и солдат, при осуществлении которого о перевесе большевиков не могло быть и речи. Выборы в Учредительное Собрание показали это с полной очевидностью. Разбухшее представительство большевиков на II съезде Советов (390 делегатов из общего числа 625) произошло в результате самочинного направления в Петроград, как мы видели, в обход процедуры выборов, солдат-большевиков с фронта, а также целого ряда других махинаций ленинского штаба. Так, после окончания организованного большевиками съезда-репетиции Северной области, ЦК большевиков в лице Свердлова предложило всем делегатам-большевикам (51 человек) не разъезжаться из Петрограда, а принять участие в работе близкого II съезда Советов. В заседаниях съезда принимала участие и большевистская фракция Петроградской Городской Думы во главе с Иоффе.[79] Вся обстановка спешной подготовки съезда Советов и его заседаний благоприятствовала любым махинациям большевиков в деле представительства. Специальных пропусков для входа в зал заседаний съезда в Смольном не требовалось, а пропуск в Смольный регулировался большевистской комендатурой. Как свидетельствует К. Т. Свердлова, «делегатские места от гостевых ничем отделены не были». На съезд свободно проникали, как вспоминал А. В. Луначарский, «молодцы-матросы».[80] На съезде не была избрана мандатная комиссия. Регистрация делегатов, как писал Троцкий, «велась с перерывами», документы утеряны, сведения о партийности не полны. Многие члены большевистской фракции были зарегистрированы дважды. До нас не дошли протоколы съезда, отсутствуют даже черновые секретарские записи, и единственным источником, дошедшим до нас, являются газетные отчеты, на которые отложила отпечаток партийная принадлежность прессы, включая большевистскую «Правду». Отсутствует стенографический отчет, так как стенограмма не велась. До нас не дошли мандаты делегатов, их личные анкеты и т. д.[81] Можно предположить, что эти материалы были

---

[79] Л. Троцкий. История русской революции, т. II. Берлин, 1933, стр. 93, 336.

[80] Великая Октябрьская Социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и в Москве. М., 1957, стр. 166, 300.

[81] Второй Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. М.—Л., 1928, стр. X, XVII, XI; Герои Октября, т. 2. Л. 1967, стр. 733; Л. Троцкий. История русской революции, т. 2. стр.328, 350. «Секретарские записи потонули бесследно в пучине событий». Исчезновение материалов Второго съезда Советов является тем более подозрительным, что Смольный не подвергался нашествию, хозяйничали большевики.

предусмотрительно изъяты устроителями съезда в целях сокрытия мандатных и других махинаций большевиков.

В свете указанных нами обстоятельств проведения съезда, обоснованными были оглашенные меньшевиками и правыми эсерами декларации о причинах их ухода. В декларациях указывалось, «что военный заговор был организован и осуществлен партией большевиков именем Советов за спиной всех других партий и фракций, — представленных в Советах». Заговор, — указывали меньшевики, — срывает Учредительное Собрание. Фракция правых эсеров также подчеркивала в своем заявлении, что съезд не правомочен за недостатком представителей с фронта и многих Советов.[82] 26 октября ЦИК Советов 1-го созыва объявил съезд неправомочным и квалифицировал его как «частное совещание».[83]

Поскольку большевики претендовали на создание всероссийской власти, опирающейся якобы на Советы, узость их социально-политической базы бросалась в глаза, так как ВРК был только органом Петроградского Совета, а не всей страны. Своим отказом создания «однородно-социалистической власти», т. е. коалиции всех социалистических партий, большевики ограждали себя от значительного числа Советов, комитетов в армии, крестьянских Советов, где по-прежнему влиянием пользовались эсеры, частично меньшевики. Эти выборные организации массово выносили решения до и особенно после Октябрьского мятежа о создании «однородно-социалистической власти», решения, которые игнорировались большевиками. В своей речи на II съезде Советов Л. Троцкий категорически отмежевался от компромисса, на котором настаивали левые эсеры, и демагогически заявил, что «если нужна была коалиция, то такой коалицией является коалиция нашего гарнизона, главным образом крестьянского, с рабочим классом», и что коалиция с данами и либералами привела бы революцию к гибели. Как видим, большевики устами своего лидера делали своей опорой гарнизон Петрограда и рабочих столицы. Мало того, Троцкий в своей речи заявил, что коалиция с крестьянством предусмотрена как союз с беднейшим крестьянством и что большевики отвергают коалицию «с кулацким элементом крестьянства».[84] Таким образом, уже на II съезде Советов большевики разжигали гражданскую войну.

В свете сказанного, ссылка Троцкого на союз с гарнизоном столицы тоже не была обоснована, так как состав гарнизона был

---

[82] Второй Всероссийский съезд Советов. М.—Л., 1928, стр. 37.

[83] «Голос Солдата», 26 октября 1917 г.

[84] Второй Всероссийский съезд Советов. Первые шаги Советского правительства. Изд. Кронштадтского Комитета РСДРП, 1917, стр. 23, 24.

неоднородным, и в его среде вовсе не преобладала беднота. Большевики побратались с солдатами гарнизона Петрограда только по вопросу о невыводе войск, а в остальных вопросах «родства душ» не было. Характерно, что после образования Совнаркома на совещании представителей 34 частей гарнизона, по сообщению комиссара ВРК Я. М. Рудника, делегаты семеновцев, преображенцев, финляндцев настаивали на обсуждении вопроса о создании «однородной социалистической власти», и полковые комитеты этих частей относились к СНК «с недоверием».[85] Примеров такого настроения столичного гарнизона можно привести изрядное количество. При создавшейся узости социально-политической базы большевики, чтобы продержаться, пустили в ход аресты, террор, и сразу же, не в пример Временному правительству, создали карательный аппарат при ВРК.

12 ноября ВРК уже образовал т. н. Следственную Комиссию, куда входили Красиков, Стучка, Козловский, Карахан и Алексеевский, а при Петроградском Совете возникает «Центральный военно-революционный суд».[86] По предложению Ф. Дзержинского 21. XI. возникает «Комиссия по борьбе с контрреволюцией», куда всячески пытались не допускать левых эсеров. В «Комиссию» первоначально вошли Скрыпник, Флеровский, Благонравов, Галкин и Трифонов.[87] Сразу же начались массовые злоупотребления с выдачей ордеров на проведение арестов, обысков, конфискацию оружия и т. п. Особенно перестарался в этом деле Антонов-Овсеенко. За один только день 19 ноября было выдано 100 ордеров для проведения арестов. Находил время для выдачи ордеров и Ленин, по указанию которого был произведен обыск в Михайловском училище. В училище был арестован ген.-майор Нороганов, который по дороге в тюрьму был убит.[88] Хотя большевистские демагоги на всех углах шумели о «диктатуре пролетариата», под стражей в Смольном в ноябре содержались, например, рабочий Трубного завода Петр Иванов, шофер Иван Шкомолов, солдат Павловского полка Иван Горбунов и др., которых затем перевели в Выборгскую одиночную тюрьму.[89] В связи с лишением большевиками всех и вся свободы слова, закрытием и конфискацией газет и типографий, диктаторский режим вступил в конфликт с одним из передовых отрядов рабочего класса — с петроградскими печатниками, которые в ноябре категорически протестовали против

---

[85] Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, стр. 95.
[86] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 429, 437.
[87] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 257, 232.
[88] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 551,; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 1, л. 27.
[89] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 488.

декрета СНК о печати и заявили о необходимости свободы печати в связи с выборами в Учредительное Собрание. О настроениях печатников ярчайшим образом свидетельствует собрание в типографии «Новое время», где из 550 работающих только 150 высказалось за советскую власть.[90]

Несмотря на рекламное заявление лидеров большевиков об их единении с русскими рабочими, солдатами, все же доверия к ним не было, их опасались. Во главе карательного «летучего отряда» ВРК вместо смещенного русского командира был поставлен Р. Ф. Сиверс. По инициативе Я. М. Свердлова, в конце ноября было признано желательным передать охрану Смольного латышским стрелкам. Латышский стрелковый полк был переведен в Петроград и зачислен на интендантское довольствие. Организацию охраны Смольного передали латышам Петерсону и его помощнику Ванагу.[91]

Если большевики старались обезопасить себя от колеблющегося гарнизона, то в свою очередь Петроградские полки, при благожелательном нейтралитете или частичном участии которых сторонники Ленина захватили власть, придерживались своей крестьянской линии. Как писал Л. Троцкий, все части гарнизона Петрограда «были связаны единством настроения, опрокинуть как можно быстрее Керенского, разойтись по домам и заводить там новые земельные порядки».[92] Солдаты гарнизона естественно не хотели идти на фронт, всячески поддерживали идею мира и передачи земли в крестьянские руки и считали, что их миссия закончена. Но на призывы большевиков принять активное участие в разгоревшейся гражданской войне смотрели косо. Они, вспоминает Н. Подвойский, «считали свое дело законченным, а себя героями».[93] Призывы и понукания комиссаров ВРК к дальнейшему участию их в вооруженной борьбе многие полки встречали враждебно. Об этом убедительно свидетельствуют донесения комиссаров, направленных в гарнизонные части. Как доносил А. В. Васильев, комиссар гвардии Волынского полка в бюро комиссаров в ноябре, полк в политическом отношении занимал неопределенную позицию и «даже враждебную по отношению к нам, большевикам».[94] Эти настроения в гарнизоне и особенно отказы от активного участия в борьбе с наступающими частями А. Ф. Керен-

---

[90] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 319; т. 2, стр. 144.

[91] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 448, 449 455, 456.

[92] Л. Троцкий. История русской революции, т. 2, стр. 202.

[93] Н. Подвойский. Ленин в 1917 году, стр. 76.

[94] Петроградский ВРК, т. 3. М., 1966, стр. 42.

ского проявились сразу же после победы большевистского мятежа. При известии о приближении отрядов ген. Краснова к Гатчине полковой комиссар 176-го пехотного запасного полка, решив сначала, что «полк вообще не выступит», дал только разрешение на участие в борьбе «желающим» солдатам. Комиссар ВРК И. З. Левенсон доносил даже о саботаже со стороны полкового комитета и Исполкома Совета Красного Села, где дислоцировался этот полк. «Люди деморализованы, — писал Левенсон, — и часто самовольно уходят в ближайшие деревни». Разбежалась также вся прислуга при 3-х имевшихся орудиях. В другом донесении от 27 октября растерявшийся Левенсон панически взывал: «Умоляю помочь», и указывал, что «соседние части ненадежны».[95]

Во время наступления А. Ф. Керенского солдаты Гвардейского Волынского полка самовольно покинули Пулково и сочувственно встречали «натравливание» на Красную Гвардию и рабочих. Солдатские командиры морского и главного артиллерийского полигона отличались неустойчивым настроением, прислушивались даже к пропаганде кадетов и «Партии Единства», и в этих командах, по донесению комиссара, «прививались ложные взгляды на большевизм». 25 октября их общие собрания вынесли решения о подчинении Петроградскому Совету, а уже 28 октября ими было принято решение об обращении за разъяснениями в антибольшевистский «Комитет Спасения Родины и Революции», а до получения разъяснений «держать нейтралитет».[96] Большевики прилагали огромные усилия для активизации гарнизона в деле противодействия наступающим отрядам Краснова на Петроград. В связи с колебаниями солдат, Володарский крайне волновался и поручил Ф. Ф. Раскольникову, Рошалю, Чудновскому «раскачать» полки гарнизона, особенно солдат Егерского и Измайловского полков, в казармах которых эти ораторы, включая Володарского, в течение ночи убеждали солдат в необходимости выступить против частей Керенского.[97] На уговоры солдат посылал агитаторов и лично Ленин. 29 октября Ленин выдал мандат от имени ВРК Г. И. Чудновскому для переговоров с Измайловским и другими полками в целях «достижения соглашения» в деле обороны Петрограда. Для уговоров солдат Колпинского полка ВРК направил туда матросов-большевиков Ховрина, Железнякова, Вахромеева и других. Трудности большевиков заключались в том, что им

---

[95] Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, стр. 115—118; ЦГВИА, ф. 16087, оп. 1, д. 1106, л. 258.

[96] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 613, 614.

[97] Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.—Л., 1925, стр. 236, 237.

противодействовали солдаты, сторонники меньшевиков и особенно эсеров.[98]

Солдаты Петроградского гарнизона не только колебались или придерживались позиции нейтралитета. Ряд полков активизировался в политическом отношении и выносил резолюции о поддержке «Комитета общественной безопасности» и о конструкции власти на основе участия всех без исключения социалистических партий. Такая резолюция была вынесена, к примеру, семеновцами. 31 октября в ВРК поступила резолюция солдат 2-го пулеметного полка. Пулеметчики настаивали на образовании социалистического правительства включением всех социалистических партий вплоть до большевиков.[99] Трудности большевиков состояли и в том, что они еще не успели заменить существующие комитеты во многих полках гарнизона назначенными ими ВРК. Так, в комитете 1-го запасного пулеметного полка в начале ноября был всего лишь 1 большевик, а остальные являлись беспартийными. В 176-м запасном полку комитет, по донесению комиссара, был «в своем большинстве оборонческим». Петроградский ВРК стал прибегать к смещению комиссаров. Сами большевики признавали наличие большого числа колеблющихся и даже враждебных полков и выражали надежду, что при наличии твердой воли революционных частей «сокрушится натиск темных, обманутых буржуазией полков».[100] В самом Петрограде дело доходило даже до вооруженных столкновений некоторых частей гарнизона с матросами и красногвардейцами.[101] В ответ на призывы большевиков солдаты указывали, что они, возможно, окажут сопротивление частям Керенского в самом городе, а вне Петрограда пусть сражаются местные гарнизоны. Как писал Н. Подвойский, его приказ о выступлении войск гарнизона против наступающих отрядов ген. Краснова был выполнен только небольшой частью полков, «большинство же отказалось пойти на фронт под предлогом необходимости защиты Петрограда». Солдаты Волынского полка в ответ на приказ Подвойского сообщили, что «не исполнят приказа». Это произошло и в целом ряде других полков. Ценой неимоверных усилий и ряда неудач Крыленко и Подвойского в деле вывода полков и угроз Ленина о предании партийному

---

[98] Петроградский ВРК, т. 1, стр. 310, 444, 452; Бюллетени Бюро военных комиссаров, № 3 от 5 января 1918 г.

[99] Петроградский ВРК, т. 1, стр. 355, 456.

[100] Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, стр. 165; Петроградский ВРК, т. 3, стр. 43, 44; Историк-Марксист. 1932, № 4—5 (26—27), стр. 331; «Рабочий и Солдат», 30 октября 1917 г.

[101] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 112, л. 7.

суду Подвойского большевикам удалось двинуть на фронт некоторые части гарнизона. Однако основой большевистских отрядов являлись не солдаты, многие из которых в панике попросту бежали с поля брани, а необученные красногвардейцы и матросы. Как гласил отчет Совета Нарвско-Петергофского района столицы, «вместо шеренг серых солдатских шинелей, которые весьма пассивно относились в общем к войне вне города на фронте, перед зданием штаба ... выстроились дружины в черном, комплектовались полки из вооруженных рабочих ...».[102] На позициях под Гатчиной казачьим отрядам была противопоставлена не солдатская масса крупнейшего гарнизона столицы, а редкие цепи гельсингфорских матросов и красногвардейцев во главе с Г. Чудновским.[103]

Создалось крайне тяжелое положение, так как вначале продвижение казаков, как свидетельствует Н. Подвойский, «почти не встречало организованного сопротивления», и в этих условиях «врагу ничего не стоило самыми незначительными силами раздавить нас, и среди паники, которая была принесена отступающим отрядом в Петроград, произвести контрреволюционный переворот».[104] Однако это не произошло, так как положение в стане Керенского было еще хуже. Как Временное правительство, так и партии эсеров и меньшевиков своевременно не мобилизовали свои силы и безнадежно отставали по сравнению с большевиками. Если, как мы знаем, ВРК возник 12 октября и ему предшествовала длительная боевая, организационная и пропагандистская подготовка большевиков, то противостоящий ему «Комитет спасения Родины и Революции» был создан 24 октября в канун победы большевистского вооруженного мятежа,[105] и в распоряжении председателя этого Комитета А. Р. Гоца и полковника Полковникова фактически кроме нескольких сот юнкеров никого не было. Мало того, лидеры социалистических партий игнорировали силы большевиков. Так, лидер меньшевиков Ф. И. Дан, фактически председатель ЦИК Советов, успокаивал не менее беспечного А. Ф. Керенского в ночь на 25 октября тем, что де большевики подчинятся воле большинства и что Керенский преувеличивает значение событий. В то же время без конного корпуса Керенский двигался к Петрограду, имея в наличии всего 500—600 каза-

---

[102] Н. Подвойский. Ленин в 1917 году, стр. 76, 77; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Док. и мат., стр. 782, 783.

[103] «Правда», 15 ноября 1917 г.

[104] Н. Подвойский. Указ. соч., стр. 76.

[105] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. Док. и мат., стр. 335.

ков и несколько других частей, которые также не желали воевать. Казаки подвергались усиленной пропагандистской обработке большевиков и стремились поскорее уйти на Дон, защищать свои земли от крестьянского натиска. Кроме того, против Керенского был по существу организован заговор определенной части офицерства и генералитета, которая хотела свергнуть его руками большевиков. Фактически, участником этого заговора был и командующий Северным фронтом ген. Черемисов, командующий Петроградским военным округом полк. Полковников.[106] В результате этой политики Черемисова и командующего войсками «Комитета Спасения Родины и Революции» полк. Полковникова выступление малочисленных отрядов юнкеров оказалось изолированным от наступающих частей Керенского. Эта разобщенность привела к разгрому и резне юнкеров, в то время, когда казачьи полки Петрограда отсиживались в казармах, и верным Временному правительству юнкерам никакой помощи оказано не было. Член Центробалта И. Салтыков в своем сообщении в эту организацию 29 октября прямо писал об уничтожении юнкеров. Над некоторыми арестованными юнкерами конвоиры-матросы совершали жестокий самосуд.[107] В важнейшем политическом деле оказания необходимой помощи юнкерам военных училищ несостоятельными оказались не только эсеры и меньшевики, но также кадеты, которые в лице своего лидера П. Н. Милюкова на X съезде партии к.-д. (14—16. X.) занимались поисками «союзников».[108] В то же время председатель военной секции кадетов В. Г. Коренчевский сообщал съезду, что на фронте и в тылу кадеты располагали до 600 ячеек и фракций партии.[109] Кадеты так же как и эсеры и меньшевики игнорировали способность большевиков взять власть, и по существу не были подготовлены к борьбе. Их официоз заверял своих читателей, что большевики будут раздавлены при попытке выступления.[110]

Победа большевиков и поражение Керенского, а с ним и всей русской демократии, последовала как в результате неподготовленности к борьбе меньшевиков и эсеров, их упорной приверженности к догме о «буржуазной революции» и отказа от своевременного разрешения аграрного вопроса и заключения мира. Как по-

---

[106] А. Керенский. Издалека. Сб. статей (1921—1922). Париж, стр. 197, 198, 202, 206, 209, 210.

[107] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 826, 830 и др.; «Новая жизнь», 31 октября 1917 г.

[108] «Речь», 17 октября 1917 г.

[109] «Речь», 15 октября 1917 г.

[110] «Речь», 21 октября 1917 г.

казали события, весь «большевизм» солдатско-крестьянской массы был основан на заслуженном недоверии и неприязни к кунктаторскому Временному правительству, и, как справедливо полагал Н. Суханов, тягой ее к земле и миру. Провозглашением декретов о мире и земле 26 октября Ленин и его приверженцы опередили систематически запаздывающих меньшевиков и эсеров, которые не удосужились проделать это до большевистского выступления. Лидеры этих партий почти ничего не сделали и опоздали использовать в своих политических интересах преобладающую часть гарнизона столицы, его колебания, нейтрализм, пассивность. Лидеры меньшевиков и эсеров мало обратили внимания на крайне важное обстоятельство — нежелание со стороны солдатской массы и рабочего класса разжигать гражданскую войну, и стремление масс к мирному улаживанию конфликта. Политическая неоперативность и систематическое запаздывание привели к тому, что даже левые эсеры, по утверждению С. Мстиславского, ничего не могли противопоставить лозунгам большевиков. «Перекрыть эти лозунги, — писал он, — нам, левым эсерам, было нечем».[111]

Как свидетельствовал эсер Г. Семенов (Васильев), в ночь Октябрьского переворота в партии правых эсеров царили «растерянность и организационный хаос». Пленум ЦК заседал беспрерывно, но не приходил, что характерно, «ни к каким определенным решениям». Такое положение в эсеровской партии — неопределенность, и нерешительность, создалось в то время, когда для большинства ее военных работников было ясно, что нельзя терять ни одной минуты, и что необходимо организовать стоявшие под Петроградом войска для движения на Петроград. По сообщению делегатов II съезда Советов, настроение частей «вполне соответствовало этому».[112] Однако это оставалось только пожеланием, так как эсеры и меньшевики не удосужились создать своевременно свои вооруженные отряды, в то время как большевики систематически наращивали силу Красной гвардии.

По существу, как большевики, так и их политические противники не смогли двинуть для осуществления своих политических целей части разложившегося Петроградского гарнизона и действующей армии. Успех большевиков в деле захвата власти был определен достижением ими состояния благожелательного нейтралитета со стороны гарнизона столицы, что дало им возможность использовать Красную гвардию и создать свой перевес. Поз-

[111] С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин—Петербург—Москва, 1922, стр. 116.

[112] Г. Семенов (Васильев). Военная и боевая работа партии социал-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922, стр. 5.

же лидер «Военки» В. Невский, говоря о роли Красной гвардии, подчеркивал, что именно красногвардейцы, а не разложившаяся царская армия, «победили Керенского и Краснова под Гатчиной и Царским Селом».[113] Сколько ни метались в поисках реальной вооруженной силы для противодействия большевикам А. Р. Гоц, член ЦК ПСС Фейт, В. Чернов, они ничего не могли сделать, так как вооруженные отряды они не удосужились создать, а их военная организация начала свою работу в Петроградском гарнизоне 10—15 ноября, когда большевики достаточно окрепли. Завязывание связей эсеров в Петроградском гарнизоне началось именно с этого времени. В указанный период эсеры приступили к созданию ячеек в столичных войсках. Особое внимание они обратили на Семеновский полк, на броневые и технические части. Только к концу ноября эсерами была созвана конференция военных работников, где был избран состав Петроградской военной комиссии эсеров (Леппер, Соколов, Бианки, Усенко, Ковалев и др.). Ячейки эсеров возникли в Семеновском, Преображенском, Гренадерском, Измайловском, в Моторно-Понтонном, Электро-Техническом, Химическом, Саперном батальонах и в 5-м броневом дивизионе. Эсеры пытались продвинуть работу по созданию боевых рабочих дружин под руководством Паевского и его помощника Фомина.[114] Однако и в этом деле эсеры безнадежно опоздали, так как прежних легальных условий не было. Не была использована эсерами и благоприятная для них обстановка в целом ряде частей гарнизона. Так, по донесению комиссара ВРК Б. З. Каца, в 1-м пехотном запасном полку как солдаты, так и полковой комитет после Октября стояли в своем большинстве на позициях эсеров и меньшевиков.[115] Даже в твердыне большевизма, в Кронштадте, эсеры располагали серьезными силами, а также в фортах Ино и Красная Горка.

Перевес большевиков определялся созданной ими через ВРК разветленной сетью комиссаров в частях. Комиссары совместно с видными большевиками вели упорную пропагандистскую работу в гарнизонах и в действующей армии. Большевики сразу же начали создавать свой административный и карательный аппарат, и их щупальцы охватывали решительно все учреждения. Уже в ночь на 21 октября ВРК выдало мандаты 51 комиссару, направленным во все войсковые части Петрограда и окрестностей. 24—25 октября аппарат комиссаров уже насчитывал сотни человек. В 42 губерниях провинции большевики направили в октябре—ноябре свыше 640 агитаторов, а по некоторым другим данным было

[113] В. Невский. В буре деяний. Петроград за пять лет. М.—Л., 1922, стр. 8.
[114] Г. Семенов (Васильев). Указ. соч., стр. 6, 7, 8, 10.
[115] «Пролетарское Дело», 30 июля 1917 г.

послано до 600 агитаторов.[116] Эти кадры агитаторов создавались под руководством Я. Свердлова уже с июля, когда были открыты курсы агитаторов-солдат, по существу являвшихся организаторами восстания.[117]

Эсеры и меньшевики не сумели воспользоваться благоприятным для них широким течением в столичном гарнизоне и в армии за мирное улаживание конфликта, а, главное, за создание «однородного» правительства из представителей всех социалистических партий, чего крайне опасались большевики. Ленинцы бросили все свои силы, чтобы перебороть это течение в гарнизоне, которое угрожало их диктаторским стремлениям. Характерно в этом отношении утреннее заседание ВРК 31. XI., на котором была принята делегация из 8 человек Гвардии Литовского полка во главе с солдатами Сухаревым и Горячим. Делегация добилась образования группы парламентеров для организации переговоров с войсками Керенского. Делегаты резервного Литовского полка решили послать мирную делегацию к казакам и, что характерно, в Комитет Спасения Родины и Революции. На заседании присутствовали делегаты от Петроградского, Кексгольмского, Семеновского, Гренадерского, Измайловского, Преображенского, Московского полков с наказом о выделении представителей ВРК и всех социалистических партий и гарнизона Петрограда с целью ведения переговоров с Керенским и казаками. Представитель ВРК при частях в Пулкове в унисон с делегатами указанных резервных полков информировал заседание, что солдаты на позициях требуют посылки делегации «для окончательных переговоров». Было оглашено обращение литовцев и преображенцев. Подобные предложения и мирные настроения солдат гарнизона не входили в расчет большевиков: таили в себе опасность ликвидации их диктатуры. На заседании Сталин и Зиновьев делали все от них зависящее для срыва мирных стремлений солдат, Сталин ссылался на «недобросовестность переговоров с Керенским», на то, что последний предъявил ультимативные требования сдачи оружия и т. п. Зиновьев пугал присутствовавших тем, что попытка связаться с войсками Керенского закончится арестом делегатов и т. п. Чтобы оттянуть время, большевик Скрыпник предложил запросить штаб «о возможности ведения переговоров». Наконец руководители большевиков провели решение, которое по существу было саботажем мирных требований делегатов гарнизона. Было принято

---

[116] Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, стр. 10, 15; «Красная Летопись»,1929, № 6, стр. 249; Петроградский ВРК, т. 1, стр. 182; Петроградский ВРК, т. 3, стр. 363, 366 и др.

[117] Е. Городецкий, Ю. Шаров. Свердлов. М., 1971, стр. 173, 174.

решение о создании комиссии в составе большевиков Зиновьева, Урицкого и Устинова и делегатов полков «для выработки условий переговоров с казаками Керенского». О переговорах с Керенским, чего добивались солдаты, решение ВРК дипломатично умалчивало.[118] Точно так же делегация георгиевских кавалеров в составе 13 человек, которая добивалась прекращения кровопролития и организации мирных переговоров, была по существу обманута ВРК. Председатель ВРК заявил им, что уже «между социалистическими партиями ведутся переговоры о создании правительства» и т. п.[119] Большевистское руководство ВРК противилось претворению в жизнь резолюции общего собрания рабочих Балтийского судостроительного завода, которая требовала прекращения гражданской войны «какими угодно уступками». Делегация этого завода, насчитывающего 9 тысяч рабочих, посетила также кроме ВРК, Комитет Спасения Родины и Революции. Большевики Аванесов и Скрыпник всячески пытались запутать вопрос. Скрыпник упрекал даже делегатов, что они своим обращением в Комитет Спасения «ставят себя как класс в ложное положение», ибо слова о мире какими угодно уступками будут козырем в руках Комитета Спасения. Председатель рабочей делегации заявил на заседании ВРК о непримиримости большевиков, с которыми отказались работать даже левые эсеры.[120] Как видим, большевики только Временному правительству предлагали заключать «мир во что бы то ни стало» с врагом, а внутри страны после прихода к власти толкали рабочий класс и крестьянство в пучину кровавой гражданской войны.

Для удержания рабочей и солдатско-крестьянской массы от возможных нежелательных выступлений большевики вели настойчивую и упорную работу в массах, не скупились на обещания и всячески чернили своих политических противников. Следует отметить, что эсеры и меньшевики плелись далеко позади большевиков, они не создали сколько-нибудь значительного пропагандистского аппарата, так необходимого в октябрьско-ноябрьские дни.

Большевики выставили целую шеренгу талантливых ораторов. Однако, бесспорно, центральной фигурой был Л. Д. Троцкий, который в смысле демагогии и политического лицемерия блестяще дополнял Ленина, а в смысле ораторского искусства не имел себе равных в среде своих коллег. Л. Троцкий, отрываясь от своих прямых многочисленных обязанностей, как свидетельствовал

---

[118] Петроградский ВРК, т. 1, стр. 421, 422.

[119] Там же, стр. 422, 423.

[120] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 6, 7.

Н. Суханов, «летал с Обуховского на Трубный, с Путиловского на Балтийский ... Из манежа в казармы». Суханов отмечал подавляющее влияние Л. Троцкого, который, по его мнению, являлся центральной фигурой и главным героем развертывающихся событий.[121] Свидетель Октябрьских событий Дж. Рид в своих воспоминаниях отмечал, что «Троцкий, Каменев, Володарский говорили по 6, 8, 12 часов в день». Этот американский публицист особо выделял деятельность Бронштейна-Троцкого в период реализации большевистского мятежа.[122] Это не отрицал и Сталин (Джугашвили), который год спустя после перехода власти к большевикам писал: «Вся работа и практическая организация восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».[123]

Осуществив захват власти в этих благоприятных условиях отсутствия сложившихся административных органов Временного правительства, нейтрализации нежелающего воевать Петроградского гарнизона и опираясь фактически только на небольшие силы матросов и малочисленной Красной гвардии, чего не было к моменту восстания у их противников, большевики создали фиктивное по существу правительство во главе с диктатором В. И. Лениным. Фикция состояла в том, что мятеж был осуществлен вопреки воле демократически избранного большинства комитетов и до созыва подтасованного II съезда Советов, где большевистское большинство было сомнительным, о чем свидетельствовали и выборы в Учредительное Собрание, давшие совершенно другую картину соотношения политических сил. Все заявления Ленина о создании Советского правительства и о «власти Советов» носили безусловно маскировочный характер, так как Ленин и большевики отрицали основу нормального функционирования Советов — свободные демократические выборы, а признавали только силу. В своем письме членам ЦК РСДРП(б) от 24 октября 1917 г. Ленин так и писал: «Было бы гибелью или формальностью ждать колеб-

[121] Н. Суханов. Указ. соч. Кн. 7-я, стр. 77.

[122] Дж. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. Изд. 2-е. М., 1924, стр. 76, 81.

[123] «Правда», 6 ноября 1918 г. (№ 241). Эта оценка не помешала «вождю народов» заявить 19 ноября 1924 г. «... никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл» и что партийные инстанции руководили «каждым шагом тов. Троцкого» и т. п. (См. И. Сталин. Об Октябрьской революции. Сб. статей и речей. М., 1932, стр. 55).

люшегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой».[124] Как известно, к моменту и в период большевистского мятежа большинство Советов страны и Комитетов армии еще не были в руках большевиков, в связи с чем были обоснованы возражения их политических противников в том, что Совет Народных Комиссаров не является правительством Советов. Да это и признал В. И. Ленин в своей речи на заседании ЦИК 4 ноября, где прямо заявил, что «власть принадлежит нашей партии...», якобы опирающейся, по словам Ленина, на «доверие широких народных масс».[125]

Победа большевистского мятежа в Петрограде и взятие власти большевиками было по существу началом «большевизации» Советов и Комитетов, т. е. выхолащиванием их подлинной демократической сущности и превращением этих выборных органов в марионеточные организации новой власти, которая устраняла из их состава все небольшевистские элементы или путем т. н. «перевыборов», или же незаконной кооптацией явочным порядком сторонников большевиков. Но основным мероприятием сторонников Ленина по фактической ликвидации комитетов и сведения их политической роли на нет было создание на местах, по аналогии с Петроградом, т. н. Временных военно-революционных комитетов и назначения комиссаров. Комиссары и ВРК захватывали на местах, помимо Советов и Комитетов, всю власть в свои руки. Большевики ставили перед ВРК задачи по упразднению старых правительственных и общественных органов. В армии ВРК назначались явочным порядком. Сигнал к всеобщему насаждению ВРК в армии был дан II-м съездом Советов 26 октября, когда последовало постановление съезда, обращенное «к фронту», в котором предлагалось всем армиям создать Временные революционные комитеты, которые официально для видимости должны были отвечать за «сохранение революционного порядка и твердость фронта», а по существу, как им, так и новым комиссарам вручалась вся полнота власти.[126] Все главнокомандующие фронтами и командный состав были обязаны подчиняться вновь созданным ВРК. Как это отразилось на суверенитете и деятельности комитетов, видно, например, из проводимых мероприятий ВРК 42-го армейского корпуса, который осуществлял совместно с выделенными им комиссарами наблюдение «за командирами и деятельностью комитетов» и т. п.[127] Это ущемление прав комите-

---

[124] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 436.

[125] Там же, т. 35, стр. 58, 73.

[126] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 28 октября 1917 г.

[127] Октябрьская революция и армия. Сб. док. М., 1973, стр. 39.

тов, а то и их принудительная самоликвидация, происходили и в гарнизоне Петрограда. Так, батарейный комитет Гвардии запасного саперного батальона 26 октября принял решение о передаче власти «Временному революционному бюро».[128] Фальш лозунга большевиков «Вся власть Советам» была совершенно очевидна и означала предоставление власти только покорным пробольшевистским Советам. Комиссар 2-й Армии Западного фронта Бродский в канун восстания большевиков так и писал в Ставку, «что этот лозунг Ленина означал „Вся власть большевикам"».[129] Большевистский лидер Л. Троцкий не отрицал этот очевидный факт и писал, что лозунг «Власть Советам» получил якобы новый смысл в дни Октября и означал передачу власти именно большевизированным Советам.[130] Так как большевистская диктатура была в противоречии и шла вразрез с существованием и деятельностью демократических Советов, Ленин в унисон с Троцким стремился превратить это детище Февральской революции во второстепенный подсобный аппарат большевистского владычества на местах. В своем выступлении на заседании ВЦИК 4 ноября Ленин так и пояснил, что «Советы на местах ... могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством».[131]

В процессе т. н. «триумфального шествия» большевиков и захвата ими власти на значительной части территории России по существу происходило насильственное обольшевичивание Советов и Комитетов, — выхолащивание их демократической сущности, превращение тех и других в послушное малоавторитетное орудие большевистской партии. Приоритет назначенных сверху ВРК, поставленных над Комитетами, в процессе разгорающейся гражданской войны приводил к безвластию Советов и Комитетов.

Можно со всей определенностью утверждать, что большевистский мятеж 25 октября 1917 г., проводимый под флагом борьбы за Советскую власть, носил несомненно противосоветский характер и означал крушение всей советской демократической системы Февральской революции, органически несовместимой с введением диктатуры партийной большевистской олигархии.

Появление на фронтах комиссаров Петроградского ВРК, пропагандистская кампания большевиков вокруг декретов о мире и земле, насаждение ВРК в армиях обостряло политическую борьбу

---

[128] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. док. Л., 1948, стр. 268.

[129] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 4, л. 89.

[130] Л. Троцкий. История русской революции, т. II, стр. 357.

[131] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 56, 57.

в недрах воинских масс, накал которой нарастал в зависимости от специфики фронта, его армий и взаимодействия фронтов с ближайшим тылом.

Для завоевания действующей армии и гарнизонов на сторону большевиков Петроградский ВРК в спешном порядке направлял в армию множество своих заранее проинструктированных комиссаров и эмиссаров, целью которых было устранение аппарата комиссаров Временного правительства, насаждение самочинных ВРК, фактически становившихся над существующими комитетами, устранение неугодного большевикам командного состава путем проведения т. н. «демократизации» и установления «выборного начала» и др. Всего на места было брошено, по неполным данным, до 600 человек уполномоченных пропагандистов и комиссаров. Так, комиссаром на Северный фронт был направлен Б. П. Позерн, на Юго-Западный — Н. Н. Кузьмин, на Румынский — С. Г. Рошаль и др. В 1-ю Армию был послан комиссаром С. Кожевников уже 27 октября, а эмиссаром в 3-ю Армию — А. Ф. Боярский. В спешке туда же был откомандирован в качестве эмиссара и А. П. Шариков. Только до 10 ноября Петроградский ВРК направил в войсковые части 85 комиссаров и 72 комиссара и эмиссара в провинцию.[132] Помимо Петрограда в армию направляли комиссаров-большевиков и местные организации РСДРП(б), которые заранее создавали ВРК. Так, 24 октября большевистская организация в г. Юрьеве получила из Петрограда секретное предписание от ЦК большевиков о немедленной разработке плана взятия власти и о назначении комиссаров в войсковые части. В городе был создан ВРК.[133] Это было повсеместное явление, как на фронтах и в прифронтовых местностях, так и в далеком тылу. По предписанию ЦК РСДРП(б) большевики Латвии в лице их ЦК еще до 25 октября организовали «подпольный» ВРК района 12-й Армии. Подобнный же комитет возник до выступления большевиков и в районе 5-й Армии Северного фронта. Уже в сентябре в г. Двинске был организован «армейский большевистский центр». В далеком тылу, в Самаре, Уфе, Оренбурге и многих других городах большевиками создавались вне функционирующих Советов и над ними — центры большевистского восстания.[134] При созда-

[132] Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, стр. 249; «Красная Летопись». 1929, № 6, стр. 57; Петроградский ВРК, т. 1, стр. 186, 188; Петроградский ВРК, т. 2, стр. 368, 369.

[133] Великая Октябрьская Социалистическая революция в Эстонии. Сб. док. и мат. Таллин, 1958, стр. 253.

[134] Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967, стр. 73, 74, 102, 104; Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг. Вып. 2. Сб. статей. М., 1959, стр. 325, 330, 328, 363, 394 и др.

нии этих самочинных органов большевики на местах и в армии равнялись на Петроград. Как гласил, например, Манифест ВРК 12-й Армии Северного фронта от 26 октября, этот орган образовывался здесь «по примеру Красного Петрограда».[135] Партийные организации большевиков через голову полномочных Советов зачастую создавали ВРК, которые затем афишировались ими как полномочные, демократически избранные органы. В Пскове, где находился штаб Северного фронта, заседание местного партийного комитета с участием представителей ЦК большевиков наметило план переворота на указанном фронте и «избрало» Военно-Революционный Комитет в составе балтийского матроса В. Панюшкина (председатель) и местных большевиков А. Иванова, М. Иванова, М. Ушарова и Б. Позерна.[136]

ВРК 2-й Армии Западного фронта было создано бюро фракции большевиков армейского совещания, которое вызвало «революционным порядком», т. е., в обход комитета и командования, большевизированный 32-й Сибирский стрелковый полк в г. Несвиж, где располагался штаб армии, и, опираясь на полк, захватило власть в армии. «С этого момента, — вспоминает самозванный член ревкома большевик Н. Т. Петров, — бюро фракции нашей партии по существу превратилось в Военно-Революционный Комитет, от имени которого делались в дальнейшем выступления, печатались обращения, в решающие минуты отдавались все распоряжения».[137] В действующей армии шла напряженная борьба демократически избранных комитетов с возникающими и навязанными самочинными ревкомами. В процессе борьбы, во многих армиях все прежние «государственно настроенные комитеты», как гласили сводки командования, терпели поражение и не выдерживали начатой большевиками кампании против всех комитетов, начиная с армейских. Масса не уяснила себе еще сущность происходящего, так как вожаками солдат стали лица, угождающие последним в их стремлениях и надеждах.[138] Большевики на фронте, как сами непосредственно, так и через создаваемые ими ревкомы, не скупились на обещания и особенно волновали солдатские умы долгожданным миром, предоставлением земли, широко рекламировали декреты II съезда Советов и обещали улучшить положение солдат. Для упрочения своего положения и авторитета ревкомы особенно козыряли миром. Характерно в этом отношении

---

[135] Триумфальное шествие Советской власти. Док. и мат., ч. 1. М., 1963, стр. 434, 435.

[136] П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 228.

[137] Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967, стр. 135, 136.

[138] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1123, л. 239.

выспренное обращение к солдатской массе ВРК 3-го армейского корпуса Северного фронта о заключении перемирия. «Товарищи, — гласило обращение, — настал великий момент, великий час». Ревком отмечал, что перемирие заключено «на условиях, которые не являются позором» и т. д. В подобном же духе был выдержан и приказ большевистского ВРК 25-го армейского корпуса Юго-Западного фронта.[139]

Там, где заранее было подобрано большинство большевистских делегатов, созданные ВРК оформлялись через «избрание». На 2-м Чрезвычайном съезде 2-й Армии Западного фронта в г. Несвиже (1—3 ноября 1917 г.) ранее уже существовавший ВРК был «избран», хотя свои приказы издавал еще до съезда и до своего избрания. Во главе ВРК стал большевик Н. В. Рогозинский, бывший одновременно и председателем армейского комитета. На этом съезде был избран в качестве командующего 2-й Армией поручик А. Киселев и начаты переговоры с противником о перемирии на фронтовой линии армии. Все комитеты 2-й Армии находились в подчинении большевистского ВРК.[140] В 35-м армейском корпусе Западного фронта власть находилась в руках ВРК и, как свидетельствовала сводка командования от 2 ноября, «состав коего совершенно случаен». ВРК порвал связи с ранее избранным армейским комитетом. В 3-м армейском корпусе дело шло к тому же, чему способствовало господствующее в массе «беспредельное желание закончить войну во что бы то ни стало». Председатель ВРК 3-й Армии И. Л. Коган в своей телеграмме в конце ноября сообщал новым хозяевам Ставки о переходе власти во всех частях армии к образованным ВРК, комиссары которых контролировали штаб армии и организовали выборы командного состава. ВРК образовал комиссию по переизбранию всех Советов и Земельных комитетов района армии. Все заподозренные в нелойяльности к ВРК немедленно арестовывались. Под давлением ВРК местный Совет, «бывший оборонческий, принял большевистскую платформу».[141] На Северном фронте, как определяло командование 31 октября, «все решительно держат камертон по Петрограду». Командарм 12-й Армии ген. Юзефович информировал фронтовые власти, что в Вендене большевиками был образован «самозванный» ВРК, возглавляемый латышским Исколастрелом, который вызвал себе на подмогу латышские полки. В 1-й Армии также

---

[139] Октябрьская революция и армия. Сб. док., стр. 166, 167.

[140] «Солдатская Правда», 7 ноября 1917 г.; «Звезда» (Минск), 4 ноября 1917 г.

[141] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1123, лл. 243, 244 и др.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 38, лл. 78, 79, 80.

был образован этот большевистский орган. Однако в первое время на Северном фронте, в противоположность Западному, большевики вели более гибкую тактику в связи с тем, что здесь еще сильны были позиции эсеров и меньшевиков. Все же в 12-й Армии большевики, в обход армейского комитета, самочинно назначили своего комиссара — прапорщика Риббе, который находился под следствием по обвинению в шпионаже. Более решительно большевики повели себя после 8 ноября, когда произошли перевыборы армейских комитетов 5-й и 12-й Армий, давших им незначительный перевес в 2—3 человека. В первое время здесь, на Северном фронте, борьба велась вокруг вопроса о посылке подкреплений двум враждующим лагерям в Петроград, что пока отодвигало проблему полного осуществления захвата власти ревкомами. Комиссариат Северного фронта содействовал отправке под Петроград на помощь Керенскому частей 17-го корпуса 5-й Армии и пропуску через Двинск войск с Западного фронта. Как известно, эта попытка потерпела неудачу уже непосредственно под Петроградом. Однако окончилась провалом и двухкратная попытка большевиков отправить сильный отряд в помощь Петроградскому ВРК. Эта попытка большевиков была парализована при содействии местных организаций эсеров, меньшевиков, ж.-д. рабочих и служащих. Отправке войск в помощь Керенскому мешала и лицемерная двойственная политика главнокомандующего Северным фронтом ген. Черемисова.[142]

Несмотря на близость к Петрограду, на всем Северном фронте большевики не смогли сразу установить господство созданным ими ВРК. Меньшевики и эсеры занимали еще крепкие позиции, а солдатская масса проявляла свойственные ей колебания и зачастую склонялась к выжиданию и к поддержке политики «нейтралитета». Об этом положении свидетельствовала борьба враждующих политических сил на съездах. Так, в конце октября на открывшемся съезде Советов солдатских депутатов 12-й Армии, собравшем 500 делегатов, за резолюцию большевиков проголосовало только 248 делегатов. Ни большевики, ни эсеры и меньшевики не смогли собрать большинства голосов. Съезд был вынужден прекратить работу. Для укрепления своих позиций, несмотря на создавшееся положение, большевики явочным порядком, опираясь на 6-й латышских полк, по инициативе ВРК заняли штаб 12-й Армии и Исполком выборных организаций. Произведены были и массовые аресты противников большевиков.[143] 1 ноября боль-

[142] «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 174, 177, 182, 183; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 106, лл. 21, 21об., 76, 77.

[143] Ф. Шурыгин. Революционное движение солдатских масс на Северном фронте в 1917 г. М., 1958, стр. 124, 125.

шевики при помощи роты солдат захватили непокорный армейский комитет 5-й Армии и предъявили ему ультиматум о сдаче дел.[144]

Хотя Петроградские события, по заявлению командования и комиссаров, раскололи Северный фронт «на две почти равные части», победа большевиков не подлежала никакому сомнению. Как доносил комиссар 1-й Армии, солдаты в успехе большевиков «видят не только приближающийся, но и немедленный мир». Хотя солдаты одобрительно отзывались о возможности создания правительства во главе с Черновым, все же обязательно выдвигали оговорки о безусловном признании декретов о земле и мире. Успешная работа крестьянских секций на фронте, которые пользовались успехом у солдатской массы, не смогла перебороть возросшую популярность большевистских лозунгов. Наметился перевес большевиков и в 1-й Армии фронта, где эсеры ранее занимали прочную позицию. На армейском съезде в Исполком армейского комитета было избрано 35 большевиков, 19 эсеров и 6 меньшевиков. Съезд отклонил предложение меньшевиков и эсеров о т. н. «нейтралитете» по отношению к Временному правительству и Совету Народных Комиссаров. Комиссар 1-й Армии фронта поручик Сабов информировал 11 ноября командование, что в сложившейся обстановке «никакое правительство, кроме большевистского, вернее, правительства мира, не может пользоваться успехом».[145] Еще 1 ноября штаб 5-й Армии известил фронтовой штаб, что в пределах армии «слагается весьма тяжелая обстановка, большевики явно одерживают верх, все части примыкают к ним».[146]

В такой сложной, но явно благоприятствующей большевикам обстановке, последние предприняли более энергичное наступление на своих ослабевших противников в деле насаждения ревкомов. 6 ноября в г. Пскове была созвана конференция Военно-революционных комитетов Северной области и Северного фронта. Согласно решений конференции, ВРК были обязаны приложить все усилия к тому, чтобы Советы и их Исполкомы, «не соответствующие настроению широких масс», т. е. не обольшевиченные, были немедленно переизбраны. Конференция предлагала ревкомам взять под свой контроль все без исключения армейские учреждения, организовать изгнание непокорного командного состава и заме-

---

[144] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 106, л. 21об.

[145] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 30, лл. 55, 56, 68, 82; «Окопная правда», 9 ноября 1917 г.

[146] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 24, л. 73.

нять их людьми, «преданными революции».[147] Почти одновременно состоялось расширенное заседание ВРК и армейского комитета 5-й Армии, где было принято решение о переходе власти в районе в руки ВРК. На основании принятого решения, ВРК издал приказ № 1, адресованный комитетам 14, 19, 27, 37 и 45-го армейских корпусов. В приказе подчеркивалось, что «вся верховная власть принадлежит ВРК при Армейском комитете» и что ВРК 5-й Армии действует в полном согласии с Советом Народных Комиссаров.[148] Так и в 5-й Армии комитеты превратились в придаточные, лишенные авторитета и какой-либо самостоятельности, отжившие органы. Во многих частях Северного фронта в результате грубого нажима ВРК комитеты стали слагать свои полномочия. Так, бригадный комитет 3-й артиллерийской бригады 17-го армейского корпуса сложил свои полномочия 8 ноября, и под неприкрытым давлением ВРК бригады была принята циничная резолюция: «Ввиду того, что функции бригадного комитета ограничены и потому не удовлетворяют всех требований солдат настоящего времени, бригадный комитет слагает с себя полномочия и передает все дела образовавшейся новой организации — Военно-революционному комитету». Одновременно был пополнен ВРК 3-й пехотной дивизии, при которой состояла эта артиллерийская бригада. Через неделю все выборные организации в 17-м армейском корпусе разделили ту же участь, что и указанный нами бригадный комитет, «ввиду того, — указывалось в резолюции, — что существующие организации в корпусе ограничены в своих действиях». В корпусе получил ничем не ограниченную власть ВРК. В ноябре же, на 3-м съезде 17-го армейского корпуса, уже было принято решение о передаче функций полковых комитетов военно-революционным комитетам. В латышских частях 12-й Армии еще ранее возник самочинный ВРК, который захватил власть в полках, что сопровождалось массовыми арестами командного состава. ВРК милостиво допускали существование комитетов на Северном фронте, которые имели прочное большевистское большинство. Так, комитет 2-го Сибирского армейского корпуса продолжал функционировать, так как его переизбранный комитет, насчитывавший к концу ноября 14 членов, состоял уже из 10 большевиков и сочувствующих им, одного беспартийного делегата и одного интернационалиста. Подобное наблюдалось и в 28-м армейском корпусе фронта. Корпусные комитеты, которые пытались сохранить свое политическое лицо, зачастую принужда-

---

[147] ЦГАОР, ф. 1236, оп. 2, д. 15, лл. 64, 65.

[148] Октябрьская революция и армия. Сб. док., стр. 69, 129, 420; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 30, л. 43; «Революционная Ставка», 26. xI. 1917 г.

лись к сложению своих полномочий, как это произошло с корпусным комитетом 1-го корпуса на Северном фронте.[149]

Этот успех большевиков в деле насаждения самозванных ВРК и фактического сведения на нет некогда авторитетных комитетов, может быть объяснен позицией солдатской массы, в сознании которой, как гласили сводки, «война уже фактически кончена». Вместе с тем, солдат-крестьянин, потрясенный нахлынувшим на него потоком событий, не мог разобраться в происходящем, и в ожидании мира, земли и ухода с фронта проявлял уже рассеянность к сложным политическим вопросам. Как отмечено в объяснительной записке командования о состоянии армии к середине ноября, колеблющийся солдат фронтов, «подавленный разнообразием нахлынувших на него впечатлений, не будет в силах разобраться во всей массе необычных для него переживаний», голодный, необутый и неодетый солдат терялся в потоке призывов агитаторов, речей, резолюций и разноречивых газетных сообщений. Многие солдаты, махнув рукой на бурлящий фронт, искали выход и в традиционном крестьянском дезертирстве, которое стало принимать массовый характер.[150] В создавшейся политической ситуации солдатам было теперь не до комитетов и их защиты, которые и ранее теряли свой авторитет и значение.

Большую долю вины в деле падения комитетов несут социалистические партии эсеров и меньшевиков, ЦИК Советов и Временное правительство, которые не удосужились в ходе революции своевременно выработать положение о комитетах и установить их несменяемость в течение срока полномочий. Это отступничество облегчило большевикам проведение в октябре-ноябре организованных ими «перевыборов» неугодных комитетов. На это обстоятельство справедливо указывал в первых числах октября и комиссар Юго-Западного фронта Иорданский.[151]

Хотя большевики на Западном и Северном фронтах в течение первых двух-трех недель и захватили власть, все же и здесь этот процесс сопровождался отчаянными попытками вновь возникших «Комитетов Спасения Родины и Революции» помешать ее захвату. Борьба за власть осложнялась широкой амплитудой колебаний солдатско-крестьянской массы. На Северном и особенно на Западном фронте победа большевиков была облегчена и пробольшевистской позицией прифронтовых гарнизонов. На Северном фрон-

---

[149] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 45, лл. 122, 123; Там же, оп. 78, д. 44, л. 66; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 30, л. 74.

[150] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 77об., 79об., 80, 80об.; Там же, ф. 2003, оп. 4, д. 30, л. 36.

[151] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 54, лл. 57, 58.

те, на примере борьбы в 1-й Армии наглядно проявилось стремление в лице ВРК свести на нет роль выборных комитетов, настойчивое стремление превратить их в послушное орудие насаждаемых сторонниками Ленина ВРК. Армейский комитет 1-й Армии, в котором, что характерно, преобладали сторонники левого блока, на своем экстренном заседании принял решение о признании Совета Народных Комиссаров. Армейский комитет объявил себя революционным органом власти, отстранил даже комиссара Временного правительства и взял власть в районе 1-й Армии. Однако большевики стали настаивать на приоритете своего ВРК, в результате чего разгорелась борьба именно армейского советского органа против антисоветского, никем не избранного, а назначенного ВРК. 29 октября армейский комитет принял постановление о том, что только он является органом по политическому руководству 1-й Армии, о непризнании власти большевистского ВРК и его приказов, данных в обход Совета. Мало того, было решено не допускать комиссаров ВРК в армию. Большевики прибегли к своему испробованному методу, и уже 30. X. — 6. XI. в Альтшваненбурге проходит 2-й армейский съезд 1-й Армии, состав которого при старании ВРК уже не насчитывал ни одного оборонца. Съезд обратился с воззванием к фронту о поддержании солдатами ВРК. Съезд избрал Исполнительный Комитет нового армейского комитета, куда вошло 35 большевиков, 19 эсеров и 6 социал-демократов. Как гласила сводка Ставки от 13 ноября, в 1-й Армии ВРК «пытается захватным порядком проводить идеи большевизма».[152] Как видим, большевики были решительными противниками демократически избранных полномочных комитетов, и в процессе насильственного подчинения этих выборных органов навязанным сверху ВРК, вообще сводили их роль до подобных учреждений, лишенных демократической сущности. 28 ноября в Пскове 1-й съезд солдатских депутатов Северного фронта, собравший большевистское большинство в результате политики нажима, насилий, а то и подтасовки, подвел итоги большевистского господства на Северном фронте. Из 532 собравшихся делегатов — 80% составляли большевики и их сторонники, 20% делегатов принадлежали к левым эсерам, а сторонники популярного Чернова, как это ни странно, вообще не были представлены, ровно как и меньшевики. В Исполком Совета было избрано 26 большевиков, 11 левых эсеров и 1 беспартийный казак. Этот съезд положил конец какому-либо правильному функционированию

[152] «Рижский фронт», 31 октября 1917 г.; «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 188; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 30, лл. 68, 78; «Правда», 5 ноября 1917 г.

аппарата управления в армиях своим постановлением о перестройке армии на т. н. «выборных началах».[153]

На Западном фронте победа большевистских ВРК обозначилась еще раньше и более решительно. Это положение создалось в результате искусственного подбора деятелями ВРК и большевистскими организациями солдатских делегатов съездов, которые, несмотря на колебания массы и наличие сильного эсеровского влияния, выявившегося в итогах крестьянского съезда фронта, вдруг оказались в большинстве большевиками. Так, на 3-м съезде 10-й Армии в Молодечно (7—10. XI.), из 600 делегатов 426 оказались большевиками. Чрезвычайный армейский съезд 2-й Армии в г. Несвиже, созванный по инициативе большевизированного 50-го армейского корпуса, состоял, по собщениям командования, «преимущественно и почти исключительно из партии большевиков». Точно так же состоявшийся еще ранее корпусной съезд Гренадерского корпуса, представленный далеко не всеми частями, был почти однородным «по своему партийному составу», т. е. на нем фактически были представлены только большевики. В результате, везде было установлено главенство ВРК, которые стали над комитетами и издавали обязывающие всех без исключения к подчинению приказы. Характерны в этом отношении приказы и предписания ВРК 10-й Армии за подписью его председателя Яркина. Приказы эти пестрят угрозами и указаниями на санкции.[154] Возникший, как мы уже знаем, по инициативе Северо-Западного Комитета РСДРП(б) и большевизованного Минского Совета, ВРК Западного фронта заявил о себе, что он «является единственным органом народной власти и народной воли фронта». Силы ВРК заняли штаб фронта и самочинно устранили от командования фронтом ген. Балуева.[155] 14 ноября генерал-квартирмейстер Западного фронта Н. В. Соллогуб информировал Ставку, что ВРК назначил своих комиссаров во все отделы штаба Западного фронта и что «фактически вся власть в руках партии большевиков», опирающейся на Минский гарнизон. Генерал Соллогуб сообщал, что назначенный ВРК новый командующий фронтом подполковник Каменьщиков — «полный пешка», и на фронте всем распоряжаются 2—3 лица, «безусловно умных и интеллигентных».

---

[153] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 302—305; ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 309, л. 336; ЦГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 116, ч. II, л. 80; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, л. 73.

[154] «Правда», 25 (12) ноября 1917 г.; «Фронт», 15 ноября 1917 г.; «Октябрьская революция и армия. Сб. док., стр. 90, 91, 93; «Бюллетень Военно-революционного Комитета 10-й Армии», 18 ноября 1917 г.

[155] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 543, л. 105; Триумфальное шествие Советской власти. Сб. док. и мат., ч. II. М., 1963, стр. 20, 21.

Окрепшие большевистские ВРК стали распускать создавшиеся в армиях «Комитеты Спасения Родины и Революции».[156]

Победе большевиков на Западном и Северном фронтах способствовала и обстановка, сложившаяся в непосредственном тылу и в обслуживающих их военных округах (Минский и Двинский военные округа). Большевистское восстание в Петрограде тотчас же нашло отклик в Двинском военном округе в связи с его близостью к столице. Петроградские события нашли, по определению комиссара этого округа, «самый живой отклик» в гарнизонах. Все крупные гарнизоны и громадное большинство мелких встали на сторону большевиков, которые образовали здесь ВРК, и под их руководством предпринимался целый ряд действий по оказанию активной поддержки Петроградскому ВРК. Жизнь гарнизонов была совершенно нарушена, а действия командного состава парализованы. Подобное положение создалось буквально во всех 32 гарнизонах округа. 31. X. в Луге большевики добились «переизбрания» Исполкома Совета, состоявшего почти сплошь из эсеров. Новые выборы по мановению «волшебного» большевистского жезла дали большевикам 24 места в Исполкоме, а эсерам только 6. По приказам ВРК из тюрем и гауптвахт были освобождены все арестованные солдаты, осужденные за неисполнение боевых приказов и по другим обвинениям. Только в одном Пскове было освобождено около 200 солдат, а в Минске ВРК даже создало из этой категории солдат специальный корпус имени Минского Совета. Всецело на сторону большевиков стал и Новгородский гарнизон. Солдаты по указанию ВРК часто разбирали ж.-д. пути и задерживали отряды, двинутые на помощь Керенскому. Так, даже солдаты небольшого Куженкинского гарнизона задержали следующий на Петроград бронепоезд и приняли участие в аресте его команды. Начальник гарнизона гор. Порхова доносил 11 ноября по команде, что фактически гарнизоном командует местный ВРК. Военный комиссар Владимиров резюмировал в своем рапорте, что громадное число гарнизонов Двинского округа «совершенно развалилось и во всех запасных частях ширились «мелкие эксцессы». В большинстве гарнизонов организованные ВРК перевыборы дали перевес большевикам. Прекращалась отправка пополнений на фронт. Аналогичное положение, как и в Двинском, наблюдалось и в Минском военном округе, в гарнизонах Минска, Витебска, Смоленска, в сравнительно отдаленной Калуге, в Ельне, Жлобине, Рогачеве, Новозыбкове и др. В Калуге гарнизон также освободил всех арестованных солдат. В указанных нами окру-

---

[156] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 10, лл. 11—26 (лента); Петроградский ВРК, т. 2, стр. 323.

гах, прилегающих к Северному и Западному фронтам, царили хаос и анархия, происходили разгромы винных заводов и цистерн спирта, подвергались разгрому военные и др. склады и ж.-д. составы. В городах возбужденные солдаты производили грабительские «обыски» и громили лавчонки и магазины. Ширилась погромная волна. Значительная часть солдат гарнизонов, находясь по существу на положении дезертиров, включилась в гигантски разросшееся аграрное движение крестьянства, которое совместно с солдатами безжалостно громило и жгло имения и усадьбы. Характерно, что в это движение включилась и довольно значительная прослойка фронтовиков. Опьяненная спиртом, озверелая солдатня убивала и своих ничем не повинных офицеров. Так, в Боровичах солдаты 174-го запасного пехотного полка убили по незначительному поводу своего командира полковника Буланова. К погромщикам-солдатам присоединялись дезертиры с фронта, где побеги солдат, по свидетельству комиссаров, принимали «массовый характер». Из заступившего на позиции 737-го пехотного Абловинского полка 185-й дивизии Северного фронта, в ночь на 7 ноября дезертировало 107 солдат, а в ночь на 8 ноября — 50.[157]

Тлетворное влияние распадающихся гарнизонов отражалось на фронтовых частях, отвлекая фронтовиков от участия в политической жизни, и все больше развязывало руки большевикам в лице ревкомов, которые с минимальной, но организованной силой охватывали фронт своими щупальцами, играя на чувствах уставших от невзгод солдат-крестьян, жаждущих мира и земли.

Создавшийся перевес большевиков на Северо-Западном и Северном фронтах вовсе не означал, что преобладающая масса фронтовиков осознала события и твердо идет за партией Ленина. Стремительные переходы из одной крайности в другую, выжидание, колебания солдат, их письма и волна делегаций и делегатов, направляемых частями в Петроград за получением информации, говорили как раз о том, что темная крестьянско-солдатская масса слабо разбиралась в событиях и не поспевала за их разворотом. В своем разговоре по прямому проводу начальник штаба 1-й Армии ген. Н. В. Пневский информировал начальника штаба Северного фронта ген. С. Г. Лукомского, что после Октябрьского переворота в настроениях частей и даже комитетов «вообще происходят головокружительные по своей быстроте и переходу от одной крайности в другую перемены».[158] Подобные настроения и

[157] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, лл. 65, 67, 68, 95, 96, 114, 114об., 115, 121, 122; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 39, лл. 53, 54; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 116, 117.

[158] «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 188.

колебания естественно коснулись и других армий. Так, части 49-го армейского корпуса 12-й Армии также колебались в ноябре в своем отношении к октябрьскому перевороту. Эти колебания и стремительную смену настроений можно вне всяких сомнений отнести ко всем фронтам. Масса фронтовиков была не в состоянии разобраться в калейдоскопе событий. Делегаты 1-й артиллерийской бригады Западного фронта солдаты Лизунов и Бицанов, характеризуя состояние умов в своей части, указывали: «единственно, что беспокоило нас, это каша сообщений, и мы не понимали точно разницу между Комитетом Военно-революционным и Спасения Революции».[159] Эта вполне понятная «каша» в умах царила как у солдат, так и у многих комитетчиков других частей фронтов. Делегат солдат Жаров из 15 Тифлисского гренадерского полка 9 ноября пояснял: «Когда мы обратились за разъяснениями в дивизионный комитет, то нам ответили, что «как вы не можете разобраться, так и мы». Поскольку солдаты не получили вразумительного ответа, отмечал делегат Жаров, что из себя представляет «Комитет Спасения Революции» и что «Военно-Революционный Комитет», они решили «до точного выяснения» остаться пассивными и к той, и к другой стороне. Все же эти солдаты требовали решительных мер для пополнения частей, помощи продовольствием, обмундированием, скорейшего заключения мира и созыва «в срок» Учредительного Собрания.[160] Характерно, что направляемые в Петроград делегации частей фронтов для выяснения положения в большинстве случаев выдвигали требования своих солдат о безоговорочном созыве «в срок» Учредительного Собрания.[161] Это требование выдвигали решительно все делегаты, даже вне зависимости от их политических устремлений. Так, в ноябре безоговорочно поддерживающий большевиков 21-й Финляндский стрелковый полк Северного фронта в лице своих делегатов Когана, Кульбаки и др. требовали «немедленного без всяких отсрочек созыва Учредительного Собрания.[162] Волна делегаций в Петроград происходила от отсутствия информации и желания солдатской массы получить сведения именно из Петрограда. Так, солдаты 533-го полка 10-й Армии обратились в ноябре с письмом в Петроградский Совет с просьбой дать солдатам полка совет, «присоединиться, к какой именно партии», так как они не знали,

---

[159] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 280.

[160] Петроградский ВРК, т. II, стр. 314, 315, 316.

[161] Там же, т. II, стр. 316, 317, 318, 319 и др.

[162] «Солдатская Правда», 9 ноября 1917 г.

«в какую сторону бросаться».[163] Письма солдат и многочисленные делегации из частей в Петроград бесспорно свидетельствовали о том, что несмотря на победу большевиков и захват ими власти во фронтовых частях при посредстве ВРК, солдатская масса активно не выступала против их господства постольку, поскольку они обещали мир и землю. В остальных вопросах крестьяне-солдаты, составляющие большинство армии, придерживались своей линии поведения. Во-первых, они требовали мира и немедленного роспуска по домам, дабы поспеть к дележу земли, немедленного улучшения их нестерпимого положения (питание, одежда и т. д.), решительно выступали против разжигания большевиками гражданской войны, вовсе не желая замены империалистической войны войной гражданской. Солдаты, что характерно, хотели скорейшего созыва Учредительного Собрания, чтобы последнее своим авторитетом санкционировало передел земли, и в своем большинстве выступали за однородное социалистическое правительство, за участие в нем всех социалистических партий, так как в этом видели залог авторитетного обеспечения их крестьянских социальных нужд. Все эти кардинальные требования солдатской массы совершенно не устраивали большевиков, так как теперь, после захвата власти, они стали рьяными «оборонцами» и до заключения мира не собирались отпускать фронтовиков по домам. Новая власть не располагала ресурсами для смены усталых частей на позициях, гражданская война входила в их программу; сторонники диктатуры, они как огня боялись разделить свою власть с другими партиями, и уже давно готовили меры по разгону Учредительного Собрания. Между тем, многочисленные письма солдат включали требования, многие из которых большевики не собирались или не могли удовлетворить. Так, солдат 762-го Невельского полка 4-й Армии Е. М. Кудряшев в своем письме Ленину от 17 ноября считал, что давно пора сменить солдат с позиций и что «несовестно» со стороны Ленина оберегать в гарнизонах сытых и обутых солдат, вместо направления их на смену в окопы. Кудряшев резко протестует и против развязывания большевиками гражданской войны: «Что Вы там сделали с Москвой и Петроградом, — восклицает солдат, — все разбили и сколько людей побили, а все зря, все из-за власти».[164] Солдат-измайловец 10 ноября писал Ленину: «Немедля ни одного дня» распустить солдат по домам, особенно старшего возраста, так как он располагает сведениями о значительных колебаниях в солдатско-крестьянской среде, «которые могут много испортить особенно в деле продо-

[163] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, л. 8.
[164] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 99, 99об.

вольствия»[165] В делах военного отдела ЦИК Советов собралось много писем подобного характера с разнообразными солдатскими требованиями, расходящимися с курсом большевиков.[166] 3 декабря председатель фракции эсеров и председатель комитета 10-й пехотной дивизии 11-й Армии рядовой Киселев обратился к Ленину с письмом-протестом против гонений на лидеров эсеров, в случае непрекращения большевистского террора угрожал, что его дивизия откроет фронт, и слагал всю ответственность на Ленина.[167] Эта обильная солдатская корреспонденция в Петроградский Совет и в военный отдел ЦИК Советов вносит серьезные и значительные коррективы в сообщения большевистской прессы за ноябрь—декабрь 1917 г. о якобы безусловной поддержке солдатской массой большевистской диктатуры. Материалы о солдатских делегациях, делегатах и наказы солдат-фронтовиков не в меньшей мере свидетельствовали об их требованиях, которые безусловно расходились с курсом большевиков, их замаскированными замыслами, наконец, невозможность облегчения положения фронтовиков и большевиками, которые ранее не скупились на демагогические обещания и убеждали солдат до переворота, что только власть Советов кардинально и тотчас же решит все наболевшие вопросы, устранит голод и своевременно созовет Учредительное Собрание.

Джон Рид был поражен нашествием солдатских делегаций в Петроград. «На тысячеверстном фронте, — писал Дж. Рид, — миллионы людей в русских армиях зашевелились, как море во время прилива, посылая в столицу сотни делегаций...»[168] О массовости и численности делегаций говорят и сохранившиеся документы. Так, 9 ноября 200 человек — делегатов-фронтовиков Северного, Западного и Румынского фронтов выбрали из своей среды группы по 54 человека для разъездов по России с целью ознакомления с положением. [169] В политическом отношении значительная часть делегаций высказалась за создание «однородного социалистического правительства», а многие отражали нейтралитет солдат и их выжидание, что было характерно для значительных слоев солдат. Многие делегации резко выступали против большевиков. Были, конечно, и сторонники пробольшевистского курса. Делегации отражали неизбежную пестроту взглядов армии, однако о

---

[165] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 111, лл. 149, 149об.

[166] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 111, лл. 146, 146об.; Там же, д. 110, л. 130; Там же, д. 65, л. 14; Там же, оп. 78, д. 60, лл. 14, 14об.; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 57, лл. 1—4об., 6—7, 19 и др.

[167] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 107, лл. 104, 104об.

[168] Дж. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1924, стр. 36.

[169] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 276.

большевистском преобладании не могло быть и речи. Если учесть политическую сущность высказываний и особенно наказов, то большинство солдатский делегаций высказывали взгляды, идущие вразрез с политикой большевиков. На заседании Петроградского ВРК 5 ноября выступил делегат 35-й пехотной дивизии 11-й Армии, который решительно протестовал против «репрессивных мер большевиков», допускающих на фронт только свою партийную литературу. Он возражал против арестов и недопуска на позиции представителей других социалистических партий. Делегат настаивал на свободе агитации и передвижения. «35-я пехотная дивизия, — заявил делегат, — против Керенского, против Ленина, но за Комитет Спасения, за прекращение гражданской войны». На этом же заседании делегат 9-го Финляндского полка потребовал свободы агитации, без которой не может быть осведомления солдат. Он заявил, что масса против «братоубийства» и за немедленный созыв Учредительного Собрания. «Среди солдат, — подчеркнул этот делегат, — нет ни большевиков, ни эсеров, есть только демократы». Другой представитель 35-й пехотной дивизии выразил мнение, что «за большевиками идут только незначительные солдатские массы и рабочие-красногвардейцы, которые работают в пользу большевизма за 10 руб. в день, как раньше черносотенцы работали за руб. в месяц». Большевики, продолжал оратор, должны уйти от власти, «так как их руки обагрены братской кровью». Представитель 35-й пехотной дивизии демонстративно удалился и призвал к этому других делегатов. Как свидетельствует протокол ВРК, «часть делегатов уходит». Делегат 1-го корпуса Юго-Западного фронта на этом же заседании заявил, что хотя 29 октября была принята «чисто большевистская» резолюция, все же «солдаты равнодушны к политической деятельности Советов». Солдаты же Преображенского полка и часть семеновцев вынесли резолюцию о поддержке Керенского. «Солдаты, — указывал делегат, — совсем запутались». Делегат-большевик заявил о необходимости переизбрания Комитетов и ареста комиссаров Временного правительства.[170] Представитель 1-ой Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и ряда батарей 51-й артиллерийской бригады Западного фронта сообщал 9 ноября в Петроградский ВРК, что солдаты колеблются, однако высказались за «однородное социалистическое правительство». На пленарном заседании бригадных и батарейных комитетов солдаты постановили требовать «соглашения всех социалистических партий для образования однородного социалистического правительства». Делегат 1-й Армии солдат Коржов, являющийся председателем крестьян-

[170] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 110, 111, 112.

ской секции армейского комитета, 10 ноября заявил, что Исполком Крестьянских секций армии приветствует переворот и не признает приказов Керенского. И все же, несмотря на 2 течения в армейском комитете, его члены, отражая взгляды солдат, признали необходимым создание власти «из всех социалистических партий». С. Коржов заявил протест против закрытия небольшевистских органов печати, что тем более недопустимо накануне выборов в Учредительное Собрание. Коржов заявил о неприемлемости присланного Петроградским ВРК комиссара, так как был избран другой из армейской среды.[171] Как донесения из частей, так и сообщения делегатов говорили о том, что многие части выжидали и становились пока на нейтральную позицию. Так, по сообщению из 235-го Билибеевского пехотного полка в конце октября, там были прочитаны постановления армейских и многих дивизионных комитетов о недоверии большевикам. Полковой и ротный комитеты постановили «до выяснения не выступать для защиты той или другой стороны, а ожидать, какое образуется правительство...»[172] Точно так же солдаты 176-го Переволоченского пехотного полка решили «стать на нейтральную почву» и делегировать солдат в Петроград «для связи и инструкции». С той же целью дивизионный съезд 8-й пехотной дивизии решил направить делегата в столицу. То же сделали колеблющиеся солдаты 167-го пехотного полка, 14-го Финляндского, 170-го Молодечненского, 3-го Финляндского пограничного полка, 551 551-го Великоустюжского и многие другие.[173] Делегаты 170-го Молодечненского пехотного полка 9-й Армии, по сообщению их делегатов Власовцева и Козарова, прибывших в Петроград 12 ноября, на полковом митинге решили, «пока дело не выяснится, резолюцию выносить нельзя».[174] Немало было делегаций, резко осуждавших гражданскую войну и стремившихся примирить враждующие стороны. Уставшие в результате 4-летней бойни солдаты хотели мира, а не ее продолжения на внутреннем фронте. Так, 81-я пехотная бригада, хотя и была за поддержку Совнаркома, все же послала делегатов в Исполнительный комитет 1-й Армии с требованием прекращения «братоубийственной бойни».[175] 31 октября на утреннем заседании Петроградского ВРК выступили делегаты 1-й, 5-й и 12-й Армий Северного фронта и Областного комитета крестьянских депутатов за «примирение сторон». На заседании выступила

---

[171] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 491, 380.
[172] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 381.
[173] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 173, 174, 41, 45, 242, 250, 260, 321.
[174] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 456.
[175] Документы Великой Пролетарской революции. М., 1938, т. 1, стр. 238.

и делегация 3-й стрелковой дивизии Румынского фронта, которая предложила начать «мирные переговоры» в Москве, Одессе, Киеве с целью примирения сторон.[176] Петроград посещали, естественно, и пробольшевистские делегации. Так, делегаты 1-го инженерного полка прибыли в столицу с поручением приветствовать ВРК Петрограда и Москвы. Члены Исполкома 9-го армейского корпуса 11-й Армии 8 ноября посетили ВРК, где приветствовали переворот и заявили о готовности корпуса содействовать работе этого органа.[177] Таким образом, совершенно очевидным фактом является политическая пестрота в настроениях солдат в период выступления большевиков. О поддержке последних преобладающей массой солдат не могло быть и речи. Об этом говорят и солдатские наказы, которые явно не устраивали лидеров большевиков. Сбивчивые, а часто и дезинформирующие ответы Петроградского ВРК на вопросы частей красноречиво свидетельствовали об этом. Так, на вопросы делегатов 9-го Ингерманландского пехотного полка Михайлова и Иванова, состоялось ли соглашение социалистических партий и какие фракции вошли в правительство, ответ Петроградского Совета от 17 ноября гласил, что «вошли все фракции, за исключением оборонцев». На вопрос делегатов об инструкциях на места, ответ гласил: «Вся власть Советам и ВРК».[178] В пестрой и сложной мозаике наказов все же преобладали, как правило, требования обязательного созыва в срок Учредительного Собрания, создание правительства из всех социалистических партий (т. н. однородного), категорическое осуждение гражданской войны и необходимость соглашения борющихся сторон, немедленное перемирие и передача земли крестьянству, а также требования солдат о немедленной ликвидации голода и улучшении снабжения армии, смены уставших частей. Так, 36-я пехотная дивизия Северного фронта в лице своих делегатов в Петрограде 20 ноября настаивала на вхождении в правительство всех социалистических партий, созыв Учредительного Собрания в назначенный срок, требовали смены с позиций старослужащих солдат, ликвидации недоедания, а то и голода. Наказ 117 пехотной дивизии 8-й Армии резко протестовал против разгорающейся гражданской войны, требовал необходимого созыва Учредительного Собрания, установления перемирия, передачи земли в ведение Земельных Комитетов. Ноябрьский наказ 3-й Туркестанской стрелковой дивизии (9-я Армия) выдвигал требования солдат, дабы социалисти-

---

[176] Петроградский ВРК, т. 1, стр. 423.

[177] «Солдатская Правда», 3 ноября 1917 г.; Петроградский ВРК, т. 2, стр. 260.

[178] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 34, 34об.

ческие партии пришли «к единогласному решению» и прекратили «братоубийственную войну». Наказ говорил о «наболевшем вопросе», который необходимо тотчас разрешить — о войне и мире и о земле. Солдаты 3-й Туркестанской дивизии настаивали на немедленной ликвидации недоедания, разутости, раздетости. Характерны вопросы солдат 2-й Финляндской стрелковой дивизии 7-й Армии, которые выясняли их делегаты 20 ноября в Петрограде и в Могилеве. Солдаты требовали ответа, будет ли созвано в срок Учредительное Собрание, как поступят «народные комиссары», если Учредительное Собрание откажется от защиты «интересов трудового народа» и согласны ли большевики создать «однородную социалистическую власть». Солдаты дивизии запрашивали, будут ли ограждены от репрессий депутаты Учредительного Собрания и какие меры будут приняты Советом Народных Комиссаров для соответствующих гарантий и т. п. Фронтовики 2-го Ивангородского отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона 13 декабря направили двух делегатов в Петроград и Москву, которые должны были запросить власти о причинах неоткрытия Учредительного Собрания и выяснения срыва этого народного форума. Наказ заключался восклицанием: «Да здравствует Учредительное Собрание!». Были и наказы, составленные в пробольшевистском духе, как, например, наказ 165-й пехотной дивизии Румынского фронта, который гласил, что дивизия «определенно примкнула к большевикам» и всецело будет их поддерживать вплоть до применения вооруженной силы и т. п.[179] Были угрозы применения вооруженной силы и со стороны делегаций антибольшевистского лагеря. Так, по сообщению В. Ленина, 5 ноября в Петрограде появилась делегация от ряда частей 17-го армейского корпуса Северного фронта, которая угрожала походом на Петроград с целью защиты демократических свобод.[180]

Таким образом, среди фронтовых частей наблюдалась политическая пестрота, и действительно большевистские настроения охватывали лишь довольно тонкую прослойку солдат, в то время, как их преобладающая масса фактически была нейтрализована большевиками на почве стремления солдат к миру и к получению земли. Все остальные желания и требования крестьянско-солдатской массы (Учредительное Собрание, осуждение гражданской войны, коалиционная власть — как залог пресечения гражданской войны и др.) вовсе не входили в расчеты большевиков и противоречили их желаниям. Председатель Петроградского Совета Троц-

---

[179] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 36, 36об., 39, 39об., 40, 40об., 67, 68, 68об., 69, 75об

[180] Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958, стр. 141.

кий, столкнувшийся не с одной делегацией солдат-фронтовиков, отмечал, что «политическая карта фронта отличалась наибольшей пестротой» и что «в громадном политическом потоке, руслом которому служили окопы, попадались нередко и встречные течения, водовороты и не мало мути».[181] В. Ленин в своем письме в ЦК от 1 октября, требуя вооруженного выступления, реалистически расчитывал не на поддержку армии, а на сочувствие солдат, и не на выступление фронта, а флота Кронштадта, Выборга, Ревеля.[182] На фронте и в гарнизонах большевики весьма успешно завоевали власть, но они так и не смогли решительно завоевать на свою сторону преобладающую часть солдатско-крестьянской массы, так как их политические интересы вскоре стали расходиться, о чем свидетельствовало поведение столичного гарнизона и войск фронта в период борьбы с Керенским и февральского наступления немцев в 1918 г.

О расхождении политических интересов солдатско-крестьянской массы и большевиков свидетельствует и поведение большевиков в «Особой Комиссии по выработке Соглашения между партиями и организациями» при Викжеле в конце октября и в начале ноября о создании коалиционного (однородного) правительства. Большевики крепко цеплялись за власть и не думали ни с кем разделять ее. Заявление В. Ленина на заседании ЦК РСДРП(б) 1 ноября не оставляло в этом вопросе никаких сомнений. Ленин заявил, что переговоры в указанной комиссии «должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Выступления других большевиков, в частности Троцкого, Урицкого и других, подтверждают это. Выступивший на заседании Сокольников не менее ясно выразил опасения большевиков перед возможной коалицией. «Если теперь добъемся пополнения, — сказал Сокольников, — то мы очутимся в ЦИК в меньшинстве, особенно если принять во внимание включение представителей от крестьян».[183] Такова была реальная действительность истинных намерений большевиков, маскировочных лозунгов о власти Советов, которые они не думали осуществлять и никогда не осуществили.

Захват власти в комитетах на Северном и Западном фронтах сопровождался ликвидацией большевиками комиссариата Временного правительства и созданием собственного комиссарского аппарата Петроградского ВРК и на местах, что имело немаловажное значение в деле перевеса большевистских сил. Как доносило командование Западного фронта, уже 7 ноября на фронте и в его

---

[181] Л. Троцкий. История русской революции, т. II, стр. 318.
[182] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 341, 390.
[183] Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 127, 128.

армиях были начисто ликвидированы большевиками комиссариаты. Даже на Юго-Западном фронте в армиях комиссары Временного правительства покидали свои посты.[184] Также все созываемые фронтовые и армейские съезды находились под неусыпным вниманием большевистского ЦК в лице Я. Свердлова, который требовал провести их «под нашим флагом».

Совершенно в другой обстановке, еще в более сложном социально-политическом и национальном переплетении интересов борющихся сторон происходил захват власти большевиками при помощи созданных ими ВРК на Юго-Западном и Румынском фронтах. На Кавказском фронте большевики так уже и не смогли, вплоть до его распада, установить свой полный контроль. Однако как на Западном, на Северном, так и на этих фронтах основная масса солдат, не будучи информированной или подвергаясь дезинформации о событиях в Петрограде, вела себя пока сдержанно и выжидательно, и все помыслы массы сосредоточивались вокруг вопроса о мире. Стремление к миру и немедленному окончанию войны, согласно осводке Ставки за 1—15 ноября, являлось господствующим мотивом в настроении всей армии. Характерным является возмущение солдат 25-го Смоленского полка 2-й Армии, которые заявили начальству, что о зимней кампании не может быть и речи, и оставаться на позициях они не могут, «жизнь дороже земли и воли, которых солдаты все равно не получат». А в одном из полков 39-го армейского корпуса Особой Армии было заявлено, что: «Если Ленин не даст мира, пусть будет снова Николай, лишь бы скорей мир, и под немцем хуже не будет». Подобные настроения становятся тем более понятными не только для двух южных фронтов, но и остальной армии, так как разрушительное действие голода, разутости и раздетости все больше прогрессировало. Как отмечало командование, в ноябре «с каждым днем голод для действующей армии перестает быть угрозой, а становится действительностью». На фронты почти прекратился подвоз продовольствия и фуража, ряд армий доедал неприкосновенный запас сухарей, конский состав падал от бескормицы, останавливались транспортные обозы, несправляющиеся с доставкой на фронт при осенней распутице продуктов из армейских и корпусных баз. Как сообщал начальник штаба Юго-Западного фронта, «плохая пища и недостаток обмундирования делают солдат безразличными даже к судьбе родины». На этом фоне стали возникать на Юго-Западном фронте под эгидой большевиков ВРК (2-й Гвардейский корпус VII-й Армии, 5-й Сибирский

---

[184] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 106, лл. 21об., 35, 36, 42, 44 и др.

корпус 2-й Армии, 1-й Туркестанский корпус Особой и др.).[185] 10 ноября в Старо-Константинове на совещании, созванном большевиками, представителей корпусов 11-й Армии было вынесено заранее подготовленное решение, что армейский комитет должен быть «переизбран», так как якобы не выражает воли солдат. Тут же был образован ВРК, и объявлен высшим органом власти в 2-й Армии фронта.[186] К концу ноября ВРК были образованы в 5-м, 6-м, 25-м и 32-м армейских корпусах, 5-м Сибирском и Гвардейском кавалерийском корпусах 2-й Армии.[187] Однако по сравнению с Западным и Северным фронтами на Юго-Западном фронте в целом создание ВРК затянулось. Кроме того, большевики не всегда могли здесь проводить в ВРК только своих кандидатов, так как на фронте большой политический вес имели эсеры. Так, на Чрезвычайном фронтовом съезде в г. Бердичеве (18—24. XI. 17 г.) из 658 делегатов большевики насчитывали 270 своих представителей, эсеры 213 (в том числе 50 левых с-р), меньшевики — 47. В созданный фронтовой ВРК входило в результате этого положения 18 большевиков, 5 левых эсеров, 9 правых эсеров, 2 меньшевика и 1 беспартийный делегат.[188]

Армейские большевики, комиссары Петроградского ВРК и руководители местных большевиков делали все, что было в их силах для создания явочным порядком ВРК, часто при помощи назначения сверху при заранее подобранных кандидатурах. Так, в ночь на 2 ноября назначенный на Юго-Западный фронт комиссар из Петрограда И. П. Васянин сформировал Ревком 2-го Гвардейского корпуса 7-й Армии в дер. Севериновка. Как сообщал начальник штаба корпуса ген. Синклер, «образовавшийся явочным порядком революционный комитет» возник благодаря пропаганде делегатов, приехавших из Петрограда, и лиц, именующих себя «народными комиссарами». Корпусной командир был вынужден сложить свои полномочия.[189] Петроградский ВРК направил уполномоченных в 126-ю пехотную дивизию и 39-й армейский корпус для организации военно-революционных комитетов — Н. П. Ворожцева, а во 2-ю Армию большевика М. Н. Каковихина.[190]

Создание ВРК на Юго-Западном фронте также сопровождалось подчинением существующих выборных солдатских органи-

---

[185] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 77—80; Там же, д. 24, лл. 22—24.

[186] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 48, л. 46.

[187] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 102, л. 44.

[188] «Голос фронта», 21 ноября 1917 г.; «Известия ВРК Юго-Западного фронта», 30 ноября 1917 г.; «Революционная Ставка», № 2, 28 ноября 1917 г.

[189] Октябрьская революция и армия. Сб. док., стр. 55, 63.

[190] П. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 192.

заций власти ревкомов или же полным низведением роли этих некогда авторитетных демократических органов до исполнителей указаний, навязанных свыше ВРК. Состоявшийся 2—4 ноября «съезд» 5-го армейского корпуса 2-й Армии выделил ВРК, который, согласно резолюции, должен был передать власть в «руки Советов», и который якобы должен был просуществовать до перевыборов комитетов и полного подчинения частей Советской власти. ВРК был объявлен все же «высшей инстанцией» и его власть распространялась и над всеми комитетами. Мало того, согласно резолюции, самочинно созданный ВРК корпуса, ставший над комитетами, подчинялся только Совету Народных Комиссаров.[191] Такие функции и подчиненность ВРК непосредственно Петрограду сводили на нет какое-либо значение выборных демократических организаций. Аналогичное положение создалось по всему фронту. Приказ № 1 ВРК Юго-Западного фронта в конце ноября за подписью председателя Разживина фактически подчинял все комитеты власти этого фронтового органа.[192] Созданный во второй половине ноября армейскими большевиками 2-го Гвардейского корпуса и Проскуровским комитетом большевиков ВРК всей 7-й армии, естественно, был также самозванным органом. Следует подчеркнуть, что политический тон в этом ВРК задавал представитель Проскуровского комитета большевиков С. Виллер («наш формулировщик», как характеризовали его армейские большевики) и прибывший из Петрограда новый комиссар фронта, большевик Н. Кузьмин.[193] Большевик С. Виллер вместе с самозванными комиссарами Петроградского ВРК Васяниным и Кузьминым твердо усвоили инструкцию Я. Свердлова и «подготовили» съезд 7-й Армии, состоявшийся в декабре в г. Каменец-Подольском, в составе которого при наличии в 7-й Армии больших сил эсеров, меньшевиков и украинцев оказалось 500 большевиков, всего лишь 200 эсеров и совсем ничтожное количество меньшевиков и беспартийных. Председателем съезда стал не имеющий отношения к армии С. Виллер. Съезд провел «довыборы» членов в ВРК, устранил от командования армией ген. Циховича и избрал «народным комиссаром» И. П. Васянина. Комиссар 7-й Армии Сургучев был вынужден бежать из ее пределов. Меньшевики и эсеры ушли со съезда. 3 декабря в г. Кременце открылся 3-й армейский съезд 2-й Армии, который уже стал ареной ожесточенных столкновений хозяйничавших в армии большевиков, которые и здесь

---

[191] Октябрьская революция и армия, стр. 61.

[192] «Революционная Ставка», 28 ноября 1917 г.

[193] «Известия ВРК 7-й Армии», 9, 10, 18 декабря 1917 г.; Октябрь на фронте. Воспоминания, стр. 168, 172; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 111, л. 136.

составляли «большинство», эсеров, меньшевиков и сторонников Украинской Центральной Рады, с опозданием раскусивших маневры приверженцев Ленина, направленные против национального самоопределения украинского народа. Съезд принял резолюцию о признании власти Совета Народных Комиссаров, о т. н. демократизации армии и избрал постоянный ВРК Армии. Во всех частях ревкомы, игнорируя комитеты, становились, согласно решению съезда, полновластными органами. К середине ноября большевиками были созданы ВРК в корпусах и дивизиях Особой Армии, а в г. Луцке армейский Военно-революционный Комитет. 27 ноября в г. Ровно открылся 4 съезд Особой Армии, из числа делегатов которого 224 составляли большевики и сочувствующие им, а эсеры, меньшевики и др. насчитывали 205 делегатов. Пользуясь искусственно подобранным большинством, большевики провели постановление о т. н. «выборном начале» и создали новый ВРК Особой Армии, высшую власть в ее пределах.[194]

Проводимый большевистскими ревкомами террор и махинации приводили к тому, что съезды не отражали действительного соотношения сил на Юго-Западном фронте. Как известно, в армиях фронта украинцы составляли не меньше одной трети солдат, а на Чрезвычайном фронтовом съезде Юго-Западного фронта (18—24 ноября) в Бердичеве украинских меньшевиков и эсеров, составлявших основное ядро украинских организаций, насчитывалось всего 73 делегата, в то время, когда весь состав съезда превышал 650 делегатов.[195] Перевес большевиков на многих корпусных и армейских съездах фронта происходил и в результате разгона комитетов и их арестов. В результате этого инициатива созыва съездов переходила в руки ВРК. В армиях шла внутренняя борьба демократически избранных комитетов с вновь учрежденными ревкомами. 20 ноября большевистским ВРК был произведен в г. Проскурове арест армейского комитета 7-й Армии фронта. Одновременно происходили роспуски комитетов и принудительная самоликвидация («сложение полномочий»), а также фиктивные «перевыборы», проводимые в обстановке митингов, запугиваний и арестов. Самозванный ВРК Особой Армии с небольшим отрядом из состава 126-й пехотной дивизии, возглавляемым прапорщиком Дмитриевым, организовал поход на г. Луцк, и после занятия города отстранил от дел и арестовал комиссариат армии, держа в осаде Исполком армейского комитета и штаб армии. Все эти армейские учреждения не функционировали. Отряд произвел массо-

---

[194] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 48, л. 232; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 102, лл. 17, 49.

[195] «Солдатская Правда», 1 декабря 1917 г.

вые аресты офицеров. В результате террора из 126-й пехотной дивизии были вынуждены бежать и многочисленные солдаты, отказавшиеся участвовать в набегах на штаб армии и армейский комитет. Важно отметить, что разгром и арест армейского комитета 7-й Армии ВРК произвел с целью предотвращения готовящегося созыва съезда со стороны этого выборного органа, который мог помешать фальсификации выборов.[196] В такой исключительной обстановке созывались и проводились «съезды», от имени которых ВРК проводили свои мероприятия на одном из крупнейших фронтов страны. Однако успех захватной политики большевистских ВРК вовсе не свидетельствовал о поддержке большевиков всеми солдатами. По сообщению командования, наряду с резолюциями « в духе большевиков», например, 79-го Куринского и 400-го Хортицкого полков, было сколько угодно антибольшевистских постановлений. Так, 43-й Охотский полк 7-й Армии требовал подчинения Учредительному Собранию, заявляя, что срыв созыва этого органа «будет подавлен силой», и резко протестовал в начале декабря против захвата власти большевиками. Такие же настроения царили в 20-й пехотной дивизии, в частях 25-го армейского корпуса и др. При обсуждении вопроса об Октябрьских событиях в Петрограде в 5-м Сибирском корпусе собрание корпусного комитета раскололось — 60 депутатов покинуло собрание, а остальные 58 человек вынесли решение о поддержке Временного правительства. Во многих частях, например, в 100-й и 111-й дивизиях, настроение солдат, по оценке командования, было «безучастное» и «выжидательное», что относилось, пожалуй, к большинству солдатской массы фронта. Даже по тенденциозным подсчетам большевиков, на Юго-Западном фронте за «однородно-социалистическую» власть высказались в своих наказах 102 войсковые части.[197] Большевистские ВРК в процессе своих захватнических действий в большинстве случаев не встречали противодействия массы, так как последняя в своем стихийном стремлении к долгожданному миру находилась пока под гипнозом декрета о мире и обращения Ленина по радио от 9 ноября ко всем солдатам и матросам, где он призывал солдат, минуя командование, к формальному вступлению в переговоры о перемирии с противником.[198] Однако когда прошел этот угар у ошеломленной бурными собы-

---

[196] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 111, лл. 136, 137, 181, 182; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 380, л. 12; Октябрьская революция и армия, стр. 112, 113; Октябрь на фронте. Сб. воспоминаний, стр. 168, 171, 185.

[197] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 29об., 30, 30об., 31об., 32об.; Там же, оп. 4, д. 31, л. 145; «Известия ВРК Юго-Западного фронта», 30 ноября 1917 г.

[198] «Рабочий и Солдат», 9 ноября 1917 г.

тиями солдатской массы и после установления перемирия 24 ноября на фронтовика снова нахлынули временно отодвинутые перемирием неразрешенные и важные вопросы. В первую очередь, это был важнейший в условиях Юго-Западного и Румынского фронтов национальный вопрос, особенно украинский. На арену борьбы выступила Центральная Рада, пользующаяся огромной популярностью у широкой массы солдат-украинцев, которая перепутала карты большевистских ВРК, создав в декабре на фронте новую обстановку, о которой пойдет речь далее.

Как уже указывалось, развитие революции на Юго-Западном и особенно на Румынском фронтах происходило в более сложной обстановке, чем на Северном и Западных фронтах. Здесь в ходе событий возникли специфические особенности, выдвинутые выступлением Центральной Рады, вмешательством Румынской армии и воздействием дипломатических и военных миссий Антанты. Ввиду выступления большевиков здесь на фронте и в его ближайшем тылу создавалась сложная обстановка гражданской войны. В период Октябрьского переворота Ставка и ее руководящий русский генералитет связывали свои надежды с фактическим главнокомандующим Румынского фронта ген. Д. Г. Щербачевым. Ставка с основанием полагала, что в связи с нахождением в распоряжении генерала румынских частей и пребыванием многих русских соединений на территории Румынии, генерал Д. Г. Щербачев в состоянии объединить антибольшевистские силы и бросить их на борьбу с Советом Народный Комиссаров. Во второй половине октября, буквально в канун Петроградского мятежа, ген. Духонин предложил Щербачеву принять верховное командование. Только практическая невозможность осуществления этого мероприятия заставила ген. Щербачева отказаться от этого предложения.[199] Исходя из своих довольно сильных позиций, созданных спецификой фронта, ген. Щербачев, лидеры фронтовых социалистических партий, комиссар фронта правый эсер Э. Тизенгаузен направили все свои усилия на то, чтобы не допустить большевизации фронта и захвата власти большевиками, что мы наблюдали на других фронтах, и сохранить боевую силу армии. Следует подчеркнуть, что в этих стремлениях ген. Щербачев имел несомненный успех. Командованию фронта удалось на определенный период затормозить большевизацию солдатских масс и сохранить за собой руководство в 4-й, 6-й и 9-й Армиях Румынского фронта до конца ноября. Как вытекало из переговоров штаба фронта со Ставкой, ген. Щербачев 30 октября доносил, что он — хозяин положения

[199] Э. Г. Валь. К истории белого движения. (Деятельность генерал-адъютанта Д. Г. Щербачева). Таллин, 1935, стр. 23.

на фронте и что «имеют место только митинги отдельных частей с выработкой определенных резолюций. Комиссар фронта информировал Ставку, что в армиях царит «исключительное спокойствие», и только один 29-й армейский корпус 9-й Армии стал на сторону Совета Народных Комиссаров. Даже австро-венгерское командование обратило внимание на тот характерный факт, что 4-я, 6-я и 9-я Армии фронта вплоть до конца ноября не подверглись большевистскому владычеству и находились в подчинении командования. По мнению австро-венгерского командования, ген. Щербачев смог противопоставить себя Петрограду, так как располагал румынскими королевскими войсками. Характерно, что командующий 4-й Армией ген. Рагоза и командующий 6-й — ген. Цуриков оставались на своих постах еще в начале декабря 1917 г., в то время, когда на других фронтах командующие армиями были уже давно смещены. Процесс большевизации рассматриваемого нами фронта тормозился также бесспорным фактом поддержки значительной частью солдат-фронтовиков эсеровской, меньшевистской, а также национальных партий, что привело к затяжной борьбе политических сил на этом театре военных действий.[200]

Захвату власти большевиками мешало и то обстоятельство, что армейские деятели социалистических партий и комиссар фронта правый эсер Э. Тизенгаузен вовремя перехватил инициативу у большевиков, проявленную ими на других фронтах, и сами создали ВРК фронта. Сразу же после 25 октября по инициативе Э. Тизенгаузена во фронтовой ВРК в г. Яссах вошли представители фронтового отдела Румчерод, комиссариата фронта и командования. В ВРК вошел Э. Тизенгаузен, его помощник эсер Андриянов, от штаба фронта — подполковник Дубяго, а от фронтового отдела правый эсер Лордкипанидзе (председатель), Хаджи-Лазарь, Лозовой, Виселков Моночиненков и др. Во вновь созданный ВРК вошли и большевики, например, Баранов. ВРК считал своей главной задачей борьбу «за сохранение порядка и спокойствия» на фронте и в тылу, дабы не дать врагу «воспользоваться критическим положением страны». ВРК осуществил также создание соответствующих комитетов в армиях фронта. Возникшие фронтовой и армейские ВРК препятствовали реализации директив Совета Народных Комиссаров. Мало того, новый фронтовой орган приступил и к формированию «свободной революционной дивизии» для защиты демократических свобод, которые большевики ликвидировали. Румчерод также сформировал для борьбы с большевиками отряд особого назначения численностью в 3 ты-

---

[200] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 215, 216; Österreich-Ungarns letzter Krieg (1914—1918). Bd 6. Wien, 1937—1938, Ss. 724, 731.

сячи человек. В частях фронта было принято значительное количество резолюций, направленных против захвата власти большевиками. Однако, как большевики не смогли направить с Западного и Северного фронтов реальную помощь в Петроград, так и ВРК Румынского фронта не был в состоянии оказать помощь Временному правительству.[201]

Солдаты решительно противились развязыванию гражданской войны, и все их помыслы сводились к заключению мира. С целью закрепления устойчивости фронта, ВРК и Румчерод созвали 31 октября в г. Романе (Румыния) Чрезвычайный съезд армий Румынского фронта. В соответствии с реальным соотношением сил на фронте, что подтвердили и выборы в Учредительное Собрание, эсеры были представлены в Романе 108 делегатами, меньшевики — 40, а большевики располагали 25 мандатами. Не располагая большинством, большевики ушли со съезда, однако они согласились на участие в созданном съездом фронтовом ВРК и оставили список своих кадидатов (Баранов, Корнев, Чекалин). Съезд принял резолюцию, которая настаивала на создании «однороднодемократического правительства» с участием «всех социалистических партий» и о непризнании власти Совета Народных Комиссаров. Об организационной слабости большевиков фронта и их опасениях потерять влияние в массе свидетельствует и беспринципная резолюция фракции большевиков съезда. В этом документе они признавали необходимость создания «однородной» демократической власти. Формирование ее должно быть доверено Комитету Спасения Родины и Революции, «пополненному представителями большевиков». Политиканство руководящей верхушки большевиков фронта дошло до того, что резолюция фактически игнорировала создание Совета Народных Комиссаров. Вряд ли об этом не знал один из опытных руководителей большевиков фронта П. И. Баранов, вступивший в партию задолго до революции. О слабости большевиков фронта свидетельствовал и тот факт, что фронтовой комитет РСДРП(б) был создан довольно поздно, 31 октября на съезде в Романе, а в 4-й, 6-й и 9-й Армиях комитеты большевиков возникли значительно позднее.

Член фронтового комитета РСДРП(б) П. И. Баранов в своем докладе на конференции большевиков фронта в Кишеневе (27—30 ноября) отметил, что в сентябре и октябре организации большевиков или вовсе отсутствовали, или же были слабы.[202]

---

[201] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 216, 217, 219; Архив Русской Революции, изд. И. В.Гессеном, т. VII. Берлин, 1922, стр. 293, 307.

[202] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 220, 221, 223; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 116, л. 3.

Более сильные позиции занимали большевики в 8-й Армии фронта, находившейся на крайнем его фланге и имеющей оживленные связи с тылом, и в частности с Петроградом. Здесь в 8-й Армии, явочным порядком возникли первые большевистские ВРК на Румынском фронте. 6 ноября большевики 33-го армейского корпуса на своей конференции постановили образовать во всех частях корпуса ВРК и начать т. н. организованное братание под руководством этих органов.[203] Еще до этого решения, по инициативе побывавшего в Петрограде большевика И. Ф. Кучмина, в 13-м Заамурском полку этого корпуса 27. X. возник первый на Румынском фронте большевистский ВРК, захвативший всю полноту власти во главе с Кучминым. На съезде ревкомов 33-го армейского корпуса в Хотине в середине ноября был создан новый, большевистский по составу, ВРК корпуса во главе с большевиком Я. М. Муравником. ВРК корпуса контролировал как командный состав, так и комитеты.[204] Большевистский ВРК возник и в 165-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса 8-й Армии. ВРК были введены и во всех частях дивизии и поставлены над комитетами, контролируя всю деятельность комитетов полков.[205] Ревком этой дивизии под руководством большевика Даньшина сделал попытку ареста 31 октября армейского комитета 8-й Армии, однако солдаты отказались поддержать это намерение. В 32-й пехотной дивизии этого же корпуса 26 октября уже возник орган, который получил название «Исполнительный дивизионный Комитет большевиков» и 27 октября довел до сведения командования, что «он принял всю полноту власти» и направил в большевистскую фракцию ЦИК Советов телеграмму, что 32-я пехотная дивизия все свои силы передает в распоряжение большевиков. Однако в целом, обстановка, сложившаяся в пределах 8-й Армии, по сравнению с Западным и Северным фронтами, не давала еще возможности большевикам сразу же захватить власть. 7 ноября Исполком комитета 32-й пехотной дивизии и уполномоченные организации солдат-крестьян решили организовать при дивизии «Совет солдатских депутатов», которому и была передана вся полнота власти. Но в состав Совета вошли полностью Исполком дивизионного Совета, 5 представителей солдат-крестьян, 3 делегата от дивизионной Рады, 1 от мусульманского бюро, по одному представителю от политических партий.[206] Создание этого органа означало неудачу попыток большевиков захватить власть в одностороннем порядке.

---

[203] ЦГВИА, ф. 4896, оп. 1, д. 3, л.62.

[204] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 255; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 27, л. 78.

[205] «Известия 2-го армейского съезда 8-й Армии», 25 ноября 1917 г.

[206] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 36, л. 60—62; Там же, оп. 1, д. 1238, лл. 158—160; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 254.

В остальных армиях фронта в основном действовали ВРК, в составе которых большевики были в меньшинстве. Эти комитеты стояли на политической платформе фронтового съезда в г. Романе и высказывались за однородно-социалистическое правительство. Противники большевиков с полным основанием считали создание этих ревкомов своим успехом и препятствовали самочинному захвату власти сторонниками Совета Народных Комиссаров. Одобрительно отзывался об этих органах, действующих в пределах 4-й Армии, и ее начальник штаба Н. Монкевиц.[207] Только созданный в 29-м армейском корпусе 9-й Армии ВРК придерживался большевистской ориентации.[208]

На Румынском фронте из-за своей малочисленности и организационной слабости большевики не были в состоянии широко развить свою сеть самочинных ВРК. Как констатировал один из лидеров большевиков Корнев на фронтовой конференции в конце ноября, «для активной борьбы нас было слишком мало».[209] Несмотря на все усилия большевиков, им пока не удавалось создать свой численный перевес в основной сети существующих ВРК фронта. Так, даже во вновь созданном ВРК 4-й Армии к концу ноября большевиков насчитывалось 9 человек, меньшевиков — 2, эсеров — 2, представителей армейской Украинской Рады — 2. Крестьянская секция располагала в этом органе тремя местами, 1 член ВРК был беспартийным и 2 места было предоставлено делегатам мусульманских национальных организаций.[210] По сообщению комиссара 9-й Армии Печкурова, в начале ноября большинство частей относилось отрицательно к захвату власти большевиками в Петрограде, во многих частях армии царило безразличное отношение, а в ряде соединений солдаты высказывались за большевиков, так как происходящие события усилили жажду мира. Все же, указывал комиссар, в связи с распространением газет с петроградскими декретами, особенно о мире, «трудно будет удержать темную массу в окопах . . .»[211] Безусловно, стремление к миру накладывало отпечаток на настроение и поведение солдатской массы на Румынском фронте. Стремление к немедленному миру господствовало, естественно, и в других армиях фронтов. Главным и основным оружием большевиков, при помощи которого они пытались, часто успешно, сломить отрицательное отноше-

[207] Э. Г. Валь. Указ. соч., стр. 21; Monkewitz de general. La décomposition de l'armee Russe. Paris, 1919, p. 131.

[208] ЦГВИА, ф. 2236, оп. 1, д. 1080, л. 545.

[209] «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов», 30 ноября 1917 г.

[210] ЦГВИА, ф. 7807, оп. 2, д. 74, л. 101.

[211] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 7, 10, 15.

ние массы к перевороту и к гражданской войне, был мир. Резко отрицательное отношение к петроградскому перевороту высказало большинство солдат 40-го, 24-го, 16-го и др. армейских корпусов, что имело место и в очень многих других дивизиях и полках фронта. Одновременно происходили расколы в солдатской среде в пределах частей. Характерным, например, является раскол среди солдат 283 пехотного полка 30-го армейского корпуса, где фронтовики раскололись «на две почти равные части», как гласило донесение. Одна часть полка во главе с рядовым Окуневым поддерживала большевиков, а другая стояла на политической платформе Чрезвычайного съезда в Романе. В 191-й пехотной дивизии сочувствовало большевикам только меньшинство солдат. В армиях фронта позиции большевиков серьезно ослаблял национальный вопрос, особенно украинский, так как большевики после захвата власти все больше начинали проявлять свои центристские стремления. В начале ноября украинский вопрос особенно обострился в 10-м и 26-м армейских корпусах фронта. В частях 23-го армейского корпуса также происходили столкновения украинских и русских солдат, что наблюдалось и в частях 16-го армейского корпуса. В сводках командования за вторую половину ноября указывалось, что уже на всех фронтах получила развитие «волна национальных претензий» украинцев и представителей других национальностей.[212]

Об единстве политических устремлений в частях фронта не могло быть и речи. Интересна характеристика состояния умов солдат 33-го Елецкого пехотного полка фронта, данная председателем его полкового боевого комитета прапорщиком Авдуевым, что смело можно отнести к большинству частей. В своем сообщении комиссару армии от 31 октября прапорщик Авдуев указывал, что настроение солдат можно разделить на 3 течения. В полку были солдаты, явно и определенно высказывающиеся против большевиков, захвативших власть в свои руки. Другая категория солдат явно симпатизировала большевистским идеям и видела в этом единственное средство и путь к достижению их стремлений и желаний, а главное — достижению мира. «Но есть и колеблющиеся, — писал Авдуев, — их симпатии меняются в зависимости от стечения обстоятельств и обстановки».[213]

Социальная и политическая разнородность имела место в частях и других армий. Это обстоятельство отражалось и в принятых резолюциях. Так, съезд представителей полковых комитетов и

---

[212] Революционное движение в русской армии. Сб. док., стр. 73, 74, 75, 76, 77 и др.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 142.

[213] ЦГВИА, ф. 2139, оп. 1,, д. 1879, л. 376.

актива 16-го армейского корпуса 8-й Армии 3 ноября осудил выступление большевиков. Однако тут же выдвигались требования о передаче помещичьей земли до созыва Учредительного Собрания и необходимость немедленного мира. Соединенное заседание дивизионного и полковых комитетов 12-й пехотной дивизии в начале ноября осудило выступление большевиков в Петрограде. Но одновременно резолюция гласила: «Мы воевать больше не можем и не будем».[214]

Отсутствие должной информации, выжидание и колебания в среде солдат отражают и другие характерные резолюции. Так, на заседании бригадного комитета 14-й артиллерийской бригады 8-го корпуса 4-й Армии от 29 октября была принята резолюция (6-ю голосами против 4-х), гласящая, что «ввиду того, что мы стоим на страже интересов страны и ввиду того, что в данное время образовалось три правительства, — мы никакой резолюции по текущему моменту выносить не можем». 4 члена комитета занесли в протокол свое особое мнение с осуждением «преступной авантюры большевиков» и т. п. В бригаде и до 29 октября происходили бурные заседания комитетов, выражавшиеся разноголосицей мнений.[215] Однако большинство выборных солдатских организаций, опираясь на преобладающие настроения массы, высказывались против самочинного захвата власти большевиками, решительно осуждали разжигание большевиками гражданской войны и, не имея достоверной информации, уповали на созыв Учредительного Собрания. Так, соединенное заседание членов полкового комитета, ротных и командных комитетов 35-го Сибирского стрелкового полка 4-го Сибирского армейского корпуса 6-й Армии 30 октября, даже констатируя «неопределенность положения», осудили «единоличное выступление» большевиков, призвали идти «по пути порядка и спокойствия», уповая на скорый созыв Учредительного Собрания и единогласно присоединились к резолюции корпусного комитета. Собрание приветствовало образование в 4-м армейском корпусе «Корпусного Комитета спасения революции».[216] Дивизионный комитет Сибирской стрелковой дивизии 6-й Армии 12 ноября определил выступление большевиков в Петрограде как «вредное новому строю и революции». Дивизионный комитет и представители ротных комитетов считали это выступление несвоевременным, так как страна стояла у порога созыва Учредительного Собрания, а мятеж в Петрограде создавал угрозу срыва его созыва. Собрание единогласно высказалось против раз-

[214] ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 19, лл. 117, 132, 140, 155, 194 и др.
[215] ЦГВИА, ф. 2344, оп. 1, д. 5, л. 63.
[216] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 29, лл. 15, 17об.

вязывания гражданской войны. Подобные же настроения царили и в полках этой дивизии.[217] Опираясь на преобладающие мнения низовых выборных организаций, общее собрание корпусного комитета 18-го армейского корпуса 9-й Армии квалифицировало выступление большевиков в Петрограде как «бунтовщическое», осудило его и заявило в своей резолюции об отпоре «всяким попыткам справа и слева» нарушения демократических свобод. Комитеты двух коренных дивизий корпуса — 23-й и 27-й — решительно осудили насильственный переворот в Петрограде.[218]

Таким образом, несмотря на неизбежные колебания солдатско-крестьянской массы на Румынском фронте и на поддержку определенной частью фронтовиков большевиков (исключительно в плоскости достижения мира), преобладающая часть состава армий решительно отвергала развязывание большевиками гражданской войны и все свои надежды связывала с немедленным созывом Учредительного Собрания, которое в глазах солдат-крестьян располагало достаточным авторитетом для оформления их притязаний на землю.

С подобным положением на Румынском фронте не хотели мириться ни Петроград, ни местные большевики. Тем более, что не только командование фронта, но и авторитетный Румчерод не признавал власти Совета Народных Комиссаров. 20 ноября 1917 г. Румчерод вынес постановление о непризнании власти Совета Народных Комиссаров. Еще 31 октября Петроградский ВРК постановил «переизбрать» явочным порядком фронтовые выборные организации Румынского фронта под тем необоснованным и не отвечающим действительности предлогом, что якобы фронтовые организации «все время не переизбирались».[219] Большевики тем более торопились поскорее устранить выборные солдатские организации, так как последние не признавали Совет Народных Комиссаров и назначение Н. В. Крыленко Верховным главнокомандующим. Так, 10 ноября армейский комитет и ВРК 6-й Армии отвергли резолюцию, предложенную большевиками, и преобладающим большинством голосов вынесли постановление о создании в Петрограде «однородного демократического правительства» и о непризнании СНК и назначения Крыленко. Точно так же 15 ноября была отклонена резолюция фракции большевиков армейского комитета и принята резолюция эсеров и меньшевиков, направленная против политики Совета Народных Комиссаров по вопро-

---

[217] «Известия фронтового отдела Румчерод», 12 ноября 1917 г.

[218] ЦГВИА, ф. 2367, оп. 1, д. 5, л. 60.

[219] Документы Великой Пролетарской революции, т. 1. М., 1938, стр. 135.

сам перемирия.[220] Совнарком и Крыленко решили «усилить руководство» на Румынском фронте и направить туда в качестве комиссара фронта известного кронштадтского экстремиста, большевика С. Рошаля. Для облегчения намечаемого большевистского переворота, состоящий из большевиков Ясско-Сокольский ВРК направил 29 ноября в адрес ВРК фронта ультиматум, в котором указывалось, что солдаты «требуют» немедленного удаления из района Яссы-Соколы ударных батальонов, так как «дальнейшее их пребывание в этом районе чревато гражданской войной». Созданный большевиками еще 1 ноября в Романе фронтовой комитет РСДРП(б) настаивал на перевороте, так как, по его утверждению, солдаты якобы «требовали», чтобы фронтовой ВРК сложил свои полномочия, дабы власть Совета Народных Комиссаров была безоговорочно принята по всему Румынскому фронту.[221]

Как большевики предполагали осуществить свои намерения по захвату власти из рук демократически избранных солдатских выборных организаций, видно из поучений Н. В. Крыленко, которые он внедрял в сознание делегатов т. н. общеармейского съезда в Ставке. Это фактически было ни чем иным как политическим спектаклем с участием заранее подобранных 32 большевиков, 9 левых эсеров и 1 интернационалиста. Н. В. Крыленко призывал к разрушению бюрократического аппарата и подчеркивал, что «нам нужно уничтожить лживые понятия, воспитанные буржуазными науками, о неприкосновенности парламента, о неприкосновенности депутатов, о свободе печати . . .». Новоявленный Главковерх призывал «не миндальничать с нашим врагом». «Нужна дерзость! — восклицал Н. В. Крыленко, — чтобы суметь победить» и т. п.[222] Эта «дерзость» была проявлена. 2 декабря в Яссах состоялось совещание представителей фронтового комитета большевиков Ясского и Сокольского Исполкомов, армейского комитета 4-й Армии, представителей Одесского комитета большевиков и Совета Народных Комиссаров. Совещание приняло предложение «во исполнение воли революционных солдат» потребовать от существующего на фронте ВРК немедленного признания власти Совнаркома, или же безоговорочного сложения полномочий. Совещание выделило из своего состава большевистский фронтовой ВРК, в который от Комитета РСДРП(б) фронта вошли Корнев, Троицкий, Баранов, Еремеев, Комаровский, от Ясского и Сокольского Испол-

---

[220] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 156, л. 36, 41.

[221] Бюллетень военных комиссаров (№ 4 от 17. I. 1918 г.); «Республиканец», 14 декабря 1917 г.; «Известия фронтового отдела Румчерод», 29 ноября 1917 г.; «Воин-Гражданин», 13 декабря 1917 г.

[222] «Революционная Ставка», 15 декабря 1917 г.

комов — Аксенов, Сухарев, Николаев, Щепонов. Представителем Одесских большевиков в состав самозванного ВРК вошла Рог, а армейский комитет 4-й Армии, без всяких на то полномочий, представляли большевики Григорьянц и Старостин. Только что прибывший из Петрограда заместитель Рошаля Рейсон представлял в этом самочинном органе Совет Народных Комиссаров.

2 декабря в 10 часов вечера члены этого «органа» в сопровождении 15 солдат отправились во фронтовой ВРК и с угрозой применения силы предъявили ультиматум руководству и фактически свергли его. В ночь на 3 декабря большевики провозгласили установление власти Совета Народных Комиссаров по всему фронту.[223] Так «сконструировали» большевики новую власть на фронте.

Как думали большевики осуществить в частях власть Народных Комиссаров, свидетельствуют предписания Н. В. Крыленко. В начале декабря, на бланке Совнаркома, М. И. Заремба получил предписание новоиспеченного народного комиссара и Главковерха о назначении комиссаром 18-го армейского корпуса 9-й Армии. «Поручается вам, — указывалось в предписании, — отстранить от должности командира корпуса и начальника штаба, комиссаров прежнего правительства. Немедленно созвать корпусной съезд и образовать при корпусе Военно-революционный Комитет».[224]

Присутствовавший на армейском съезде 4-й Армии фронта назначенный Совнаркомом комиссар 4-й Армии Кожевников оставил нам некоторые характерные подробности большевистского путча в Яссах. Комиссар сообщал, что 22 ноября он «задержался в Яссах, где комиссар фронта Тизенгаузен заявил ему, что он не признает власть Совета Народных Комиссаров». «Тогда некоторые члены Ревкома совместно с тов. Кожевниковым организовались, — сообщается в протоколе съезда от 6 декабря, — и сместили старый фронтовой комитет».[225] Где только могли, большевики создавали свои самочинные органы в обход других партий и организаций, хотя последние располагали в армиях более многочисленными сторонниками, чем большевики. (Например, эсеры и органы Рады). Так, 1-я конференция большевиков 4-й Армии, без всяких на то законных оснований, выделила Временный армейский комитет и образовала ВРК, в составе которого преобладали сторонники Ленина во главе с одесским большевиком Старостиным, не имевшим по существу никакого отношения к армии.[226]

---

[223] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 228, 229; ЦГВИА, ф. 2309, оп. 1, д. 363, лл. 227, 227об.; ЦГВИА, ф. 2367, оп. 1, д. 4, ч. II, л. 1313.

[224] ЦГВИА, ф. 13305, оп. 1, д. 3, л. 93; ЦГВИА, ф. 2214, оп. 6, д. 138, л. 954.

[225] ЦГВИА, ф. 2118, оп. 6, д. 25, лл. 12, 12об.

[226] ЦГВИА, ф. 6072, оп. 1, д. 1, л. 7; ЦГВИА, ф. 7807, оп. 2, д. 74, л. 101.

19 ноября большевиками-путчистами был арестован в районе Бакеу весь состав штаба 24-го армейского корпуса 4-й Армии, все офицеры и Ревком, стоявший на политической платформе съезда в Романе, и выступавшего за создание однородного правительства в России.[227]

Однако официальные документы не всегда дают полную картину обстановки, в которой происходила ликвидация армейских выборных организаций и т. н. «демократизация» командного состава. Как свидетельствовал бывший «выборный» командующий 4-й Армией И. С. Кондурушкин, все эти мероприятия большевиков проводились при помощи лихих ночных налетов, носивших характер низкопробной авантюры. 19 ноября, вспоминает Кондурушкин, он и другие заговорщики с 70-ю пулеметчиками двинулись в штаб 24-го корпуса. Большевики Рыбак и Курочкин входили в состав этой экспедиции, так как им было поручено создать временный корпусной комитет. К 6 часам утра 20 ноября этим отрядом был захвачен корпусной комитет, телеграф и арестован командир корпуса ген. Николаев. После «сформирования» Ревкома корпуса большевистские путчисты на должность командира корпуса «взяли первого попавшегося, — как пишет Кондурушкин, — почти наугад, из учебной команды Рымникского полка». Этот «первый попавшийся» был представлен офицерам корпуса в качестве нового корпусного командира. 24 ноября заговорщики во главе с Кондурушкиным и с теми же 70-ю пулеметчиками 48-й пехотной дивизии явились в г. Роман, место расположения штаба 4-й Амрии, где совершили очередной путч. «Кроме меня и Курочкина, — отмечает И. С. Кондурушкин, — было еще трое для создания временного армревкома. Был прихвачен и «временный командующий 4-й Армией молоденький Протопопов». Почти аналогичные явления происходили и в 48-й пехотной дивизии.[228]

Однако, как мы уже знаем, обстановка на Румынском фронте резко отличалась от Западного и Северного театра военных действий, в результате чего, описанная нами политическая вакханалия «революционного» захвата власти тут же резко оборвалась. На арену активной борьбы вступила Центральная Рада, создавшая в Киеве «Краевой Комитет по охране Революции», который под ее руководством пытался установить порядок на Украине. III-й Всеукраинский войсковой съезд в Киеве выразил полное доверие этому Комитету при Центральной Раде, требуя от последней провозглашения Украинской Демократической Республики в этно-

---

[227] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 162, л. 472.

[228] Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967, стр. 248, 249, 250 и др.

графических границах Украины. Опубликование III-го Универсала Рады от 7 ноября фактически означало провозглашение УНР и установление ее суверенитета на Украине. В связи с разгромом Ставки, дезорганизацией ее аппарата и зверским инспирированным Крыленко убийством ген. Духонина нарушилась оперативная связь фронтов. Центральная Рада пыталась сохранить боеспособность Юго-Западного и Румынского фронтов, прикрывающих украинскую территорию. С этой целью в ноябре на заседании Генерального Войскового Секретариата было принято важное решение о создании из этих двух фронтов единого Украинского уже фронта во главе с ген. Щербачевым. Командование этих фронтов признало власть Центральной Рады, так как после падения Ставки у них не было другой альтернативы. Ген. Щербачев писал впоследствии, что он принял предложение Центральной Рады, так как деятельность Рады совпадала пока с его планами. Однако он решил сохранить за собой командование Румынским фронтом, так как здесь, по его словам, «ожесточенная борьба с большевиками была в полном разгаре».[229] Центральная Рада создала на Румынском фронте межнациональный орган, в котором, естественно, преобладали украинцы, сыгравшие немаловажную роль в разгроме большевистских путчей в частях. Решение о создании этого органа было задумано еще на Чрезвычайном съезде в Романе, где было предложено образовать Коллегиальный Комиссариат «из выборных представителей всех национальностей фронта». Комитет национальных и областных комиссаров в условиях Румынского фронта стал важным политическим орудием в борьбе с большевиками и поэтому последние упорно добивались его роспуска.[230]

Существование самочинного большевистского ВРК на Румынском фронте продлилось не более суток, так как в ночь на 4 декабря по распоряжению ген. Щербачева и при активном содействии Комитета национальных и областных комиссаров большевистский ВРК был арестован. К утру власть оказалась в руках командования и Национальных комиссаров во главе с органами Центральной Рады. В ночь на 13 декабря отряды Центральной Рады арестовали все самочинные организации 9-й Армии. К 10—11 декабря были устранены созданные большевиками самочинные

---

[229] 1917 год на Киевщине. Хроника. Киев, 1927, стр. 316, 326, 333, 363, 384, 403; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 49—59. (Раздел «Совместные действия и разрыв с Украинским правительством»).

[230] ЦГВИА, ф. 2224, оп. 6, д. 1, л. 519; «Летопись Революции», № 1 (10), 1925, стр. 106 и др.

органы в 4-й и 6-й Армиях.[231] Избежавшие ареста члены большевистского Ревкома: поручик Корнев, Баранов, Герман, С. Рошаль снова объявили себя «фронтовым Ревкомом», и 7 декабря по инициативе ген. Щербачева на его квартире было созвано совместное совещание самочинного Ревкома и «Национальных и областных Комиссаров». Деятели Центральной Рады предложили создать объединенный революционный Комитет фронта, в состав которого должны были войти демократические организации фронта, что естественно давало преобладание командованию и Раде. Непременным условием своего вхождения в этот новый орган противники большевиков ставили признание власти Совета Народных Комиссаров «только лишь на территории Великороссии». Для большевиков подобное требование и перевес их противников в новом ВРК было неприемлемым. Поручик Корнев решился даже на отчаянный шаг, он пытался совершить покушение на ген. Щербачева. Однако, как все планы большевиков, так и эта затея, потерпели крах. Национальный Комиссариат ввел в здание Совещания вооруженный отряд. Члены большевистского Ревкома были арестованы вместе с С. Рошалем, который вскоре был убит. Как писал ген. Щербачев, «опираясь на умеренные элементы, и соответственно перегруппировав румынские части, я арестовал все образовавшиеся и пытавшиеся захватить власть большевистские комитеты и назначенных ими лиц командного состава на всем Румынском фронте ... Двинувшиеся с фронта для поддержки комитетов большевики были встречены румынскими войсками и разоружены». Генерал отмечал, что «разгром пытавшихся захватить власть в Яссах большевистской организации сопровождался вооруженным нападением на меня, окончившимся неудачей».[232] Одновременно Румынское командование ввело на ст. Соколы свои части, которые к 10 декабря разоружили сочувствующие большевикам соединения гарнизона.[233]

В такой сложной и чреватой важными политическими и военными последствиями обстановке шла борьба между взаимно исключающими друг друга силами Румынского фронта.

Однако эта борьба выходила за пределы Румынского и охватила армии Юго-Западного фронта, их тыловые территории и разгоралась ярким пламенем межнациональной борьбы на террито-

---

[231] «Республиканец», 12 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 36, лл. 232, 239, 297 и др.; Рабочая и крестьянская красная армия и флот», 23. I. 1918 г.; «Республиканец», 12 и 14 декабря 1917 г.

[232] Бюллетень бюро военных комиссаров. Бюллетень № 4, январь 1918 г.; «Республиканец», 12 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 49—59.

[233] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 232.

рии всей Украины, и логикой событий переносилась на другие фронты, включающие значительные украинские контингенты. Фактически шла революционная борьбе за национальное самоопределение Украины, за ее суверенитет, осуществляемый Центральной Радой, со стремлениями большевиков подавить национально-освободительное движение вообще и привести страну к общему политическому знаменателю. Как мы уже знаем, лидеры большевиков национально-освободительное движение «вплоть до отделения» признавали только на словах. Отрицательное отношение Совета Народных Комиссаров к проведению Центральной Радой украинизации частей, приводило ко все учащающимся столкновениям на фронте. Вооруженные столкновения происходили и в тылу. Развертывающаяся борьба большевиков за власть под главенством Совнаркома на двух южных фронтах против Центральной Рады, выступление Каледина на Дону, активность Румынии, охраняющей свой суверенитет, и позиция военных миссий Антанты и ген. Щербачева, принимали уже характер ожесточенных вооруженных схваток, придавая специфический оттенок всей политической обстановке на юге страны.[234] 3 декабря последовала телеграмма Н. В. Крыленко большевистским ВРК Юго-Западного фронта, армейским съездам 11-й, Особой и 7-й Армий, комиссарам Чудновскому, Кузьмину, Главнокомандующим Юго-Западного и Румынского фронтов, в которой большевистская Ставка требовала принять немедленные меры к приостановке проводимой украинизации. Крыленко предлагал, в случае необходимости, обезоружить «враждебно настроенные части» и занять верными СНК отрядами узловые станции Украины, такие как Жмеринка, Бердичев Одесса и др. На сколоченном Крыленко т. н. общеармейском съезде 11 декабря в Ставке была принята резолюция о «контрреволюционности» Центральной Рады. Резолюция призывала «революционные армии» участвовать в борьбе с Центральной Радой и т. п.[235] Фактически, требования Крыленко означали вмешательство во внутренние дела Украинской Народной Республики, тем более, что проведение украинизации вытекало из известных юридически оформленных актов с Временным правительством и Ставкой.[236] Известный манифест Совета Народных Комиссаров к украинскому народу с ультимативными требованиями к Центральной Раде, вышедший из-под пера Ленина, является беспримерным документом политического лицемерия о якобы

---

[234] «Голос Революции», 21 декабря 1917 г.; Maresal Alexandru. Avereseu Notiţe Zilnice din Războiul (1916—1918). Bucureşti, pp. 256, 262.

[235] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 533, л. 293.

[236] Разложение армии в 1917 году. М.—Л., 1925, стр. 83 и др.

признании права отделения и независимости Украинской республики и в то же время грубого вмешательства во внутренние дела украинского народа, навязывание ему большевистских самочинных Советов при фактическом отказе от национального суверенитета и ультимативного требования об участии украинского народа в гражданской войне в России. Такими были требования о непропуске на Дон возвращавшихся с фронта казаков и о продвижении через Украину большевистских отрядов, идущих войной против Каледина.[237] В своем ответе Генеральный Секретариат обвинил Совнарком «в грубом покушении на права самоопределения, навязывании извне своих форм политического устройства». 6 декабря на съезде Советов Украины в Киеве была принята резолюция по вопросу об ультиматуме, в которой требования большевистского правителььства рассматривались «как агрессивный шаг протим УНР». Еще ранее Винниченко заявил, что по существу, большевики хотят уничтожить УНР и что пропуск большевистских отрядов на Дон против «самоопределяющихся сейчас наций» означает разжигание «братоубийственной войны» и нарушение нейтралитета со стороны Украины. На заседании Малой Рады украинский эсер Салтан заявил, что в действительности идет борьба «между централистическо-империалистическим правительством Петрограда и демократией Украины». На областном съезде РСДРП(б) в Киеве видный большевик В. П. Затонский подчеркнул, что ультиматум и обвинения, выдвинутые против Центральной Рады в том, что последняя не собирает съезда Советов и не признает СНК, есть вмешательство во внутренние дела. «Если приказ о Советах исходит сверху, извне, то получается вмешательство в местные дела, — указал Затонский, — получается национальная борьба . . .». Затонский считал ультиматум «результатом плохой информации». Другой большевик, Л. Пятаков, высказался за ультиматум, так как последний якобы был неизбежен в связи с разгромом большевиков в Киеве.[238] Не подлежит сомнению, что убедившись в невозможности победы большевиков на Украине мирным путем, Совнарком во главе с Лениным решил пойти по пути вооруженной интервенции против молодого украинского государства.

Следует отметить, что Ленин и его единомышленники прилагали все силы для разжигания национальной и гражданской войны в стране. Большевики толкали на путь вооруженной борьбы и уставшую от войны казачью массу. Еще 3 ноября дневное заседание Петроградского ВРК посетила делегация Совета Союза Ка-

[237] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 143—145.

[238] 1917 год на Киевщине. Хроника событий, стр. 422, 425, 426, 433.

зачьих войск, огласившая резолюцию о выводе казачьих войск на родину в связи со скверным материальным, моральным положением и негодностью конского состава. В состав делегации входили представители как тыловых, так и фронтовых казачьих частей. В ответ на требование казаков Подвойский категорически заявил от имени СНК, что казаки «останутся на местах до тех пор, пока Калединское восстание не будет ликвидировано, пока позиции Каледина не изменятся».[239] Совнарком требовал и от Центральной Рады стать на этот путь произвола.

В связи с проводимой еще царским правительством политикой руссификации украинских городов и преобладания в них русских, евреев и других неукраинских элементов большевики использовали здесь определенные слои населения и запасные части для оппозиции, а то и восстания против Центральной Рады. Особенно это было заметно в Донецком бассейне, в Криворожье и других местах. С целью укрепления своих позиций, Центральная Рада сосредоточила усилия в деле переброски украинских частей для ускорения украинизации гарнизонов и выдвигала требования о выводе из пределов Украины русских, по национальному составу, частей. Так, например, Украинская армейская Рада 4-й Армии в ноябре вынесла резолюцию, в которой указывалось на необходимость «вывести неукраинские войска из пределов Украины». Подобные же резолюции мы наблюдаем и в частях других армий.[240] В ноябре украинский комиссар Одесского военного округа потребовал от штаба Румынского фронта переброски в Одессу всего украинского контингента 19-го и 36-го запасных полков, которые перешли в состав украинских «куреней» г. Одессы. В 26-м украинизированном армейском корпусе 9-й Армии войсковые органы Центральной Рады добились того, что по первому их требованию эти части двинулись в Киев.[241] Как гласила сводка Ставки, из украинизованного 34-го армейского корпуса два полка «самочинно» направились с Юго-Западного фронта в Киев.[242] Следует отметить, что эти переходы происходили не только по требованию Генерального Секретариата, но полностью совпадали с желаниями самих солдат-украинцев на фронтах и в тыловых гарнизонах России. Украиннцы-солдаты 9-го армейского корпуса 2-й Армии «самочинно» собрались в количестве 2—3 тысяч на ст. Синявке и потребовали перевезти их на Украину. В корпусе имелось не ме-

---

[239] Петроградский ВРК, т. 2, стр. 8.

[240] «Воин-Гражданин», 5 ноября 1917 г.

[241] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 2, д. 498, лл. 355; ЦГВИА, ф. 2143, оп. 1, д. 8, л. 70 и др.

[242] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, л. 51.

нее 12 тысяч украинцев. В 3-м Сибирском корпусе украинизированные части также стягивались в места предполагаемой посадки в ж.-д. составы. 10 декабря солдаты-украинцы в количестве 300 человек явились вооруженными на ст. Замирье, где потребовали предоставления им ж.-д. состава для переезда в пределы Украины. Дивизионный комитет 75-й пехотной дивизии этой Армии не смог организовать заслон для предотвращения ухода с фронта солдат, так как эта дивизия на $^2/_3$ состояла из украинцев. 9 декабря в Минске было обезоружено 2 украинских эшелона, следующих на юг.[243] В ноябре, до обострения конфликта между Центральной Радой и СНК, когда большевики проявляли еще определенную сдержанность, эшелоны украинских солдат двигались упорно в пределы Украины. 20 ноября из Петрограда был отправлен на Украину эшелон из 260 солдат-украинцев, а 30 ноября в Киев был отправлен эшелон солдат-украинцев во главе с офицерами. 21 ноября по разрешению Московского ВРК было отправлено 256 солдат и 2 офицера «в национальную украинскую армию». Из Петроградского гвардии Семеновского резервного полка 20 ноября отбыл на Украину 391 солдат-украинец и 4 офицера.[244] Но уже в конце ноября Н. В. Крыленко и по его распоряжению ВРК стали ставить препоны на пути стремящихся на родину украинских солдат. Так, в конце ноября ВРК г. Невеля задержал по требованию Ставки самовольно покинувших фронт первый эшелон 1-й Кавказской стрелковой дивизии в составе 679 солдат и 8 офицеров. Солдаты заявили, что они, украинцы, на Северный фронт не вернутся и требуют отправки в пределы Украины. Солдаты направили в Петроград делегацию.[245] 6-й понтонный батальон 5-й Армии Северного фронта ультимативно потребовал в начале декабря отправления на Юго-Западный фронт.[246]

На основании соглашения Центральной Рады со Ставкой, в начале октября, Генеральный Секретариат в лице С. Петлюры настойчиво требовал переброски украинизованных частей с других военных театров на Юго-Западный фронт. Поскольку большевистская Ставка стала препятствовать переброскам, дело доходило до угроз со стороны Центральной Рады, и началась волна самочинных солдатских перебросок. Части 21-го армейского украинского корпуса Северного фронта, перевода которого добивалась Центральная Рада, стали явочным порядком организовывать перевозки. Центральная Рада предлагала взамен 21-го корпуса пере-

[243] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 7, д. 1, лл. 23, 24, 26, 29, 31.
[244] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 493, 214, 275.
[245] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, л. 28, 29.
[246] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, л. 46.

бросить на Северный фронт оплот большевиков на Юго-Западном фронте — 2-й Гвардейский корпус, состоявший в основном из русских солдат.[247] Переброски украинских частей вместе с материальной частью с Северного, Западного и др. фронтов на Украинский фронт не сходили в ноябре и декабре с повестки дня.

В процессе активизации органов Центральной Рады по стягиванию на Румынский и Юго-Западный фронты солдат-украинцев и офицеров и усиления проведения украинизации частей вообще, все больше обострялись отношения между Центральной Радой и большевистской Ставкой, а также усиливался раскол внутри частей на фронте. Исходя из своих политических целей, большевики не желали считаться с юридически оформленными украинизованными частями и их подчиненностью Генеральному Войсковому Комитету. 3 декабря Ставка заявила, что украинизованный 34 армейский корпус Юго-Западного фронта «состоит в распоряжении русской армии», а генеральный войсковой комиссар С. Петлюра уведомлял исполняющего обязанности Главкома фронта ген. Стогова, что этот корпус «находится в распоряжении Генерального Секретариата Центральной Рады».[248] Подобные конфликты множились. О политическом расколе на национальной почве писал и исполняющий должность Главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Стогов. 6 декабря генерал информировал Ставку о положении на фронте: «Полагаю, что с введением в русской армии политики, претендовать на то, чтобы все части этой армии думали одинаково, не приходится, да кроме того, нельзя не считаться с тем, что у нас помимо частей смешанного национального состава имеются и части чисто национальные...»[249] Как писал в Военный отдел ВЦИК солдат Дубенского гарнизона Столяров, на собраниях, съездах в Киеве «идут столкновения» украинцев и русских, что «товарищи-украинцы проявляют насильственность над большевиками» и что на Украине, к сожалению, равенства и братства нет.[2250] Солдат-украинец И. А. Матвеенко в своем письме от 16 декабря во ВЦИК писал, что солдаты-украинцы поверили Раде и выражают недовольство тем обстоятельством, «что Россия у нас хочет забрать хлеб и не дает ни денег, ни ситца». В связи с этим обстоятельством солдаты-украинцы считали, что и России не следует давать хлеб, керосин и уголь. Такое положение, писал Матвеенко, «отвело солдат-украинцев от классовой борьбы» и

---

[247] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 41, 43, 44; Там же, оп. 1, д. 533, лл. 272, 297 и др.

[248] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 91, 92.

[249] ЦГВИА, ф. 2003, о п. 1, д. 683, л. 90.

[250] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 57, л. 47.

т. п.[251] Как информировало командование Румынского фронта Ставку 8 ноября, в частях 9-й Армии «выступление большевиков и украинский вопрос являются в настоящее время главным фактором, влияющим на настроение войск». Здесь, в частях армии, отмечался национальный антагонизм между украинцами и неукраинцами. В 6-м армейском корпусе Юго-Западного фронта солдаты в украинизированных частях относились «недружелюбно» к русским офицерам. Солдаты-украинцы отказывались голосовать за большевиков.[252] «Острота положения», связанная с украинским вопросом, имела место и на далеком Кавказском фронте, — гласила сводка.[253]

Проведение украинизации и межнациональные столкновения имели серьезное значение для судеб фронта. Так, 9-я Армия Румынского фронта в результате этих явлений потеряла свое значение как единая боевая сила и распалась на две части. Командармом украинской части этой армии стал ген. Кельчевский, а командармом великорусской части был видвинут большевик, прапорщик Сафронов. Из некогда значительной 9-й Армии к началу 1918 г. на стороне большевиков оказались лишь сильно ослабевшие 18-й и 40-й корпуса, которые пробивали себе путь на соединение с 8-й Армией.[254]

Стремление солдат-украинцев к выделению национальных частей не подлежало сомнению. Большевики, и в частности Н. В. Крыленко, делали все от них зависящее, дабы затормозить это национально-освободительное движение украинских масс, являющееся залогом независимости Украины. Все свои приказы большевистский главнокомандующий спускал на тормозах, дабы не вызвать отпор со стороны украинцев. В своем приказе от 8 декабря Крыленко дезинформировал массу, написав: «Категорически заявляю, что приостановка (украинизации. М. Ф.) носит временный характер». В то же время Крыленко направлял великорусскую массу во все без исключения национальные формирования, которые якобы «оставляют всю тяжесть обороны на остальных». Одновременно большевистская Ставка запретила на фронте и в прифронтовой полосе проведение национальных съездов и настаивала, в целях ослабления своего политического противника, на проведении т. н. демократизации в национальных частях во-

---

[251] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 65, лл. 50, 50об.

[252] Октябрьская Революция и Армия. Сб. док., стр. 73, 74, 105 и др. «Известия Армейского Комитета 9-й Армии», 26 ноября 1917 г.

[253] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 507, л. 47; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1123, л. 71.

[254] ЦГВИА, ф. 2258, оп. 6, д. 9, лл. 7, 15; ЦГВИА, ф. 2139, оп. 5, д. 48, лл. 168, 169, 170; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1328, лл. 331 и др.

обще.[255] Однако национально-освободительное движение приобрело настолько мощный размах, что во многих армиях Юго-Западного и Румынского фронтов большевистские ВРК не могли приостановить это движение и зачастую были вынуждены идти на компромиссы с органами Центральной Рады. Так, большевистское большинство армейского комитета 6-й Армии 9 декабря уже после ультиматума СНК Центральной Раде и приказов прапорщика Крыленко, свержения Радой большевистского фронтового комитета в Яссах даже направило своих представителей в комиссию по разработке вопроса о национализации войск. На Юго-Западном фронте, в его Особой Армии, большевистский ВРК даже блокировался с органами Центральной Рады и, «избегая гражданской войны», вступил с ней в соглашение. Учитывая мощное национальное движение, большевистский фронтовой ВРК Юго-Западного фронта был вынужден 26 ноября маневрировать и лицемерно заявить, что «будет работать в контакте с Украинской Радой», хотя и отмечал, что после Октября «Центральная Рада повернула назад». В 8-й Армии на соединенном заседании ее ВРК с представителями национальных организаций, была принята компромиссная резолюция о допустимости создания национальных украинских и других формирований.[256] Однако эти компромиссы не могли спасти положения, противоречия были слишком глубокими, и Центральная Рада не могла допустить господства большевистских ВРК и штаба Крыленко на Украинском фронте, так как это ставило под неизбежный удар все украинские начинания, в том числе создание своих вооруженных сил, численность которых была к тому времени явно недостаточной.

В ночь с 10 на 11 декабря войска Центральной Рады и противников большевистских ВРК при явном сочувствии других национальных формирований, захватили штабы всех армий Румынского, Особой и 11-й Армий Юго-Западного фронта. Уже ранее органы Центральной Рады контролировали штаб Юго-Западного фронта в г. Бердичеве. Происходили аресты и ликвидация большевистских ВРК армий. Захвата избежал только штаб 7-й Армии Юго-Западного фронта. Решение большевистского Исполкома 8-й Армии против проведения, в противовес компромиссному соглашению, украинизации и нарушение ими власти Центральной Рады послужило сигналом к выступлению органов Рады и в 8-й Армии, где также происходили столкновения между украинцами и вели-

---

[255] ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, лл. 681, 681об.

[256] ЦГВИА, ф. 2118, оп. 6, д. 24, лл. 32, 33, 34; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 156, лл. 50, 50об., 53 и др.; «Известия Исполнительного Комитета 8-й Армии», 18 декабря 1917 г.

короссами. Представитель армейской Рады, представители эсеров и меньшевиков вышли из Ревкома 8-й Армии, обвиняя его в разжигании гражданской войны. В ночь на 11 декабря силы Рады захватили штаб 8-й Армии и создали Комитет Национальных Комиссаров, а большевистский Ревком был распущен. Ген. Щербачев, однако, не смог здесь поддержать органы Рады, и у последней не хватило сил для отражения натиска снятых большевиками с фронта ряда частей 159-й и 165-й пехотных дивизий. Как писал генерал, он везде одерживал верх, «кроме крайнего правого фланга (8-я Армия. М. Ф.), занимавшего русскую территорию, куда румынское правительство не рискнуло двинуть своих частей». 14 декабря в местечке Липканах между украинцами и представителями ревкомов 23-го и 2-го кавалерийских корпусов 8-й Армии было заключено компромиссное соглашение об освобождении членов Ревкома 8-й Армии. Большевики пошли со своей стороны на принципиальную уступку о выводе всех «великорусских войск на Северный фронт». В остальных армиях большевикам не удалось восстановить свои ВРК. В Одессе Центральная Рада боролась с переменным успехом с ВРК, и ей удалось победить пока в Екатеринославе, Полтаве и на значительной территории Украины. Центральная Рада прервала связь армий Румынского фронта с большевистской Ставкой. Ген. Щербачев отменил т. н. «демократизацию» и предложил всему начальствующему составу, опираясь на национальные части, взять власть в свои руки.[257]

Тяжелая борьба антибольшевистских сил на Румынском и Юго-Западном фронтах и, главное, борьба украинского народа за свои национальные права продолжалась более двух месяцев и основательно затормозила победное шествие большевистских самочинных ревкомов. Борьба национально-освободительных сил на Украинском фронте была существенным фактором, который в той или другой степени отразился и на положении других фронтов. Только серьезнейшие социальные и политические ошибки, как увидим в дальнейшем, Центральной Рады и широко организованная интервенция и оккупация со стороны Совнаркома смогли в итоге принести большевикам победу на Украине.

Как нами уже отмечалось, большевики захватили власть на фронтах, главным образом, благодаря нейтрализации ими солдат-

---

[257] «Голос Революции», 21 декабря 1917 г.; Бюллетень военных комиссаров, 30 декабря 1917 г. и 17 января 1918 г.; ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 454, лл. 14, 15; «Республиканец» (Яссы), 12 декабря 1917 г.; «Революционная Ставка», 17 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1326, л. 255 и др.; Бюллетень бюро Исполнит. Комитета Особой Армии, 4 января 1918 г.; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 312, 313.

ской массы при помощи лозунгов о мире и организации перемирия, что не удосужились сделать их политические противники. Несмотря на это обстоятельство, большевики, захватывая власть, ввиду политической слабости их противников, не смогли охватить своим влиянием преобладающую часть солдат, о чем свидетельствовали результаты выборов в Учредительное Собрание. Победа эсеров и отчасти других политических противников большевиков на выборах в Учредительное Собрание, дала последний шанс партии Чернова для устранения последствий большевистского мятежа в Петрограде. Но и на этот раз эсеры снова оказались партией упущенных возможностей.

Из 36 257 960 голосовавших избирателей эсеры собрали в России 20 893 734 голоса, что составило 58% всех голосов. В целом, большевики получили в стране только 25% всех голосов. Таким образом, эсеры в ноябре являлись народной партией, за которой шли основные массы крестьянства и определенная часть рабочих. Из 53 избирательных округов, только в 9 большевикам удалось собрать большинство голосов, а в остальных господствовали эсеры. Как и следовало ожидать, в армиях Северного и Западного фронтов на выборах перевес получили большевики. На Северном фронте за большевиков голосовало 480 тысяч, а за эсеров 240 тысяч избирателей. На Западном фронте большевики одержали значительную победу — собрали 653,4 тысячи голосов, а эсеры только 180,6 тыс. Однако на других фронтах эсеры взяли политический реванш. На Юго-Западном фронте за социалистов-революционеров голосовало 463 тысячи солдат, а за большевиков 300 тысяч, на Румынском театре голосование дало эсерам 679,4 тысячи, а большевикам только 167 тысяч. По данным фронтовой избирательной комиссии Кавказского фронта, эсеры собрали здесь 69,6% голосов, а большевики только 18,42%. В цифровом отношении большевики на Кавказском фронте собрали 60 тысяч, а эсеры и меньшевики — 360 тысяч. Если учесть голоса фронтовых солдат, отданных ими за национальные партии и примыкающие к ним группы, стоящие близко к платформе эсеров, в общей сложности превысившие 735—750 тысяч на четырех европейских фронтах, то в итоге, эсеры и в действующей армии имели поддержку со стороны большинства солдат.[258] Если среди матросов-балтийцев большевики собрали 57,7% голосов, а эсеры 38,8%, то на Черноморском флоте за большевиков голосовало только 20,5% его состава, а за эсеров

---

[258] «Год русской революции» (1917—1918). М., 1918, стр. 107, 112, 115, 119 и др. «Известия Кавказского Краевого Центрального Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Тифлисского Совета р. и с. депутатов», 9 января 1918 г.

42,3%.[259] Все данные выборов в Учредительное Собрание безусловно свидетельствовали о том, что основная масса крестьянства России была всецело связана с эсерами.[260] О большом влиянии эсеров в действующей армии свидетельствовала и разветвленная сеть созданных ими крестьянско-солдатских организаций на фронтах в результате проведения многих съездов Советов крестьянских депутатов. На Западном фронте армейские и низовые крестьянские Советы действовали во 2-й, 3-й и 10-й Армиях.[261] На Северном фронте были также созданы Крестьянские Советы и Секции, действующие под идейным руководством эсеров, куда однако стали проникать большевики.[262] На Юго-Западном фронте эсеровские крестьянские организации встречали значительные трудности в своей работе, так как пытались удержать солдатско-крестьянскую стихию от массовых разгромов имений. Особенно это проявилось в 22-м армейском, 2-м Гренадерском корпусах, в 34-м армейском и Гвардейском кавалерийском корпусах.[263] В армиях Румынского фронта действовали крестьянские Советы, носившие ярко выраженную эсеровскую окраску. Так, Совет крестьянских депутатов 30-го армейского корпуса шел, согласно резолюции, «под флагом партии социал-революционеров». Дивизионный Совет крестьянских депутатов 59-й пехотной дивизии в октябре также выступал «за программу партии эсеров». II-й съезд крестьянских депутатов Румынского фронта (26—30. X.), создавший «ЦИК Крестьянских депутатов фронта», проходил под эсеровским главенством.[264] Даже на далеком Кавказском фронте действовали крестьянские солдатские организации под флагом эсеров. Как доносило командование, в 6-м армейском корпусе и его дивизиях «особое преимущество имеет партия эсеров», а в 7-м армейском корпусе в октябре было отмечено влияние эсеров, а затем большевиков. Крестьянская секция функционировала и в пределах частей 2-го Туркестанского армейского корпуса. Крестьянское бюро работало и в районе Трапезундского укрепленного района и призывало солдат отдавать свои голоса на выборах в Учредительное

---

[259] А. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, Докум. приложение, стр. 422—424.

[260] O. Radkey. The agrarian foes of Bolshevism. New York, 1958.

[261] «Голос III Армии», 23 сентября 1917 г.; ЦГВИА. ф. 2003, оп. 1, д. 1501, л. 17; Там же, оп. 4, д. 31, л. 262 и др.

[262] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 99, лл. 147, 148, 148об.; ЦГВИА, ф. 2937, оп. 1, д. 2, л. 14; ЦГВИА, ф. 2426, оп. 1, д. 16, л. 29.

[263] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 4об., 100об.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 60об. и др.

[264] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 41, лл. 43, 44об., 45 и др.; Там же, оп. 78, д. 99, л. 163; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 184, 188, 189.

Собрание партии эсеров. Конференция солдат-крестьян Трапезундского укрепленного района поддержала программу партии эсеров и в своей резолюции отмечала (4. XI.), что эта партия «наиболее действенно обеспечивает интересы крестьян». 9 ноября состоялся съезд солдат-крестьян Трапезундского района, который призвал к созданию однородной государственной социалистической власти в России, но без большевиков («каинов»). Съезд высказался в защиту лидеров эсеров и против террора большевиков в Петрограде.[265]

Ленин и верхушка его партии прекрасно учитывала как этот неоспоримый факт влияния эсеров, так и широкую популярность и авторитет Учредительного Собрания среди крестьянства, в армии и в стране в целом. Мало того, они демагогически использовали лозунг созыва Учредительного Собрания в своих политических целях, и даже захват власти объяснили необходимостью обеспечения его немедленного созыва. На следующий же день после Октябрьского переворота в Петрограде центральный орган большевиков пытался уверить всех и вся, что большевики только и думали о созыве Учредительного Собрания. «Правда» на первой странице восклицала: «Товарищи! Вы своей кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской — Всероссийского Учредительного Собрания».[266] Более того, для создания видимости легального создания Совета Народных Комиссаров, постановление II-го съезда Советов гласило: «Образовать для управления страной, *впредь до созыва Учредительного Собрания* (курсив наш. М. Ф.) временное рабочее и крестьянское правительство . . .». Даже пресловутый декрет о земле содержал заверение об осуществлении земельных преобразований «впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием», а во включенном в декрет крестьянском наказе прямо заявлялось, что «вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием» и т. п.[267] Но эти официальные заверения были обманом, сбивали с толку и усыпляли рядовую массу в то время, когда авторы этих документов во главе с В. И. Лениным уже задолго до созыва Учредительного Собрания делали все от них зависящее и возможное для разгрома народного представительства, так как создаваемый Лениным тоталитарный строй ор-

---

[265] «Трапезундский Военный Листок», 1 ноября, 4 ноября, 10 ноября, 12 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 49, л. 23; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1. д. 1151, лл. 19, 19об. и др.; ЦГВИА, ф. 2507, оп. 1, д. 3, л. 91.

[266] «Правда», 26 октября 1917 г.

[267] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Док. и мат. М., 1957, стр. 430.

ганически не мог даже сосуществовать с парламентарным учреждением. Почти за 2 месяца до созыва Учредительного Собрания большевик Володарский на экстренном заседании Петроградского Комитета большевиков — 8 ноября 1917 г. — в своем докладе заявил, что если Учредительное Собрание «будет не наше», то встанет тогда вопрос «о 3-й революции», а в своем заключительном слове так и заявил: «Может быть нам придется Учредительное Собрание разгонять штыками». А. И. Слуцкая предлагала в случае «контрреволюционности» состава Собрания противопоставить ему Советы. Выступивший 12 декабря в Петроградском Комитете Урицкий, на поставленные им вопросы: «Созовем ли мы Учредительное Собрание?», отвечал: «Да, созовем». «Разгоним?» — «Да, может быть... все зависит от обстоятельств».[268] Ленин дал согласие на созыв Учредительного Собрания только под давлением левых эсеров.[269] Но решение о его разгоне уже давно созрело в сознании лидера большевиков, и «обстоятельства», на которые намекал Урицкий, были Ленину давно известны и предрешены.

Так же, как Октябрьский мятеж большевиков фактически начался задолго до 25 октября, вместе с отказом от вывода частей Петроградского гарнизона на фронт, так и разгон Учредительного Собрания был подготовлен Смольным террористическими декретами об аресте членов Учредительного Собрания — кадетов и эсеров, а также роспуском и арестом Всероссийской Комиссии по выборам в Учредительное Собрание (23 ноября и 2 декабря 1917 г.). Кроме кадетов П. Долгорукова, Ф. Ф. Кокошкина, А. И. Шингарева, Набокова, большевики не остановились перед арестом и членов Учредительного Собрания от партии эсеров — Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова, А. И. Гуковского, П. А. Сорокина, председателя Комиссии по выборам Авинова, его заместителя Брамсона, члена Комиссии Вишняка и др. Все дела и производство, связанные с выборами, были конфискованы. В то же время Совнарком назначил Урицкого «комиссаром *над*» (курсив наш. М. Ф.) Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное Собрание» с правом смещения, назначения новых работников и др. произвольных мер».[270] Грубое нарушение личной неприкосновенности членов Учредительного Собрания и назначение комиссара над этим выборным Всероссийским органом означало по существу отказ от подготовленных Лениным декретов II-го съезда

---

[268] Первый легальный Петроградский Комитет большевиков в 1917 г. Протоколы и материалы. М.—Л., 1927, стр. 348, 351, 354, 373.

[269] L. Sternberg. Als ich Volkskomissar war. München, 1929, S. 61.

[270] М. В. Вишняк. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж, 1932, стр. 94, 95; Н. Рубинштейн. Большевики и Учредительное Собрание. М., 1938, стр. 44.

Советов, где говорилось о прерогативе Учредительного Собрания, и было очередным этапом в осуществлении большевиками захвата власти путем мятежа. На всякий случай Ленин подготовил «декрет» от 21 декабря о праве отзыва депутатов Учредительного Собрания, дабы иметь возможность оспаривать правомочность депутатов и устранять неугодных. Сразу же по сигналу Смольного посыпались «требования» об отзыве депутатов. Так, подготовленный большевиками «съезд представителей» 12-й Армии «потребовал» отозвать избранных армией в Учредительное Собрание Н. Д. Авксентьева, А. Р. Гоца, М. А. Лихача и др.[271] Ленин и его аппарат развили широкую пропагандистскую кампанию о неправомочности Учредительного Собрания ввиду того, что противники большевиков «только обманным путем могли от крестьян пройти в Учредительное Собрание и что поэтому необходим перевыбор таких делегатов». Более того, в начале декабря Ленин прибег к угрозам физического истребления своих политических противников: «либо кровавое истребление богачей, авксентьевцев, черновцев, масловцев, либо их согласие на перевыборы депутатов от крестьянства в Учредительное Собрание...».[272] Характерно, что противники Учредительного Собрания справа, включая генералитет, еще до разгона Учредительного Собрания, на политическом Совещании при ген. Алексееве в Новочеркасске, куда входили генералы Каледин, Корнилов, Лукомский, Романовский, кадет Милюков, кн. Г. Трубецкой, Струве и другие, единодушно высказались, что состав Всероссийского Собрания не может быть выразителем мнения России, так как выборы были произведены якобы под давлением большевиков.[273]

В противоположность своим противникам большевики бросили все силы не только для подрыва авторитета и значения, как они выражались, «Учредилки», но и принимали организационные меры для решительного подавления ее защитников. Штаб Петроградского ВРК дал предписание полковым комитетам о запрещении выхода солдат из казарм, так как большевики им не доверяли. ВРК запретил солдатам участвовать в демонстрации, предписывалось «быть наготове», что относилось ко всему гарнизону. Большевистские комиссары по команде сверху принимали соответствующие меры. Комиссар 171-го пехотного запасного полка Силин 28 ноября донес в ВРК, что манифестация солдат полка с лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию» «предупреждена своевременно...» и что он, комиссар, «выясняет» инициаторов де-

[271] Всероссийское Учредительное Собрание, стр. 183, 184.
[272] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 155.
[273] Архив Русской Революции. Берлин, 1922, т. V, стр. 143.

монстрации. Штаб ВРК строго предписывал прекратить «отпуск со двора» солдат 9-го запасного кавалерийского полка и воспретить им «участвовать в каких-либо демонстрациях». В полках держались наготове дежурные роты. В запасных частях Петрограда имели место знакомые уже нам колебания, и многие солдаты этих частей ждали «с нетерпением Учредительного Собрания». Но настроение их было, как гласили донесения комиссаров, «неопределенное», и они «одинаково приветствовали» как эсера П. Сорокина, так и члена ЦК большевиков.[274] В то время, когда большевики заранее готовили свои силы, эсеры взялись за дело поздно. Член Учредительного Собрания эсер Фомин был одним из организаторов в Петрограде боевых рабочих дружин. В конце декабря в распоряжении эсеров был 5-й броневой дивизион, который намечался в застрельщики вооруженного выступления в защиту Учредительного Собрания. Все полковые комитеты Семеновского полка были на стороне Учредительного Собрания. Выступление броневого дивизиона семеновцы считали достаточным для своего присоединения к нему. Однако, только за два дня до разгона Учредительного Собрания эсеры устроили совместное заседание своего военного отдела и бюро военной комиссии, где был намечен боевой штаб, в состав которого входил Генерального штаба подполковник Пораделов, Г. Семенов (Васильев), Онипко и др. Этот штаб принял план выступления с присоединением военных частей. Хотя броневой дивизион был наготове, но комитет Семеновского полка, не получив прямых указаний, стал колебаться. Как писал впоследствии Г. Семенов (Васильев), ставший провокатором, «... мы пассивно выжидали ..., бездействовали». Эсеры надеялись на активность Семеновского, Преображенского и Волынского полков, так как там было значительное влияние эсеров, а «на остальные мы решили махнуть рукой», отмечал Г. Семенов. Большевики действовали оперативно и разоружали эсеровские полки по частям (Преображенский и др.). Несмотря на антибольшевистские настроения части рабочих на Обуховском, Невском заводах, которые принимали участие в демонстрациях по защите Учредительного Собрания, эсеры и это не использовали, им были суждены только «благие порывы». При малейшей трудности эсеры отступали. Как вспоминает председатель ротного комитета Преображенского полка С. В. Милицин, «приходили депутаты эсеров Учредительного Собрания и просили полк выступить в защиту народа и Собрания». Милицин свидетельствует, что солдаты решили не выступать, хотя и были противниками большевиков, и выжидать, пока «эти две партии бьются», а затем взять власть в

[274] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 322, 40, 446, 480, 546, 549, 561, 590, 594, 612.

солдатские руки. Впоследствии Г. Семенов на Московском процессе эсеров признавал, что вооруженное выступление с его участием не произошло потому, что у «эсеров нехватало мужества и решительности на это выступление». Эсеры явно недооценивали большевиков и не верили, что последние решатся на разгром демонстрации по царскому образцу. Маньшевики, потерявшие влияние в массах благодаря своей политике, не отставали в этом отношении от эсеров. Лидер меньшевиков Церетели заявил даже: «Я убежден, что большевики только пугают». Для оценки линии поведения многих солдат и матросов столичного гарнизона характерна позиция Балтийского экипажа. 3 января 1918 г. матросы клялись не идти против Учредительного Собрания, но о том, чтобы пойти в защиту Учредительного Собрания они даже не думали. Эсеры ставили себе в заслугу, как об этом заявил на процессе в Москве Е. М. Тимофеев, желание не участвовать в гражданской войне. «Мы сделали все, — заявил Тимофеев, — чтобы помешать гражданской войне». Эсеры не подготовились к навязываемой большевиками гражданской войне, и не стеснявшимся в средствах борьбы большевикам, наивно противопоставляли такие, по их словам «этические элементы», как демократические формы гласности, коллективность и проч. Однако большевики не остановились перед расстрелом демонстрации в защиту Учредительного Собрания 5 января 1918 г. Число жертв этого варварского акта (9 убитых и 22 раненых) превышало количество убитых и раненых во время мифического «штурма» Зимнего дворца.[275]

Грандиозная демонстрация в защиту Учредительного Собрания происходила в Москве 5 января 1918 г. и также сопровождалась стрельбой и жертвами. Гвардии запасной тяжелый артиллерийский дивизион и 1-я Московская пулеметная школа (8 900 курсантов) были «ударными» частями эсеров. В связи с демонстрациями большевики производили аресты партийных организаций меньшевиков, эсеров, бундовцев.[276]

Разгон Учредительного Собрания и расстрел мирной демонстрации в его поддержку был определенной важной вехой на пути ликвидации большевиками последних завоеваний Великого Февраля 1917 г. и установления антинародного тоталитарного режима, который охватил пламенем длительной гражданской войны всю страну, привел к огромному количеству жертв и фактически

---

[275] Г. Семенов. Военно-боевая работа партии социал-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922, стр. 12, 13, 14, 19, 23, 29; М. В. Вишняк. Учредительное Собрание. Париж, 1932, стр. 101, 127, 180, 226, 228, 229, 230 и др.; Петроградский ВРК, т. 3, стр. 452, 453.

[276] «Пролетарская Революция», № 1 (72), 1928, стр. 125, 127, 129.

лишил широкие массы крестьян, рабочих, интеллигенции их социальных, политических и национальных завоеваний.

Такие большевики как Н. Бухарин, П. Дыбенко, А. Железняков и др., глумившиеся над Учредительным Собранием 5 января 1918 г. и вместе с Ф. Раскольниковым руководившие обструкцией заседания этого органа, не предполагали, что они участвовали в создании реакционного режима, который в ходе событий и их затянет в свои окровавленные жернова. Уже тогда члены Учредительного Собрания бросили в лицо Я. Свердлову, что у большевиков «руки в крови», а депутат, солдат-фронтовик Григорьев из 481-го Мещовского пехотного полка воскликнул: «Протестую и не поддержу той власти, которая сегодня расстреливала демонстрацию». Член Собрания рабочий Антипин также гневно осудил расстрел демонстрации и назвал этот варварский акт «предательством рабочего класса».[277] Значение выборов в Учредительное Собрание состояло в том, что это было единственное и последнее свободное волеизъявление народа России — крестьян, рабочих, солдат, интеллигенции, отразившее историческую картину политических симпатий широких масс, отдавших только 25% голосов большевикам. Никакая словесная эквилибристика и характерные увертки Ленина и его политических эпигонов не в состоянии опровергнуть этого факта.

Настроения широкой крестьянской массы отражал и Чрезвычайный Всероссийский съезд Крестьянских депутатов в Петрограде (11—24 ноября 1917 г.), который был созван большевиками и левоэсеровским меньшинством против воли функционирующего Исполкома Крестьянских Депутатов. Следует отметить, что на съезде было много делегатов фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных крестьянских Советов. К 18 ноября прибыло 330 делегатов, из них левых эсеров насчитывалось 195, большевиков — 37 и сторонников Чернова — 65. На съезде происходила острая борьба между правыми и левыми эсерами, в результате которой правые эсеры покинули съезд. Все же резолюция левых эсеров в кардинальном вопросе о власти, вопреки существованию СНК, требовала создания однородного правительства из представителей «всех социалистических партий». Левые эсеры разрешили выступить на этом съезде Ленину лишь в качестве члена большевистской фракции и решительно возражали против его выступления от имени непризнанного ими Совнаркома. Недовольные большевики решили укрепить свои позиции на созванном, по поручению

---

[277] Первый день Всероссийского Учредительного Собрания. Стенографический отчет 5—6 января 1918 г. Петроград, 1918, стр. 3, 22, 55, 66, 69.

президиума Чрезвычайного съезда, II-м Всероссийском съезде Советов Крестьянских Депутатов (26. XI. — 10. XII. 1917), для подтасовки состава которого сторонники Ленина сделали все возможное. В части были направлены агитаторы большевиков из состава Петроградского гарнизона, были специально вызваны с фронта и тыла делегаты большевистски настроенных организаций, подавляющее большинство которых представляли мелкие части фронта и уездных Советов. Многие из них не имели должных полномочий и фактически располагали только совещательным голосом. Часть большевистских делегатов вообще не располагала правомочными мандатами. Так, мандат от «Петроградского Гарнизона Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» был фиктивным, так как такой организации не существовало. Делегат Арефьев от Балашевского Земельного Комитета представил мандат за собственной подписью. Большевики незаконно включили в состав этого съезда и сочувствующих им солдат-делегатов частей, приходивших в столицу за получением литературы и с целью информации. Этим солдатам большевики предоставляли право решающего голоса! Несмотря на это обстоятельство, правые эсеры располагали на съезде 46% голосов. Раскол стал неминуем, и обе половины Собрания стали заседать в разных помещениях и обе объявили себя Всероссийским Крестьянским съездом. Тяготевшая к большевикам половина съезда заседала под председательством М. Спиридоновой, а вторая часть под председательством Чернова и поддерживала лозунг о передаче власти в руки Учредительного Собрания. Тогда большевики прибегли к испытанному уже ими методу — отряд матросов по указанию своих идейных вождей разогнал этот съезд, члены президиума и председатель были арестованы.[278]

Эти настроения в защиту Учредительного Собрания и против гражданской войны царили в действующей армии. Здесь, особенно на Северном и Западном фронтах, солдатская масса была более склонна к большевикам в связи с заключением ими перемирия, и ожидаемой демобилизации. Это дало возможность Ленину и его последователям часто игнорировать другие стремления солдат-крестьян. Как мы уже знаем, еще в октябре на заседании ЦК РСДРП(б) Ленин всячески доказывал, что «настроением масс руководствоваться невозможно, ибо оно изменчиво . . .». В своей речи 14 ноября на Чрезвычайном Крестьянском съезде лидер большевиков многозначительно подчеркивал, что «на настроение на-

[278] К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. М. 1963, стр. 114, 115 и др.; Год русской революции. М., 1918, стр. 45, 46; В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 125, 139 и др.

дейся, а винтовки не забывай».[279] Однако бесспорным остается факт авторитета Учредительного Собрания на фронте, стремление избежать гражданской войны и значительное влияние эсеров. Характерно в этом отношении письмо от 21 ноября председателя крестьянской секции 1-й Финляндской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, сочувствующего большевикам, Г. М. Куркина, что «все солдаты под превышающей агитацией эсеров не могли понять настоящего движения (большевиков. М. Ф.) и оставались на стороне эсеров». «Нам много пришлось бороться» — констатировал Г. Куркин.[280] В первых числах декабря в Петроград прибыла представительная делегация 9-й Армии Румынского фронта, члены которой сделали подробный доклад в Смольном о настроениях армии. Из доклада выяснилось, что большинство в 9-й Армии «не сочувствует советской политике», а в вопросе об Учредительном Собрании заняло антибольшевисткую позицию и с нетерпением ждет созыва его.[281] Даже вопрос о желательности заключения перемирия, солдаты часто связывали с безотлагательным созывом Учредительного Собрания, приветствовали создание «однородной власти» и решительно отказывались принять участие «в братоубийственной войне».[282] Чрезвычайный корпусной съезд 49-го армейского корпуса Северного фронта в конце декабря выразил опасения в своей резолюции, что борьба между сторонниками лозунга «Вся власть Учредительному Собранию» и «Вся власть Советам» грозит вылиться в гражданскую войну и оказаться гибельной для страны. Чрезвычайный корпусной съезд призвал к ликвидации конфликта «путем соглашения социалистических партий».[283]

О настроении солдат в рассматриваемый нами период свидетельствовали в большой мере их письма, лишенные отпечатка партийных страстей, демагогии многих резолюций, постановлений, наказов, протоколов и других материалов. Так, солдат одного фронтового полка в конце ноября написал в большевистский ВЦИК, что «после красивых слов время браться за дело». «Пуд ржи стоит 50 руб. и вообще членам солдатских семей, — гласило письмо, — приходится с трудом добывать хлеб из имущих губерний». Солдат, выражая мнение своих однополчан, требовал улучшения положения фронтовиков, их семей, что связывал с созывом Учредительного Собрания. «С нетерпением ждем, — пи-

---

[279] Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 42; В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 95.
[280] Петроградский ВРК, т. 3, стр. 277.
[281] «Новая Жизнь», 15 (28) декабря 1917 г.
[282] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, л. 124; Петроградский ВРК, т. 3, стр. 102.
[283] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, л. 103.

сел солдат, — Учредительного Собрания», от которого он ожидал конца кровопролитной войны и улучшения экономического положения.[284] Другой солдат в своем письме от 20 декабря писал в адрес Ленина, что вождь большевиков взялся за великое дело, но выполнять его не желает, «потому что Вы брались сделать мир, — говорится в письме, — а как оказывается, Вы сделали не мир, а братоубийство...» Солдат осуждает рост бьющей по крестьянству инфляции, так как большевики «открыли денежные фабрики» и выпускают миллионные бумажные деньги и т. п.[285] Многие солдатские письма красноречиво свидетельствовали о том, что фронтовики с беспокойством констатировали непреложный факт, что, не получив еще мира, они были уже втянуты большевиками в гражданскую войну. Рядовой Емельян Киселев, секретарь Совета крестьянских депутатов 105-й пехотной дивизии 11-й Армии, в своем письме Ленину от 3 декабря горячо протестует против гонений, арестов вождей эсеров, меньшевиков и «пресечения свободы их деятельности» и угрожал открыть фронт. Киселев спрашивал Ленина, «где наши крестьянские газеты», созданные на крестьянские сбережения. В письме содержалось требование восстановить свободу печати и другие свободы, за которые крестьяне больше всех заплатили как жертвами, так и состоянием. «Пока не все погибло, — продолжал Киселев, — растворите двери Учредителеного Собрания и впустите туда всех, кого избрал истязаемый народ». Киселев считал, что все, что было куплено ценой крови в дни русской великой революции, может быть закреплено Учредительным Собранием. От имени солдат Киселев требовал мира и заявил, что мнение большинства солдат выражается в лозунге «Вся власть Учредительному Собранию!».[286]

Характерно, что даже в значительном числе войсковых частей, где фактически власть находилась в руках большевистских ревкомов и где многие солдаты связывали свои социальные чаяния с обещаниями большевиков, в их пробольшевистских резолюциях отражалась в то же время поддержка Учредительному Собранию. Так, в наказе солдат-крестьян 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии Румынского фронта от 23 ноября своим делегатам на II-й Всероссийский Крестьянский съезд указывалось о необходимости «обеспечить немедленный созыв Учредительного Собрания, предоставить ему полную свободу действий и передать всю полноту государственной власти». Подобный наказ был дан солдатами дивизии, фактически признававшей власть Совнаркома.

---

[284] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 171, 171об., 172об.
[285] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 233, 233об.
[286] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 107, лл. 104, 104об.

Аналогичный характер носил декабрьский наказ солдат-крестьян 4-й Финляндской стрелковой дивизии Северного фронта, где власть была захвачена большевиками. Части войск, стационированные в Финляндии, в которых установилась власть большевиков, и в частности в 42-м армейском корпусе, в конце ноября принимали резолюции в поддержку большевиков, со всеми атрибутами программы Ленина. Однако и здесь мы видим, что на съезде 42-го армейского корпуса в его резолюции содержалось требование об обязательном открытии Учредительного Собрания в намеченный срок. Несмотря на традиционный большевизм в корпусе, новые выборы дали состав комитета, который отражал влияние и других политических партий, кроме большевиков. В состав нового армейского комитета вошло 24 большевика, 12 левых эсеров, 11 правых эсеров, 7 беспартийных и меньшевиков.[287] Таким образом, идея Учредительного Собрания была, как видим, популярна тогда и в большевизированных частях.

Большевики исподволь старались скомпрометировать и разрушить престиж Учредительного Собрания, которое стояло поперек дороги их тоталитарным стремлениям. Многие же солдаты-большевики еще долго верили в этот орган и даже пытались органически сочетать Учредительное Собрание и Советы. Так, солдаты-большевики 9-го Туркестанского стрелкового полка в своем воззвании к трудящимся тыла восторженно восклицали: «Да здравствует Учредительное Собрание и Советы!».[288]

На Кавказском фронте подобные политические нюансы не наблюдались, а в ноябре—декабре здесь господствовали в основном антибольшевистские тенденции и поддержка идеи Учредительного Собрания и однородной социалистической власти.[289]

Если у правых эсеров в ноябре еще были определенные шансы, особенно на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах и в ряде частей Северного и Западного фронтов, поднять солдатскую массу в защиту Учредительного Собрания, то в течение декабря 1917 г. шансы были сведены к нулю в результате установления перемирия, демобилизационных настроений, фактической демобилизации и дезертирства. Как политические противники большевиков, так и последние даже при всем своем желании не смогли бы поднять для активных действий измотанную вконец

---

[287] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 80, лл. 107, 108. (Отдельный 42-й армейский корпус был на правах армии).

[288] «Солдатская Правда», 2 декабря 1917 г.

[289] «Трапезундский Военный Листок», 10, 11, 12, 19 и 21 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 320. (См. резолюцию Кавказского армейского съезда от 2 декабря 1917 г.).

многолетней войной солдатскую массу. Однако в распоряжении Совета Народных Комиссаров имелись незначительные силы, состоящие из отрядов балтийских моряков, латышских стрелков и тонкой прослойки красногвардейцев, а правые эсеры и меньшевики не могли ничего противопоставить им, так как, находясь в плену «демократической» законности, не создали свои вооруженные отряды. Погубил эсеров и меньшевиков непродуманный октябрьский их нейтралитет. Так, например, эсеро-меньшевистский комитет 6-й Армии в начале ноября выдвинул лозунг: «Ни одного солдата Керенскому, ни одного солдата большевикам». Убеждение комиссара Румынского фронта Э. Тизенгаузена в ноябре заключалось в том, что «двинуть с фронта войска для защиты Временного правительства едва ли возможно,[290] в защиту же Учредительного Собрания безусловно станет весь фронт». Он выдавал желаемое за действительность. На других фронтах создавалось аналогичное положение, и в итоге отмечалась «непосылка войск ни той, ни другой сторонам», или полный нейтралитет, что уже было явно заметно в первые дни Октябрьского переворота.[291]

До захвата власти большевиками В. Ленин крайне опасался заключения перемирия или мира Временным правительством, так как этот шаг со стороны последнего означал бы потерю большевиками опоры в массах, и Ленин потерял бы все шансы на приход к власти. Однако после 25 октября мирный козырь в руках главы Совета Народных Комиссаров тоже оказался под ударом, так как после обнародования декрета о мире события разворачивались не по ленинской программе мира и даже вопреки ей. Ленин обещал массам, что мирные предложения большевиков найдут у воюющих народов Германии, Англии, Франции и др. «горячий отклик» и что союзники России в ответ на инициативу Совнаркома «должны будут ответить».[292] Однако мирные предложения большевиков повисли в воздухе, так как союзники не отвечали на обращение и на ноту Совета Народных Комиссаров. 9 ноября в Петрограде, совещание союзных послов приняло авторитетное решение о рекомендации своим правительствам не отвечать на Советскую ноту, ибо правительство СНК создано силой и не признано народом.[293] Начальник французской военной миссии в Рос-

---

[290] Архив Русской Революции. Изд. И. В. Гессеном, т. VII. Берлин, 1922, стр. 293, 307; Разложение армии в 1917 году. Сб. док. М., 1925, стр. 162.

[291] «Красный Архив», т. 5 (24), 1917 г., стр. 105; Там же, т. 4 (23), 1927 г., стр. 204 и др.

[292] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 2, 19.

[293] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, vol. I, p. 245.

сии ген. Лаверн сообщал 12 ноября ген. Духонину, что Франция не признает правительство Народных Комиссаров и ожидает, что Ставка отвергнет преступные переговоры с Германией.[294]

Став у руля власти, Ленин после двух недель безрезультатного ожидания отклика союзников России на его мирные предложения оказался как глава большевиков и правительства в чрезвычайно трудном, сложном и опасном положении. Солдатско-крестьянская масса требовала мира, и на этом же настаивало все крестьянство. В действующей армии солдаты стали уже обвинять большевиков в обмане и затягивании мира, так как ждали от СНК немедленного прекращения войны. Об этом говорили не только официальные документы командования, но, что характерно, многочисленные письма солдат. Так, в коллективном письме солдат 55-й артиллерийской бригады на имя Ленина прямо указывалось, что хотя они «все большевики», однако требуют немедленного роспуска по домам, а иначе, грозили солдаты, «все бросим и уйдем». В другом письме на имя комиссара иностранных дел «господина Троцкого», Крыленко и Ленина солдаты также требовали безотлагательно принять «все меры: все силы к заключению мира». Протесты против продолжения войны и за немедленное заключение мира не сходили с повестки дня в солдатской среде. Даже в сугубо доброжелательных письмах солдат по отношению к правительству Народных Комиссаров содержались настойчивые напоминания и предостережения. Солдат-измайловец в своем письме на имя Ленина в середине ноября,касаясь переговоров Ленина по прямому проводу с Духониным, предлагает ему «создать опору в среде крестьянства, не медля ни одного дня», распустить по домам ряд категорий солдат. Солдат писал, что он располагает многочисленными сведениями, что в среде крестьянства «начинаются колебания, которые могут много испортить . . .» и т. п.[295] В создавшейся обстановке все прежние директивы терпели крах и не выдерживали испытаний в калейдоскопе стремительных событий. Раньше всего оказалась несостоятельной установка Ленина в докладе о мире на П-м съезде Советов, что «войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне».[296] Перед лицом испытаний Ленин, несмотря на свои весьма сомнительные ортодоксальные претензии, становился на путь приспособленчества и настоящего оппортунизма. Он на всех парах устремился на

---

[294] «Красный Архив», 1927, № 4 (23), стр. 215.

[295] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 61, лл. 1, 2, 3, 15, 189, 189об., 223; Там же, д. 111, лл. 149, 159об.; Там же, д. 60, л. 186, 186об.; Октябрьская Революция и Армия. Сб. док., стр. 76 и др. ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1320, лл. 365, 366.

[296] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 17.

путь сепаратного перемирия и мира с врагом. Лидер большевиков как ни в чем не бывало забывает свои прежние установки, а также заявления, что большевики после захвата власти стали оборонцами.

Противники большевиков и в частности высший генералитет армии рассчитывали на падение правительства Ленина в случае отказа немцев вести с большевиками переговоры о сепаратном перемирии. В разговоре по прямому проводу 14 ноября генерал-квартирмейстера Западного фронта ген. Н. В. Соллогуба со Ставкой, генерал указывал, что исход из создавшегося сложного положения, связанного с заключением перемирия, «может дать только время и немец, который откажется заключить перемирие». Мало того, ген Соллогуб подчеркивал с уверенностью, что он и его сослуживцы не сомневаются, что ответ немцев «дискредитирует Крыленко».[297] Однако, как ген. Соллогуб, так и другие представители генералитета жестоко ошибались. Согласие немцев на переговоры с большевиками фактически спасло правительство Народных Комиссаров, ибо вдобавок Ленин и его окружение, в частности Сокольников, с основанием опасались заключения мира за счет России, что было бы безусловной гибелью Советской власти. Единственной слабой надеждой большевиков устоять перед натиском немцев были русские бескрайние расстояния.[298] Немецкое командование прекрасно учитывало, что боевое значение деморализованной, распадающейся русской армии было равно нулю. Начальник штаба главнокомандующего немецкими войсками на Восточном фронте ген. Гофман характеризовал русскую армию как «отдельные вооруженные кучки», полагая, что армия России теперь не представляет «никакой военной ценности». Ген. Гофман с основанием подчеркивал: «Тем, что мы дали большевикам возможность прекратить войну и этим самым удовлетворить охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть».[299] Благодаря братанию и дезорганизации в русских армиях фронтов, противник был прекрасно осведомлен об их состоянии. Как свидетельствовал в ноябре начальник штаба Юго-Западного фронта ген. Стогов, противник проявлял «большую осведомленность о распоряжении и числе наших частей, даже о внутренней жизни рот». Со стороны противника на встречи с русскими солдатами выходили именно офицеры и унтер-офицеры.[300]

---

[297] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 196, лл. 11—26 (телеграфн. лента).
[298] Л. Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, стр. 235, 241.
[299] Ген. М. Гофман. Записки и дневники, стр. 113, 114.
[300] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 51, 52.

Как германское правительство, так и германский генеральный штаб, исходя из своих политических и военных интересов, желали того, чтобы большевики остались у власти. Статс-секретарь Кюльман отмечал, что «... в наших лучших интересах, чтобы большевики остались у власти», а ген. Э. Людендорф позже писал, что правительство Ленина «существует по нашей милости».[301]

Ухватившись за немецкий спасательный круг, все же правительство Ленина уплатило за сепаратные переговоры дорогой ценой, так как в связи с позицией союзников и штабов генералитета в деле реализации этих переговоров оно пошло на меры, которые в корне подорвали все основы существования армии, и в результате страна стала совершенно беззащитной, а Совет Народных Комиссаров оказался в полной зависимости от воли и милости Германии. Это положение особенно рельефно выразилось в период ультиматума Совнаркома ген. Духонину, захвата Ставки, разгона общеармейского Комитета, т. н. организованного братания и большевистской «демократизации» армии.

В период организации большевиками переговоров о сепаратном перемирии Ленин сманеврировал, но его маневр был шит белыми нитками. Дело в том, что претендуя на роль верховной государственной власти, Совет Народных Комиссаров из-за опасения, что немцы могут не захотеть вести переговоры с большевиками, предложил 7 ноября вести переговоры о перемирии исполняющему обязанности верховного главнокомандующего ген. Духонину. Делалось это также на случай провала переговоров, дабы всю ответственность свалить на генералитет, и в частности на генерал-майора Духонина. В ответ на ультиматум Совнаркома от 9 ноября ген. Духонин резонно ответил по прямому проводу Ленину как главе Совнаркома: «*Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее они возможны для меня от вашего имени.* Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников...».[302] Если В. Ленин не набрался смелости от имени «Правительства Российской республики» вступить в контакт с немцами по вопросу переговоров о перемирии, то от имени этого же правительства он заявил генералу о смещении последнего. 9 ноября ген. Духонин направил всем главнокомандующим телеграмму с обоснованием отказа выполнять распоряжение Совнаркома. Его действия были поддержаны главнокомандующими армиями Кавказского, Юго-Западного и Румынского фронтов.[303] Одновременно с распоряже-

[301] Л. Фишер. Указ. соч., стр. 340, 343.
[302] Октябрьская Революция и Армия. Сб. док., стр. 85. (Курсив наш. М. Ф.).
[303] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 208, л. 61.

нием о смещении ген. Духонина Совет Народных Комиссаров в лице Ленина 9 ноября в радиограмме на фронты обратился, минуя штабы, непосредственно к солдатам, которым предоставлял право входить непосредственно в контакты с неприятелем по вопросам заключения перемирия. «Пусть полки, — гласила радиограмма, — стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это».[304] Это был беспрецедентный случай в истории современных войн, когда претендующее на признание правительство вопросы мира и войны, являющиеся прерогативой любого правительства, передавало в руки волнующейся массы деморализованных солдат. Этот акт свидетельствовал не только об отчаянном положении Совета Народных Комиссаров, но и привел к необратимым последствиям на фронте, которые прежде всего заключались в том, что солдаты вместо предоставленного им права вступать в переговоры о перемирии, явочным порядком заключали уже отдельные перемирия на участках фронта. В военно-политическом и дипломатическом аспекте, совершившийся факт разрозненных перемирий частей на фронтах фактически лишал Совет Народных Комиссаров возможности быть равноправной стороной в переговорах, и отныне большевики были вынуждены подчиняться диктату немецкого командования. Любое частичное перемирие отдельных войсковых единиц создавало брешь в единой линии фронта и делало сомнительной оборону на позициях армий в целом.

Такие частичные договоры о перемирии с противником были подписаны 13 ноября 32-й пехотной дивизией 8-й Армии, 15 ноября — 515-м Пинежским пехотным полком Западного фронта, 16 ноября — всем 2-м армейским корпусом Румынского и Гренадерским корпусом Западного фронтов. 19 ноября соглашение о перемирии подписал 3-й армейский корпус Западного фронта. Еще ранее, 300-й Заславский пехотный полк этого же фронта делегировал 5 солдат-парламентеров для заключения соглашения в Пинске. На Юго-Западном фронте первой в этом начинании оказалась Особая Армия. Частичные перемирия имели место и на Северном фронте.[305] В отношении мирных переговоров на Румынском фронте, ген. Щербачев был поставлен перед фактом изолированных мирных соглашений на крайнем правом фланге в

---

[304] Октябрьская Революция и Армия. Сб. док., стр. 85, 86.

[305] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, лл. 22, 23, 344об.; Там же, оп. 10, д. 196, лл. 138—145, 102; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 185, л. 246; ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 543, лл. 119, 127; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1048, лл. 40, 41, 56—61; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1559, л. 83, 83об.; ЦГВИА, ф. 2224, оп. 6, д. 18, л. 10.

8-й Армии, где они были заключены 32-й пехотной дивизией, затем всем 11-м и 33-м армейскими корпусами. 14 ноября эрцгерцог Иосиф, командующий австро-венгерскими силами на Восточном фронте, сообщал в свою Ставку, что его штаб ведет переговоры с русскими частями 8-й Армии.[306] В этих условиях ген. Щербачев признал необходимым начать переговоры о перемирии по всему Румынскому фронту. Он заявил членам ВРК в Яссах, что «при создавшемся положении считает себя вынужденным заключить перемирие». В кругу румынских руководящих лиц он сказал, что предпочитает сам объявить прекращение военных действий и тем самым «избежать получение приказов от тех, чью власть он не признает», т. е. от Совета Народных Комиссаров. 26 ноября 1917 г. был подписан в Фокшанах договор о перемирии на Румынском фронте, и на всем его протяжении от Днестра до устья Дуная включительно прекратились все военные действия. Однако 23 ноября ген. Щербачев официально уведомил австро-венгерское командование в лице ген. Макензена, что русские и румынские войска фронта не признают провомочия Совнаркома и что окончательно вопрос о мире решит Учредительное Собрание.[307]

Сопротивление командования Румынского и Юго-Западного фронтов заключению перемирия не имело теперь под собой никакой реальной почвы и в военном аспекте, так как одно только австро-венгерское командование заключило уже изолированные частичные перемирия с тридцатью русскими дивизиями на протяжении ноября.[308]

Также на Кавказском фронте по инициативе Закавказского Комиссариата и по соглашению с командованием, уже 29 ноября — 2 декабря в г. Эрзинджане комиссия из представителей советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в числе 3-х человек и 2-х представителей командования разработало с турками договор о перемирии. Телеграмма командования, переданная на фронт, извещала о начале перемирия с 1 часа 5 декабря 1917 г.[309]

Меньшевики и эсеры и на этот раз плелись в хвосте событий в кардинальном вопросе о мире. 20 ноября британского посла посетили бывший министр труда Скобелев и председатель Совета

---

[306] Österreich-Ungarns letzter Krieg (1914—1918). Bd. 6, Ss. 730, 731.

[307] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 234, 235, 285 и др.

[308] A vilaghaborn, Amilyennek en lattem. Urtu Naplója hivatalos akták alapján. Jozsef föherzeg tabornady. I—VIII. Kotet. Budapest, 1927—1934. Эрцгерцог Иосиф. Мировая война как я ее видел, т. V, стр. 721 (на венгерском языке).

[309] «Кавказ», 12 декабря 1917 г.

Республики Чайковский, представляющие, по их словам, рабочих и крестьянство. Они заявили послу о предстоящем образовании правительства, куда не войдут большевики, и которое якобы будет поддержано кадетами. Они заявили, что: «Россия истощена и совсем не может больше воевать». Скобелев и Чайковский просили союзников дать заверения, что они готовы обсудить условия мира. Это даст им больше преимуществ перед большевиками, так как солдатам нет дела до большевиков и они хотят только мира. Посол Бьюкенен ответил, что союзники не могут дать никаких гарантий быстрого окончания войны. Чайковский был вынужден признать утверждение английского посла, что большевики, предложив перемирие, опередили Чайковского, Скобелева и их сторонников.[310]

Ободренный благожелательной позицией немецкого командования в деле установления перемирия, Н. В. Крыленко направил группу парламентеров на участок 19 армейского корпуса 5-й Армии, в обязанности которых вменялось запросить немецкое командование, согласно ли оно послать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об условиях перемирия на всех фронтах, что послужило бы началом последующих мирных переговоров. Немцы тотчас же признали полномочия советских делегатов и без промедления дали положительный ответ. Немецкое командование согласилось с советским предложением начать общие переговоры по вопросам перемирия 19 ноября.[311] 19 ноября в г. Двинск прибыла Советская делегация в составе 5 членов ВЦИК — большевиков Л. Б. Каменева, А. А. Иоффе, Г. Я. Сокольникова и М. Н. Покровского; левых эсеров А. А. Биценко и С. Д. Масловского-Мстиславского. По пропагандистским соображениям, в состав делегации были включены и «политические статисты» — рабочий Н. А. Обухов, крестьянин Р. Н. Стешков, матрос Ф. В. Олич и солдат Н. К. Беляков. Секретарем делегации был Л. М. Карахан. Делегаты посетили большевистский съезд 5-й Армии, где выступили с речами. Съезд дал торжественное обещание от имени 5-й Армии уничтожить все осиные гнезда контрреволюции, якобы тормозящие дело мира, и в первую очередь ген. Духонина, Р. Гоца, Авксеньева и др. «предателей революции», засевших в Могилеве. В тот же день советская делегация была встречена немцами на нейтральной зоне 514 версты Северо-Западной ж. д. 20 ноября в Брест-Литовске было положено начало переговорам с немцами по перемирию, а затем о мире. Германская сторона заранее заготовила условия перемирия, а когда 27 ноября советская делегация по-

[310] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 290, 291.

[311] Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1951, стр. 25, 28.

пыталась было заикнуться об очищении Моонзундских островов и г. Риги ген. Гофман сразу же напомнил делегатам Совета Народных Комиссаров, кто является победителем и кто просил перемирия и т. п. Как писал впоследствии ген. Гофман, было принято единственное из требований советской делегации, чтобы немецкие войска оставались на своих местах и не подвергались переброскам. Дело в том, отмечал немецкий генерал, что основная масса немецких войск еще до начала брест-литовских переговоров «была нами отправлена на запад».[312] В результате переговоров, 20—22 ноября было заключено соглашение о временном общем перемирии сроком на 10 дней. 2 декабря переговоры были возобновлены, и в этот же день перемирие было установлено на 28 дней. В договоре о перемирии была предусмотрена мирная конференция между советским правительством и Германией и ее союзниками на 9 декабря 1917 г. в Бресте.[313]

Однако, заключив перемирие, Совет Народных Комиссаров не смог дать измученной стране и армии долгожданного демократического мира «без аннексий и контрибуций». Односторонние действия большевиков заранее предопределили грабительский и «похабный», как признавал Ленин, мир. В своем приказе от 25 декабря Н. В. Крыленко уже вынужден был признать, что «дело мира в опасности. Немцы определенно говорят об аннексиях и захватах в случае сепаратного мира с Россией». Заключение местных соглашений о перемирии в русской армии окончательно подорвало единое централизованное управление войсками, свело на нет роль Ставки; об едином управлении фронтами не могло быть теперь и речи. Главное, теперь солдатская масса, после заключения перемирия и массового братания, считала войну законченной, и усилия большевиков поднять их на т. н. «революционную войну» были заранее обречены на провал, тем более, что солдатская масса тяготела к какому угодно миру. Крыленко должен был констатировать, что в распоряжении Советской власти отсутствовала «революционная армия бойцов», а солдаты в частях являлись «... армией тех, кто думает только о своей хате».[314] Теперь ленинские «оборонцы» стали не только наследниками фатальных промахов армейской политики Временного правительства, но и пожинали плоды своей собственной неутомимой деятельности по окончательному разрушению армии.

---

[312] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 44, лл. 59, 60; С. Д. Мстиславский. Брестские переговоры. Петроград, 1918, стр. 76; Ген. Гофман. Записки и дневники, стр. 116; «Новый Мир». М., 1927, стр. 138.

[313] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 54, лл. 7—9.

[314] «Революционная Ставка», 29 декабря 1917 г.

По прямому указанию Ленина, для овладения Ставкой была организована карательная экспедиция в Могилев, которая по существу означала борьбу с неподчиняющимся Совету Народных Комиссаров генералитетом и офицерством, о чем прямо заявил лидер большевиков в своем заключительном слове на заседании ВЦИК 10 ноября о проведении переговоров с ген. Духониным.[315] Как и кровожадные выступления Ленина, желающего спасти свой престиж и подчинить себе управление армией, так и выступление Н. Крыленко на заседании большевизированного армейского комитета 5-й Армии в Двинске 12 ноября не оставляли никаких сомнений в организации прапорщиком Крыленко физической расправы над ген. Духониным. Крыленко заявил, что «революционное отрешение» командного состава является задачей текущего момента и что «нужно шагать через трупы». Большевики уже заранее подготовили солдат Могилевского гарнизона к расправе над ген. Духониным. В результате этой пропагандистской обработки, солдаты заявили: «Если Духонин не передаст командование, то мы выступим против него с оружием в руках». Вне сомнения, прапорщик Крыленко располагал достаточными силами для предотвращения расправы толпы над генералом. В распоряжении Крыленко был крупный сводный отряд матросов-балтийцев во главе с большевиком Павловым, 2 эшелона т. н. добровольцев гвардии Литовского полка, отряд Сахарова и крупный отряд эсера-максималиста Кудинского. Еще ранее по указанию Совнаркома на Западный фронт был направлен Тер-Арутюнянц с директивами В. В. Каменщикову об окружении Ставки.[316]

Уже после зверского убийства ген. Духонина, в своем приказе о заключении перемирия 24 ноября Н. Крыленко без обиняков указывал, что «нет и не может быть пощады тому, кто встанет на дороге дела борьбы . . .», а в своем приказе о прекращении украинизации Крыленко так и заявлял, что «через трупы непокорных генералов правительство Народных Комиссаров остановило войну . . .» и т. д.[317] По пути в Ставку Крыленко сам произвел аресты генералов (Черемисова, Болдырева и др.) и направил стро-

---

[315] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 85—86.

[316] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1550, лл. 106, 106об.; С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, стр. 107; Д. Б. Ознобишин. От Бреста до Юрьева. М., 1966, стр. 38.

[317] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, лл. 104, 105; «Революционная Ставка», 9 декабря 1917 г.; Ленин инспирированную им, Крыленко, С. Рошалем и самозванным «Ревкомом» Могилева расправу матросов над ген. Духониным пытался свалить на «народ». Представители советской историографии пытаются и ныне фальсифицировать этот вопрос. См. В. Д. Поликарпов. Пролог гражданской войны в России. М., 1976, стр. 242, 264 и др.

гое предписание о принуждении к подчинению командный состав, отстранении от должности и производстве арестов. Одновременно советский Главковерх произвел роспуск демократически избранного общеармейского Комитета при Ставке и 22 ноября создал самочинный большевистский ВРК, сконструированный, как гласит документ, «из членов некоторых высших революционных армейских и флотских комитетов и главковерха». Во все отделы Ставки были назначены комиссары — Березин, солдат Фаерабенд, матрос Логинов, Полукаров и др.[318] Так называемый общеармейский съезд в Ставке, продолжавшийся с 11 по 16 декабря 1917 г., по существу был сколочен Крыленко и его активом из ряда назначенцев, так как о действительно демократических выборах делегатов на этот съезд на фронтах и в армиях в условиях декабря не могло быть и речи. Из 46 «делегатов» съезда 4 убыло, 32 являлись большевиками, 9 — левыми эсерами, а для создания впечатления демократичности съезда туда был допущен 1 интернационалист. Главное внимание на этом совещании было уделено вопросам т. н. демократизации командного состава и национальному вопросу, так как дальнейший рост национально-освободительного движения, особенно украинского, накладывал в декабре и позднее особо сильный отпечаток на весь комплекс проблем в ходе революции. На этом совещании Н. Крыленко подчеркнул, что «победу революции мы должны рассматривать не в плоскости победы на Западе, а в плоскости победы в тылу».

На могилевском совещании более законченные формы получила уже давно проводящаяся программа фактической ликвидации офицерского корпуса в армии, под видом уравнения всех военнослужащих в правах и выборности командного состава, более четкую форму получившую в «Проекте положения о демократизации армии», принятом 30 ноября ВРК при Ставке. Эти материалы легли в основу декрета Совета Народных Комиссаров о выборном начале и об организации власти в армиях от 16 декабря 1917 г. Могилевское совещание переименовало ВРК при Ставке в «Центральный Комитет действующей армии и флота» (ЦЕКОДАФ).[319]

Проведение большевиками т. н. демократизации командного состава в действующей армии, целью которой был слом сопротивления преобладающей части генералитета и офицерского корпуса

---

[318] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1559, лл. 83, 83об.; ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 543, л. 148.

[319] «Революционная Ставка», 15 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 2940, лл. 310, 311; «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 243, 244, 245.

политике сепаратного мира и приобщение деморализованной армии к политическим целям большевиков, в конечном итоге привело к параличу и так уже надломленного аппарата управления на фронтах. Падение Ставки, массовое удаление и аресты командного состава и замена последнего неквалифицированным контингентом из среды младших офицеров, унтер-офицеров и солдат, единственным критерием для избрания которых являлась политическая благонадежность по отношению к большевикам, своим последствием имели полную оперативно-организационную неспособность этих кадров справляться с задачами боя и управления современной армией. Можно утверждать, что «похабный» мир в Бресте был подготовлен руками Ленина, Крыленко и др., превративших и так распадающуюся армию, неспособную и ранее к наступлению, но проявлявшую определенные тенденции к обороне, в «отдельные вооруженные кучки, которые не представляли никакой военной ценности», как это констатировало германское командование.[320]

Массовые аресты генералитета и офицеров широкой волной разлились в ходе «демократизации» по всем фронтам, при активном участии большевистских ВРК. Как отмечал в ноябре Н. Крыленко, «десятки строптивых генералов сидят в тюрьмах», а многие находили спасение в побеге на Дон.[321] За призывы офицеров к необходимым работам и занятиям многие из них были подвергнуты в армиях аресту со стороны озлобленных солдат. В некоторых случаях уже в ноябре был подвергнут аресту поголовно весь командный состав. Это имело место в Латышских бригадах 12-й Армии, в частях 3-й Гвардейской стрелковой бригады этой же Армии. Помимо арестов, происходило избиение офицеров, как это имело место в 30-м армейском корпусе 4-й Армии и даже на Кавказском фронте, что сопровождалось одновременно заменой выборными людьми изгнанных офицеров (4-я Заамурская дивизия 8-й Армии, 4-й Сибирский корпус 6-й Армии, Гвардейские, стрелковые и артиллерийские бригады 7-й Армии и др).[322] Аресты и удаление командного состава сопровождались также убийствами. Так, в начале декабря при проведении «демократизации» почти во всех частях 5-го Сибирского армейского корпуса 11-й Армии был убит солдатами 22-го Сибирского стрелкового полка ген.-майор Петров, начальник 6-й стрелковой дивизии, за якобы приказ о возвращении дисциплинарной власти начальникам и оказании вооруженного сопротивления при аресте. В результате тер-

---

[320] Ген. Гофман. Записки и дневники, стр. 113.
[321] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3857, лл. 70, 71.
[322] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 77, 78об., 80.

рора из корпуса началось массовое бегство офицерского состава, которое шло параллельно дезертирству солдат. Командиром 5-го Сибирского армейского корпуса вместо уволенного ген.-лейтенанта Турбина был избран угождающий солдатам капитан Тодорский, командиром 22-го Сибирского стрелкового полка стал прапорщик Кузьминский. В числе избранных солдатской массой на офицерские должности оказались подпоручики, прапорщики, бомбардиры, фейерверкеры. Командиром артиллерийского дивизиона стал бывший писарь Алтутин, а фельдфебель Лемеш — начальником артиллерийского дивизиона и т. п. И во многих других корпусах фронта Ревкомы осуществляли проведение выборного начала.[323] Во 2-м гвардейском корпусе Юго-Западного фронта в ноябре происходили массовые аресты офицеров солдатами и выдвижение на их места выборных лиц. Уже в конце ноября выборное начало было введено во всех частях Особой Армии. Все эти вопросы фактически решались на соответствующих, носивших анархический характер, солдатских собраниях. В Особой Армии вакханалия «перевыборов» преимущественно охватила 39-й, 44-й армейские и 7-й кавалерийский корпуса.[324]

Выборное начало сопровождалось массовыми арестами и на большевизированном Западном фронте. Так, полковник Белорусец был снят с должности командира 528-го пехотного полка и арестован ввиду «недоверия к нему солдатской массы» и нежелательности его пребывания в полку. На основании приказа ВРК в 10-й Армии был арестован ген. Бирюков и штабс-капитан Козин. Командир 526-го пехотного полка полковник Сидоров был также арестован солдатами и отправлен в минскую тюрьму. Члены полкового комитета 534-го пехотного полка 134-й пехотной дивизии Западного фронта фельдфебель Черных и солдаты Парзенов и Сережкин предложили командиру полка сдать должность, а затем он был арестован по обвинению «в несочувствии Советам».[325] Как доносил в конце ноября председатель ВРК 3-й Армии фронта И. Л. Коган, «во многих частях выборы командного состава закончены, а в других приступили к выборам... Заподозренные в контрреволюции немедленно арестовываются». В Гренадерском корпусе Западного фронта, согласно сообщению ВРК, «выборное начало проводится в жизнь... есть и разжалованные (офицеры. М. Ф.) в рядовые, либо в отставку». Также интенсивно проводили устранение командного состава и в 50-м армейском корпусе фрон-

---

[323] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3872, лл. 115—120об.

[324] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 102, л. 49; Там же, д. 48, л. 43; Там же, д. 1, л. 677.

[325] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 13, лл. 174, 217, 178, 194, 195 и др.

та.[326] Аналогичное положение наблюдалось и во 2-й Армии этого фронта. Многие офицеры и генералы Западного фронта были вообще сняты с занимаемых должностей и отправлены из пределов армий и штаб Минского военного округа. По указанию фронтового ВРК, все комитеты установили строгий контроль над деятельностью командного состава и в ускоренном темпе проводили в жизнь приказы о «демократизации». Исполняющий обязанности начальника военно-политического и гражданского управления при новом главковерхе С. Х. Зобков доносил вновь назначенному начальнику штаба Ставки Бонч-Бруевичу в конце декабря, что выборы в армиях фронта и во многих частях уже закончены и что демократизация «усиленно проводится в жизнь». За проведением демократизации бдительно следил лидер большевиков Западного фронта А. Мясникян (Мясников).[327] Избранный, вернее назначенный большевиками, главнокомандующий Западного фронта подполковник Каменщиков, был послушным орудием в их руках и характеризовался офицерским составом как «совершеннейшая пешка», так как помимо его всем распоряжались 2—3 лица «безусловно умных и интеллигентных».[328]

Интенсивное устранение неугодного ревкомам командного состава и замена его выборными кандидатурами, намеченными этими органами, происходило и на Северном фронте, сопровождаемое арестами офицеров. Так, в 541-м Велижском полку 12-й Армии в ночь с 10 на 11 ноября подпоручик Балахтин собрал свою роту и, даже не уведомив полковой комитет, поочередно произвел арест командира полка полковника Витте, его помощника поручика Веселова и еще 5 офицеров. Обвинив офицеров в «контрреволюционности», полковой комитет счел аресты «правильными». В командование полком вступил «избранный» полковым комитетом прапорщик Зеленецкий.[329] Аресты командиров производились по любой причине. Так, в ноябре под давлением солдат полковой комитет 237-го пехотного полка 1-й Армии фронта арестовал командира полка за неявку на собрание комитета и за промедление в утверждении протокола этого органа. В пределах фронта смещали офицеров уже не общие собрания солдат, а ревкомы и подвластные им комитеты. Согласно приказа ВРК 5-й Армии, это положение было подтверждено соответствующим приказом о праве смещения начальников до командира полка включительно, а высший состав

---

[326] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 51, лл. 1, 2, 3, 6.

[327] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 197, лл. 210, 210[а]; Там же, оп. 4, д. 13, лл. 239, 240; ЦГВИА, ф. 2054, оп. 1, д. 23, лл. 575—577.

[328] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 196, лл. 25, 26.

[329] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 30, лл. 50, 53.

мог быть упразднен вышестоящими ревкомами. В армиях фронта установился фактический контроль над всем командным составом. В 1-й Армии фронта было самостоятельно выработано положение о демократизации, проводимое, по сообщению большевистского армейского комитета, «безболезненно». Дело доходило до того, что ряд частей «управлялся» почти без участия командного состава, как это было в 82-й артиллерийской бригаде фронта, где власть была в руках ВРК.[330] К концу декабря выборное начало в частях 5-й и других армий фронта было введено почти повсеместно. Подвергался перевыборам и медицинский персонал. Хотя Санитарные Советы предлагали свои кандидатуры, но в частях не пожелали считаться с мнением этих компетентных органов. Аресты офицеров в частях фронта, оставление их вне рядов армии в результате т. н. неизбрания, вынуждало значительную прослойку командного состава к побегу из частей.[331] Подчинившийся большевикам командующий 12-й Армией ген. В. Новицкий, еще 19 ноября информировал Ставку, что в результате политического террора и «междоусобицы» «командный состав разбегается». О положении в 12-й Армии убедительно свидетельствовало донесение председателя ВРК С. М. Нахимсона от 1 декабря в военно-политический отдел Ставки: «На командные должности выбираются солдаты и офицеры. Контрреволюционные арестовываются».[332] Проведение большевиками слома аппарата управления частями на Северном фронте имело свои специфические черты в каждой армии. Принятие 1-м съездом Северного фронта 28 ноября «основ представительства армии на выборных началах» с приложением соответствующей инструкции являлось попыткой внести некоторую организованность в это мероприятие в пределах фронта.[333]

На Румынском фронте мероприятия большевиков по т. н. демократизации, а вернее, по чистке офицерского корпуса, наиболее полно были проведены в 8-й Армии и частично в 4-й. После известного уже нам разгона ген. Щербачевым и войсковыми органами Центральной Рады в начале декабря большевистского самочинного фронтового ревкома, большевистская демократизация была приостановлена. К концу декабря в 8-й Армии по решению

---

[330] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 51, л. 18; Там же, д. 30, л. 66; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1542, лл. 143—146 и др.

[331] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 51, л. 148 и др.; Там же, оп. 10, д. 213, лл. 226, 227.

[332] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 38, лл. 30—33; «Октябрьская Революция и Армия», сб. док., стр. 238.

[333] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 123, лл. 2, 3.

ревкома были устранены от командования ген. Юнаков и генерал-квартирмейстер Базаревский. В соединениях армии происходило устранение начальствующих и должностных лиц. В ряде случаев смещенных офицеров переводили на низшие должности. Происходило разжалование многих офицеров в стрелки. Проводились массовые аресты т. н. «ненадежных» и их устранение из пределов армии. В армии наблюдались групповые побеги командного состава (2-й кавалерийский корпус).[334] «Выборное начало» в армии осуществлялось зачастую явочным порядком, как это имело место, например, в 16-м армейском корпусе. 30 ноября последовала резолюция 2-го армейского съезда о немедленном введении «выборного начала». В канун свержения ген. Щербачевым и органами Центральной Рады ВРК 4-й Армии, ее армейский съезд принял положение о выборном начале и выдвинул прапорщика Кондурушкина на должность командующего этой армией фронта.[335] В частях 46-го армейского корпуса большевики организовали митинг с выдвижением требований о смене и аресте офицеров и о введении немедленного выборного начала.[336]

В ходе чистки и в результате ее, положение широкого круга офицерства становилось невыносимым, в частности тех из них, которые заявили о своей верности Временному правительству. Сводки с фронтов гласили, что «офицерство переживает тяжелые нравственные страдания», так как находясь в плену у солдатской массы, терпело оскорбления, унижения, офицеров лишали вестовых даже для служебных целей, средств передвижения. В ряде частей были закрыты офицерские столовые, и командный состав «питался из общего котла», происходила задержка жалования, офицеры переводились в общие казармы и землянки, проводилось массовое разоружение командного состава, разжалование в рядовые и т. п. Фактически в армии происходила ликвидация офицерского корпуса. Сводки с фронтов, например Северного фронта, — гласили, что «положение всех офицеров невыразимо тяжело». Комиссар Румынского фронта Э. Тизенгаузен сообщал, что «офицерство по-прежнему оставалось забытым, изолированным, подозреваемым солдатскими массами».[337] Однако определен-

---

[334] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 286, 287, 288.

[335] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 8, д. 6, лл. 283, 283об.; ЦГВИА, ф. 2238, оп. 1, д. 593, лл. 919—921.

[336] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1320, лл. 364, 365.

[337] «Октябрьская Революция и Армия», стр. 47, 48, 62, 94; ЦГВИА, ф. 2948, оп. 1, д. 1123, лл. 344а, 345; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1542, лл. 145, 146; ЦГВИА, ф. 2967, оп. 1, д. 1, л. 11; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, л. 70—74; ЦГВИА, ф. 2238, оп. 8, д. 1, лл. 13, 13об.; ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 14, лл. 385, 389, 415 и др.

ная часть офицерства, как и ранее, сообщали комиссары Временного правительства, пожинала в итоге плоды своей политической индифферентности и даже бездеятельности. В ходе революции в частях появилась и прослойка офицеров-демагогов, которая из личных выгод часто подстраивалась под настроения и требования солдат и которая пыталась на гребне волны т. н. демократизации оказаться на высоких командных должностях.[338]

Хотя Н. Крыленко и хвастался 13 ноября на заседании армейского комитета 5-й Армии, что «не нужно придавать значения опыту командного состава, что у него уже подобран кадр людей, который исполнит задачу командования не хуже чем теперешний командный состав . . .»,[339] однако в итоге новоиспеченный главковерх оказался у разбитого корыта, о чем свидетельствовали его назначения в результате «выборов». Мы уже упоминали о бездарном «главнокомандующем» Западного фронта подполковнике Каменщикове, командование 4-й Армией было вручено авантюристу прапорщику Кондурушкину, явно отсутствовала должная военная квалификация у молодого прапорщика Александровича, которому в результате «демократизации» было вручено командование 8-й Армией, а командиром 44-го армейского корпуса стал прапорщик Серов. Непереизбранный командир 2-й Финляндской дивизии был отчислен, и его заменил на этом посту солдат Звяга. На помощь восставшим большевикам против Центральной Рады двигался 2-й Гвардейский корпус под командованием унтер-офицера Качалова. В 129-й артиллерийской бригаде на Западном фронте, избранный комитетом на должность командира бригады подпрапорщик Снитко уволил «в отпуск» всех без исключения офицеров в середине декабря, а затем скрылся и сам.[340] Таких примеров о несоответствии выдвигаемых лиц на командные должности можно привести множество. Ввиду отсутствия кадров, Крыленко метался в поисках новых форм командования и пытался ввести коллегиальное начало управления действующей армией. Так, 22 декабря им был подписан приказ о создании в Ставке революционного полевого штаба с отделами укомплектований и оперативным. По указанию и инициативе Ставки, съезд Северного фронта принял резолюцию об организации управления фронтом «на коллегиальных началах», куда вошли Б. В. Позерн, А. Д. Щербаков и М. В. Крутов.[341] Однако попытки перестройки аппарата

---

[338] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, л. 72.

[339] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1550, л. 106.

[340] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 94, л. 619 и др.; «Октябрь на фронте», стр. 208; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, л. 89 и др.

[341] «Революционная Ставка», 24 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1534, лл. 714, 715.

управления армией в условиях отсутствия мира не могли дать никакого реального эффекта и свидетельствовали о распаде всех структурных частей прежнего управления армией в результате невиданной ранее выборной вакханалии большевиков.

Назначенный Совнаркомом начальник штаба Ставки генерал М. Д. Бонч-Бруевич уже в начале декабря накопил достаточный материал о проведении т. н. «выборного начала» на командные должности. В целях заторможения разгрома военного аппарата и спасения знающих командиров генерал направил циркулярную телеграмму на фронты, в которой обращал внимание на то, чтобы при проведении выборов «не наносился вред аппарату управления войсками, потому что порча этого аппарата приведет неминуемо к невозможности» облегчить демобилизацию армии и разрушит хрупкую систему управления и снабжения на фронтах. Однако эта телеграмма не возымела своего действия, и в армиях продолжался разгон офицерского корпуса.

К концу декабря главковерх Н. В. Крыленко и его импровизованный «полевой штаб» фактически остался без так необходимого аппарата управления войсками. Об этом убедительно свидетельствует приказ Н. В. Крыленко от 21 декабря 1917 г. «В целях сохранения столь необходимого в настоящее время существующего аппарата управления войсками, — гласил приказ, — распространять выборное начало в полной мере на штабы, управления, учреждения и заведения действующей армии ныне не представляется возможным». В соответствии с приказом, выборы личного состава представлялись на усмотрение начальникам военных учреждений. Еще ранее, для продолжения функционирования военного аппарата Крыленко был вынужден сохранить «временно» денежное содержание офицерам и военным чиновникам.[342]

Однако это были запоздалые меры, так как и штабной, и командный аппарат управления войсками уже развалился под ударами «выборов». Как доносил начальник штаба Ставки ген. М. Д. Бонч-Бруевич в Совет Народных Комиссаров и в другие инстанции, на протяжении декабря 1917 г. и в январе 1918 г. «громадное число опытных начальников или удалено при выборах или ушло», а оставшийся командный состав не имеет ни достаточных знаний, ни боевого опыта. Генерал указывал, что скоро штабы автоматически прекратят работу и что офицеры генерального штаба совсем отсутствуют в последних. Особенно губительно т. н. «демократизация» отозвалась на артиллерийских частях в связи с уходом квалифицированных офицеров. Ген. Бонч-Бруевич констатировал

---

[342] «Революционная Ставка», 30 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, л. 81.

развал штабной службы во всех армиях и «невозможное расстройство управления», «потрясающий развал». Полковые штабы также фактически были неработоспособны из-за отсутствия технически подготовленного персонала. Оставшийся командный состав в строевых частях был неподготовлен к выполнению своих обязанностей и малоопытен.

Выборное начало, коснувшись и военных врачей, совершенно дезорганизовало медико-санитарную службу в армии. Происходило удаление врачей, их бегство и замена их санитарами. Это положение было осложнено тем обстоятельством, что опытные врачи старше 40 лет ушли из частей в связи с начавшейся демобилизацией. Некомплект медицинского персонала, например, в 12-й Армии достигал 29%, в 1-й Армии — 60%, 5-й — 25%.[343]

При проведении выборного начала на фронтах, как свидетельствуют многочисленные источники, опыт и знания в расчет не принимались, а при осуществлении этого мероприятия большевиков в их действиях превалировал лишь политический момент. Всякое разумное противодействие главнокомандующих фронтов повальному, без разбора, выборному началу влекло за собой обвинения в контрреволюции. Так, даже оказавший услугу большевикам в октябрьские дни главнокомандующий Северным фронтом ген. Черемисов, касаясь губительной «демократизации» на фронте, отмечал: «...не имею средств предотвратить полный развал фронта». Генералитет указывал, что и на других фронтах, например, на Западном, выборное начало вводилось хаотично, «без системы, как попало», что объяснялось тем обстоятельством, что выборное начало армейские большевики на местах стали проводить ранее официальной санкции, до выработки общего положения.[344] Также при проведении выборного начала в военных округах опыт и соответствующие знания не принимались во внимание, а только политический момент. Главнокомандующим Петроградским военным округом в декабре был назначен «не имеющий чина» Антонов, а Московским — солдат, член большевистской «Военки» Н. И. Муралов. Во главе Казанского военного округа был поставлен прапорщик Ершов, возглавлявший коллегию (3 прапорщика и 2 солдата), а Туркестанского — поручик Перфилев и т. п.[345]

Проведение в армии выборного начала, охарактеризованного большевиками как панацея от развала войск и их укрепление,

---

[343] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 88, 89об.; Там же, д. 534, лл. 87, 90, 90об.; «Октябрьская Революция и Армия», сб. док., стр. 380, 382.

[344] «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 235, 247.

[345] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2723, л. 147.

было по существу провалом политики Совета Народных Комиссаров, так как ускорило распад армии и привело к параличу управления последней. Армейские большевики своими руками убрали препятствия на пути к позорному Бресту. В своем хвастливом докладе на 3-м съезде Советов (10—18 января 1918 г.) Ленин указывал, что старая армия отошла в прошлое. «Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена».[346]

Невольно возникает вопрос, кому нужны были эти вредительские действия, зачем было «демократизировать старую армию, от которой, по словам Ленина, якобы не осталось «камня на камне», в то время как новая армия еще не была создана?!

Больше всего и раньше всех остальных были разрушены именно армии обольшевиченных Западного и Северного фронтов. Солдаты этих важных боевых театров еще в большей степени не подчинялись уже выборному командованию, а о поддержании здесь воинской дисциплины не было и речи, процесс развала здесь шел ускоренным темпом, самовольные отходы целых частей усилились, волна дезертирства дошла до своего апогея, деморализация частей достигала крайних пределов и т. д. Об этом положении более чем убедительно свидетельствовали декабрьские и январские доклады в адрес Совнаркома, выдвинутого большевиками на должность начальника штаба Ставки, ген. М. Д. Бонч-Бруевича. По денным докладов, на большевизированном Западном фронте, где господствовали ВРК, в двух полках 67-й пехотной дивизии в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. осталось только 532 солдата, а остальные дезертировали. В частях 3-й Армии солдаты дезертировали «целыми взводами», во 2-й Армии фронтовики самовольно уходили «в отпуск» домой группами по 50 человек ежедневно. О какой «революционной сознательности» могла идти речь, если в пределах этого огромного фронта ширились массовые погромы и аграрные разгромы.[347] Авторитет уже «демократизированного» командования оказался совершенно недостаточным и призрачным для преодоления всех стихийных и созданных большевиками искусственных явлений в процессе распада фронта. На Западном и Северном фронтах число штыков уменьшилось в ноябре — начале декабря на 26%, а преобладающее количество выбывших солдат свидетельствовало о дезертирстве. Как ранее отмечалось, эти фронты находились под управлением большевиков. В то же время, за одну неделю ноября из 6-й Армии Румын-

[346] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 269.
[347] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 88, 89, 90, 90об.

ского фронта дезертировало 55 чел., из 9-й — 48, из 4-й — 117 чел. На эти армии не распространялась власть СНК.[348]

В политическом и оперативном аспекте проведение т. н. выборного начала в армиях не только не способствовало оздоровлению частей в деле превращения их в орудие активной защиты страны от внешнего врага, а наоборот, окончательно ослабило их, и большевики собственными руками пополняли формирования Корнилова, Алексеева, Каледина многочисленными офицерскими кадрами и создали условия для дальнейшего разгара гражданской войны. Выборы окончательно подорвали аппарат управления в армиях и в оперативном отношении низвели его до нуля.

Как мы уже знаем, братание с противником в условиях войны являлось проявлением всеобщей деморализации войск, хотя многие рядовые солдаты связывали с этим явлением надежды на заключение мира. Продолжение курса большевиков на братание в условиях захвата ими власти, когда они объявили себя оборонцами, в политическом и военном отношении безусловно было в интересах противника, так как подрывало и теперь основы боеспособности армии, ее дисциплину и вызвало в дальнейшем ряд эксцессов и осложнений. Фактически действия большевиков создавали психологическую подготовку Бреста в сознании солдатской массы. Начальник Генерального штаба ген. В. В. Марушевский в разговоре по прямому проводу с ген. Духониным в ночь с 10 на 11 ноября, касаясь братания, с полным основанием подчеркивал: «Мне лично кажется, что, если на всем фронте происходило братание в течение многих недель и что, если предложение о немедленном перемирии, переданное комиссарами на фронт, проникло уже в сознание войсковой массы, то положение делается, вероятно, трудно поправимым ».[349] В итоге массового внедрения большевиками братания во фронтовые части совершенно непоправимым стало положение в деле обороноспособности войск и после 25 октября. Братающиеся солдаты считали дальнейшее ведение войны уже невозможным, категорически отметали в дальнейшем и большевистские призывы в период Бреста о защите «социалистического отечества». Усиление массового братания на европейских фронтах, и особенно на Западном и Северном, психологически подготовило солдатскую массу только к миру. В результате развития братания, как Западный так и Северный

---

[348] С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 77, 78. Все эти обстоятельства проведения т. н. «выборного начала» замалчиваются и фальсифицируются в труде И. И. Минца «История Великого Октября», т. 3, стр. 420—424.

[349] «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 203.

фронты оказались в итоге наименее боеспособными, и разложение здесь было наиболее глубоким. Учитывая последствия, большевики пытались исправить положение при помощи т. н. организованного братания. Однако, как показал ход событий, организованный характер братание носило именно со стороны немцев, контролирующих это движение, а не со стороны большевистских ревкомов, которые были уже не в состоянии затормозить эту стихию.

Для получения интересующих их разведывательных данных, немецкое командование на ряде позиционных участков выступало как инициатор братания. В ноябре по инициативе противника братание проходило в 74-м и 76-м полках 12-го армейского корпуса Юго-Западного фронта, в 296-м пехотном полку 41-го армейского корпуса и на участке 7-й Армии в 19-й пехотной дивизии. 21 ноября офицеры противника усиленно фотографировали русские окопы на берегу р. Сбруч. Как свидетельствуют показания пленных, в австро-германских войсках братание подготовлялось и организовывалось командованием. На Юго-Западном фронте пристальное внимание противника привлекала Особая Армия, где уже в октябре было максимальное количество братаний по сравнению с другими армиями фронта, официально 12 случаев. В начале ноября русское командование было вынуждено огнем артиллерии прекращать попытки немцев организовать широкое братание в районе Двинского плацдарма. Все же противнику удавалось завязывать систематические встречи с русскими солдатами 95-го пехотного Красноярского полка на этих позициях.[350] Для привлечения русских солдат на заранее запланированные встречи, противник прибегал к спаиванию их алкоголем. Как свидетельствовал комиссар 10-й Армии Пасечный в начале ноября, «немцы спаивают солдат вином, все уговоры и убеждения силы не имеют». Для прекращения попыток противника активизировать братание на Румынском фронте, командование отдало приказ о взятии в плен немецких парламентеров в районе Сатул-Маре, которые выходили группами с белым флагом, с целью вызвать русских солдат на братание. Спаивание немцами русских солдат носило весьма широкий характер.[351] Противник не только обильно снабжал русских солдат своими агитационными изданиями на русском языке, но и давал выгодные ему политические советы. Братающимся солдатам 477-го Калязинского пехотного полка немецкие офицеры советовали идти на Петроград и т. п.[352] Начальник штаба больше-

[350] «Красный Архив», т. 4 (23), 1927, стр. 227, 246; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 24об., 25, 52.

[351] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, л. 3, 5; «Октябрьская Революция и Армия», сб. док., стр. 46 и др.

[352] Петроградский ВРК, т. 2, м., 1966, стр. 543.

вистской Ставки ген. М. Д. Бонч-Бруевич отмечал в своем докладе Совету Народных Комиссаров, что «постоянные посещения неприятельскими солдатами наших позиций, особенно артиллерийских, и разрушение ими наших укреплений на покинутых позициях, несомненно, носит организованный характер».[353] Является несомненным фактом, что участие в братании неприятельских солдат проходило под неусыпным руководством германских офицеров, и они направляли и контролировали каждый шаг братающихся солдат. В этом отношении характерны свидетельства братающихся русских солдат, отраженные в их письмах. Солдат 95-го Красноярского пехотного полка Ф. Словенко писал в конце ноября, что русские солдаты пытались вручать прокламации немцам, «но как только увидит их офицер, то сейчас же отбирает». Ф. Словенко отмечал, что «дисциплина у немцев не ослабляется».[354] В то время, когда с русской стороны в братании участвовали главным образом солдаты и, как известно, большевики с легкой руки Ленина проповедывали отстранение от участия в братании офицеров, с германской стороны во главе каждой партии братающихся обязательно стояли офицеры разведки, а зачастую на братание выходили переодетые в солдатскую форму офицеры и унтер-офицеры. Так, в 129-й пехотной дивизии, в ее 514-м пехотном полку, братающиеся русские солдаты были встречены 5-ю германскими офицерами и 70—80 солдатами. В 7-й Армии, в конце ноября навстречу русским солдатам 12-го корпуса, как доносил начальник штаба Юго-Западного фронта ген. Н. Н. Стогов, «выходят к нашим солдатам исключительно офицеры и унтер-офицеры».[355]

Командование противника при накоплении достаточного разведывательного материала и исходя из возможности политических последствий братания, в ряде случаев приостанавливало братание солдат, а то и прибегало к артиллерии для прекращения нежелательных встреч солдат двух лагерей. Так, в 33-м армейском корпусе по вышедшим для массового братания 2-м ротам 13-го пехотного полка противником был открыт артиллерийский обстрел.[356] Не устраивало противника и массовое появление русских солдат для братания, так как это обстоятельство мешало установлению офицерского контроля. В то же время русские сол-

---

[353] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 206, 207, 208.

[354] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1017 — март 1918 гг.). М., 1957. Сб. док., стр. 459.

[355] Октябрьская Революция и Армия. Сб. док., стр. 48; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 50, 51, 52.

[356] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, л. 7.

даты массово устремлялись на братание, так как все больше втягивались в меновую торговлю с солдатами противника. Например, у деревни Ракитино на участке 165-й пехотной дивизии Румынского фронта в братании участвовало не менее 2-х рот русских солдат 658-го пехотного полка.[357] На участке 23-го армейского корпуса в ноябре противник прекратил контакты с русскими солдатами и даже внес в условия перемирия на этом участке прекращение братания.[358] По требованию противника первый общий договор (20—22. XI.) о перемирии предусматривал прекращение братания на фронте.[359] Второй договор о перемирии на 28 дней предусматривал 2 или 3 заранее обусловленных места для контактов на участке каждой дивизии. К братанию допускалось не более 25 человек с каждой стороны.[360] Организованные большевиками в ряде частей фронтов специальные комиссии по вопросам т. н. «организованного братания», создание т. н. интернациональных комитетов по братанию, как это было в 9-й Армии, выделение специальных уполномоченных по указанным вопросам и проведение братания под руководством комиссаров ВРК, как это было на Западном фронте, после заключения перемирия потеряло окончательно свой политический смысл, и братание как таковое стало глохнуть на многих участках фронтов.[361] Политическая цель большевиков по разложению частей противника не была достигнута. Использовав братание и перемирие для ускорения развала русской армии, противник и не думал об истинном мире с Россией. В своем сугубо секретном предписании командующим армиями, австро-венгерский Главнокомандующий фронтом эрцгерцог Иосиф, в осуществлении замыслов центральных держав, все же приказал в декабре использовать братание для дальнейшей маскировки истинных целей австро-германцев, заключавшихся в подготовке к переходу в наступление против России для грабежа ее территорий. «Мы готовим, — писал эрцгерцог, — вскоре новое наступление против России».[361a]

Вместо передачи «революционных идей» русский солдат участвовал в обменной торговле. Как доносил в сводке от 21 декабря начальник Военно-политического управления при Главковерхе Крыленко большевик Апетер, теперь т. н. организованное

---

[357] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 277; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 36, л. 276.
[358] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 132, л. 393об.
[359] Октябрьская Революция и Армия, стр. 175.
[360] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1562, лл. 180, 181.
[361] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 280; «Правда», 20 декабря 1917 г.; Петроградский ВРК, т. 2, М., 1966, стр. 431; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1233, л. 193; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 111, л. 94.
[361a] Kriegsarchiv. Z.A.K. F. 597, док. 8542.

братание «чаще всего» выражалось «в обмене вещей; солдаты группами не более определенного числа собираются для этой цели и братаются с немецкими солдатами».[362]

Это подтверждал и начальник штаба большевистской Ставки ген. М. Д. Бонч-Бруевич в сводке о состоянии армии в середине января 1918 г. Генерал так и писал: «Деморализация достигла крайних пределов, братание превратилось в бойкую торговлю».[363] Сообщения с мест не оставляли никаких сомнений в характере т. н. организованного братания в большевизированных армиях, особенно Западного и Северного фронтов. По определению Н. Крыленко, «братание — одно из лучших средств нашей революционной борьбы», потерпело сокрушительный провал, не оправдав надежд, которые на него возлагали большевики. Вначале солдатская масса связывала с ним свои мирные чаяния, теперь же его политические тенденции стали чужды фронтовикам, и в основу встреч с неприятельскими солдатами легли материальные интересы. Как вытекает из телеграммы штаба 5-й Армии и его ВРК от 23 декабря, «братание обыкновенно носит форму меновой торговли», а в рапорте военно-политического управления большевистской Ставки от 4 января 1918 г. указывалось, что на фронтах «братание продолжается и носит в большинстве случаев характер натурального обмена». Новый выборный генерал-квартирмейстер 10-й Армии сообщал из Молодечно, что «братание переродилось в бойкую куплю товаров».[364]

Сводка Ставки о состоянии армии за период с 1 по 15 ноября гласила, что на Кавказском фронте братание не происходило. Командование Кавказского фронта, объявляя всем частям о прекращении военных действий, заявило в конце ноября, что братание на Кавказском фронте не будет допущено. Исключение на фронте составлял, пожалуй, единственный случай, когда 21 ноября на Приморском направлении между селениями Мевронос и Баш-Килиса вышел турецкий офицер и несколько аскеров с белым флагом к русским позициям 508-го полка. Навстречу туркам вышло до 50 солдат этого полка. Турки вручили солдатам прокламации с призывом о заключении перемирия. Через некоторое время солдаты разошлись. В декабре турки предприняли еще ряд безуспешных попыток братания. В районе расположения 13-го туркестанского полка выходили турецкие офицеры с белым флагом

---

[362] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 213, лл. 226, 227; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 111, л. 94.

[363] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 148, 149.

[364] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 100, лл. 46, 47; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 767, л. 6; Там же, оп. 4, д. 13, лл. 239, 240; Там же, оп. 1, д. 534, л. 68.

15 декабря, но были задержаны в качестве военнопленных. Ряд турецких офицеров, явившийся с той же целью, был изгнан с русских позиций. Русские солдаты отказывались участвовать в братании. В конце декабря турецкие офицеры и аскеры делали безуспешные попытки нарушить демаркационную линию и на позициях 7-го Кавказского отдельного корпуса в целях братания.[365]

Растущей деморализации солдат фронтов содействовало не только проведение выборного начала («демократизация») и братание со всеми его аспектами, распаду армий в значительной степени способствовал нерешенный земельный вопрос органами Временного правительства. В результате этого, после обнародования ленинского декрета о земле, солдатская масса все больше втягивалась в аграрное движение крестьянства и зачастую выступала в роли инициатора аграрных разгромов и погромов вообще. Как доносила генерал-квартирмейстерская часть Северного фронта в конце ноября, после опубликования земельного декрета солдаты развили в окрестном крестьянстве агитацию «за немедленный раздел земли».[366] Аграрное движение крестьянства в тылу вызвало беспокойство солдатской массы, усилило тягу домой и рост дезертирства, так как многие фронтовики опасались, что при разделе помещичьей земли они будут обойдены. На этой почве значительная часть солдат, находившихся в отпуску, выжидала и не желала возвращаться в строй.[367] Специальные приказы нового командования и обращения ВРК свидетельствовали о массовости участия солдат в разгромах, хищениях и даже поджегах крупных хозяйств. На Северном фронте борьба с погромным движением была на повестке дня корпусных съездов. Об этом свидетельствует, например, протокол съезда 49-го армейского корпуса от 27 ноября, где «рост погромного движения в районе расположения корпуса», выражавшегося в разгромах имений и расхищениях, обсуждался на съезде. Воззвание выборного командира 17-го корпуса Федорова к солдатам призывало бороться с погромной стихией, сопровождающейся хищениями и поджогами. «Зарево пожаров осветило наш уезд, — гласило воззвание, — расхищается имущество, насилуются личности». Воззвание указывало, что гибнет не добро помещиков, а народное достояние.[368] На Западном фронте, в его прифронтовых районах, еще сильнее разгорелось пламя аграрных разгромов и погромов в местечках. В районах,

---

[365] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 62; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 452, лл. 5, 25 и др. ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, лл. 263, 298, 398об., 399 и др.

[366] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, л. 121об.

[367] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1320, лл. 364, 365, 366.

[368] ЦГВИА, ф. 3329, оп. 1, д. 2, лл. 140, 141; ЦГВИА, ф. 2212, оп. 10, д. 14, л. 10.

примыкающих к Орше, значительное число солдат 22-го армейского корпуса участвовало в разгроме имений, в расхищении материальных ценностей, инвентаря, скота и разгроме усадеб вообще. В районе 2-й Армии фронта погромы и грабежи имений в ноябре приняли варварский характер, в их огне погибли и культурные ценности (район г. Несвижа и др.). Солдаты гренадерского корпуса также действовали огнем и мечом. Как свидетельствовали сводки командования, «погромы в районе армии перекидываются из пункта в пункт, достигая больших размеров». Солдаты 32-го Сибирского полка особо выделились в опустошительных набегах на имения.[369] Параллельно шли погромы в местечках Белоруссии, где солдаты громили как лавчонки, так и квартиры. Часто эти погромы местечек сопровождались ружейной и пулеметной стрельбой (местечки Воложино, Дуниловичи, Радошковичи и много др.). Как разгром усадеб, так и погромы в местечках охватили весь район дислокации 10-й Армии этого фронта.[370]

Особенно сильное движение крестьянства с участием в нем солдат происходило в обширнейших прифронтовых районах Юго-Западного фронта в ноябре—декабре 1917 г., захватывая все новые и новые территории после опубликования декрета о земле. Как заявлял видный деятель Центральной Рады Порш, культурные имения, сахарные заводы «уничтожаются солдатами и крестьянами на всем протяжении Волыни, Подолии». Вся Киевщина была объята пламенем аграрных разгромов и погромов.[371] Солдаты армий Юго-Западного фронта, оставившие свои части, волновали украинских крестьян, заявляя, что «Рада земли вам не даст, берите сами».[372] На Киевщине возбужденные этой агитацией крестьяне начали широкий захват имений. Борьба с этим, возглавляемым солдатами движением, стала невозможной ввиду того, что декрет о земле был уже известен на селе.[373] Как информировал Ставку главнокомандующий фронтом ген. Володченко, в ближайшем тылу уничтожались помещичьи хозяйства и зачинщиками в большинстве случаев являлись солдаты, которые сами были и участниками аграрных разгромов. В села Киевщины, Волыни, Подолии являлись солдаты, снабженные мандатами фронтовых частей, для дележа помещичьей земли в ноябре—декабре 1917 г.[374]

---

[369] ЦГВИА, ф. 2222, оп. 1, д. 1185, л. 237; Октябрьская Революция и Армия, стр. 91, 93.

[370] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 148, 149, 150; Октябрьская Революция и Армия, стр. 381.

[371] 1917 год на Киевщине, стр. 363, 382, 401, 407, 370, 371 и др.

[372] «Український Історик», № 3—4 (15—16). Нью-Йорк—Мюнхен, 1967, стр. 34.

[373] 1917 год на Киевщине, стр. 392.

[374] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 47, лл. 134, 188, 195 и др.

На заседании Малой Рады в конце ноября отмечался рост погромной волны в городах и местечках Украины. Так, в ночь на 27 ноября солдатами 16-го полка был произведен жестокий разгром центра г. Умани, шли массовые погромы в местечках украинских губерний в районе Юго-Западного фронта.[375] Прифронтовая полоса и весь тыл обширнейшего Юго-Западного фронта были объяты пламенем крестьянско-солдатских аграрных выступлений. Особенно пострадали помещичьи хозяйства прифронтовых Подольской, Волынской и в значительной степени латифундии Киевщины. Солдаты 2-го кавалерийского корпуса буквально не оставили камня на камне от огромных помещичьих хозяйств Подолии.[376] Точно так же солдаты Румынского фронта, в частности частей 6-й и 8-й Армий, находившихся на территории Бессарабской губернии и Подолии, совместно с крестьянами громили помещичьи экономии. Происходила стихийная, бессмысленная ликвидация крупного и среднего землевладения, сопровождавшаяся расхищением тягловой силы, инвентаря, поджогами, убийствами и гибелью многих культурных ценностей. Уже в конце октября части 41, 47, 160-й пехотных дивизий 8-й Армии проводили т. н. конфискацию помещичьих хозяйств в местечках Бессарабии — Единцах, Яноуцах, Табани и др. Фронтовики 621-го пехотного полка только за несколько дней разгромили до основания 8 экономий. На Хотинщине солдатами и крестьянами было ликвидировано 23 помещичьих хозяйства. В ноябре—декабре аграрные разгромы и погромы в местечках разлились широкой волной. ВРК 16-го армейского корпуса 8-й Армии приказом по корпусу от 7 декабря безуспешно пытался провести в жизнь план борьбы с варварским уничтожением крупных экономий.[377] Разгром крупных хозяйств на Украине и в Бессарабии привел к окончательной дезорганизации поставок в действующую армию. После прихода к власти большевики, поощрявшие ранее аграрные выступления, уже не могли справиться со стихийными аграрными разгромами. Характерно, что в резолюции, принятой на созванной большевиками 14 ноября 1917 г. конференции представителей фронта в Петрограде, говорилось не только о немедленном проведении декрета о земле, но также о необходимости «беспощадной борьбы с хулиганами, насилиями и погромщиками» в аграрном движении.[378] Однако, несмотря на резолюции, большевики на

[375] 1917 год на Киевщине, стр. 410.

[376] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 4754, лл. 18, 41об., 42об., 49 и др.; ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 9, лл. 65, 66.

[377] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 104, л. 106, и др.; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 187, 190, 198, 199 и др.; ЦГВИА, ф. 2210, оп. 8, лл. 16, 22.

[378] ЦГВИА, ф. 1236, оп. 1, д. 50, л. 4.

местах были не в состоянии справиться с аграрно-погромной стихией. В местечках Бессарабии проходила погромная вакханалия солдат с применением огнестрельного оружия.[379]

Совершенно специфический характер приобрел аграрный вопрос в частях Кавказского фронта, обострение которого в казачьих областях после обнародования декрета о земле разрушительным образом отозвалось на целостности этого театра военных действий. Борьба иногородних крестьян за землю на Дону, Кубани и в других казачьих областях, опасения казаков за сохранность своих значительных земельных наделов и их стремление сохранить казачьи сословно-классовые привилегии, приводили к непреодолимому стремлению казаков и иногородних крестьян разбежаться по домам, дабы на местах защищать свои интересы. Резолюции по земельному вопросу о правах иногородних и управлению в областях, принятые в ноябре на 1-м съезде иногородних Кубанской области и на крестьянском областном Донском съезде, вызвали настороженность и волнения казаков фронта и соответствующую реакцию иногородних крестьян в пехотных частях. Все противоречия между казаками и солдатами были рельефно отражены в резолюциях и наказах каждой из противоборствующих сторон на фронте. Так, наказ крестьянских ячеек Трапезундского укрепленного района своим делегатам в Петроград, предлагал конфисковать все казачьи офицерские участки и войсковые свободные земли, «участки сверх трудовой нормы». Наказ требовал учреждения в казачьих областях сельских и земских комитетов, упразднения сословий и т. п.[380] Общее собрание комитетов солдат укрепленной позиции Эрзерума и Деве-Бойну 5 декабря, реагируя на обострение казачье-крестьянской борьбы на Кубани, Тереке, в Ставропольской губернии и других местах, в своей резолюции требовало изменить положение в этих местах, «где благами наслаждаются и устраивают свои порядки войсковые атаманы и дикие дивизии . . .». Резолюция требовала отправки солдат в указанные выше места для «спасения революции и защиты своих семей».[381]

Через прессу и, главное, через письма родных солдаты фронта были информированы о положении в казачьих областях. Как сообщала «Новая Жизнь», правом голоса при выборах Кубанской Рады пользовались лишь казаки, горцы и крестьяне-общинники, а «бедное крестьянство, рабочие и все пришлое население поли-

---

[379] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 724, л. 304, 343 и др.; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1050, л. 456.

[380] «Кавказ», 23 и 29 ноября 1917 г.; «Листок войны», 11 ноября 1917 г.; «Трапезундский Военный Листок», 9 ноября 1917 г.

[381] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 31, л. 31.

тических прав лишено».[382] Кадетская «Речь» указывала, что Кубанская казачья верхушка испугалась «погромно-аграрной заразы», однако тяжелое впечатление производит «лишение значительной части населения политических прав». Газета признавала, что право распоряжения казенной землей оставалось в руках «глав казачьей общины» и «тех, кого она к себе примет».[383] Со своей стороны казаки, главная масса которых состояла из кубанцев, с тревогой наблюдали за ростом большевизации солдатских гарнизонов, расквартированных в области, за угрозами и стремлениями этих солдат и иногороднего крестьянства отобрать войсковые, офицерские земли и имущество казачьей верхушки. 7 ноября войсковой атаман Кубани выдвинул даже требование о немедленном отозвании казаков для «защиты» своих хозяйств и прав на Кубани.[384] На фронте эти казаки принимали резолюции, в которых выдвигались требования об обязательном сохранении их сословных привилегий и об ограничении прав «иногородцев», что встречали сочувственно казаки-оренбуржцы и астраханцы.[385]

Такие же настроения царили и в войсках Персидского разветвления фронта, где половина войск состояла из казаков. Из 75 тысяч фронтовиков в Персии, половину составляла казачья конница. Среди казаков и пехотинцев царило возбуждение, и все стремились на родину, так как полученные письма и слухи возбуждали массу. «В России дескать делят землю, фабрики — а мы тут стоим».[386] Чрезвычайный Войсковой Круг Оренбургских казаков в связи с обоснованным опасением захвата земель казачьей верхушки в округе, потребовал от командования фронта вывода из Персии 7-ми полков казаков-оренбуржцев и 3-х казачьих артиллерийских батарей.[387] В ноябре—декабре в экспедиционном русском корпусе в Персии положение настолько обострилось, чему способствовал усилившийся голод и падеж лошадей, что генерал Баратов потребовал 3 декабря от фронтового командования немедленного отвода войск из Персии, так как назревал самовольный отход не только пехоты, но и казаков, что было связано, указывал генерал, с событиями на Тереке, Кубани и в других областях и тревожными письмами родных к казакам и солдатам. Ген. Баратов указывал на особую «ненадежность» пехоты.[388]

---

[382] «Новая Жизнь», 11 ноября 1917 г.

[383] «Речь», 15 октября 1917 г.

[384] ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 88, лл. 220, 220об.

[385] «Трапезундский Военный Листок», 26 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 80, л. 192.

[386] А. Г. Емельянов. Персидский фронт, стр. 179, 180.

[387] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 697, лл. 9, 11об.

[388] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, л. 15; Там же, оп. 1, д. 71, л. 38.

В ноябре, еще до начала переговоров о перемирии с турками, 39-я пехотная дивизия, состоявшая в основном из крестьян Северного Кавказа, ссылаясь на декрет о мире, стала самовольно отходить на Северный Кавказ. Дивизия силой захватила предназначенные для фронта до 3-х миллионов ружейных и до тысячи орудийных патронов. Еще 9 ноября командование этой дивизией и комиссар Кавказской Армии телеграфировали по инстанциям, что превалирующей причиной анархического отхода дивизий является недовольство солдат действиями казачьих областных правительств Кубани, Терека и возникшими «беспорядками» в Казачьих областях. 14 ноября делегаты 39-й пехотной дивизии прибыли в г. Эривань и всячески склоняли расположенные там 5-й и 6-й пехотные запасные полки также «требовать отвода на Северный Кавказ» в связи с событиями в тылу. Как обоснованно заявлял ген. Пржевальский, дивизия следовала на Северный Кавказ «для гражданской войны».[389] Уход 39-й пехотной дивизии на Северный Кавказ вызвал волнения среди казаков-кубанцев. Как сообщало командование 1-го Кавказского корпуса, в 1-й пластунской бригаде «настроение пластунцев в высшей степени напряженное», предотвратить их отход невозможно, так как в бригаде создалось «положение критическое». Начальствующие лица оказались бессильны, и было вынесено решение «бесповоротно начать отход» 1 декабря. Состоявшийся уход пластунов из Фама вызвал заявление делегатов и ранее волновавшегося 25-го Кавказского стрелкового полка, что солдаты полка не пропустят пластунов в тыл, а только «идя вместе с ними и впереди». На экстренном совещании корпусного комитета в связи с угрозой надвигающегося вооруженного столкновения было принято решение об отводе в тыл 25-го стрелкового полка совместно с кубанцами-пластунами, чем «предполагалось избежать кровопролития». Корпусной комитет «во избежание междоусобной войны» вынес резолюцию об отводе войск всего 1-го корпуса в тыл. Уход 39-й пехотной дивизии и пластунов ухудшил и ослабил позиции командования Кавказского фронта на переговорах о перемирии в Эрзиджане.[390] В ответ на попытки командного состава 39-й пехотной дивизии воспрепятствовать ее уходу в Ставропольскую губернию среди солдат началось сильное возбуждение и слышались призывы о недоверии офицерам. В этой обстановке в середине ноября в дивизии возник ВРК, который взял власть в свои руки и занялся отправкой частей на Ставрополье. Над командным составом был установлен контроль, и комиссары ВРК были на-

---

[389] ЦГВИА, ф. 2100, д. 281, лл. 53; Там же, оп. 1, д. 1149, лл. 230, 230об.
[390] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1149, лл. 245, 247, 249.

значены во все подразделения до роты включительно. Командующий Кавказской Армией ген. Одишелидзе в своей телеграмме в штаб фронта всю ответственность за отход дивизии возлагал на созданный ВРК.[391] К концу декабря основные части этой дивизии, расположенные на ст. Тихорецкая и в ее районе в результате разгара аграрного движения, под влиянием агитаторов из Петрограда, Царицына, прибывающих матросов и красногвардейцев, признали власть Совнаркома, начав «демократизацию».[392]

Как казачьи правительства, так и большевики проводили, каждый в своих политических интересах, кампанию за отвод ряда частей фронта: казачья верхушка для создания себе защиты от аграрных посягательств солдатско-крестьянской массы, большевики для углубления начавшейся гражданской войны и для установления своей власти на Дону и Кубани. Так, в 4-й пластунской Кубанской бригаде войсковые старшины Зазулин и Резников, по сообщению командования Кавказской Армии, «мутили бригаду» и склоняли казаков к отходу на Кубань. В конце концов под воздействием уговоров членов ВРК, большевиков Мусилова и Петренко и прибывших из Тифлиса прочих большевиков самовольно ушел из Эрзерума крепостной полк, который увез с собой 48 пушек и раздал оружие другим пехотным частям. Большевики, руководившие уходом полка, ставили себе целью свержение Закавказского комиссариата.[393] Под воздействием как казачьего командования, так и большевиков, все рвущиеся в тыл части были охвачены, как гласили многочисленные сообщения, «психозом обязательного уноса с собой оружия».[394] В психологическом отношении, как солдаты, так и казаки были уже подготовлены к участию в гражданской войне в своих областях. После ухода с фронта 39-й пехотной дивизии, 1-й и 4-й пластунских бригад на Северный Кавказ, начал отход туда же 1-й Кавказский корпус, части которого оставляли позиции. Его примеру последовал 6-й Кавказский корпус. Вскоре отход принял стихийный характер и полностью захватил 4-й и 5-й Кавказские корпуса. Корпусной комитет и командование 4-го кавалерийского корпуса, отражая взгляды большинства состава корпуса, состоявшего из кубанских и терских казаков, даже направили телеграмму в Тифлис и на Дон, в которой приветствовали «почин» донских казаков в их борьбе с большевиками за сохранение своих аграрных и полити-

---

[391] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 453, лл. 405, 406, 412, 415, 418.

[392] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1159, лл. 4, 4об., 4а, 19.

[393] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 453, лл. 309, 309 об.; Там же, оп. 1, д. 513, л. 4, 4об.

[394] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 89, л. 180.

ческих позиций и предлагали свою помощь в деле борьбы с большевиками и «царящей в стране анархией», под которой, естественно, подразумевалось стихийное аграрное движение крестьянства. Солдатская масса Кавказской Армии, как обоснованно утверждал командующий ген. Одишелидзе в начале декабря, недвусмысленно угрожала силой воспрепятствовать уходу казаков и ссылалась на «темные замыслы» казачьего командования.[395]

Тифлисские большевики пытались использовать это настроение солдат, и в начале декабря делали все от них зависящее для увода пехотных частей с фронта на Северный Кавказ для борьбы с казачьим Доном. На своем заседании 8 декабря Красокар решил обратиться к фронту с осуждением деятельности военной комиссии Тифлисского гарнизона, действующей в интересах большевиков, и предлагал проводить передвижения войск только с санкции Краевого Совета Кавказской Армии.[396] Конечно, это были лишь благие намерения.

В итоге рассматренного нами явления отхода войск с Кавказского фронта можно сделать вывод, что, помимо действовавшего фактора общих причин, аграрный вопрос способствовал развалу Кавказского фронта, а на других фронтах, как мы уже знаем, эта же земельная проблема деморализовала широкие слои солдат. Отягощающим моментом в деле развала фронта явилась инициатива увода войск враждующими политическими партиями, от кадетской верхушки казаков и вплоть до большевиков. Распад Кавказского фронта был неизбежен и вследствие прекращения поступления укомплектований. На телеграфные запросы командования о немедленном направлении пополнений Кубанское областное правительство в своем ответе указывало в начале декабря, что при создавшемся положении в этой казачьей области они не могут выслать «ни одного казака». Терский атаман Караулов уже в начале ноября категорически отказывались направлять пополнения на фронт, ссылаясь на тревожное «положение» на Тереке.[397] Такая позиция атамана Караулова М. А. была продиктована положением, создавшемся в результате роста национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа и Дагестана, которое было тесно связано с аграрным вопросом и социальными стремлениями обезземеленного царским правительством населения горских аулов.

---

[395] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 281, лл. 53, 54; «Трапезундский Военный Листок», 4 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, л. 12об.

[396] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 260.

[397] ЦГВИА, ф. 2292, оп. 1, д. 141, л. 507об.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 48, лл. 164, 165.

Столкновения между горцами аулов Северного Кавказа и казаками носили перманентный характер и приводили к жертвам в обоих враждующих лагерях. Из-за обстрела терскими казаками горского аула Андирка, вспыхнули боевые действия между ингушами и сунджанскими казачьими станицами. Против горцев посылались броневые поезда. В октябре—ноябре союзниками горцев стали солдаты запасных пехотных полков и артиллерийских частей, расположенных на казачьей территории, вывода которых добивался атаман Караулов. Призыв атамана к казакам, иногородним крестьянам и горцам «забыть в тяжелую минуту гибели родины партийную и классовую рознь» оставался гласом вопиющего в пустыне, так как противоречия были слишком глубокими и корни их вросли в почву края еще в период завоевания Кавказа. Положение усложнялось еще в связи с фактом нежелания русских солдат подчиняться местной администрации. Создавшаяся обстановка на подступах к Кавказскому фронту наносила ущерб важнейшим коммуникациям. 21 ноября главнокомандующий фронтом ген. Пржевальский направил телеграмму атаману Караулову, в которой требовал неосуществимого компромисса, дабы «избежать ущерба» казакам, горцам и «остальному населению». Генерал требовал ликвидировать анархию в Терской области «как ближайшему тылу фронта».[398] Как сообщал 30 ноября начальник Кавказского военного округа в штаб фронта, «Северный Кавказ и Дагестан в настоящее время представляют из себя поле сражения», где происходят осада станиц, поджоги промыслов, разрушение ж.-д. сооружений и т. п. Все это отрицательно отражалось на вопросах снабжения продовольствием действующей армии, так как отрезало Закавказье от Северного Кавказа и т. п.[399] Ухудшение и так скудного снабжения Кавказского фронта и вооруженная борьба между казачьим и горским населением тотчас же отозвались на политико-моральном состоянии терских и кубанских казаков на фронте, в частности коснулись его персидского фланга. Казаки стали получать тревожные письма, из которых явствовало, что вдоль Сунжанской линии на Тереке идут бои и что горят станицы. К ген. Баратову явилась делегация Горско-Моздокского казачьего полка, которая заявила, что полк настаивает на уходе с фронта. Как сообщает свидетель этой встречи делегации и Баратова председатель корпусного комитета А. Г. Емельянов, «Баратов уговаривал, убеждал, доказывал, угрожал... и кричал». Однако казаки настаивали на своем. Когда де-

[398] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 444, лл. 49, 54, 57.
[399] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 17, лл. 26, 27об.

легация ушла, «Баратов упал в кресло и плакал».[400] В начале декабря ген. Баратов телеграфировал в штаб фронта, что «условия обстановки на Персидском фронте ужасные» и что продовольственное, политическое и нравственное положение войск и после перемирия таково, что необходимо начать немедленный отвод корпуса из Персии, так как самовольный отход как пехоты, так и казаков неизбежен «в связи с событиями на Тереке и Кубани». К отходу частей и дезорганизации на Персидском фронте свою руку приложили и большевики. В декабре из Петрограда прибыла сюда группа большевиков и выдвинула агитационные лозунги: «Бей офицеров, арестуй командный состав, долой командира и ступай назад в Россию».[401]

Если в конце ноября на Кавказском фронте еще оставалось 13 кубанских конных полков, 1 конный полк терских казаков и несколько казачьих артиллерийских батарей, то, как сообщало 16 декабря командование фронта в генерал-квартирмейстерскую часть Ставки, в результате событий на Северном Кавказе и «войны между горцами и казаками» с фронта в казачьи области ушли «почти все ... конные казачьи части и все пластунские».[402] Как известно, от казаков не отставали и пехотные части. Самовольный уход и фактическая демобилизация коснулись важнейших пехотных и стрелковых дивизий. Штабные поденные записи так и пестрят многочисленными сведениями по этому вопросу. Ген. Пржевальский констатировал в конце декабря, что фронт остался почти совершенно без конницы.[403] В специфических условиях Кавказского театра военных действий уже это одно сводило на нет какое-либо боевое значение самого отдаленного фронта России.

Рост национально-освободительного движения в России в период заключения перемирия и после него не мог не коснуться армии, и этот фактор, как мы уже знаем, создавал свои особенности во фронтовых частях и вносил коррективы в деятельность распадающихся частей в последние месяцы их существования.

Уже имеющиеся и вновь возникающие национальные формирования в той или другой степени подвергались влиянию национально-освободительного движения в тылу, находились под его воздействием и сталкивались с централистской и неискренней политикой большевиков в национальном вопросе.

---

[400] А. Г. Емельянов. Персидский фронт, стр. 171.

[401] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, л. 15; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 320, л. 354.

[402] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 63, 64.

[403] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 697, л. 138; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, лл. 292, 292об., 293об., 295, 295об., 299об. и др.

В ноябре последовало распоряжение Центральной Рады о доведении «до полной украинизации» 3-й стрелковой, 4, 5, 9, 12, 16, 31, 33, 35, 42, 44, 78, 100, 104, 108, 113, 115, 138 и 153-й пехотных дивизий и ряда артиллерийских частей. 28 ноября С. Петлюра объявил об украинизации 17, 132, 258, 277-го запасных полков Румынского фронта, которые подвергались переформированию. 30 ноября в ускоренном порядке к полной украинизации были предназначены 18, 20, 24, 25, 28, 29, 30, 34, 35, 44, 45, 49, 172, 182, 271, 275, 290, 299-й запасные пехотные полки.[404] Наряду с ускоренной украинизацией, известных уже нам дивизий, Генеральный Войсковой Комиссариат предложил украинизировать все их штабы, учреждения, в частности штабы 9, 10, 11, 16, 21, 26, 34 и 51-го армейских корпусов.[405] В ответ на действия Н. Крыленко в декабре по приостановке украинизации и антиукраинской резолюции большевистской конференции в Ставке от 11 декабря о «явно контрреволюционной политике» Центральной Рады, последняя прибегла к ответным мерам и на протяжении декабря неоднократно давала распоряжения о немедленном отпуске солдат-великороссов на период от 6 до 8 недель из всех армий Украинского фронта с целью укрепить свои позиции. Из-за этих мероприятий большевиков и Рады, части на фронтах подвергались еще большей дезорганизации, участились самовольные переходы украинцев, уходы русских солдат на родину. Железные дороги не справлялись с перегрузкой, и армия страдала без продовольствия.[406]

Если большевистские ВРК по указанию Н. Крыленко, не считаясь с объявленным 12 ноября суверенитетом УНР, принимали всяческие меры к введению на Украинском фронте выборного начала и др., то органы Центральной Рады в своей борьбе с Совнаркомом пытались отправлять в отпуск русских солдат даже на Северном фронте, который, конечно, не входил в территорию Украины. Так, в связи с проведением украинизации в 44-й пехотной дивизии Северного фронта местная Рада отпускала в «месячный отпуск» 10 тысяч русских солдат. Исполком Ревельского укрепленного района резонно указывал, что этот прецедент приведет к разложению других частей и вредно отразится на состоянии железных дорог. Несмотря на усилия Исполкома, полковой комитет 174-го Роменского пехотного полка 44-й пехотной дивизии

---

[404] ЦГВИА, ф. 2113, оп. 5, д. 78, л. 22; ЦГВИА, ф. 21265, оп. 1, д. 663, л. 17; ЦГВИА, ф. 2143, оп. 1, д. 8, л. 82, 82об.; ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 166, л. 23.

[405] ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 663, л. 40, 40об.

[406] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 533, л. 293; «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 13 (26) декабря 1917 г. и 21 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1326, л. 215; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 333, л. 132.

с 8 декабря все же приступил к отправке всех неукраинцев в отпуск. Как явствует из телеграммы председателя Укрепленного района на имя Н. Крыленко, «произошли беспорядки и дезорганизационное оголение фронта».[407]

В армиях Румынского и Юго-Западного фронтов шла борьба между созданными Радой национально-федеративными Комиссариатами и большевистскими ВРК, которым Генеральный Секретариат предлагал «незамедлительно передать власть» в руки национальных Комиссариатов.[408]

Борьба между Центральной Радой и большевиками неизбежно должна была обостриться после окончательного разоблачения тактики большевиков, связанной с их стремлениями к ликвидации этого органа путем подтасованного «переизбрания» Рады или же устранения ее путем прямого вооруженного вмешательства. Еще после октябрьского переворота лидеры Рады включили в «Краевой Комитет по охране Революции» представителей большевиков, руководители которых маскировались и заявляли, что здесь на Украине они никакого вооруженного восстания не предпримут. Однако в начале ноября большевик Гамарник, выражая стремление Петрограда, уже высказал намерение своей партии путем подтасованного «пополнения представителями Советов» изменить политический характер Центральной Рады.[409] В этом отношении большевики имели уже немалый опыт. Эсер Гуревич и меньшевик Чижевский 15 ноября прямо указывали на подтасовку киевскими большевиками пленарного Собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, которые «устроили» на этом заседании двойное представительство путем приглашения на него своих сторонников от военных частей, профсоюзов и фабзавкомов, не числившихся в списке Советов.[410] Киевские большевики, взявшие на себя инициативу созыва Всеукраинского съезда Советов, делали все от них зависящее, дабы создать там свое превосходство. Н. Стасюк, член ЦК Украинской Крестьянской организации («Українська спілка»), прямо указывал на махинации большевиков в деле создания на этом съезде перевеса своих сторонников из среды рабочих и солдат за счет крестьянской массы. Центральный Комитет Украинского Крестьянского Союза телеграфировал на места, что большевики умышленно не согласовали вопросы созыва и представитель-

---

[407] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1550, лл. 106, 106об.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 191, 192.

[408] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 166, лл. 62, 62об.; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 154, л. 475; Monkewitz Nicolas, General. La décomposition de l'armée Rousse. Paris, 1919, p. 150.

[409] 1917 год на Киевщине, стр. 319, 358.

[410] 1917 год на Киевщине, стр. 387.

ства на съезде с Крестьянским Союзом, «с явным желанием подтасовать волю украинского народа и захватить власть в руки меньшинства». Эти стремления большевиков высказал без обиняков член областного руководства большевиков Шахрай, который заявил, что большевики «должны организовать... Советскую Раду» и что, быть может, это удастся сделать на съезде Советов. Когда же эта попытка провалилась, большевистское меньшинство ушло со съезда и организовало в Харькове параллельный «съезд Советов». Потерпев неудачу в деле захвата власти путем «выборов», киевские большевики пошли на прямой вооруженный захват власти. В то время, когда приехавший 1 декабря в Киев Г. Зиновьев опровергал «как провокационные» слухи о движении большевистских отрядов на Киев, большевистский ВРК уже 29 ноября отдал распоряжение о боевой готовности. Руководящая тройка этого ВРК — Л. Пятаков, Пуке и Повилайтис считали, что в их распоряжении находилось всего 8 400 бойцов, 10 батарей, 2 бронеавтомобиля против 16 тысяч на стороне Центральной Рады. На этот раз Центральная Рада сумела предотвратить вооруженное выступление большевиков и в ночь на 30 ноября 1-я украинская гвардейская дивизия разоружила все неукраинские части, в провинции был разоружен ряд большевизированных гарнизонов. Главарь большевистского ВРК Л. Пятаков должен был констатировать, что «мы в Киеве разбиты».[411] Вслед за этими событиями последовал известный ультиматум СНК Центральной Раде, и большевики перешли к открытой военной интервенции.

Пока украинские формирования находились на фронте, они единодушно поддерживали Центральную Раду, что особенно отмечалось до издания декретов о земле, когда социальные и национальные моменты сливались в одно целое. Однако в дальнейшем, в силу социально-политической непоследовательности Центральной Рады, нерешительности и отказа решать социальные вопросы в интересах широкой солдатско-крестьянской массы, в частности нерешенности аграрного вопроса, эта масса стала отходить от Центральной Рады. Как признавал В. Винниченко, опора органов Центральной Рады основывалась на поддержке зажиточного украинского крестьянства. Рада игнорировала интересы среднего крестьянства и бедноты («голота»).[412] Как раз опубликованный III Универсал Центральной Рады и привел к усилению аграрного движения и земельной анархии, в связи с его половинчатостью, декларативностью и выпячиванием интересов украинского крестьянина-богатея. Предложенная Центральной Радой

[411] 1917 год на Киевщине, стр. 412, 426, 427, 429, 436, 414, 416, 433.

[412] В. Винниченко. Відродження нації, ч. II. Київ—Відень, 1920, стор. 96.

«Трудовая норма» в 40 десятин как раз и ограждала интересы этого социального слоя украинского крестьянства. Этот земельный законопроект был выработан уже после декрета о земле и не был доведен до своего завершения. Характерно, что законопроект этот обсуждался и в январе 1918 года, когда на улицах Киева уже рвались снаряды наступавших большевистских войск. Указанная нами далеко не трудовая земельная норма в 40 десятин решительно отвергалась основной массой украинского крестьянства. На заседании сессии Центральной Рады 28 декабря крестьянин Манько убедительно доказывал, что «приехать с таким законом домой, значит дрючка (кол. М. Ф.) получить», а крестьянин-делегат Гуленко высказался в том духе, что «когда с фронта вернутся наши вояки, то они штыками своими перемерят эти 40 десятин».[413]

Сравнительно легкая военная победа большевиков в борьбе с Центральной Радой основывалась не на силе их штыков, а на изменении настроения украинского солдата-крестьянина, который с головой ушел в аграрные разгромы и погромы, и ему в условиях явочного разрешения аграрного вопроса на селе не было уже дела до поддержки Центральной Рады. В декабре на фронте уже наблюдались случаи, когда солдаты украинизированных дивизий хотели под предлогом украинизации просто ехать домой. Украинизация в этот период 17-го армейского корпуса, например, сопровождалась уже массовым дезертирством домой во время перевозок. Подобные же явления мы можем проследить в украинизированном 34-м армейском корпусе. Как писал австро-венгерский главнокомандующий на русском фронте эрцгерцог Иосиф, теперь многие украинские солдаты-крестьяне были на стороне большевиков, так как полагали, что последние дадут им замлю и мир. Генерал Щербачев, придававший большое значение украинским формированиям, 20 декабря получил на свой запрос ответ командующего 6-й Армией ген. Цурикова, что теперь «национальных частей, могущих выполнять какие-либо задачи, в армии нет».[414] В. Винниченко подчеркивал, что в результате политики Центральной Рады украинские полки, ранее полные национального энтузиазма, теперь теряли это воодушевление, охваченные безразличием, становились «нейтральными» по отношению к большевикам и, наконец, многие из них становились на сторону больше-

---

[413] 1917 год на Киевщине, стр. 446, 447, 451; І. Витанович. Аграрна політика українських урядів в роки революції і визвольних змагань. См. «Український Історик», № 3—4 (15—16), 1967, стор. 34, 36, 37. (Нью-Йорк—Мюнхен, 1967).

[414] Эрцгерцог Иосиф. Мировая война как я ее видел, т. V, стр. 686. Будапешт (на венгерском языке); ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 245, л. 46.

виков.[415] Генерал Макс Гофман, в период брестских переговоров, отмечал в своей записи от 16 февраля, что «украинские войска как и русские совершенно деморализованы... и думают только об одном: домой». Немецкий генерал подчеркивал, что трудность положения на Украине в период немецкого зимнего наступления определялась тем обстоятельством, что Центральная Рада, кроме немецких войск, уже не имела «за собой никого. Причина — земельный вопрос». Многие представители русского генералитета видели в это время неизбежность падения Центральной Рады, что ускорялось, по их мнению, нарастанием аграрной лихорадки у украинских крестьян.[416] Трагедия украинского национально-освободительного движения состояла в том, что в процессе революции 1917 г. это движение опиралось главным образом на украинское село.[417] Однако Центральная Рада не принимала во внимание интересы основной середняцкой массы и бедноты. Безжалостно же руссифицированное русским государством население украинских городов только в своей незначительной части воспринимало национальные идеи украинской государственности и не было опорой Центральной Рады. Свою отрицательную роль сыграла и организационная запоздалость этого движения в армии, в специфических условиях ее обреченности и распада.

В рассматриваемый нами период на фронтах происходило интенсивное выделение и других национальных формирований, которым в создавшейся политической обстановке отводилась определенная роль как в планах русского командования, так и госу-

[415] В. Винниченко. Указ. соч., часть 2-я, стр. 156.

[416] Ген. Макс Гофман. Записки и дневники (1914—1918). Л. 1929, стр. 239, 242; Ген. Н. И. Головин. Российская контрреволюция (1917—1918, ч. II, кн. IV, стр. 10).

[417] І. Мазепа. Підстави нашого відродження. Мюнхен. «Прометей», 1946, стор. 170.

Представители украинской историографии — Павло Христюк, И. Мазепа, Д. Дорошенко и др. — прямо указывали, что в результате трагических проволочек со стороны Центральной Рады в разрешении неотложных вопросов земли и мира, украинская масса поздней осенью 1917 г. «відвернулась від Центральної Ради» и стала связывать свои надежды с демагогическими обещаниями большевиков, так как Центральная Рада все медлила и «оглядывалась» на Временное правительство. П. Хрыстюк, не без основания, утверждает даже, что если бы земельный закон был принят на 2—3 месяца раньше, до большевистских декретов, украинское крестьянство безусловно пошло бы за Центральной Радой, а политические и военные последствия борьбы с большевистским нашествием были бы совершенно другими и т. п.

См. Українська Революція. Розвідки і матеріяли. Павло Христюк: Замітки і матеріяли до історії української революції (1917—1920). Нью-Йорк, 1969, стор. 99, 110; т. II, стор. 31, 37, 132; І. Мазепа: В огні і бурі революції (1917—1921). «Прометей», 1950, стор. 13, 33, 35, 36 і др.

дарств Антанты. Ставка и руководящий русский генералитет свои надежды на удержание фронта связывали с созданием именно национальных формирований. Генералы видели спасение фронта в возникновении этих формирований, в которых не будет комитетов и где водворится «французская дисциплина». Генералитет, в частности ген. Щербачев, Вирановский, Духонин, Левицкий и многие другие, видели в создании украинских национальных формирований «залог спасения большей и лучшей половины России».[418] До, в период и после заключения перемирия, в частности на Румыском, Юго-Западном и Кавказском фронтах, где большевики не смогли полностью овладеть положением, усиленно шло выделение и переформирование частей под флагом украинизации, молдаванизации, мусульманизации, армянизации и т. п. Однако Западный и Северный фронты были также охвачены этим движением. Выделение национальных формирований как отражение национально-освободительного движения народов страны в армии, естественно, подвергалось воздействию как факторов русской революции — ее левых и правых течений, так и влиянию государств Антанты, пытавшихся направить это национальное движение в желательное для них русло. В течение декабря 1917 г., осуществляя директиву французского правительства и главнокомандующего Ф. Фоша, глава французской военной миссии на Румынском фронте ген. Бартело все всои усилия сосредоточил на поддержке усиленного формирования украинских, польских, чехословацких и других национальных частей и организаций, как в пределах этого фронта, так и на Юге России вообще.[419] В связи со значительной ролью, которую стали играть национальные формирования в условиях ускоренного распада фронтов, усилилась и активность бывших союзников России в целях использования этого движения в своих интересах и для пресечения возможного усиления Германии за счет привлечения ею этих национальных сил для укрепления немецких позиций. После большевистского переворота союзные государства стали оказывать общую поддержку, вплоть до финансовой, антибольшевистским силам в стране, поддерживать национальные формирования и стали вести более энергичную пропагандистскую работу непосредственно в распадающейся русской армии.[420]

---

[418] Разложение армии в 1917 году. Сб. док., стр. 81, 82, 85 и др.

[419] Ф. Фош. Воспоминания (Война 1914—1918), т. II, М., 1939, стр. 214.

[420] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», 16 декабря 1917 г.; «Историк-Марксист», кн. 4 (62), 1937, стр. 90; The Story of my Life by Marine, queen of Roumania, vol. III. London, 1935, pp. 347, 355; Paper Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, pp. 608, 609, 659 и др.

Одновременно усиливались столкновения создаваемых национальных формирований с большевиками, которые хотели поставить эти части под свой контроль и фактически разложить их, внедряя сюда выборное начало и т. п. В силу наличия в национальных частях различных политических и классовых элементов они объективно становились активным фактором разгорающейся гражданской войны в России, тем более, что на них оказывался соответствующий нажим как со стороны большевиков, так и со стороны союзников и немцев включительно. В этом отношении особенно сложным оказалось положение польских национальных формирований на Западном фронте, где, начиная с лета 1917 г., польский корпус под командованием консервативного ген. И Р. Довбор-Мусницкого к октябрю вырос до 30 тысяч солдат и офицеров и находился под влиянием французской военной миссии во главе с ген. Рампоном. Это был наиболее серьезный противник установления власти ВРК Западного фронта и в гражданской области, поскольку Белорусская Рада не располагала своими вооруженными силами. Вскоре началась серия столкновений частей польского корпуса с войсками ВРК Западного фронта в Минской, Могилевской и Витебской губерниях, в районах Рогачева, Жлобина, Бобруйска и др. Эти столкновения происходили далеко не на основе только защиты корпусом прав польских помещиков, как это старается представить советская историография, а в силу более значительных политических причин, тем более, что помещичье землевладение в районе Западного фронта и так уже было разгромлено солдатско-крестьянским аграрным движением. Дело в том, что Польскому корпусу было поставлено Н. Крыленко условие — до 1 января 1918 г. «демократизировать» польское командование, и происходило разоружение войсками ВРК польских уланов. Советские власти выдвигали требование свободной агитации большевиков среди польских солдат, обязательного допущения в корпус советского комиссара и т. п. Вполне понятно, что эти требования не могли быть приняты командованием корпуса, так как это было равносильно фактической самоликвидации польского формирования. 21 января 1918 г. советский главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников (Мясникян) отдал распоряжение о немедленном расформировании польских частей, а Н. Крыленко объявил польского генерала «врагом народа» и приказал солдатам производить аресты командного состава корпуса. В январе продолжались вооруженные столкновения. В намерения ген. Довбор-Мусницкого входила вовсе не борьба с Советским правительством, что даже при его желании было неосуществимо для одного корпуса, а прорыв на Румынский фронт для соединения с формирующимся там 2-м польским корпусом. В угоду немцам

власти Совнаркома противились этому стремлению поляков, и в результате в марте ген. Довбор-Мусницкий был вынужден подписать договор с немцами о постепенной демобилизации корпуса и подчинении его немецкому командованию.[421] После Октябрьского переворота польский «Начполь» во главе с ген. Михаэлисом создал на Украине Исполнительный Комитет Союза поляков-военных Юго-Западного фронта. Одновременно возник Исполнительный Комитет Союза польских солдат Румынского фронта с центром в Яссах. В октябре прошел съезд солдат-поляков этого театра военных действий. Командование Румынского фронта, при поддержке военных миссий союзников, заключило соглашение с польским Исполкомом о выделении из частей фронта солдат-поляков и о создании из них 2-го польского корпуса, в распоряжение которого передать вооружение расформированного 29-го армейского корпуса. Командир 2-го польского корпуса ген. Станкевич писал, что необходимо вести борьбу с попытками разложения корпуса со стороны большевиков. Сформированные под австро-венгерской эгидой и находящиеся на Буковине (село Раранча) части 2-й Карпатской бригады польских легионов (всего до 2-х тысяч солдат), вступив уже 18 февраля в бой с австрийцами, прорвались через линию фронта в районе русских позиций у г. Хотина и попытались начать продвижение к Бобруйску на соединение с корпусом ген. Довбор-Мусницкого, но вынуждены были изменить направление и предпринять удачный марш на г. Сороки для объединения своих сил с формирующимся корпусом ген. Станкевича, чему всячески пытались препятствовать части большевизированной 8-й Армии.[422] По ходатайству Совета поляков-военных 8-й Армии и согласно приказу ген. Щербачева, 2 декабря командующий этой армией ген. Юнаков приказал создать из числа желающих польский пехотный полк, дивизион кавалерии и мортирную батарею. В районе дислокации 16-го армейского корпуса 8-й Армии в декабре имели место столкновения вновь сформированного польского полка с частями этого корпуса. По инициативе Ревкома 8-й Армии, в конце января в Могилеве состоялась конференция польских социалистов 8-й Армии, которая высказалась за создание «польской социалистической гвардии» и за поддержку большевиков.[423]

---

[421] Белое дело. Сборник, т. IV. Берлин, 1928; В. П. Агапеев. Корпус ген. Довбор-Мусницкого, стр. 184, 185, 191; Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. I. Москва, 1953, стр. 257; Победа Советской власти в Белоруссии, стр. 381, 382; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 196, лл. 20—26.

[422] М. Ронге. Разведка и контрразведка. М., 1939, стр. 218. H. Baginski. Wojsko polskie na wschodzie. Warszawa, 1921, str. 57, 78, 89, 120, 194, 327; L. Grosfeld, op. cit.

[423] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 332, 333, 334.

Как нами уже было указано, польские национальные части находились в крайне сложном положении, так как поляки входили в состав частей двух враждующих лагерей мировой войны. И на этой почве возникали инциденты. Так, 42-я и 43-я маршевые роты, состоящие из поляков, и 100 поляков из состава 43-го запасного полка категорически отказались в конце ноября следовать на европейские фронты, так как «они никак не могут сражаться против своих братьев-поляков, находящихся на стороне противника». Эти солдаты были направлены на Кавказский фронт.[421] В декабре в Тифлисе функционировал «Исполнительный Комитет польских военных организаций на Кавказе», который проводил работу по созданию здесь польской дивизии. Однако в конце февраля 1918 г. была создана лишь отдельная польская бригада, включающая и артиллерийские части.[425] Польское национально-освободительное движение в армии было расколото на два течения — правые элементы группировались вокруг «Начполя», а левые примыкали к политической позиции «Главного Комитета». Водораздел проходил, главным образом, вокруг вопроса об образовании польской армии. Левое крыло считало, что образование национальной армии — это дело будущего польского правительства, и его сторонники все больше сближались с большевиками. Для некоторых польских военных союзов была характерна колеблющаяся позиция (Польские Союзы Ясского и Одесского округов). Польские Комитеты на Кавказском и Румынском фронтах примыкали, например, к правому крылу, что наблюдалось и на Западном фронте.[426] Всего в русской армии насчитывалось в то время 700 000 солдат-католиков: 500 000 поляков и около 200 000 литовцев и белоруссов-католиков.[426a]

В связи с господством большевистских ВРК на Западном фронте, здесь так и не были созданы белорусские национальные части, хотя логикой вещей Белоруссия должна была стать их базой. Центр тяжести работы белорусских организаций передвинулся на Румынский фронт, где, как нам известно, имелся определенный простор для национального самовыражения. Однако белорусское движение отмечалось значительной слабостью и политической вялостью, и его руководство с одной стороны тянулось за Центральной Радой, а с другой стороны за большевиками. Это выявили и проходившие в декабре 1917 г. и в январе 1918 г. съезды солдат-белоруссов. Так, съезд белоруссов 8-й Армии стоял на по-

---

[424] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2722, л. 168.
[425] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 18, л. 268; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 450, л. 27.
[426] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, лл. 370, 370об.
[426a] A. Zatorski. Dzieje pułku Biełgorodzkiego. W. 1960, str. 11.

литической платформе близкой к курсу большевиков, хотя и высказался за создание белорусских «социалистических» частей. При армейском комитете 8-й Армии была образована белорусская социалистическая секция. 20 декабря происходил съезд воинов-белоруссов 6-й Армии фронта, который стоял на аналогичных политических позициях. На съезде было официально сообщено делегатам, что 4-й армейский корпус становится базой создания белорусских национальных частей, и он был объявлен белорусским. Однако эти мероприятия были запоздалыми, фронт вошел в полосу распада, и белорусские национальные части так и не получили своего реального завершения на Румынском фронте.[427] Сыграла свою отрицательную роль и оторванность солдат-белоруссов фронта от этнографической Белоруссии.

Хотя молдавское национальное движение и не было оторвано от своей этнографической базы, все же и оно в этот период отличалось организационной слабостью, что в значительной степени объясняется длительной искусственной оторванностью этой ветви румынского народа от своих общих национальных и политических центров в Румынии, в результате оккупации края и насильственного присоединения к России. Крайнюю слабость молдавских военных организаций отмечал и комиссар Румынского фронта Э. Тизенгаузен. Молдавские полки возникли поздно, молдавский солдат плыл в фарватере аграрных переделов, разгромов и погромов на местах и не оказывал военной поддержки созданной Молдавской республике. Краевой орган республики «Сфатул Цэрий» являлся законодательной властью, и его исполнительный орган — Совет директоров — был вынужден искать поддержку у Румынского правительства, Центральной Рады и французской миссии. 20 октября в Кишиневе был созван Всероссийский военно-молдавский съезд, который высказался за создание «Сфатул-Цэрий» (Совет страны). Председатель Совета Генеральных Директоров Ерхан на заседании «Сфатул-Цэрий» 23 декабря информировал присутствующих, что «опираться на молдавские части, которые у нас имеются, мы не можем, они большевизированы».[428]

После перемирия на фронтах начали расти и мусульманские военные организации, которые по существу охватывали солдатскую массу на религиозной основе, и в орбиту деятельности которых входили казанские и крымские татары, башкиры, нацио-

---

[427] ЦГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 30; «Известия Исполнительного Комитета 7-й Армии», 31 января 1918 г.; «Воин-Гражданин», 22 и 29 декабря 1917 г.

[428] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 373об.; Борьба за власть Советов в Молдавии. Сб. док., стр. 266—268; И. И. Минц. История Великого Октября, т. III, М., 1973, стр. 632.

нальные группы, исповедывающие ислам. На фронтах проходили съезды солдат-мусульман, выделявшие комитеты или соответствующие бюро при армейских комитетах. Такие комитеты, созданные съездами, мы видим на Западном фронте (10-я, 2-я и 3-я Армии), на Румынском и других фронтах. III-й съезд воинов-мусульман проходил в 10-й Армии 13 декабря, в 8-й Армии Румынского фронта было выделено мусульманское бюро 1-м и 2-м съездами солдат-мусульман, которое издавало литографическую газету «Усни Солдат» (Новый Солдат). В армиях проходили соответствующие митинги этих солдат, выдвигавшие требования о выделении мусульман в отдельные части. Большевистское руководство во главе с Крыленко часто лавировало в этом вопросе и при малейшей возможности препятствовало выделению национальных частей, в том числе и мусульманских. Н. Крыленко и главнокомандующий Западным фронтом Мясников в декабре через свой аппарат внедряли в солдатскую массу понятие, что «интересы трудовых масс всех национальностей совершенно одинаковы». В связи с подобными установками большевистское командование ставило различные преграды на пути выделения солдат в национальные формирования. Допускалось выделение только после соответствующего референдума, ставились обязательные требования о проведении выборного начала, и каждый раз «в связи со стратегической обстановкой на данном участке фронта» и т. п. Другими словами, Крыленко и его аппарат в меру своих сил сводили на нет создание национальных формирований, и пресекалась всякая инициатива в этом вопросе. Часто Крыленко в вопросах национализации маскировался и хитрил. Так, 27 декабря он великодушно уведомил Кавказский фронт, который ему не подчинялся, что дает согласие на укомплектование из мусульман Закавказья, из «числа самовольно бросивших фронт» полков и чтобы эта мусульманизация проводилась «постепенно». Вполне понятно, что в создавшейся обстановке никто из дезертиров не спешил снова в армию. Ген. Сулькевич, создавший мусульманский корпус на Румынском фронте, обратился к Н. Крыленко по вопросу мусульманизации дивизий Западного и Северного фронтов и передвижения их на пополнение мусульманского корпуса на Румынском фронте. По указанию Н. Крыленко Северный фронт в лице начальника штаба Северного фронта Вишневского уведомил ген. Сулькевича 29 декабря, что отправка 7 тысяч солдат-мусульман, желающих пойти на пополнение корпуса ген. Сулькевича «в настоящее время невозможна вследствие приостановки национализации». 3 января 1918 г. Н. Крыленко уведомил ген. Сулькевича по поднятому генералом вопросу, что «выделение мусульман с фронтов ввиду тяжелого положения ... мною запрещено.

Вопрос о мусульманизации дивизий Западного фронта будет решен после вашего приезда в Ставку».[429] Только независимая позиция и поддержка ген. Щербачева дали возможность ген. Сулькевичу формировать на Румынском фронте мусульманский корпус. После преодоления ряда препятствий, связанных с межнациональными трениями, мусульманские части возникли и на Кавказе. В зоне своего господства большевики всячески тормозили и пресекали деятельность мусульманских организаций и формирование частей из солдат-магометан, как и других национальностей.

Для сохранения распадающегося Румынского фронта ген. Щербачев приступил к формированию 3-х корпусов — Добровольческого русского, Мусульманского из 3-х дивизий и Польского из 2-х. Все корпуса формировались без комитетов. Ген. Щербачев при поддержке военных миссий союзников, по соглашению с ген. Бартело и при содействии Массарика стремился подтянуть на фронт польский корпус ген. Довбор-Мусницкого, чехословацкие формирования. Однако соглашение Центральной Рады с немцами и приход к власти нового румынского правительства маршала Авереску создали другую обстановку, и Румынское правительство под давлением германского командования предложило формирующимся частям либо разоружиться, либо покинуть территорию Румынии. Отошедший с фронта польский корпус после боя с немцами у Канева был разоружен, и только часть его состава прибыла на восток. Мусульманский корпус, отошедший на границу Бессарабии и Одесского округа, был задержан немцами, дошедшими уже в феврале до Одессы, и разоружен.[430]

В результате деятельности Центрального мусульманского Комитета, который провел ряд съездов воинов-мусульман, на фронте и в его ближайшем тылу в Закавказье стало расти стремление солдат-мусульман к созданию своих национальных формирований. На заседании Закавказского Комиссариата 11 декабря членом Мусульманского Комитета Хасмамедовым было оглашено постановление Комитета, содержащее требование о спешном создании мусульманского корпуса. Комиссариат дал согласие на образование корпуса из солдат и мусульманского населения Закавказья.[431] 19 декабря последовал приказ главнокомандующего войсками Кавказского фронта о создании этой войсковой национальной

---

[429] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 38, лл. 316, 317, 318; ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1336, л. 26; ЦГВИА, ф. 2244, оп. 6, д. 18, л. 409; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 336, лл. 132, 135об., 110, 112, 121, 133, 134.

[430] ЦГВИА, ф., 2085, оп. 1, д. 179, лл. 49—59.

[431] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 428, л. 12; «Трапезундский Военный Листок», 29 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 46, лл. 15, 16, 16об.

единицы. Формирующемуся корпусу было передано все имущество штаба 6-го Кавказского армейского корпуса, а управления 5-й и 7-й Кавказских дивизий, согласно приказа, предлагалось переформировать в 1-ю и 2-ю мусульманские стрелковые дивизии с последующей передачей корпусу всей материальной части. Руководство и наблюдение за формированием и укомплектованием полков возлагалось на ген.-лейтенанта Ага-Али-Шихлинского. В январе в Закатальском округе проходило формирование и Лезгинского конного полка, предназначенного для включения в состав корпуса.[432]

Все же запоздалость мероприятий по созданию корпуса в условиях уже полного развала фронта, захвата ранее возникшими армянскими частями предназначенной для корпуса материальной части, дворянско-бекский характер руководства (Хан Хойский, Бейбутов, Али-Ага-Шихлинский и др.) развитие аграрного движения, все это помешало привлечению сколько-нибудь значительной крестьянской массы в ряды формирующегося корпуса. К февралю 1918 г. численность корпуса едва превышала 1000 человек.[433]

Мусульманские части на Кавказе возникли не из необходимости борьбы с внешним врагом (Турция), к которому они в определенной степени тяготели в силу общности языка, религии и исторических судеб, а для ограждения интересов мусульманского населения в острых межнациональных столкновениях с армянами и отчасти грузинами и защиты бекского землевладения от разгромов отступающих с фронта русских солдат.

Однако укрепление существующих национальных формирований, их рост и создание новых национальных частей, особенно из среды армян, грузин и ряда других национальностей Закавказья в условиях распада Кавказского фронта было настоятельной необходимостью и диктовалось как интересами сохранения фронта, так и защитой Закавказья от нашествия внешнего врага. Как ранее, так и в начале декабря 1917 г. командование Кавказского фронта обоснованно било тревогу по поводу оголения фронта в связи с самовольным уходом целых корпусов. 9 декабря штаб Кавказского фронта констатировал уже проникновение в оставленные русскими войсками районы турецких отрядов и особенно курдов, жертвой которых становилось христианское население. Эти отряды захватывали огромные материальные ценности и

---

[432] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 46, лл. 13, 13 об., 17, 32, 35.

[433] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, лл. 36об., 37, 74; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 495, лл. 1, 2, 3; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 46, лл. 15—16об.

вооружение, брошенное русскими войсками. Командование считало необходимым «опередить события» путем выдвижения на оголенный фронт национальных войск, добровольческих и партизанских отрядов, так как было уверено, что вся русская армия уйдет с позиций. Для спасения положения штаб фронта прилагал усилия по выдвижению в район Трапезунда бригады из состава 1-й Грузинской дивизии, к которой присоединились и греческие батальоны Трапезундского района. На Армянский корпус возлагалась задача защиты района Эрзерум—Мамехатун—Хиват—Кала и др. Еще ранее главнокомандующий Кавказским фронтом 5 ноября приказал «немедленно приступить» к форсированному созданию армянских и грузинских частей путем переформирования ряда полков (1-й Карский пехотный, Екатеринодарский и др.). В Персии командование фронта пыталось заполнить брешь занятием Дильманского района национальными частями ассирийцев, а Тавризского и Казвинского районов казаками.[434] Армянский и грузинский национальные Советы перед лицом опасности нашествия турок прилагали все усилия для укрепления своих национальных формирований. Шла ускоренная вербовка добровольцев в Эриванской губернии. В собственно Грузии, в Персии (Казвин) было приступлено к формированию добровольческих армянского и грузинского батальонов. Вербовка в армянские национальные части шла и в завоеванных у Турции областях.[435]

По распоряжению генерал-комиссара завоеванных областей, ввиду происходившего оголения фронта, армянские организации совместно с командованием должны были создать четыре полка из состава оставшегося армянского населения занятых в ходе войны русскими войсками областей. Для этой цели командование приказало армянизировать 22-й Кавказский стрелковый полк, 24-й полк и другие части, самовольно уходящие с позиций.[436]

Исходя из своих интересов, Турция решительно протестовала против организации армянских и грузинских отрядов, которые якобы представляли угрозу для мусульманского населения. В Брест-Литовске на имя председателя Советской делегации А. Иоффе был передан этот протест генералом А. Иззет-Пашей. Турецкий генерал указывал в письме, что армяне в согласии с грузинами совершают насилия над мусульманским населением. Об аналогичных насилиях со стороны турок и курдов ген. Иззет-Паша, естественно, не упоминал.

---

[434] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, лл. 86, 87об. и др.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 24, л. 29; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 65, л. 37.

[435] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, лл. 90, 93об., 94.

[436] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 43.

В целях сохранения перемирия и из дипломатических соображений командование Кавказского фронта, по крайней мере официально, изъяло из своего ведения вопрос о формировании национальных частей и передало его в январе 1918 г. в ведение Международного военного Совета при Закавказском Комиссариате и отдельных национальных Советов.[437] На протяжении декабря 1917 г. и января—февраля 1918 г. на фронтовых территориях, в частности в Эрзинджанском и Эрзерумском районах, имели место обоюдные столкновения, сопровождавшиеся зверствами и насилиями между армянами и турецко-курдским населением, что констатировало и командование Кавказской армии. Столкновения между армянами и мусульманами происходили непосредственно и в Закавказьи, например, по вопросу дележа военного имущества, передаваемого национализированным частям, как это имело место в г. Елизаветполе.[438] В связи с уходом русских солдат к армянизации и грузинизации предназначался целый ряд полков со всей их материальной частью и перевод армян из других полков. Так были армянизированы 23-й и 24-й Кавказские стрелковые полки. 2-й пограничный стрелковый полк, 223-й пехотный запасной полк, грузинизированы 21-й Кавказский стрелковый полк, 1-й и 2-й Карский крепостные полки, Екатеринодарский пехотный полк и многие другие.[439] Для улучшения комплектования армянского корпуса, командование Кавказского фронта еще в конце ноября обратилось в Ставку и в мобилизационный отдел ГУГШ с просьбой о переводе из всех запасных частей внутренних округов и даже из действующей армии воинов-армян в 223-й пехотный запасной армянский полк в Александрополе. Воинов-грузин командование фронта просило направлять в Тифлис, в распоряжение грузинского корпуса. Национальные Советы оказывали всяческий нажим на комадование с целью концентрации солдат армян и грузин в национализированных частях и проводили соответствующую работу в армиях других фронтов, организовывали воинские национальные съезды и конференции. Так, 3 декабря 1917 г., в Могилев-Подольске проходил съезд солдат-армян 8-й Армии. Съезд опубликовал воззвание к солдатам-армянам, дабы последние спешили «на родину, к своим частям, для объединения». Ко-

---

[437] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 536, лл. 9, 17, 18; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1158, л. 21; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 3, д. 16, л. 292; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 2127, л. 90об.

[438] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1139, л. 12об., 18, 173, 178 и др.

[439] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 31, л. 43; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 90, лл. 82, 82об.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 42, лл. 31, 49, 128; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 45, лл. 18, 25, 40об.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 24, л. 29; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 48, л. 12, 12об.

мандование Румынского фронта и в частности 8-й Армии издало даже приказ о спешной отправке солдат-армян на их родину.[440] Находившийся в г. Казвине (Персия) «Армяно-Грузинский военный Союз» в декабре также прилагал усилия по концентрации армян и грузин в своих национальных формированиях из всех частей «Восточно-Персидского фронта».[441]

Создание и рост армянских национальных частей происходил в атмосфере глубокой межнациональной вражды между армянами и мусульманами Края. 21 декабря командующего армией ген. Одишелидзе посетила депутация мусульман, «чрезвычайно встревоженная», как отмечал генерал, формированием армянских частей. Эти народы, продолжал ген. Одишелидзе, «глубоко не доверяют друг другу», а мусульмане «глубоко ненавидят армян».[442]

Национальная вражда бытовала и между понтийскими греками, насчитывавшими тысячи беженцев, и турками. Созданные Эллинским национальным Союзом «Понтос» (г. Трапезунд) в ноябре—декабре греческие батальоны были впоследствии развернуты в Эллинскую Кавказскую стрелковую дивизию, формировавшуюся в г. Тифлисе, Карсе, Ардагане, Менглисе, Батуме и в других местах. В конце декабря в греческой дивизии уже было около 170 офицеров и свыше 1200 солдат.[443] Однако последующие события на Кавказском фронте, заключение перемирия и мира оборвали дальнейшую работу как греческого национального Союза по созданию своих частей, так и существование ассирийских батальонов, которые уже к февралю 1918 г. превратились в г. Урмии в ассирийскую стрелковую бригаду с приданной ей артиллерийской батареей.[444] В январе—феврале 1918 г. усилились столкновения между христианами-айсорами и мусульманским персидским и курдским населением. В начале февраля в Урмии началась уличная борьба между айсорами, применявшими артиллерию, и персами. Было убито около 40 христиан-айсоров и свыше 400 персов. Еще ранее, в конце декабря 1917 г. ассирийская делегация обратилась в штаб Кавказской армии с просьбой о защите христиан «от бесчинств и нападений диких племен персов и курдов».[445]

---

[440] ЦГВИА, ф. 2210, оп. 8, д. 3, лл. 3, 36; «Известия Исполнительного Комитета 8-й Армии», 8 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 45, лл. 25, 40, 41об.

[441] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 45, л. 27.

[442] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 279, лл. 29, 29об.

[443] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1144, лл. 2, 3; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1154, л. 14; Там же, оп. 2, д. 42, л. 171. (В г. Карсе был расположен 2-й Эллинский стрелковый полк).

[444] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 42, л. 159.

[445] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 683, лл. 1, 32 и др.

Сардар Макинского ханства в Персии от имени Центрального правительства в Тегеране категорически протестовал перед русским командованием против прохода через территорию ханства армянских и ассирийских национальных частей, брошенных фронтовым командованием для защиты оставленных русскими войсками в Персии ряда позиций.[446] Мусульманско-армянские столкновения и вооруженная борьба зачастую имели место и непосредственно на территории Закавказья и усилились в начале 1918 года. По сообщению командования фронта и председателя Армянского Национального Совета Эриванской губернии Мусинянца, мусульманское население делало вооруженные попытки задержать на месте армянские батальоны. В крае шли вооруженные столкновения азербайджанцев и армян в ряде местностей. В пяти армянских селах, в частности в Хануларе, в январе и феврале бои продолжались в течение 12 дней. Армянские селения Шарурского уезда — Дашарх, Вармазяр, Тазакенд, Кештаз и ассирийское село Сиагуб — были разорены и сожжены дотла. Уцелевшие жители ряда сел нашли убежище в местности Ханлузлае, которое находилось в осаде со стороны азербайджанцев и курдов. Жизни 10 000 армян и ассирийцев угрожала непосредственная опасность. Много убитых армян было в Кульпе и Каракала.[447]

Формирование национальных войск в Закавказьи происходило в обстановке острой борьбы за реализацию своих национальных претензий в их широком и сложном аспекте вообще, а также за овладение оружием распадающихся русских полков. В ряде городов Закавказья в декабре 1917 г. и в январе 1918 г. вспыхивала национальная междоусобица. В г. Ахалцих происходила борьба за снаряжение 116-го пехотного полка, предназначенного к грузинизации. Столкновения шли между грузинами и мусульманами, которые требовали передачи оружия только их формированиям. Со своей стороны и армяне предъявляли претензии на получение всего имущества полка. В г. Елизаветполе на почве приказа командования Кавказского фронта о передаче оружия предназначенного к расформированию 219-го пехотного запасного полка мусульманским формированиям, начались столкновения между солдатами мусульманского полка и армянами. Мусульманский полк обезоружил 8 рот 219 полка, а противоборствующие им армяне стали изымать оружие в других его ротах. Город разделился на два вооруженных лагеря: на мусульманскую часть и армянскую, где главенствовал так называемый «Совет пяти».[448]

---

[446] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 697, лл. 12, 13.
[447] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 45, лл. 335, 338, 369 и др.
[448] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1162, лл. 24, 24об., 26, 27.

Обстановка резко обострялась в связи со стремлениями большевиков организовать вывод солдат с оружием в руках для участия в гражданской войне в тылу и призывающих солдат к отказу от разоружения и подчинения командованию. В результате последовали отказы от сдачи оружия солдат 222-го пехотного запасного полка в Елизаветполе, 111-го запасного полка в Грозном, 24-го стрелкового полка и других. 222-й пехотный запасной полк выразил недоверие Краевому Совету, направил делегатов в Петроград в Совет Народных Комиссаров, чтобы уведомить последний о признании полком Советской власти.[449] Все эти действия, естественно, были инспирированы большевиками.

В борьбу за приобретение оружия включились и украинские национальные части, которые после состоявшегося в конце ноября 1-го Украинского Краевого съезда и организации Краевой Рады добились украинизации 5-го Кавказского армейского корпуса в районе Трапезунда и других более мелких частей. В середине декабря в Эрзеруме был образован отдельный украинский полк, а в начале декабря было дано распоряжение о немедленной украинизации 15-го Кавказского стрелкового полка, так как шло широкое самочинное выделение украинцев-солдат.[450] Сначала командование тормозило непомерные усилия органов Центральной Рады по украинизации частей на Кавказе и их вооружению. Однако полный развал фронта сделал бессмысленной подобную позицию, тем более, что Центральная Рада прибегла к вооруженной демонстрации. Из Севастополя прибыл броненосец «Воля», который стал на рейде Трапезунда под украинским флагом. Все требования украинцев были приняты. Значительная часть солдат-украинцев отбыла на родину, захватив с собой запасы оружия. Кроме того, выполняя распоряжения Центральной Рады, много оружия отослал на Украину оставшийся в Трапезунде курень гайдамаков. Следует отметить, что украинский комиссар Центральной Рады Свидерский не стеснялся в средствах в деле приобретения оружия. Он предложил мортирному дивизиону передать материальную часть украинцам, что было осуществлено, и обещал всем неукраинцам этой части семинедельный отпуск.[451]

Острые межнациональные столкновения, дезорганизационная работа большевиков с их враждебным отношением к национально-

---

[449] А. П. Стеклов. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. Тбилиси, 1969, стр. 232, 235 и др.

[450] «Трапезундский Военный Листок», 23 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 441, лл. 49, 50, 53; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 24, л. 54; Там же, оп. 2, д. 90, л. 65.

[451] Л. Биковський. На Кавказько-Турецькому фронті. Спомини, стор. 111, 112, 115, 117; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 90, лл. 90, 99.

освободительному движению вообще и на Кавказе в частности, нерешенность аграрного вопроса в крае, отсутствие должного количества оружия и соперничество союзников, распад фронта — приводили к численной слабости национальных формирований на Кавказе. В феврале 1918 г. в армянском корпусе числилось 10 380 солдат и свыше тысячи офицеров, в грузинском — 8 547 штыков, 6 эскадронов и сотен, в совокупности 6617 шашек, и всего 561 офицер.[452] Сводки командиров армейских корпусов и начальников отрядов на фронте не оставляют сомнений о роли большевиков в деле дезорганизации создания национальных частей. Сводки за декабрь отмечали, что «выделение национальностей под влиянием большевиков проходит плохо» и что «армяне под влиянием большевиков» отказывались переходить в армянские роты и т. п.[453] 18 декабря командир 4-го Кавказского корпуса также констатировал этот факт и отмечал, что «большевики видят в организации национальных рот контрреволюционное явление».[454] Многие армяне оставляли свои части или же воздерживались от вступления в последние в связи с «тревожными» сообщениями о беспорядках в тылу, связанных с аграрным движением. Об этом в декабре сообщал командир 5-го армянского полка из района Хныса. В Кавказской армии многие армяне уходили вместе с русскими солдатами в тыл и, по сообщениям командования, «расходились по деревням».[455]

Солдаты Кавказского фронта в своем большинстве поддерживали эсеров, однако, процесс большевизации делал здесь определенные успехи. Армейский съезд Кавказской армии, открывшийся 2 декабря в Эрзеруме, дал заметное большинство армейским эсерам. II-й Краевой съезд Кавказской армии, проходивший с 10 декабря в Тифлисе, хотя и не имел большевистского большинства, но его беспартийная часть все больше обольшевичивалась в ходе заседаний. Избранный на съезде Краевой Совет не удовлетворял ни одну из сторон – ни большевиков, ни меньшевиков и эсеров, ни национальные партии. Вместе с разоружением обольшевиченных частей Тифлисского гарнизона пал и этот Совет, и в результате в Тифлисе обосновалась правая часть Краевого Совета, а левое большевистское крыло после разгона Совета отправилось в г. Баку и во главе с большевиком Г. Н. Коргановым объявило себя Советом Кавказской Армии. Характерно, что армейские час-

[452] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, лл. 36об., 37; Там же, оп. 1, д. 1144, лл. 9, 10.

[453] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 143; Там же, оп. 1, д. 100, л. 91.

[454] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 31, л. 117.

[455] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 39, л. 512; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 45, л. 40об.

ти фронта не выступили в защиту разогнанного Совета, а большевики даже не пытались аппелировать к фронту, так как солдаты разоружившейся армии были «на колесах» и рвались на Север, за пределы фронта.[456] Большевистское крыло Краевого Совета во главе с Г. Н. Коргановым создало в Баку ВРК, который поставил перед собой задачу организации отвода частей Кавказского фронта на север с оружием в руках для подавления антибольшевистских сил на Юге страны.[457] Понятно, большевики хотели использовать тяготеющие к ним части, например, Карский полк и 30-тысячный Сарыкамышский гарнизон для свержения власти Закавказского Комитета в Тифлисе и установления своего господства.[458] Эти замыслы большевиков были секретом полишинеля, и в случае осуществления их планов была бы прекращена национализация частей и больно задеты интересы народов Закавказья, национальные формирования перед лицом турецкого нашествия остались бы без оружия. Также и мусульманские организации опасались победы большевиков, проводивших широкие аресты офицерского состава мусульманских частей в Баку. Замыслы большевиков свели бы на нет все планы командования фронта, так как в случае успеха большевистского ВРК о замене ушедших и уходящих войск национальными частями на фронтовых позициях не могло быть и речи.

Командование Кавказского фронта, его квартирмейстерская часть 9 декабря настаивала на том, чтобы «опередить события» и предлагала «выбрасывать» разложившиеся части из пределов Кавказского фронта. Особое место в планах командования занимал вопрос разоружения бегущих с фронта солдат. В связи с этим было приступлено к немедленному формированию отряда в составе 1 батальона юнкеров, 1 батальона школы прапорщиков, 1 батальона армян, 1 батальона грузин, 12 орудий и 24 пулеметов. Отряду было вменено в обязанность останавливать все эшелоны, разоружать их и немедленно отправлять дальше. Эшелоны разоруженных солдат, по замыслу командования, было необходимо направлять во внутренние области России, минуя Закавказье и Северный Кавказ. По требованию гражданских властей района фронта эшелоны должны были следовать через Поти, Новороссийск и Феодосию.[459] Заседавший в Тифлисе в конце декабря и в начале января 1918 г. Краевой Совет также принял решение о разоружении отходящих с фронта эшелонов, так как считал пре-

---

[456] С. Е. Сеф. Революция 1917 г. в Закавказье. Док. и мат. Тифлис, 1927, стр. 32, 33, 52.

[457] И. И. Минц. История Великого Октября, т. I.I, стр. 407.

[458] С. Е. Сеф. Указ. соч., стр. 48; «Кавказский Рабочий», 20 января 1918 г.

[459] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 486, лл. 61, 86; Там же, д. 72, лл. 87, 87об.

ступлением оставлять безоружной «закавказскую демократию». Еще ранее подобное решение принял Межнациональный Совет, с основанием опасавшийся большевистского переворота.[460] Эта позиция Межнационального военного Совета была вполне понятна, так как в создавшейся обстановке на фронте и в Крае не хватало оружия для национальных формирований, и на почве дележа его, как мы уже знаем, шли острые межнациональные столкновения. В разоружении отходящих эшелонов были наконец заинтересованы союзники, которые поддерживали создавшиеся антибольшевистские правительства на юге России. Для них явно создалась прямая угроза свержения при помощи солдатской массы, двинутой с фронта большевиками. Так, в результате призывов большевиков, в начале января 1918 г. 127-я пехотная дивизия 5-го Кавказского армейского корпуса требовала отправки ее с оружием в Новороссийск для борьбы с Кубанским правительством. Аналогичным было и решение 506-го Почаевского пехотного полка, а также других частей.[461] Протокол совещания военных агентов союзных держав от 12 декабря при штабе Главнокомандующего Кавказским фронтом с очевидностью свидетельствовал об этом стремлении союзников к поддержанию существования фронта и разоружения солдат. Военные агенты указывали, что для финансового содействия союзников, кроме целого ряда мероприятий, русскому командованию необходимо принять меры к разоружению дезертиров и отходящих частей, поскольку, в соответствии с «Южно-Восточной федерацией», Край должен быть очищен от солдат, не имеющих к нему отношения. Вся политическая пробольшевистская пропаганда в грузинских и армянских частях должна быть отменена.[462] 13 декабря американский консул Смит писал государственному секретарю Лансингу, что возможно ему удастся обеспечить разоружение всех большевистских войск, «возвращающихся с турецкого фронта». Смит с основанием писал, что в случае успеха большевиков в Закавказье, образование национальных войсковых частей будет сорвано.[463] Это утверждение соответствовало действительности. Где только большевики захватывали власть, национальные организации и их формирования подвергались разгрому. Так, уже после Бреста в Баку большевиками были разгромлены 1-й мусульманский стрелковый полк и штаб 1-й стрелковой дивизии мусульманского корпуса.[464]

---

[460] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1162, л. 37об.

[461] А. П. Стеклов. Указ. соч., стр. 271.

[462] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, лл. 69, 70, 71.

[463] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, vol. II, pp. 607, 589—590; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 490, л. 87.

[464] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1140, л. 96.

Союзники, в частности англичане, были крайне заинтересованы, чтобы оружие и военное имущество вообще не попало в руки большевиков и турок. Об этом заботился как английский военный агент на Кавказе полковник Пайк, так и французский военный агент при штабе Кавказского фронта полковник Шардиньи. В январе, с разрешения главнокомандующего фронтом, в Эрзерум прибыли английские офицеры — капитан Голсмит и другие, заинтересованные в уничтожении брошенной солдатами крепостной артиллерии и автомобильных запасов. Конечно, цели французов и англичан были не во всех вопросах идентичны, и между ними существовало определенное политическое соперничество в деле влияния на руководящие национальные группы на Кавказе. Английский агент полковник Пайк писал в начале марта 1918 г., что требование союзных миссий в Тифлисе «является поводом к раздору между различными народностями Закавказья».[465] Английское командование было также заинтересовано в устранении «недовольных» русских частей из Персии и разоружении их, с заменой распавшихся частей национальными формированиями «по примеру индийских». Об этом писал в адрес главнокомандующего Кавказского фронта 18 декабря британский посланник в Тегеране сэр Чарльз Марлинг.[466]

После Октябрьского переворота в условиях продолжающегося распада Кавказского фронта Закавказье оказалось под угрозой нашествия турецких войск. Декларация Закавказского комиссариата в ноябре с обоснованной тревогой гласила, что «народы Закавказья оказались предоставленными самим себе». Декларация обещала массам создание демократических земельных комитетов для передачи в их ведение удельных, казенных и церковных земель, а также крупных частновладельческих имений, «акт о конфискации которых последует в ближайшем будущем». Декларация отмечала, что всякое противодействие деятельности Закавказского Комиссариата по разрешению социального и национального вопроса может вовлечь Край «в сферу самой мрачной гражданской и междунациональной войны».[467]

Большевики как раз и толкали Край в пучину этой войны и бросали народы Закавказья на произвол судьбы, на поток и разграбление противника, при помощи своей политики увода с фронта частей с оружием, по,пыток совершения переворота в Крае и разжигания гражданской войны как в Закавказье, так и на Север-

---

[465] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 490, лл. 257, 259; Там же, оп. 1, д. 452, лл. 4, 5, 8; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 446, л. 89.

[466] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, л. 22.

[467] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, лл. 4, 4об., 5.

ном Кавказе, что в итоге лишало Край и фронт северокавказского хлеба, необходимого для населения и армии. Как национальные Советы, так и местные власти и командование фронта отдавали себе отчет в том, что при передвижении бесконечной вереницы вооруженных обольшевиченных эшелонов, устранение этих властей может произойти в любой день. Опасность состояла не только в факте лишения Закавказья оружия, но и в том, что двигающиеся эшелоны, после выделения украинцев и жителей Закавказья, превращались в великорусские, признавшие власть Совета Народных Комиссаров и готовых в любую минуту свергнуть «соглашателей»[468] Однако база большевизма в Закавказье и в численно тающей армии была далеко недостаточная для решительной борьбы за власть. Трудящиеся массы Грузии находились под влиянием меньшевиков, а армянское крестьянство было всецело охвачено сетью организаций Дашнакцутюна. Темное, забитое тюркское крестьянство было использовано в создавшихся условиях для борьбы с уходящими эшелонами. Национальные полки зачастую участвовали в разоружении отступающих русских частей.[469]

В таких сложнейших, национальных и классовых условиях, создавшихся в Закавказьи, произошел разгром в январе 1918 г. отходящих вооруженных отрядов русских солдат в районе станций Елизаветполь—Шамхор, где скопились многие десятки эшелонов, ведущих борьбу с национальными частями и местным крестьянством. Разоружение эшелонов сопровождалось усиленной перестрелкой враждующих сторон, в результате которой потери сторон достигли 2-х тысяч убитыми и много тысяч были ранены. При разоружении эшелонов было захвачено 30 орудий, свыше 100 пулеметов и не менее 12 тысяч винтовок.[470] Разоружение эшелонов происходило при деятельном участии Кавказского Краевого Центра и его председателя Н. Жордания в целях приобретения оружия для вооружения национальных полков.

Фактически большевики стремились использовать отходящую солдатскую массу фронта в качестве экспедиционных отрядов для перевозки оружия на Северный Кавказ и в район Новороссийска. После прибытия на Северный Кавказ фронтовые эшелоны вооружали население районов, где разгоралась гражданская война. Так, 18, 19 и 20-й пехотные стрелковые Кавказские полки сда-

---

[468] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1161, л. 7, 8, 9; ЦГВИА, ф. 2168, оп 1, д. 506, лл. 4, 5.

[469] С. Е. Сеф. Революция 1917 г. в Закавказьи. Док. и мат. Тифлис, 1927, стр. 15, 16; «Кавказский Рабочий», 31 декабря 1917 г.

[470] А. Ставровский. Закавказье после Октября. М.—Л., 1925, стр. 12.

ли свое оружие большевистским Ревкомам и Советам.[471] Таким образом, шамхорские события с полной очевидностью выявили истинные намерения большевиков, бросивших солдат под огонь ради достижения своих политических целей. В более широком политическом плане, кроме решения основного вопроса — приобретения оружия и предотвращения большевистского переворота, значительную роль в событиях играла и застарелая неприязнь мусульманской крестьянской массы к русскому господству и определенная тенденция со стороны беков и агаларов отвлечь внимание крестьянства от земельного вопроса и т. п.[472] События с очевидностью выявили несовместимость интересов народов Кавказа с великодержавной политикой и стремлениями большевиков, что имело место также на Украине и на других национальных территориях.

Этот факт глубокого противоречия между действиями большевиков и законными стремлениями народов России к самоопределению, желание большевиков использовать национальный вопрос в своих целях, а не решать его, отмечался уже в ряде серьезных работ историков на Западе.[473]

Особенно больно задевала политика большевиков интересы армянского народа, на Кавказе, так как армянам в первую очередь угрожало нашествие турок и повторение геноцида. Поэтому в создании национальной армии были заинтересованы все социальные слои армянского народа. Большевики же бросили Закавказье на произвол судьбы и всячески мешали созданию национальных армянских формирований. В самый разгар борьбы армянского населения с турками, видный большевик Закавказья С. Г. Шаумян предлагал Совету Народных Комиссаров «во имя торжества интернационализма» «не давать укрепляться национальным Советам и полкам».[474] В результате этой политики, во время беспорядочного ухода русской армии из районов Ванского вилайета и Эрзерума турки осуществили поголовное истребление армянского населения, которое из-за слабости национальных формирований не могло противостоять геноциду.[475] Не случайно

---

[471] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 333, лл. 29, 29об., 31, 32; Г. А. Галоян. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. Ереван, 1969, стр. 244.

[472] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1162, лл. 28, 28об., 45об.

[473] Richard Pipes. The formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. Cambridge, 1954, pp. 284, 285, 204. Ibid. 1964, p. 49; Page S. The formation of the Baltic States. Cambridge, 1959, pp. 57, 61; Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. 1959, pp. 160, 167; B. Dmytryshyn. Moskow and Ukraina, 1918—1953. N. Y., 1956, pp. 12, 13.

[474] С. Г. Шаумян. Избранные произведения, т. 2, стр. 214, М., 1957.

[475] Год русской революции, 1917—1918. М., 1918, стр. 96.

и с основанием грузинские меньшевики заявляли, что большевики выдали с головой рабочих и крестьян Закавказья туркам.[476]

В середине ноября в обеих бригадах латышских стрелков Северного фронта было 24 тысячи, а в запасном полку 6000 солдат, которые активно участвовали в аграрном движении в Латвии, и в своей основе были опорой большевиков. По поручению Ленина Исколастрел направил в конце октября в Петроград 6-й полк, численностью в 2500 латышских стрелков, и была дополнительно сформирована сводная рота (540 стрелков), которую разместили в Смольном, ее задачей являлась охрана Совета Народных Комиссаров. Латышские стрелки участвовали в разгоне Учредительного Собрания, в расстреле демонстрации в защиту Учредительного Собрания, принимали активное участие в арестах, реквизициях, в разоружении непокорных солдат русских частей и т. п.[477]

Деятельность эстонских национальных формирований 1-й Эстонской стрелковой дивизии проходила в обстановке террора большевистского ВРК края. В конце ноября большевики разогнали вооруженной силой национальную демонстрацию в Ревеле, в которой участвовало несколько рот солдат-эстонцев. Происходили массовые аресты эстонского офицерского состава, роспуски и отстранения эстонских национальных организаций, Комитетов и Земских Советов. Под благовидным предлогом «бездеятельности» был фактически ликвидирован «Верховный Комитет эстонских воинов». Для отвлечения воинов-эстонцев от национально-освободительного движения, большевики массово втягивали этих солдат в аграрное движение, в конфискацию земель и т. п. II-й съезд эстонских воинов в Ревеле (Таллин) 7—13 января 1918 г. дал большинство антибольшевистским силам и избрал «Совет эстонских воинов». 48 делегатов-большевиков покинули съезд и образовали «Совет социалистических воинов-эстов». В начале февраля 1918 г. большевики фактически ликвидировали 1-ю эстонскую стрелковую дивизию.[478]

В рассматриваемый нами период происходили всероссийские, фронтовые и армейские национальные съезды солдат различных национальностей. Например, в Петрограде 15 января имел место Всероссийский съезд литовцев, еще ранее, с 27 по 30 декабря — съезд делегатов всех литовских организаций и литовцев-воинов на Кавказе. Исполнительный Комитет Литовского воен-

---

[476] «Пролетарская Революция», № 10, 1922, стр. 402.

[477] История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972, стр. 194, 197, 198, 200.

[478] Великая Октябрьская Социалистическая революция в Эстонии. Сб. док. и мат. Таллин, 1958, стр. 312, 318, 319, 357, 432, 433, 490 и др.

ного Союза созвал в декабре в г. Рени съезд солдат-литовцев и т. п. Созывались молдавские, белорусские и другие съезды на фронтах и в армиях.[479] Как мы уже знаем, Н. Крыленко и организованный им «Общеармейский съезд» в декабре в Ставке делали все возможное для борьбы «с националистическими инстинктами масс», по его определению, и для дискредитации и срыва национально-освободительного движения в стране и в армии, поскольку оно выходило за рамки большевистской регламентации и было несовместимо с централистской политикой Совета Народных Комиссаров.[480]

Еврейское национальное движение в армии после Октябрьского переворота все свое внимание сосредоточило на проблеме борьбы с возросшей волной погромов и на вопросах организации самообороны. Управляющий делами СНК Бонч-Бруевич определенно констатировал, что «в воздухе пахнет погромами. У меня на них особое чутье: сейчас на улицах определенно пахнет погромами».[481] Несмотря на это заявление и пьяные погромы в Петрограде, все члены ВРК 17 ноября высказались против организации отдельных еврейских дружин. Только в конце ноября Петроградский ВРК дал согласие на создание сводного еврейского отряда по ходатайству «Союза евреев-воинов Петроградского гарнизона». После колебаний, в изъятие приказа о запрещении формирования национальных соединений, Н. Крыленко дал согласие на формирование этого отряда.[482] В действующей армии и в ряде гарнизонов еврейские национальные солдатские организации работали в атмосфере, как сообщала еврейская пресса, «наветов и грубых оскорблений». В корпусах 2-й и других армий Западного фронта в декабре происходили корпусные съезды солдат-евреев, избравшие депутатов в Исполнительные Комитеты. 17—21 декабря 1917 года в Минске проходил I Военный Сионистский съезд Западного фронта, где горячо обсуждался вопрос о создании трудовой еврейской армии для Палестины. Для борьбы с погромным движением съезд признал необходимым формирование еврейских сводных отрядов. Далеким от реальной обстановки было решение съезда о «нейтралитете» по отношению к происходящим политическим событиям и национальной борьбе. На съезде был образован фрон-

---

[479] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 4, лл. 131, 133, 136; «Воин-Гражданин», 22, 24 и 25 декабря 1917 г.

[480] «Революционная Ставка», 14 декабря 1917 г.; «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 13 декабря (26 декабря) 1917 г.

[481] Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.—Л., 1925, стр. 234.

[482] Петроградский ВРК, т. 3. М., 1967, стр. 107, 414; «Еврейская Неделя», № 47—48, 31 декабря 1917 г.

товой Сионистский Комитет во главе с доктором Эйнгорном. 21—22 декабря в Минске проходил и фронтовой съезд Поалей-Цион, где обсуждались вопросы защиты еврейских масс от погромов и работа партии в армии.[483] 17 декабря в Двинске происходила конференция воинов-евреев Северного фронта и гарнизонов Петрограда, Юрьева и Режицы. Конференцию приветствовали делегации украинцев, литовцев, мусульман, ППС (левицы) и другие. Центральным пунктом конференции был вопрос об образовании еврейских сводных отрядов. Голоса по этому вопросу разделились на 2 почти равные части. Была все же принята резолюция об отрицательном отношении к созданию еврейских войсковых частей и предлагалось создание отрядов самообороны. На конференции делегат капитан Трумпельдор протестовал против позиции делегата Петроградского гарнизона Брамса, выступившего против создания отрядов самообороны. Здесь также была принята резолюция о «соблюдении строжайшего нейтралитета» по отношению к гражданской войне. С 17 по 21 декабря в Двинске происходил фронтовой съезд евреев-воинов Северного фронта. В январе 1918 года на совещании евреев-солдат 10-й Армии была принята резолюция об организации в районе армии вооруженных дружин в целях борьбы с погромами. Совещание требовало обсуждения на будущей мирной конференции национального требования: поддержки строительства «территориального центра в Палестине».[484]

Еврейское национальное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов проходило в исключительно тревожной обстановке ширящихся погромов в Брацлаве Подольской губернии, в Балтском уезде, Рыбнице, Дубосарах, в Фастове, Кременчуге, Белой Церкви и во многих других местах. Съезды воинов-евреев ряда корпусов Юго-Западного фронта и их решения отражали растущую тревогу и протест против жестоких насилий, «совершаемых над нашими братьями», как гласили многие резолюции. Резолюция съезда евреев-воинов 32-го армейского корпуса требовала создания самообороны. Состоявшийся в декабре 2-й съезд евреев-воинов 5-го Сибирского армейского корпуса 11-й Армии единогласно признал необходимым образование еврейских национальных отрядов самообороны для предотвращения погромов. Выделенный на съезде корпусной Комитет еврейской военной организации осудил имеющие место в армии исключения евреев-солдат из состава национализированных полков во время

---

[483] «Разсвет», 8 марта 1918 г.; «Еврейская Неделя», 31 декабря 1917 г.; «Еврейская Рабочая Хроника», 27 января 1918 г.

[484] «Разсвет», 31 декабря 1917 г.; «Еврейская Рабочая Хроника», 27 января 1918 г.; «Разсвет», 8 марта 1918 г. и др.

проведения украинизации. Для ряда армейских съездов Юго-Западного фронта характерно было тлетворное влияние Бунда и общерусских социалистических партий, пользующихся влиянием среди солдат-евреев и по существу призывающих к отказу от решения национальных задач. Так, сионистская фракция съезда евреев-воинов 7-й Армии покинула съезд, который был справедливо охарактеризован ею как «воинский съезд еврейских и общерусских социалистических партий». По вопросу Палестины съезд исходил из позиций Бунда и других социалистических партий, а по другим вопросам делегаты не вынесли никаких решений.

Состоявшийся в ноябре делегатский съезд евреев-воинов Особой Армии с трудом преодолел подобные тенденции, проявляемые Бундом и социал-демократическими организациями. Здесь был принят устав организации евреев-воинов и прошла резолюция против голосов Бунда и социал-демократов. В прениях все же звучали отдельные возражения против создания еврейского национального очага в Палестине, но большинство делегатов отстаивало необходимость разрешения еврейского вопроса в «международном масштабе».[485]

На Румынском фронте уже в ноябре был организован «Союз евреев военнослужащих Ясского гарнизона». 28—30 ноября в г. Ботошанах состоялось организационное собрание евреев-военнослужащих, образовавших организационный «Комитет Союза евреев-военнослужащих Румынского фронта» (Комсеврум). С 15 ноября инициативная группа солдат-евреев создала в 9-й Армии «Союз евреев-военнослужащих». Вскоре возник «Союз военнослужащих евреев 6-й Армии», а в начале января 1918 г. в г. Могилев-Подольске проходило первое заседание съезда воинов-евреев 8-й Армии. В январе—феврале 1918 г. наряду с украинскими, молдавскими, великорусскими, сибирскими и другими, мы видим и еврейских комиссаров при фронтовых организациях. В это время были сделаны неудачные попытки сформирования еврейских рот в 6-й Армии и при молдавских национальных полках фронта. В конце 1918 г. Румчерод разрешил Исполнительному Комитету евреев-воинов фронта формирование национальных войсковых частей в целях борьбы с погромами. Однако разрешение запоздало: кроме создания штаба 1-го еврейского полка, дело двигалось плохо в связи с окончательным распадом фронта.[486]

---

[485] «Разсвет», 8 марта 1918 г.; «Еврейская Рабочая Хроника», 25 ноября 1917 г.; «Разсвет», 1 и 28 декабря 1917 г., 24 января 1918 г.

[486] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 165, лл. 1, 2; ЦГВИА, ф. 21, 39, оп. 1, д. 1879, л. 557; «Воин-Гражданин», 29 декабря 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 164, л. 9; ЦГВИА, ф. 2210, оп. 1, д. 724, л. 365; ЦГВИА, ф. 2126, оп. 5, д. 44, лл. 61, 62; «Разсвет», 24 января и 17 марта 1917 г.

20 декабря 1917 г. в г. Тифлисе проходил съезд воинов-евреев Кавказского фронта, где рассматривались вопросы о национализации частей, о создании отрядов самообороны и другие.[487]

Временный Центральный Комитет Всероссийского Союза евреев-воинов во главе с его организатором, вольноопределяющимся И. Я. Гоголем, созвал на 20 января 1918 г. в г. Киеве Всероссийский еврейский войсковой съезд. Повестка дня предусматривала рассмотрение вопросов о национализации армии и о воинах-евреях, о погромах и самообороне. Однако съезд был разогнан вооруженной силой в условиях ожесточенной борьбы в городе. И. Я. Гоголь и товарищ председателя съезда Боярский погибли, когда в Киеве шла вооруженная борьба за город между войсками Рады и наступающими большевистскими отрядами.[488] Так была сорвана попытка создания Всероссийской еврейской организации для защиты еврейских семей от волны погромов и анархии.

Как видим, для еврейского национального движения в армии было характерно позднее оформление его организаций, уже после фактического распада фронта, отсутствие национальных формирований, которые подменялись слабой сетью отрядов самообороны при отрицательном отношении значительных слоев еврейских солдат к созданию еврейских войсковых частей (Съезд Северного фронта), за организацию которых боролись Трумпельдор, Жаботинский и другие. Созданию еврейских войсковых частей помешало не только рассеяние народа, но и вытекающий отсюда определенный политический разброд и тяготение значительной части еврейства к общерусским политическим партиям, в задачи которых не входило разрешение вековой еврейской проблемы.

После заключения перемирия разложение русской армии и распад фронтов пошел убыстренным темпом. Этому содействовал и психологический фактор — в сознании солдата война была уже кончена, и никакие доводы, что необходимо ждать мира, не действовали на солдат. Непрерывный уход как целых частей, так и потока солдат с фронтов привел в январе 1918 г. к тому положению, что наличие числа штыков не соответствовало длине занимаемого фронта. Так, на Западном фронте протяженностью в 450 верст в январе, по сильно преувеличенным сводкам командования, находилось не более 150 тысяч штыков. Многие участки фронта были оставлены частями и никем не охранялись. Начальник штаба большевистской Ставки ген. Бонч-Бруевич в своем донесении в Совнарком констатировал, что «при таких условиях фронт сле-

[487] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 428, л. 128.

[488] «Еврейское Слово», 11 (24) февраля 1918 г.; «Еврейская Мысль», 28 января 1918 г.

дует считать только обозначенным». В начале декабря части 477-го Калязинского пехотного полка, занимавшего позицию к северу от озера Дрисвяты, совершенно оголили свой участок. В 12-й Армии с побережья ушла 4-я Донская казачья дивизия. В 1-й Армии роты и батальоны 22, 24 и 81-й пехотных дивизий самовольно оставляли свои участки и уходили в тыл. В 5-й Армии части 120-й пехотной дивизии покинули свои позиции. В этой же армии части 279-го пехотного полка, оставив на позиции 50 человек, самовольно отошли в тыл. В 3-й Армии участок фронта, покинутый 32-м пехотным полком, так и оставался незанятым. Подобное же положение складывалось и на Юго-Западном фронте. Так, в Особой Армии пограничная дивизия оставила позиции важного направления Ковель—Сарны, 44-й корпус бросил свой фронтовой участок Ситовичи—Марьяновка. Направление Ковель—Ровно также оставалось открытым. Покинула свои позиции и отошла в район Ровно 57-я пехотная дивизия, а 111-я дивизия демобилизовывалась в ускоренном порядке. Солдаты этой дивизии при помощи угроз и насилий заставили командный состав подписывать документы об увольнении со службы. В 39-м армейском корпусе ряд его позиционных участков также был брошен, а некоторые важные пункты охранялись только офицерскими караулами. По сообщению командования Особой Армии, 53-я и 194-я пехотные дивизии ушли к Луцку, «где почти растаяли». Точно так же 1-й Туркестанский корпус очистил фронт в районе Шемсов—Сборишев, а 1-я Туркестанская дивизия корпуса фактически самодемобилизовалась. 6-я кавалерийская дивизия 7-го конного корпуса ушла с фронта в г. Овруч. В результате этих и подобных действий фронт Особой Армии был открыт для врага на протяжении 120 верст. Еще в конце декабря телеграмма из Ровно гласила, что «Особая Армия неудержимо течет под всякими предлогами». Это же явление наблюдалось и в 11-й Армии Юго-Западного фронта. В середине декабря председатель корпусного Комитета большевик Карахан в своем сообщении во фронтовой Ревком уведомлял начальство, что большинство неукраинских частей постановило оставить позиции и уйти в тыл. Так называемый 5-й революционный батальон уже снялся с позиций и отошел в тыл. С каждым днем увеличивалось число пустовавших позиционных участков на Западном фронте. Сводки свидетельствовали о самовольном очищении позиций и многочисленными мелкими частями. На основе данных январского съезда 3-й Армии, всего на позиционной линии в 120 верст находилось в середине января 1918 г. от 5 до 6 штыков. Корпусной Совет 3-го армейского корпуса объявил о роспуске солдат, что имело место и в 30-м армейском корпусе. Характерно, что самовольные уходы и ускоренный распад проис-

ходил в нарастающем темпе именно на крупнейших Западном и Северном фронтах, где полностью господствовали большевистские ВРК. Несмотря на грозные телеграммы большевистской Ставки, и в частности Мясникова о предании ослушников революционному суду, солдаты большевизированных фронтов, не реагируя на это, продолжали самочинно уходить с позиций. В 10-й Армии Западного фронта в середине января 1918 г. в полках 2-го Кавказского корпуса число солдат колебалось в пределах от 400 до 900, а в 38-м армейском корпусе в ротах оставалось 10—15 штыков. В полках 35-го армейского корпуса этого фронта среднее число штыков в начале января исчислялось от 300 до 1300. В среднем в 3-й Армии командование насчитывало в ротах едва от 60 до 65 штыков. На Северном фронте в январе 1918 г. наблюдалась та же картина ускоренного распада и разложения, несмотря на близость к Петрограду и воздействие пропагандистской машины большевиков. Например, части 44-й и 45-й пехотных дивизий находились, по характеристике командования, в «хаотическом состоянии», и их солдаты разбегались. В некоторых ротах 45-й пехотной дивизии оставалось не более 2—3 бойцов. Среднее число штыков в ротах действующих частей Северного фронта исчислялось в 50 человек, а в 12-й Армии в январе в ее ротах число штыков колебалось от 7 до 10. Это не удивительно, так как шел ускоренный процесс распада и ухода целых корпусов. Так, 14-й армейский корпус фронта самовольно оставил позиции и ушел в тыл. В 5-й Армии указанного фронта в январе 1918 г. среднее число штыков в ротах в 19-м армейском корпусе исчислялось в 40, в 27-м армейском корпусе — 20, в 37-м корпусе — 36, а в 44-м армейском корпусе — 43. В 5-й Армии были полки, насчитывающие едва 150 штыков, или по 12 штыков на роту. Комиссар 12-й Армии С. М. Нахимсон еще в начале декабря в своем письме на имя В. И. Ленина указывал, что в некоторых ротах численность бойцов едва достигала 30—35. Как отмечал начальник штаба Ставки, количество бойцов в армиях уменьшалось с каждым днем «с катастрофической быстротой». Генерал Бонч-Бруевич подчеркивал, что солдаты «ко всему совершающемуся совершенно инертны, и мысль одна, как бы скорее уйти домой».[489]

Мирные переговоры и распоряжения о демобилизации лишили и Румынский фронт большей части живой силы. В обстановке общего процесса разложения войск генерал Щербачев провел демобилизацию. Это было тем более необходимо, что ввиду разгара

---

[489] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 88, 90, 90об., 91, 92об., 93, 94, 96, 102об., 103об., 105, 106 и др.; Там же, оп. 10, д. 214, лл. 148—150, 192—208; Там же, оп. 4. д. 34, л. 123; Там же, оп. 1, д. 683, л. 185.

гражданской войны на Румынский фронт стало скверно поступать продовольствие, особенно в 4-ю Армию. Распад фронта здесь был усилен таким существенным фактором, как национальные столкновения между украинцами и великороссами. Этот факт констатировали корпусные съезды. Так, корпусной съезд 18-го армейского корпуса 9-й Армии отмечал значение национального и продовольственного факторов. Раскол 9-й Армии на великорусскую и украинскую половины более чем убедителен в этом вопросе. Хотя большевистская Ставка не захватила власть на указанном фронте, за исключением 8-й Армии, приказ Крыленко от 9 января 1918 г. о немедленном приступе к подготовке и к проведению отхода с территорий Румынии, «минуя штабы армий и фронта», усилил стихийный процесс развала фронта. Начался массовый уход целых частей (11, 2, 18, 23 и 40-й армейские корпуса) и всеобщее массовое бегство солдат. В связи с агитацией большевиков об уходе с оружием, в районе Галаца разгорелись даже бои между румынскими частями и 9-й и 10-й Сибирскими дивизиями 6-й Армии. Способствовали распаду фронта и резолюции о самороспусках (например, 23-й армейский корпус).[490] Вооруженные столкновения уходящих из Румынии расстроенных русских частей с румынскими войсками происходили на почве требований королевских войск и ген. Щербачева о разоружении. Демобилизационная комиссия, выделенная II съездом большевистского Румчерода (10—22 декабря 1917 г.) выдвигала требование о возвращении в Россию войск фронта «в полном боевом порядке».[491] Однако об организованном отходе численно ослабевших в результате массового ухода солдат и дезертирства частей 4-й, 6-й и 9-й Армий не могло быть и речи. Эти части оставили в Румынии и Бессарабии почти все свое вооружение и были крайне деморализованы.[492]

Как мы уже знаем, на Кавказском фронте имел место самочинный отход как пехотных, так и казачьих частей еще задолго до вооруженного выступления большевиков в октябре. После Октябрьского большевистского мятежа и в период переговоров о перемирии этот процесс развала фронта особенно усилился. В конце ноября начальник штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта ген. Лебединский констатировал в своем докладе, что «в настоящее время можно определенно сказать, что войска фрон-

---

[490] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 49—59; ЦГВИА, ф. 2367, оп. 1, д. 5, л. 79; ЦГАСА, ф. 1, д. 291, л. 1; М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 336, 337, 338 и другие.

[491] М. С. Френкин. Указ. соч., стр. 321, 323.

[492] «Летопись Революции», № 1, 1922, стр. 175—180.

та в большей части совершенно вышли из повиновения и делают что хотят». Генерал констатировал и «полное разрушение аппарата распоряжения» и окончательное падение авторитета начальников, комитетов и комиссаров. Части по-прежнему рвались на Северный Кавказ и в центр России.[493] В своих письмах во ВЦИК солдаты фронта требовали отзыва их на родину, так как они «из нутра России». В письмах подчеркивалось, что «мы имеем интерес в России, просим Вас отозвать нас внутрь России» и т. п.[494] 30 ноября командующий Кавказской армией ген. Одишелидзе беседовал с членами комиссии по отводу в тыл частей, выделенной армейским съездом. Комиссия и командующий констатировали, что от всех частей поступали настойчивые и категорические требования об отводе в тыл «с угрозой уйти самовольно». Комиссия, отмечал ген. Одишелидзе, нарисовала «самую мрачную, безотрадную картину развала армии». 10 декабря генерал уже отмечал в приказе, что части 1-го и 6-го Кавказских корпусов самовольно оставляют порученные им боевые участки и уходят в тыл.[495] На протяжении декабря одновременно наблюдался массовый самочинный уход мелких частей, бросавших на произвол судьбы военное имущество. В то же время проводились увольнения солдат соответствующими комиссиями. Сообщения командиров гласили, что увольнения через комиссии происходили и под «угрозой расправы».[496] В связи с этим необратимым стихийным процессом развала фронта 29 декабря командующий Кавказским фронтом писал, что во исполнение декрета Закавказского Комиссариата все желающие продолжать службу на Кавказском фронте направляются к соответствующим воинским начальникам по месту призыва. 2-й Туркестанский корпус отпускался в пределы Туркестана, а оставшиеся казачьи дивизии, за исключением 1-й Кавказской казачьей, отводились в полном составе в свои области. Для обороны края предназначались формирующиеся национальные корпуса.[497] Уход 6-го армейского корпуса, бросившего фронт, неизбежно приводил к занятию Эрзинджана курдами, что было равносильно очищению русскими частями всей Турецкой Армении и являлось национальным бедствием для армянского населения. В связи с уходом войск, например, из района Хныса в конце декабря отмечались факты массового переселения армянского и ассирийского населения в пределы Закавказья, что имело

[493] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 322, лл. 14, 14об.

[494] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 209, 209об.

[495] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 451, лл. 100, 100об.; ЦГВИА, ф. 2304, оп. 1, д. 48, лл. 470, 516.

[496] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 63 (без листажа).

[497] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 449, лл. 2, 2об.

место и в районе Ардагана, Карса и даже Батума. Само турецкое командование констатировало (Шефки-Паша), что армянское население бежало из Карса и покидало другие родные места проживания.[498] На громадном фронте 4-го армейского корпуса в связи с отходом частей остались только 2-й армянский полк в Хнысе и 5-й в Вене, которые таяли, не получая пополнения. Точно так же, отход частей из Персии, в частности 7-го Кавказского армейского корпуса, ставил местное население перед лицом национальных бедствий.[499] В связи с создавшимся хаосом в деле ухода войск и анархией в деле передвижения, так как части не желали соблюдать очередность и определенных сроков, в Кавказской армии стали возникать «революционным путем» комитеты по отводу войск (армотводы в частях и армейский армотвод), в задачи которых входило составление соответствующего расписания ухода частей с фронта. 15 декабря последовал приказ № 1 армейского «армотвода» Кавказской армии.[500] Однако все мероприятия армотвода и выработанные им маршруты не исполнялись деморализованными частями. Как свидетельствовал ген. Одишелидзе, маршруты «тысячу раз пересоставлялись», и «войска шли как хотели». Об этом же говорили телеграммы из корпусов. Командир 2-го Туркестанского корпуса в конце января сообщал командарму, что «несмотря на все принятые меры отхода частей», графики, составленные «комотводом», не выполнялись. Самочинно, не ожидая своей очереди, войска самовольно ломают все графики. Даже превращение армотвода Кавказской армии в январе 1918 г. во «фронтотвод» не могло изменить создавшегося положения.[501] 3 января 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба фронта Левандовский сообщал, что все войска Кавказского фронта самовольно оставляют фронт и «идут куда хотят . . . Ни одной надежной части нет».[502] В дело отвода войск вмешивались и корпусные съезды, которые также не были в состоянии навести порядок в связи с царящей анархией и давлением солдатской стихии. Так, съезд 1-го армейского корпуса в декабре находился, по свидетельству армейского комитета, «под давлением масс». 23 декабря в Трапезунде

---

[498] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 39, л. 482; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, л. 72, 84; Там же, оп. 1, д. 692, лл. 12, 15; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 451, лл. 161, 126об., 163об.

[499] ЦГВИА, ф. 2300, оп. 1, д. 39, лл. 513, 516; ЦГВИА, ф. 2306, оп. 1, д. 103, лл. 439, 439об.

[500] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, л. 20; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, л. 297; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 451, л. 154.

[501] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 506, лл. 40, 46; ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1160, л. 1 и др.

[502] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 89, л. 33.

заседал корпусной съезд 5-го армейского корпуса, который также не справился с задачей упорядочения отвода войск.[503] В декабре 1917 г. и в январе 1918 г. в связи со стихийными отходами частей фронта, армия осталась фактически без транспортов, этапов, госпиталей, без средств связи, автомобилей, телеграфа, телефона, радио и т. п. В январе в Кавказской армии не осталось и конных частей.[504] Уже в начале января 1918 г. главнокомандующий Кавказским фронтом сообщал председателю Закавказского Комиссариата, что «отход нашей старой Кавказской армии с фронта в тыл, в настоящее время подходит к концу». Сообщение гласило, что 5-й Кавказский корпус отплыл из Трапезунда частью в Феодосию, а частью в пределы Новороссийской губернии, 2-й Туркестанский корпус находился уже в порту в ожидании пароходов. 1-й Кавказский корпус частично уже перевалил за Главный Кавказский хребет и двигался на Северный Кавказ, подтягивая свои «хвосты». 6-й и 4-й армейские корпуса оставляли район Караклиса и Сарыкамыша. Из состава 7-го отдельного корпуса остались невывезенными 6-я и 4-я Кубанские казачьи дивизии. Порт Энзели был занят частями 1-го отдельного кавалерийского корпуса в ожидании движения на Петровск, Красноводск, Баку. 39-я пехотная дивизия уже давно находилась на Северном Кавказе, а 2-я Кавказская стрелковая дивизия распустила своих людей в Закавказьи. Казачьи части района Кавказской армии и 7-го корпуса, кроме 4-й Кубанской дивизии, также перевалили Главный Кавказский хребет. Так оголилась боевая линия Кавказского фронта, и на его отдельных участках от Эрзинджана до Вана находились немногочисленные армянские части, которые отражали частые нападения курдов и, по выражению командования, «наблюдали» 350-верстный район бывшего фронта. Пользуясь создавшимся положением, турецкая армия фактически нарушила условия перемирия и ее войсковые части вошли в Калкит.[505] К началу марта 1918 г. в «распоряжении» командующего Кавказской армией фактически находилась только одна организованная часть — именно 7-й армянский стрелковый полк, насчитывающий едва 3 роты и составляющий гарнизон Сарыкамыша. Из остальной армии, как гласила сводка, осталось лишь 7 тысяч «деморализованных солдат, в беспорядке отходящих на пространстве от Каприкея до Сарыкамыша». Для обрисовки положения как нельзя больше подходило заключение одного из многочисленных донесений с мест: «Так

[503] ЦГВИА, ф 2106, оп. 1, д. 1149, лл. 264, 265; Там же, оп. 1, д. 1162, лл. 11, 12.

[504] ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 451, лл. 150, 150об.

[505] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1107, лл. 27--32.

закончили свою службу на фронте солдаты когда-то славной Кавказской армии... жалкие сыны Родины, так постыдно бежавшие...».[506] За ушедшими с фронта частями оставались «хвосты» еще невывезенных людей и брошенное различное материальное имущество и вооружение. Так, по сведениям командования на 8 февраля 1918 г., все части 5-го Кавказского армейского корпуса уже были вывезены, но в Трапезунде оставалось еще к вывозу 15 тысяч людей, 12 тысяч лошадей и 1,5 млн пудов груза, не говоря уже о ценнейшем крепостном вооружении.[507]

Типичным показателем, как менялся численный и боевой облик корпусов Кавказского фронта, может служить изменение численного состава и падение боевой силы 4-го Кавказского армейского корпуса. В период Февральской революции корпус насчитывал 30 тысяч штыков, 3000 шашек, в его состав входил саперный батальон и 134 орудия. Распространение эпидемии цынги, тифа, требования солдат корпуса привели к отводу в тыл многих мелких частей. В октябре и ноябре уже были отведены в тыл вся 2-я Кавказская казачья дивизия и 4-й Кавказский саперный батальон. К декабрю 1917 г. в 4-м армейском корпусе насчитывалось 16 670 солдат, из которых на боевой состав приходилось 10 080 фронтовиков, а в артиллерии насчитывалось 24 орудия. Фактически корпус превратился по своему значению в одну слабую пехотную дивизию. Обращает на себя внимание огромная численность нестроевого состава корпуса — 5 591 нестроевиков и 529 офицеров и чиновников. В то время, когда боевые части численно таяли, учреждения и управления корпуса оставались в своем прежнем составе.[508] В каком темпе численно уменьшался боевой состав Кавказской армии, являющейся основой фронта, дают определенные представления следующие цифровые данные. К 1 декабря 1917 года, по данным штаба, Кавказская армия в боевом составе насчитывала 4 970 офицеров, 89 348 штыков и 3 246 шашек. К 11 января 1918 г. боевая численность Кавказской армии снизилась до 28 тысяч штыков, 210 шашек и 1 240 офицеров.[509]

---

[506] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 333, л. 2; Там же, оп. 1, д. 1144, лл. 18, 19.

[507] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 2, д. 333, лл. 51 и др.

[508] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, лл. 92, 92об., 93, 93об.

[509] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 270об.; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 89, л. 78. Автором включены сведения и данные по 5-му армейскому корпусу, Трапезундскому и Эрзерумскому укрепленным районам, так как без них сводка боевого состава Кавказской Армии охватывала 15 431 штык и 997 офицеров (см ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1114, л. 13об.). К 15 ноября боевой состав Кавказской Армии насчитывал 94 775 штыков и 4 868 офицеров (см. ЦГВИА, ф. 2168, оп. 1, д. 6, л. 245об.). К 1 декабря боевой состав всего Кавказского фронта включал 117 970 штыков, 25 632 шашки и 7 351 офицера (см. ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 72, л. 270).

В новых условиях после Октябрьского мятежа и заключения перемирия прежняя язва дезертирства стала принимать на фронтах характер повального бегства солдат, стремящихся в деревню к аграрному дележу, и ухода значительной прослойки командного состава. Об этом свидетельствовали как циркулярная телеграмма начальника штаба Ставки от 16 декабря, так и приказ № 1 от того же числа Цекодара в Ставке.[510] Как явствует из рапорта от 31 января 1918 г. командира 5-го Сибирского армейского корпуса А. И. Тодорского, за последнее время «усилилось дезертирство, причем бегут и бывшие офицеры и солдаты».[511] Если и раньше, благодаря предшествующей длительной большевистской пропаганде, солдаты заключение перемирия воспринимали как мир, то телеграмма Крыленко от 29 января 1918 г. об окончании войны и демобилизации армии — «Мир, война кончена. Россия больше не воюет. Конец проклятой войне», сделала свое дело, и солдаты массово устремились по домам. На это «впечатление от телеграммы Крыленко», произведенное на солдат Западного фронта, бросившихся в тыл, указывали и фронтовые большевики.[512] Штаб Советской Ставки уже в начале января телеграфировал, что на европейских фронтах, в частности на Западном и Северном, в Особой Армии «массовое дезертирство, недовольство, эксцессы». Ген. Бонч-Бруевич отмечал в телеграмме, что в двух полках 67 пехотной дивизии осталось всего 532 человека, а остальные дезертировали «исключительно за отсутствием хлеба». В частях 3-й Армии дезертировали целыми взводами. В сообщениях Советской Ставки в середине января 1918 г. так и указывалось, что «дезертирство принимает характер массового бегства». На Северном фронте, отмечало донесение Ставки за 8 января, число дезертиров колебалось в пределах 250—500 солдат на корпус в неделю. Солдаты, говорилось в сообщении, дезертируют, скрываются, разбегаются. В некоторых ротах 45-й пехотной дивизии осталось по 2—3 бойца. На Северном фронте самовольный уход и дезертирство особенно проявились в 1-й и 5-й Армиях. Во многих полках Западного фронта в январе оставалось в среднем по 250 солдат. В 12-й Армии Северного фронта в январе среднее число дезертирств за неделю по каждой дивизии достигало 86 человек, а в 1-й пехотной — 250. В 5-й Армии фронта с 1 по 15 января 1918 г. дезертировало

---

[510] ЦГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1149, л. 271; «Революционная Ставка», 19 декабря 1917 г.

[511] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3872, л. 120об.

[512] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 537, л. 180; В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 364; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 13, л. 231; Там же, оп. 10, д. 214, лл. 38, 39, 40, 148—150, 192—208; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 60, лл. 197об., 206.

свыше 2 500 солдат, а процент неявившихся из отпуска достигал 90%. 17 января исполняющий обязанности начальника штаба 1-й Армии Петров уведомлял Ставку, что ежедневно из корпусов дезертирует не менее 300 солдат. Письма солдат, обильно поступавшие во ВЦИК как в декабре, так и в последующие месяцы, содержали обозначения сроков ухода, или же указывали на «все развивающееся дезертирство». Солдат 343 пехотного Череповецкого полка запрашивал Петроград, что последний предпринимает для борьбы с дезертирством. В солдатских письмах прямо указывалось, что лучше «самостоятельно уходить с фронта, чем с голоду помирать» и что в ротах (Юго-Западный фронт) осталось не более 40 штыков и т. п.[513]

Австро-Германское командование и правительства центральных держав, как мы уже знаем, сразу же положительно откликнулись на предложение большевиков о заключении перемирия, так как в их политические планы входила поддержка власти Совета Народных Комиссаров и окончательная ликвидация русской армии как боевой силы. Как писал 10 ноября министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин германскому канцлеру, что после заключения перемирия русская армия безусловно покатится в тыл, так как солдаты ее стремились быть уже на местах при дележе поместий. О. Чернин подчеркивал, что «в нынешних обстоятельствах перемирие приведет к исчезновению этой армии, и она не появится на фронте в необозримом будущем».[514]

В декабре 1917 г. и зимой 1918 г. русская армия осталась фактически без артиллерии и была подорвана вся ее техническая основа, что само по себе лишало ее возможности пребывать на уровне современной армии. Этот процесс развивался исподволь в ходе войны и свое окончательное катастрофическое завершение получил в отмеченное нами время. Уже летом 1917 г. Главное артиллерийское управление в своей докладной записке отмечало «понижение» в армиях в орудиях и в выстрелах к ним на 33%. Особенно угрожающим становилось положение в снабжении действующей армии орудиями крупного калибра, которое летом 1917 года снизилось на 55% в орудиях и на 46% в выстрелах. Положение осложнялось фактом невосполнения убыли в артиллерии, так как до летней кампании 1917 г. было потеряно около 5 000 орудий мелкого калибра, а крупного калибра убыло 50%.[515] В связи с

---

[513] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 354, лл. 89, 90, 97, 105об., 36 об., 186, 186об.

[514] Germany and the Revolution in Russia (1915—1918). Documents from the Archives of the German Foreign Manastry. By Z.A.B. Zeman. London, 1953, doc. 77.

[515] ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 50, лл. 233, 233об., 234, 135об. и др.

большим падежом лошадей в результате бескормицы и фуражного кризиса вообще, артиллерия лишилась необходимой ей подвижности, а в связи с уходом солдат — лишились и обученной обслуги. В артиллерийских частях 2-й Армии, что характерно, самовольно отправляли в 3-месячный отпуск группами по 50 человек. При отводе частей артиллерия зачастую бросалась на произвол судьбы, так как возникали непреодолимые трудности в связи с отсутствием тягловой силы. Как отмечала большевистская Ставка, а именно ген. Бонч-Бруевич, в январе 1918 года из 31 артиллерийской части 12-й Армии боеспособными оставались три. Некомплект лошадей в артиллерийских частях Северного фронта достигал 26—30%, а в обозах 48%. Однако и числящийся конский состав нельзя было принимать в расчет, так как из-за истощения половина лошадей практически выбыла из строя. Командование отмечало запущенность артиллерийского и вообще технического имущества, так как прекратился уход за орудиями и техникой. В 5-й Армии некомплект лошадей в артиллерии достигал 40—50%. К середине января 1918 г. некомплект личного состава в артиллерии достиг по 12-й Армии — 35%, по 1-й — 40%, а в 5-й — 50—60%. На Западном фронте из-за бескормицы началась самочинная продажа солдатами лошадей, в том числе и неприятелю, что имело место и на Юго-Западном фронте. В связи с подобным состоянием и отсутствием тягловой силы об организованном и без потерь отходе армии не могло быть и речи. Ген. Бонч-Бруевич отмечал, что «армия совершенно небоеспособна и даже не в состоянии передвигаться».[516] В конце января 1918 г. командование Западного фронта доносило в Ставку, что половины всех лошадей фронта «не стало», а остальные не в состоянии сделать и двух переходов.[517] Потеря подвижности и боеспособности наличной в армии артиллерии в результате развала и общей разрухи было явлением, присущим для всех фронтов. Поток телеграмм из действующей армии рисует картину полного развала и безвыходности. Характерна в этом отношении телеграмма в Ставку 120-й артиллерийской бригады — «120 артбригада погибает, нет фуража ... умоляем спасти бригаду ... лошади падают по 10 голов в сутки».[518] Когда большевистская Ставка в лице Н. Крыленко попыталась было спасти артиллерию, было уже поздно. Приказ Крыленко 29 декабря об отводе всей тяжелой артиллерии Северного фронта для спасения ее от немцев за линию Псков—Остров—Опочка не

---

[516] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл. 88об., 91, 92об., 96, 106, 109; Там же, оп. 10, д. 214, лл. 35—40.

[517] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 13, л. 235.

[518] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, л. 11.

был реализован.[519] Оттянуть тяжелую артиллерию командование не смогло и с Западного фронта. В январе большевистская Ставка ввиду реальных опасений захвата противником артиллерии и всей материальной части армий, была вынуждена констатировать крах своих мероприятий, так как и донесения с фронтов говорили о срыве вывоза из-за недостатка подвижного состава и отсутствия тягловой силы вообще. Материальная часть в армиях приходила в упадок и в силу увольнения из армии солдат старших сроков службы, среди которых было значительное количество мастеровых — слесарей, кузнецов, плотников и др. технической обслуги, «с уходом коих, — писало командование, — материальная часть не чинится».[520]

Количественное сокращение армии вследствие увольнения солдат старших сроков службы, отвода и самовольного ухода многих частей в тыл, оставление позиций солдатами и проведение национализации, создало качественные изменения на фронтах, приведших к фактическому процессу ликвидации армии. В создавшихся условиях прежние представления о некомплекте и пополнении частей теряло свой смысл, так как теперь вопрос стоял не о пополнении расползающейся армии, а об ее создании. В декабре— январе 1918 г. стоял вопрос о некомплекте в национальных частях, а не в общевойсковых соединениях, так как массовый уход солдат с позиций делал бессмысленным вопрос о пополнении. Часть командования еще по инерции требовала пополнений, но это уже было пережитком прежнего. В свете приведенных нами данных о распаде Северного фронта совершенно теряло смысл требование большевистского комиссара 12-й Армии С. Нахимсона, направленное в Совет Народных Комиссаров, о присылке пополнений, так как иначе, указывал комиссар, он не удержит фронт. «Раньше, — писал Нахимсон, — мы, левая часть революционной демократии, были против посылки революционных боевых гарнизонов на фронт, боясь замены их контрреволюционными частями с фронта. Теперь эта причина отпадает».[521] Следует отметить, что все, что делали большевики «раньше», и в частности их политика невывода гарнизонов, привело к потере ими армии в рассматриваемый нами период. Теперь, после Октябрьского переворота и заключения перемирия, кризис резервов в округах дошел до своего апогея и закончился совершенным прекращением

---

[519] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 263, 264, 278.

[520] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 683, лл. 293, 308, 311; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, л. 89.

[521] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 34, лл. 123—125; ЦГВИА, ф. 2168, оп. 2, д. 31, лл. 95, 96. Генерал Лебединский о некомплекте в декабре 1917 г.

направления маршевых рот. В начале декабря Ставка констатировала, что уже в течение ноября почти совершенно прекратилась высылка укомплектований из запасных частей военных округов. На Западном фронте некомплект доходил до 40% штата.[522] В стране и на фронте создалось такое положение, что округа уже не могли давать пополнения, а фронт не был в состоянии их принять. Фронтовые запасные полки находились в процессе расформирования, распада и уже не могли принимать пополнений, несмотря на хроническую нехватку солдат. Ряд армий Юго-Западного, Румынского, Северного фронтов ставили уже вопрос о «безотлагательной разгрузке» своих распределительных пунктов.[523] И это несмотря на факт огромного некомплекта в обозах армий. Так, в начале января 1918 г. некомплект людей в обозах Северного фронта достигал 80—90%[524] Теперь укомплектования не могли поступать на фронт и по причине отсутствия людей в запасных частях округов — ввиду увольнения солдат четырех годов старших сроков службы и явочного ухода солдат по домам вообще. В декабре отказался от высылки солдат Казанский военный округ. Туркестанский военный округ в декабре также сообщал, что «высылка маршевых рот не представляется возможной». Точно так же Омский военный округ не был в состоянии направить роты по нарядам, так как из числящихся по списку 147 041 солдат в запасных частях налицо оказалось всего лишь 46 719. Делегаты Кавказской гренадерской дивизии вернулись из Москвы в дивизию с пустыми руками, и у них была «убита надежда на смену», так как, доложил делегат Зотов, большинство солдат 192-го пехотного запасного полка «разбежалось».[525] Солдаты запасных полков даже не допускали мысли о следовании на фронт, а с головой ушли в аграрные захваты, погромы, и с винтовками расходились по своим родным местам.

Серьезно осложняло положение и было постоянно действующим фактором распада армии — ее продовольственное положение, которое в ноябре и в последующие месяцы окончательно подорвало армию и сделало невозможным пребывание солдат на фронте. Как заявил в ноябре главный полевой интендант Ставки, министерство продовольствия было не в состоянии обеспечить продовольствием армию.[526] Телеграмма с Западного фронта от

---

[522] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2723, л. 58, 72.
[523] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2722, лл. 82, 110, 111.
[524] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 1458, лл. 1, 2, 5, 8.
[525] ЦГВИА, ф. 2003, д. 1458, л. 7; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2723, лл. 1, 201; ЦГВИА, ф. 1235, оп. 78, д. 44, л. 90.
[526] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 512, л. 122.

2 декабря в Ставку гласила, что на фронте «длительное недоедание перешло в голод» и что «агония уже наступила». Это относилось и к снабжению фронта фуражем. Во многих корпусах фронта в середине января солдаты по 3 дня не получали хлеба. На Северном фронте и в его ближайшем тылу действовали реквизиционные комиссии, как и на других фронтах. 12-я Армия направила отряд в 400 человек в Полтавскую губернию для производства реквизиции хлеба. В связи с этим обстоятельством в армиях Юго-Западного фронта подрывались запланированные заготовки хлеба. Со всех фронтов поступали многочисленные жалобы на отсутствие продовольствия, в том числе жиров, скота, мяса, рыбы, фуража и др. На Западный и Северный фронты поступало менее 1/4 потребности предметов довольствия.[527] На Румынском фронте продовольственное положение также осложнилось за это время. Как сообщала информационная печать, «фронт голодал и холодал».[528]

Истощение продовольственных запасов России, перебои, а в дальнейшем и срыв продовольственного снабжения населения страны вызвал с октября прогрессирующее ухудшение доставки продовольственных грузов в армию. Дальнейшее развитие получило т. н. «мешочничество». В погоне за хлебом действительно нуждающиеся и спекулянты платили крестьянам любые цены в обход установленной таксы. На местах мешочники расхищали запасы продуктов, погружали их в самовольно занятые вагоны, в том числе и классные. По данным Особоуполномоченного Министра продовольствия при Ставке, с октября число мешочников все росло, несмотря на заставы на железных дорогах, что приводило к росту серьезных затруднений в заготовке продовольствия для армии. Вывозимые из некоторых губерний мешочниками запасы, составляли от 300 до 400 тысяч пудов в неделю, с явной тенденцией к повышению этого вывоза.[529]

Разжигание большевиками гражданской войны в стране нанесло сокрушительный удар по снабжению армии, привело к катастрофическому падению потока продовольственных грузов на фронты. В ответ на требование командования Западного фронта спасти положение в его армиях, Ставка сообщала о своем бессилии в этом вопросе, так как «обстановка внутри России ограничивает сдачу и отправку продуктов на фронт». Положение же на Северном и Западном фронтах становилось нестерпимым. В начале

---

[527] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 148—150; Там же, оп. 1, д. 534, лл. 99об., 107 и др.; ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, л. 112; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, л. 87.

[528] «Голос Революции», 12 декабря 1917 г.

[529] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 93, 95.

декабря в среднем в сутки на Северный фронт прибывал 31 вагон муки вместо нормы в 92 вагона, а на Западный фронт 8 вагонов вместо 122-х , а зернофуража 26 вместо 110 вагонов.[530]

Традиционные губернии и обширные районы, поставляющие на рынок зерно, такие как Донская область, Кубань, Украина, Бессарабия, Сибирь с ее огромными урожаями, Оренбургская губерния и Тургайская область, которые в декабре 1917 г. должны были дать половину муки и фуража Северному и Западному фронтам, в результате гражданской войны и ее последствий — создания «пробок» на Челябинском железнодорожном узле не реализовали своих поставок. Лихорадило и вывоз зерна из важнейшей Таврической губернии, а запасы в Воронежской, Тамбовской, Курской, Харьковской губерниях были «сильно истощены мешочничеством». Курская и Харьковская губернии вместо сотен вагонов, по ежемесячным планам, отправили в декабре на фронт только несколько вагонов. Особоуполномоченный по продовольственному снабжению при Ставке уведомлял командование, что он не в силах преодолеть обстоятельства, вызванные гражданской войной».[531]

К концу декабря подвоз хлеба к станциям на Северном Кавказе «в связи с переживаемыми событиями» прекратился вовсе. В связи с подобным положением, Северно-Кавказское продовольственное Совещание уведомляло Ставку, что декабрьский наряд по снабжению фронтов может быть исполнен только в размере 10%[532] 3 декабря Главный полевой интендант ген. Егорьев сообщал в ВРК при Ставке, что из имеющихся запасов интендантством все было передано фронтам, благодаря чему армии с трудом существовали. В настоящее же время, констатировал генерал, запасов на фронте нигде больше нет, а подвоз из внутренних областей прекратился.[533] Дело дошло до того, что сравнительно «благополучный» ранее Юго-Западный фронт тоже находился в конце ноября в крайне тяжелом положении, и, как сообщало интендантство, недовоз на этот фронт достиг «огромного размера» и что на фронте к хлебному прибавился еще и мясной голод. Недовоз на Юго-Западный фронт составил за ноябрь 61% по мясу, 89% по рыбе и т. п.[534] Как признавали органы министерства продовольствия, в целом действующая армия получила за ноябрь продукты в размере 25—50% против потребности. В декабре 1917 г. положение

---

[530] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 144, 145, 147.
[531] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 99, 100, 101.
[532] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 218, 219, 364.
[533] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 53, 53об.
[534] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 44, лл. 568, 570, 580.

со снабжением усложнилось в связи с решением Центральной Рады воспрепятствовать отправке хлеба на Север.[535]

С 1 по 15 января 1918 г. недовоз на фронты усилился. Так, за этот период следовало подвезти продовольственных и фуражных грузов в магазины Северного фронта всего 4 905 вагонов, а фактически было завезено 1 291 вагон, и недовоз составил 73%. По Западному фронту за этот период следовало подвезти всего 4 560 вагонов указанного груза, а фактически поступило 523 вагона, и недовоз здесь составил 89%.[536]

В таких условиях раздувание большевиками пламени гражданской войны и их борьба с национально-освободительным движением на Украине и в других районах были совершенно несовместимы с существованием армии, обреченной в создавшейся политической и хозяйственной обстановке на голод. Таким образом, распад русской армии после Октябрьского переворота и заключение перемирия были ускорены политикой большевиков, ревкомы которых еще ранее нанесли ей решительный удар путем внедрения «выборного начала». Н. Крыленко, осуществлявший политику Совнаркома в армии, не внес ничего конструктивного в дело борьбы с голодом в армии. Он, как это видно из его письма в Совет Народных Комиссаров в декабре, предлагал направить для сбора продовольствия и подвоза его на фронты войсковые команды, в задачи которых вменялась и борьба с мешочничеством. В своем резюме Крыленко подчеркивал: «Еще раз считаю долгом указать, что только самое энергичное и безотлагательное осуществление ... перечисленных мероприятий может обеспечить дальнейшее существование армии».[537] Таким образом, большевики не думали о проведении в жизнь экономических и политических мер спасения армии, а становились на путь внеэкономического принуждения крестьянства, т. е. фактического грабежа. В середине января 1918 г. штаб Ставки в лице ген. Бонч-Бруевича, говоря о продовольственной катастрофе в действующей армии, указывал, что усиленное дезертирство происходило на основе голода. Материалы с фронтов гласили в конце января, что остановить «сепаратную демобилизацию» ввиду продовольственного краха не представляется возможным. В конце января командование Западного и Северного фронтов уведомляло Ставку, что подход продовольственных грузов из глубины страны прекратился, а Украина в помощи отказывает.[538] Об обстановке и реальных шагах Коллегии больше-

---

[535] ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 91, л. 120; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928, стр. 438.

[536] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 692, л. 113.

[537] ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 82, 83.

[538] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 990, лл. 37, 41, 74 и др.

вистского военного министерства в деле борьбы с голодом может свидетельствовать телеграмма от 14 января в Ставку за подписью Лазимира. Последний указывал, что в армиях Западного и других фронтов голод, и что он, Лазимир, обращается от «имени В. И. Ленина», что необходимо «для спасения армии не медля ни минуты... направлять фронтам муку, продовольствие с мест из Курска, Харькова, Полтавы, Екатеринослава, мобилизовать все силы...».[539] Фактически это была лицемерная отписка, так как в Петрограде, организовавшем интервенцию против Центральной Рады, было прекрасно известно, что в этих местах пока господствовали органы Центральной Рады. В борьбе за свои политические цели большевики не останавливались и перед голодной блокадой 4-й Армии и других частей, находившихся также под контролем Рады и генерала Щербачева, где большевистские ВРК потерпели неудачу в деле захвата власти. Большевистский фронтотдел в Кишиневе при поддержке большевиков Одессы прервал железнодорожное и телеграфное сообщение с частями фронта и лишил его подвоза снабжения, что больно ударило и по союзной румынской армии.[540] Напрасно надеясь на преодоление голода в армии, Народный Комиссариат по военным делам назначил 31 января 1918 г. Кудинского, со штабом в г. Брянске, главным комиссаром по продовольствию армии, по формированию т. н. «социалистической армии» и по борьбе с контрреволюцией с широкими полномочиями.[541] Однако положение от этого не изменилось, и на фронте по-прежнему царил голод. Так, в январе 1918 г. остатки 50-го армейского корпуса Западного фронта питались одним картофелем из-за полного прекращения подвоза хлеба. Картофель был реквизирован у местных крестьян насильно, и они, по сообщению командования, сами голодали.[542] Большевистская Ставка была не в состоянии кормить армию из-за положения железнодорожного транспорта, так как безостановочно движущиеся эшелоны с фронта занимали порожняк, так что становился крайне трудным подвоз из тыла, многие грузы расхищались в пути. Мало того, гражданская война вносила свои коррективы в ход железнодорожного сообщения. Как витиевато отмечала Ставка со слов ее интендантских органов, — «на путях движения грузов из продовольственных районов в армию развертывались события, мешающие вовсе... правильности движения», и т. п.[543] Серьезным фактором, срываю-

[539] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 990, л. 35.

[540] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 179, лл. 48—50.

[541] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 990, л, 161.

[542] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 990, лл. 15, 23, 23об. и др.

[543] ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 107, лл. 25, 26, 27; ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, л. 100.

щим снабжение действующей армии, было, по свидетельству главного интенданта военного министерства генерала Богатько, «расхищение на железных дорогах продовольственных грузов, отправляемых на фронты». Так, по постановлению Ярославского Совета солдатских и рабочих депутатов, в декабре было задержано 26 вагонов муки, шедших за Западный фронт. 19 декабря на станции Плеханово вооруженные силы Тульского ВРК захватили 27 вагонов продовольственных грузов, направлявшихся на Западный фронт. Грабежи практиковали и голодные солдаты.[544]

Не лучше обстояло дело и с интендантским вещевым довольствием, поступления которого все сокращались в рассматриваемый нами период. Всеобщий кризис, охвативший экономику России, ударил, естественно, и по предприятиям, работавшим на удовлетворение нужд интендантства. Уже в конце октября и в ноябре «благодаря «современным обстоятельствам», как писало Главное Интендантское Управление, производительность фабрик и мастерских «имела тенденцию к дальнейшему понижению».[545] 27 ноября главный интендант констатировал «колеблющееся из месяца в месяц» сокращение количества изготовляемой в России обуви. Теперь не только отсутствием кожи и сырья вообще объяснялся этот производственный спад, как это было в первой половине 1917 г., а проходило под воздействием новых политических и экономических факторов, усугублявших положение. На падение производительности вещевого довольствия влияло сокращение рабочего дня при наличии старого изношенного оборудования, резкое уменьшение интенсивности труда, забастовки, финансовый кризис, который срывал своевременную выплату заработной платы, затруднял приобретение нового современного оборудования и т. п.[546] С 1 августа по 31 декабря 1917 г. на все фронты было назначено к высылке органами интендантства (в тысячах пар) — 3 679 сапог, а до 1 декабря было выслано 1 201 тысяча пар. В декабре 1917 г. сапоги на фронты не посылали, а было направлено только 113 072 пары ботинок. Из поступавшей в Архангельск заграничной обуви также не было высылок.[547] К декабрю, по сообщениям Ставки, было недослано много теплого обмундирования (ватных вещей), обуви, рукавиц и т. п. Ставка выражала опасение, что часть нарядов на теплое обмундирование поступит в армию, когда будет «уже поздно». Справка Ставки гласила, что в

---

[544] ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1726, лл. 36, 46; ЦГВИА, ф. 2009, оп. 1, д. 63, лл. 349, 355, 109, 110, 111 и др.

[545] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2020, л. 267.

[546] ЦГВИА, ф. оп. 2, д. 2020, лл. 314, 314об.

[547] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2045, лл. 230, 247.

декабре 1917 г. новых вещей «к высылке почти не назначено», хотя ноябрьский план не был реализован.[548] В результате создавшегося положения, как констатировала противоцынготная комиссия Центрального военно-санитарного Совета фронтов при Ставке, «дефекты питания и плохие гигиенические условия» содействовали распространению цинги. Распад армии сопровождался значительным числом туберкулезных заболеваний, а с января 1918 г. большевистская Ставка констатировала дальнейшее распространение сыпного тифа.[549] Только на ноябрь 1917 г. число больных, поступивших на главные эвакопункты по всем фронтам, составило 170 тысяч человек, в то время, когда число раненых едва достигало 8 600 солдат и офицеров.[550]

Окончательному распаду армии в декабре 1917 г. — феврале 1918 г. содействовала и психологическая настроенность солдат, которые, несмотря на то, что было заключено только перемирие, а не мир, категорически заявляли, что в случае наступления немцев драться с ними не будут. Солдаты требовали мира во что бы то ни стало. Об этом свидетельствуют и солдатские делегации в Петроград. С 1 ноября 1917 г. по 1 марта 1918 г. военный отдел ВЦИК принял 1 637 делегаций, большинство наказов которых требовало мира. С 10 ноября 1917 г. по 10 января 1918 г. 104 наказа делегаций требовали мира и 81 наказ — настаивал на демобилизации. Солдатские настроения расходились со стремлениями большевиков. Так, только 37 наказов говорили о борьбе с контрреволюцией, а создание т. н. социалистической армии поддерживал лишь один наказ.[551] Ген. Бонч-Бруевич в январском докладе Ленину указывал, что общее состояние фронта таково, что на сопротивление при наступлении противника, «расчитывать нельзя».

Для облегчения меновой торговли с немцами (во что превратилось братание) солдаты остатков частей отметали в сторону проволочные заграждения на позициях, а все дерево, от остатков блиндажей до кольев проволочного заграждения, сжигалось в качестве топлива. Фактически, позиционная оборонительная линия на фронтах уже не существовала. В середине января 1918 г. начальник штаба Ставки доносил в Петроград, что «за последние 2—3 месяца окопы и позиционные сооружения на всем фронте совершенно не ремонтировали и никакие работы на позиции не

---

[548] ЦГВИА, ф. 499, оп. 2, д. 2026, лл. 224 и др.

[549] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 169, лл. 3, 4, 97; Там же, оп. 1, д. 1045, л. 63; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 149, 150.

[550] ЦГВИА, ф. 2018, оп. 1, д. 1024, л. 150.

[551] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 7, лл. 10—16.

велись, свободные землянки, убежища, пулеметные гнезда, артиллерийские наблюдательные пункты и другие сооружения уничтожаются и разбираются солдатами на дрова; проволочные заграждения во многих местах разобраны и растащены. Дороги занесло снегом и малодоступны для передвижения артиллерии ... и обозов при их истощенном конском составе».[552]

Крыленко и его окружение, метавшиеся в поисках выхода из создавшегося положения в связи с угрозой немецкого наступления, для предотвращения полного уничтожения остатков армии видели спасение в их отходе за естественные рубежи — за реки Березина, Днепр и другие. Однако это оставалось только пожеланием, так как отсутствие тягловой силы сводило к нулю какие-либо возможности подобного маневра. Кроме того, состояние остатков фронтовых частей не давало никакой надежды сдержать противника даже при отнесении линии обороны в глубокий тыл. Начальник штаба большевистской Ставки ген. Бонч-Бруевич указывал, что массовые заявления солдат сводились к тому, что в случае наступления немцев, им не будет оказано сопротивление.[553] Осуществить операцию по отводу деморализованных остатков частей было невозможно: части, предназначенные к отходу, уже не существовали.

Сделав все, что было в их силах, для развала армии, большевики после прихода к власти не смогли приостановить этот процесс распада войск. Все попытки этого рода свидетельствовали о полном бессилии, приказы повисали в воздухе, и на фронтах проходила неорганизованная стихийная демобилизация. Да это признавал и Н. Крыленко, который в своем приказе от 26 января 1918 г. констатировал самочинное увольнение солдат в обход распоряжений центральной власти.[554] Не было у большевиков и элементарного предвидения в вопросе организации обороноспособности страны. Характерно в этом отношении заседание Особого Совещания по обороне от 2 декабря 1917 г., проходившего под фактическим главенством Народного Комиссара Н. И. Подвойского. Как свидетельствует Н. Подвойский, стихийно нараставшие самовольные демобилизации солдат окончательно разрушили железнодорожный транспорт и внесли хаос в работы всех учреждений. Стихийная самодемобилизация сопровождалась еще ранее бесконечной вереницей делегаций и рисовала «самую безнадеж-

---

[552] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 534, лл .91, 92об., 93, 94.

[553] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 214, лл. 37—39; Там же, оп. 1, д. 534, лл. 94, 95.

[554] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2724, л. 62; Военно-Исторический журнал, 1968, № 12, стр. 73, 74. Из неопубликованных писем Н. Подвойского.

ную картину трагического состояния фронта», выражавшуюся также в усталости фронтовиков, голоде, падеже тягловой силы. Н. И. Подвойский констатировал, что при первом же натиске врага был неизбежен захват последним многочисленного артиллерийского, инженерного и интендантского имущества. Попытки большевиков в период Брестских переговоров остановить крушение фронта носили безнадежный характер. Теперь большевики пожинали плоды своих усилий по систематическому развалу армии. Подвойский от имени Совнаркома заявил о «полной ликвидации войны» и переходе промышленности на мирное время. В связи с этим положением Народный комиссар дал директиву о приостановке производства снарядов, артиллерийского снаряжения, приостановке субсидий оборонным предприятиям и т. п.[555]

Происходивший по инициативе большевиков в Петрограде с 15 декабря 1917 г. по 3. января 1918 г. I Общеармейский съезд по демобилизации армии, по существу действовал в отрыве от событий, так как стихийная демобилизация началась задолго до съезда и проходила вне его влияния. Это сознавали и большевики во главе с В. И. Лениным: на съезде центральное место занимали не вопросы демобилизации, а создание новой армии, о чем свидетельствует и письмо Ленина Общеармейскому съезду.[556]

О происходившей стихийной самодемобилизации армии, вне контроля большевиков, свидетельствуют многочисленные документы. Вот, например, выдержка из приказа выборного командующего 2- Армии Киселева от 27 января 1918 г. о проведении демобилизации. Кисилев констатировал, что «части самовольно увольняют солдат от службы, самовольно покидают позиции ... имущество расхищается, делится между собой ... поступают уже донесения о начавшейся продаже лошадей и прочего имущества немцам». Командующий призвал к борьбе со стихийной демобилизацией.[557] Стихийная самодемобилизация солдат, вопреки попыткам большевиков ввести ее в свое русло, была непреложным фактом и привела к завершению процесса распада армии, оставив к весне 1918 г. Совет Народных Комиссаров без вооруженных сил.

Перед лицом немецкого наступления большевистское руководство лихорадочно бросалось на различные мероприятия по созданию себе вооруженной опоры. В растаявшей армии делались попытки сведения малых единиц в более крупные, происходили

---

[555] ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 383, лл. 207, 209, 210, 221 и др.

[556] Октябрьская Революция и Армия. Сборник док., стр. 313—317; В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 224.

[557] ЦГВИА, ф. 2212, оп. 10, д. 17, лл. 132, 133.

переформирования, создавались сводные отряды и т. п.[558] Все это свидетельствовало именно об отсутствии армии и о попытках создания новой вооруженной силы. 25 декабря последовал приказ Н. В. Крыленко о создании т. н. революционной социалистической гвардии. Большевистский главковерх, так много сделавший для развала старой армии, теперь презрительно подчеркивал, что «нам нужна революционная армия бойцов, а не армия тех, кто думает только о своей хате».[559] Однако утомленные 4-летней бойней, о своей хате думали все, и добровольческие формирования Красной Гвардии были крайне малочисленными. В феврале 1918 года разрозненные остатки прежней армии фактически бежали перед наступавшими немецкими войсками, легко занявшими Двинск, Венден, Псков, Ревель, Луцк, Ровно, и вышедшими на широкий оперативный простор. Вопреки позднейшим советским версиям, 22 февраля 1918 г. ген. Бонч-Бруевич указывал, что «наши войска отходят, не оказывая сопротивления», что признавало и воззвание Совета Народных Комиссаров.[560] 11 января 1918 г. на заседании ЦК РСДРП(б), выступая по вопросу о мире, Ленин был вынужден признать, что «положение германцев на островах Балтийского моря настолько хорошо, что при наступлении они смогут взять Ревель и Петроград голыми руками». 23 февраля 1918 г. Ленин заявил, что «для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит надо принимать условия». Положение было таково, что в случае отказа принять германские условия, через 3 недели власть СНК была бы свергнута.[561] Об этом с полным основанием говорили и немецкие генералы, как например, ген. Макс Гофман, который утверждал, что «свергнуть большевистское правительство, на мой взгляд, не стоило никаких особых усилий», как не стоило особых усилий занять крупнейшие города России.[562] Заключением пусть и «похабного» мирного договора в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. немцы, исходя из своих интересов, спасли советский режим, дали ему определенную передышку и оградили от всеобщего крестьянского восстания. Как мы уже знаем, ген. Людендорф считал, что большевики остались у власти по немецкой милости, а статс-секретарь Кюльман писал, что оставление

---

[558] ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1210, л. 26; ЦГВИА, ф. 2106, оп. 3, д. 64, лл. 275, 275об. и др.; «Известия Исполнительного Комитета 8-й Армии», 22 декабря 1917 г. и др.

[559] «Революционная Ставка», 29 декабря 1917 г.

[560] Советский Архив, 1968, № 1, стр. 8; Декреты Советской власти, т. I, М., 1957, стр. 492, 493.

[561] Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958, стр. 168, 211, 213.

[562] Ген. Макс Гофман. Записки и дневники (1914—1918). Л., 1929, стр. 141, 245.

большевиков у власти диктовалось германскими интересами. Как некогда для французского короля Генриха IV Париж стоил мессы, так для Ленина его оставление у власти безусловно окупало Брест-Литовские унижения и «похабный» мир. Не случайно, один из биографов Ленина называет его «героем Брест-Литовска».[563]

Брест был неизбежным этапом, так как нельзя было, разложив армию, не пойти в Брест-Литовск. Это был неизбежный в создавшихся условиях и логический шаг правительства Ленина. Следует отметить, что большевики, создавая в послебрестских условиях новую армию, учли политические уроки, вытекающие из хода развала вооруженных сил России, отбросили Комитеты, т. н. «выборное начало» и закрыли все пути деятельности в рядах армии своим политическим противникам, которые так великодушно и недальновидно предоставили большевикам свободу действий в армии Февральской революции.

[563] Л. Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, стр. 318.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ОФИЦИАЛЬНО УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ В ВОЕННОМ ВЕДОМСТВЕ РОССИИ В 1917—1918 ГГ. И В ДОКУМЕНТАХ ВЫБОРНЫХ СОЛДАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Армком, арком — Армейский комитет.

Армиском — Армейский исполнительный комитет.

Вещдовольствие — вещевое довольствие.

Военмин — военный министр, военное министерство.

ВРК — Военно-революционный комитет.

Главковерх — Верховный главнокомандующий действующей армии.

Главком — Главнокомандующий.

Главкоюз — Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

Губпродком — Губернский продовольственный комитет.

ГУГШ — Главное управление Генерального штаба.

Дашнаки — «Дашнакцутюн» (Союз). Члены армянской национальной партии.

Закавказский комиссариат — правительство Закавказья, возникшее 15 (28) ноября 1917 г. в Тифлисе во главе с социал-демократом Е. Гегечкори.

Земгор — Объединенный комитет союза земств и городов, возникший 10 июля 1915 г. и возглавляемый кн. Г. Е. Львовым и М. В. Черноковым.

Исколастрел — Исполнительный комитет объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков.

Кадеты (к-д) — члены конституционно-демократической партии. Официально именовали себя «Партией народной свободы».

Комиссарверх — комиссар при Верховном главнокомандующем.

Красокар — Краевой совет Кавказской армии.

Межрайонцы — члены межрайонной организации объединенных социал-демократов, выступавших за организационное единство социал-демократов.

Петросовет — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Помглавкорум — помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта.

Румчерод — Центральный исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области.

С-д (сокращ.) — РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), член Российской социал-демократической партии.

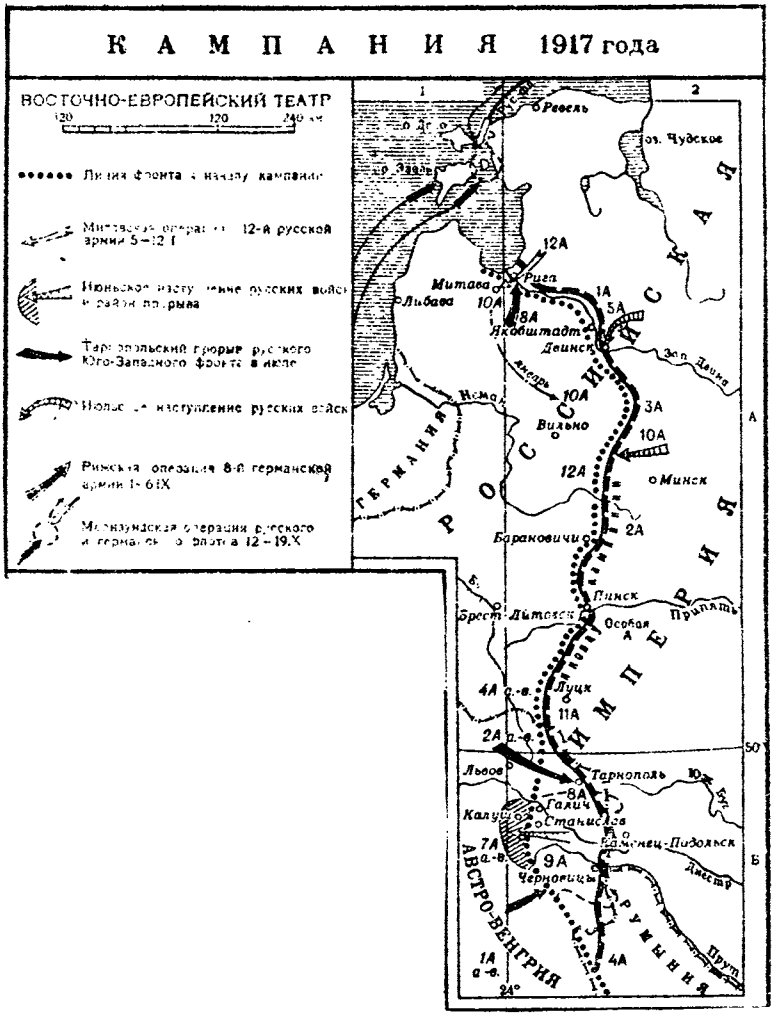
СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров.

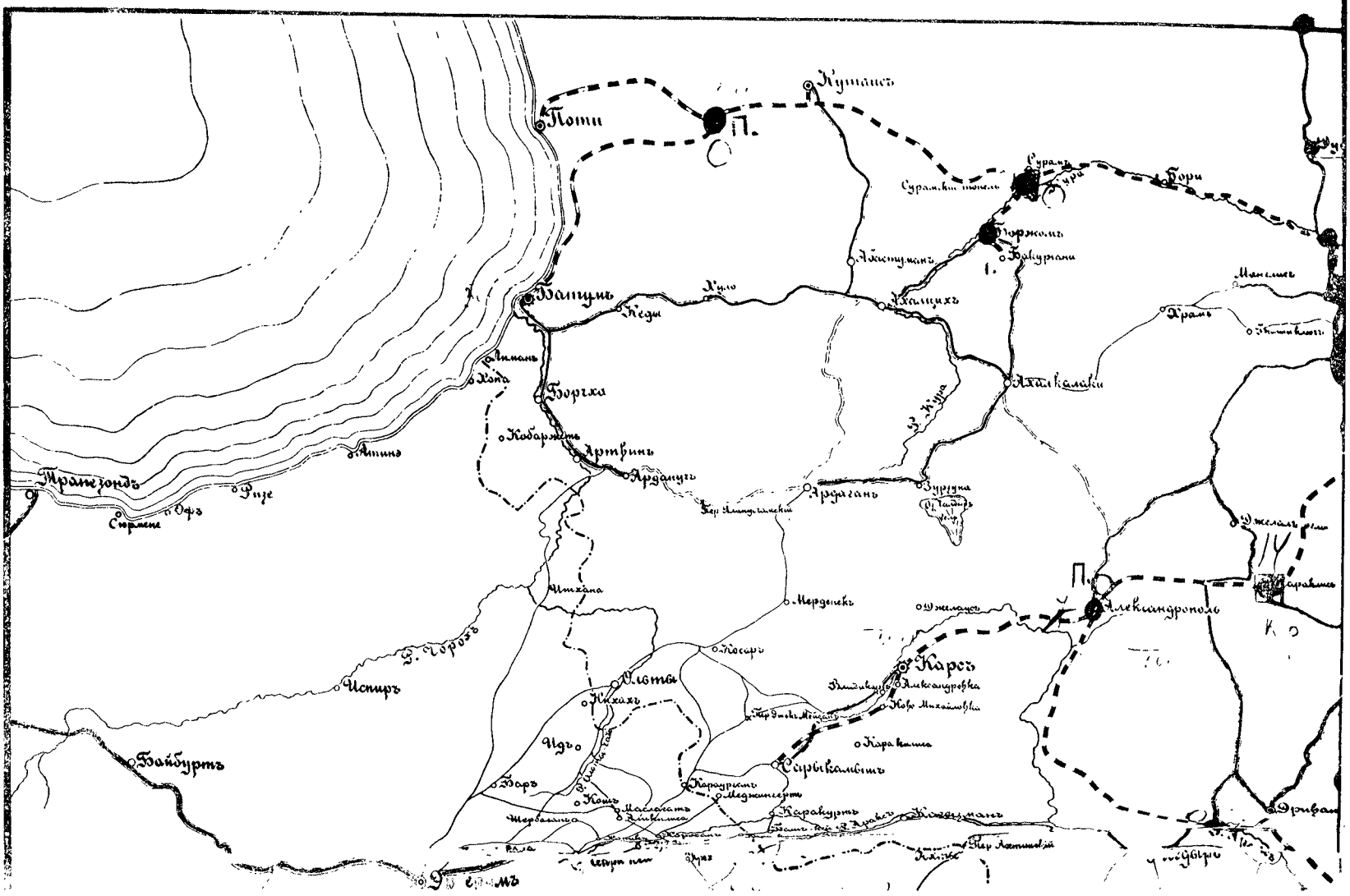
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет.

Центробалт — Центральный Комитет Балтийского флота.

Энесы — члены трудовой народно-социалистической партии (народные социалисты).

Эсеры (с-р) — члены партии социалистов-революционеров.


КАМПАНИЯ 1917 года
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР
Ревель
оз. Чудское
Рига
Митава
Либава
Якобштадт
Двинск
Вильно
Минск
Барановичи
Пинск
Брест-Литовск
Особая
Луцк
Львов
Тарнополь
Галич
Станислав
Каменец-Подольск
Черновицы
Днестр
Прут
Припять
Зап. Двина
Неман
Днепр
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
12А
1А
5А
10А
8А
3А
2А
4А
11А
7А
9А
50°
24°



Кутаисъ
Поти
П.
Сурамъ
Кура
Бори
Боржомъ
Бакуріани
Ахалцихъ
Ахалкалаки
Храмъ
Манглисъ
Батумъ
Кеды
Хуло
Лиманъ
Хона
Борчха
Кобаржетъ
Артвинъ
Ардануч
Ардаганъ
Зурзуна
Атинъ
Трапезондъ
Ризе
Офъ
Сюрмене
Ишхана
Мерденекъ
Джелаусъ
Александрополь
Карсъ
Александровка
Ново Михайловка
Косаръ
Ольты
Кихахъ
Идъ
Испиръ
Байбуртъ
Баръ
Кошъ
Сарыкамышъ
Караурьтъ
Меджингертъ
Каракуртъ
Каракилиса
Кагызманъ
Дрифанъ
Р. Чорохъ
Р. Кура

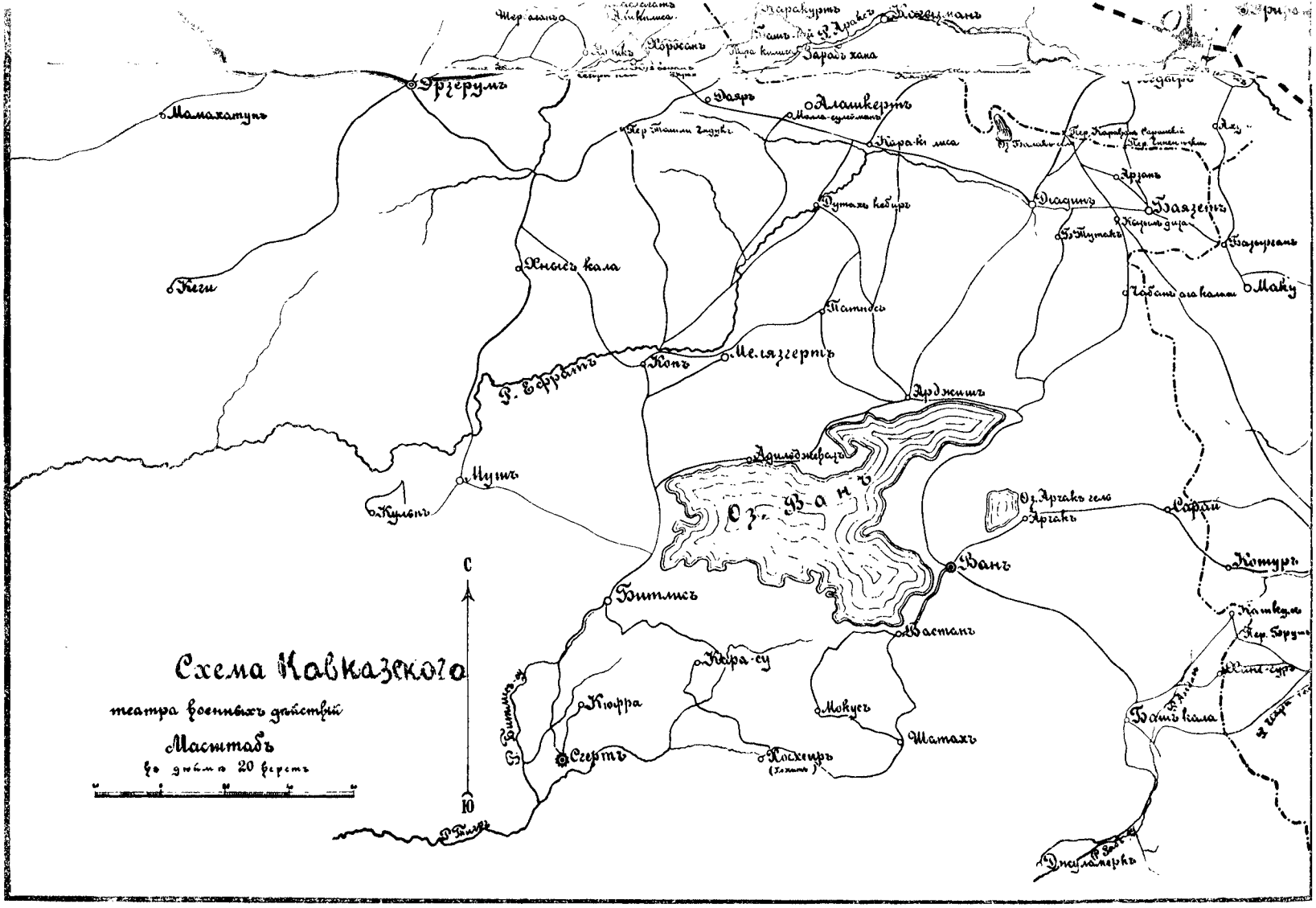
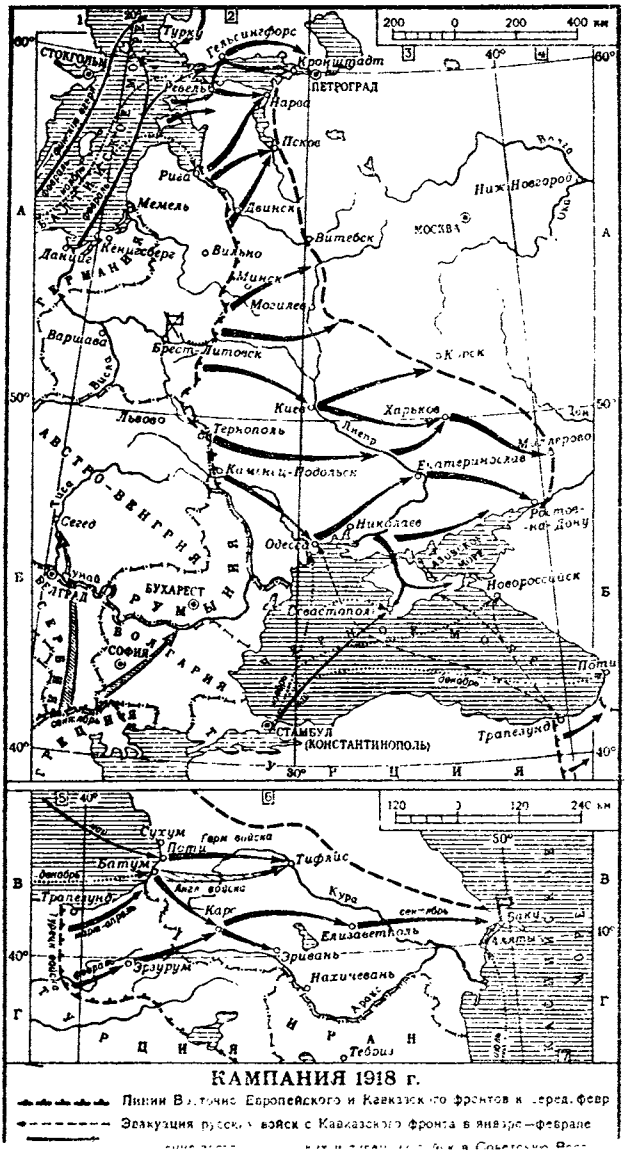
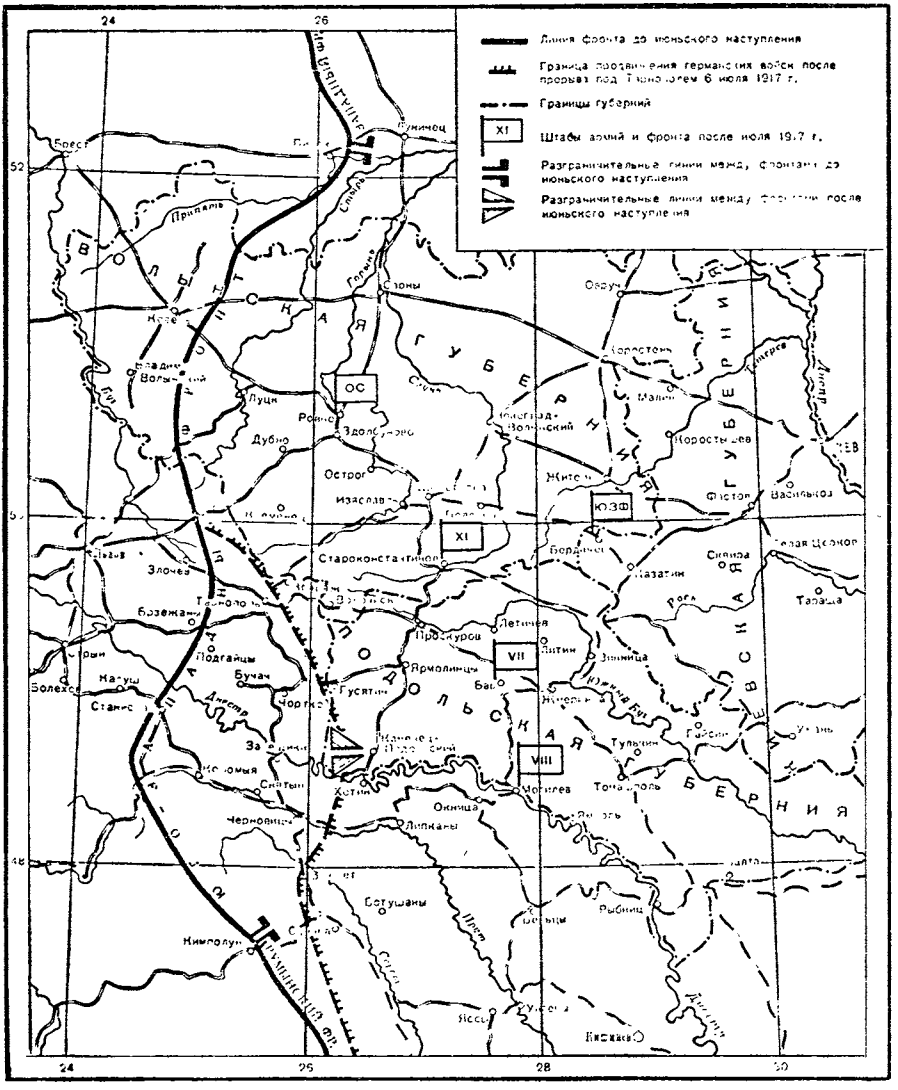
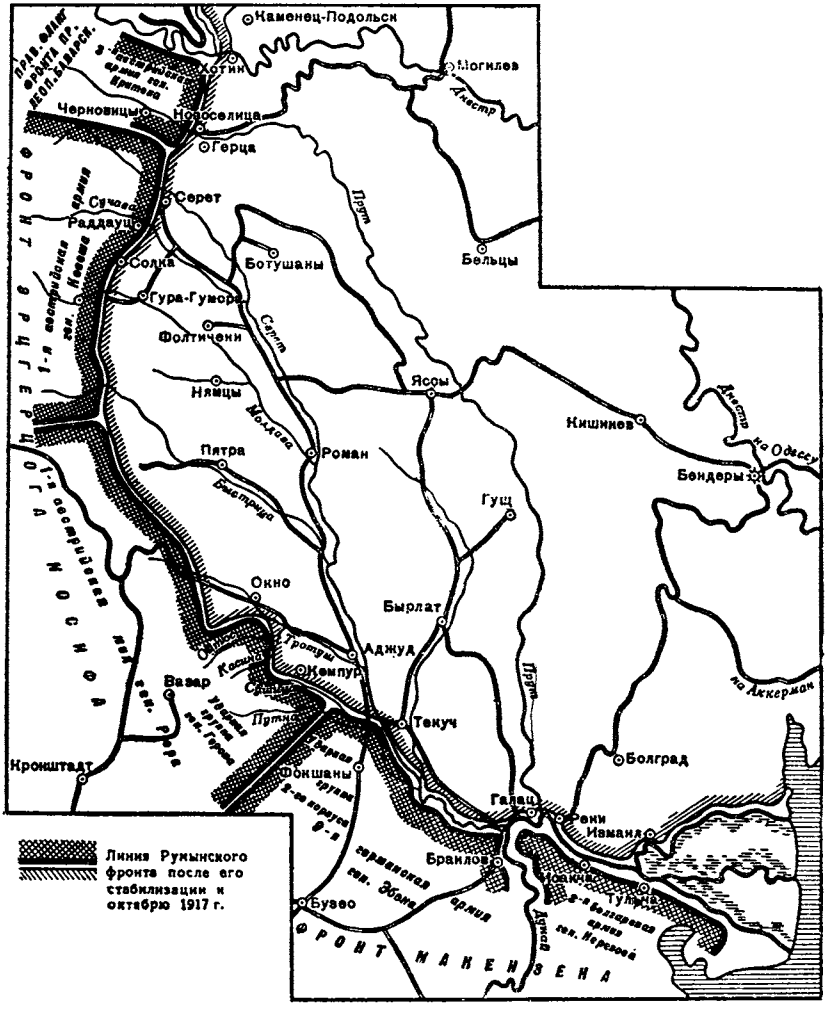


Схема Кавказского
театра военныхъ дѣйствій
Масштабъ
въ дюймѣ 20 верстъ
С
Ю
Эрзерумъ
Мамахатунъ
Кеги
Хнысъ кала
Мушъ
Кульпъ
Р. Ефратъ
Копъ
Мелязгертъ
Патносъ
Арджишъ
Адильджеваз
Оз. Ванъ
Битлисъ
Кара-су
Кюфра
Сгертъ
Мокусъ
Шатахъ
Восхеиръ
Ванъ
Вастанъ
Оз. Аргакъ гель
Аргакъ
Сарай
Котуръ
Баязетъ
Диадинъ
Арзанъ
Маку
Дяяръ
Алашкертъ
Кара-ки лиса
Дутахъ кебиръ
Зарабъ хана
Хорсанъ
Каракуртъ
Кагызманъ
Джуламеркъ


КАМПАНИЯ 1918 г.
Линии в Восточно-Европейского и Кавказского фронтов к середине февр
Эвакуация русских войск с Кавказского фронта в январе—феврале
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
Гельсингфорс
Кронштадт
Ревель
Нарва
Псков
Рига
Двинск
Витебск
Нижний Новгород
Мемель
Вильно
Минск
Могилев
Варшава
Брест-Литовск
Курск
Киев
Харьков
Львов
Тернополь
Днепр
Екатеринослав
Каменец-Подольск
Ростов-на-Дону
Одесса
Николаев
Новороссийск
Севастополь
БУХАРЕСТ
РУМЫНИЯ
СОФИЯ
БОЛГАРИЯ
СТАМБУЛ (КОНСТАНТИНОПОЛЬ)
Трапезунд
Батум
Сухум
Поти
Тифлис
Баку
Карс
Эрзерум
Эривань
Нахичевань
Елизаветполь
Тебриз
ТУРЦИЯ
ИРАН
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
ГЕРМАНИЯ
ТУРЦИЯ
ИРАН

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ В 1917 ГОДУ.




Каменец-Подольск
Хотин
Могилев
Днестр
Черновицы
Новоселица
Герца
Серет
Сучава
Раддауц
Солка
Ботушаны
Бельцы
Прут
Гура-Гумора
Фолтичени
Серет
Нямцы
Ясоы
Кишинев
Днестр на Одессу
Молдава
Пятра
Роман
Бендеры
Быстрица
Гущ
Окно
Бырлат
Тротуш
Аджуд
Кемпур
Касина
Вазар
Путна
Текуч
Прут
на Аккерман
Болград
Кронштадт
Фокшаны
Галац
Рени
Измаил
Браилов
Исакча
Тульча
Бузео
Дунай
ФРОНТ ЭРЦГЕРЦОГА КОСИФА
ФРОНТ МАКЕНЗЕНА
Линия Румынского фронта после его стабилизации к октябрю 1917 г.

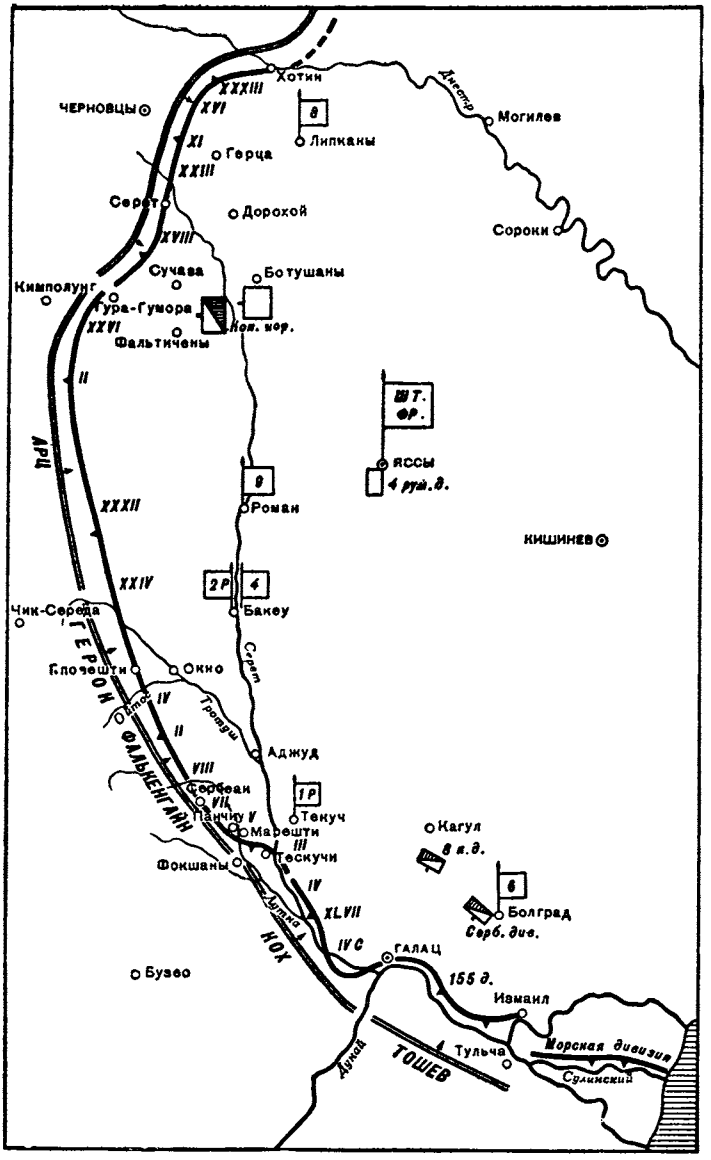


Схема расположения армий и корпусов Румынского фронта в октябре 1917 г.